

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

ТАНЕЦ С ДРАКОНАМИ

"Поглощающий, захватывающий... Стиль Мартина такой яркий, что вы увлечетесь за пару страниц" NOTABENOID

Annotation

Великая битва окончилась, но будущее Семи королевств снова висит на волоске – новые опасности грозят державе со всех сторон. На востоке Дейенерис Таргариен – последняя из дома Таргариенов – со своими тремя драконами правит городом, построенном на прахе и смерти. Её окружают враги, и имя им легион. Многие герои устремились в путь ко двору королевы Дейенерис. Но среди них есть и юноша, который отправляется в путешествие, затаив совершенно иной замысел.

На севере простёрлась

колоссальная Стена из льда и камня – крепость, что сильна лишь людьми, которые ее охраняют. Здесь Джон Сноу, 998-й лорд-командующий Ночного Дозора, принимает самый грозный вызов в своей жизни. И у него тоже есть враги – не только внутри Дозора, но и за Стеной, в краю ледяных созданий.

И скоро повсюду снова вспыхнут яростные схватки, совершатся новые предательства, и изгои и жрецы, солдаты и оборотни, лорды и простолюдины столкнутся с новыми, непреодолимыми на вид препятствиями. Кто-то падёт, а кто-то станет лишь сильнее перед лицом сгущающейся тьмы. Но в смутные

времена судьба и политика неизбежно сплетаются в танце — величайшем из всех...

Танец с Драконами — 5-ая книга цикла "Песнь Льда и Пламени", и на сегодняшний день рекордсмен по времени написания в цикле. Первоначально "Пир для воронов" и "Танец с драконами" были единой книгой, разделенной впоследствии из-за объема.

- [ДЖОРДЖ МАРТИН](#)
 - [ПОСВЯЩЕНИЕ](#)
 - [ПОЯСНЕНИЯ](#) [К](#)
 - [ХРОНОЛОГИИ](#)
 -

- [1. ПРОЛОГ](#)
- [2. ТИРИОН](#)
- [3. ДЕЙЕНЕРИС](#)
- [4. ДЖОН](#)
- [5. БРАН](#)
- [6. ТИРИОН](#)
- [7. СЛУГА КУПЦА](#)
- [8. ДЖОН](#)
- [9. ТИРИОН](#)
- [10. ДАВОС](#)
- [11. ДЖОН](#)
- [12. ДЕЙЕНЕРИС](#)
- [13. ВОНЮЧКА](#)
- [14. БРАН](#)
- [15. ТИРИОН](#)
- [16. ДАВОС](#)
- [17. ДЕЙЕНЕРИС](#)
- [18. ДЖОН](#)

- 19. ТИРИОН
- 20. ДАВОС
- 21. ВОНЮЧКА
- 22. ДЖОН
- 23. ТИРИОН
- 24. ДЕЙЕНЕРИС
- 25. ПРОПАВШИЙ ЛОРД
- 26. ГОНИМЫЙ ВЕТРОМ
- 27. СВОЕНРАВНАЯ
НЕВЕСТА
- 28. ТИРИОН
- 29. ДЖОН
- 30. ДАВОС
- 31. ДЕЙЕНЕРИС
- 32. МЕЛИСАНДРА
- 33. ВОНЮЧКА
- 34. ТИРИОН
- 35. БРАН

- 36. ДЖОН
- 37. ДЕЙЕНЕРИС
- 38. ПРИНЦ
ВИНТЕРФЕЛЛА
- 39. СТРАЖ
- 40. ДЖОН
- 41. ТИРИОН
- 42. ПЕРЕВЕРТЫШ
- 43. КОРОЛЕВСКИЙ
ТРОФЕЙ
- 44. ДЕЙЕНЕРИС
- 45. ДЖОН
- 46. СЛЕПАЯ ДЕВОЧКА
- 47. ПРИЗРАК
ВИНТЕРФЕЛЛА
- 48. ТИРИОН
- 49. ДЖЕЙМЕ
- 50. ДЖОН

- 51. ДЕЙЕНЕРИС
- 52. ТЕОН
- 53. ДЕЙЕНЕРИС
- 54. ДЖОН
- 55. СЕРСЕЯ
- 56. КОРОЛЕВСКИЙ
ГВАРДЕЕЦ
- 57. ЖЕЛЕЗНЫЙ ЖЕНИХ
- 58. ТИРИОН
- 59. ДЖОН
- 60. ПОКИНУТЫЙ РЫЦАРЬ
- 61. ОТВЕРГНУТЫЙ
ЖЕНИХ
- 62. ВОЗРОДИВШИЙСЯ
ГРИФОН
- 63. ЖЕРТВА
- 64. ВИКТАРИОН
- 65. МАЛЕНЬКАЯ

УРОДЛИВАЯ ДЕВОЧКА

- 66. СЕРСЕЯ
 - 67. ТИРИОН
 - 68. ЗАГОВОРЩИК
 - 69. _____ УКРОТИТЕЛЬ
ДРАКОНА
 - 70. ДЖОН
 - 71. ДЕСНИЦА КОРОЛЕВЫ
 - 72. ДЕЙЕНЕРИС
 - 73. ЭПИЛОГ
-

ДЖОРДЖ МАРТИН ТАНЕЦ С ДРАКОНАМИ

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Эта книга — моим
поклонникам*

*Для Lodey, Trebla,
Stego, Pod,*

*Caress, Yags, X-Ray and
Mr. X,*

*Kate, Chataya,
Mormont, Mich,*

*Jamie, Vanessa, Ro,
for Stubby, Louise,
Agravaine,*

*Wert, Malt, Jo,
Mouse, Telisiane,*

*Blackfyre,
Stone, Coyote's*

Daughter,

*и всех остальных
безумных мужчин и диких
женщин Братства Без
Знамен.*

*Для моих интернет-
волшебников:*

*Элио и Линды, лордов
сайта Вестерос,*

*Winter и Fabio с сайта
winter-is-coming,*

*Путера Гиббса с сайта
Dragonstone,*

*с которого всё
начиналось.*

*Для мужчин и женщин
с сайта Asshai в Испании,
которые пели нам о*

*медведе и девице на
ярмарке*

*потрясающих фанатов
в Италии,*

*которые дали мне так
много вина,*

*для моих читателей в
Финляндии, Германии,*

*Бразилии, Португалии,
Франции, и Нидерландах*

*и всех читателей
других дальних стран*

*которые ждали этот
танец*

*и для всех друзей и
поклонников,*

*с которыми я ещё не
встретился.*

*Благодарю за ваше
терпение*

ПОЯСНЕНИЯ К ХРОНОЛОГИИ

Знаю, с момента выхода предыдущей книги прошло немало времени. Так что уместно будет освежить память.

Вы держите в руках пятый том цикла "Песнь льда и пламени". Четвертым был "Пир для воронов". Однако эта книга не следует за предыдущей в традиционном смысле, а, скорее, идет с ним в тандеме.

Обе книги подхватывают повествование сразу же после окончания событий описанных в

третьей книги цикла — "Буря мечей". В то время как "Пир" сосредоточен на событиях, происходящих в Королевской Гавани, на Железных островах и в Дорне, "Танец" уводит нас к Черному Замку и Стене (а также за ее пределы) и на другую сторону Узкого моря, в Пентос и Залив Работоторговцев, чтобы рассказать о Тирионе Ланнистере, Джоне Сноу, Дейенерис Таргариен и других персонажах, которые отсутствовали в предыдущем томе. Повествование в этих двух книгах не последовательное, а параллельное... и разделено скорее географически, а не хронологически.

Но только до определенного

момента.

"Танец с драконами" — книга более объемная, нежели "Пир для воронов", она охватывает больший период времени. Во второй половине книги вы обнаружите, что некоторые персонажи из "Пира для воронов" снова выходят на сцену. И это означает именно то, что вы подумали: повествование выходит за временные рамки "Пира", и два потока снова сливаются в один.

На очереди "Ветра Зимы", в которых, надеюсь, всех вместе снова проберет до костей.

Джордж Р. Р. Мартин

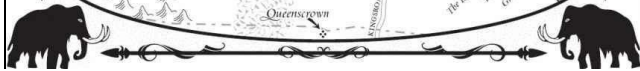
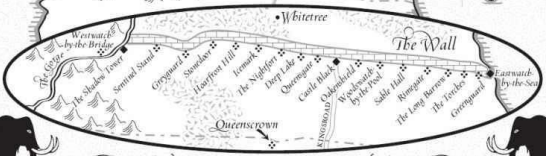
Апрель 2011

Beyond The Wall

*The Land of Always Winter
(unmapped)*

- KEY**
- Towns • Castles
 - ❖ Ruined Castles

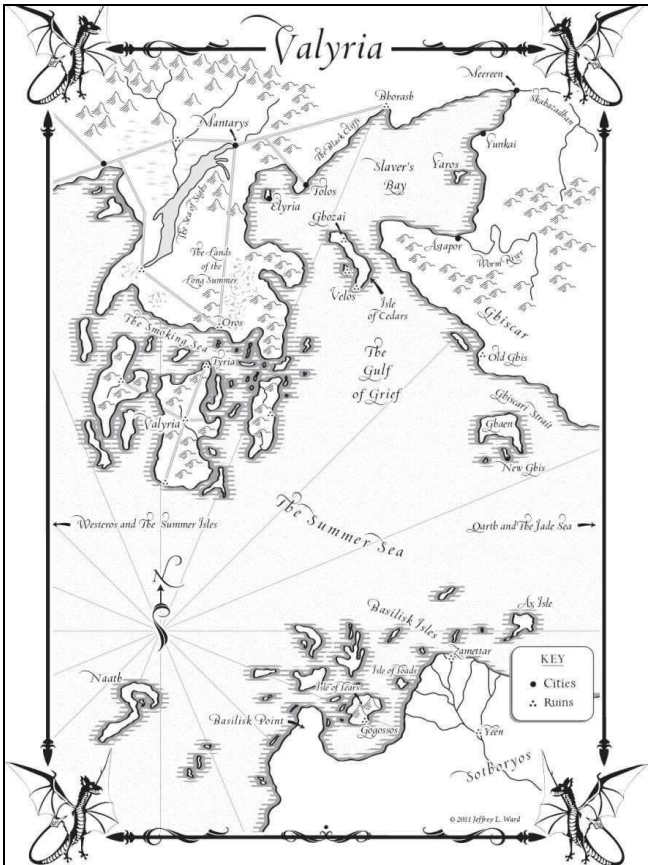

The Free Cities

KEY

- Cities
- Towns
- ⚭ Ruins

1. ПРОЛОГ

Ночь была пронизана запахом человека.

Варг остановился под деревом и принюхался; ветви отбрасывали причудливые тени на его бурую с проседью шкуру. Дуновение ветра донесло до варга не только благоухание хвои, но и запах человека, а с ним и другие, не такие резкие запахи — лисиц, зайцев, морских котиков, оленей и даже волков. Все эти запахи тоже принадлежали человеку, знал варг, это была вонь старых шкур, неживых, дублёных, едва уловимая на фоне

куда более отчётливых ароматов дыма, и крови, и разложения. Только человек сдирал шкуры с других зверей и носил на себе их кожу и шерсть.

Варги не боятся людей в отличие от волков. Ненависть и голод свели его брюхо, и он издал низкое рычание, взывая к своему одноглазому брату и маленькой хитрой сестре.

Он мчался между деревьев, а стая следовала за ним по пятам. Они тоже почуяли этот запах. Когда он бежал, он смотрел и их глазами, видя себя впереди. Из серых пастей при дыхании вылетали струйки тёплого, белого пара. Лапы покрылись

твёрдыми, словно камешки, льдинками, но охота уже началась, и впереди их ждала добыча. *Плоть*, подумал варг. *Мясо*.

Одинокий человек беззащитен. Большой и сильный, с хорошим острым зрением, но туг на ухо и глух к запахам. Олени и лоси, и даже зайцы быстрее него. Медведи и кабаны свирепей в схватке. Но в стае люди опасны. Когда волки приблизились к добыче, варг услышал поскуливание детёныша и треск ломавшейся под неуклюжими человеческими лапами замерзшей за ночь ледяной корки. Он услышал шуршание их задубевших шкур и скрежет длинных серых когтей,

которые люди несли в руках.

Мечи, прошептал его
внутренний голос, *копья.*

Деревья отрастили ледяные
клыки, свисающие с голых
коричневых ветвей. Одноглазый
промчался через подлесок, разметав
снег. Стая последовала за ним. Вверх
по холму, а затем вниз по склону,
пока лес не расступился перед ними,
а впереди не показались люди. Одна
была самкой. Она прижимала к груди
закутанный в мех комок — своего
детёныша. *Оставь ее напоследок,*
прошептал голос. *Самцы опаснее.*
Они что-то рычали друг другу, как
это обычно делают люди, но варг
почуял их страх. У одного был

деревянный зуб длиной с него самого. Он бросил его, но рука дрогнула, и зуб пролетел выше.

А затем стая настигла их.

Его одноглазый брат опрокинул метателя зуба в сугроб и вырвал ему глотку, пока тот брыкался. Его сестра проскользнула позади другого самца и разделалась с ним со спины. Ему же достались самка и ее щенок.

У нее тоже был зуб. Небольшой, сделанный из кости, но она выронила его, когда челюсти варга сомкнулись вокруг ее ноги.

Падая, она обеими руками обхватила своего пищавшего щенка. Под мехами у самки оказались лишь кожа да кости, но её груди были

полны молока. Но самым сладким было мясо щенка. Волк оставил лучшие куски своему брату. Стая насыщалась добычей, а замерзший снег вокруг тел окрашивался в розовый и красный цвета.

За многие лиги от них, в хижине из грязи и веток с соломенной крышей, дымовым отверстием и утопанной землёй вместо пола Варамир вздрогнул, закашлял и облизнул губы. Его глаза покраснели, губы потрескались, а во рту пересохло. Но вкус крови и жира заполнил его рот, даже несмотря на то, что надувшийся живот молил о еде. *Плоть ребёнка*, подумал он, вспоминая Шишака. *Человеческое*

мясо. Неужели он пал так низко, что стал есть человечину? Он почти наяву услышал рычание Хаггона: "Люди могут есть мясо животных, а животные — мясо людей, но человек, питающийся плотью человека — мерзость."

Мерзость. Любимое слово Хаггона. Мерзость, мерзость, мерзость. Поедание человеческого мяса — мерзость, спаривание с другим волком — мерзость, а переселение в тело другого человека — худшая из всех мерзостей. Хаггон был слабаком, боящимся собственной силы. Он подох в слезах и одиночестве, когда я вырвал из него его вторую жизнь. Варамир

лично съел его сердце. Он научил меня многому, и последнее, что я узнал от него — каково на вкус человеческое мясо.

Впрочем, в тот момент Варамир был волком. Он никогда не ел людского мяса своими зубами. Но и не осуждал свою стаю за устроенный пир. Волки страшно изголодались, как и он сам. Тощие, замерзшие и голодные, а добыча... двое мужчин и женщина с младенцем на руках, убегающие от поражения навстречу смерти. Им всё равно скоро настал бы конец, от усталости или от голода. А так было лучше и быстрее. Милосерднее.

— Милосерднее, — произнес он

громко.

Горло саднило, но как хорошо было слышать человеческий голос, пусть даже и свой собственный. Воздух разил сыростью и плесенью, земля промёрзла и затвердела, а от огня было больше дыма, чем тепла. Он придвинулся к пламени насколько смог, то и дело кашляя и дрожа. В боку заныло — там, где открылась рана. Кровь пропитала штаны до самых колен и превратилась в твердую коричневую корку.

Колючка предупреждала, что такое может случиться.

— Я зашила рану как смогла, — сказала она, — но тебе надо

отдохнуть и дать ей зажить, а то она снова откроется.

Колючка была последней из его спутников. Копьеносица, жесткая как древесный корень, с обветренным морщинистым лицом, покрытым бородавками. Остальные бросили их по пути. Один за другим они отставали либо уходили вперед, направляясь в свои старые обиталища, а может, к Молочной реке, а может, к Суровому Дому, или же навстречу одинокой смерти в лесах. Варамир этого не знал, да и не хотел знать. *Нужно было завладеть одним из них, когда была возможность. Одним из близнецов, или здоровяком со шрамом на лице,*

или рыжеволосым мальчишкой. Однако он испугался. Кто-нибудь из остальных мог сообразить, что случилось. И тогда они напали бы на него и прикончили. И ему не давали покоя слова Хаггона. Вот так он и упустил свой шанс.

После сражения тысячи бежали сквозь леса, голодные, испуганные, уходящие от резни, постигшей их у Стены. Одни твердили о возвращении в свои брошенные жилища, другие призывали снова напасть на ворота, но большинство просто растерялись, не зная, куда идти и что делать. Они спаслись от ворон в черных плащах и рыцарей в стальных доспехах, но теперь

столкнулись с самым безжалостным врагом. Каждый день на лесных тропах появлялись новые трупы. Некоторые умерли от голода, некоторые — от холода, некоторые — от болезней. Другие же — от рук своих братьев по оружию, с которыми они вместе шли на юг под началом Манса Налетчика, Короля-за-Стеной.

Манс пал, на разные лады твердили друг другу выжившие, Манса схватили, Манс погиб.

— Харма мертва, а Манса взяли в плен. Остальные разбежались и бросили нас, — говорила Колючка, зашивая его рану. — Тормунд, Плакальщик, Шестишкурый, все эти

храбрые бойцы. Где они сейчас?

Она меня не знает, понял тогда
Варамир, *да и откуда ей?* Без своего
зверинца он не походил на великого
мужа. *Я был Варамиром*
Шестишкурным, преломившим хлеб с
Мансом Налетчиком. Он назвался
Варамиром, когда ему было десять
лет. *Имя достойное лорда,*
достойное песен, могучее имя,
вселяющее страх. Однако он удирал
от ворон, как испуганный кролик.
Ужасный лорд Варамир трусливо
сбежал, но он бы не вынес позора,
узнай об этом копыеносица. Потому
и сказал, что его зовут Хаггон.
Впоследствии он удивлялся, почему
из всех имён, которые можно было

выбрать, с его губ слетело это. *Я съел его сердце, выпил его кровь, а он всё преследует меня.*

В какой-то из дней их побега сквозь леса проскакал всадник на тощем белом жеребце, вещавший, что всем им следует идти к Молочной реке, где Плакальщик собирает войско, чтобы пересечь с ним Мост Черепов и захватить Сумеречную Башню. Многие пошли за ним, но большинство остались. После могучий воин в мехах и янтаре пронёсся от лагеря к лагерю, призывая всех выживших отправляться на север и укрепиться в долине Теннов. Почему он считал безопасным это место, когда сами

Тенны покинули его, Варамир так и не узнал, но сотни людей пошли за ним. Еще сотни побрели за лесной ведьмой, которой было видение о кораблях, приплывших, чтобы доставить вольный народ на юг. "Нам нужно идти к морю," — кричала Матушка Кротиха, и её приверженцы повернули на восток.

Варамир отправился бы с ними, будь у него больше сил. Хотя море, серое и холодное, было так далеко. И он знал, что ему не дойти туда живым. Он умер уже девять раз и умирал сейчас, только на этот раз будет по-настоящему. *Беличий плащ*, — вспоминал он, — *он зарезал меня из-за беличьего плаща.*

Прежняя хозяйка плаща была мертва. Затылок разбит в красную кашу с кусочками костей, но плащ выглядел плотным и теплым. Шёл снег, а все свои плащи Варамир потерял у Стены. Шкуры, на которых спал, и шерстяное исподнее, сапоги из овечьей кожи и меховые перчатки, запасы медовухи и еды, пряди волос женщин, с которыми он делил постель, даже золотые кольца, подаренные ему Мансом — всё было потеряно и брошено. *Я горел, я умер, а потом я побежал, почти обезумев от боли и ужаса.* Он по-прежнему стыдился этого, но он был такой не один. Другие тоже бежали. Сотни, тысячи. *Битва была проиграна.*

Пришли рыцари, непобедимые в своей стальной броне. Они убивали всех, кто продолжал сражаться. Выбор был прост: бежать или сдохнуть.

Однако от смерти не так-то легко убежать. Вот Варамир и не заметил мальчишку, когда нашёл в лесу мёртвую женщину и опустился на колени, чтобы снять с неё плащ. Мальчик выскочил из укрытия и метнул в него длинный костяной нож, а затем вырвал плащ из его сведённых судорогой пальцев.

— Его мать, — сказала Колючка после того, как мальчишка убежал, — это был плащ его матери, и когда он увидел, что ты ее

грабишь...

— Она была мертва, — поморщился от боли Варамир, когда костяная игла проколола ему кожу, — кто-то разбил ей голову. Какая-нибудь ворона.

— Не ворона. Рогоногие. Я видела это, — она вытащила иглу, стягивая края раны. — Дикари. А кто их теперь усмирит?

Никто. Если Манс мертв, вольный народ обречен. Тенны, великаны, рогоногие, гнилозубые пещерные люди и люди с западного берега со своими костяными колесницами... все они тоже обречены. Даже вороны. Эти ублюдки в чёрных плащах, может,

еще не знают, но они погибнут со всеми. Враг близко.

Грубый голос Хагтона эхом звучал в его голове:

— Ты умрёшь дюжину раз, мальчик, и всякий раз смерть будет мучительной... Но когда придёт твоя истинная смерть, ты проживешь еще одну жизнь. Говорят, вторая жизнь проще и слаще.

Варамир Шестишкурый скоро узнает, так ли это. Он почуял свою настоящую смерть в клубах едкого дыма. Ощутил её в жаре своего тела, когда сунул руку под одежду и прикоснулся к ране. Его бил озноб, пробирая до костей. Может, на этот раз его убьет холод.

В последний раз его убил огонь. *Я горел.* Сначала, в замешательстве, он подумал, что его пронзил горячей стрелой один из лучников со Стены... Но огонь пожирал его изнутри. А эта боль...

Варамир уже умирал девять раз. Один раз от удара копьём, в другой раз ему перегрыз горло медведь, а однажды он истёк кровью, рожая мёртвого детёныша. Первой смертью он умер в шесть лет, когда отец раскроил ему череп топором. Но даже это не так мучительно в сравнении с огнем, опаляющим внутренности, потрескивающим на крыльях, пожирающим его. Попытавшись улететь от этой боли,

он только раздул пламя сильнее и сделал его ещё жарче. Только что он парил над Стеной и его орлиные глаза отмечали движение людишек внизу. И вот уже огонь превратил сердце в чёрную головешку, вернул его душу в собственное тело, и он на какое-то время обезумел. Одного воспоминания об этом хватило, чтобы заставить его вздрогнуть.

Тут он заметил, что очаг потух.

Осталась лишь серо-черная кучка пепла с несколькими светящимися углями. *Дым еще есть, нужно просто подбросить дров.* Стиснув зубы от боли, Варамир дотянулся до груды веток, которые собрала Колючка, прежде чем ушла

охотиться, и бросил в пепел.

— Держи, — прохрипел он, — гори.

Он дул на тлеющие угли, вознося немую мольбу безымянным богам лесов, гор и полей.

Боги не отвечали. Через некоторое время даже дым перестал идти. В хижине стало холоднее. У Варамира не было ни кремня, ни трута, ни сухой растопки. Самому ему ни за что не разжечь огонь снова.

— Колючка, — закричал он хриплым от боли голосом, — Колючка!

У неё был острый подбородок, плоский нос, а на щеке родинка с четырьмя черными волосками.

Уродливое и неприятное лицо, но он многое бы отдал, чтобы увидеть её в дверях хижины. *Надо было завладеть ею до того, как она ушла.* Давно ли она ушла? Два дня назад? Три? Варамир не мог вспомнить. В хижине было темно, он то и дело засыпал и не знал точно, день на улице или ночь.

— Жди, — сказала она, — я вернусь с едой.

Так он и ждал, как дурак. Ему снились Хаггон, Шишак и все ошибки его долгой жизни. Но дни и ночи шли, а Колючка так и не возвращалась. *Она не вернется.* Варамир задался вопросом, не выдал ли он себя. Могла ли она понять это

просто по его виду, или же он проболтался в бреду?

Мерзость, услышал он голос Хаггона. Это прозвучало так, будто он был здесь, в этой самой хижине.

— Она всего лишь уродливая копыеносица, — сказал ему Варамир, — а я великий человек. Я Варамир, варг и оборотень, это несправедливо, что она будет жить, а я умру.

Никто не ответил. Никого здесь не было. Колючка ушла. Бросила его, как и все остальные.

Родная мать тоже его бросила. *Она оплакивала Шишака, но меня никогда.* Тем утром, когда отец вытащил его из кровати, чтобы

отвести к Хаггону, она даже не взглянула на него. Когда его тащили в лес, он кричал и брыкался, пока отец не дал ему пощечину и не велел замолчать.

— Твое место — с такими же как ты, — все что он сказал, бросив его к ногам Хаггона.

Он не ошибался, вздрогнув, подумал Варамир. Хаггон многому меня научил. Охотиться и рыбачить, свежевать тушу и чистить рыбу от костей, искать дорогу в лесу. И он научил меня пути варга и тайнам оборотня, хотя мой дар был сильнее его собственного.

Спустя годы он пытался найти своих родителей и рассказать им, что

их Комок стал великим Варамиром Шестишкурый, но они были уже мертвы и сожжены. *Стали деревьями и ручьями, камнями и землей. Стали прахом и пеплом.*

В точности как говорила лесная ведьма в день, когда умер Шишак. Комок не хотел быть комком земли. Мальчик мечтал о дне, когда барды воспоют его подвиги, а смазливые девчонки будут его целовать. *Когда я вырасту, то стану Королем-за-Стеной*, пообещал себе Комок. И он им почти стал. Варамир Шестишкурый, одно это имя внушало людям страх. Он ехал на битву верхом на белой медведице ростом в тринадцать футов; ему

подчинялись три волка и сумеречный кот, и он сидел по правую руку от Манса Налётчика. *Это из-за Манса я сейчас здесь. Не надо было его слушать. Нужно было залезть в медведицу и порвать его на куски.*

До Манса Варамир Шестишкурый был кем-то вроде лорда. Он жил в доме из мха, грязи и тесаных брёвен, который когда-то принадлежал Хаггону; при нем были звери. В дюжине деревень его встречали хлебом-солью и сидром, приносили плоды из своих садов. Мясо он добывал себе сам. Когда он желал женщину, то посылал за ней сумеречного кота; и на какую бы девушку он ни положил глаз, она

смиренно шла в его постель. Некоторые плакали, но все-таки приходили. Варамир давал им свое семя, срезал прядь волос на память и отсылал обратно. Иногда какой-нибудь сельский смельчак приходил с копьем, чтобы сразить чудовище и спасти сестру, невесту или дочь. Таких он убивал, но никогда не причинял вреда женщинам. Некоторых даже одарил детьми. *Щенки. Маленькие, хилые создания, как Комок, и ни у кого не было дара.*

От страха он поднялся на ноги. Пошатываясь и держась за бок, чтобы остановить кровь из раны, Варамир направился к выходу, прикрытому рваной шкурой. Отдернул её и

оказался перед белой стеной. *Снег.* Неудивительно, что внутри стало так темно и душно. Падающий снег завалил хижину.

Когда Варамир толкнул эту стену, мягкий и влажный снег осыпался, открывая выход. Снаружи была ночь, белая, как смерть; бледные тонкие облака танцевали перед серебряной луной, а тысячи звезд равнодушно на это смотрели. Он видел горбатые очертания засыпанных снегом хижин, а за ними — бледную тень закованного в лёд чардрева. К югу и западу простиралась огромная белая пустыня, в ней ничто не двигалось, кроме летящего снега.

— Колючка, — слабо позвал Варамир, соображая, как далеко она могла уйти. — *Колючка. Женщина. Где ты?*

Вдалеке завыл волк.

Дрожь пробежала по телу Варамира. Он знал этот вой так же хорошо, как некогда Комок знал голос своей матери. *Одноглазый*. Он был старший из трёх, самый большой и свирепый. Бродяга был легче, быстрее и моложе, а Хитрая — ловчее, но оба боялись Одноглазого. Матерый волк. Бесстрашный, безжалостный и дикий.

Варамир потерял власть над остальными своими зверями во время агонии, вызванной смертью

орла. Сумеречный кот умчался в лес, белая медведица набросилась на людей и убила четверых, прежде чем ее проткнули копьем. Убила бы и Варамира, попадись он ей. Медведица ненавидела его и приходила в ярость всякий раз, как он входил в её шкуру или взбирался ей на спину.

Но его волки...

Мои братья. Моя стая. Много холодных ночей он провел со своими волками, прижимаясь к их косматым телам, чтобы сохранить тепло. *Когда я умру, они попируют моей плотью, и оставят лишь кости, которые покажутся с оттепелью.* Как ни странно, эта мысль его успокоила.

Волки часто добывали ему еду во время их странствий, и будет правильно, если в конце он станет едой для них. И он вполне может начать свою вторую жизнь, терзая еще теплую плоть своего трупа.

Легче всего было вселяться в собак. Они живут так близко к человеку, что сами почти как люди. Скользнуть в собачью шкуру — все равно что надеть старый разношенный сапог. Как сапог создан для ноги, так и собака — для ошейника, хоть этот ошейник никто из людей и не видит. С волками было труднее. Человек может подружиться с волком, даже сломить его волю, но никто не может по-настоящему

приручить волка.

— Волки и женщины связывают на всю жизнь, — часто говорил Хаггон, — когда берешь его — это брак. С этого дня волк — часть тебя, а ты — часть его. Вы оба меняетесь.

Других зверей лучше не трогать, говорил охотник. Коты тщеславны и жестоки, всегда готовы предать. Лоси и олени — добыча: если долго носить их шкуру, то даже самый храбрый человек станет трусом. Медведи, кабаны, барсуки, ласки... Хаггон с ними не связывался.

— Некоторые шкуры ты никогда не захочешь надеть, мальчик. Тебе не понравится то, во что ты превратишься.

Птицы, по его мнению, были хуже всего.

— Человек не должен покидать землю. Пробудеешь слишком долго в облаках — и уже не захочешь возвращаться назад. Я знаю оборотней, которые пробовали ястребов, сов, ворон. Потом они даже в собственной шкуре всё время пилились в чертово небо.

Но не все оборотни думали так же. Однажды, когда Комку было десять, Хаггон взял его на сбор подобных им. В основном там были варги, братья-волки, но мальчик встретил и других, странных и увлекательных. Боррок очень походил на своего кабана, ему не хватало

только клыков. У Орелла был орел, у Бриар — сумеречный кот (как только Комок их увидел, тоже захотел себе кота), и еще Гризелла с козлом...

Но никто из них не был сильнее Варамира Шестишкурого, даже Хаггон — высокий и зловещий, с твердыми как камень руками. Охотник умер плача, когда Варамир отобрал у него Серую Шкуру — вошел в него и забрал зверя себе. *Не будет у тебя второй жизни, старик.* Тогда он называл себя Варамиром Трёхшкурным. С Серой Шкурой стало четыре, хотя это был старый волк, тощий и почти беззубый, и вскоре он присоединился к Хаггону на том свете.

Варамир мог взять любого зверя, какого хотел, подчинить своей воле, сделать его плоть своей. Собака или волк, медведь или барсук...

Колючка, подумал он. Хаггон назвал бы это мерзостью, чернейшим из всех грехов, но Хаггон мертв, съеден и сожжен. Манс бы тоже его проклял, но Манса убили или взяли в плен. *Никто и не узнает. Я стану копыеносицей Колючкой, а Варамир Шестишкурый умрет.* Он предполагал, что его дар погибнет вместе с его телом. Он потеряет своих волков и проведет остаток дней костлявой женщиной с бородавками... но он будет жить. *Если она вернется. И у него*

останутся силы захватить ее.

У Варамира закружилась голова. Он очнулся на коленях, с руками по локоть в сугробе. Зачерпнул пригоршню снега, наполнил им рот, втирал его в бороду и потрескавшиеся губы, всасывал влагу. Вода была такой холодной, что он с трудом её проглотил. И снова почувствовал, какой сильный у него жар.

Талый снег обострил голод. Желудок требовал еды, а не воды. Снег прекратился, но ветер усилился, наполняя воздух кристаллами. Они резали лицо, пока он пробивался через сугробы, а рана на боку то открывалась, то снова закрывалась.

Пар вырывался изо рта белыми облачками. Он добрался до чардрева и нашел упавшую ветку; её длины хватило, чтобы сделать костыль. Опираясь на него, он побрел к ближайшей хижине. Может, жители что-то забыли, когда убегали... мешок яблок или немного сушеного мяса. Что-нибудь, что поможет продержаться до возвращения Колючки.

Он уже почти дошел, когда костыль треснул под его весом и ноги ушли из-под него.

Варамир не смог бы сказать, сколько он валялся, окрашивая снег кровью. *Снег похоронит меня. Это будет мирная смерть. Говорят, к*

концу становится тепло и хочется спать. Хорошо бы снова ощутить тепло. Хотя ему стало грустно при мысли, что он никогда не увидит зеленые земли, теплые земли по ту сторону Стены, о которых пел Манс.

— Мир за Стеной не такой, как наш, — всегда говорил Хаггон, — вольный народ боится оборотней, но и уважает нас. А к югу от Стены коленопреклоненные охотятся на нас и забивают, как свиней.

Ты предупреждал меня, подумал Варамир, но ведь это ты показал мне Восточный Дозор. Ему было не больше десяти. Хаггон тогда обменял дюжину янтарных бус и сани, покрытые шкурами, на шесть мехов с

вином, кирпич соли и медный котел. Восточный Дозор был более подходящим местом для торговли, чем Черный Замок: туда приходили корабли, нагруженные товарами из сказочных заморских стран. Вороны знали Хаггона как охотника и друга Ночного Дозора и ждали новостей о жизни за Стеной, которые он приносил. Некоторые знали, что он оборотень, но никто не упоминал об этом. Именно там, в Восточном Дозоре-у-Моря, мальчик начал мечтать о тёплом юге.

Варамир чувствовал, как на лице тают снежинки. *Это не так ужасно, как гореть. Дай мне заснуть и не буди. Дай мне начать вторую*

жизнь. Его волки были теперь близко. Он чувствовал их. Он покинет это неможное тело и станет одним из них, будет охотиться по ночам и выть на луну. Варг станет настоящим волком. *Но которым?*

Не Хитрая. Хаггон назвал бы это мерзостью, но Варамир часто проскальзывал в ее шкуру, когда ее покрывал Одноглазый. Он не хотел бы провести свою новую жизнь сукой, разве что не будет выбора. Бродяга, молодой самец, подошёл бы лучше... Хотя Одноглазый больше и свирепей, и именно он брал Хитрую, когда у той была течка.

— Говорят, что ты забываешь, — рассказывал ему Хаггон за несколько

недель до собственной смерти. — Когда плоть человека умирает, его дух живет внутри зверя, но с каждым днем память слабеет, и зверь становится чуть меньше варгом и чуть больше волком, пока не исчезнет все человеческое и не останется только звериное.

Варамир знал, что это правда. Когда он захватил орла, который принадлежал Ореллу, то чувствовал ярость другого оборотня от его присутствия. Орелла убил ворона-перевертыш Джон Сноу. Ненависть Орелла к убийце была столь сильна, что и Варамир возненавидел гадкого мальчишку не меньше. Он понял, кем был Сноу, когда увидел большого

белого лютоволка, тихо ступавшего рядом с ним. Один оборотень всегда чувствует другого. *Манс должен был позволить мне взять лютоволка.*

Вторая жизнь в теле лютоволка была бы достойна короля. Он не сомневался, что смог бы им завладеть. У Сноу был сильный дар, но его никто не обучал. И он до сих пор боролся со своей природой вместо того, чтобы гордиться ей.

Варамир видел красные глаза, глядящие на него из белого ствола чардрева. *Боги испытывают меня.* Дрожь прошла по его телу. Он делал плохие вещи, просто ужасные. Крал, убивал, насиловал. Набивал брюхо человеческой плотью и лакал кровь

умирающих, когда она хлестала, красная и горячая, из их разорванных глоток. Выслеживал врагов по лесу, бросался на них, когда они спали, выцарапывал кишки из животов и разбрасывал их по грязной земле. *Каким сладким их мясо было на вкус.*

— Это был зверь, не я, — сказал он хриплым шепотом, — вы дали мне этот дар.

Боги не ответили. Пар изо рта шел бледным туманом. Он чувствовал, как в бороде твердеет лёд. Варамир Шестишкурый закрыл глаза.

Ему снился знакомый сон о лачуге у моря, трёх скулящих собаках, женских слезах.

Шишак. Она плачет по Шишаку, и никогда не плачет по мне.

Комок родился на месяц раньше срока, и так часто болел, что никто не думал, что он выживет. Мать почти до четырёх лет не давала ему имени, а потом было уже слишком поздно. Вся деревня привыкла звать его Комком — именем, которое сестра Меха дала ему, когда он был еще в чреве у матери. Меха дала имя и Шишаку, но младший брат Комка родился в срок — большим, розовым и крепким, жадно сосущим материнскую грудь. Она собиралась назвать его в честь отца.

Но Шишак умер. Умер, когда ему было два, а мне — шесть, за три

дня до именин.

— Твой малыш теперь с богами, — говорила лесная ведьма горевавшей матери. — Он никогда не будет страдать и голодать, не будет плакать. Боги взяли его в землю, в деревья. Боги везде вокруг нас, в камнях и ручьях, в птицах и зверях. Твой Шишак ушел, чтобы быть с ними. Он будет во всём, и всё будет в нём.

Слова старой женщины пронзили Комка как нож. *Шишак видит. Он наблюдает за мной. Он знает.* Комок не мог спрятаться от него, не мог укрыться за материнской юбкой или убежать с собаками от гнева отца. *Собаки. Бесхвостый,*

Нюх, Ворчун. Они были хорошими собаками. Моими друзьями.

Когда отец нашел собак, они обнюхивали труп Шишака. Он не мог знать, кто это наделал, и занёс топор на всех трех. Его руки так тряслись, что Нюх замолчал с двух ударов, Ворчун свалился с четырех. Тяжелый запах крови повис в воздухе, визг умирающих собак был ужасен. Но Бесхвостый всё равно подошёл, когда отец подозвал его. Он был самой старой собакой, и выучка пересилила страх. Когда Комок скользнул в него, было уже поздно.

Не надо, отец, пожалуйста, пытался он сказать, но собаки не умеют говорить по-человечески, и

оставалось только жалобно скулить. Топор расколол череп старого пса, и в тот же миг в хижине вскрикнул мальчик. *Вот так они и узнали.* На третий день отец потащил его в лес. Он взял топор, и Комок решил, что с ним будет как с собаками. Вместо этого его отдали Хаггону.

Варамира разбудили внезапно и грубо. Всё его тело тряслось.

— Просыпайся, — кричал голос, — вставай, нам нужно идти. Их сотни.

Снег покрыл его холодным белым одеялом. *Так холодно.* Когда он попытался сдвинуться, оказалось, что рука примёрзла к земле. Освобождаясь, он ободрал кожу.

— Вставай, — закричала она
опять, — они приближаются.

Колючка вернулась к нему. Она схватила его за плечи, трясла, кричала ему в лицо. Варамир чувствовал её дыхание и ощущал её тепло, хотя щеки окоченели от холода. *Сейчас, подумал он, сделай это сейчас или умри.*

Он собрал все силы, вышел из своего и насильно вошел в её тело.

Колючка выгнулась и вскрикнула.

Мерзость.

Это она, он или Хаггон? Он так и не узнал. Его старое тело завалилось в сугроб, когда её пальцы разжались. Копьеносица яростно

изгибалась и визжала. Сумеречный кот обычно дико дрался с ним, а белая медведица на время впадала в безумие, хватала деревья, камни и просто пустой воздух, но сейчас было хуже.

— Убирайся, убирайся, — он слышал крик из её рта.

Её тело шаталось, падало и вставало, руки молотили воздух, ноги дергались во все стороны в каком-то нелепом танце, пока их души боролись за её плоть. Она втянула морозный воздух, полмгновения Варамир упивался его вкусом и силой этого молодого тела, пока ее зубы не сомкнулись и его рот не наполнился кровью. Она подняла

свои руки к его лицу. Он попытался опустить их, но руки не подчинялись, и она вцепилась ему в глаза. *Мерзость*, вспомнил он, утопая в крови, боли и безумии. Когда он попытался закричать, она выплюнула их язык.

Белый свет перевернулся и пропал. На мгновение он как будто оказался внутри чардрева и смотрел оттуда красными вырезанными глазами на то, как умирающий мужчина слабо дергается, лежа на земле, а безумная женщина, слепая и в крови, танцует под луной, плачет красными слезами и рвет на себе одежду. Затем оба исчезли, а он поднимался, растворялся; его дух

летел с порывом холодного ветра. Он был в снеге и в облаках, был воробьем, белкой, дубом. Филин бесшумно пролетел между деревьями, охотясь на зайца. Варамир был в филине, в зайце, в деревьях. Глубоко в мерзлой почве земляные черви слепо рылись в темноте, и ими он тоже был. *Я — лес, и все что в нём*, ликовал он. Сотни воронов каркая взлетели в воздух, почувствовав его присутствие. Огромный лось взревел, потревожив детей, прижавшихся к его спине. Сонный лютоволк поднял голову и зарычал в пустоту. Лишь мгновение — и он уже оставил их в поисках своей стаи:

Одноглазого, Хитрой и Бродяги. Волки спасут его, сказал он себе.

Это была его последняя человеческая мысль.

Настоящая смерть пришла внезапно. Он ощутил удар холода, как будто нырнул в ледяную воду замерзшего озера. Оказалось, что он мчится по залитому лунным светом снегу, а чуть позади бежит его стая. Половина мира потемнела. Он понял: *Одноглазый*. Он завыл, и Хитрая с Бродягой отозвались эхом.

На гребне холма волки остановились. *Колючка*, вспомнил он. Одна его часть скорбела по тому, что он потерял, а другая — по тому, что он сделал. Мир внизу

превратился в лед. Пальцы мороза медленно обвили чардрово, касаясь друг друга. Пустая деревня больше не была пустой. Голубоглазые тени бродили среди сугробов. Кто-то в коричневом, кто-то в чёрном, кто-то совсем без одежды, их кожа была белой как снег. Ветер прошёл по холмам, принеся с собой запахи: мертвая плоть, высохшая кровь, кожа. Шкуры смердели плесенью, гнилью и мочой. Хитрая зарычала и оскалила зубы, шерсть на загривке поднялась дыбом. *Не люди. Не добыча. Не эти.*

Существа внизу двигались, но не жили. Один за другим они поднимали головы к трём волкам на холме.

Последним взглянуло существо, которое раньше было Колючкой. Она была в шерсти, мехах и коже, а поверх одежды лежала изморозь, которая хрустела при движении и сверкала в лунном свете. Бледно-розовые сосульки свисали с кончиков её пальцев — десять длинных ножей из застывшей крови. В углублениях, где раньше были ее глаза, мерцал бледно-голубой свет, придавая её грубым чертам зловещую красоту, которой никогда не было при жизни.

Она меня видит.

2. ТИРИОН

Он пил всю дорогу через Узкое море.

Корабль был невелик, каюта Тириона еще меньше, а капитан запретил ему высовываться на палубу. Качка вызывала у него рвотные спазмы, а никудышная еда становилась еще отвратительнее, когда выходила наружу. Но зачем есть солонину, твердый сыр и хлеб, изъеденный червями, когда можно пить красное, кислое и очень крепкое вино? Правда, вином он тоже иногда блевал, но всегда можно было выпить еще.

— Мир наполнен вином, — бормотал он во тьме своей каюты. Его отец терпеть не мог пьяных, но что с того? Отец мертв. Он его убил. *Стрела в живот, милорд! Только для вас. Если бы я только умел обращаться с арбалетом получше, непременно всадил бы стрелу в член, которым ты меня сделал, сраный ублюдок.*

В трюме не было ни дня ни ночи. Тирион отмечал дни по появлению в каюте юнги с едой, к которой он не притрагивался. Мальчик неизменно приносил с собой щетку и ведро для уборки.

— Это дорнийское вино? — как-то спросил он мальчишку,

вытаскивая пробку из меха. — Оно напоминает мне об одном змее, которого я знал. Забавный был парень, пока его не придавило горой.

Юнга не ответил. Он был довольно уродливым, хотя и куда привлекательнее, чем некий карлик с обрубком носа и шрамом от глаза до подбородка.

— Я тебя чем-то обидел? — спросил Тирион, пока мальчик прибирался. — Тебе приказали со мной не разговаривать? Или, может, какой-то карлик отпятил твою матушку? — Это тоже осталось без ответа. — Куда мы плывем? Ответь хотя бы на это. — Джейме что-то упоминал о Вольных Городах, но ни

о каком конкретном не говорил. — В Браавос? Тирош? Мир? — Тирион предпочёл бы отправиться в Дорн. *Мицелла старше Томмена, и по дорнийским законам Железный Трон принадлежит ей. Я бы помог ей взойти на него, как предлагал Принц Оберин.*

Но Оберин мертв, Григор Клиган превратил его голову в кровавое месиво своим железным кулаком. Станет ли Доран Мартелл даже думать о подобном, без поддержки Красного Змея за спиной? *Скорее он закует меня в кандалы и отправит обратно к дражайшей сестрице.* На Стене было бы безопаснее. Старый Медведь

Мормонт говорил, что Ночному Дозору нужны люди вроде Тириона. *Хотя Мормонта, возможно, уже нет в живых.* Тогда новым Лордом Командующим вполне могли назначить Слинта. А этот сын мясника вряд ли позабудет, кому он обязан своей ссылкой на стену. *Да и хочу ли я провести остаток своей жизни, поедая овсянку с солониной в компании воров и убийц?* Не особенно, тем более, что остаток этот обещает быть недолгим. Уж Янос Слинг за этим проследит.

Юнга намочил щетку и принялся решительно оттирать пол.

— Ты когда-нибудь бывал в борделях Лисса? — осведомился

карлик. — Может быть, это туда отправляются шлюхи? — Тирион не мог припомнить, как будет "шлюха" на валирийском, да и в любом случае было уже поздно: мальчик бросил щетку в ведро и удалился.

Вино затуманило мой разум. Он научился читать на высоком валирийском, еще сидя на коленях у своего мастера, хотя то, на чем говорят в девяти Вольных Городах... это скорее уже не валирийский, а девять его диалектов, которые постепенно становились отдельными языками. Еще Тирион знал несколько слов на браавосском и немного болтал на мирийском. А благодаря одному наемнику, которого он знал

еще в Утесе Кастерли, на тирошском он мог богохульствовать, обозвать человека мошенником и заказать кружку эля. *В Дорне, по крайней мере, говорят на общем языке.* Как и дорнийская пища и дорнийские законы, дорнийская речь имела привкус Ройна, но ее можно было понять. *Да, Дорн это по мне.* Он добрался до койки, хватаясь за эту мысль, словно ребенок за куклу.

Сон никогда не давался Тириону Ланнистеру легко. А на борту этого треклятого корабля и подавно, хотя время от времени он ухитрялся напиваться до такого состояния, что ему удавалось ненадолго отключиться. По крайней мере, ему

не снились сны. За его недолгую жизнь их было предостаточно. *И о таких глупостях вроде любви, правосудия, дружбы и славы. Как и снов, в которых он становился высоким.* Все это было ему недоступно, теперь Тирион это понял. Одного он только не понял — куда отправляются шлюхи.

"Куда все шлюхи отправляются", таковы были последние слова его отца. *Его последние слова, и какие слова.* Арбалет тренькнул, лорд Тайвин осел назад, и Тирион Ланнистер оказался в темноте, ковыляющим бок о бок с Варисом. Должно быть, он каким-то чудом сумел спуститься по шахте на двести

тридцать ступенек туда, где сияли оранжевые угли в глотке железного дракона. Он ничего этого не помнил. Только звук арбалетного выстрела и вонь отцовских потрохов. *Даже умирая, он ухитрился меня обгадить.*

Варис вел его сквозь туннели, но они не обмолвились и словом, пока не добрались до Черноводной, на которой Тирион одержал великую победу и оставил половину носа. Здесь карлик повернулся к евнуху и тоном, которым человек обычно сообщает о том, что он уколол палец, сказал:

— Я убил своего отца.

Мастер над шептунами был одет как нищенствующий брат: в побитый

молью халат из грубой небеленой ткани с капюшоном, который скрывал его гладкие толстые щеки и круглую лысую голову.

— Вам не стоило подниматься по той лестнице, — вымолвил он с неодобрением.

"Куда все шлюхи отправляются". Тирион предупреждал отца не произносить этого слова. *Если б я не выстрелил, он бы решил, что это все мои пустые угрозы. Он отобрал бы у меня арбалет, как когда-то отобрал Тишу. Он уже поднимался, когда я его убил.*

— Шаю я тоже убил, — признался он Варису.

— Вы знали, кем она была.

— Знал. Но никогда не думал, кем окажется он.

Варис хихикнул:

— А теперь знаете.

Нужно было прикончить и евнуха тоже. Чуть больше крови на его руках, какая разница? Он не мог сказать, что тогда удержало его кинжал. Точно не благодарность. Варис спас его от палача, но только потому, что на него нажал Джейме. Джейме... нет, лучше о нем не думать.

Вместо этого он открыл новый мех с вином и присосался к нему, как к женской груди. Кислое красное сбежало по подбородку и пропитало грязную тунику — ту же самую, в

которой он сидел в камере. Палуба раскачивалась у него под ногами, а когда он попытался встать, резко накренилась в сторону и стукнула его о переборку. *Это шторм, дошло до него. Или же я напился сильнее, чем обычно.* Его стошнило вином, и некоторое время он валялся в луже, размышляя, не утонет ли корабль. *Это твоя месть, отец? Неужто Всевышний Отец назначил тебя своей Десницей?*

— Такова расплата за отцеубийство, — произнес он под завывания ветра снаружи. Ему показалось несправедливым топить юнгу, капитана, и всех остальных за то, что натворил он один, но когда

это боги поступали справедливо? И при этой мысли тьма поглотила его.

Когда он снова пришел в себя, его голова была готова взорваться, а корабль совершал тошнотворные круговые маневры, хотя капитан настаивал, что они прибыли в порт. Тирион попросил капитана заткнуться и слабо брыкнулся, когда здоровенный лысый матрос подхватил его одной рукой и отнес, извивающегося, в трюм, где его дожидалась пустая винная бочка. Она была низкая и маленькая, тесная даже для карлика. Все, на что был способен Тирион — это обмочиться. Его запихнули в бочку вниз головой, так что колени оказались прижатыми

к ушам. Обрубок носа ужасно чесался, но руки были сдавлены так сильно, что он не мог даже пошевелиться, чтобы его почесать. *Паланкин прямо по моему росту,* подумал он, когда забивали крышку. Он услышал крики, когда его поднимали из трюма. При каждом отскоке его череп стучался о дно бочки. Мир завертелся, когда ее скатывали вниз, а потом она остановилась с таким грохотом, что он чуть не заорал. Затем другая бочка врезалась в него, и Тирион прикусил язык.

Это было самое долгое путешествие в его жизни, хотя вряд ли оно длилось более получаса.

Бочку поднимали и опускали, катили и укладывали в кучу, переворачивали, ставили ровно и вновь куда-то катили. Сквозь деревянные планки доносились крики людей, а один раз неподалеку заржала лошадь. Хилые ноги Тириона свело судорогой, и вскоре они заболели так сильно, что заставили позабыть о гудящей голове.

Все закончилось как и началось: еще одним перекатыванием, от которого у него закружилась голова и осталось еще больше ушибов.

Снаружи доносилась речь на незнакомом языке... Кто-то принялся долбить бочку сверху и внезапно крышка с треском открылась. Внутрь хлынул свет и свежий воздух, Тирион

жадно вздохнул и попытался встать, но смог только опрокинуть бочку и вывалиться на плотно утрамбованный земляной пол.

Над ним возвышался невероятно толстый мужчина с раздвоенной желтой бородой, сжимающий в руках деревянный молоток и железную стамеску. Его рубаха легко могла бы послужить шатром на турнире, а небрежно связанный пояс был расстегнут, выставляя напоказ огромное белое брюхо и пару больших грудей, висевших, словно два мешка с салом, покрытых жесткими желтыми волосами. Он напомнил Тириону мертвую морскую корову, которую однажды выбросило

на берег возле пещер Утеса Кастерли.

Толстяк глянул вниз и ухмыльнулся:

— Пьяный карлик, — произнес он на общем языке Вестероса.

— Вонючая морская корова, — рот Тириона был полон крови. Он выплюнул ее на ноги толстяка.

Они находились в длинном тусклом погребе со сводчатыми потолками и каменными стенами, запятнанными селитрой. Их окружали бочки с вином и элем, которых было более, чем достаточно, чтобы поддержать одного страдающего от жажды карлика в течение ночи. *Или всей оставшейся*

Жизни.

— А ты дерзок. Мне нравится это в карликах.

Когда толстяк рассмеялся, его плоть затряслась так энергично, что Тирион испугался, как бы тот не упал и не раздавил его.

— Ты голодный, мой маленький друг? Уставший?

— Томимый жаждой, — Тирион с трудом поднялся на колени. — И немытый.

Толстяк втянул носом воздух:

— Да, ванна прежде всего. Потом еда и мягкая кровать, верно? Мои слуги позаботятся об этом, — он отложил инструменты в сторону. — Мой дом — твой дом.

Друг моего заморского друга — друг Иллирио Мопатиса. Да.

А друг Паука Вариса — последний, кому бы я стал доверять!

Толстяк, однако, не подвел с обещанной ванной. Едва Тирион погрузился в горячую воду и закрыл глаза, как тут же уснул. Он проснулся обнаженным, на перине из гусяного пуха — столь мягкой, что казалось, будто он провалился в облако. Язык был шершавым, в горле пересохло, зато член был словно железный прут. Он скатился с кровати, разыскал ночной горшок и наполнил его, постанывая от удовольствия.

В комнате стоял полумрак, но в щели между ставнями пробивались

желтые лучи солнечного света. Тирион стряхнул последние капли и поковылял по мирийскому ковру, мягкому, словно первая весенняя травка. Он неуклюже вскарабкался на кресло у окна и распахнул ставни, чтобы посмотреть, куда Варис и боги отправили его.

Под окном, как часовые вокруг мраморного бассейна, росли шесть вишен; их тонкие ветки были голыми и бурыми. Обнаженный мальчик с клинком наемного убийцы в руке стоял в воде, приготовившись к дуэли. Стройный и симпатичный, не старше шестнадцати лет, с прямыми светлыми волосами, достигающими до плеч. Он выглядел таким живым, что

карлик не скоро осознал: мальчик сделан из раскрашенного мрамора, хотя его меч сверкал словно настоящая сталь.

За бассейном вставала кирпичная стена высотой в двенадцать футов с железными пиками наверху. За ней находился город. Вокруг залива теснилось море черепичных крыш. Он увидел квадратные кирпичные башни, огромный красный храм, далекое поместье на холме. У горизонта солнечный свет отражался от глубокой воды. Через бухту сновали рыбацкие лодки, их паруса трепетали на ветру, и он смог различить мачты кораблей, причаливших к берегу.

Наверняка один из них направляется в Дорн или в Восточный Дозор-у-Моря. Однако у него не было денег, чтобы заплатить за поездку, и грести он бы тоже не смог. Пожалуй, я мог бы наняться юнгой и отработать проезд, позволив команде трахать меня всю дорогу через Узкое море.

Ему стало интересно, куда его занесло. *Даже воздух здесь пахнет по-другому.* Странные ароматы витали в прохладном осеннем воздухе, а с улиц за стеной до него доносился слабый отзвук незнакомой речи. Язык был похож на валирийский, но он мог разобрать лишь одно слово из пяти. *Нет, это не Браавос, решил он. Но и не Тирош.*

Облетевшие деревья и холодный ветер также говорили против Лисса, Мира и Волантиса.

Услышав звук открывающейся двери за спиной, Тирион обернулся к своему толстому хозяину.

— Это Пентос, не так ли?

— Точно. Где ж еще нам быть?

Пентос. Да уж, не Королевская Гавань, что и говорить.

— Куда отправляются шлюхи? — услышал он собственный вопрос.

— Здесь, как и в Вестеросе, шлюх можно найти в любом борделе. Но тебе они не потребуются, мой маленький друг. Выбирай любую из моих служанок. Ни одна не посмеет

тебе отказать.

— Рабыни? —

многозначительно уточнил карлик.

Толстяк погладил один из зубцов своей напояженной желтой бороды жестом, показавшимся Тириону в высшей степени неприличным.

— Рабство в Пентосе запрещено по условиям соглашения, заключенного нами с Браавосом сотню лет тому назад. Тем не менее, они тебе не откажут, — Иллирио неуклюже поклонился. — А сейчас мой маленький друг должен меня извинить. Я имею честь быть магистром этого города, и нас призывает к себе на совещание принц, — он улыбнулся,

продемонстрировав полный рот кривых желтых зубов.

— Если хочешь, прогуляйся по поместью и его угодыям, но не вздумай выбираться за стену. Лучше никому не знать, что ты был здесь.

— *Был?* Разве я еще куда-то собираюсь?

— Вечером будет предостаточно времени обсудить это. Мы с моим маленьким другом поедим, выпьем и составим великие планы, да?

— Да, мой толстый друг, — ответил Тирион.

Он хочет использовать меня для собственной выгоды. Торговые принцы Вольных городов всегда думали только о собственной выгоде.

"Солдаты пряностей и сырные лорды", с презрением отзывался о них его отец. Если как-то утром Иллирио Мопатис вдруг решит, что для него больше пользы от мертвого карлика, чем от живого, то уже вечером он вновь окажется упакованным в бочку. *И лучше бы мне убраться отсюда, пока это день не настал.* А в том, что он настанет, Тирион нисколько не сомневался: Серсея ни за что его не простит, да и Джейме не поблагодарит за стрелу в отцовском брюхе.

Легкий ветерок взволновал воду в пруду вокруг мальчика с мечом. Это напомнило ему, как Тиша трепала его волосы во время их фальшивого

медового месяца, до того, как он помог отцовским солдатам изнасиловать ее. За время своего бегства он часто думал о тех солдатах, пытаясь припомнить, сколько же их было. Казалось, что такое не забывается, но нет. Десять? Дюжина? Сотня? Он не мог сказать. Они все были взрослыми мужчинами, высокими и сильными... хотя тринадцатилетнему карлику все мужчины кажутся великанами. *Тиша точно знала, сколько их было.* Каждый дал ей серебряного оленя, так что ей нужно было просто сосчитать монеты. *Серебряный за каждого из них и золотой от меня.* Отец настоял,

чтобы он тоже заплатил.
Ланнистеры всегда платят свои долги.

"Куда все шлюхи отправляются",
вновь услышал он голос лорда
Тайвина и звук тренькнувшей тетивы.

Магистр пригласил его
осмотреть поместье. Тирион
разыскал чистую одежду в сундуке из
кедра, украшенного ляписом и
перламутром. Облачаясь, он понял,
что та была сшита на ребенка. Ткань
выглядела довольно дорогой, разве
что несколько старомодной, но
штаны были велики, а рукава —
коротки. Воротник же оказался
таким узким, что, попытайся он его
застегнуть, лицо бы почернело

похуже, чем у Джоффри. Мошь над ней тоже славно потрудилась. *По крайней мере она не воняет рвотой.*

Свое обследование Тирион начал с кухни, где обнаружились две толстухи и поваренок, которые с опаской наблюдали за тем, как он накладывает себе сыр, хлеб и фиги.

— Доброго утра, милые дамы, — обратился он к ним с поклоном. — Вы случаем не в курсе, куда отправляются шлюхи?

Когда они не ответили, он повторил свой вопрос на высоком валирийском, хотя вместо слова "шлюхи" употребил "куртизанки". На этот раз более молодая и толстая повариха пожала плечами.

Ему стало интересно, что будет, если он возьмет их под руки и потащит в спальню. *Ни одна не посмеет тебе отказать,* заявил Иллирио, но Тириону что-то подсказывало, что эти две не входили в их число. Женщина помоложе годилась ему в матери, а та, что постарше, могла быть матерью первой. Обе были почти такими же толстыми, как Иллирио, с сиськами больше головы Тириона. *Я могу просто утонуть в их телах.* Хотя были способы умереть и похуже этого. Например так, как умер его отец. *Нужно было сперва заставить его высрать немного золота.* Лорд Тайвин всегда был скуп на похвалы и

привязанности, но неизменно щедр, если дело заходило о золоте. *Только одно на всем свете может быть печальнее безносого карлика — нищий безносый карлик.*

Тирион оставил толстух с их хлебом и кастрюлями, и отправился на поиски винного погреба, в котором Иллирио прошлой ночью достал его из бочки. Найти его не составило труда. Здесь было столько вина, что можно было не просыхать сотню лет: сладкие красные вина Простора и сухие красные из Дорна, янтарное вино Пентоса и зеленый нектар из Мира, три десятка бочек борского золотого и даже вина сказочного Востока — из Миэрина,

Кварта, и Асшая, что у края Тени. Наконец, Тирион выбрал бочонок крепленого вина, отмеченный личной печатью лорда Рунсфорда Редвина — дедушки нынешнего лорда Бора. У него был терпкий, обжигающий вкус и такой глубокий пурпурный цвет, что в полумраке винного погреба оно казалось черным. Тирион наполнил чашу и бутылъ вдобавок, и понес их в сад, чтобы выпить под вишнями, которые видел из окна.

Вышло так, что он ошибся дверью и не сумел их отыскать, но это не имело значения. Сады с другой стороны дома оказались такими же прекрасными и даже

более обширными. Он немного побродил по ним, прихлебывая вино. Окружающие его стены могли бы посрамить любой настоящий замок, а венчающие их декоративные пики выглядели удивительно голыми без украшения из человеческих голов. Тирион представил себе, как смотрелась бы голова сестры на одной из них: со смолой на золотых волосах, облепленная мухами, роящимися вокруг распахнутого рта. *О да, и голова Джейме по соседству,* решил он. *Никто не смеет разлучать моего брата с сестрой.*

Будь у него верёвка с крюком, он мог бы перелезть через эту стену. У него крепкие руки и небольшой вес.

Он сумеет перебраться на ту сторону, если при этом не насадит себя на пику. *Завтра поищу веревку*, принял он решение.

За время своей прогулки он насчитал трое ворот: главный вход с привратницкой, задняя дверь возле псарни и садовая калитка, скрытая в зарослях плюща. Последняя была заперта, остальные хорошо охранялись. Охранники были толстыми, с гладкими, словно детские попки, лицами, и каждый из них носил остроконечный бронзовый шлем. Тирион распознал евнухов с первого взгляда. Он кое-что слышал об их репутации. Говорили, что они ничего не боялись, не чувствовали

боли, и до смерти были верны своему хозяину. *Мне бы пригодилась сотня-другая таких, как эти,* подумал он. *Жаль, что я не подумал об этом до того, как стал нищим.*

Он прошел через колоннаду и под остроконечной аркой и очутился в вымощенном плиткой дворике, где прачка возле колодца полоскала хозяйское белье. С виду она была примерно его возраста, с тусклыми рыжими волосами и широким, конопатым лицом.

— Хочешь вина? — обратился он к ней. Она неуверенно посмотрела на него. — У меня нет еще одной чаши, поэтому можем разделить мою, — прачка вернулась

к своему занятию, выжимая белье и вешая его сушиться. Тирион устроился на каменной скамье с бутылкой в руке.

— Скажи мне, насколько я могу доверять магистру Иллирио? — при звуке этого имени она подняла глаза. — Настолько? — усмехнувшись, он скрестил свои хилые ноги и сделал глоток. — Я не собираюсь играть в его игры, что бы этот торговец сыром для меня ни придумал, но как я могу отказать ему? У ворот стража. Может, ты могла бы вывести меня, спрятав под юбкой? Я был бы так тебе благодарен! Я бы даже женился на тебе. У меня уже есть две жены,

почему бы не обзавестись третьей. Ах, да, где же нам жить? — он выдал ей самую приятную улыбку из тех, что может изобразить человек, у которого нет половины носа. — Я тебе не говорил, что у меня есть племянница в Солнечном Копье? С Мирцеллой я бы мог сотворить в Дорне отличный переполох. Я бы мог устроить войну между племянницей и племянником, разве это не забавно?

Прачка повесила одну из туник Иллирио на веревку. Та была такой огромной, что легко могла бы служить парусом.

— Мне должно быть стыдно от подобных темных мыслей, ты

совершенно права. Вместо этого я лучше отправлюсь на Стену. Говорят, что все грехи прощаются, когда вступаешь в Ночной Дозор. Однако в этом случае, боюсь, мне не позволят оставить тебя, милашка. Никаких женщин в Дозоре, никаких симпатичных конопатых женушек, которые могли бы согреть холодную постель, только холодный ветер, солонина и немного пива. Как думаете, миледи, я буду казаться выше в черном? — он вновь наполнил чашу. — Что скажешь? Север или юг? Стоит ли мне отправиться искупать грехи или лучше наделать новых?

Прачка бросила на него

прощальный взгляд, забрала корзину и ушла. *Похоже, мне не удастся долго удерживать при себе жен,* подумал Тирион. Как-то незаметно его бутылка опустела. *Может, стоит пойти наполнить ее вновь?* Однако от крепленого вина кружилась голова, а ступенки в подвале были довольно крутыми.

— Куда отправляются шлюхи? — спросил он у белья, качающегося на веревке.

Возможно, об этом стоило спросить у прачки. *Не подумай, что я считаю тебя шлюхой, дорогая, но может ты знаешь, куда они отправляются?* Или у отца. "Куда все шлюхи отправляются", сказал тогда

лорд Тайвин. *Она любила меня. Она была дочкой ремесленника, она полюбила меня, вышла замуж, доверилась мне.*

Пустая бутылъ выскользнула из рук и покатилаcь по плиткам двора. Тирион слез со скамьи и пошел ее поднимать. Наклонившись, он заметил несколько грибов, растущих среди треснувших плит. Они были белыми, с пятнышками и ребристой кроваво-красной мякотью под шляпкой. Карлик вырвал один из них и понюхал. *Восхитительно, подумал он, и смертельно опасно.*

Грибов было ровно семь. Может, Семеро пытаются ему что-то этим сказать? Он собрал все, стащил с

веревки перчатку и бережно завернул их, после чего спрятал в карман. От этих усилий у него закружилась голова, поэтому он взобрался обратно на скамью, свернулся калачиком и закрыл глаза. Проснувшись, он обнаружил, что снова лежит в спальне, утопая в перине, а какая-то юная блондинка трясет его за плечо.

— Милорд, — сказала она. — Ваша ванна готова. Магистр Иллирио ожидает вас к трапезе через час.

Тирион оттолкнулся от подушек, положив голову на руки.

— Мне снится, или ты действительно разговариваешь на Общем языке?

— Да, милорд. Меня купили, чтобы услаждать короля, — она была голубоглазой и светлокожей, юной и гибкой.

— Уверен, что ты с этим справишься. Мне нужно выпить.

Она налила и подала ему чашу:

— Магистр Иллирио приказал, чтобы я терла вам спину и грела постель. Меня зовут...

— Мне это неинтересно. Ты знаешь, куда отправляются шлюхи?

Она покраснела.

— Шлюхи отдаются ради денег.

— Или ради украшений, платьев и замков. Но куда они все отправляются?

Девушка не понимала вопроса:

— Это загадка, милорд? Я в них не сильна. Вы скажете отгадку?

Нет, подумал он. Я и сам терпеть не могу загадок.

— Ничего я тебе не скажу. Сделай милость, ответь тем же.

Меня интересует только то, что находится у тебя между ног, едва не вырвалось у него. Слова уже были на языке, но каким-то чудом так и не слетели с губ. Она не Шая, напомнил себе карлик, просто дурочка, которая считает, что я играю с ней в загадки. По правде говоря, даже ее щель не особо интересовала его. Должно быть, я болен, или умер.

— Ванная, говоришь? Что ж, не

стоит заставлять ждать великого торговца сыром.

Пока он мылся, девушка мыла его ноги, терла спину и расчесывала волосы. После этого она втерла приятно пахнущую мазь в его икры, чтобы облегчить боль, и помогла вновь облачиться в детский наряд: старомодные штаны бордового цвета и голубой бархатный дублет, украшенный парчой.

— Милорд желает видеть меня после трапезы? — спросила она, зашнуровав его обувь.

— Нет. Я завязал с женщинами.
Со шлюхами.

Ему не понравилось, как легко девушка перенесла это

разочарование.

— Если милорд предпочитает мальчиков, я распоряжусь, чтобы кто-нибудь ожидал его в постели.

Милорд предпочел бы свою жену. Милорд предпочел бы девушку по имени Тиша.

— Только если он знает, куда отправляются шлюхи.

Девушка поджала губы. *Она меня презирает*, догадался он. *Но не сильнее, чем я сам себя презираю.* Хоть он и перетрахал кучу женщин, которым был отвратителен один его вид, в чем Тирион Ланнистер не сомневался, но все же некоторые из них, надо отдать им должное, хотя бы притворялись, что он им нравился.

Немножечко честного отвращения может быть даже освежающим, как брют после десертного вина.

— Знаешь, я передумал, — сказал он. — Ожидай меня в постели. Голая, если нетрудно, потому что я буду слишком пьян, чтобы разбираться с твоими нарядами. Рот держи закрытым, а ноги раздвинутыми, и мы оба отлично проведем время, — он бросил на нее плотоядный взгляд, надеясь, что она испугается, но в ответ заслужил только отвращение.

Никто не боится карликов. Даже лорд Тайвин не боялся, хотя у Тириона был арбалет.

— Ты стонешь, когда тебя

трахают? — спросил он ее.

— Если это угодно милорду.

— Возможно милорду будет угодно тебя задушить. Именно так я поступил с моей прежней шлюшкой. Думаешь, твой хозяин станет возражать? Определенно, нет. У него сотни таких, как ты, а я у него один, — на этот раз, когда он оскалился, то увидел тот страх, который хотел.

Иллирио возлежал на пышной тахте, пожирая острый перец и мелкий лучок из деревянного блюда. Его лоб был украшен испариной, а поросячьи глазки сияли над толстыми щеками. Драгоценности на его пальцах засверкали, когда он

взмахнул рукой: оникс и опал, тигровый глаз и турмалин, рубин, аметист, сапфир, изумруд, гагат и нефрит, черный бриллиант и зеленый жемчуг. *Я мог бы прожить годы, продавая эти кольца, задумался Тирион, однако, мне бы понадобился мясницкий тесак, чтобы присвоить их.*

— Проходи, присаживайся, мой маленький друг, — Иллирио пригласил его движением руки.

Карлик вскарабкался в кресло. Оно было слишком велико для него. Это был целый трон, приспособленный для могучей задницы магистра — украшенный подушками и оснащенный толстыми

прочными ножками, способными выдерживать его вес. Всю свою жизнь Тирион Ланнистер прожил в мире, который был слишком велик для него, но в доме Иллирио Мопатиса его чувство несоответствия приобрело гротескные масштабы. *Я словно мышь в пещере мамонта*, подумал он. *Но у мамонта неплохой винный погреб*. От этой мысли ему захотелось выпить. Он попросил вина.

— Как тебе девушка, которую я прислал? — осведомился Иллирио.

— Если бы я хотел девушку, я бы ее попросил.

— Если она тебе не угодила...

— Она сделала все, что от нее

требовалось.

— Надеюсь. Ее обучали в Лиссе, где лучше всех учат искусству любви. Королю она очень понравилась.

— Я убиваю королей, разве ты не слышал? — Тирион злобно улыбнулся поверх чаши с вином. — Мне не нужны королевские обеды.

— Как пожелаешь. Лучше приступим к еде, — Иллирио хлопнул в ладоши, и в комнату вбежали слуги.

Начали они с похлебки из крабов и удильщика и холодного супа из яиц с лаймом. Затем появились перепелки в меду, седло барашка, гусиная печень в винном соусе, пастернак в масле и молочный

поросенок. От одного вида этого изобилия Тириону стало дурно, но он заставил себя из вежливости попробовать ложку супа, и, едва попробовав, обо всем забыл. Хоть поварихи и были старыми и толстыми, но дело свое знали отменно. Никогда прежде он не ел ничего вкуснее, даже при дворе.

Обсасывая косточки куропатки, он спросил Иллирио про утренний вызов. Толстяк пожал плечами.

— Неприятности на востоке. Астапор пал, Миэрин тоже. Гискарские рабовладельческие города, настолько древние, что весь мир — юнец по сравнению с ними.

Поросенок был разрезан на

ломти. Иллирио дотянулся до одного с корочкой, взял руками, и обмакнул в сливовый соус.

— Залив Работоторговцев далеко от Пентоса, — Тирион насадил гусиную печенку на кончик ножа. *Отцеубийца проклят как никто, размышлял он, но я мог бы научиться наслаждаться этим адом.*

— Это так, — согласился Иллирио. — Но мир — это одна большая паутина, и никто не может прикоснуться к одной нити, не потревожив остальные. Еще вина? — Иллирио засунул в рот перец. — Впрочем, нет, есть кое-что получше, — он хлопнул в ладоши.

На звук пришел слуга с блюдом, накрытым крышкой. Он поставил его перед Тирионом, и Иллирио потянулся над столом, снимая крышку.

— Грибы, — объявил магистр, когда донесся запах. — С легким ароматом чеснока, купающиеся в масле. Мне сказали, что вкус весьма изысканный. Возьми один, мой друг. А лучше два.

Тирион уже понес толстый черный гриб в рот, когда что-то в голосе Иллирио вдруг заставило его остановиться на полпути:

— После тебя, милорд, — он толкнул блюдо к хозяину.

— Нет, нет, — магистр Иллирио

толкнул грибы обратно. На мгновение показалось будто озорной мальчишка выглянул из обрюзгшего тела торговца сыром. — После тебя, милорд. Я настаиваю. Повариха приготовила их специально для тебя.

— В самом деле? — Он вспомнил повариху, муку на ее ладонях, тяжелые груди, пронизанные темно-голубыми венами. — Очень мило с ее стороны, но... нет, — Тирион осторожно положил гриб обратно в озерцо масла, в котором он плавал.

— Ты слишком подозрителен, — Иллирио усмехнулся в свою желтую раздвоенную бороду. *Поди, каждое утро смазывает ее маслом, чтоб*

светилась как золото, решил Тирион. — Ты трус? Не слышал о тебе такого.

— В Семи Королевствах такое считается великим нарушением закона гостеприимства — травить своих гостей за ужином.

— Здесь тоже, — Иллирио потянулся к своему кубку с вином. — Впрочем, если самому гостю угодно распрощаться с жизнью, отчего ж хозяину не оказать ему услугу, верно? — он сделал глоток. — Магистр Орделло был отравлен грибами почти полгода назад. Не так уж это и больно, как мне сказали. Несколько кишечных спазмов, вспышка боли где-то за глазами, и

все. Лучше грибы, чем мечом по шее, не так ли? Зачем умирать со вкусом крови во рту, когда это может быть вкус масла и чеснока?

Карлик уставился в тарелку перед ним. От запаха масла и чеснока у него потекли слюнки. Какая-то его часть хотела этих грибов, даже зная, что они из себя представляют. Он был не настолько смел, чтобы воткнуть себе сталь в живот, но съесть кусочек гриба не так уж трудно. Это испугало его больше, чем он мог предполагать.

— Ты неправильно меня понял, — услышал он свой голос.

— Неужели? Любопытно. Если ты в ближайшее время хочешь

утонуть в вине, только скажи — все будет сделано, и довольно быстро. Пытаться утонуть, осушая кубок за кубком — лишняя трата времени, да и вина.

— Ты неправильно меня понял, — повторил Тирион, уже громче. Маслянные грибы сияли в свете ламп, темные и манящие. — У меня нет желания умирать, уверяю тебя. У меня есть... — его голос замер в неуверенности. *А что у меня есть? Жизнь, которую нужно прожить? Недоделанные дела? Дети чтобы их вырастить, земли чтобы ими править, женищина чтобы ее любить?*

— У тебя ничего нет, —

закончил за него магистр
Иллирио, — но мы можем это
изменить, — он вытащил гриб из
масла и с вожделением принялся
жевать его. — Восхитительно.

— Это неядовитые грибы, —
возмутился Тирион.

— Нет. Зачем мне травить
тебя? — магистр Иллирио съел еще
один гриб. — Нам следует доверять
друг другу. Давай, ешь, — он снова
хлопнул в ладоши. — Нам предстоит
большое дело. Мой маленький друг
должен поддерживать свои силы.

Слуги внесли цаплю,
фаршированную фидами, телячьи
котлеты, бланшированные в
миндальном молоке, сельдь в

сметане, жареный лук, вонючий сыр, блюда с улитками и сладкими булочками, и черного лебеда в оперении. Тирион отказался от лебеда, который напомнил ему ужин с сестрой. Вместо этого он положил себе кусок цапли, сельдь, и немного сладкого лука. Слуги наполняли его чашу каждый раз, едва он ее выпивал.

— Для такого коротышки, ты пьешь слишком много вина.

— Убийство родичей — нелегкий работенка. От неё жутко хочется пить.

Глаза толстяка сверкнули, словно драгоценности на его пальцах:

— В Вестеросе есть люди, считающие, что убийство лорда Ланнистера — отличное начало.

— Лучше им не упоминать об этом в присутствии моей сестрицы, иначе они быстро лишатся языка, — карлик разломил ломоть хлеба пополам. — А тебе бы стоило выбирать слова о моём семействе, магистр. Хоть я и убийца родичей, но я по-прежнему лев.

Похоже, веселью сырного лорда не было предела. Он шлепнул себя по жирной ляжке и сказал:

— Вы, вестеросцы, все одинаковы. Пришиваете себе на грудь кусочек шелка с какой-нибудь тварью, и внезапно становитесь

львами, драконами и орлами. Я могу отвести тебя к настоящему льву, мой маленький друг. Принц в своем зверинце держит целую стаю. Хочешь разделить с ними клетку?

Лорды Семи Королевств действительно слишком кичились своими гербами, был вынужден признать Тирион.

— Хорошо, — согласился он. — Ланнистеры — не львы. Но я все еще сын своего отца, и убью Джейме и Серсею сам.

— Как странно, что ты упомянул свою очаровательную сестру, — заметил Иллирио, поедая улиток. — Королева пообещала титул лорда всякому, кто доставит ей твою голову,

невзирая на происхождение.

Ничего иного Тирион и не ожидал.

— Коли уж ты решил принять её предложение, то заставь и раздвинуть для тебя ноги. Лучшая часть меня в обмен на лучшую часть ее — это будет честной сделкой.

— Я скорее обменяю тебя на золото, равное моему весу, — торговец сыром захохотал так сильно, что Тирион испугался, как бы тот не лопнул. — Все золото Утеса Кастерли, почему бы и нет?

— Золото можешь забрать, — сказал карлик, чувствуя облегчение от того, что его не затопило полупереваренными угрями и

сладостями из магистерского
брюха, — но Утес — мой.

— Именно так, — магистр
прикрыл рот рукой и издал могучую
отрыжку. — Как думаешь, король
Станнис вернет его тебе? Мне
говорили, он ставит законы превыше
всего. Твой брат надел белое,
поэтому по закону Вестероса ты —
законный наследник.

— Станнис, может, и подарит
мне Утес, — кивнул Тирион. — Но
есть еще крохотная проблема —
цареубийство и убийство отца. За это
он укоротит меня на голову, а я и так
довольно маленький. Но с чего это
ты решил, будто я собираюсь
присоединиться к Станнису?

— А зачем еще тебе отправляться на Стену?

— Станнис на Стене? — Тирион почесал нос. — Что, семь проклятых адов, Станнис делает на Стене?

— Дрожит от холода, я полагаю. В Дорне гораздо теплее. Может, ему следовало отправиться туда.

Тирион стал подозревать, что та конопатая прачка знала больше слов на Общем языке, чем пыталась показать.

— Моя племянница Мирцелла как раз в Дорне. И я подумывал, не сделать ли ее королевой.

Иллирио улыбнулся, когда слуги поставили перед ними чаши с черешней и сливками.

— Что бедное дитя тебе сделало, раз ты решил ее убить?

— Даже убийцы родичей не убивают *всех* своих родных, — обиделся Тирион. — Я сказал, что собираюсь короновать ее, а не убить.

Торговец сыром проглотил черешню.

— В Волантисе чеканят монету с короной на аверсе и черепом на реверсе. Но монета одна и та же. Короновать ее — все равно, что убить. Дорн, может, и поддержит Мирцеллу, но одного Дорна мало. Если ты настолько умен, как утверждали наши друзья, ты это и сам понимаешь.

Тирион взглянул на толстяка

другими глазами. Он прав в обоих случаях. Короновать ее — все равно, что убить. И я это понимаю.

— Пустые угрозы — это все, что у меня осталось. Эта, по крайней мере, заставит мою сестренку залиться горячими слезами.

Магистр Иллирио вытер сливки со рта тыльной стороной толстой ладони.

— Дорога к Утесу Кастерли проходит не через Дорн, мой маленький друг. И не вьется вдоль Стены. Но я уверяю тебя, такая дорога есть.

— Меня ведь признали изменником, цареубийцей и убийцей отца.

Эти разговоры о дорогах раздражали его. *Он что, считает все это детскими играми?*

— То, что сделал один король, другой может отменить. У нас в Пентосе есть принц, мой друг. Он устраивает балы и пиры, и разъезжает по городу в паланкине из слоновой кости и золота. Перед ним всегда шествуют три герольда: один с золотыми торговыми весами, второй — с железным мечом войны, а третий — с серебрянной плетью правосудия. В первый день каждого года он должен лишить девственности одну деву полей и одну деву морей, — Иллирио подался вперед, положив локти на стол. —

Но если пропадут посевы или будет проиграна война, мы режем ему глотку, дабы умилоstitивить богов, и избираем нового принца из числа сорока семейств.

— Напомни мне никогда не пытаться стать принцем Пентоса.

— А разве в твоих Семи Королевствах как-то по-другому? В Вестеросе нет ни мира, ни правосудия, ни веры... а скоро не станет и еды. Когда люди мрут от голода или дрожат от страха, они ищут спасителя.

— Они могут искать, но если все что они найдут — это Станнис...

— Нет. Не Станнис. И не Мирцелла, — желтая улыбка стала

шире. — *Другого*. Сильнее Томмена, великодушнее Станниса и с большими правами на трон, чем у Мирцеллы. Спаситель явится из-за моря, чтобы перевязать кровоточащие раны Вестероса.

— Прекрасные слова, — но Тириона они не впечатлили. — Слова — это ветер. И кто же он, этот проклятый Спаситель?

— Дракон, — торговец сыром увидел выражение его лица и рассмеялся. — Дракон с тремя головами.

3. ДЕЙЕНЕРИС

Она слышала, как мертвец поднимается по ступеням. Медленный, равномерный звук шагов опережал его, отзываясь эхом среди пурпурных колонн зала. Дейенерис Таргариен ожидала его на скамье из черного дерева, которую сделала своим тронem. Ее глаза были сонными, а серебряно-золотые волосы растрепаны.

— Ваше Величество, — сказал Барристан Селми, лорд-командующий ее Королевской гвардии, — вам не нужно смотреть на это.

— Он умер за меня, — Денистиснула на груди львиную шкуру. Под ней легкая белая льняная туника прикрывала ее до середины бедра. Ей снился дом с красной дверью, когда Миссандея разбудила ее. Одеваться было некогда.

— Кхалиси, — прошептала Ирри, — вы не должны прикасаться к мертвецу. Это к несчастью — прикасаться к мертвым.

— Только, если не вы сами убили его, — Чхику была крупнее Ирри, с широкими бедрами и тяжелой грудью. — Это всем известно.

— Известно, — согласилась Ирри.

Дотракийцы мудры в том, что касается лошадей, но могут быть полными глупцами во многом другом. *Кроме того, они всего лишь девчонки.* Служанки были ее ровесницами, на вид — взрослые женщины с черными волосами, бронзовой кожей и миндалевидными глазами, но все-таки девчонки. Их подарили ей, когда она вышла за кхала Дрого. Это Дрого подарил ей накидку, что была на ней — голову и шкуру *храккара*, белого льва Дотракийского моря. Шкура была слишком велика для неё и пахла плесенью, но в ней она чувствовала, будто ее солнце и звезды все еще был рядом.

Серый Червь появился на вершине лестницы первым, с факелом в руке. Его бронзовый шлем был увенчан тремя пиками. За ним следовали четверо Безупречных, неся на плечах мертвое тело. На их шлемах было лишь по одной пике, а лица выражали столь мало, что тоже казались отлитыми из бронзы. Воины положили тело к ее ногам. Сир Барристан поднял окровавленное покрывало. Серый Червь поднес факел поближе, чтобы она могла рассмотреть.

Лицо мертвеца было гладким и безволосым, но щеки разрезаны от уха до уха. Он был высоким, голубоглазым, с красивым лицом.

Уроженец Лисса или Старого Волантиса, захваченный пиратами и проданный в рабство в красный Астанор. Его глаза были открыты, а из ран сочилась кровь. Ран было больше, чем она могла сосчитать.

— Ваше Величество, — сказал сир Барристан, — на кирпичях в переулке, где его нашли, была нарисована гарпия...

— ...нарисована кровью, — Дейенерис уже знала, как это происходит. Сыны Гарпии устраивали резню по ночам и оставляли свой знак около каждой жертвы. — Серый Червь, почему этот человек был один? У него не было напарника? — По ее приказу, когда

Безупречные патрулировали улицы ночного Миэрина, они всегда ходили по двое.

— Моя королева, — ответил капитан, — Ваш слуга Стойкий Щит был не на службе прошлой ночью. Он направлялся в... некое заведение... выпить и найти компанию.

— Некое заведение? О чем ты говоришь?

— Дом удовольствий, Ваше Величество.

Бордель. Половина ее вольноотпущенников была из Юнкая, Мудрые Господа которого прославились обучением постельных рабов. *Путь семи вздохов.* Бордели

выросли как грибы по всему Миэрину. Это все, что они умеют. Им надо как-то выживать. Еда дорожала каждый день, в то время как плоть дешедела. Она знала, что в бедных районах между ступенчатыми пирамидами миэринской рабовладельческой знати были бордели на любой мыслимый эротический вкус. И все же...

— Что евнух надеялся найти в борделе?

— Даже тот, у кого нет мужского достоинства, в душе может все еще оставаться мужчиной, — ответил Серый Червь. — Мне говорили, что ваш слуга Стойкий Щит иногда платил женщинам из борделя за то,

чтобы они лежали рядом и держали его в объятьях.

Кровь дракона не плачет.

— Стойкий Щит, — сказала она без слез. — Это его имя?

— Если так угодно Вашему Величеству.

— Хорошее имя, — Добрые Господа Астапора не позволяли своим рабам-солдатам даже носить имена. Некоторые из Безупречных вернули себе прежние имена после того, как она их освободила, другие выбрали себе новые. — Известно, сколько человек напало на Стойкого Щита?

— Ваш слуга не знает. Много.

— Шестеро или больше, —

сказал сир Барристан. — Судя по ранам, на него напали со всех сторон. Его нашли с пустыми ножнами. Возможно, он сумел ранить кого-то из нападавших.

Дени молча помолилась о том, чтобы где-то сейчас один из Сынов Гарпии умирал, вцепившись в живот и корчась от боли.

— Почему они разрезали ему щеки подобным образом?

— Милостивая королева, — ответил Серый Червь, — убийцы затолкнули половые органы козла в горло вашего слуги Стойкого Щита. Ваш слуга убрал их перед тем, как принести тело сюда.

Они не могли скормить ему его

собственные гениталии. Астапорцы не оставили ему ни ствола, ни корня.

— Сыны Гарпии осмелели, — заметила Дени. До сих пор они ограничивались нападениями на безоружных вольноотпущенников, убивая на улицах или вламываясь в дома под покровом ночи, чтобы зарезать их в постелях. — Это первый из моих солдат, убитый ими.

— Первый, — предостерег сир Барристан, — но не последний.

Я все еще на войне, поняла Дени, но на этот раз сражаюсь с теньями. Она надеялась на передышку от убийств, на время для того, чтобы строить и исцелять.

Сбросив львиную шкуру, она

опустилась на колени рядом с трупом и закрыла убитому глаза, не обращая внимания на судорожный вздох Чхику.

— Стойкий Щит не будет забыт. Пусть его омоют, оденут в доспехи и похоронят в шлеме, со щитом и копьями.

— Как прикажет Ваше Величество, — сказал Серый Червь.

— Пошлите людей в Храм Граций и узнайте, не обращался ли кто-нибудь к Голубым Грациям с раной от меча. И объявите, что мы заплатим хорошую цену за меч Стойкого Щита. Расспросите мясников и пастухов и узнайте, кто кастрировал в последнее время

козлов, — возможно, какой-нибудь козопас признается. — Впредь с наступлением темноты ни один из моих людей не должен ходить в одиночку.

— Ваш слуга все исполнит.

Дейенерис откинула волосы:

— Разыщите мне этих трусов.

Разыщите их, чтобы я могла показать Сынам Гарпии, что это значит — будить дракона.

Серый Червь отдал честь. Безупречные вновь накрыли тело покрывалом, подняли его на плечи и вынесли из зала. Сир Барристан Селми задержался. Его волосы были седые, а в уголках бледно-голубых глаз образовались морщинки. Однако

спина его все еще оставалась прямой, и годы не отняли у него мастерства в обращении с оружием.

— Ваше Величество, — сказал он, — боюсь, ваши евнухи плохо подходят для задач, которые вы им поручаете.

Дени села на свою скамью и вновь накинута на плечи шкуру.

— Безупречные — мои лучшие воины.

— Солдаты, а не воины, если позволите, Ваше Величество. Они были созданы для битвы, чтобы стоять плечом к плечу за щитами, ошестинившись копьями. Их учили подчиняться — бесстрашно, совершенно, без размышлений и

промедления... а не разгадывать тайны или задавать вопросы.

— Рыцари подошли бы лучше? — Селми готовил для нее рыцарей, обучая детей рабов обращению с копьем и длинным мечом на вестеросский манер... но чем поможет копье против трусов, нападающих из теней?

— Не для этого, — признал старик. — И у Вашего Величества нет рыцарей кроме меня. Пройдут годы, прежде чем мальчики будут готовы.

— Тогда кто, если не Безупречные? Дотракийцы были бы еще хуже.

Дотракийцы сражаются верхом.

Всадники полезнее на открытых полях и холмах, чем на узких улицах и в переулках города. За разноцветными кирпичными стенами Миэрина ее власть была еще слабее. В огромных поместьях на склонах холмов все еще трудились тысячи рабов — выращивали пшеницу и оливки, пасли овец и коз, добывали медь и соль. Хранилища Миэрина были полны зерна, масла, оливок, сушеных фруктов и солонины, но запасы истощались, поэтому Дени отправила небольшой кхаласар под командованием трех своих кровных всадников на завоевание отдаленных городов, пока Бурый Бен Пламм со своими

Младшими Сыновьями защищал ее от вторжения Юнкая с юга.

Самую сложную задачу она доверила Даарио Нахарису, бойкому на язык Даарио с его золотым зубом, бородой в форме трезубца и плутовской улыбкой под пурпурными усами. За восточными холмами лежал хребет округлых гор из песчаника, Кхизайский перевал и Лхазар. Если Даарио сможет убедить лхазарян вновь открыть сухопутные торговые пути, то при необходимости зерно можно будет доставлять по реке или через холмы... но у ягнятников не было причин любить Миэрин.

— Когда Вороны-Буревестники

вернутся из Лхазара, возможно, я смогу использовать их на улицах, — сказала она сирю Барристану. — Но до тех пор у меня есть только Безупречные, — Дени встала. — Прошу простить меня, сир. Просители скоро придут к воротам, и мне надо надеть длинные уши и вновь стать их королевой. Пригласите Резнака и Бритоголового. Я приму их, когда оденусь.

— Как прикажет Ваше Величество, — поклонился Селми.

Великая Пирамида тянулась в небо на восемьсот футов, от огромного квадратного основания до величественной вершины, в которой находились покои королевы,

окруженные зеленою и благоухающими бассейнами. Когда холодный голубой рассвет забрезжил над городом, Дени вышла на террасу. На западе солнце сверкало на золотых куполах Храма Граций и порождало глубокие тени позади могущественных ступенчатых пирамид. *В некоторых из этих пирамид Сыны Гарнии прямо сейчас готовят новые убийства, а я не в силах остановить их.*

Визерион почувствовал ее беспокойство. Белый дракон лежал, обвившись вокруг ствола груши и положив голову на хвост. Когда мимо прошла Дени, он открыл глаза — два озера расплавленного золота. Его

рога также были золотыми, как и чешуя, спускавшаяся по спине от головы до хвоста.

— Лентяй, — сказала она, почесав его под челюстью.

Его чешуя на ощупь была горячая, словно доспехи, надолго оставленные на солнце. *Драконы — это плоть, созданная из огня.* Она читала об этом в одной из книг, преподнесенных ей сиром Джорахом в качестве свадебного подарка.

— Ты должен охотиться с братьями, или ты опять подрался с Дрогоном?

В последнее время ее драконы совсем одичали. Рейегаль пытался схватить Ирри, а Визерион поджег

токарь Резнака, когда сенешаль заходил в прошлый раз. *Я уделяю им слишком мало внимания, но где же мне найти для них время?*

Визерион хлестал хвостом из стороны в сторону, колотя по стволу дерева с такой силой, что к ногам Дени упала груша. Расправив крылья, он даже не взлетел, а запрыгнул на парапет. *Он растет*, подумала она, когда дракон поднялся в небо. *Они все растут. И скоро станут достаточно большими, чтобы выдержать мой вес.* Тогда она полетит, как летал Эйегон Завоеватель, все выше и выше, пока Миэрин не станет таким маленьким, что она сможет заслонить его

пальцем.

Она наблюдала, как Визерион поднимается, увеличивая круги, пока тот не скрылся за мутными водами Скахазадхана. Только тогда Дени вернулась в пирамиду, где ее ждали Ирри и Чхику, чтобы расчесать волосы и нарядить, как и подобает королеве Миэрина, в гискарский токар.

Одеяние было нескладным — длинная, свободная, бесформенная простыня, которую обматывали вокруг бедер, под одной рукой и через плечо, тщательно укладывая и выставляя напоказ свисающую бахрому. Обмотанное слишком свободно, оно грозило упасть.

Обмотанное слишком туго — запутывало, связывало и вынуждало спотыкаться. Даже обмотанный должным образом токар приходилось постоянно придерживать левой рукой. Перемещение в токаре требовало мелких шажков и прекрасного равновесия, чтобы не наступить на неуклюже стелющуюся бахромку. Это была одежда не для тех, кто должен работать. Токар был одеждой *господ*, символом их богатства и власти.

Захватив Миэрин, Дени хотела запретить токары, но советники переубедили ее.

— Мать Драконов должна носить токар, иначе ее возненавидят

навек, — предупредила Зеленая Грация Галазза Галар. — В вестеросской шерсти или в платье из мирийского кружева Ваше Сиятельство всегда будет среди нас посторонней, нелепой чужеземкой, варварской завоевательницей. Королева Миэрина должна быть леди Старого Гиса.

Бурый Бен Пламм, капитан Младших Сыновей, объяснил доходчивее:

— Тому, кто хочет быть королем кроликов, лучше бы носить длинные уши.

Длинные уши, выбранные ей сегодня, были сделаны из легкого белого полотна с бахромой из

золотых кисточек. С помощью Чхику и с третьей попытки у нее, наконец, получилось правильно обмотать вокруг себя токар. Ирри принесла корону, выкованную в форме трехголового дракона, символа ее дома. Кольца его тела были из золота, крылья — из серебра, а три головы — из слоновой кости, оникса и нефрита. Еще до конца дня от ее веса шея и плечи Дени одеревенеют и будут ныть. *Корона не должна легко сидеть на голове.* Кто-то из ее венценосных предков однажды сказал это. *Кто-то из Эйегонов, но который?* Пять Эйегонов правили Семью Королевствами Вестероса. Мог бы быть и шестой, если бы псы

Узурпатора не убили сына ее брата, когда тот был еще грудным младенцем. *Если бы он выжил, я бы могла выйти за него замуж. Эйегон был бы мне ближе по возрасту, чем Визерис.* Когда Эйегон с сестрой были убиты, Дени только зачали. Отец детей, ее брат Рейегар, погиб еще раньше от руки Узурпатора на Трезубце. Ее брат Визерис умер в Вейес Дотраке, вопя от боли, с короной из расплавленного золота на голове. *Они и меня убьют, если я позволю. Ножи, погубившие Стойкого Щита, предназначались для меня.*

Она не забыла детей рабов, которых Великие Господа прибили

гвоздями к столбам вдоль дороги от Юнкая. Их было сто шестьдесят три, по ребенку на каждую милю, прибитых к мильным столбам с вытянутой рукой, указывающей ей путь. Когда Миэрин пал, она приказала развесить по столбам столько же Великих Господ. Их медленная кончина сопровождалась роями мух, а зловоние долго еще ощущалось на площади. И все же иногда ей казалось, что она зашла недостаточно далеко. Миэринцы были коварными и упрямыми людьми, сопротивлявшимися ей на каждом шагу. Они освободили своих рабов, да... но тут же наняли их обратно в качестве слуг за такую

ничтожную плату, что многие едва могли себя прокормить. Те же, кто был слишком стар или слишком юн для работы, были просто выброшены на улицу вместе с больными и калеками. И все равно Великие Господа собирались на вершинах своих пирамид, чтобы пожаловаться на драконью королеву, заполонившую их прекрасный город толпами немытых нищих, воров и шлюх.

Чтобы править Миэрином, я должна завоевать миэринцев, как бы я их ни презирала.

— Я готова, — сказала она Ирри.

Резнак и Скахаз ожидали ее на вершине мраморной лестницы.

— Великая королева, — объявил Резнак мо Резнак. — Вы так ослепительны сегодня, что я боюсь смотреть на вас.

На сенешале был темно-бордовый шелковый токар с золотой бахромой. Маленький потный человечек пах так, словно искупался в духах, и разговаривал на ломаном высоком валирийском, сильно искаженном и приправленном густым гискарским рычанием.

— Ты очень любезен, — ответила Дени на том же языке.

— Моя королева, — прорычал бритоголовый Скахаз мо Кандак. Волосы гискарцев были густыми и жесткими, по древнему обычаю

мужчины Городов Работоторговцев начесывали их в виде рогов, шипов или крыльев. Побрив голову, Скахаз оставил позади старый Миэрин, приняв новый. Его примеру последовали родственники. Потом так сделали и другие, но из страха ли, следуя ли моде или по велению амбиций, Дени сказать не могла. Их называли бритоголовыми. Скахаз был *Бритоголовым*... и подлейшим из предателей для Сынов Гарпии и их последователей. — Нам рассказали про евнуха.

— Его звали Стойкий Щит.

— Многие еще умрут, если не наказать убийц, — как и бритый череп, лицо Скахаза было

отвратительным — низкий лоб, маленькие глазки с тяжелыми мешками под ними, огромный нос, испещренный угрями, сальная кожа, которая казалась скорее желтой, чем обычной для гискарцев янтарной. Это было грубое, жестокое, злое лицо. Она могла только молиться, что оно было еще и честным.

— Как же я могу наказать их, если не знаю, кто они? — спросила Дени. — Скажи мне, отважный Скахаз.

— У вас нет недостатка во врагах, Ваше Величество. Вы можете увидеть их пирамиды со своей террасы. Зхак, Хазкар, Гхазин, Меррек, Лорак — все древние

рабовладельческие роды. И Паль. Особенно Паль. Теперь это дом женщин. Злых старух, жаждущих крови. Женщины не забывают. Женщины не прощают.

Да, подумала Дени, и псы Узурпатора узнают об этом, когда я вернусь в Вестерос. Между ней и родом Паль действительно была вражда. Оznak зo Паль был зарублен Силачом Бельвасом в поединке один на один. Его отец, командовавший Миэринской городской стражей, погиб, защищая ворота, когда таран, прозванный "Хреном Джозо", разнес их в щепки. Три его дяди были в числе ста шестидесяти трех на площади.

— Сколько золота мы предложили за информацию о Сынах Гарпии? — спросила Дени.

— Сто монет, если так будет угодно Вашему Сиятельству.

— Тысяча будет нам более угодна. Предложите столько.

— Ваше Величество не спросило моего совета, — сказал Скахаз Бритоголовый, — но я скажу, что за кровь следует платить кровью. Возьмите по одному человеку из каждой семьи, что я назвал, и убейте его. В следующий раз, когда погибнет один из ваших людей, возьмите по двое из каждого великого Рода и убейте обоих. Третьего убийства не будет.

Резнак

обеспокоенно

запротестовал:

— Нееет... добрая королева, подобная жестокость вызовет гнев богов. Я клянусь, мы найдем убийц, и вы увидите, что они окажутся отбросами низкого происхождения.

Сенешаль был такой же лысый, как Скахаз, хотя в его случае за это были ответственны боги. "Если какой-нибудь волосок наберется дерзости появиться, мой цирюльник будет наготове с бритвой", — сказал он, когда она его возвысила. Но иногда Дени раздумывала, не лучше ли будет приберечь бритву для горла Резнака. Он был полезен, но она испытывала к нему мало любви и

еще меньше доверия. Бессмертные Кварта предупреждали ее, что она трижды будет предана. Мирри Маз Дуур была первой, сир Джорах — вторым. Будет ли третьим Резнак? Или Бритоголовый? Или Даарио? *Или это будет кто-то, кого я никогда не заподозрила бы — сир Барристан, Серый Червь или Миссандея?*

— Скахаз, — сказала она Бритоголовому, — я благодарю тебя за совет. Резнак, посмотри, на что способна тысяча монет.

Придерживая токар, Дейенерис спустилась мимо них по широкой мраморной лестнице. Она делала по одному маленькому шажку, чтобы не

наступить на бахрому и не влететь кубарем в зал.

Миссандея возвестила о ней. У маленького писаря был приятный сильный голос:

— *На колени перед Дейенерис Бурерожденной, Неопалимой, Королевой Миэрина, Королевой Андалов, Ройнаров и Первых Людей, Кхалиси Великого Травяного Моря, Разрушительницей Оков и Матерью Драконов.*

Зал заполнился. Безупречные стояли спиной к колоннам, сжимая щиты и копья, шипы на их шлемах торчали, как ряд ножей. Миэриницы собрались под восточными окнами, ее вольноотпущенники стояли на

приличном отдалении от бывших хозяев. *Пока они не встанут рядом, в Миэрине мира не будет.*

— Поднимитесь, — Дени села на скамью.

Зал поднялся. *По крайней мере, это они делают вместе.*

У Резнака мо Резнака был список. Обычай требовал, чтобы королева начинала с астапорского посла, бывшего раба, ныне называвшего себя лордом Гаэлом, хотя, похоже, никто не знал, лордом чего он являлся.

У лорда Гаэла был полный рот бурых гнилых зубов и желтое, острое, как у куницы, лицо. Еще у него был подарок.

— Клеон Великий посылает эти туфли, как символ своей любви к Дейенерис Бурерожденной, Матери Драконов.

Ирри надела туфли на ноги Дени. Они были сделаны из золоченой кожи и украшены зеленым речным жемчугом. *Неужели король-мясник думает, что пара красивых туфель поможет ему завоевать мою руку?*

— Король Клеон очень щедр. Поблагодарите его за прекрасный подарок, — *Прекрасный, но сделанный для ребенка.* У Дени были маленькие ступни, но остроконечные туфли все равно сдавили ей пальцы.

— Великий Клеон будет рад

узнать, что сумел вам угодить, — сказал лорд Гаэл. — Его Великолепие также приказал передать, что он готов защищать Матерь Драконов от всех ее врагов.

Если он опять предложит мне выйти замуж за Клеона, я запущу ему в голову туфлей, подумала Дени, но на этот раз астапорский посол не упомянул о королевском браке. Вместо этого он сказал:

— Пришло время Астапору и Миэрину положить конец жестокому правлению Мудрых Господ Юнкая, заклятых врагов всех свободных людей. Великий Клеон поручил мне передать вам, что он и его новые Безупречные скоро выступят.

Его новые Безупречные — это отвратительная шутка.

— Со стороны короля Клеона было бы мудрым заботиться о собственных садах и позволить юнкайцам заботиться о своих, — нельзя сказать, что Дени питала любовь к Юнкаю. Она уже жалела, что не захватила Желтый Город, победив его армию на поле боя. Мудрые Господа вернулись к рабовладению, стоило ей только двинуться дальше, и теперь были заняты подготовкой рекрутов, вербовкой наемников и заключением союзов против нее.

Хотя Клеон, провозгласивший себя Великим, был не лучше. Король-

мясник возродил в Астапоре рабство, единственная разница была лишь в том, что рабы теперь стали хозяевами, а хозяева — рабами.

— Я всего лишь юная девушка и мало осведомлена о военной тактике, — сказала она лорду Гаэлю, — но мы слышали, что Астапор голодает. Пусть король Клеон накормит своих людей, прежде чем вести их в бой. — Она взмахнула рукой, разрешая ему уйти. Гаэл удалился.

— Великолепная, — произнес Резнак мо Резнак, — выслушаете ли вы благородного Хиздара зо Лорака?

Опять? Дени кивнула, и Хиздар вышел вперед — высокий, очень

стройный, с безупречной янтарной кожей. Он поклонился на том же месте, где недавно лежало мертвое тело Стойкого Щита. *Он нужен мне*, напомнила себе Дени. Хиздар был состоятельным торговцем, у которого было много друзей в Миэринe и еще больше — за морем. Он бывал в Волантисе, Лиссе и Кварте, у него были родственники в Толосе и Элирии, и говорили, что он даже имел некоторое влияние в Новом Гисе, где юнкайцы сейчас пытались разжечь неприязнь к Дени и ее правлению.

И он был богат. Невероятно и баснословно богат...

И станет еще богаче, если я

удовлетворю его просьбу. Когда Дени закрыла бойцовые ямы города, цена на них резко упала. Хиздар со Лорак прибрал их к рукам и теперь владел большей частью бойцовых ям Миэрина.

Из висков аристократа вырастали крылья жестких красно-черных волос. Казалось, что голова сейчас взлетит. Его вытянутое лицо еще больше удлинялось бородой, охваченной золотыми кольцами. Его пурпурный токар был украшен бахромой из аметистов и жемчуга.

— Ваше Сиятельство знает причину, по которой я здесь.

— Да, у вас, должно быть, нет другой цели, кроме как досаждать

мне. Сколько раз я вам отказывала?

— Пять, Ваше Великолепие.

— Теперь шесть. Я не открою вновь бойцовые ямы.

— Если бы Ваше Величество выслушало мои доводы...

— Я их слышала. Пять раз. Вы придумали новые доводы?

— Доводы старые, — признал Хиздар. — Но слова новые. Красивые слова, учтивые, способные тронуть королеву.

— Меня не устраивает ваша цель, а не недостаток учтивости. Я так часто слышала ваши доводы, что могу и сама составить прошение. Хотите? — Дени подалась вперед. — Бойцовые ямы были частью Миэрина

с момента основания города. Бои по своей природе глубоко религиозны, это — кровавое жертвоприношение богам Гиса. *Смертельное искусство* Гиса — не резня, а демонстрация смелости, мастерства и силы, угодной вашим богам. Победившие бойцы избалованы и широко известны, а убитых почитают и помнят. Открывая ямы, я покажу жителям Миэрина уважение к их традициям и обычаям. Ямы знамениты по всему миру. Они привлекают в Миэрин торговлю и пополняют казну города монетами со всех концов земли. Все мужчины жаждут кровопролития, и ямы помогают утолить эту жажду,

благодаря чему Миэрин становится спокойнее. Для преступников, приговоренных к смерти в пустыне, ямы олицетворяют правосудие битвой — последний шанс доказать свою невиновность, — она снова откинулась назад, тряхнув головой. — Вот. Как я справилась?

— Ваше Сиятельство изложила суть дела намного лучше, чем я мог надеяться сделать сам. Я вижу, что вы так же красноречивы, как и прекрасны. Вы меня полностью убедили.

Она засмеялась:

— А себя — нет.

— Великолепная, — прошептал ей в ухо Резнак мо Резнак, — по

традиции городу в качестве налога отходит десятая часть выручки бойцовых ям за вычетом расходов. Деньги можно было бы направить на благородные дела.

— Можно было бы... но если бы мы *открыли* ямы вновь, то нам надо было бы взимать десятую часть *до* вычета расходов. Я всего лишь юная девушка и мало разбираюсь в таких вещах, но я провела достаточно времени рядом с Ксаро Ксоаном Даксосом, чтобы это понять. Хиздар, если бы вы управлялись с армиями так же, как управляетесь со словами, вы бы завоевали мир... но мой ответ по-прежнему *нет*. В шестой раз.

— Как скажет королева, — он

снова поклонился, так же низко, как и прежде. Жемчужины и аметисты мягко засучали о мраморный пол. Хиздар зо Лорак был очень гибким.

Его можно было бы назвать красивым, если бы не эта глупая прическа. Резнак и Зеленая Грация убеждали Дени взять в мужья благородного миэринца, чтобы примирить город со своим правлением. К Хиздару зо Лораку стоило присмотреться повнимательнее. *Лучше он, чем Скахаз.* Бритоголовый был готов отказаться от жены ради нее, но одна мысль об этом заставляла ее содрогнуться. Хиздар хотя бы умеет улыбаться.

— Великолепная, — сказал Резнак, сверяясь со списком, — благородный Граздан зо Галар желает к вам обратиться. Вы выслушаете его?

— С удовольствием, — ответила Дени, любуясь блеском золота и сиянием зеленых жемчужин на туфлях, подаренных Клеоном, из всех сил стараясь не замечать щемящую боль в пальцах. Граздан, как ее предупредили, был кузеном Зеленой Грации, чью поддержку она считала бесценной. Жрица была голосом мира, признания и повиновения законной власти. *Я выслушаю ее кузена со всем почтением, чего бы он ни желал.*

Оказалось, что он желал золота. Дени отказалась компенсировать Великим Господам стоимость рабов, но миэринцы изобретали все новые способы, чтобы выжать из нее деньги. У благородного Граздана когда-то была рабыня, похоже, прекрасная ткачиха — результаты ее ткачества высоко ценились не только в Миэрине, но и в Новом Гисе, Астапоре и Кварте. Когда женщина состарилась, Граздан купил полдюжины молодых девушек и приказал старухе обучить их секретам мастерства. Теперь старая женщина была мертва, а молодые после освобождения открыли мастерскую у портовой стены, чтобы

продавать свои ткани. Граздан зо Галар требовал права на часть их доходов.

— Своим мастерством они обязаны мне, — настаивал он. — Это я купил их на рынке рабов и посадил за ткацкий станок.

Дени слушала его молча, со спокойным лицом. Когда он закончил, она спросила:

— Как звали старую ткачиху?

— Рабыню? — Граздан потоптался, нахмурившись. — Ее звали... Эльза, может быть. Или Элла. Она умерла шесть лет назад. У меня было столько рабов, Ваше Сиятельство.

— Скажем, Эльза. Вот наше

решение. От девушек вы ничего не получите. Это Эльза научила их ткать, а не вы. А девушки получают от вас новый ткацкий станок, лучший из тех, что можно купить. Это за то, что вы забыли имя старой женщины.

Резнак пригласил бы следующим очередного носителя токара, но Дени настояла, чтобы он вызвал кого-нибудь из вольноотпущенников. Впоследствии она чередовала бывших хозяев с бывшими рабами. Все больше дел, представленных ей, были связаны с денежной компенсацией. После падения Миэрин был жестоко разграблен. Ступенчатые пирамиды богачей избежали серьезного

опустошения, но кварталы победнее пережили разгул грабежей и убийств, когда городские рабы восстали, а через разрушенные ворота хлынули голодные орды, пришедшие вслед за ней из Юнкая и Астапора. В конце концов, Безупречные восстановили порядок, но разбой оставил за собой целую эпидемию проблем. Поэтому все шли к королеве.

Пришла богатая женщина, у которой при защите городских стен погибли муж и сыновья. Во время грабежей она в страхе бежала к своему брату, а когда вернулась, обнаружила, что дом превращен в бордель. Шлюхи щеголяли в ее драгоценностях и нарядах. Она

хотела вернуть дом и драгоценности.

— Одежду могут оставить себе, — заявила она.

Дени согласилась на возврат драгоценностей, но постановила, что дом был потерян, когда она покинула его.

Пришел бывший раб, обвинявший некоего аристократа из рода Зхаков. Он недавно женился на вольноотпущеннице, которая до захвата города была постельной рабыней этого господина. Тот лишил ее девственности, использовал ее для своего удовольствия и наградил ребенком. Ее новый муж требовал оскопить бывшего хозяина за изнасилование, а также кошель

золота на воспитание бастарда благородного господина. Дени согласилась с требованием золота, но не оскотпления.

— Когда он возлежал с ней, ваша жена была его собственностью, и он мог поступать с ней, как хотел. По закону это не было изнасилованием, — она видела, что ее решение ему не понравилось, но если бы она оскотпляла каждого, кто когда-нибудь принуждал постельную рабыню, она бы вскоре правила городом евнухов.

Пришел мальчик моложе Дени, худой, со шрамом, в поношенном сером токаре с волочащейся серебристой бахромой.

Срывающимся голосом он рассказал о том, как двое домашних рабов его отца восстали в ту ночь, когда были сломаны ворота. Один убил его отца, другой — старшего брата. Оба изнасиловали мать, прежде чем убить и ее. Сам мальчик смог сбежать, отделавшись только шрамом на лице, но один из убийц остался жить в доме его отца, а другой присоединился к солдатам королевы, как один из Воинов Матери. Он хотел, чтобы обоих повесили.

Я королева города, выстроенного на прахе и смерти. У Дени не было выбора, кроме как отказать ему. Она объявила полное помилование за все преступления,

совершенные во время резни. И она бы не стала наказывать рабов за то, что они восстали против своих хозяев.

Когда она сказала ему это, мальчик кинулся к ней, но запутался в токаре и растянулся на пурпурном мраморе. Бельвас Силач сразу же набросился на него. Огромный смуглый евнух поднял его одной рукой и начал трясти, словно мастифф крысу.

— Довольно, Бельвас, — крикнула Дени. — Отпусти его.

Мальчику она сказала:

— Береги этот токар, ведь он спас тебе жизнь. Ты всего лишь мальчик, так что мы забудем о том,

что здесь произошло. И тебе следует поступить так же, — уходя, мальчик взглянул на нее через плечо, и, увидев его глаза, Дени подумала: *У Гарпии появился новый сын.*

К полудню Дейнерис уже чувствовала тяжесть короны на голове и жесткость скамьи под собой. Из-за того, что многие все еще ожидали изъявления ее воли, она не прервалась на трапезу. Вместо этого она отправила Чхику на кухню за блюдом с лепешками, оливками, фигами и сыром. Она слушала, отправляя в рот кусочки пищи, и делала небольшие глотки из кубка с разбавленным вином. Фиги были отличные, оливки — еще лучше, а

вино оставляло во рту кислый металлический привкус. Из мелкого бледно-желтого местного винограда получалось исключительно плохое вино. *Мы не будем торговать вином.* Кроме того, Великие Господа сожгли лучшие кусты вместе с оливковыми деревьями.

После полудня явился скульптор, предложивший заменить голову огромной бронзовой гарпии на Площади Очищения другой, отлитой по образу Дени. Она отказала ему со всей любезностью, на какую была способна. В Скахазадхане была поймана щука неслыханного размера, и рыбак захотел преподнести ее королеве.

Она бурно восхитилась подарком, вознаградила рыбака кошелем серебра и отправила щуку на кухню. Медник создал для нее сияющую кольчугу для военных действий. Она приняла ее с льстивой благодарностью. На кольчугу было приятно смотреть, к тому же полированная медь будет красиво блестеть на солнце, хотя в настоящем бою она бы предпочла облачиться в сталь. Даже юные девушки, не разбирающиеся в методах ведения войны, понимали *это*.

Туфли, присланные королем-мясником, стали слишком неудобными. Она скинула их и села, подогнув под себя одну ногу и

раскачивая второй. Поза была не совсем величественной, но она устала быть величественной. От короны болела голова, а ягодицы онемели.

— Сир Барристиан, — окликнула она, — я поняла какое качество необходимо королю больше всего.

— Храбрость, Ваше Величество?

— Железные ягодицы, — поддразнила она. — Я только и делаю, что сижу.

— Ваше Величество слишком много берет на себя. Вы должны позволить советникам принимать на себя больше ваших забот.

— У меня слишком много советников и слишком мало подушек, — Дени повернулась к Резнаку. — Сколько еще?

— Двадцать три, если угодно Вашему Великолепию. Все с жалобами, — сенешаль просмотрел бумаги. — Один теленок и три козы. Остальные несомненно окажутся овцами или ягнятами.

— Двадцать три, — Дени вздохнула. — У моих драконов появилась поразительная склонность к баранине с тех пор, как мы начали оплачивать пастухам их потери. Эти жалобы обоснованы?

— Некоторые принесли обгоревшие кости.

— Люди разводят огонь. Люди готовят баранину. Обгоревшие кости ничего не доказывают. Бурый Бен говорит, что в холмах за городом обитают рыжие волки, шакалы и дикие собаки. Должны ли мы платить серебром за каждую пропавшую овцу от Юнкая до Скахазадхана?

— Нет, Великолепная, — Резнак поклонился. — Мне прогнать этих мошенников, или вы прикажете их высечь?

Дейенерис поерзала на скамье.

— Никто не должен бояться приходить ко мне, — она не сомневалась, что некоторые жалобы были ложными, но большая часть

была правдой. Ее драконы уже слишком выросли, чтобы довольствоваться крысами, кошками и собаками. *Чем больше они едят тем больше будут расти,* предупреждал ее сир Барристан, *а чем больше растут, тем больше будут есть.* И больше всего Дрогон, летавший дальше всех и запросто съедавший по овце в день.

— Заплатите им стоимость скота, — сказала она Резнаку, — но впредь все заявители должны будут прийти в Храм Граций и произнести святую клятву перед богами Гиса.

— Будет сделано, — Резнак повернулся к просителям. — Ее Великолепие Королева согласилась

выплатить каждому из вас компенсацию за пропавший скот, — сказал он им на гискарском наречии. — Приходите завтра к моим помощникам и вам заплатят деньгами или товаром, как предпочтете.

Объявление было встречено угрюмым молчанием. *Казалось бы, они должны быть рады, думала Дени. Они получили то, за чем пришли. Можно ли вообще угодить этим людям?*

Один человек задержался, когда все стали уходить — приземистый мужчина с обветренным лицом, бедно одетый. Его прической была шапка жестких красно-черных волос,

обрезанных на уровне ушей. В одной руке он держал грязный холщовый мешок. Он стоял с опущенной головой, пристально глядя на мраморный пол, как будто совсем забыл, где находится. *А этому что надо?* удивилась Дени.

— *Все на колени перед Дейенерис Бурерожденной, Неопалимой, Королевой Миэрина, Королевой Андалов, Ройнаров и Первых Людей, Кхалиси Великого Травяного Моря, Разрушительницей Оков и Матерью Драконов,* — выкрикнула Миссандея высоким приятным голосом.

Когда Дени встала, ее токар начал сползать. Она поймала его и

подтянула на место.

— Ты, с мешком, — позвала она, — ты хотел говорить с нами? Можешь подойти.

Когда он поднял голову, его глаза были красными и воспаленными, как открытые раны. Краем глаза Дени заметила, как сир Барристиан скользнул ближе к ней, словно белая тень. Мужчина приблизился, спотыкаясь и шаркая, шаг за шагом, сжимая мешок. *Он пьян или болен?* гадала она. Под его желтыми поломанными ногтями была грязь.

— Что это? — спросила Дени. — Ты хочешь подать жалобу или прошение? Чего ты хочешь от нас?

Он нервно облизал обветренные, потрескавшиеся губы.

— Я... Я принес...

— Кости? — нетерпеливо спросила она. — Обгоревшие кости?

Он поднял мешок и высыпал его содержимое на мрамор.

Там были кости, сломанные почерневшие кости. Более длинные расколоты так, чтобы можно было добраться до костного мозга.

— Это был черный, — сказал человек с гискарским рычанием. — Крылатая тень. Он спустился с неба и... и...

Нет. Дени задрожала. Нет, нет, о нет.

— Ты что оглох, идиот? —

спросил у мужчины Резнак мо
Резнак. — Ты не слышал объявления?
Приходи завтра к моим помощникам,
и тебе заплатят за овцу.

— Резнак, — тихо сказал сир
Барристан, — придержи язык и
открой глаза. Это не овечьи кости.

*Нет, подумала Дени, это кости
ребенка.*

4. ДЖОН

У подножия светлого утеса — высокого, как само небо — среди черных деревьев бежал белый волк. Луна бежала следом, скользя по звездному небу сквозь голые ветки над головой.

— Сноу, — прошептала луна.

Волк не отвечал. Снег хрустел под лапами. Ветер завывал среди деревьев.

А где-то вдалеке он слышал зов членов своей стаи — таких же, как он. Они тоже охотились. Бурный ливень обрушивался на его черного брата, разрывавшего плоть огромного

козла, смывая кровь с раны на боку, оставленной длинным козлиным рогом. В другом месте его младшая сестра подняла голову, чтобы спеть луне свою песню, и сотня меньших серых братьев прервала свою охоту, подхватывая ее пение. В холмах, где они находились, было теплее и полно добычи. Много ночей стоя его сестры лакомилась мясом овец, коров и лошадей, украденных у людей, а порой — даже мясом самих людей.

— Сноу, — снова, хихикнув, позвала луна.

Белый волк мягко шел по следу, оставленному человеком у подножия ледяного утеса. На его языке был вкус крови, а в ушах звучала песня

сотни серых родичей. Когда-то их было шестеро, пять писклявых слепышей в снегу возле их мертвой матери, сосущих холодное молоко из твердых омертвевших сосков, пока он ползал в одиночестве. Осталось четверо... и один, которого белый волк больше не чувствовал.

— Сноу, — настаивала луна.

Белый волк бежал от нее в пещеру ночи, где скрылось солнце, его дыхание замерзло в воздухе. В беззвездные ночи огромная скала была черна как камень, возвышаясь темной громадой над окружающим миром, но под луной она бледно мерцала, как застывший ледяной водопад. Волчья шкура была густой и

косматой, но когда вдоль льда дует ветер, никакой мех не спасет от холода. С другой стороны ветер был еще холоднее, волк чувствовал это. Оттуда, где был его брат, серый брат, пахнувший летом.

— Сноу.

Сосулька упала с ветки. Белый волк повернулся и обнажил зубы.

— *Сноу!*

Его шерсть встала дыбом, когда лес растворился вокруг него.

— *Сноу, Сноу, Сноу!*

Послышалось хлопанье крыльев. Сквозь мрак летел ворон.

Он с глухим звуком приземлился на Джона Сноу, цепляя когтями его грудь.

— *СНОУ!* — прокричал он ему в лицо.

— Я слышу тебя.

Комната была темной, его соломенный тюфяк — жестким. Серый свет сочился сквозь ставни, обещая еще один унылый холодный день.

— Это так ты будил Мормонта? Убери свои перья от моего лица, — Джон выдернул руку из-под одеяла и прогнал ворона. Это была большая птица, старая, наглая, грязная и совершенно не знающая страха.

— *Сноу*, — прокричал ворон, перелетая на спинку кровати. — *Сноу, сноу.*

Джон схватил подушку и

запустил в него, но птица взмыла в воздух. Подушка ударилась о стену и разорвалась, рассеивая содержимое повсюду как раз в тот момент, когда Скорбный Эдд Толетт просунул голову в дверь.

— Прошу прощения, — сказал он, не обращая внимания на шквал перьев. — Принести м'лорду что-нибудь на завтрак?

— *Зерно*, — прокаркал ворон. — *Зерно, зерно.*

— Зажарь ворона, — предложил Джон. — И принеси полпинты эля.

Он до сих пор не мог привыкнуть к наличию стюарда, чьей обязанностью было прислуживать ему. Не так давно он и

сам был стюардом и подавал завтрак лорду-командующему Мормонту.

— Три зернышка и один жареный ворон, — сказал Скорбный Эдд. — Очень хорошо, м'лорд, только Хобб приготовил вареные яйца, кровяную колбасу и яблоки, тушенные с черносливом. Яблоки с черносливом просто превосходны, за исключением чернослива. Я сам не ем чернослив. Ну, было один раз, когда Хобб нарубил их вместе с каштанами и морковью и нафаршировал этим курицу. Никогда не доверяйте поварам, милорд. Они используют чернослив там, где вы меньше всего ожидаете.

— Позже, — завтрак мог

подождать, в отличие от Станниса. — Никаких неприятностей в лагере прошлой ночью?

— Нет, м'лорд, с тех пор, как Вы приказали сторожить стражу.

— Хорошо.

Тысячи одичалых были заключены за Стеной — пленники Станниса Баратеона, взятые, когда его рыцари разгромили пестрое войско Манса Налетчика. Среди пленных было много женщин, и некоторые стражники тайком уводили их, чтобы согреть свою постель. Люди короля, люди королевы — не имело значения, даже несколько черных братьев попытались сделать то же самое.

Мужчины оставались мужчинами, а это были единственные женщины на тысячи лиг.

— Сдались еще двое одичалых, — продолжил Эдд. — Мать с девочкой, путавшейся у нее в юбке. И с ней еще младенец-мальчуган, с ног до головы закутанный в мех, но он был мертв.

— Мертв, — сказал ворон. Это было одно из любимых слов птицы. — Мертв, мертв, мертв.

Каждую ночь к ним прибывалось все больше свободного народа — голодные и наполовину окоченевшие создания, сбежавшие с поля битвы под Стеной только для того, чтобы приползти назад,

осознав, что им больше некуда идти.

— Вы допросили мать? — спросил Джон.

Станнис Баратеон разгромил орду Манса Налетчика и захватил в плен самого Короля-за-Стеной... но одичалые все еще оставались там: Плакальщик, Тормунд Великанья Смерть и тысячи других.

— Да, м'лорд, — сказал Эдд, — но она знает только то, как ей удалось сбежать во время битвы и после спрятаться в лесу. Мы накормили ее овсянкой досыта, отправили за забор и сожгли ребенка.

Сжигание мертвых детей не беспокоило Джона Сноу, другое дело — живых. *Два короля разбудят*

дракона. Сначала отец, потом сын, две королевские смерти. Слова пробормотал один из людей королевы, когда Мейстер Эйемон промывал его раны. Джон пытался отмахнуться от них, как от горячечного бреда. Эйемон возразил: "В королевской крови есть сила, — предупредил старый мейстер, — и люди получше Станниса делали вещи похуже". Да, король может быть жестким и беспощадным, но грудное дитя? Только монстр может предать огню живого ребенка.

Джон помочился в темноте, наполняя ночной горшок под недовольное бормотание ворона

Старого Медведя. Волчьи сны становились сильнее, и он помнил их даже после пробуждения. *Призрак знает, что Серый Ветер мертв.* Робб погиб в Близнецах, преданный людьми, которых он считал своим друзьями, и его волк погиб вместе с ним. Бран и Рикон тоже были убиты, обезглавлены по приказу Теона Грейджоя, который когда-то был подопечным его лорда отца... но если сны не лгут, их лютоволки сбежали. На Венце Королевы один появился из тьмы, чтобы спасти Джону жизнь. Наверное, это был Лето. *Его мех был серым, а Лохматый Песик — черный.* Он подумал, что какая-то часть его

мертвых братьев живет внутри их волков.

Джон наполнил миску водой из кувшина, стоявшего возле кровати, ополоснул лицо и руки, надел чистую смену черной шерстяной одежды, зашнуровал черную кожаную куртку и натянул пару поношенных сапог. Ворон Мормонта понаблюдал за ним своими черными проницательными глазками, затем перелетел на окно.

— Ты принимаешь меня за своего слугу? — спросил Джон у птицы.

Когда он открыл окно с толстыми ромбовидными вставками из желтого стекла, утренний холод

ударил ему в лицо. Он сделал вдох, чтобы прогнать ночное оцепенение, и в этот миг ворон вылетел прочь. *Этот ворон слишком умен.* Он был компаньоном Старого Медведя долгие годы. Хотя это не помешало ему расклевать лицо Мормонта, когда тот умер.

Из его спальни лестничный пролет вел в комнату побольше, с грубыми сосновыми столами и дюжиной дубовых стульев, обтянутых кожей. Из-за того, что Королевскую Башню занял Станнис, а башня лорда-командующего сгорела дотла, Джон обосновался в скромных комнатах Донала Нойе позади оружейной. Он не сомневался, что

когда-нибудь ему потребуется
помещение попросторней, но на
данный момент и они подойдут,
покуда он не привыкнет
командовать.

Дарственная, что король
предложил ему подписать, была на
столе под серебряным кубком,
принадлежавшим когда-то Доналу
Нойе. Однорукий кузнец оставил
немного личных вещей: кубок, шесть
пенни, медную звезду, червленую
брошь со сломанной застежкой и
заплесневелый парчовый дублет с
оленом Штормового Предела.
*Сокровищем для него были
инструменты, а также мечи и
ножи, которые он делал. Его жизнь*

проходила в кузнице. Джон сдвинул кубок в сторону и снова прочел пергамент. Если я поставлю печать, то навсегда останусь в памяти как лорд-командующий, который отдал Стену, подумал он, но если я откажу...

Станнис Баратеон оказался нервным и беспокойным гостем. Он объездил верхом королевский тракт почти до Венца Королевы, рыскал по пустым лачугам Кротовьего Городка, обследовал руины фортов на Вратах Королевы и Дубовом Щите. Каждую ночь он прогуливался по Стене с леди Мелисандрой, а в дневное время посещал загон. Отбирал для красной женщины пленных для

допроса. *Он не терпит помех.* Джон опасался, что утро будет не из приятных.

Из арсенала доносилось бряцанье щитов и мечей, которыми снаряжалась последняя группа парнишек и новобранцев. Джон слышал голос подгонявшего их Железного Эммета. Коттер Пайк остался недоволен, лишившись его, но молодой разведчик был одарен талантом к обучению людей. *Он любит воевать и научит этой любви ребят.* По крайней мере, так он надеялся.

Пояс с мечом Джона висел на крючке у двери, рядом с плащом. Он надел их и направился в арсенал.

Подстилка, на которой обычно спал Призрак, пустовала. В дверях стояли двое часовых, одетых в черные плащи и железные полушлемы, с копьями в руках.

— М'лорду нужно сопровождение? — спросил Гарс.

— Думаю, я смогу самостоятельно найти Королевскую Башню, — Джон ненавидел, когда охранники следовали за ним по пятам, куда бы он ни направился. Он чувствовал себя гусыней, сопровождаемой выводком гусят.

Ребята Железного Эммета были уже во дворе, их тупые мечи хлопали по щитам и звенели друг о друга. Джон остановился посмотреть, как

Конь насаждает на Хоп-Робина, оттесняя его к колодцу. У Коня задатки хорошего бойца, решил Джон. Он силен и становится все сильнее, и у него верные инстинкты. С Хоп Робинем была совершенно иная история. Косолапые ноги это уже достаточно плохо, но он в добавок еще и боялся пропустить удар. *Возможно, мы могли бы сделать из него стюарда.* Схватка закончилась внезапно, когда Хоп Робин очутился на земле.

— Отличный бой, — обратился Джон к Коню. — Но, атакуя, ты слишком низко опускаешь щит. Эта привычка убьет тебя, если ты от нее не избавишься.

— Да, м'лорд. В следующий раз я буду держать его повыше, — Конь поставил Хоп-Робина на ноги, и мальчишка неуклюже поклонился.

Несколько рыцарей Станниса тренировались в дальнем конце двора. *Люди короля в одном углу, люди королевы в другом*, не преминул отметить Джон, *но их совсем мало. Слишком холодно для большинства из них*. Когда он проходил мимо, громовой голос прозвучал ему вслед:

— ПАРЕНЬ! ТЫ, ТАМ!
ПАРЕНЬ!

"Парень" было не самым худшим из тех слов, какими его называли с момента избрания лордом-командующим. Он не обратил на это

внимания.

— *Сноу*, — настаивал голос. —
Лорд-командующий.

На сей раз он остановился.

— Сир?

Рыцарь был выше его на шесть дюймов.

— Человек, носящий
валирийскую сталь, должен
пользоваться ею не только для того,
чтобы чесать свой зад.

Джон видел его у замка —
знаменитейший рыцарь, если верить
тому, что он сам говорит. Во время
битвы под Стеной сир Годри
Фарринг убил убегающего великана:
догнал его верхом на коне и вонзил
копье прямо в спину; а потом,

спешившись, отрубил жалкую маленькую голову чудища. Люди королевы прозвали его Годри Убийцей Великанов.

Джон вспомнил плачущую Игритт. *Я последний из великанов.*

— Я пользуюсь Длинным Когтем, только когда вынужден, сир.

— А насколько хорошо? — Сир Годри потянул свой меч. — Покажи нам. Обещаю не сильно поранить тебя, парень.

Как мило с твоей стороны.

— В другой раз, сир. Боюсь, сейчас у меня есть другие дела.

— Боишься. Я вижу, — сир Годри ухмыльнулся своим приятелям. — Он боится, —

повторил он тем, до кого не дошло.

— Прошу меня извинить, —
повернулся к нему спиной Джон.

Черный Замок в тусклом
предраассветном сиянии казался
мрачным и заброшенным. *Моя
власть*, печально подумал Джон
Сноу, *в таких же руинах, как и эта
крепость*. От Башни лорда-
командующего остался один остов,
Общий зал превратился в кучу
обгоревших головешек, а Башня
Хардина выглядела так, что,
казалось, развалится от следующего
порыва ветра... хотя она уже много
лет имела подобный вид. Позади
возвышалась Стена: огромная,
неприступная, холодная, кишащая

строителями, которые добавляли новую извивающуюся лестницу к остаткам старой. Они работали от рассвета до заката. Без лестницы не было иного способа добраться до вершины Стены, кроме как на подъемнике. А он не справится, если одичалые снова атакуют.

Над Королевской Башней потрескивал, словно кнут, огромный золотой боевой штандарт дома Баратеонов, на той самой крыше, где недавно с луком в руке, рядом с Атласом и Глухим Диком Фоллардом, прятался Джон Сноу, убивая Теннов и свободный народ. На ступенях у входа, спрятав руки подмышки, а копья прислонив к

двери, стояли, дрожа от холода, два человека королевы.

— Эти тряпичные перчатки вам не помогут, — сказал им Джон. — Разыщите завтра Боуэна Марша, и он выдаст каждому из вас по паре кожаных перчаток, подбитых мехом.

— Обязательно м'лорд, и спасибо вам, — сказал охранник постарше.

— Это если наши проклятые руки совсем не отмерзнут, — выдохнув клубы бледного пара, добавил молодой. — Я-то думал, что в Дорнийских Топях можно простудиться. Что я тогда знал?

Ничего, подумал Джон Сноу, как и я.

На полпути вверх по винтовой лестнице он встретил спускающегося Сэмвела Тарли.

— Ты от короля? — спросил Джон.

— Мейстер Эйемон отправил меня с письмом.

— Ясно.

Некоторые лорды доверяли мейстерам читать свои письма и пересказывать содержание, но Станнис сам ломал печати.

— Как Станнис к этому отнесся?

— Без особой радости, судя по его лицу, — Сэм понизил голос до шепота. — Я не должен говорить об этом.

— Тогда не говори.

Джон задался вопросом, какой из знаменосцев отца отказался присягнуть Королю Станнису в этот раз. *Когда Кархолд поддержал его, он довольно быстро раструбил об этом.*

— Как твои успехи в стрельбе?

— Я нашел хорошую книгу о стрельбе из лука, — нахмурился Сэм. — Хотя стрелять сложнее, чем читать об этом. Я натер мозоли.

— Продолжай заниматься. Твой лук может понадобиться нам на Стене, если Иные появятся как-нибудь темной ночью.

— Ох, надеюсь, что нет.

Еще один караул стоял у покоев

короля.

— К Его Величеству не разрешается входить с оружием, милорд, — заявил сержант. — Оставьте свой меч мне. И ножи тоже.

Джон знал, что возмущаться бесполезно. Он безропотно отдал им свой арсенал.

Воздух в покоях был теплым. Леди Мелисандра сидела у огня, и ее рубин мерцал на бледной шее. Огонь поцеловал Игритт, красная жрица же сама *была* огнем, а ее волосы — кровью и пламенем. Станнис стоял за неотесанным столом, где когда-то имел обыкновение сидеть и трапезничать Старый Медведь. Стол покрывала огромная карта севера,

начертанная на рваном куске кожи, с одной стороны ее прижимала сальная свеча, с другой — стальная перчатка.

На короле были бриджи из овечьей шерсти и стеганый дублет, но почему-то он выглядел скованным и неуклюжим, словно одетым в доспехи с кольчугой. Его кожа походила на беленый пергамент, а борода была подстрижена так коротко, что казалась нарисованной. Немного волос на висках — это все, что осталось от его черной шевелюры. В руках он держал пергамент со сломанной печатью темно-зеленого воска.

Джон преклонил колени. Король

нахмурился и гневно сжал пергамент.

— Поднимись. Скажи мне, кто такая *Лианна Мормонт*?

— Одна из дочерей леди Мейдж, сир. Младшая. Ее назвали в честь сестры моего лорда отца.

— Не сомневаюсь, это чтобы снискать его благосклонность. Я знаю, как играют в эти игры. Сколько лет этой гадкой девице?

Джон на мгновение задумался.

— Десять. Или около того. Могут ли я узнать, чем она оскорбила Ваше Величество?

Станнис зачитал из письма.

— *Медвежий Остров не знает иного короля, кроме Короля Севера, чье имя СТАРК.* Ты сказал, девчонке

десять, а она смеет дерзить своему законному правителю, — коротко остриженная борода лежала тенью на его впалых щеках. — Держи это при себе, лорд Сноу. Кархолд со мной — это все, что должны знать люди. Я не хочу, чтобы твои братья трепались о том, как эта девчонка оплевала меня.

— Как прикажете, сир, — Джон знал, что Мейдж Мормонт ушла на юг вместе с Роббом. Ее старшая дочь тоже присоединилась к армии Молодого Волка. Даже если они обе погибли, то у леди Мейдж оставались другие дочери, со своими собственными детьми. Неужели они также ушли с Роббом? Несомненно,

леди Мейдж оставила бы кастеляном по крайней мере одну из старших девочек. Он не понимал, почему Лианна ответила Станнису, и не мог не задаться вопросом: отличался бы ответ девочки, если бы письмо было запечатано лютоволком, вместо коронованного оленя и подписано Джоном Старком, Лордом Винтерфелла. *Но уже слишком поздно для таких мыслей. Ты сделал свой выбор.*

— Четыре десятка воронов были разосланы, — пожаловался король, — и до сих пор ни одного ответа, только пренебрежение и молчание. Присягнуть на верность своему королю — это обязанность

каждого верноподданного. Но все знаменосцы твоего отца, кроме Карстарков, отвернулись от меня. Неужели Арнольф Карстарк — единственный человек чести на всем севере?

Арнольф был дядей Рикарда, последнего лорда Кархолда. Он стал кастеляном, когда его племянник с сыновьями отправились с Роббом на юг, и первым откликнулся на призыв короля Станниса, прислав ворона с заверениями своей преданности. У Карстарков и не было другого выбора, мог сказать Джон. Рикард Карстарк предал лютоволка и пролил львиную кровь. Единственной надеждой Кархолда стал олень.

— В эти смутные времена даже люди чести задаются вопросом, в чем же заключается их долг. Ваше Величество — не единственный король, требующий от них признания.

Леди Мелисандра пошевелилась.

— Скажите мне, лорд Сноу... где были эти короли, когда дикари штурмовали вашу Стену?

— В тысячах лиг отсюда, глухие к нашим просьбам, — ответил Джон. — Я не забыл этого, миледи. И не забуду. Но у знаменосцев моего отца есть жены и дети, которых нужно защищать, и есть народ, который умрет, сделай они неверный

выбор. Его Величество требует от них слишком много. Дайте им время, и вы получите свои ответы.

— Такие, как этот? — Станнис смял письмо Лианны в кулаке.

— Даже на севере люди боятся гнева Тайвина Ланнистера. Болтоны — враги ничуть не лучше. Не случайно на их знамени изображен человек с ободранной кожей. Северяне последовали за Роббом, сражались за него, умирали за него. Они сыты по горло горем и смертью, и тут появляетесь вы, предлагая им добавки. И вы обвиняете их, когда они отказываются? Простите меня, Ваше Величество, но некоторые видят в вас всего лишь еще одного

обреченного самозванца.

— Если Его Величество обречен, то и ваше королевство тоже обречено, — сказала леди Мелисандра. — Запомни это, лорд Сноу. Перед тобой стоит единственный истинный король Вестероса.

Джон сохранил на лице маску невозмутимости.

— Как скажете, миледи.

Станнис фыркнул:

— Ты так скуп на слова, словно каждое является золотым драконом. Мне интересно, сколько золота у тебя припасено?

— Золота?

Не этих ли драконов красная

женщина планирует разбудить?
Драконов из золота? — Налоги, которые мы собираем, выплачиваются продуктами, Ваше Величество. Дозор богат репой, а не деньгами.

— Репа не насытит Салладора Саана. Мне требуется золото или серебро.

— За ними вам лучше обратиться в Белую Гавань. Город не сравнится со Староместом или Королевской Гаванью, но это все равно процветающий порт. Лорд Мандерли — богатейший из знаменосцев моего отца.

— Лорд-Слишком-Толстый-Чтобы-Сесть-На-Коня.

В ответном письме лорда Вимана Мандерли из Белой Гавани говорилось, в основном, о его старости и немощи. Об этом Станнис тоже приказал Джону не распространяться.

— Может, лорда порадует жена из одичалых? — предположила леди Мелисандра. — Этот толстяк женат, лорд Сноу?

— Его леди жена давно умерла. У лорда Вимана двое взрослых сыновей и внуки от старшего из них. И он действительно слишком толст, чтобы сесть на коня, — по меньшей мере, тридцать стоунов. Вель ни за что не согласится.

— Хотя один раз ты мог бы дать

ответ, который меня порадует, лорд Сноу, — проворчал король.

— Я надеялся, правда порадует вас, сир. Ваши люди зовут Вель принцессой, но для свободного народа она всего лишь сестра покойной жены их короля. Если вы заставите ее выйти замуж за человека против воли, она перережет ему горло в первую брачную ночь. Но даже если она примет его в мужья, вовсе необязательно, что одичалые последуют за ним или за вами. Единственный, кто способен удержать их вместе для вашей пользы, — это Манс Налетчик.

— Я знаю это, — печально сказал Станнис. — Я провел много

часов, разговаривая с этим человеком. Он многое знает о нашем истинном враге и насколько он силен, уверяю тебя. Но даже если он откажется от своего титула, то все равно останется клятвопреступником. Позволив одному дезертиру жить, подстрекаешь на это других. Нет. Законы должны быть сделаны из железа, а не из пудинга. Манс Налетчик подлежит лишению жизни по всем законам Семи Королевств.

— За Стеной законы теряют силу, Ваше Величество. А Вы могли бы использовать Манса с пользой для себя.

— Я так и сделаю. *Сожгу* его, и

север увидит, как я поступаю с перебежчиками и предателями. У меня есть другой, кто поведет одичалых. И, не забывай, у меня еще есть сын Налетчика. Когда отец умрет, его щенок станет Королем-за-Стеной.

— Ваше Величество ошибается.

Ничего-то ты не знаешь, Джон Сноу, часто говорила Игритт, но он научился.

— Младенец не больше принц, чем Вель — принцесса. Никто не становится Королем-за-Стеной просто потому, что им был его отец.

— Хорошо, — сказал Станнис, — ибо я не потерплю в Вестеросе новых королей. Ты

подписал дарственную?

— Нет, Ваше Величество, — *Началось.* Джон сжал обожженные пальцы и вновь разжал. — Вы просите слишком многого.

— Прошу? Я просил тебя стать Лордом Винтерфелла и Хранителем Севера. Я требую эти замки.

— Мы уступили вам Ночную Твердыню.

— Крысы и развалины. Это подачка, которая не стоит дающему ровным счетом ничего. Даже твой собственный человек, Ярвик, сказал, потребуется полгода, чтобы сделать замок пригодным для проживания.

— Другие замки ничуть не лучше.

— Мне это известно. Но сути дела это не меняет. Вдоль Стены находится девятнадцать замков, а людей у тебя хватает только на три из них. Я же собираюсь еще до конца года укомплектовать их гарнизоны полностью.

— Я и не спорю с этим, сир, но в дарственной также говорится, что вы передаете эти замки своим рыцарям и лордам, чтобы они, будучи вассалами Вашего Величества, содержали их в качестве своих собственных.

— Короли должны быть щедрыми со своими сторонниками. Неужели лорд Эддард ничему не учил своего бастарда? Многие мои

лорды и рыцари оставили на юге свои богатые земли и крепкие замки. Неужели их верность должна остаться неоплаченной?

— Если Ваше Величество желает потерять всех знаменосцев моего отца, то нет более надежного способа, чем раздать северные земли южным лордам.

— Как я могу потерять людей, которых у меня нет? Ты можешь вспомнить, как я надеялся даровать Винтерфелл северянину. Сыну Эддарда Старка. Он же швырнул мое предложение мне в лицо, — для Станниса Баратеона обида была словно кость для мастиффа — он разгрызал ее в щепки.

— По праву Винтерфелл должна наследовать моя сестра Санса.

— Ты имеешь в виду Леди Ланнистер? Тебе так не терпится увидеть, как Бес сидит на месте твоего отца? Я обещаю тебе, лорд Сноу, что этого не случится, пока я жив.

Джон знал, что лучше не настаивать.

— Сир, некоторые утверждают, что вы намереваетесь отдать земли и замки Гремучей Рубашке и Магнару Теннов.

— Кто тебе сказал?

Слухи ходили по всему Черному Замку.

— Если Вам угодно знать, я

услышал это от Джилли.

— Кто такая *Джилли*?

— Кормилица, — подала голос леди Мелисандра. — Ваше Величество разрешили ей свободно ходить по замку.

— Но не разрешал распускать сплетни. Она нужна ради своих сисек, а не языка. Пускай дает больше молока и меньше *болтает*.

— Черному Замку не нужны лишние рты, — согласился Джон. — Я отправлю Джилли на юг со следующим кораблем, уходящим из Восточного Дозора.

Мелисандра прикоснулась к рубину на шее.

— Джилли кормит сына Даллы

вместе со своим. Не слишком ли жестоко разлучать нашего принца со своим молочным братом, милорд?

Осторожно, теперь очень осторожно.

— Молоко матери — это все, что их роднит. Сын Джилли крупнее и крепче. Он пинает и щиплет принца, отталкивая его от груди. Его отцом был жестокий и жадный Крастер. В нем говорит кровь.

— Я думал, что кормилица была дочерью этого Крастера, — смутился король.

— Жена и дочь одновременно, Ваше Величество. Крастер женился на всех своих дочерях. Мальчик Джилли — плод такого союза.

— Ее собственный *отец* сделал ей ребенка? — Станнис выглядел шокированным. — Тогда следует от нее избавиться. Я не потерплю здесь подобной мерзости, это не Королевская Гавань.

— Я могу подыскать другую кормилицу. Если не среди одичалых, то среди горных племен. А до тех пор мы будем кормить мальчика козьим молоком, если это угодно Вашему Величеству.

— Неподходящее питание для принца... хотя лучше, чем молоко шлюхи, да, — Станнис забарабанил пальцами по карте. — Возвращаясь к вопросу об этих фортах...

— Ваше Величество, — с

холодной любезностью сказал Джон, — я дал кров вашим людям и кормлю их за счет наших зимних запасов. Я одеваю их, чтобы они не замерзли.

Станнис не смягчился:

— Да, ты поделился солониной и овсянкой и бросил немного черного тряпья, чтобы согреть нас. Тряпья, которое одичалые содрали бы с ваших трупов, если бы я не пришел на север.

Джон проигнорировал это.

— Я даю корм вашим лошадям, и, как только будет закончена лестница, передам вам строителей, чтобы восстановить Ночную Твердыню. Я даже согласился

заселить одичалыми Дар, который навечно был отдан Ночному Дозору.

— Ты предлагаешь мне необитаемые и опустошенные земли, но отказываешь мне в замках, которыми я хочу отблагодарить моих лордов и знаменосцев.

— Эти замки строил Ночной Дозор...

— И Ночной Дозор их же бросил.

— ...чтобы держать оборону на Стене, — упрямо закончил Джон. — И они не предназначались ни для одичалых, ни для южных лордов. Камни этих фортов стоят на крови и костях моих давно умерших братьев. Я не могу их отдать.

— Не можешь или не хочешь? — жилы на шее короля стали острыми, как лезвия мечей. — Я предложил тебе имя.

— У меня уже есть имя, Ваше Величество.

— Сноу. Было ли когда-нибудь имя злополучнее? — Станнис прикоснулся к эфесу меча. — Кем ты себя вообразил?

— Дозорным на Стене. Мечом во тьме.

— Не надо пустословить, — Станнис вытащил свой меч, который называл Светозарным. — *Вот* твой меч во тьме, — свет заструился по клинку вверх и вниз, то желтый, то красный, то оранжевый, окрашивая

лицо короля резкими, яркими тонами. — Даже зеленый юнец должен быть в состоянии увидеть это. Ты слепой?

— Нет, сир. Я согласен, эти замки нуждаются в гарнизонах...

— Мальчишка командующий согласен. Какая удача.

— ...Ночного Дозора.

— *У тебя нет людей.*

— Так дайте их мне, сир. Я предоставляю командиров для каждого из брошенных замков — закаленных людей, знакомых не только со Стеной, но и лежащими за ней землями; людей, которые знают, как лучше пережить наступающую зиму. В ответ на то, что мы даем вам,

пообещайте мне пополнить наши гарнизоны вашими людьми. Солдаты, арбалетчики, новобранцы. Я возьму даже раненых и калек.

Станнис недоверчиво уставился на него, а затем громко расхохотался:

— А ты смельчак, Сноу, надо отдать тебе должное. Но ты настоящий безумец, если решил, что мои люди наденут черное.

— Они могут носить плащ любого цвета, какой им заблагорассудится, пока повинуются моим командирам, как вашим собственным.

Но король оставался непреклонен:

— Мне служат лорды и рыцари,

потомки благороднейших, старейших и славнейших родов. Вряд ли они захотят служить под началом убийц, браконьеров и крестьян.

Или бастардов, сир, не так ли?

— Ваш собственный Десница — контрабандист.

— Бывший контрабандист. И за это я укоротил ему пальцы. Мне сказали, ты девятьсот девяносто восьмой командующий Ночным Дозором, лорд Сноу. Как ты думаешь, что скажет об этих замках девятьсот девяносто девятый? Вид твоей головы на пике мог бы воодушевить его быть более услужливым, — король положил свой яркий меч на карту, вдоль Стены. Сталь его клинка

мерцала, словно солнечный свет на воде. — Ты лорд-командующий только по моей милости. Не мешало бы помнить об этом.

— Лордом-командующим меня избрали мои братья.

Иногда по утрам Джон Сноу и сам-то не слишком в это верил, полагая, что это был всего лишь дурной сон. *Это как надеть новую одежду,* говорил ему Сэм. *Непривычно поначалу, однако спустя какое-то время тебе станет в ней вполне удобно.*

— Аллисер Торн жаловался на то, как тебя избрали, и я не могу сказать, что без повода, — карта лежала между ними, словно поле

битвы, расцвеченное красками сияющего меча. — Подсчет производил слепой на пару с твоим толстым дружкой. А Слинг так и вовсе называет тебя перебежчиком.

Еще бы, кому же лучше знать об этом, как не Слингу?

— Перебежчик говорил бы вам все, что вы захотите услышать, а потом бы предал. Вашему Величеству отлично известно, что я был избран честно. Мой отец всегда называл вас справедливым человеком.

Справедливый, но жестокий, — такими в точности были слова Эддарда Старка о Станнисе. Однако Джон решил, что повторять их

полностью было бы не слишком умно.

— Лорд Эддард не был мне другом, но ему не откажешь в здравом смысле, — ответил Станнис. — Он бы отдал мне эти замки.

Никогда.

— Я не смею говорить о том, как бы поступил мой отец. Я принес клятву, Ваше Величество. Стена — моя.

— Пока. Посмотрим, как ты сумеешь ее удержать, — Станнис указал на него. — Держись за свои руины, если они так много для тебя значат. Но я обещаю тебе, если хоть что-нибудь будет пустовать к концу

года, я займу это с твоего разрешения или без него. И если хотя бы одна крепость падет пред врагом, твоя голова вскоре последует за ней. А теперь убирайся.

Леди Мелисандра встала со своего места у очага.

— С вашего позволения, сир, я провожу лорда Сноу в его комнаты.

— Зачем? Он знает дорогу, — Станнис махнул им, разрешая уйти. — Делайте, что хотите. Деван, еду! Вареные яйца и воду с лимоном.

После тепла королевских покоев холод на ступенях винтовой лестницы пробирал до костей.

— Поднимается ветер, м'леди, — предупредил сержант

Мелисандру, возвращая Джону оружие. — Вам может понадобится теплый плащ.

— Меня согревает моя вера, — красная женщина пошла по лестнице рядом с Джоном. — Ты полюбился Его Величеству.

— Можно сказать и так. Он всего дважды грозился обезглавить меня.

Мелисандра рассмеялась:

— Тебе следует бояться его молчания, а не слов.

Едва они ступили во двор, налетевший ветер подхватил плащ Джона и бросил на женщину. Красная жрица отбросила черную шерстяную ткань в сторону и

просунула свою руку ему под локоть.

— Возможно, ты не так уж не прав на счет короля одичалых. Я должна помолиться Владыке Света и попросить его ниспослать мне наставление. Когда я вглядываюсь в огонь, то могу видеть сквозь камень и землю и открыть истину во тьме человеческих душ. Я могу разговаривать с давно умершими королями и еще не рожденными детьми, смотреть сквозь годы и мелькающие столетия, вплоть до конца дней.

— Ваш огонь никогда не ошибается?

— Никогда... Хотя мы, жрецы, смертны и иногда заблуждаемся,

принимая то, что должно произойти за то, что может произойти.

Джон чувствовал исходящий от нее жар даже сквозь шерсть и вареную кожу. Вид их двоих, идущих рука об руку, привлекал любопытные взгляды. *Они будут шептаться об этом в казармах сегодня ночью.*

— Если вы действительно умеете видеть будущее в своем пламени, то скажите мне, когда и где будет следующая атака одичалых, — он мягко высвободил руку.

— Рглор посылает нам видения по своему желанию, но я буду искать этого Тормунда в языках пламени, — красные губы Мелисандры изогнулись в улыбке. — Я видела

тебя в своем огне, Джон Сноу.

— Это угроза, миледи? Вы собираетесь сжечь и меня?

— Ты неправильно меня понял, — она испытующе посмотрела на него. — Боюсь, тебе со мной неловко, лорд Сноу.

Джон не стал отрицать этого.

— Стена — не место для женщины.

— Ошибаешься. Во сне я видела твою Стену, Джон Сноу. Велико было знание, что воздвигло ее, и велики чары, заключенные подо льдом. Мы идем под одним из ключевых элементов этого мира, — Мелисандра взглянула вверх на Стену, ее теплое дыхание паром

клубилось в воздухе. — Это место мое, так же как и твое, и вскоре тебе может понадобится моя помощь. Не отвергай мою дружбу, Джон. Я видела тебя в центре бури — подавленного, окруженного врагами со всех сторон. У тебя так много врагов. Хочешь, я назову их имена?

— Я знаю их имена.

— Не будь так уверен, — рубин на шее Мелисандры сверкнул алым. — Это не тех врагов, что проклинаяют тебя в лицо, ты должен бояться. А тех, что улыбаются, когда ты на них смотришь, и точат ножи, когда ты поворачиваешься к ним спиной. Лучше бы тебе держать своего волка поближе к себе. Я

видела лед и кинжалы в темноте. Застывшую кровь — красную и твердую — и обнаженную сталь. И было очень холодно.

— На Стене всегда холодно.

— Ты так думаешь?

— Я это *знаю*, миледи.

— Тогда ты ничего не знаешь, Джон Сноу, — прошептала она.

5. БРАН

Мы уже на месте?

Бран никогда не спрашивал вслух, но эти слова готовы были сорваться с его губ не единожды за то время, пока потрепанная компания устало брела сквозь рощи древних дубов и серо-зеленых страж-деревьев, высоких, словно башни, мимо мрачных гвардейских сосен, будто охранявших дорогу, и бурых каштановых деревьев, на которых не осталось ни листочка. *Мы уже близко?* гадал мальчик, когда Ходор взбирался по каменному склону или спускался в темные овраги, где

грязный наст трещал под ногами. *Далеко еще?* думал он, когда огромный лось с брызгами переходил полузамерзший ручей. *Долго еще? Так холодно. Где же трехглазая ворона?*

Покачиваясь в плетеной корзине на спине у Ходора, мальчик съеживался, вжимая голову в плечи, когда огромный помощник конюха проходил под веткой дуба. Снова пошел снег, мокрый и тяжелый. Ходор брел, ресницы на одном его глазу смерзлись, густая спутанная темная борода покрылась инеем, сосульки свисали с кончиков кустистых усов. В его руке, одетой в перчатку, все еще был зажат ржавый

железный меч, который он забрал из крипт под Винтерфеллом. Время от времени он набрасывался на ветви, сбивая вниз рыхлые сугробы. "Ход-д-дор", бормотал он, стуча зубами.

Этот звук странным образом успокаивал. Путь из Винтерфелла к Стене Бран и его спутники коротали, болтая или рассказывая истории, но здесь все было по-другому. Даже Ходор чувствовал это. Его "ходоры" раздавались реже, чем было к югу от Стены. В этом лесу стояла такая тишина, какую Бран никогда раньше не встречал. Прежде, чем пошел снег, вокруг них вился северный ветер, вздымая с земли охапки коричневых опавших листьев, и их шелест

напоминал ему о таракашках, шуршащих в посудном шкафу, но теперь все листья были погребены под белым покрывалом. Изредка над головой пролетал ворон, и его большие черные крылья хлопали в морозном воздухе. В остальное время вокруг царило безмолвие.

Прямо перед ним, опустив голову и покачиваясь, шел сквозь сугробы лось, его огромные рога покрылись коркой льда. Странник сидел верхом на его широкой спине, грозный и молчаливый. *Холодные Руки* — такое прозвище дал ему толстый парень Сэм: хотя лицо странника было бледным, руки его были черными, твердыми и

холодными как железо. Остальное его тело было укрыто под шерстью, вареной кожей и кольчугой, черты его были скрыты плащом с капюшоном, а нижняя часть лица — укутана в черный шерстяной шарф.

За спиной странника сидела Мира Рид, держа в объятиях брата, которого пыталась защитить от ветра и холода теплом своего тела. У Жойена текли сопли, на морозе они застывали ледяной коркой под носом, время от времени по его телу проходила крупная дрожь. *Он выглядит таким маленьким*, подумал Бран, когда увидел, как того раскачивает. *Он теперь выглядит меньше меня, и слабее, а ведь я —*

калека.

Лето замыкал их маленькую группу. В морозном лесном воздухе дыхание лютоволка превращалось в облачка белого пара, он все еще прихрамывал на заднюю ногу, в которую его ранили стрелой у Короны королевы. Бран чувствовал боль застарелой раны каждый раз, когда оказывался в шкуре своего большого волка. В последние дни Бран проводил больше времени в теле Лета, чем в своем собственном: волк тоже ощущал укусы мороза, несмотря на густой мех, но он мог дальше видеть, лучше слышать и улавливать больше запахов, нежели мальчик в корзине, спеленатый, как

младенец.

Временами, когда быть волком надоедало, Бран проскальзывал в тело Ходора. Кроткий гигант начинал хныкать, когда чувствовал его присутствие, и мотал лохматой головой из стороны в сторону, но не так яростно, как в тот, самый первый раз у Короны королевы. *Он знает, что это я, успокаивал себя мальчик. Он ко мне уже привык.* Тем не менее, ему никогда не бывало комфортно в теле Ходора. Большой помощник конюха никогда не понимал, что творится, и Бран ощущал вкус его страха. В шкуре Лето ему было лучше. *Я — это он, а он — это я. Он чувствует то же, что и я.*

Иногда Бран ощущал, как лютоволк принюхивается к лосю, размышляя, удалось бы ему завалить этого громадного зверя. Лето привык к лошадям в Винтерфелле, но это был лось, а лось был добычей. Лютоволк чувствовал, что под лохматой шкурой лося бежит теплая кровь. Даже одного запаха было достаточно, чтобы слюна начинала капать с клыков, и когда это происходило, рот Брана тоже наполнялся слюной от мысли о вкусном темном мясе.

На ближайшем дубе каркнул ворон, и Бран услышал, как другая птица, хлопая крыльями, спустилась рядом на землю. В дневное время их

сопровождало от силы полдюжины воронов, которые перелетали с дерева на дерево или сидели на рогах лося. Остальные улетали вперед или задерживались позади. Но когда солнце опускалось, они возвращались, спускаясь с неба на черных, как ночь, крыльях, пока не облепляли каждое дерево вокруг. Некоторые прилетали к страннику и что-то бормотали ему, и Брану казалось, что странник понимает их карканье и крики. *Они его глаза и уши. Они его разведчики, и шепчут ему об опасностях впереди и сзади.*

Как сейчас. Лось внезапно остановился, и странник мягко спрыгнул с его спины на землю,

погрузившись по колено в снег. Лето зарычал на него, оцетинившись. Лютоволку не нравился запах Холодных Рук. *Мертвая плоть, сухая кровь и едва уловимый запах гнили. И холод. Холод прежде всего.*

— Что случилось? — спросила Мира.

— Сзади, — объявил Холодные Руки, его голос заглушал обмотанный вокруг носа и рта черный шерстяной шарф.

— Волки? — спросил Бран. Они уже давно знали, что их преследуют. Каждую ночь они слышали скорбный вой стаи, и казалось, что с каждой ночью волки все ближе. *Они вышли на охоту, и они голодны. Они могут*

по запаху определить, как мы слабы. Часто Бран просыпался, весь дрожа, задолго до рассвета, прислушиваясь к волчьей перекличке вдалеке, и ожидал восхода солнца. *Если есть волки, то должна быть и добыча,* думал он, пока не понял, что добыча — это они.

Странник покачал головой:

— Это люди. Волки все еще держатся на расстоянии. А те, кто преследует нас, не страдают застенчивостью.

Мира Рид сняла капюшон. Собравшийся на нем мокрый снег шлепнулся на землю с тихим глухим звуком:

— Сколько их? Кто они?

— Враги. Я сам займусь ими.

— Я пойду с тобой.

— Ты останешься. Нельзя оставлять мальчика без защиты. Впереди — замерзшее озеро. Когда выйдете к нему, поворачивайте на север и двигайтесь вдоль берега. Вы дойдете до рыбацкой деревни. Укройтесь там, пока я не нагоню вас.

Бран думал, что Мира начнет спорить, но ее брат произнес:

— Делай, как он говорит. Он знает эти края.

Глаза Жойена были темно-зелеными, как мох, но в тяжелом взгляде ощущалась усталость, какой Бран в этих глазах никогда прежде не видел. *Маленький дедушка.* К югу от

Стены мальчик из озерных краев казался мудрее своих лет, но здесь он выглядел таким же растерянным и напуганным, как и все остальные. Несмотря на это, Мира продолжала прислушиваться к его словам.

Кроме того, он был прав. Холодные Руки скрылся за деревьями в том направлении, откуда они пришли, четыре ворона устремились за ним. Мира наблюдала, как он уходит, щеки ее покраснели от холода, из ноздрей вылетали облачка пара. Она натянула капюшон обратно, толкнула локтем, и их поход продолжился. Они не прошли и двадцати ярдов, когда она обернулась, посмотрела назад и

произнесла:

— *Люди*, говорит он. Какие люди? Он имел в виду одичалых? Почему не стал говорить?

— Он сказал, что сам займется ими, — ответил Бран.

— Он *сказал*, да. Еще он говорил, что приведет нас к трехглазой вороне. Готова поклясться, что реку, через которую мы переправились сегодня утром, мы уже переходили четыре дня назад. Мы ходим кругами.

— Реки поворачивают и петляют, — ответил Бран неуверенно, — а когда на пути встречаются озера и холмы, приходится идти в обход.

— Мы слишком много *ходим в обход*, — настаивала Мира, — и у него слишком много секретов. Мне это не нравится. *Он* мне не нравится. Я ему не доверяю. Одни его руки чего стоят. Он прячет лицо и не говорит своего имени. Кто он? *Что* он? Кто угодно может надеть черный плащ. Кто угодно и *что угодно*. Он не ест, не пьет, кажется, он даже не чувствует холода.

Это правда. Бран боялся говорить об этом, но он заметил. Каждый раз, когда они останавливались на ночлег, он, Ходор и Риды жались друг к другу, чтобы согреться, а Странник тем временем держался в стороне. Иногда

Холодные Руки закрывал глаза, но Бран не думал, что тот спал. И было кое-что еще...

— Шарф, — Бран тревожно осмотрелся, но воронов не было видно. Все большие черные птицы покинули их вместе со Странником. Никто не подслушивал. Но он все равно понизил голос. — Этот шарф у него вокруг рта, на нем никогда не бывает инея, как на бороде Ходора. Даже когда он говорит.

Мира внимательно посмотрела на него:

— Ты прав. Мы никогда не видели его дыхания, так ведь?

— Так, — белое облачко сопровождало каждый "ходор"

Ходора. Когда Жойен или его сестра говорили, их дыхание тоже было видно. Даже вокруг морды лося клубился теплый туман.

— Если он не дышит...

Бран вспомнил сказки Старой Нэн, которые та рассказывала ему, когда он был маленьким. *"За Стеной живут чудовища, великаны и вурдалаки, крадутся тени и ходят мертвецы, — говорила она, укрывая его колючим шерстяным одеялом, — но они не смогут пройти, пока стоит Стена и стражи Ночного Дозора на посту. Поэтому спи, мой маленький Брандон, дитя мое, и пусть тебе снятся сладкие сны. Здесь нет чудовищ"*. Странник носит

черные одежды Ночного Дозора, но вдруг он вообще не человек? Что если он какое-нибудь чудовище, ведущее их к другим чудовищам на съедение?

— Странник спас Сэма и девушку от мертвяков, — нерешительно сказал Бран, — и он ведет меня к трехглазой вороне.

— Почему трехглазая ворона не может прийти к нам? Почему он не мог встретить нас у Стены? Ведь у ворон есть крылья. Мой брат слабеет день ото дня. Сколько мы еще протянем?

Жойен закашлял:

— Столько, сколько понадобится, чтобы добраться.

Вскоре они увидели озеро, как и обещал Странник, и повернули на север, как он им предложил. Это было несложно.

Вода замерзла, а снег валил столько дней, что Бран потерял им счет. Озеро превратилось в огромную белую пустыню. Там, где кочковатая земля граничила с ровным льдом, идти, не сбиваясь, вдоль берега озера было легко, а вот там, где ветер намел снег гребнями, не всегда можно было точно сказать, где кончался берег и начиналось озеро. Они рассчитывали ориентироваться по деревьям, но на озере было множество лесистых островков, в то же время много где вдоль берега не

росло ни деревца.

Лось сам выбирал себе путь, независимо от пожеланий Миры и Жойена у него на спине. В основном он держался под деревьями, но там, где берег изгибался к западу, он срезал по льду озера, грудью прокладывая себе путь через заносы высотой с Брана, и лед хрустел под его копытами. На открытых участках ветер был сильнее — ледяной северный ветер, завывающий над озером, пробирающийся под шерсть и кожу и заставляющий трястись от холода. Когда ветер дул в лицо, в глаза забивался снег, и они почти ничего не видели.

Тянулись часы, вокруг царило

безмолвие. Впереди под деревьями заскользили тени, сумрак тянул к ним свои длинные пальцы. Они забрались далеко на север, темнело здесь рано. Брана это пугало. Каждый день становился короче предыдущего, и если дни были просто холодными, то ночи превращались в настоящий ледяной кошмар.

Мира снова остановилась:

— Мы должны были уже дойти до деревни, — ее голос звучал тихо и странно.

— Мы не могли пройти ее? — спросил Бран.

— Надеюсь, нет. Нам нужно найти укрытие до наступления

темноты.

Она была права. Губы Жойена посинели, а щеки Миры стали темно-красными. У самого Брана лицо онемело. Борода Ходора превратилась в кусок льда. Снег облеплял его ноги почти до колен, и Бран не раз чувствовал, как тот пошатывается. Не было никого сильнее Ходора, никого. И если уж его покидали силы...

— Лето может найти деревню, — внезапно сказал Бран, его слова повисли в воздухе туманными облачками. Он не стал ждать ответа Миры, а закрыл глаза и позволил разуму покинуть искалеченное тело.

Когда он скользнул в шкуру Лето, мертвый лес внезапно наполнился жизнью. Там, где только что царила тишина, он услышал ветер, шумящий в кронах деревьев, дыхание Ходора, лося, скребущего землю в поисках корма. Нос вдыхал знакомые ароматы: влажная листва и мертвая трава, гниющая в кустах беличья тушка, кислая вонь человеческого пота, мускусный запах лося. *Еда. Мясо.* Лось почувствовал его интерес. Он настороженно повернул голову к лютоволку и опустил огромные рога.

Он не добыча, прошептал мальчик зверю, с которым делил тело. *Оставь его. Беги.*

И Лето побежал. Он понесся через озеро, фонтанчики снега вздымались там, где ступали его лапы. Деревья стояли плечом к плечу, как солдаты в боевом порядке, укутанные снежными плащами. Лютоволк спешил через корни и камни, через сугробы лежалого снега, и наст трещал под его весом. Лапы его намокли и заоченели. Следующий холм порос соснами и острый запах сосновой хвои наполнял воздух. Когда он добрался до вершины холма, он закружился, принохиваясь, потом поднял голову и взвыл.

Он учуял запах. Человеческий запах.

Пепел, подумал Бран, старый и слабый запах, но это пахнет пеплом. Он узнал запах горелого дерева, сажи и древесного угля. Кострище.

Он отряхнул снег с морды. Ветер был порывистым, и идти на запах было не так легко. Волк тыркался то туда, то сюда, принюхиваясь. Вокруг были груды снега и высокие деревья, облаченные в белое. Волк свесил язык, пробуя морозный воздух на вкус, его дыхание рождало облака тумана, снежинки таяли у него на языке. Когда он припустил, взяв след, Ходор тотчас неуклюже побрел за ним. Лось никак не мог определиться, поэтому Бран с неохотой вернулся в свое тело и

сказал:

— Туда. Идите за Лето. Я взял след.

Когда серебристый свет молодой луны начал просачиваться сквозь облака, они наконец наткнулись на деревню у озера. Они чуть было не прошли мимо, не заметив ее. С озера деревня ничем не отличалась от прогалин, которых вдоль берега они видели дюжины. Похороненные под слоем снега круглые каменные дома легко могли оказаться валунами, пригорками или упавшими деревьями вроде того бурелома, который Жойен принял за постройку накануне — они начали рыть снег и только тогда поняли свою ошибку, не

обнаружив ничего, кроме сломанных веток и гнилых бревен.

Деревня была пуста, жившие здесь одичалые покинули ее, как и все остальные деревни, которые они встречали на своем пути. Многие были сожжены, словно их жители хотели исключить всякую возможность вернуться, но эта деревушка избежала огня. Под снегом они обнаружили десяток хижин и дом для собраний с покрытой дерном крышей и толстыми стенами из грубо обработанных бревен.

— По крайней мере, мы будем укрыты от ветра, — сказал Бран.

— *Ходор*, — сказал Ходор.

Мира соскользнула со спины

лося. Они с братом помогли вытащить Брана из плетеной корзины.

— Может, одичалые оставили что-нибудь из еды, — предположила она.

Но надежда оказалась напрасной. В большом доме они обнаружили пепелище, плотно утрамбованный земляной пол и пробирающий до костей холод. Но по крайней мере у них была крыша над головой и бревенчатые стены, которые защищали от ветра. Неподалеку тек ручей, покрытый тонкой ледяной коркой. Лосю пришлось разбить ее копытом, чтобы напиться. Как только Бран, Жойен и

Ходор устроились, Мира сходила и принесла им несколько кусочков, которые они запихнули в рот. Вода от растаявшего льда получалась такой холодной, что Брана передернуло.

Лето не вошел внутрь. Бран ощущал голод большого волка, тень его собственного голода.

— Пойди поохоться, — сказал он ему, — только не трогай лося.

Какая-то часть его тоже хотела поохотиться. Возможно, позже.

На ужин была горсть желудей, измельченных и перетертых в кашу, такую горькую, что Бран едва не подавился, стараясь ее проглотить. Жойен Рид к ней даже не притронулся. Младше и слабее

сестры, он с каждым днем терял силы.

— Жойен, ты должен поесть, — сказала ему Мира.

— Позже. Мне просто нужно отдохнуть, — слабо улыбнулся Жойен. — Сегодня я не умру, сестра. Обещаю.

— Ты едва не упал с лося.

— Едва. Я замерз и голоден, вот и все.

— Тогда поешь.

— Толченных желудей? У меня болит живот, от них будет только хуже. Оставь меня, сестра. Мне приснится жареный цыпленок.

— Сны не накормят тебя. Даже зеленые сны.

— Наши сны пока еще при нас.

И это все, что у нас осталось.

Последние запасы съестного, которое они взяли с собой с юга, закончились еще десять дней назад. С тех пор голод не покидал их ни днем, ни ночью. Даже для Лета не находилось добычи в этом лесу. Они питались толчеными желудями и сырой рыбой. В лесу было множество замерзших ручьев и черных ледяных озер, а Мира добывала рыбу своей трехзубой острогой так же искусно, как большинство рыболовов, вооруженных леской и крючками. Порой ее губы были синими от холода, когда она возвращалась с

добычей, извивающейся на зубьях остроги. Однако прошло уже три дня с тех пор, как Мира в последний раз поймала рыбу. Желудок Брана был так пуст, будто прошло три года.

Когда они закончили давиться скудным ужином, Мира, прислонившись к стене, начала точить кинжал оселком. Ходор примостился возле входа, раскачиваясь на корточках и бормоча: "Ходор, ходор, ходор".

Бран закрыл глаза. Они так замерзли, что разговаривать не хотелось, а разжечь огонь они не решались. Холодные Руки предостерегал их против этого. "Эти леса не такие безжизненные, как вы

думаете, — сказал он. — Вы даже не представляете себе, что может явиться к вам на свет из темноты". От воспоминания он вздрогнул, несмотря на тепло Ходора, сидевшего рядом.

Сон все не шел к нему, да и не мог прийти. Вместо него был ветер, пронизывающий холод, лунный свет на снегу и костер. Он снова вернулся в Лето и был за многие километры отсюда, там, где ночь была пронизана запахом крови. Запах был сильным. *Кого-то убили, совсем недалеко.* Мясо еще не успело остыть. Голод просыпался в нем, и слюна наполняла пасть. *Не лось. Не олень. Не это.*

Лютоволк двинулся к мясу, тощей серой тенью он скользил от дерева к дереву, сквозь озерца лунного света и через холмы снега. Вокруг него, меняя направление, бушевал ветер. Он потерял след, нашел, снова потерял. Он пытался снова уловить запах, когда далекий звук заставил его наострить уши.

Волк, сразу понял он. Лето крался к источнику звука, теперь он был осторожен. Вскоре он вновь учуял кровь, но на этот раз были и другие запахи: моча, мертвые шкуры, птичий помет, перья и волк, волк, волк. *Стая*. Ему придется сражаться за свою добычу.

Они тоже его учуяли. Когда он

вышел из тьмы под деревьями на залитую кровью поляну, они наблюдали за ним. Самка жевала кожаный сапог, в котором все еще оставалось полноги, но выронила его при приближении Лето. Вожак стаи, старый самец с седой мордой и бельмом на глазу, вышел навстречу ему, рыча и оскалив клыки. Молодой самец позади него тоже скалил зубы.

Бледно-желтые глаза лютоволка жадно исследовали окружение. На ветви кустов намотано гнездо из кишок. Дымится распоротый живот, наполняя воздух ароматами крови и мяса. Голова невидяще смотрит на двурогий месяц, щеки разорваны и обглоданы до самых костей, пустые

глазницы, шея оканчивается
огрызком. Лужа замерзшей крови
сверкает красным и черным.

Люди. Весь мир воняет ими.
Живых, их было столько, сколько
пальцев на человеческой лапе, но
теперь их не было совсем. *Мертвы.*
Убиты. Мясо. Когда-то они были в
плащах и капюшонах, но волки
разорвали их одежду в клочки, в
исступлении добираясь до плоти. У
тех из них, у кого еще сохранились
лица, были густые бороды, покрытые
коркой льда и замерзшими соплями.
Падающий снег уже начал укутывать
саваном их останки, он выглядел
особенно бледным на фоне
потрепанных черных плащей и

штанов. *Черных.*

За многие километры от этого места во сне беспокойно повернулся мальчик.

Черное. Ночной Дозор. Они из Ночного Дозора.

Лютоволку было все равно. Они были мясом. Он был голоден.

Глаза трех волков светились желтым. Лютоволк, раздувая ноздри, повел головой из стороны в сторону и с рыком оскалил клыки. Молодой самец отступил назад. Лютоволк чуюл запах страха, исходявший от него. *Это хвост вожака*, понял он. А вот одноглазый волк ответил рычанием и двинулся к нему, чтобы преградить путь. *Вожак. И не*

боится, хотя я в два раза крупнее.

Их глаза встретились.

Варг!

Потом двое сцепились, волк и лютоволк, и размышлять было некогда. Мир сузился до зубов и когтей, они катались, вились волчком, бросались друг на друга, и снег летел во все стороны. Остальные волки рычали и клацали зубами вокруг них. Его челюсти сомкнулись на грубом мехе, скользком от инея, на лапе, худой, как сухая ветка, но одноглазый волк цапнул его за живот, высвободился, перекатился и кинулся на него. Желтые клыки щелкнули вблизи от его глотки, но лютоволк стряхнул с

себя старого серого кузена так легко, как если бы тот был крысой, затем метнулся и сбил его с ног. Перекатываясь, грызя и пиная друг дружку, они дрались, пока оба не устали и свежая кровь не забрызгала снег вокруг них. Но в конце концов старый одноглазый волк лег на землю и обнажил живот. Лютоволк клацнул челюстями еще пару раз, приняухался к его задку, потом задрал над ним лапу.

Несколько щелчков клыками и предупреждающее рычание — самка и хвост тоже сдались. Стая была его.

И добыча тоже. Принюхиваясь, он переходил от человека к человеку, пока не остановился возле самого

крупного, безликого мертвеца, сжимавшего в одной руке черное железо. Второй кисти не было, ее оторвали до запястья, кость торчала из кожного рукава. Кровь текла из перерезанного горла ленивой широкой струей. Волк сначала полакал ее, потом облизал безглазое лицо, то, что осталось от носа и щек, наконец, погрузил морду в шею покойника и разорвал ее, отхватив кусок нежного мяса. Никогда еще плоть не казалась ему такой вкусной.

Когда он закончил, он перешел к следующему, жадно вырывая самые лакомые куски и из этого тела. Вороны наблюдали за ним с ветвей деревьев, темноглазые и безмолвные,

вокруг них падал снег. Другим волкам достались объедки: старый самец ел первым, затем самка, затем хвост. Теперь они принадлежали ему. Они были стаей.

Нет, прошептал мальчик, у нас другая стая. Леди мертва и, может быть, Серый Ветер тоже, но где-то все еще есть Лохматый Песик, Нимерия и Призрак. Помнишь Призрака?

Падающий снег и пирующие волки начали тускнеть. Тепло ударило ему в лицо, мягкое, как поцелуй матери. *Огонь*, подумал он, *дым*. В носу защипало от запаха жареного мяса. А потом лес исчез, и он снова сидел в доме, опять в своем

сломанном теле, и смотрел на пламя. Мира Рид переворачивала над огнем кусок сырого мяса, которое покрывалось корочкой и шипело.

— Как раз вовремя, — сказала она.

Бран потер глаза тыльной стороной ладони и отполз назад к стене, чтобы сесть.

— Ты едва не проспал ужин. Странник поймал свинью.

Позади нее Ходор вгрызался в кусок горячего поджаристого мяса, кровь и жир стекали по его бороде. Дым сочился между пальцев.

— Ходор, — бормотал он между укусами, — ходор, ходор.

Меч лежал на земляном полу

рядом с ним. Жойен Рид понемногу отщипывал от своей порции, дюжину раз пережевывая каждый кусочек мяса, прежде чем проглотить его.

Странник убил свинью.

Холодные Руки стоял у двери, на руке его сидел ворон, оба смотрели на огонь. Блеск пламени отражался в четырех черных глазах. *Он не ест, вспомнил Бран, и он боится огня.*

— Ты говорил — никакого огня, — напомнил он страннику.

— Стены вокруг нас скрывают свет, да и рассвет близок. Скоро мы тронемся в путь.

— Что случилось с людьми? С нашими врагами, что были позади?

— Они вас не беспокоят.

— Кто это был? Одичалые?

Мира перевернула мясо, чтобы поджарить другую сторону. Ходор жевал и глотал, радостно бормоча себе под нос. Только Жойен, казалось, понимал, что происходит, а Холодные Руки повернулся и пристально посмотрел на Брана.

— Это были враги.

Люди Ночного Дозора.

— Ты убил их. Ты и вороны. Их лица были изуродованы, у них не было глаз, — Холодные Руки не стал отрицать. — Они были твоими *братьями*. Я видел. Волки разорвали их одежду, но я смог разглядеть. Их плащи были черными. Как твои руки. — Холодные Руки ничего не

ответил. — Кто ты? *Почему у тебя чёрные руки?*

Странник смотрел на свои руки, словно видел их в первый раз:

— Когда сердце останавливается, вся кровь, какая есть в человеке, стекает в конечности, где густеет и застывает, — его голос дрожал, слабый и изможденный, как и он сам. — Руки и ноги его распухают и становятся черными, как кровяная колбаса. А туловище становится белым, как молоко.

Мира Рид встала, держа наперевес лягушачью острогу, на которой все еще был наколот кусок дымящегося мяса:

— Покажи нам свое лицо.

Разведчик не шелохнулся, чтобы исполнить приказ.

— Он мертв, — Бран почувствовал вкус желчи во рту. — Мира, он нечто неживое. Чудовища не могут пройти, пока стоит Стена и стражи Ночного Дозора на посту, так говорила Старая Нэн. Он пришел к Стене, чтобы встретить нас там, но он не мог ее перейти. Вместо себя он послал Сэма с той одичалой.

Затянутая в перчатку рука Миры сжалась вокруг древка остроги:

— Кто послал тебя? Кто такая эта трехглазая ворона?

— Друг. Сновидец, чародей, называйте, как хотите. Последний из

зеленых провидцев.

Деревянная дверь дома с треском распахнулась. Снаружи завывал ветер, темный, заунывный. Деревья были облеплены каркающими воронами. Холодные Руки не двинулся с места.

— Чудовище, — сказал Бран.

Странник смотрел на Брана, будто других не существовало.

— Твое чудовище, Брандон Старк.

— *Твое*, — повторил ворон, сидевший у него на плече. На улице вороны, рассевшиеся на деревьях, подхватили его крик, и ночной лес наполнился песней убийцы: "*Твое, твое, твое*".

— Жойен, ты это видел во сне? — спросила брата Мира. — Кто он? Что он? Что нам теперь делать?

— Идти дальше со странником, — ответил Жойен. — Мы забрались слишком далеко, чтобы повернуть назад, Мира. Мы не переживем дорогу обратно к Стене. Мы идем дальше с чудовищем Брана или мы обречены.

6. ТИРИОН

Они покинули Пентос через Рассветные ворота, хотя Тирион Ланнистер так и не увидел рассвет.

— Все пройдет так, будто ты никогда не бывал в Пентосе, мой маленький друг, — пообещал магистр Иллирио, когда задернул фиолетовые бархатные шторы паланкина.

— Никто не должен видеть твоего отъезда из города, как никто не видел и прибытия.

— Ни одна живая душа, кроме моряков, которые запихнули меня в бочку, юнги, который убирал за

мной, девушки, которую ты послал чтобы согреть мне постель и той вероломной веснушчатой прачки. Ах, да! И твои стражники. Если только ты не извлек их ум вместе с яйцами, то они прекрасно понимают, что ты тут не один.

Паланкин был подвешен между восьмью отборными гигантскими лошадьми на крепких кожаных ремнях. Четыре евнуха шагали рядом, по двое с каждой стороны, а другие тяжело плелись сзади, охраняя обозы с вещами.

— Безупречные не сплетничают, — уверил его Иллирио. — А галера, которая доставила тебя сюда, уже на пути в

Асшай. Пройдет два года прежде, чем она вернется, если позволит море. Что касается моих слуг, то они меня любят. Никто из них не предаст меня.

Лелей эту мысль, мой толстый друг. Однажды мы высечем эти слова на твоей крипте.

— Нам стоило уплыть на той галере, — сказал карлик. — Самый быстрый путь до Волантиса — морем.

— Морем рискованно, — ответил Иллирио, — осень — сезон штормов, и пираты всё ещё устраивают свои логова на Ступенях и осмеливаются грабить честных людей. Никогда не пожелал бы своему маленькому другу попасть в

их лапы.

— На Ройне тоже бывают пираты.

— Речные пираты, — торговец сыром зевнул, прикрывшись ладонью. — Тараканьи капитаны, носящиеся с крошками.

— Еще болтают о каменных людях.

— Они действительно существуют, эти проклятые богами бедняги. Но зачем говорить о таких вещах? Этот день слишком хорош для подобных бесед. Скоро мы доберемся до Ройны, и там ты избавишься от Иллирио и его огромного живота. До тех пор давай выпьем и вздремнем. У нас прекрасное вино и закуски,

которыми пока можно насладиться. Зачем обсуждать болезни и смерть?

Действительно, зачем? Тирион снова слышал щелчок арбалета и задумался. Паланкин колыхался из стороны в сторону успокаивающим движением, и он почувствовал себя ребенком, убаюканным материнскими руками. *Хотя я даже не знаю, как это может быть.* Шелковые подушки набитые гусиным пухом ласкали его щеки. Фиолетовые бархатные стены были подвернуты кверху, создавая крышу, и внутри было приятное тепло, несмотря на осеннюю прохладу снаружи.

Упряжь мулов, плетущаяся

позади них, везла сундуки, бочки и корзины с разнообразными деликатесами, чтобы уберечь сырного лорда от недоедания. Утром они перекусили пряными колбасками, запивая их темным пивом из высушенного на огне солода. Желе из угля и дорнийское красное составили им компанию за обедом. Вечером была нарезанная ломтиками ветчина, вареные яйца и жареные жаворонки, фаршированные чесноком и луком, со светлым пивом и мирийским огненным вином, чтобы помочь пищеварению. Однако паланкин двигался медленно, чтобы обеспечить максимальное удобство, и карлик вскоре принялся стогать от

нетерпения.

— Сколько дней пройдет, прежде чем мы достигнем реки? — спросил он Иллирио этим вечером. — При таком темпе драконы вашей королевы будут больше, чем у Эйегона, когда я их наконец увижу.

— Будем надеяться, что так оно и будет. Большой дракон внушает больше страха чем маленький, — магистр пожал плечами. — Несмотря на то, что я был бы счастлив лично пригласить королеву Дейенерис в Волантис, я вынужден положиться в этом на тебя и Грифа. Я смогу лучше послужить ей в Пентосе, разглаживая путь для ее

возвращения. Ну, а пока я с тобой... старый толстый человек может позволить себе удобства, не правда ли? Давай, выпей чашу вина.

— Скажи мне, — произнес Тирион, после того как выпил. — Какое дело магистру Пентоса до того, кто носит корону в Вестеросе? Какова ваша выгода в этом предприятии, милорд?

Толстяк стёр жир с губ.

— Я старик и устал от этого мира с его предательством. Разве это так странно, что я хочу сделать что-нибудь хорошее, прежде чем мои дни завершатся, помочь милой молодой девушке вернуть себе то, что принадлежит ей по праву?

В следующий раз ты предложишь мне волшебные доспехи и дворец в Валирии.

— Если Дейенерис лишь милая молодая девушка, то Железный Трон порежет её на милые молодые кусочки.

— Не бойся, мой маленький друг. Кровь Эйегона Дракона течет в её жилах.

Наряду с кровью Эйегона Недостойного, Мейегора Жестокого, и Бейелора Благоглупого.

— Расскажи мне о ней.

Толстяк задумался с грустным видом:

— Дейенерис была наполовину ребенком, когда попала ко мне, но

более прекрасна, чем даже моя вторая жена, столь прелестна, что у меня было искушение оставить ее себе. Такие ужасные, потаённые мысли. Однако я знал, что не получу большой радости от связи с ней. Вместо этого я вызвал девушку, согревающую мне постель и яростно трахал её до тех пор, пока безумие не схлынуло. Сказать по правде, я не думал, что Дейенерис долго продержится среди коневодов.

— Но это не помешало тебе продать её Кхалу Дрого...

— Дотракийцы не продают и не покупают. Правильнее будет сказать, что старший брат Визерис *подарил* девочку Дрого, чтобы завоевать

дружбу кхала. Тщеславный паренек, и жадный. Визерис вождедел отцовский трон, но и Дейенерис тоже, и совсем не хотел отдавать ее. В ночь перед свадьбой он пытался проникнуть к ней в постель, утверждая, что если он не может получить ее руку, то, по крайней мере, получит девственность. Если бы я не принял меры предосторожности, разместив охранников у дверей в спальню, Визерис мог перечеркнуть годы планов.

— Он кажется полным идиотом.

— Визерис был сыном Эйериса

Безумного, только и всего. Дейенерис... Дейенерис совершенно

другая, — он запихнул в рот жареного жаворонка и смачно захрустел косточками. — Испуганное дитя, нашедшее приют в моем доме, погибло в Дотракийском море и возродилось в огне и крови. Эта новая королева драконов — истинный Таргариен. Когда я послал за ней корабли, она повернула к Заливу Работорговцев. За короткий промежуток времени она захватила Астапор, поставила на колени Юнкай и разграбила Миэрин. Мантарис будет следующим, если она пойдет на запад вдоль старых валирийских дорог. Если же она пойдет морем, что ж... ее флот обязательно будет пополнять

припасы в Волантисе.

— По земле или по морю, но между Миэрином и Волантисом много лиг, — заметил Тирион.

— Пятьсот пятьдесят по прямой, как летит дракон. Через пустыни, горы, болота и населенные демонами руины. Многие погибнут, но те, кто выживут, станут сильнее к тому времени, когда достигнут Волантиса... где найдут тебя и Грифа, ожидающих их со свежими силами и достаточным количеством кораблей, чтобы переправить всех по морю в Вестерос.

Тирион взвесил все то, что он знал о Волантисе, самом старом и самом гордом из девяти Вольных

Городов. Что-то здесь было не так. Даже имея в распоряжении только половину носа, он чуял это:

— Говорят, что у каждого свободного человека в Волантисе есть пять рабов. Зачем триархам города помогать королеве, которая уничтожает работорговлю? — обратился он к Иллирио. — Кстати, и зачем *тебе* это делать? Работорговля, может, и запрещена законами Пентоса, но ты все же держишь палец на жиле этого предприятия, а то и всю лапу. Однако ты сговариваешься с королевой драконов, а не против нее. Почему? Что ты надеешься получить от королевы Дейенерис?

— Ты снова об этом? Однако ты
настойчивый, коротышка, —
Иллирио расхохотался и хлопнул себя
по животу. — Как хочешь. Король-
попрошайка клялся, что я буду его
мастером над монетой и лордом к
тому же. Когда он наденет свою
золотую корону, я смогу выбрать
любой замок... даже Утес Кастерли,
если захочу.

Тирион фыркнул, и вино
брызнуло из обрубка, который
раньше был его носом:

— Мой отец был бы счастлив
услышать об этом.

— У твоего отца не было повода
для беспокойства. Зачем мне Утес?
Мое поместье достаточно большое

для любого человека и гораздо удобнее твоих наполненных сквозняками вестероских замков. Однако должность мастера над монетой... — толстяк очистил ещё одно яйцо. — Люблю монеты. Есть ли звук слаще, чем звон золотых?

Есть, вопли сестрички.

— А ты уверен, что Дейенерис выполнит обещания своего брата?

— Или выполнит, или не выполнит, — Иллирио откусил половину яйца. — Я уже говорил тебе, мой маленький друг: далеко не все, что делается, делается корысти ради. Верь во что хочешь, но даже у толстых старых дураков вроде меня есть друзья и долги перед ними,

требующие оплаты.

Лжец, подумал Тирион, что-то в этом рискованном предприятии для тебя ценнее, чем монеты и замки.

— В наши дни встретишь немного людей, ценящих дружбу превыше золота.

— Чистая правда, — сказал толстяк, не заметив иронии.

— Как получилось, что Паук стал тебе так дорог?

— Мы росли вместе, два зелёных юнца в Пентосе.

— Варис родом из Мира.

— Да, оттуда. Я встретился с ним вскоре после его приезда, чуть опередив работоторговцев. Днём он спал в сточных трубах, ночью бродил

по крышам, как кошка. Я был почти нищим: наемный убийца в грязных шелках, живущий своим клинком. Ты, вероятно, заметил ту статую в моем бассейне? Её вытесал Пито Маланон, когда мне было шестнадцать. Прекрасная вещь, хотя теперь я плачу, глядя на неё.

— Возраст делает нас развалинами. Я до сих пор оплакиваю свой нос. Но Варис...

— В Море он был принцем воров, пока вор-соперник не донес на него. В Пентосе из-за акцента ему трудно было оставаться незамеченным, а когда прознали, что он евнух, то стали презирать и бить. Возможно, я никогда не узнаю,

почему он выбрал именно меня себе в защитники, но мы пришли к соглашению. Варис шпионил за мелкими ворами и забирал добычу. Я предлагал помощь их жертвам и обещал вернуть ценности за определенную плату. Вскоре все в городе знали, что если их обворовали, надо обратиться ко мне, а грабители и карманники всюду разыскивали Вариса... одна половина — чтобы перерезать ему глотку, другая — чтобы продать краденое. Мы оба разбогатели, но стали ещё богаче, когда Варис обучил своих мышек.

— В Королевской Гавани он держал "пташек".

— "Мышки", так мы их называли тогда. Старые воры были дураками, думающими не дальше обмена своей добычи на вино. Варис предпочитал мальчиков-сирот и маленьких девочек. Он выбирал самых мелких, быстрых и тихих, учил их взбираться на стены и проникать в дымоходы. Еще он научил их читать. Мы оставили золото и камешки обычным ворами. Вместо этого наши мышки брали письма, книги, карты... читали и возвращали на место. "Секреты дороже серебра и сапфиров", — говорил Варис. Именно так. Я стал настолько уважаемым, что двоюродный брат принца Пентоса разрешил мне

жениться на его юной дочери; в то же время слухи о талантах некоего евнуха пересекли Узкое море и достигли ушей некоего короля. Очень нервного короля, не доверявшего ни своему сыну, ни жене, ни Деснице — другу юности, ставшему высокомерным и горделивым. Я полагаю, продолжение этой истории тебе известно, не так ли?

— Более-менее, — признал Тирион. — Теперь я вижу, что ты нечто большее, чем обычный торговец сыром.

— Ты очень добр, мой маленький друг. А со своей стороны я вижу, что ты и в самом деле настолько смысленный, как

утверждал Варис, — он улыбнулся, показав кривые желтые зубы, и приказал принести еще один кувшин мирийского белого.

Когда магистр задремал с кувшином вина у локтя, Тирион прокрался через подушки, освободил вино из его мясистой тюрьмы и налил себе чашу. Он осушил ее, зевнул и наполнил вновь. *Если я выпью достаточно огненного вина,* сказал он себе, *может быть, мне приснятся драконы.*

Когда он еще был одиноким ребенком в глубинах Утеса Кастерли, то часто грезил о полетах на драконах в ночи, представляя себя каким-нибудь пропавшим

таргариенским принцем или валирийским повелителем драконов, парящим над полями и горами. Однажды, когда его дядя спросили, что подарить ему на именины, он попросил дракона. "Он необязательно должен быть большим. Можно маленького, как я." Его дядя Герион думал, что это самое смешное, что он когда-либо слышал, но дядя Тигетт сказал: "Последний дракон умер сто лет назад, парень". Это казалось таким чудовищно несправедливым, что в ту ночь мальчик плакал, пока не уснул.

Однако, если верить сырному лорду, у дочери Безумного Короля вылупилось три живых дракона. *На*

два больше, чем нужно даже Таргариену. Тириону почти сожалел, что убил своего отца. Он с удовольствием посмотрел бы на лицо лорда Тайвина, когда тот узнал бы о движущейся на Вестерос таргариенской королеве с тремя драконами при поддержке евнуха-интригана и сырного лорда размером с половину Утеса Кастерли.

Карлик так набил свое брюхо, что вынужден был расстегнуть пояс и ослабить тесьму на штанах. В детской одежде, которую напялил на него магистр, он чувствовал себя десятифунтовой колбасой в пятифунтовой оболочке. *Если мы будем каждый день столько жрать,*

то я стану размером с Иллирио, прежде чем увижу эту королеву драконов. Снаружи уже наступила ночь. Да и внутри было темно. Тирион слышал, как храпит Иллирио, как скрипят кожаные ремни, как размеренно цокают подкованные железом копыта по твердой валирийской дороге, но его сердце прислушивалось к звуку рассекающих воздух кожистых крыльев.

Когда он проснулся, уже рассвело. Лошади едва двигались, паланкин поскрипывал и раскачивался между ними. Тирион отодвинул занавеску на дюйм и выглянул наружу, но там было не на

что смотреть, кроме желтых полей, облетевших бурых вязов и самой дороги — прямого, как стрела, тракта, уходящего в горизонт. Он читал о валирийских дорогах, но эта была первой, которую он видел. Власть Валирии распространялась вплоть до Драконьего Камня, но никогда на сам Вестерос. *Довольно странно. Драконий Камень — это всего лишь скала. Основные богатства лежали далеко на западе, но ведь у них были драконы. Разумеется, они должны были знать, что все ценное — там.*

Прошлым вечером он выпил слишком много: голова раскалывалась и даже мягкое

покачивание носилок вызывало тошноту. Хотя он ни разу не пожаловался, его страдания не укрылись от Иллирио Мопатиса:

— Давай, выпей со мной, — сказал толстяк. — Как говорится, "чешуйка от дракона, который тебя поджарил."

Он налил из графина ежевичного вина, настолько сладкого, что оно привлекало мух сильнее, чем мед. Тирион согнал их тыльной стороной ладони и сделал большой глоток. Вкус вина был настолько приторным, что он постарался как можно быстрее проглотить его. Однако вторая чаша пошла легче. Но даже вино не

разбудило в нем аппетита, поэтому, когда Иллирио предложил ежевику со сливками, он лишь отмахнулся.

— Мне приснилась королева, — сказал он. — Я стоял перед ней на коленях и клялся в верности, но она перепутала меня с моим братом Джейме и скормила своим драконам.

— Будем надеяться, что этот сон не окажется пророческим. Ты ловкий бес, как и говорил Варис, а Дейенерис понадобятся способные люди рядом с ней. Сир Барристан — доблестный рыцарь и преданный, но, думаю, что никто никогда не называл бы его хитрым.

— Рыцари знают только один способ решить проблему: они

опускают копья и атакуют. У карликов другой взгляд на мир. Однако, как же ты? Ты ведь и самый умный человек.

— Ты мне льстишь, — отмахнулся Иллирио. — Увы, я не создан для путешествий, так что я пошлю тебя к Дейенерис вместо себя. Ты оказал Ее Величеству огромную услугу, когда убил отца, и я надеюсь, сделаешь для нее еще больше. Дейенерис не так глупа, как ее брат. Она найдет тебе применение.

В качестве растопки? подумал Тирион и любезно улыбнулся.

Они меняли лошадей только трижды в тот день, но останавливались через каждые

полчаса, чтобы Иллирио мог совершить героический спуск с паланкина и самостоятельно отлить. *Наш сырный лорд размером со слона, но мочевого пузырь у него как арахис,* размышлял карлик. Во время одной из остановок он решил рассмотреть дорогу. Тирион знал, что он найдет: не утрамбованную землю, кирпичи или булыжник, но полосу расплавленного камня, на полфута возвышающуюся над землей, чтобы дожди и талый снег могли стекать на обочину. В отличие от жалких тропинок, которые назывались дорогами в Семи Королевствах, валирийские дороги были достаточно широки, чтобы по ним

могли беспрепятственно проехать три фургона в ряд. Они по-прежнему остались неизменными, даже спустя четыре столетия после того, как Рок постиг Валирию. Он попытался найти на ней выбоины или трещины, но обнаружил только свежую кучу навоза, оставленную одной из лошадей.

Навоз напомнил ему о лорде-отце. *Ты уже спустился в ад, отец? Славный ледяной ад, откуда ты можешь посмотреть вверх и увидеть, как я помогаю дочери Эйериса Безумного завладеть Железным Троном.*

Когда они продолжили движение, Иллирио доел мешочек с

жареными каштанами и снова завел речь о королеве драконов:

— Боюсь, наши последние новости о ней устарели. Мы предполагаем, что она уже оставила Миэрин. У нее наконец-то есть своя армия: отряд наемников, дотракийцы и Безупречные. Несомненно, она поведет их на запад, чтобы вернуть трон своего отца, — магистр Иллирио открыл горшочек с улитками в чесноке, понюхал их и улыбнулся. — Будем надеяться, в Волантисе ты получишь последние известия о ней, — сказал он и высосал улитку из раковины. — Драконы и юные девушки непостоянны, так что, возможно,

тебе придется менять свои планы. В этом случае Гриф что-нибудь придумает. Хочешь улитку? Чеснок из моего собственного сада.

Я мог бы оседлать улитку и все же ехать быстрее, чем ты со своим паланкином. Тирион взмахом отклонил предложенное угощение.

— Ты доверяешь этому человеку, Грифу? Еще один друг детства?

— Нет. Наемник, как ты бы его назвал, однако рожденный в Вестеросе. Дейенерис нужны люди, достойные её начинания, — Иллирио поднял руку. — Знаю! Ты думаешь: "У наемников на первом месте золото, а не честь. Этот Гриф продаст меня моей сестре." Вовсе

нет. Я доверяю Грифу, как доверял бы брату.

Еще одна смертельная ошибка.

— Ну что ж, тогда я поступлю так же.

— Прямо сейчас Золотые Мечи двигаются по направлению к Волантису. Там они будут ожидать нашу королеву с востока.

Под золотом жесткая сталь.

— Я слышал, что у Золотых Мечей контракт с одним из Вольных Городов.

— Да, с Миром, — ухмыльнулся Иллирио. — Но любые контракты могут быть расторгнуты.

— В сыре гораздо больше денег, чем я себе представлял, — сказал

Тирион. — Как тебе это удалось?

Магистр скрестил свои толстые пальцы:

— Некоторые контракты пишутся чернилами, а некоторые — кровью. Большого я сказать не могу.

Карлик задумался об этом. Золотые Мечи, слывшие лучшими из всех вольных отрядов, были основаны сто лет назад Злым Клинком, бастардом Эйегона Недостойного. Когда еще один из Великих Бастардов Эйегона попытался захватить Железный Трон у своего законорожденного сводного брата, Злой Клинок примкнул к восстанию. Однако Дейемон Черное Пламя погиб на Краснотравном

Поле, и восстание вместе с ним. Последователи Черного Дракона, выжившие в битве, но отказавшиеся преклонить колени, бежали через Узкое море, среди них младшие сыновья Дейемона, Злой Клинок, и сотни безземельных лордов и рыцарей, которые вскоре были вынуждены стать наемниками, чтобы заработать на хлеб насущный. Некоторые из них примкнули к Рваному Знамени, некоторые к Младшим Сыновьям или Людям Девы. Увидев, как силы дома Черного Пламени рассеиваются на все четыре стороны, Злой Клинок решил создать Золотые Мечи, чтобы собрать всех изгнанников вместе.

С того времени люди из Золотых Мечей жили и умирали в Спорных Землях, сражаясь за Мир, Лисс или Тирош в их бессмысленных мелких войнах, и мечтали о земле, потерянной их отцами. Они были изгнанниками и сыновьями изгнанников, обездоленными и непощенными... но все еще грозными бойцами.

— Я восхищен силой твоего убеждения, — сказал Тирион, — но как тебе удалось склонить Золотых Мечей принять сторону нашей очаровательной королевы, ведь они потратили так много времени в своей истории, сражаясь *против* Таргариенов.

Иллирио отмахнулся от
возражения как от мухи:

— Черный или красный, дракон
есть дракон. Когда Мейелис-Чудище
погиб на Ступенях, мужская ветвь
Дома Черного Пламени
прервалась, — сырный лорд
улыбнулся сквозь свою раздвоенную
бороду. — И Дейенерис даст изгоям
то, что не смогли дать Злой Клинок и
Черное Пламя. Она вернет их домой.

Огнем и мечом. Такой способ
возвращения на родину Тирион
предпочитал более всего.

— Десять тысяч мечей —
роскошный подарок, я признаю это.
Ее Величество будет очень довольна.

Магистр скромно кивнул, его

щеки затряслись.

— Я бы никогда не осмелился утверждать, что может доставить удовольствие Ее Величеству.

Благоразумно. Тирион знал слишком много о благодарности королей. Почему благодарность королев должна быть другой?

Довольно скоро магистр заснул, оставив Тириона размышлять в одиночестве. Он хотел бы знать, как отнесется Барристан Селми к сражению плечом к плечу с Золотыми Мечами. Во время Войны Девятигрошовых Королей Селми прорубил кровавый проход сквозь их ряды, чтобы убить последнего из самозванцев Черного Пламени.

Восстание объединяет странных союзников. И нет ничего более странного, чем этот толстяк и я.

Сырный лорд проснулся, когда они остановились сменить лошадей, и послал за свежей корзиной с лакомствами.

— Как далеко мы продвинулись? — спросил карлик, пока они обедались холодным каплуном с гарниром из моркови, изюма, кусочков лимона и апельсина.

— Это Андалос, мой друг. Земля, откуда пришли ваши андалы. Они захватили ее у волосатых людей, живших тут ранее, родственников волосатых иббенийцев. Сердце

древних владений Хугора лежит к северу от нас, но мы пройдем через его южные топи. В Пентосе их называют Плоскоземье. Дальше на восток Бархатные Холмы, откуда мы отправимся.

Андалос. Вера учит, что некогда Семеро бродили по холмам Андалоса как люди.

— Отец протянул руку к небесам и опустил на землю семь звезд, — процитировал Тирион. — И одну за другой он возложил их на чело Хугора с Холма, создав сияющую корону.

Магистр Иллирио взглянул на него с любопытством:

— Я и вообразить себе не мог,

что мой маленький друг столь набожен.

Карлик пожал плечами:

— Пережитки детства. Я знал, что рыцарем мне не быть, и решил стать Верховным Септоном. Эта кристальная корона добавляет фут к росту человека. Я штудировал святые книги, молился, пока не стер колени, но эти мои начинания закончились прискорбно. Я достиг определенного возраста и влюбился.

— Девушка? Я знаю, как это бывает, — Иллирио засунул правую руку в левый рукав и вытащил серебряный медальон. Внутри него было изображение женщины с большими голубыми глазами и

бледно-золотыми волосами с серебром. — Серра. Я нашел ее в лисенийском публичном доме и взял домой, чтоб согреть мне постель. В итоге я женился на ней. Я, чьей первой женой была кузина принца Пентоса. После этого дворцовые ворота закрылись для меня, но мне было все равно. Ради Серры я заплатил бы и куда большую цену.

— Как она умерла? — Тирион понял, что она умерла; ни один мужчина не отзывался так ласково о женщине, которая бросила его.

— Браавосская торговая галера зашла в Пентос на обратном пути из Нефритового моря. "Сокровище" привезла гвоздику и шафран, гагат и

нефрит, алую парчу, зеленый шелк... и серую смерть. Мы убили гребцов, как только они сошли на берег, и сожгли судно, но крысы сползли по веслам и доплыли до пристани. Мор забрал две тысячи жизней, прежде чем все вернулось в свое русло, — магистр Иллирио закрыл медальон. — Я храню ее руки в своей спальне. Они были так нежны...

Тирион подумал о Тише. Он бросил взгляд на поля, по которым когда-то гуляли боги.

— Что за боги могли создать крыс, мор и карликов? — ему пришел на ум другой отрывок из "Семиконечной Звезды": — "Дева родила ему девочку, гибкую как ива,

с глазами, подобными глубоким синим озерам, и Хутор провозгласил ее своей нареченной. Тогда Мать одарила ее плодородием, и Старица предсказала, что она принесет королю сорока четырех могучих сыновей. Воин дал силу их рукам, а Кузнец выковал каждому доспехи из железных пластин."

— Ваш Кузнец, должно быть, был ройнаром, — язвительно заметил Иллирио. — Андалы обучились работе с железом у ройнаров, живших вдоль реки. Это всем известно.

— Но не нашим септонам, — Тирион махнул в сторону полей. — Кто живет на этом вашем

Плоскоземье?

— Земледельцы и трудяги, привязанные к земле. Здесь есть сады, фермы, шахты... Некоторые принадлежат мне, но я здесь редкий гость. Зачем мне тратить тут впустую свое время, когда в Пентосе у меня под рукой мириады наслаждений?

— Мириады наслаждений. — *И высокие толстые стены.* Тирион покрутил вино в чаше. — Мы не видели городов после Пентоса.

— Там руины, — Иллирио махнул цыплячьей ножкой в сторону занавесок. — Лошадники проходят этим путем каждый раз, когда какому-нибудь кхалу взбредет в голову поглазеть на море.

Дотракийцы не слишком любят города, об этом знают даже в Вестеросе.

— Напади на один из их кхаласаров и уничтожь его, и ты обнаружишь, что дотракийцы не так уж и быстры в пересечении Ройны.

— Гораздо дешевле откупиться от врагов едой и дарами.

Если бы я подумал принести хорошего сыра на битву на Черноводной, у меня мог бы по-прежнему быть весь мой нос. Лорд Тайвин всегда относился к Вольным Городам с презрением. Золото приносит свою пользу, но войны выигрываются железом.

— Дай золото врагу, и он лишь

вернется, чтобы взять еще, всегда говорил мой отец.

— Это тот самый отец, которого ты убил? — Иллирио вышвырнул куриную кость из паланкина. — Наемники не выстоят перед дотракийскими крикунами. Это было доказано в Квохоре.

— Даже твой храбрый Гриф? — ухмыльнулся Тирион.

— Гриф другой. У него есть сын, которого он любит до безумия. Молодой Гриф, так зовут мальчика. Не было еще юноши благороднее.

Вино, еда, солнце, покачивание паланкина, жужжание мух — от всего этого Тириона клонило в сон. Он засыпал, просыпался, напивался.

Иллирио пил наравне с ним. И лишь когда небо стало темно-багряным, толстяк захрапел.

Этой ночью Тириону Ланнистеру снилась битва, которая обагрила холмы Вестероса кровью. Он был в самом ее центре, даря смерть топором, размером с себя, сражаясь плечом к плечу с Барристаном Смелым и Злым Клинком, в то время как драконы кружили в небе над ними. Во сне у него было две головы, обе безносые. Его отец возглавлял вражеское войско, поэтому он снова убил его. Потом он убил своего брата Джейме, кромсая ему лицо до тех пор, пока оно не превратилось в красное

месиво, и смеясь при каждом ударе. Только когда битва закончилась, он понял, что его вторая голова плачет.

Когда он проснулся, его чахлые ноги совсем затекли. Иллирио ел оливки.

— Где мы? — спросил его Тирион.

— Мы еще не покинули Спорные Земли, мой стремительный друг. Скоро дорога приведет нас к Бархатным Горам. Там мы начнем наше восхождение к Гойан Дроэ, над Нижней Ройной.

Гойан Дроэ был городом ройнаров, пока драконы Валирии не обратили его в пепел. *Я путешествую по времени с той же*

легкостью, что и по дорогам, размышлял Тирион, возвращаясь назад к дням, когда драконы правили миром.

Тирион спал и просыпался, и снова спал, и был ли день или ночь — казалось, не имело значения. Бархатные Горы разочаровали.

— У половины шлюх в Ланниспорте сиськи больше, чем эти горы, — сказал он Иллирио. — Ты должен называть их Бархатные Соски.

Они видели круг из стоящих камней; по словам Иллирио, их воздвигли великаны, а чуть позже — глубокое озеро.

— Здесь находился притон

разбойников, которые грабили каждого, проходящего этим путем, — сказал Иллирио. — Говорят, что они до сих пор обитают под водой. Они затаскивают под воду и поглощают тех, кто рыбачит на озере.

Следующим вечером они добрались до огромной валирийской статуи, припавшей к земле у дороги. Это была статуя дракона с женским лицом.

— Королева драконов, — сказал Тирион. — Хорошее предзнаменование.

— Она потеряла своего короля, — Иллирио указал на гладкую каменную плиту на которой некогда стояла вторая статуя; сейчас

она поросла мхом и цветущим
виноградом, — дотракийцы
поставили его на деревянные колёса
и увезли в Вейес Дотрак.

Это тоже предзнаменование,
подумал Тирион, *но уже не такое*
хорошее. Этой ночью, выпив больше
обычного, он внезапно запел:

Он помчался по улицам
городским,
Ненасытной страстью
влеком.

Там жила она, его тайный
клад,
Наслаждение его и позор.
И он отдал бы замок и цепь
свою

За улыбку и нежный взор.

Это были все слова, что он знал, не считая припева. *Золотые руки всегда холодны, а женские — горячи.* Руки Шаи били его, пока золотые руки впивались ей в горло. Он не помнил, были они горячими или нет. Как только силы оставили ее, удары стали слабее, чем трепетанье крыльев мотылька. С каждым оборотом цепи золотые руки впивались еще глубже. *Он отдал бы замок и цепь свою за улыбку и нежный взор.* Поцеловал ли он ее в последний раз, после ее смерти? Он не помнил... хотя все еще мог

воскресить в памяти их первый поцелуй, в палатке на берегу Зеленого Зубца. Какими сладкими были ее губы.

Он также вспомнил первый поцелуй с Тишей. *Она не знала, что делать, так же, как и я. Мы продолжали сталкиваться носами, но когда я дотронулся языком до ее языка, она задрожала.* Тирион закрыл глаза, попытавшись представить ее лицо, но вместо этого он видел отца, присевшего в туалете с задранным до пояса халатом. "Куда все шлюхи отправляются", — сказал Лорд Тайвин и арбалет щелкнул.

Карлик перевернулся, зарывшись половинкой носа глубоко

в шелковые подушки. Сон разверзся под ним, как колодец, и он бросился в него, позволив темноте поглотить себя.

7. СЛУГА КУПЦА

"Приключение" воняло.

Корабль мог похвастаться
шестьюдесятью веслами,
единственным парусом и длинным
тонким корпусом, сулившим
хорошую скорость. *Хоть и*
маленький, но мог бы сгодиться,
подумал Квентин, увидев его, но это
было до того, как он поднялся на
борт и почувствовал запах. *Свиньи,*
мелькнула первая мысль, но после
второго вдоха он изменил свое
мнение. У свиней более чистый
запах. Здесь воняло мочой, тухлым
мясом и нечистотами — это было

зловоние гниющей плоти, сочащихся язв и загноивших ран, такое ужасное, что заглушало соленый воздух и запах рыбы в порту.

— Меня сейчас вырвет, — сказал он Геррису Дринкуотеру.

Ожидая хозяина корабля, они изнемогали от жары и несущегося с палубы зловония.

— Если капитан пахнет подобно кораблю, то он примет твою рвоту за благовония, — ответил Геррис.

Квентин уже был готов предложить попытать счастья на другом судне, когда, наконец, появился капитан с двумя матросами гнусного вида. Геррис поприветствовал его улыбкой. Хотя

на волантийском он говорил хуже Квентина, их затея требовала, чтобы он выступал от их имени. До Деревянного Городка виноторговца изображал Квентин, но этот маскарад раздражал его, поэтому, сменив корабль в Лисе, дорнийцы поменялись ролями. На борту "Жаворонка" Клетус Айронвуд преобразился в купца, а Квентин — в слугу; после убийства Клетуса, в Волантисе роль господина взял на себя Геррис.

Высокий и красивый, с поджарым привлекательным телом, сине-зелеными глазами и волосами песочного цвета, выгоревшими на солнце, Геррис Дринкуотер вел себя

с самодовольной уверенностью, граничащей с высокомерием. Казалось, он никогда не смущается, и, даже если он не владел языком, его всегда понимали.

Квентин выглядел жалким по сравнению с ним: крепко сбитый, коротконогий и коренастый, с темными волосами цвета вскопанной земли. У него был слишком высокий лоб, слишком квадратная челюсть и слишком широкий нос. *Хорошее честное лицо, выразилась как-то одна девушка, однако тебе следует чаще улыбаться.*

Как и его лорду-отцу, улыбки никогда не давались легко Квентину Мартеллу.

— И насколько быстро это ваше "Приключение"? — спросил Геррис на жалком подобии высокого валирийского.

Капитан "Приключения" распознал его акцент и ответил на общем языке Вестероса:

— Нет ничего быстрее, достопочтимый лорд. "Приключение" обгонит даже ветер. Скажите мне, куда желаете отправиться, и я доставлю вас туда немедленно.

— Я ищу корабль до Миэрина для себя и двух слуг.

Капитан ответил не сразу.

— Я бывал в Миэрине. И мог бы найти город снова, да... но зачем?

Теперь в Миэрине нет рабов, там нечем поживиться. Серебряная королева положила этому конец. Она закрыла даже бойцовые ямы, так что бедному моряку будет нечем заняться в ожидании, пока заполнятся трюмы. Скажи мне, мой вестеросский друг, что влечет тебя в Миэрин?

Самая прекрасная женщина на свете, подумал Квентин. *Моя невеста, если будет на то воля богов.* Иногда по ночам он не мог заснуть, представляя ее лицо и тело и задаваясь вопросом, зачем такой женщине выходить за него, когда в ее распоряжении принцы со всего мира. *Я — это Дорн,* говорил он себе. *Она захочет Дорн.*

В ответ Геррис рассказал заранее придуманную ими историю:

— Вино — наше семейное дело. Моему отцу принадлежат обширные виноградники в Дорне, и он отправил меня на поиски новых рынков. Я надеялся, что славный народ Миэрина с радостью встретит мой товар.

— Вино? *Дорнийское* вино? — капитан не поверил. — В городах работорговцев идет война. Неужели вы не знаете?

— Говорят, что сражения идут между Юнкаем и Астапором. Миэрин не участвует.

— Пока нет. Но скоро будет. Прямо сейчас посол Желтого Города

нанимает мечи здесь, в Волантисе. Длинные Копья уже сели на корабль в Юнкай, а Гонимые Ветром и Братство Кота последуют за ними, как только пополнят свои ряды. Золотые Мечи также идет на восток. Это всем известно.

— Вам лучше знать. Мое дело — вино, а не войны. Все знают, что гискарские вина — дрянь. Миэринцы хорошо заплатят за мое дорнийское марочное.

— Мертвым все равно, какое вино пить, — хозяин "Приключения" теребил свою бороду. — Думаю, я не первый капитан, с которым вы пытаетесь договориться. И даже не десятый.

— Да, — признал Геррис.

— Так который? Сотый?

Почти угадал, подумал Квентин.

Волатийцы любили хвастаться, что сотню островов Браавоса можно поместить в их обширную гавань и затопить там. Квентин никогда не видел Браавоса, но готов был в это поверить. Разросшийся, созревший и уже подгнивающий Волатис присосался к устью Ройны, как жаркий мокрый поцелуй, растянувшись через холмы и топи по оба берега реки. Корабли были повсюду: спускались по реке или выходили в море, заполняли причалы и пристани, разгружались и загружались товарами; военные

корабли, китобои, торговые галеи, карраки и плоскодонки, маленькие и большие рыбацкие лодки, ладьи, корабли из Лисса, Тироша и Пентоса, Квартийские судна с пряностями, огромные как дворцы, корабли из Толоса, Юнкая и островов Василиска. Их было так много, что Квентин, впервые увидев порт с палубы "Жаворонка", сказал друзьям, что они не задержатся здесь больше трех дней.

Но минуло уже двадцать дней, а они все еще не могли найти корабль. Капитаны "Мелантины", "Дочери Триарха" и "Поцелуя Русалки" просто отказали. Штурман "Отважного мореплавателя"

рассмеялся им в лицо. Хозяин "Дельфина" обругал за то, что они впустую потратили его время, а владелец "Седьмого Сына" обозвал пиратами. И это все только в первый день.

Только капитан "Ласковой" объяснил им причины своего отказа. "Это правда, что я плыву на восток, — сказал он, потягивая вино. — Сначала на юг, огибая Валирию, и дальше прямо на восход. Мы пополним запасы воды и провизии в Новом Гисе и затем направимся в Кварт и Нефритовые Ворота. Все путешествия по морю сопряжены с опасностью, а долгие — сильнее всего. Зачем мне

наживать себе лишние проблемы, заходя в Залив Работоторговцев? "Ласковая" — это все, что у меня есть. Я не стану рисковать ей, чтобы доставить трех сумасшедших дорнийцев в самое сердце войны".

Квентин начинал думать, что проще было купить собственный корабль в Деревянном Городке. Правда, это могло привлечь к ним нежелательное внимание. Пташки Паука были повсюду, даже в залах Солнечного Копья. "Дорн истечет кровью, если твои намерения будут раскрыты, — предупреждал его отец, наблюдая, как детвора резвится в бассейнах и фонтанах Водных Садов. — То, что мы делаем,

является изменой, поэтому не ошибись. Доверяй только своим спутникам и приложи все силы, чтобы избежать ненужного внимания".

Геррис Дринкуотер одарил капитана "Приключения" одной из своих самых обезоруживающих улыбок:

— Сказать по правде, я не считал тех трусов, что отказали нам, но в Доме Купца говорят, вы — храбрый человек, готовый рискнуть чем угодно за соответствующую плату.

Контрабандист, подумал Квентин. Так описали хозяина "Приключения" там, в Доме Купца.

"Он контрабандист и работорговец, наполовину пират и наполовину пройдоха, но, возможно, он ваша единственная надежда", — сказал им хозяин.

Капитан потер большим пальцем по указательному:

— И во сколько золотых вы оцениваете такое путешествие?

— Втрое больше твоей обычной платы за проезд до Залива Работорговцев.

— За каждого? — капитан обнажил зубы в некоем подобии улыбки, и его узкое лицо приобрело хищное выражение. — Возможно. Действительно, я храбрее многих. Когда вы хотите отплыть?

— Хорошо, если уже завтра.

— По рукам. Возвращайтесь за час до рассвета со своими друзьями и винами. Лучше отплыть, пока Волантис спит, во избежание ненужных вопросов о месте нашего назначения.

— Договорились. За час до рассвета.

Улыбка капитана стала шире:

— Рад, что могу помочь. Нас ждет приятное путешествие, не так ли?

— Определенно, — сказал Геррис.

Капитан крикнул принести эль, и они вместе выпили за успех предприятия.

— Приятный человек, — произнес Геррис позже, когда они с Квентином спустились к опорам причала, где их дожидался нанятый *хатхай*. Воздух был горячим и тяжелым, а солнце беспощадно слепило, заставляя их обоих жмуриться.

— Приятный сладкий город, — согласился Квентин.

Такой сладкий, что испортит тебе зубы. Повсюду в изобилии росла сахарная свекла, её подавали почти с любым блюдом. Волантийцы готовили из неё холодный суп, густой и вязкий, как мед. Их вина тоже были сладкими.

— Однако же, боюсь, что наше

счастливое путешествие будет коротким. Этот приятный человек и не думает везти нас в Миэрин. Слишком быстро он принял твои условия. Он, конечно, возьмет втрое против обычной платы, а как только примет нас на борт и земля скроется из виду, перережет нам глотки и заберет остальное золото.

— Или прикует нас к веслам рядом с теми беднягами, чью вонь мы вдыхали. Нам нужно найти контрабандиста рангом повыше.

Возница ждал их, стоя у своего *хатхая*. В Вестеросе такое, скорее всего, назвали бы воловьей повозкой, хотя он был украшен намного богаче любой повозки, виденной Квентином

когда-либо в Дорне, а воны отсутствовали. *Хатхай* тянула карликовая слониха со шкурой цвета грязного снега. Их было полно на улицах Старого Волантиса.

Квентин предпочел бы прогуляться, но они находились слишком далеко от своей гостиницы. Кроме того, хозяин в Доме Купца предупредил его, что прогулки пешком унизят их в глазах чужеземных капитанов и местных волантийцев. Знатные господа передвигаются в паланкинах или на *хатхаях*... и так уж случилось, что у кузена хозяина гостиницы как раз есть несколько этих чудесных приспособлений, и он готов с

радостью услужить им в этом деле.

Их возница был одним из рабов того самого кузена. Невысокий мужчина с татуировкой в виде колеса на одной щеке, почти голый, за исключением набедренной повязки и пары сандалий. Его кожа была цвета тикового дерева, а глаза — как два осколка кремня. Он помог им подняться на мягкие скамьи, расположенные между двумя огромными деревянными колесами повозки, а сам забрался на спину слониhi.

— К Дому Купца, — сказал ему Квентин, — но езжай вдоль пристани.

После набережной с ее

прохладным ветерком, улицы и переулки Волантиса показались настолько душными, что можно было утонуть в собственном поту. По крайней мере, так было по эту сторону реки.

Погонщик что-то прокричал слонихе на своем языке. Животное двинулось вперед, раскачивая хоботом из стороны в сторону. Повозка следовала за ним, возница время от времени покрикивал на моряков и рабов, расчищая путь. Отличить одних от других труда не составляло. У всех рабов были татуировки: маска из синих перьев, молнии, идущие от скул до бровей, монеты на щеках, пятна леопарда,

черепа, кувшины. Мейстер Кедри говорил, что в Волантисе на каждого свободного человека приходится пять рабов. Сам он не прожил достаточно долго, чтобы проверить свое утверждение. Он погиб тем утром, когда пираты взяли на abordаж "Жаворонока".

В тот день Квентин потерял еще двух своих друзей. Вильяма Уэллса с его веснушками и кривыми зубами, бесстрашного сражавшегося копьем, и Клетуса Айронвуда — симпатичного, несмотря на косящий глаз, вечного бабника и весельчака. Клетус был ближайшим другом Квентина еще с детства, братом во всем, кроме крови. "Поцелуй свою

невесту за меня", — прошептал ему Клетус перед самой смертью.

Пираты возникли на борту в предрассветной темноте, пока "Жаворонок" стоял на якоре у берегов Спорных Земель. Ценой двенадцати жизней команде удалось отразить их нападение. После моряки сняли с мертвых корсаров сапоги, пояса и оружие, опустошили их кошельки, вырвали драгоценные камни из ушей и сняли кольца с рук. Один мертвец был настолько толстым, что корабельному повару пришлось отрезать тесаком ему пальцы ради колец. Понадобилось три матроса, чтобы сбросить тушу в воду. Остальные пираты последовали

прямиком за ним без каких-либо молитв и ритуалов.

Со своими погибшими они обошлись совсем иначе. Моряки зашили их тела в ткань и привязали к ним балластные камни, чтобы они быстрее пошли ко дну. Капитан вместе с командой помолился за души убитых товарищей. Затем он повернулся к своим дорнийским пассажирам — тем трем, что остались от шести поднявшихся на борт его корабля в Деревянном Городке. Даже здоровяк вышел на палубу — бледный и едва держащийся на ногах из-за морской болезни, он поднялся из трюма, чтобы отдать дань уважения. "Один

из вас должен сказать несколько слов о своих мертвецах прежде, чем мы отдадим их морю", — сказал капитан. Геррис был вынужден врать через слово, так как не мог рискнуть раскрыть правду о том, кто они или какова их цель.

Это не должно было так для них закончиться. "Это станет легендой, которую мы будем рассказывать нашим внукам", — заявил Клетус, когда они отправлялись из замка его отца. Вилл поморщился и сказал: "Ты имеешь в виду, легендой для распутных девок в тавернах, чтобы они подняли свои юбки". Клетус хлопнул его по спине: "Для внуков тебе понадобятся дети.

А для детей нужно задрать несколько юбок". Позже, в Деревянном Городке, дорнийцы поднимали тосты за будущую невесту Квентина, выкрикивая пошлые шутки о грядущей брачной ночи; также говорили о вещах, что им предстоит увидеть, о подвигах, что им предстоит совершить, и о славе, что они завоюют. *Все, что они завоевали — это парусина, утяжеленная камнями.*

Как бы ни печалила Квентина смерть Уилла и Клетуса, потеря мастера была хуже всего. Кедри свободно владел всеми языками вольных городов и даже знал смешанный гискарский, на котором

говорили вдоль берега Залива Работорговцев. "Мейстер Кедри пойдет с тобой, — сказал отец в ночь, когда они расстались. — Прислушивайся к его советам. Он потратил половину своей жизни, изучая Девять Вольных Городов". Квентин задался вопросом, пошли бы дела намного легче, будь мейстер здесь со своими советами.

— Я бы мать продал за легкий ветерок, — сказал Геррис, пока они тащились сквозь толпу у доков. — Здесь влажно, как у Девы в промежности, а еще нет и полудня. Ненавижу этот город.

Квентин разделял его чувства. Из-за гнетущей влажной жары

Волантиса он чувствовал себя слабым и грязным. Хуже всего было знать, что с приходом ночи легче не станет. На верхних лугах, севернее поместий лорда Айронвуда, с наступлением темноты воздух всегда становился свеж и прохладен, каким бы жарким ни был день. Но не здесь. В Волантисе ночи были почти такие же жаркие, как и дни.

— "Богиня" отплывает в Новый Гис завтра, — напомнил ему Геррис. — По крайней мере, это будет ближе.

— Новый Гис — это остров, и порт там меньше чем здесь. Да, это ближе, но может крепко посадить нас на мель. К тому же Новый Гис в

союзе с Юнкаем, — эти новости не стали сюрпризом для Квентина. Новый Гис и Юнкай оба были гискарскими городами. — Если Волантис также присоединится к ним...

— Нам нужно найти корабль из Вестероса, — предложил Геррис, — какого-нибудь торговца из Ланниспорта или Староместа.

— Немногие заплывают так далеко, а те, что добираются, закупают шелк и пряности с Нефритового моря, после чего поворачивают к дому.

— Тогда из Браавоса? Говорят, пурпурные паруса ходят до Асшая и островов Нефритового моря.

— Браавосцы — потомки беглых рабов. Они не торгуют с Заливом Работоторговцев.

— У нас хватит денег, чтобы *купить* корабль?

— И кто его поведет? Ты? Я? — Дорнийцы не были мореходами с тех пор, как Нимерия сожгла свои десять тысяч кораблей. — Моря вокруг Валирии опасны и кишат пиратами.

— Хватит с меня пиратов. Давай не будем покупать корабль.

Это все еще игра для него, осознал Квентин, *как в тот раз, когда он повел нас шестерых на поиски старой могилы Короля-Стервятника.* Геррис Дринкуотер и не думал о том, что они могут

потерпеть неудачу или вообще погибнуть. Похоже, даже смерть троих друзей ничему его не научила. *На это есть я. Он знает, что я осторожен так же, как он отважен.*

— Похоже, здоровяк прав, — сказал сир Геррис. — Плевать на море, мы можем добраться и по суше.

— Ты знаешь, почему он так сказал, — ответил Квентин. — Он скорее умрет, чем еще раз ступит на борт корабля.

Здоровяк страдал морской болезнью каждый день их путешествия. В Лиссе ему потребовалось четыре дня на восстановление. Им пришлось снять

комнаты в гостинице, чтобы мейстер Кедри мог уложить его на перину и поить отварами и зельями, пока его щеки не порозовели.

Это правда, что добраться до Миэрина можно и по суше. Старые валирийские дороги приведут их туда. *Драконовы Дороги* — так называли эти огромные каменные мостовые Вольных Земель, но та, что вела на восток из Волантиса в Миэрин, получила и другое, более зловещее имя — *дорога демонов*.

— Дорога демонов опасна, и поход будет слишком долгим, — сказал Квентин. — Тайвин Ланнистер пошлет своих людей к королеве, как только весть о ней

достигнет Королевской Гавани, — отец Квентина был в этом уверен. — Людей с кинжалами. Если они доберутся до нее первыми...

— Будем надеяться, что ее драконы учуют их и сожрут, — сказал Геррис. — Что ж, если мы не можем найти корабль, а ты не согласен ехать верхом, остается только возвращение домой, в Дорн.

Приползти в Солнечное Копье с поджатым хвостом? Разочарование отца будет невыносимым для Квентина, а Песчаные Змейки изведут его насмешками. Доран Мартелл доверил ему судьбу Дорна, он не мог подвести отца, пока был жив.

Хатхай трещал, трясаясь на своих окованных железом колесах, и мерцающий жар, поднимавшийся от улиц, придавал фантастический вид всему вокруг. Посреди торговых складов и пристаней, магазинов и всевозможных прилавков в порту царила толчея. Тут и там торговали свежими устрицами, железными цепями и кандалами, фигурками для игры в *кайвассу*, вырезанными из слоновой кости и нефрита. Здесь были храмы, где моряки приносили жертвы иноземным богам, и тут же рядом — публичные дома, с балконов которых женщины зазывали проходящих мимо мужчин.

— Взгляни на ту, — посоветовал

Геррис, когда они проезжали мимо очередного борделя. — Мне кажется, она влюблена в тебя.

И сколько же стоит любовь шлюхи? По правде говоря, девушки смущали Квентина, особенно хорошенькие.

Когда он впервые приехал в Айронвуд, его поразила Инис — старшая из дочерей лорда Айронвуда. Хотя он ни словом не обмолвился о своих чувствах, но годами лелеял мечты... пока ее не определили в жены сиру Райену Эллириону, наследнику Божьей Благодати. Когда он видел ее в последний раз, один сын был у ее груди, а другой цеплялся за юбку.

После Инис были близняшки Дринкуотер — две юные рыжеволосые девицы, любившие охотиться, лазать по скалам и вгонять Квентина в краску. Одна из них подарила ему первый поцелуй, но которая — он так и не узнал. Для брака близняшки — дочери рыцаря-ленника — были слишком низкого рода, но Клетус не считал это помехой для поцелуев: "Когда женишься, можешь взять одну из них в любовницы. Или обеих, почему бы и нет?" Квентин знал много причин, почему нет, так что почел за лучшее прекратить отношения с девушками, и второго поцелуя не случилось.

Совсем недавно самая юная из

дочерей лорда Айронвуда преследовала Квентина по всему замку. Гвинет было всего лишь двенадцать — мелкая костлявая девчонка, чьи каштановые волосы и темные глаза выделяли ее из голубоглазого, светловолосого семейства. Она была умной, быстрой на слова и действия, и с воодушевлением убеждала Квентина дождаться, пока она расцветет, чтобы он мог на ней жениться.

Это было до того, как Принц Доран призвал его в Водные Сады. И теперь красивейшая женщина на свете ждет в Миэрине, и он намерен выполнить свой долг и добиться ее руки и сердца. *Она не откажет мне.*

Она выполнит условия договора. Дейенерис Таргариен нужен Дорн, чтобы завоевать Семь Королевств, а, значит, ей нужен и он. Однако это не означает, что она полюбит меня. Возможно, я ей даже не понравлюсь.

Улица делала поворот в том месте, где река впадала в море, и вдоль изгиба толпилось множество продавцов животных, предлагая ящериц, украшенных камнями, гигантских полосатых змей, и маленьких проворных обезьянок с длинными хвостами и ловкими розовыми лапками.

— Возможно, твоей серебряной королеве понравится обезьянка, — сказал Геррис.

Квентин понятия не имел, что может понравиться Дейенерис Таргариен. Он пообещал своему отцу, что привезет ее в Дорн, но все больше и больше сомневался, получится ли у него.

Я никогда не просил об этом,
думал он.

По ту сторону широкого голубого разлива Ройны он видел Черную Стену, возведенную валирийцами еще во времена, когда Волантис был лишь аванпостом их империи: огромный овал из расплавленного камня высотой в двести футов и такой толщины, что шесть колесниц в четыре запряженные лошади могли бы

промчаться по стене в ряд. Так и происходило каждый год во время празднования дня основания города. Иностранцы, чужеземцы и вольноотпущенники не допускались за Черную Стену без приглашения от тех, кто обитал внутри — отпрысков Старой Крови, которые могли проследить свой род до самой Валирии.

Людской поток стал оживленнее. Они находились возле западного конца Длинного Моста, соединявшего две половины города. Вozy и телеги заполнили улицы: все они двигались от моста или направлялись к нему. Рабы были повсюду — неисчислимыe, как

тараканы, они спешили по делам своих хозяев.

Неподалеку от Рыбной Площади и Дома Купца с прилегающей улицы раздались крики, и дюжина Безупречных в разукрашенных доспехах и плащах из тигровых шкур появилась словно из ниоткуда, расталкивая всех прочь с дороги, чтобы триарх смог проехать на своем слоне. Слон триарха был серым исполином, облаченным в доспехи, искусно покрытые глазурью, которые мягко звенели при движении; беседка на его спине была так высока, что царапала своим верхом каменные орнаменты арки, под которой он проходил.

— Триархи считаются настолько возвышенными, что их ногам не дозволено касаться земли в течение года их службы, — сказал Квентин своему спутнику. — Они всюду ездят на слонах.

— Перегораживая улицы и оставляя кучи дерьма таким как мы, — сказал Геррис. — Никогда не мог понять, зачем Волантису три принца, когда Дорну хватает и одного?

— Триархи — не короли и не принцы. Волантис — республика, как Валирия в древние времена. Все свободнорожденные землевладельцы участвуют в правлении. Даже женщинам позволено голосовать,

если у них есть своя земля. Троих триархов выбирают из знатных семей, чей род идет, не прерываясь, от древней Валирии, чтобы они служили до первого дня нового года. И ты бы знал все это, потрудись ты прочесть книгу мейстера Кедри.

— Там не было картинок.

— Там были карты.

— Карты не считаются. Если бы он сказал, что она про тигров и слонов, я, может, и попытался бы. А книга подозрительно напоминала трактат по истории.

Когда их *хатхай* достиг Рыбной Площади, слониха подняла хобот и издала гулкий звук, подобно огромной белой гусыне, не желая

входить в нагромождение носилок, паланкинов и пешеходов впереди. Погонщик ударил ее пятками и заставил двинуться дальше.

Торговцы рыбой из кожи вон лезли, расхваливая утренний улов. Квентин в лучшем случае понимал одно слово из двух, но ему и не нужно было знать языка, чтобы узнать рыбу. Он видел треску, парусника и сардину, бочонки с мидиями и моллюсками. Вдоль одного прилавка были развешены угри. На другом железные цепи удерживали за плавники громадную черепаху, тяжелую как лошадь. Крабы возились в бочках с рассолом и морскими водорослями. Несколько

продавцов жарили рыбу с луком и свеклой или продавали наперченную рыбу, тушенную в маленьких железных котелках.

В центре площади под растрескавшейся безголовой статуей мертвого триарха начала собираться толпа вокруг нескольких карликов, готовящихся к представлению. Коротышки были облачены в деревянные доспехи с миниатюрными мечами и готовились к поединку. Кветин увидел, как один взобрался на собаку, а другой запрыгнул на свинью... и сразу же соскользнул с нее, вызвав смех.

— Они выглядят забавно, — сказал Геррис. — Может,

остановимся и посмотрим на их бой? Смех будет полезен для тебя, Квент. Ты выглядишь как старик, у которого уже полгода запор.

Мне восемнадцать, я на шесть лет моложе тебя, подумал Квентин. *И я не старик.* Но вместо этого сказал:

— Мне не нужны цирковые карлики, если только у них нет корабля.

— Миниатюрного, я полагаю.

Четырехэтажный Дом Купца возвышался над окружающими его доками, причалами и складами. Здесь торговцы из Староместа и Королевской Гавани общались с такими же купцами из Браавоса,

Пентоса и Мира, с волосатыми
иббенийцами, бледнокожими
квартийцами, угольно-черными
жителями Летних островов в
накидках из перьев, и даже
скрывающимися за масками
заклинателями теней из Асшая, что у
края Тени.

Квентин слез с *хатхая* и ощутил
ногами тепло, исходящее от
мостовой, несмотря на кожаные
сапоги. В тени возле Дома Купца был
установлен разборный стол,
украшенный полосатыми сине-
белыми флажками, которые
трепетали от каждого дуновения
ветра. Развалившись вокруг стола,
четверо наемников зазывали каждого

проходившего мимо мужчину или мальчика. *Гонимые Ветром*, узнал Квентин. Сержанты искали свежее мясо, чтобы пополнить свои ряды, пока они не отплыли к Заливу Работоторговцев. *И каждый присоединившийся к ним мужчина — это еще один меч для Юнкая, еще один клинок, жаждущий крови моей невесты.*

Один из Гонимых Ветром окрикнул их.

— Я не разговариваю на твоём языке, — ответил Квентин.

Хотя он умел читать и писать на высоком валирийском, у него было мало практики в общении на нём. Да и волантийское яблоко укатилось

довольно далеко от валирийской яблони.

— Вестеросцы? — ответил мужчина на общем языке.

— Дорнийцы. Мой господин — виноторговец.

— Господин? К черту его. Ты раб? Иди с нами и будь сам себе господином. Разве ты хочешь умереть в постели? Мы научим тебя обращаться с мечом и копьем. Будешь ездить бок о бок с Оборванным Принцем и вернешься домой богаче, чем лорд. Мальчики, девочки, золото — все будет твоим, если ты достаточно смел. Мы — Гонимые Ветром, и мы имеем богиню бойни прямо в зад.

Двое наемников начали петь, выкрикивая слова какой-то походной песни. Квентин понял достаточно, чтобы уловить суть. *Мы — Гонимые Ветром*, пели они. *Гони нас на восток до Залива Работорговцев, мы убьем короля-мясника и трахнем драконью королеву.*

— Если бы Клетус и Уилл все еще были с нами, мы могли бы вернуться со здоровяком и перебить тут многих, — сказал Геррис.

Клетус и Уилл мертвы.

— Не обращай на них внимания, — сказал Квентин.

В Дом Купца они зашли под насмешки наемников, обзывающих их жалкими трусами и пугливыми

девчонками.

Здоровяк ждал их в покоех на втором этаже. Несмотря на то, что капитан "Жаворонка" хорошо отзывался об этой гостинице, Квентин не хотел оставлять их вещи и золото без охраны.

— Я уже собирался идти искать вас, — сказал сир Арчибальд Айронвуд, отодвигая засов, чтобы впустить их.

Кличку "здоровяк" придумал его кузен Клетус, но, по правде говоря, он ее заслуживал. Арчи был ростом в шесть с половиной футов, с широченными плечами, огромным животом и ногами, похожими на стволы деревьев, а в его руках было

больше мяса, чем в поросенке, шея же практически отсутствовала. Из-за болезни, перенесенной в детстве, он лишился волос. Его лысая голова напоминала Квентину гладкий розовый валун.

— Итак, — прогрохотал он, — что сказал контрабандист? У нас есть лодка?

— Корабль, — поправил Квентин. — Да, он возьмет нас и подбросит до ближайшей преисподней.

Геррис сел на продавленную кровать и стянул сапоги.

— Дорн звучит более заманчиво с каждым мгновением.

— Я все еще считаю, что мы

добились бы большего успеха, отправившись по дороге демонов, — сказал здоровяк. — Может это и не так опасно, как говорят. А даже если и так — значит, больше славы для тех, кто отважится на это. Кто посмеет на нас напасть? Дринк с его мечом, я со своим молотом — это больше, чем любой демон сможет переварить.

— А если Дейенерис умрет прежде, чем мы до нее доберемся? — сказал Квентин. — Нам нужен корабль. Пусть даже это будет "Приключение".

Геррис рассмеялся:

— Ты, должно быть, помешался на Дейенерис сильнее, чем я думал,

раз готов терпеть такую вонь
месяцами. Через три дня я сам буду
умолять себя убить. Нет, мой принц,
прошу тебя, только не
"Приключение".

— У тебя есть предложение
лучше? — спросил его Квентин.

— Есть. Только что пришло в
голову. Риск тоже будет, и, полагаю,
ты можешь посчитать это не
слишком благородным... но я
доставлю тебя к твоей королеве
быстрее дороги демонов.

— Расскажи мне, — сказал
Квентин Мартелл.

8. ДЖОН

Джон Сноу перечитывал письмо до тех пор, пока слова не начали расплываться и набегать друг на друга. *Я не могу это подписать. Я это не подпишу.*

Он собрался было покончить с пергаментом здесь и сейчас, сжечь его. Вместо этого он сделал глоток эля из кружки, в которой оставалась еще половина после вчерашнего одинокого ужина. *Я должен это подписать. Они выбрали меня своим лордом-командующим. Стена моя, как и весь Ночной Дозор. Дозор не принимает ничьей стороны.*

Его тяжелые раздумья прервал Скорбный Эдд Толлетт, открывший дверь и доложивший, что Джилли ждет снаружи. Джон отложил в сторону письмо мастера Эймона:

— Я приму ее, — он боялся этого разговора. — Найди для меня Сэма. После этого я хочу поговорить с ним.

— Он внизу, с книгами. Мой старый септон частенько говорил, что книги — это рассказы мертвецов. А мертвецы должны помалкивать, как по мне. Никому неохота слушать болтовню покойника, — Скорбный Эдд вышел, продолжая что-то бубнить про червей и пауков.

Вошла Джилли и сразу же упала на колени. Джон обошел вокруг стола и поднял ее на ноги.

— Я не король, чтобы ты преклоняла передо мной колени.

Будучи уже и матерью и женой, она все еще казалась ему наполовину ребенком: маленькая хрупкая фигурка, завернутая в один из плащей Сэма. Плащ был настолько велик, что в его складках можно было бы спрятать еще несколько таких девушек.

— С малышами все в порядке? — спросил он.

Одичалая робко улыбнулась из-под капюшона.

— Да, милорд. Я боялась, что у

меня не хватит молока для обоих, но чем больше они сосут, тем больше у меня появляется. Они сильные.

— Я должен сказать тебе кое о чем неприятном, — у него едва не вырвалось *попросить*, но в последний момент он удержался.

— О Мансе? Вель умоляла короля помиловать его. Она сказала, что *позволит* любому коленопреклоненному жениться на ней и никогда не перережет ему глотку, если Мансу сохранят жизнь. Гремучую Рубашку ведь пощадят, а он делал вещи намного хуже. Крастер всегда клялся, что убьет его, если тот когда-нибудь *покажется* *возле* крепости. Манс не совершил и

половины того, что вытворял он.

Все что Манс сделал — всего лишь собрал и возглавил армию против королевства, которое он однажды поклялся защищать.

— Манс принес нашу клятву, Джилли. А затем вывернул свой плащ, женился на Далле и назвался Королем-за-Стеной. Теперь его жизнь в руках короля. И не о нем нам сейчас нужно говорить, а о его сыне, мальчике Даллы.

— Ребенок? — ее голос задрожал. — Он не нарушал никаких клятв милорд. Все что он делает — спит, плачет и сосет грудь. Он никому не причинил никакого зла. Не дайте ей сжечь его, пожалуйста,

спасите его.

— Только ты можешь спасти его, Джилли, — и Джон рассказал ей как.

Другая женщина стала бы кричать на него, бранила или прокляла бы на муки в седьмом пекле. Другая женщина в ярости накинулась бы на него с кулаками, выцарапала бы ногтями глаза. Другая женщина заставила бы его прочувствовать свой гнев на собственной шкуре.

Джилли покачала головой:

— Нет, пожалуйста, не надо.

Вторя ей, ворон вскрикнул:

— *Нет!*

— Если ты не согласишься, мальчик сгорит. Это случится не

сегодня и не завтра... но скоро, как только Мелисandre нужно будет разбудить дракона, или вызвать ветер, или сотворить какое-нибудь другое заклинание, замешанное на королевской крови. От Манса к тому времени останутся лишь кости и пепел, и она потребует его сына, а Станнис не откажет. Если ты не увезешь мальчика отсюда, эта женщина сожжет его.

— Я убегу, — сказала Джилли. — Я возьму его, я возьму их обоих, сына Даллы и моего сына.

Слезы катились по ее щекам. Если бы они не заблестели в пламени свечи, Джон никогда бы не узнал, что она плакала. *Жены*

Крастера, должно быть, научили своих дочерей ронять слезы в подушку. Может, они уходили из дома, чтобы поплакать, подальше от кулаков Крастера.

Джон сжал пальцы правой руки:

— Если возьмешь обоих, люди королевы погонятся за вами и притащат обратно. Мальчика всё равно сожгут... а вместе с ним тебя.

Если я стану её утешать, она решит, что слезы могут на меня подействовать. Ей надо понять, что я не уступлю.

— Ты возьмешь одного, и это будет сын Даллы.

— Мать не может бросить своего сына, иначе она будет навеки

проклята. Только *не сына*. Мы спасли его, Сэм и я. Пожалуйста. Пожалуйста, милорд. Мы спасли его от холода.

— Говорят, смерть от холода спокойна. А огонь... видишь свечу, Джилли?

Она взглянула на пламя:

— Да.

— Прикоснись к нему. Подержи руку над пламенем.

Её большие карие глаза стали еще больше. Она не шевельнулась.

— Давай, — *убей мальчика*. — Ну же.

Дрожа, девушка протянула руку и задержала её над мерцающим пламенем свечи.

— Ниже. Пусть оно тебя коснется.

Джилли опустила ладонь. На дюйм. Ещё на один. Когда пламя лизнуло кожу, она отдёрнула руку и зарыдала.

— Смерть от огня жестока. Далла умерла, давая ребенку жизнь, но ты его выкормила и выходила. Ты спасла своего сына ото льда. Теперь спаси её сына от огня.

— Тогда они сожгут моего крошку. Красная женщина. Если она не получит даллиного, то сожжет моего.

— В твоём сыне нет королевской крови. Мелисандра ничего не получит, предав его огню.

Станнис хочет, чтобы свободный народ сражался за него, он не станет сжигать невинное дитя без веских причин. Я найду ребенку кормилицу, и он будет расти здесь, в Черном замке, под моей защитой. Он научится охотиться и ездить верхом, сражаться с помощью меча, секиры и лука. Я даже позабочусь, чтобы его научили читать и писать, — Сэму бы это понравилось. — А когда он повзрослеет, то узнает, кто он такой на самом деле. Он будет свободен *и сможет найти тебя*, если захочет.

— Ты сделаешь из него ворону, — она вытерла слезы маленькой бледной ручкой. — Я не буду. Я не буду.

Убей мальчика, подумал Джон.

— Ты сделаешь так, как я сказал. Иначе, и я обещаю тебе это, в день, когда сожгут сына Даллы, твой сын тоже умрет.

— *Умрет*, — громко прокаркал ворон Старого Медведя. — *Умрет, умрет, умрет.*

Девушка сидела, сгорбившись и сжавшись в комок, пристально глядя в пламя свечи, в ее глазах блестели слезы. Наконец Джон сказал:

— Можешь идти. Никому ничего не говори, но будь готова отправиться в путь за час до рассвета. Мои люди придут за тобой.

Джилли поднялась на ноги. Бледная и безмолвная, она ушла, ни

разу не оглянувшись. Джон слышал ее шаги, когда она бросилась через оружейный склад. Она почти бежала.

Когда Джон встал, чтобы закрыть дверь, он увидел, что Призрак лежит под наковальней, грызя говяжью кость. Большой белый лютоволк посмотрел на него. Джон вернулся к своему столу, прочитать письмо мастера Эймона ещё раз.

Через несколько секунд ввалился Сэмвелл Тарли, сжимая в руках стопку книг. Стоило ему войти, как ворон Мормонта налетел на него, требуя зерна. Сэм попытался угодить ему, предложив несколько зернышек из мешка. Ворон в ответ попытался расклевать ему ладонь. Сэм взвыл,

ворон взмахнул крыльями, зерно рассыпалась.

— Этому негодяю удалось проткнуть кожу? — спросил Джон.

Сэм осторожно снял перчатку:

— Так и есть. *У меня кровь идет.*

— Мы все проливаем кровь за Дозор. Носи перчатки потолще, — Джон ногой толкнул Сэму стул.

— Сядь и посмотри на это, — он протянул Сэму пергамент.

— Что это?

— Бумажный щит.

Сэм медленно читал:

— Письмо королю Томмену?

— В Винтерфелле Томмен сражался с Браном на деревянных

мечах, — произнес Джон, вспоминая. — На нем было столько подушек, что его можно было принять за фаршированного гуся. Бран свалил его на землю, — он повернулся к окну и открыл ставни. Воздух снаружи был холодным и бодрящим, несмотря на пасмурное небо. — Но Бран мертв, а пухлый и розовощекий Томмен теперь сидит на Железном Троне с короной на золотых кудряшках.

Он поймал странный взгляд Сэма и на мгновение ему показалось, что тот хочет что-то сказать; но вместо этого он сглотнул и свернул пергамент:

— Ты еще не подписал его.

Джон потрянул головой:

— Старый Медведь сто раз умолял Железный Трон о помощи. Но они отправили ему Яноса Слинта. Ни одно письмо не заставит Ланнистеров полюбить нас. Особенно когда они узнают, что мы помогаем Станнису.

— В целях защиты стены, а не чтобы поддержать его мятеж. Именно так здесь и *написано*.

— Лорд Тайвин может не заметить разницы, — Джон забрал письмо назад. — С чего ему помогать нам сейчас? Раньше он никогда этого не делал.

— Он не захочет разговоров о том, что Станнис примчался

защищать королевство, пока король Томмен забавлялся с игрушками. Это вызовет насмешки над Ланнистерами.

— Смерть и разрушение — вот что я хотел бы вызвать для Ланнистеров, а не насмешки, — Джон зачитал из письма. — "Ночной Дозор не принимает участия в войнах Семи Королевств. Мы поклялись в верности всему королевству, и оно сейчас в страшной опасности. Станнис Баратеон помог нам в битве под Стеной, но мы не его люди..."

Сэм поерзал на стуле.

— Хорошо. Мы *не его*. Это и вправду так?

— Я дал Станису еду, кров, Ночную Твердыню и позволил одичалым поселиться в Даре. Вот и все.

— Лорд Тайвин посчитает, что и это слишком много.

— А Станнис утверждает — недостаточно. Чем больше ты даешь королю, тем большего он хочет. Мы ходим по мостику изо льда, по краям которого — бездна. Угодить одному королю очень трудно. Угодить двум — практически невозможно.

— Да, но... Если Ланнистеры одержат верх, и лорд Тайвин решит, что мы изменили королю, помогая Станнису, это будет означать конец Ночного Дозора. У него поддержка

Тиреллов со всей мощью Хайгардена. И он уже нанес поражение лорду Станнису на Черноводной.

— Черноводная была лишь одной битвой. Робб выиграл все свои битвы и, тем не менее, лишился головы. Если Станнис поднимет Север...

Сэм замялся, а затем сказал:

— У Ланнистеров свои вассалы на севере. Лорд Болтон и его бастард.

— А у Станниса — Карстарки. Если он сможет склонить на свою сторону Белую Гавань...

— Если, — подчеркнул Сэм. — А если нет... милорд, даже бумажный щит лучше, чем никакой.

— Я тоже так считаю.

И он, и Эймон. Почему-то он надеялся, что Сэм Тарли сможет посмотреть на это с другой стороны. *Это всего-навсего чернила и пергамент.* Смирившись, он схватил перо и расписался.

— Дай мне воск для печатей.

Пока я не передумал.

Сэм поспешил подчиниться. Джон поставил печать лорда-командующего и протянул ему письмо.

— Отдай его мейстеру Эймону, когда пойдешь, и попроси его отослать птицу в Королевскую Гавань.

— Конечно, — сказал Сэм с облегчением. — Милорд, могу я

спросить... Я видел уходящую Джилли. Она едва не рыдала.

— Вель опять послала ее просить за Манса, — солгал Джон.

И они еще поговорили о Мансе, и Станнисе, и Мелисандре Асшайской, пока ворон не доел последнее зернышко и не крикнул:

— *Кровь.*

— Я отправляю Джилли подальше отсюда, — сообщил Джон. — Ее и мальчика. Нам нужно будет найти другую кормилицу для его молочного брата.

— Козье молоко может выручить нас, пока мы ищем кормилицу. Оно больше подходит для малыша, чем коровье, — от такого

откровенного разговора о грудях Сэм почувствовал себя не в своей тарелке и поэтому внезапно понес что-то об истории, о мальчиках-командующих, живших и умерших сотни лет назад.

Джон прервал его:

— Расскажи мне что-нибудь полезное. Расскажи о наших врагах.

— Иные, — Сэм облизал губы. — Они упоминались в летописях, хотя и не так часто, как я думал. В тех летописях, что я нашел и прочел. Я знаю, что есть и другие, которые я не смог найти. Некоторые старые книги рассыпались на куски. Страницы крошились в моих руках, когда я листал их. А *действительно* старые книги... они либо обратились

в прах, либо погребены где-то, где я еще не искал, или... а может быть, этих книг нет и никогда не было. Самые древние сказания из тех, что есть у нас, написаны после прихода андалов в Вестерос. Первые Люди оставили нам лишь руны на камнях, поэтому то, что мы якобы знаем о Времени Героев, Времени Рассвета и о Долгой Ночи, пришло к нам из рассказов септонов, живших тысячи лет спустя. Некоторые архимейстеры в Цитадели подвергают сомнению достоверность этих записей. В старых историях полно королей, которые правили сотни лет; рыцарей, которые геройствовали за тысячу лет до того, как вообще появилось

рыцарство. Ты знаешь их: Брандон-Строитель, Саймон-Звездоокий, Король Ночи... считается, что ты девятьсот девяносто восьмой лорд-командующий Ночного Дозора, но в древнейшем из обнаруженных мной документов я нашел шестьсот семьдесят четыре командующих, и это позволяет предположить, что документ был написан...

— Давным-давно, — перебил его Джон. — Так что же насчет Иных?

— Я нашел упоминания о драконовом стекле. В Век Героев дети леса каждый год давали Ночному Дозору сотню обсидиановых кинжалов. Иные

приходят, когда настает холод, большинство рассказов в этом сходятся. Или же холод настает, когда они приходят. Иногда они появляются в метель и исчезают, когда небо проясняется. Они прячутся от солнечного света и появляются к ночи... или ночь наступает, когда они появляются. В некоторых историях говорится, что они ездят на мертвых животных. Медведи, лютovolки, мамонты, лошади — неважно, лишь бы зверь был мертвый. Тот, кто убил Малыша Паула, сидел верхом на мертвой лошади, так что здесь всё верно. Кое-где еще говорится о гигантских ледяных пауках. Не знаю, что это

такое. Павших в битве с Иными надо сжигать, иначе мертвые снова оживут и будут их рабами.

— Мы это все и так знали. Вопрос в том, как нам с ними бороться?

— Если верить книгам, доспехи Иных неуязвимы для обычных клинков, а их мечи так холодны, что разрезают сталь. Однако Иные боятся огня, и их можно ранить обсидианом. Я нашёл одну запись о Долгой Ночи, там рассказывается о последнем герое, который убивал Иных клинком из драконьей стали. Видимо, перед ней они тоже уязвимы.

— Драконья сталь? — Джон не

слышал такого выражения раньше. — Валирийская сталь?

— Я тоже сразу так подумал.

— Так если я смогу убедить лордов Семи Королевств отдать нам их валирийские клинки, то все спасены? Это будет нетрудно.

Не труднее, чем попросить их отдать нам деньги и замки. Он горько рассмеялся.

— Ты нашел, кто такие Иные, откуда они приходят, что им нужно?

— Еще нет, милорд, но, может быть, я читал не те книги. Здесь сотни томов, в которые я еще не заглядывал. Дай мне больше времени, и я найду все, что нужно.

— Нет у тебя времени. Тебе

нужно собрать вещи, Сэм. Ты уезжаешь с Джилли.

— Уезжаю? — Сэм в изумлении смотрел на него с открытым ртом, словно не понимая значения слов. — Я уезжаю? В Восточный Дозор, милорд? Или... куда...?

— В Старомест.

— Старомест? — пронзительно пискнул Сэм.

— Эйемон тоже.

— Эйемон? *Мейстер Эйемон?*

Но... ему сто два года, милорд, он не может... ты отсылаешь его и меня? Кто станет заботиться о воронах? А если кто-то заболит или будет ранен, кто...

— Клидас. Он был с Эйемоном

много лет.

— Клидас всего лишь стюард, и он плохо видит. Тебе нужен *мейстер*. Мейстер Эйемон так слаб, а морское путешествие... оно может... он стар, и...

— Его жизнь будет в опасности. Я все понимаю. Сэм, но здесь еще опаснее. Станнис знает, кто такой Эйемон. Если красная женщина потребует королевской крови для своих заклинаний...

— Ох, — на толстых щеках Сэма проступила бледность.

— Дареон присоединится к вам в Восточном Дозоре. Я надеюсь, его песни смогут привлечь к нам мужчин с Юга. "Чёрный дрозд" доставит вас

в Браавос. Оттуда вы сами доберетесь в Старомест. Если ты все еще собираешься выдать ребенка Джилли за своего бастарда, то сможешь доставить их оттуда в Рогов Холм. Если нет, Эйемон найдет для нее место служанки в Цитадели.

— За моего б-б-бастарда. Да, я... Моя мать и сестры помогут Джилли с ребенком. Дареон мог бы сам проводить ее до Староместа, не хуже моего. А я... я упражнялся с луком каждый вечер вместе с Ульмером, как ты приказал... ну, за исключением того времени, что проводил в хранилищах, но ты сказал, чтобы я выяснил все об Иных. От лука у меня болят плечи и

появились волдыри на пальцах, — он показал Джону свою руку. — Но я все равно упражняюсь. Я попадаю в цель гораздо чаще, чем раньше. Но я по-прежнему худший лучник из всех, кто натягивал тетиву. Хотя мне нравятся истории Ульмера. Кто-нибудь должен записать их и переплести в книгу.

— Ты это сделаешь. В Цитадели есть пергамент и чернила, так же как и луки. Я рассчитываю, что ты продолжишь практиковаться. Сэм, в Ночном Дозоре сотни мужчин, умеющих стрелять из лука, и только горстка умеющих читать и писать. Мне нужно, чтобы ты стал моим новым мастером.

— Милорд, я... моя работа,

КНИГИ...

— ...будут здесь, когда ты вернешься к нам.

Сэм положил руку на горло.

— Милорд, Цитадель... они заставляют резать трупы. Я не могу носить цепь.

— Ты можешь. И ты будешь. Мейстер Эйемон стар и слеп. Силы покидают его. Кто займет его место, когда он умрет? Мейстер Муллин в Сумеречной Башне — скорее воин, нежели ученый, а мейстер Хармун из Восточного Дозора большую часть времени скорее пьян, чем трезв.

— Если ты попросишь у Цитадели больше мейстеров...

— Я собираюсь сделать это. Мы

нуждаемся в каждом. Однако, Эйемона Таргариена не так-то просто заменить.

Все идет не так, как я надеялся.

Он знал, как тяжело будет с Джилли, но предполагал, что Сэм будет рад обменивать опасности Стены на тепло Староместа.

— Я был уверен, что это порадует тебя, — сказал он, озадаченно. — В Цитадели так много книг, что ни один человек не может и надеяться прочитать их все. Ты преуспел бы там, Сэм. Я знаю это.

— Нет. Я мог бы читать книги, но... М-мейстер должен быть еще и целителем, а от вида к-к-крови меня тошнит, — его дрожащие руки

подтверждали, что так и есть. — Я Сэм Испуганный, а не Сэм Смертоносный.

— Испуганный? Чем? Бранью стариков? Сэм, ты видел существ, карабкавшихся на Кулак, волну живых мертвецов с черными руками и яркими голубыми глазами. Ты убил Иного.

— Его убило д-д-драконье стекло, а не я.

— Замолчи, — после Джилли у него не осталось терпения на страхи толстяка. — Ты лгал и плел интриги с целью сделать меня лордом-командующим. Ты *будешь* подчиняться мне. Ты поедешь в Цитадель и выкуешь цепь. И если

тебе придется резать трупы — будешь резать. Трупы в Староместе хотя бы не будут сопротивляться.

— Милорд, м-мой отец, лорд Рендилл, он, он... мейстер всю жизнь обязан *служить*. Никто из сыновей дома Тарли не наденет на себя цепь. Мужчины Рогова Холма не кланяются и не прислуживают мелким лордам. Джон, я не могу послушаться своего *отца*.

Убей мальчишку, подумал Джон. *Мальчишку в себе и в нем. Убей обоих, проклятый бастард.*

— У тебя нет отца. Только братья. Только мы. Твоя жизнь принадлежит Ночному Дозору, так что иди и собери вещи, которые

возьмешь в Старомест. Вы отправляетесь за час до рассвета. И еще один приказ. С этого дня ты *не будешь* называть себя трусом. За последний год ты видел больше, чем люди видят за всю свою жизнь. Ты окажешься в Цитадели, но будешь там как присягнувший брат Ночного Дозора. Я не могу приказать тебе быть смелым, но я *могу* приказать тебе прятать свои страхи. Ты произнес клятву, Сэм. Помнишь?

— Я... я постараюсь.

— Ты не постараться. Ты выполнишь приказ.

— *Приказ*, — ворон Мормонта хлопнул огромными черными крыльями.

Сэм выглядел поникшим.

— Как прикажет мой лорд. А... а мейстер Эйемон знает?

— Это была наша общая идея, — Джон открыл для него дверь. — Никаких прощаний. Чем меньше народа знает об этом, тем лучше. За час до восхода, во внутреннем дворе.

Сэм бежал от него так же, как Джилли.

Джон устал. *Мне нужно поспать.* Он полночи был на ногах, сосредоточенно изучал карты, писал письма и составлял планы с мейстером Эйемоном. Даже после того, как он добрал до своей узкой постели, покой не пришел. Он знал, с

чем ему придется столкнуться сегодня, и беспокойно метался, размышляя о последних словах, которые сказал ему мейстер Эйемон. "Позволь дать милорду последний совет, — произнес старик, — тот же самый совет, который я дал своему брату, прощаясь с ним в последний раз. Ему было тридцать три, когда Великий Совет выбрал его для Железного Трона. Мужчина вырастет вместе со своими сыновьями, но все же в чем-то остается мальчиком. В Эгге была невинность, мягкость, которую мы все любили. *Убей мальчика в себе,* сказал я ему в тот день, когда садился на корабль, идущий к Стене. *Чтобы*

править, нужно стать мужчиной. Эйгон, а не Эгг. Убей в себе мальчика, и родится мужчина." Старик дотронулся до лица Джона. "Тебе вполтину меньше лет, чем было Эггу, и боюсь, твое бремя тяжелее его. Мало радости принесет тебе собственная власть, но я думаю, что в тебе есть силы, чтобы сделать то, что необходимо сделать. Убей в себе мальчика, Джон Сноу. Зима почти пришла. Убей в себе мальчика и позволь мужчине родиться."

Джон надел плащ и вышел наружу. Он обходил Черный Замок каждый день: навещал людей на посту и выслушивал их доклады из первых рук, наблюдал за Ульмером и

его упражнениями по стрельбе из лука по мишени, разговаривал с людьми короля и королевы, ходил по вершине Стены, чтобы рассмотреть лес. Призрак следовал за ним в стороне, словно белая тень.

Когда Джон поднялся на Стену, там был Кейдж Белоглазый. Больше сорока именин встретил Кейдж, тридцать из них — на Стене. Его левый глаз был слеп, правый видел плохо. В лесу, наедине со своим топором и лошадьё, он был не хуже любого разведчика в Ночном Дозоре, но с людьми никогда не мог поладить.

— Тихо сегодня, — сказал он Джону. — Докладывать не о чем,

кроме как о разведчиках, выбравших не ту дорогу.

— Не ту дорогу? — спросил Джон.

Кейдж усмехнулся.

— Пара рыцарей. Ускакали около часа назад на юг, по королевскому тракту. Когда Дайвен увидел их отъезд, он сказал, что глупцы-южане поехали не в ту сторону.

— Понятно, — сказал Джон.

Он узнал больше у самого Дайвена, старого охотника, хлебавшего из миски ячменную похлебку в пристройке.

— Да, м'лорд, я видел их. То были Хорп и Мейсси.

Самопровозглашенный Станнис отослал их, но не сказал, куда, зачем, и когда они должны вернуться.

Сир Ричард Хорп и сир Джостин Мейсси были людьми королевы и занимали посты в совете короля. *Пара обычных всадников принесла бы больше пользы, если бы разведка была единственной целью Станниса,* — подумал Джон Сноу, — *но для вестников и посланников лучше подходят рыцари.* Коттер Пайк прислал весть из Восточного дозора, что Луковый лорд и Салладор Саан отплыли к Белой Гавани на переговоры с лордом Мандерли. Весьма вероятно, что Станнис мог отправить и других посланников. Его

Величество не отличался терпением.

Другой вопрос — кто из этих разведчиков вернется. Они могли быть рыцарями, но севера они не знали. Столько глаз на королевском тракте, и не все их обладатели дружелюбны. Впрочем, Джона это не касается. *Пусть Станнис хранит свои секреты. Боги знают, что у меня есть собственные.*

В ту ночь Призрак спал в изножье кровати, и на этот раз Джону не снилось, что он был волком. И все-таки сон был прерывист, он беспокойно метался несколько часов, прежде чем погрузился в кошмар. В нем была Джилли, плачущая, умоляющая его

не трогать ее малышей, но он вырвал детей из ее рук и снес им головы. Затем поменял их местами и приказал ей пришить их на место.

Когда он проснулся, то увидел Скорбного Эдда, маячащего над ним в темноте спальни:

— М'лорд? Пора. Час волка. Вы приказали разбудить.

— Принеси мне чего-нибудь горячего. — Джон откинул одеяла.

Эдд вернулся, когда он оделся, сжимая в руках чашу, над которой поднимался пар. Джон ждал горячего вина, и удивился, обнаружив жидкий бульон, пахнувший луком и морковью, но ни лука, ни моркови в нем не было. *Запахи сильнее в моих волчьих*

снах, — подумал Джон, — а вкус еды насыщенные. В Призраке больше жизни, чем во мне. Он поставил опустевшую чашу на кузнечный горн.

В то утро у его двери стоял Кегс.

— Я хочу поговорить с Бедвиком и Яносом Слинтом, — сказал ему Джон. — Приведи их обоих сюда, с первыми лучами.

Мир снаружи был черным и безмолвным. Холодным, но не опасно холодным. Пока. Станет теплее, когда взойдет солнце. Если боги будут добры, может, Стена заплачет. Когда они подошли ко двору, отряд уже построился. Джон назначил Черного Джека Булвера командующим сопровождением —

дюжиной конных разведчиков и двумя повозками, запряженными лошадьми. Одна была доверху набита сундуками, ящиками и мешками с провизией для путешествия. У другой была жесткая крыша из вареной кожи для защиты от ветра. В ней сидел мейстер Эйемон, закутанный в медвежью шкуру, в которой казался маленьким, словно ребенок. Сэм и Джилли стояли рядом. Ее глаза были красными и опухшими, но мальчик был у нее на руках, туго спеленутый. Был это ее мальчик или сын Даллы, он не мог знать наверняка. Их вместе он видел всего несколько раз. Мальчик Джилли был старше, сын Даллы

более крепким, но они были примерно одного возраста и размера, так что никто из тех, кто не знает их достаточно хорошо, не сможет отличить одного от другого.

— Лорд Сноу, — позвал мейстер Эйемон, — я оставил для вас книгу в своих комнатах. "Нефритовый ларец". Он был написан волантийским искателем приключений Коллокво Вотаром, который путешествовал на восток и побывал во всех землях Нефритового моря. Там есть отрывок, который может вас заинтересовать. Я сказал Клидасу отметить его для вас.

— Я непременно прочту его.
Мейстер Эйемон вытер нос.

— Знание — оружие, Джон. Вооружись как следует, прежде чем отправиться в бой.

— Вооружусь.

Джон почувствовал что-то мокрое и холодное на своем лице. Подняв глаза, он увидел, что пошел снег. Плохой знак. Он повернулся к Черному Джеку Булверу.

— Езжайте как можно быстрее, но без глупого риска. С вами старик и грудной младенец. Проследи, чтобы они были в тепле и хорошо питались.

— И вы сделайте то же, — Джилли не торопилась забираться в повозку. — Сделайте то же для другого. Найдите другую кормилицу,

как сказали. Вы обещали мне, что найдете. Мальчик... Мальчик Даллы... То есть, маленький принц... Найдите для него хорошую кормилицу, чтобы он вырос большим и сильным.

— Даю тебе слово.

— Не давайте ему имя. Не делайте этого, пока ему не исполнится два года. На беду давать им имя пока их не отняли от груди. Вы, вороны, можете не знать этого, но это правда.

— Как прикажете, миледи.

— Не называйте меня так. Я мать, а не леди. Я жена Крастера и дочь Крастера, и *мать*. Передав ребенка Скорбному Эдду, она села в

повозку и укрылась мехами. Когда Эдд отдал ей ребенка, Джилли приложила его к груди. Покраснев, Сэм отвернулся от этого зрелища и забрался на свою кобылу.

— Поехали, — скомандовал Черный Джек Булвер, щелкнув кнутом. Повозки покатались вперед.

Сэм задержался на мгновение.

— Ну что ж, — сказал он, — прощайте.

— И тебе удачи, Сэм, — сказал Скорбный Эдд. — Я думаю, ваш корабль не утонет. Они тонут, только если я на борту.

— Впервые я увидел Джилли, когда она стояла прижавшись к стене Замка Крастера, — вспомнил

Джон. — Тощая темноволосая девчушка с огромным животом, съежившаяся от страха перед Призраком. Он набросился на ее кроликов, и я подумал — она боится, что он разорвет ей живот и сожрет ребенка... но бояться ей следовало совсем не волка, верно?

— У нее больше мужества, чем она полагает, — сказал Сэм.

— У тебя тоже, Сэм. Счастливого тебе пути. Позаботься о ней, об Эйемоне и о ребенке.

Холодные струйки на лице напомнили Джону день, когда он простился с Роббом в Винтерфелле, не зная, что это было в последний раз.

— И надень капюшон.
Снежинки тают у тебя на волосах.

Когда маленькая колонна
исчезла вдали, небо на востоке из
черного стало серым, а снег пошел
сильнее.

— Великан ожидает
соизволения лорда-
командующего, — напомнил
Скорбный Эдд. — И Янос Слинг
тоже.

— Да, — Джон Сноу посмотрел
на Стену, возвышающуюся над ним
ледяным утесом.

*Сотня лиг от края до края и
семьсот футов в высь.* Сила Стены
была в её высоте, а длина стала её
слабостью. Джон вспомнил, как отец

однажды сказал: "Сила Стены в ее воинах." Воины Ночного Дозора храбры, но их слишком мало для того, с чем им предстояло столкнуться.

Великан ожидал в оружейной. Его настоящее имя было Бедвик. Чуть выше пяти футов ростом, он был самым низким в Ночном Дозоре. Джон перешел прямо к делу:

— Нам нужно больше глаз вдоль Стены. Замки на пути, где наши патрули могли бы укрыться от холода, получить горячую пищу и передохнуть. Я поставлю гарнизон в Ледовом Пороге, а ты будешь им командовать.

Великан засунул в ухо палец,

чтобы вычистить грязь.

— Командовать? Я? Милорд знает, что я отродье мелкого фермера, а на Стену попал за браконьерство?

— Ты двенадцать лет был разведчиком. Ты выжил на Кулаке Первых Людей и в Замке Крастера, и вернулся рассказать, что там произошло. Молодые бойцы смотрят на тебя снизу вверх.

Коротышка засмеялся.

— Только карлики смотрят на меня снизу вверх. Я не умею читать, милорд. И только иногда мне удастся написать свое имя.

— Я послал в Старомест за новыми мастерами. У тебя будет два

ворона на крайний случай. В остальных случаях посылай гонцов. Пока у нас не будет больше мастеров и птиц, я думаю поддерживать связь сигнальными башнями наверху Стены.

— И сколько же бестолочей окажется под моей командой?

— Двадцать из Дозора, — сказал Джон, — и еще десять воинов Станниса. — *Старые, зеленые или калеки.* — Не лучшие его люди, и никто из них не наденет черное, но они будут повиноваться. Выжми из них все, что сможешь. Я пошлю с тобой четырех братьев, которые пришли из Королевской Гавани с лордом Слинтом. Присматривай за

ними одним глазом, а другим следи за верхолазами.

— Следить-то мы сможем, милорд, но если верхолазов, забравшихся на Стену, будет много, тридцати человек не хватит, чтобы их сбросить.

И трехсот не хватит. Джон оставил эти сомнения при себе. Это правда, что при подъеме верхолазы ужасно уязвимы. Сверху на них можно обрушить камни, копья, горшки с кипящей смолой, а они смогут лишь отчаянно цепляться за лед. Иногда, казалось, сама Стена их стряхивает, как собака блох. Джон собственными глазами видел, как кусок льда обломился под Ярлом,

любовником Вель, обрекая его на смерть.

Однако, если верхолазы достигали вершины Стены незамеченными, картина менялась. Имея в запасе достаточно времени, они могли закрепиться наверху, организовать оборону и спустить канаты и лестницы для тысяч других. Именно так поступил Рэймун Рыжебородый, который был Королем-за-Стеной во времена их прапрадедов. Джек Масгуд был лордом-командующим в то время. Веселым Джеком его звали перед тем, как Рыжебородый пришел с севера; Спящим Джеком — навечно после этого. Войско Рэймуна

встретило свой кровавый конец на берегах Большого Озера, зажатое между лордом Вилламом Винтерфеллским и Пьяным Великаном — Хармондом Амбером. Рыжебородый был убит Артосом Непримирым, младшим братом лорда Виллама. Дозор прибыл слишком поздно, чтобы сразиться с одичалыми, но как раз вовремя для их похорон — эту задачу Артос Старк поручил им в гневе, оплакивая обезглавленный труп своего павшего брата.

В планы Джона не входило, чтобы его запомнили как "Спящего Джона Сноу".

— Тридцать человек всё же

лучшая защита, чем вообще никакой, — ответил он Великану.

— Верно, — согласился маленький человек. — Собирается ли милорд открывать другие форты, или Ледовый Порог будет единственным?

— Я планирую разместить гарнизоны во всех них, со временем, — ответил Джон. — Однако сейчас это будут только Ледовый Порог и Серый Страж.

— А милорд уже решил, кто будет командовать Серым Стражем?

— Янос Слинг, — сказал Джон. *Да сохраняют нас Боги.* — Человек без способностей не поднимется до командующего золотыми плащами.

Слинт родился сыном мясника. Он был капитаном Железных Ворот, когда Мэнли Стокворт умер, и тогда Джон Аррен вручил защиту Королевской Гавани в его руки. Лорд Янос не может быть таким дураком, как кажется.

И я хочу убрать его подальше от Аллисера Торне.

— Может, оно и так, — сказал Великан, — но я бы все же отправил его на кухни помогать Трехпалому Хоббу нарезать репу.

Если я так поступлю, то уже никогда не осмелюсь её попробовать.

Уже половина утра прошла, когда явился лорд Янос. Джон чистил Длинный Коготь. Некоторые

поручали эту задачу стюардам или оруженосцам, но лорд Эддард приучил своих сыновей самим заботиться об оружии. Когда Кегс и Скорбный Эдд прибыли со Слинтом, Джон поблагодарил их и предложил лорду Яносу присесть.

Он так и сделал, хотя и без готовности, скрестил руки, нахмурился и сделал вид, что не замечает обнаженную сталь в руке своего лорда-командующего. Джон скользил масляной тряпочкой по своему бастардову мечу, наблюдая, как утренний свет играет на его волнистой поверхности, и размышлял, насколько просто клинок прошел бы сквозь кожу, жир

и сухожилия и отделил бы уродливую голову Слинта от тела. Все прошлые грехи человека считались смытыми, когда он облачался в черное, равно как и его клятвы верности, но Джону было трудно считать Яноса Слинта братом. *Между нами пролилась кровь. Этот человек помог казнить моего отца и приложил все усилия, чтобы я тоже был убит.*

— Лорд Янос, — Джон вложил меч в ножны. — Я поручаю вам командование в Сером Страже.

Слинт отшатнулся:

— Серый Страж... Там, где ты залез на Стену со своими дружками-одичалыми.

— Да, это было там. Надо

сказать, что крепость находится в жалком состоянии. Вы отремонтируете ее, насколько это возможно. Начните с вырубки леса. Возьмите камни из разрушенных построек, и восстановите те, что еще держатся. — *Работа будет тяжелой и трудной*, мог бы он добавить. *Ты будешь спать на камнях, слишком изнуренный, чтобы жаловаться или плести интриги, и скоро ты забудешь, что такое тепло, но возможно ты вспомнишь, как это — быть мужчиной.* — У вас будет тридцать человек. Десять отсюда, десять из Сумеречного Дозора, и десятерых нам даст король Станнис.

Лицо Слинта побагровело. Его

мясистая челюсть задрожала.

— Ты думаешь, я не понимаю, что ты задумал? Яноса Слинта не так просто одурачить. Я командовал стражей Королевской Гавани, когда ты еще пачкал пеленки. Оставь эти развалины себе, бастард.

Я даю тебе шанс, милорд. Это гораздо больше того, что ты оставил моему отцу.

— Вы меня не поняли, милорд, — сказал Джон. — Это приказ, а не предложение. До Серого Стража сорок лиг. Собирайте оружие и доспехи, прощайтесь и будьте готовы отправиться завтра на рассвете.

— Нет.

Лорд Янос вскочил на ноги, с грохотом опрокинув стул.

— Я не пойду смиренно мерзнуть и умирать. Бастард изменника не смеет приказывать Яносу Слинту! Предупреждаю, у меня остались друзья. И здесь, и в Королевской Гавани. Я был лордом Харренхолла! Подари свои развалины одному из ослепших идиотов, которые голосовали за тебя, я туда не пойду. Слышишь, мальчишка? Не пойду!

— Пойдете.

Слинт не снизошел до ответа, только пнул стул, уходя.

Он все еще считает меня мальчишкой, подумал Джон, *зеленым*

юнцом, которого можно запугать словами. Он мог только надеяться, что ночной сон образумит лорда Яноса.

Следующее утро показало, что это были пустые надежды.

Джон нашел Слинта завтракающим в общей комнате. С ним был сир Аллисер Торне и несколько их закадычных друзей. Они смеялись над чем-то, когда Джон спустился с лестницы вместе с Железным Эмметом и Скорбным Эддом, в сопровождении Малли, Коня, Красного Джека Крэбба, Расти Флауерса и Оуэна Олуха. Хобб Трехпалый разливал овсянку из своего котла. Люди королевы, короля

и черные братья сидели за отдельными столами, одни склонились над тарелками с овсянкой, другие набивали животы поджареным хлебом и беконом. За одним столом Джон заметил Пипа и Гренна, за другим — Боуэна Марша. Пахло дымом и топленным салом, стук вилок и ножей отражался от сводчатого потолка.

В комнате воцарилась мертвая тишина.

— Лорд Янос, — произнес Джон, — я даю вам последний шанс. Положите ложку и отправляйтесь в конюшню. Ваша лошадь уже оседлана. Дорога к Серому Стражу долгая и трудная.

— Тогда тебе лучше отправляться в путь, мальчишка, — Слонт засмеялся, роняя капли овсянки себе на грудь. — Серый Страж как раз отличное место для таких, как ты. Подальше от порядочных людей. На тебе отметка зверя, бастард.

— Вы отказываетесь повиноваться моему приказу?

— Можешь засунуть свой приказ в свою бастардскую задницу, — сказал Слонт, его щёки тряслись.

Аллисер Торне тонко усмехнулся, его черные глаза пристально следили за Джоном. За другим столом засмеялся Годри Убийца Великанов.

— Как скажете, — Джон кивнул Железному Эммету: — Отведите лорда Яноса на Стену...

...и заточите его в ледяную камеру, мог бы приказать Джон. Сутки или десять, проведенные во льду, вызвали бы озноб и лихорадку и заставили его умолять об освобождении, не сомневался Джон. И как только бы он вышел, они вместе с Торне начали бы снова плести интриги.

...и привяжите его к лошади, мог бы приказать Джон. Если Слинг не желает ехать в Серый Страж как его командир, он поедет туда как повар. И тогда это был бы просто вопрос времени, когда он

дезертирует и скольких заберет с собой.

— И повесьте его, — закончил Джон.

Лицо Яноса Слинта сделалось белым, как молоко. Ложка выпала из его руки. Эдд и Эмметт пересекли комнату, их сапоги стучали по каменному полу. Боуэн Марш открыл рот, и закрыл его, не сказав ни слова. Сир Аллисер Торне сжал рукоять меча. *Давай,* подумал Джон. *Длинный Коготь висел у него за спиной. Обнажи сталь. Дай мне повод сделать то же самое.*

Половина людей в зале поднялась. Южные рыцари и оруженосцы, преданные королю

Станнису или красной женщине, или же им обоим, и верные братья Ночного Дозора. Некоторые выбрали Джона своим лордом-командующим. Другие голосовали за Боуэна Марша, сира Дэниса Маллистера, Коттера Пайка... и за Яноса Слинта. *Их были сотни, насколько я помню.* Джон гадал, сколько из них сейчас находилось в подвале. На мгновение мир балансировал на кончике меча.

Аллисер Торне убрал руку с меча и отступил, позволив Скорбному Эдду пройти.

Скорбный Эдд зажал одну руку Слинта, Железный Эммет вторую. Вместе они стащили его со скамьи.

— Нет, — запротестовал лорд

Янос, хлопья овсянки брызнули из его рта. — Нет! Уберите от меня руки. Он просто мальчишка, бастард. Его отец был изменником. На нем отметка зверя, этого его волка... *Убирайтесь от меня!* Вы пожалеете о том дне, когда подняли руку на Яноса Слинта. У меня есть друзья в Королевской Гавани. Я вас предупреждаю... — он все еще сопротивлялся, когда они то ли вели, то ли волокли его по ступенькам.

Джон последовал за ними. Позади него подвал опустел. В подъемной клетке Слонт на секунду вывернулся и попробовал бороться, но Железный Эмметт схватил его за горло и шваркнул о железную

решетку, и тот прекратил. К тому времени весь Черный Замок вышел наружу поглядеть на это. Даже Вель показалась в своем окне, ее длинные золотистые волосы были заплетены в косу и спускались вдоль одного плеча. Станнис стоял на ступенях Королевской Башни, окруженный рыцарями.

— Если мальчишка думает, что сможет запугать меня, он ошибается, — услышали они слова лорда Яноса. — Он не осмелится повесить меня. У Яноса Слинта есть друзья, влиятельные друзья, увидите... — ветер унес продолжение.

Это неправильно, подумал

кабинку, и приволок его во двор.

— Нет, — кричал Слинг, пока Эммет то ли толкал, то ли тянул его через внутренний двор. — Уберите от меня руки... вы не можете... когда Тайвин Линнистер услышит об этом, вы все пожалеете...

Эммет сбил его с ног, а Скорбный Эдд поставил ногу на спину, чтобы он оставался на коленях, пока Эммет засовывал колоду ему под голову.

— Все пройдет гораздо легче, если вы не будете дергаться, — посоветовал ему Джон Сноу. — Если попробуете уклониться от удара — вы все равно умрете, но смерть будет гораздо ужаснее. Вытяните шею,

милорд.

Бледный утренний луч солнца пробежался по лезвию клинка, когда Джон сжал эфес своего бастардова меча обеими руками и поднял его вверх.

— Если у вас есть последнее слово, сейчас самое время сказать его, — проронил он, ожидая последних проклятий.

Янос Слинг повернул шею и посмотрел на него снизу вверх.

— Прошу, милорд. Пощади... Я... я поеду, да, я...

Нет, подумал Джон. Ты закрыл эту дверь. Длинный Коготь опустился.

— Можно мне взять его

сапоги? — спросил Оуэн Олух, когда голова Слинта покатилась по грязной земле. — Они почти новые, эти сапоги. И на меху.

Джон оглянулся на Станниса. На мгновение их взгляды встретились. Затем король кивнул и вернулся в башню.

9. ТИРИОН

Он проснулся в одиночестве и обнаружил, что паланкин остановился.

Груда помятых подушек осталась на том месте, где растянулся Иллирио. В горле карлика пересохло и саднило. Ему приснилось... что ему приснилось? Он забыл.

Снаружи говорили на незнакомом языке. Тирион перебросил ноги через бортик и спрыгнул на землю: магистр Иллирио стоял у повозки, а над ним возвышались два всадника. Оба были

в потертых кожаных рубашках под темными шерстяными плащами, но их мечи оставались в ножнах, и толстяку, похоже, ничто не угрожало.

— Мне надо отлить, — объявил карлик.

Он отвернулся от дороги, расстегнул штаны и направил струю в колючие заросли. Весь процесс занял у него немало времени.

— По крайней мере это он умеет, — заключил голос.

Тирион стряхнул последние капли и заправил штаны:

— Умение мочиться — наименьший из моих талантов. Видели бы вы, как я облегчаюсь, — он повернулся к магистру

Иллирио. — Ты их знаешь, магистр? Они похожи на преступников. Мне достать свой топор?

— Твой *топор*? — воскликнул всадник покрупнее, мускулистый мужчина с лохматой бородой и копной рыжих волос. — Слыхал, Халдон? Малыш хочет с нами сразиться!

Его товарищ был старше, чисто выбритый, со сдержанным морщинистым лицом и волосами, зачесанными назад и завязанными в узел:

— Маленькие люди часто чувствуют потребность доказать свою храбрость неподобающим бахвальством, — заявил он. — Я

сомневаюсь, что он смог бы убить утку.

Тирион пожал плечами:

— Принесите утку.

— Если вы настаиваете, —

всадник посмотрел на своего товарища.

Мускулистый мужчина обнажил меч:

— Я — Утка, ты, болтливый ночной горшок.

О, милостивые боги.

— Я имел в виду утку поменьше.

— Ты слышал, Халдон? — расхохотался здоровяк. — Он хочет утку *поменьше!*

— Я бы с радостью согласился на более молчаливую, — человек по

имени Халдон внимательно изучил холодными серыми глазами Тириона, затем снова повернулся к Иллирио. — У вас для нас пара сундуков?

— И мулы, чтобы их везти.

— На мулах слишком медленно.

У нас есть выючные лошади, мы перенесем сундуки на них. Утка, займись этим.

— Почему это всегда Утка должен этим заниматься? — меч здоровяка скользнул обратно в ножны. — А чем тогда займешься *ты*, Халдон? Кто тут рыцарь, ты или я? — тем не менее, он потопал к мулам с поклажей.

— Как дела у нашего парня? —

спросил Иллирио, пока сундуки доставали из повозки. Тирион насчитал шесть: дубовые сундуки с железными засовами. Утка довольно легко таскал их, поднимая на одно плечо.

— Ростом уже почти с Грифа. Он свалил Утку в кормушку для лошадей три дня назад.

— Ничего он не *свалил*. Я сам упал, специально, чтобы его рассмешить.

— Твоя выходка имела успех, — сказал Халдон. — Я и сам посмеялся.

— В одном из сундуков подарок мальчику. Немного засахаренного имбиря. Он всегда обожал его, —

голос Иллирио был странно грустен. — Я подумал, что мог бы продолжить с вами путь до Гойан Дрое. Прощальный пир, прежде чем вы отправитесь в путь...

— У нас нет времени для пиров, милорд, — ответил Халдон. — Гриф предполагал направиться вниз по реке немедленно после нашего возвращения. Оттуда до нас доходят новости, и ни одной — хорошей. Дотракийцев видели к северу от Кинжального Озера, разведчиков из кхаласара старого Мото; и кхала Зекко неподалеку от него, проезжающего через Квохорский лес.

Толстяк издал грубый звук:

— Зекко наносит визит в Квохор

каждые три-четыре года. Квохорцы откупаются мешком золота, и он снова уходит на восток. А что касается Мото, его люди почти такие же старики, как и он сам, и их становится все меньше. Настоящая угроза — это...

— Кхал Поно, — закончил за него Халдон. — Мото и Зекко бегут от него, если верить слухам. Говорят, в последний раз Поно встречали у истоков Селхору с кхаласаром из тридцать тысяч. Гриф не хочет рисковать быть схваченным при переправе, если Поно отважится напасть на Ройне, — Халдон бросил взгляд на Тириона. — Ваш карлик умеет ездить верхом так же хорошо,

как писать?

— Он умеет, — встрял Тирион, прежде чем сырный лорд успел открыть рот, — однако у него это получается лучше в специальном седле и на лошади, которую он хорошо знает. Еще он умеет разговаривать, а если надо — то и поддержать беседу.

— Значит, умеет. Я — Халдон, лекарь в нашем маленьком братстве. Некоторые зовут меня Полумейстером. Мой компаньон — сир Утка.

— Сир Ролли, — поправил его здоровяк. — Ролли Дакфилд. Каждый рыцарь может посвящать в рыцари, и Гриф посвятил меня. Ну а ты,

карлик?

— Его зовут Йолло, — быстро ответил Иллирио.

Йолло? Йолло звучит как кличка обезьяны. Хуже того — это пентошийское имя, а любой дурак заметит, что Тирион не пентошиец.

— В Пентосе меня зовут Йолло, — сказал он, попытавшись исправить положение, — но моя мать назвала меня Хугором Хиллом.

— Ты маленький король или маленький бастард? — спросил Халдон.

Тирион понял, что ему нужно быть осторожнее с Халдоном Полумейстером.

— Каждый карлик — бастард в

глазах своего отца.

— Без сомнения. Хорошо, Хугор Хилл, ответь-ка мне на это: как Сервин Зеркальный Щит убил дракона Урракса?

— Он прятался за своим щитом. Поэтому Урракс видел только своё отражение, пока Сервин не воткнул ему в глаз копье.

Халдона это не впечатлило:

— Даже Утка знает эту легенду. А сможешь ли ты назвать мне имя рыцаря, который пытался повернуть такую же хитрость с Вагаром во время Танца Драконов?

Тирион ухмыльнулся:

— Сир Байрон Сванн. На беду его поджарили... Только вот дракона

звали Сиракс, а не Вагар.

— Боюсь, что ты путаешь. В "Правдивой истории Танца Драконов", мейстер Мункун писал...

— ...что это был Вагар. *Великий* мэйстер Мункун ошибся. Оруженосец сира Байрона видел смерть своего господина и написал его дочери, как это произошло. Он говорил, что это была Сиракс, самка Рэйнира, что звучит более правдоподобно, чем версия Мункуна. Сванн был сыном межевого лорда, вассалом Штормового Предела, где правил Эйгон. На Вагаре летал принц Эймонд, брат Эйгона. С какой стати Сванну убивать его?

Халдон поджал губы:

— Попробуй не упасть с лошади. А если все же умудришься, тогда лучше ковыляй обратно в Пентос. Наша робкая дева не будет дожидаться ни человека, ни карлика.

— Робкие девы — мой любимый тип. Не считая распутниц. Скажи мне, куда отправляются шлюхи?

— Разве я выгляжу как человек, который часто посещает шлюх?

Утка иронически рассмеялся:

— Он не осмеливается. Лемора заставит его молиться о прощении. А кроме того, парень может захотеть пойти с ним, и тогда Гриф отрежет ему член и засунет в глотку.

— Ну, — сказал Тирион, — мастеру член особо не нужен.

— Халдон же все-таки Полумейстер.

— Ты, кажется, находишь карлика забавным, Утка, — произнес Халдон. — Он может ехать вместе с тобой, — и развернул свою лошадь.

Утке понадобилось еще несколько секунд, чтобы привязать сундуки на трех выючных лошадей. К тому времени Халдон пропал из виду. Утка, казалось, принял его предложение совершенно спокойно. Он качнулся в седле, сгреб Тириона за воротник, поднял и усадил перед собой:

— Покрепче держись за луку седла, и все будет в порядке. У этой кобылы легкий приятный аллюр, а

дорога драконов гладкая как девичья задница, — взяв узду в правую, а поводья в левую руку, сир Ролли пустил лошадь рысью.

— Удачи, — крикнул им вслед Иллирио. — Скажите мальчику, я сожалею, что меня не будет на его свадьбе. Я встречу с вами в Вестеросе. Клянусь руками моей милой Серры.

В последний раз Тирион Ланнистер видел Иллирио Мопатиса стоящим в своем парчовом халате возле паланкина и сгорбившим массивные плечи. Фигура магистра скрывалась в пыли из под лошадиных копыт, и сырненький лорд казался почти маленьким.

Утка нагнал Халдона Полумейстера через четверть мили. После этого всадники продолжали путь бок о бок. Тирион вцепился в высокую луку, нелепо свесив короткие ножки и зная, что его ждут волдыри, судороги и натертые ссадины.

— Интересно, что пираты Кинжального Озера сделают из нашего карлика? — сказал Халдон, когда они ехали.

— Жаркое из карлика? — предположил Утка.

— Урхо Немытый самый ужасный из них, — поведал Халдон, — одной его вони достаточно чтобы убить человека.

Тирион пожал плечами:

— К счастью, у меня нет носа.

Халдон натянуто улыбнулся:

— Если мы случайно

встретимся с Леди Коррой на Зубах Ведьмы, у тебя скоро, возможно, не будет и других частей тела. Не зря ее называют Коррой Жестокой. Экипаж на ее корабле — прекрасные юные девы, которые кастрируют каждого мужчину, взятого в плен.

— Ужасно. Я могу описаться со страху.

— Не стоит, — хмуро предостерег его Утка.

— Как скажешь. Если мы натолкнемся на эту Леди Корру, я быстро надену юбку и представлюсь

Серсеей, самой известной бородатой красоткой в Королевской Гавани.

На это раз Утка рассмеялся, а Халдон произнес:

— А ты забавный коротышка, Йолло. Говорят, Скрытый Господин гарантирует свое покровительство любому, кто сможет его рассмешить. Возможно, Его Серая Светлость выберет тебя, чтобы украсить свой угрюмый двор.

Утка с тревогой глянул на своего спутника:

— Нехорошо так шутить, не когда мы так близко к Ройне. Господин услышит.

— Премудрость от Утки, — сказал Халдон. — Прошу прощения,

Йолло. Не нужно так бледнеть, я просто пошутил. Принц Печалей не так-то просто награждает своим серым поцелуем.

Его серый поцелуй. От мысли о нем карлика бросало в дрожь. Смерть перестала ужасать Тириона Ланнистера, но серая хворь — другое дело. *Скрытый Господин — всего лишь легенда,* сказал он себе, *он не более реален, чем призрак Ланна Хитроумного, обитающего, по слухам, на Утесе Кастерли.* Но все равно он попридержал язык.

Неожиданное молчание карлика прошло незамеченным, так как Утка решил развлечь его своей историей. Отец Утки был оружейником в Узком

Мосту, рассказывал он, поэтому сын родился со звоном стали в ушах и с малых лет учился владеть мечом. Здорового и подающего надежды паренька заметил старый лорд Касвелл и предложил ему место в своём гарнизоне, но юноша хотел большего. Он видел, как слабовольный и хилый сынок лорда стал сначала пажом, затем оруженосцем, а потом и рыцарем.

— Худосочный подлый подхалим! Но у старого лорда было четверо дочерей и только один сын, так что против него и слова нельзя было сказать. Другие оруженосцы едва осмеливались даже прикоснуться к нему во дворе.

— Однако ты оказался не таким робким, — Тириону было несложно догадаться, что произошло дальше.

— Отец выковал для меня длинный меч в подарок на мои шестнадцатые именины, — продолжил Утка, — но Лоренту он так понравился, что тот забрал его себе, а мой чертов папаша никогда не смел сказать ему "нет". Когда я пожаловался, Лорент сказал мне в лицо, что моя рука создана держать молот, а не меч. Так что я пошел, взял молот и бил его до тех пор, пока не сломал ему обе руки и половину ребер. Следом мне пришлось очень быстро покинуть Простор. Я переплыл море, чтобы примкнуть к

Золотым Мечам. Там я несколько лет проработал подмастерьем кузнеца, пока сир Гарри Стрикленд не взял меня оруженосцем. Когда Гриф пустил весть, что ему нужен кто-нибудь, чтобы обучать его сына владению оружием, Гарри послал ему меня.

— И Гриф посвятил тебя в рыцари?

— Год спустя.

— Почему бы тебе не рассказать нашему маленькому другу, как ты получил свое имя? — Халдон Полумейстер насмешливо улыбнулся.

— Рыцарю необходимо нечто большее, чем просто имя, — защищался здоровяк, — в общем, мы

были на лугу, когда он посвящал меня в рыцари, и я поднял голову и увидел этих уток, так что... ну не смейтесь же вы.

Сразу после заката они свернули с дороги к заросшему дворику возле старого каменного колодца. Тирион соскочил с лошади, чтобы размять сведенные судорогой икры, пока Утка и Халдон поили лошадей. Жесткая бурая трава и небольшие сорные кустики росли из трещин между булыжниками и на покрытых мхом стенах того, что когда-то могло быть огромным каменным поместьем. Позаботившись о животных, всадники разделили простой ужин из солонины и

холодных белых бобов, запив его элем. Тирион посчитал эту простую пищу приятной заменой всем тем яствам, которыми его потчевал Иллирио.

— Эти сундуки, что мы привезли вам... — сказал он, пока они жевали. — Золото для Золотых Мечей, подумал я сначала, пока не увидел, как сир Ролли поднимает их на плечо. Если бы они были полны монет, ему бы не удалось сделать этого так легко.

— Это просто доспехи, — ответил Утка, пожав плечами.

— И одежда, — вмешался Халдон. — Придворная одежда, для всего нашего отряда. Прекрасная

шерсть, бархат, шелковые плащи. Никто не приходит к королеве в обносках... и с пустыми руками. Магистр был столь любезен, что обеспечил нас чудесными дарами.

Когда взошла луна, они снова были верхом и двигались к востоку под покровом звезд. Старая валирийская дорога блестела перед ними длинной серебряной лентой, изгибающейся между лесами и долинами. На короткое время Тирион Ланнистер почувствовал умиротворение.

— Ломас Длинный Шаг сказал правду. Дорога просто чудо.

— Ломас Длинный Шаг? — переспросил Утка.

— Писец, давно умерший, — сказал Халдон. — Он странствовал по миру всю свою жизнь и написал две книги о землях, в которых побывал. Он назвал их "Чудеса" и "Рукотворные чудеса".

— Мой дядя подарил их мне, когда я был еще ребенком, — сказал Тирион. — Я перечитывал их, пока они не развалились на части.

— "Боги создали семь чудес, а смертные создали девять", — процитировал Полумейстер. — Весьма нечестиво смертным обойти богов, но что поделаешь. Каменные дороги Валирии были одним из девяти чудес, описанных Длинным Шагом. Пятым, насколько я помню.

— Четвертым, — сказал Тирион, в детстве выучивший все шестнадцать чудес. Дядя Герион любил ставить его на стол во время праздников и заставлял повторять их. *И разве мне это не нравилось? Стоять там, среди подносов, когда все взгляды устремлены на меня, и доказывать всем, какой я умный маленький бес.* Долгие годы он лелеял мечту, что однажды отправится путешествовать по миру и своими глазами увидит все чудеса, описанные Длинным Шагом.

Лорд Тайвин положил конец этим надеждам перед шестнадцатыми именинами сына-карлика, когда Тирион попросил у

него разрешения отправиться путешествовать по Девяти Вольным Городам, как сделали его дядья в этом возрасте. "На моих братьев можно было положиться в том, что они не опозорят Дом Ланнистеров, — ответил тогда его отец. — Никто из них не женился бы на шлюхе." А когда Тирион напомнил ему, что через десять дней он станет взрослым и вольным путешествовать куда ему заблагорассудится, лорд Тайвин ответил: "Не бывает вольных людей. Только дети и дураки думают по-другому. Езжай, конечно. Надень шутовской костюм и становись на голову, развлекая лордов специй и королей сыра. Только знай, что ты

сам будешь платить за себя и выбрось из головы мысли о возвращении." Так попытка мальчика сопротивляться потерпела крах. "Если ты ищешь полезное занятие, оно у тебя будет," — добавил отец. Чтобы отметить его взросление, на Тириона возложили ответственность за все дренажные каналы и водохранилища Утеса Кастерли. *Наверное, он надеялся, что я упаду туда.* Но Тирион разочаровал Тайвина: дренажные каналы никогда не осушались и вполовину так же хорошо, как когда были поручены ему.

Мне нужна чаша вина, чтобы смыть вкус Тайвина изо рта. А

полный мех помог бы мне еще больше.

Они ехали всю ночь. Тирион спал урывками, клюя носом и неожиданно просыпаясь. Время от времени он начинал сползать с седла, но сир Ролли хватал его за руку и рывком затаскивал обратно. К рассвету ноги карлика ныли, а ягодицы были натерты и ободраны.

Так они ехали еще один день, прежде чем достигли развалин Гойан Дрое, раскинутых по берегам реки.

— Легендарная Ройна, — произнес Тирион, заметив медленные зеленые воды с вершины холма.

— Малая Ройна, — уточнил

Утка.

— Она самая. *Кажется, довольно симпатичная речка, но даже самый маленький из зубцов Трезубца вдвое шире, и все три гораздо стремительнее.* Город тоже не поражал воображение. Гойан Дрое никогда не был большим, вспомнил Тирион написанное в книгах, но это было красивое место, зеленое и цветущее — город каналов и фонтанов. *До войны. Пока не пришли драконы.* Тысячу лет спустя каналы заросли тиной и камышом, а у прудов со стоячей водой вились рои мух. Разбитые камни храмов и замков вросли в землю, а на берегах реки качались кривые старые ивы.

Среди этого запустения все еще обитали немногочисленные жители, ухаживая за маленькими садами, поросшими сорняками. Цокот копыт по старой валирийской дороге заставил большинство заползти обратно в свои норы, но те, что посмелее, задержались на солнце, безразлично уставившись пустым взглядом на проезжающих всадников. Одна голая девочка с грязными коленками, казалось, не могла отвести от Тириона глаз. *Она раньше никогда не видела карлика, догадался он, и уж тем более безносого.* Он скорчил ужасную гримасу и высунул язык — девочка заплакала.

— Что ты сделал? — спросил

Утка.

— Я послал ей воздушный поцелуй. Все девушки плачут, когда я их целую.

За спутанными ивами дорога резко закончилась и они повернули на север, срезая путь. Они ехали вдоль реки, пока заросли не расступились около старого каменного причала, полузатопленного и окруженного высокими бурыми сорняками.

— Утка! Халдон! — раздался крик.

Тирион повернулся в ту сторону и увидел мальчика, который, стоя на крыше низкого деревянного здания, размахивал широкополой

соломенной шляпой. Это был хорошо сложенный, высокий и гибкий юнец с копной темно-синих волос. Карлик предположил, что ему лет пятнадцать-шестнадцать или около того.

Крыша, на которой стоял мальчик, оказалась каютой "Робкой девы", старой ветхой одномачтовой лодки. Она была широкой, с неглубокой осадкой — идеальное судно для передвижения по самым мелким речушкам и песчаным отмелям. *Невзрачная дева*, подумал Тирион, *но иногда самые уродливые бывают самыми ненасытными в постели.* Лодки, сновавшие по рекам Дорна, часто были ярко раскрашены

и покрыты искусно вырезанными узорами по дереву. Но эта весьма отличалась от них. Ее выкрасили мутной серо-бурой краской, которая пошла пятнами и облупилась, а большой изогнутый румпель был прост и незатейлив. *Лодка выглядит как хлам*, подумал Тирион, *но, бесспорно, так и задумано.*

Утка что-то крикнул в ответ. Кобыла пошлепала по мелководью, топча тростник. Мальчик спрыгнул с крыши на палубу, следом туда же высыпала вся остальная команда: пожилая пара с характерными для жителей Ройны чертами лица встала возле румпеля, а статная септа в мягких белых одеждах шагнула из

двери каюты, убирая упавшие на глаза локоны темных волос.

Затем появился еще один человек, несомненно, сам Гриф:

— Хватит орать, — приказал он. Над рекой сразу стало тихо.

С этим будут проблемы, моментально понял Тирион.

Плащ Грифа был сделан из головы и шкуры ройнского рыжего волка. Под ним он носил полукольчугу из коричневой кожи с нашитыми железными кольцами. Его чисто выбритое лицо было словно выдубленным, с глубокими морщинками в уголках глаз. И хотя волосы были такими же синими, как у сына, их корни отливали рыжиной,

а брови были еще более рыжими. На поясе у бедра висели меч и кинжал. Если он и был рад возвращению Утки и Халдона, то никак этого не проявил, зато даже не попытался скрыть своё неудовольствие при виде Тириона:

— Карлик? Откуда?

— Знаю, ты надеялся увидеть сырную голову, — Тирион повернулся к Юному Грифу и выдал ему свою самую обезоруживающую улыбку. — Синие волосы могут хорошо послужить тебе в Тироше, но в Вестеросе дети будут бросать в тебя камни, а девушки смеяться в лицо.

Парень был ошеломлен:

— Моя мать была тирошской

леди. Я выкрасил волосы в память о ней.

— Что это за существо? — требовательно спросил Гриф.

— Иллирио передал письмо с объяснениями, — ответил Халдон.

— Тогда я хотел бы его прочесть. Отведите карлика в мою каюту.

Не нравятся мне его глаза,
подумал Тирион, когда наемник
уселся напротив него в полумраке
каюты за исцарапанный стол с
сальной свечой. *Похожи на голубые
льдинки, бледные и холодные.*
Карлику не нравились такие глаза.
Глаза лорда Тайвина тоже были
бледными, только зелеными, с

золотыми крапинками.

Он смотрел, как наемник читает. То, что он *умел читать*, само по себе уже говорило о многом. Сколько наемников могли похвастаться этим? *Он почти не шевелит губами*, отметил Тирион.

Наконец Гриф оторвался от пергамента. Его бледные глаза сузились:

— Тайвин Ланнистер мертв? От твоей руки?

— От моего пальца. Вот этого, — Тирион поднял его, чтобы Гриф любовался. — Лорд Тайвин сидел в уборной, и я всадил арбалетную стрелу прямо ему в кишки, чтобы посмотреть, правда ли

он срет золотом. Нет, неправда. А жаль, мне бы не помешало немного золота. Я также убил свою мать, чуть раньше. Ах да, и моего племянника Джоффри — я отравил его на свадебном пиру и наблюдал, пока он насмерть не задохнулся. Не пропустил ли торговец сыром эту часть? Еще я намерен добавить в этот список брата и сестру, прежде чем умру, если так будет угодно твоей королеве.

— *Угодно* ей? Иллирио что, сошел с ума? С чего он взял, что Её Величество радостно примет к себе на службу цареубийцу и предателя, который даже не скрывает этого?

Резонный вопрос, подумал

Тирион, но вместо этого сказал:

— Король, которого я убил, сидел на её троне, а предавал я только львов. Так что, сдаётся мне, я уже оказал королеве хорошую услугу, — он почесал обрубок носа, — не бойся, тебя я не убью — ты ведь мне не родственник. Можно взглянуть, что написал торговец сыром? Я так люблю читать о себе.

Гриф проигнорировал его просьбу. Вместо этого он поднес письмо к пламени свечи и смотрел, как пергамент потемнел, изогнулся и вспыхнул.

— Между Таргариенами и Ланнистерами пролита кровь. С чего бы тебе поддерживать королеву

Дейенерис?

— Ради золота и славы, — весело ответил карлик. — Ах да, ещё из ненависти. Знал бы ты мою сестру, ты бы понял.

— Я вполне хорошо понимаю ненависть.

По тому, как он это произнес, Тириону стало ясно, что это правда. *Он ест ненависть на ужин, этот человек. Ненависть годами согревает его в ночи.*

— Значит, у нас много общего, сир.

— Я не рыцарь.

Не только лжец, но и лжец неумелый. Это было нелепо и глупо, милорд.

— Но сир Утка рассказывал, что именно ты посвятил его в рыцари.

— Утка слишком много болтает.

— Удивительно, что утка вообще умеет говорить. Ладно, Гриф. Ты не рыцарь, а я Хугор Хилл, маленькое чудовище. *Твое* маленькое чудовище, если пожелаешь. Даю слово, что все, чего я желаю — лишь быть верным слугой твоей драконьей королевы.

— И как ты намерен ей служить?

— Языком, — он облизал пальцы, один за другим. — Я могу поведать Её Величеству о мыслях моей милой сестры, если это можно назвать мыслями. Я могу рассказать её полководцам, как лучше всего

победить в битве моего брата Джейме. Я знаю, кто из лордов храбр, а кто труслив, кто верен, а кто продажен. Я могу найти ей союзников. И я знаю о драконах намного больше, чем твой полумейстер. Еще я забавен и непрожорлив. Считай меня своим верным бесом.

С минуту Гриф взвешивал сказанное:

— Уразумей вот что, карлик. Ты самый последний и ничтожный среди нас. Делай то, что тебе говорят и попридержи язык. Или скоро начнешь мечтать о том, чтобы он вообще у тебя был.

Да, отец, почти произнес

Тирион.

— Как скажете, милорд.

— Я не лорд.

Лжец.

— Это была просто вежливость,
мой друг.

— Я тебе не друг.

Не рыцарь, не лорд, не друг.

— Жаль.

— Избавь меня от своей иронии.

Я пока возьму тебя с собой до
Волантиса. Если ты окажешься
покорным и полезным, я оставлю
тебя с нами, чтобы служить королеве
тем, что умеешь лучше всего.
Покажешь, что от тебя больше
неприятностей, чем пользы —
отправишься своей дорогой.

Ага, и мой путь приведет меня на дно Ройны, где рыбы будут клевать остатки моего носа.

— Валар дохаэрис.

— Ты можешь спать на палубе или в трюме, где тебе больше нравится. Исилла найдет для тебя постель.

— Как мило с ее стороны, — Тирион неуклюже раскланялся, но возле двери снова повернулся, — а если мы найдем королеву и обнаружим, что эти рассказы о драконах — всего-навсего пьяные фантазии матросов? В этом огромном мире полно безумных баек. Грамкины и снарки, призраки и упыри, русалки, гоблины, крылатые

лошади, крылатые свиньи...
крылатые львы.

Гриф, нахмурившись, уставился на него:

— Я тебя честно предупреждаю, Ланнистер. Следи за своим языком, или ты его лишишься. Здешние королевства в опасности. Как и наши жизни, наши имена, наша честь. Это не игра, в которую мы играем для твоего развлечения.

Конечно, игра, подумал Тирион.
Игра престолов.

— Как скажешь, Капитан, — пробормотал он, вновь раскланявшись.

10. ДАВОС

Молния расколола северное небо, выгравировав черную башню Ночного Факела на фоне белогоголубого небосвода. Через несколько мгновений грянул гром, подобно отдаленному барабану.

Стражники провели Давоса Сиворта через мост из черного базальта и под железной опускающейся решеткой со следами ржавчины. По ту сторону остался глубокий ров, наполненный соленой водой, и подъёмный мост, поддерживаемый парой массивных цепей. Под ним вздымалось зеленое

море, волны соленых брызг бились о фундамент замка. Затем появилась сторожка у ворот, ее каменные стены обросли бородой из водорослей. Давос со связанными запястьями, спотыкаясь, прошел через грязный двор. Холодный дождь жалил ему глаза. Стражники тычками подгоняли его вверх по ступеням, в пещерную твердыню Волнореза.

Оказавшись внутри, капитан стражи снял плащ и повесил его на колышек, чтобы не оставлять лужи на потертом мирском ковре. Давос сделал то же самое, помучившись с застежкой из-за связанных рук. Он не забыл хорошие манеры, которые выучил на Драконьем Камне за

долгие годы службы. Лорд был один в темноте зала, ужиная сестринским рагу с хлебом и пивом. Двадцать железных канделябров стояли вдоль толстых каменных стен, но только в четырех из них были факелы, и ни один не горел. Зал тусклым мерцающим светом освещали две толстые сальные свечи. Давос слышал, как дождь хлестал по стенам, как падали капли там, где протекала крыша

— Милорд, — сказал капитан, — мы нашли этого человека в "Утробе Кита", он пытался покинуть остров. У него было двенадцать драконов и вот эта вещь, — капитан положил на стол

лорда широкую ленту из черного бархата, отделанную золотыми нитями, с тремя печатями на ней: коронованный олень, оттиснутый на золотом воске, горящее сердце на красном, и рука на белом.

С одежды Давоса капала вода. Запястья натерло врезавшейся в кожу веревкой. Он ждал. Одно слово этого лорда — и болтаться ему на Воротах Висельников Сестрина, но по крайней мере у него появилась крыша над головой, а под ногами — прочный камень вместо вздымающейся палубы. Он вымок до нитки, был болен и изнурен, убит горем и предательством, и ему до смерти осточертели шторма.

Лорд вытер рот тыльной стороной руки и взял ленту, чтобы рассмотреть ее поближе. Снаружи сверкнула молния, на долю секунды осветив бойницы белым и голубым. *Раз, два, три, четыре*, насчитал Давос, до того как загрохотал гром. Когда все стихло, он слышал звук капель и приглушенный рев у себя под ногами, где волны бились о громадные каменные арки Волнореза и кружились в водоворотах темниц. Возможно, его дни закончатся там: прикуют цепями к влажному каменному полу и оставят тонуть, когда ворвется прилив. *Нет*, постарался он успокоить себя, *это контрабандист может погибнуть*

таким образом, но не королевская Десница. Ему будет выгоднее продать меня своей королеве.

Лорд вертел в пальцах ленту, хмуро глядя на печати. Уродливый человек: большой и толстый, с крепкими плечами гребца и без шеи. Грубая седая щетина, местами совсем белая, покрывала его щеки и подбородок. Над массивным выступом лба он был лыс. С бугристым носом в красных прожилках, толстыми губами и чем-то вроде перепонок на трех пальцах правой руки. Давос слышал, что у некоторых лордов Трех Сестер были перепончатые руки и ноги, но всегда считал это очередными матросскими

байками.

Лорд откинулся назад.

— Освободи его, — приказал он, — и сорви с него эти перчатки. Я хочу увидеть его руки.

Капитан сделал то, что ему велели. Когда он дернул изувеченную руку своего пленника, молния сверкнула снова, и тень от укороченных пальцев Давоса Сиворта упала на грубое и жестокое лицо Годрика Боррелла, лорда Милой Сестры.

— Кто угодно может украсть ленту, — произнес лорд, — но эти пальцы не лгут. Ты — луковый рыцарь.

— Меня так называли,

милорд, — Давос и сам был лордом и рыцарем уже много лет, но глубоко внутри он все же оставался тем, кем был всегда — контрабандистом из простого рода, который купил свое рыцарство луком и рыбой. — Меня называли и похуже.

— Да. Изменником. Мятежником. Перебежчиком.

Давос разозлился на последнее слово:

— Я никогда не был перебежчиком, милорд. Я человек короля.

— Только если Станнис — король, — лорд рассматривал его жесткими черными глазами. — Большинство рыцарей, которые

высаживаются на моих берегах, разыскивают меня в моем замке, а не в "Утробе Кита", этом логове подлых контрабандистов. Ты вернулся к своему старому ремеслу, луковый рыцарь?

— Нет, милорд. Я искал переправу к Белой Гавани. Король отправил меня с посланием для ее лорда.

— Тогда ты оказался не в том месте и не у того лорда, — лорда Годрика, казалось, это позабавило. — Это Сестрин, на Милой Сестре.

— Я знаю.

Ничего милого в Сестрине не было: отвратительный маленький

город, хлев, воняющий свиным дерьмом и гниющей рыбой. Давос хорошо запомнил его с контрабандистских времен. Сотни лет Три Сестры были любимым прибежищем контрабандистов, а до этого — пиратским гнездом. Улицы грязные и дощатые, дома — обмазанные глиной плетеные хибары с соломенными крышами, а на Воротах Висельника всегда болтались люди с вывороченными кишками.

— У тебя здесь друзья, я в этом уверен, — сказал лорд. — У каждого контрабандиста есть друзья на Сестрах. Некоторые из них и мои друзья. Всех остальных я вешаю. Я

даю им возможность медленно задохнуться, пока кишки с шумом бьются об их колени. — Молния снова ярко осветила зал, и через несколько мгновений грянул гром. — Если ты, как говоришь, направлялся в Белую Гавань, то почему оказался тут? Что тебя сюда привело?

Королевский приказ и предательство друга, мог бы сказать Давос. Вместо этого он ответил:

— Шторма.

Двадцать девять кораблей отплыло от Стены. Если бы Давос узнал, что хотя бы половина из них все еще на плаву, он бы страшно поразился. Грозовые тучи, резкие ветра и хлещущие ливни

преследовали их на всем пути вдоль побережья. Галеры «Оледо» и «Старушкин Сын» налетели на скалы Скагоса — острова единорогов и каннибалов, к которому и Слепой Бастард побоялся бы пристать. Отличное судно «Саатос Саан» пошло ко дну у Серых Скал. «Станнис заплатит за них, — кипел Салладор Саан. — Он заплатит за них золотом, за каждый». Казалось, словно какой-то разъяренный бог потребовал выкуп за их легкий путь на север, когда с ровным южным ветром в парусах они прошли от Драконьего Камня до Стены. Еще одна буря снесла оснастку с «Щедрого Урожая», и Салле

пришлось тянуть его на буксире. Десять лиг севернее Вдовьего Дозора море восстало вновь, швырнув «Урожай» на одну из буксировавших его галер и потопив оба судна. Остатки лиссенийских кораблей разбросало по Узкому морю. Некоторые из них могли сбиться с курса и причалить в каком-нибудь порту, других же больше никто никогда не увидит.

"Салладором Нищим — вот кем сделал меня твой король, — жаловался Саан Давосу, когда остатки его флотилии медленно плыли вдоль Челюстей. — Салладором Разбитым. Где мои корабли? И мое золото, где все то

золото, которое мне обещали?" Когда Давос пытался уверить его, что тот получит свою плату, Салла взрывался: "Когда, *когда*? Завтра? В новолуние? Когда красная комета прилетит вновь? Он обещает мне золото и драгоценности, всегда обещает, но что-то я не видел этого золота. Он дает мне слово, сказал он — о, да — его королевское слово, он даже скрепляет его печатью. Салладор Саан может есть королевское слово? Может ли он утолить свою жажду пергаментом и восковыми печатями? Может ли он опрокинуть обещания на перину и трахать их, пока они не начнут визжать?"

Давос пытался убедить его сохранить верность королю. Если Салла бросит Станниса и его дело, подчеркивал он, то потеряет всякую надежду получить обещанное золото. В конце концов, победивший Томмен вряд ли захочет платить долги своего поверженного дяди. Единственная возможность для Саллы — оставаться преданным Станнису Баратеону, пока тот не завоюет Железный Трон. Иначе он не увидит и гроша из своих денег. Ему нужно набраться терпения.

Возможно, какой-нибудь сладкоречивый лорд и убедил бы лиссенийского принца пиратов, но Давос был луковым рыцарем, и его

слова лишь вызвали новую вспышку ярости. «Я был терпеливым на Драконьем Камне, — говорил Саан, — когда красная женщина сжигала деревянных богов и вопящих людей. Весь долгий путь до Стены я тоже был терпелив. И в Восточном дозоре я был терпеливым... и замерзшим, очень замерзшим. Плевать, вот что скажу. Плевать на твое терпение и плевать на твоего короля. Мои люди голодны. Они хотят вновь трахнуть своих жен, пересчитать сыновей, увидеть Ступени и сады удовольствий Лисса. А лед, бури и пустые обещания... этого они *не* хотят. На севере слишком холодно, и становится еще

холоднее".

Я знал, что этот день настанет, сказал себе Давос. Я любил старого плута, но никогда не был дураком настолько, чтобы полагаться на него.

— Шторма, — вымолвил лорд Годрик так нежно, как другой мог бы произнести имя своей возлюбленной. — Шторма были священны на Сестрах до нашествия андалов. Нашими старыми богами были Леди Волн и Лорд Небес. Каждый раз, когда они встречаются, случается шторм, — он наклонился вперед. — Сестры никогда не волновали этих королей. С чего бы им? Мы маленькие и бедные. И все-

таки ты здесь. Доставлен мне штормом.

Доставлен тебе другом,
подумал Давос.

Лорд Годрик обратился к капитану:

— Оставь этого человека со мной. И считай, что его здесь никогда не было.

— Да, милорд. Никогда, — капитан ушел, оставляя мокрыми сапогами влажные следы на ковре. Внизу беспокойное море с грохотом омывало подножие замка. Наружная дверь закрылась со звуком далекого грома, и снова, словно в ответ, сверкнула молния.

— Милорд, — сказал Давос, —

если бы вы послали меня в Белую Гавань, Его Величество посчитал бы это актом дружбы.

— Я мог бы отправить тебя в Белую Гавань, — согласился лорд. — Или в холодный мокрый ад.

Сестрин уже сам по себе ад.
Давос боялся худшего. Три Сестры были подлыми суками, верными только самим себе. Они считались вассалами Арренов из Долины, но на деле Орлиное Гнездо не имело над ними власти.

— Сандерланд может потребовать передать тебя ему, если узнает, что ты здесь. — Боррелл присягнул за Милую Сестру, так же как Лонгторп за Большую Сестру, а

Торрент за Малую Сестру — все они поклялись в верности Тристону Сандерленду, лорду Трех Сестер. — Он отправит тебя к королеве за горшок ланнистерского золота. Бедному человеку пригодится каждый дракон, если у него семь сыновей, и каждый решил стать рыцарем, — лорд взял деревянную ложку и снова накинудся на рагу. — Я частенько проклинал богов, которые дали мне одних дочерей, пока не услышал, как Тристон стенает над стоимостью боевых коней. Ты бы удивился, узнав, как много рыбы нужно продать, чтобы купить приличную броню и кольчугу.

У меня тоже было семеро

сыновей, но четверо из них сожжены и мертвы.

— Лорд Сандерленд присягнул Орлиному Гнезду, — сказал Давос. — По закону он должен отправить меня леди Аррен.

У меня было бы больше шансов договориться с ней, чем с Ланнистерами. Хотя она и не приняла ничью сторону в Войне Пяти Королей, Лиза Аррен была дочерью Риверрана и приходилась тетей Молодому Волку.

— Лиза Аррен мертва, — сказал лорд Годрик, — убита каким-то певцом. Сейчас Долиной правит лорд Мизинец. А где пираты? — когда Давос не ответил, он швырнул

ложку на стол. — Лиссенийцы. Торрент следил за их парусами с Малой Сестры, а перед ним Флинты с Вдовьего Дозора. Оранжевые, зеленые и розовые паруса. Корабли Салладора Саана. Где они?

— В море, — Салла, должно быть, уже плывет, обходя Персты, вниз по Узкому морю, возвращаясь к Каменным Ступеням с немногими оставшимися у него кораблями. Возможно, он захватит еще несколько по дороге, если подвернется какое-нибудь торговое судно. *Небольшое пиратство поможет ему пережить эти лиги.* — Его Величество послал его на юг, досаждать Ланнистерам и их

друзьям.

Он выучил эту ложь, пока греб к Сестрину сквозь пелену дождя. Рано или поздно мир узнает, что Салладор Саан покинул Станниса Баратеона, оставив последнего без флота, но никто не услышат это из уст Давоса Сиворта.

Лорд Годрик помешал рагу.

— Это старый пират Саан отправил тебя вплавь на берег?

— До берега я добрался на шлюпке, милорд.

Салла дождался, когда луч маяка Ночного Факела пройдет мимо «Валирийки», и лишь затем спустил шлюпку на воду. Хотя бы этого стоила их дружба. Лиссениец

открыто заявил, что с радостью взял бы Давоса с собой на юг, но тот отказался. Станнису нужен Виман Мандерли, и король доверил Давосу склонить его на их сторону. Он сказал Салле, что не сможет предать это доверие. «Чушь, — ответил принц пиратов, — он погубит тебя с твоим благородством, старый друг. Он погубит тебя».

— Я еще никогда не принимал королевского Десницу под своей крышей, — сказал лорд Годрик. — Интересно, выкупит ли тебя Станнис?

Выкупит ли? Станнис дал ему титул, земли и пост, но заплатит ли он большие деньги за его жизнь? У

него нет золота. Иначе Салла до сих пор был бы с ним.

— Его Величество можно найти в Черном Замке, если милорд захочет спросить об этом.

Боррелл хрюкнул.

— А Бес тоже в Черном Замке?

— Бес? — Давос не понял вопроса. — Он в Королевской Гавани, осужден на смерть за убийство своего племянника.

— "Стена все узнаёт последней", — говорил мой отец. Карлик сбежал. Пролез сквозь прутья клетки и голыми руками разорвал на части собственного отца. Стражник видел, как он бежал, красный с головы до ног, словно искупался в

крови. Королева сделает лордом любого, кто принесет его голову.

Давос с трудом поверил услышанному.

— Вы хотите сказать, что Тайвин Ланнистер мертв?

— Да, от руки собственного сына, — лорд отхлебнул пива. — Когда у нас на Сестрах были короли, мы не позволяли карликам жить. Мы бросали их в море, как подношение богам. Септоны заставили нас прекратить это. Кучка благочестивых дураков. Зачем богам давать человеку такую форму, если не для того, чтобы отметить его, как чудовище?

Лорд Тайвин мертв. Это все меняет.

— Милорд, вы разрешите мне отправить ворона на Стену? Его Величеству нужно узнать о смерти лорда Тайвина.

— Он узнает. Но не от меня. И не от тебя, пока ты под моей протекающей крышей. Я не дам повода говорить, что предоставил Станнису помощь или совет. Сандерленды втянули Сестер в два мятежа Черного Пламени, и мы все горько пожалели об этом, — лорд Годрик показал ложкой на стул. — Присаживайтесь. Пока не упали, *сир*. В моем зале холодно, сыро и темно, но здесь помнят об учтивости. Мы найдем вам сухую одежду, но сначала поешьте, — он крикнул, и в зал

вошла женщина. — Нам следует покормить гостя. Принеси пиво, хлеб и сестринское рагу.

Пиво было темным, хлеб черным, а рагу сливочно-белого цвета. Женщина подала его в горшочке, выдолбленном из черствой буханки. Оно было густым: с луком, морковью, ячменем, белой и желтой репой, а также с моллюсками, кусочками трески и крабовым мясом, плавающими в массе густых сливок и масла. Такое варево, что согревает человека вплоть до костей, и как нельзя лучше подходит для сырой, холодной ночи. Давос с благодарностью зачерпнул ложкой.

— Вы когда-нибудь пробовали

сестринское рагу?

— Да, милорд.

Такое же рагу подавали в каждой гостинице и таверне на Трех Сестрах.

— Это вкуснее любого, что вы ели прежде. Его готовит Гелла. Дочь моей дочери. Вы женаты, луковый рыцарь?

— Да, милорд.

— Жаль. Гелла не замужем. Из некрасивых женщин получаются самые лучшие жены. Здесь крабы трех видов. Красные крабы, паучьи крабы и крабы-завоеватели. Паучьих крабов я ем только в сестринском рагу. Это почти как есть себе подобных, — лорд махнул в сторону

холодного черного очага, на висящее над ним знамя: вышитый паучий краб, белый на серо-зеленом поле. — До нас дошли слухи, что Станнис сжег своего Десницу.

Моего предшественника.

Мелисандра принесла Алистера Флорента в жертву своему богу на Драконьем Камне, чтобы вызвать ветер, который доставил бы их на север. Лорд Флорент был тверд и молчалив, когда люди королевы привязывали его к столбу; даже величественным, насколько может быть таковым полуголый человек. Но как только языки пламени коснулись его ног, он закричал, и, если верить красной женщине, эти крики

наполняли их паруса на всем пути к Восточному Дозору-у-Моря. Давосу не понравился тот ветер. В нем чудился запах горелого мяса, а завывания в корабельных снастях напоминали вопли боли. *Я легко мог оказаться на его месте.*

— Меня не сожгли, — заверил он лорда Годрика, — хотя в Восточном Дозоре я чуть на замерз.

— На Стене такое случается.

Женщина принесла новую буханку хлеба, только что из печи. Давос посмотрел на её руку и не смог отвести взгляд. Лорд Годрик не упустил случая это отметить:

— Да, на ней клеймо. Как и на всех Борреллах вот уже пятьсот лет.

Дочь моей дочери. Не та, что готовит рагу, — он разломил хлеб и предложил Давосу половину. — Ешьте. Хороший.

И в самом деле хороший, хотя сейчас любая черствая корка показалась бы Давосу вкусной — это значило, что он здесь гость, хотя бы на одну ночь. У всех лордов Трех Сестер была дурная репутация, а у Годрика Боррелла, лорда Милой Сестры, Щита Сестрина, Господина Волнореза и Хранителя Ночного Факела — хуже всех... но даже повелители разбойников и пиратов связаны древними законами гостеприимства. *По крайней мере, я увижу рассвет,* сказал себе Давос. *Я*

ел его хлеб и соль.

Хотя в сестринском рагу были приправы и поинтереснее соли.

— Неужели это шафран? — шафран стоил дороже золота, и Давос пробовал его лишь однажды, когда на пиру на Драконьем Камне король Роберт послал ему половину рыбы.

— Да, из Кварта. Есть еще перец, — лорд Годрик взял щепотку и посыпал свой горшочек. — Молотый черный перец из Волантиса, самого лучшего качества. Берите сколько хотите, если вам хочется острого. У меня его сорок ящичков, не считая гвоздики, мускатных орехов и фунта шафрана.

Перепало от одной черноглазой девы, — он рассмеялся. У него сохранились все зубы, обратил внимание Давос, хотя большинство из них были желтыми, а один вверху уже почернел. — Везла это в Браавос, но буря снесла её на Челюсти, и она разбилась на моих скалах. Так что, как видите, вы не единственный подарок, который принесли мне шторма. Море вероломно и жестоко.

Не столь вероломно как люди, подумал Давос. Предки лорда Годрика были королями пиратов, пока Старки не пришли к ним с огнем и мечом. Жители Сестер предоставили открытое пиратство

Салладору Саану и ему подобным, а сами переключились на терпящих бедствие. Маяки, которые горели у берегов Трех Сестер, должны были предупреждать моряков о мелководье, рифах и скалах и указывать безопасный путь. Однако в штормовые и туманные ночи на Сестрах зажигались ложные огни, приводя неосторожных капитанов к гибели.

— Шторма сделали вам одолжение, принесся к моей двери, — продолжил лорд Годрик. — Вас бы встретил холодный прием в Белой Гавани. Вы прибыли слишком поздно, сир. Лорд Виман намеревается преклонить колено, и

вовсе не перед Станнисом, — он сделал глоток пива. — Мандерли — не северяне, у них нет глубоких корней. Прошло не более девятисот лет, как они прибыли на север вместе со всем своим золотом и богами. Они ведь были великими лордами на Мандере, пока не переоценили свои силы и зеленые руки не прихлопнули их. Волчий король забрал у них золото, однако наделил землями и позволил остаться верными своим богам, — он опустил кусочек хлеба в рагу. — Если Станнис думает, что толстяк сможет ездить верхом на олене, то он ошибается. "Звезда Льва" заходила в Сестрин двенадцать дней назад, пополнить запасы

пресной воды. Знаете этот корабль? Малиновые паруса, а на носу фигура золотого льва. Судно шло в Белую Гавань и было доверху набито Фреями.

— Фреями? — это было последнее, что Давос ожидал услышать. — Говорят, сын лорда Вимана был убит Фреями.

— Именно, — ответил лорд Годрик. — И толстяк был так разгневан, что поклялся жить на хлебе и вине, пока не отомстит. Но уже до заката опять набил рот моллюсками и пирогами. У нас есть корабли, которые курсируют между Сестрами и Белой Гаванью. Мы продаем им крабов, рыбу и козий

сыр, они нам — древесину, шерсть и шкуры. Говорят, его светлость стал толще, чем когда-либо. Вот вам и клятва. Слова — это ветер, а ветер изо рта Мандерли означает не больше, чем ветры из его задницы, — лорд оторвал еще хлеба, продолжая вымакивать рагу. — Фрей везли толстому дураку мешок костей. Некоторые назвали бы это любезностью — принести мужчине кости его мертвого сына. Будь это мой сын, я ответил бы на такую любезность и поблагодарил Фреев, прежде чем повесить, но толстяк слишком благороден для этого, — он сунул хлеб в рот, прожевал, проглотил. — Я ужинал с Фреями.

Один сидел как раз на вашем месте. "*Рейегар*", так он представился. Я чуть не рассмеялся ему в лицо. Он говорил, что потерял жену и теперь собирается завести новую в Белой Гавани. Вороны летали туда-сюда. Лорд Виман и лорд Уолдер заключили договор и намереваются закрепить его браком.

Давос почувствовал себя так, словно лорд ударил его кулаком в живот. *Если он говорит правду, для моего короля все потеряно.* Станнис Баратеон отчаянно нуждался в Белой Гавани. Если Винтерфелл был сердцем Севера, то Белая Гавань — его ртом. В течение столетий залив не замерзал даже в самую суровую

зиму, а с ее приходом это могло иметь огромное значение. Равно как и серебро города. У Ланнистеров было золото из Утеса Кастерли и богатство Хайгардена, полученное благодаря брачным узам. Казна же короля Станниса истощилась. *По крайней мере, я должен попробовать. Вдруг найдется какой-то способ остановить этот брак.*

— Я должен попасть в Белую Гавань, — сказал он. — Ваша светлость, я прошу вас, помогите мне.

Рагу размягчило горшочек из черствого хлеба, и лорд Годрик принялся поедать его, разрывая своими большими руками.

— Я не люблю северян, — объявил он. Мейстеры говорят, что Изнасилование Трех Сестер было две тысячи лет назад, но Сестрин все еще помнит его. До него мы были свободными людьми со своими королями, которые правили нами. После него мы были вынуждены преклонить колени перед Арренами, чтобы северяне убрались. Волк и Орел сражались за нас тысячу лет, пока не обглодали весь жир и всю плоть с костей этих бедных островов. Что до вашего короля Станниса, то когда он был у Роберта мастером над кораблями, он прислал флот в мой порт без моего согласия и заставил меня перевешать дюжину хороших

друзей. Людей, подобных вам. Он зашел так далеко, что угрожал повесить *меня*, если вдруг каким-то судам случится сесть на мель из-за того, что Ночной Факел не будет светить. И мне пришлось проглотить его высокомерие, — он отъел еще немного от горшочка. — Теперь он прибыл на Север униженный, поджав хвост. Почему я должен оказывать ему хоть какую-то помощь? Ответьте мне.

Потому что он ваш законный король, подумал Давос. Потому что он сильный и справедливый человек, и единственный, кто может восстановить королевство и защитить его от опасности,

которая собирается на севере. Потому что у него волшебный меч, пылающий словно солнце. Слова застряли у него в горле. Они не повлияют на лорда Милой Сестры. Они не сделают его ближе к Белой Гавани ни на шаг. Что же он хочет услышать? Должен ли я обещать ему золото, которого у нас нет? Знатного мужа для дочери его дочери? Земли, почести, титулы? Лорд Алистер Флорент пытался играть в подобную игру, и король сжег его за это.

— Кажется, Десница проглотил язык. То ли сестринское рагу ему не по вкусу, то ли правда, — лорд Годрик вытер рот.

— Лев мертв, — медленно произнес Давос. — Вы сами сказали, милорд. Тайвин Ланнистер мертв.

— И что с того?

— Кто правит сейчас в Королевской Гавани? Не Томмен же, он ведь ребенок. Сир Киван?

Пламя свечи отражалось в черных глазах лорда Годрика.

— Если бы это было так, вы были бы в цепях. Правит королева.

Давос понял. *Его одолевают сомнения. Он не хочет оказаться на проигравшей стороне.*

— Станнис удерживал Штормовой Предел от Тиреллов и Редвинов. Он захватил Драконию Камень у последних Таргариенов. Он

разбил Железный Флот у Светлого Острова. Этот король-дитя не победит его.

— Этот король-дитя имеет в своем распоряжении богатство Утеса Кастерли и мощь Хайгардена. У него Болтоны и Фрей, — лорд Годрик потер подбородок. — Но все же... в этом мире только зима несомненна. Нед Старк сказал это моему отцу, сидя в этом самом зале.

— Нед Старк был здесь?

— В самом начале восстания Роберта. Безумный Король послал в Орлиное Гнездо за головой Старка, но Джон Аррен ответил неповиновением. Однако Чаячий Город остался верен трону. Чтобы

попасть домой и собрать знамена, Старку пришлось пересечь горы, выйти к Перстам и там найти рыбака, который переправил бы его через Челюсти. По пути он попал в шторм. Рыбак утонул, но его дочь довезла Старка до Сестер, прежде чем лодка пошла ко дну. Говорят, он оставил её с кошельком серебра и бастардом в чреве. Джон Сноу, назвала она его, в честь Аррена.

Ну, как бы там ни было. Мой отец сидел на том же месте, где сейчас сижу я, когда лорд Эддард прибыл в Сестрин. Наш мейстер призывал отправить Эйерису голову Старка — как доказательство нашей верности. Нас бы хорошо наградили.

Безумный Король был щедр с теми, кто ему угождал. Но к тому времени мы уже знали, что Джон Аррен взял Чаячий Город. Роберт первым поднялся на стены и своей рукой убил Марга Графтона. Я сказал: "Этот Баратеон не знает страха. Он сражается как король". Мейстер смеялся надо мной и говорил, что принц Рейегар несомненно подавит этот мятеж. Вот тогда Старк и сказал: "В этом мире только зима несомненна. Мы можем потерять головы, это правда... но что, если мы возьмем верх?" Отец отпустил его, сохранив ему голову на плечах. "Если вы проиграете, — сказал он тогда лорду Эддарду, — вас здесь никогда

не было".

— Как и меня, — отозвался
Давос Сиворт.

11. ДЖОН

Они вывели вперед Короля-За-Стеной — с руками, связанными пеньковой веревкой, и с петлей вокруг шеи.

Другим концом веревка крепилась к луке седла; на коне сидел сир Годри Фарринг. Убийца Великанов и его лошадь были закованы в стальные посеребренные доспехи с чернением. На Мансе Налетчике была лишь тонкая туника, открывавшая руки и ноги холоду. *Могли бы оставить ему плащ, подумал Джон Сноу, тот, который женщина из одичалых залатала*

полосами алого шелка.

Неудивительно, что Стена плакала.

— Манс знает Зачарованный лес лучше любого разведчика, — сказал Джон королю Станнису в последней попытке убедить Его Величество в том, что живым Король-За-Стеной будет им полезнее, чем мертвым. — Он знает Тормунда Великанью Смерть. Ему доводилось сражаться с Иными. И у него был Рог Джорамуна, но он не воспользовался им. Он не обрушил Стену, когда у него была такая возможность.

Его слова не находили отклика. Станнис был непреклонен. Закон прост — дезертир должен умереть.

Под плачущей Стеной леди
Мелисандра устремила вверх
бледные руки:

— *Мы все должны
выбирать*, — провозгласила она. —
Мужчина или женщина, юнец или
старик, лорд или крестьянин —
выбор у всех одинаковый. — Ее голос
вызывал у Джона мысли об анисе,
мускатном орехе и гвоздике. Она
стояла рядом с королем на
деревянном эшафоте, возведенном
над ямой. — Мы выбираем свет или
выбираем тьму. Мы выбираем добро
или выбираем зло. Мы выбираем
истинного бога или ложного.

Тронутые сединой густые
каштановые волосы Манса

Налетчика развевались вокруг лица при каждом шаге. Улыбаясь, он связанными руками убирал их с глаз. Но когда он увидел клетку, храбрость покинула его. Люди королевы сделали ее из деревьев, росших в Зачарованном лесу: из гибких стволов и прутьев, липких от смолы сосновых сучьев и белых, словно кости, веток чардрева. Они переплели их и скрутили, чтобы соорудить деревянную клетку, которую затем подвесили над глубокой ямой, заполненной бревнами, листвой и хворостом.

Король одичалых отшатнулся, увидев это:

— Нет, — кричал он, —

смилуйтесь. Это неправильно, я не король, они...

Сир Годри потянул за веревку. У Короля-За-Стеной не осталось выбора, кроме как ковылять за ним — веревка не давала ему говорить. Потом ноги у него подкосились, и остаток пути Годри протащил его по земле. Манс был весь в крови, когда люди королевы наполовину затолкали, наполовину внесли его в клетку. Дюжина солдат совместными усилиями подняла его в воздух.

Леди Мелисандра наблюдала за подъемом:

— *ВОЛЬНЫЙ НАРОД!* Вот ваш лжекороль. А вот рог, которым он обещал свалить Стену. — Два

человека королевы принесли Рог Джорамуна, черный, окаймленный старым золотом, восьми футов длиной. На золотых каймах были высечены руны — письма Первых Людей. Джорамун умер тысячи лет назад, но Манс нашел его могилу под ледником на вершине Клыков Мороза. *Джорамун протрубил в Рог Зимы и поднял из земли великанов.* Игритт говорила Джону, что Манс так и не нашел Рог. *Или она лгала, или Манс держал это в тайне даже от своих.*

Тысяча пленных смотрела через деревянные решетки, как поднимали рог. Все были оборванными и полуголодными. В Семи

Королевствах их называли одичалыми, сами себя они называли вольным народом. Но они не выглядели ни дикими, ни вольными — только голодными, испуганными, окоченевшими.

— Рог Джорамуна? — сказала Мелисандра. — Нет. Зовите его Рогом Тьмы. Если Стена падет, наступит ночь, долгая ночь, которой не будет конца. Этого не должно случиться и *не случится!* Владыка Света узрел детей своих в опасности и послал им защитника, возродившегося Азора Ахайя, — она протянула руку к Станнису, и крупный рубин на ее шее запульсировал.

Он камень, а она пламя. Глаза короля казались черными провалами на худом лице. Он был в серой броне, подбитый мехом плащ из золотой парчи ниспадал с широких плеч. Инкрустированное на нагрудной пластине пылающее сердце прикрывало его собственное. Чело охватывала красно-золотая корона с зубцами в форме пляшущих огней. Рядом с ним стояла Вель, высокая и прекрасная. Ее короновали простым венцом из темной бронзы, но даже в бронзе она казалась величественнее, чем Станнис в золоте. Взгляд ее серых глаз был бесстрашным и решительным. Под горностаевый плащ она надела белое и золотое.

Медовые волосы были уложены в толстую косу, перекинутую через правое плечо к талии. Холодный воздух окрасил румянцем ее щеки.

Леди Мелисандра не носила короны, но каждый знал, что именно она была истинной королевой Станниса Баратеона, а не та невзрачная женщина, которую он оставил замерзать в Восточном Дозоре-у-Моря. Говорили, что король не собирался посылать за королевой Селисой и их дочерью, пока Твердыня Ночи не будет готова для проживания. Джону было их жалко. Стена предлагала мало удобств, к которым привыкли южные леди и маленькие девочки знатного

происхождения, а Твердыня Ночи не могла похвастаться и этим. Это было мрачное место даже в лучшее времена.

— ВОЛЬНЫЙ НАРОД! — воскликнула Мелисандра. — Вот что ждет тех, кто выбирает тьму!

Рог Джорамуна вспыхнул огнем.

Когда кружащиеся языки зеленого и желтого пламени с треском запрыгали по всей его длине, раздался свистящий звук. Жеребец Джона нервно шарахнулся, по шеренгам прошла волна — другие тоже пытались успокоить своих коней. Из-за ограждения раздался стон, когда вольный народ увидел свою надежду в огне. Некоторые

издавали крики и проклятья, но большинство погрузилось в молчание. На миг руны на золотых каймах будто замерцали в воздухе. Люди королевы с трудом столкнули рог в огненную яму.

Внутри клетки Манс Налетчик цеплялся за петлю на шее связанными руками и бессвязно кричал о предательстве и колдовстве, отрицая, что он король, отрекаясь от своих людей, отрекаясь от своего имени, отрекаясь от всего, чем он когда-либо был. Он молил о пощаде, проклинал красную женщину и истерически хохотал.

Джон смотрел, не мигая. Он не смел показать замешательство перед

лицом своих братьев. Он вызвал две сотни воинов, больше половины гарнизона Черного Замка. Конные шеренги в людей в черном, с длинными копьями в руках — они опустили капюшоны, чтобы скрыть лица... и то, как много среди них стариков и зеленых юнцов. Вольный народ боялся Дозора. Джон хотел, чтобы они унесли этот страх с собой в новые дома к югу от Стены.

Рог упал между бревнами, листьями и хворостом. Через три мгновения вся яма полыхала огнем. Манс рыдал и умолял, вцепившись связанными руками в прутья клетки. Когда огонь добрался до него, он заплясал. Его крики превратились в

один длинный бессловесный визг
страха и боли. Он метался внутри
клетки, как горящий лист, как
мотылек в пламени свечи.

Джону вдруг вспомнилась песня.

Братья, вышел мой срок,
мой конец недалек,
Не дожить мне до нового
дня,
Но хочу я сказать: мне не
жаль умирать,
Коль дорнийка любила
меня!

Вель стояла на помосте
неподвижно, как соляной столп. *Она*

не отвернется и не заплачет. Джон задумался, как себя повела бы Игритт на ее месте. Женщины — сильные создания. Он подумал о Сэме и мейстере Эйемоне, о Джилли и ребенке. Она будет проклипать меня до последнего вздоха, но я не видел другого выхода. Восточный Дозор сообщал о свирепых штормах в Узком море. Я хотел, чтобы они были в безопасности. Неужели вместо этого я отправил их на корм крабам? Пройшей ночью ему снился тонущий Сэм, Игритт, пронзенная его стрелой (не он убил ее, но в снах это всегда происходило именно так), Джилли, рыдающая кровавыми слезами.

Джон Сноу увидел достаточно.

— Сейчас. — сказал он.

Ульмер из Королевского Леса воткнул копье в землю, снял с плеча лук и вынул черную стрелу из колчана. Милашка Доннел Хилл сбросил капюшон и сделал то же самое. Гарт Серое Перо и Бородатый Бен натянули тетиву, согнули луки, выпустили стрелы.

Одна стрела поразила Манса Налетчика в грудь, другая — в живот, третья — в горло. Четвертая попала в одну из деревянных решеток клетки, затрепетала на миг, а потом до нее добрался огонь. Женский всхлип отразился от Стены, когда объятый пламенем король одичалых безвольно соскользнул на дно

клетки.

— И теперь его Дозор окончен, — тихо пробормотал Джон. Манс Налетчик когда-то был братом Ночного Дозора, пока не сменил свой черный плащ на залатанный ярким красным шелком.

Станнис, нахмурившись, стоял на платформе. Джон старался не встречаться с ним взглядом. Дно деревянной клетки вывалилось, а прутья осыпались. Каждый раз, когда языки пламени взвивались вверх, падало еще несколько новых веток, вишнево-красных и черных.

— Владыка Света сотворил солнце, луну и звезды, чтобы освещать наш путь, и дал нам огонь,

чтобы защититься от темноты, — сказала Мелисандра одичалым. — Никто не устоит перед его пламенем.

— Никто не устоит перед его пламенем, — отозвались люди королевы.

Темно-алое одеяние красной женщины развевалась вокруг нее, волосы цвета меди создавали ореол вокруг лица. Длинные желтые языки пламени танцевали на кончиках ее пальцев, словно когти.

— *ВОЛЬНЫЙ НАРОД!* Ваши ложные боги не помогут вам. Ваш ложный рог не спас вас. Ваш ложный король принес вам только смерть, отчаяние, поражение... но вот стоит настоящий король. *УЗРИТЕ ЕГО*

ВЕЛИЧИЕ!

Станнис Баратеон обнажил Светозарный.

Меч, полный света, сверкал красным, желтым и оранжевым. Джон уже видел его... но не *таким*, как сейчас, никогда раньше таким, как сейчас. Светозарный был солнцем, выкованным из стали. Когда Станнис поднял клинок над головой, людям пришлось отвернуться или прикрыть глаза. Кони шарахались, один сбросил своего всадника. Пламя в огненной яме, казалось, сникло перед этой бурей света, как мелкая собачонка съезживается перед огромным псом. Сама Стена становилась то красной,

то розовой, то оранжевой, волны цвета танцевали на льду. *Это сила королевской крови?*

— В Вестеросе есть лишь один король, — сказал Станнис. Он говорил резко, в нем не было мелодичности Мелисандры. — Этим мечом я защищаю своих подданных и уничтожаю тех, кто им угрожает. Преклоните колено, и я обещаю вам пищу, землю и правосудие. Преклоните колено и живите. Или уходите и умирайте. Выбор за вами, — он убрал Светозарный в ножны, и мир вновь потемнел, словно солнце скрылось за тучами. — Откройте ворота.

— *ОТКРЫТЬ ВОРОТА,* —

взревел сир Клейтон Саггс голосом глубоким, как звук боевого рога.

— *ОТКРЫТЬ ВОРОТА,* —
отозвался сир Корлисс Пенни, командующий стражей.

— *ОТКРЫТЬ ВОРОТА,* —
крикнули стражники.

Люди бросились исполнять приказ. Заостренные колья вытащили из земли, через глубокие рвы перебросили доски, ворота загона распахнули. Джон Сноу поднял и опустил руку, черные шеренги его братьев расступились направо и налево, расчищая путь к Стене, где Скорбный Эдд Толлетт открыл железные ворота.

— Придите, — подгоняла

Мелисандра. — Придите к свету... или бегите назад во тьму. — В яме под ней трещал огонь. — Если вы выбираете жизнь, придите ко мне.

И они пришли. Сначала медленно, прихрамывая или опираясь на своих товарищей, пленники начали выбираться из грубо сколоченного загона. *Если хотите есть, придите ко мне,* подумал Джон. *Если не хотите замерзнуть или умереть от голода, покоритесь.* Нерешительно, опасаясь подвоха, первые пленники робко побрели по доскам через кольцо из кольев навстречу Мелисандре и Стене. Еще больше последовало за ними, увидев, что предыдущим не

причинили вреда. Затем еще больше, пока не образовался постоянный поток. Люди королевы в клепаных куртках и полушлемах выдавали каждому проходящему кусок белого чардрева: палку, расщепленную, бледную, словно кость, ветку, побег с кроваво-красными листьями. *Кусочки старых богов, чтобы накормить нового.* Джон размял пальцы на правой руке.

Жар от костра был ощутим даже на расстоянии, для одичалых же он должен был быть обжигающим. Он видел, как отшатывались люди, подходившие к огню, слышал, как плакали дети. Некоторые повернули к лесу. Он видел, как молодая

женщина, спотыкаясь, пошла прочь, ведя в каждой рукой по ребенку. Через каждые несколько шагов она оборачивалась, проверяя, что никто не следует за ними, а добравшись до ближайших деревьев, бросилась бежать. Седобородый одичалый схватил ветку чардрева, которую ему дали, и стал размахивать ей, словно оружием, пока люди королевы не добрались до него с копьями. Остальным приходилось перешагивать через труп, пока сир Корлисс не столкнул его в огонь. После этого вольный народ стал чаще выбирать лес — наверное, каждый десятый.

Но многие пошли дальше.

Позади них были только холод и смерть. Впереди — надежда. Они подходили, сжимая куски древесины, пока не наступало время бросать их в пламя. Рглор был ревнивым божеством, постоянно голодным. Новый бог пожирал труп старого и отбрасывал на Стену гигантские тени Станниса и Мелисандры, черные на фоне красных отражений на льду.

Сигорн первым преклонил колени перед королем. Новый магнар теннов был моложе и ниже своего отца — тощий, лысеющий, облаченный в бронзовые поножи и кожаную рубаху с нашитой на ней бронзовой чешуей. Следующим был

Гремучая Рубашка в клацающих доспехах из костей и вареной кожи, шлемом ему служил череп великана. Под костями виднелось жалкое, ослабевшее существо со сломанными коричневыми зубами и пожелтевшими белками глаз. *Мелкий, злобный, вероломный человек, столь же глупый, сколь жестокий.* Джон ни на мгновение не верил, что тот останется верен. Ему стало интересно, что чувствует Вель, глядя на него — коленопреклоненного и прощенного.

За ними последовали менее значительные вожди. Два предводителя клана Рогоногих с черными и жесткими ступнями.

Старая знахарка, почитаемая людьми с Молочной реки. Костлявый темноглазый мальчик двенадцати лет — сын Альфина Убийцы Ворон. Халлек, брат Хармы Собачьей Головы, с ее свиньями. Каждый из них становился на колени перед королем.

Слишком холодно для этого балагана, подумал Джон.

— Свободный народ презирает коленопреклоненных, — предупреждал он Станниса. — Позвольте им сохранить свое достоинство, и они полюбят вас сильнее.

Его Величество ничего не хотел слышать. Он ответил:

— Мне нужны их мечи, а не поцелуи.

После ритуала преклонения одичалые тащились к воротам сквозь строй черных братьев. Джон поручил Коню, Атласу и полдюжине других провести их с факелами под Стеной. С той стороны их ждали миски с горячим луковым супом, ломти черного хлеба и сосиски. А еще одежда — плащи, штаны, сапоги, туники, добротные кожаные перчатки. Они смогут спать на чистой соломе у горящего огня, защищающего от холода ночи. Этот король был в высшей степени методичен. Тем не менее, рано или поздно Тормунд Великанья Смерть

вновь атакует Стену, и когда этот час настанет, Джон не мог ручаться, чью сторону выберут новообращенные подданные Станниса. *Ты можешь дать им землю и милосердие, но вольный народ сам выбирает себе королей, и они выбрали Манса, а не тебя.*

Боуэн Марш незаметно подъехал на своей лошади к Джону.

— Никогда не думал, что доживу до этого дня, — лорд-стюард значительно исхудал после ранения в голову на Мосту Черепов и потерял часть одного уха.

Он больше не похож на гранат, подумал Джон. Марш сказал:

— Мы проливали кровь в

Глотке, чтобы не дать одичалым пройти. Многих славных парней лишили там жизни, наших друзей и братьев. И ради чего?

— Королевство нас всех проклянет за это, — заявил сир Аллисер Торне ядовитым тоном. — Каждый честный человек в Вестеросе отвернется и плюнет при упоминании Ночного Дозора.

Что тебе знать о честных людях?

— Тишина в строю.

Сир Аллисер стал более осмотрительным после того, как лорд Янос лишился головы, но его злоба никуда не делась. Джон прикидывал, не отдать ли ему

командование, от которого отказался Слинг, но решил, что этого человека нужно держать поблизости. *Из этих двоих он всегда был более опасен.* Вместо этого он отправил командовать Серым Дозором седого стюарда из Сумеречной Башни.

Он надеялся, что два новых гарнизона улучшат ситуацию. *Дозор мог пустить кровь вольному народу, но нельзя надеяться, что в итоге мы остановим их.* Предание Манса Налетчика огню не изменит этого. *Нас по-прежнему слишком мало, а их — слишком много, и без разведчиков мы слепы. Я должен послать на разведку людей. Но вернутся ли они назад, если я это сделаю?*

Туннель под Стеной был узким и извилистым, а многие одичалые — стары, больны или ранены, так что продвижение было мучительно медленным. К тому времени, когда последний из них преклонил колено, наступила ночь. Огонь в яме затухал, и тень короля на Стене уменьшилась до четверти ее прежней высоты. Джон Сноу видел свое дыхание в воздухе. *Холодно, подумал он, и становится еще холоднее. Этот балаган затянулся.*

Два десятка пленников задержались у загона. Среди них были четыре великана — огромные волосатые существа со сгорбленными плечами, ногами большими, как

стволы деревьев, и огромными широкими ступнями. Несмотря на размеры, они все-таки могли пройти через Стену, но один не хотел бросать своего мамонта, а другие не хотели бросать его. Прочие оставшиеся были человеческого роста. Некоторые мертвы, некоторые умирали; большинство же было их родней или близкими друзьями, не желавшими покидать их даже ради миски лукового супа.

Некоторые дрожали, некоторые слишком оцепенели от холода, чтобы дрожать. Они слушали, как со Стены гремел голос короля:

— Вы вольны уйти, — сказал им Станнис. — Расскажите вашим

людям, чему вы были свидетелями. Расскажите им, что вы видели истинного короля, и что им рады в его королевстве, пока они сохраняют мир. В противном случае, пусть лучше убегают или прячутся. Я больше не допущу нападений на мою Стену.

— Одно королевство, один бог, один король! — прокричала Леди Мелисандра.

Люди королевы подхватили крик, молотя копьями по щитам:

— *Одно королевство, один бог, один король! СТАННИС! СТАННИС! ОДНО КОРОЛЕВСТВО, ОДИН БОГ, ОДИН КОРОЛЬ!*

Он видел, что ни Вель, ни братья

Ночного Дозора не присоединились к восхвалениям. Под шум и крики немногие оставшиеся одичалые растворились за деревьями. Великаны ушли последними: двое на мамонтах, еще двое пешком. Позади остались только мертвые. Джон наблюдал, как Станнис спускается с платформы вместе с Мелисандрой. *Его красная тень. Она никогда не оставляет его одного надолго.* Почетный караул короля собрался вокруг них: сир Годри, сир Клейтон и дюжина других рыцарей, все — люди королевы. Лунный свет мерцал на их доспехах, ветер трепал плащи.

— Лорд-стюард, — обратился Джон к Маршу, — разбейте

ограждение на дрова и бросьте трупы в огонь.

— Как прикажете, милорд, — Марш выкрикнул приказы, и толпа стюардов отделилась от строя, чтобы заняться деревянными ограждениями. Лорд-стюард смотрел на них, нахмурившись.

— Эти одичалые... вы думаете они сохраняют верность, милорд?

— Некоторые сохраняют. Не все. У нас есть трусы и мошенники, слабаки и дураки, как и у них.

— Наши обеты... мы поклялись защищать королевство...

— Как только свободный народ обоснуется в Даре, они станут частью королевства, — отметил

Джон. — Пришли страшные времена, и, похоже, будет еще страшнее. Мы видели лицо нашего настоящего врага, мертвое белое лицо с ярко-голубыми глазами. Вольный народ тоже видел это лицо. В этом Станнис прав. Мы должны объединить усилия с одичалыми.

— Общие усилия против общего врага — с этим я могу согласиться, — сказал Боуэн Марш, — но это не означает, что мы должны позволить десяткам тысяч полуголодных дикарей пройти через Стену. Пусть возвращаются в свои деревни и сражаются там с Иными, а мы запечатаем ворота. Отелл говорит, что это нетрудно. Нам нужно лишь

заполнить туннели глыбами камней и пустить воду через амбразуры. Стена сделает остальное. Холод, вес... к следующей луне все будет так, словно ворот никогда и не было. Неприятелю придется прорубать себе путь.

— Или перелезть.

— Маловероятно, — сказал Боуэн Марш. — Они не разбойники, собирающиеся украсть жену или устроить разбой. С Тормундом придут старухи, дети, стада овец и коз, даже *мамонты*. Ему нужны *ворота*, а их осталось только три. И даже если он пошлет скалолазов, что ж, защищаться против скалолазов так же просто, как пронзить рыбу в

котелке.

Рыба никогда не вылезает из котелка и не вонзает тебе копье в живот. Джон и сам взбирался на Стену.

Марш продолжал:

— Стрелки Манса Налетчика выпустили в нас, наверное, десять тысяч стрел, если судить по числу древок, которые мы собрали. Едва ли сотня из них настигла наших людей наверху Стены, и то большая часть была занесена порывами ветра. Рыжий Алин из Розового леса был единственным, кто умер там, и то его убила не стрела, попавшая в ногу, а падение. Донал Нойе умер, удерживая ворота. Доблестный

поступок, несомненно... но если бы ворота были запечатаны, наш храбрый оружейник все еще был бы с нами. Столкнемся мы с сотней врагов или с сотней тысяч, пока мы наверху Стены, а они внизу, они не смогут причинить нам вреда.

Он прав. Люди Манса Налетчика разбились о Стену, как волна о каменистый берег, хотя защитниками была горстка стариков, зеленых юнцов и калек. И все же то, что предлагал Боуэн, шло вразрез с чутьем Джона.

— Если мы запечатаем ворота, мы не сможем посылать разведчиков, — отметил он. — Мы будем слепы.

— Последняя вылазка лорда Мормонта стоила Дозору четверти его людей, милорд. Нам надо сберечь те силы, что у нас еще остались. Каждая смерть сокращает наши ряды, и мы так рассредоточены... Займешь высоту — выиграешь битву, говаривал мой дядя. Нет ничего выше Стены, лорд-командующий.

— Станнис обещает землю, пищу и правосудие любому одичалому, который преклонит колено. Он никогда не позволит нам запечатать ворота.

Марш помедлил:

— Лорд Сноу, я не сплетник, но ходят разговоры о том, что вы становитесь слишком... слишком

дружны с лордом Станнисом. Некоторые даже думают, что вы...

Бунтовщик и перевертыш, бастард, да еще и варг. Яноса Слинта, возможно, больше нет, но его наговоры остались.

— Я знаю, что говорят, — Джон слышал перешептывания, видел, как люди отворачивались, когда он проходил по двору. — Они хотят, чтобы я поднял мечи и против Станниса, и против одичалых? У Его Величества втрое больше воинов, чем у нас, и кроме того, он наш гость. Законы гостеприимства защищают его. И мы в долгу перед ним.

— Лорд Станнис помог нам,

когда мы нуждались в помощи, — упрямо ответил Марш, —

но он все же мятежник, и его дело обречено. Так же и мы будем обречены, если Железный Трон заклеит нас предателями. Мы должны быть уверены, что мы не окажемся на стороне проигравших.

— Я не собираюсь выбирать ничью сторону, — сказал Джон, — но я не так уверен относительно результата этой войны, как вы, милорд. Не теперь, когда лорд Тайвин мертв.

Если верить рассказам, доходящим до них по Королевскому Тракту, десница короля был убит своим сыном-карликом, когда сидел

в уборной. Джон немного знал Тириона Ланнистера. *Он взял меня за руку и назвал другом.* Трудно было поверить, что карлик был способен убить собственного отца, но смерть лорда Тайвина не вызывала сомнений.

— Лев в Королевской Гавани еще мал, а Железный Трон, как известно, резал на куски и взрослых людей.

— Возможно, он только мальчик, милорд, но... Короля Роберта любили, и большинство все еще считает Томмена его сыном. Чем больше они смотрят на Лорда Станниса, тем меньше любят его, а еще меньше они любят леди

Мелисандру с ее кострами и этим мрачным красным богом. Они недовольны.

— Они были недовольны и лордом-командующим Мормонтом. Люди любят жаловаться на своих жен и лордов, сказал он мне однажды. Те, у кого нет жен, вдвое больше жалуются на лордов, — Джон Сноу бросил взгляд на загон. Две стены были свалены, третья должна была скоро упасть. — Я оставляю вас, чтобы вы закончили здесь, Боуэн. Убедитесь, что все трупы сожжены. Спасибо за советы. Я обещаю, что обдумаю сказанное вами.

Дым и зола всё еще стояли в

воздухе над ямой, когда Джон направил коня рысью обратно к воротам. Там он спешился, чтобы провести жеребца через лед на южную сторону. Скорбный Эдд шел впереди него с факелом. Пламя лизало потолок, и холодные слезы капали на них при каждом шаге.

— Я с облегчением смотрел, как горит этот рог, милорд, — сказал Эдд. — Не далее как прошлой ночью мне приснилось, что я мочился со Стены, а кто-то надумал протрубить в рог. Не то, чтоб я жаловался. Это было лучше, чем мой старый сон, в котором Харма Собачья Голова скормила меня своим свиньям.

— Харма мертва, — ответил

Джон.

— А свиньи — нет. Они смотрят на меня так же, как Сэм Смертоносный смотрел на окорок. Но это не значит, что одичалые собираются нам вредить. Ну да, мы разрубили их богов и заставили сжечь получившиеся кусочки, зато мы дали им луковый суп. Какой бог может сравниться с хорошенькой миской лукового супа? Я бы сейчас одну прикончил.

Черная одежда Джона пропиталась запахами дыма и сожженной плоти. Он знал, что должен поесть, но дружеская компания была ему нужнее, чем еда. *Кубок вина с мейстером Эйемоном,*

несколько тихих слов с Сэмом, немного смеха с Пипом, Гренном и Жабой. Эймон и Сэм уплыли, а вот другие его друзья...

— Я поужинаю с братьями сегодня вечером.

— Вареная говядина со свеклой, — Скорбный Эдд, казалось, всегда знал, что готовилось. — Хобб говорит, что без хрена. Что хорошего в вареной говядине без хрена?

С тех пор как одичалые сожгли старый общий зал, люди Ночного Дозора ели в каменном подвале под арсеналом — похожем на пещеру помещении, разделенном двумя рядами квадратных каменных колонн, со сводчатым потолком и

большими бочками вина и пива вдоль стен. Когда Джон вошел, четыре строителя играли в кости за самым близким к лестнице столом. Ближе к огню сидели и тихо разговаривали группа разведчиков и несколько людей короля.

Молодежь собралась за другим столом, за которым Пип тыкал в репу ножом.

— Ночь темна и полна репы, — объявил он торжественным голосом. — Давайте помолимся за оленину, дети мои, с луком и вкусной подливкой.

Его друзья засмеялись: Гренн, Жабба, Атлас, все они.

Джон Сноу не засмеялся вместе

с ними:

— Насмехаться над молитвами другого человека — глупое занятие, Пип. И опасное.

— Если красный бог оскорблен, пусть поразит меня.

Все улыбки пропали.

— Мы смеялись над жрицей, — сказал Атлас, гибкий и симпатичный юноша, бывший когда-то шлюхой в Староместе. — Мы просто шутили, милорд.

— У вас — свои боги, у нее — свои. Оставьте ее в покое.

— Она-то не оставит наших богов в покое, — возразил Жаба. — Она называет Семерых ложными богами, милорд. И старых богов

тоже. Она заставила одичалых сжечь ветви чардрева. Вы же видели.

— Леди Мелисандра мне не подчиняется. А вы — да. Мне не нужна вражда между людьми короля и моими собственными.

Пип положил руку на плечо Жабы:

— Не квакай больше, храбрый Жаба, потому что так сказал наш Великий Лорд Сноу. — Пип вскочил на ноги и насмешливо раскланялся перед Джоном. — Прошу прощения. Отныне я не буду даже шевелить ушами, пока ваша светлость не позволит.

Он думает, что это все какая-то игра. Джон хотел вразумить его

хоть немного.

— Шевели ушами, как тебе нравится. Неприятности создает шевеление твоего языка.

— Я прослежу, чтобы он был более осторожным, — пообещал Гренн. — И дам ему затрещину, если не будет, — он помедлил. — Милорд, поужинаете с нами? Оуэн распахал сидящих и освободил место для Джона.

Джону хотелось этого больше всего. *Нет*, пришлось ему сказать себе, *те дни прошли*. Осознание этого пронзило его живот как нож. Они выбрали его, чтобы править. Стена была в его распоряжении, и их жизни тоже. *Лорд может любить*

людей, которыми командует, слышал он голос своего лорд-отца, но он не должен быть им другом. Может настать день, когда ему придется вершить правосудие над ними или посылать их на верную смерть.

— В другой день, — соврал лорд-командующий. — Эдд, позаботься лучше о своем ужине. Мне нужно закончить дела.

Воздух снаружи казался еще более холодным, чем раньше. На другой стороне замка он увидел огонь свечей, сияющий из окон Королевской Башни. Вель стояла на крыше башни, пристально вглядываясь в Стену. Станнис держал

её подле себя, заточив в комнатах над собственными покоем, но позволил ей прогуливаться по зубчатой стене для разминки. Она кажется одинокой, подумал Джон. Одинокой и очаровательной. Игритт была по-своему хорошенькой, с рыжими волосами, поцелованными огнем, но именно улыбка оживляла ее лицо. Вель не нужно было улыбаться, она и так притягивала бы взгляды всех мужчин при любом дворе мира.

Тем не менее, принцесса одичалых не была любимицей своих надзирателей. Она презирала их как "колениопреклоненных" и трижды пыталась сбежать. Когда один из воинов потерял бдительность в ее

присутствии, она выхватила его кинжал из ножен и вонзила ему в шею. Дюймом левее — и он мог умереть.

Одинокая, очаровательная и опасная, размышлял Джон Сноу, *и она могла бы быть моей. Она, Винтерфелл, и имя моего отца.* Вместо этого он выбрал черный плащ и стену льда. Вместо этого он выбрал честь. *Честь бастарда.*

Стена маячила справа от него, когда он пересекал двор. Сверху лед бледно мерцал, но внизу были лишь тени. У ворот тусклый оранжевый свет просачивался через решетки, за которыми стражники укрылись от ветра. Джон слышал скрип цепей,

когда кабинка лебедки раскачивалась и царапала по льду. Наверху часовые, должно быть, столпились в теплой будке вокруг жаровни, и старались перекричать ветер. Или же они отказались от попыток, и каждый погрузился в свои собственные мысли. *Я должен пройти по льду. Стена — моя.*

Он шел под остовом башни лорда-командующего, мимо места, где Игритт умерла у него на руках. В этот момент рядом с ним появился Призрак, его теплое дыхание дымилось на морозе. В лунном свете его красные глаза горели, как озерца огня. Вкус горячей крови заполнил рот Джона, и он понял, что Призрак

убил этой ночью. *Нет*, подумал он. *Я человек, а не волк.* Он вытер рот тыльной стороной ладони в перчатке и сплюнул.

Клидас все еще занимал комнаты под воронятней. На стук Джона он вышел, шаркая, со свечой в руке и слегка приоткрыл дверь.

— Я не помешал? — спросил Джон.

— Вовсе нет, — Клидас открыл дверь шире. — Я подогревал вино. Не угодно ли милорду выпить бокал?

— С удовольствием, — его руки одеревенели от холода. Он снял перчатки и размял пальцы.

Клидас вернулся к очагу, чтобы помешать вино. *Ему шестьдесят или*

чуть больше. Старик. Он казался молодым только по сравнению с Эйемоном. Небольшого роста, округлый, с тусклыми розовыми глазами, как у какого-нибудь ночного существа. Немного седых волос зализаны на лысине. Когда Клидас налил, Джон взял кубок обеими руками, вдохнул запах пряностей и отпил. Тепло разлилось по груди. Он сделал еще глоток, долгий и глубокий, чтобы смыть привкус крови изо рта.

— Люди королевы говорят, что Король-за-Стеной умер как трус. Что он молил о пощаде и отрицал, что был королем.

— Да. Светозарный был ярче,

чем я когда-либо видел. Ярким, как солнце, — Джон поднял кубок. — За Станниса Баратеона и его волшебный меч, — вино горчило во рту.

— Его Величество — непростой человек. Как и многие, носящие корону. Множесто хороших людей были плохими королями, говорил мейстер Эймон, а из некоторых плохих людей получались хорошие короли.

— Кому знать, как не ему, — Эймон Таргариен повидал девятерых королей на Железном Троне. Он был сыном короля, братом короля и дядей короля. — Я просмотрел книгу, которую мейстер Эймон оставил мне. "Нефритовый

компендиум". Страницы, которые рассказывают об Азоре Ахайе. Светозарный был его мечом. Закаленный в крови его жены, если верить Вотару. Никогда после этого Светозарный не был холодным на ощупь, но теплым, словно впитал в себя тепло Ниссы Ниссы. В бою клинок пылал огненным жаром. Однажды Азор Ахай дрался с чудовищем. Когда он вонзил меч в брюхо твари, ее кровь закипела. Дым и пар валили изо рта, глаза расплавились и потекли по щекам, а тело вспыхнуло.

Клидас моргнул:

— Меч, пылающий жаром...

— ...пригодился бы на Стене, —

Джон отставил в сторону кубок и натянул черные кротовые перчатки. — Жаль, что меч, которым владеет Станнис, холодный. Мне будет любопытно посмотреть, как *его* Светозарный поведет себя в бою. Спасибо за вино. Призрак, ко мне.

Джон Сноу накинул капюшон плаща и открыл дверь. Белый волк последовал за ним обратно в ночь. В оружейной было тихо и темно. Джон кивнул караульным перед тем, как прошел мимо стойки с копьями в свои комнаты. Он повесил пояс с мечом на один крюк возле двери, а плащ — на другой. Когда он стянул перчатки, его руки были окоченевшими и холодными. Ему

потребовалось много времени, чтобы зажечь свечи. Призрак свернулся на своей подстилке и заснул, но Джон пока еще не мог отдыхать. На поцарапанном сосновом столе лежали карты Стены и земель за ее пределами, список разведчиков и письмо из Сумеречной Башни, написанное рукой сира Дениса Маллистера.

Он еще раз перечитал письмо из Сумеречной Башни, заточил перо и открыл пузырек густых черных чернил. Он написал два письма: одно — сиру Денису, второе — Коттеру Пайку. Оба просили прислать больше людей. Холдер и Жаба должны будут отправиться на запад, в Сумеречную

Башню, а Гренн и Пип — в Восточный Дозор-у-Моря. Чернила никак не хотели ложиться ровно, отчего каждое слово казалось резким, сырым и неуклюжими, но он упорно продолжал.

Когда он наконец отложил перо, комната стала тусклой и прохладной, и у него возникло чувство, будто стены обступают его. Сидя над окном, ворон Старого Медведя разглядывал его пронизательными черными глазами. *Мой последний друг*, уныло подумал Джон. *И мне лучше пережить тебя, иначе ты склоешь и мое лицо.* Призрак не в счет. Призрак был больше, чем друг. Призрак — часть его самого.

Джон встал и поднялся по лестнице к узкой кровати, которая раньше принадлежала Доналу Нойе. *Это мой удел, подумал он, снимая одежду, отныне и до конца моих дней.*

12. ДЕЙЕНЕРИС

— Что такое? — вскрикнула Дени, когда Ирри мягко потрясла ее за плечо. Было еще темно. Она сразу поняла, *что-то не так*. — Это Даарио? Что случилось? — Во сне они были мужем и женой, простые люди, ведущие простую жизнь в высоком каменном доме с красной дверью. Во сне он покрывал ее поцелуями — губы, шею, груди.

— Нет, кхалиси, — прошептала Ирри, — здесь ваш евнух Серый Червь и лысый. Вы примете их?

— Да, — Дени вдруг сообразила, что волосы у нее

всклокочены, а постель в полном беспорядке. — Помоги мне одеться. И принеси бокал вина. Нужно привести мысли в порядок.

Утопить в вине мой сон. Она слышала тихие всхлипывания.

— Кто это плачет?

— Ваша рабыня Миссандея, — у Чхику в руках была тонкая восковая свечка.

— Служанка. У меня нет рабов. Почему она плачет? — недоумевала Дени.

— Оплакивает брата, — сказала Ирри.

Остальное рассказали Скахаз, Резнак и Серый Червь, когда предстали перед ней. Они еще не

начали говорить, а Дени уже поняла, что новости скверные. Достаточно было одного взгляда на уродливое лицо Бритоголового, чтобы догадаться.

— Сыны Гарпии?

Скахаз кивнул, мрачно сомкнув губы.

— Сколько погибших?

Резнак сжал руки:

— Д-девять, Великолепная. Подлое дело, нечестивое. Кошмарная ночь, кошмарная.

Девять... Эти слова кинжалом поразили ее сердце. Каждую ночь у подножья ступенчатых миэринских пирамид начинался очередной виток войны теней. Каждое утро

восходящее солнце освещало тела, еще не успевшие остыть, и чуть поодаль — знак гарпии, нарисованный кровью на камнях. Любой освобожденный раб, ставший слишком богатым или слишком известным обрекался на смерть. *Но девять за одну ночь — это слишком...* Ее это пугало.

— Что произошло?

Ответил Серый Червь:

— На ваших слуг напали, когда они патрулировали улицы Миэрина, охраняя мир, дарованный городу Вашим Величеством. Дозорные были хорошо вооружены: копьями, щитами и короткими мечами. Они шли по двое, и по двое же погибали. Ваши

слуги Черный Кулак и Сетерис были убиты из арбалета в Лабиринте Маздана, Ваших слуг Моссадора и Дурана раздавили сброшенными с речной стены камнями. Ваших слуг Эладона Златовласого и Верное Копье отравили в винной лавке, куда они заглядывали всякий раз, когда были на дежурстве.

Моссадор. Пальцы сами сжались в кулаки. Разбойники с Василиска напали на дом Миссандеи и ее братьев на острове Наат, похитили их и продали в рабство в Астапоре. Миссандея тогда была совсем малюткой, но обнаружив у нее редкие способности к языкам, Добрые Господа определили ее в

писцы. Моссадору и Марселину повезло меньше. Их оскостили, и они пополнили ряды Безупречных.

— Кого-нибудь из убийц удалось схватить?

— Ваши слуги взяли под стражу хозяина винной лавки и его дочерей. Они утверждают, что ни о чем не подозревали, и молят о милосердии.

Все они утверждают, что ни о чем не подозревали, и молят о милосердии.

— Пусть ими займется Бритоголовый. Скахаз, проследи, чтобы их держали отдельно друг от друга, и проводи допрос.

— Будет сделано, Ваша Милость. Как прикажете их

допрашивать — просто, или с пристрастием?

— Пусть будет обычный допрос для начала. Выслушай их сказки, проверь имена, которые они назовут. Не исключено, что они действительно ни в чем не замешаны, — она замаялась. — Их было девять, сказал благородный Резнак. Кто еще?

— Трое вольноотпущенников, убиты в собственных домах, — ответил Бритоголовый. — Ростовщик, сапожник и арфистка Рилона Ри. Они отрезали ей пальцы, перед тем как убить.

Королева вздрогнула. Рилона Ри играла на арфе божественно, словно

сама Дева. В Юнкае, будучи рабыней, она выступала перед каждой знатной семьей города. В Миэринэ Рилона возглавила вольноотпущенников Юнкая и представляла их на советах, которые созывала Дени.

— Кроме виноторговца вы никого не взяли?

— Ваш слуга с горечью вынужден признать, что никого. Просим простить нас.

Милосердие, подумала Дени. Будет им милосердие — милосердие дракона.

— Скахаз, я передумала. Пусть это будет допрос с пристрастием.

— Слушаюсь. Я мог бы устроить

и дочерям допрос с пристрастием на глазах у отца. Это выжмет из него имя-другое.

— На твое усмотрение, главное узнать имена, — гнев жег ее изнутри. — Больше ни одного убитого Безупречного. Серый Червь, пусть твои люди вернутся в казармы. Теперь они будут охранять только мои стены, ворота и меня саму. С этого дня порядок на улицах Миэрина — забота самих миэринцев. Скахаз, сформируй новые патрули, из Бритоголовых и освобожденных, в равном количестве.

— Как прикажете. Сколько человек призвать?

— Сколько потребуется.

Резнак мо Резнак ахнул:

— Но, Великолепная, где взять деньги, чтобы платить им жалованье?

— Деньги мы получим с пирамид. Назовем это налогом на кровь. Каждая из пирамид заплатит мне сто золотых за каждого вольноотпущенника, которого отправят на тот свет Сыны Гарпии.

На лице Бритоголового появилась улыбка:

— Будет сделано, — сказал он, — но да будет известно Вашему Сиятельству, что Великие Господа Зхаков и Мерреков собираются закрыть свои пирамиды и покинуть город.

Дейенерис до смерти надоели Зхаки и Мерреки, ей надоели все миэринцы, великие и мелкие.

— Пусть уходят, но проследи, чтобы они не унесли с собой ничего, кроме одежды на своих плечах. Убедись, что все их золото останется здесь, у нас. И запасы продовольствия тоже.

— Великолепная, — пробормотал Резнак мо Резнак — как можем мы быть уверены в том, что эти высокородные господа решили примкнуть к вашим врагам? Гораздо более вероятно, что они просто переезжают в свои загородные поместья на холмах.

— В таком случае, они не будут

возражать, если мы присмотрим за их золотом. Тем более, на холмах не на что его тратить.

— Они беспокоятся о детях, — произнес Резнак.

Да, подумала Дени, *и я тоже*.

— Дети должны быть в безопасности. Пусть каждый из них пришлет мне двоих. И столько же из других пирамид. Мальчика и девочку.

— Заложники, — радостно воскликнул Скахаз.

— Пажи и виночерпии. А если Великие Господа будут возражать, объясни им, что в Вестеросе — большая честь для ребенка быть выбранным служить при дворе, — об остальном она умолчала. —

Ступайте выполнять мои
распоряжения. Я буду оплакивать
своих умерших.

Вернувшись в свои покои на
вершине пирамиды, она увидела
Миссандею, которая тихо плакала в
постели, изо всех сил стараясь
приглушить звук рыданий.

— Пойдем спать ко мне, —
сказала она маленькой
переписчице. — До утра еще далеко.

— Ваше Величество так добра к
Миссандее, — девочка скользнула
под одеяло, — он был чудесным
братом.

Дени обняла ее.

— Расскажи мне о нем.

— Он учил меня лазать по

деревьям когда мы были совсем маленькими, умел ловить рыбу голыми руками. А однажды я нашла его спящим в нашем саду, и над ним порхали сотни бабочек. Он был таким прекрасным в то утро, и ваша слуга... то есть я, я любила своего брата.

— А он любил тебя, — Дени гладила девочку по волосам. — Одно твое слово, моя милая, и я отправлю тебя прочь из этого ужасного места. Как-нибудь найду корабль, который отвезет тебя домой. В Наат.

— Лучше я останусь с вами. В Наате страшно. А что, если работорговцы снова нападут? Я чувствую себя в безопасности рядом

с вами.

В безопасности. От этих слов глаза Дени наполнились слезами.

— Я так хочу, чтобы тебе ничего не угрожало, — Миссандея всего лишь ребенок. С ней и она могла представить себя ребенком. — Когда я была маленькой, меня никто не оберегал. Хотя нет, был сир Уиллем, но потом он умер, а Визерис... Я так хочу защитить тебя, но... это так тяжело. Быть сильной. Я не всегда знаю, что делать. А ведь *должна* знать. У них нет никого, кроме меня. Я королева, я... я...

— ...вы мать, — прошептала Миссандея.

— Матерь драконов, — Дени

вздрогнула.

— Нет. Мать всем нам, — Миссандея крепче прижалась к ней. — Вашему Величеству нужно поспать. Скоро рассвет, придут просители.

— Тогда давай спать, и пусть нам приснятся дни получше сегодняшнего. Закрой глаза. — Миссандея послушалась. Дени поцеловала ее сомкнутые веки и девочка хихикнула.

Целовать ребенка было легко, заснуть — куда труднее. Дени закрыла глаза и попыталась представить себе дом, Драконий Камень, Королевскую Гавань и все те края, о которых рассказывал ей

Визерис, лежащие в землях, более милостивых, чем эта... но ее мысли, словно корабли, гонимые жестоким ветром, вновь и вновь возвращались к Заливу Работорговцев. Убедившись, что Миссандея уснула, Дени выскользнула из ее объятий и шагнула в предрассветную свежесть. Она облокотилась на прохладные каменные перила и окинула взглядом город. Под ней раскинулись тысячи крыш, окрашенных луной в цвета слоновой кости и серебра.

Где-то там, под защитой этих крыш, собрались сейчас Сыны Гарпии, обсуждая, как убить ее и всех, кому она дорога, и как вернуть в цепи ее детей. Где-то там голодный

младенец плакал и просил молока. Где-то там умирала старуха. Где-то там обнимались юноша и девушка, неловко раздевая друг друга нетерпеливыми руками. Но здесь, наверху, только лунный свет струился по пирамидам и ямам, оставляя все, что под ними, скрытым от глаз. Здесь, наверху, не было никого, только она одна.

В ней текла кровь дракона. Она могла убить Сынов Гарпии, их сыновей и сыновей их сыновей. Но разве дракон может накормить голодного младенца, разве может он унять боль умирающей старухи? *И разве кто-нибудь когда-нибудь осмелится полюбить дракона?*

Она поймала себя на том, что вновь думает о Даарио Нахарисе, о Даарио с золотым зубом и бородой в форме трезубца, о его сильных руках, покоящихся на одинаковых рукоятях аракха и стилета, выкованных из золота в форме нагих женщин. В день отъезда, когда Дени прощалась с ним, он стоял, поглаживая их подушечками больших пальцев, едва касаясь. *Я ревную его к рукояти меча,* подумала она тогда, *к женщинам из золота.* Отправить его к овечьему народу было мудрым решением. Она все же королева, а в Даарио Нахарисе нет ничего королевского.

"Прошло уже столько

времени, — говорила Дени сиру Барристану не далее, чем вчера. — Что, если Даарио предал меня и переметнулся к моим врагам? — *Три измены должна ты испытать...* — Что, если он встретил другую, какую-нибудь лазхаринскую принцессу?"

Ей было известно, что старый рыцарь не испытывает симпатии к Даарио и не доверяет ему. Тем не менее, ответ его был галантным: "Нет на свете женщины прекраснее Вашего Величества. Только слепой может думать иначе, а Даарио Нахарис отнюдь не слепой".

О, нет, подумала она, *глаза у него василькового цвета с*

фиолетовым отливом, и когда он улыбается мне, его золотой зуб сверкает.

Впрочем, сир Барристан не сомневался в возвращении Даарио. И Дени оставалось только молиться, чтобы он был прав.

Надо принять ванну и успокоиться. Она прошла по террасе к бассейну, мягко ступая босыми ногами по траве. От прохладной воды по коже побежали мурашки. Крошечные рыбки покусывали ее ладони и ступни. Дени раскинулась на воде и закрыла глаза.

Легкий шелест заставил ее открыть их вновь. С тихим плеском она села в воде.

— Миссандея? — позвала она. — Ирри? Чхику?

— Они спят, — раздался ответ.

Под финиковым деревом стояла женщина, закутанная в мантию до пят, а лицо под капюшоном казалось твердым и блестящим. *Это маска, поняла Дени, деревянная маска, покрытая красным лаком.*

— Куэйта? Это сон? — она ущипнула себя за ухо и вздрогнула от боли. — Ты снилась мне на "Балерионе", когда мы приплыли в Астапор в первый раз.

— Это не было сном, как и сейчас.

— Что ты здесь делаешь? Как ты прошла мимо стражи?

— Я пришла другим путем. Твоя стража не видела меня.

— Я могу позвать их, и они убьют тебя.

— Они будут клясться, что меня тут нет.

— А ты здесь?

— Нет. Выслушай меня, Дейенерис Таргариен. Горят свечи из стекла. Скоро появится бледная кобыла, а за ней остальные. Кракен и темное пламя, лев и грифон, сын солнца и скомороший дракон. Не верь никому из них. Помни Бессмертных. Остерегайся надушенного сенешаля.

— Резнак? Почему я должна бояться его? — Дени поднялась на

ноги. Вода струйками стекала по телу, руки на прохладном ночном воздухе покрылись гусиной кожей. — Если хочешь предупредить меня о чем-то, выражайся яснее. Чего ты от меня хочешь, Куэйта?

В глазах женщины отражался лунный свет.

— Указать тебе путь.

— Я помню его. Я должна идти на север, чтобы попасть на юг, на восток, чтобы попасть на запад, вернуться назад, чтобы двигаться вперед. А чтобы достичь света, мне придется пройти через тень, — она скрутила серебристые волосы, отжимая воду. — Меня уже тошнит от загадок. В Кварте я была

нищенкой, но здесь я королева. И я повелеваю тебе...

— Дейенерис. Помни Бессмертных. Помни, кто ты есть.

— Я — кровь дракона. — *Но мои драконы ревут во тьме.* — Я помню Бессмертных. "*Дитя троих*", назвали они меня. Трех коней я должна оседлать, три огня зажечь, три измены испытать... Одну ради крови, другую ради денег, и еще одну ради...

— Ваше Величество? — в дверях королевской спальни стояла Миссандея с лампой в руках. — С кем вы разговариваете?

Дени обернулась и посмотрела на финиковое дерево. Женщины не

было. Никакой мантии с капюшоном, никакой лакированной маски, никакой Куэйты.

С тенью. С воспоминаниями. Ни с кем. В ней течет кровь дракона, но сир Барристан предупреждал, что эта кровь — порченная. *Быть может, я схожу с ума?* Ее отца называли безумным.

— Я молилась, — ответила она девочке из Наата. — Скоро рассвет. Я бы поела, перед тем как принимать просителей.

— Я принесу вам завтрак.

Вновь оставшись в одиночестве, Дени обошла пирамиду в поисках Куэйты, мимо обугленных деревьев и выжженной земли — там, где ее

люди пытались поймать Дрогона. Но единственным звуком здесь был шум ветра в ветвях фруктовых деревьев, а единственными живыми созданиями в садах — пара бледных мотыльков.

Миссандея вернулась с дыней и сваренными вкрутую яйцами, но Дени вдруг поняла, что не хочет есть. Когда небо посветлело и звезды исчезли одна за другой, Ирри и Чхику помогли ей надеть токар из фиолетового шелка с золотой бахромой.

Когда вошли Резнак и Скахаз, она поймала себя на том, что смотрит на них с недоверием, памятуя о трех изменах. *Остерегайся надушенного сенешаля.* Дени с

подозрением втянула воздух, пытаясь уловить аромат, исходивший от Резнака мо Резнака. *Можно было бы приказать Бритоголовому взять его под стражу и допросить.* Если предательство предупредить, то пророчество не сбудется? Или же освободившееся место займет какой-нибудь другой изменник? *Пророчества обманчивы,* напомнила она себе, *и Резнак может оказаться всего лишь тем, кем кажется.*

Войдя в пурпурный зал, Дени увидела на своем кресле черного дерева кипу атласных подушек. Тень улыбки тронула ее лицо. *Сир Барристан постарался,* догадалась она. Старый рыцарь — прекрасный

человек, но иногда понимает слова слишком буквально. *Это была всего лишь шутка, сир,* подумала Дени, но использовала одну из подушек по назначению.

Бессонная ночь давала о себе знать. Вскоре она уже еле сдерживала зеवоту, слушая журчащую речь Резнака, который докладывал о гильдиях ремесленников. Похоже, каменотесы были ею страшно недовольны, равно как и каменщики. Среди бывших рабов нашлись и те, кто мог тесать камень, и те, кто мог класть его, а мастера гильдии и их подмастерья оставались без работы.

— Вольноотпущенники просят за свою работу слишком мало,

Великолепная, — сказал Резнак. — Некоторые называют себя подмастерьями и даже мастерами, а ведь так могут именовать себя лишь члены гильдии. Каменщики и каменотесы почтительно просят Вашу Милость восстановить их в исконных правах и обычаях.

— Вольноотпущенники просят меньше, потому что им надо зарабатывать на еду, — заметила Дени. — Если я запрещу им тесать или класть камень, завтра у моего порога будут бакалейщики, ткачи и ювелиры, с точной такой же просьбой, — она на мгновение задумалась. — Запишите, что с сего дня только члены гильдии могут

именовать себя мастерами или подмастерьями... при условии, что членом гильдии сможет стать любой освобожденный, подтвердивший свое умение.

— Так и запишем, — сказал Резнак. — Желает ли Ваша Милость выслушать благородного Хиздара зо Лорака?

Неужели он никогда не отступится?

— Пусть подойдет.

Сегодня на Хиздаре не было токара. Вместо него он надел простой серо-голубой халат. Под стать была и прическа. *Он сбрил свою бороду и обрезал волосы,* отметила она про себя. Не то, чтобы

он стал бритоголовым, но по крайней мере состриг эти нелепые крылья.

— Твой цирюльник поработал на славу, Хиздар. Надеюсь, ты явился для того, чтобы продемонстрировать мне его работу, и не собираешься снова изводить меня просьбами об открытии бойцовых ям?

Он отвесил глубокий поклон:

— Боюсь, что я должен, Ваше Величество.

Дени скорчила гримаску. Даже ее собственные люди никак не оставят в покое эти ямы. Резнак мо Резнак не упускал возможности отметить, насколько налоги с них пополнят казну. Зеленая Грация утверждала, что открытие ям будет

угодно богам. Бритоголовый считал, что такое решение даст Дени поддержку, которая так нужна в противостоянии с Сынами Гарпии. "Пусть дерутся," — басил Бельвас-Силач, который в свое время был победителем многих подобных боев. Сир Барристан предложил провести турнир: его воспитанники могли бы сбивать на полном скаку копытами кольца и сразиться в общей схватке на тупых мечах. Но Дени понимала, что у этого предложения нет никаких шансов, хотя намерения сира Барристана были самыми благими. Миэринцы желают смотреть на кровь, а не на мастерство. В противном случае бойцовые рабы

надевали бы доспехи. Казалось, только малютка Миссандея разделяла ее дурные предчувствия.

— Уже шесть раз я отвечала тебе отказом, — напомнила Хиздару Дени.

— На родине Вашего сиятельства семеро богов, вдруг она примет мое седьмое прошение благосклонно? Сегодня я явился не один. Не изволите ли выслушать моих спутников? Их тоже семеро, — один за другим, из толпы выходили люди. — Кразз. Черноволосая Барсена, храбрейшая из храбрых. Камаррон из Каунта и Гогор-Великан. Пятнистый Кот, Итоки Бесстрашный. И последний, Белакво-

Костолом. Все они здесь, чтобы присоединить свои голоса к моему и просить Ваше Величество вновь открыть бойцовые ямы.

Дени знала эту семерку, если не в лицо, то по имени. Все они входили в число самых знаменитых миэринских бойцовых рабов... и именно эти рабы, освобожденные от оков ее канализационными "крысами", возглавили восстание, что позволило ей захватить город. Она была в неоплатном долгу перед ними.

— Говорите, — позволила она.

Один за другим, каждый из них просил ее позволить вновь открыть ямы.

— Зачем? — спросила она, когда Итоки закончил. — Вы теперь не рабы, обреченные на смерть по прихоти хозяина. Я сделала вас вольными людьми. Почему же вы все равно хотите окончить жизнь на обгавленном кровью песке?

— Я с трех лет тренировался, — сказал Гогор-Великан. — С шести — уже убивал. Мать драконов говорит, что я вольный человек. Значит, я волен и сражаться?

— Если хочешь сражаться — бейся за меня. Присягни на верность Воинам Матери, или Свободным Братьям, или Стойким Щитам. Научи других освобожденных сражаться.

Гогор покачал головой:

— Раньше я бился для хозяина. Вы предлагаете биться за вас. А я хочу биться ради меня самого, — огромный детина с силой ударил себя в грудь кулаком размером с добрый окорок. — За золото. За славу.

— Гогор выразил чаяния всех нас, — на одно плечо Пятнистого Кота была наброшена шкура леопарда. — Мой последний хозяин отдал за меня триста тысяч. Когда я был рабом, то спал на постели, устланной мехами, и ел мясо, красное и без костей. Сейчас я свободен, но сплю на соломе, а питаюсь соленой рыбой, да и ту не всегда удастся добыть.

— Хиздар поклялся, что победители получают половину выручки от продажи билетов, — сказал Кразз. — Половину, он дал слово, слово уважаемого человека.

Слово коварного человека.
Дейенерис почувствовала себя загнанной в угол.

— А побежденные? Что получают они?

— Их имена будут высечены на Вратах Судьбы подле имен других павших храбрецов, — торжественно объявила Барсена. Дени слышала, что за последние восемь лет ни одна женщина, выставленная против Барсены, не покидала яму живой. — Все умирают, и мужчины, и

женщины... Но в веках останется память лишь о некоторых.

Дени не знала, что ответить. Если мой народ действительно желает этого, разве я вправе отказывать? Это был их город, прежде чем стал моим, и это их жизни, которыми они желают так безрассудно распорядиться

— Я обдумаю ваши слова. Благодарю вас за участие в совете, — она поднялась. — Продолжим завтра.

— Преклоните колени перед Дейенерис Бурерожденной, Неопалимой, королевой Миэрина, королевой Андалов, Ройнаров и Первых Людей, кхалиси Великого Травяного моря, Разрушительницей

Оков и Матерью Драконов, — провозгласила Миссандея.

Сир Барристан сопровождал Дени в ее покои.

— Расскажите мне что-нибудь, сир, — произнесла она, когда они поднимались по лестнице. — Что-нибудь о доблестных делах, историю со счастливым концом, — ей отчаянно хотелось услышать историю со счастливым концом. — Расскажите мне, как бежали от Узурпатора.

— Ваша величество, мало доблести в бегстве ради спасения собственной жизни.

Дени уселась на подушку, скрестив ноги, и посмотрела на него:

— Пожалуйста. Когда младший Узурпатор выгнал вас из Королевской гвардии...

— Да, Джоффри. Они сослались на мой возраст, но дело было совсем не в этом. Мальчишка хотел облачить в белый плащ своего пса Сандора Клигана, а его мать желала видеть Цареубийцу на должности лорда-командующего.

Когда мне объявили об этом, я... я снял плащ, как было мне велено, швырнул свой меч к ногам Джоффри и сказал кое-что, чего говорить не следовало.

— Что же вы сказали?

— Правду... Но при том дворе правда редко бывала желанной

гостьей. Из тронного зала я вышел с гордо поднятой головой, но куда мне идти, я не имел понятия. Единственным моим домом была башня Белого Меча. Разумеется, мои двоюродные братья нашли бы для меня место в зале Урожая, но я боялся навлечь на них гнев Джоффри. Я собирал вещи и вдруг осознал, что сам предрешил свою участь, когда принял прощение Роберта. Он был добрым рыцарем, но из него вышел дурной король, а все потому, что он занял трон, на который не имел никаких прав. И в ту минуту я решил, что найду истинного короля и искуплю свою вину верной службой ему, и отдам

этой службе все оставшиеся силы.

— Моему брату Визерису.

— Таково было мое намерение.

Но возле конюшни на меня
набросились золотые плащи.

Джоффри предложил мне замок, где
я должен был доживать свои дни, но
я отверг этот дар, и теперь он,
похоже, захотел предложить мне
темницу. Командующий городской
стражей лично противостоял мне,
ободренный отсутствием меча в моих
ножнах, но с ним было всего трое
людей, а со мной был мой кинжал.
Один из стражников схватил меня, и
я рассек ему лицо, остальные
отпрянули от копыт лошади. Я
пустил коня вскачь и понесся к

воротам, а Янос Слинг орал на них, приказывая гнаться за мной. Я выехал из Красного Замка и ушел бы от погони, но улицы были запружены, и меня перехватили у Речных ворот. Золотые плащи крикнули стражникам, чтобы те задержали меня, и передо мной возникли скрещенные копья.

— А у вас не было меча. Как же вы прошли?

— Настоящий рыцарь стоит десяти стражников. Люди у ворот были застигнуты врасплох. Мой конь сбил с ног одного из них, я перехватил его копье и всадил в горло ближайшего преследователя. Последний из людей Слинга

прекратил погоню, увидев меня уже за воротами, а я пустил лошадь галопом и мчался вдоль реки, пока город не скрылся из виду. Ночью я обменял коня на обноски и пригоршню мелочи, а утром смешался с людским потоком, текшим в Королевскую Гавань. Я убегал через Грязные ворота, так что вернулся через Божьи: с грязным лицом, заросший щетиной и без оружия, если не считать деревянного посоха. В грубом одеянии, подпоясанном веревкой, и в грязных сапогах, я ничем не отличался от сотен стариков, бегущих прочь от войны. Золотые плащи взяли с меня оленя и махнули рукой, разрешая

пройти. Королевская Гавань была переполнена простым людом, ищущим убежища подальше от военных действий. Среди них я и затерялся. У меня оставалось немного серебра, но оно было нужно для оплаты переправы на другой берег Узкого моря, так что ночевать приходилось в септах и парках, а питаться — в дешевых харчевнях. Я отпустил бороду и притворялся стариком. В день, когда лорд Старк лишился головы, я был на площади и все видел. А после этого зашел в Великую Септу и возблагодарил семерых за то, что Джоффри снял с меня белый плащ.

— Старк был изменником и

умер заслуженной смертью.

— Ваше Величество, — произнес Селми, — Эддард Старк приложил руку к свержению вашего отца, но он не желал вам зла. Когда евнух Варис сообщил нам, что вы ждете ребенка, Роберт приказал вас убить, но лорд Старк был против. Вместо того, чтобы поддержать короля, он отказался участвовать в убийстве детей и предложил ему поискать другого Десницу.

— А как же принцесса Рейенис и принц Эйегон, о них вы забыли?

— Ни в коем случае. Но это дело рук Ланнистеров, Ваше Величество.

— Ланнистеры, Старки — какая разница? Визерис именовал их всех

псами Узурпатора. Если на младенца спустили свору собак, какая разница, которая из них первой доберется до его горла? Все псы виновны в равной степени. Вина... — Дени словно поперхнулась этим словом. *Хаззеа*, подумалось ей, и неожиданно для себя она произнесла, — Мне нужно взглянуть на яму, — и ее голос был тихим, словно шепот ребенка. — Проводите меня вниз, сир, будьте так любезны.

Тень неодобрения легла на лицо старика, но он не привык обсуждать распоряжения своей королевы.

— Как вам будет угодно.

Кратчайший путь вниз лежал по черной лестнице — она не

отличалась роскошью, и ее ступени были узкими и крутыми, но шла напрямик, скрытая в стенах пирамиды. Сир Барристан освещал путь фонарем, чтобы Дени не оступилась впотьмах и не упала. Вокруг них сжимались стены, сложенные из разноцветных кирпичей, которые становились одинаково серыми и черными, как только свет фонаря покидал их. Трижды они проходили мимо постов Безупречных, те стояли, не шелохнувшись, словно изваяния. В тишине раздавался лишь шелест шагов.

На нижнем уровне Великой пирамиды Миэрина царил сумрак,

стояла тишина, и пахло пылью. Наружные стены пирамиды здесь были почти тридцать футов толщиной. Внутри каждый звук эхом отражался от сводов из разноцветного камня, и отголоски его были слышны в конюшнях, стойлах и кладовых. Они миновали три огромные арки, потом по освещенному факелами коридору спустились в подземелья под пирамидой, мимо резервуаров, темниц и пыточных, где когда-то рабов пороли, жгли каленым железом и сдирали с них кожу. Наконец, они добрались до огромных железных дверей с ржавыми петлями, у которых несли караул

Безупречные.

Один из них достал по ее приказу металлический ключ. Петли заскрипели, двери открылись. Дейенерис Таргариен шагнула в обжигающую тьму и остановилась у края глубокой ямы. Внизу, в сорока футах от них, ее драконы подняли головы. Четыре точки светились в темноте: два глаза цвета расплавленного золота и два цвета бронзы.

Сир Барристан прикоснулся к ее руке:

— Ближе подходить не стоит.

— Неужели вы думаете, что они могут причинить мне вред?

— Я не знаю, Ваше Величество,

но я предпочел бы не рисковать вами, чтобы узнать ответ.

Рейегаль заревел, выпустил сгусток желтого пламени, и на миг вокруг стало светло, как днем. Языки пламени лизнули стены, и лицо Дени опалило жаром, словно приоткрылась топка печи. На той стороне ямы Визерион расправлял крылья, разгоняя спертый воздух. Он хотел лететь к ней, но цепи со звоном напряглись, потянули его обратно, и дракон плашмя упал на брюхо. Его лапы были прикованы к полу цепями толщиной в кулак. На нем был железный ошейник, цепь от которого шла к стене у него за спиной. На Рейегалья надели такие же

оковы. Его бледно-зеленая чешуя мерцала, словно нефрит, в свете фонаря Селми, а из пасти просачивались струйки дыма. Рядом на полу были разбросаны кости: сломанные, обугленные, расщепленные. Было нестерпимо жарко, пахло серой и горелым мясом.

— Они выросли, — голос Дени эхом отразился от закопченных каменных стен. Капля пота стекла по лбу и упала ей на грудь. — А правда, что драконы растут всю жизнь?

— Да, если им хватает еды и достаточно места. А вот запертые здесь...

При Великих Господах эта яма служила темницей. Пять сотен

человек могло поместиться в ней... Достаточно просторна для двух драконов. Но что будет, когда они станут слишком велики для этой ямы? Начнут ли они драться, пуская в ход пламя и когти? Или же они вырастут болезненными и слабыми, со сморщенными крыльями и впавшими боками? Иссякнет ли их пламя перед смертью?

Что за мать оставляет своих детей гнить в темноте?

Если я оглянусь, я пропала, говорила себе Дени... но как она могла не оглядываться? Я должна была догадаться, к чему все идет. Неужели я была настолько слепа, или же просто закрывала на это

глаза, не желая отдавать себе отчет в том, какова цена моего могущества?

Визерис рассказывал ей все эти истории, когда она еще была маленькой. Брат любил поговорить о драконах. Она знала, как пал Харренхолл. Она слышала о Пламенном поле и Танце Драконов. Один из ее предков, третий Эйегон, видел собственными глазами смерть своей матери, когда ее сожрал дракон его дяди. А все эти бесчисленные песни, где повествовалось о деревнях и королевствах, которые эти звери держали в страхе, пока не объявлялся какой-нибудь храбрый охотник на драконов. В Астапоре у работорговца

вытекли от жара глаза. По дороге в Юнкай, когда Даарио принес и бросил к ногам Дени головы Саллора Смелого и Прендаля на Гхезна, ее детки ими перекусили. Драконы не испытывают страха перед людьми. А если дракон достаточно велик, чтобы съесть овцу, он проглотит ребенка с той же легкостью.

Ее звали Хаззеа. Ей было четыре года. *Если, конечно, отец не солгал. А мог и солгать.* Никто, кроме него, дракона не видел. Он принес обугленные кости в качестве доказательства, но что доказывают обугленные кости? Он мог убить девочку сам, а потом сжечь ее тело. Бритоголовый сказал тогда, что на

его памяти это не первый отец, избавляющийся от нежеланной дочери. *Ребенка могли убить Сыны Гарнии и позаботиться, чтобы это выглядело так, словно ее убил дракон — тогда весь город возненавидел бы меня.* Дени так хотелось верить в это... но если бы это было так, то почему отец Хаззеа стал дожидаться конца аудиенции, когда зал почти опустел? Если бы все это было подстроено с целью ополчить Миэрин против нее, он рассказал бы свою историю тогда, когда там было полно слушателей.

Бритоголовый призывал ее казнить этого человека. "По крайней мере, прикажите вырвать ему язык.

Своей ложью этот человек может погубить всех нас, Великолепная". Но Дени не послушала его, и предпочла заплатить цену крови. Никто не смог сказать ей, сколько стоит дочь, так что она распорядилась выдать за нее в сто раз больше, чем за ягненка. "Я вернула бы тебе дочь, если бы могла, — сказала она отцу, — но есть вещи, неподвластные даже королеве. Ее останки будут похоронены в Храме Граций, и сотня свечей будет гореть днем и ночью в память о ней. Приходи ко мне каждый год на ее именины, и твои другие дети не будут нуждаться ни в чем... но никто больше не должен слышать эту

историю". "Меня будут спрашивать, — отвечал безутешный отец, — где Хаззеа и как она умерла?" — "Она умерла от укуса змеи, — убедительным тоном произнес Резнак мо Резнак. — Ее утащили голодные волки. Девочка внезапно заболела, смертельно. Придумай, что хочешь, главное, никогда больше не упоминай драконов".

Визерион снова попытался подняться к ней, его когти скребли камень, тяжелые цепи громыхали. И снова у него ничего не вышло, и тогда он заревел, изогнул шею, завел голову за спину, насколько мог, и выпустил столб золотистого пламени

на стену позади себя. *Как скоро этот огонь станет таким сильным, что от него начнет трескаться камень и плавиться металл?*

Совсем недавно она катала его на плече, а он обвивал хвостом ее руку, кормила жареным мясом с ладони. Его заковали первым. Дейенерис сама отвела его в яму и заперла там с несколькими бычками. Когда он наелся и задремал, на него, спящего, надели цепи.

С Рейегалем было сложнее. Наверное, он слышал, как бушует в яме его брат, слышал несмотря на разделявшую их толщу каменных стен. В конце концов, на него набросили сеть из больших

металлических цепей, когда он нежился на солнце на ее террасе. Дракон так яростно вырывался, извивался и бился, что его тащили вниз по черной лестнице целых три дня. В той схватке с ним сгорели шестеро.

А Дрогон...

"Крылатая тень", — сказал убитый горем отец девочки. Самый большой из троих, самый свирепый, самый неуправляемый, с черной как ночь чешуей и глазами, в которых бушует пламя.

Дрогон охотился вдали от дома, а насытившись, возвращался и грелся на солнце на вершине Великой пирамиды, где когда-то возвышалась

миэринская гарпия. Трижды его пытались изловить там, и трижды он ускользал. Сорок ее самых храбрых людей ловили его, рискуя жизнью. Почти все получили ожоги, а четверо умерли. Последний раз она видела Дрогона на закате дня, после последней попытки. Черный дракон улетал все дальше на север, за Скахазадхан, в сторону высоких трав дотракийского моря. И он больше не вернулся.

Мать драконов, подумала Дени. Мать чудовищ. Что я выпустила на свет? Королева на троне из обугленных костей, стоящем на зыбучем песке. Как без драконов ей удержать Миэрин, и, тем

паче, вернуть себе Вестерос? *Во мне течет кровь дракона*, подумала она, *и если они чудовища, то чудовище и я.*

13. ВОНЮЧКА

Крыса завизжала, когда он вонзил в нее зубы

Она извивалась в его руках, неистово пытаясь вырваться. Самое мягкое место — это брюшко. Он вгрызся в сладостное мясо, и тёплая кровь потекла по губам. Так вкусно, что на глаза навернулись слёзы. В желудке заурчало, он сглотнул. К третьему укусу крыса перестала трепыхаться, он был почти доволен.

Как вдруг услышал голоса у входа в подземелье.

Он тут же замер, боясь даже жевать. Рот был набит мясом, полон

крови и шерсти, но он не осмеливался ни сплюнуть, ни проглотить. В ужасе, окаменев от напряжения, он прислушивался к шаркающим шагам и бряцанью железных ключей. *Нет, думал он, нет, о боги, пожалуйста, только не сейчас, только не сейчас.* Он так долго ловил эту крысу. *Если они увидят её у меня, они её отберут, а потом всё расскажут, и лорд Рамси сделает мне больно.*

Он понимал, кто крысу нужно спрятать, но он был таким *голодным*. Последний раз он ел дня два назад, а то и все три. Тут, внизу, где всё время темно, трудно сказать точно. Его руки и ноги стали тонкими, как

тростинки, а пустой живот вздулся и болел так сильно, что спать было совершенно невозможно. Стоило ему закрыть глаза, на ум тут же приходила леди Хорнвуд. После свадьбы лорд Рамси запер её в дальней башне и уморил голодом. Она дошла до того, что сгрызла собственные пальцы.

Он сжался в углу камеры, придерживая своё сокровище подбородком. Кровь стекала из уголков рта, он ел наспех, откусывая маленькие кусочки тем, что осталось от зубов, пытаясь проглотить как можно больше тёплого мяса до того, как дверь камеры откроется. Мясо, хоть и жилистое, было столь

вкусным, что он подумал, как бы его не стошнило. Он жевал, глотал, и выковыривал мелкие косточки из дыр, оставшихся в дёснах от вырванных зубов. Жевать было больно, но он так хотел есть, что не мог остановиться.

Шум становился всё громче. *О боги, пожалуйста, хоть бы он шёл не за мной*, молил он, отрывая крысиную лапку. За ним давно не приходили. Были и другие темницы, другие пленники. Иногда даже сквозь толстые каменные стены до него доносились их крики. *Женщины кричат громче*. Он пососал сырую косточку и попытался выплюнуть её, но она лишь сползла вниз по

подбородку и запуталась в бороде. *Уходите, молил он, уходите, пройдите мимо, пожалуйста, пожалуйста.*

Но шаги остановились как раз в тот момент, когда их было слышно лучше всего, и ключи загремели прямо за его дверь. Крыса выпала у него из рук. Он начал судорожно вытирать окровавленные пальцы о штаны.

— Нет, — бормотал он, — *о нет, нет.*

Он пытался как можно глубже вжаться в угол, в холодные сырые каменные стены, скребя пятками по полу, застеленному соломой.

Скрежет ключа в замке —

самый страшный звук на свете. Свет ударил в лицо, и он пронзительно вскрикнул. Глаза пришлось прикрыть руками. Головная боль была нестерпимой, он бы выцарапал себе глаза, лишь бы избавиться от неё, но разве он осмелится?

— Уберите свет, делайте это в темноте, пожалуйста, пожалуйста.

— Это не он, — произнёс мальчишечий голос. — Посмотри на него. Мы не в ту камеру зашли.

— Последняя дверь слева, — ответил другой мальчишка. — Это последняя дверь слева, так ведь?

— Ну да, — повисла пауза. — А что он вообще говорит?

— Похоже, ему не нравится свет.

— А тебе бы понравился, выгляди ты как *это*? — мальчик харкнул и сплюнул себе под ноги. — Ну и вонища от него, я сейчас задохнусь.

— Он ел крыс, — сказал второй. — Смотри.

— Точно, — заржал первый. — Вот умора.

Мне пришлось. Стоило заснуть, и крысы подбирались к нему, вгрызались в пальцы на руках и ногах, кусали даже за лицо, так что когда он изловил одну из этих тварей, он не колебался ни секунды. Жри или сожрут тебя, выбор невелик.

— Это так, — прошамкал он, — да, да, я ел её, но ведь и они тоже

жрут меня, пожалуйста...

Мальчишки подошли ближе, солома мягко хрустела под их ногами.

— Скажи, — заговорил тот, что был меньше ростом, худенький, смышлёный, — ты помнишь, кто ты такой?

Страх вновь всколыхнулся в нём, он тихонько завыл.

— Скажи, как тебя зовут?

Меня зовут. Крик едва не вырвался из горла. О, его заставили выучить, как его зовут, он запомнил, заставили запомнить, но с тех пор прошло столько времени, что он забыл. Ошибусь, и он лишит меня ещё одного пальца, или хуже того,

он... он... Нет, только не думать об этом, нельзя думать об этом. Губы и глаза кололо, словно иглами. Голова пульсировала от боли.

— Пожалуйста, — пискнул он тонким слабым голосом. Голос столетнего старика. А может, он и есть столетний старик? *Сколько уже я здесь?* — Уйдите, — прошамкал он сквозь выбитые зубы, изо всех сил прижимая к глазам руки, на которых не хватало пальцев, пытаюсь заслониться от кошмарного яркого света. — Заберите крысу, если хотите, только, пожалуйста, не делайте мне больно.

— Вонючка, — сказал тот мальчик, что повыше. — Тебя зовут

Вонючка. Вспомнил? — у него в руках был факел, а мальчишка пониже держал связку ключей.

Вонючка? По щекам потекли слёзы.

— Я помню. Конечно, помню, — он хватал воздух ртом. — Моё имя — Вонючка. Я Вонючка — навозная кучка. — В темноте имя ему было незачем, вот он и забыл. *Вонючка, Вонючка, меня зовут Вонючка.* Это не то имя, которое ему дали при рождении. Когда-то, в предыдущей жизни, он был кем-то другим, но здесь, сейчас, его звали Вонючка. Он вспомнил.

Вспомнил он и мальчишек. На них были одинаковые дублеты из

овчины, серебристо-серые с тёмно-синей отделкой. Оба оруженосцы, обоим по восемь лет, и оба — Уолдеры Фрей. *Уолдер Большой и Уолдер Малый, да.* Тот, который побольше, был Малым, а тот, который поменьше — Большим, это забавляло самих мальчиков и совершенно сбивало с толку всех остальных.

— Я вас знаю, — прошептал он растрескавшимися губами. — Я знаю, как вас зовут.

— Ты пойдёшь с нами, — сказал Уолдер Малый.

— Ты нужен его светлости, — добавил Уолдер Большой.

Страх ножом пронзил его. *Это*

всего лишь дети, подумалось ему. Двое восьмилетних мальчишек. Он справится с парой восьмилетних мальчишек, в этом нет сомнения. Даже такой слабак, каким он стал теперь, мог бы отобрать у них факел, отобрать ключи, отобрать кинжал, висящий на поясе Уолдера Малого, и сбежать. Нет. Нет, слишком просто. Это ловушка. За эту попытку он заберёт у меня очередной палец или очередной зуб.

Он уже сбегал. Много лет назад, как ему теперь казалось, когда он ещё не чувствовал себя таким слабым, когда ещё не был таким покорным. Кира добыла ключи. Сказала, что украла их, что знает

выход из замка, который не охраняется. "Отведите меня назад в Винтерфелл, милорд, — молила она, и в лице её не было ни кровинки, а руки тряслись. — Я не знаю дороги. Я не могу бежать одна. Прошу вас, пойдёмте со мной". И он пошёл. Тюремщик спал в луже вина, мертвецки пьяный, со спущенными штанами. Дверь в подземелье была открыта, а калитку и правда никто не охранял, всё, как она сказала. Они дождались, когда луна скроется за облаком, выскользнули из замка и перешли Рыдающую вброд, спотыкаясь о камни, коченея в ледяной воде. На том берегу он поцеловал её. "Ты спасла нас", —

сказал он. *Дурак. Какой дурак.*

Всё это, от начала и до конца, было ловушкой, забавой, розыгрышем. Лорд Рамси — заядлый охотник, и он предпочитает охоту на двуногую дичь. Всю ночь они бежали по лесу в непроглядной темноте, а когда рассвело, до них долетел еле слышный звук охотничьего рога и лай преследующих их гончих. Псы нагоняли их, и он сказал Кире: "Нам придётся разделиться. Они смогут идти только по одному следу". Но девушка была вне себя от ужаса и отказывалась его покидать, даже когда он поклялся, что если собаки погонятся за ней, он вернётся вызволять её с войском

железнорожденных.

Не прошло и часа, как их поймали. Одна собака сбила его с ног, другая вцепилась в ногу Кире, карабкавшейся по склону холма. Стая окружила их, собаки рычали и скалились, клацали зубами при каждом движении, не давали сдвинуться с места, пока не подъехал Рамси Сноу с загонщиками. Тогда он был ещё не Болтоном, а Бастардом. "Вот вы где, — сказал он, улыбаясь им сверху. — Уходить вот так, не попрощавшись — всё равно, что резать меня по живому. Неужели моё гостеприимство вам так быстро наскучило?" При этих словах Кира схватила камень и швырнула в него.

Снаряд пролетел в добром полуметре от головы Рамси, и тот улыбнулся: "Мне придётся вас наказать".

Вонючка вспомнил отчаяние и ужас в глазах Киры. Никогда прежде ему не бросалось в глаза, как она молода, совсем ещё девочка, но что он мог сделать. *Нас взяли из-за неё, подумал он. Если бы мы тогда разделились, как я хотел, одному из нас удалось бы скрыться.*

От нахлынувших воспоминаний сдавило грудь. Вонючка отвернулся, в его глазах блеснули слёзы. *Что ему нужно от меня в этот раз? в отчаянии спрашивал он себя. Почему он просто не оставит меня в покое? Я ничего плохого не делал, в*

последнее время во всяком случае, почему меня нельзя просто оставить здесь в темноте. У него была такая крыса, жирная, тёплая, извивающаяся...

— Отправим его помыться? — поинтересовался Уолдер Малый.

— Его светлости нравится эта вонь, — ответил Уолдер Большой. — Потому он его Вонючкой и назвал.

Вонючка. Я Вонючка — забитая сучка. Ему нужно это помнить. Служи и повинуйся, помни, кто ты есть, и новой боли не будет. Так он обещал, так обещал его светлость. Да и вздумай он сопротивляться — не хватило бы сил. Силу из него выбили плетью, выморили голодом,

сняли с кожей. Когда Уолдер Малый потянул его за собой, а Уолдер Большой призывно махнул факелом, он пошёл за ними послушно, как хорошо выдрессированная собака. Если бы у него был хвост, он бы поджал его.

Если бы у меня был хвост, Бастард его бы уже давно отрубил. Непрошенная, дурная, опасная мысль. Его светлость больше не был бастардом. *Он Болтон, а не Сноу.* Мальчишка-король на Железном Троне признал лорда Рамси законным отпрыском и пожаловал ему право носить имя своего лорда-отца. Назвать его Сноу означало напомнить, что он был прижит

отцом вне брака, и навлечь на себя его бешеную ярость. Вонючка не должен забывать об этом. И своё имя, он не должен забывать своё имя. В какой-то момент, длившийся буквально полсекунды, он вдруг понял, что опять не может вспомнить его, и от ужаса споткнулся на крутой лестнице подземелья, упал, порвал штаны и до крови поранился. Уолдеру Малому пришлось ткнуть в него факелом, чтобы заставить подняться и идти дальше.

Они вышли во двор. На Дредфорт опускались сумерки, и над восточной стеной замка можно было наблюдать восход полной луны. Тень,

которую в её бледном свете отбрасывали на промёрзшую землю под ногами высокие треугольные зубцы крепостной стены, напоминала ряд острых чёрных зубов. Воздух был морозным, сырым, полным полузабытых ароматов. *Белый свет, произнёс про себя Вонючка, вот как пахнет белый свет.* Он не знал, сколько времени провёл в подземелье, но по всему выходило не меньше полугода. *Если не больше. А если прошло пять лет, или десять, или двадцать? Почувствовал бы я? Что, если я спятил, сидя там, внизу, и полжизни уже позади?* Глупая мысль. Столько времени пройти не могло.

Мальчишки Уолдеры были по-прежнему мальчишками. Если бы прошло десять лет, они сейчас были бы уже мужчинами. Надо это запомнить. *Я не позволю ему свести себя с ума. Пусть забирает пальцы на руках, на ногах, пусть выколет мне глаза, пусть срежет уши по кусочку, но мой разум он не получит, разве что я сам захочу от него избавиться.*

Уолдер Малый с факелом возглавлял процессию. За ним покорно плёлся Вонючка, а Уолдер Большой шёл за ним по пятам. Собаки лаяли в конурах. По двору кружил ветер, забираясь под ветхую ткань его грязных лохмотьев, и по

коже пробегали мурашки. Несмотря на холод и сырость, снега нигде не было видно, хотя близость зимы ощущалась в воздухе. Вонючка размышлял о том, доживёт ли он до первого снега. *Сколько пальцев останется у меня к тому времени на руках? А на ногах?* Он поднёс руку к глазам и оторопел, увидев, какая она бледная, какая тощая. *Кожа да кости*, подумал он. *У меня руки старика*. Быть может, он ошибался насчёт мальчишек? А что, если это совсем не Малый и Большой Уолдеры, а *сыновья* тех мальчиков, которых он знал когда-то?

В главном зале царил полумрак, пахло дымом. Зал освещали факелы,

закреплённые в костяных руках, торчавших из стен. Высоко над головой чернели закопчённые деревянные стропила, а сводчатый купол зала терялся во мраке. Стоял тяжёлый дух вина, эля и жареного мяса. От этих запахов желудок Вонючки громко заурчал, рот наполнился слюной.

Уолдер Малый подталкивал его, и он брёл, спотыкаясь, вдоль длинных столов, за которыми ужинал гарнизон замка. Он чувствовал на себе взгляды. На лучших местах, сразу за помостом, сидели любимчики Рамси, Мальчики Бастарда. Костлявый Бен, старик-псарь, ухаживавший за

ненаглядными гончими его милости. Деймон, известный как Дэймон А-ну-ка-потанцуй, светловолосый, похожий на мальчишку. Ворчун, лишившийся языка за то, что обронил неосторожное слово в присутствии лорда Русе. Кислый Алин. Скорняк. Жёлтый Дик. Ближе к дверям сидели те, кого Вонючка знал в лицо, если не по имени: присяжные рыцари, сержанты, солдаты, тюремщики, палачи. Были и совсем незнакомцы, кого он никогда прежде не видел. Он шёл вдоль столов, и одни морщили носы, а другие ржали над его видом. *Гости, подумал Вонючка, приятели его светлости, и меня привели, чтобы их*

развлечь. Волна страха окатила его.

Бастард Болтона сидел за главным столом на месте своего отца, попивая из отцовского кубка. С ним ужинали двое стариков, и Вонючка мигом распознал в них лордов. Один — сухопарый, с колючим взглядом, длинной белой бородой и суровым, как зимние морозы, лицом. На нём была драная безрукавка из медвежьей шкуры, поношенная, засаленная. Под ней, хоть он и пришёл на застолье, была кольчуга. Второй лорд тоже был худощав, но первый держался прямо, а этот был весь перекорёжен. Одно его плечо было изрядно выше другого, он нависал над своим

подносом, как коршун над падалью. Алчные серые глаза, жёлтые зубы, белая с серебром раздвоенная борода. Редкие клочки седых волос торчали на рябом черепе там и сям, зато серый шерстяной плащ его был прекрасен: тонкой работы, отделанный чёрным соболем, схваченный на плече кованой серебряной звездой.

Рамси был в чёрном и розовом: чёрные сапоги, пояс, ножны, чёрная кожаная безрукавка поверх розового дублета, словно иссечённого бордовой атласной отстрочкой. В правом ухе его сверкал гранат в форме капли крови. Но и в пышном одеянии он был всё так же

безобразен: широкий в кости, с покатыми плечами, крупный, склонный к полноте; краснорожий, весь в прыщах, с приплюснутым носом, небольшим ртом и длинными тёмными волосами, сухими, как пакля. Его толстые мясистые губы были примечательны, но всё внимание приковывали к себе глаза. У него были отцовские глаза — маленькие, близко посаженные, невероятно светлые. Дымчато-серый — так называют этот цвет, но по правде глаза Рамси были лишены цвета как такового, напоминая два осколка грязноватого льда.

При виде Вонючки он улыбнулся влажными губами.

— А вот и он. Мой старый добрый угрюмый дружок.

И добавил для сидевших рядом:

— Вонючка всегда со мной, с самого моего детства. Мой лорд-отец подарил его мне в знак своей любви.

Лорды переглянулись.

— Я слышал, твой слуга мёртв, — произнёс крючковатый. — Говорили, его убили Старки.

Лорд Рамси захихикал.

— Железнорожденные могли бы вам рассказать, что мертвые не умирают, но восстают крепче и сильнее прежнего. Так и Вонючка. Впрочем, от него и вправду воняет могилой, в этом я с вами совершенно согласен.

— От него воняет дерьмом и блевотиной, — крючковатый старик отбросил обглоданную кость и вытер руки о скатерть. — Собственно, с какой целью мы наслаждаемся его обществом за ужином?

Второй лорд, осанистый старик в кольчуге, сверлил Вонючку суровым взглядом.

— А ты приглядишься, — сказал он первому. — Поседел, похудел на три стоуна, это да, но он вовсе не из прислуги. Он никого тебе не напоминает?

Сгорбленный лорд снова поднял глаза и на этот раз разглядывал внимательнее, потом вдруг фыркнул:

— Это *он*? Не может быть.

Подопечный Старка. Улыбчивый такой, всё время улыбался.

— Теперь он улыбается немного реже, — признался лорд Рамси. — Боюсь, я лишил его некоторой части красивых белых зубок.

— Лучше бы ты перерезал ему горло, — произнёс лорд в кольчуге. — Пёс, кусающий своего хозяина, годится разве что на шкуру.

— О, шкуру я с него как раз-таки снял, местами, — воскликнул Рамси.

— Это так, милорд. Я плохо вёл себя, милорд. Я был дерзок и... — он облизал губы, пытаясь сообразить, что же он ещё такого сделал. *Служи и повинуйся*, сказал он себе, *и он пощадит, не тронет то, что ещё*

осталось. Служи, повинуйся, не забывай, как тебя зовут. Вонючка — покорная сучка. — ...Я плохо вёл себя, и...

— У тебя рот в крови, — заметил Рамси. — Ты опять грыз пальцы, Вонючка?

— Нет. Нет, милорд, клянусь, — однажды, обезумев от боли, Вонючка попытался отгрызть себе безымянный палец, с которого сняли кожу. Лорд Рамси никогда не рубил пальцы просто так. Ему больше нравилось содрать с него кожу и оставить обнажённую плоть сохнуть, трескаться и гноиться. Вонючку пороли, растягивали на дыбе, резали, но всё это и близко не могло

сравниться с муками, которые причиняло отсутствие кожи. От такой боли сходят с ума, долго терпеть её невозможно. Рано или поздно жертва взмолится: "Пожалуйста, хватит, хватит, прекратите эту боль, режьте", — и лорд Рамси не откажет в услуге. Они вдоволь наигрались в эту игру. Вонючка хорошо усвоил правила, его руки и ноги тому подтверждение, но в тот злосчастный раз он забылся и попытался самостоятельно положить конец мучениям, отгрызть себе палец. Рамси это не понравилось, и за свой проступок Вонючка поплатился ещё одним пальцем.

— Я ел крысу, — промямлил он.

— Крысу? — в светлых глазах Рамси сверкали отблески факелов. — Все крысы Дредфорта принадлежат моему лорду-отцу. Как ты посмел отобедать одной из них без моего позволения?

Вонючка не знал, что ответить, поэтому промолчал. Одно неверное слово — и он лишится очередного пальца на ногах, а то и на руках. Пока что на левой руке у него оставалось три пальца, а на правой были целы все, кроме мизинца. На правой ноге тоже не хватало только мизинца, а вот на левой — целых трёх пальцев. Иногда Рамси в шутку говорил, что надо бы восстановить симметрию. *Но милорд всего лишь*

шутит, убеждал он себя. Он не хочет причинять мне боль, он сам говорил мне, он делает это, только если я даю ему повод. Его лорд милостив и добр. Он мог бы и с лица кожу снять кое за что из того, что Вонючка говорил раньше, когда ещё не выучил своё имя и своё место.

— Это начинает утомлять, — произнёс лорд в кольчуге. — Убей его, и дело с концом.

Лорд Рамси подлил себе эля:

— Это омрачило бы наш праздник. Вонючка, у меня для тебя чудесные новости. Я женюсь. Мой лорд-отец едет сюда, и везёт мне девушку из Старков. Дочь лорда Эддарда, Арию. Ты ведь помнишь

малютку Арья?

Арья-что-под-ногами, чуть не сорвалось у него с губ. *Арья-лошадка*. Младшая из сестёр Робба, темноволосая, с вытянутым лицом, тощая, как жердь, вечно чумазая. *А её хорошенькую сестру звали Санса*. Он вспомнил, что мечтал когда-то, как лорд Эддард Старк выдаст за него Сансу, как перед всеми назовёт его сыном — дурацкие детские мечты. Хотя Арья...

— Да, я помню. Арья.

— Она станет леди

Винтерфелла, а её лордом стану я.

Она же ещё ребёнок.

— Да, милорд. Примите мои поздравления.

— А согласен ли ты сопровождать меня на свадьбе, Вонючка?

Он замешкался с ответом.

— Если милорд этого желает.

— Желаю.

Он снова замешкался, пытаюсь понять, нет ли в этом какой-то жестокой ловушки.

— Да, милорд. Если вам так угодно. Это честь для меня.

— В таком случае я распоряжусь забрать тебя из этих гнусных подвалов. Тебя отмоют до блеска, выдадут чистую одежду, накормят. Дадут вкусненькой мягкой каши, ты ведь у нас любишь кашку? А может, даже и пирога с горохом и копчёной

грудинкой. У меня будет для тебя небольшое задание, и ты должен стать сильным, как прежде, чтобы мне услужить. А ведь ты хочешь услужить мне, правда?

— Да, милорд. Я хочу этого больше всего на свете, — по телу пробежала дрожь. — Яваш Вонючка. Умоляю, позвольте мне служить вам. Пожалуйста.

— Ну если ты так просишь... как я могу отказать, — улыбнулся Рамси Болтон. — Я собираюсь на войну, Вонючка. И ты поедешь со мной и pomoжешь мне привезти домой мою невинную невесту.

14. БРАН

Что-то в крике ворона заставило Брана содрогнуться. *Я почти взрослый*, напомнил он себе. *Я должен быть храбрым.*

Но воздух был колючим и холодным, наполненным страхом. Даже Лето боялся. Шерсть у него на загривке встала дыбом. Тени протянулись от холма, черные и голодные. Деревья склонились под тяжестью льда. Некоторые совсем не походили на деревья. Похороненные от корней до кроны в смерзшийся снег, они расположились на холме, словно великаны — чудовищные и

уродливые создания, сторбленные от
ледяного ветра.

— Они здесь, — странник
выхватил меч.

— Где? — Мира говорила
шепотом.

— Недалеко. Я не знаю. Где-то.
Ворон вскрикнул опять.

— Ходор, — прошептал Ходор.

И спрятал руки подмышки.
Сосульки повисли на его коричневой
бороде, а усы превратились в кусок
замерзших соплей, краснеющих в
свете заката.

— Волки тоже близко, —
предупредил Бран. — Те, что
преследовали нас. Лето чует их
всякий раз, когда мы идем по ветру.

— Волки — наименьшая из наших бед, — сказал Холодные Руки. — Мы должны подняться. Скоро стемнеет. Хорошо бы вам до ночи быть внутри. Ваше тепло привлечет их.

Он взглянул на запад, где свет заходящего солнца слегка виднелся сквозь деревья, как зарево далекого пожара.

— Здесь одна дорога? — спросила Мира.

— Есть черный ход в трех лигах к северу, на дне карстовой пещеры.

Он мог больше ничего не говорить. Даже Ходор не справился бы со спуском в воронку с Браном на плечах, а что касается Жойена, так у

того сил пройти три лиги было не больше, чем пробежать тысячу.

Мира взглянула на холм.

— Подъем выглядит безопасным.

— *Выглядит,* — мрачно пробормотал их проводник. — Ты чувствуешь холод? Здесь что-то есть. *Где они?*

— В пещере? — предположила Мира.

— Пещера охраняется. Они не могут пройти, — Холодные Руки указал мечом в сторону холма. — Вход там, на полпути навверх, та расщелина в скале между чардревами.

— Я вижу его, — сказал Бран.

Вороны влетали и вылетали оттуда.

Ходор пошевелился:

— Ходор.

— Выемка в скале, вот и все, что я вижу, — сказала Мира.

— Там есть проход. Крутой и извилистый в начале, словно ручей, пробивающий скалу. Если вы дойдете до него, будете в безопасности.

— А как же ты?

— Пещера охраняется.

Мира вгляделась в расщелину на склоне холма.

— Она не дальше тысячи ярдов отсюда.

Да, думал Бран, но весь этот путь — вверх по склону. Холм был крутым и порос лесом. Хотя

снегопад кончился три дня назад, снег не растаял. Землю под деревьями покрывало белое, нигде не тронутое полотно.

— Здесь никого, — храбро заявил Бран. — Посмотрите на снег. Никаких следов.

— Белые ходоки легко ступают по снегу, — ответил Холодные Руки. — Они не оставляют следов.

Один из воронов опустился на его плечо. Только дюжина больших черных птиц по-прежнему сопровождала их. Остальные исчезли по пути, каждое утро их становилось меньше.

— *Приди*, — крикнула птица. — *Приди, приди.*

Трехглазая ворона, подумал Бран, зеленый провидец.

— Не так далеко, — сказал он вслух. — Немного покарабкаться, и мы будем в безопасности. Наверное, даже сможем развести костер.

Все, кроме проводника, замерзли, промокли и проголодались, а Жойен Рид был слишком слаб, чтобы передвигаться без чьей-либо помощи.

— Идите, — Мира Рид склонилась над братом.

Жойен сидел с закрытыми глазами на поваленном дереве, и его сильно трясло. Та небольшая часть его лица, которую можно было видеть из-под капюшона и шарфа,

казалась такой же бесцветной, как и снег вокруг, но легкие клубы пара все еще появлялись при каждом слабом выдохе. Мира несла его весь день.

Еда и огонь вернут его к жизни,
Бран пытался убедить себя, хотя сам не был в этом уверен.

— Я не могу сражаться и нести Жойена одновременно, подъем слишком крут, — сказала Мира. — Ходор, ты донесешь Брана до пещеры.

— Ходор, — хлопнул в ладоши Ходор.

— Жойену просто нужна еда, — с жалостью сказал Бран.

Прошло двенадцать дней с тех пор, как лось свалился в третий и

последний раз, и Холодные Руки опустился на колени в сугроб и прошептал благословление на каком-то странном языке, перерезая животному глотку. Бран заплакал, словно маленькая девочка, когда хлынула алая кровь. Никогда он не чувствовал себя настолько ущербным, беспомощно наблюдая, как Мира Рид и Холодные Руки разделявают храброго зверя, который вез их до сих пор. Он говорил себе, что не притронется к мясу, что лучше голодать, чем съесть друга, но в итоге поел дважды: один раз сам, а другой — в шкуре Лета. Каким бы тощим и изголодавшимся ни был лось, его мясо поддерживало их в течение

семи дней, пока они не доели последний кусочек, сгрудившись вокруг костра на руинах старого городища.

— Ему нужно поесть, — согласилась Мира, поглаживая лоб брата. — Нам всем нужно, но тут нет еды. *Идите.*

Бран сморгнул слезу и почувствовал, как она замерзает на его щеке. Их проводник взял за руку Ходора:

— Свет уходит. Если они еще не здесь, то будут уже скоро. Идем.

На этот раз безмолвный, Ходор стряхнул с себя снег и начал пробираться наверх, сквозь сугробы, с Браном на спине. Холодные руки

двигался рядом, держа клинок наготове. Лето замыкал шествие. Некоторые сугробы были выше него, и лютоволку приходилось нырять в них с головой, а затем останавливаться, чтобы отряхнуться. Когда они поднялись повыше, Бран неловко повернулся в корзине и увидел, как Мира обхватила брата, помогая ему подняться на ноги. *Он слишком тяжелый для нее. Она оголодала и уже не такая сильная, как раньше.* Ухватившись за свое лягушачье копье одной рукой, она втыкала зубцы в снег для большей опоры. Мира только начала борьбу со склоном холма, и она то несла младшего брата, то тащила его

волоком, когда Ходор прошел между двумя деревьями, и Бран потерял ее из виду.

Холм становился все круче, снежные наносы трескались под ботинками Ходора. Один раз камень сдвинулся под его ногой, и Ходор заскользил назад, чуть не упав вниз со склона. Странник спас его, поймав за руку.

— Ходор, — сказал Ходор.

Каждый порыв ветра поднимал в воздух белый порошок, сверкающий хрусталем в последних лучах солнца. Вороны кружили вокруг них. Один улетел вперед и исчез в пещере. *Осталось восемьдесят ярдов, думал Бран, это совсем недалеко.*

Внезапно Лето остановился у крутого участка нетронутого белого снега. Лютоволк повернул голову, понюхал воздух и зарычал. Шерсть вздыбилась, и он начал пятиться.

— Ходор, стой, — сказал Бран. — Ходор, Подожди.

Что-то было не так. Лето чуял это, а потому и Бран. *Что-то плохое. Что-то рядом.*

— Ходор, нет, иди назад.

Холодные Руки по-прежнему карабкался, и Ходор не хотел отставать. "Ходор, ходор, ходор", — громко ворчал он, чтобы заглушить жалобы Брана. Его дыхание стало тяжелым. Бледный туман поднимался в воздухе. Он сделал шаг,

потом другой. Снег доходил почти до пояса, а склон становился все круче. Наклонившись вперед, цепляясь за камни и деревья руками, Ходор взбирался наверх. Еще шаг. И еще. Потревоженный Ходором снег скользил вниз, превращаясь за ними в небольшую лавину.

Шестьдесят ярдов. Бран вытянул шею, чтобы лучше видеть пещеру. Затем он увидел кое-что еще.

— Огонь! — в небольшой расщелине между чардревами что-то мерцало, красноватый свет звал к себе сквозь опускающийся сумрак. Смотрите, кто-то...

Ходор вскрикнул. Потом закружился, споткнулся и упал.

Бран почувствовал как мир
вращается вокруг него, когда
огромный помощник конюха
закрутился с бешеной скоростью.
Резкий удар вышиб дыхание. Его рот
наполнился кровью, а Ходор
продолжал катиться, давя собой
покалеченного мальчика.

Что-то схватило его за ногу.
На мгновение Бран подумал, что
какой-то корень запутался вокруг его
лодыжки... пока корень не
пошевелился. *Рука*, увидел он, когда
существо прорвалось сквозь снег.

Ходор пнул его, обрушив
покрытую снегом подошву прямо на
лицо мертвяка, но тот, казалось,
даже не заметил удара. Затем они

схватились, пиная и царапая друг друга, и заскользили вниз по склону.

Снег наполнил рот и нос Брана, как только они перевернулись, но через секунду он снова оказался наверху. Что-то треснуло его по голове — камень, кусок льда или кулак мертвеца — точно нельзя было сказать, и он выпал из корзины, растянувшись поперек склона и сплевывая снег. В руке остался вырванный клочок волос Ходора.

Повсюду вокруг него из-под снега поднимались мертвецы.

Два, три, четыре. Бран потерял счет. Они стремительно возникали из снежных туч. Некоторые носили черные плащи, некоторые — рваные

шкуры, некоторые были вообще без одежды. У всех была бледная кожа и черные руки. А глаза горели, словно холодные голубые звезды.

Трое напали на проводника. Бран увидел, как Холодные Руки полоснул мечом одного из них по лицу. Существо продолжало наступать, тесня странника к остальным. Еще двое преследовали Ходора, неуклюже спускаясь по склону. С чувством беспомощного ужаса Бран осознал, что Мира поднимается прямо в это безумие. Он раскидал снег и предупреждающе закричал.

Что-то схватило его.

И его крик превратился в вопль.

Бран схватил и бросил горсть снега, но мертвяк даже не моргнул. Одна черная рука полезла ему в лицо, другая — к животу. Пальцы были как железные. *Он собирается вырвать у меня кишки.*

Но между ними внезапно оказался Лето. Перед глазами Брана мелькнула кожа, рвущаяся, как дешевая ткань, и послышался хруст костей. Он увидел оторванное запястье, извивающиеся бледные пальцы, выцветший черный рукав. *Черный, подумал Бран, он носит черное, он был дозорным.* Лето бросил руку, повернулся и вонзил зубы в шею мертвеца. Горло твари взорвалось ошметками бледного

гнилого мяса, когда большой серый волк отскочил с куском плоти в зубах.

Оторванная рука все еще двигалась. Бран откатился от нее. Лежа на животе, царапая снег, он видел, как мелькают бледные деревья в снежных одеяниях, и оранжевое свечение между ними.

Пятьдесят ярдов. Если он сможет преодолеть пятьдесят ярдов, там им до него не добраться. Перчатки промокли, когда он, цепляясь за корни и камни, пополз по направлению к свету. Чуть дальше, еще чуть-чуть. Потом ты сможешь отдохнуть у огня.

Последний луч света уже погас

среди деревьев. Настала ночь. Холодные Руки рубил и резал окруживших его мертвецов. Лето повалил одного и рвал зубами его лицо. Никто не обращал внимания на Брана. Он прополз немного вверх, волоча бесполезные ноги. *Если я смогу добраться до пещеры...*

— Хоооодор... — донесся стон откуда-то снизу.

И вдруг он перестал быть Браном, сломанным мальчиком, ползущим по снегу. Он оказался Ходором на полпути вниз по холму, и мертвяк лез ему в глаза. С ревом он поднялся на ноги и отбросил от себя существо. Оно упало на одно колено, начало вставать снова. Бран вытащил

меч Ходора из-за пояса. Глубоко внутри мальчик слышал, как жалобно скулит в нем бедный Ходор, но снаружи оставался семью футами ярости со старым железом в руке. Он замахнулся и обрушил меч на мертвеца, лезвие с чавкающим звуком вошло в мокрую шерстяную ткань, ржавую кольчугу и сгнившую кожу, врезаясь под ними в плоть и кости.

— ХОДОР! — зарычал он и рубанул опять.

На этот раз голова мертвяка слетела с шеи, и на одну секунду он возликовал... пока пара мертвых рук не потянулась слепо к его горлу.

Бран отступил, истекая кровью,

но Мира Рид оказалась рядом, лягушачье копье вошло глубоко в спину существа.

— Ходор, — снова заорал Бран и помахал сверху ей рукой, — *ходор, ходор!*

Жойен слабо шевелился там, где она опустила его на землю. Бран подошел к нему, выронил меч и, взяв мальчика на руки Ходора, неловко встал на ноги.

— ХОДОР! — проревел он.

Мира повела их вверх по холму, отталкивая копьем мертвяков, когда они подходили ближе. Существа не чувствовали боли, но были медлительными и неуклюжими. "Ходор, ходор, ходор", — повторял

Ходор при каждом шаге. Он задался вопросом, что подумала бы Мира, скажи он неожиданно, что любит ее.

На снегу над ними танцевали объятые пламенем фигуры.

Мертвяки, понял Бран. Кто-то поджег мертвяков.

Лето рычал и щелкал зубами, танцуя вокруг ближайшего — горящими останками того, что когда-то было крупным мужчиной. *Он не должен подходить так близко. Что он делает?* Затем он увидел себя, растянувшегося на снегу лицом вниз. Лето пытался отогнать от него это существо. *Что будет, если он убьет меня, задумался мальчик. Останусь ли я Ходором навечно? Вернусь ли в*

шкуру Лето? Или я просто умру?

Мир закружился перед его глазами. Белые деревья, черное небо, красный огонь — все вертелось, сдвигалось, путалось. Он почувствовал, что споткнулся, и услышал, как Ходор кричит:

— Ходор ходор ходор ходор!
Ходор ходор ходор ходор! Ходор ходор
ходор ходор!

Туча воронов вылетела из пещеры, и он увидел девочку, размахивающую факелом. На мгновение Бран подумал, что это его сестра Арья... безумие, он же знал, что сестра за тысячи лиг отсюда или мертва. Но вот она — худая, оборванная, дикая, с растрепанными

волосами. Слезы выступили на глазах Ходора, замерзая в лед.

Все вокруг вывернулось наизнанку, и Бран снова очутился в своем теле, наполовину погребенный в снег. Горящий мертвяк навис над ним, заслоняя собой деревья в снежных саванах. Это был один из голых, увидел Бран за мгновение до того, как с ближайшего дерева упал снег и накрыл его с головой.

Бран пришел в себя, лежа на куче сосновых иголок под каменным сводом. *Пещера. Я в пещере.* Он чувствовал вкус крови во рту, но рядом горел костер, тепло разливалось по его лицу, и он еще никогда не чувствовал себя лучше.

Рядом был Лето, обнюхивающий его, и Ходор, с которого капал тающий снег. Мира держала голову Жойена на коленях. И Арья стояла над ними, сжимая факел.

— Снег, — сказал Бран. — Он упал на меня. Похоронил меня.

— Спрятал тебя. Я тебя вытащила. — Мира кивнула в сторону девочки. — Хотя это она спасла нас. Факел... огонь убивает их.

— Огонь *сжигает* их. Огонь всегда голоден.

Это был голос не Арьи, не детский голос. Это был голос женщины, высокий и мелодичный, со странной музыкой, не похожей ни на

что, слышанное им, и с грустью, разбивающей ему сердце. Бран прищурился, чтобы разглядеть ее получше. Это *была* девочка, но меньше Арьи, с пятнистой кожей, как у лани, стоящей под покровом листвы. У нее были необычные глаза — большие и блестящие, зеленые с золотом, с узким кошачьим зрачком. *Ни у кого не бывает таких глаз.* Каштановые, с красновато-золотистым отливом волосы были цвета осени, с вплетенными в них лианами, веточками и увядшими цветами.

— Кто ты? — спросила Мира Рид.

Бран понял:

— Дитя. Дитя Леса.

Он вздрогнул, скорее от изумления, чем от холода. Они очутились в одной из сказок Старой Нэн.

— Первые Люди называли нас детьми, — пояснила маленькая женщина. — Великаны называли нас *вох дак наг гран* — беличий народец, потому что мы были маленькими, быстрыми и любили деревья. Но мы не белки и не дети. На истинном языке имя нашего народа означает: *те, кто поют песнь земли*. К тому времени, как было произнесено первое слово на вашем древнем языке, мы пели наши песни уже десять тысяч лет.

— Но сейчас ты говоришь на общем, — заметила Мира.

— Для него. Для мальчика Брана. Я родилась во времена драконов, двести лет я ходила по миру людей, смотрела, слушала и училась. Я могла бы продолжать ходить, но мои ноги болят и мое сердце устало, поэтому я вернулась домой.

— Двести лет? — спросила Мира.

Дитя Леса улыбнулась:

— Люди — вот настоящие дети.

— У тебя есть имя? — спросил Бран.

— Когда оно мне нужно, — она махнула факелом в сторону

расщелины в черной стене пещеры. — Наш путь лежит вниз. Вы должны идти со мной.

Бран вздрогнул опять:

— Странник...

— Он не может идти с нами.

— Но они убьют его.

— Нет. Они давно убили его.

Идемте. Там внизу теплее, и ничто не будет вам угрожать. Вас ожидают.

— Трехглазая ворона? — спросила Мира.

— Видящий сквозь зелень, — с этими словами она пошла вглубь, и им оставалось только следовать за ней.

Мира помогла Брану забраться на спину Ходору, хотя его корзина

была наполовину сломана и промокла от талого снега. Затем Мира подставила плечо брату и помогла ему встать на ноги. Он открыл глаза:

— Что? — бормотал он. — Мира? Где мы? — затем увидел огонь и улыбнулся. — Я видел очень странный сон.

Узкий извилистый проход был таким низким, что Ходору скоро пришлось пригнуться. Бран вжался в корзину, но вскоре все равно начал задевать и биться затылком о потолок. Сверху ему на волосы и глаза сыпалась грязь, а как-то раз он врезался лбом в толстый белый корень, растущий из стены тоннеля.

С корня свисали усики, оплетенные паутиной.

Дитя Леса шла перед ними с факелом в руке. Плащ из листьев шуршал за ее спиной, но проход так сильно петлял, что Бран скоро потерял девочку из виду. Только отблески факела на стенах тоннеля теперь освещали дорогу. Когда они спустились еще ниже, пещера разделилась, но в левом ответвлении царила непроглядная тьма, и даже Ходор догадался идти направо, за факелом.

Из-за бегущих теней казалось, что стены тоже шевелятся. Бран увидел огромных белых змей, выползающих из земли, и его сердце

заколотилось от ужаса. Ему показалось, что они забрели по ошибке в гнездо молочных змей или гигантских могильных червей — бледных, рыхлых и мягких. У *могильных червей есть зубы.*

Ходор тоже увидел их.

— Ходор, — захныкал он, не желая идти дальше.

Но девочка остановилась, чтобы они смогли ее догнать, и в неподвижном свете факела Бран понял: змеи были всего лишь белыми корнями, вроде того, о который он ударился головой.

— Это корни чардрев, — сказал он. — Помнишь сердце-древо в богороще, Ходор? Белое дерево с

красными листьями? Дерево не может причинить тебе вред.

— Ходор, — Ходор устремился вперед вслед за их провожатой и ее факелом, в глубины земли.

Они прошли еще развилку, затем еще одну, после чего оказались в гулкой пещере — огромной, как главный чертог Винтерфелла. Каменные зубы свисали с потолка, еще больше их росло из пола пещеры. Дитя Леса в своем лиственном плаще легко находила между ними тропинку. Время от времени она останавливалась и нетерпеливо махала факелом. *Сюда, словно говорило пламя, сюда, сюда, быстрее.*

Там было еще множество проходов и каменных чертогов, и Бран слышал, как где-то справа от него капает вода. Когда он обернулся посмотреть в ту сторону, то встретил взгляд чужих глаз. Глаза с вертикальными зрачками ярко блестели, отражая свет факела. *Дети Леса*, сказал себе Бран, *девочка не единственная*. Но вместе с этим ему вспомнилась сказка Старой Нэн о детях Генделя.

Корни были повсюду: изгибаясь, они проникали через землю и камни, закрывали одни проходы и поддерживали своды других. *Все цвета исчезли*, внезапно понял Бран. Мир состоял из черной земли и

белых корней. У сердца-древа в Винтерфелле были корни толщиной с ногу великана, но здесь встречались корни даже толще. И Бран никогда не видел их в таком количестве. *Наверное, над нами растет целая роща чардрев.*

Свет снова исчез. Маленькая девочка, которая вовсе не была девочкой, могла двигаться очень быстро. Ходор поспешил за ней, но что-то хрустнуло у него под ногами. Он остановился так резко, что Мира с Жойеном чуть не врезались в него.

— Кости, — сказал Бран. — Это кости.

Земля была усыпана костями птиц и животных. Но были и другие:

крупные, которые могли принадлежать великанам, и небольшие, которые могли быть костями детей. По обе стороны, из высеченных в каменных стенах ниш на них смотрели черепа. Бран заметил черепа медведя и волка, полдюжины человеческих и столько же — великаньих. Все остальные были маленькими, необычной формы. *Дети Леса*. Корни росли прямо из черепов и оплетали все вокруг. На некоторых сидели вороны, следившие за проходящими людьми блестящими черными глазками.

Конечная часть их долгого пути во тьме была самой крутой. Последний спуск Ходор проехал на

заднице, скользя и налетая на сломанные кости, грязь и камни. Девочка ждала их внизу, у края естественного моста над зияющей бездной. Бран слышал, как внизу бежит вода. *Подземная река.*

— Нам надо перейти на ту сторону? — спросил Бран, когда Риды съехали вниз позади него.

Мысль об этом пугала его. Если Ходор поскользнется на узком мосту, они будут падать очень долго.

— Нет, мальчик, — сказала Дитя. — Обернись.

Она подняла факел повыше, и свет как будто сдвинулся и изменился. Мгновение огонь был красно-оранжевым, заполняя пещеру

румяным свечением, но затем цвета поблекли, оставив лишь черный и белый. Позади ахнула Мира. Ходор повернулся.

Бледный лорд в черных как смоль одеяниях сидел на сплетенном чардревами троне, в гнезде из корней, что обнимали его усохшие члены, словно мать — младенца.

Его тело напоминало скелет, а одежда настолько истлела, что сначала Бран принял его за еще один труп, так долго пролежавший здесь, что корни проросли над ним, под ним и сквозь него. Кожа мертвого лорда была белой, за исключением кроваво-красного родимого пятна, тянувшегося от щеки к шее. Его

белые волосы были тонкими, как корневые волоски, и такими длинными, что касались земли. Корни обвилились вокруг ног, подобно древесным змеям. Один зарылся сквозь остатки ткани в сухую плоть бедра и выходил из плеча. Побег темно-красных листьев росли из черепа, лоб покрывали серые грибы. Кожи оставалось немного, она обтягивала его лицо, тугая и жесткая, словно белая замша, и то тут, то там проглядывали желто-коричневые кости.

— Вы трехглазая ворона? — услышал свой голос Бран.

У трехглазой вороны должно быть три глаза. А у него только

один, и тот — красный. Бран ощутил, как этот глаз уставился на него — кровавый омут, блестящий в свете факела. На месте второго из пустой глазницы рос тонкий белый корень, спускаясь по щеке к шее.

— В... ворона? — голос бледного лорда был бесстрастен. Губы двигались медленно, будто позабыв, как складывать слова. — Да, когда-то. Черный наряд и черная кровь. — Его одежда истлела и прохудилась, покрытая мхом и изъеденная червями, но когда-то она была черной. — Я был многими, Бран. Теперь я стал таким, как ты меня видишь, и теперь ты понимаешь, почему я не мог прийти

к тебе... кроме как во сне. Я долго наблюдал за тобой, наблюдал тысячей глаз и одним. Я видел твоё рождение, а до этого — рождение твоего лорда-отца. Я видел твой первый шаг, слышал твоё первое слово, был в твоём первом сне. Я смотрел, как ты упал. А теперь ты, наконец, пришел ко мне, Брандон Старк, хотя уже поздно.

— Я здесь, — сказал Бран, — только я сломанный. Вы... вы исцелите меня... то есть мои ноги?

— Нет, — сказал бледный лорд. — Это не в моей власти.

Глаза Брана наполнились слезами. *Мы проделали такой длинный путь.* В пещере отдавался

эхом шум черной реки.

— Ты никогда не будешь ходить
снова, Бран. Но ты будешь летать, —
пообещали бледные губы.

15. ТИРИОН

Долгое время он не шевелился, лежа неподвижно на куче старых мешков, служивших ему постелью, прислушиваясь к ветру в снастях и плеску реки о корпус судна.

Полная луна плыла над мачтой. *Она следует за мной вниз по реке, наблюдая своим огромным глазом.* Несмотря на теплоту затхлых кож, которыми он укрылся, карлика била дрожь. *Мне нужна чаша с вином. Дюжина чаш вина.* Но скорее луна начнёт подмигивать, чем этот сукин сын Гриф позволит ему утолить жажду. Вместо этого он пил воду, что

обрекало его на бессонные ночи и дни в поту и ознобе.

Карлик сел, сжимая голову руками. *Я спал?* Подробности сна уже улетучились. Ночи никогда не были добры к Тириону Ланнистеру. Ему всегда плохо спалось, даже на мягких перинах. Он устроил себе постель на крыше каюты "Робкой девы", используя вместо подушки бухту пеньковой веревки. Здесь ему нравилось больше, чем в тесном корабельном трюме: воздух был свежее, а речные звуки куда приятнее, чем храп Утки. Но за удовольствия пришлось платить — палуба была жесткой, и когда он просыпался, его тело ныло и не

сгибалось, а ноги затекали и болели.

Сейчас они пульсировали, а икры стали твердыми, как дерево. Он размял их пальцами, попытавшись унять боль, но когда встал, она все еще ощущалась, заставив его измениться в лице. *Мне нужна ванна.* Его детская одежда воняла, да и он тоже. Другие купались в реке, но Тирион пока не решался присоединиться к ним: некоторые черепахи, которых он видел на мелководье, выглядели достаточно большими, чтобы перекусить его пополам. *Костоломы*, называл их Утка. Кроме того, карлик не хотел, чтобы Лемора видела его голым.

Деревянная

лестница

спускалась с крыши каюты. Тирион натянул сапоги и слез на палубу, где возле жаровни расположился Гриф, укутанный в свой плащ из шкуры волка. Наемник сам нес ночную вахту, принимая ее, когда команда ложилась спать, и отдыхая после восхода солнца.

Тирион присел напротив и стал греть руки над углями. Над рекой пели соловьи.

— Скоро день, — сказал он Грифу.

— Недостаточно скоро. Нам нужно продолжать путь.

Если бы это зависело от Грифа — "Робкая Дева" спускалась бы вниз по течению и ночью. Но Яндри и

Исилла отказывались рисковать лодкой и плыть в темноте. Верхняя Ройна была полна коряг, застрявших под водой, каждая из которых могла распороть корпус лодки. Но Гриф не желал ничего знать. Все, что занимало его мысли — как бы побыстрее добраться в Волантис.

Взгляд наемника постоянно перемещался, выискивая в ночи... что? *Пиратов? Каменных людей? Ловцов рабов?* Карлик осознавал, что на реке их подстерегало много опасностей, но Гриф казался Тириону самой грозной из них. Он напоминал ему Бронна, однако тот обладал черным юмором наемника, а вот у Грифа чувство юмора

отсутствовало напрочь.

— Я готов убить за чашу вина, — пробормотал Тирион.

Гриф не ответил. *Ты умрешь прежде, чем доберешься до вина,* казалось, говорили его бледные глаза. Тирион напился до потери сознания в первую ночь на "Робкой деве". На следующий день он чувствовал себя так, словно драконы дрались у него в голове. Гриф увидел, как его рвало через борт, и сказал: "Больше ты пить не будешь".

"Но вино помогает заснуть," — возразил ему тогда Тирион. *Вернее, вино спасает от снов.*

"Тогда бодрствуй," — ответил неумолимый Гриф.

На востоке первые солнечные лучи заливали небо над рекой. Воды Ройны медленно превращались из черных в синие, под цвет волос и бороды наемника. Гриф поднялся на ноги:

— Остальные скоро проснутся. Палуба твоя.

Соловьи умолкли, запели речные жаворонки. В тростниках и на отмелях показались белые цапли. В небе засияли облака: розовые и фиолетовые, коричневые и золотые, жемчужные и шафранные. Одно облако напоминало дракона. Кто — то однажды написал: "Если человеку довелось увидеть летящего дракона, пусть остается дома и мирно

возделывает свой сад, ведь во всем мире нет большего чуда." Тирион почесал шрам и попытался припомнить автора. В последнее время драконы часто занимали его мысли.

— Доброе утро, Хугор, — септа Лемора вышла на палубу. Ее белое одеяние было перехвачено вокруг талии поясом, сотканном из тканей семи разных цветов. Распущенные волосы свободно спадали на плечи. — Как спалось?

— Урывками, милая леди. Вы снова снились мне.

Сон наяву. Он не мог уснуть, поэтому расслаблялся, запуская руку между бедер и представляя себе, как

септа скачет на нем, а ее большие груди подпрыгивают в такт.

— Не сомневаюсь, что это был порочный сон. Вы порочный человек. Не хотите помолиться со мной и попросить искупления грехов?

Только если молиться мы будем так, как это делают на Летних Островах.

— Нет, но передайте Деве от меня долгий сладкий поцелуй.

Смеясь, септа прошла на нос лодки, чтобы исполнить свой ежедневный ритуал — утреннее купание в реке.

— Определенно, эту посудину назвали не в вашу честь, — крикнул Тирион, когда она скинула одежды.

— Мать и Отец создали нас по своему подобию, Хугор. Мы должны гордиться своим телом, потому что оно сотворено богами.

Боги, наверное, были пьяны, когда занимались моим телом. Карлик смотрел, как септа Лемора скользнула в воду. Зрелище всегда возбуждало его. В этом было что-то восхитительно порочное — представлять, каково было бы стянуть с септы белые тряпки и раздвинуть ей ноги. *Лишить невинности.* Хотя Лемора была далеко не так невинна, как казалась. Подобные растяжки на ее животе могли появиться лишь после родов.

Яндри и Исилла встали с

первыми лучами солнца и уже занимались своими делами. Яндри проверял оснастку и время от времени бросал взгляды в сторону септы Леморы. Его маленькая смуглая жена не обращала на это внимания. Она подбросила щепок в жаровню на задней палубе, поворошила угли почерневшим клинком и начала месить тесто для утренних лепешек.

Лемора вскарабкалась на палубу, и Тирион наслаждался, глядя, как вода стекает между ее грудей, а гладкая кожа сверкает золотом в утренних лучах. Ей было за сорок, скорее милая, чем красивая, но все еще сохранившая привлекательность.

Вожделеть почти так же хорошо, как и пить, решил он. Это заставляло его чувствовать себя живым.

— Видел черепаху, Хугор? — спросила септа, выжимая волосы. — Большую рубчатую?

Лучше всего было наблюдать за черепахами рано утром. В середине дня они опускались на глубину или прятались в ямах вдоль берега, но когда солнце только начинало подниматься, они выплывали на поверхность. Некоторым нравилось плыть рядом с лодкой. Тирион успел мельком увидеть с дюжину различных видов: больших и маленьких, с плоскими спинами и мягкими панцирями, красноухих и

зубчатых, коричневых, зеленых, черных, когтистых и рогатых; черепах, чьи ребристые узорчатые панцири были покрыты золотыми, яшмовыми и кремовыми разводами. Некоторые были настолько велики, что могли бы нести человека на своих спинах. Яндри клялся, что ройнарская принцесса имела обыкновение переправляться на них через реку. Он и его жена были с берегов Зеленокровки — пара дорнийских сирот, вернувшихся к Матери Ройне.

— Рубчатую я пропустил.

Я разглядывал голую женищину.

— Бедняжка, — Лемора натянула тунику через голову, — я

знаю, ты встаешь так рано в надежде увидеть черепах.

— Я также люблюсь восходом солнца.

Это всё равно что смотреть на деву, встающую голышом из ванны. Одни могут быть симпатичнее других, но все в равной степени полны обещаний.

— Черепахи тоже преисполнены собственного очарования, должен признать. Ничто не доставляет мне большего удовольствия, чем вид двух красиво очерченных... панцирей.

Септа Лемора рассмеялась. Как и у всякого пассажира "Робкой девы", у нее были свои секреты. Она словно приглашала раскрыть их. *Я не хочу*

узнавать ее поближе, я просто хочу ее трахнуть. И это ей тоже было известно. Повесив кристалл септы на шею и уложив его в ложбинке между грудей, она дразнила его улыбкой.

Яндри поднял якорь, стянул один из длинных шестов с крыши каюты и оттолкнулся. Две цапли, вытянув головы, наблюдали, как "Робкая Дева" отплыла от берега, выходя на середину потока. Лодка медленно заскользила вниз по течению. Яндри перешел к румпелю, Исилла переворачивала лепешки. Она поставила железную сковороду на жаровню и выложила на нее бекон. Иногда она готовила лепешки и бекон, в другие дни — бекон и

лепешки. Раз в две недели была рыба, но не сегодня.

Пока Исилла отвернулась, Тирион стащил из жаровни лепешку, метнувшись прочь как раз вовремя, чтобы избежать встречи с ее грозной деревянной ложкой. Лучше всего было есть лепешки горячими, обмакивая в масло и мед. Запах жарящегося бекона вскоре выманил из трюма Утку. Он понюхал жаровню, схлопотал от Исиллы ложкой и пошел на корму пустить утреннюю струю.

Тирион проковылял вслед за ним.

— Вот на что стоит посмотреть, — съязвил он, когда они

опорожняли свои мочевые пузыри, — карлик и утка, преумножающие силу могучей Ройны.

Яндри захрюкал от смеха:

— Матери Ройне не нужна твоя жидкость, Йолло. Она и так величайшая река в мире.

Тирион стряхнул последние капли:

— Достаточно великая, чтобы утопить карлика, в этом я согласен. Однако Мандер такой же ширины, равно как и устье Трезубца. А Черноводная даже глубже.

— Ты не знаешь эту реку. Вот подожди и увидишь.

Бекон покрылся хрустящей корочкой, а лепешки приобрели

золотисто-коричневый цвет. Юный Гриф, зевая, вышел на палубу.

— Всем доброе утро.

Парень был ниже Утки, но его долговязое сложение говорило, что он еще вытянется. *Этот безбородый юнец мог бы заполучить любую девку в Семи Королевствах, с синими волосами или без них. Они бы таяли под его взглядом.* У Юного Грифа были голубые глаза, как и у отца, но если у того они почти бесцветные, то у мальчишки — темные. При свете лампы они становились черными, а на закате казались фиолетовыми. Ресницы же были длинными, как у девушки.

— Чую запах бекона, — объявил

юноша, натягивая ботинки.

— Хороший бекон, — сказала Исилла. — Садись.

Она кормила их на корме: навязывала Юному Грифу лепешки с медом и лупила Утку ложкой по рукам всякий раз, когда тот хотел загрести побольше бекона. Тирион взял две лепешки, положил между ними кусок бекона и отнес Яндри, стоящему у румпеля. Затем помог Утке установить большой треугольный парус "Робкой Девы". Яндри вывел их на середину реки, где течение было сильнее. "Робкая Дева" оказалась прекрасным судном. С неглубокой посадкой, она могла продолжать свой путь даже по самым

маленьким речным притокам и преодолевать песчаные отмели, на которые сели бы суда большего размера. С поднятыми парусами и при хорошем течении, лодка могла развивать порядочную скорость. Яндри уверял, что это вопрос жизни и смерти в верхнем течении Ройны.

— Вверх от Печалей нет законов уже тысячи лет.

— И людей, как я погляжу. — Он видел какие-то руины на берегах реки, груды камней, заросшие лозой, мхом и цветами, но никаких признаков человеческого жилья.

— Ты не знаешь реки, Йолло. В любой излучине могут скрываться пиратские лодки, а среди развалин —

прятаться беглые рабы. Их ловцы редко заходят так далеко на север.

— Ловцы рабов были бы приятной заменой черепахам.

Не будучи беглым рабом, Тирион не боялся быть пойманным. И ни один пират не стал бы утруждаться и захватывать лодку, движущуюся вниз по течению — ценные товары из Волантиса везли в противоположную сторону.

Когда с беконом было покончено, Утка толкнул Юного Грифа в плечо:

— Пора набивать синяки. Думаю, сегодня будем сражаться на мечах.

— На мечах? — ухмыльнулся

Юный Гриф. — Что ж, это будет забавно.

Тирион помог ему одеться в толстые штаны, подбитый дублет и старые помятые стальные латы. Сир Ролли облачился в свою кольчугу и броню из вареной кожи. Оба надели шлемы и взяли тупые мечи из сундука с оружием. Они расположились на корме, нетерпеливо поглядывая друг на друга, а остальная компания собралась поглазеть.

Когда они бились на деревянных или тупых топорах, большой вес и сила сира Ролли давали ему преимущество, но с мечами шансы уравнивались. Никто из них сегодня

не взял щит — это была игра в нападение и защиту, передвижение взад-вперед по палубе. Юный Гриф наносил больше ударов, хотя удары Утки были мощнее. В конце концов здоровяк начал уставать. Его удары стали медленнее и без размаха. Юный Гриф отразил их все и предпринял яростную атаку, заставившую сира Ролли отступить. Когда они достигли бортика, парень сцепил их клинки и так толкнул Утку плечом, что здоровяк полетел в реку.

Он вынырнул фыркая, бранясь и вопя, чтобы кто-нибудь вытащил его обратно, пока рыбы не сожрали его причиндалы. Тирион бросил ему веревку.

— Утка должна уметь плавать получше, — заявил он, пока они вместе с Яндри затаскивали рыцаря на борт "Робкой Девы".

— А ну-ка посмотрим как плавают карлики, — ответил на это сир Ролли, сгреб Тириона за воротник и толкнул вниз головой в Ройну.

Но посмеяться над карликом не удалось: он умел грести довольно сносно и делал это... пока ноги не начало сводить судорогой. Юный Гриф протянул ему шест.

— Ты не первый, кто пытается меня утопить, — сказал Тирион Утке, выливая речную воду из сапога. — Отец бросил меня в

колодец в день, когда я родился, но я был так уродлив, что водяная ведьма, жившая в глубине, выплюнула меня обратно. — Он стянул другой сапог и прошелся колесом по палубе, обрызгав всех сидящих.

Юный Гриф засмеялся.

— Где ты этому научился?

— Лицедеи научили меня, — соврал он. — Моя мать любила меня больше остальных своих детей, потому что я был таким маленьким. Она кормила меня грудью до семи лет. Братья ревновали, и поэтому засунули меня в мешок и продали бродячей труппе. Когда я попытался сбежать, хозяин труппы отрезал мне половину носа, так что у меня не

осталось иного выбора, кроме как пойти с ними и учиться быть забавным.

Правда была несколько иной. Дядя немного учил его акробатике, когда ему было шесть или семь лет. Тирион с усердием отдавался этому занятию. Полгода он весело прокладывал путь кульбитами по Утесу Кастерли, вызывая улыбки на лицах септонов, оруженосцев и слуг. Даже Серсея, увидев его, пару раз посмеялась.

Все это внезапно закончилось в день возвращения отца из Королевской Гавани. В тот вечер за ужином Тирион удивил своего родителя, пройдясь на руках по всей

длине стола. Лорд Тайвин не обрадовался: "Боги создали тебя карликом. Неужели нужно быть еще и шутом? Ты был рожден львом, а не обезьяной."

А ты труп, отец, так что я буду скакать, как мне нравится.

— У тебя дар заставлять людей смеяться, — сказала Тириону септа Лемора, пока он сушил ноги. — Ты должен быть благодарен за это Небесному Отцу. Он одаривает всех своих детей.

— Действительно, — любезно согласился он.

А когда я умру, пожалуйста, пусть меня похоронят с арбалетом, чтобы я мог отблагодарить

Небесного Отца за его дары так же, как отблагодарил отца земного.

После неожиданного купания с его одежды капала вода, и она неприятно липла к рукам и ногам. Пока Юный Гриф удалился с септой Леморой постигать таинства Веры, Тирион сбросил мокрые вещи и надел сухие. Утка громко расхохотался, когда он снова появился на палубе. И Тирион не мог его винить. В этой одежде он являл миру забавное зрелище. Дублет был сшит из двух половинок: левая часть — из пурпурного бархата с бронзовыми заклепками, правая — из желтой шерсти с вышитым зеленым цветочным узором. Его

бриджи сделали таким же образом: правая штанина зеленая, левая — в красную и белую полосу. Один из сундуков Иллирио был набит детской одеждой, старомодной, но добротной. Септа Лемора распорола ее и сшила заново, смешав части от разных костюмов и превратив их в нелепый шутовской наряд. Гриф даже настоял, чтобы Тирион помогал с распарыванием и шитьем. Не было сомнений, что это делалось с целью его унижить, но Тирион наслаждался процессом — компания Леморы была приятной, несмотря на ее склонность ругать его каждый раз, когда он грубо отзывался о богах. *Если Гриф хочет сделать из меня*

шута, что ж, я поддерживу игру. Мысль о том, что Тайвин Ланнистер, где бы он сейчас ни находился, бесится от ярости, смягчала его обиду.

Вторая его обязанность была еще более дурацкой. *У Утки меч, у меня — чернила и пергамент.* Гриф приказал ему записать все, что он знал из драконологии. Невероятно трудная задача, но карлик корпел над ней ежедневно, сидя скрестив ноги на крыше каюты и старательно скрипя пером.

За прошедшие годы Тирион многое узнал о драконах. Большая часть этих сведений была почерпнута из пустых слухов, и на них не стоило

полагаться, а книги, предоставленные Иллирио, были не из тех, о которых стоило мечтать. Чего ему действительно недоставало, так это полного текста "Пожаров Свободных Земель" — история Валирии, написанная Галендро. Однако во всем Вестеросе не было ни одной полной копии, и даже в Цитадели не хватало двадцати семи свитков. *У них определенно должна быть библиотека в Старом Волантисе. Возможно, я найду более полную версию там, если мне удастся проникнуть за Черные Стены в сердце города.*

Меньше надежд он питал в отношении книги септона Барта

"Драконы, Змии, Виверны: их чудовищная история". Барт был сыном кузнеца, доросшим до звания королевского Десницы в период правления Джейехериса Миротворца. Враги всегда обвиняли его в том, что он был больше колдуном, чем септоном. Бэйлор Благословенный, взойдя на Железный Трон, приказал уничтожить все рукописи Барта. Десять лет назад Тириону удалось прочесть отрывок из "Чудовищной истории", ускользнувший от Благословенного Бэйлора, но он сомневался, что какой-то из книг удалось пересечь Узкое море. И, конечно, меньше всего надежды было найти неполный, анонимный,

пропитанный кровью том, иногда называемый "Кровь и огонь", а иногда — "Смерть драконов", единственная сохранившаяся копия которого была, как полагали, спрятана в запертых подвалах Цитадели.

Когда зевающий Полумейстер вышел на палубу, карлик как раз записывал то, что мог вспомнить об особенностях размножения драконов — мнения Барта, Мункуна и Томакса по этому вопросу заметно расходились. Халдон направился на корму помочиться на солнце, мерцающее в воде и распадающееся на части при каждом дуновении ветерка.

— Мы доберемся до слияния с Нойном к вечеру, Йолло, — крикнул Полумейстер.

Тирион оторвал взляд от письма.

— Мое имя — Хугор. Йолло прячется в моих штанах. Выпустить его поиграть?

— Не стоит. Ты можешь перепугать черепах, — улыбка Халдона была колкой, как острие кинжала. — Как, ты сказал, называлась та улица в Ланниспорте, на которой ты родился, Йолло?

— Это был переулок. И у него не было названия.

Тирион получал пьянящее удовольствие, придумывая детали из красочной жизни Хугора Хилла,

также известного как Йолло, бастарда Ланниспорта. *Лучшая ложь та, что приправлена щепоткой правды.* Карлик знал, что акцент выдавал в нем уроженца западных земель, да еще и знатного происхождения, поэтому Хугору следовало быть незаконнорожденным сыном лорда. Родом из Ланниспорта, потому что он знал его лучше, чем Старомест или Королевскую Гавань. И в городах же большинство карликов заканчивали свои дни, даже те, кем доборопорядочные деревенские простушки оценились на реповых грядках... В деревнях нет шоу уродцев или цирковых трупп... но

зато там достаточно колодцев, чтобы поглотить нежелательных котят, трехголовых телят или детей, подобных ему.

— Я смотрю, ты опять извел хороший пергамент, Йолло, — заявил Халдон, зашнуровав штаны.

— Не все из нас способны стать полумейстерами, — руку Тириона сводило судорогами. Он отложил перо и размял короткие пальцы. — Как насчет еще одной партии в кайвассу? — Полумейстер всегда побеждал его, но это был способ скоротать время.

— Сегодня вечером. Присоединишься к нам на занятии Юного Грифа?

— Почему нет? Кто-то же должен исправлять твои ошибки.

На "Робкой деве" было четыре каюты. Яндри и Исилла занимали одну, Гриф и Юный Гриф — другую. Септа Лемора жила в собственной каюте, как и Халдон. Каюта Полумейстера была самой просторной. Вдоль одной из стен располагались книжные полки и стеллажи, заполненные старыми свитками и пергаментом; у другой — стойки с мазями, травами и зельями. Желтое рифленое стекло круглого окна преломляло солнечный свет. Из мебели тут была койка, письменный стол, стул, табурет и игровой столик для кайвассы, с

разбросанными деревянными
резными фигурками.

Урок начался с изучения языков. Юный Гриф свободно владел общим языком, бегло разговаривал на высоком валирийском, знал диалекты Пентоса, Тироша, Мира и Лисса, а также морской жаргон. Волантийский диалект был ему незнаком, как и Тириону, и поэтому они каждый день заучивали по несколько слов, а Халдон исправлял их ошибки. С миэринским было тяжелее: хотя корни были валирийскими, сам язык тесно переплетался с грубым, безобразным говором Старого Гиса.

— Надо засунуть пчелу в нос,

чтобы нормально разговаривать на гискарском, — пожаловался Тирион.

Юный Гриф засмеялся, но Полумейстер лишь произнес:

— Еще раз.

Мальчик послушался, хотя теперь он закатывал глаза при каждом "зззз". *Слух у него лучше, вынужден был признать Тирион, но, держу пари, мой язык подвижнее.*

За языками последовала геометрия. В ней мальчик был менее искусен, но Халдон был терпеливым учителем, и Тирион тоже смог найти себе применение. Он изучал тайны квадратов, окружностей и треугольников у мейстера своего отца в Утесе Кастерли, и воспоминания

вернулись к нему быстрее, чем он мог бы предположить.

Когда они дошли до истории, Юный Гриф начал терять терпение.

— Мы обсуждали историю Волантиса, — сказал ему Халдон. — Можешь рассказать Йолло, в чем разница между тигром и слоном?

— Волантис — старейший из Девяти Вольных Городов, первый отпрыск Валирии, — ответил юноша скучающим тоном. — После Рока волантийцам нравилось считать себя полноправными наследниками Свободных Земель и законными правителями мира, но они разделились во взглядах на то, как лучше достичь господства. Древняя

Кровь склонялась к мечу, а купцы и ростовщики поддерживали торговлю. Когда они начали бороться за власть над городом, соперников стали называть тиграми и слонами соответственно. Тигры продержались у власти почти век после Рока Валирии. Какое-то время им сопутствовал успех. Волантийский флот взял Лисс, волантийская армия захватила Мир, и целых два поколения все три города управлялись из-за Черных Стен. Все рухнуло, когда тигры попробовали захватить Тирош. На его сторону встали Пентос и Штормовой Король из Вестероса. Браавос предоставил лиссенийским изгнанникам сотню

боевых кораблей, Эйегон Таргариен вылетел с Драконьего Камня на Черном ужасе, и Мир с Лиссом подняли восстание. Война опустошила Спорные острова и освободила от гнета Мир и Лисс. Тигры терпели и другие поражения: флот, который они послали, чтобы вернуть себе Валирию, исчез в Дымящемся море, а Квохор и Норвос разбили их войска на Ройне, когда огненные галеры сражались на Кинжальном Озере. С востока приходили дотракийцы, выгоняя бедняков из лачуг, а богачей из поместий, пока на всем пространстве от лесов Квохора до истоков Селхору не остались только

трава и развалины. После века войны Волантис оказался разбитым, обанкротившимся и обескровленным. Именно тогда пришли к власти слоны. Они правят там по сей день. Иногда из числа тигров выбирают триарха, иногда нет, но всегда только одного, так что слоны правят городом вот уже три сотни лет.

— Все верно, — одобрил Халдон. — А кто нынешние триархи?

— Малакво — тигр, Ниессос и Донифос — слоны.

— И какой урок мы можем извлечь из истории Волантиса?

— Если хочешь завоевать мир,

стоит обзавестись драконами.

Тирион не смог удержаться от смеха.

Позже, когда Юный Гриф поднялся на палубу, чтобы помочь Яндри с парусами и мачтами, Халдон подготовил столик для партии в кайвассу. Тирион взглянул на него своими разноцветными глазами и сказал:

— У парня есть способности и ты много ему даешь. Половина лордов в Вестеросе не настолько хорошо образована, к сожалению. Языки, история, песни, арифметика... крепкая смесь для сына какого-то наемника.

— Книга может быть опаснее

меча, если находится в правильных руках, — ответил Халдон. — В этот раз, Йолло, постарайся сражаться лучше. В кайвассу ты играешь так же плохо, как и кувыркаешься.

— Я пытаюсь внушить тебе обманчивое чувство уверенности, — сказал Тирион, когда они расставили фигуры по обеим сторонам резной деревянной доски. — Ты думаешь, что *именно ты* научил меня играть, но вещи — не всегда то, чем кажутся. Может быть, я научился игре у торговца сыром, ты рассматривал такой вариант?

— Иллирио не играет в кайвассу.

Нет, подумал карлик, он играет

в игру престолов, а ты, Гриф и Утка — всего лишь фигурки, которые он передвигает, куда хочет, и которыми при необходимости пожертвует, как он пожертвовал Визерисом.

— Тогда вся ответственность на тебе. Если я играю плохо, это твоя вина.

Полумейстер усмехнулся.

— Йолло, мне будет тебя не хватать, когда пираты перережут тебе глотку.

— Где они, эти знаменитые пираты? Я начинаю думать, что ты и Иллирио их всех придумали.

— Их больше всего на участке реки между Ар Нойем и Печалями.

Вверх от развалин Ар Нойя рекой заправляет Квохорик, а ниже от Печалей реку контролируют галеры Волантиса, однако ни один город не претендует на воды между ними, поэтому пираты забрали их себе. На Кинжальном Озере полно островов, где они прячутся в пещерах и тайных укреплениях. Ты готов?

— К сражению с тобой? Без сомнения. К битве с пиратами? Ну уж нет.

Халдон убрал ширму со стола. Каждый изучал расстановку фигур у другого.

— Ты быстро учишься, — отметил Полумейстер.

Тирион уже почти схватил

своего дракона, но передумал. В прошлой игре он вывел его слишком рано, и тот пал от требушета.

— Если мы встретим этих легендарных пиратов, может быть, я присоединюсь к ним. Я скажу им, что меня зовут Хугор Полумейстер, — он передвинул свою легкую конницу к горам Халдона.

Халдон ответил слоном.

— Хугор Полоумный подошло бы тебе больше.

— Мне нужна только половина моего ума, чтобы быть с тобой на равных. — Тирион передвинул тяжелую конницу, чтобы защитить легкую. — Может быть, ты не прочь сделать ставку на результат?

Полумейстер поднял бровь.

— Сколько?

— У меня нет денег. Мы будем играть на секреты.

— Гриф мне язык отрежет.

— Боишься, да? Я бы на твоём месте боялся.

— В день, когда ты обыграешь меня в кайвассу, у меня черепахи выползут из задницы, — Полумейстер подвинул свои копыя. — Считай, что мы заключили пари, карлик.

Тирион протянул руку к дракону.

Тремя часами позже он вылез на палубу опорожнить мочевой пузырь. Утка помогал Яндри справиться с парусом, пока Исилла держала

штурвал. Солнце низко висело над тростником на западном берегу, а порывистый ветер набрасывался на лодку. *Мне нужен мех с вином*, подумал карлик. Его ноги сводило судорогой от сидения на табурете, а голова так кружилась, что он только чудом не свалился в реку.

— Йолло, — окликнул Утка. — Где Халдон?

— Его уложили в постель с некоторым недомоганием. У него черепахи лезут из задницы.

Он предоставил рыцарю самому разъяснить этот вопрос и вскарабкался по лестнице на крышу каюты. Далеко на востоке мгла собиралась за скалистым островом.

Там, на крыше, его нашла септа Лемора.

— Ты чувствуешь бурю в воздухе, Хугор Хилл? Перед нами Кинжальное Озеро, где рыщут пираты. А за ним — Печали.

Не мои. Свои собственные я таскаю с собой, куда бы ни пошел. Он задумался о Тише и о том, куда отправляются все шлюхи. Почему не в Волантис? Может быть, я найду ее там. Человеку нужно на что-то надеяться. Он подумал о том, что бы ей сказал. Мне жаль, что я позволил им тебя изнасиловать, любимая. Я думал, ты была шлюхой. Найдешь ли ты в своем сердце силы простить меня? Я хочу вернуться в наш домик,

когда мы были мужем и женой.

Остров остался позади. Тирион видел развалины, возвышающиеся вдоль восточного берега: кривые стены и рухнувшие башни, разрушенные своды и ряды сгнивших деревянных колонн, улицы, задохнувшиеся в грязи и заросшие багровым мхом. Еще один мертвый город, в десять раз больше, чем Гойан Дрое. Теперь здесь жили черепахи, огромные костоломы. Карлик видел, как они греются на солнце — коричневые и черные бугры с неровными гребнями, расходящимися от центра панцирей. Некоторые заметили "Робкую Деву" и скользнули в воду, оставляя за

собой рябь. Не очень подходящее место для купания.

Потом, сквозь скрюченные полузатопленные деревья и широкие мокрые улицы, он заметил серебристый блеск солнца на воде. *Еще одна река*, сразу же понял он, *спешит к Ройне*. Руины становились выше, а суша — все уже, пока город не закончился на мысе, где были видны развалины грандиозного дворца из розового и зеленого мрамора. Его обвалившиеся своды и сломанные шпили возвышались над рядом крытых арок. Тирион увидел еще больше черепак, спавших на стапелях там, где когда-то могли стоять в доках полсотни кораблей.

Тогда он понял, где находится.
*Дворец Нимерии и все, что осталось
от Ни Сара, ее города.*

— Йолло, — крикнул Яндри,
когда корабль проплывал мимо
мыса, — Расскажи-ка мне опять о
вестеросских реках, которые так же
велики, как Мать Ройна.

— Я не знал, — отозвался
тот, — ни одна река в Семи
Королевствах не достигает и
половины ширины этой.

Новый приток был вдвое шире
реки, по которой они спускались, и
он один почти не уступал Мандеру
или Трезубцу.

— Это Ни Сар, где Мать
встречает свою Буйную Дочь —

Нойн, — сказал Яндри, — но своей самой широкой точки она достигнет, когда встретится с остальными дочерьми. У Кинжального Озера присоединится Койн, Мрачная Дочка, полная золота и янтаря с Топора и сосновых шишек из лесов Квохора. Южнее Мать встретит Лорулу, Улыбчивую Дочку с Золотых Полей. Там, где они сливаются, когда-то стоял Кроян, праздничный город, где улицы были из воды, а дома — из золота. Затем снова на юг и восток на долгие лиги, пока, в конце концов, не подползет Селору — Застенчивая Дочь, что прячет свои воды в тростниках и заводях. Там Мать Ройна разливается так широко,

что если выплыть на середину реки — не видно берегов. Вот увидишь, мой маленький друг.

Увижу, думал карлик, когда заметил впереди рябь на воде ярдах в шести от лодки. Он уже собирался указать на это Леморе, когда поверхность забурлила и "Робкая Дева" закачалась на волнах.

Это была черепаха, рогатая черепаха гигантских размеров, с темно-зеленым панцирем, испещренным коричневыми крапинками и покрытым водяным мхом и застарелыми черными речными моллюсками. Черепаха подняла голову и издала низкий монотонный рев, громче любого

военного рога, который Тириону когда-либо доводилось слышать.

— Мы благословлены, — в голос зарыдала Ясилла, из ее глаз рекой текли слезы. — Мы благословлены, благословлены!

Утка и Юный Гриф улюлюкали. На палубу выскочил Халдон — выяснить причину всеобщего волнения... но слишком поздно: громадная черепаха исчезла под толщей воды. — Из-за чего весь этот шум? — спросил он.

— Черепаха, — ответил Тирион. — Черепаха больше нашей лодки.

— Это был *он*! — воскликнул Яндри. — Речной Старец.

*Почему бы и нет, ухмыльнулся
Тирион. При рождении королей
всегда происходят чудеса и явления
богов.*

16. ДАВОС

"Веселая повитуха" проскользнула в Белую Гавань с вечерним приливом. Ее залатанный парус колыхался от каждого порыва ветра.

Она была старым рыболовным судном, но даже в молодости никто не называл бы ее красавицей. Носовая фигура изображала смеющуюся женщину, держащую младенца за одну ногу, но щеки женщины и задница младенца рябили червоточинами. Бесчисленные слои тускло-коричневой краски покрывали корпус, паруса были

серыми и изодранными. Это не тот корабль, на который бросишь второй взгляд — разве только подивиться, как он остается на плаву. "Веселую повитуху" здесь хорошо знали — много лет она вела скромную торговлю между Белой Гаванью и Сестрами.

Отправляясь с Саллой и его флотом, Давос не предвидел такого прибытия. Тогда все казалось проще. Вороны не принесли королю Станнису клятву верности из Белой Гавани, так что Его Величество отправил посланника, чтобы договориться с лордом Мандерли лично. Чтобы продемонстрировать силу, Давос должен был прибыть на

борту галеаса Саллы "Валирийка" с остальным лиссенийским флотом за спиной. Корпуса всех кораблей были полосатыми: черный с желтым, розовый с синим, зеленый с белым, фиолетовый с золотым. Лиссенийцы любили яркие цвета, а Салладор Саан — самые яркие. *Салладор Великолепный*, подумал Давос, *но шторма положили конец всему.*

Вместо этого он проник в город тайно, как сделал бы двадцать лет назад. Пока он не знал, как здесь обстоят дела, было благоразумнее представляться простым моряком, а не лордом.

Белокаменные стены Белой Гавани выросли перед ним на

восточном берегу, где Белый Нож
впадал в залив. За шесть лет, что
Давос здесь не был, городская
оборона частично усилилась. Пирс,
разделявший внутреннюю и
внешнюю гавани, укрепили
каменной стеной высотой в тридцать
футов и длиной почти в милю, с
башнями через каждые сто ярдов. С
Тюленьей Скалы, где раньше были
одни развалины, тоже поднимался
дым. *Это хороший знак. Или плохой.*
В зависимости от того, чью
сторону выберет лорд Виман.

Давос всегда любил этот город
— с тех пор как впервые прибыл
сюда юнгой на "Пятнистой кошке".
Хоть и маленький по сравнению со

Староместом и Королевской гаванью, он был чистым и удобно устроенным, с широкими прямыми мощеными улицами, по которым легко найти дорогу. Дома здесь строили из беленого камня, а крыши с высокими скатами покрывали темно-серым сланцем. Роро Ухорис, старый и вздорный капитан "Пятнистой кошки", всегда утверждал, что он может отличить один порт от другого по запаху. "Города похожи на женщин, — утверждал он, — у каждого есть собственный особый запах". Старомест благоухал цветами, как надушенная вдова. Ланниспорт был дояркой, свежей и грубоватой, с

запахом древесного дыма в волосах. Королевская Гавань воняла, как немытая шлюха. А запах Белой Гавани был острым, соленым и немного рыбным. "Она пахнет так, как должна пахнуть русалка, — говорил Роро. — Она пахнет морем".

По-прежнему пахнет, подумал Давос, но он учуял и торфяной дым, тянущийся с Тюленьей Скалы. Морская глыба возвышалась над подходами к внешней гавани, огромный серо-зеленый выступ поднимался над водой на пятьдесят футов. Его вершину венчало кольцо покатых камней — круглый форт Первых Людей, который сотни лет стоял пустым и заброшенным. Но

сейчас он уже не был заброшен. Давос видел за камнями баллисты и огненные катапульты, в щели между камнями выглядывали арбалетчики. *Там, должно быть, холодно и сыро.* Во все прошлые приезды он видел тюленей, гревшихся внизу на обломках скал. Слепой Бастард заставлял его считать их всякий раз, когда "Пятнистая кошка" уходила из Белой Гавани. "Чем больше тюленей, — говорил Роро, — тем счастливей будет плаванье". Сейчас тюленей не было, их распугали дым и солдаты. *Мудрый человек увидел бы в этом предостережение. Будь у меня хоть крупица разума, я бы уплыл с Саллой.* Он мог бы вернуться

на юг, к Марии и сыновьям. Я потерял четырех сыновей на службе у короля, а пятый теперь его оруженосец. Я имею право позаботиться о мальчиках, которые у меня еще остались. Я так давно их не видел.

В Восточном Дозоре черные братья говорили ему, что между Мандерли из Белой Гавани и Болтонами из Дредфорта не было особой любви. А Железный Трон назначил Русе Болтона Хранителем Севера, так что у Вимана Мандерли имелись причины поддержать Станниса. Белая Гавань не выстоит в одиночку. Городу нужен союзник, защитник. Лорд Виман нуждается в

Станнисе так же, как Станнис
нуждается в нем. Во всяком случае,
так это выглядело из Восточного
Дозора.

Сестрин разрушил эти надежды.
Если лорд Боррелл не солгал, если
Мандерли собирались объединить
свои силы с Болтонами и Фреями...
нет, он не будет думать об этом. Он
скоро узнает правду. Он молился,
чтобы не пришел слишком поздно.

Стена пирса скрывает
внутреннюю гавань, понял он, когда
"Веселая повитуха" спустила парус.
Внешняя гавань была больше, но
внутренняя располагала лучшей
стоянкой, укрытой с одной стороны
городской стеной, а с другой —

высившейся громадой Волчьего Логова. Теперь ее защищала еще и стена пирса. В Восточном Дозоре-у-Моря Коттер Пайк говорил Давосу, что лорд Виман строит боевые галеры. За этими стенами могли прятаться два десятка кораблей, ждущих команды выйти в море.

За толстыми белыми стенами на холме гордо возвышался светлый Новый Замок. Давос видел куполообразную крышу Снежной Септы, окруженную высокими статуями Семерых: Мандерли принесли веру с собой на север, когда прибыли с Простора. В Белой Гавани была и богороща — нагромождение корней, ветвей и

камней, скрытых за осыпающимися черными стенами Волчьего Логова — старинной крепости, которую использовали теперь только как тюрьму. Но главным образом в городе правили септоны.

Водяной дома Мендерли был виден повсюду — он развевался на башнях Нового Замка, над Тюленьими Воротами и вдоль городских стен. В Восточном Дозоре северяне утверждали, что Белая Гавань никогда не отречется от верности Винтерфеллу, но Давос нигде не видел лютоволка Старков. *Львов тоже нет. Лорд Виман еще не примкнул к Томмену, иначе ему пришлось бы поднять королевский*

штандарт.

Пристани со стороны доков были переполнены. Множество маленьких суденышек пришвартовались вдоль рыбного базара, разгружая свой улов. Он видел три речные лодки с угловатыми бортами, построенные, чтобы преодолевать пороги и каменистые излучины Белого Ножа. Но его больше интересовали мореходные суда: пара галеонов, таких же грязноватых и потрепанных, как "Веселая Повитуха", торговая галей "Штормовая Плясунья", рыболовные судна "Отважный Магистр" и "Рог Изобилия", галеасы из Браавоса, выделяющиеся пурпурными

корпусами и парусами...

...а чуть дальше — военный корабль.

Вид корабля словно ножом прошелся по его надежам — черно-золотой корпус с носовой фигурой, изображавшей льва с поднятой передней лапой. "Звезда Льва" — гласила надпись на корме, нанесенная под развевающимся знаменем с гербом мальчика-короля на Железном Троне. Год назад он не смог бы прочесть название, но мастер Пилос научил его грамоте на Драконьем Камне. На этот раз чтение не доставило ему удовольствия. Давос молился, чтобы это судно пропало в тех же штормах,

что и уничтоженный флот Саллы, но боги не были столь благосклонны. Фрей здесь, и ему предстояло встретиться с ними.

"Веселая Повитуха" пришвартовалась в конце выдавшего виды деревянного причала во внешней гавани, подальше от "Звезды Льва". Когда команда закрепила судно и перебросила трап, капитан подошел к Давосу. Кассо Могат был полукровкой с Узкого моря, рожденным шлюхой из Сестрина от иббенского китолова. Лишь пяти футов ростом и очень волосатый, он красил волосы и бакенбарды в темно-зеленый цвет, что делало его похожим на пенек в желтых сапогах.

Несмотря на внешний вид, он оказался хорошим моряком, хотя и суровым капитаном для своей команды.

— Как долго вас не будет?

— По крайней мере день. Или дольше.

Давос уже успел узнать, как любят лорды заставлять себя ждать. Он подозревал, что таким образом они хотели вызвать у посетителей беспокойство и продемонстрировать свою власть.

— "Повитуха" задержится здесь на три дня. Не дольше. Меня будут искать в Сестрине.

— Если все пойдет хорошо, я могу вернуться и завтра.

— А если пойдет плохо?

Тогда могу не вернуться вообще.

— Не нужно меня ждать.

Двое таможенников поднимались на борт, пока он спускался по трапу, но ни один даже не взглянул на него. Они пришли, чтобы повидаться с капитаном и проверить груз, обычные моряки их не интересовали, а никто не умел выглядеть так обычно, как Давос: среднего роста, с простоватым, обветренным и загоревшим крестьянским лицом, с тронутыми сединой темными волосами и бородой. И одежда его была простой: старые сапоги, коричневые штаны,

синяя туника, шерстяная некрашенная накидка на деревянных застежках. Он носил пару кожаных перчаток с соляными разводами, чтобы скрыть пальцы, укороченные Станнисом много лет назад. Давос не был похож на лорда, и еще меньше — на Десницу короля. Но это и к лучшему, пока он не разузнает, как здесь обстоят дела.

Его путь лежал вдоль пристани и через рыбный рынок. "Храбрый Магистр" загружался медовухой. Товар стоял на причале штабелями в четыре бочки высотой. Позади одного штабеля он заметил матросов, бросающих кости. Чуть дальше торговли зазывали на утренний улов;

мальчик бил в барабан, пока ободранный старый медведь танцевал в кругу зевак. Два копейщика с эмблемой дома Мандерли на груди несли службу у Тюленьих Ворот, но они были слишком заняты флиртом с портовыми шлюхами, чтобы обратить внимание на Давоса. Ворота были открыты, решетка поднята. Он влился в проходящий через них людской поток.

Внутри он увидел мощеную площадь с фонтаном в центре. Из воды поднимался каменный водяной высотой в двадцать футов от хвоста до короны. Его кудрявая борода была бело-зеленой от лишайника, а один

из зубцов трезубца сломался еще до рождения Давоса, но, тем не менее, статуя все еще производила впечатление. Местные звали его "Старый Рыбохвост". Площадь была названа в честь какого-то умершего лорда, но никто никогда не называл ее иначе, чем Двор Рыбохвоста.

После полудня Двор кишел людьми. Женщина стирала в фонтане Рыбохвоста белье и развешивала его сушиться на трезубец. Под сводами колоннады коробейников устроились писцы и менялы, рядом с ними — знахарь, травница и очень скверный жонглер. Мужчина продавал с телеги яблоки, а женщина предлагала селедку с рубленным луком. Куры и

дети путались под ногами. Огромные двери Старого Монетного Двора, сделанные из дуба и железа, оставались закрытыми в каждый его прошлый приезд, но сегодня они были открыты. Внутри он увидел сотни женщин, детей и стариков, ютившихся на полу на грудах шкур. Некоторые развели небольшие костры, чтобы приготовить пищу.

Давос остановился под колоннадой и купил яблоко за полпенни.

— Люди живут в Старом Монетном Дворе? — спросил он продавца яблок.

— Им негде больше жить. Большинство с верховьев Белого

Ножа. И люди Хорнвуда тоже. С этим бастардом Болтона на свободе они хотят спрятаться за стенами. Не знаю, что его светлость собирается делать с ними со всеми. У многих нет ничего, кроме лохмотьев.

Давос почувствовал угрызения совести. *Они пришли за спасением сюда, в город, не тронутый битвами, и вот появляюсь я, чтобы снова втянуть их в войну.* Он откусил яблоко и от этого снова почувствовал себя виноватым.

— Как они добывают еду?

Продавец яблок пожал плечами:

— Некоторые попрошайничают.

Некоторые воруют. Многие девушки занимаются тем ремеслом, каким

всегда занимаются девушки, которым больше нечего продать. Любой мальчик, доросший до пяти футов, может найти место в казармах его светлости, если умеет держать копье

Значит, он собирает людей.

Это может быть хорошим знаком... или плохим. Как посмотреть. Яблоко было сухим и рыхлым, но Давос заставил себя еще раз откусить от него.

— Лорд Виман собирается присоединиться к Бастарду?

— Ну, — ответил продавец яблок, — в следующий раз, когда его светлость спустится сюда за яблоком, я обязательно спрошу у него.

— Я слышал, его дочь выдают за

одного из Фреев.

— Внучку. Я тоже слышал, но его светлость забыл пригласить меня на свадьбу. Эй, ты собираешься доедать? Я заберу огрызок. Семечки хорошие.

Давос бросил ему огрызок. *Плохое яблоко, но полпенни — не такая уж большая плата за новости о том, что Мандерли поднимает людей.* Он обошел вокруг Старого Рыбохвоста, мимо девушки, продающей свежее козье молоко. Здесь город казался более знакомым. Внизу, там, куда указывал трезубец Старого Рыбохвоста, был переулок, где продавали жареную треску, хрустящую и золотисто-коричневую

снаружи и мягкую и белую внутри. Дальше был бордель, чище большинства других, где моряк мог насладиться женщиной, не опасаясь быть ограбленным или убитым. С другой стороны, в одном из зданий, лепившихся к стенам Логова Волка, как ракушки к днищу старого корпуса, раньше была пивоварня, где варили черное пиво, настолько густое и вкусное, что бочка его могла бы стоять в Браавосе или Иббенском Порту столько же, сколько борское золотое, если бы местные оставляли пивовару что-нибудь на продажу.

Но ему хотелось вина — кислого, темного и тяжелого. Он прошел через площадь и вниз по

лестнице, к кабаку под названием "Ленивый Угорь", располагавшемся под складом овчины. По своему контрабандистскому прошлому он запомнил "Угорь" как место, где можно было найти самых старых шлюх и самое мерзкое вино в Белой Гавани, наряду с мясными пирогами, полными сала и хрящей, которые были по крайней мере несъедобны, а то и ядовиты. Большинство местных жителей избегало этого места, оставляя его для моряков, которые не знали ничего лучшего. В "Ленивом Угре" невозможно было встретить ни городского стражника, ни таможенника.

Некоторые вещи никогда не

меняются. В "Угре" время остановилось. Сводчатый потолок закоптился почти до черноты, полом служила утрамбованная земля, в воздухе стоял запах дыма, испорченного мяса и засохшей блевотины. Толстые сальные свечи на столах больше дымили, чем светили, а вино, которое заказал Давос, во мраке казалось коричневым вместо красного. Четыре шлюхи сидели возле двери и пили. Одна из них одарила его ободряющей улыбкой, когда он вошел. Давос покачал головой, и женщина сказала что-то, заставившее ее компаньонов рассмеяться. После этого никто из них не обращал на него внимания.

Если не считать шлюх и хозяина, "Угорь" находился в полном распоряжении Давоса. В большом погребе, полном закоулков и затененных альковов, можно было посидеть в одиночестве. Он отнес свое вино в один из них и сел спиной к стене в ожидании.

Вскоре он обнаружил, что пристально смотрит в очаг. Красная женщина видела в огне будущее, но Давос Сиворт всегда видел лишь тени прошлого: пылающие корабли, огненную цепь, зеленые тени, вспыхивающие в чреве облаков, и нависающий надо всем Красный Замок. Давос был простым человеком, вознесшимся благодаря

случаю, войне и Станнису, и не понимал, почему боги забрали четырех юношей, таких молодых и сильных, как его сыновья, но уберегли их усталого отца. Иногда он думал, что его сохранили для спасения Эдрика Шторма... но сейчас мальчик-бастард короля Роберта уже в безопасности на Ступенях, а Давос все еще жив. *У богов есть еще какая-то миссия для меня?* раздумывал он. *Если так, Белая Гавань может быть частью этой миссии.* Он попробовал вино, а потом незаметно вылил половину чаши на пол.

Когда на улице начало темнеть, скамьи в "Угре" стали заполняться

морьяками. Давос заказал у хозяина еще одну кружку. Тот принес ее, а заодно и свечу.

— Хотите еды? — спросил он. — У нас есть пироги с мясом.

— Что за мясо?

— Обычное. Хорошее.

Шлюхи засмеялись.

— Это значит, серое, — сказала одна из них.

— Закрой свою чертову пасть. Ты же ешь их.

— Я ем много всякого дерьма. Но это не значит, что оно мне нравится.

Давос задул свечу, как только хозяин отошел, и поудобнее уселся в полумраке. Моряки становились

страшнейшими сплетниками в мире, когда вино текло рекой, даже такое дешевое, как это. Все, что ему нужно было делать — просто слушать.

Большую часть услышанного он узнал в Сестрине от лорда Годрика или обитателей "Утробы Кита". Тайвин Ланнистер мертв, безжалостно убит сыном-карликом; его труп вонял так скверно, что еще несколько дней никто не мог войти в Великую Септу Бейелора. Леди Орлиного Гнезда убита певцом, Мизинец теперь правит Долиной, но Бронзовый Джон Ройс поклялся свергнуть его. Бейлон Грейджой тоже умер, и его братья дерутся за Морской Трон. Сандор Клиган стал

разбойником, грабит и убивает в землях вдоль Трезубца. Мир, Лисс и Тирош втянуты в очередную войну; на востоке бушует восстание рабов.

Другие новости были поинтереснее. Робетт Гловер приезжал в город и безуспешно пытался поднять людей. Лорд Мандерли остался глух к его призывам. "Белая Гавань устала от войны", — ответил он. Это плохо. Рисвеллы и Дастины захватили врасплох железнорожденных на Гнилых Водах и предали их корабли огню. Это еще хуже. А сейчас бастард Болтона скакал на юг с Хозером Амбером, чтобы присоединиться к ним для нападения

на Ров Кейлин.

— Смерть Шлюхам собственной персоной, — заявлял речник, который только что доставил груз кож и древесины вниз по Белому Ножу, — с тремя сотнями копьеносцев и сотней лучников. Некоторые люди Хорнвуда присоединилось к ним, и вассалы Сервина тоже.

А вот это — хуже всего.

— Лорду Виману надо бы послать людей сражаться, если он понимает, что для него лучше, — сказал старик в конце стола. — Лорд Русе, он ведь теперь Хранитель Севера. Честь Белой Гавани обязывает ответить на его призыв.

— Да что кто-нибудь из Болтонов может знать о чести? — возмутился хозяин "Угря", опять наполняя кубки коричневатым вином.

— Лорд Виман никуда не пойдет. Он чертовски толст.

— Я слышал, он болен. Говорят, только и делает, что спит и ноет. Большую часть времени он слишком слаб, чтобы встать с постели.

— Ты хочешь сказать, слишком *толст*.

— Толстый или тонкий, это не имеет значения, — ответил хозяин "Угря". — У львов его сын.

И ни слова о короле Станнисе. Похоже, никто даже не знал, что Его

Величество пошел на север защищать Стену. Об одичалых, мертвяках и великанах постоянно говорили в Восточном Дозоре, но здесь о них и не думали.

Давос склонился к огню очага.

— Я думал, Фреи убили его сына. Так говорят в Сестрине.

— Они убили сира Вендела, — пояснил хозяин. — Его кости покоятся в Снежной Септе, окруженные свечами, если хотите взглянуть. А сир Вилис — все еще пленник.

Все хуже и хуже. Он знал, что у лорда Вимана было два сына, но думал, что оба погибли. *Если у Железного Трона есть заложник... У*

Давоса было семеро сыновей, но четверых из них он потерял на Черноводной. И теперь пошел бы на все, что потребуют от него боги или люди, защищая оставшихся троих. Стеффон и Станнис были в тысячах лиг от войны, в безопасности. Но Деван — в Черном Замке, оруженосец короля. *Короля, дело которого зависело от Белой Гавани.*

Его собутыльники завели речь о драконах.

— Да ты рехнулся, — сказал гребец со "Штормовой Плясуньи". — Король-Попрошка помер несколько лет назад. Какой-то дотракийский лошадиный лорд отрубил ему голову.

— Это они так говорят, — ответил старик. — А, может, врут. Он умер на другом конце света, если вообще умер. Кто сказал? Если бы король хотел, чтобы я умер, может быть, я бы уважил его и прикинулся трупом. Никто из нас никогда не видел его тело.

— Я не видел трупа Джоффри, да и Роберта тоже, — проворчал хозяин "Угря". — Может быть, они тоже живы. Может быть, Бейелор Благословенный просто прилег отдохнуть и спит все эти годы.

Старик скорчил гримасу:

— Принц Визерис ведь не был единственным драконом? Знаем ли мы наверняка, что сына принца

Рейегара убили? Он был младенцем.

— А ведь еще и принцесса была? — спросила шлюха. Та самая, что сказала о сером мясе.

— Две, — ответил старик. — Одна была дочерью Рейегара, другая — сестрой.

— Дейена, — вспомнил речник. — Эта была сестрой. Дейена с Драконьего Камня. Или Дейера?

— Дейена была женой старого короля Бейелора, — возразил гребец. — Я греб на корабле, названном в ее честь. "Принцесса Дейена".

— Если она была женой короля, то должна быть королевой.

— У Бейелора не было

королевы. Он был святым.

— Но это не значит, что он не женился на сестре, — пояснила шлюха. — Он просто не спал с ней, вот и все. Когда он стал королем, то запер ее в башне. И других сестер тоже. Их было трое.

— Дейенела, — громко сказал хозяин. — Вот так ее звали. Дочку Безумного Короля, не чертову жену Бейелора.

— Дейенерис, — вставил Давос. — Ее называли в честь Дейенерис, которая вышла замуж за Принца Дорна во времена правления Дейерона Второго. Я не знаю, что с ней стало.

— Я знаю, — произнес человек,

который начал разговор о драконах, браавосский гребец в темной шерстяной безрукавке. — Когда мы шли в Пентос, мы пришвартовались рядом с торговым кораблем "Черноглазая Дева", и я пропустил стаканчик с помощником капитана. Он рассказал мне прелестную историю о худенькой девочке, поднявшейся на борт в Кварте и пытавшейся нанять корабль в Вестерос для себя и трех драконов. У нее были серебряные волосы и фиолетовые глаза. "Я сам отвел ее к капитану, — поклялся мне помощник, — но он не взял их с собой. Гораздо больше выгоды в гвоздике и шафране, сказал он мне, и

специи не подожгут мне паруса".

Погреб наполнился хохотом. Давос не присоединился. Он знал, что случилось с "Черноглазой Девой". Боги были жестоки, позволяя человеку проплыть полмира, а потом отправляя его охотиться за ложным светом, когда он почти добрался до дома. *Тот капитан был храбрее, чем я*, думал он, пробираясь к двери. Одно плавание на восток — и человек мог жить в богатстве, достойном лорда, до конца своих дней. В молодости Давос и сам мечтал совершить такое плавание, но годы проходили, кружась, как мотыльки вокруг пламени, и момент все время был

неподходящим. Когда-нибудь, сказал он себе. Когда-нибудь, когда война закончится, король Станнис сядет на Железный Трон и ему больше не будет нужен луковый рыцарь. Я возьму с собой Девана. Стеффа и Станни тоже, если они будут достаточно взрослыми. Мы увидим этих драконов и все чудеса мира.

Снаружи рвался ветер, заставляя трепетать пламя масляных ламп, освещавших двор. Солнце зашло, стало холоднее, но Давос помнил Восточный Дозор и то, как ветер свистел на Стене по ночам, прорезая, словно ножом, самый теплый плащ и замораживая кровь прямо в венах. Белая Гавань по сравнению с этим

казалась теплой купальной.

Были и другие места, где он мог погреть уши: трактир, знаменитый своими пирогами с миногой; паб, где выпивали посредники по продаже шерсти и таможенники; зал лицедеев, где за несколько пенни можно было найти похабные развлечения. Но Давос чувствовал, что он услышал достаточно. *Я пришел слишком поздно.* Старая привычка заставила его потянуться к груди, где он когда-то хранил костяшки пальцев в маленьком мешочке на кожаном ремешке. Там ничего не было. Он потерял свою удачу в пожарах на Черноводной, когда потерял корабль и сыновей.

Что я должен теперь сделать?

Он поплотнее затянул накидку. Забраться на холм и предстать перед воротами Нового Замка с тщетным призывом? Вернуться в Сестрин? Отправиться обратно к Марии и мальчикам? Купить лошадь, поехать по королевской дороге и рассказать Станнису, что у того нет ни друзей в Белой Гавани, ни надежды?

Королева Селиса устроила пир для Саллы и его капитанов вечером накануне отплытия флота. К ним присоединился Коттер Пайк и еще четверо командующих Ночного Дозора. Принцессе Ширин тоже позволили участвовать. Когда подали

лосоя, сир Акселл Флорент развлек стол рассказом о принце Таргариене, у которого была ручная мартышка. "Принцу нравилось одевать зверюшку в одежду своего умершего сына и притворяться, что это ребенок, — утверждал сир Аксель, — и время от времени он предлагал устроить тому брак. Удостоившиеся чести лорды отказывались всегда вежливо, но, разумеется, отказывались".

— Даже одетая в шелк и бархат, обезьяна остается обезьяной, — сказал сир Аксель. — Более мудрый принц понял бы, что нельзя поручать обезьяне делать работу человека.

Люди королевы рассмеялись, и

некоторые ухмыльнулись, поглядев на Давоса.

Я не обезьяна, думал он. Я такой же лорд, как и вы, и более хороший человек. Но воспоминания все еще причиняли боль.

Тюленьи Ворота были закрыты на ночь. Давос не мог вернуться на "Веселую Повитуху" до рассвета. Придется заночевать здесь. Он уставился вверх, на Старого Рыбохвоста со сломанным трезубцем. *Я прошел через дожди, кораблекрушение и шторм. И я не вернусь, не сделав того, зачем пришел, каким бы безнадежным это ни казалось.* Возможно, вместе со своими пальцами он потерял и удачу,

но он не обезьянка, одетая в бархат. Он — Десница Короля.

Замковая Лестница была широкой улицей со ступенями из белого камня, ведущей от Волчьего Логова вдоль берега в Новый замок на холме. Путь Давосу освещали мраморные русалки, бережно держащие в руках чаши с горящим китовым жиром. Дойдя до вершины, он обернулся, чтобы посмотреть назад. Отсюда были видны гавани внизу. Обе гавани. За стеной мола внутренняя гавань была заполнена военными галерами. Давос насчитал двадцать три. Лорд Виман был толстяком, но, как оказалось, отнюдь не бездельником.

Ворота Нового Замка были закрыты, но когда он крикнул, открылась боковая дверь и появился стражник, чтобы узнать, в чем дело. Давос показал ему черно-золотую ленту, скрепленную королевскими печатями.

— Мне нужно немедленно увидеть Лорда Мандерли, — сказал он. — У меня дело к нему. И только к нему.

17. ДЕЙЕНЕРИС

Танцующие мерцали, их гладкие выбритые тела были покрыты блестящим маслом. Пылающие факелы кружились, перелетая из рук в руки под стук барабанов и трели флейты. Каждый раз, когда два факела перекрещивались в воздухе, обнаженная девушка, вращаясь, прыгала под ними. Свет пламени выхватывал умащенные конечности, груди и ягодицы.

У всех трех танцоров напряглись члены. Сам вид их возбуждения был возбуждающим, но вместе с тем они казались Дейенерис Таргариен

смешными. Мужчины были одного роста, с длинными ногами и плоскими животами, каждый мускул резко очерчен, словно высечен из камня. Даже их лица казались чем-то похожи... что было довольно странно, ведь у одного кожа как черное дерево, второй молочно-бледен, а третий блестел, как полированная медь.

*Этим они хотели меня
воспламенить?* Дени шевельнулась среди шелковых подушек. Её Безупречные в остроконечных колпаках стояли у колонн с бесстрастными лицами, словно статуи. Другое дело полноценные мужчины. Резнак мо Резнак стоял и

смотрел, раскрыв рот, его влажные губы блестели. Хиздар зо Лорак что-то говорил соседу и в то же время не отрывал глаз от танцующих девушек. Безобразное масляное лицо Бритоголового было как всегда суровым, но и он ничего не пропускал.

Куда труднее было понять, что же на уме у ее почетного гостя. Бледный худой человек с хищным лицом, который сидел за ее высоким столом, был великолепен в одеждах из темно-бордового шелка и золотой парчи. Его лысая голова блестела в свете факела, пока он поглощал фиги маленькими изящными кусочками. Опалы мерцали в носу Ксаро Ксоан

Даксоса всякий раз, когда он поворачивал голову вслед за танцорами.

В его честь Дейенерис облачилась в партийскую тунику — легкое одеяние из лиловой парчи, сшитое так, что левая грудь оставалась обнаженной. Ее серебристо-золотые волосы падали с плеч, доходя до сосков. Половина мужчин в зале украдкой поглядывали на нее, но только не Ксаро. *В Кварте было то же самое.* Так она не привлечет купеческого принца на свою сторону. *Однако я должна его привлечь.* Он прибыл из Кварта на "Шелковом Облаке" вместе с тринадцатью другими галерами. Его

флот — это ответ на ее молитвы. Миэринская торговля в упадке с тех пор, как она покончила с рабством, но Ксаро способен восстановить ее.

Когда барабаны дошли до крещендо, три девушки прыгнули над пламенем, вращаясь в полете. Танцоры-мужчины поймали их за талии и плавно опустили на свои члены. Дени смотрела, как женщины изогнули спины и обхватили ногами партнеров, пока флейты плакали, а мужчины двигались вперед и назад в такт музыке. Ей и раньше доводилось наблюдать за любовным действием. Дотракийцы сношались открыто, как их кобылы и жеребцы. Но здесь она в первый раз видела страсть,

положенную на музыку.

Ее лицо горело. *Вино*, сказала она себе. А потом поймала себя на мысли о Даарио Нахарисе. Его посланник прибыл этим утром. Вороны-Буревестники возвращаются из Лхазара. Ее капитан скакал к ней, заручившись дружбой ягнятников. *Пища и торговля*, напомнила она себе. *Он не подвел меня и не подведет. Даарио поможет мне спасти мой город.* Королеве страстно хотелось увидеть его лицо, погладить бороду, разделенную на три части, рассказать о своих тревогах... но Вороны-Буревестники были все еще далеко за Кхазайским перевалом, а ей надо править королевством.

Меж пурпурных колонн висел дым. Танцоры встали на колени, склонив головы.

— Вы были великолепны, — сказала им Дени, — я редко видела такую грацию, такую красоту.

Она подозвала Резнака мо Резнака, и сенешаль суетливо подбежал к ней. На его лысой морщинистой голове выступили капли пота.

— Проводи наших гостей к ваннам, где они смогут освежиться, и принеси им еду и напитки.

— Почту за великую честь, Ваше Великолепие.

Дейенерис протянула кубок Ирри, чтобы та его снова наполнила.

Вино было сладкое и крепкое, благоухающее ароматами восточных пряностей — гораздо лучше слабых гискарских вин, которыми наполнялся ее кубок в последнее время. Ксаро изучил фрукты на блюде, поданном Чхику, и выбрал хурму. Ее оранжевая кожица подходила по цвету к кораллу в его носу. Он откусил немного и поджал губы.

— Кислая.

— Милорд предпочитает что-то послаще?

— Сладость приедается. Кислые фрукты и колкие женщины добавляют жизни остроты, — Ксаро откусил еще кусочек, прожевал,

проглотил. — Дейенерис, милая королева, я не могу выразить, какое удовольствие для меня еще раз насладиться твоим обществом. Дитя, покинувшее Кварт, потерянное и прекрасное. Я боялся, что она плывет к своей гибели, и вот нахожу ее здесь на престоле, владычицей древнего города, окруженной могучим войском, которое она создала из снов.

Нет, подумала она, из крови и огня.

— Я рада, что вы пришли ко мне. Приятно снова видеть ваше лицо, друг мой.

Я не доверяю тебе, но ты мне нужен. Мне нужны твои

Тринадцать, мне нужны твои корабли, мне нужна твоя торговля.

Столетиями Миэрин и его города-братья Юнкай и Астапор были опорами работорговли. Здесь дотракийские кхалы и пираты с островов Василиска продавали своих пленников, а остальные приезжали со всего света, чтобы их купить. Без рабов Миэрин мало что мог предложить торговцам. Гискарские холмы богаты медью, но этот металл уже не столь ценен, как во времена, когда бронза правила миром. Кедры, что некогда росли по всему побережью, пали под топорами Старой Империи или уничтожены драконьим огнем в войнах Гиса с

Валирией. Когда деревьев не стало, почва испеклась под жарким солнцем, а ветер унес ее в плотных красных облаках.

— Эти бедствия превратили наших людей в работорговцев, — сказала ей Галазза Галар в Храме Граций.

А я — бедствие, которое превратит этих работорговцев обратно в людей, поклялась себе Дени.

— Мне пришлось приехать, — произнес Ксаро безразличным голосом. — Даже в далеком Кварте страшные истории достигли моих ушей. Я рыдал, слушая их. Говорили, что твои враги пообещали богатство,

и славу, и сотню девственных рабынь любому, кто тебя убьет.

— Сыны Гарпии. — *Откуда он это знает?* — Они царапают на стенах в ночи и режут глотки честным вольноотпущенникам, пока те спят. С восходом солнца они прячутся как тараканы. Они боятся моих Медных Бестий.

Скаказ мо Кандак дал ей новую стражу, о которой она просила, состоящую наполовину из вольноотпущенников, наполовину из бритоголовых миэринцев. Они обходили улицы днем и ночью, в темных капюшонах и медных масках. Сыны Гарпии обещали ужасную смерть каждому изменнику, который

осмелится служить драконьей королеве, а также друзьям и родичам. Поэтому люди Бритоголового во время патрулирования прятали лица под масками шакалов, сов и других зверей.

— Мне бы стоило бояться Сынов, встретить они меня одну на улице. И только ночью, и если я буду голая и безоружная. Они трусливые создания.

— Нож труса может убить королеву так же легко, как нож героя. Я спал бы крепче, если бы знал, что услада моего сердца держит своих свирепых дотракийцев подле себя. В Кварте с тобой было три кровных всадника, которые никогда тебя не

оставляли. Куда они пропали?

— Агго, Чхого и Ракхаро все еще служат мне. — *Он играет со мной.* Дени умела не хуже. — Я всего лишь юная девушка и мало знаю о таких вещах. Но люди старше и мудрее меня сказали: чтобы удержать Миэрин, я должна контролировать его окрестности, все земли к западу от Лхазара и к югу до Юнкайских холмов.

— Твои окрестности мне не дороги. Дорога ты. Случись с тобой любое несчастье, и этот мир потеряет смысл своего существования.

— Хорошо, что милорд так беспокоится обо мне, но я неплохо

защищена, — Дени указала вперед, где стоял Барристан Селми, держа руку на рукояти меча. — Его называют Барристаном Смелым. Он дважды спасал меня от убийц.

Ксаро бросил беглый взгляд на Селми.

— Барристан Старый, ты сказала? Твой медвежий рыцарь был моложе и предан тебе.

— Я не желаю говорить о Джорахе Мормонте.

— Разумеется. Он был грубым и волосатым, — принц торговцев склонился над столом. — Поговорим лучше о любви, о мечтах, и желании, и о Дейенерис, прекраснейшей в мире женщине. Я пьянею, глядя на

тебя.

Напыщенные квартийские
любезности ее не удивили.

— Если вы пьяны, вините вино.

— Никакое вино и наполовину
так не опьяняет, как твоя красота.
Мой дом кажется пустым как могила
с тех пор как Дейенерис уехала, и все
удовольствия Королевы Городов
стали пеплом у меня рту. Почему ты
покинула меня?

*Меня выгнал из твоего города
страх за свою жизнь.*

— Пришло время. Кварт хотел,
чтобы я уехала.

— Кто? Чистокровные? У них
вода в венах. Гильдия пряностей? У
них творог между ушей. А всех

Бессмертных настигла смерть. Тебе надо было взять меня в мужа. Я почти уверен, что просил твоей руки. Даже умолял.

— Всего лишь полсотни раз, — поддразнила Дени. — Вы слишком легко сдались, милорд. Ведь я *должна* выйти замуж, все так думают.

— У кхалиси должен быть кхал, — сказала Ирри, снова наполняя кубок королевы, — это известно.

— Следует ли мне просить снова? — удивился Ксаро, — Нет, я знаю эту улыбку. Это жестокая королева, которая играет с сердцами мужчин. Простые купцы как я — не

более чем камни под твоими драгоценными сандалиями.

Одинокaя слеза медленно скатилась по его бледной щеке.

Дени знала его слишком хорошо, чтобы колебаться. Квартийцы могли плакать когда угодно.

— О, прекратите, — она взяла вишню из чаши на столе и бросила ему в нос, — может, я и юная девушка, но не так глупа, чтобы выйти за мужчину, который находит блюдо фруктов соблазнительнее моей груди. Я видела, на каких танцоров вы смотрели.

Ксаро утер слезу.

— Думаю, на тех же, за которыми наблюдала Ее Величество.

Видишь, мы похожи. Если не возьмешь меня в мужья, я согласен быть твоим рабом.

— Мне не нужен раб. Вы свободны.

Его драгоценный нос являл собой заманчивую мишень. На этот раз Дени бросила в него абрикосом.

Ксаро поймал его на лету и надкусил.

— Откуда взялось это безумие? Должен ли я считать себя счастливым оттого, что ты не освободила моих рабов, когда была моей гостьей в Кварте?

Я была нищей королевой, а ты был Ксаро из Тринадцати, подумала Дени, и тебе были нужны мои

драконы.

— Похоже, с вашими рабами хорошо обращаются, и они довольны. Только в Астапоре у меня открылись глаза. Вы знаете, как создают и обучают Безупречных?

— Не сомневаюсь, что жестоко. Когда кузнец кует меч, он опускает лезвие в огонь, бьет по нему молотом, а затем погружает в ледяную воду, чтобы закалить сталь. Если хочешь насладиться сладким вкусом плода, нужно поливать дерево.

— Это дерево было полито кровью.

— А как еще вырастить солдата? Вашему Сиятельству понравились

мои танцоры. Для тебя станет сюрпризом, что они рабы, обученные и воспитанные в Юнкае? Они начинают танцевать раньше чем ходить. А как еще достичь такого совершенства? — он глотнул вина, — А еще они искушены во всех эротических искусствах. Я собирался подарить их Вашему Величеству.

— Конечно, — Дени не удивилась, — я освобожу их.

От этих слов он поморщился.

— И что они будут делать со свободой? Все равно что надеть доспехи на рыбу. Они созданы для танца.

— Кем созданы? Их хозяевами? Возможно, ваши танцоры хотели бы

строить, или печь хлеб, или обрабатывать землю. Вы их спрашивали?

— Возможно, твои слоны хотели бы быть соловьями. И вместо нежных трелей миэринские ночи наполнились бы оглушающим ревом, а твои деревья сломались бы под тяжестью огромных серых птиц. — Ксаро вздохнул. — Дейенерис, услада моя, под этой милой молодой грудью бьется нежное сердце... но прими совет старшего и более мудрого. Вещи не всегда то, чем кажутся. Многое, что кажется злом, может быть добром. Например, дождь.

— Дождь? — *Он думает, что я глупа, или просто принимает за*

ребенка?

— Мы проклинаяем дождь, когда он обрушивается на наши головы, но без него мы бы голодали. Миру *нужен* дождь... и рабы. Ты кривишь лицо, но это правда. Посмотри на Кварт. В искусстве, музыке, магии, торговле — всём, что возвышает нас над животными, — Кварт превосходит остальное человечество, как ты превосходишь других, сидя на вершине пирамиды... но внизу вместо кирпичей великолепие Королевы Городов опирается на спины *рабов*. Подумай: если все будут копать в грязи, чтобы не умереть с голода, кто поднимет глаза, чтобы посмотреть на звезды? Если

каждый будет гнуть спину, чтобы построить лачугу, кто воздвигнет храмы для восхваления богов? Чтобы одни люди стали великими, другие должны стать рабами.

Он был слишком красноречив для нее. У Дени не было ответа, только саднящее ощущение в животе.

— Рабство — не то же, что дождь, — упорно продолжала она. — Я попадала под дождь и меня продавали. *Это не одно и то же.* Никто не хочет, чтобы им *владели*.

Ксаро слегка пожал плечами.

— Между прочим, когда я сошел на берег в твоём прекрасном городе, то случайно увидел у реки человека, который когда-то был гостем в моём

доме — купца, торговавшего редкими пряностями и отборными винами. Он был обнажен по пояс, с красной облезавшей кожей, и, похоже, копал яму.

— Не яму. Канаву для доставки воды от реки к полям. Мы думаем посадить бобы. Бобовым полям нужна вода.

— Как мило, что мой старый друг помогает копать. И как непохоже на него. Возможно ли, что ему не дали другого выбора? Нет, конечно же, нет. В Миэринe нет рабов.

Дени вспыхнула.

— Вашему другу платят едой и кровом. Я не могу вернуть ему его

богатство. Миэрину бобы нужнее, чем редкие пряности, а бобам нужна вода.

— Моих танцоров ты тоже отправишь копать канавы? Милая королева, когда мой старый друг увидел меня, он упал на колени и умолял купить его как раба и увезти обратно в Кварт.

Ей будто дали пощечину.

— Тогда купите его.

— Если это доставит тебе удовольствие. Ему-то доставит, я знаю, — он положил ладонь на ее руку. — Есть правда, которую тебе скажет только друг. Я помог тебе, когда ты пришла в Кварт нищей. И я прошел много лиг и пересек бурные

моря, чтобы помочь снова. Тут есть место, где мы можем говорить откровенно?

Дени чувствовала тепло его пальцев. *В Кварте он тоже был теплым,* вспомнила она, *пока мог меня использовать.* Она поднялась на ноги.

— Идемте, — позвала она, и Ксаро последовал за ней через колонны к широким мраморным ступеням, которые вели в ее личные покои на вершине пирамиды.

— О, прекраснейшая из женщин, — сказал Ксаро, как только они начали подниматься, — за нами идут. Нас сопровождают.

— Мой старый рыцарь не пугает

вас, конечно? Сир Барристан поклялся хранить мои секреты.

Она отвела его на террасу с видом на город. Полная луна плыла в черном небе над Миэрином.

— Прогуляемся? — Дени взяла его под руку. Воздух был напоен ароматами распускающихся ночью цветов. — Вы говорили о помощи. Так торгуйте со мной. У Миэрина есть на продажу соль и вино...

— Гискарское вино? — Ксаро сделал кислую мину. — Море обеспечивает Кварт всей необходимой солью, но я с радостью возьму столько оливок, сколько ты готова мне продать. И оливковое масло тоже.

— Мне нечего предложить.
Работоторговцы сожгли деревья.

На берегах Залива Работоторговцев оливы выращивали столетиями; но миэринцы сожгли свои древние рощи, заставив идущее на них войско Дейенерис пересекать выжженную пустошь.

— Мы пересаживаем, но пройдет семь лет, прежде чем оливковые деревья начнут плодоносить, и тридцать лет, прежде чем это можно будет назвать по-настоящему доходным. А как насчет меди?

— Хороший металл, но непостоянный как женщина. Вот золото... золото *честное*. Кварт

охотно даст вам золото... за рабов.

— Миэрин — свободный город свободных людей.

— Бедный город, который некогда был богат. Голодный город, который некогда был тучен. Окровавленный город, который некогда был мирным.

Его обвинения жалили. В них было слишком много правды.

— Миэрин будет богатым, тучным и мирным снова, и при этом свободным. Если вам нужны рабы, идите к дотракийцам.

— Дотракийцы создают новых рабов, гискарцы обучают их. А чтобы добраться до Кварта, всадникам нужно провести своих пленников

через красную пустошь. Сотни умрут, если не тысячи... и многие лошади тоже, поэтому ни один кхал не пойдет на такой риск. И вот еще: Кварту не нужны кхаласары, бурлящие вокруг стен. Вонь от всех этих лошадей... не хотел обидеть, *кхалиси*.

— У лошадей честный запах. О некоторых великих лордах и купеческих принцах такого не скажешь.

Ксаро не обратил внимания на выпад.

— Дейенерис, позволь мне быть с тобой искренним, как и положено другу. Ты не сделаешь Миэрин богатым, тучным и мирным. Ты

принесешь только разрушения, как это уже случилось с Астапором. Тебе рассказали о битве у Рогов Хаззата? Король-Мясник сбежал в свой дворец, а следом за ним — его новые Безупречные.

— Это известно. — Бурый Бен Пламм отправил сообщение с поля битвы. — Юнкайцы купили себе новых наемников, и на их стороне сражались два легиона Нового Гиса.

— Там где два, скоро будет четыре, потом десять. Кроме того, юнкайские посланники отправились в Мир и Волантис нанять еще мечей: Братство Кота, Длинных Копей, Гонимых Ветром. Поговаривают, что Мудрые Господа купили и Золотые

Мечи.

Однажды ее брат Визерис устроил пир для капитанов Золотых Мечей в надежде, что они помогут в его деле. *Они съели его угощения, выслушали его мольбы и посмеялись над ним.* Дени была тогда только маленькой девочкой, но она запомнила.

— У меня тоже есть наёмники.

— Два отряда. Если потребуется, юнкайцы пошлют против тебя двадцать. И когда они выступят, то будут не одни. Толос и Мантарис согласились на союз.

Если это правда, то новости дурные. Дейенерис отправила посольства в Толос и Мантарис в

надежде найти новых союзников на западе, чтобы уравновесить враждебность на юге. Её посланники не вернулись.

— Миэрин заключил союз с Лхазаром.

Это его только рассмешило.

— Дотракийские коневоды называют лхазарян ягнятниками. Когда их стригут, они только блеют. Это не воины.

*Даже робкий друг лучше
никакого.*

— Мудрым Господам надо бы последовать их примеру. Я пощадила Юнкой прежде, но больше не сделаю эту ошибку. Если они посмеют напасть на меня, в этот раз я разрушу

Желтый Город до основания.

— А пока ты будешь разрушать Юнкай, моя дорогая, Миэрин восстанет против тебя. Не закрывай глаза на опасности, Дейенерис. Твои евнухи — прекрасные солдаты, но их слишком мало, чтобы одолеть войска, которые Юнкай пошлет против тебя, когда падет Астапор.

— Мои вольноотпущенники... — начала Дени.

— Рабы для постели, цирюльники и каменщики не выигрывают битвы.

Она надеялась, что в этом он ошибается. Вольноотпущенники прежде были сбродом, но она

собрала отряды из способных сражаться и приказала Серому Червю превратить их в солдат. *Пусть он думает, что хочет.*

— Вы забыли? У меня есть драконы.

— Правда? В Кварте тебя редко видели без дракона на плече...однако сейчас, я смотрю, эти точеные плечи свободны и чисты, как твои сладкие груди.

— Мои драконы выросли, а плечи нет. Они охотятся далеко в полях.

Хаззеа, прости меня. Её занимало, как много знает Ксаро, какие слухи он слышал.

— Спросите Добрых Господ

Астапора о моих драконах, если сомневаетесь. — *Я видела, как глаза работорговца плавились и текли по щекам.* — Скажите правду, старый друг: зачем вы искали меня, если не для торговли?

— Сделать подарок королеве моего сердца.

— Продолжайте.

Что за подвох на этот раз?

— Подарок, о котором ты просила меня в Кварте. Корабли. В бухте тринадцать кораблей. Твоих кораблей, если пожелаешь. Я привел тебе флот, который отвезет тебя домой в Вестерос.

Флот. Это больше, чем она могла надеяться, поэтому она

насторожилась. В Кварте Ксаро предлагал ей тринадцать кораблей. за дракона.

— И какую цену вы просите за эти корабли?

— Никакую. Я больше не желаю драконов. Я видел их работу в Астапоре по пути сюда, когда моё "Шелковое облако" зашло в его воды. Корабли твои, милая королева. Тринадцать галер и люди на них, чтобы грести.

Тринадцать. Наверняка. Ксаро был одним из Тринадцати. Без сомнения, он убедил каждого из членов гильдии отдать один корабль. Она знала купеческого принца слишком хорошо, чтобы думать, что

он пожертвует тринадцать
собственных кораблей.

— Мне нужно это обдумать.
Могу я осмотреть эти корабли?

— Ты становишься
подозрительной, Дейенерис.

Всегда.

— Я становлюсь мудрой, Ксаро.

— Осматривай что пожелаешь.

Когда закончишь, поклянись мне, что
немедленно вернешься в Вестерос, и
корабли твои. Поклянись своими
драконами, своим семиликим богом
и прахом отцов, а потом уходи.

— А если я решу ждать год или
три?

Лицо Ксаро приобрело
скорбный вид.

— Это бы очень меня огорчило, моя милая прелесть...ты кажешься такой юной и сильной, но долго не проживешь. Здесь.

Он одной рукой предлагает пряник, а в другой держит кнут.

— Юнкай не так опасен.

— Не все твои враги в Желтом Городе. Опасайся людей с холодными сердцами и синими губами. Не прошло и двух недель, как ты покинула Кварт, а Пиат Прей уже отбыл с тремя своими колдунами в Пентос, искать тебя.

Дени больше развеселилась, чем испугалась.

— Хорошо, что я свернула. Пентос за полмира от Миэрина.

— Это так, — согласился он, — но рано или поздно до них должна дойти весть о королеве драконов в Заливе Работоторговцев.

— Это должно меня пугать? Я прожила в страхе четырнадцать лет, милорд. Я просыпалась в страхе каждое утро и засыпала в страхе каждую ночь... но мои страхи сгорели в день, когда я вышла из пламени. Теперь меня пугает только одно.

— И чего же ты боишься, милая королева?

— Я только глупая юная девушка, — Дени поднялась на носочки и поцеловала его в щеку. — Но не так глупа, чтобы вам об этом

рассказывать. Мои люди осмотрят эти корабли. Тогда вы получите ответ.

— Как скажешь, — он слегка коснулся её груди и прошептал: — Позволь мне остаться и помочь убедить тебя.

На мгновение она соблазнилась. Возможно, танцоры её в конце концов возбудили. *Я могла бы закрыть глаза и представить, что он — это Даарио.* Воображаемый Даарио безопаснее настоящего. Но она отогнала эту мысль.

— Нет, милорд. Благодаю вас, но нет, — Дени выскользнула из его рук, — Возможно, в другую ночь.

— В другую ночь, — произнес он, но в глазах было скорее

облегчение, чем разочарование.

Будь я драконом, смогла бы полететь в Вестерос, подумала она, когда он ушел. Мне не понадобился бы Ксаро или его корабли. Дени попыталась представить, сколько человек вместят тринадцать галер. Понадобилось три, чтобы перевезти ее и кхаласар из Кварта в Астапор. Но это было до того, как у нее появились восемь тысяч Безупречных, тысяча наемников и великое множество вольноотпущенников. А драконы, что мне с ними делать?

— Дрогон, — прошептала она, — где ты?

На мгновение она будто увидела,

как он проносится в небе, а его черные крылья закрывают звезды...

Отвернувшись от ночи, она обратилась к Барристану Селми, который молча стоял в тени.

— Брат однажды загадал мне вестероскую загадку. Кто все слушает, но ничего не слышит?

— Рыцарь Королевской гвардии, — серьезно ответил Селми.

— Вы слышали предложение Ксаро?

— Да, Ваше Величество.

При разговоре старый рыцарь прилагал все усилия, чтобы не смотреть на ее обнаженную грудь.

Сир Джорах не отводил бы глаз. Он любил меня как женщину, а сир

Барристан любит только как королеву. Мормонт был доносчиком, связанным с ее врагами в Вестеросе, но всё же давал хорошие советы.

— Что вы думаете об этом? И о нем самом?

— О нем — ничего. Но корабли... Ваше Величество, с этими кораблями мы можем вернуться домой еще до конца года.

Дени никогда не знала дома. В Браавосе был дом с красной дверью, вот и все.

— Бойтесь квартирцев, дары приносящих, особенно купцов из Тринадцати. Здесь какая-то ловушка. Возможно, корабли прогнили или...

— Будь они столь

непригодными, то не смогли бы доплыть сюда из Кварта, — заметил сир Барристан. — Но Ваше Величесиво мудро настояли на осмотре. С рассветом я отведу на галеры адмирала Гролео, его капитанов и пару десятков матросов. Мы исследуем каждый дюйм этих кораблей.

Это был хороший совет.

— Да, так и сделайте.

Вестерос. Дом. Но если она уплывет, что же будет с ее городом? *Миэрин никогда не был твоим городом*, — казалось, прошептал ей голос брата. — *Твои города за морем. Твои Семь Королевств, где тебя ждут враги. Ты рождена, чтобы*

принести им кровь и огонь.

Сир Барристан кашлянул и сказал:

— Колдун, о котором упоминал купец...

— Пиат Прей, — она старалась вспомнить его лицо, но видела только синие губы. Вино колдунов окрасило их в синий цвет. Вечерняя Тень, так оно называлось. — Если бы заклинание колдуна могло меня убить, я бы уже умерла. Я оставила их дворец весь в пепле.

Дрогон спас меня, когда они пытались высосать мою жизнь. Дрогон сжег их всех.

— Как скажете, Ваше Величество. И всё же. Я буду

настороже.

Она поцеловала его в щеку.

— Знаю, что будете. Идемте, проводите меня обратно на пир.

На следующее утро Дени проснулась полная надежд, как в первый раз, когда она пришла в Залив Работоторговцев. Даарио скоро снова будет с ней, и они вместе поплывут в Вестерос. *Домой*. Одна из её юных заложниц принесла завтрак. Полная застенчивая девочка по имени Меззара, чей отец владел пирамидой Меррека. Дени крепко обняла её и поблагодарила поцелуем.

— Ксаро Ксоан Даксос предложил мне тринадцать галер, — сказала она Ирри и Чхику, пока те

одевали её для приема.

— Тринадцать плохое число, кхалиси, — прошептала Чхику на дотракийском. — Это известно.

— Это известно, — согласилась Ирри.

— Тридцать было бы лучше, — согласилась Дени, — а триста еще лучше. Но и тринадцати может хватить, чтобы доставить нас в Вестерос.

Две дотракийки обменялись взглядами.

— Отравленная вода проклята, кхалиси, — сообщила Ирри. — Лошади не могут пить её.

— Я не собираюсь пить её, — пообещала им Дени.

Только четыре просителя ждали её в это утро. Как всегда, лорд Гаэль предстал первым. Он выглядел даже более несчастным, чем обычно.

— Ваше Сиятельство, — простонал он, упав на мраморный пол к её ногам, — армии Юнкая движутся на Астапор. Умоляю вас, выступите на юг со всеми вашими силами!

— Я предупреждала вашего короля, что эта война — его собственная глупость, — напомнила Дени. — Он не слушал.

— Великий Клеон стремился только низвергнуть подлых работорговцев Юнкая.

— Великий Клеон сам

работорговец.

— Я знаю, что Матерь Драконов не бросит нас в час опасности. Дайте нам ваших Безупречных, чтобы защитить наши стены.

Если я это сделаю, кто защитит мои стены?

— Многие мои вольноотпущенники были рабами в Астапоре. Возможно, некоторые захотят помочь защитить вашего короля. Это их право как свободных людей. Я дала Астапору свободу. Ваша обязанность защитить её.

— Тогда мы все умрем. Вы принесли нам смерть, а не свободу, — Гаэль встал на ноги и плюнул ей в лицо.

Силач Бельвас схватил его за плечо и так сильно швырнул на мрамор, что Дени услышала, как ломаются зубы Гаэля. Бритоголовый мог сделать хуже, но она остановила его.

— Хватит, — сказала она, утираясь краем токара. — Никто еще не умирал от плевка. Уведите его.

Его выволокли вперед ногами, оставив на полу несколько зубов и кровавый след. Дени бы с радостью отослала всех остальных просителей... но она все еще их королева. Так что она выслушала всех и постаралась дать им справедливость.

Позднее, во второй половине

дня, адмирал Гролео и сир Барристан вернулись с осмотра галер. Дени созвала свой Совет, чтобы их выслушать. Серый Червь представлял Безупречных, Скахаз мо Кондак — Медных Бестий. В отсутствие кровных всадников, от дотракийцев пришел говорить старый джакка рхан по имени Роммо, косоглазый и кривоногий. Её вольноотпущенников представляли капитаны трех отрядов, которые она сформировала — Молонно Йос Доб от Стойких Щитов, Симон Полосатая Спина от Свободных Братьев и Марселен от Воинов Матери. Резнак мо Резнак навис сбоку, а Силач Бельвас встал позади нее со скрещенными на груди

руками. В советниках не будет недостатка.

Гролео был самым несчастным человеком с тех пор, как разломали его корабль, чтобы построить осадные машины. Это позволило ей захватить Миэрин. Дени пыталась утешить его, называя "милорд Адмирал", но это была пустая честь. Миэринский военный флот уплыл в Юнкай, когда силы Дени подошли к городу, так что старый пентошиец был адмиралом без кораблей. Но сейчас он улыбался сквозь косматую просоленную бороду, чего давно не было на памяти королевы.

— Итак, корабли прочны? — спросила она с надеждой.

— Достаточно прочны, Ваше Величество. Они старые, да, но в большинстве исправные. Корпус "Непорочной принцессы" изъеден червями. Я не хотел бы выводить её в открытое море. "Наррака" требует нового руля и стропил, а у "Окольцованной ящерицы" сломано несколько весел, но они еще послужат. Гребцы — это рабы, но если мы предложим им достойную плату, большинство останется с нами. Всё, что они умеют, это грести. Тех, кто уйдет, заменим нашими. Переход в Вестерос долг и тяжел, но уверяю, эти корабли крепки достаточно, чтобы доставить нас туда.

Резнак мо Резнак издал
жалобный стон.

— Значит, это правда. Ваше
Почтение намеревается оставить
нас, — он заломил руки. —
Юнкайцы восстановят Великих
Господ сразу же после вашего ухода,
а нас, кто так преданно служили
вашему делу, предадут мечу; наших
милых жен и дочерей изнасилуют и
обратят в рабынь.

— Не моих, — прорычал Скахаз
Бритоголовый. — Сначала я убью их
всех своей собственной рукой.

Он хлопнул по рукоятке своего
меча.

У Дени было чувство, будто он
ей дал пощечину.

— Если вы боитесь того, что последует за моим отъездом, пойдите со мной в Вестерос.

— Куда бы ни шла Матерь Драконов, Воины Матери пойдут за ней, — провозгласил Марселен, последний брат Миссандеи.

— Как? — спросил Симон Полосатая Спина, прозванный так из-за шрамов, покрывавших его спину и плечи в напоминание о побоях, от которых он страдал в Астапоре. — Тринадцать кораблей... это недостаточно. Даже сотни кораблей будет недостаточно.

— Деревянные лошади нехорошие, — запротестовал Роммо, старый джакка рхан, — дотракийцы

поедут верхом.

— Они могут двигаться по земле вдоль берега, — предложил Серый Червь. — Корабли могли бы поддерживать скорость движения колонны и снабжать её провиантом.

— Это сработает, пока вы не достигнете руин Бхораша, — ответил Бритоголовый. — После него ваши корабли должны будут повернуть на юг, мимо Толоса и Острова Кедров, и обойти вокруг Валирии, а пешие продолжают идти на Мантарис по старой дороге драконов.

— Теперь ее называют *дорогой демонов*, — сказал Моллоно Йос Доб. Пухлый командир Стойких Щитов испачканными в чернилах

руками и толстым животом больше походил на писца, чем на солдата, но он был не глупее остальных. — Очень многие из нас погибнут.

— Оставшиеся в Миэрине позавидуют их легкой смерти, — простонал Резнак. — Из нас сделают рабов или бросят в ямы. Все будет как раньше, или хуже.

— Где ваше мужество? — вскипел сир Барристан. — Ее Величество освободила вас из цепей. Теперь ваша очередь наточить мечи и защитить собственную свободу, когда она уйдет.

— Смелые слова от того, кто собирается уплыть на закат, — огрызнулся в ответ Симон Полосатая

Спина. — Вы обернетесь
посмотреть, как мы умираем?

— Ваше Величество...

— Ваше Великолепие...

— Ваше Почтение...

— *Хватит.* — Дени ударила по столу. — Никого не оставят умирать. Вы все мой народ. — Мечты о доме и любви ослепили ее. — Я не позволю Миэрину разделить участь Астапора. Мне печально это говорить, но Вестеросу придется подождать.

Гролео был в ужасе.

— Мы *должны* принять эти корабли. Если мы откажемся от подарка...

Сир Барристан преклонил перед ней колено.

— Моя королева, ваше королевство нуждается в вас. Здесь вы не нужны, но в Вестеросе тысячи людей соберутся под ваши знамена, великие лорды и благородные рыцари. "Она пришла, — радостно будут кричать они друг другу. — Сестра принца Рейегара наконец — то вернулась домой".

— Если они так меня любят, они дождутся меня, — Дени встала. — Резнак, позови Ксаро Ксоана Даксосу.

Она приняла купеческого принца одна, на скамейке из полированного черного дерева, сидя на подушках, которые принес сир Барристан. Его сопровождали четыре

квартирских матроса. Они несли на плечах свернутый в рулон гобелен.

— Я принес еще один подарок королеве моего сердца, — объявил Ксаро. — Он был в моей семейной сокровищнице еще до Рока Валирии.

Матросы развернули гобелен по полу. Он был старый, пыльный, блеклый... и огромный. Дени пришлось перейти на сторону Ксаро, чтобы разглядеть рисунок.

— Карта? Это прекрасно.

Она покрывала половину пола. Моря были голубыми, суша зеленой, горы черными и коричневыми. Города были изображены в виде звезд из золота и серебра. *Дымного Моря нет*, поняла она. *Валирия еще*

не остров.

— Вот здесь Астапор, Юнкай и Миэрин, — Ксаро указал на три серебряные звезды рядом с голубым Заливом Работорговцев. — Вестерос... где — то там внизу.

Он неопределенно махнул рукой в сторону дальнего конца зала.

— Ты повернула на север, а тебе надо было плыть дальше на юг и запад, через Летнее море. Но с моим подарком ты должна скоро вернуться на родину. Прими мои галеры с легким сердцем и налегай на весла в западном направлении.

Если бы я могла.

— Милорд, я с радостью приму эти корабли, но не могу дать

обещание, о котором вы просите, — она взяла его за руку. — Отдайте мне галеры, и я клянусь, у Кварта будет дружба Миэрина, пока не погаснут звезды. Позвольте мне торговать с ними, и вы получите хорошую прибыль.

Довольная улыбка Ксаро погасла.

— Что ты говоришь? Ты говоришь мне, что ты не уходишь?

— *Я не могу уйти.*

Слезы брызнули из его глаз и поползли по носу мимо изумрудов, аметистов и черных бриллиантов.

— Я сказал Тринадцати, что ты прислушаешься к моей мудрости. Мне горько узнать, что я ошибался.

Возьми корабли и уплывай, иначе ты, без сомнения, умрешь в муках. Ты не представляешь, скольких врагов ты нажила.

Уверена, что один из них стоит сейчас передо мной, проливая лживые слезы. Осознание этого опечалило ее.

— Когда я вошел в Зал Тысячи Престолов умолять Чистокровных сохранить твою жизнь, я говорил им, что ты не более чем дитя, — продолжал Ксаро, — но Эгон Эмерос, Блистательный, поднялся и сказал: "Она безрассудное дитя, безумное и непредусмотрительное, и слишком опасное, чтобы жить." Когда твои драконы были

маленькими, они были чудом. Выросшие, они словно пламенный меч над миром, несущий смерть и разрушение, — он вытер слезы. — Я должен был убить тебя в Кварте.

— Я была вашей гостьей, ела ваше мясо и мед, — произнесла она. — В память обо всем, что вы сделали для меня, я прощу эти слова... когда-нибудь... но никогда не позволю угрожать мне снова.

— Ксаро Ксоан Даксос не угрожает. Он обещает.

Ее печаль превратилась в ярость.

— А я обещаю тебе, что если ты не уйдешь до рассвета, мы все узнаем, могут ли слезы лжеца потушить огонь драконов. Оставь

меня, Ксаро. Быстро.

Он ушел, но оставил после себя свой мир. Дени села на скамейку и устремила пристальный взгляд через синее шелковое море к далёкому Вестеросу.

Однажды, пообещала она себе.

На следующее утро галеры Ксаро ушли, но в Заливе Работоторговцев остался его "подарок". Длинные красные вымпелы слетели с мачт тринадцати кораблей Кварта, извиваясь на ветру. И когда Дейенерис спустилась для приема, посыльный с кораблей уже ждал её. Он не произнес ни слова, только положил к её ногам черную атласную подушку, на которой покоилась

окровавленная перчатка.

— Что это? — спросил
Скахаз. — Окровавленная перчатка...

— ...означает войну, — сказала
королева.

18. ДЖОН

— Остерегайтесь крыс, милорд, — Скорбный Эдд указывал Джону путь вниз по лестнице, держа в одной руке фонарь. — Они издают чудовищный писк, если на них наступишь. Моя мать имела обыкновение визжать так же, когда я был мальчишкой. Если подумать, в ней, должно быть, тоже было что-то от крысы. Каштановые волосы, глазки-бусинки, сыр любила. Наверное, у нее и хвост имелся, просто я никогда не проверял.

Все помещения Черного Замка были связаны лабиринтом туннелей,

которые братья называли "червоточинами". Темные и мрачные, туннели располагались глубоко под землей, поэтому летом червоточинами почти не пользовались, но стоило задуть зимним ветрам и выпасть снегу, как они становились самым быстрым способом перемещения по замку. Стюарды уже пустили их в ход — когда Джон шел по туннелю, а его шаги отдавались эхом далеко впереди, он заметил в некоторых настенных нишах зажженные свечи.

Боуэн Марш ждал на перекрестке четырех червоточин. С ним был Вик Виттлстик, высокий и тощий, словно копье.

— Здесь данные о трех предыдущих ревизиях, — сказал Марш Джону, передавая ему толстую стопку бумаг, — для сравнения с нынешним состоянием складов. Начнем с зернохранилищ?

Они двигались под землей через серый сумрак. Вход в каждую кладовую преграждала массивная дубовая дверь с железным замком размером с большую тарелку.

— Были случаи воровства? — спросил Джон.

— Пока что нет, — ответил Боуэн Марш. — Но когда придет зима, со стороны вашей светлости будет разумным выставить здесь посты.

Вик Виттлстик носил ключи на кольце вокруг шеи. На взгляд Джона, все они выглядели одинаково, но Вик каким-то образом находил для каждой двери подходящий. Оказавшись внутри, он доставал из мешочка кусок мела размером с кулак и отмечал каждую бочку, мешок и бутыль, чтобы посчитать их, пока Марш сравнивал новые данные со старыми отчетами.

В зернохранилищах были овес, пшеница, ячмень и бочки с мукой грубого помола. В подвалах со стропил свисали гирлянды из головок лука и чеснока, а полки заполняли мешки с морковью, пастернаком, редькой, белой и

желтой репой. В одной из кладовых хранились головки сыра — такие большие, что один человек не смог бы сдвинуть их с места. В следующей кладовой, в ряды по десять футов высотой, были сложены бочки соленой говядины, соленой свинины, соленой баранины и соленой трески. Три сотни окороков и три тысячи длинных черных колбас свисали с потолочных балок под коптильней. В шкафах со специями они обнаружили перец, гвоздику, корицу, семена горчицы, кориандр, обычный и мускатный шалфей, петрушку и бруски соли. В других местах хранились бочки яблок и груш, высушенный горох, сушеный инжир,

мешки лесных орехов, каштанов, миндаля, бруски лосося холодного копчения, глиняные кувшины, заполненные оливковым маслом и запечатанные воском. Еще в одной кладовой имелись: заготовленная в горшках зайчатина, бедро оленя в меде, маринованная капуста, маринованная свекла, маринованный лук, маринованные яйца и маринованная сельдь.

Они переходили из одного погреба в другой, и червоточины становились все холоднее. Вскоре Джон уже видел свое дыхание в свете фонаря:

— Мы под Стеной.

— А скоро будем внутри нее, —

сказал Марш. — Мясо не портится в холоде. Для долгого хранения это лучше, чем засолка.

Следующая дверь была из ржавого железа. За ней начинались деревянные ступени. Скорбный Эдд освещал путь фонарем. Пройдя по лестнице, они оказались в туннеле, таком же длинном, как главный чертог Винтерфелла, хотя и не шире обычной червоточины. Ледяные стены ошетинились железными крюками. С каждого свисали огромные куски мяса: освежеванные олени и лоси, говяжьи полутуши, внушительных размеров свиньи, подвешенные под потолком, безголовые овцы и козы, и даже

лошади и медведи. Все они были в инее.

Пока производился подсчет, Джон стянул перчатку с левой руки и дотронулся до ближайшей оленьей ноги. Он почувствовал, как пальцы прилипают и, отдергивая руку, лишился кусочков кожи. Кончики пальцев онемели. *А чего ты ожидал? Над твоей головой — гряда льда, которая весит больше тонн, чем способен сосчитать Боуэн Марш.* Тем не менее, в помещении все равно было холоднее, чем должно бы.

— Все еще хуже, чем я ожидал, милорд, — объявил Марш, окончив ревизию. Теперь он выглядел

мрачнее, чем Скорбный Эдд.

Джон как раз раздумывал о том, что все мясо мира собрано вокруг них. *Ничего ты не знаешь, Джон Сноу.*

— Как же так? Похоже, что здесь навалом еды.

— Лето было долгим, урожаи — обильными, а лорды — щедрыми. Мы отложили достаточно на три года зимы. На четыре — если будем экономными. Но теперь, если мы продолжим кормить людей короля, королевы и всех одичалых... В одном Кротовом городке тысяча бесполезных ртов, и их число растет. Только вчера у ворот появились трое, дюжина — позавчера. Так не может

продолжаться. Поселить их в Даре — прекрасная затея, вот только уже слишком поздно для посадки зерновых. Мы будем питаться лишь репой и гороховой кашей еще до конца этого года. А после — начнем пить кровь наших лошадей.

— Ням-ням, — заявил Скорбный Эдд. — Ничто не сравнится с чашей горячей лошадиной крови в холодную ночь. Я лично предпочитаю ее присыпанной щепоткой корицы.

Лорд-стюард не обратил на него внимания:

— Еще начнутся болезни, — продолжил он, — кровоточащие десны и выпадающие зубы. Мейстер

Эйемон говорил, это лечится соком лайма и свежим мясом, но лайм закончился год назад, и у нас недостаточно корма для скота, чтобы располагать свежим мясом. Нам следует забить скот, оставив только несколько пар для разведения. Уже давно пора. В прошлые зимы продовольствие поставлялось по Королевскому Тракту с юга, но с этой войной... Я знаю, пока все еще осень, но несмотря на это, я бы посоветовал перейти на зимние пайки, если так будет угодно милорду.

Парням это понравится.

— Раз так нужно, мы урежем порцию каждого на четверть.

Если мои братья недовольны мной сейчас, что же они скажут, когда будут есть снег и толченые желуди?

— Это поможет, милорд, — тон лорда-стюарда ясно дал понять: он не думает, что это поможет в достаточной мере.

Скорбный Эдд произнес:

— Теперь я понимаю, зачем король Станнис позволил одичалым пройти через Стену. Он приготовил их нам на съедение.

Джону пришлось улыбнуться:

— До этого не дойдет.

— О, замечательно, — отреагировал Эдд. — Они выглядят очень жилистыми, а мои зубы уже не

такие острые, как в молодости.

— Если бы у нас было достаточно денег, мы могли бы купить еду на юге и привезти ее сюда по морю, — сказал лорд-стюард.

Могли бы, подумал Джон, будь у нас золото и кто-нибудь, желающий продать нам еду. Оба этих условия были невыполнимы. *Самым лучшим шансом для нас может стать Орлиное Гнездо.* Долина Аррен славилась своей плодородностью, и ее не коснулись сражения. Джон гадал, как сестра леди Кейтилин отнеслась бы к мысли снабдить продовольствием бастарда Неда Старка. Когда он был мальчиком, у него часто возникало чувство, что

леди не поделилась бы с ним и кусочком.

— Мы всегда сможем охотиться, если нужно, — вставил Вик Виттлстик. — В лесах еще есть дичь.

— И одичалые, и темные твари, — возразил Марш. — Я бы не стал посылать охотников, милорд. Я бы не стал.

Нет. Ты бы закрыл навсегда наши ворота и запечатал их камнями и льдом. Он знал, что половина Черного Замка была согласна с мнением лорда-стюарта. Другая половина высмеивала их. "Ага, запечатайте наши ворота и водрузите свои толстые черные задницы на Стену, а вольный народ

пройдет толпами по Мосту Черепов или через какие-нибудь ворота, которые считались запечатанными последние пятьсот лет, — громко заявил старый лесничий Дайвен два дня назад за ужином. — У нас нет людей, чтобы уследить за сотней лиг Стены. Тормунд Великанья Задница и чертов Плакальщик тоже знают об этом. Когда-нибудь видели утку, вмерзшую лапами в лед пруда? С воронами такое тоже случается". Большинство разведчиков поддерживало Дайвена, а стюарды и строители склонялись к Боуэну Маршу.

Но об этом можно было подумать позже. Здесь и сейчас

главной проблемой была еда.

— Мы не сможем оставить короля Станниса и его людей умирать с голоду, даже если бы захотели, — сказал Джон. — Если ему будет нужно, он просто заберет все силой. У нас нет людей, чтобы остановить его. И одичалых тоже надо кормить.

— Но как, милорд? — спросил Боуэн Марш.

Если бы я знал.

— Мы найдем выход.

Когда они вернулись на поверхность, полуденные тени уже удлинялись. Облака усеяли небо, как обтрепанные знамена — серые, бледные и рваные. Площадка у

оружейной пустовала, но внутри Джон увидел ожидающего его оруженосца короля. Деван был тощим парнем лет двенадцати, с копной коричневых волос и глазами того же цвета. Он застыл у кузнечного горна, не смея пошевелиться, поскольку Призрак обнюхивал его с ног до головы.

— Он тебя не тронет, — сказал Джон, но мальчик вздрогнул от звука голоса, и от этого неожиданного движения лютоволк обнажил зубы.

— *Нет!* — окликнул Джон. — Призрак, оставь его. *Назад.*

Волк, крадучись, вернулся к бычьей кости, являя собой воплощенное безмолвие на четырех

лапах.

Деван казался таким же бледным, как Призрак, на лице его выступил пот.

— М-милорд. Его Величество требует вашего присутствия, — мальчик был одет в цвета Баратеонов: золотое и черное, с нашитым пылающим сердцем людей королевы, прикрывавшим его собственное.

— Ты хотел сказать "приглашает", — предположил Скорбный Эдд. — Его Величество приглашает лорда-командующего присутствовать. Вот как я произнес бы это.

— Оставь, Эдд, — Джон был не в настроении препираться.

— Сир Ричард и сир Джастин вернулись, — продолжил Деван. — Вы придете, милорд?

Заблудившиеся разведчики.

Масси и Хорп отправились на юг, а не на север. Что бы они ни узнали, это не касалось Ночного Дозора, но Джону все равно было любопытно.

— Если так угодно Его Величеству.

Он последовал за молодым оруженосцем через двор. Призрак потрусил за ними, но Джон скомандовал:

— Нет. *Останься!*

Вместо этого лютоволк убежал.

В Королевской Башне Джон сдал оружие и предстал перед королем. В

покоях было жарко и многолюдно. Станнис и его капитаны столпились вокруг карты Севера. Среди них были и заблудившиеся разведчики. Присутствовал и Сигорн — молодой магнар Теннов. Он был одет в кожаный доспех, обшитый бронзовыми пластинками. Гремучая Рубашка сидел, почесывая сломанным желтым ногтем запястья под кандалами. Его впалые щеки и срезанный подбородок были покрыты темной щетиной, пряди грязных волос спадали на глаза.

— А вот и смелый мальчишка, — произнес он, увидев Джона, — прикончивший Манса Налетчика, когда тот был связан и

сидел в клетке, — большой квадратный камень, украшавший его железные наручники, мерцал красным светом. — Нравится тебе мой рубин, Сноу? Знак любви Красной Леди.

Не обращая на него внимания, Джон преклонил колено.

— Ваше Величество, — объявил Деван, — я привел лорда Сноу.

— Я и сам вижу. Лорд-командующий. Полагаю, ты знаком с моими рыцарями и капитанами?

— Имел такую честь, — он постарался разузнать все, что возможно, об окружении короля. *Все это люди королевы.* Джону показалось странным, что рядом с

королем нет его свиты, но таково было положение дел. Если слухи, дошедшие до Джона, верны, то приближенные Станниса навлекли на себя гнев короля на Драконьем Камне.

— Вина? Или лимонада?

— Благодарю вас, нет.

— Как хочешь. У меня для тебя подарок, лорд Сноу, — король махнул рукой в сторону Гремучей Рубашки. — Вот он.

Леди Мелисандра улыбнулась:

— Ты говорил, что тебе нужны люди, лорд Сноу. Мне кажется, Костяной Лорд еще на многое сгодится.

Джон был ошеломлен:

— Ваше Величество, этому человеку нельзя доверять. Если я его здесь оставлю, кто-нибудь обязательно перережет ему горло. Если пошлю в разведку — он просто вернется к одичалым.

— Только не я. Я завязал с этими чертовыми дураками, — Гремучая Рубашка постучал по рубину на запястье. — Спроси свою красную ведьму, бастард.

Мелисандра мягко ответила на незнакомом языке. Рубин на ее горле медленно пульсировал, и Джон увидел, что маленький камень на запястье Гремучей Рубашки прояснялся и темнел в такт с ним.

— Пока он носит камень, он

связан со мной кровью и душой, — произнесла красная жрица. — Этот человек будет верно служить тебе. Огонь не лжет, лорд Сноу.

Возможно, нет, подумал Джон, *но ты лжешь.*

— Я пойду для тебя в разведку, бастард, — заявил Гремучая Рубашка. — Я дам тебе мудрый совет или спою прекрасную песню, если захочешь. Я даже буду сражаться за тебя. Только не проси меня носить ваш плащ.

Ты недостойн его, подумал Джон, но придержал язык. Ничего хорошего из перепалки перед королем не выйдет.

Король Станнис сказал:

— Лорд Сноу, расскажи мне о Морсе Амбере.

Ночной Дозор не принимает ничью сторону, подумал Джон, но другой голос шепнул ему: *слова — не мечи.*

— Старший из дядьев Большого Джона. Его прозвали Воронье Мясо. Ворона однажды приняла его за мертвого и выклевала глаз. Он схватил птицу в кулак и откусил ей голову. В молодости Морс был грозным воином. Его сыновья погибли на Трезубце, жена умерла в родах. А единственную дочь украли одичалые тридцать лет назад.

— *Вот* почему он хочет получить голову, — сказал Харвуд

Фелл.

— Можно ли доверять этому Морсу? — спросил Станнис.

Морс Амбер преклонил колено?

— Ваше Величество, нужно, чтобы он принес присягу перед своим сердцедревом.

Годри Убийца Великанов расхохотался:

— Я и забыл, что вы, северяне, поклоняетесь деревьям.

— Что же это за бог, который позволяет собакам мочиться на себя? — поддержал Фарринга его закадычный друг Клейтон Саггс.

Джон решил не обращать внимания:

— Ваше Величество, могу я

узнать, присягнули ли вам Амберы?

— Присягнут. Но только половина из них, и лишь если я соглашусь на условия этого Вороньего Мясa, — ответил Станнис раздраженным тоном. — Он желает получить череп Манса Налетчика и сделать из него кубок, а еще он хочет прощенья для своего брата, который отправился на юг, чтобы присоединиться к Болтону. Смерть Шлюхам, так он его назвал.

Это тоже развеселило сира Годри:

— Что за имена у этих северян! Этот, наверное, откусил голову какой-то шлюхе?

Джон холодно взглянул на него:

— Можно и так сказать. Шлюхе, которая попыталась ограбить его пятьдесят лет назад в Староместе, — сейчас это казалось странным, но старый Хорффрост Амбер когда-то полагал, что у его младшего сына были задатки мастера. Морс любил похвастаться историей о вороне, которая лишила его глаза, а вот историю Хозера рассказывали только шепотом... наверное, оттого, что шлюха, которую он распотрошил, была мужчиной. — Другие лорды тоже присягнули Болтону?

Красная жрица подошла поближе к королю:

— Я видела город с деревянными стенами и

деревянными улицами, заполненный людьми. Стяги развевались над стеной: лось, боевой топор, три сосны, длинные топоры, скрещенные под короной, голова лошади с огненными глазами.

— Хорнвуды, Сервины, Толхарты, Рисвеллы и Дастины, — пояснил сир Клейтон Саггс. — Все они изменники. Карманные собачки Ланнистеров.

— Рисвеллы и Дастины связаны с домом Болтона браками, — сообщил Джон. — Другие потеряли своих сюзеренов в сражениях. Я не знаю, кто сейчас ими правит. Однако Воронье Мясо — не карманная собачка. Для Вашего Величества

было бы правильным принять его условия.

Станнис заскрежетал зубами:

— Он заявляет, что Амбер ни в коем случае не будет биться против Амбера.

Джона это не удивило:

— Если дело дойдет до сражения, посмотрите, где развевается стяг Хозера, и отправьте Морса на другой фланг.

Убийца Великанов не согласился:

— Ты выставишь Его Величество слабаком. Я считаю так — покажем нашу мощь. Спалим дотла Последний Очаг и поскачем на войну с головой Вороньего Мясa на

копье в назидание следующему лорду, который решит принести лишь половину присяги.

— Отличный план, если вы хотите, чтобы каждый на севере восстал против вас. Половина — больше, чем ничего. Амберы не любят Болтонов. Если Смерть Шлюхам и присоединился к Бастарду, то только потому, что Ланнистеры держат Большого Джона в заложниках.

— Это предлог, а не причина, — заявил Сир Годри. — Если племянник умрет в оковах, дядюшки загребут себе его земли и титул.

— У Большого Джона есть сыновья и дочери. На севере родные

дети мужчины пока еще наследуют прежде дядей, сир.

— Только если они живы. Мертвые дети везде наследуют последними.

— Намекните на это в присутствии Морса Амбера, сир Годри, и вы узнаете о смерти больше, чем вам хотелось бы.

— Я убил великана, мальчишка. Почему же я должен бояться какого-то блохастого северянина, который нарисовал одного из них на своем щите?

— Великан убегал. Морс не будет.

Высокий рыцарь вспыхнул:

— Ты очень дерзок в покаях

короля, мальчишка. Во дворе ты запоешь другую песню.

— Да брось, Годри, — вмешался сир Джастин Масси, расхлябанный мясистый рыцарь с копной волос соломенного цвета и постоянной улыбкой на лице. Масси был одним из заблудившихся разведчиков. — Уверен, мы все знаем, какой у тебя большой великаний меч. Тебе нет никакой надобности снова махать им у нас перед лицами.

— Единственная вещь, которой тут машут, — твой язык, Масси.

— *Тихо*, — гаркнул Станнис. — Лорд Сноу, послушай меня. Я задержался здесь в надежде, что одичалые будут настолько глупы, что

предпримут еще одну атаку на Стену. Поскольку теперь они меня не связывают, пришло время разделаться с другими врагами.

— Понимаю, — Джон насторожился. *Чего он хочет от меня?* — Я не люблю ни лорда Болтона, ни его сына, но Ночной Дозор не поднимет против них оружия. Наши обеты запрещают...

— Я знаю все о ваших обетах. Избавь меня от нотаций, лорд Сноу, у меня достаточно сил и без тебя. Я собираюсь выступить против Дредфорта, — увидев смятение на лице Джона, он улыбнулся. — Тебя это удивляет? Хорошо. Что удивляет одного Сноу, может удивить и

другого. Бастард Болтона пошел на юг, прихватив с собой Хозера Амбера. В этом мнения Морса Амбера и Арнольфа Карстарка сходятся. Это может означать только удар по Рву Кейлин, призванный открыть его лорду-отцу дорогу для возвращения на север. Бастард думает, я слишком занят одичалыми, чтобы побеспокоить его. Тем лучше. Мальчишка обнажил горло, и я собираюсь его вырвать. Может быть, Русе Болтон отвоюет север, но когда он это сделает, то обнаружит, что его замок, стада и урожаи принадлежат мне. Если я захвачу Дредфорт неожиданно...

— Вы не сумеете, — выпалил

Джон.

Он будто разворошил палкой осиное гнездо. Один из людей королевы рассмеялся, другой плюнул, третий пробормотал проклятие, а все остальные пытались говорить одновременно.

— У мальчишки вода течет в венах, — сказал сир Годри Убийца Великанов.

Лорд Свит раздраженно добавил:

— Трус видит разбойника за каждой травинкой.

Станнис поднял руку, призывая к тишине:

— Объясни свои слова.

С чего начать? Джон подошел к

карте, на углах которой стояли свечи, не позволяющие ей свернуться. Пятно расплавленного воска растекалось по Тюленьему заливу медленно, как ледник.

— Чтобы добраться до Дредфорта, Вашему Величеству придется пойти вниз по Королевскому Тракту через Последнюю реку, — он показал на карте. — Это земли Амберов, где они знают каждое дерево и каждый камень. Королевский Тракт проходит по их западным окраинам на протяжении сотни лиг. Морс наголову разобьет ваши отряды, если вы не примете его условия и не привлечете на свою сторону.

— Хорошо. Допустим, я сделаю это.

— Это приведет вас к Дредфорту, — продолжил Джон, — однако, если ваши отряды не смогут обогнать воронов или ряд сигнальных костров, замок узнает о вашем приближении. Рамси Болтону будет легко отрезать вам путь к отступлению и оставить далеко от Стены без еды и резервов, в окружении врагов.

— Только если он снимет осаду Рва Кейлин.

— Ров Кейлин падет прежде, чем вы дойдете до Дредфорта. Как только лорд Русе объединит свои силы с Рамси, они получают над вами

превосходство в численности пять к одному.

— Мой брат выигрывал сражения и при худшем соотношении сил.

— Вы полагаете, что Ров Кейлин падет быстро, Сноу, — возразил Джастин Масси, — но железнорожденные — бесстрашные воины, и, как я слышал, Ров еще ни разу не удавалось захватить.

— *С юга.* Маленький гарнизон Рва Кейлин может погубить любую армию, наступающую вверх по насыпи, но развалины уязвимы с севера и востока, — Джон повернулся к Станнису. — Сир, это смелый удар, но риск... — *Ночной*

Дозор не принимает ничью сторону. Баратеоны или Болтоны — мне должно быть все равно. — Если Русе Болтон поймает вас под стенами со своими главными силами, это будет конец для всех вас.

— Риск — это часть войны, — заявил Сир Ричард Хорп, худой рыцарь с порченным лицом, на чьем стеганом дублете были изображены три бабочки "мертвая голова" на черно-белом фоне. — Каждая битва — это риск, Сноу. Тот, кто ничего не делает, тоже рискует.

— Риски рискам рознь, сир Ричард. Этот... слишком большой. Слишком рано и слишком далеко. Я знаю Дредфорт. Это прочный замок,

сделанный из камня, с толстыми стенами и мощными башнями. Из-за приближающейся зимы в нем много продовольствия. Сотни лет назад дом Болтонов восстал против Короля Севера, и Харлон Старк организовал осаду Дредфорта. Ему потребовалось два года, чтобы взять его измором. Чтобы иметь хоть какую-нибудь надежду взять замок, Вашему Величеству нужны осадные машины, башни, тараны...

— Осадные башни можно возвести при необходимости, — сказал Станнис, — если потребуются тараны, для них можно срубить деревья. Арнольф Карстарк пишет, что в Дредфорте осталось менее

пятидесяти человек, половина из которых — слуги. Даже сильный замок со слабыми защитниками — уязвим.

— Пятьдесят человек внутри замка стоят пятисот снаружи.

— Это зависит от людей, — возразил Ричард Хорп. — Эти — старики и зеленые юнцы. Те, которых бастард не посчитал годными для битвы. Наши же люди знают вкус крови, прошли проверку на Черноводной, и их возглавляют рыцари.

— Вы видели, как мы разделались с одичалыми, — сир Джастин откинул назад соломенные волосы. — Карстарки поклялись

примкнуть к нам у Дредфорта, и одичалые тоже будут за нас. Триста бойцов. Лорд Харвуд пересчитал их, когда они проходили через ворота. И женщины тоже сражаются.

Станнис кисло взглянул на него:

— Не за меня, сир. Я не хочу, просыпаясь, слышать вопли вдов. Женщины останутся здесь, со стариками, ранеными и детьми. Они послужат залогом верности их мужей и отцов. Одичалые составят мой авангард. Магнар будет командовать ими со своими собственными людьми в качестве сержантов. Но сначала мы должны вооружить их.

Он намерен опустошить наши склады оружия, понял Джон. *Еда и*

одежда, земли и замки, теперь вот оружие. Он втягивает меня все глубже с каждым днем. Слова — не мечи, но мечи — это мечи.

— Я мог бы найти триста копий, — сказал он неохотно. — А также шлемы, если вам подойдут старые и покрытые ржавчиной.

— А доспехи? — спросил магнар. — Броня для лошадей? Кольчуги?

— Со смертью Донала Нойе мы остались без оружейника, — остальное Джон оставил недосказанным. *Дайте одичалым кольчуги, и они станут вдвое опаснее для королевства.*

— Вареной кожи будет

достаточно, — сказал сир Годри. — После того как мы ввяжемся в сражение, выжившие смогут собрать трофеи с мертвых.

Те немногие, кто проживет достаточно долго. Если Станнис поставит вольный народ в авангард, то большинство погибнет быстро.

— Питье из черепа Манса Налетчика может доставить удовольствие Морсу Амберу, но разгуливающие по его земле одичалые — нет. Вольный народ совершал набеги на Амберов испокон веков, пересекая Тюлений залив в поисках золота, овец и женщин. Среди похищенных была и дочь Вороньего Мясa. Ваше

Величество, оставьте одичалых здесь. Их присутствие в войске приведет лишь к тому, что знаменосцы моего лорда-отца повернутся против вас.

— Знаменосцы твоего отца, похоже, и так не проявляют ко мне симпатии. Я вынужден предположить, что они видят во мне... как ты называл меня, лорд Сноу? *Еще одного обреченного самозванца?* — Станнис уставился на карту. Долгое время был слышен лишь скрип королевских зубов. — Оставьте меня. Все вы. Лорд Сноу, задержись.

Бесцеремонный роспуск не порадовал Джастина Масси, но ему

ничего не оставалось, кроме как улыбнуться и уйти. Хорп последовал за ним, бросив на Джона оценивающий взгляд. Клейтон Саггс опорожнил кубок и пробормотал Харвуду Феллу что-то, заставившее юношу рассмеяться. *"Мальчишка"* было частью сказанного. Саггс был вознесшимся межевым рыцарем, грубым и сильным. Последним их покинул Гремучая Рубашка. У двери он насмешливо поклонился Джону и улыбнулся, показав полный рот коричневых и сломанных зубов.

"Все вы", похоже, не касалось леди Мелисандры. *Красная тень короля.* Станнис подозревал Девана, чтобы тот долил ему лимонной воды.

Когда чаша была полна, король выпил и сказал:

— Хорп и Масси желают получить владения твоего отца. Масси также хочет и принцессу одичалых. Когда-то он служил оруженосцем у моего брата Роберта и перенял его аппетит к женской плоти. Хорп возьмет Вель в жены, если я прикажу, но он больше жаждет сражений. Будучи оруженосцем, он мечтал о белом плаще, но Серсея Ланнистер была против, и Роберт обделил его. Возможно, справедливо. Сиру Ричарду слишком нравится убивать. Кого бы ты хотел видеть лордом Винтерфелла, Сноу? Улыбчивого или

убийцу?

Джон ответил:

— Винтерфелл принадлежит моей сестре Сансе.

— Я уже слышал все, что нужно, о леди Ланнистер и ее притязаниях, — король отставил в сторону кубок. — Ты мог бы привести север ко мне. Знаменосцы твоего отца сплотились бы вокруг сына Эддарда Старка. Даже лорд Слишком-Толстый-Чтобы-Сесть-На-Лошадь. Белая Гавань стала бы для меня готовым источником провизии и надежным плацдармом, к которому я мог бы отступить в случае необходимости. Еще не слишком поздно исправить эту глупость, Сноу.

Преклони колено, присягни мне своим бастардовым мечом и встань Джоном Старком, лордом Винтерфелла и Хранителем Севера.

Сколько раз он заставит меня сказать это?

— Мой меч принадлежит Ночному Дозору.

Станнис смотрел с отвращением:

— Твой отец тоже был упрямым. *Честь*, так он это называл. Но за честь приходится платить, что лорд Эддард и узнал себе на беду. Если тебя это как-то утешит, то Хорпа и Масси ждет разочарование. Я больше склоняюсь к тому, чтобы даровать Винтерфелл

Арнольфу Карстарку. Хорошему северянину.

— Северянину, — *Лучше Кастарк, чем Болтон или Грейджой,* сказал себе Джон, но эта мысль мало утешила его. — Карстарки бросили моего брата в окружении врагов.

— После того, как твой брат отрубил голову лорду Рикарду. Арнольф был за тысячу лиг оттуда. В нем есть кровь Старков. Кровь Винтерфелла.

— Как и у половины других домов севера.

— Те другие дома не признали меня.

— Арнольф Карстарк — горбатый старик, и даже в молодости

он уступал лорду Рикарду как воин. Трудности похода вполне могут убить его.

— У него есть наследники, — отрезал Станнис. — Два сына, шесть внуков, несколько дочерей. Если бы у Роберта были законнорожденные дети, многие погибшие могли бы быть живы.

— Ваше Величество добьется большего успеха с Морсом Вороньим Мясом.

— И Дредфорт будет доказательством этого.

— Значит, вы все же решили наступать?

— Несмотря на совет великого лорда Сноу? Да. Хорп и Масси,

может, и слишком честолюбивы, но они правы. Я не могу сидеть сложа руки, пока силы Русе Болтона прибывают, а мои тают. Я должен ударить и показать северу, что меня все еще следует бояться.

— Водяного Мандерли не было среди знамен, которые леди Мелисандра видела в огне, — сказал Джон. — Если бы с вами была Белая Гавань и рыцари лорда Вимана...

— "Если" — слово для дураков. У нас нет вестей от Давоса. Может быть, он так и не добрался до Белой Гавани. Арнольф Карстарк пишет, что шторма на Узком море были свирепыми. Как бы то ни было, у меня нет времени ни скорбеть, ни

следить за прихотями Лорда-Слишком-Толстого. Будем считать, что Белая Гавань потеряна для меня. Без сына Винтерфелла, который встал бы рядом со мной, я могу надеяться лишь на то, чтобы захватить север в сражении. Для этого мне нужно действовать по учебнику моего брата. Не то чтобы Роберт когда-нибудь прочитал хоть один... Но мне нужно нанести моим врагам смертельный удар, прежде чем они поймут, что происходит.

Джон понял, что все его слова напрасны. Станнис захватит Дредфорт или умрет, пытаясь сделать это. *Ночной Дозор не принимает ничью сторону*, сказал один голос, но

другой ответил: *Станнис сражается ради королевства, железнорожденные — ради рабов и добычи.*

— Ваше Величество, я знаю, где вы можете найти больше людей. Отдайте мне одичалых, и я с радостью расскажу вам, где и как.

— Я отдал тебе Гремучую Рубашку. Довольствуйся этим.

— Мне нужны все.

— Некоторые из твоих названных братьев пытались внушить мне, что ты сам наполовину одичалый. Это правда?

— Для вас они — лишь щит от стрел. Я же найду им лучшее применение на Стене. Отдайте их

мне, чтобы я мог поступить с ними по своему усмотрению, а я покажу вам, где найти победу... и людей.

Станнис потер затылок:

— Ты торгуешься как старая карга с треской, лорд Сноу. Что, Нед Старк прижил тебя от какой-нибудь торговли рыбой? Сколько людей?

— Две тысячи. Возможно, три.

— Три *тысячи*? И что это за люди?

— Гордые. Бедные.

Вспыльчивые, когда задета их гордость, но свирепые бойцы.

— Надеюсь, это не какая-нибудь бастардова уловка. Обменяю ли я триста бойцов на три тысячи? Да, обменяю. Я не полный дурак. Если я

оставлю девчонку с тобой, дашь ли ты мне слово, что будешь хорошо стеречь нашу принцессу?

Она не принцесса.

— Как пожелаете, Ваше Величество.

— Нужно ли мне заставить тебя принести клятву перед деревом?

— Нет, — *это была шутка?* Со Станнисом никогда не знаешь наверняка.

— Тогда договорились. Ну, и где эти люди?

— Вы найдете их здесь, — Джон протянул обожженную руку над картой к западу от Королевского Тракта и к югу от Дара.

— В этих горах? — Станнис

насторожился. — Я не вижу здесь замков. Не вижу дорог, городов, деревень.

— Карта — не земля, часто говорил мой отец. Люди жили в долинах и на горных лугах тысячелетиями, управляемые главами кланов. Вы бы назвали их мелкими лордами, хотя они не именуют друг друга такими титулами. Главные воины кланов дерутся огромными двуручными мечами, а люди попроще мечут камни и лупят друг друга дубинами из горного ясеня. Сварливые ребята, надо заметить. Если они не сражаются, то пасут стада, рыбачат в Ледяном заливе и разводят лошадей,

выносливей которых нет на свете.

— И ты думаешь, что они будут сражаться за меня?

— Если вы их попросите.

— Почему я должен умолять о том, что и так принадлежит мне?

— Я сказал "попросите", а не "будете умолять", — Джон убрал руку. — Не нужно посылать им сообщения. Вашему Величеству придется самому поехать к ним. Отведать хлеба с солью, выпить эля, послушать волынки, воздать хвалу красоте их дочерей и отваге сыновей, и у вас будут их мечи. Клань не видели короля с тех пор, как Торрхен Старк преклонил колено. Ваш визит окажет им честь. Если вы

прикажете им драться за вас, они лишь поглядят друг на друга и скажут: "Кто этот человек? Он мне не король".

— О скольких кланах ты говоришь?

— О нескольких десятках, мелких и крупных. Флинты, Вуллы, Норри, Лиддлы... Склоните на свою сторону Старого Флинта и Большое Ведро, остальные последуют за ними.

— Большое *Ведро*?

— Вулл. У него самое большое брюхо в горах и больше всего людей. Вуллы рыбачат в Ледяном заливе и грозят своим малышам, что железнорожденные заберут их, если

они будут плохо себя вести. Но чтобы добраться до них, Вашему Величеству придется пройти через земли Норри. Они живут ближе всех к Дару и всегда были добрыми друзьями Дозора. Я мог бы послать с вами проводников.

— Мог бы? — Станнис ничего не упускал. — Или пошлешь?

— Пошлю. Вам они понадобятся. И крепкие низкорослые лошади тоже. Дороги там наверху больше похожи на козьи тропы.

— Козьи тропы? — глаза короля сузились. — Я говорю о быстром броске, а ты тратишь мое время на *козьи тропы*?

— Когда Молодой Дракон

покорял Дорн, он воспользовался козьей тропой, чтобы обойти дорнийские сторожевые башни на Костяном Перевале.

— Я тоже слышал эту байку, но Дейерон сделал из мухи слона в своих тщеславных летописях. Ту войну выиграли корабли, а не козы тропы. Дубовый Кулак разгромил Деревянный Городок и поднялся до середины Зеленокровки, пока главные силы Дорна были отвлечены на Принцев перевал, — Станнис побарабанил пальцами по карте. — Эти горные лорды не будут препятствовать моему проходу?

— Только пирами. Каждый будет пытаться превзойти других

гостеприимством. Мой лорд-отец говорил, что никогда так не наедался, как в гостях у кланов.

— Думаю, ради трех тысяч людей я смогу вынести немного волюнок и каши, — сказал король, хотя его тон выражал недовольство даже этим.

Джон повернулся к Мелисandre:

— Миледи, предостерегаю, древние боги сильны в горах. Члены кланов не потерпят оскорбления сердцедрева.

Ее это, похоже, позабавило:

— Не бойся, Джон Сноу, я не побеспокою твоих горных дикарей и их темных богов. Мое место здесь, с тобой и твоими отважными

братьями.

Этого Джону Сноу хотелось меньше всего, но прежде чем он успел возразить, король спросил:

— Куда бы ты предложил мне направить этих доблестных воинов, если не против Дредфорта?

Джон бросил взгляд на карту:

— Темнолесье, — он постучал по нему пальцем. — Если Болтон собирается биться с железнорожденными, значит, и вы должны. Темнолесье — это замок, окруженный рвом, выстроенный посреди густого леса, его легко захватить врасплох. *Деревянный* замок, защищенный земляным валом и частоколом из бревен. Переход

через горы будет медленным, признаю, но при движении сверху ваша армия сможет оставаться незамеченной почти до самых ворот Темнолесья.

Станнис потер челюсть:

— Когда Бейлон Грейджой восстал в первый раз, я разбил железнорожденных на море, где они свирепее всего. А на суше, застигнутые врасплох... да. Я одержал победу над одичалыми и их Королем-За-Стеной. Если я смогу разбить еще и железнорожденных, север будет знать, что у него снова есть король.

А у меня будет тысяча одичалых, подумал Джон, *и никакой*

*возможности прокормить хотя бы
половину из них.*

19. ТИРИОН

"Робкая дева" двигалась в тумане, как слепец, прокладываящий путь через незнакомый зал.

Септа Лемора молилась. Ее голос казался слабым и приглушенным в окружающей их мгле. Гриф расхаживал по палубе, его кольчуга тихо позвякивала под плащом из волчьей шкуры. Время от времени он дотрагивался до меча, как будто желая убедиться, что оружие все еще при нем. Ролли Дакфилд орудовал шестом у правого борта, Яндри — у левого. Исилла

стояла у румпеля.

— Мне здесь не нравится, — пробормотал Халдон Полумейстер.

— Испугался легкого тумана? — ехидно спросил Тирион.

Хотя на самом деле туман был весьма сильным. На носу "Робкой девы" стоял Юный Гриф с еще одним шестом, готовый оттолкнуться в случае появления какой-либо угрозы из серой пелены. На носу и корме горели фонари, но из-за густого тумана карлик с середины лодки мог видеть только пятна света впереди и позади него. Ему самому поручили следить за жаровней и не давать огню угаснуть.

— Это не простой туман, Хугор

Хилл, — настаивала Исилла. — Он пахнет магией, и ты бы тоже это понял, будь у тебя нос. Многие путешественники пропали в этих местах: лодки, пиратские корабли и даже большие речные галеры. Они скитались в тумане в тщетных попытках найти солнце, пока безумие не овладевало ими или же голод не уносил их жизни. Неприкаянные души витают здесь в воздухе и страдают под водой.

— А вот и одна из них, — сказал Тирион.

По правому борту из темных глубин вытянулась рука — такая огромная, что могла бы сокрушить лодку. Только кончики двух пальцев

виднелись над поверхностью реки, но когда "Робкая дева" замедлила ход, Тириону удалось рассмотреть под водой ладонь и бледное лицо, глядящее вверх. И хотя карлик произнес эти слова легкомысленным тоном, его охватило беспокойство. Нехорошее место, наполненное отчаянием и смертью. *Исилла права. Это необычный туман. Что-то нечистое росло в воде и разлагалось в воздухе. Неудивительно, что каменные люди сходят с ума.*

— Тебе не стоит насмехаться над ними, — предостерегла его Исилла. — Шепчущие мертвецы ненавидят тепло и жизнь. И они всегда в поиске новых пропащих душ,

чтобы пополнить ими свои ряды.

— Сомневаюсь, что у них найдется саван моего размера, — Тирион помешал кочергой угли.

— Голод в каменных людях гораздо сильнее ненависти, — голос Халдона Полумейстера приглушал желтый шарф, обмотанный вокруг лица и прикрывавший рот и нос, — ни один человек в здравом уме не стал бы есть то, что растет в таком тумане. Трижды в год триархи Волантиса посылают вверх по реке галеи с провизией. Но эти корабли милосердия часто опаздывают, а иногда привозят больше ртов, чем еды.

— В этой реке должна быть

рыба, — сказал Юный Гриф.

— Я бы не стала есть рыбу, выловленную в этой воде, — отозвалась Исилла. — Точно не стала бы.

— Нам не стоит даже вдыхать этот туман, — сказал Халдон, — нас окружает Проклятье Гарина.

Единственный способ не вдыхать его — не дышать совсем.

— Проклятье Гарина — это всего лишь серая хворь, — сообщил Тирион.

Болезнь в основном поражала детей, особенно в местах с влажным и холодным климатом. Зараженная плоть становилась жесткой, отвердевшей и ломкой, однако

карлик читал, что серую хворь можно остановить соком лайма, горчичными припарками и обжигающе-горячими ваннами (как утверждали мастера), или же молитвами, жертвоприношениями и постом (как уверяли септоны). Затем болезнь проходила, оставляя своих юных жертв изуродованными, но живыми. И мастера, и септоны сходились во мнении, что дети, перенесшие серую хворь, не заболеют уже ни более редкой смертельной формой этого недуга, ни его молниеносной родственницей — серой чумой.

— Говорят, что причина болезни — сырость, — добавил он. —

Заразные испарения в воздухе. А
вовсе не проклятия.

— Завоеватели тоже не верили в
это, Хугор Хилл, — сказала
Исилла. — Люди Волантиса и
Валирии посадили Гарина в золотую
клетку и насмеялись над ним, когда
он взывал к Матери, моля ее
истребить их. Но в ту же ночь воды
восстали и сомкнулись над ними, и с
тех пор эти души не находят покоя.
Они все еще где-то там, под водой,
те, кто когда-то были повелителями
огня. Их холодное дыхание
поднимается из мрака, вызывая эти
туманы, а плоть обратилась в камень,
подобный их сердцам.

Обрубок носа карлика отчаянно

зудел. Он почесал его. *Старуха, возможно, права. Место нехорошее. У меня такое чувство, что я снова в уборной, наблюдаю, как умирает мой отец.* Тирион бы тоже сошел с ума, доведись ему провести свою жизнь в сером тумане, пока плоть и кости превращаются в камень.

Юный Гриф, казалось, не разделял его опасений:

— Пусть только попробуют тронуть нас, мы им живо покажем, из чего мы сделаны.

— Мы созданы из крови и костей, по образу Отца и Матери, — ответила ему септа Лемора. — Не нужно тщеславной похвальбы, заклинаю вас. Гордыня — тяжкий

грех. Каменные люди тоже были надменными, но Скрытый Господин оказался надменнее их всех.

Жар тлеющих углей обдал лицо Тириона.

— А тут и правда есть Скрытый Господин? Или его просто выдумали?

— Скрытый Господин правит этими туманами со времен Гарина, — ответил Яндри. — Некоторые говорят, что он и есть Гарин, восставший из своей подводной могилы.

— Мертвые не встают, — заявил Халдон Полумейстер, — и ни один человек не живет тысячу лет. Да, Скрытый Господин существует.

Точнее, их было множество. Когда один умирает, другой занимает его место. Нынешний Господин — пират с островов Василиска, который посчитал, что на Ройне найдет добычу побогаче, чем в Южном море.

— Ага, я тоже слышал об этом, — сказал Утка, — но другая байка мне нравится больше. Говорят, он не такой, как остальные каменные люди, что он был статуей до тех пор, пока из тумана не вышла серая женщина и не поцеловала его своими устами, холодными, как лед.

— *Хватит*, — сказал Гриф. — Помолчите, вы все.

У септы Леморы перехватило

дыхание.

— *Что это было?*

— Где? — Тирион не видел ничего, кроме тумана.

— Там что — то двигалось. Я видела, как расходятся волны.

— Черепаха, — с готовностью сообщил Юный Гриф. — Большой костолом, только и всего. — Он выставил вперед шест и оттолкнул лодку от возвышающегося над водой зеленого обелиска.

Туман льнул к ним, влажный и зябкий. Затонувший храм неясно вырисовывался из сумрака, пока Яндри и Утка налегали на шесты, медленно перемещаясь с носа на корму. Они миновали мраморную

лестницу, спиралью поднимавшуюся из ила и обрывавшуюся в воздухе. Впереди, едва различимые, виднелись очертания разрушенных шпилей, безголовых изваяний и деревьев с корнями крупнее, чем их лодка.

— Это был самый прекрасный город на реке, и самый богатый, — сказал Яндри. — Кроян — город веселья.

Слишком богатый, подумал Тирион, и слишком красивый. Искушать дракона — всегда было неразумным занятием. Затонувший город простирался перед ним. Неясный силуэт мелькнул над головой, бледные кожистые крылья

забились в тумане. Карлик задрал голову, пытаясь рассмотреть его, но нечто исчезло так же внезапно, как и появилось.

Вскоре они увидели плывущий над водой огонек.

— Лодка, — донесся до них слабый голос. — Кто вы?

— "Робкая Дева", — прокричал в ответ Яндри.

— "Зимородок". Вверх или вниз?

— Вниз. Шкуры и мед, эль и жир.

— Вверх. Ножи и иголки, тесьма и холстина, пряное вино.

— Какие новости из старого Волантиса? — крикнул Яндри.

— Война, — отозвались из тумана.

— Где? — выкрикнул Гриф. — Когда?

— К концу года, — пришел ответ. — Ниессос и Малакво идут рука об руку, и слоны становятся полосатыми, — судно относило от них, голос таял в тумане.

— Разумно ли кричать в тумане лодкам, которые мы не можем рассмотреть? — спросил Тирион. — А если бы это были пираты?

До сих пор удача улыбалась им: они пересекли Кинжальное Озеро под покровом ночи, незамеченные и невредимые. Однажды Утка увидел судно, которое, как он утверждал,

принадлежало Грязному Уро. Ветер благоприятствовал "Робкой Деве", и Уро — если, конечно, это был он — не проявил к ним никакого интереса.

— Пираты не станут заплывать в Печали, — уверенно сказал Яндри.

— Полосатые слоны... — пробормотал Гриф. — С чего бы это? Ниессос и Малакво? Иллирио заплатил триарху Ниессосу достаточно, чтобы купить его восемь раз.

— Золотом или сыром? — съязвил Тирион.

Гриф повернулся к нему.

— Если только ты не можешь развеять этот туман своей следующей остротой, придержи ее

при себе.

Да, отец, почти произнес карлик. Я буду вести себя тихо. Спасибо. Он не знал волантийцев, но ему казалось, что у слонов и тигров появится веский повод объединиться, если им придется столкнуться с драконом. *Похоже, торговец сыром неверно оценил ситуацию. Золотом можно купить человека, но только кровь и сталь сделают его верным.*

Он снова пошевелил угли и подул на них, чтобы они разгорелись. *Ненавижу. Я ненавижу этот туман, я ненавижу это место и я совсем не в восторге от Грифа.* У Тириона все еще оставались отравленные грибы, которые он собрал в поместье

Иллирио, и бывали дни, когда его мучительно тянуло подсунуть их в ужин Грифа. Была лишь одна проблема — тот, казалось, ничего не ел.

Утка и Яндри налегли на шесты. Исилла повернула румпель. Юный Гриф оттолкнул "Робкую Деву" от разрушенной башни, уставившейся вниз слепыми черными глазницами окон. Парус наверху обмяк и отяжелел. Становилось все глубже, и вскоре шесты перестали доставать до дна, но, тем не менее, поток нес их вниз по течению, пока...

Все, что Тирион смог разглядеть — какую-то огромную глыбу, поднимающуюся из реки,

сгорбленную и зловещую. Он принял ее за холм, смутно вырисовывающийся над покрытым деревьями островом, или за скрытую в тумане громадную скалу, поросшую мхом и папоротником. Однако при приближении очертания стали четче. У воды показалась деревянная сторожевая башня, подгнившая и перекошенная. Над ней виднелись тонкие шпили, некоторые походили на обломанные копья. Лишенные крыш башни проступали из сумрака, слепо глядя вверх. Залы и галереи проплывали мимо, открывая взгляду изящные опоры, тонкие арки, рифленые колонны, террасы и балконы.

Все разрушено, все опустошено, все заброшено.

Серый мох плотно покрывал осыпавшиеся куски кладки и пытался взять приступом башни. Черные вьющиеся растения выползали из окон, дверей и сводчатых проемов со всех сторон высоких каменных стен. Туман скрывал три четверти дворца, но и открывавшейся взгляду картины было более чем достаточно для Тириона — он осознавал, что эта островная крепость когда-то была в десять раз больше Красного Замка и в сто раз красивее его. Ему было известно это место.

— Дворец Любви, — прошептал

ОН...

— Так именовали его
ройнары, — сказал Халдон
Полумейстер, — но уже тысячу лет
люди называют его Дворцом Скорби.

Руины навевали тоску, но
размышления о том, как все это
выглядело раньше, делали картину
еще печальней. *Когда — то здесь
звучал смех, подумал Тирион. Тут
были сады с яркими цветами и
фонтанами, искрящимися золотом
на солнце. По этим лестницам
проходили влюбленные пары, а под
тем обвалившимся куполом
неизмеримое число браков было
закреплено поцелуем. Его мысли
вернулись к Тише, которая так*

недолго была его леди — женой. Это все Джейме, с тоской подумал Тирион. Одной со мной крови, мой большой и сильный брат. Когда я был маленьким, он приносил мне игрушки, обручи и пробки от бочек, и резного деревянного льва. Он подарил мне моего первого пони и научил ездить верхом. Когда он сказал, что купил тебя для меня, я не усомнился. Как же я мог ему не поверить? Ведь это был Джейме, а ты была всего лишь какой-то девкой, играющей свою роль... Я опасался этого с самого начала, когда ты впервые улыбнулась мне и позволила прикоснуться к твоей руке. Мой собственный отец не смог полюбить

меня. Из-за чего же могла полюбить ты, если не ради золота?

Из длинных серых щупалец тумана ему снова почудился басовитый свист тугой тетивы, хрюканье лорда Тайвина, получившего стрелу в низ живота, и шлепок его зада о стульчак, когда жизнь оставила тело. “Куда все шлюхи отправляются”, сказал он тогда.

Куда же? хотел спросить у него Тирион. *Куда отправилась Тиша, отец?*

— Когда мы, наконец, выберемся из этого тумана?

— Через часок мы будем свободны от Печалей, — сказал

Халдон Полумейстер. — Дальше нас ждет приятное путешествие. У каждой излучины ниже по Ройне стоит деревня. Фруктовые сады и виноградники, пашни, созревающие на солнце, рыбаки на воде, горячие ванны и сладкие вина. Селхорис, Валисар и Волон Терис — укрепленные города, не уступающие размерами городам Семи Королевств. Думаю, я бы...

— Свет впереди, — предупредил Юный Гриф.

Тирион тоже его увидел. *Рыбацкая лодка или другая барка,* сказал он себе, но почему-то знал, что это не так. Нос начал зудеть, и карлик беспощадно его расцарапал.

Свет становился ярче по мере того, как "Робкая Дева" приближалась к нему: далекая тусклая звезда, едва мерцающая сквозь туман, словно манила к себе. Вскоре он разделился на два огонька, потом на три — неровный ряд сигнальных огней поднимался из воды.

— Мост Грез, — назвал его Гриф. — На пролете будут каменные люди. Некоторые могут начать выть при нашем приближении, но вряд ли они нападут на нас. Большинство каменных людей — хрупкие создания, неповоротливые, неуклюжие, глупые. Под конец все они сходят с ума, но именно тогда становятся особенно опасными. Если

понадобится, отгоняйте их факелами. И ни в коем случае не давайте им прикоснуться к вам.

— Может быть, они нас даже не заметят, — сказал Халдон Полумейстер. — Туман будет скрывать нас почти до самого моста. Мы минуем их раньше, чем они поймут, что мы здесь.

Каменные глаза слепы, подумал Тирион. Он знал, что смертельная форма серой хвори сначала поражала конечности: пощипывание в кончиках пальцев, почернение ногтей на ногах, потеря чувствительности. По мере того, как онемение пробиралось в руку или проходило ступню и поднималось

вверх по ноге, плоть становилась жесткой и холодной, а кожа жертвы принимала сероватый оттенок, уподобляясь камню. Он слышал, что существует три хороших средства от серой хвори: топор, меч и мясницкий нож. Еще Тирион знал, что отрубание пораженных частей иногда останавливало распространение болезни, но не всегда. Многие люди жертвовали рукой или ступней и обнаруживали потом, что другая становилась серой. Если такое случалось, то надежды больше не было. Слепота становилась обычным делом, когда окаменение доходило до лица. На последних стадиях болезнь уходила внутрь — в мышцы, кости и

внутренние органы.

Мост приближался. "Мост Грез", сказал о нем Гриф, но эти грезы казались растоптанными и разбитыми. Блеклые каменные арки, уходившие в туман, тянулись от Дворца Скорби до западного берега реки. Половина из них обрушилась: их увлекли вниз тяжесть свисающего серого мха и хватка толстых черных стеблей, вырастающих из воды. Широкие деревянные пролеты моста прогнили, но несколько фонарей, установленных вдоль него, все еще горели. "Робкая Дева" подплыла ближе, и Тирион смог разглядеть движущиеся очертания каменных людей, бесцельно слоняющихся

вокруг источника света, словно медленная серая моль. Одни были полностью голыми, другие закутаны в саваны.

Гриф обнажил меч.

— Йолло, зажги факелы.

Парень, отведи Лемору в ее каюту и оставайся с ней.

Юный Гриф бросил на отца строптивый взгляд.

— Лемора знает, где ее каюта. Я хочу остаться.

— Мы поклялись защищать тебя, — мягко сказала септа.

— Мне не нужна защита. Я умею обращаться с мечом не хуже Утки. Я наполовину рыцарь.

— А на другую половину

мальчишка, — сказал Гриф. —
Делай, как тебе говорят. Сейчас же.

Юноша тихо выругался и бросил
шест на палубу. Звук вызвал странное
эхо в тумане, и на мгновение
показалось, что вокруг них падают
шесты.

— Почему я должен бежать и
прятаться? Халдон остается, и
Исилла. Даже Хугор.

— Да, — сказал Тирион, — но я
достаточно мал, чтобы спрятаться за
уткой. — Он сунул полдюжины
факелов в тлеющие угли жаровни и
смотрел, как вспыхнули
промасленные тряпки. *Не пялься на
огонь*, сказал он себе. Из-за пламени
он мог ослепнуть в ночи.

— Ты карлик, — пренебрежительно сказал Юный Гриф.

— Моя тайна раскрыта, — согласился Тирион. — Да, я вполровину меньше Халдона и всем плевать, выживу я или умру. — *И мне прежде всего.* — А вот ты... ты — это все.

— Карлик, — сказал Гриф. — Я тебя предупреждал...

Из тумана донесся дрожащий вой, гнетущий и высокий.

Лемора обернулась, трепеща от ужаса:

— Семеро, спасите нас.

До разрушенного моста оставалось меньше пяти ярдов.

Вокруг его опор бурлила вода, как пена из рта сумасшедшего. В сорока футах над ними, у мерцающих фонарей стонали и бормотали каменные люди. Большинство из них вообще не обратили внимания на "Робкую Деву" — не более чем на проплывающее бревно. Тирион сжал крепче факел и осознал, что не дышит. Они были под мостом, с каждой стороны нависали белые стены, покрытые наростами серой плесени, вокруг них гневно пенилась вода. В какой-то момент показалось, что лодка разобьется о правую опору, но Утка поднял шест и вытолкнул их к центру канала. Еще через мгновение они проскочили мост.

Едва Тирион успел выдохнуть, как Юный Гриф схватил его за руку:

— Что это значит? Я это *все*? Что ты имеешь в виду? Почему "я это все"?

— Почему, — ответил Тирион, — да потому что, если каменные люди заберут Яндри, Грифа или нашу прекрасную Лемору, мы погорюем о них и пойдем дальше. А потеряешь *тебя* — и все дело пропало, все эти годы лихорадочных интриг торговца сыром и евнуха пойдут насмарку... разве не так?

Мальчик посмотрел на Грифа.

— Он знает, кто я такой.

Если бы я не узнал раньше, то понял бы это сейчас.

К тому времени "Робкая Дева" уже оставила позади Мост Грез. Все, что от него осталось, — гаснущие огоньки за кормой. Вскоре и они пропали.

— Ты Юный Гриф, сын наемника Грифа, — сказал Тирион. — Или, возможно, ты Воин в смертном облике. Дай-ка взгляну поближе. — Он поднял факел, и свет разлился по лицу Юного Грифа.

— Прекрати, — приказал Гриф. — Или пожалеешь об этом.

Карлик не обратил на него внимания:

— Синие волосы делают и глаза тоже синими, это хорошо. И сказка о волосах, выкрашенных в честь твоей

умершей тирошийской мамыши, так тронула меня, что я чуть не расплакался. Но все же любопытный человек заинтересовался бы, зачем щенку какого-то наемника нужна порочная септа для просвещения в Вере или мейстер без цепи для наставлений в истории и языках. А умный человек мог бы задаться вопросом, зачем твоему отцу нанимать межевого рыцаря учить тебя сражаться, вместо того чтобы просто послать в один из вольных отрядов. Это выглядит так, будто кто-то хотел спрятать тебя, одновременно готовя к... чему? Я в недоумении, но уверен, со временем пойму, в чем тут дело. Но, должен признать, ты

прекрасно выглядишь для мертвого мальчика.

Парень покраснел.

— *Я не мертвый.*

— Как же так? Мой лорд-отец завернул твое тело в алый плащ и положил тебя рядом с сестрой у подножия Железного Трона как подарок новому королю. Те, у кого хватило мужества приподнять плащ, утверждали, что ты лишился половины головы.

Парень в замешательстве отступил на шаг.

— Твой...

— *Отец*, да. Тайвин из дома Ланнистеров. Возможно, ты слышал о нем.

Юный Гриф помедлил.

— Ланнистер? Твой отец...

— ...мертв. От моей руки. Если

Вашему Высочеству угодно называть меня Йолло или Хугор, так тому и быть, но я был рожден Тирионом из дома Ланнистеров. Я законный сын Тайвина и Джоанны, которых сам и убил. Тебе расскажут, что я убийца королей, родных, да еще и лжец, и все это правда... но ведь мы все тут сбирае лжецов, не так ли? Возьмем твоего мнимого отца. *Гриф*, да? — карлик усмехнулся. — Ты должен быть благодарен богам за то, что Варис Паук с вами заодно в этом заговоре. *Гриф* не одурачил бы нашего кастрированного кудесника

ни на секунду, так же как у него не вышло и со мной. *Не лорд*, говорит его светлость, *не рыцарь*. А я не карлик. Слова не становятся правдой только потому, что их произнесли. Кто бы мог воспитать малолетнего сына принца Рейегара лучше, чем его близкий друг, Джон Коннингтон, бывший лорд Грифоньего Насеста и Десница Короля?

— Тихо! — в голосе Грифа слышалась тревога.

По левому борту под водой показалась огромная каменная рука. Два пальца виднелись над поверхностью реки. *Сколько их здесь таких?* удивился Тирион. Струйка пота стекла по позвоночнику,

заставив его содрогнуться. Печали проплывали мимо них. Вглядевшись в туман, он увидел сломанный шпиль, безголовую статую, древнее дерево, вырванное из земли и перевернутое, огромные скрученные корни выглядывали сквозь крышу обвалившегося купола. *Почему это все кажется таким знакомым?*

Прямо впереди накренилась лестница из бледного мрамора, выраставшая из темной воды изящной спиралью и резко обрывавшаяся в десяти футах над их головами.

Нет, подумал Тирион, *это невозможно.*

— Впереди, — голос Леморы

дрожал. — Свет.

Все обернулись. И все увидели его.

— "Зимородок", — сказал Гриф. — Или кто-то вроде него, — но снова обнажил меч.

Никто не произнес ни слова. "Робкая Дева" плыла по течению: они не поднимали парус с тех пор, как заплыли в Печали. Лодка не могла двигаться по-другому — только вместе с рекой. Утка стоял, прищурившись и сжимая шест обеими руками. Через некоторое время даже Яндри прекратил отталкиваться. Взгляды всех были устремлены на далекий огонек. Когда они приблизились, огоньков стало

два. Потом три.

— Мост Грез, — произнес Тирион.

— Невозможно, — сказал Халдон Полумейстер. — Мы оставили мост позади, реки текут только в одну сторону.

— Мать Ройна течет, как ей захочется, — пробормотал Яндри.

— Семеро, храните нас, — произнесла септа Лемора.

На пролете над ними завывали каменные люди. Некоторые из них указывали на лодку.

— Халдон, отведи принца вниз, — скомандовал Гриф.

Но было слишком поздно — течение вцепилось в них и

неотвратимо несло к мосту. Яндри оттолкнулся шестом, чтобы уберечь "Робкую Деву" от столкновения с опорой. Толчок швырнул их в сторону, сквозь завесу бледно-серого мха. Тирион почувствовал, как лица касаются усики растений, нежные, словно пальцы шлюхи. А потом за его спиной раздался грохот, и палуба накренилась так резко, что он еле удержался на ногах и чуть не оказался за бортом.

Каменный человек рухнул на лодку.

Он приземлился на крышу каюты так тяжело, что, казалось, "Робкая Дева" налетела на скалу, и проревел им что-то на языке,

которого Тирион не знал. За ним последовал второй, спрыгнувший у румпеля. Старые доски треснули под обрушившейся мощью, и Исилла пронзительно завизжала.

Утка находился к ней ближе всех. Здоровяк не стал терять времени, вытаскивая меч. Вместо этого он замахнулся шестом и ударил человека в грудь с такой силой, что тот рухнул за борт и исчез под водой, не издав ни звука.

Гриф оказался около второго человека, как только тот сполз с крыши каюты. С мечом в правой руке и факелом в левой, он заставил существо попятиться. Их движущиеся тени танцевали на

мшистых стенах, когда поток проносил "Робкую Деву" под мостом. Каменный человек двинулся на корму, но Утка с шестом в руке загородил ему дорогу. Тот шагнул вперед, и Халдон Полумейстер взмахнул факелом и вынудил его отступить. У него не осталось выбора, кроме как пойти прямо на Грифа. Капитан скользнул в сторону, его клинок сверкнул. Там, где сталь рубанула отвердевшую серую плоть, брызнули искры, но, тем не менее, рука упала на палубу. Гриф отпихнул ее в сторону. Рядом возникли Яндри и Утка с шестами. Вместе они выпихнули существо за борт, в темные воды Ройны.

К тому времени "Робкая Дева" выплыла из-под разрушенного моста.

— От всех избавились? — спросил Утка. — Сколько прыгнуло?

— Двое, — ответил Тирион дрожащим голосом.

— Трое, — сказал Халдон. — Позади тебя.

Карлик обернулся — он стоял там.

От прыжка одна из его ног раскололась, неровный кусок бледной кости разорвал истлевшую ткань штанов и серое мясо под ней. На сломанной кости виднелись капли коричневой крови, но каменный человек все равно брел

вперед, протягивая руки к Юному Грифу. Они были серыми и жесткими, но между костяшками сочилась кровь, когда он пытался сжать пальцы, готовясь схватить мальчика. А тот уставился на него, стоя так неподвижно, словно и сам был сделан из камня. Его рука лежала на рукояти меча, но казалось, он забыл об этом.

Тирион сбил парня с ног, прыгнул через него, когда тот упал, и пихнул факел в лицо каменного человека. Создание отшатнулось, спотыкаясь из-за сломанной ноги, и принялось отмахиваться от огня неуклюжими серыми руками. Карлик ковылял за ним, рубя факелом и тыча

им в глаза каменного человека. *Еще немного, назад, еще шаг, и еще.* Они были уже на краю палубы, когда тот рванулся к нему, схватил факел и вырвал его из рук карлика.

Твою мать, подумал Тирион.

Каменный человек отшвырнул факел. Раздалось тихое шипение и черные воды потушили пламя. Каменный человек завыл. Прежде он был с Летних Островов: челюсть и половина щеки превратилась в камень, но лицо было черным как ночь там, где еще не стало серым. Когда он схватил факел, кожа на его пальцах треснула и расслоилась, а по костяшкам потекла кровь, но, казалось, он не чувствовал этого.

Слабое утешение, подумал Тирион. Хотя и смертельная, серая хворь, кажется, не была болезненной.

— Отходи! — крикнул кто-то издалека, а следом другой голос:

— Принц! Защитите мальчика!

Каменный человек, пошатываясь, двинулся вперед с вытянутыми цепкими руками. Тирион врезался в него плечом.

Он будто столкнулся с замковой стеной, только этот замок стоял на расшатанных ногах. Каменный человек перевалился за борт, цепляясь в падении за Тириона. Они упали в реку с чудовищным всплеском, и мать Ройна поглотила обоих.

Внезапный холод ударил Тириона, словно молот. Погружаясь все глубже, он почувствовал, как каменная ладонь нащупала его лицо. Другая сомкнулась вокруг руки, утаскивая вниз в темноту. Ослепший, с носом, полным речной воды, задыхающийся и тонущий, он пинался, извивался и боролся, пытаясь вырваться, но каменные пальцы были непреклонны. Пузыри воздуха срывались с его губ. Мир был черен и становился еще чернее. Он не мог дышать.

Есть и худшие способы умереть, чем утонуть. По правде говоря, он умер уже давно, еще в Королевской Гавани. От него остался

лишь неупокоенный дух, маленький мстительный призрак, который задушил Шаю и выпустил стрелу из арбалета в кишки великого лорда Тайвина. Никто не будет оплакивать того, кем он стал. *Я буду скитаться в Семи Королевствах, думал он, опускаясь все ниже. Они не любили меня живым, так пусть теперь трепещут перед мертвым.*

Когда он открыл рот, чтобы проклясть их всех, черная вода наполнила его легкие, и вокруг сомкнулась тьма.

20. ДАВОС

— Его светлость готов выслушать тебя, контрабандист.

Рыцарь был одет в серебряные доспехи, его поножи и латные рукавицы украшала черненная гравировка — колышущиеся морские водоросли. Под мышкой он держал шлем в виде головы Сардиньего короля с перламутровой короной и торчащей бородой, сделанной из гагата и нефрита. Собственная борода рыцаря была серой, как зимнее море.

Давос поднялся:

— Могу я узнать ваше имя, сир?

— Сир Марлон Мандерли, — он был на голову выше Давоса и на три стоуна тяжелее, с сине-серыми глазами и надменной манерой речи. — Я имею честь быть кузеном лорда Вимана и командующим его гарнизона. Следуйте за мной.

Давос приплыл в Белую Гавань посланником, но превратился в пленника. Его покои были большими, светлыми и красиво убранными, но у дверей стояла стража. Из своего окна он видел городские улицы за стенами замка, но гулять ему не позволялось. Еще из окна просматривалась гавань, и Давос провожал взглядом "Веселую повитуху", покидающую залив. Кассо

Могат прождал четыре дня вместо трех, перед тем как отплыть. С того времени прошло две недели.

Дворцовая стража лорда Мандерли носила плащи из сине-зеленой шерсти; вместо обычных копий стражники держали в руках серебряные трезубцы. Один шел впереди Давоса, другой — позади. Еще двое вышагивали с каждой стороны. Они прошли мимо выцветших знамен, сломанных щитов и ржавых мечей — свидетелей сотен древних побед. Затем миновали два десятка деревянных статуй, потрескавшихся и изъеденных червями. Эти статуи явно украшали когда-то носы кораблей.

Два мраморных тритона, младшие кузены Рыбохвоста, стояли по обеим сторонам двора его светлости. Стражники распахнули двери, и глашатай грохнул посохом по старому паркету:

— Сир Давос из дома Сивортов, — произнес он звучным голосом.

За все свои посещения Белой Гавани Давос никогда не бывал в Новом Замке, а тем более — в Чертоге Водяного. Стены, пол и потолок зала были сделаны из хитроумно скрепленных между собой досок и украшены изображениями морских существ. Давос, приближаясь к помосту, ступал по

нарисованным крабам, моллюскам и морским звездам, частично скрытым в переплетенных водорослях и костях утонувших моряков. В нарисованных на стенах сине-зеленых глубинах рыскали белые акулы, а среди скал и затонувших кораблей скользили угри и осьминоги. Косяки сельди и трески плавали между высокими арочными окнами. Над ними была изображена поверхность моря, а выше со стропил свисали старые рыболовные сети. На потолке справа от Давоса боевая галера бороздила безмятежные волны на фоне восходящего солнца; слева — потрепанный старый карбас с порванными в лохмотья парусами

уходил от бури. За помостом кракен и серый кит сцепились в смертельной схватке под нарисованными волнами.

Давос надеялся поговорить с Виманом Мандерли наедине, но зал оказался полон. Люди столпились у стен, и женщин среди них впятеро больше, чем мужчин. А те немногие мужчины, которых он увидел, либо носили длинные седые бороды, либо были еще слишком юны, чтобы бриться. Кроме того, там находились септоны и септы, в своих серых и белых одеяниях. В главной части зала стояла дюжина мужчин, одетых в голубые и серебристо-серые цвета дома Фреев. Схожесть их лиц увидел

бы и слепой; некоторые из них носили герб Близнецов — две башни, соединенные мостом.

Давос научился читать лица людей задолго до того, как мейстер Пилос обучил его читать слова на бумаге. *Эти Фреи предпочли бы увидеть меня мертвым,* понял он с первого взгляда.

Не было дружелюбия и в светло-голубых глазах Вимана Мандерли. Широкий мягкий трон его светлости мог вместить трех человек обычного сложения, но Мандерли грозил выплеснуться за его пределы. Его светлость развалился на сиденье, опустив плечи и раскинув ноги. Руки его покоились на подлокотниках

трона, словно были неподъемными. *Боги милостивые*, подумал Давос, увидев лицо лорда Вимана, *этот человек выглядит как полутруп*. Мертвенно-бледная кожа Мандерли казалась почти серой.

Короли и трупы всегда собирают большую свиту — так гласила старая поговорка. Это оказалось верным и в отношении Мандерли. Слева от трона стоял мейстер — розовощёкий человек с толстыми губами и копной золотистых кудрявых волос, почти столь же толстый, как и лорд, которому он служил. Сир Марлон занимал почетное место по правую руку от его светлости. На мягкой скамье у ног Мандерли восседала

пухлая розовая леди. Позади лорда Вимана стояли две молодые женщины, с виду сестры. Старшая собрала каштановые волосы в длинную косу. У младшей, девушки лет пятнадцати, коса была еще длиннее, причем ядовито-зеленого цвета.

Никто не удостоил Давоса приветствием. Мейстер заговорил первым:

— Вы стоите перед Виманом Мандерли, лордом Белой Гавани и хранителем Белого Ножа, Щитом Веры, защитником обездоленных, лордом-маршалом Мандера, рыцарем Ордена Зеленой Руки. В Чертоге Водяного принято, чтобы вассалы и

просители становились на колени.

Преклонить колено мог бы Луковый рыцарь, но не десница короля: сделать так означало признать, что король, которому он служит, менее значим, чем этот толстый лорд.

— Я пришел сюда не как проситель, — ответил Давос. — У меня тоже много титулов: лорд Дождливого Леса, адмирал Узкого Моря, десница короля.

Пухлая женщина на скамье закатила глаза:

— Адмирал без кораблей, десница без пальцев, на службе у короля без трона. Перед нами рыцарь или ответ на детскую загадку?

— Он посланник, сноха, —
сказал лорд Виман. — Луковица с
дурными вестями. Станнису не
понравился ответ, который ему
принес ворон, поэтому он решил
прислать этого...

контрабандиста. — Он искоса
посмотрел на Давоса глазами,
тонувшими в складках жира. — Я
полагаю, ты уже был у нас в городе
раньше, воруя деньги из наших
карманов и еду с нашего стола.
Интересно, сколько ты украл у меня?

*Недостаточно для того, чтобы
ты хоть раз пропустил прием пищи.*

— Я заплатил за жизнь
контрабандиста в Штормовом
Пределе, милорд, — Давос снял

перчатку и показал левую руку с четырьмя обрубленными пальцами.

— Четыре фаланги за долгие годы воровства? — произнесла женщина на скамье, светловолосая, с круглым, розовым и мясистым лицом. — Ты легко отделался, Луковый Рыцарь.

Давос не стал отрицать.

— Если угодно милорду, я прошу о личной аудиенции.

Милорду угодно не было:

— У меня нет секретов ни от семьи, ни от моих верных лордов и рыцарей. Они все мои хорошие друзья.

— Милорд, — сказал Давос, — я бы не хотел, чтобы мои слова были

услышаны врагами Его Величества...
или вашей светлости.

— У Станниса в этом зале могут
быть враги, у меня — нет.

— А как же люди, убившие
вашего сына? — Давос указал на
Фреев. — Они были хозяевами на
Красной Свадьбе.

Один из Фреев шагнул вперед.
Высокий и сухопарый рыцарь, гладко
выбритый, за исключением тонких
седых усов, напоминающих два
мирийских стилета.

— Красная Свадьба — дело рук
самого Молодого Волка. Он
превратился в зверя на наших глазах
и разорвал горло моему кузену Динь-
Дону, безобидному дурачку. Он убил

бы и моего лорда-отца, если бы сир Вендел не встал у него на пути.

Лорд Виман моргнул, сдерживая слезы:

— Вендел всегда был храбрым мальчиком. Я не удивлен, что он погиб как герой.

От такой чудовищной лжи у Давоса перехватило дыхание.

— Так вы утверждаете, что это *Робб Старк* убил Вендела Мандерли? — спросил он Фрея.

— И многих других. Мой собственный сын Титос был убит, и муж моей дочери. Когда Старк превратился в волка, его северяне сделали то же самое. Они все были отмечены зверем. Всем известно —

тот, кого укусил варг, сам становится варгом. Мне и моим братьям не оставалось ничего иного, кроме как остановить их, прежде чем они убили бы нас всех.

Мужчина *ухмыльнулся*, закончив рассказ. Давосу хотелось срезать эту ухмылку ножом.

— Могу я узнать ваше имя, сир?

— Сир Джаред из дома Фреев.

— Джаред из дома Фреев, я обвиняю вас во лжи.

Слова Давоса, казалось, позабавили сира Джареда:

— Некоторые плачут, нарезая лук, но у меня никогда не было такой слабости, — сталь зашуршала о кожу, когда он выхватил из ножен свой

меч. — Если вы действительно рыцарь, сир, то приготовьтесь ответить кровью за свою клевету.

Глаза лорда Вимана задергались:

— Я не допущу кровопролития в Чертоге Водяного. Спрячьте вашу сталь, сир Джаред, не то я попрошу вас избавить меня от вашего присутствия.

Сир Джаред вложил меч в ножны.

— Слово хозяина дома для меня закон, ваша светлость... Но я хочу рассчитаться с этим луковым лордом прежде, чем он покинет город.

— *Кровь!* — взвыла женщина на скамье. — Вот чего хочет от нас эта

гнилая луковица, милорд! Видите, как он сеет раздор? Прогоните его, прошу вас. Он хочет крови ваших людей, крови ваших храбрых сыновей. Гоните его прочь. Если королева узнает, что вы дали аудиенцию этому предателю, то она может усомниться в нашей верности. Она может... она может... она...

— Ничего подобного не случится, сноха, — успокоил ее лорд Виман. — У Железного Трона нет причин сомневаться в нас.

Давосу не понравились эти слова, но он прибыл не для того, чтобы держать язык за зубами.

— Мальчик на Железном Троне — узурпатор, — произнес он, — а я

не предатель, я десница Станниса Баратеона, первого этого имени, истинного короля Вестероса.

Толстый мейстер прочистил горло:

— Станнис Баратеон — брат нашего покойного короля Роберта, да рассудит его Отец по справедливости. Томмен же — плоть от плоти Роберта. Законы наследования в данном случае ясны. Сын идет перед братом.

— Мейстер Теомор прав, — сказал лорд Виман. — Он знает толк в таких вопросах и всегда дает мне верные советы.

— *Законный* сын предшествует брату, — согласился Давос, — но

Томмен, именуемый Баратеоном, рожден бастардом, как и его старший брат Джоффри. Они были зачаты Цареубийцей, в нарушение всех божьих и человеческих законов.

— Это слова изменника, милорд. Станнис отрубил вору пальцы. Вам следует отрезать его лживый язык, — громко сказал еще один Фрей.

— Лучше отрубить ему голову, — предложил сир Джаред. — Или же позвольте мне сойтись с ним в честном поединке.

— Что Фрей может знать о чести? — парировал Давос.

Четверо Фреев рванулись вперед, но лорд Виман остановил их,

подняв руку:

— Назад, друзья мои. Я выслушаю его, прежде... прежде чем решу, что с ним делать.

— Вы можете предоставить какие-либо доказательства кровосмешения, сир? — спросил мейстер Теомор, сложив свои мягкие руки на животе.

Эдрик Шторм, подумал Давос, но я отправил его за Узкое море, чтобы уберечь от огня Мелисандры.

— Слово Станниса Баратеона.

— Слова — ветер, — ответила ему красивая молодая женщина, стоящая за тронем лорда Вимана, с длинной каштановой косой. — А люди лгут ради своей выгоды, это

скажет вам любая служанка.

— Для доказательства требуется больше, чем пустые слова какого-то лорда, — заявил мейстер Теомор. — Станнис Баратеон не первый, кто лжет, чтобы получить трон.

Розовая женщина ткнула пухлым пальцем в Давоса:

— Мы не хотим участвовать в этой измене. Мы — добрые люди Белой Гавани, законопослушные и верные. Хватит лить яд нам в уши, иначе мой свекор бросит тебя в Волчье Логово.

Ее-то я чем оскорбил?

— Удостоюсь ли я чести узнать ваше имя, миледи?

Розовая женщина гневно

фыркнула и позволила мейстеру ответить:

— Леди Леона — жена сына лорда Вимана, сира Вилиса, который в настоящее время пребывает в плену у Ланнистеров.

Ее устами говорит страх. Если Белая Гавань присягнет Станнису, ее муж поплатится жизнью. Как я могу просить Лорда Вимана обречь собственного сына на смерть? Что сделал бы я на его месте, если бы Деван был заложником?

— Милорд, — сказал Давос, — я молюсь, чтобы не пострадал ни ваш сын, ни любой другой человек из Белой Гавани.

— Очередная ложь, — фыркнула

леди Леона со своего места.

Давос решил не обращать внимания на её слова.

— Когда Робб Старк созвал знамена против бастарда Джоффри, именуемого Баратеоном, Белая Гавань пошла за ним. Лорд Старк пал, но его война продолжается.

— Лорд Старк был моим сюзереном, — произнес Лорд Виман. — А кто такой этот Станнис? Почему он беспокоит нас? Насколько я помню, раньше он никогда не обращал свой взор на север. Теперь же он приполз к нам, словно побитый пес, протягивая свой шлем словно чашу для подаяний.

— Он пришел, чтобы спасти

королевство, милорд, — настаивал Давос, — чтобы защитить ваши земли от железнорожденных и одичалых.

Сир Марлон Мандерли, стоящий рядом с тронном, презрительно фыркнул:

— Прошли века с тех пор, как Белая Гавань видела одичалых; и железные люди никогда не беспокоили эти берега. Может, лорд Станнис хочет защитить нас также от снарков и драконов?

Смех охватил Чертог Водяного, но у ног лорда Вимана зарыдала леди Леона:

— Железные люди с островов, одичалые из-за Стены... а теперь еще

этот лорд-предатель со своими преступниками, мятежниками и чародеями, — она указала пальцем на Давоса. — Мы слышали о вашей красной ведьме, о да. Она хочет отвратить нас от Семерых, заставить нас склониться перед огненным демоном.

Давос не питал любви к красной жрице, но не мог согласиться с леди Леоной:

— Леди Мелисандра — жрица Красного Бога. Королева Селиса и многие другие приняли её веру, но большинство подданных Его Величества все еще почитают Семерых. Я среди них.

Он молился, чтобы никто не

спросил его о судьбе септы на Драконьем Камне или богорощи в Штормовом Пределе. *Если они спросят, мне придется сказать им правду. Станнис не хотел бы, чтобы я лгал.*

— Семеро защищают Белую Гавань, — провозгласила леди Леона. — Мы не боимся ни вашей красной королевы, ни ее бога. Пусть она творит свое колдовство. Молитвы благочестивых людей оградят нас от зла.

— Несомненно, — лорд Виман погладил леди Леону по плечу. — Лорд Давос, если ты *действительно* лорд, я знаю, что твой так называемый король хочет от меня.

Сталь, серебро и преклоненное колено, — он оперся на локоть. — Перед смертью лорд Тайвин предложил нам полное прощение, если мы отречемся от Молодого Волка. Он пообещал, что мне вернут моего сына, как только я выплачу три тысячи драконов выкупа и докажу свою несомненную преданность. Русе Болтон, назначенный Хранителем Севера, потребовал, чтобы я отказался от своих притязаний на земли и замки лорда Хорнвуда. При этом он поклялся, что другие мои владения останутся нетронутыми. Уолдер Фрей, его тесть, предложил одну из своих дочерей мне в жены. Он же

предложил мужей для моих внучек, которых ты видишь у меня за спиной. Эти условия кажутся мне справедливыми. Хорошая основа для крепкого и длительного мира. Ты же хочешь, чтобы я отверг их. Поэтому я спрашиваю тебя, Луковый Рыцарь: что лорд Станнис предлагает взамен за мою верность?

Войну, бедствия и вопли горящих людей, мог бы сказать Давос. Но вместо этого он произнес:

— Возможность исполнить свой долг. — Так ответил бы Виману Мандерли сам Станнис. *Десница должен говорить голосом короля.*

Лорд Виман откинулся в кресло:
— Долг... Понятно.

— Белая Гавань недостаточно сильна, чтобы выстоять в одиночку. Вам нужен Его Величество так же, как вы нужны ему. Вместе вы сможете сокрушить ваших общих врагов.

— Милорд, — сказал сир Марлон в богато украшенных серебристых доспехах. — Разрешите мне задать несколько вопросов лорду Давосу.

— Как пожелаете, кузен, — лорд Виман прикрыл глаза.

Сир Марлон обратился к Давосу:

— Скажите-ка нам, сколько северных лордов примкнули к Станнису?..

— Арнольф Карстарк поклялся, что присоединится к Его Величеству.

— Арнольф на самом деле не лорд, а всего лишь кастелян. Скажите, какие замки сейчас удерживает лорд Станнис?

— Его Величество избрал своей резиденцией Твердыню Ночи. На юге он удерживает Штормовой предел и Драконий Камень.

Мейстер Теомор откашлялся:

— Это ненадолго. Штормовой Предел и Драконий Камень едва держатся и вот-вот падут. А Твердыня Ночи — населенная призраками развалина, полная тоски и ужаса.

Сир Марлон продолжил:

— Скажите нам, сколько людей может выставить Станнис на поле боя? Сколько у него рыцарей? Сколько лучников, сколько вольных всадников, сколько пехоты?

Слишком мало. Давос знал это. Станнис привел с собой на север не более полутора тысяч человек... но если они об этом узнают, его миссия здесь обречена. Он искал слова, но не нашел.

— Твое молчание говорит само за себя, сир. Союз с твоим королем принесет нам только врагов.

Сир Марлон обратился к своему лорду-кузену:

— Ваша светлость, вы спрашивали лукового рыцаря, что

предлагает нам Станнис. Я скажу вам. Он предлагает нам поражение и смерть. Он хотел бы, чтобы вы оседлали коня из воздуха и сражались мечом из ветра.

Толстый лорд медленно, словно через силу, открыл глаза:

— Мой кузен, как всегда, ухватил самую суть. У тебя есть еще что сказать, Луковый рыцарь, или мы прекратим этот фарс? Ты меня утомил.

Давос почувствовал отчаяние. *Его Величеству следовало послать другого человека — лорда, рыцаря или мейстера. Кого-то, кто мог бы говорить от его имени без запинки.*

— Смерть, — услышал он

себя, — да, будет смерть. Ваша светлость потерял сына на Красной свадьбе. Я потерял четырех на Черноводной. Знаете, почему? Потому что Ланнистеры украли трон. Отправляйтесь в Королевскую Гавань и посмотрите на Томмена собственными глазами, если не верите мне. Даже слепой увидит, чей он сын. Что Станнис предлагает вам? Отмщение. Отмщение за моих и ваших сыновей, за ваших мужей, отцов и братьев. Отмщение за вашего убитого лорда, вашего убитого короля, ваших растерзанных принцев. *Отмщение!*

— Да, — пропищал девичий голосок, высокий и тонкий. Он

принадлежал девочке-подростку со светлыми бровями и длинной зеленой косой. — Они убили лорда Эддарда, леди Кейтилин и короля Робба, — сказала она. — Он был нашим *королем*! Он был смелым и добрым, а Фреи *убили* его. Если лорд Станнис будет мстить за него, мы должны присоединиться к лорду Станнису.

Мандерли притянул ее к себе:

— Вилла, каждый раз, как ты открываешь рот, мне хочется отправить тебя к Молчаливым Сестрам.

— Я только сказала...

— Мы слышали, что ты сказала, — произнесла девушка

постарше, ее сестра. — Детские глупости. Не отзывайся дурно о наших друзьях Фреях. Скоро один из них будет твоим лордом-мужем.

— Нет, — заявила девочка, мотая головой. — Я не выйду за него. Я не выйду за него *никогда*. Они убили *нашего* короля.

Лорд Виман покраснел:

— Выйдешь. Когда придет условленный день, ты произнесешь брачные обеты. Иначе присоеди́нишься к Молчаливым Сестрам и никогда больше не скажешь ни слова.

Бедная девочка была поражена:

— Дедушка, пожалуйста...

— Замолчи, дитя, — обратилась

к ней леди Леона. — Ты слышала своего лорда-деда. *Замолчи!* Ты ничего не знаешь.

— Я знаю об обещании, — настаивала девочка. — Мейстер Теомор, скажите им! За тысячу лет до Завоевания в Волчьем Логове перед лицом старых и новых богов было дано обещание и принесена клятва. Мы были окружены врагами, нас изгнали из собственных домов, наши жизни висели на волоске. А волки приняли нас, поддержали и защитили от врагов. Город построен на земле, что они дали нам. В ответ мы поклялись всегда быть их людьми. Людьми *Старков!*

Мейстер коснулся цепи на шее:

— Священные клятвы были даны Старкам из Винтерфелла. Но Винтерфелл пал, и дом Старков угас.

— Потому что они *убили их всех!*

Еще один из Фреев подал голос:

— Лорд Виман, вы позволите?

Виман Мандерли кивнул:

— Рейегар, мы всегда рады выслушать ваш великодушный совет.

Рейегар Фрей принял комплимент с поклоном. Это был мужчина лет тридцати, сутулый, с круглым животом, одетый в богатый дублет из мягкой ягнячьей шерсти с отделкой из серебряной парчи. Из серебряной парчи был и его плащ, подбитый мехом горностая и

скрепленный застежкой в форме двух башен-близнецов.

— Леди Вилла, — обратился он к девочке с зеленой косой. — Преданность — это добродетель. Я надеюсь, что вы будете столь же преданны Уолдеру Малому, когда вступите в брак. Что же касается Старков, то их род пресекся только по мужской линии. Сыновья лорда Эддарда мертвы, но его дочери живы, и младшая девочка едет на Север, чтобы выйти замуж за отважного Рамси Болтона.

— Рамси *Сноу*, — резко ответила Вилла Мандерли.

— Как вам угодно. Впрочем, как бы его ни звали, скоро он вступит в

брак с Арьей Старк. Если вы хотите сдержать свое обещание, присягните ему на верность, ведь он будет лордом Винтерфелла.

— Он никогда не будет *моим* лордом! Он заставил леди Хорнвуд выйти за него замуж, а потом запер ее в подвале. Ей пришлось есть собственные *пальцы*...

Ропот одобрения охватил Чертог Водяного.

— Девушка говорит правду, — заявил коренастый человек в белом и пурпурном, чей плащ был схвачен застежкой в виде пары скрещенных бронзовых ключей. — Русе Болтон холоден и хитер, но с ним можно иметь дело. А этот его бастард...

говорят, что он безумное и жестокое чудовище.

— *Говорят?* — Рейегар Фрей почесал шелковистую бороду и злобно усмехнулся. — Так говорят *только его враги...* но чудовищем был как раз Молодой Волк. Скорее зверь, а не мальчик, раздувшийся от спеси и жажды крови. И он был вероломен, в чем, к своему несчастью, имел возможность убедиться мой лорд-дед. — Он развел руками. — Я не виню Белую Гавань в том, что она поддерживала Робба Старка. Мой дед совершил ту же прискорбную ошибку. Во всех сражениях Белая Гавань и Близнецы бились бок о бок под знаменами

Молодого Волка. Но он предал нас всех. Он оставил Север на растерзание железным людям, чтобы урвать себе за Трезубцем кусочек пожирнее. Речные лорды многим рисковали ради него, а он их предал. Ради свадьбы с первой приглянувшейся ему западной девкой он нарушил слово, данное моему лорду-деду. Молодой Волк? Он был подлой собакой и сдох, как собака.

Чертог Водяного замер. Давос ощущал холод, повисший в воздухе. Лорд Виман смотрел на Рейегара с отвращением, как на таракана, которого собирался раздавить... а потом вдруг кивнул, от чего его многочисленные подбородки

затряслись:

— Он принес нам только горе и смерть. Подлая собака, что ни говори. Продолжайте, сир.

Рейегар Фрей продолжил:

— Горе и смерть, да... и этот Луковый Рыцарь своими разговорами о мщении навлечет на вас еще большие несчастья. Раскройте глаза, как сделал это мой лорд-дед. Война Пяти Королей почти закончена. Томмен — наш король, наш *единственный* король. Мы должны помочь ему залечить раны, нанесенные этой войной. Он законный сын Роберта, наследник оленя и льва. Железный трон принадлежит ему по праву.

— Мудрые и правдивые слова, — согласился Лорд Виман Мандерли.

— Это *ложь!* — Вилла Мандерли топнула ногой.

— Замолчи, дрянная девчонка! — закричала леди Леона. — Маленькие девочки должны радовать глаз, а не оскорблять слух.

Она схватила девочку за косу и поволокла ее, кричащую, прочь из зала. *Уводят моего единственного друга в этом чертоге,* подумал Давос.

— Вилла всегда была упрямым ребенком, — сказала её сестра, извиняясь. — Боюсь, из нее

получится упрямая жена.

Рейегар пожал плечами:

— Замужество смягчит её, не сомневаюсь. Твердая рука и тихое слово.

— В противном случае есть Молчаливые Сестры, — лорд Виман поерзал на своем троне. — Что касается тебя, Луковый Рыцарь, то я по горло сыт твоими мятежными речами. Ты хочешь подвергнуть угрозе мой город ради фальшивого короля и фальшивого бога. Ты хочешь, чтобы я пожертвовал своим единственным оставшимся в живых сыном для того, чтобы Станнис Баратеон уселся своей морщинистой задницей на трон, на который у него

нет прав. Я не сделаю этого. Ни ради тебя, ни ради твоего лорда. Ни ради любого другого человека.

Лорд Белой Гавани заставил себя встать. От этого усилия кровь прилила к его шее.

— Ты *по-прежнему* контрабандист, сир, явившийся сюда, чтобы украсть мое золото и мою кровь. Тебе нужна голова моего сына. Думаю, вместо этого я отрублю твою. *Стража!* Схватить этого человека!

Прежде чем Давос успел пошевелиться, его окружили серебряные трезубцы.

— Милорд, — сказал он. — Я посланник.

— Посланник? Ты пробрался в мой город как контрабандист. Ты не лорд, не рыцарь и не посланник, а просто вор и шпион, разносчик лжи и измены. Надо бы вырвать твой поганый язык раскаленными щипцами и отправить в Дредфорт, где с тебя живьем сдерут кожу. Но Мать милосердна, и я тоже.

Он подозвал к себе сира Марлона:

— Кузен, киньте этого мерзавца в Волчье Логово и отрубите ему руки и голову. Исполните все до ужина. Я не смогу есть, пока не увижу голову этого контрабандиста на пике. И засуньте луковицу в его лживый рот.

21. ВОНЮЧКА

Ему дали коня, стяг, дублет тонкой шерсти, теплый меховой плащ — и он оказался на свободе. В этот раз от него не воняло.

— Возвращайся с замком, — сказал Деймон А-ну-ка-потанцуй, помогая трясущемуся Вонючке забраться в седло, — или скачи прочь и увидишь, как далеко ты заберешься, прежде чем мы поймаем тебя. Ему это понравится, о да.

Деймон осклабился и ударил плетью круп старой клячи, та негромко заржала и двинулась нетвердой поступью.

Вонючка не смел обернуться, боясь увидеть, что Деймон, Желтый Дик, Ворчун и остальные следуют за ним, что все это лишь очередная злая шутка лорда Рамси, жестокая проверка, призванная выяснить, что он будет делать, если получит лошадь и свободу действий. *Неужели они думают, что я попытаюсь сбежать?* Заморенная и хромая кляча, которую ему дали, никуда не годилась. У него не было ни малейшего шанса обогнать добрых лошадей лорда Рамси и его охотников. А Рамси ничто не доставляло большего удовольствия, чем пустить своих девочек по свежему следу.

Да и потом, куда ему бежать? За спиной остался лагерь, полный дредфортцев и людей, которых Рисвеллы привели с собой из Ручьев, а между ними — войско Города-на-Кургане. С юга по гати поднималась ко Рву Кейлин другая армия — войска Болтонов и Фреев, вставших под знамена Дредфорта. К востоку от тракта раскинулось бесплодное пустынное побережье и холодное соленое море, а к западу лежали топи и трясины Перешейка, кишевшие змеями, львоящерами и болотными дьяволами с их отравленными стрелами.

Он бы не убежал. Просто не мог бы сбежать.

Я добуду ему замок. Я это сделаю. Я должен.

Было пасмурно и сыро, стоял туман. Дул южный ветер, влажный, как поцелуй. Развалины Рва Кейлин уже виднелись в отдалении, расшитые клочьями тумана, словно причудливым узором. Его лошадь шагом приближалась к руинам, а под ее ногами негромко чавкала серо-зеленая жижа, неохотно выпуская увязшие копыта.

Я уже ездил этой дорогой. Опасная мысль — он тут же пожалел о ней. "Нет, — произнес он, — нет, это был кто-то другой, это было прежде, чем ты узнал, как тебя зовут". Его звали Вонючка. Он

должен помнить об этом. *Вонючка, Вонючка — навозная кучка.*

Когда тот, другой, ехал этой дорогой, за ним следовала целая армия: огромное войско севера шло на войну под серыми с белым знаменами дома Старков. А Вонючка ехал в одиночестве, сжимая в руке сосновый шест с мирным флагом. Когда тот, другой, ехал этой дорогой, под ним был боевой конь, быстроногий и горячий. Вонючка же восседал на разбитой кляче, кожа да кости, но даже ее он вынужден был придерживать, опасаясь свалиться в грязь. Тот, другой, был хорошим наездником, а Вонючка едва держался на лошади. Прошло столько

времени. Он больше не наездник. И даже не человек. Его создал лорд Рамси, и он был тварью ниже собаки, червяком в человеческом обличье.

"Ты притворишься принцем, — говорил ему лорд Рамси прошлой ночью, пока Вонючка отмокал в обжигающе горячей ванне, — но мы-то знаем правду. Ты Вонючка. И всегда будешь Вонючкой, как бы хорошо от тебя ни пахло. Твой нос может обмануть тебя. Помни, как тебя зовут. Помни, кто ты есть."

"Вонючка, — ответил он ему. — Ваш Вонючка."

"Окажи мне эту маленькую услугу, и сможешь стать моим псом, будешь есть мясо каждый день, —

пообещал лорд Рамси. — У тебя возникнет соблазн предать меня. Сбежать, или сражаться, или перейти на сторону наших врагов. Нет, помолчи, я не хочу слушать твои отговорки. Солжешь мне — и я вырву твой язык. Другой человек на твоём месте мог бы переметнуться, но ведь мы оба знаем, что ты такое, верно? Предавай меня, если хочешь, мне на это наплевать... только сперва пересчитай свои пальчики и подумай, во что тебе это обойдётся."

Вонючка знал, во что обходятся такие вещи. *Семь*, подумал он, *семь пальцев. Семи пальцев вполне достаточно. Семь — священное число.* Он вспомнил о боли, которую

испытал, когда по приказу лорда Рамси Скорняк снял кожу с его безымянного пальца.

Воздух был сырым и тяжелым, и то тут, то там блестели мелкие лужи. Вонючка аккуратно выбирал дорогу между ними, держась остатков настила из бревен и досок, проложенного через мягкую почву передовым отрядом Робба Старка для ускорения продвижения армии. Там, где когда-то высилась мощная оборонительная стена, теперь оставались только отдельные валуны. Эти глыбы черного базальта были такими огромными, что, должно быть, не меньше сотни людей потребовалось, чтобы установить их.

Одни почти полностью увязли в трясине, другие валялись, словно наскучившие неведомому богу игрушки, треснувшие и рассыпающиеся, покрытые пятнами лишайника. Ночью прошел дождь, и гигантские мокрые камни сверкали в утреннем свете, будто облитые черным маслом.

Немного поодаль возвышались башни.

Пьяная Башня скособочилась, словно вот-вот упадет. Она стояла так уже пять веков. Детская Башня пронзала небо, прямая, как копье, но открытая дождю и ветру из-за разрушенной верхушки. Привратная Башня была самой большой из трех:

приземистая и широкая, заросшая скользским мхом; с ее северной стороны из щели между камнями росло вбок уродливое кривое дерево, а остатки разрушенной стены все еще примыкали к ней с запада и востока. *Карстарки расположились в Пьяной Башне, Амберы — в Детской, вспомнилось ему. Привратную Башню занял сам Робб.*

Он закрыл глаза, и перед его мысленным взором предстали знамена, смело реявшие на бодрящем северном ветру. *Не осталось ни единого, все пали.* Теперь южный ветер обдувал его лицо, а над тем, что осталось от Рва Кейлин, развевались лишь стяги с золотым

кракеном на черном поле.

За ним наблюдали. Он чувствовал на себе взгляды. Подняв глаза, он мельком увидел бледные лица разглядывавших его людей между зубцов Привратной Башни и в прорехах полуразрушенной кладки верхней части Детской Башни. Как гласила легенда, в ней однажды собрались Дети Леса и призвали воды, которые, словно молот, раскололи Вестерос надвое.

Переправиться через Перешеек посуху можно было только по гати, а башни Рва Кайлин запечатывали ее с севера, как пробка бутылку. Дорога здесь была узкой, а расположение развалин таково, что всякий враг,

идуший с юга, оказывался под ними и между ними. Неприятелю, решившему штурмовать любую из трех башен, пришлось бы взбираться по влажным каменным стенам со склизкими плетями мха "шкура призрака", открывая спину стрелам с двух других башен. Болотистая почва за пределами гати была непроходимой — бесконечная трясина с топями, зыбучими песками и сверкающими зелеными лужайками, на первый взгляд прочными, но превращавшимися в воду, стоило лишь ступить на них. Земля кишела ядовитыми змеями, цветами с губительным ароматом и огромными львоящерами с зубами,

подобными кинжалам. Народ, населяющий эту местность, был не менее опасен: скрытые от глаз, но всегда таящиеся рядом — болотные жители, пожиратели лягушек, люди ила и тины. Фенн-Топь и Рид-Камыш, Пит-Торф и Боггс-Болото, Крэй-Протока и Квагг-Трясина, Грингуд-Зелень и Блэкмайр-Черная Тина — так именовали себя они. Железнорожденные же их всех звали *болотными дьяволами*.

Вонючка миновал сгнивший труп лошади со стрелой, торчащей из горла. При его приближении длинная белая змея скользнула в пустую глазницу. За лошадью он заметил всадника, вернее то, что от него

осталось. Вороны склевали плоть с его лица, а дикий пес пробрался под кольчугу и выгрыз внутренности. Чуть дальше другой труп настолько увяз в жиже, что только лицо и пальцы торчали наружу.

Ближе к башням земля была усеяна трупами со всех сторон. Кровоцвет рос из их зияющих ран — бледные цветы с лепестками пухлыми и влажными, словно женские губы.

Никто в гарнизоне меня не узнает. Кто-нибудь, может, и вспомнил бы мальчишку, которым он был до того, как выучил свое имя, но ни один из них не знал Вонючку. Он не видел своего отражения целую

вечность, но хорошо представлял себе, насколько постарел. Волосы поседели, большая их часть и вовсе выпала, а те, что остались, были сухими и жесткими, как солома. Подземелье сделало его слабее старухи, и он до того исхудал, что сильный порыв ветра мог сбить его с ног.

А руки... Рамси дал ему перчатки, прекрасные перчатки из черной кожи, мягкие, податливые, плотно набитые шерстью там, где надо было скрыть отсутствие пальцев, но если присмотреться, становилось заметно, что три пальца негнулись.

— *Ни шагу ближе!* — раздался

крик. — С чем явился?

— Есть разговор, — он пришпорил свою клячу и продолжил движение, размахивая мирным флагом так, чтобы они его наверняка заметили. — Я без оружия.

Ответа не последовало. Он знал, что сейчас за башенными стенами железные люди решают, впустить его или же наspiговать ему грудь стрелами. *Мне все равно.* Быстрая смерть здесь и сейчас в сотню раз лучше, чем возвращение к лорду Рамси с пустыми руками.

Затем двери сторожки распахнулись.

— Быстро!

Вонючка только начал

разворачивать лошадь в сторону звука, как рядом просвистела стрела. Она вылетела откуда-то справа, из полузатопленных развалин оборонительной стены. Стрела прошла сквозь складки его стяга и безвольно повисла, ее острие закачалось у него перед носом. С перепугу он бросил флаг и скатился с седла.

— Давай внутрь! — крикнул голос из башни, — быстрее, дурак, *быстрее!*

Вонючка карабкался на четвереньках вверх по ступенькам, когда над головой пронеслась еще одна стрела. Кто-то схватил его и втащил внутрь, за ними с грохотом

захлопнулись двери. Его рывком подняли на ноги и толкнули к стене, к горлу приставили нож, а бородатое лицо обладателя ножа оказалось так близко, что он мог пересчитать волоски в его носу.

— Кто такой? Зачем ты здесь? Отвечай живее, не то составишь компанию вон тому, — караульный тряхнул головой, указывая на гниющий труп рядом с дверями, позеленевший и покрытый опарышами.

— Я из железнорожденных, — солгал Вонючка. Железнорожденным был тот мальчишка, которым он был прежде, но Вонючка явился в этот мир из темниц Дредфорта. —

Посмотри на меня как следует. Я сын лорда Бейлона. Я твой принц.

Надо было бы назвать и имя, но слова застряли в горле. Я *Вонючка*, *Вонючка* — *скулящая сучка*. Но на какое-то время об этом следовало забыть. Ни один человек, будучи даже в самой безвыходной ситуации, не согласился бы сдаться такому существу, как Вонючка. Он должен притвориться принцем.

Схвативший его мужчина прищурил глаза, вгляделся в черты лица и недоверчиво оскалился, показав гнилые зубы. От него несло элем и луком.

— Сыновья лорда Бейлона убиты.

— Мои братья. Не я. Я попал в плен к лорду Рамси, после Винтерфелла. Это он послал меня к вам для переговоров. Ты здесь главный?

— Я? — мужчина опустил нож и сделал шаг назад, едва не споткнувшись о тело на полу. — Что вы, нет, милорд, — ржавая кольчуга, полусгнившие кожаные штаны. Язва на запястье сочилась сукровицей. — Ральф Кеннинг у нас за главного, так капитан распорядился. Я всего лишь караульный.

— А это кто? — Вонючка толкнул ногой труп.

Караульный в недоумении уставился на тело, словно впервые

увидел его:

— Этот... Он выпил воды. Пришлось перерезать ему горло, чтоб перестал орать. Хворь в животе. Здешнюю воду пить нельзя. Поэтому мы пьем эль, — караульный потер красные воспаленные глаза. — Поначалу мы стаскивали мертвецов в подвалы, все погреба там затопило. Но больше никто не хочет этим утруждаться, так что они остаются лежать, где упали.

— Подвалы для них более подходящее место. Их надо предать воде. Отдать Утонувшему Богу.

Мужчина рассмеялся:

— Там внизу нет богов, милорд. Только крысы да водяные змеи.

Белые твари, толщиной с ногу. Иногда они заползают наверх и кусают спящих.

Вонючка вспомнил подземелья Дредфорта, извивающуюся в зубах крысу и вкус свежей крови на губах. *Если у меня ничего не выйдет, Рамси вернет меня туда, только прежде сдерет кожу еще с одного пальца.*

— Сколько человек осталось в гарнизоне?

— Несколько, — ответил железнорожденный. — Точно не знаю. Меньше, чем было поначалу. Наверное, в Пьяной Башне тоже кто-то остался. А вот в Детской Башне нет никого. Дейгон Кодд проверял пару дней назад. Сказал, нашел там

двоих, они жрали мертвецов. Он вроде как убил обоих.

Ров Кейлин уже пал, вдруг понял Вонючка, просто им не сочли нужным сообщить. Он потер рот, стараясь скрыть недостаток зубов, и произнес:

— Мне нужно поговорить с вашим командиром.

— С Кеннингом? — караульный был в замешательстве. — Он не особо много нынче говорит. Он помирает. А может, уже помер. Я не видел его с... Не помню, когда...

— Где он? Отведи меня к нему.

— А двери кто будет охранять?

— Он, — Вонючка пнул труп.

Это вызвало у мужчины смех:

— Ага, почему бы нет?

Пойдемте, раз так, — он выдернул факел из подставки и размахивал им до тех пор, пока тот не разгорелся ярко и жарко. — Сюда, — караульный открыл дверь и повел его вверх по спиральной лестнице, свет факела отражался от черных каменных стен, пока они поднимались.

Лестница привела их в темную, дымную комнату, натопленную до духоты. Окно было затянуто потрепанным куском кожи, чтобы уменьшить сырость с улицы, в жаровне тлел кусок торфа. В комнате стояла отвратительная вонь: миазмы плесени, мочи и испражнений, запах

дыма и болезни. Пол был устлан грязным тростником, охапка соломы в углу служила постелью.

Ральфа Кеннинга, лежащего под горой мехов, бил жестокий озноб. Его оружие было свалено рядом: меч и топор, кольчуга, железный шлем. На его щите облачная рука штормового бога метала из пальцев молнии на бушующее море, но краска выцвела и облезла, а дерево под ней начало гнить.

Гнил и сам Ральф. Он лежал в лихорадке под слоями меха совершенно голый, бледное опухшее тело было сплошь покрыто мокрыми язвами и коростой. Голова его деформировалась — одна щека

неестественно раздулась, а шея так налилась кровью, что казалась шире головы. Рука на этой же стороне была размером с бревно, в ранах копошились опарыши. Судя по всему, его не мыли и не брили уже много дней. Из одного глаза сочился гной, а борода покрылась коркой засохшей рвоты.

— Что с ним случилось? — спросил Вонючка.

— Он стоял на насыпи, и какой-то болотный дьявол выпустил в него стрелу. Пустячная царапина, но... их стрелы отравлены, они обмазывают наконечники дерьмом и еще чем похуже. Мы залили рану кипящим вином, но это ничего не дало.

Я не могу вести переговоры с этим существом.

— Убей его, — сказал Вонючка караульному. — Он уже ничего не соображает. В нем только кровь и черви.

Караульный уставился на него, раскрыв рот:

— Капитан оставил его за главного.

— Ты бы добил умирающую лошадь.

— Какую лошадь? У меня никогда не было лошади.

А у меня была. Внезапно нахлынули воспоминания. Почти человеческие крики Улыбчивого, его грива объята пламенем. Ослепший от

боли, он встал на дыбы, бил ногами в воздухе и лягался. *Нет, нет. Он не был моим, у Вонючки никогда не было коня.*

— Я сделаю это за тебя, — Вонючка схватил меч Ральфа Кеннинга, прислоненный к щиту. Оставшихся пальцев все еще хватало, чтобы сжать рукоять. Когда острие меча коснулось горла того, что лежало на соломенной постели, кожа разошлась, и наружу хлынула черная кровь и желтый гной. Кеннинг забился в конвульсиях, потом затих. Тошнотворный запах наполнил комнату. Вонючка бросился на лестницу. Воздух там был сырым и холодным, но все же гораздо чище.

Железнорожденный, пошатываясь, поспешил за ним, с побледневшим лицом и едва сдерживая рвоту. Вонючка схватил его за руку:

— Кто у вас следующий по старшинству? Где остальные?

— На стенах или в зале. Спят, пьют. Могу проводить вас, если желаете.

— Проводи, и немедленно, — Рамси дал ему всего день.

Отделанный темным камнем зал с высоким потолком был полон дыма и насквозь продувался. Стены покрывали огромные пятна белесого лишайника. В камине, закоптившемся от жаркого пламени былых времен, теперь тускло горел

торф. В центре зала стоял массивный каменный стол, заполняя все пространство, как и веками до этого. *Вон там я сидел, когда был здесь в последний раз, вспомнилось ему. Робб во главе стола, по его правую руку Большой Джон, по левую — Русе Болтон. Рядом с Хеллманом Толлхартом сидели Гловеры. Напротив — Карстарк и его сыновья.*

За столом выпивали железнорожденные, человек двадцать. Несколько из них подняли на него мутные, безжизненные глаза, но остальные не обратили ни малейшего внимания. Ни одного знакомого лица. Некоторые носили

плащи, застегнутые серебряными пряжками в форме трески. На Железных островах были невысокого мнения о роде Коддов, поговаривали, что мужчины у них — воры и трусы, а женщины — распутницы, которые спят с собственными отцами и братьями. Неудивительно, что его дядя оставил их здесь, когда отправился домой с Железным флотом.

Моя задача становится гораздо проще.

— Ральф Кеннинг мертв, — сказал он. — Кто у вас за старшего?

Пьяные безучастно посмотрели на него. Кто-то заржал. Кто-то сплюнул. Наконец, раздался голос

одного из Коддов:

— А кто спрашивает?

— Сын лорда Бейлона, — *Вонючка, мое имя Вонючка, и я — дерзкая штучка.* — Я посланник Рамси Болтона, лорда Хорнвуда и наследного лорда Дредфорта, который пленил меня под Винтерфеллом. К северу от вас стоит его войско, а к югу — армия его отца, но лорд Рамси будет милостив и пощадит вас, если вы сдадите Ров Кейлин до захода солнца, — он вытащил письмо, которое привез с собой, и бросил его на стол перед пьющими.

Один из них взял его и начал рассматривать со всех сторон,

ковыряя печать из розового воска. После паузы он произнес:

— Пергамент. Какой от него толк? Нам нужен сыр и мясо.

— Сталь, ты хотел сказать, — поправил его сидевший рядом мужчина, седобородый, с обрубком вместо левой руки. — Мечи. Топоры. Да, и луки, еще сотня луков, а к ним лучники, чтобы спускать тетиву.

— Железнорожденные не сдаются, — произнес третий голос.

— Мой отец вряд ли бы с этим согласился. Лорд Бейлон преклонил колено перед Робертом, когда тот разрушил его стену. Иначе он бы погиб. Как и вы, если не сдадитесь, — он указал на свиток. —

Вскройте послание. Прочтите его. Это ваша охранная грамота, она писана рукой лорда Рамси. Сложите мечи и идите со мной — его светлость вас накормит и беспрепятственно отпустит на Каменный Берег, чтобы вы нашли корабль домой. В противном случае вы умрете.

— Это угроза? — один из Коддов вскочил на ноги, крупный мужчина, бледный, как мертвец, с выпученными глазами и большим ртом. Он выглядел так, словно отец прижил его с рыбиной, но все же у него был меч. — Дейгон Кодд никому не сдается.

Нет, пожалуйста, вы должны

выслушать меня. При одной только мысли о том, что сделает с ним Рамси, если гарнизон откажется сдаться, он чуть не обмочился. *Вонючка, Вонючка — мокрая сучка.* — Таков ваш ответ? — собственный голос показался ему слабым. — Эта треска говорит за всех вас?

Караульный, который встретил его у входа, выглядел не таким уверенным:

— Виктарион приказал нам держаться, так он говорил. Я своими ушами слышал. "Держитесь, пока я не вернусь", сказал он Кеннингу.

— Точно, — согласился однорукий. — Так он и сказал. Вече

призвало его, но он поклялся, что вернется с короной из плавника на голове и тысячным войском за спиной.

— Мой дядя никогда не вернется, — произнес Вонючка. — Вече выбрало королем его брата Эуруна, а Вороньему Глазу есть, где воевать. Неужели вы думаете, что мой дядя ценит вас? Ничего подобного. Он оставил вас здесь на верную смерть. Вы для него — грязь, которую он счищает с сапог после схода со шлюпки на берег.

Его слова попали в цель. Это было видно по их глазам, по тому, как они переглядывались между собой и хмурились над кубками.

Каждый из них боялся, что их бросили, но именно я превратил страх в уверенность. Они ведь не родня знаменитых капитанов, и не из великих домов Железных островов. Лишь сыновья пленников и морских жен.

— Если сдадимся, нам дадут уйти? — спросил однорукий. — Так тут написано, в этом вашем письме? — он пихнул локтем свиток, который до сих пор не был распечатан.

— Прочтите сами, — ответил Вонючка, хотя он был почти уверен, что ни один не умеет читать. — Лорд Рамси обращается с пленниками с честью, до тех пор, пока они честны

с ним. — У меня он отнял только пальцы на руках и ногах, и еще кое-что, а ведь мог бы вырезать мне язык или содрать кожу с ног от пятки до бедра. — Сложите свои мечи, и он сохранит вам жизнь.

— Ты лжешь, — Дейгон Кодд вытащил меч. — Тебя называют Перевертышем. Почему мы должны верить твоим обещаниям?

Он пьян, понял Вонючка. В нем говорит эль.

— Хотите верьте, хотите нет. Я доставил вам послание от лорда Рамси. Теперь мне пора возвращаться. Сегодня у нас на ужин вепрь, репа на гарнир, а запьем мы все это крепким красным вином. Тех,

кто пойдет со мной — пригласят на пир. А все прочие к завтрашнему вечеру уже будут на том свете. С юга сюда движется лорд Дредфорта с рыцарями, а с севера — люди его сына. Пощады не будет. И тех, кто умрет в бою, можно будет назвать счастливыми. Остальных отдадут болотным дьяволам.

— Довольно, — прорычал Дейгон Кодд. — Думаешь, железнорожденных можно испугать *словами*? Вон! Убирайся к своему хозяину, пока я не вспорол тебе живот, не выпустил твои кишки и не скормил их тебе.

Он собирался еще много чего сказать, но вдруг его глаза изумленно

расширились. В лоб ему, точно промеж глаз, со крепким хрустом вошел топор. Кодд выронил свой меч, задергался, словно рыба на крючке, и рухнул на стол лицом вниз.

Топор метнул однорукий. Он поднялся из-за стола, зажав в руке другой топор.

— Ну, кто еще тут хочет умереть? — спросил он остальных. — Говорите громче, чтоб я видел. — Тоненькие алые ручейки разбегались по каменному столу из лужи крови, в которой покоилась голова Дейгона Кодда. — Что до меня, то я хочу пожить, и это значит, что я не собираюсь оставаться и гнить здесь.

Один человек сделал глоток эля. Другой вылил содержимое кружки на стол, чтобы смыть струйку крови прежде, чем та поползет до него. Царило молчание. Когда однорукий вернул топор за пояс, Вонючка понял, что победил. Он почти почувствовал себя человеком, как прежде. *Лорд Рамси будет мной доволен.*

Он собственноручно опустил флаг с кракеном, немного неуклюже из-за отсутствующих пальцев, но с чувством благодарности за те, которые лорд Рамси позволил ему сохранить. Почти весь день железнорожденные прособирались, и только к вечеру были готовы

выступить. Их оказалось больше, чем он предполагал — сорок семь человек в Привратной Башне и еще восемнадцать в Пьяной Башне. Двоих, совсем безнадежных, уже можно было считать мертвецами; еще пятеро слишком обессилели, чтобы идти. Тем не менее, оставалось пятьдесят восемь человек, вполне способных сражаться. Даже ослабленные, они забрали бы с собой в могилу втрое больше своего числа, начини лорд Рамси штурмовать развалины. *Он правильно сделал, что послал меня,* размышлял Вонючка, взбираясь на свою кобылу, чтобы возглавить потрепанный отряд по дороге через

болота в лагерь северян.

— Оставьте оружие, — сказал он взятым в плен, — мечи, луки, кинжалы. У кого увидят оружие — сразу же убьют.

На преодоление пути у них ушло в три раза больше времени, чем у Вонючки, ехавшего до этого в одиночестве. Для четверых, неспособных передвигаться, на скорую руку соорудили грубые носилки, пятого нес на спине сын. Это замедляло движение, и железнорожденные понимали, как уязвимы они сейчас, находясь на расстоянии полета отравленных стрел болотных дьяволов. *Умирать, так умирать.* Вонючка мог только

надеяться, что лучник окажется мастером своего дела и пошлет ему быструю и чистую смерть. *Человеческую смерть, не такую кончину, какая досталась Ральфу Кеннингу.*

Во главе процессии хромал однорукий. Он рассказал, что его зовут Эдрек Хамбл, и что на Большом Вике у него остались одна железная и три морских жены:

— Когда мы отплывали сюда, три из четырех были брюхаты, — похвастался он, — а у Хамблов частенько случаются двойни. Вернусь домой и первым делом сосчитаю, сколько у меня родилось сынишек. Может, я назову одного в

вашу честь, милорд.

О да, нареки его Вонючкой, а когда будет безобразничать, ты сможешь рубить ему пальцы на ногах и кормить его крысами. Он отвернулся, сплюнул, и принялся размышлять, а оказался ли Ральф Кеннинг таким уж неудачником.

Со свинцово-серого неба уже начал накрапывать дождь, когда перед ними вырос лагерь лорда Рамси. Часовые молча провожали их взглядами. Воздух был застлан дымом от походных кухонь, которые заливало дождем. К ним приблизилась колонна всадников, возлаваемая юным лордом, на его щите была изображена лошадиная

голова. *Один из сыновей лорда Рисвелла, сообразил Вонючка. Роджер. Или, может, Рикард.* Он их не различал.

— Это что, все? — спросил всадник со спины гнедого жеребца.

— Все, кто не умер, милорд.

— Я думал, их там больше. Мы трижды шли на штурм, и трижды они нас отбрасывали.

Мы — железнорожденные, гордость внезапно вспыхнула в нем, и на мгновение он снова стал принцем, сыном лорда Бейлона, кровью Пайка. Нет, это опасная мысль. Он должен помнить свое имя. Я Вонючка, Вонючка — от страха трясучка.

Они уже подошли к лагерю, когда лай гончих возвестил о приближении лорда Рамси. С ним был Амбер Смерть Шлюхам и любимчики Рамси: Скорняк, Кислый Алин, Деймон А-ну-ка-потанцуй, и оба Уолдера, Большой и Малый. Собаки вились вокруг них, рыча на чужаков, пытаясь ухватить кого-нибудь зубами. *Девочки Бастарда*, мелькнуло в голове Вонючки прежде, чем он вспомнил, что это слово никогда, ни при каких обстоятельствах, *ни в коем случае* не должно употребляться в присутствии лорда Рамси.

Вонючка соскочил с лошади и преклонил колено:

— Милорд, Ров Кейлин — ваш.
А вот его последние защитники.

— Так мало. Я надеялся, их окажется больше. Они так упрямо держали оборону, — бледные глаза лорда Рамси блестели. — Вы, должно быть, дико проголодались. Деймон, Алин, позаботьтесь о них. Вина и эля им, и еды, сколько влезет. Скорняк, пусть их ранеными займутся наши мейстеры.

— Да, милорд.

Несколько железнорожденных невнятно пробормотали слова благодарности, и пленники побрели к походным кухням в центре лагеря. Один из Коддов даже попытался приложиться к перстню лорда Рамси,

но собаки не дали ему подойти близко, а Элисон отхватила кусочек уха. Кровь струилась у него по шее, но он все же отвесил поклон и возблагодарил милосердие его светлости.

Когда последний из них скрылся из виду, Рамси Болтон улыбнулся Вонючке. Он схватил его за голову, притянул к себе, поцеловал в щеку и прошептал:

— Вонючка, старый дружок. Неужели они и вправду приняли тебя за своего принца? Какие же дураки, эти железные люди. Боги смеются.

— Они просто хотят вернуться домой, ничего больше, милорд.

— А чего хочешь *ты*, мой

ненаглядный Вонючка? —
промурлыкал Рамзи так нежно,
словно они были любовниками. От
него пахло вином с пряностями и
гвоздикой, чудесный запах. — За
такую доблестную службу положена
награда. Я не могу вернуть тебе
пальцы, но ведь наверняка есть
нечто, что ты мог бы получить от
меня. Освободить тебя? Отпустить с
моей службы? Хочешь уйти с ними,
вернуться на свои унылые острова в
холодном сером море, снова быть
принцем? Или предпочтешь остаться
моим верным слугой?

Словно ледяным клинком
провели вдоль позвоночника.
Осторожнее, сказал он себе, сейчас

очень, очень осторожно. Ему не нравилась улыбка его светлости, не нравилось то, как сверкают его глаза, не нравилась слюна, блестящая в уголке рта. Это были дурные знаки, и ему доводилось видеть их прежде. Ты никакой не принц. Ты всего лишь Вонючка, Вонючка — жалкая кучка. Скажи ему то, что он хочет слышать.

— Милорд, — произнес он, — мое место здесь, рядом с вами. Я — ваш Вонючка. Я хочу только одного — служить вам. Все, что я прошу... мех вина, это и будет мне достойной наградой... красное вино, самое крепкое из тех, что есть у вас, столько, сколько человек может

ВЫПИТЬ...

Лорд Рамси рассмеялся.

— Ты не человек, Вонючка. Ты — вещь, которую я создал. Впрочем, будет тебе вино. Уолдер, проследи. И не бойся, я не стану возвращать тебя в темницу, слово Болтона. Мы сделаем тебя псом. Каждый день мясо, и я даже оставлю тебе кое-какие зубы, чтобы его жевать. Спать можешь с моими девочками. Бен, у тебя найдется для него ошейник?

— Я распоряжусь, чтобы его изготовили, милорд, — сказал старый Костлявый Бен.

Старик сделал даже больше. Этим вечером, кроме ошейника, Вонючке досталось потрепанное

шерстяное одеяло и половинка цыпленка. За мясо ему пришлось подраться с собаками, но это был лучший ужин со времен Винтерфелла.

И вино... Темное, кислое, но по-настоящему крепкое. Усевшись среди собак, Вонючка напился до головокружения, проблевался, вытер рот и выпил еще. Потом лег на спину и закрыл глаза. Когда он проснулся, одна из собак слизывала рвоту с его бороды, а темные облака неслись по лунному серпу. Где-то в ночи раздавались крики. Он отпихнул собаку, перевернулся и снова заснул.

Наутро лорд Рамси отправил трех всадников по гати на юг

сообщить лорду-отцу, что путь свободен. Над Привратной Башней, на месте спущенного Вонючкой золотого кракена Пайка, подняли флаг Болтонов с человеком без кожи. Вдоль дороги из гниющих досок в топкую землю были вбиты деревянные пики: на них гнили тела, багровые и сочащиеся кровью. *Шестьдесят три*, догадался он, *их шестьдесят три*. У одного не хватало половины руки. Другой стискивал в зубах пергаментный свиток с печатью, которую так и не сломали.

Через три дня появился передовой отряд войска Русе Болтона, пробравшийся через

развалины, мимо строя вселявших ужас часовых — четыре сотни всадников Фреев в синем и сером, наконечники их копий вспыхивали всякий раз, когда солнце появлялось из-за туч. Отряд возглавляли двое сыновей старого лорда Уолдера. Один — дюжий детина, с выдающейся вперед челюстью и огромными мускулистыми руками. Второй — лысый, с алчными близко посаженными глазами, острым носом и редкой темной бородкой, плохо скрывающей безвольный маленький подбородок. *Хостин и Эйенис*. Он знал их тогда, когда еще не знал своего имени. Остин, словно настоящий бык: медленно

соображающий, но неистовый, если его разозлить, и с репутацией самого свирепого воина из всего потомства лорда Уолдера. Эйенис был старше, злее и умнее, командир, а не боец. Оба — выдавшие виды вояки.

По пятам за авангардом следовали северяне, их изорванные флаги трепетали на ветру. Они проходили мимо, а Вонючка разглядывал их. Большинство были пешими, и их было невероятно мало. Он вспоминал огромное войско, которое шло на юг с Молодым Волком под стягами Винтерфелла с изображенным на них лютоволком. Двадцать тысяч мечей и копий, или около того, встало под знамена

Робба, но лишь двое из десяти возвращались назад, и то, в основном, люди Дредфорта.

В самой середине колонны, где было больше всего народа, ехал мужчина в броне из темно-серых пластин поверх кроваво-красного стеганого кожаного дублета. Его плечи украшали рондели в форме человеческих голов, раскрывших рты в беззвучной агонии. Розовый шерстяной плащ с вышивкой в виде капель крови ниспадал с его плеч. Длинный плюмаж красного шелка струился с закрытого шлема. *Ни одному болотному жителю не уложить Русе Болтона отравленной стрелой,* подумал Вонючка. Позади

рыцаря скрипела закрытая повозка, охраняемая арбалетчиками, ее тянули шесть тяжеловозов. Шторы из плотного синего бархата скрывали пассажиров от любопытных глаз.

Дальше следовал обоз — громыхающие фургоны, груженные провиантом и награбленной добычей; телеги, полные раненых и калек. А позади — снова Фреи. Не меньше тысячи, а может, и больше: стрелки, копейщики, крестьяне, вооруженные косами и заостренными кольями, вольные всадники, конные лучники, и сотня рыцарей для усиления колонны.

В ошейнике и цепях, снова в лохмотьях, Вонючка с другими

собаками следовал за конем лорда Рамси, выехавшего навстречу отцу. Однако когда всадник в темных доспехах снял шлем, Вонючка не узнал этого человека. Улыбка застыла на лице Рамси, его перекосило от ярости:

— Что это такое? Какая-то насмешка?

— Всего лишь предосторожность, — прошептал Русе Болтон, показавшись из-за штор закрытой повозки.

Сходство между лордом Дредфорта и его незаконнорожденным сыном почти не угадывалось. Чисто выбритый, ровная кожа, обычные черты, не

красавец, но и невзрачным не назвать. Хотя Русе случалось участвовать в битвах, заметных шрамов они не оставили. Ему было далеко за сорок, но лицо сохранило гладкость, едва ли на нем нашлась бы даже пара морщин, свидетельствующих о возрасте его обладателя. Очень тонкие губы, казалось, совсем исчезали, если он сжимал их. Что-то в его облике наводило на мысли о вечности и неподвижности: на лице Русе Болтона гнев и веселье выглядели одинаково. Единственное, что говорило о его родстве с Рамси — глаза. *У него глаза изо льда.* Вонючка задался вопросом, а плакал ли Русе

Болтон хоть когда-нибудь? *И если да, замерзают ли слезы у него на щеках?*

Давным-давно мальчишка по имени Теон Грейджой забавлялся, высмеивая Болтона на совете у Робба Старка, передразнивая его тихую речь и отпуская шуточки по поводу его пиявок. *Наверное, он был безумен. С такими людьми не шутят.* Одного взгляда на Болтона хватало, чтобы понять, что в его мизинце больше жестокости, чем во всех Фреях вместе взятых.

— Отец, — лорд Рамси преклонил колено перед родителем.

Мгновение лорд Русе изучающе смотрел на него.

— Можешь подняться, — он

повернулся, чтобы помочь двум молодым женщинам выйти из повозки.

Первая дама была низенькой и очень полной, с круглым красным лицом и тремя подрагивающими подбородками под капюшоном ее собольей мантии.

— Моя новая жена, — сказал Русе Болтон, — Леди Уолда, познакомьтесь с моим внебрачным сыном. Поцелуй руку мачехе, Рамси.

Тот послушался.

— И — я уверен, что ты помнишь ее — леди Арья. Твоя невеста.

Стройная девушка, выше ростом, чем он ее помнил, впрочем, ничего

удивительного. В этом возрасте девочки растут очень быстро. На ней серое шерстяное платье, отороченное белым атласом, поверх него — горностаевый плащ, застегнутый серебряной пряжкой в форме волчьей головы. Темные волосы спускались до лопаток. А ее глаза...

Это не дочь лорда Эддарда.

У Арьи были отцовские глаза, серые глаза Старков. В ее возрасте могут отрасти волосы, прибавиться рост, появиться грудь, но цвет глаз не может поменяться. *Это маленькая подружка Сансы, дочь управляющего. Дженни, вот как ее зовут. Джейн Пуль.*

— Лорд Рамси, — девушка склонилась почти до земли. Снова не то. *Настоящая Арья Старк плюнула бы ему в лицо.* — Я молюсь о том, чтобы стать вам доброй женой и родить вам здоровых наследников.

— Так и будет, — пообещал Рамси, — совсем скоро.

22. ДЖОН

Свеча погасла, став лужицей воска, но утренний свет уже просачивался сквозь ставни окна. Джон снова заснул за работой. Его стол был завален высокими стопками книг. Он принес их сам, потратив полночи на поиски в пыльных хранилищах при свете фонаря. Сэм оказался прав — книги остро нуждались в сортировке, описании и приведении в порядок, но это была задача не для стюардов, которые не умели ни читать, ни писать. Придется ждать, когда вернется Сэм.

Если он вернется. Джон опасался за Сэма и мастера Эйемона. Коттер Пайк из Восточного дозора сообщал, что с борта "Штормовой Вороны" у побережья Скагоса видели обломки корабля. Был ли этот корабль "Черным Дроздом", судном наемников Станниса Баратеона или каким-нибудь проходящим мимо торговым судном, экипаж "Штормовой Вороны" разглядеть не смог. Я хотел отправить Джилли с младенцем в безопасное место. Неужели вместо этого я отправил их в могилу?

Вчерашний ужин, почти нетронутый, застыл возле его локтя. Скорбный Эдд от души наполнил

тарелку чуть ли не до краев, чтобы печально известное блюдо Трехпалого Хобба — рагу из трех видов мяса — размягчило черствый хлеб. Ночные Братья шутили, что три вида мяса — это баранина, баранина и баранина, но морковь, лук и репа были ближе к реальности. Пленка застывшего жира блестела на оставшемся рагу.

После того как Станнис освободил покои Старого Медведя в Королевской башне, Боуэн Марш не раз убеждал Джона перебраться туда, но он отказывался. Переезд в королевские покои очень легко можно было истолковать как знак того, что на возвращение короля

больше не рассчитывают.

Странная апатия охватила Черный Замок после отъезда Станниса на юг, словно и вольный народ, и черные братья затаили дыхание в ожидании того, что произойдет дальше. Дворы и обеденный зал большую часть времени пустовали, от башни лорда-командующего остались одни стены, бывший общий зал превратился в груды почерневших деревянных балок, а башня Хардина выглядела так, словно ее мог обрушить любой порыв ветра. Единственным признаком жизни был едва слышный звон мечей, доносившийся со двора перед оружейной. Железный Эммет

прикрикнул на Хоп-Робина, чтобы тот держал щит повыше. *Нам всем надо бы держать щиты повыше.*

Джон умылся, оделся и вышел из оружейной, ненадолго задержавшись во дворе, чтобы подбодрить парой слов Хоп-Робина и других подопечных Эммета. Как обычно, он отказался от сопровождающих, предложенных Таем. С ним будет достаточно людей; если дойдет до крови, еще двое дела не решат. Тем не менее, при нем был Длинный Коготь, а по пятам следовал Призрак.

Когда он подошел к конюшне, Скорбный Эдд уже ждал его, держа под уздцы оседланную лошадь лорда-командующего. Подводы собирали

под неусыпным контролем Боуэна Марша. Лорд-стюард продвигался вдоль колонны верхом, мелкой рысцей, суется и отдавая указания, его щеки покраснелись от мороза. При виде Джона они покраснели еще больше:

— Лорд-командующий, вы все еще намерены совершить эту...

— ... глупость? — Джон завершил вопрос. — Прошу вас, скажите, что вы не собирались произнести слово "глупость", милорд. Да, намерен. И мы уже обсудили это. Восточному Дозору нужны люди. И в Сумеречной Башне нужны люди. Не сомневаюсь, что и в Сером Страже, и Ледовом Пороге

тоже. И еще четырнадцать наших замков стоят безлюдными — многие лиги Стены, остающиеся без дозора и защиты.

Марш поджал губы:

— Лорд-командующий

Мормонт...

— Мертв. И не от руки одичалых, а от рук своих названных братьев — людей, которым он доверял. Ни вы, ни я не можем знать, что бы он сделал или не сделал на моем месте, — Джон развернул коня. — Хватит болтать. Поехали.

Скорбный Эдд слышал их перепалку. Он кивнул вслед удаляющемуся Боуэну Маршу:

— Гранаты. Все эти косточки.

Можно насмерть подавиться. Я предпочитаю репу. Вот от репы человеку никакого вреда.

Именно в такие моменты Джону особенно не хватало мастера Эйемона. Клидас хорошо ухаживал за воронами, но он не обладал и десятой долей знаний и опыта Эйемона Таргариена, и в еще меньшей степени — его мудростью. Боуэн был по-своему хорошим человеком, но рана, которую он получил на Мосту Черепов, только укрепила его точку зрения, и единственной песней, которую от него теперь слышали, стал привычный призыв о запечатывании ворот. Отелл Ярвик был

флегматичен, лишен воображения и неразговорчив, а первые разведчики, казалось, умирали так же быстро, как и назначались. *Ночной Дозор* потерял слишком много лучших своих людей, размышлял Джон, когда телеги начали двигаться. *Старый Медведь, Куорен Полурукий, Донал Нойе, Джармен Баквел, мой дядя...*

Пошел легкий снег. Колонна начала свой путь на юг вдоль королевского тракта, вытянувшись длинной линией фургонов вдоль полей, ручьев и лесистых склонов. Ее сопровождали дюжина копейщиков и такое же количество конных лучников. Последние несколько поездов в Кротовый Городок были

омрачены небольшими неприятностями — толкотней и тычками, негромко произносимыми проклятиями, множеством угрюмых взглядов. Боуэн Марш полагал, что лучше не рисковать, и хотя бы в этом они с Джоном были заодно.

Лорд-стюард возглавлял колонну. Джон ехал в нескольких ярдах позади рядом со Скорбным Эддом Толлеттом. В полумиле к югу от Черного Замка Эдд подогнал свою лошадь поближе к Джону:

— Милорд, посмотрите туда. На холме — большой пьяница.

Пьяницей оказался ясень,
искривленный столетиями ветров.
Теперь у него было лицо. Темный

рот, сломанная ветка вместо носа, два глубоко вырезанных в стволе глаза, смотрящих на север по королевскому тракту в сторону замка и Стены.

Одичалые все-таки принесли с собой своих богов. Джон не удивлялся. Люди не расстаются с богами так просто. Торжественное представление, устроенное леди Мелисандрой за Стеной, вдруг стало казаться пустым балаганом.

— Он немного похож на тебя, Эдд, — сказал он, пытаюсь свести все к шутке.

— Да, милорд. У меня из носу не растут листья, но в остальном... Леди Мелисандру это не порадует.

— Не думаю, что она это увидит. Проследи, чтобы никто ей не сболтнул.

— Но она видит вещи в пламени.

— Дым и пепел.

— И горящих людей. Скорее всего, меня. С листьями, растущими из носа. Я всегда боялся сгореть, но надеялся, что сначала умру.

Джон еще раз обернулся на лик, гадая, кто его вырезал. Он расставил посты вокруг Кротового Городка, чтобы держать своих ворон подальше от одичалых женщин, а заодно чтобы вольный народ не устраивал набеги на южные земли. Кто бы ни оставил изображение на ясене, он явно смог

проскользнуть мимо часовых. И если это удалось одному, то удастся и другим. *Я мог бы снова удвоить охрану,* мрачно подумал он. *И растратить впустую силы вдвое большего количества людей вместо того, чтобы отправить их на патрулирование Стены.*

Фургоны продолжали свой медленный путь на юг по замерзшей грязи через летящий снег. Через милю им повстречалось второе лицо, вырезанное в росшем у покрытого льдом ручья каштане — глаза дерева смотрели на старый мост.

— Вдвое больше проблем, — объявил Скорбный Эдд.

На высохшем каштане не было

листвы, но его голая темная крона не пустовала. На низкой ветке, нависающей над ручьем, съежился ворон, взъерошив от холода перья. Заметив Джона, он расправил крылья и громко каркнул. Стоило протянуть ладонь и свистнуть, как большая черная птица слетела вниз с криком: “Зерно, зерно, зерно”.

— Зерно — для вольного народа, — сказал ему Джон. — Не для тебя, — он подумал, не придется ли им всем начать есть воронов еще до наступления зимы.

Джон не сомневался, что братья в фургонах тоже заметили лицо. Они ничего не сказали, но любой, у кого были глаза, понял послание. Джон

как-то слышал от Манса-Налетчика, что большинство из коленопреклоненных подобны овцам. “Стадо овец может пасти собака, — говорил Король-За-Стеной, — а вольный народ... некоторые — сумеречные коты, а другие — камни. Первые пойдут куда захотят и порвут ваших собак на части. Вторые не двинутся с места, пока их не пнешь”. Но ни сумеречные коты, ни камни, похоже, не собирались бросать богов, которым они поклонялись всю жизнь, чтобы склониться перед тем, кого они едва знают.

Чуть севернее Кротового Городка они наткнулись на третьего

стража, вырезанного в огромном дубе, отмечающем границу деревни. Его глубокие глаза уставились на королевский тракт. *Это лицо не назовешь дружелюбным*, подумал Джон Сноу. У лиц, которые Первые Люди и Дети Леса веками вырезали в чардревах, часто был суровый или свирепый облик, но этот большой дуб выглядел особенно злым, как будто он собирался вытащить из земли корни и с ревом броситься за ними. *Раны дерева такие же свежие, как и раны людей, вырезавших лик.*

Значительная часть Кротового Городка скрывалась под землей, защищенная от холода и снега,

поэтому он всегда казался меньше, чем являлся на самом деле. Сейчас это было особенно заметно. Магнар Теннов сжег пустую деревню, когда проходил мимо, чтобы атаковать Черный Замок, и теперь на поверхности были видны лишь груды почерневших балок и старых обожженных камней... Но внизу, под промерзшей землей, все еще сохранились своды, туннели и глубокие подвалы, в которых и нашли убежище люди вольного народа — они теснились в темноте, как кроты, в честь которых деревня получила свое имя.

Фургоны выстроились
полумесяцем перед тем, что когда-то

было деревенской кузницей. Поблизости стайка раскрасневшихся детей строила крепость из снега, но все они разбежались при виде братьев в черных плащах, исчезая в той или иной норе. Вскоре из-под земли стали выбираться взрослые. Их сопровождало зловоние: запах немытых тел и одежды, испачканной дерьмом и мочой. Джон заметил, как один из его людей сморщил нос и сказал что-то соседнему. *Какую-то шутку про запах свободы,* предположил он. Слишком многие братья шутили насчет зловония дикарей в Кротовом Городке.

Невежественные свиньи, подумал Джон. Вольные люди ничем

не отличались от людей Ночного Дозора: некоторые были чистыми, некоторые — грязными, но большинство из них были иногда чистыми, а иногда — грязными. Эта вонь — неизбежный запах тысячи человек, зажатых в подвалах и тоннелях, вырытых с расчетом не более, чем на сотню.

Одичалые следовали установленному порядку. Они молча выстраивались в шеренги позади фургонов. На каждого мужчину приходились три женщины, многие — с детьми, бледными тощими созданиями, хватающимися за юбки. Джон видел, что младенцев очень мало. *Младенцы погибли во время*

похода, понял он, а пережившие сражение умирали в королевском загоне.

Воинам повезло больше. Три сотни человек подходящего для службы возраста, как заявил Джастин Масси на совете. Лорд Харвуд Фелл пересчитал их. *Будут еще и копыеносицы. Пятьдесят, шестьдесят, может, сотня.* Джон знал, что Фелл считал и раненых. Он видел пару десятков — мужчины на грубых костылях, с пустыми рукавами и недостающими кистями, мужчины с одним глазом или с половиной лица, был даже безногий человек, которого несли двое товарищей. У всех серые лица, все

измождены. *Сломанные люди, думал Джон. Мертвяки — не единственные безжизненные существа.*

Однако не все воины были сломаны. Полдюжины Теннов в броне из бронзовых пластин сгрудились у входа в один из тоннелей, мрачно поглядывая вокруг и не предпринимая попыток присоединиться к другим. В развалинах старой деревенской кузницы Джон заметил лысого верзилу, в котором признал Халлека, брата Хармы Собачьей Головы. Но свиней Хармы больше не было. *Съедены, тут нет сомнений.* Те двое в шкурах были Рогоногими, настолько же свирепыми, насколько

и тощими, босиком даже на снегу.
Среди этих овец еще есть волки.

Вель напомнила ему об этом, когда он в последний раз навещал ее: “У вольного народа и коленопреклоненных больше сходств, чем различий, Джон Сноу. Мужчины — это мужчины, женщины — это женщины, независимо от того, с какой стороны Стены они родились. Хорошие люди и плохие, герои и злодеи, люди чести, лгуны, трусы, скоты... среди нас попадаются всякие, так же, как и среди вас”.

Она была права. Сложность состояла лишь в том, чтобы отличить одних от других, отделить овец от козлов.

Черные братья начали раздавать еду. Они принесли куски жесткой соленой говядины, сушеную треску, сухие бобы, репу, морковь, мешки ячменя и пшеничной муки, маринованные яйца, бочки с луком и яблоками. Джон услышал, как Волосатый Хал объясняет какой-то женщине:

— Ты можешь взять луковицу или яблоко, но не то и другое. Ты должна выбрать.

Казалось, женщина не понимает:

— Мне нужно по два каждого. По одному для меня и по одному — для моего мальчика. Он нездоров, но яблоко поможет ему выздороветь.

Хал покачал головой:

— Ему надо самому прийти за яблоком. Или луком. Не за обоими. Так же, как и тебе. Итак, яблоко или лук? Быстрее, за тобой еще много людей.

— Яблоко, — выбрала она, и Хал дал ей одно — старое и засохшее, маленькое и сморщенное.

— Двигайся, женщина, — крикнул мужчина, стоящий через трех человек после нее. — Здесь холодно.

Женщина не обратила внимания на выкрик:

— Еще одно яблоко, — сказала она Волосатому Халу, — для моего сына. Пожалуйста. Это такое

маленькое.

Хал посмотрел на Джона. Джон покачал головой. Они довольно скоро останутся без яблок и если начнут давать по два каждому, кто хочет два, пришедшие позже не получают ничего.

— Прочь с дороги, — сказала девушка позади женщины и толкнула ее в спину. Женщина качнулась, выронила яблоко и упала. Остальная еда разлетелась из ее рук. Фасоль рассыпалась, репа покатилась в грязную лужу, мешочек муки порвался, и драгоценное содержимое полетело в снег.

Раздались сердитые голоса на старом и общем языках. У другого фургона тоже началась толкотня.

— Этого недостаточно, — ворчал старик. — Вы, проклятые вороны, заморите нас голодом до смерти.

Женщина, которую толкнули, ползала на коленях, подбирая еду. Джон увидел блеск обнаженной стали в нескольких ярдах. Его собственные лучники натянули стрелы в тетивах.

Он повернулся в седле:

— Рори. Утихомиръ их.

Рори поднес к губам огромный рог и подул в него.

AAAAxx

Суматоха и толчея прекратились. Головы повернулись. Ребенок начал плакать. Ворон Мормонта перешел с

левого плеча Джона на правое, трясая головой и бормоча: "*Сноу, Сноу, Сноу*".

Джон подождал, пока стихнут последние отзвуки, затем прищпорил свою лошадь и выехал вперед, где все могли его видеть:

— Мы кормим вас, как можем, и тем, чем можем поделиться. Яблоки, лук, репа, морковь... впереди всех ждет долгая зима, а наши запасы не бесконечны.

— Вы, вороны, едите неплохо, — протиснулся вперед Халлек.

Пока.

— Мы удерживаем Стену. Стена защищает королевство... а теперь —

и вас. Вы знаете врага в лицо. Вы знаете, что нам угрожает. Некоторые из вас встречались с ним прежде. Мертвяки и белые ходоки, нежить с голубыми глазами и черными руками. Я тоже их видел, сражался с ними, даже отправил одного в ад. Они убивают, а потом посылают ваших же покойников против вас. Ни великаны не смогли устоять против них, ни вы, Тенны, ни кланы с ледяной реки, ни Рогоногие, ни вольный народ... и пока дни становятся короче, а ночи — холоднее, наши враги набирают силу. Сотнями, тысячами вы покинули свои дома, и двинулись на юг... разве не для того, чтобы убежать от них?

Не для того, чтобы быть в безопасности? Что ж, Стена защищает вас. *Мы* защищаем вас — черные вороны, которых вы так презираете.

— Защищаете и морите голодом, — сказала коренастая женщина с обветренным лицом, по виду — копыеносица.

— Хотите больше еды? — спросил Джон. — Еда — для воинов. Помогите нам удерживать Стену, и вас будут кормить так же хорошо, как любую ворону. *Или так же скудно, когда запасы еды иссякнут.*

Наступила тишина. Одичалые настороженно переглядывались.

— Еда, — раздалось бормотание

ворона. — Зерно, зерно.

— Драться за тебя? — раздался голос с заметным акцентом. Сигорн, молодой магнар Теннов, говорил на общем языке, сильно запинаясь. — Не драться за тебя. Убить тебя лучше. Убить вас всех.

Ворон замахал крыльями:

— *Убить, убить.*

Отец Сигорна, старый магнар, был раздавлен упавшей лестницей во время атаки на Черный Замок. *Я бы чувствовал себя так же, если бы кто-то попросил меня действовать заодно с Ланнистерами,* подумал Джон.

— Твой отец пытался убить нас всех, — напомнил он Сигорну. —

Магнар был храбрым воином, но проиграл. А если бы он победил... кто бы сейчас охранял Стену? — он отвернулся от Теннов. — *Стены Винтерфелла тоже были прочными, но теперь Винтерфелл превратился в руины, сожженный и разрушенный. Стена крепка настолько, насколько крепки люди, защищающие ее.*

Старик, бережно прижимавший к груди репу, ответил:

— Вы убиваете нас, морите голодом, а теперь хотите сделать нас рабами.

Коренастый краснолицый мужчина выкрикнул в знак одобрения:

— Я скорее буду ходить голым, чем носить их черные тряпки!

Одна из копыеносиц засмеялась:

— Даже твоя жена не хочет видеть *тебя* голым, Баттс.

Множество голосов зазвучало одновременно. Тенны кричали на старом языке. Маленький мальчик вдруг заплакал. Джон Сноу подождал, пока голоса затихнут, потом повернулся к Волосатому Халу и спросил:

— Хал, что ты сказал этой женщине?

Хал смутился:

— В смысле, о еде? Яблоко или лук? Это все, что я сказал. Они должны выбрать.

— Вы должны выбрать, — повторил Джон Сноу. — Все вы. Никто не просит вас произносить наши клятвы, и мне нет дела до того, каких богов вы почитаете. Мои боги — старые боги, боги севера, но вы можете поклоняться красному богу или Семерым или любому другому богу, который слышит ваши молитвы. Копья — вот что нам нужно. Луки. Глаза на Стене.

Я приму любого мальчика старше двенадцати, который знает, как держать копье или натягивать лук. Я приму ваших стариков, раненых и калек, даже тех, кто не может больше сражаться. Они смогут выполнять другую работу. Оперять

стрелы, доить коз, собирать хворост, вычищать конюшни... работы много. И да, женщин я тоже приму. Мне не нужны застенчивые девицы, ищущие защиту, но я приму всех копыеносиц, которые захотят пойти.

— А девочек? — спросила девочка. Она казалась такой же юной, как Арья, когда Джон в последний раз видел ее.

— Шестнадцать лет и старше.

— Вы принимаете мальчиков с двенадцати.

В Семи Королевствах мальчики в двенадцать часто становились пажами и оруженосцами, многие упражнялись во владении оружием. Девочки в двенадцать были детьми.

Но это же одичалые.

— Как хотите. Мальчиков и девочек с двенадцати лет. Но только тех, кто знает, как подчиняться приказам. Это относится ко всем. Я никогда не попрошу вас преклонить передо мной колени, но я назначу над вами капитанов и сержантов, которые будут говорить вам, когда вставать и когда ложиться, где есть, когда пить, что носить, когда обнажать мечи и выпускать стрелы. Люди Ночного Дозора служат всю жизнь. Я не буду просить вас о том же, но пока вы на Стене, вы будете под моим командованием. Не подчинитесь приказу — и я отрублю вам голову. Спросите моих братьев,

если не верите. Они видели, как я это делал.

— Отрублю, — закричал ворон Старого Медведя. — Отрублю, отрублю, отрублю.

— Выбор за вами, — сказал им Джон. — Те, кто хочет помочь нам удерживать Стену, вернутся вместе со мной в Черный Замок. Там я вооружу вас и буду кормить. Остальные могут забрать свою репу с луком и ползти обратно в норы.

Девочка первой вышла вперед:

— Я могу сражаться. Моя мать была копыеносицей.

Джон кивнул. *Ей, возможно, еще нет двенадцати*, думал он, когда она протискивалась между двумя

стариками, но он не собирался отвергать единственного новобранца.

За ней последовала пара подростков, мальчики не старше четырнадцати. Затем мужчина со шрамом и без глаза:

— Я тоже их видел, мертвых. Даже вороны лучше них.

Высокая копыеносица, старик с костылем, круглолицый мальчик с иссохшей рукой, молодой мужчина, чьи рыжие волосы напомнили Джону об Игритт.

И Халлек.

— Ты мне не нравишься, ворона, — прорычал он, — но мне и Манс никогда не нравился, и моей сестре тоже. Но мы все же за него

сражались. Почему бы теперь не сражаться за тебя?

После этого словно прорвало плотину. Халлека знали многие. *Манс не ошибался.* "Вольный народ не пойдет за именами или за символами, вышитыми на тунике, — говорил ему Король-за-Стеной. — Они не будут плясать за золото — им неважно, как ты величаешь себя, какой пост занимаешь или кем был твой дед. Они пойдут за силой. Они пойдут за человеком".

За Халлеком последовали его кузены, потом — один из знаменосцев Хармы, потом — люди, которые с ней сражались, потом — те, кто слышал рассказы об их отваге.

Старики и зеленые юнцы, воины в расцвете сил, раненые и калеки, пара десятков копьеносиц и даже трое Рогоногих.

Но не Тенны. Магнар развернулся и исчез в туннелях, его одетые в бронзу приближенные ушли следом за ним.

К тому времени, как последнее иссохшее яблоко было отдано, повозки заполнились одичалыми и колонна стала на шестьдесят три человека сильнее, чем утром, когда она отправлялась из Черного Замка.

— Что вы собираетесь с ними делать? — спросил Джона Боуэн Марш на обратном пути по Королевскому тракту.

— Обучу их, вооружу и разделю. Отправлю их туда, где они нужны. В Восточный дозор, Сумеречную Башню, Ледовый Порог, Серый Страж. Я планирую открыть еще три крепости.

Лорд-стюард бросил взгляд назад:

— А женщины? Наши братья не привыкли к их присутствию, милорд. Их обеты... будут драки, изнасилования...

— У этих женщин есть ножи, и они знают, как ими пользоваться.

— А что будет, если одна из этих копыеносиц перережет глотку кому-нибудь из наших братьев?

— Мы потеряем одного

человека, — ответил Джон, — но мы только что приобрели шестьдесят три. Вы хорошо считаете, милорд. Поправьте, если я не прав, но по моим подсчетам мы в выигрыше с шестидесятью двумя.

Марша это не убедило:

— Вы добавили нам шестьдесят три рта, милорд... но сколько из них бойцов, и на чьей стороне они будут сражаться? Если на пороге окажутся Иные, скорее всего, одичалые останутся с нами, согласен... Но если придет Тормунд Великанья Смерть или Плакальщик с десятком тысяч головорезов, что тогда?

— Тогда и узнаем. Будем надеяться, что до этого не дойдет.

23. ТИРИОН

Ему пригрезились его лорд-отец и Скрытый Господин. В видении они были единым целым, и когда отец обнял Тириона каменными руками и наклонился, чтобы одарить серым поцелуем, он очнулся с пересохшей глоткой, ржавым привкусом крови во рту и сердцем, стучащим словно молот.

— Наш мертвый карлик вернулся к нам, — сказал Халдон.

Тирион тряхнул головой, смахивая паутину сна.

Печали. Я растворился в Печалях.

— Я не мертвый.

— Это еще неизвестно, —

Полумейстер склонился над ним. —
Утка, будь хорошей птичкой, согрей
немного бульона для нашего
маленького друга. Он, должно быть,
проголодался.

Тирион осознал, что находится
на "Робкой Деве", под колючим
одеялом, пахнущим уксусом.

*Печали уже позади. Все это мне
просто привиделось, пока я тонул.*

— Почему от меня несет
уксусом?

— Им тебя вымыла Лемора.
Считается, помогает не подхватить
серую хворь. Я склонен в этом
сомневаться, но попробовать

невредно. Это Лемора выкачала воду из твоих легких, когда Гриф вытащил тебя из реки, холодного, как лед, с посиневшими губами. Яндри говорил, что нужно выкинуть обратно, но парень запретил.

Принц. И тут все вспомнилось: каменный человек, тянущийся к нему потрескавшимися серыми руками, кровь, сочащаяся с костяшек его пальцев. *Он был тяжелым, как валун, когда волок меня вглубь.*

— Гриф вытащил? — *он должен очень меня ненавидеть, иначе позволил бы мне умереть.* — Сколько я проспал? Что это за место?

— Селхорис.

Халдон извлек из рукава

маленький ножик.

— Держи, — сказал он и неожиданно бросил его в Тириона.

Карлик отшатнулся. Нож воткнулся в палубу у него между ног и задрожал. Он рывком выдернул его:

— Это еще зачем?

— Сними сапоги и кольни каждый палец на руках и ногах.

— Кажется, это будет... довольно болезненно.

— Надеюсь. Давай.

Тирион скинул один сапог, потом другой, затем стянул чулки и украдкой взглянул на пальцы. Ему показалось, что они выглядели не лучше и не хуже, чем обычно. Карлик робко ткнул ножиком большой палец.

— Сильнее! — потребовал Халдон Полумейстер.

— Ты хочешь, чтобы я пустил себе кровь?

— Если будет нужно.

— У меня все пальцы коростой покроются.

— Твои пальцы меня не волнуют. Я хочу видеть, как ты вздрогнешь от этого. Пока уколы вызывают боль — все в порядке. Начнешь переживать, только если не почувствуешь порезов.

Серая хворь. Тирион скривился. Он кольнул еще один палец и выругался, когда капля крови выступила у кончика ножа.

— Тут больно. Счастлив?

— Готов плясать от радости.

— Твои ноги воняют сильнее, чем мои, Йолло, — Утка принес чашу бульона. — А ведь Гриф тебя предупреждал — не надо прикасаться к каменным людям.

— Ага, но он забыл предупредить каменных людей, что не надо прикасаться ко мне.

— Когда колешь, проверяй, нет ли участков мертвой серой кожи, не чернеют ли ногти, — сказал Халдон. — Если увидишь такие признаки, не медли. Лучше потерять палец, чем ногу. И лучше потерять руку, чем провести жизнь, завывая на Мосту Грез. Теперь другую ногу, будь любезен. Потом пальцы на руках.

Карлик изменил положение своих чахлых ножек и продолжил колоть пальцы:

— Член мне тоже уколоть?

— Не повредит.

— *Тебе* не повредит, ты хочешь сказать. Хотя, если учесть, как часто я им пользуюсь, то проще отрезать совсем.

— Не сдерживай себя. Мы его обработаем раствором, набьем и продадим за бешеные деньги. Член карлика обладает магической силой.

— Я многие годы говорил это всем своим женщинам, — Тирион направил острие кинжала в подушечку большого пальца, посмотрел, как выступает кровь и

слизнул ее. — И сколько мне продолжать себя истязать? Когда мы убедимся, что я чист?

— Честно? — ответил Полумейстер. — Никогда. Ты выхлебал полреки. Может быть, прямо сейчас ты становишься серым, превращаясь в камень изнутри, начиная с сердца и легких. А если так, то уколы пальцев и купание в уксусе тебя не спасут. Когда закончишь, выпей бульона.

Бульон был хорош, но Тирион заметил, что пока он ел, Полумейстер держался по другую сторону стола.

"Робкую Деву" пришвартовали к ветхому пирсу на восточном берегу

Ройны. Через два причала от них с волантийской речной галеры выгружались солдаты. Под стеной из песчаника ютились лавки, хлева и склады. За ними виднелись башни и купола города, красные в свете заката.

Да, не такой уж и большой город. Селхорис можно было счесть обычным городком, и правили им из Старого Волантиса. Это не Вестерос.

Лемора поднялась из каюты в сопровождении принца. Увидев Тириона, она бросилась к нему через палубу и обняла:

— Мать милосердна. Мы молились за тебя, Хугор.

Ты, по меньшей мере. — Я на

вас за это не в обиде.

Приветствие молодого Грифа было менее горячим. Принц-мальчишка пребывал в дурном настроении — злился, что его заставили остаться на "Робкой Деве", не пустив на берег с Яндри и Исиллой.

— Мы всего лишь думаем о вашей безопасности, — говорила ему Лемора. — Время сейчас беспокойное.

Халдон Полумейстер пояснил:

— По пути от Печалей до Селхориса мы трижды замечали всадников, скачущих на юг вдоль восточного берега. Дотракийцев. Однажды они проехали так близко,

что были слышны колокольчики в их косах, и иногда по ночам за восточными холмами мы видели костры. Еще мимо нас проходили военные корабли — волантийские речные галеры, полные воинов-рабов. Ясно, что триархи боятся нападения на Селхорис.

Тирион быстро понял, о чем идет речь: из всех крупных поселений на Ройне только Селхорис находился на восточном берегу, и потому был гораздо более уязвим перед дотракийцами, чем его товарищи по другую сторону реки. *Но даже если и так — невелика добыча. На месте кхала я бы нанес отвлекающий удар, напав на этот*

городок. И когда волантийцы бросятся его защищать, я бы повернул на юг и обрушился на сам Волантис.

— Я знаю, как обращаться с мечом, — продолжал настаивать Юный Гриф.

— Даже храбрейшие из ваших предков в опасные времена держали при себе королевского гвардейца, — Лемора сменила одеяние септы на наряд, подходящий скорее жене или дочери процветающего купца. Тирион пристально за ней наблюдал. Он легко разглядел правду за крашеными синими волосами Грифа и Юного Грифа; Яндри с Исиллой вряд ли были чем-то большим, чем

казались, а Утка — даже меньшим. А вот Лемора... *Кто она на самом деле? Почему оказалась здесь? Думаю, не ради золота. Кем ей приходится принц? И была ли она вообще когда-нибудь настоящей септой?*

Халдон тоже заметил перемены в ее гардеробе:

— Как прикажете понимать столь внезапную потерю веры? Вы мне больше нравились в одеяниях септы, Лемора.

— А мне вы больше нравились голой, — сказал Тирион.

Лемора взглянула на него с укоризной:

— Это все твоя порочная душа.

Одежды септы кричат о Вестеросе и могли бы привлечь к нам нежелательные взгляды.

Она снова обратилась к принцу Эйегону:

— Вы не единственный, кому приходится скрываться.

Парень, кажется, не смирился. *Идеальный принц, но все еще наполовину мальчишка, с малюсеньким знанием мира и его бед.*

— Принц Эйегон, — сказал Тирион, — раз уж мы оба застряли на этой лодке, может, вы окажете мне честь и сыграете со мной в кайвассу, чтобы скоротать время?

Принц посмотрел на него с подозрением:

— Мне надоела кайвасса.

— То есть, надоело проигрывать карлику?

Как и рассчитывал Тирион, это задело гордость парня:

— Иди и принеси доску с фигурами. В этот раз я тебя разгромлю.

Они сели, поджав ноги, на палубе у каюты и начали игру. Юный Гриф выстроил свою армию для атаки: впереди дракон, слоны и тяжелая конница. *Боевой порядок юноши: сколь храбрый, столь и глупый. Рискует всем ради быстрого уничтожения противника.* Тирион предоставил первый ход принцу. Халдон стоял рядом, наблюдая за

игрой.

Когда принц дотронулся до дракона, Тирион кашлянул:

— Я не стал бы так делать на твоём месте. Это ошибка — слишком быстро выводить дракона, — он невинно улыбнулся. — Твой отец знал, как опасно быть чересчур смелым.

— Ты знал моего настоящего отца?

— Видел пару-тройку раз, но мне было всего десять, когда Роберт его убил, а мой собственный отец тогда прятал меня под утесом. Нет, не могу сказать, что знал принца Рейегара. Не так близко, как твой фальшивый отец. Ведь лорд

Коннингтон был лучшим другом принца?

Юный Гриф отбросил с глаз прядь синих волос:

— Они вместе служили оруженосцами в Королевской Гавани.

— Истинный друг, наш лорд Коннингтон. Оставаться столь преданным внуку короля, отобравшего его земли и титулы и отправившего его в изгнание... Какая жалость, что все так произошло. Иначе лучший друг принца Рейегара оказался бы рядом с ним, когда мой отец взял Королевскую Гавань, и спас бы очаровательного сынишку принца от размазывания его

королевских мозгов по стене.

Парень вспыхнул:

— Это был *не я*. Я уже говорил тебе. Это был сын какого-то кожевника из Сточного Переулка. Его мать умерла при родах, а отец продал мальчика лорду Варису за бутылку борского золотого. У него оставались и другие сыновья, а вот борского золотого он никогда не пробовал. Варис отдал этого младенца моей леди-матери, а меня унес.

— Мда, — Тирион переместил своих слонов. — И когда принца сточных вод благополучно убили, евнух тайно переправил наследника Таргариенов через Узкое Море к своему толстому другу торговцу

сыром. Тот спрятал тебя на лодке и нашел лорда-изгнанника, пожелавшего назваться твоим отцом. Это действительно великолепная история, и певцы воспоют твое спасение, как только ты займешь Железный Трон... предполагая, наверное, что наша прекрасная Дейенерис возьмет тебя в мужа.

— Она возьмет. Она должна.

— Должна? — Тирион цокнул языком. — Это не то слово, которое любят слышать королевы. Ты ее идеальный принц, спору нет: великолепный и отважный, и привлекательный, как мечта любой служанки. Но Дейенерис Таргариен — не служанка. Она вдова

дотракийского кхала, мать драконов и разрушительница городов, Эйгон Завоеватель с сиськами. Она может не захотеть исполнить твое желание.

— Она захочет! — принц Эйгон выглядел потрясенным. Было очевидно, что он никогда раньше не рассматривал возможность отказа со стороны своей невесты. — Ты ее не знаешь.

Он схватил свою тяжелую конницу и с резким стуком поставил фигурку на доску.

Карлик пожал плечами.

— Я знаю, что ее детство прошло в изгнании и нищете, пока она мечтала и строила планы, перебегая из одного города в другой.

Она всегда жила в страхе и никогда не чувствовала себя в безопасности. И у нее не было друзей, зато был брат, считавшийся по всеобщему мнению почти безумным... брат, который продал ее девственность дотракийцу за обещание дать ему армию. Я знаю, что где-то в степи вылупились ее драконы, а вместе с ними родилась и она. Еще я знаю, что она горда. Откуда? А что у нее еще остается, кроме гордости? Я знаю, что она сильна. Откуда? Дотракийцы презирают слабость. Если бы Дейенерис оказалась слабой, она погибла бы с Визерисом. Я знаю, что она жестока: Астапор, Юнкай и Миэрин — достаточное

подтверждение моих слов. Она пересекла степь и красную пустыню, спаслась от убийц, заговоров и колдовства, она познала утрату брата, мужа и сына, превратила города рабов в пыль на подошвах ее изящных сандалий. А теперь представь, как отреагирует эта королева, когда ты объявишься с протянутой рукой и скажешь: "Доброе утро вам, тетушка. Я ваш племянник Эйегон, восставший из мертвых. Я прятался на лодке всю свою жизнь, но сейчас смыл синюю краску с волос, и хотел бы получить дракона, пожалуйста... и, да, забыл сказать, мои притязания на Железный Трон весомее, чем ваши."

Рот Эйгона перекосялся от ярости:

— *Я не пойду* к моей тетке как попрошайка. Я прийду к ней как кровный родственник, и с армией за спиной.

— С маленькой армией, — *Хм, его это крепко рассердило.* Карлик не мог не вспомнить о Джоффри. *Да у меня просто дар — злить принцев.* — У Королевы Дейенерис большая армия, и вовсе не благодаря тебе, — Тирион передвинул своих арбалетчиков.

— Говори, что хочешь. Она будет моей невестой, лорд Коннингтон позаботится об этом. Я верю ему, как верил бы своему родственнику.

— Возможно, тебе стоит стать шутом вместо меня. *Не верь никому*, мой принц. Ни своему мейстеру без цепи, ни своему фальшивому отцу, ни храброму Утке, ни прекрасной Леморе, ни всем остальным хорошим друзьям, которые вырастили тебя с пеленок. А главное, не верь сырному лорду, евнуху и маленькой драконьей королеве, на которой ты собираешься жениться. Правда, все это недоверие вызовет у тебя изжогу, а по ночам станет мучать бессонница, но уж лучше так, чем длинный сон, который никогда не закончится.

Карлик переместил своего черного дракона через горную цепь:

— Но что я в этом понимаю?

Твой фальшивый отец — великий лорд, а я всего лишь маленький кривой шут. И все же, я бы поступил по-другому.

Это привлекло внимание парня:

— Как по-другому?

— На твоём месте? Я бы пошел на запад вместо востока. Высадился бы в Дорне и развернул свои знамена. Семь Королевств никогда не были столь готовы к завоеванию, как сейчас. На Железном Троне сидит маленький мальчик. Север — в хаосе, речные земли — в руинах, мятежник удерживает Штормовой Предел и Дракониий Камень. А когда придет зима, королевство начнет голодать. И кто занимается всем

этим, кто правит маленьким королем, который правит Семью Королевствами? Ну да, моя собственная милая сестрица. Только она. Мой брат Джейме жаждет битв, а не власти. Он отказался от всех возможностей править, которые у него были. Мой дядя Киван, возможно, стал бы неплохим регентом, если бы кто-нибудь возложил на него эту обязанность, но добиваться ее он не станет. Боги создали его последователем, а не лидером. *Боги и мой отец.* Мейс Тирелл с удовольствием ухватился бы за власть, но моя родня даст ему такой возможности. И все ненавидят Станниса. Кто еще остается? Никого,

только Серсея.

Вестерос истерзан и истекает кровью, и я не сомневаюсь, что даже сейчас моя сестра перевязывает его раны... посыпая их солью. Серсея добра, как Мейегор Жестокий, бескорыстна, как Эйегон Недостойный, и умна, как Эйерис Безумный. Она никогда не забывает неуважения, очевидного или воображаемого. Сестра считает осторожность трусостью, а несогласие — непокорностью. И она очень жадная. Жадная до власти, чести и любви. Правление Томмена держится на союзах, которые тщательно выстраивал мой лорд-отец, но очень скоро Серсея

разрушит каждый из них. Вернись, подними знамена, и люди присоединятся к тебе. Великие и малые лорды, да и простолюдины тоже. Но не жди слишком долго, мой принц. Это не будет длиться вечно. Волна, что сейчас возносит тебя, скоро пойдет на убыль. Тебе нужно поскорее попасть в Вестерос, пока моя сестра не лишилась власти, и кто-то более разумный не занял ее место.

— Но, — сказал принц Эйегон, — как мы можем надеяться победить без Дейенерис и ее драконов?

— Тебе не *нужно* побеждать, — ответил Тирион. — Все, что от тебя

требуется — поднять знамена, сплотить под ними своих сторонников и держаться, пока Дейенерис не прибудет и не объединит свои силы с твоими.

— Ты же сказал, что она может мне отказать.

— Возможно, я преувеличил. Она может проявить к тебе жалость, когда ты явишься вымаливать ее руку, — карлик пожал плечами. — Хочешь поставить судьбу трона в зависимость от женской прихоти? А вот если ты пойдешь в Вестерос... О, тогда ты уже не попрошайка, а мятежник. Храбрый, безрассудный — достойный потомок дома Таргариенов, следующий по стопам

Эйегона Завоевателя. *Дракон.*

Я говорил тебе, я знаю нашу маленькую королеву. Как только она услышит, что убитый сын ее брата Рейегара все еще жив, что этот храбрый мальчик снова поднял в Вестеросе знамя дракона, стяг ее прародителей; что он сражается в безнадежной войне, желая отомстить за смерть отца и вернуть трон дому Таргариенов; что он окружен врагами со всех сторон... она прилетит к тебе так быстро, как ветер и вода смогут донести ее. Ты последний в ее роду, а эта Мать Драконов, эта Разрушительница Оков прежде всего — *спаситель*. Девочка, которая предпочла утопить в крови

города рабовладельцев, но не позволила чужим ей людям жить в цепях, едва ли оставит сына своего брата в час опасности. А когда она достигнет Вестероса и познакомится с тобой, то вы встретитесь как равные — мужчина и женщина, а не королева и проситель. Ну как же ей тогда не полюбить тебя, я спрашиваю?

Улыбаясь, он схватил своего дракона и переставил его на доске:

— Надеюсь, Ваше Величество простит меня. Ваш король в ловушке. Умрет в четыре хода.

Принц уставился на доску:

— Мой дракон...

— ...слишком далеко, чтобы

спасти тебя. Его следовало передвинуть в центр сражения.

— Но ты сказал...

— Я соврал. *Не верь никому.* И держи своего дракона поближе.

Юный Гриф вскочил на ноги и пнул доску. Фигурки разлетелись во все стороны и покатались по палубе "Робкой Девы".

— Собери! — приказал мальчик.

Все же он может оказаться настоящим Таргариеном.

— Как угодно Вашему Величеству, — Тирион опустил на четвереньки и принялся ползать по палубе, собирая фигурки.

Ближе к закату на "Робкую Деву" вернулись Яндри и Исилла. За ними

по пятам следовал носильщик, толкая тележку, доверху заполненную провиантом: солью и мукой, свежесбитым маслом, кусками бекона, обернутыми в холстину, мешками апельсинов, яблок и груш. Яндри нес на плече винную бочку, а его жена волокла на спине щуку размером с Тириона.

Увидев стоящего на трапе карлика, Исилла так резко остановилась, что Яндри налетел на нее, и рыба чуть не соскользнула обратно в реку; Утка помог женщине спасти ее. Исилла свирепо уставилась на Тириона и произвела тремя пальцами особый колющий жест.

Знак защиты от зла.

— Дай-ка помогу тебе с этой рыбиной, — предложил карлик Утке.

— Нет, — вырвалось у Исиллы. — Отойди. Не прикасайся к еде, кроме той, что ешь сам.

Тирион поднял руки в примирительном жесте:

— Как прикажешь.

Яндри с тяжелым стуком опустил бочку на палубу.

— Где Гриф? — спросил он у Халдона.

— Спит.

— Тогда разбуди его. У нас новости, которые ему стоит услышать. Имя королевы у всех на устах в Селхорисе. Говорят, она все

еще в Миэринe, в тяжелой осаде. Если верить тому, что болтают на рынках, Старый Волантис скоро примкнет к войне против нее.

Халдон поджал губы:

— На сплетни торговцев рыбой нельзя полагаться. Тем не менее, думаю, Гриф захочет их услышать. Ты его знаешь, — Полумейстер пошел вниз.

Девчонка так и не отправилась на запад. Несомненно, у нее были на то важные причины. Между Миэрином и Волантисом лежало пятьсот лиг пустынь, гор, болот и развалин, да еще и Мантарис с его зловещей репутацией. Город чудовищ, как его называют, но если

*она пойдет по суше, где еще ей
искать пищу и воду? По морю было
бы быстрее, но если у нее нет
кораблей...*

Когда Гриф появился на палубе, щука уже брызгалась и шипела на жаровне, а Исилла нависала над ней, выжимая лимон. Наемник надел кольчугу и плащ из волчьей шкуры, мягкие кожаные перчатки, черные шерстяные штаны. Если он и удивился, увидев очнувшегося Тириона, то никак этого не выразил, оставаясь в своем обычном угрюмом настроении. Он отвел Яндри к румпелю, где они принялись беседовать приглушенными голосами — слишком тихо, чтобы карлик мог

что-нибудь расслышать.

В конце концов, Гриф поманил к себе Халдона:

— Нам нужно узнать, правдивы ли эти слухи. Спустись на берег и выясни как можно больше. Попробуй найти Кваво, он наверняка все знает. Поищи в "Речнике" и в "Расписной черепахе". Ты знаешь, где он обычно бывает.

— Да. И я возьму с собой карлика. Две пары ушей лучше, чем одна. И вы помните, как Кваво одержим своей кайвассой.

— Как хочешь. Возвращайтесь до захода солнца. Если по какой-то причине задержитесь, идите к Золотым Мечам.

Говорит, как лорд. Тирион придержал эту мысль при себе.

Халдон надел плащ с капюшоном, а Тирион сменил самодельный шутовской костюм на блеклый серый наряд. Гриф выдал каждому по кошельку с серебром из сундуков Иллирио:

— Поможет развязать языки.

Пока они пробирались вдоль набережной, темнота сменила сумерки. Некоторые из судов, которые они миновали, казались безлюдными, их сходни были подняты. Другие кишели вооруженными людьми, смотревшими на них с подозрением. У городских стен над причалами

зажгли фонари из пергамента, отбрасывающие разноцветные лужицы света на мощеные дорожки. Тирион наблюдал, как лицо Халдона становилось то зеленым, то красным, то фиолетовым. За гомоном чужой речи он расслышал странную музыку, звучащую где-то впереди — тонкий, высокий голос флейты в сопровождении барабанов. Где-то вдали ей подвывала собака.

И повсюду были шлюхи. Река или море, но порт есть порт, а везде, где есть моряки, всегда найдутся шлюхи. *Не это ли имел в виду мой отец? Место, куда отправляются шлюхи, означает — к морю?*

Шлюхи Ланниспорта и

Королевской Гавани были свободными женщинами. Их сестры из Селхориса — рабынями, что отмечалось слезой, вытатуированной под правым глазом. *Древние и страшные, как смертный грех. По крайней мере, большинство.* Один их вид мог отворотить мужчину от распутства. Ковыляя мимо, Тирион чувствовал на себе взгляды и слышал шепоток за спиной с тихими смешками в ладошку. *Будто никогда карлика не видали.*

У речных ворот стоял на страже отряд копьеносцев Волантиса. В свете факела поблескивали стальные когти, выкованные на их латных рукавицах. Шлемы выглядели как

тигриные морды, на лицах под ними виднелись татуировки в виде зеленых полос на каждой щеке. Тирион знал, что воины-рабы Волантиса фанатично гордились своими тигриными полосками. *Тоскуют ли они по свободе?* задумался карлик. *Что бы они делали, если бы эта королева-ребенок даровала им ее? Кто они, если не тигры? И кто я, если не лев?*

Один из тигров углядел карлика и произнес что-то, заставившее других рассмеяться. Когда Тирион и Халдон подошли к воротам, воин снял с одной руки когтистую рукавицу и потную перчатку под ней, зажал под мышкой голову карлика и

грубо потер ее. Тирион был слишком ошарашен, чтобы сопротивляться; впрочем, это длилось всего лишь мгновение.

— Зачем он так сделал? — потребовал он ответа у Полумейстера.

— Он говорит, что прикосновение к голове карлика приносит удачу, — объяснил Халдон, перебросившись со стражником парой слов на его языке.

Тирион выдавил из себя улыбку:

— Скажи ему, что удача станет еще вероятнее, если отсосать у карлика член.

— Лучше не стоит. У тигров, как известно, острые зубы.

Другой стражник указал им на ворота, нетерпеливо махнув факелом. Халдон Полумейстер вошел в Селхорис. Тирион настороженно заковылял вслед за ним.

Перед ними открылась огромная площадь. Даже в этот час она оказалась переполненной, шумной и сверкающей огнями. Над дверьми гостиниц и домов наслаждений на железных цепях висели фонари, но здесь, внутри города, они были из цветного стекла, а не пергамента. Слева от них у красного каменного храма горел костер. Жрец в алых одеждах стоял на балконе, разглагольствуя перед маленькой толпой, собравшейся вокруг огня.

Неподалеку перед гостиницей играли в кайвассу путешественники; пьяные солдаты заходили и выходили из того, что, по всей видимости, было борделем; женщина била мула возле конюшни. Мимо них, громыхая, проехала двухколесная повозка, запряженная белым карликовым слоном. *Другой мир, подумал Тирион, но не так уж и отличается от того, который я знаю.*

Над площадью возвышалась белая мраморная статуя человека без головы, в невероятно богатых и вычурных доспехах, верхом на подобном же образом украшенном коне.

— Кто бы это мог быть? —

подивился Тирион.

— Триарх Хоронно.

Волантийский герой из Века Крови. Он становился триархом каждый год в течение сорока лет, пока его не утомили выборы, и он не провозгласил себя пожизненным триархом. Волантийцев это неприятно удивило, и вскоре его казнили — привязали между двумя слонами и разорвали напополам.

— Кажется, у статуи нет головы.

— Он был тигром. Когда слоны пришли к власти, их сторонники в приступе ярости сбили головы с изваяний тем, кого они считали виновными во всех войнах и смертях, — Халдон пожал

плечами. — Это была другая эпоха. Давай лучше послушаем, что там несет жрец. Готов поклясться, я слышал имя Дейенерис.

На другом конце площади они влились в растущую толпу возле красного храма. Со всех сторон над Тирионом возвышались местные жители, и карлику оказалось трудно рассмотреть что-либо, кроме их задниц. Он слышал почти каждое слово жреца, но толком ничего не понимал.

— Ты понимаешь, что он говорит? — спросил он Халдона на общем языке.

— Понял бы, если бы некий карлик не пищал мне в ухо.

— Я не *пищу*, — Тирион скрестил руки и оглянулся, изучая мужчин и женщин, остановившихся, чтобы послушать. Повсюду он видел татуировки. *Рабы. Четверо из пяти — рабы.*

— Жрец призывает волантийцев идти воевать, — сообщил ему Полумейстер, — но на стороне истины. Стать солдатами Владыки Света, Рглора, который сотворил солнце и звезды и беспрестанно сражается против тьмы. Он говорит, Ниессос и Малакво отвернулись от света, их сердца обратили во тьму желтые гарпии с востока. Он говорит...

— Драконы. Я понял это слово.

Он сказал *драконы*.

— Да. Драконы явились, чтобы нести ее к славе.

— Ее. Дейенерис?

Халдон кивнул:

— Бенерро послал весть из Волантиса. Ее приход — исполнение древнего пророчества. Она рождена из дыма и огня, чтобы создать мир заново. Она Азор Ахай, вернувшийся в наш мир... и ее торжество над тьмой принесет бесконечное лето... перед ней преклонится сама смерть, и все, кто умрут, сражаясь за нее, возродятся...

— Мне придется возродиться в этом же теле? — спросил Тирион. Толпа прибывала. На него давили со

всех сторон. — Кто такой Бенерро?

Халдон вскинул бровь:

— Верховный Жрец красного храма в Волантисе. Огонь Истины, Свет Мудрости, Первый Слуга Владыки Света, Раб Рглора.

Единственным известным Тириону красным жрецом был Торос из Мира — тучный, добродушный, заляпанный вином гуляка, который околачивался при дворе Роберта, жадно пил выдержанные королевские вина и зажигал свой меч в общей схватке на турнирах.

— Мне больше по душе толстые, порочные и бесстыдные жрецы, — сказал он Халдону, — те, что любят сидеть на мягких бархатных

подушках, клевать конфетки и портить маленьких мальчиков. А от тех, что верят в богов, одни неприятности.

— Вероятно, мы сумеем использовать эту неприятность к своей выгоде. Я знаю, где мы можем найти ответы.

Халдон повел его мимо безголового героя к большой каменной гостинице, выходявшей фасадом на площадь. Над ее дверью висел ребристый панцирь какой-то огромной черепахи, раскрашенный в кричащие цвета. Внутри горела сотня тусклых красных свечей, мерцая, словно далекие звезды. Воздух был наполнен запахами жареного мяса и

ароматами специй, а девушка-рабыня с черепахой на щеке разливала светлое зеленое вино.

Халдон задержался в дверях:

— Вон там. Те двое.

В алькове над резным каменным столиком для кайвассы сидели двое мужчин, щурясь на свои фигуры при свете красной свечи. Один был костлявый и желтовато-бледный, с редеющими черными волосами и острым носом. Другой — широкоплечий и пузатый, с завитыми локонами, взъерошенными над воротником. Они не соизволили оторваться от игры, пока Халдон не поставил стул между ними и не сообщил:

— Мой карлик играет в кайвассу лучше, чем вы оба, вместе взятые.

Толстяк поднял глаза, посмотрел на незваных гостей с отвращением и что-то произнес на языке Старого Волантиса, слишком быстро, чтобы Тирион сумел разобрать хоть слово. Тощий откинулся на спинку стула.

— Он продается? — поинтересовался он на общем языке Вестероса. — Триарх был бы не прочь пополнить свое собрание диговин карликом, играющим в кайвассу.

— Йолло — не раб.

— Какая жалость, — тощий передвинул ониксового слона.

Игрок, командующий

алебастровой армией,
неодобрительно сжал губы и
передвинул тяжелую конницу.

— Промех, — вмешался Тирион.

Он тоже играл свою роль.

— Именно, — сказал тощий и
ответил своей тяжелой конницей.

Последовал шквал быстро
сменяющих друг друга ходов, затем
костлявый улыбнулся и сообщил:

— Смерть, мой друг.

Толстый сердито посмотрел на
доску, потом встал и проворчал что-
то на своем родном языке. Его
противник рассмеялся:

— Ну, карлик воняет не так
плохо, как эта партия.

Он кивнул Тириону на

освободившийся стул:

— Давай с тобой, маленький человек. Положи свое серебро на стол, и мы посмотрим, как хорошо ты играешь в игру.

Какого рода игру? мог был спросить Тирион. Он залез на стул:

— Я играю лучше с полным животом и чашей вина в руке.

Тощий любезно повернулся и приказал девочке-рабыне принести им еду и напитки.

— Благородный Кваво Ногарис, служащий таможи Селхориса, — представил его Халдон. — Я еще ни разу не обыгрывал его в кайвассу.

Тирион понял:

— Возможно, я окажусь более

удачливым.

Он открыл кошелек и принялся выкладывать рядом с доской столбик из серебряных монет до тех пор, пока Кваво наконец не улыбнулся.

Когда они расставляли фигуры, прикрывая их ширмами для кайвассы, Халдон спросил:

— Какие новости с низовьев реки? Будет ли война?

Кваво пожал плечами:

— Юнкайцы, скорее всего, начнут ее. Они величают себя Мудрыми Господами. Я не берусь судить об их мудрости, но хитрости им не занимать. Их посланник прибыл к нам с сундуками золота и драгоценных камней и привел двести

рабов, цветущих девушек и мальчиков с гладкой кожей, обученных пути семи вздохов. Мне рассказывали, что его пиры были незабываемыми, а взятки — щедрыми.

— Юнкайцы купили ваших триархов?

— Только Ниессоса, — Кваво убрал ширму и изучал расположение армии Тириона. — Малакво, может быть, старый и беззубый, но он все еще тигр, а Донифос уже не вернется на место триарха. Город жаждет войны.

— Почему? — удивился Тирион, — Миэрин во множестве лиг по морю. Чем эта милая королева-ребенок обидела Старый

Волантис?

— Милая? — Кваво
рассмеялся. — Если хотя бы
половина слухов, которые приходят
из Залива Работорговцев правдивы,
то этот *ребенок* — чудовище.
Говорят, что она кровожадна, и что
тех, кто ей перечит, сажают на кол, и
они умирают медленной смертью.
Говорят, что она колдунья, кормящая
своих драконов плотью
новорожденных детей, и
клятвопреступница, поносящая
богов; что она нарушает перемирия,
угрожает послам и убивает даже тех,
кто преданно служит ей. А еще
говорят, что ее похоть невозможно
удовлетворить, что она трахается с

мужчинами, женщинами, евнухами, даже с собаками и детьми, и горе любовнику, который не сможет угодить ей. Она отдает мужчинам свое тело, а взамен забирает в рабство их души.

Прекрасно, подумал Тирион. Если она отдаст мне свое тело, то пусть забирает мою душу, такую маленькую и чахлую.

— Кто говорит? — спросил Халдон. — Работоторговцы, изгнанные ею из Астапора и Миэрина? Тогда это сущая клевета.

— Самая лучшая клевета — та, что приправлена щепоткой правды, — многозначительно сказал Кваво, — но нельзя отрицать и

настоящее прегрешение девицы. Этот невежественный ребенок взял на себя задачу уничтожить работорговлю, но она никогда не ограничивались Заливом Работорговцев. Это — лишь часть бескрайнего моря торговли, простирающегося на весь мир, а королева драконов начала мутить воду. Лорды древней крови за Черной Стеной плохо спят, прислушиваясь — не точат ли их кухонные рабы свои длинные ножи. Рабы выращивают нашу пищу, убирают наши улицы, обучают наших детей. Они сторожат наши стены, гребут на наших галерах, бьются за нас на поле боя. И сейчас, когда они смотрят на восток, то

видят эту юную королеву, разрушительницу цепей, сияющую вдали. Старая Кровь не потерпит этого. И бедняки ее тоже ненавидят — даже самый ничтожный попрошайка стоит выше раба. А драконья королева отобрала у них и это утешение.

Тирион выдвинул своих копьеносцев. Кваво ответил ему легкой конницей. Тирион переставил своих арбалетчиков на квадрат выше и сказал:

— Похоже, тот красный жрец снаружи думает, что Волантис должен сражаться за серебряную королеву, а не против нее.

— Красным жрецам было бы

благоразумнее держать язык за зубами, — ответил Кваво Ногарис. — Уже случались стычки между их последователями и теми, кто поклоняется другим богам. Своей болтовней Беннеро добьется только яростного гнева на свою голову.

— И что за болтовня? — спросил карлик, поигрывая фигуркой, изображающей чернь.

Волантинец махнул рукой:

— В Волантисе тысячи рабов и вольноотпущенников каждый вечер толпятся на площади перед храмом, слушая вопли Бенерро о кровавых звездах и огненном мече, который очистит мир. Он проповедовал, что Волантис непременно вспыхнет,

если триархи поднимут оружие против серебряной королевы.

— Даже я могу это предсказать.

Ага, вот и еда.

На ужин принесли тарелку жареной козлятины с гарниром из мелконарезанного лука. Ароматное мясо с пряностями оказалось поджаристым снаружи, но красным и сочным внутри. Тирион отщипнул кусочек. Тот был таким горячим, что обжег пальцы, но таким вкусным, что карлик не мог не потянуться за следующим. К мясу подали светло-зеленую волантийскую наливку, напомнившую ему вино, какого он уже давным-давно не пил.

— Очень славно, — похвалил

карлик еду и поднял своего дракона. — Самая могущественная фигура в игре, — заявил он, побив одного из слонов Кваво. — А у Дейенерис Таргариен, говорят, их целых три.

— Три, — согласился Кваво, — но им противостоят трижды по три тысячи врагов. Граздан мо Эраз не был единственным посланником Желтого Города. Когда Мудрые Господа выйдут в бой против Миэрина, на их стороне будут сражаться легионы Нового Гиса. Толоссийцы. Элирийцы. Даже дотракийцы.

— Дотракийцы недалеко от ваших собственных ворот, — заметил

Халдон. — Кхал Поно.

Кваво пренебрежительно
взмахнул бледной кистью руки:

— Лошадники придут, мы
вручим им дары, и лошадиники
уйдут, — он снова передвинул свои
катапульты, взял белого дракона
Тириона и убрал его с доски.

Последовал жестокий разгром,
хотя Тирион все же успел сделать
дюжину ходов.

— Пришло время для горьких
слез, — сказал Кваво, подгребая к
себе кучу серебряных монет. —
Сыграем еще разок?

— Не стоит, — ответил
Халдон, — мой карлик уже получил
свой урок смирения. Думаю, нам

пора возвращаться на лодку.

На площади снаружи еще горели костры, но жрец уже ушел, и толпа постепенно расходилась. В окнах борделя мерцали отблески свечей. Оттуда слышался смех женщин.

— Вечер только начался, — произнес Тирион, — и Кваво, возможно, сказал нам не все. А шлюхи слышат очень многое от мужчин, которых обслуживают.

— Тебе так отчаянно нужна женщина, Йолло?

— Собственная рука в роли любовницы быстро надоедает. — *Возможно, шлюхи отправляются как раз в Селхорис. Возможно, Тиша прямо сейчас находится внутри, с*

татуировкой в виде слезы на щеке. —
Я чуть не утонул. После такого мужчине нужна женщина. И потом, должен же я убедиться, что мой член не превратился в камень.

Полумейстер засмеялся:

— Я буду ждать тебя в таверне у ворот. Не затягивай с этим делом.

— О, не волнуйся на этот счет. Большинство женщин предпочитают закончить со мной как можно быстрее.

По сравнению с борделями, которые карлик частенько посещал в Ланниспорте и Королевской Гавани, здешний казался довольно приличным. Владелец, по-видимому, не говорил ни на одном языке, кроме

волантийского, но вполне понимал звук серебра: он провел Тириона через арку в длинную комнату, пропахшую фимиамом, где слонялись четыре скучающие рабыни разной степени раздетости. Две из них уже наверняка отметили не менее сорока именин, как предположил карлик; самая молодой было пятнадцать-шестнадцать лет. Ни одна не выглядела столь отталкивающей, как те шлюхи, что он наблюдал в порту, но и они подрастеряли свою красоту. Одна была явно беременна. Другая — просто толстуха, щеголявшая железными кольцами в обоих сосках. У всех четырех женщин под одним

глазом виднелись татуировки-слезы.

— У тебя есть девушка, которая разговаривает на языке Вестероса? — спросил Тирион. Хозяин прищурился, не понимая, тогда он повторил вопрос на высоком валирийском.

На этот раз мужчина, казалось, уловил пару слов и ответил на волантийском:

— Закатная девушка, — все, что карлику удалось разобрать. Он решил, что имеется в виду "девушка из Закатных Королевств".

В борделе оказалась всего лишь одна такая, и вовсе не Тиша. У этой были веснушчатые щеки и жесткие рыжие кудри на голове, что обещало

такие же веснушки на груди и рыжие волосы между ног.

— Она подойдет, — сказал Тирион. — И еще дайте мне кувшин вина. Красное вино к рыжей плоти.

Шлюха смотрела на его безносое лицо, в глазах явно читалось отвращение.

— Тебе неприятно, милашка? Я неприятное существо, о чем бы тебе с готовностью поведал мой отец, если бы не помер и не завонялся.

Хотя она и походила на жительницу Вестероса, но не могла произнести ни слова на общем языке. *Возможно, она попала в рабство еще ребенком.* Ее спальня была маленькой, но на полу лежал

мирийский ковер, и матрац оказался набит перьями, а не соломой. *Я видел и похуже.*

— Назовешь мне свое имя? — спросил он, взяв чашу вина из ее рук. — Нет?

Вино было крепким и кислым, и не нуждалось в переводе.

— Думаю, мне пора навестить твою дырку, — он вытер рот тыльной стороной ладони. — Ты когда-нибудь уже спала с чудовищем? Сейчас самое подходящее время попробовать. Снимай свои тряпки, и ложись на спину, если тебе не трудно. Или даже если трудно.

Она недоуменно смотрела на него, пока он не забрал из ее рук

кувшин и не задрал юбку ей на голову. После этого она поняла, чего от нее ждут, хотя и не проявила резвости в постели. Тирион так давно не спал с женщиной, что излился в нее уже после трех толчков.

Он откатился от нее, ощущая скорее стыд, чем удовлетворение. *Это было ошибкой. Каким убогим существом я стал.*

— Ты знаешь женщину по имени Тиша? — спросил он, наблюдая, как его семя вытекает из нее на кровать. Шлюха не отвечала. — А знаешь, куда отправляются шлюхи? — Снова молчание в ответ.

Спину девушки покрывали шрамы и рубцы. *Эта девка в постели какдохлятина. Я только что трахнул труп.* Даже глаза ее были мертвыми. *У нее нет сил даже ненавидеть меня.*

Ему нужно вино. Много вина. Он обеими руками схватил кувшин и поднес к губам. Полилось красное вино: часть потекла в глотку, часть — вниз по подбородку. Оно закапало с его бороды и намочило перину. В пламени свечей вино казалось таким же темным, как то, которым отравили Джоффри. Выпив, он отшвырнул пустой кувшин, скатился с кровати и, пошатываясь, попытался нащупать ночной горшок. Найти его

не удалось. Желудок вдруг отяжелел, и следом он обнаружил, что стоит на коленях и блюет прямо на ковер. На этот чудесный толстый мирийский ковер, успокаивающий словно ложь.

Шлюха расплакалась от огорчения. *Они обвиняют ее*, понял он со стыдом.

— Отрежь мне голову и отнеси ее в Королевскую Гавань, — предложил ей Тирион. — Моя сестра даст тебе титул леди, и никто никогда тебя больше не высечет. — Этого она тоже не поняла, так что он раздвинул ей ноги, пролез между ними и взял ее еще раз. Это она, по крайней мере, могла понять.

Позже, когда вино исчерпалось,

как и он сам, карлик смял одежду девицы и вышвырнул за дверь. Она поняла намек и убежала, оставив его одного в темноте все глубже погружаться в перину. *Я вонючий пьяньчуга.* Он не решался закрыть глаза, боясь заснуть. За завесой сна его поджидали Печали. Бесконечно восходящие каменные ступени: крутые, скользкие и коварные, а на вершине — Скрытый Господин. *Я не хочу встречаться со Скрытым Господином.* Тирион влез в одежду и ощупью нашел дорогу к лестнице. *Гриф спустит с меня шкуру. Хотя, что с того? Если и есть где-то карлик, жаждущий свежесвания, то это я.*

На полпути вниз по ступенькам он оступился. Кое-как он сумел смягчить падение руками, превратив его в неуклюжий грохочущий кувырок. Шлюхи удивленно уставились на него, когда он приземлился у подножия лестницы. Тирион поднялся на ноги и поклонился им:

— Когда я пьян, я куда проворнее. — Он повернулся к хозяину. — Боюсь, я испортил ваш ковер. Девчонка не виновата. Позвольте, я заплачу.

Он вытащил горсть монет и бросил их мужчине.

— Бес, — раздался низкий голос у него за спиной.

В темном углу комнаты сидел мужчина с извивающейся шлюхой на коленях. *Я не видел эту девку. А то отвел бы наверх ее, а не веснушчатую.* Она выглядела моложе остальных, стройная и хорошенькая, с длинными серебристыми волосами. Похоже, лиссенийка... но человек, на коленях у которого она сидела, был из Семи Королевств. Плотный и широкоплечий, лет сорока, или немного старше. Хорошая половина его головы облысела, но щеки и подбородок покрывала грубая щетина, а руки заросли густыми волосами, пробившимися даже на костяшках пальцев.

Его вид не понравился Тириону,

а большой черный медведь на накидке — и того меньше. Шерсть. Он носит шерсть в такую жару. Кто кроме рыцаря может быть настолько чертовски безумным?

— Как приятно услышать общий язык вдали от дома, — заставил он себя произнести. — Но, боюсь, вы меня с кем-то перепутали. Меня зовут Хугор Хилл. Могу ли я угостить вас чашей вина, друг мой?

— Я уже достаточно пьян, — рыцарь оттолкнул шлюху в сторону и встал на ноги. Портупея висела рядом с ним на крючке, он снял ее и обнажил клинок, сталь зашуршала по коже. Шлюхи с интересом наблюдали, в их глазах сверкали

огоньки свечей. Хозяин исчез.

— Ты мой, Хугор.

Тирион не мог ни убежать от него, ни побороть. И он был настолько пьян, что не мог даже надеяться перехитрить его. Он развел руками.

— И что ты собираешься со мной делать?

— Доставить тебя, — ответил рыцарь, — королеве.

24. ДЕЙЕНЕРИС

Галазза Галар прибыла в Великую Пирамиду в сопровождении дюжины Белых Граций — девочек благородного происхождения, еще слишком юных для службы в храмовых садах наслаждений. Вместе они представляли собой прелестную картину: гордая старица во всем зеленом, окруженная маленькими девочками в белых одеяниях и вуалях — доспехах своей невинности.

Королева тепло приняла их, а затем вызвала Миссандею присмотреть, чтобы девочек

покормили и развлекли, пока она ужинает наедине с Зеленой Грацией.

Повара приготовили великолепное блюдо из медовой баранины, благоухающей тертой мятой, и маленьких зеленых фиг, которые ей так нравились. Двое полюбившихся Дени заложников подавали на стол и следили, чтобы кубки не оставались пустыми — Кезза, маленькая девочка с наивными глазами, и тощий мальчик Гразар. Они были братом и сестрой и приходились родственниками Зеленой Грации, которая приветствовала их поцелуями и спросила, хорошо ли дети себя ведут.

— Они оба очень милые, —

уверила ее Дени. — Кезза иногда поет для меня, у нее чудесный голос. А Гразара вместе с другими мальчиками сир Барристан обучает в традициях западного рыцарства.

— Они моя кровь, — сказала Зеленая Грация, когда Кезза наполнила ее кубок темно-красным вином. — Приятно слышать, что они хорошо служат Вашему Сиятельству. Надеюсь, я смогу сделать то же самое.

У старухи были белые волосы и тонкая пергаментная кожа, но глаза с годами не потускнели. Они были зелеными, как ее одежды; глаза, полные печали и мудрости.

— Простите, что говорю вам

это, но Ваше Сиятельство
выглядит... уставшей. Вы плохо
спите?

Дени едва не рассмеялась:

— Не очень хорошо. Прошлой
ночью три квартирские галеры
подплыли к Скахазадхану под
покровом темноты. Воины Матери
обстреляли их паруса залпами
огненных стрел и забросали палубы
горшками с горящей смолой, но
галеры быстро ускользнули, не
получив сильных повреждений.
Квартирцы намерены перекрыть нам
доступ к реке, как уже закрыли
залив. И они больше не одни. К ним
присоединились три галеры из
Нового Гиса и каррак из Толоса.

На предложение о союзе толосийцы ответили тем, что объявили ее шлюхой и потребовали вернуть Миэрин Великим Господам. Но даже это было лучше, чем ответ Мантариса, присланный по караванному пути в кедровом сундуке. В нем она обнаружила засоленные головы трех своих послов.

— Возможно, ваши боги помогут нам, — добавила Дени. — Попросите их послать шторм и вынести галеры из залива.

— Я помолюсь и совершу жертвоприношение. Быть может, боги Гиса услышат меня, — Галазза Галар потягивала вино, не спуская

глаз с Дени. — Шторма бушуют не только за стенами, но и внутри. Прошлой ночью убили еще нескольких вольноотпущенников, насколько мне известно.

— Трех, — от этого слова во рту осталась горечь. — Трусы вломились к ткачихам-вольноотпущенницам, которые никому не причинили вреда. Все, что они делали — просто создавали прекрасные вещи. Подаренный ими гобелен висит над моей кроватью. Сыны Гарпии сломали ткацкий станок и изнасиловали женщин, прежде чем перерезали им глотки.

— Об этом мы слышали. И все же Ваше Сиятельство еще находит в

себе мужество отвечать на резню милосердием. Вы не причинили вреда никому из знатных детей, которых держите в заложниках.

— Пока нет.

Дени полюбила своих юных заложников. Среди них были робкие и смелые, ласковые и угрюмые, но все они были невинны.

— Если я убью своих виночерпиев, кто нальет мне вина и принесет ужин? — сказала она, стараясь перевести это в шутку.

Жрица не улыбнулась.

— Говорят, Бритоголовый скормил бы их вашим драконам. Жизнь за жизнь. За каждую мертвую Медную Бестию он убивал бы

ребенка.

Дени ковырялась в тарелке с едой. Она не смела глядеть в сторону Гразара и Кеззы, боясь расплакаться. *Сердце Бритоголового жестче моего.* Они спорили о заложниках полдюжины раз. «Сыны Гарпии смеются в своих пирамидах, — еще сегодня утром говорил ей Скахаз. — Какой смысл в заложниках, если вы не снимаете с них головы?» В его глазах она оставалась всего лишь слабой женщиной. *Хаззеа было достаточно. Какой смысл в мире, если за него приходится платить кровью маленьких детей?*

— Эти убийства — не их рук дело, — неуверенно сказала Дени

Зеленой Грации. — Я не королева-мясник.

— И Миэрин благодарен вам за это, — ответила Галазза Галар. — Мы слышали, что Король-Мясник Астапора мертв.

— Убит собственными солдатами, после того как приказал им выступить и атаковать юнкайцев, — горькими были эти слова. — Труп еще не остыл, когда его место занял некто Клеон Второй. Этот продержался восемь дней, прежде чем ему перерезали горло. Затем его убийца потребовал корону. Как и наложница первого Клеона. Король Головорез и королева Шлюха — так называют их астапорцы. Город

разделился на два лагеря, и жители дерутся на улицах, пока юнкайцы с наемниками ждут у стен.

— Тяжелые нынче времена. Ваше Сиятельство, могу я осмелиться дать вам совет?

— Вы знаете, как высоко я ценю вашу мудрость.

— Тогда прислушайтесь к моему совету — выходите замуж.

— Ах, — Дени ожидала этого.

— Я часто слышала, как вы называете себя всего лишь юной девушкой. Со стороны вы кажетесь наполовину ребенком, слишком юным и хрупким для таких испытаний. Вам нужен король, который поможет преодолеть эти

трудности.

Дени зацепила кусочек ягненка, откусила и медленно прожевала:

— Скажите, сможет этот король надуть щеки и сдуть галеры Ксаро обратно в Кварт? Сможет хлопнуть в ладоши и снять осаду с Астапора? Сможет накормить моих детей и вернуть мир на мои улицы?

— А вы можете? — спросила Зеленая Грация. — Король — не бог, но сильный мужчина способен на многое. Когда мой народ смотрит на вас, то видит заморскую завоевательницу, явившуюся убивать нас и делать рабами наших детей. Король мог бы изменить это. Высокорожденный король чистой

гискарской крови примирил бы город с вашим правлением. Иначе, боюсь, ваша королевская власть закончится так же, как и началась — в огне и крови.

Дени снова принялась возить вилкой по тарелке.

— И кого же боги Гиса хотели бы видеть моим королем и супругом?

— Хиздара зо Лорака, — твердо ответила Галазза Галар.

Дени не стала изображать удивление.

— Почему Хиздар? Скахаз также благородного происхождения.

— Скахаз — Кандак, Хиздар — Лорак. Да простит меня Ваше Сиятельство, но только те, кто не из

Гиса, не видят различия. Часто я слышала, что в вас течет кровь Эйегона Завоевателя, Джейехериса Мудрого и Дейерона Дракона. В благородном Хиздаре течет кровь Маздхана Великолепного, Хазрака Красивого и Зхарака Освободителя.

— Его предки мертвы, как и мои. Неужели Хиздар поднимет тени умерших на защиту Миэрина от врагов? Мне нужен муж с кораблями и мечами. Вы предлагаете мне предков.

— Мы древний народ. Предки важны для нас. Выходите замуж за Хиздара зо Лорака и родите от него сына, чьим отцом станет гарпия, а матерью — дракон. В нем

исполнятся пророчества, и ваши враги растают, как снег.

Он будет жеребцом, который покроет весь мир. Дени знала, что бывает с пророчествами. Они сотканы из слов, а слова — это ветер. Никакого сына от Лорака, никакого наследника, который смог бы объединить дракона и гарпию, не будет. *Когда солнце взойдет на западе и закатится на востоке, когда высохнут моря, и ветер унесет горы, как листья.* Только тогда ее чрево вновь зачнет...

...но у Дейенерис Таргариен были другие дети: десятки тысяч, назвавших ее своей матерью, когда она разбила их цепи. Она подумала о

Стойком Щите, о брате Миссандеи, о женщине по имени Рилона Ри, которая так прекрасно играла на арфе. Никакой брак не вернет их к жизни, но если муж может положить конец резне, то она обязана выйти за него ради своих погибших.

Если я выйду за Хиздара, не обратится ли Скахаз против меня? Она доверяла Скахазу больше, чем Хиздару, но Бритоголовый стал бы ужасным королем. Слишком быстро гневается, слишком неохотно прощает. Она не видела смысла в браке с мужчиной, которого ненавидят так же, как ее саму. Хиздар же пользовался здесь большим уважением, насколько она

могла понять.

— А что об этом думает мой предполагаемый муж? — спросила она Зеленую Грацию.

Что он обо мне думает?

— Вашему Величеству надо только спросить его. Хиздар ожидает внизу. Пошлите за ним, если пожелаете.

Ты слишком много себе позволяешь, жрица, подумала королева, но подавила гнев и заставила себя улыбнуться.

— Почему бы и нет?

Она отправила за сиром Барристаном Селми и сказала старому рыцарю привести к ней Хиздара.

— Подъем долгий. Пусть Безупречные помогут ему.

Когда вельможа завершил восхождение, Зеленая Грация уже закончила с едой.

— Если Вашему Великолепию будет угодно, я вас оставлю. Не сомневаюсь, вам с благородным Хиздаром надо многое обсудить, — старуха стерла с губ мед, поцеловала на прощание в лоб Кеззу и Гразара и нацепила на лицо шелковую вуаль. — Я вернусь в Храм Граций и помолюсь богам, чтобы они наставили мою королеву на путь мудрости.

Когда она ушла, Дени позволила Кеззе снова наполнить кубок,

отпустила детей и велела привести Хиздара зо Лорака. *И если он скажет хоть слово о своих ненаглядных бойцовых ямах, я прикажу сбросить его с террасы.*

Хиздар носил простые зеленые одежды под стеганым жилетом. Он вошел и низко поклонился, его лицо оставалось серьезным.

— Неужели у тебя нет улыбки для меня? — спросила его Дени. — Я настолько ужасна?

— Я всегда становлюсь серьезным в присутствии такой красоты.

Это было хорошее начало.

— Выпей со мной, — Дени сама наполнила его чашу. — Ты знаешь,

почему оказался здесь. Кажется, Зеленая Грация считает, что если я стану твоей женой, все мои горести исчезнут.

— Я бы никогда не осмелился утверждать это. Люди рождаются, чтобы бороться и страдать. Только со смертью исчезают наши горести. Однако я могу помочь вам. У меня есть золото, друзья, влияние, и в моих венах течет кровь Старого Гиса. Хотя я никогда не был женат, у меня есть два родных ребенка, мальчик и девочка, так что я способен дать вам наследников. Я могу примирить город с вашим правлением и положить конец ночной резне на улицах.

— Можешь? — Дени изучала его глаза. — Почему это для тебя Сыны Гарпии сложат свои ножи? Ты один из них?

— Нет.

— А ты сказал бы мне, если бы был?

Он засмеялся.

— Нет.

— У Бритоголового есть способы узнавать правду.

— Не сомневаюсь, что Скахаз быстро вытянул бы из меня признание. Один день с ним — и я стану Сыном Гарпии. Два дня — и я буду Гарпией. Три — и выяснится, что это я убил вашего отца в Закатном Королевстве, когда был еще

мальчишкой. Потом он посадит меня на кол, и вы будете наблюдать, как я умираю... но затем убийства продолжатся, — Хиздар наклонился ближе. — Или вы можете выйти за меня, позволив мне попытаться остановить их.

— Почему же ты *хочешь* помочь мне? Ради короны?

— Корона меня вполне устроит, не буду отрицать. Однако дело не только в этом. Неужели так странно, что я хочу защитить мой народ, как вы защищаете своих освобожденных рабов? Миэрин не перенесет еще одной войны, Ваше Сиятельство.

Это был хороший и честный ответ.

— Я никогда не хотела войны. Я победила юнкайцев однажды и пощадила их город, хотя могла разграбить его. Я отказалась присоединиться к королю Клеону, который решил напасть на них. Даже сейчас, когда осажден Астапор, я ничего не предпринимаю. И Кварт... Я не причинила никакого вреда Кварту...

— Напрямую — нет, но Кварт — город торговцев, и они любят звон серебряных монет, блеск желтого золота. Когда вы ударили по работоторговле, этот удар почувствовали от Вестероса до Асшая. Кварт зависит от своих рабов. Как и Толос, Новый Гис, Тирош,

Волантис... список длинный, моя королева.

— Пусть приходят. Во мне они найдут противника посерьезнее Клеона. Я скорее погибну, сражаясь, чем верну в неволю своих детей.

— Возможно, есть другое решение. Думаю, если Ваша Милость согласится, что Желтый город может беспрепятственно торговать рабами и обучать их с этого дня и впредь, то нам удастся убедить юнкайцев оставить свободными всех ваших вольноотпущенников. И больше не понадобится проливать кровь.

— Не считая крови тех рабов, которых юнкайцы будут *продавать* и

обучать, — возразила Дени, но она все же видела правду в его словах.

Возможно, это лучший выход, на какой мы можем надеяться.

— Ты не сказал, что любишь меня.

— Я люблю, если того пожелает Ваше Сиятельство.

— Это не ответ влюбленного мужчины.

— Что такое любовь? Вожделение? Ни один настоящий мужчина не может смотреть на вас без вожделения, Дейенерис. Однако не потому я хотел бы жениться. До того как вы пришли, Миэрин умирал. Нашими правителями были старики с усохшими членами и старухи, чьи

сморщенные влагалища стали сухими, как пыль. Они сидели на террасах своих пирамид, потягивая абрикосовое вино и болтая о славе Старой Империи, в то время как века протекали мимо них, превращая стены города в прах. Привычка и осторожность держали нас железным хватом, пока вы не пробудили Миэрин огнем и кровью. Пришло новое время, и появились новые возможности. Выходите за меня.

На него приятно смотреть,
сказала себе Дени, и говорит он, как
король.

— Поцелуй меня, — приказала она.

Он взял ее руку и прикоснулся губами к пальцам.

— Не так. Поцелуй, как если бы я была твоей женой.

Хиздар взял ее за плечи нежно, словно маленького птенчика. Наклонившись вперед, он прижался губами к ее губам. Поцелуй был легким, сухим и коротким. Дени не почувствовала волнения.

— Мне... поцеловать вас снова? — спросил он, когда все закончилось.

— Нет, — в бассейне на террасе маленькие рыбки пощипывали ее ноги, когда она опускала их в воду. Даже они целовались с большим пылом, чем Хиздар со Лорак. — Я не

люблю тебя.

Хиздар пожал плечами:

— Любовь может прийти со временем. Так бывает, как известно.

Не с нами, подумала она. Не сейчас, когда Даарио так близко. Я хочу его, а не тебя.

— Когда-нибудь я захочу вернуться в Вестерос и предъявить на Семь Королевств права, что были отобраны у моего отца.

— Когда-нибудь все люди умрут, но нет никакого смысла постоянно думать о смерти. Я предпочитаю жить сегодняшним днем.

Дени сложила руки вместе.

— Слова — это ветер, даже такие слова, как *любовь* и *мир*. Я

больше доверяю делам. В моих Семи Королевствах рыцари совершают подвиги, доказывая, что достойны прекрасных дам, которых любят. Они разыскивают волшебные мечи, сундуки с золотом, короны, украденные из сокровищницы дракона.

Хиздар изогнул бровь.

— Единственные известные мне драконы — это ваши, а волшебные мечи — еще большая редкость. Я с радостью принесу вам кольца, короны и сундуки с золотом, если вы того желаете.

— Я желаю мира. Ты говоришь, что можешь помочь прекратить ночную резню на моих улицах. Так

сделай это. Положи конец этой теневой войне, милорд. Соверши подвиг. Дай мне девяносто дней и девяносто ночей без убийств, и я пойму, что ты достоин трона. Ты это можешь?

Хиздар, казалось, задумался:

— Девяносто дней и девяносто ночей без единого трупа, и на девяносто первый мы поженимся?

— Возможно, — невинно ответила Дени. — Хотя юные девушки, как известно, непостоянны. Я могу еще пожелать волшебный меч.

Хиздар засмеялся.

— Тогда вы получите и его, Сияющая. Ваше желание для меня закон. Можете сказать своему

сенешалю, чтобы начинал приготовления к свадьбе.

— Ничто не порадует благородного Резнака больше.

Даже если усилия Хиздара ни к чему не приведут, как только в Миэрине узнают, что свадьба не за горами — уже одно это, возможно, даст ей передышку на несколько ночей. *Бритоголовый будет недоволен, но Резнак мо Резнак запляшет от счастья.* И Дени не знала, который из них беспокоил ее больше. Ей был нужен Скахаз с Медными Бестиями, и она перестала доверять любым советам Резнака. *Остерегайся надушенного сенешаля. Мог ли Резнак сговориться с*

Хиздаром и Зеленой Грацией и заманить меня в ловушку?

Не успел Хиздар со Лорак уйти, как сир Барристан в своем белом плаще возник у нее за спиной. Годы службы в Королевской Гвардии научили белого рыцаря оставаться в тени, когда она принимала гостей, но он всегда был поблизости. *Он знает, сразу увидела она, и не одобряет.* Морщины вокруг его рта стали глубже.

— Итак, — сказала она ему, — похоже, я могу снова выйти замуж. Вы рады за меня, сир?

— Если таков приказ Вашего Величества.

— Хиздар — не тот муж,

которого вы избрали бы для меня.

— Это не мое дело — выбирать вам мужа.

— Не ваше, — согласилась она, — но важно, чтобы вы понимали. Мой народ истекает кровью. Королева принадлежит своей стране, а не себе. Брак или бойня — такой у меня выбор. Свадьба или война.

— Ваше Величество, могу я говорить откровенно?

— Всегда.

— Есть еще третий вариант.

— Вестерос?

Он кивнул.

— Я поклялся служить Вашему Величеству и защищать вас, куда бы

вы ни направились. Мое место рядом с вами, здесь или в Королевской Гавани... но ваше место — там, в Вестеросе, на Железном Троне, принадлежавшем вашему отцу. Семь Королевств никогда не примут своим правителем Хиздара зо Лорака.

— Как и Миэрин не примет своей королевой Дейенерис Таргариен. Зеленая Грация права — мне нужен король, король старой гискарской крови. Иначе они всегда будут видеть во мне неотесанного варвара, который вломился в их ворота, посадил их семьи на колья и украл их богатства.

— В Вестеросе вы будете как пропавшее дитя, радующее своим

возвращением отцовское сердце. Ваш народ встретит вас ликованием, где бы вы ни проезжали, и все хорошие люди полюбят вас.

— Вестерос далеко отсюда.

— Задерживаясь здесь, вы никогда не сделаете его ближе. Чем раньше мы оставим это место...

— Я знаю. *Знаю.*

Дени не знала, как заставить его понять. Она стремилась в Вестерос так же сильно, как и он, но сперва должна была исцелить Миэрин.

— Девяносто дней — долгий срок. Хиздар может потерпеть неудачу. И если так случится, это даст мне время. Время для создания союзов, для укрепления защиты,

для...

— А если он справится? Что Ваше Величество сделает тогда?

— Выполнит свой долг, — слово холодом обожгло ей язык. — Вы видели, как женился мой брат Рейегар. Скажите, это был брак любви или долга?

Старый рыцарь замялся.

— Принцесса Элия была хорошим человеком, Ваше Величество. Она была доброй и умной, с нежным сердцем и чувством юмора. Я знаю, принц очень привязался к ней.

Привязанность, подумала Дени. Емкое слово. Я могла бы со временем привязаться к Хиздару зо Лораку.

Возможно.

Сир Барристан продолжил:

— Я видел и свадьбу ваших родителей. Простите меня, но там не было привязанности, и страна дорого заплатила за это, моя королева.

— Почему же они поженились, если не любили друг друга?

— Так приказал ваш дед. Лесная ведьма сказала ему, что благодаря этому союзу родится обещанный принц.

— Лесная ведьма? — изумилась Дени.

— Она появилась при дворе с Дженни из Старых Камней. Крошечное, нелепо выглядящее создание. Многие считали ее

карликом, но леди Дженни, которой та была очень дорога, всегда утверждала, что она одна из Детей Леса.

— Что с ней стало?

— Летний замок, — слова были полны обреченности.

Дени вздохнула:

— Теперь оставьте меня. Я очень устала.

— Как прикажете.

Сир Барристан поклонился и развернулся, чтобы уйти. Но возле двери он остановился.

— Простите меня. У Вашего Величества посетитель. Должен ли я сказать ему прийти завтра?

— Кто это?

— Нахарис. Вороны-

Буревестники вернулись в город.

Даарио... Ее сердце забилося сильнее.

— Как долго?.. Когда он?.. — она не могла подобрать слова.

Сир Барристан, похоже, понял.

— Ваше Величество принимали жрицу, когда он прибыл. Я знал, вы не хотели, чтобы вас беспокоили. Новости капитана могут подождать до завтра.

— Нет.

Как я смогу заснуть, зная, что мой капитан так близко?

— Пришлите его ко мне немедленно. И... сегодня вечером вы мне больше не понадобится. Я буду

в безопасности с Даарио. И, будьте добры, пришлите Ирри и Чхику. И Миссандею.

Мне надо переодеться, чтобы хорошо выглядеть.

Так она и сказала своим служанкам, когда они пришли.

— Что Ваше Величество желает надеть? — спросила Миссандея.

Звездный свет и морскую пену, подумала Дени, легкий шелк, который оставит мою левую грудь обнаженной, чтобы радовать взгляд Даарио. Да, и цветы в волосах. Когда они впервые встретились, капитан приносил ей цветы каждый день, всю дорогу от Юнкая до Миэрина.

— Принесите серое льняное

платье с жемчугом на лифе. И шкуру белого льва, — она всегда чувствовала себя спокойнее, завернувшись в львиную шкуру Дрого.

Дейенерис приняла капитана на террасе, присев на резную каменную скамью под грушей. Полумесяц плыл над городом в сопровождении тысячи звезд. Даарио Нахарис вошел развязной походкой. *Он умудряется быть развязным, даже когда неподвижен.* Капитан надел полосатые шаровары, заправленные в высокие ботинки из пурпурной кожи, белую шелковую рубашку и жилет из золотых колец. Бороду в форме трезубца он выкрасил пурпуром,

роскошные усы — золотом, а в его длинных завитых локонах пурпура и золота было поровну. На одном бедре он носил стилет, на другом — дотракийский аракх.

— Прекрасная королева, — сказал он, — вы стали еще красивее в мое отсутствие. Как такое возможно?

Королева привыкла к подобным восхвалениям, но почему-то из уст Даарио комплимент звучал иначе, нежели от Резнака, Ксаро или Хиздара.

— Капитан. Мне доложили, что ты сослужил хорошую службу в Лхазаре.

Я так скучала по тебе.

— Ваш капитан живет, чтобы

служить своей жестокой королеве.

— Жестокой?

Лунный свет мерцал в его глазах.

— Он опередил всех своих людей, чтобы поскорее увидеть ее лицо, а его оставили томиться в ожидании, пока она отведаст ягненка и инжир с этой сморщенной старухой.

Никто не сказал мне, что ты уже здесь, подумала Дени, иначе я могла бы совершить глупость и послать за тобой немедленно.

— Я ужинала с Зеленой Грацией, — казалось, лучше не упоминать Хиздара. — Мне был срочно необходим ее мудрый совет.

— А мне срочно необходимо

только одно — Дейенерис.

— Я пошлю за едой? Ты, должно быть, голоден.

— Я не ел два дня, но теперь, когда я здесь, мне достаточно угоститься вашей красотой.

— Моя красота не наполнит твой желудок, — она сорвала с ветки грушу и кинула в него. — Съешь это.

— Как прикажет моя королева, — он откусил кусок груши, поблескивая золотым зубом. Сок стекал по пурпурной бороде.

Девушка в ней так сильно жаждала поцеловать его, что это причиняло боль. *Он целовал бы меня грубо и жадно*, сказала она себе, *и не стал бы обращать внимания на мои*

крики или приказы прекратить. Но королева в ней понимала, что это безумие.

— Расскажи мне о своей поездке.

Он небрежно пожал плечами.

— Юнкайцы отправили каких-то наемников перекрыть Кхизайский проход. Длинные Копья, так они себя называют. Мы спустились к ним ночью и отправили нескольких в ад. В Лхазаре я убил двух своих сержантов, задумавших украсть драгоценные камни и золотую посуду, которые моя королева доверила мне вручить ягнятникам. В остальном все прошло, как я и обещал.

— Сколько людей ты потерял в сражении?

— Девять, — ответил Даарио, — но дюжина Длинных Копий предпочли стать Воронами-Буревестниками, а не мертвецами. Так что мы даже приобрели троих. Я сказал им, что они проживут дольше, сражаясь на стороне ваших драконов, а не против них, и они сочли мои слова мудрыми.

Это насторожило ее.

— Они могут оказаться шпионами Юнкая.

— Они слишком глупы для шпионов. Вы не знаете их.

— Как и ты. Ты доверяешь им?

— Я доверяю всем своим людям.

Но не больше, чем плевку под ногами, — он сплюнул и улыбнулся ее подозрениям. — Принести вам их головы? Я сделаю это, если прикажете. Один лыс, у двоих косички, еще у одного борода выкрашена в четыре цвета. Какой шпион стал бы носить такую бороду, хотел бы я знать? Этот пращик может попасть камнем в комариный глаз с сорока шагов, а уродливый неплохо умеет обращаться с лошадьми... Но если моя королева говорит, что они должны умереть...

— Я не говорила этого. Я просто... присматривай за ними, и все.

После этих слов она

почувствовала себя глупо. Она всегда чувствовала себя немного глупой, когда была с Даарио. *Застенчивой и бестолковой маленькой девочкой.* Что он обо мне подумает? Она сменила тему:

— Овечий народ отправит нам провизию?

— Зерно доставят на барже по Скахазадхану, моя королева, а другие товары — караваном через Кхизай.

— Скахазадхан? Нет, река закрыта для нас. Море тоже. Посмотри на суда, оставшиеся в заливе. Квартийцы разогнали треть наших рыбаков и еще одну треть захватили. Остальные боятся покинуть порт. Это положило конец

и той незначительной торговле, которую мы умудрялись вести.

Даарио выбросил огрызок груши.

— У квартийцев в венах молоко вместо крови. Они побегут при одном виде ваших драконов.

Дени не хотела говорить о драконах. Фермеры все еще прибывали на ее суд с обгоревшими костями и жалобами на недостающих овец, хотя Дрогон так и не вернулся в город. Некоторые говорили, что видели его к северу от реки, над травами дотракийского моря. Внизу в яме Визерион разорвал одну из цепей; каждый день он и Рейегаль все больше дичали. Ее

Безупречный доложил, что однажды железные двери раскалились докрасна, и никто не смел прикоснуться к ним в течение целого дня.

— И еще Астапор осажден.

— Это я знаю — один из Длинных Копий прожил достаточно долго, чтобы рассказать, как люди едят друг друга в Красном Городе. Он заявил, что скоро придет и очередь Миэрина, тогда я вырвал его язык и бросил псине. Ни одна собака не станет есть язык лжеца. Но пес сожрал, и я понял, что сказанное — правда.

— Война идет и в моем городе, — она поведала ему о Сынах

Гарпии и Медных Бестиях, о крови на кирпичах. — Мои враги повсюду: как за стенами, так и внутри.

— Нападайте, — тут же ответил он. — Человек, окруженный врагами, не удержит защиту. Он может попытаться, но пока парирует меч, получит топор в спину. Нет. Сталкиваясь с множеством противников, выбери самого слабого, убей его, переступи через тело — и беги.

— И куда мне бежать?

— В мою постель. В мои объятия. В мое сердце.

Золотые эфесы аракха и стилета Даарио имели форму обнаженных женщин в распутных позах. Он

погладил их большими пальцами крайне неприличным жестом и похабно улыбнулся.

Дени почувствовала, как кровь приливает к лицу. Это было почти так же, как если бы он ласкал ее. *Подумает ли он, что я тоже распутная, если я затащу его в свою постель? В его присутствии она желала быть распутницей. Я никогда не должна оставаться с ним наедине. Он слишком опасен, чтобы держать его рядом.*

— Зеленая Грация говорит, мне нужен король-гискарец, — сказала она, волнуясь. — Она убеждает меня выйти за благородного Хиздара зо Лорака.

— Этого? — Даарио усмехнулся. — Почему не Серого Червя, если вы хотите евнуха в своей постели? Вы *хотите* короля?

Я хочу тебя.

— Я хочу мира. Я дала Хиздару девяносто дней на то, чтобы покончить с убийствами. Если он справится, я возьму его в мужья.

— Возьмите меня в мужья. Я сделаю это за девять.

Ты знаешь, я не могу это сделать, чуть не сказала она.

— Вы сражаетесь с тенями, а нужно — с теми, кто их отбрасывает, — продолжил Даарио. — Я говорю: убейте их всех и заберите их сокровища. Шепните

приказ, и ваш Даарио сложит груды голов выше этой пирамиды.

— Если бы я знала, кто они...

— Зхаки, Пали и Мерреки. Они, и все остальные. Великие Господа. Кто еще это может быть?

Он одинаково отважен и жесток.

— У нас нет доказательств их вины. Ты предлагаешь мне убить своих подданных?

— Ваши подданные с радостью убили бы вас.

Его так давно не было, что Дени почти забыла, каков он. Наемники по природе вероломны, напомнила она себе. *Непостоянны, коварны, жестоки. И он никогда не станет*

другим. В нем никогда не будет ничего королевского.

— Пирамиды укреплены, — объяснила она ему. — Мы могли бы захватить их только ценой больших потерь. Как только мы нападём на одну, другие тут же восстанут против нас.

— Тогда выманите их из пирамид под каким-нибудь предлогом. Свадебная церемония подойдет. Почему нет? Пообещайте свою руку Хиздару, и все Великие Господа явятся на ваше венчание. И, когда они соберутся в Храме Граций, мы набросимся на них.

Дени пришла в ужас. *Он чудовище. Галантное, но все же*

чудовище.

— Ты принимаешь меня за Короля-Мясника?

— Лучше быть мясником, чем мясом. Все короли — мясники. Разве королевы другие?

— Эта королева — да.

Даарио пожал плечами.

— Большинство королев только и делают, что согревают постель какому-нибудь королю и плодят ему сыновей. Если вы желаете быть такой королевой, то лучше выходите за Хиздара.

Она вспыхнула от гнева.

— Ты забыл, кто я?

— Нет. А ты?

Визерис снес бы голову за такую

дерзость.

— Я кровь дракона. Не смей меня поучать, — когда Дени встала, львиная шкура соскользнула с ее плеч и свалилась на землю. — Оставь меня.

Даарио размашисто поклонился.

— Я живу, чтобы повиноваться.

Когда он ушел, Дени позвала сира Барристана.

— Я хочу, чтобы Вороны-Буревестники уехали обратно в поля.

— Ваше Величество? Они только вернулись...

— Я хочу, чтобы они *ушли*. Пусть разведывают юнкайские окрестности и защищают караваны, следующие через перевал Кхази.

Впредь Даарио должен докладывать вам. Заплатите все, что ему причитается, вплоть до последней монеты и проследите, чтобы его людям выдали хорошее жалование. Но ни в коем случае не подпускайте его ко мне.

— Как скажет Ваше Величество.

В ту ночь она не могла уснуть, только беспокойно вертелась и металась в своей постели. Она дошла даже до того, что вызвала Ирри в надежде успокоить себя ее ласками, но вскоре оттолкнула дотракийку. Ирри была нежной, мягкой и старательной, но она не была Даарио.

Что я наделала? думала она,

свернувшись калачиком в пустой кровати. *Я так долго ждала, когда он вернется, и отослала его прочь.*

— Он сделал бы из меня чудовище, — прошептала Дени, — королеву-мясника.

Но потом она подумала о Дрогоне, который был где-то далеко, и о драконах в яме. *Мои руки тоже в крови, и в крови мое сердце. Мы не такие уж и разные, Даарио и я. Мы оба чудовища.*

25. ПРОПАВШИЙ ЛОРД

Это не могло занять у него столько времени, повторял себе Гриф, меряя шагами палубу "Робкой Девы".

Неужели вслед за Тирионом Ланнистером они потеряли и Халдона? Может, его захватили волантийцы? *Надо было послать с ним Дакфилда.* Когда Халдон один, на него нельзя положиться. Он уже показал себя в Селхорисе, позволив карлику сбежать.

"Робкая Дева" была пришвартована в неприглядной части

длинной, хаотично устроенной набережной, между накренившейся парусной лодкой, годами не покидавшей пристани, и ярко раскрашенной баржей бродячих актеров, которые оказались шумным и веселым сборищем: они беспрестанно зачитывали друг другу монологи, и большую часть времени пребывали в подпитии.

День был жарким и влажным, похожим на все предыдущие дни с тех пор, как они покинули Печали. Безжалостное южное солнце палило над запруженной людьми набережной Волон-Териса, однако жара заботила Грифа в самую последнюю очередь. Золотые Мечи

разбили лагерь в трех милях к югу от города, гораздо севернее того места, чем он предполагал, а триарх Малакво выступил на север с пятью тысячами пехотинцев и тысячей всадников, чтобы отрезать их от дороги к устью реки. Дейенерис Таргариен по-прежнему находилась очень далеко, а Тирион Ланнистер... что ж, он мог быть где угодно. Если бы боги были милостивы, то отрубленная голова Ланнистера находилась бы сейчас на полпути к Королевской Гавани, но скорее всего карлик цел и невредим. И, затаившись где-нибудь неподалеку, пьет не просыхая и замышляет новую подлость.

— Семь преисподних, куда подевался Халдон? — пожаловался Гриф леди Леморе. — Сколько нужно времени, чтобы купить трех лошадей?

Она пожала плечами:

— Милорд, не будет ли безопаснее оставить мальчика здесь, на корабле?

— Безопаснее — да. Но разумно ли — не думаю. Он стал теперь взрослым мужчиной, и эта дорога была уготована ему с рождения.

У Грифа едва хватало терпения для подобных препирательств. Он устал скрываться, устал ждать и бояться. *У меня нет времени на предосторожности.*

— Все эти годы мы как могли старались, чтобы принца Эйегона не раскрыли, — напомнила ему Лемора. — Я понимаю, что когда-нибудь придет время, он смоеет краску с волос и заявит о себе, но это время еще не наступило. Только не в лагере наемников.

— Если Гарри Стрикленд желает ему зла, то мы не сможем защитить его, укрывая на "Робкой Деве". Под началом у Стрикленда — десять тысяч мечей. У нас же — только Утка. У Эйегона есть все задатки настоящего принца. Они должны увидеть это — и Стрикленд, и все остальные. Ведь они его люди.

— Да, его люди, потому что их

купили и им за это платят. Десять тысяч вооруженных чужаков, лагерных нахлебников и шлюх. И каждый из них может в одиночку погубить все наши начинания. Если за голову Хугора давали титул лорда, то во сколько Серсея Ланнистер оценит законного наследника Железного Трона? Вы не знаете этих людей, милорд. Уже больше десяти лет прошло с вашего последнего похода с Золотыми Мечами, а ваш старый друг давно мертв.

Черное Сердце. Майлз Тойн был так полон жизни, когда Гриф видел его в последний раз. Не верится, что его больше нет. *Теперь Бездомный Гарри Стрикленд занял его место, а*

на пике красуется еще один позолоченный череп. Он знал, что в словах Леморы немало правды. Кем бы ни были их отцы и деды в Вестеросе до изгнания, теперь Золотые Мечи стали наемниками, а наемникам верить нелья. Но всё же...

Прошлой ночью ему опять снилась Каменная Септа. Один, с мечом в руке, он бежал от дома к дому, выбивая двери, взлетая по лестницам, перепрыгивая с крыши на крышу. В ушах звенели голоса далеких колоколов. Глубокий гул бронзы и серебристые перезвоны отдавались в голове. Эта сводящая с ума какофония шумов нарастала, и в

какой-то момент ему показалось, что череп вот-вот взорвется.

Семнадцать лет прошло с Колокольной битвы, но у него до сих пор все внутренности сводит от звона колоколов. Пусть остальные утверждают, будто королевство было потеряно, когда принца Рейегара сразил боевой молот Роберта на Трезубце. Только вот битва на Трезубце никогда бы и не состоялась, убей грифон оленя в Каменной Септе. *В тот день колокола звонили по всем нам. По Эйерису и его королеве, по Элии Дорнийской и ее маленькой дочери, по всем достойным мужчинам и женщинам в Семи Королевствах. И по моему*

серебряному принцу.

— Изначально мы собирались раскрыть личность принца Эйегона, только когда прибудем к королеве Дейенерис, — сказала Лемор.

— Да, но тогда мы считали, что девчонка отправится на запад. Наша королева драконов обратила этот план в пепел, а из-за толстого пентошийского болвана мы только сожгли себе пальцы до мяса, едва прихватив драконицу за хвост.

— Иллирио не мог знать, что девочка решит остаться в Заливе Работоторговцев.

— Как не мог он знать и того, что Король-Попрошайка умрет молодым, или что Кхал Дрого

последует за ним в могилу. Очень немного из того, что толстяк ожидал, произошло в действительности.

Гриф ударил по рукоятке меча одетой в перчатку рукой.

— Я плясал под дудку этого толстяка годами, Лемора. И чем нам это помогло? Принц уже взрослый. Его время...

— Гриф, — громко позвал Яндри, перекрикивая звон шутовских бубенцов. — Халдон.

Он не ошибся. Полумейстер брел вдоль набережной к причалу. Он выглядел изможденным и взмокшим от жары. Выступивший пот оставил на светлой льняной рубашке темные

круги под рукавами. У него было такое же кислое выражение лица, как тогда в Селхорисе, когда он вернулся на "Робкую Деву" сообщить, что карлик исчез. Как бы то ни было, за собой он вел трех лошадей, и только это имело значение.

— Приведите мальчика, — обратился Гриф к Леморе. — Проследите, чтобы он собрался.

— Как скажете, — ответила она безрадостно.

Так тому и быть. Он привязался к Леморе, но это не означало, что ему требуется ее одобрение. Ее задачей было наставлять принца в основных положениях Веры, и со своей задачей она справилась.

Однако молитвами Железный Трон не добудешь. Это уже была забота Грифа. Когда-то он подвел принца Рейегара. Но теперь, пока жив, не подведет его сына.

Приведенные Халдоном лошади ему не понравились.

— Это лучшее, что ты смог отыскать? — с упреком спросил он Полумейстера.

— Да, лучшее, — раздраженно ответил Халдон, — и вам лучше не спрашивать, сколько я за них заплатил. Когда стало известно, что дотракийцы уже за рекой, половина жителей Волон-Териса решила поскорее убраться подальше, поэтому конина растет в цене с каждым днем.

Надо было мне пойти самому.

После Селхориса он не мог доверять Халдону как прежде. *Тот позволил карлику обвести себя вокруг пальца бойкими речами. Да еще и отпустил его одного в бордель, пока сам болтался, как дурак, на площади.* Хозяин борделя утверждал, что маленького человека вывели с мечом у горла, но Гриф все-таки не до конца поверил в это. Бес достаточно умен, чтобы подстроить собственный побег. Тот подвыпивший похититель, о котором говорили шлюхи, мог быть нанятым исполнителем. *И я тоже виноват. После того, как карлик бросился между Эйегоном и каменным человеком, я ослабил*

бдительность. Нужно было перерезать ему глотку, как только мы встретились.

— Думаю, они сгодятся, — сказал он Халдону. — Лагерь всего в трех милях к югу.

На "Робкой Деве" они добрались бы быстрее, но он предпочитал держать Гарри Стрикленда в неведении относительно их с принцем расположения. Еще меньше прельщала его перспектива сперва топтать по мелководью, а потом карабкаться на илистый берег. Такое появление сгодилось бы для наемника с сыном, но не для великого лорда и его принца.

Когда парень поднялся из каюты

в сопровождении септы Леморы, Гриф внимательно осмотрел его с головы до пят. На поясе у принца висели меч и кинжал, он обул черные ботинки, отполированные до блеска, а сверху накинул черный плащ, подбитый кроваво-красным шелком. На фоне отмытых, постриженных и свежевыкрашенных в темно-синий цвет волос его глаза тоже казались синими. Три крупных квадратных рубина в ожерелье из черного железа украшали шею. Подарок Магистра Иллирио. *Красное и черное. Цвета дракона.* Неплохо.

— Ты выглядишь настоящим принцем, — сказал он мальчику. — Твой отец гордился бы тобой, если

бы мог видеть тебя сейчас.

Юный Гриф провел пальцами по волосам.

— Меня уже тошнит от этой синей краски. Надо было её смыть.

— Уже скоро, — Гриф тоже не отказался бы вернуть своим некогда рыжим волосам естественный цвет, хотя их уже и тронула седина.

— Ну, пойдём? Твоя армия тебя ждёт.

— Мне нравится, как это звучит. Моя армия.

Улыбка озарила его лицо и тут же исчезла.

— Но так ли это? Ведь они наёмники. Йолло предупреждал, что никому из них нельзя верить.

— Здравый смысл в его словах есть, — согласился Гриф.

Всё было бы иначе, если бы Черное Сердце оставался во главе Мечей. Но Майлз Тойн уже четыре года как мертв, а Бездомный Гарри Стрикленд — человек иного сорта. Этого он, однако, мальчику не сказал. Карлик и так заронил немало сомнений в его юную голову.

— Не всякий человек таков, каким кажется, а у принца есть особые причины быть осторожным... но если зайти в этом недоверии слишком далеко, то оно может отравить тебя, озлобить против всех и вселить в твое сердце страх.

Таким был король Эйерис. В самом конце даже Рейегару это стало очевидно.

— Лучше придерживаться золотой середины. Позволь людям заслужить твоё доверие верной службой... но когда они заслужат его — будь щедр и великодушен.

Мальчик кивнул:

— Я запомню.

Они отдали принцу лучшего из трех коней, большого серого мерина, такого светлого окраса, что он казался почти белым. Гриф и Халдон следовали за ним на тех, что похуже. Они отправились дорогой, ведущей на юг. Не меньше полумили их путь пролегал вдоль высоких белых стен

Волон-Териса. Затем они оставили город позади и направились вслед за извилистым течением Ройны, проезжая через ивовые рощи и маковые поля, мимо высокой деревянной ветряной мельницы, лопасти которой, вращаясь, скрипели словно старые кости.

Они обнаружили Золотых Мечей на берегу реки, когда солнце уже клонилось к закату.

Сам Артур Дэйн наверняка одобрил бы такой лагерь: компактный, упорядоченный, хорошо защищённый. Вокруг него вырыли глубокий ров, дно которого было утыкано заострёнными кольями. Ряды палаток разделяли широкие

проезды.

Для отхожих мест отвели место у реки, чтобы течение смывало нечистоты. Коней держали в северной части лагеря, а за ними у воды паслось два десятка слонов. Они выдергивали хоботами тростник. Гриф с одобрением взглянул на огромных серых животных. *Во всём Вестеросе не найдется боевых коней, что выстояли бы против них.*

Гордые боевые штандарты из золотой парчи хлопали на флагштоках, закрепленных по периметру лагеря. Под ними закованные в броню часовые, вооруженные копьями и арбалетами,

несли службу на своих постах и следили за всеми подходами. Гриф боялся, что отряд ослаб под началом Гарри Стрикленда. Его всегда больше заботило налаживание связей, нежели дисциплина. Но, кажется, опасения были напрасны.

У ворот Халдон что-то сказал сержанту охраны, и на поиски капитана отправили гонца. Подошедший капитан был всё так же уродлив, как и тогда, когда Гриф видел его в последний раз. К пузатой шаркающей туше прилагалось лицо наёмника, испещрённое старыми шрамами. Его правое ухо выглядело так, будто его изглодала собака, левое же отсутствовало вовсе.

— Неужели они сделали *тебя* капитаном, Флауэрс? — спросил Гриф. — А я-то думал, Золотые Мечи придерживаются каких-нибудь стандартов.

— Все гораздо хуже, чертов ты ублюдок, — сказал Франклин Флауэрс. — Они меня еще и в рыцари посвятили.

Он схватил Грифа за плечи и обнял так, что у того затрещали кости.

— Ужасно выглядишь, даже для мертвеца, который помер лет десять назад. Синие волосы, значит? Когда Гарри сказал, что ты возвращаешься, я чуть не обделался. Халдон, сучка ты мороженная, рад и тебя видеть. Всё

так и ходишь с колом в заднице? — Он повернулся к юному Грифу. — А это должно быть...

— Мой оруженосец. Юноша, это Франклин Флауэрс.

Принц удостоил его кивком:

— Флауэрс — это имя бастарда.

Вы родом с Простора.

— Ага. Моя мать была прачкой в Сидровом Замке, пока один из сыновей милорда не изнасиловал ее. Я вроде как яблоко с гнильцой, упавшее с яблони Фоссовеев, так я считаю, — Флауэрс указал им на ворота. — Пойдемте со мной. Стрикленд созвал всех командиров к себе в шатер. Военный совет. Чертовы волантийцы размахивают

своими копьями и требуют озвучить наши намерения.

Золотые Мечи, расположившись у своих палаток, коротали время за игрой в кости, выпивая и отгоняя мух. Гриф задумался, многие ли из них знают, кто он такой. *Вероятно, немногие. Двенадцать лет — долгий срок.* Даже те, кто сражался с ним плечом к плечу, могут не узнать в синеволосом Грифе с аккуратно выбритым и покрытым морщинами лицом рыжебородого изгнанника лорда Коннингтона. Как было известно большинству из них, Коннингтон спился до смерти в Лиссе после позорного изгнания из рядов Золотых Мечей за кражу

военной казны. Эта чудовищная ложь до сих пор вызывала у него спазмы в горле, но Варис настоял на ее необходимости. "Нам не нужны песни об отвергнутом, но доблестном рыцаре", — со смешком сказал тогда евнух. А потом добавил жеманным голосом: "Тех, кто погибает героем, помнят долго, в отличие от воров, пьяниц и трусов".

Что евнух может знать о мужской чести?

Гриф согласился на план Паука ради мальчика, но в душе так и не смог принять его. *Дайте мне только дожить до того, как мальчик займёт Железный Трон, и Варис заплатит за это неуважительное отношение и за*

всё остальное тоже. Там и посмотрим, кого скорее забудут.

Палатку генерал-капитана из золотой парчи окружали пики, увенчанные позолоченными черепами. Один череп отличался от остальных большим размером и неестественной формой. Рядом был насажен второй, размером с кулак ребенка. *Мейелис-Чудище и его безымянный брат.* Все черепа выглядели похожими, но некоторые раскололись от ударов, оказавшимися смертельными для их владельцев, а один череп скалился острозаточенными зубами.

— Который из них Майлза? — поинтересовался Гриф.

— Вон там, в конце, — указал Флауэрс. — Подождите. Я пойду доложу о вас, — он проскользнул в палатку, оставив Грифа разглядывать позолоченный череп старого друга. При жизни сир Майлз Тойн был страшен как смертный грех. Его знаменитый предок, порочный и лихой Терренс Тойн, о котором певцы слагали песни, был так прекрасен лицом, что даже любовница короля не смогла устоять перед ним. Майлзу, однако, достались оттопыренные уши, кривая челюсть и самый большой нос из всех, что доводилось видеть Джону Коннингтону. Но стоило ему улыбнуться вам, и все это

становилось несущественным.

Подчиненные прозвали его Черным Сердцем из-за знака на щите. Майлзу нравилось и имя, и скрытый в нём намёк. "Генерал-капитан должен внушать страх как друзьям, так и врагам, — признался он однажды. — Если меня будут считать безжалостным, то это к лучшему". Но на самом деле все обстояло иначе. Солдат до мозга костей, Тойн был свиреп, но справедлив. К своим воинам он всегда относился по-отечески, а к изгнанному лорду Джону Коннингтону — с неизменным великодушием.

Смерть лишила его ушей, носа и

всего обаяния. Улыбка осталась, превратившись в сверкающий золотой оскал. Все черепа ухмылялись, даже череп Злого Клинка на высоком копье в центре. *А этот-то чему ухмыляется? Он умер поверженным и одиноким — сломленный человек на чужой земле.* На смертном одре сир Эйегор Риверс, как известно, отдал приказ выварить свой череп до кости, покрыть его золотом и нести впереди войска, которое отправится за море отвоевывать Вестерос. С тех пор все преемники следовали этому примеру.

Джон Коннингтон мог бы стать одним из таких преемников, сложишь его жизнь в изгнании иначе. Он

провел пять лет с Мечами, пройдя путь от рядового солдата до почетного звания правой руки Тойна. Если бы он остался, вполне возможно, что именно его, а не Гарри Стрикленда, избрали бы после смерти Майлза. Но Гриф не сожалел о выбранном пути. *Я вернусь в Вестерос не черепом на пике.*

Флауэрс вышел из палатки:

— Заходите.

Высокие чины Золотых Мечей поднялись с табуретов и стульев при их появлении. Старые друзья приветствовали Грифа улыбками и объятиями, незнакомцы — более сдержанно. *Не все так уж рады видеть нас, хоть и пытаются*

заверить меня в обратном. Он ясно увидел, что за улыбающимися лицами таится угроза. До недавнего времени многие из них были уверены, что лорд Коннингтон благополучно покоится в могиле, и несомненно считали, что могила — подходящее место для человека, который обокрал своих собратьев по оружию. Гриф, возможно, чувствовал бы то же самое на их месте.

Сир Франклин представил всех друг другу. Некоторые из наемных капитанов носили, как и Флауэрс, фамилии незаконнорожденных: Риверсы, Хиллы, Стоуны. Другие называли имена, некогда гремевшие в истории Семи Королевств. Гриф

насчитал двух Стронгов, трёх Пиков, Мадда, Мандрейка, Лотстона и пару Коулов. Ему было известно, что не все имена настоящие. В вольных отрядах человек мог назваться как угодно. Но как бы они ни представлялись, все наемники отличались суровым великолепием. В таком ремесле приходилось держать всё богатство при себе. Их мечи и доспехи были украшены драгоценными камнями, одежды сшиты из тонкого шелка, а на руках красовались золотые браслеты, стоимостью в целое состояние. Каждый браслет означал год службы в Золотых Мечах. Марк Мандрейк, с выжженной под рабским клеймом

щекой и изъеденным оспой лицом, носил еще и цепь из золотых черепов.

Не все капитаны были родом из Вестероса. Светловолосый Черный Балак с Летних Островов с темной как уголь кожей, в великолепном плаще из зеленых и оранжевых перьев, командовал стрелками, как и во времена Черного Сердца. Бледный как смерть волантиец Горис Эдориэн заменил Стрикленда на посту казначея. Через плечо у него была перекинута шкура леопарда. Яркие красные, в отличие от черной бородки, волосы спадали на его плечи кровавыми локонами. Мастера над шпионами, лиссенийца по имени

Лайсоно Маар, с лиловыми глазами, бело-золотыми волосами и губами, которым позавидовали бы шлюхи, Гриф не знал. Вначале он даже принял его за женщину. Ногти у того были окрашены в фиолетовый цвет, а в ушах сверкали жемчужины и аметисты.

Лжецы и жалкие людишки, думал Гриф, рассматривая их лица. Призраки давно забытых войн, проигранных сражений, подавленных восстаний, союз неудачников и отверженных, опозоренных и лишенных наследства. И это — моя армия. И это — наша главная надежда.

Он повернулся к Гарри

Стрикленду.

Бездомный Гарри мало походил на воина: полный, с крупной круглой головой, мягкими серыми глазами и редящими волосами, которые он зачесывал набок, чтобы скрыть лысину. Стрикленд сидел на походном стуле, опустив ноги в кадку с соленой водой.

— Вы уж простите, что я не буду вставать, — произнес он вместо приветствия. — Переход был очень утомительный, а я так быстро натираю мозоли. Это просто проклятье какое-то.

Это — признак слабости. Ты рассуждаешь, как старуха.

Стрикленды состояли в Золотых

Мечах со времен их основания знаменитым прадедом Гарри. Тот потерял все свои земли, когда поддержал Черного Дракона во время Первого Восстания Черного Пламени. "Четыре поколения в золоте", — любил хвастать Гарри, как будто изгнание и лишения четырех поколений были тем, чем стоило гордиться.

— Я могу приготовить вам мазь, — предложил Халдон, — и есть особые минеральные соли, которые делают кожу менее чувствительной.

— О, как любезно с вашей стороны!

Стрикленд подозревал своего

оруженосца:

— Уоткин, подай вина нашим друзьям.

— Не надо, спасибо, — отказался Гриф. — Мы попьем воды.

— Что ж, как хотите. — Генерал-капитан улыбнулся принцу. — А это, должно быть, твой сын.

Что ему известно? гадал Гриф. *Много ли рассказал ему Майлз?* Варис был очень категоричен в намерении сохранить их тайну. Те планы, которые он и Иллирио строили с Черным Сердцем, держались в строгом секрете. Весь остальной отряд оставался в неведении. Раз не знают, то и не

проболтаются.

Но теперь эти времена позади.

— Лучшего сына я не мог бы и пожелать, — сказал Гриф. — Но этот юноша мне не родня, его имя не Гриф. Милорды, перед вами Эйегон Таргариен, старший сын Рейегара, принца Драконьего Камня и принцессы Элии Дорнийской... который вскоре с вашей помощью станет Эйегоном Шестым этого имени, Королем Андалов, Ройнаров и Первых Людей, Повелителем Семи Королевств.

Объявление было встречено молчанием. Кто-то прочистил горло. Один из Койлов наполнил кубок вином из графина. Горис Эдориэн

закручивал свои тугие локоны и бормотал что-то на незнакомом Грифу языке. Лосвелл Пик откашлялся, Мандрейк и Лотстон обменялись взглядами. *Они знают, понял Гриф. Они все это время знали.* Он повернулся к Гарри Стрикленду:

— Когда ты им рассказал?

Генерал-капитан пошевелил натертыми пальцами в кадке:

— Когда мы добрались до реки. Люди были обеспокоены, и не без причины. Мы отказались от легкого похода в Спорные Земли, и ради чего? Чтобы жариться на этом адском пекле, наблюдать, как наши клинки ржавеют, а деньги утекают

прочь, пока я отклоняю выгодные контракты?

От таких новостей у Грифа мурашки побежали по коже:

— Кто предлагал?

— Юнкайцы. Посланец, которого они направили договариваться с Волантисом, уже отослал три вольных отряда в Залив Работоторговцев. Он хочет, чтобы мы стали четвертым, и предлагает нам вдвое больше, чем мы получаем от Мира, плюс по рабу каждому рядовому члену отряда, по десять каждому офицеру и сотню отборных девиц лично для меня.

Проклятье.

— Им потребуются тысячи

рабов. Где юнкайцы собираются их
взять?

— В Миэрине, — Стрикленд
подозвал оруженосца. — Уоткин,
полотенце. Вода становится
холодной, и у меня пальцы
сморщились, как изюм. Нет, не это
полотенце, другое, мягкое.

— Ты отказал ему, — сказал
Гриф.

— Я ответил, что подумаю над
их предложением, — Гарри
поморщился, когда оруженосец начал
вытирать ему ноги полотенцем. —
Полегче с пальцами. Представь, что
это виноградины с тонкой кожицей,
парень. Поглаживай, а не скреби. Да,
вот так.

Он снова повернулся к Грифу:

— Отвечать резким отказом было бы неразумно. Люди начали бы задаваться справедливым вопросом, не выжил ли я из ума.

— Для твоих клинков скоро найдется работа.

— Найдется ли? — вмешался Лайсоно Маар. — Полагаю, вы знаете, что девчонка Таргариен всё еще не отплыла на запад?

— В Селхорисе до нас доходили слухи об этом.

— Это не слухи, а чистая правда. А вот причины нам неизвестны. Разграбить Миэрин? Да, почему бы и нет? Я бы сделал то же самое на ее месте. Города работоторговцев смердят

золотом, а для завоеваний нужны деньги. Но зачем там задерживаться? Что это? Страх? Безумие? Медлительность?

— Причины не важны, — Гарри Стрикленд развернул пару полосатых шерстяных чулков. — Она в Миэрине, а мы здесь, и недовольство волантийцев в связи с нашим присутствием растёт с каждым днем. Мы рассчитывали вернуть из небытия короля и королеву, которые поведут нас домой в Вестерос. Но эта девчонка Таргариен, похоже, больше поглощена выращиванием оливковых деревьев, чем возвращением трона своего отца. А между тем ее враги объединяются.

Юнкай, Новый Гис, Толос. Кровавая Борода и Оборванный Принц — они оба будут сражаться против нее... и совсем скоро флот Старого Волантиса тоже нагрянет к ней. А что есть у неё? Постельные рабы, вооруженные палками?

— Безупречные, — сказал Гриф. — И драконы.

— Драконы, да, — согласился генерал-капитан. — Но молодые, чуть больше цыпят.

Стрикленд аккуратно подтянул носок до щиколотки, стараясь не задеть волдыри.

— Какой от них будет прок, когда все эти войска сомкнутся вокруг города, зажав его в кулаке?

Тристан Риверс застучал пальцами по колену:

— Ну что же, тем больше причин добраться до неё как можно скорее. Если Дейенерис не идет к нам, то мы сами должны пойти к Дейенерис.

— Разве мы умеем бегать по волнам, сир? — спросил Лайсоно Маар. — Я повторю еще раз: мы не сможем добраться к серебряной королеве морем. Под видом торговца я сумел незаметно пробраться в Волантис, чтобы узнать на какое количество кораблей мы можем рассчитывать. Гавань кишит галерами, рыбацкими лодками и каракками любых видов и размеров,

но даже при таком многообразии мне пришлось общаться в основном с контрабандистами и пиратами. В отряде десять тысяч человек, о чем лорд Коннингтон, разумеется, не мог забыть после стольких лет службы у нас. Пятьсот рыцарей, у каждого по лошади. Пятьсот оруженосцев, все верхом. И слоны, нельзя забывать про слонов. Одним пиратским кораблем тут не обойдешься, нужен целый пиратский флот... Но даже если бы мы его нашли — из залива Работорговцев доходят вести, что все подступы к Миэрину перекрыты.

— Мы могли бы сделать вид, что согласны на юнкайское предложение, — вмешался Горис

Эдориэн. — Позволить Юнкаю перевезти нас на восток, а затем вернуть им их золото под стенами Миэрина.

— Всего лишь одно разорванное соглашение ляжет несмываемым пятном на репутацию отряда, — Бездомный Гарри сделал паузу, придерживая рукой натертую ногу. — Хочу напомнить вам, что печать под этим тайным договором поставил не я, а Майлз Тойн. Я бы выполнил его соглашение, если бы мог, но как это сделать? Мне яснее ясного, что наша юная Таргариен не собирается идти на запад. Вестерос был королевством ее отца. А ее королевством стал Миэрин. Если она сломит юнкайцев,

то станет королевой Залива Работоторговцев. Если же нет — она умрет задолго до нашего появления.

Эти слова не удивили Грифа. Гарри Стрикленд всегда был добродушным человеком, лучше выбивавшим контракты из заказчиков, чем дух из врагов. Он отлично чуял золото, а вот боевым запалом, похоже, не отличался.

— Есть еще путь по суше, — напомнил Франклин Флауэрс.

— Дорога Демонов сулит верную смерть. Половина войска дезертирует, если мы двинемся туда, а половину из тех, что останутся, придется хоронить по обочинам. Мне жаль говорить это, но магистр

Иллирио и его друзья напрасно возлагали свои надежды на эту юную королеву.

Нет, подумал Грифф, это на тебя им не стоило полагаться. И тут заговорил принц Эйегон:

— Так возложите свои надежды на меня. Дейенерис — сестра принца Рейегара, я же — его сын. Если вам нужен дракон, он перед вами.

Грифф положил руку в черной перчатке на плечо принца Эйегона.

— Смелые слова, — сказал он. — Но подумай, что ты говоришь.

— Я подумал, — упрямо ответил юноша. — Почему я должен бежать к своей тетке будто попрошайка? Моё

право на трон стоит выше, чем ее. Пусть она придет ко мне... в Вестерос.

Франклин Флауэрс рассмеялся:

— Мне это нравится. Плывём на запад, а не на восток. Оставим маленькую королеву выращивать оливки и посадим принца Эйегона на Железный Трон. А парень-то с яйцами, как я посмотрю.

Генерал-капитан выглядел так, словно получил пощёчину:

— У тебя от жары мозги свернулись, Флауэрс? Нам нужна девчонка. Нам нужен брак. Если Дейенерис примет нашего принца и сделает его своим консортом, Семь Королевств поступят точно так же.

Без нее лорды только посмеются над его притязаниями и заклеят парня как мошенника и самозванца. И как ты предлагаешь добраться до Вестероса? Ты слышал, что сказал Лайсоно — нам не достать кораблей.

Этот человек боится сражений, понял Гриф. Как они могли выбрать его взамен Черного Сердца?

— Нет кораблей в Залив Работоторговцев. Вестерос — другое дело. Восток закрыт для нас, а не море. Не сомневаюсь, что триархи будут рады нашему уходу. Они даже могут помочь нам организовать переход к Семи Королевствам. Нет такого города, которому бы

понравилась армия у порога.

— Он недалек от истины, — сказал Лайсоно Маар.

— Наверняка лев уже учуял запах дракона, — добавил один из Коулов. — Но внимание Серсеи будет приковано к Миэрину и другой королеве. Она ничего не знает о нашем принце. Когда мы доплывем и поднимем знамена, многие примкнут к нам.

— Некоторые, — поправил Бездомный Гарри, — а не *многие*. У сестры Рейегара есть драконы, а у сына Рейегара их нет. У нас недостаточно сил, чтобы захватить королевство без Дейенерис и ее армии. Без её Безупречных.

— Первый Эйегон покори
Вестерос без евнухов, — сказал
Лайсоно Маар. — Почему бы
шестому Эйегону не сделать то же
самое?

— Но план...

— Какой еще план? —
поинтересовался Тристан Риверс —
План жирдяя? Тот, что меняется раз в
месяц? Сначала Визерис Таргариен
должен был присоединиться к нам с
пятьюдесятью тысячами
дотракийских крикунов. Потом
Король-Попрошка умер, и речь уже
зашла о его сестре — юной,
сговорчивой королеве,
направлявшейся в Пентос с тремя
новорожденными драконами. Когда

эта девчонка почему-то оказывается в Заливе Работоторговцев, оставляя за собой горящие города, толстяк решает, что мы должны встретиться с ней в Волантисе. А теперь и этот план рухнул.

Хватит с меня планов Иллирио. Роберт Баратеон завоевал Железный Трон без помощи драконов. Мы тоже сможем. А если я ошибаюсь, и мы не найдем поддержки в Семи Королевствах, то просто отступим обратно за море, как прежде сделал Злой Клинок, да и другие после него.

Стрикленд упрямо покачал головой:

— Риск...

— ... стал куда меньше после

смерти Тайвина Ланнистера. Семь Королевств сейчас уязвимы, как никогда, самое время для завоевания. На Железном Троне восседает очередной мальчишка, еще младше предыдущего, а мятежников в стране не меньше, чем опавших листьев в осеннем лесу.

— Даже если так, — не уступал Стрикленд, — одно наше войско не может...

Гриффу надоело выслушивать трусливые речи генерал-капитана:

— Мы будем не одни. Дорн поддержит нас, *должен* поддержать. Принц Эйегон — сын не только принца Рейегара, но и Элии Дорнийской.

— Вот именно, — заявил юноша. — И кто нам противостоит в Вестеросе? Женщина.

— Не просто женщина, а *Ланнистер*, — поправил его генерал-капитан. — А с этой сучкой будет и Цареубийца, будьте уверены, а за ними двумя — все богатство Утеса Кастерли. И по словам Иллирио, мальчишка на троне обручен с дочкой Тирелла, а значит, против нас будет и вся сила Хайгардена.

Лосвел Пик постучал костяшками пальцев по столу:

— Даже спустя сотню лет, у некоторых из нас ещё остались друзья в Просторе. Сила Хайгардена может оказаться меньше, чем

рассчитывает Мейс Тирелл.

— Принц Эйегон, — сказал Тристан Риверс, — мы с вами. Если таково ваше желание, мы готовы отправиться на запад, а не на восток.

— Да, таково мое желание, — ответил Эйегон с жаром. — Если моей тете нужен Миэрин, она может оставаться там. Я сам займу Железный Трон, с помощью ваших верных мечей. Быстрый бросок, решительный удар — и мы одержим первые победы еще до того, как Ланнистеры узнают о нашей высадке. А победы склонят и остальных на нашу сторону.

Риверс одобрительно ухмыльнулся. Другие обменялись

задумчивыми взглядами. Пик заявил:

— Я бы предпочел умереть в Вестеросе, а не на Дороге Демонов.

— А я бы предпочел остаться в живых, получить земли и замок побольше, — со смехом ответил Марк Мандрейк.

— Если при этом можно еще прикончить парочку Фоссовеев, я — за, — хлопнул по рукоятке меча Франклин Флауэрс.

Когда капитаны заговорили все сразу, Гриф понял, что ветер переменился. *Таким Эйегона я еще не видел.* Это был не самый благоразумный путь, но он устал от благоразумия, ожидания и тайн. Победителем или побежденным, но

он вернется в Грифоний Насест перед смертью, и похоронят его рядом с могилой отца.

Один за другим командиры Золотых Мечей подходили, преклоняли колена и клали свои мечи к ногам его юного принца. Последним, переступая натертыми ногами, подошел Бездомный Гарри Стрикленд.

Когда они покинули палатку генерал-капитана, солнце уже склонилось с заката, отбрасывая алеющие тени на золотые черепа, торчавшие на копьях. Франклин Флауэрс предложил провести принца по лагерю и познакомить его с *ребятами*, как он выразился. Гриф не

стал возражать.

— Только помните, что пока мы не пересекли Узкое Море, для всех он должен оставаться Юным Грифом. Только в Вестеросе мы отмоем его волосы от краски и переоденем в подходящие доспехи.

— Да понял я, понял, — Флауэрс хлопнул Юного Грифа по спине. — Пойдем сперва познакомимся с поварами. Очень полезное знакомство.

Когда они ушли, Гриф повернулся к Полумейстеру:

— Скачи обратно к "Робкой Деве" и возвращайся с леди Леморой и сиром Ролли. Нам также понадобятся сундуки Иллирио. Все

деньги и доспехи. Передай Яндри и Исилле нашу благодарность. Их часть работы выполнена. О них не забудут, когда Его Величество получит свое королевство.

— Как прикажете, милорд.

Гриф оставил его и нырнул в палатку, отведенную ему Бездомным Гарри.

Ожидавшая впереди дорога полна опасностей, он знал это. Но что с того? Люди смертны. Все, что ему нужно — лишь немного времени. Ведь он ждал так долго. Неужели боги не подарят ему еще несколько лет, чтобы увидеть на Железном Троне юношу, которого он называл сыном. Чтобы вернуть свои земли,

свое имя и свою честь. Чтобы утихли колокола, которые так громко звенят в его снах каждый раз, как он закрывает глаза.

Оставшись в палатке в одиночестве, когда сквозь щель в проеме проникли золотисто-алые лучи заходящего солнца, Джон Коннингтон сбросил плащ из волчьей шкуры, снял кольчугу через голову, сел на складной табурет и стянул с правой руки перчатку. Ноготь на среднем пальце стал черным, как агат, а кожа посерела уже почти до первой костяшки. Кончик безымянного пальца тоже начал темнеть, и когда он коснулся его острием кинжала, то ничего не

почувствовал.

Смерть, ему было известно, но смерть медленная. У меня еще есть время в запасе. Год. Два. Пять. Некоторые каменные люди умудрялись прожить и все десять. У меня хватит времени, чтобы пересечь море, чтобы снова увидеть Грифоний Насест. Чтобы навсегда покончить с династией Узурпатора и посадить сына Рейегара на Железный Трон.

И тогда лорд Джон Коннигтон сможет умереть спокойно.

26. ГОНИМЫЙ ВЕТРОМ

Весть пронеслась по лагерю горячим ветром. *Она близко. Её войско в походе. Она мчится на юг к Юнкаю, чтобы предать город огню, а его жителей мечу, и мы идем навстречу ей, на север.*

Лягушка узнал это от Соломенного Дика, которому рассказал Старый Билл Кость, а тому, в свою очередь — пентошиец по имени Мирио Миракис, чей кузен прислуживал виночерпием у Оборванного Принца. “Кузен слышал это в штабной палатке, от самого

Кэгго, — настаивал Соломенный Дик. — Вот увидите, мы выступим до конца дня".

Это оказалось правдой. Через капитанов и сержантов пришел приказ Оборванного Принца: валить палатки, грузить мулов, седлать лошадей; мы выступаем к Юнкаю на рассвете. "Эти юнкайские ублюдки не слишком обрадуются, когда мы в Желтом Городе приударим за их дочерьми, — предсказывал Бэкк, косоглазый мирийский арбалетчик, чье имя означало "бобы". — В Юнкае мы запасемся провизией, может, сменим лошадей, прежде чем станцуем в Миэринe с драконьей королевой. Так что прыгай

быстренько, Лягушка, и получше наточи хозяйский клинок. Возможно, он ему скоро понадобится".

В Дорне Квентин Мартелл был принцем, в Волантисе — слугой купца, но на берегах Залива Работоторговцев — всего лишь Лягушкой, оруженосцем здорового лысого дорнийского рыцаря, которого наемники звали Зеленой Кишкой. Гонимые Ветром давали и меняли имена по прихоти. Его прозвали Лягушкой, потому что он очень быстро подпрыгивал, когда здоровяк выкрикивал команду.

Даже командующий Гонимых Ветром держал свое настоящее имя при себе. Некоторые вольные отряды

зародились в век крови и хаоса, последовавшего за Роком Валирии. Другие образовались вчера и исчезнут завтра. Гонимые Ветром появились тридцать лет назад, и всё это время у них был один командующий — пентошийский вельможа с мягким голосом и грустными глазами по прозвищу Оборванный Принц. Его волосы и доспехи были серебристо-серыми, а рваный плащ состоял из разноцветных кусков ткани — синих, фиолетовых, красных, золотых и зеленых, сиреневых, малиновых и лазурных. Все выцвели на солнце. В двадцать три года магистры Пентоса (если верить Соломенному Дику)

выбрали его новым принцем — через пару часов после казни предыдущего. Вместо этого он пристегнул меч, оседлал любимую лошадь и сбежал в Спорные Земли, чтобы никогда не возвращаться. Он ездил с Младшими Сыновьями, Железными Щитами и Мужами Девы. Потом с пятью братьями по оружию создал Гонимых Ветром. Из шести основателей выжил только он.

Лягушка понятия не имел, что в этих рассказах являлось правдой. После Волантиса, где Гонимые Ветром его наняли, он видел Оборванного Принца лишь издали. Дорнийцы были новичками, сырыми рекрутами, мишенями для стрелков

— трое среди двух тысяч. У их командующего имелась компания получше.

— Я не оруженосец, — запротестовал Квентин, когда Геррис Дринкуотер, известный как Герольд Дорнийский (еще тут были Краснозадый и Черный Герольды), а иногда как Дринк (если здоровяк забывался и звал его так), предложил эту хитрость. — Я заслужил свои шпоры в Дорне. Я такой же рыцарь, как и вы.

Но Геррис был прав. Он и Арч пришли сюда, чтобы защищать Квентина, а это значило — держать его поближе к здоровяку.

— Арч — лучший боец из нас

троих, — напомнил Дринкуотер. — Но только у тебя есть шанс жениться на драконьей королеве.

Жениться на ней или сражаться с ней. Так или иначе, я с ней скоро встречу. Чем больше Квентин слышал о Дейенерис Таргариен, тем больше боялся этой встречи. В Юнкае утверждали, что она скармливала своим драконам людей и купалась в крови девственниц, чтобы сохранять кожу гладкой и нежной. Бобы смеялся над этим, но смаковал рассказы о распущенности серебряной королевы.

— Один её капитан происходит из рода, в котором у мужчин члены

длиной в фут, — говорил он, — но даже такого ей мало. Она скакала с дотракийцами и привыкла трахаться с жеребцами, так что теперь мужчине её не удовлетворить.

А Книги — умный волантийский фехтовальщик, который постоянно что-то читал, уткнувшись носом в потертый свиток, — считал драконью королеву и кровожадной, и безумной.

— Её кхал убил ее брата, чтобы сделать девчонку королевой. Потом она убила своего кхала, чтобы стать кхалиси. Она занимается кровавыми жертвоприношениями, врет как дышит, своих же людей гнобит из прихоти. Она нарушила перемирие,

пытала посланников... ее отец был таким же безумцем. Все дело в крови.

Все дело в крови. Король Эйерис II был безумен, все в Вестеросе знали об этом. Он изгнал двух десниц и сжег третьего. *Если Дейенерис безумна как отец, я всё равно должен на ней жениться?* Принц Доран никогда не говорил о подобной возможности.

Лягушка был бы рад оставить Астапор позади. Из известных ему мест Красный Город больше всего походил на ад. Юнкайцы заперли сломанные ворота, чтобы удержать мертвых и умирающих в городе. Но увиденное на улицах из красного

кирпича всегда будет преследовать Квентина Мартелла. Река, захлебнувшаяся трупами. Жрица в разодранных одеждах, посаженная на кол и облепленная роем блестящих зеленых мух. Умиравшие люди, в крови и грязи болтающиеся по улицам. Дети, дерущиеся за полузажаренных щенков. Последний свободный король Астапора, кричащий в яме, голый, брошенный на растерзание голодным псам. И пожары, всюду пожары. Он закрывал глаза и все равно видел их: огонь рвется из каменных пирамид, а сами пирамиды крупнее любого известного ему замка; столбы дыма поднимаются вверх огромными

черными змеями.

Когда ветер дул с юга, воздух пах дымом даже здесь, в трех милях от города. За разрушенными стенами из красного кирпича Астапор все еще полыхал, хотя большинство крупных пожаров погасли. Пепел неспешно витал в воздухе, словно крупные серые снежинки. Хорошо бы свалить отсюда.

Здоровяк был того же мнения.

— Время пришло, — сказал он, когда Лягушка застал его за игрой в кости с Бобами, Книгами и Старым Биллом Костью. Он снова проигрывал. Наемники любили Зеленую Кишку: он делал ставки так же бесстрашно, как и сражался, но с

гораздо меньшим успехом. — Мне понадобятся доспехи, Лягушка. Ты соскреб кровь с моего панциря?

— Да, сир.

Панцирь у Зеленой Кишки был старый и тяжелый, весь перелатанный и сильно износившийся. Тем же могли похвастаться шлем, воротник, наколенники и рукавицы, да и остальные части его разномастного доспеха. Снаряжение Лягушки было немногим лучше, а у сира Герриса — заметно хуже. "Сталь отряда", так назвал *это* оружейник. Квентин не спрашивал, сколько бойцов носили *это* прежде и сколько в *этом* умерло. Свою прекрасную броню они

оставили в Волантисе, вместе с золотом и настоящими именами. Богатые рыцари древних и знатных домов не пересекают Узкое море, чтобы поступить в наемники. Если только их не изгнали с позором.

— Уж лучше я прикинусь бедняком, чем злодеем, — заявил Квентин, когда Геррис объяснил им уловку.

Гонимым Ветром потребовалось меньше часа, чтобы свернуть лагерь.

— А теперь мы выступаем, — объявил Оборванный Принц на классическом высоком валирийском — самом распространенном языке в отряде.

Он сидел верхом на огромном

сером коне. Пятнистый круп жеребца покрывали полосы ткани из одежды людей, убитых его хозяином. Плащ принца был сшит из того же материала. Старику за шестьдесят, но он все еще сидел прямо и величественно в высоком седле; и его голос звучал достаточно сильно, чтобы донестись до каждого уголка поля.

— Астапор был всего лишь закуской, — сказал он, — Миэрин будет пиршеством, — и наемники взорвались дикими воплями. Вымпелы бледно-синего шелка развевались на их копьях, поверх них плыли двуххвостые бело-голубые знамена — штандарты Гонимых

Ветром.

Три дорнийца радовались вместе со всеми. Молчание привлекло бы внимание. Но как только Гонимые Ветром двинулись на север по прибрежной дороге, сразу за Кровавой Бородой и Братством Кота, Лягушка оказался рядом с Герольдом Дорнийским.

— Скорее, — сказал он на общем языке Вестероса. В отряде были и другие вестеросцы, но немного, и не поблизости. — Нам нужно сделать это скорее.

— Не здесь, — предупредил Геррис, улыбнувшись напоказ, — поговорим сегодня вечером, когда разобьем лагерь.

От Астапора до Юнкая было сто лиг старой прибрежной Гискарской дороги, и еще пятьдесят — от Юнкая до Миэрина. Вольные отряды, хорошо передвигавшиеся верхом, могли бы достичь Юнкая за шесть дней напряженной езды, или за восемь — при более спокойном темпе. У пеших легионов Старого Гиса это займет в полтора раза больше времени. А юнкайцы со своими солдатами-рабами..."С такими генералами просто чудо, что они не залезли в море", — сказал Бобы.

Юнкайцы не испытывали недостатка в командирах. Старый герой по имени Юркхаз зо Юнзак

был верховным командующим. Хотя бойцы Гонимых Ветром видели его только издали, когда он залезал в паланкин и вылезал из него. Для переноски этого огромного паланкина требовалось сорок рабов.

Однако трудно было не увидеть мелкую сошку. Юнкайские лордики сновали повсюду, как тараканы. Кажется, половину из них звали Хаздан, Граздан, Маздхан или Гхазнак. Различать гискарские имена было целым искусством, и среди Гонимых Ветром немногие им владели. Поэтому они по привычке давали юнкайцам забавные прозвища.

Заметнее всех был Желтый Кит

— неприлично толстый человек, неизменно одетый в желтый шелковый токар с золотой бахромой. При его весе он даже не мог стоять без посторонней помощи и постоянно ходил под себя, из-за чего весь пропах мочой. Самые насыщенные духи не могли скрыть этот резкий и неприятный запах. Но он слыл богатейшим человеком в Юнкае и имел страсть к причудливому уродству. Среди его рабов были мальчик с козлиными ногами и копытами, бородатая женщина, двухголовый монстр из Мантариса и гермафродит, согревавший постель хозяина по ночам. "Тут тебе и петушок, и

киска", — рассказывал Соломенный Дик. "Раньше у Кита имелся и великан; хозяин любил наблюдать, как тот трахает его рабынь. Потом великан умер. Я слышал, Кит отдал бы мешок золота за нового".

Еще была Генерал-Девушка, скакавшая верхом на белом коне с рыжей гривой и командовавшая сотней рослых солдат-рабов, которых она сама воспитала и обучила. Все молодые, худощавые, мускулистые. И обнаженные, если не брать в расчет набедренные повязки, желтые плащи и длинные бронзовые щиты с эротическими инкрустациями. Их госпоже было никак не больше шестнадцати, и она воображала себя

юнкайской Дейенерис Таргариен.

Голубок был не вполне карликом, но мог бы сойти за него при плохом освещении. Однако держался он как великан: широко расставлял пухлые маленькие ножки и раздувал пухлые маленькие щечки. Его солдаты были выше всех, когда-либо виденных Гонимыми Ветром; самый низкий семи футов ростом, самый высокий — почти восьми. Все длиннолицые и длинноногие, а ходули, закрепленные в ножных доспехах, делали их еще длиннее. Покрытые розовой эмалью пластинки закрывали их туловища; на головах громоздились удлиненные шлемы, увенчанные острыми

стальными клювами и хохолками из покачивающихся розовых перьев. У каждого на бедре висел длинный кривой меч, и каждый сжимал копье с себя ростом с листообразными лезвиями на обоих концах.

— Голубок их разводит, — рассказывал Соломенный Дик, — покупает рослых рабов со всего мира, скрещивает мужчин с женщинами, и самых высоких из потомства оставляет для Цапелъ. Он надеется, что когда-нибудь удастся обойтись без ходуль.

— Несколько попыток на дыбе могли бы ускорить процесс, — предположил здоровяк.

Геррис Дринкуотер рассмеялся:

— Устрашающе. Ничто не пугает меня больше, чем люди на ходулях в розовой чешуе и перьях. Если за мной такой погонится, у меня от смеха мочевой пузырь не выдержит.

— Некоторые считают, что цапли царственны, — сказал Старый Билл Кость.

— Только если твой царь ест лягушек, стоя на одной ноге.

— Цапли — трусы, — добавил здоровяк. — Однажды мы с Дринком и Клетусом на охоте наткнулись на этих цапель, болтающихся на мелководье и лакомящихся головастиками и мелкой рыбой. Это все очень мило выглядело, да, но потом над ними пролетел ястреб, и

все они тут же взлетели, будто увидели дракона. Таковую бурю крыльями подняли, что меня с лошади сдуло, а Клетус натянул тетиву и сбил одну стрелой. На вкус как утка, только не такая жирная.

Но даже Голубок и его Цапли бледнели на фоне причудливой братии, которую наемники прозвали Лязгающими Лордами. В прошлый раз, когда солдаты-рабы Юнкая столкнулись с Безупречными драконьей королевы, они сломали строй и разбежались. Во избежание подобного Лязгающие Лорды придумали военную хитрость: приковали воинов друг к другу группами по десять человек,

запястье к запястью, щиколотку к щиколотке.

— Никто из бедняг не побежит, пока все не побегут, — объяснил Соломенный Дик со смехом. — А даже если все побегут, то не смогут бежать очень быстро.

— Они, черт возьми, и маршируют-то не очень быстро, — отметил Бобы. — Их лязганье слышно за десять лиг.

Их было немало, столь же безумных или даже хуже: Лорд Трясущиеся Щеки, Пьяный Завоеватель, Повелитель Зверей, Толстая Морда, Кролик, Возничий, Надушенный Герой. У некоторых имелось двадцать солдат, у

некоторых — двести или две тысячи; своих рабов они обучали и вооружали сами. Каждый был богат, каждый был заносчив, и каждый капитан и командир подчинялся только Юркхазу зо Юнзаку. Они с презрением смотрели на рядовых наемников и устраивали склоки из-за первенства, бесконечные и бессмысленные.

Пока Гонимые Ветром преодолевали три мили, юнкайцы отставали на две с половиной.

— Сборище вонючих желтых болванов, — жаловался Бобы, — и до них никак не дойдет, почему Вороны-Буревестники и Младшие Сыновья перешли к драконьей

королеве.

— Они считают, что ради золота, — ответил Книги, — как думаешь, почему они так хорошо нам платят?

— Золото сладко, но жизнь еще слаще, — сказал Бобы. — В Астапоре мы плясали с калеками. Ты хочешь встретиться с настоящими Безупречными, имея под боком этот сброд?

— Мы сражались с Безупречными в Астапоре, — возразил здоровяк.

— Я говорю, с *настоящими* Безупречными. Отрезать какому-нибудь мальчишке яйца мясницким ножом и выдать ему остроконечный

шлем — не значит сделать его Безупречным. У драконьей королевы настоящий товар, он не сломается и не убежит, если пернешь в его сторону.

— Они, и еще драконы, — Соломенный Дик взглянул на небо, словно думал, что одно упоминание о драконах навлечет их на отряд. — Точите мечи, парни, скоро нас ждет настоящее сражение.

Настоящее сражение, подумал Лягушка. Эти слова ему не по душе. Сражение под стенами Астапора для него уже оказалось настоящим, хотя он знал, что наемники так не считали.

— Это была резня, а не битва, —

заявил воин-бард Дензо Д'Хан, когда всё кончилось. Дензо был капитаном, ветераном сотни сражений. Опыт Лягушки ограничивался тренировочным двором и рыцарскими турнирами, и он полагал, что не ему оспаривать мнение столь закаленного воина.

Хотя сначала это походило на сражение. Он вспомнил, как сжались внутренности, когда его растолкали на рассвете и над ним замаячил здоровяк.

— Надевай доспехи, соня, — прогремел он. — Мясник идет сразиться с нами. Вставай, если не хочешь стать его мясом.

— Король-Мясник мертв, —

запротестовал Лягушка спросонья.

Они все слышали об этом, когда высадились с кораблей по прибытии из Старого Волантиса. Клеон Второй подхватил корону и умер следом. Теперь Астапором правили шлюха и безумный цирюльник, чьи сторонники дрались друг с другом за контроль над городом.

— Может, они соврали, — ответил здоровяк, — или это какой-нибудь другой мясник. А может, первый с криками вернулся из могилы, чтобы убить немного юнкайцев. Какая, к черту, разница, Лягушка. Надевай доспехи.

В палатке спало десятеро, и все они уже были на ногах, влезая в

штаны и ботинки, натягивая длинные кольчуги на плечи, застегивая нагрудники, затягивая ремешки на поножах или наручах, хватая шлемы, щиты и портупей. Геррис, как всегда быстрый, первым полностью облачился, Арч — сразу за ним. Вместе они помогли Квентину справиться со снаряжением.

В трех сотнях ярдов новые Безупречные Астапора выливались из ворот и строились в шеренги под разрушенными стенами своего красного города. Рассветное солнце вспыхивало на их заостренных бронзовых шлемах и наконечниках длинных копий.

Трое дорнийцев вместе

выбежали из палатки и поспешили к коновязи с остальными бойцами. *Сражение.* Квентин учился владеть копьем, мечом и щитом с тех пор, как начал ходить, но сейчас это ничего не значило. *Воин, дай мне храбрости,* молился Лягушка, а вдалеке били барабаны: "БУМ бум БУМ бум БУМ бум". Здоровяк указал ему на Короля-Мясника. Тот сидел верхом на покрытой броней лошади, высокий и прямой; его доспехи из медных пластинок ярко сверкали на утреннем солнце. Он помнил, как Геррис сказал украдкой перед самым началом: "Держись поближе к Арчу, что бы ни случилось. Помни, ты единственный из нас, кто может

получить девчонку". К этому моменту астапорцы уже наступали.

Живой или мёртвый, Король-Мясник застал Мудрых Господ врасплох. Юнкайцы в развевающихся токарах всё ещё бегали туда-сюда, пытаясь привести своих еле обученных солдат-рабов в подобие порядка, а копейщики Безупречных уже обрушились на их линию защиты. Если бы не союзники и не презренные наёмники, их бы наголову разбили. Но Гонимые Ветром и Братство Кота за несколько минут примчались на лошадях и обрушились на фланги астапорцев, да и гискарский легион протолкался через юнкайский лагерь и встретил

Безупречных копьем в копье, щитом к щиту.

Дальше пошла бойня, но на сей раз Король-Мясник оказался не с той стороны ножа. В итоге именно Кагго зарубил его: пробился сквозь королевских защитников на чудовищном боевом коне и раскроил Великого Клеона от плеча до бедра одним ударом кривого валирийского аракха. Лягушка этого не видел, но очевидцы утверждали, что медная клеонова броня лопнула, как шёлк, и изнутри с ужасной вонью посыпались сотни извивающихся могильных червей. Клеон был уже мёртв. Отчаявшиеся астапорцы вытащили его из могилы, обрядили в

доспехи и привязали к лошади в надежде, что это придаст храбрости их Безупречным.

Падение мертвого Клеона подвело черту. Новые Безупречные бросили копья и щиты и побежали — лишь затем, чтобы обнаружить закрывшиеся за ними ворота Астапора. Лягушка поучаствовал в последовавшей резне, охотясь на испуганных евнухов вместе с остальными Гонимыми Ветром. Он скакал рядом со здоровяком, рубя направо и налево, пока их клин проходил сквозь Безупречных, как острие копья. Когда они прорвались на другую сторону, Оборванный Принц повернул их кругом и опять

повел насквозь. Лишь возвращаясь, Лягушка смог рассмотреть лица под заостренными бронзовыми шлемами и осознал, что большинство были не старше его самого. *Зеленые мальчишки зовут свою мамочку,* подумал он, но убивал их по-прежнему. Когда он покинул поле, с его меча ручьями стекала кровь, а рука затекла и с трудом поднималась.

И это было ненастоящее сражение, подумал он. *Настоящее сражение ещё впереди, и мы должны убраться до его начала. Иначе будем сражаться не на той стороне.*

Той ночью Гонимые Ветром разбили лагерь у берега Залива Работоторговцев. Лягушке достался

первый караул, и его отправили охранять коновязи. Геррис встретился с ним там сразу после заката, когда полумесяц осветил воду.

— Здоровяк тоже должен быть здесь, — сказал Квентин.

— Он отправился к Старому Биллу Костяшке, чтобы проиграть остатки своего серебра, — ответил Геррис. — Оставь его в покое. Он сделает как мы скажем, хоть это ему и не понравится.

— Нет, не понравится.

Квентину и самому многое не нравилось. Плыть на переполненном корабле, швыряемом ветром и волнами; есть черствый хлеб, зараженный жуками, и пить черный

смолянистый ром, чтобы подсластить забытье; спать на куче заплесневелой соломы, ощущая запах чужаков... все, чего он ожидал, когда подписывал клочок пергамента в Волантисе, обещая Оборванному Принцу свой меч и годовую службу. Эти трудности надо было перенести, это составная часть всех приключений.

Но предстоявшее было очевидным предательством. Юнкайцы привезли их из Старого Волантиса, чтобы сражаться за Желтый Город, а теперь дорнийцы собирались переметнуться на другую сторону. И еще это означало бросить новых братьев по оружию. Гонимые

Ветром были не лучшей компанией для Квентина, он не выбрал бы их по доброй воле. Но он пересек с ними море, делил с ними мясо и мед, сражался рядом с ними, обменивался историями с теми немногими, чей язык понимал. И если все его истории были ложью, что ж, такова цена прохода к Миэрину.

Это не назовешь благородным поступком, предупреждал его Геррис в Доме Купца.

— Дейенерис, может быть, уже на полпути к Юнкаю вместе со своей армией, — сказал Квентин, пока они шли среди лошадей.

— Может быть, — ответил Геррис, — но она не в пути. Мы уже

слышали эти разговоры. Астапорцы были убеждены, что Дейенерис движется на юг со своими драконами, чтобы снять осаду. Но она не пришла тогда и не придет теперь.

— Мы не можем знать наверняка. Нам надо исчезнуть до того, как придется сражаться против женщины, к которой меня послали свататься.

— Подожди до Юнкая, — Геррис махнул в сторону холмов. — Эти земли принадлежат юнкайцам. Никто не накормит и не приютит трех дезертиров. К северу от Юнкая, там ничейная земля.

Он был прав. Тем не менее,

Квентин беспокоился.

— Здоровяк завел слишком много друзей. Он знает, что мы с самого начала планировали смыться и пробиться к Дейенерис. Но ему не понравится, что мы бросаем людей, с которыми вместе сражались. Если мы прождем слишком долго, ему покажется, что мы дезертируем накануне битвы. Он никогда на это не пойдет. Ты знаешь его не хуже меня.

— Это всегда будет дезертирством, — возразил Геррис. — А Оборванный Принц с неприязнью относится к дезертирам. Он пошлет за нами погоню, и если нас поймают, то храните нас Семеро.

Если повезет, просто отрубят ступни, чтобы мы точно не смогли снова сбежать. Если не повезет, нас отдадут Красотке Мерис.

Последние слова заставили Квентина призадуматься. Красотка Мерис пугала его. Женщина из Вестероса, выше его, и лишь на дюйм меньше шести футов. После двадцати лет в вольных отрядах в ней не было ничего красивого — ни снаружи, ни внутри.

Геррис взял его за руку:

— Подожди. Еще несколько дней, и всё. Мы пересекли полмира, потерпи еще несколько лиг. Где-нибудь севернее Юнкая нам выпадет шанс.

— Как скажешь, — ответил
Лягушка с сомнением...

...но на этот раз боги
прислушались, и шанс выпал гораздо
раньше.

Это произошло два дня спустя.
Хью Хангерфорд осадил лошадь у
костра, где они готовили еду, и
сказал:

— Дорнийцы. Вас вызывают в
палатку командующего.

— Которых? — спросил
Геррис. — Мы все дорнийцы.

— Значит, всех.

Мрачный и угрюмый, с
искалеченной рукой, Хангерфорд
некоторое время был казначеем
отряда, пока Оборванный Принц не

поймал его на воровстве из казны и не лишил трех пальцев. Теперь он был простым сержантом.

К чему бы это? До сих пор Лягушка и не подозревал, что командующий знает об их существовании. Однако Хангерфорд уже отъехал, так что времени на вопросы не было. Все, что они могли сделать — прихватить здоровяка и идти куда приказано.

— Ни в чем не признавайтесь и будьте готовы драться, — сказал Квентин друзьям.

— Я всегда готов драться, — ответил здоровяк.

Большая серая парусиновая палатка, которую Оборванный Принц

любил называть своим полотняным замком, заполнилась еще до прихода дорнийцев. Через секунду Квентин понял, что большинство собравшихся были либо из Семи Королевств, либо вестеросской крови. *Изгнанники или сыновья изгнанников.* Соломенный Дик утверждал, что в отряде около шести десятков вестеросцев; добрая треть их собралась здесь, включая самого Дика, Хью Хангерфорда, Красотку Мерис и златовласого Льюиса Ланстера, лучшего лучника отряда.

Здесь же находился Дензо Д'Хан, рядом с ним — Кагго. Теперь, хоть и не в лицо, его называли Кагго Трупобийца; он отличался

вспыльчивостью, а его кривой черный меч был злобным подстать своему хозяину. В мире существовали сотни валирийских мечей, но лишь несколько валирийских аракхов. Ни Кагго, ни Д'Хан не были вестеросцами, но оба являлись капитанами и высоко ценились Оборванным Принцем. *Его правая и левая руки. Назревает что-то важное.*

Говорить начал сам Оборванный Принц.

— Получен приказ от Юркхаза, — сказал он. — Выжившие астапорцы, похоже, выползают из своих укрытий. В Астапоре не осталось ничего, кроме трупов, так

что они хлынули в окрестности, их сотни, может, тысячи, все голодны и больны. Юнкайцы не хотят видеть их рядом со своим Желтым Городом. Нам приказано догнать их и развернуть назад, обратно в Астапор, или на север, к Миэрину. Если драконья королева захочет их принять, милости просим. У половины из них кровавый понос, а те, что здоровы — лишние рты.

— Юнкай ближе, чем Миэрин, — заметил Хью Хангерфорд. — Что, если они не захотят повернуть, милорд?

— На то вам мечи и копья, Хью. Хотя луки могут послужить лучше. Держитесь подальше от тех, у кого

признаки поноса. Я посылаю в холмы половину наших сил. Пятьдесят патрулей, в каждом по двадцать всадников. Кровавая Борода получил такой же приказ, и Коты отправятся тоже.

Люди стали обмениваться взглядами, некоторые что-то бормотали себе под нос. Хотя и у Гонимых Ветром, и у Братства Кота был контракт с Юнкаем, год назад в битве на Спорных Землях они находились по разные стороны, и еще не забыли вражду. Кровавая Борода, дикий командующий Котов, был громогласным великаном со свирепой жаждой убийства. Он открыто презирал "седобородых

стариков в лохмотьях".

Соломенный Дик прочистил горло:

— Прошу прощения, но мы все здесь уроженцы Семи Королевств. Никогда раньше милорд не делил отряд по крови или по языку. Зачем посылать нас всех вместе?

— Прекрасный вопрос. Вы поедете через холмы на восток, затем по широкой дуге обойдете Юнкай, продвигаясь к Миэрину. Натолкнувшись на астапорцев, отбросьте их к северу или убейте... но знайте, что не это цель вашей миссии. За Желтым Городом вы, скорее всего, встретитесь с патрулем драконьей королевы. С Младшими

Сыновьями или Воронами-Буревестниками. Подойдут и те, и другие. Примкните к ним.

— Примкнуть к ним? — спросил сир Орсон Стоун, рыцарь-бастард. — Вы хотите, чтобы мы стали перебежчиками?

— Хочу, — сказал Оборванный Принц.

Квентин Мартелл чуть не рассмеялся вслух. *Боги сошли с ума.*

Вестеросцы беспокойно зашевелились. Некоторые уставились в свои винные чаши, словно надеясь найти на их дне немного мудрости. Хью Хангерфорд нахмурился:

— Вы думаете, королева Дейенерис примет нас в...

— Да, думаю.

— ...но если так, что дальше?

Мы шпионы? Убийцы? Посланники?
Думаете ли вы менять сторону?

Кагго посмотрел сердито.

— Это принцу решать,
Хангефорд. Твоя роль — делать, как
тебе говорят.

— Как всегда, — Хью поднял
двупалую руку.

— Будем откровенны, — сказал
Дензо Д'хан, воин-бард. —
Юнкайцы не внушают доверия.
Каким бы ни был исход этой войны,
Гонимые Ветром должны вкусить
плоды победы. Наш принц мудро
оставляет открытыми все дороги.

— Командовать вами будет

Мерис, — сказал Оборванный Принц. — Ей известен мой замысел... и, возможно, Дейенерис Таргариен отнесется более благосклонно к еще одной женщине.

Квентин взглянул через плечо на Красотку Мерис. Когда ее холодные мертвые глаза встретились с его взглядом, Квентина передернуло. *Мне это не нравится.*

Соломенный Дик все еще сомневался:

— Девчонка будет душой, если поверит нам. Даже Мерис. Особенно — Мерис. Черт, я сам не доверяю Мерис, а ведь я трахал ее пару раз, — он ухмыльнулся, но никто не засмеялся. Не говоря уж о Красотке

Мерис.

— Я думаю, ты ошибаешься, Дик, — сказал Оборванный Принц. — Вы все вестеросцы. Друзья с родины. Вы говорите с ней на одном языке, поклоняетесь тем же богам. Что до причины — все вы претерпели ущерб по моей милости. Дик, я сек тебя хлыстом чаще, чем любого в отряде, и твоя спина тому подтверждение. Хью потерял три пальца из-за моего наказания. Мерис была изнасилована половиной отряда. Не нашего отряда, верно, но нам нет нужды упоминать об этом. Уилл из Лесов, ну, ты просто подлец. Сир Орсон осуждает меня за отправку его брата в Печали, а сир

Люцифер все еще злится из-за рабыни, которую у него отобрал Кагго.

— Мог бы и вернуть, после того как поймел, — пожаловался Люцифер Лонг. — Не было причины ее убивать.

— Она была уродиной, — ответил Кагго. — Это веская причина.

Не обращая на них внимания, Оборванный Принц продолжал:

— Веббер, земли в Вестеросе, которых ты добивался, потеряны. Ланстер, я убил мальчика, которого ты так любил. Вы, три дорнийца, думаете, что мы обманули вас. Добыча в Астапоре была намного

меньше, чем вам обещали в Волантисе, и я взял себе её львиную долю.

— Последнее — чистая правда, — заявил сир Орсон.

— Зернышко правды делает ложь безупречной, — сказал Оборванный Принц. — У каждого из вас есть вполне уважительная причина изменить мне. И Дейенерис Таргариен известно, что наемники непостоянны. Ее собственные Младшие Сыновья и Вороны-Буревестники взяли золото Юнкая, но не колеблясь присоединились к ней, когда расклад сил оказался в ее пользу.

— Когда нам отправляться? —

спросил Льюис Лэнстер.

— Сейчас. Будьте осторожны, если столкнетесь с Котами и Длинными Копьями. Никто вне этой палатки не знает, что ваше предательство — уловка. Раскроете свои карты слишком быстро — и вас изувечат как дезертиров или прикончат как перебежчиков.

Три дорнийца молчали, покинув командирский шатер. *Двадцать всадников, и все говорят на общем языке,* подумал Квентин. *Секретничать теперь станет еще опаснее.*

Здоровяк крепко хлопнул его по спине.

— Так. Это чудесно, Лягушка.

Охота на дракона.

27. СВОЕНРАВНАЯ НЕВЕСТА

Аша Грейджой сидела в парадном зале Галбарта Гловера, попивая вино Галбарта Гловера, когда мейстер Галбарта Гловера принес ей письмо.

— Миледи, — голос мейстера был встревоженным, как всегда, когда он обращался к ней, — птица из Города-на-Кургане. — Он сунул свиток ей в руки так, будто хотел поскорее от него избавиться. Плотный скрученный сверток был запечатан розовым воском.

Город-на-Кургане.

Аша

попыталась вспомнить, кто правил в Городе-на-Кургане. *Кто-то из северных лордов, не из числа моих друзей.* И эта печать... Болтоны из Дредфорта шли на битвы под розовыми знаменами, забрызганными каплями крови. Неудивительно, что и воск они используют розового цвета.

Я держу в руках яд, подумала она. *Мне стоило бы сжечь письмо.* Вместо этого она сломала печать. Кусочек кожи медленно опустился ей на колени. Когда она прочитала сухие бурые строчки, ее отвратительное настроение стало еще хуже. *Черные крылья, черные вести.* Вороны никогда не приносили добрых

известий. Последнее сообщение в Темнолесье пришло от Станниса Баратеона — он требовал принести присягу. Это было еще хуже.

— Северяне взяли Ров Кейлин.

— Бастард Болтона? — спросил сидевший рядом Кварл.

— *Рамси Болтон, лорд Винтерфелла*, так он подписался. Но есть и другие имена — леди Дастин, леди Сервин и четверо Рисвеллов добавили ниже свои подписи. Сбоку от них был неумело нарисован великан, знак кого-то из Амберов.

Свиток был подписан мастерскими чернилами из сажи и смолы, но само послание нацарапали чем-то бурым, почерк размашистый и

угловатый. В письме говорилось о падении Рва Кейлин, о победоносном возвращении Хранителя Севера в свои владения, о предстоящей вскоре свадьбе. Оно начиналось словами: "Я пишу это письмо кровью железных людей", а последняя строка гласила: "Посылаю вам кусочек принца. Засидитесь в моих землях — разделите его участь".

Аша считала младшего брата мертвым. *Лучше смерть, чем это.* Клочок кожи лежал у нее на коленях. Она поднесла его к свече и смотрела на вьющийся дымок, пока весь лоскуток без остатка не был охвачен пламенем, и огонь не начал лизать ей

пальцы.

Мейстер Галбарта Гловера в ожидании топтался рядом.

— Ответа не будет, — сказала она ему.

— Могу ли я сообщить новости леди Сибелле?

— Как вам угодно, — Аша не знала, обрадует ли Сибеллу Гловер падение Рва Кейлин. Леди Сибелла практически поселилась в богороще, молясь о благополучном возвращении детей и мужа. *Еще одна молитва, которая остается без ответа. Ее сердцедрево столь же глухо и слепо, как наш Утонувший Бог.* Робетт Гловер и его брат Галбарт отправились на юг с Молодым

Волком. Если то, что рассказывали о Красной Свадьбе, хотя бы наполовину правда, вряд ли они вернутся на север. *По крайней мере, ее дети живы, и это благодаря мне.* Аша оставила их в Десяти Башнях на попечение тетушек. Дочка леди Сибеллы была еще грудным младенцем, и Аша рассудила, что малютка слишком хрупка, чтобы подвергать ее тяготам еще одной морской переправы. Она сунула письмо в руки мастеру. — Возьмите. Пусть, если сможет, найдет в этом утешение. Можете идти.

Мейстер склонил голову и вышел. После его ухода Трис Ботли

повернулся к Аше:

— Если пал Ров Кейлин, скоро придет черед Торрхенова Удела. А потом настанет и наша очередь.

— Еще не скоро. Щербатый пустит им кровь, — Торрхенов Удел — не развалины вроде Рва Кейлин, а Дагмер — железный до мозга костей. Он скорее умрет, чем сдастся.

Если бы отец был жив, Ров Кейлин не пал бы. Бейлон Грейджой понимал, что Ров — ключ к владению Севером. Знал это и Эурон, но для него это не имело значения. Как не имела значения и судьба Темнолесья или Торрхенова Удела.

— Эурана не интересуют

завоевания Бейлона. Мой дядя гоняется за драконами, — Вороний Глаз собрал все силы Железных островов на Старом Вике и уплыл в Закатное море с братом Виктарионом, следовавшим за ним как побитая дворняжка. На Пайке не у кого теперь было просить помощи, не считая ее лорда-супруга. — Мы остались одни.

— Дагмер сокрушит их, — настаивал Кромм, который ни одну женщину не любил так, как битву. — Они всего лишь волки.

— Все волки убиты, — Аша подцепила розовый воск ногтем большого пальца, — а это — те, кто содрал с них шкуру.

— Мы должны отправиться в Торрхенов Удел и вступить в бой, — убежденно произнес Квентон Грейджой, дальний родственник Аши, капитан "Соленой Девки".

— Ага, — согласился Дейгон Грейджой, еще более дальний родственник. Его называли Дейгон-Пьяница, но драку он любил и пьяным, и трезвым. — Почему это вся слава должна достаться Щербатому?

Двое слуг Галбарта Гловера принесли жаркое, но полоска кожи лишила Ашу аппетита. *Мои люди простились со всякой надеждой на победу, мрачно осознала она. Все, чего они теперь ищут — славной*

смерти. Волки об этом позаботятся, она не сомневалась. Рано или поздно, они придут, чтобы вернуть себе замок.

Солнце тонуло за высокими соснами Волчьего леса, когда Аша поднималась по деревянной лестнице в спальню, прежде принадлежавшую Галбарту Гловеру. Она выпила слишком много вина, голова раскалывалась. Аша Грейджой любила своих людей — и капитанов, и команду — но половина из них были глупцами. Смелыми, но тем не менее глупцами. Отправиться к Щербатому, да-да, как будто это возможно...

Много лиг отделяло Темнолесье

и Дагмера друг от друга, а еще неровные холмы, густые леса, бурные реки и больше северян, чем ей хотелось бы видеть. У Аши было четыре галеры и не больше двух сотен людей... включая Тристифера Ботли, на которого нельзя положиться. Несмотря на все разговоры о любви, она не могла представить Триса спешащим в Торрхеннов Удел, чтобы умереть рядом с Дагмером Щербатым.

Кварл последовал за ней в спальню Галбарта Гловера.

— Выметайся, — сказала она ему. — Я хочу побыть одна.

— А я думаю, что ты хочешь меня, — он попытался поцеловать ее.

Аша оттолкнула его:

— Еще раз прикоснешься ко мне, и я...

— И ты что? — он вытащил кинжал. — Раздевайся, девочка.

— Иди-ка ты и трахни сам себя, безбородый мальчишка.

— Нет, уж лучше я трахну тебя, — одним взмахом кинжала он распустил шнуровку ее жилета. Аша потянулась к топору, но Кварл, отбросив кинжал, поймал ее запястье и выкручивал его до тех пор, пока оружие не выпало из ее руки. Тогда он оттолкнул ее к кровати Гловера, впился в губы, и разорвал на ней рубаху, обнажая грудь. Когда она попыталась ударить его ногой в пах,

он увернулся и коленом раздвинул ей бедра. — Сейчас я тебя поимею.

— Попробуй, — фыркнула она, — и я убью тебя, когда ты заснешь.

Когда он вошел в нее, она уже вся вымокла.

— Черт тебя подери, — вырвалось у нее, — черт, черт, черт.

Он не выпускал изо рта ее соски, пока она не вскрикнула от боли и удовольствия. Весь мир сжался до точки у нее между ног. Она забыла про Ров Кейлин, Рамси Болтона и маленький кусочек кожи, забыла про королевское вече, свое поражение и побег, забыла о врагах и о муже. Ничто не имело значения,

кроме его рук, его губ, его объятий, его члена внутри нее. Он трахал ее, пока она не начала вскрикивать, потом еще, пока она не зарыдала, и только тогда он кончил, наполнив ее своим семенем.

— Я замужняя женщина, — напомнила она ему через некоторое время, — а ты испортил меня, безбородый юнец. Мой лорд-супруг отрежет тебе яйца и нарядит в женское платье.

Кварл скатился с нее.

— Да, если сможет встать с кресла.

В комнате было холодно. Аша поднялась с постели Галбарта Гловера и сбросила разорванную

одежду. Жилет нуждался в новых шнуровках, а вот рубаша — безнадежно испорчена. *Мне она все равно не нравилась.* Аша швырнула рубашу в огонь, а остальное оставила в беспорядке у кровати. Грудь саднило, семя Кварла струйкой стекало по бедрам. Надо заварить лунный чай, иначе она рискует принести в мир еще одного кракена. *Какая разница? Отец мертв, мать умирает, с брата сдирают кожу, и я ничего не могу со всем этим поделать. И я замужем. Замужем и уложена в постель... хотя и не одним и тем же мужчиной.*

Когда она скользнула обратно под меха, Кварл спал.

— Теперь твоя жизнь — в моей власти. Куда я положила свой кинжал? — Аша прижалась к его спине и обвила его руками. На островах Кварла прозвали "Девницей", отчасти чтобы отличать от Кварла-Пастуха, Чудного Кварла Кеннинга, Кварла Быстрого Топора и Кварла-Пленника, но больше — за гладкие щечки. Когда Аша впервые встретила с ним, Кварл пытался отрастить бороду. "Персиковый", — посмеиваясь, назвала она его пушок. Кварл признался, что никогда не видел персиков, и она предложила ему отправиться с ней в следующее плавание на юг.

Это было еще летом — Роберт

сидел на Железном Троне, Бейлон предавался печальным раздумьям на Морском Престоле, а в Семи Королевствах царил мир. Аша вела торговлю, направив "Черный Ветер" вниз по побережью. Они побывали на Светлом острове, в Ланниспорте и еще в паре десятков небольших портов, прежде чем доплыли до Бора, где росли крупные, сладкие персики. "Теперь видишь", — говорила она Кварлу, приложив один к его щеке. Когда он поддался уговорам и откусил кусочек, сок потек по его подбородку, и ей пришлось умыть его поцелуями.

Ту ночь они провели, лакомясь персиками и друг другом, и к утру

Аша была довольной и липкой. И счастливой, как никогда раньше. *Шесть лет прошло с тех пор, или семь?* Воспоминания о лете тускнели, и уже три года Аше не выпадало возможности насладиться вкусом персиков. Зато она до сих пор наслаждается Кварлом. Пусть капитаны и короли не захотели ее, но он хотел.

У Аши были и другие любовники, с одними она делила постель полгода, с другими — полночи. Кварл доставлял ей удовольствия больше, чем все остальные вместе взятые. Возможно, он и брился раз в две недели, но не косматая борода делает мужчину

мужчиной. Ей нравилось касаться пальцами его гладкой, нежной кожи. Ей нравилось, как его длинные прямые волосы ниспадали на плечи. Ей нравилось, как он целовался. Ей нравилось, как он ухмылялся, когда она проводила большими пальцами по его соскам. Волосы у него между ног были более темного песочного оттенка, чем волосы на голове, но нежные, как пух, по сравнению с жесткой черной порослью у нее на лобке. Это ей тоже нравилось. У него было тело пловца, длинное и стройное, без единого шрама.

Застенчивая улыбка, крепкие объятья, умелые пальцы и два надежных меча. О чем еще может

мечтать женщина? Аша с радостью вышла бы за Кварла, но она — дочь лорда Бейлона, а он — из простых, внук пленника. *Слишком низкого происхождения, чтобы стать моим мужем, но не настолько низкого, чтобы я отказалась отсосать у него.* Пьяная, улыбающаяся, она заползла под меха и обхватила его член губами. Кварл шевельнулся во сне, и уже через мгновение начал твердеть. Когда Аша опять его возбудила, Кварл уже не спал, а у нее между ног было влажно. Она набросила мех на голые плечи и оседлала его, насаживаясь так сильно и глубоко, что в какой-то момент перестала понимать, у кого был член, а у кого

— вагина. В этот раз они достигли высшей точки одновременно.

— Моя милая леди, — пробормотал он позже, все еще сонным голосом. — Моя милая королева.

Нет, подумала Аша, я не королева, и никогда ей не буду.

— Спи, — она поцеловала его в щеку, неслышным шагом прошла по спальне Галбарта Гловера и распахнула ставни. Ночь была ясной, и в свете почти полной луны она видела горы, увенчанные снегом. *Холодные, суровые, неприветливые, но прекрасные в лунном свете.* Вершины их мерцали, бледные и неровные, словно ряд заостренных

зубов. Предгорья и пики пониже терялись в тени.

Море находилось ближе, всего лишь в пяти лигах к северу, но его Аша не видела. Слишком много холмов стояло на пути. *И деревья, так много деревьев.* Волчий лес, как называли его северяне. По ночам из него часто раздавался вой волков — они зывали друг к другу во тьме. *Океан листвы. Если бы только это был настоящий океан.*

Хотя Темнолесье и ближе к морю, чем Винтерфелл, но все же гораздо дальше, чем ей хотелось бы. Воздух пах соснами, а не солью. К северо-востоку от зловещих сизых гор возвышалась Стена, над которой

теперь развевались знамена
Станниса Баратеона. *Враг моего
врага — мой друг*, — так говорят, но
есть и другая сторона монеты: *враг
моего друга — мой враг*.
Железнорожденные были врагами
северных лордов, в которых так
отчаянно нуждался этот
претендующий на трон Баратеон. *Я
могла бы предложить ему свое
прекрасное юное тело*, подумала она,
откинув прядь волос с глаз, но у него
была жена, а у нее — муж, к тому же
Станнис и железнорожденные —
старинные недруги. Во время
первого восстания ее отца Станнис
выбил Железный флот со Светлого
острова и покорил Большой Вик от

имени своего брата.

За замшелыми стенами Темнолесья скрывался широкий округлый холм с плоской вершиной, увенчанной парадным залом, похожим на пещеру, с пристроенной к нему дозорной башней, возвышавшейся над холмом на пятьдесят футов. У подножья холма расположился внутренний двор: стойла, загон для лошадей, кузница, колодец, овчарня — все это было защищено глубоким рвом, покатым земляным валом и частоколом из бревен. Внешние укрепления опоясывали овал холма, каждые из двух ворот охранялись парой квадратных бревенчатых башен, по

всему периметру стены тянулась крытая галерея. С южной стороны замка мох пророс через частокол и уже полз по башням. К востоку и западу простирались пустые поля. Когда Аша захватила замок, там росли овес и ячмень, но урожай погиб под их сапогами во время атаки. Они засеяли поля снова, но заморозки погубили всходы, оставив после себя только грязь, пепел и гниющие мертвые стебли.

Замок был древним, но слабо укрепленным. Она отняла его у Гловеров, а Бастард Болтона отнимет у нее. Впрочем, снять с нее кожу ему не удастся. Аша Грейджой не собиралась достаться ему живой.

Она умрет так же, как жила — с топором в руке, и с улыбкой на устах.

Ее лорд-отец дал ей тридцать галер, чтобы захватить Темнолесье. Осталось лишь четыре, включая ее "Черный Ветер", и одним из оставшихся был корабль Триса Ботли, который присоединился к ней, когда все ее люди сбежали. *Нет. Это несправедливо. Они отплыли домой, чтобы принести присягу своему королю. Если кто и сбежал, так это я.* Ей до сих пор стыдно было вспоминать об этом.

— Беги, — подгонял ее Чтец, пока капитаны несли на руках ее дядю Эуруна вниз по холму Нагги, чтобы возложить на него корону из

плавника.

— Сказал ворон вороне. Пойдем со мной. Без тебя я не смогу поднять людей Харлоу, — тогда она еще собиралась бороться.

— Люди Харлоу здесь. Те, кого стоит принимать в расчет. И некоторые выкрикивали имя Эурана. Я не буду натравливать одних Харлоу на других.

— Эурон безумен. И опасен. Этот адский рог...

— Я тоже слышал его. *Беги*, Аша. Как только Эурана коронуют, он пошлет за тобой. Не стоит попадаться ему на глаза.

— Если со мной выступят другие мои дядья...

— ...то ты умрешь в изгнании, все будут против тебя. Когда ты предложила капитанам свое имя, ты отдала себя на их суд. Теперь ты не можешь пойти против их решения. Только однажды избранный на вече король был низложен. Почитай Хейерега.

Только Родрик Чтец мог рассуждать о какой-то древней книге, когда их жизни балансируют на острие меча.

— Если ты остаешься, остаюсь и я, — упрямо произнесла она.

— Не глупи. Сегодня Эурон смотрит на мир глазом, сверкающим весельем, но что будет завтра... Аша, ты дочь Бейлона, у тебя больше прав

на трон, чем у Эуруна. Пока ты дышишь, ты опасна для него. Если останешься, тебя убьют или выдадут за Рыжего Гребца. И я не знаю, что хуже. *Уходи.* Другого шанса не будет.

Аша пришвартовала "Черный Ветер" на дальнем краю острова как раз на такой случай. Старый Вик — небольшой остров, она сможет вернуться на корабль раньше, чем взойдет солнце, и будет на пути к Харлоу прежде, чем Эурон заметит ее отсутствие. Но она все еще колебалась, и тогда дядя сказал:

— Сделай это ради любви, которую питаешь ко мне, дитя. Я не хочу видеть, как ты умрешь.

И она ушла. Сначала — в Десять

Башен, проститься с матерью.

— Возможно, меня долго не будет, — предупредила ее Аша. Леди Аленнис ничего не понимала.

— Где Теон? — вопрошала она. — Где мой мальчик?

Леди Гвинессу интересовало лишь, когда вернется лорд Родрик:

— Я старше его на семь лет. Десять Башен должны принадлежать мне.

Аша все еще была в Десяти Башнях, собирая провизию, когда до замка дошли вести о ее замужестве. "Мою своенравную племянницу надо укротить, — так, по словам очевидцев, сказал Вороний Глаз, — и я знаю, кто с этим справится". Он

выдал ее за Эрика Айронмейкера, и назначил Молотобойца управлять Железными островами, пока сам он будет искать драконов. Когда-то Эрик был великим человеком: бесстрашный разбойник, бороздивший моря с ее прапрадедом, тем самым Дейгоном Грейджоем, в честь которого назвали Дейгона-Пьяницу. На Светлом острове старухи все еще пугали внуков сказками о лорде Дейгоне и его людях. *Во время вечера я задела гордость Эрика, размышляла Аша. Вряд ли он забыл об этом.*

Она отдала должное решению своего дяди. Одним ударом Эурон превратил соперника в союзника,

обеспечил безопасность островов в свое отсутствие и избавился от угрозы, которую несла Аша. *Да еще и посмеялся от души.* Трис Ботли рассказал, что в роли невесты на свадебной церемонии выступал тюлень. "Надеюсь, Эрик не настаивал на первой брачной ночи", — ответила она.

Я не могу вернуться домой, думала она, *но и здесь нельзя больше оставаться.* Тишина, царившая в лесах, лишала ее покоя. Всю жизнь Аша провела на островах или на борту корабля. На море тишины не бывало. Шум волн, разбивающихся о скалистый берег, был у неё в крови, но в Темнолесье нет волн... только

деревья, бесконечные деревья, гвардейские сосны и стражи, буки, ясени и древние дубы, каштаны, грабы и ели. Их звуки были тише шума моря, да и те она слышала, лишь когда дул ветер — тогда отовсюду раздавались вздохи, словно деревья перешептывались на языке, который она не могла понять.

Сегодня шепот казался громче обычного. *Осыпаются мертвые бурые листья,* сказала себе Аша, *и голые ветви поскрипывают от ветра.* Она отвернулась от окна, от лесов. *Мне нужно снова ощутить под ногами палубу корабля. Или, на худой конец, хотя бы почувствовать еду в желудке.* За ужином она пила

много вина, но мало ела, и даже не притронулась к прекрасному сочному жаркому.

Яркого света луны было достаточно, чтобы найти одежду. Она натянула толстые черные штаны, стеганую рубашу и зеленый кожаный жилет, покрытый стальными пластинками. Оставив Кварла наедине с его снами, она, мягко ступая, вышла на наружную лестницу башни, ступени поскрипывали под ее босыми ногами. Один из дозорных, несших караул на стене, увидел, как она спускалась, и поднял копье в знак приветствия. Аша свистнула в ответ. Когда она пересекала внутренний

двор, чтобы пройти к кухням, собаки Галбарта Гловера подняли лай. *Хорошо, подумала она. Это заглушит шум деревьев.*

Она отрезала кусок от головки желтого сыра размером с колесо телеги, когда в кухню, закутавшись в толстый меховой плащ, вошел Трис Ботли.

— Моя королева.

— Не издевайся.

— Ты всегда будешь королевой моего сердца. Дураки, вопящие на королевском вече, не могут этого изменить.

Что же мне делать с этим мальчишкой? Аша не сомневалась в его преданности. Мало того, что он

выступал за нее на холме Нагги и выкрикивал ее имя, но после он даже переплыл море, чтобы присоединиться к ней, оставив своего короля, своих родных и свой дом. *Не то чтобы он осмелился бросить Эурону вызов в открытую.* Когда Вороний Глаз вывел флот в море, Трис просто плыл в самом хвосте, отстал, и только когда скрылся из виду последний корабль, поменял курс. Но и для этого требовалась немалое мужество; путь обратно на острова ему теперь закрыт.

— Сыра? — спросила она. —
Есть еще ветчина и горчица.

— Не еда мне нужна, миледи. И

ты это знаешь, — в Темнолесье Трис отрастил густую темную бороду. Он уверял, что она помогает согреть лицо. — Я видел тебя с дозорной башни.

— Если ты в дозоре, то что делаешь здесь?

— Наверху Кромм и Хаген Рог. Сколько нужно глаз, чтобы следить за шелестом листвы в лунном свете? Нам надо поговорить.

— Опять? — она вздохнула. — Знаешь дочку Хайгена, ту, рыжую? Она управляет кораблем не хуже мужчины, и хорошенькая. Ей семнадцать, и я заметила, что она заглядывается на тебя.

— Мне не нужна дочь

Хагена, — он хотел дотронуться до нее, но вовремя сдержался. — Аша, пора уходить. Ров Кейлин был последним, что сдерживало прилив. Если мы останемся здесь, северяне убьют нас всех, ты же знаешь.

— Хочешь, чтобы я бежала?

— Хочу, чтобы ты жила. Я люблю тебя.

Нет, подумала она, ты любишь невинную девочку, существующую только в твоём воображении, испуганного ребенка, которому нужна твоя защита.

— Я не люблю тебя, — отрезала она. — И я не побегу.

— Что ты нашла здесь такого, за что стоит цепляться? Тут одни

сосны, грязь да недруги. У нас есть корабли. Поплыли со мной, на море мы сможем начать новую жизнь.

— Станем пиратами? — это звучало почти заманчиво. *Отдадим волкам их мрачные леса и вновь захватим морские просторы.*

— Торговцами, — настаивал он. — Мы пойдем на восток, как это сделал Вороний Глаз, но вернемся не с драконьим рогом, а с шелками и пряностями. Всего одно плавание к Нефритовому морю, и мы станем богаты, как боги. Будем жить в большом доме в Староместе или в каком-нибудь из Вольных городов.

— Ты, я и Кварл? — она видела, как он вздрогнул при упоминании

Кварла. — Девчонка Хагена, возможно, захочет бороздить Нефритовое море вместе с тобой. Я же пока еще дочь кракена, и мое место...

— ...где? Ты не можешь вернуться на острова. Если, конечно, не надумала подчиниться своему лорду-супругу.

Аша попыталась представить себя в постели с Эриком Айронмейкером, придавленную его тяжестью, с трудом сносящую его объятия. *Лучше уж он, чем Красный Гребец или Левша Лукас Кодд.* Когда-то Молотобоец был громогласным великаном, устрашающе сильным, неистово преданным, совершенно

бесстрашным. *Может быть, все не так уж плохо. Он может и помереть при первой же попытке исполнить супружеский долг. Тогда она станет не женой, а вдовой Эрика, что могло быть и лучше, и хуже, в зависимости от того, как поведут себя его внуки. И мой дядя. В конце концов, все ветра, все дороги ведут меня обратно к Эурону.*

— У меня есть заложники на Харлоу, — напомнила она. — И есть еще Мыс Морского Дракона... Раз уж я не могу править отцовским королевством, почему не основать свое собственное? — Мыс Морского Дракона не всегда был таким пустынным, как сейчас. Среди

холмов и болот до сих пор встречались развалины древних крепостей Первых Людей. На возвышенностях кольцами росли чардрева, посаженные Детьми Леса.

— Ты цепляешься за Мыс Морского Дракона, как утопающий за обломок корабля. Что на Морском Драконе есть такого, на что кто-нибудь мог позариться? Там нет ни рудников, ни золота, ни серебра, ни даже олова или железа. На болотистой почве не вырастишь ни пшеницу, ни рожь.

А я и не собираюсь выращивать пшеницу или рожь.

— Что там есть? Я тебе скажу. Две длинные береговые линии, сотня

защищенных бухт, выдры в озерах, лосось в реках, моллюски вдоль берега, колонии тюленей чуть дальше в море и высокие сосны для строительства кораблей.

— И кто будет строить эти корабли, моя королева? Где Ваше Величество найдет подданных для своего королевства, если северяне вообще позволят его основать? Или ты собираешься править тюленями и выдрами?

Она невесело усмехнулась.

— Уверяю тебя, править выдрами куда проще, чем людьми. А тюлени гораздо умнее. Нет, может, ты и прав. Наверное, мне лучше все же вернуться на Пайк. Есть на Харлоу

те, кто будет рад моему возвращению. Найдутся такие и на Пайке. А на Черной Волне у Эуруна нет друзей после того, как он убил лорда Бейелора. Я могла бы разыскать дядю Эйерона, поднять острова, — со дня выборов короля Мокроголового никто не видел, но его Утопленники утверждали, что он скрывается на Большом Вике и скоро объявится, чтобы обрушить гнев Утонувшего Бога на Вороньего Глаза и его приспешников.

— Молотобоец тоже ищет Мокроголового. Он же ведет охоту на Утопленников. Слепого Берона Блэктайда поймали и допросили. Даже на Старика Серую Чайку

надели кандалы. Как ты собираешься найти жреца, если этого не могут сделать все люди Эурона?

— Он моя родная кровь. Брат отца, — аргумент был слабым, и Аша это понимала.

— Хочешь знать, что я думаю?

— Подозреваю, что сейчас я это узнаю.

— Думаю, Мокроголовый мертв. Думаю, Вороний Глаз перерезал ему глотку. А Айронмейкер ведет поиски, чтобы все думали, что жрецу удалось сбежать. Эурон боится разговоров о том, что он пролил родную кровь.

— Только не говори этого в присутствии моего дяди. Скажешь Вороньему Глазу, что он боится

пролить родную кровь, и он расправится с одним из своих сыновей, лишь бы доказать обратное, — Аша чувствовала себя почти трезвой: так влиял на нее Тристифер Ботли.

— Даже если ты все-таки найдешь своего дядю Мокроголового, вас обоих ждет поражение. Вы *участвовали* в королевском вече, так что вам не удастся объявить выборы незаконными, как это сделал Торгон. Вы обязаны подчиниться его решению по всем божьим и человеческим законам. Вы...

Аша нахмурилась:

— Погоди. Торгон? Какой Торгон?

— Торгон Опоздавший.

— Король Эпохи Героев, — это все, что ей удалось припомнить о нем. — Так что с ним?

— Торгон Серая Сталь был старшим сыном короля. Но король уже состарился, а Торгону не сиделось на месте, поэтому случилось так, что когда отец умер, сын совершал набеги вдоль Мандера из своей крепости на Сером Щите. Братья не сообщили ему об этом, а быстро созвали королевское вече, надеясь, что корону из плавника получит один из них. Но вместо этого капитаны и короли выбрали Уррагона Доброго Брата. Первое, что сделал новый правитель — приказал

предать смерти всех сыновей
прежнего короля, что и было
выполнено. За это его прозвали
"Дурной Брат", хотя на самом деле
убитые не являлись ему родней. Он
правил почти два года.

Теперь Аша вспомнила:

— Торгон вернулся домой...

— ...и объявил королевское вече
незаконным, раз он отсутствовал и
не смог заявить права на трон.
Дурной Брат оказался недалеким и
жестоким правителем, и к тому
моменту у него осталось мало друзей
на островах. Жрецы его осудили,
лорды поднялись против него, а
собственные капитаны изрубили его
на куски. Торгон Опоздавший стал

королем и правил сорок лет.

Аша притянула к себе Триса Ботли за уши и крепко поцеловала в губы. Когда она его отпустила, он покраснел и тяжело дышал.

— Что это было? — вымолвил он.

— Это называется поцелуй. Какая же я дура, Трис, я должна была вспомнить... — внезапно она замолчала. Трис собирался что-то сказать, но она шикнула на него, прислушиваясь. — Боевой рог. Хаген. — Первая ее мысль была о муже. Мог ли Эрик Айронмейкер проделать такой путь, чтобы предъявить права на своенравную супругу? — И всё-таки Утонувший

Бог любит меня. Стоило мне задуматься, что делать дальше, и он послал мне врагов, с которыми я могу сразиться, — Аша поднялась на ноги и задвинула кинжал в ножны. — Битва пришла к нам.

На подходе к стенам замка она перешла на бег, Трис следовал за ней по пятам, но они все равно опоздали. Бой был окончен. Возле восточной стены, недалеко от бокового входа, лежали два умирающих северянина, над которыми возвышались Лоррен Секира, Шестипалый Харл и Злоязыкий.

— Кромм и Хейген заметили, как они перелезают через стену, — пояснил Злоязыкий.

— Их только двое? — спросила Аша.

— Пятеро. Двоих мы убили прежде, чем они перелезли, еще одного Харл прирезал на галерее. Эти двое добрались до двора.

Один был уже мертв, его кровь и мозги запеклись на секире Лоррена, но второй еще дышал, тяжело и прерывисто, хотя копье Злоязыкого пригвоздило его к земле, и под ним растекалась лужа крови. Оба носили вареную кожу и плащи в зеленую, бурую и черную крапинку, на капюшоны и плечи которых были нашиты ветки, листва и валежник.

— Кто ты? — спросила Аша раненого.

— Флинт. А ты кто?

— Аша из Дома Грейджоев. Это мой замок.

— Темнолесье — вотчина Галбарта Гловера. Кальмарам тут не место.

— Сколько вас еще? — потребовала ответа Аша. Он не ответил, и тогда она взялась за копье Злоязыкого и повернула его — северянин закричал от боли, а из раны хлынула свежая кровь. — Зачем вы явились?

— За леди, — ответил он, содрогаясь. — О боги, прекратите. Мы пришли за леди. Чтоб спасти ее. Нас было всего пятеро.

Аша взглянула ему в глаза. Она

увидела в них ложь, поэтому оперлась на копье и начала проворачивать его в ране.

— *Сколько вас еще?* — произнесла она. — Говори, или я сделаю так, что ты будешь умирать до рассвета.

— Много, — наконец прорыдал он между вскриками. — *Тысячи*. Три тысячи, четыре... ааааа... умоляю...

Она вырвала копье из его тела и обеими руками вонзила в его лживую глотку. Мейстер Галбарта Гловера утверждал, что горные кланы слишком склочны и смогут объединиться только под предводительством Старков. *Возможно, он не лгал. Он мог просто*

ошибаться. После веча, на котором ее дядю избрали королем, она знала, что такое ошибка.

— Эти пятеро должны были отпереть ворота замка перед основным ударом, — сказала она. — Лоррен, Харл, приведите леди Гловер и ее мейстера.

— Целыми, или сперва пустить им кровь? — поинтересовался Лоррен Секира.

— Целыми и невредимыми. Злоязыкий, поднимись на эту треклятую башню и передай Кромму и Хагену, чтобы смотрели в оба. Если хотя бы заяц прошмыгнет, я хочу об этом знать.

Вскоре внутренний двор

Темнолесья наполнился испуганными людьми. Ее собственные люди втискивались в доспехи или забирались на опоясывающую замок галерею. Родня Галбарта Гловера в ужасе наблюдала за происходящим, перешептываясь друг с другом. Управляющего Гловеров пришлось нести из подвала на руках — он потерял ногу, когда Аша штурмовала замок. Мейстер шумно протестовал, пока Лоррен не ударил его наотмашь по лицу рукой, закованной в броню. Леди Гловер появилась из богороши, опираясь на руку горничной.

— Я предупреждала вас, что этот день придет, миледи, — сказала

она, увидев тела на земле.

Мейстер вышел вперед, кровь капала из его разбитого носа:

— Леди Аша, умоляю, спустите знамена и позвольте мне договориться, чтобы вас оставили в живых. Вы обращались с нами справедливо и достойно. Я скажу им об этом.

— Мы обменяем вас на детей, — глаза Сибеллы Гловер были красными от слез и бессонных ночей. — Гавену уже четыре. Я пропустила его именины. А моя милая девочка... верните моих детей, и вам не причинят вреда. Ни вам, ни вашим людям.

Аша знала, что последние слова

были ложью. Ее, быть может, обменяют и отправят обратно на Железные острова в объятия любящего супруга. Ее родственников тоже выкупят, как и Триса Ботли, и еще нескольких ее людей, чья родня была достаточно богата. Остальных ждет топор, виселица или Стена. У них все же есть право выбора.

Аша забралась на бочку, чтобы все могли ее видеть:

— Сюда идут волки, их пасти оскалены. Они будут у наших ворот еще до восхода солнца. Бросим ли мы копья и топоры и будем ли просить о пощаде?

— Нет, — Кварл-Девница обнажил меч.

умереть, я умру с топором в руке и с проклятьем на устах.

— На стены, — скомандовала Аша Грейджой своим людям. Сама она направилась к дозорной башне, Трис Ботли последовал за ней.

По эту сторону гор не было ничего выше деревянной дозорной башни Темнолесья, она на двадцать футов возвышалась над самыми высокими страж-деревьями и гвардейскими соснами окрестных лесов.

— Там, капитан, — сказал Кромм, когда она добралась до смотровой площадки. Аша видела лишь деревья, тени, залитые лунным светом холмы и заснеженные

вершины. Потом она заметила, что деревья подползают ближе.

— Ого, — рассмеялась она, — горные козлики оделись в сосновые ветви. — Лес пришел в движение, он подползал к замку, как неспешная зеленая волна. Она вспомнила сказку, которую слышала в детстве, совсем маленькой, о Детях Леса и об их сражениях с Первыми Людьми, во время которых зеленые провидцы превращали деревья в воинов.

— Их слишком много, мы не сможем дать им бой, — произнес Трис Ботли.

— Мы сможем дать бой, сколько бы их ни пришло, щенок, — уверенно сказал Кромм. — Чем их больше, тем

больше славы. О нас будут слагать песни.

Да уж, но будут ли они воспевать вашу отвагу или мою глупость? Море было в пяти долгих лигах. Может быть, все-таки лучше остаться здесь и сражаться под защитой глубоких рвов и бревенчатых стен Темнолесья? Деревянные стены Темнолесья не очень-то помогли Гловерам, когда я штурмовала замок, напомнила она себе. С какой стати они лучше послужат мне?

— К утру мы уже будем пировать на дне морском, — Кромм взмахнул топором, словно не мог дождаться этого.

Хаген опустил рог:

— Если мы умрем, не замочив ноги, то как отыщем путь в подводные чертоги Утонувшего Бога?

— В этих лесах полно ручьев, — уверил его Кромм, — все они вливаются в реки, а все реки впадают в море.

Аша не была готова умереть, не здесь и не сейчас.

— Живому куда проще найти путь к морю, чем мертвецу. Пусть волки заберут свои унылые леса. Мы отправляемся к кораблям.

Она гадала, кто командует ее противником. *На его месте я захватила бы берег и спалила наши галеры, прежде чем штурмовать*

Темнолесье. Впрочем, для волков это — непростая задача, если только у них нет своих кораблей. Аша никогда не швартовала у берега больше половины своей флотилии. Другая половина оставалась в безопасности в море — у них был приказ поднять паруса и взять курс на Мыс Морского Дракона, если берег захватят северяне.

— Хаген, труби в рог, и пусть леса содрогнутся. Трис, надевай кольчугу, пришло время опробовать твой прекрасный меч, — она заметила, как он побледнел, и ущипнула его за щеку. — Давай вместе забрызгаем луну кровью, я обещаю тебе по поцелую за каждого

убитого.

— Моя королева, — сказал Тристифер, — здесь мы под защитой стен, но если мы доберемся до моря, и обнаружим, что волки захватили наши корабли или увели их...

— ...мы умрем, — бодро закончила она, — но умрем, по крайней мере, намочив ноги. Железнорожденные сражаются лучше, когда в лицо им летят соленые брызги, а за спиной шумит море.

Хаген протрубил три коротких сигнала, означавших, что железные люди могут возвращаться к своим кораблям. Снизу доносились крики, лязг копий и мечей, ржание лошадей.

Слишком мало лошадей и слишком мало умеющих ездить верхом. Аша направилась к лестнице. Во дворе она увидела Кварла-Девицу, ожидавшего ее с гнедой кобылой, шлемом и метательными топориками. Остальные выводили лошадей из конюшен Галбарта Гловера.

— Таран! — донесся голос со стены. — У них есть таран!

— Какие ворота? — спросила Аша, вскакивая в седло.

— Северные! — внезапно за замшелыми деревянными стенами Темнолесья раздался звук труб.

Трубы? Волки с трубами? Что-то здесь не так, но у Аши не было

времени на размышления.

— Открыть южные ворота, —
скомандовала она, и в тот же момент
северные ворота сотряслись от удара
тарана. Из перевязи, надетой через
плечо, она вытащила метательный
топорик с короткой рукояткой. —
Час совы миновал, братья мои. На
смену ему пришел час копья, меча и
топора. Стройтесь. Мы отправляемся
домой.

Из сотен глоток вырвался рев
"Домой!" и *"Аша!"*. Трис Ботли
подъехал к ней на крупном чалом
жеребце. Во дворе замка ее люди
смыкали ряды, поднимая щиты и
копья. Кварл-Девнца, который не
умел ездить верхом, занял место

между Злоязыким и Лорреном Секирой. Хаген слезал по лестнице дозорной башни, как вдруг стрела, посланная волчьим отродьем, вонзилась ему в живот, и он свалился на землю вниз головой. Дочь бросилась к нему с криками.

— Привести её, — приказала Аша. Для скорби не было времени. Рольф-Карлик закинул девушку своего коня, ее рыжие волосы развевались на ветру. Аша услышала, как застонали северные ворота, когда таран вновь ударил в них. *Возможно, придется прорубать себе путь,* подумала она, но тут южные ворота распахнулись перед ними. Путь свободен. *Надолго ли?*

— Все выходим! — Аша вонзила шпоры в бока лошади.

Пешие и всадники одинаково спешили добраться до деревьев на дальней стороне размокшего поля, где в лунном свете виднелись гниющие мертвые ростки озимой пшеницы. Аша держала всадников в арьергарде, чтобы подгонять отстающих и никого не потерять по дороге. Высокие гвардейские сосны и корявые старые дубы смыкались вокруг них. Темнолесье не случайно получило такое имя. Деревья были огромными, темными и немного пугающими. Их нижние ветви переплетались друг с другом и поскрипывали от каждого порыва

ветра, а верхушки царапали лик луны. *Чем скорее мы уберемся отсюда, тем лучше,* подумала Аша. *Здесь каждое дерево ненавидит нас до глубины своего деревянного сердца.*

Они быстрым двигались на юг и юго-запад, пока деревянные башни Темнолесья не скрылись из виду, и леса не поглотили звуки труб. *Волки получили обратно свой замок,* думала она, *может, они решат, что этого достаточно, и не будут преследовать нас.*

К ней подъехал Трис Ботли:

— Мы идем не туда, — сказал он, указывая на луну, проглянувшую сквозь полог ветвей. — Нам надо

свернуть на север, к кораблям.

— Сперва на запад, — уверенно сказала Аша. — Идем на запад, пока не взойдет солнце. Потом — на север, — она повернулась к Рольфу-Карлику и Роггону Ржавой Бороде, своим лучшим наездникам. — Скачите вперед, на разведку, убедитесь, что путь свободен. Мне не нужны неожиданности, когда мы доберемся до побережья. Если наткнетесь на волков, возвращайтесь и доложите.

— Если придется, — уверил Роггон сквозь огромную рыжую бороду.

После того как разведчики скрылись за деревьями, остальные

железнорожденные продолжили путь, но двигаться приходилось медленно. Деревья скрывали от них луну и звезды, а подлесок под ногами был темным и коварным. Не успели они пройти и полмили, как кобыла ее кузена Квентона провалилась в яму и сломала переднюю ногу. Она кричала от боли, и Квентону пришлось перерезать ей горло.

— Нужно сделать факелы, — настаивал Трис.

— Огонь приведет к нам северян, — Аша тихо выругалась, спрашивая себя, не было ли ошибкой покинуть замок. *Нет. Если бы мы остались и приняли бой, скорее всего, мы бы уже все погибли. Но и*

блуждать в темном лесу — тоже не выход. Эти деревья убили бы нас, если бы могли.

Она сняла шлем и откинула назад влажные от пота волосы:

— Солнце взойдет через пару часов. Мы остановимся здесь и отдохнем до рассвета.

Остановиться оказалось просто, а вот отдохнуть — сложно. Никто не спал, даже Дейл Сомкни Очи, гребец, знаменитый тем, что умудрялся дремать между взмахами весел. Часть бойцов разделили между собой бурдюк яблочного вина из запасов Галберта Гловера. Те, кто успел захватить еду, делились с теми, у кого ее не было. Всадники кормили

и поили лошадей. Кузен Квентон Грейджой отправил троих людей на деревья — следили, не появятся ли в лесу огни. Кромм точил свой топор, а Кварл-Девница — меч. Лошади щипали жухлую бурую траву. Рыжеволосая дочь Хагена взяла за руку Триса Ботли и потянула его за собой в лес. Он отказался, и она ушла с Шестипалым Харлом.

Если бы я могла сделать то же самое. Было бы приятно забыться в объятьях Кварла в последний раз. У Аши было нехорошее предчувствие. Суждено ли ей когда-нибудь снова ощутить под ногами палубу "Черного Ветра"? А если да, то куда она направит свой корабль? Острова для

меня закрыты, если только я не собираюсь преклонить колено, раздвинуть ноги и терпеть ласки Эрика Айронмейкера; ни один порт во всем Вестеросе не примет дочь кракена. Она могла бы заняться торговлей, как хотелось Трису, или отправиться к Ступеням и присоединиться к пиратам. Или...

— Посылаю вам кусочек принца, — пробормотала она.

Кварл ухмыльнулся:

— Я предпочел бы кусочек тебя, — прошептал он, — сладкий кусочек, который...

Что-то вылетело из чащи леса, шлепнулось с глухим звуком посреди поляны и покатилося, подпрыгивая.

Круглое, темное, влажное, с длинными волосами. Когда предмет, наконец, замер у корней дуба, Злоязыкий сказал:

— Рольф-Карлик теперь не такой высокий, как прежде.

Половина ее людей уже была на ногах, выхватывая щиты, копья, топоры. *Они тоже не зажигают факелов*, успела подумать Аша, *и они знают здешние леса гораздо лучше нас*. А потом лес вокруг словно взорвался, и на них с ревом хлынули северяне. *Как волки*, подумала она, *воют, как чертовы волки. Боевой клич севера*. Ее железнорожденные взревели в ответ, и битва началась.

Певцы не будут слагать песни об

этом сражении. Мейстеры не упомянут о нем в одной из книг, что так любит Чтец. Над войсками не реяли стяги, не пели горны, великие лорды не созывали солдат, чтобы произнести перед ними звучную напутственную речь. Они бились в предрассветном сумраке, одни тени против других, спотыкаясь о корни и камни, меся грязь и топча гниющую листву. Железнорожденные в кольчугах и запятнанной солью коже и северяне в мехах, шкурах и сосновых ветках. Луна и звезды наблюдали за битвой, их бледный свет струился сквозь заросли голых ветвей, переплетенных над головами.

Первый напавший на Ашу

Грейджой умер у ее ног с метательным топориком между глаз. Это дало ей время надеть на руку щит.

— *Ко мне!* — крикнула она, сама не зная, обращается ли к своим людям, или призывает врагов. Перед ней возник северянин с топором, он размахивал руками и нечленораздельно яростно ревел. Аша отразила удар щитом, сделала выпад и выпустила ему кишки ударом кинжала. Он упал, и рев его уже звучал по-другому. Она повернулась, обнаружила, что со спины к ней подбирается еще один волк, и полоснула его по лбу чуть ниже шлема. Его удар пришелся ей

чуть ниже груди, но кольчуга выдержала, так что она вонзила кинжал ему в горло, оставив захлебываться собственной кровью. Чья-то рука схватила ее за волосы, но те были слишком короткими для того, чтобы удалось запрокинуть ее голову назад. Аша врезала каблуком сапога по ноге нападавшего и вырвалась, когда он закричал от боли. Она обернулась, но мужчина уже упал и корчился в агонии, все еще сжимая в руке клок ее волос. Над ним стоял Кварл, с меча его капала кровь, а в глазах сиял лунный свет.

Злоязыкий вел счет убитым северянам — раздался крик: "Четыре", и тело рухнуло на землю,

затем: "Пять", лишь секундой позже. Лошади, в ужасе выпучив глаза, кричали и брыкались, они обезумели от резни и вида крови... все, кроме огромного чалого коня Триса Ботли. Трис остался в седле, его жеребец вставал на дыбы и кружился на месте, пока всадник орудовал мечом. *Возможно, к утру я задолжаю ему поцелуй или три*, подумала Аша.

— Семь, — выкрикнул Злоязыкий, рядом с ним неуклюже упал Лоррен Секира, подвернувший ногу, а тени все прибывали, крича и шелестя. *Мы сражаемся с живой изгородью*, подумалось Аше, когда она прирезала человека, на котором было больше листьев, чем на любом

из окружавшем их деревьев. Она рассмеялась от этой мысли, и смех привлек к ней новых волков, но и их она прикончила, размышляя, не стоит ли ей тоже вести свой счет. *Я замужняя женщина, а это — мой младенец.* Она вонзила кинжал в грудь северянина, проткнув мех, шерсть и вареную кожу. Лицо его было так близко, что она ощутила кислую вонь его дыхания, а он протянул руку к ее горлу. Аша почувствовала, как сталь скользнула по кости, когда острие ее кинжала уперлось в ребро. Потом тело ее противника сотрясла судорога, и он умер. Она отпустила его, обессиленная, и чуть сама не упала

сверху.

Позже они с Кварлом бились спина к спине, а вокруг них слышалось ворчание и проклятья отважных мужчин, нападающих под покровом ночи или зовущих мамочку. К ней приблизился куст, вооруженный длинным копьём, которым можно было пронзить и ее живот, и спину Кварла, так что они умерли бы, сколотые вместе. *Лучше, чем умереть в одиночестве,* подумала она, но кузен Квентон убил обладателя копья прежде, чем тот успел добраться до нее. А через мгновение другой куст убил Квентона, раскроив ему череп топором.

За ее спиной раздался крик Злоязыкого: "*Девять*, и будьте вы прокляты". Из чащи, в чем мать родила, выскочила дочь Хагена, ее преследовали двое волков. Аша кинула топорик, он, вращаясь, полетел вперед и воткнулся в спину одному из них. Тот упал, а дочь Хагена рухнула на колени, подхватила его меч и зарубила им второго нападавшего, потом снова вскочила на ноги, забрызганная кровью и грязью, с длинными распущенными рыжими волосами, и бросилась в гущу схватки.

В водовороте битвы Аша потеряла Кварла, потеряла Триса, потеряла их всех. Она лишилась

кинжала, у нее не осталось ни одного топорика, а в руках вместо этого был меч, короткий меч с широким толстым лезвием, похожий на мясницкий тесак. Она ни за что не смогла бы объяснить, где взяла его. Рука ныла, во рту был привкус крови, ноги дрожали, а первые лучи бледного рассветного солнца уже падали на землю косыми нитями, пробиваясь сквозь кроны деревьев. *Уже прошло столько времени? Сколько же мы уже бьемся?*

Последним ее противником был северянин, вооруженный топором, крупный лысый бородатый мужчина в залатанной ржавой кольчуге, какую мог носить только командующий или

отличный боец. Он был не очень рад тому, что приходится биться с женщиной.

— Сука! — ревел он всякий раз, когда наносил удар, и капельки его слюны оседали на ее щеках. — Сука! Сука!

Аше хотела крикнуть что-нибудь в ответ, но в горле так пересохло, что она могла только хрипеть. Его топор опускался на ее щит, раскалывая древесину, а когда северянин выдергивал его, из под топора вылетали длинные бледные щепки. Вскоре у нее в руке останется только пучок лучин. Она отступила и скинула разбитый щит, потом ей пришлось отступить еще и начать

танцевать, уклоняясь влево, вправо и опять влево, чтобы увернуться от опускающегося сверху топора.

А потом она уперлась спиной в дерево и больше не могла плясать. Волк поднял топор высоко над головой, намереваясь расколоть ей череп надвое. Аша попыталась скользнуть вправо, но ноги запутались в корнях. Она дернулась, потеряла равновесие, и топор с хрустом ударил ей в висок, сталь заскрежетала о сталь. Мир вокруг стал красным, потом — черным, потом — снова красным. Боль пронзила ногу, словно молния, будто издалека она услышала, как северянин произнес: "Чертова сука",

и занес топор для удара, который должен был прикончить ее.

Раздался звук трубы.

Это неправильно, подумала она. В подводных чертогах Утонувшего Бога нет труб. В глубине волн мерланги приветствуют своего господина, трубя в морские раковины.

Ей привиделись пылающие алые сердца и черный олень посреди золотого леса, с рогами, охваченными пламенем.

28. ТИРИОН

Когда они достигли Волантиса, небо уже стало пурпурным на западе и черным на востоке, начали появляться звезды. *Те же звезды, что и в Вестеросе*, отметил Тирион Ланнистер.

Он мог бы даже найти некоторое утешение в этом, если бы его не связали как гуся и не перебросили через седло. Он перестал извиваться — узлы были завязаны слишком туго. Вместо этого он безвольно повис, словно мешок с мукой. *Берегу силы*, говорил себе карлик, но для чего, он не смог бы

объяснить.

Волантис закрывал ворота с наступлением темноты, и у северного входа стражники уже нетерпеливо ворчали на отставших.

Они присоединились к очереди, встав позади телеги, нагруженной апельсинами и лаймами. Караульные пропустили телегу движением факелов, но принялись внимательно рассматривать огромного андала на боевом коне, с длинным мечом и в кольчуге. Вызвали капитана. Пока он и рыцарь обменивались несколькими словами по-волантийски, один из стражников снял латную перчатку и потер голову Тириона.

— Я приношу удачу, —

обратился к нему карлик. — Освободи меня, друг, и я позабочусь, чтобы ты получил щедрое вознаграждение.

Его похититель это услышал:

— Прибереги свою ложь для тех, кто говорит на твоём языке, Бес, — сказал он, когда волантийцы махнули им рукой, разрешая пройти.

Затем они двинулись дальше, через ворота и вдоль массивных городских стен.

— *Ты* говоришь на моем языке. Могут ли я поколебать твою решимость обещаниями, или ты все же твердо намерен купить титул лорда, заплатив моей головой?

— Я *был* лордом по праву

рождения. Мне не нужны пустые титулы.

— Но это все, что ты получишь от моей милой сестрицы.

— А я слышал, что Ланнистеры всегда платят свои долги.

— Да, до последнего пенни... но никогда грошем больше, милорд. Вы получите пищу, на которую рассчитывали, но к ней не будет соуса благодарности, и в конце концов она не насытит вас.

— А может, я просто хочу увидеть, как ты заплатишь за свои грехи. Убийца родной крови проклят в глазах богов и людей.

— Боги слепы, а люди видят лишь то, что хотят.

— Я вижу тебя насквозь, Бес, — что-то темное закралось в тон рыцаря. — Я совершал поступки, которыми не горжусь и которые опозорили мой дом и имя моего отца... но убить своего собственного родителя? Как человек может сделать такое?

— Дай мне арбалет, спусти штаны, и я тебе покажу. — *С удовольствием.*

— Думаешь, это шутка?

— Думаю, вся жизнь — шутка.

Твоя, моя, да чья угодно.

Внутри городских стен они проезжали мимо зданий различных гильдий, рынков и бань. Фонтаны плескались и пели посреди широких

площадей, где люди сидели за каменными столами, двигая фигуры для кайвассы и потягивая вино из стеклянных фужеров; рабы зажигали богато украшенные фонари, разгонявшие тьму. Пальмы и кедры росли у мощеной дороги, а на каждом перекрестке стояли памятники. У многих статуй не было голов, заметил карлик, однако даже безголовыми они выглядели грандиозно в багровых сумерках.

По мере того как конь брел на юг по берегу реки, лавки становились все меньше и беднее, а деревья вдоль улицы превратились в ряд пней. Булыжники под его копытами уступили место бес-траве,

а затем мягкой мокрой грязи цвета детских испражнений. Мостики, перекинутые через небольшие ручьи, питавшие Ройну, тревожно скрипели под их весом. Там, где когда-то над рекой возвышался форт, теперь остались только широко распахнутые сломанные ворота, похожие на беззубый рот старика, а из-за бруствера порой выглядывали козы.

Старый Волантис, первенец Валирии, размышлял карлик. Гордый Волантис, король Ройны и хозяин Летнего моря, обитель благородных господ и милых дам древнейших кровей. Да, если не обращать внимания на голых детей, которые стайками бродили по аллеям, крича

пронзительными голосами, или на
головорезов, стоявших в дверях
винных лавок, обхватив рукояти
своих мечей, или на рабов с их
согнутыми спинами и
татуированными лицами, которые
сновали повсюду как тараканы.
*Могучий Волантис, величайший и
самый многолюдный из девяти
Свободных Городов.* Но большая
часть населения погибла еще в
древних войнах, и многие районы
Волантиса начали снова погружаться
в грязь, на которой его выстроили.
*Прекрасный Волантис, город
фонтанов и цветов.* Но половина
фонтанов были сухими, а половина
бассейнов потрескалась, и вода в них

застоялась. Цветущие лозы
выползали из каждой трещины в
ограде или на мостовой, а в стенах
заброшенных лавок и в храмах без
крыш пустили корни молодые
деревья.

И еще был запах. Он висел в
жарком, влажном воздухе —
насыщенный, мерзкий,
всепроникающий. *Тут и рыба, и
цветы, и слоновье дерьмо.
Сладковатая вонь, смешанная с
запахом земли, и при этом разит
дохлятиной и гнилью.*

— Этот город смердит, как
старая шлюха, — заявил Тирион. —
Как грязнуля с отвисшими
прелестями, которая обливается

парфюмом, чтобы заглушить зловоние между ног. Не то, чтоб я жаловался. Если уж говорить о шлюхах, то молодые пахнут гораздо лучше, зато старые знают больше постельных фокусов.

— Тебе виднее.

— Ну да, конечно. Должно быть, тот бордель, в котором мы встретились, ты принял за септу? А та девица, ерзавшая у тебя на коленях, была твоей девственной сестрой?

Рыцарь разозлился:

— Прекрати болтать языком, если не хочешь, чтобы я завязал его в узел.

Тирион проглотил следующую

колкость. Его губы все еще оставались отеками и раздувшимися с того последнего раза, когда он зашел слишком далеко. *Тяжелая рука и никакого чувства юмора — плохое сочетание.* Карлик отлично выучил это по дороге из Селхориса. Он задумался о грибах, спрятанных в носке сапога. Похититель обыскал его отнюдь не так тщательно, как мог бы. *Этот выход у меня всегда останется. По крайней мере, живым я Серсее не достанусь.*

Еще дальше на юг снова начали появляться признаки процветания. Зброшенные здания встречались все реже, голые дети исчезли, одежды на

головорезах в дверных проемах выглядели более роскошными. А некоторые из гостиниц, которые они проезжали, и впрямь походили на заведения, где можно спать и не бояться проснуться с перерезанным горлом. Фонари свисали с железных столбов вдоль речной дороги, покачиваясь, когда дул ветер. Улицы становились шире, здания — внушительнее. Некоторые из них были увенчаны большими куполами из цветного стекла. В опускавшихся сумерках, с огнями, зажженными под ними, купола светились синим, красным, зеленым и фиолетовым.

Но все равно, нечто, витавшее в воздухе, вызывало беспокойство у

Тириона. На западном берегу Ройны, насколько он знал, матросы, рабы и торговцы заполняли причалы Волантиса, а винные погребки, гостиницы и публичные дома обслуживали эту публику. На восточной же стороне реки заморские путешественники были редкостью. *Нам здесь не рады,* почувствовал карлик.

Когда они в первый раз проехали мимо слона, Тирион не мог оторвать от него глаз. В детстве он видел этих животных — в зверинце Ланниспорта жила слониха, но она умерла, когда ему было семь... и этот огромный серый исполин выглядел раза в два крупнее нее.

Чуть дальше они наткнулись на слона поменьше, белого, как старая кость, который был впряжен в богато украшенную повозку.

— Считается ли воловья повозка воловьей повозкой, если у нее нет волов? — поинтересовался Тирион у своего похитителя. Не получив ответа на свою остроту, он снова погрузился в молчание, созерцая круглую задницу шагавшего перед ним карликового слона.

Волантис кишел этими белыми созданиями. Тирион успел заметить около дюжины, пока они тащились к Черной Стене через людные районы возле Длинного Моста. Впрочем, обычные серые слоны здесь тоже

были не редкостью — огромные монстры с дворцами на спинах. В вечернем полумраке стали появляться полуголые рабы с тележками: они сгребали лопатами дымящиеся кучи слоновьего навоза, оставленного обоими видами — и большими, и маленькими. Полчища насекомых вились вокруг их тележек, поэтому на щеках рабов были татуировки в виде мухи, отмечающие суть их занятия.

Вот подходящее ремесло для моей милой сестрицы, замечтался Тирион. Она бы премило смотрелась с маленькой лопаткой и мухами, вытатуированными на ее нежных розовых щечках.

К тому времени они двигались со скоростью черепахи. Дорога вдоль реки была забита народом, почти все следовали на юг. Поток подхватил рыцаря, словно река — бревно. Тирион глазел на прохожих. Девять человек из десяти имели отметины рабов на щеках.

— Столько рабов... куда они все идут?

— На закате красные жрецы зажигают ночные костры. Будет говорить Верховный Жрец. Я предпочел бы другую дорогу, но добраться до Длинного Моста можно только минуя красный храм.

Спустя три квартала улица вывела их на огромную площадь,

освещенную факелами, посреди нее стоял он. *Храни меня Семеро, да этот храм в три раза больше Великой Септы Бейелора.* Чудовищное переплетение столбов, лестниц, опор, мостов, куполов и башен производило такое впечатление, будто все они были вытесаны из одной глыбы колоссальных размеров; Храм Владыки Света возвышался подобно холму Эйегона. Сотни оттенков красного, желтого, золотистого и оранжевого соприкасались и сливались в единое целое на стенах храма, перетекая из одного цвета в другой как облака на заходе солнца. Его стройные башни сплетались в

высоте, словно застывшие языки пламени, танцующие в небе. *Огонь, превращенный в камень.* Верховный Жрец, окруженный огромными ночными кострами, разведенными у ступеней храма, начал свою речь.

Бенерро. Жрец стоял на вершине красной каменной колонны, соединенной узким каменным мостиком с величественной террасой, на которой замерли жрецы рангом поменьше и прислужники. Прислужники облачились в бледно-желтые и ярко-оранжевые одеяния, а жрецы и жрицы — в огненно-красные.

Огромная площадь перед ними была заполнена людьми, стоящими

почти вплотную друг к другу. Многие последователи носили красные повязки на рукавах или головах. Все, кроме них, смотрели только на верховного жреца.

— Дорогу, — прорычал рыцарь, и его лошадь врезалась в толпу. — Прочь с дороги! — Волантийцы неохотно расступались, провожая путников ругательствами и злыми взглядами.

Бенерро умело владел своим высоким голосом. Он был рослый и худой, с молочного цвета кожей и вытянутым лицом. Языки пламени, вытатуированные на его щеках, подбородке и бритой голове, образовывали ярко-красную маску,

которая расщеплялась у глаз, спускалась вниз и обвивалась вокруг безгубого рта.

— Это татуировка раба? — спросил Тирион.

Рыцарь кивнул:

— Красный храм покупает их детьми и делает жрецами, храмовыми проститутками или воинами. Посмотри туда, — он указал на ступени, где виднелся ряд мужчин в богато украшенных доспехах и оранжевых плащах. Они стояли у дверей в здание, сжимая копья с наконечниками в форме пляшущих огней. — Огненная Рука. Священные солдаты Владыки Света, защитники храма.

Огненные рыцари.

— А сколько пальцев на этой руке, скажи на милость?

— Всегда тысяча. Ни больше, ни меньше. Вместо каждого погасшего огня зажигают новый.

Бенерро указал пальцем на луну, сжал ладонь в кулак и широко раскинул руки. Когда его голос достиг пика, из пальцев со свистом вырвались языки пламени, толпа изумленно ахнула. Жрец начал чертить огненные символы. *Валирийские письма.* Тирион узнал только два знака из десяти: Гибель и Тьма.

Толпа разразилась криками: женщины рыдали, мужчины

потрясали кулаками. *Что-то мне все это не нравится.* В его памяти всплыл день отплытия Мирцеллы в Дорн и мятеж, вспыхнувший на обратном пути из гавани в Красный Замок.

Ему пришли на ум слова Халдона Полумейстера о возможности использовать красного жреца с выгодой для Юного Грифа. Теперь, когда он сам увидел и услышал этого человека, — идея показалась ему крайне неудачной. Он надеялся, что у Грифа окажется больше здравого смысла. *Некоторые друзья бывают опаснее врагов. Но лорду Коннингтону придется разбираться в этом самому. Похоже,*

я очень скоро стану головой на пике.

Жрец указал на Черную Стену позади храма, ткнув пальцем в ее парапеты, откуда глядела вниз горстка вооруженных охранников.

— Что он говорит? — спросил Тирион у рыцаря.

— Что Дейенерис в беде. Темное око направило на нее свой взор, а приспешники ночи замышляют уничтожить ее... молятся своим фальшивым богам в храмах обмана... плетут заговоры против нее вместе с безбожниками из дальних стран...

Волосы на затылке у карлика встали дыбом. *Принц Эйегон не найдет здесь друзей.* Красный жрец

говорил о древнем пророчестве, которое предсказало появление героя, изгоняющего тьму, нависшую над миром. *Одного героя. А не двух.* У Дейенерис есть драконы, у Эйгона их нет. Карлику не нужно было становиться провидцем, чтобы понять, как Бенерро и его последователи могут отреагировать на появление второго Таргариена. *Само собой, Гриф тоже это поймет,* подумал он, с удивлением отметив, насколько сильно его это взволновало.

Его похитителю пришлось применить силу, протискиваясь сквозь толчею на выходе с площади, игнорируя сыпавшиеся на них со всех

сторон проклятия. Один человек заградил им дорогу, но рыцарь взялся за рукоять меча и продемонстрировал фут обнаженной стали. Человек тут же испарился, и путь снова оказался свободен. Рыцарь пустил лошадь рысью, толпа осталась позади. Какое-то время Тирион все еще слышал голос Бенерро, постепенно затихавший за их спинами, и вызванный его речью рев толпы, грянувший как внезапный раскат грома.

Они подъехали к какой-то конюшне. Рыцарь спешился и стал колотить в дверь, пока не прибежал изможденный раб с лошадиной головой на щеке. Карлика грубо

сдернули из седла и привязали к столбу, в то время как его похититель будил владельца конюшни и торговался с ним по поводу цены за коня и седло. *Дешевле продать лошадь, чем перевозить ее на корабле через полмира.* Тирион почувствовал присутствие корабля в своем ближайшем будущем. Возможно, он все-таки был провидцем.

Когда препирательства закончились, рыцарь закинул оружие, щит и седельную сумку себе на плечо и спросил дорогу к ближайшей кузнице. Та тоже оказалась запертой, но на крик рыцаря довольно быстро открылась.

Кузнец искоса взглянул на Тириона, затем кивнул и принял горсть монет.

— Поди сюда, — сказал рыцарь своему пленнику. Он вытащил кинжал и перерезал путы, связывающие карлика.

— Весьма признателен, — ответил тот, растирая запястья, но рыцарь лишь рассмеялся.

— Прибереги свою благодарность тому, кто ее заслуживает, Бес. Тебе не понравятся новые удила.

Он не ошибся.

Оковы были из черного железа, толстые и тяжелые, весом не меньше двух фунтов, насколько мог судить Тирион, а цепь оказалась еще

массивнее.

— Должно быть, я более опасен, чем сам себе представлялся, — признался Тирион, пока его заковывали. Каждый удар отдавался в руках до самых плеч. — Или ты боишься, что я унесусь прочь на своих маленьких чахлых ножках?

Кузнец не поднял головы от своей работы, но рыцарь мрачно усмехнулся:

— Меня волнуют не твои ноги, а болтающий язык. В кандалах ты — раб, так что никто не станет слушать твоих речей, даже те, кто говорят на языке Вестероса.

— В этом нет необходимости, — возразил Тирион. — Я буду

послушным маленьким пленником,
честно-честно.

— Тогда докажи это и закрой рот.

И карлик склонил голову и прикусил язык, пока его заковывали в цепи: от запястья к запястью, от запястья к лодыжке, и от лодыжки к лодыжке. *Эти проклятые штуковины весят больше меня.* По крайней мере, он все еще был жив. Пленивший его воин мог бы запросто снести ему голову. В конце концов, Серсея большего не требовала. И не обезглавив его при первой возможности, похититель совершил свою первую ошибку. *Дорога от Волантиса до Королевской Гавани*

лежит через полмира, а по дороге многое может приключиться, сир.

Остаток пути они проделали пешком. Тирион звенел и грохотал, изо всех сил стараясь поспеть за своим высоким похитителем, шагающим широко и торопливо. Всякий раз, когда он начинал отставать, рыцарь натягивал цепь и грубо дергал, вынуждая карлика догонять его, подпрыгивая и спотыкаясь. *Могло быть и хуже. Он мог бы гнать меня перед собой кнутом.*

В месте, где река целуется с морем, Волантис разделялся устьем Ройны на две половины, которые соединял Длинный Мост. Старейшая,

самая богатая часть города лежала на восточном берегу, но наемники, чужестранцы и другие неотесанные бродяги там не приветствовались, поэтому им нужно было перебираться на западную сторону.

Длинный Мост начинался черной каменной аркой, украшенной резьбой: сфинксами, мантикорами, драконами и еще какими-то неведомыми существами. За аркой простирался большой пролет, построенный волантийцами на пике их славы — эстакада из расплавленного камня, поддерживаемая массивными колоннами. Ширины ее едва хватало, чтобы разминулись две повозки, и

всякий раз, когда фургон, следующий на запад, встречался с идущим на восток, оба вынуждены были еле ползти.

Хорошо, что они шли пешком. В трети пути от начала моста нагруженная дынями телега зацепилась за набитую шелковыми коврами повозку, и это остановило все колесное движение. Большая часть пешеходного потока тоже замедлилась, чтобы понаблюдать за бранящимися возницами, но рыцарь потянул карлика за цепь и принялся пробиваться через толпу, прокладывая путь для них обоих. В самом центре толчеи какой-то мальчишка попытался вытащить у

него кошелек, но тычок твердым локтем заставил вора оставить задуманное и заняться разбитым носом, залившим ему кровью поллица.

Здания возвышались с обеих сторон от них: лавки и храмы, таверны и гостиницы, беседки для кайвассы и бордели. Большинство были в три или четыре этажа, и каждый следующий уровень нависал над предыдущим. Верхние этажи почти касались друг друга. Из-за этого казалось, что путь лежал через длинный, освещенный факелами туннель.

Вдоль моста стояли лавки и палатки всех сортов; ткачи и

кружевницы демонстрировали свои изделия бок о бок со стеклодувами, свечных дел мастерами и торговками рыбой с корзинами угрей и устриц. У дверей каждого ювелира стоял охранник, а у продавцов пряностей — даже два, поскольку и товар их был вдвое дороже. Тут и там, между лавками, путник мог мельком увидеть реку, которую пересекал. Ройна уходила на север широкой черной лентой, искрящейся под звездами, в пять раз шире Черноводной у Королевской Гавани. А к югу от моста река раскрывала объятья навстречу соленому морю.

С железных столбов, установленных вдоль прохода на

центральном пролете, подобно связкам лука свисали отрубленные руки грабителей и карманников. Тут же красовались три головы: две мужских и одна женская, их преступления были неразборчиво написаны на табличках под ними. Пара копейщиков в полированных шлемах и серебристых кольчугах стояли рядом. На их щеках виднелись тигриные полосы нефритово-зеленого цвета. Время от времени охранники проявляли заботу о покойных, взмахами копий отгоняя пустельг, чайк и ворон. Через несколько мгновений птицы снова возвращались.

— Что они сделали? — невинно

осведомился Тирион.

Рыцарь взглянул на надписи:

— Женщина была рабыней, поднявшей руку на хозяйку. Старика обвинили в подстрекательстве к мятежу и шпионаже в пользу королевы драконов.

— А парень?

— Убил своего отца.

Тирион ещё раз взглянул на гниющую голову. *Да ведь эти губы как будто улыбаются.*

Чуть дальше рыцарь приостановился взглянуть на украшенные драгоценностями диадемы, покоившиеся на ложе из фиолетового бархата. Он прошел мимо них, но через несколько шагов

вновь задержался, торгуясь за пару перчаток в лавке кожевенника. Тирион был благодарен за передышку. От стремительного темпа он уже задыхался, а его запястья под оковами стерлись в кровь.

С дальнего конца Длинного Моста оставалось немного пройти через переполненные портовые районы западного берега, вниз по освещенным факелами улицам, заполненным матросами, рабами и пьяными гуляками. Один раз мимо неуклюже прошагал слон с дюжиной полуголых рабынь, машущих руками из дворца на его спине, дразнящих прохожих мельканием своих грудей и кричащих: «Малакво, Малакво».

Они выглядели так восхитительно, что Тирион, засмотревшись, чуть было не вступил прямо в дымящуюся навозную кучу, оставленную слоном и отмечавшую его путь. Он был спасен в последний момент, когда рыцарь рванул его в сторону, дернув за цепь так сильно, что тот пошатнулся и еле устоял на ногах.

— Долго еще? — спросил карлик.

— Уже пришли. Рыбная площадь.

Как выяснилось, направлялись они в «Дом Купца». Это четырехэтажное уродливое строение, разросшееся вдоль реки посреди

складов, публичных домов и таверн, походило на огромного толстяка, окруженного детьми. Общий зал в нем был больше главных залов половины замков в Вестеросе — тускло освещенный лабиринт из сотни обособленных ниш и скрытых уголков. От его почерневших перекрытий и растрескавшихся потолков отражался эхом нескончаемый гул, производимый моряками, продавцами, менялами, судовладельцами и работоторговцами, которые лгали, проклинали и пытались провести друг друга на сотне разных языков.

Тирион одобрил выбор постоянного двора. Рано или поздно

«Робкая Дева» должна добраться до Волантиса. А это была самая большая гостиница в городе, предназначенная в первую очередь для хозяев судов, капитанов и купцов — в его покоем на муравейник общем зале заключалось немало сделок. Он знал об этом из рассказов о Волантисе. Стоило только Грифу с Уткой и Халдоном объявиться здесь, и он бы снова стал свободен.

А пока ему следовало набраться терпения. У него еще появится шанс.

Комнаты наверху, однако, оказались скорее маленькими, чем большими, в особенности самые дешевые, находившиеся на четвертом этаже. В спальне его похитителя,

втиснутой в угол здания под скошенной крышей, был низкий потолок, продавленная кровать с неприятно пахнувшей периной, и наклонный деревянный пол, напомнивший Тириону его пребывание в Орлином Гнезде. *По крайней мере, у этой комнаты есть стены.* Окна тоже имелись — одно из ее основных достоинств, наряду с установленным в стену железным кольцом, столь полезным для приковывания рабов. Помедлив лишь для того, чтобы зажечь сальную свечу, его похититель пристегнул цепь Тириона к кольцу.

— Может, не надо? — запротестовал карлик, без сил

свалившись на пол. — Куда я сбегу, из окна, что ли, выпрыгну?

— Ты мог бы.

— Мы на четвертом этаже, а летать я не умею.

— Зато можешь упасть. А мне ты нужен живым.

Да, но почему? Не похоже, чтобы Серсею это заботило.

Тирион загремел цепями:

— Я знаю кто ты, сир, — разгадать было несложно. Медведь на его накидке, герб на щите, упоминание о потерянном титуле. — И что ты за человек. А раз ты знаешь, кто я такой, то должен быть в курсе, что я был десницей короля и заседал в совете вместе с Пауком. Может,

тебе окажется интересным узнать, что именно евнух отправил меня в это путешествие? — *Он и Джейме, но об этом я умолчу.* — Я его ставленник, как и ты. А значит, между нами не должно быть разногласий.

Это не понравилось рыцарю:

— Я брал деньги Паука, не буду отрицать, но я никогда не был его ставленником. Моя преданность теперь принадлежит не ему.

— Серсее? Ну и дурак. Сестрице нужна только моя голова, а у тебя есть чудный острый меч. Почему бы сейчас не прекратить этот фарс и не перестать мучить нас обоих?

Рыцарь рассмеялся:

— Это одна из уловок карлика? Молить о смерти в надежде, что я сохраню твою жизнь? — он направился к двери. — Я принесу тебе что-нибудь из кухни.

— Какой ты милый! Я, пожалуй, здесь подожду.

— Ясное дело, подождешь.

Однако когда рыцарь вышел, то запер за собой дверь тяжелым железным ключом. «Дом Купца» был известен своими замками. *Надежный, как темница, горько подумал карлик, но здесь, по крайней мере, есть окна.*

Тирион знал, что его шансы освободиться из цепей ничтожны, но чувствовал себя обязанным хотя бы

попробовать. Все попытки просунуть кисти сквозь наручники привели только к тому, что он содрал еще больше кожи, и его запястья стали скользкими от крови, а все дерганья и извивания не помогли вытащить железное кольцо из стены.

Да и черт с ним, подумал он, откинувшись назад, насколько позволили ему цепи. Ноги тут же начало сводить судорогой. Ночь обещала быть дьявольски неприятной. *И наверняка это только первая из многих.*

Помещение было душным, поэтому рыцарь открыл ставни, чтобы создать сквознячок. Комнатушке, теснившейся в углу

здания под карнизом, повезло с наличием двух окон. Одно смотрело на Длинный Мост и окруженное черными стенами сердце Старого Волантиса за рекой. Другое выходило прямо на площадь. Рыбную Площадь, как называл ее Мормонт. Несмотря на тугие цепи, Тирион обнаружил, что может выглянуть наружу, отклонившись в сторону и перенеся вес на железное кольцо. *Не так высоко падать, как из небесных камер Лизы Аррен, но достаточно, чтобы убиться насмерть. Возможно, если бы я как следует напился...*

Даже в этот час площадь была заполнена людьми — моряки

буянили, шлюхи высматривали клиентов, торговцы улаживали свои дела. Пробежала красная жрица, сопровождаемая дюжиной последователей с факелами, полы их одеяний хлестали по лодыжкам. Возле таверны неподалеку вели сражение игроки в кайвассу. У их столика стоял раб, держа над доской фонарь. Тирион услышал пение женщины. Слова были странными, а мелодия нежной и печальной. *Если бы я знал, о чем она поет, то мог бы и заплакать.* Неподалеку собралась толпа вокруг пары жонглеров, перебрасывающих друг другу пылающие факелы.

Вскоре вернулся его похититель,

неся две большие кружки с элем и жареную утку. Он захлопнул за собой дверь, разорвал утку надвое и бросил половину Тириону. Тот хотел поймать ее на лету, но недостаточная длина цепи не позволила ему поднять руки. Из-за этого птица, горячая и жирная, угодила ему в висок и соскользнула вниз по лицу. Ему пришлось опуститься на корточки и тянуться за ней, звеня оковами. Он достал утку только с третьей попытки и радостно впился в нее зубами:

— Глоточек эля, чтоб все это протолкнуть?

Мормонт вручил ему кружку:

— Почти все в Волантисе надрались, отчего же тебе нельзя?

Эль тоже оказался чудесным, с фруктовым вкусом. Тирион сделал здоровенный глоток и довольно рыгнул. Кружка была оловянной, и очень тяжелой. *Опустошу ее, да и брошу ему в голову*, подумал он. *Если повезет — она проломит ему башку. А если очень повезет, то я промахнусь, и он забьет меня насмерть этими кулачищами*. Он сделал еще один большой глоток:

— Ну, и что у нас за праздник?

— Третий день их выборов. Обычно занимает десять. Десять дней безумия: факельные шествия, ораторы и шуты, менестрели и танцоры. Бандиты сражаются на смертельных дуэлях в честь своих

кандидатов, а на боках слонов малюют имена триархов-претендентов. Те жонглеры внизу выступают в поддержку Мезисо.

— Напомни мне отдать свой голос за кого-нибудь другого, — Тирион облизал жир с пальцев. Под окном толпа бросала жонглерам монеты. — И все эти претенденты оплачивают выступления шутов?

— Они делают все, что, по их мнению, поможет им привлечь голоса, — ответил Мормонт. — Еда, питье, зрелища... Алиос послал на улицы сто хорошеньких юных рабынь — услаждать избирателей.

— Я за него, — решил Тирион. — Приведи-ка мне юную

рабыню.

— Они для свободнорожденных волантийцев, состоятельных и имеющих право голоса. К западу от реки избирателей очень мало.

— И так все десять дней? Я мог бы отлично провести время, хотя три короля — это слишком, — Тирион засмеялся. — Я пытаюсь представить свое правление Семью Королевствами с моей милой сестрой и храбрым братом. Один из нас убил бы двух других в течение года. Удивительно, почему триархи не поступают так же.

— Некоторые пытались. Может быть, волантийцы умные, а мы, вестероссы, — дураки. Волантис

познал свою долю безумств, но он никогда не страдал от триархов. Всякий раз, когда выбирают сумасшедшего, его коллеги сдерживают его до конца срока. Подумай о мертвых, которые могли бы жить, если бы Безумный Эйерис просто делил свою власть еще с двумя королями.

Вместо них у него был мой отец, подумал Тирион.

— Кое-кто в Вольных Городах полагает, что все мы, люди на нашей стороне Узкого моря, дикари, — продолжил рыцарь. — Остальные считают нас детьми, тоскующими по сильной отцовской руке.

— Или материнской? — *Серсее*

это понравится. Особенно, когда он подарит ей мою голову. — Кажется, ты хорошо знаешь этот город.

— Я провел здесь лучшие годы жизни, — рыцарь поболтал осадок на дне кружки. — Когда Старк обрёк меня на изгнание, я бежал в Лисс с моей второй женой. Браавос подошел бы мне больше, но Линесс хотелось в место потеплее. Вместо того, чтобы служить браавосцам, я боролся с ними на Ройне, но на каждый серебряный, что я зарабатывал, жена тратила десять. Когда я вернулся в Лисс, она уже завела любовника, который мне радостно заявил, что я буду продан в рабство за долги, если не брошу ее и не уеду из города. Так я

прибыл в Волантис... в одном шаге от рабства, и не имея за душой ничего, кроме меча и одежды на плечах.

— И теперь ты хочешь отправиться домой?

Рыцарь допил остатки эля:

— Утром я найду нам корабль. Кровать — моя. Можешь занять на полу любое место, докуда дотянешься. Спи, если сможешь. А не уснешь — посчитай свои преступления. Как раз займет тебя до утра.

У тебя у самого есть преступления, за которые придется ответить, Джорах Мормонт, подумал карлик, но счел более

разумным придержать это при себе.

Сир Джорах повесил пояс с мечом на столбик кровати, скинул сапоги, стянул через голову кольчугу, снял верхнюю одежду, а затем и пропитанную потом нижнюю рубаху, обнажив покрытый шрамами мускулистый торс, заросший темными волосами. *Если бы мне удалось снять с него кожу, я мог бы продать ее как меховой плащ,* подумал Тирион, когда Мормонт рухнул в несколько попахивающие объятия продавленной перины.

В мгновение ока рыцарь захрапел, оставив свой трофей наедине с цепями. Через широко распахнутые окна по спальне

разливался свет ущербной луны. С площади доносились звуки: обрывки пьяных песен, вой кошки в течке, отдаленный звон стали о сталь. *Кто-то сейчас умрет*, подумал Тирион.

Ободранные запястья пульсировали, а из-за оков на ногах не получалось даже присесть, не говоря уж о том, чтобы растянуться. Лучшее, что он смог сделать — извернуться на бок и прислониться к стене, и вскоре руки у него занемели. Когда он шевельнулся, пытаясь вернуть им чувствительность, нахлынула боль. Ему пришлось изо всех сил сжать зубы, чтобы удержаться от крика. Он гадал, насколько было больно отцу, когда

стрела пронзила его пах, что почувствовала Шая, когда он крутил цепь вокруг ее горла, и что переживала Тиша, когда ее насиловали. Его страдания не могли сравниться с их, но это не уменьшало его боль. *Скорей бы это закончилось.*

Сир Джорах повернулся на другой бок, так что теперь Тирион мог видеть только его широкую, волосатую, мускулистую спину. *Даже если бы я мог выскользнуть из этих цепей, мне пришлось бы взбираться на него, чтобы добраться до меча. Возможно, если бы у меня вышло высвободить кинжал... Или он мог бы попытаться стащить ключ, открыть дверь,*

прокрасться вниз по лестнице и через общий зал... *и куда б я пошел? У меня нет друзей, нет денег, и я даже не говорю на здешнем языке.*

Наконец усталость пересилила боль, и Тирион забылся тревожным сном. Но всякий раз, когда очередная судорога пускала корни в его икры и скручивала их, карлик стонал во сне и вздрагивал в цепях. Он проснулся с болью в каждой мышце и обнаружил, что утренний луч солнца заглянул в окна: яркий и золотой, как лев Ланнистеров. Внизу слышалось крики торговцев рыбой и грохот железных ободов колес по булыжникам.

Над ним стоял Джорах

Мормонт:

— Если я отцеплю тебя с кольца, будешь делать, как я скажу?

— Танцы предполагаются? Возможно, танцевать мне будет непросто. Я не чувствую ног, поэтому они могут подкоситься. В остальном я твой. Клянусь честью Ланнистера.

— У Ланнистеров нет чести.

Тем не менее, сир Джорах снял цепи с кольца. Тирион сделал два нетвердых шага и упал. К рукам прилила кровь, и глаза его наполнились слезами. Он прикусил губу и произнес:

— Куда бы мы ни пошли, тебе придется меня туда катить.

Вместо этого большой рыцарь понес его, подняв за цепь между запястьями.

Общий зал «Дома Купца» была полутемным лабиринтом из ниш и гротов, построенных вокруг центрального двора. Решетки с вьющимися лозами отбрасывали замысловатые узоры из теней на его плиты, а между камнями рос зеленый и фиолетовый мох. Рабыни сновали между светом и полумраком, таская графины с элем, вином, и каким-то ледяным зеленым напитком с запахом мяты. В этот ранний час был занят только один стол из двадцати.

За одним из них расположился

карлик. Чисто выбритый и розовощекий, с копной каштановых волос, тяжелым лбом и приплюснутым носом, он уселся на высоком табурете с деревянной ложкой в руках, созерцая миску свекольной каши покрасневшими глазами. *Уродливый маленький ублюдок*, подумал Тирион.

Другой карлик почувствовал, что на него смотрят. Когда он поднял голову и увидел Тириона, ложка выпала из его руки.

— Он видел меня, — предупредил Тирион Мормонта.

— И что с этого?

— Он меня *знает*. Знает, кто я такой.

— Мне тебя засунуть в мешок, чтобы больше никто не увидел? — рыцарь коснулся рукояти меча. — Если он хочет попробовать взять тебя, может подойти и попытаться.

Попытаться умереть, ты имеешь в виду, подумал Тирион. Какую опасность он может представлять для такого здоровяка как ты? Он всего лишь карлик.

Сир Джорах потребовал стол в тихом уголке и заказал еду и питье. Они быстро расправились с теплыми, мягкими лепешками, розовой рыбьей икрой, медовыми сосисками и жареной саранчой, запивая это горьким черным элем. Тирион ел как изголодавшийся

человек.

— У тебя здоровый аппетит этим утром, — заметил рыцарь.

— Я слышал, пища в аду никуда не годится, — Тирион посмотрел на дверь, куда только что вошел мужчина, высокий и сутулый, с окрашенной в фиолетовый цвет остроконечной бородкой. *Какой-то тирошийский торговец.* Вместе с ним ворвался шквал звуков: крики чаек, женский смех, голоса торговцев рыбой. На миг ему показалось, что он увидел Иллирио Мопатиса, но это был лишь белый карликовый слон, прошедший мимо парадной двери.

Мормонт намазал икру на плоскую лепешку и откусил:

— Ты кого-то ждешь?

Тирион пожал плечами:

— Никогда не знаешь, кого может принести ветром. Мою единственную настоящую любовь, призрак моего отца... утку, — он сунул в рот саранчу и с хрустом разгрыз. — Ммм, неплохо. Для жука.

— Прошлым вечером тут только и разговоров было, что о Вестеросе. Какой-то лорд-изгнанник нанял Золотых Мечей, собирается отвоевать назад свои земли. Половина капитанов в Волантисе спешит вверх по реке к Волон-Терису — предложить ему свои корабли.

Тирион как раз запихнул в рот еще одну саранчу, и чуть было не

подавился ею. *Он издевается надо мной? Как много он знает о Грифе и Эйегоне?*

— Черт, — сказал он. — Я сам собирался нанять этих Золотых Мечей, чтобы они отвоевали мне Утес Кастерли. — *Может это уловка Грифа, намеренно распространяемые ложные слухи? Разве что...* А вдруг прекрасный принц заглотил наживку? Направил их на запад, а не на восток, оставив надежды жениться на королеве Дейенерис? Оставив драконов... *допустил бы такое Гриф?* — Я с радостью найму и тебя, сир. Владения моего отца — мои по праву. Присягни мне своим мечом, и,

когда я верну их себе, ты утонешь в золоте.

— Я однажды видел, как человек утонул в золоте. Не самое приятное зрелище. Если ты и получишь когда-нибудь мой меч, то только через кишки.

— Уверен, поможет от запора, — ответил Тирион. — Спроси у моего отца.

Он потянулся за кружкой и сделал медленный глоток, пытаясь скрыть эмоции на лице. Может это военная хитрость, призванная усыпить подозрения волантийцев. *Посадить людей на борт под ложным предлогом и захватить корабли, когда флот выйдет в море.*

Таков у Грифа план? Это может сработать. Золотых Мечей десять тысяч человек, все бывалые и дисциплинированные воины. Однако среди них нет моряков. Грифу придется держать меч у горла каждого, а если они приплывут в Залив Работорговцев и должны будут сражаться...

Служанка вернулась:

— Вдова примет вас следующим, благородный сир. Вы принесли ей подарок?

— Да. Благодарю, — сир Джорах сунул монету в ладонь девушки и отправил её восвояси.

Тирион нахмурился:

— Чья это вдова?

— Портовая вдова. На восточном берегу Ройны ее также зовут шлюхой Вогарро, правда, за глаза.

Карлик ничего об этом не знал:

— А Вогарро был...?

— Слоном, семь раз триархом, очень богатым, хозяином доков. В то время как другие строили корабли и плавали на них, он сооружал пристани и склады, посредничал с грузами, менял деньги, страховал владельцев судов от морских опасностей. Кроме этого, Вогарро занимался рабами. И когда он поддался чарам одной из постельных рабынь, обученной в Юнкае пути семи вздохов, разразился огромный

скандал... который стал еще больше после того, как он освободил её и взял в жены. После смерти Вогарро она унаследовала его компании. Вольноотпущенному не место внутри Черной Стены, поэтому ее заставили продать их поместье. Она сделала своей резиденцией «Дом Купца». Это было тридцать два года назад, но вдова живет здесь и по сей день. Это она сидит позади тебя, в углу во внутреннем дворе, принимая людей на своем привычном месте. Не оборачивайся. Там у нее кто-то есть. Когда он закончит, будет наша очередь.

— И как эта старая ведьма поможет тебе?

Сир Джорах встал:

— Смотри и увидишь. Он уже уходит.

Тирион спрыгнул со стула с металлическим грохотом. *Это должно быть поучительно.*

В том, как женщина сидела в своем углу двора, было что-то лисье, а ее глаза наводили на мысль о рептилии. Белые волосы были такими тонкими, что сквозь них виднелась розовая кожа черепа. Под одним глазом были еле заметные шрамы — там, где нож вырезал татуировку-слезу. На столе валялись остатки утренней трапезы: сардиньи головы, оливковые косточки, кусочки лепешки. Тирион не преминул

отметить, как хорошо было выбрано ее «привычное место»: со спины защищали каменные стены, а через заросший листьями входной проем прекрасно просматривалась парадная дверь гостиницы, и при этом сама вдова сидела в такой глубокой тени, что ее почти не было видно.

Его вид вызвал у старухи улыбку: — Карлик, — промурлыкала она на общем языке, голосом столь зловещим, сколь и мягким. Акцент в ее произношении был едва заметен. — Похоже, в последнее время Волантис наводнили карлики. Этот показывает фокусы?

Да, хотел сказать Тирион. Дай

мне арбалет, и я покажу мой любимый.

— Нет, — ответил сир Джорах.

— Жаль. Когда-то у меня была обезьянка, которая знала множество ловких трюков. Твой карлик напомнил мне ее. Он мой подарок?

— Нет. Я принес тебе это.

Сир Джорах вытащил пару перчаток и швырнул их на стол рядом с другими дарами, полученными вдовой этим утром: серебряным кубком, изысканным веером из нефритовых пластин, столь тонких, что они казались почти прозрачными, и старинным бронзовым кинжалом с вырезанными рунами. Рядом с такими

сокровищами перчатки выглядели дешево и безвкусно.

— Перчатки для моих бедных морщинистых ручек. Как мило, — вдова даже не прикоснулась к ним.

— Я купил их на Длинном Мосту.

— На Длинном Мосту можно купить все что угодно. Перчатки, рабов, обезьянок, — годы согнули ее позвоночник и отяготили спину горбом, но глаза старухи оставались яркими и черными. — Теперь расскажи старой вдове, чем она может помочь тебе.

— Нам нужен быстрый корабль, идущий в Миэрин.

Одно слово, и мир для Тириона

Ланнистера перевернулся с ног на голову.

Одно слово — «Миэрин». Или он ослышался?

Одно лишь слово. *Миэрин, он сказал Миэрин, он везет меня в Миэрин. Миэрин означало жизнь. Или хотя бы надежду на жизнь.*

— Зачем же ты пришел ко мне? — спросила вдова. — У меня нет кораблей.

— Зато многие капитаны в долгу перед вами.

Доставить меня королеве, так он сказал. Верно, но только которой? Он не собирается продавать меня Серсее. Он хочет отдать меня Дейенерис Таргариен, потому и не

отрубил мне голову. Мы отправляемся на восток, а Гриф со своим принцем идут на запад, проклятые дураки!

Это было уже чересчур. Заговоры и планы внутри планов, но все дороги ведут в глотку дракона. Неожиданно его разобрал дикий хохот, и остановиться он не смог.

— Похоже, твой карлик вне себя, — заметила вдова.

— Мой карлик сейчас замолкнет, или я вставлю ему кляп.

Тирион зажал рот обеими руками. *Миэрин!*

Портовая вдова решила не обращать на него внимания.

— Выпьем? — спросила она.

Легкие пылинки кружились в воздухе, пока служанка наполняла два зеленых стеклянных кубка для сира Джораха и старухи. У Тириона тоже горло пересохло, но ему ничего не предложили. Вдова пригубила вино, покатила его во рту, проглотила:

— Все остальные изгнанники плывут на запад, во всяком случае, так слышали мои старые уши. И все капитаны, что в долгу передо мной, борются за право отвезти их туда и выудить немного золота из сундуков Золотых Мечей. Наши благородные триархи одолжили дюжину военных кораблей, чтобы в безопасности доставить флот до Ступеней. Даже

старый Донифос дал согласие на это. Такое блистательное приключение. И, тем не менее, вы хотите плыть в другую сторону, сир.

— У меня на востоке есть дело.

— А дело какого рода, позволь полюбопытствовать? Это не рабы — серебряная королева положила конец работорговле. Это не может быть и жаждой крови — она также закрыла бойцовые ямы. Что же еще Миэрин способен предложить рыцарю из Вестероса? Кирпич? Оливки? *Драконов?* Ах, вот оно что, — старуха жутковато улыбнулась. — Говорят, серебряная королева кормит их плотью младенцев, а сама принимает ванны из крови

девственниц и каждую ночь меняет любовников.

Лицо сира Джорах окаменело:

— Юнкай льет яд в ваши уши.

Миледи не должна верить этой грязной клевете.

— Я не леди, но даже шлюха Вогарро знает вкус лжи. Однако, кое-что в твоих словах — правда... У королевы драконов есть враги... Юнкай, Новый Гис, Толос, Кварт... да и Волантис довольно скоро к ним присоединится. Ты собираешься плыть в Миэрин? Подождите немного, сир. Мечи будут в цене уже в ближайшее время, когда военные корабли направят свои весла на восток — свергать серебряную

королеву. Тигры любят обнажать свои когти, и даже слоны убивают, если есть угроза. Малакво жаждет славы, а благосостояние Ниессоса большей частью зависит от работоторговли. Как только Алиос, Парквелло или Беличо присоединятся к ним, флот отплывет.

Сир Джорах нахмурился.

— Но если снова выберут Донифоса...

— Скорее выберут Вогарро, а мой милый муж уже тридцать лет как мертв.

Сзади раздался пьяный рев какого-то матроса:

— И это называется эль? Какого черта! Обезьянья моча и то больше

похожа на эль!

— И ты бы все равно ее выпил, — ответил ему другой.

Тирион обернулся, вопреки всему надеясь, что это голоса Утки и Халдона. Но он увидел лишь двух незнакомцев... и карлика, стоявшего в нескольких футах от него и пристально его рассматривавшего. Тот показался ему каким-то смутно знакомым.

Вдова изящно потягивала вино:

— Некоторые из первых слонов были женщинами, — произнесла она, — из тех, кто свергнул тигров и прекратил старые войны. Трианну избирали четыре раза. Но увы, это было три сотни лет назад. С тех пор

женщин-триархов в Волантисе не было, хотя у некоторых есть право голоса. У женщин благородных кровей, живущих в древних дворцах за Черной Стеной, которые не чета такому жалкому созданию, как я. Люди старой крови скорее дадут право голоса своей собаке или ребенку, чем любому вольноотпущеннику. Нет, триархом станет Беличо, или, возможно, Алиос, но в любом случае будет война. Ну, или они так думают.

— А что думаете вы? — спросил сир Джорах.

Хорошо, подумал Тирион, это правильный вопрос.

— О, я думаю, что война-то

будет, но не та, которую они хотят, — старуха наклонилась вперед, ее черные глаза сверкнули. — Я думаю, что у Рглора в этом городе больше последователей, чем у всех остальных богов вместе взятых. Тебе доводилось слышать жреца по имени Бенерро?

— Да, прошлой ночью.

— Бенерро способен разглядеть в пламени завтрашний рассвет, — сказала вдова. — Триарх Малакво хотел нанять Золотые Мечи, ты знал об этом? Задумал очистить красный храм и предать Бенерро мечу. Но послать на это тигровых плащей он не рискнул. Каждый второй из них сам поклоняется Владыке Света. Для

Старого Волантиса настали тяжелые дни, нелегкие даже для морщинистой старой вдовы. Но, думаю, тут и в половину не так трудно, как в Миэрине. Так ответьте же мне, сир, зачем вам плыть к серебряной королеве?

— Это мое личное дело. Я могу заплатить за проезд, щедро заплатить. Серебро у меня есть.

Дурень, подумал Тирион. Ей нужно не серебро, а уважение. Ты ее вообще слушал? Он еще раз глянул через плечо. Карлик пододвинулся ближе к их столику. И в руке у него, похоже, был нож. Волоски на шее Тириона начали вставать дыбом.

— Оставь себе свое серебро.

Мне хватает моего золота. И избавь меня от своих мрачных взглядов, сир. Я уже слишком стара, чтобы пугаться нахмуренных бровей. Ты суровый мужчина и, не сомневаюсь, умеешь пользоваться своим длинным мечом, но это мои владения. Стоит мне шевельнуть пальцем, и в Миэрин ты отправишься прикованным к веслу на нижней палубе галеры.

Она подняла со стола и раскрыла нефритовый веер. Зашуршали листья, и слева от нее с заросшей арки соскользнул мужчина. Лицо его было покрыто шрамами, а в руке он держал меч, короткий и тяжелый, словно тесак.

— «Ищи портовую вдову», кто-

то подсказал тебе, но им следовало добавить «и остерегайся ее сыновей». Впрочем, чтобы не портить столь приятное утро, я спрошу еще раз. Зачем ты ищешь встречи с Дейенерис Таргариен, которой половина этого мира желает смерти?

Лицо Мормонта потемнело от гнева, но он ответил:

— Чтобы служить ей. Защищать ее. Умереть за нее, если придется.

Вдова рассмеялась:

— Ты собрался *спасать* ее, верно? От неисчислимых врагов, и их неисчислимых мечей... И ты хочешь, чтобы бедная вдова поверила *в это*? Что ты рыцарь из Вестероса без

страха и упрека, пересекший полмира, чтобы прийти на помощь... ну, она уже не дева, но все еще прекрасна. — Она снова засмеялась. — Думаешь, ей понравится этот карлик? Она искупается в его крови или удовлетворится тем, что отрубит ему голову?

Сир Джорах запнулся.

— Этот карлик...

— Я знаю, кто этот карлик, и что он из себя представляет, — ее черные глаза остановились на Тирионе, взгляд их был суров. — Убийца родной крови, цареубийца и изменник. *Ланнистер*.

Последнее слово она

произнесла как бранное.

— А что хочешь *ты* предложить королеве драконов, человечек?

Мою ненависть, хотел сказать Тирион. Вместо этого он развел руками так широко, как только позволяли оковы:

— Все, что она пожелает принять от меня. Мудрые советы, острый ум и даже немного акробатики. Мой член, если вдруг она этого захочет. Или мой язык, если все же откажется. Я возглавляю ее армию или буду массировать ей ноги. Как ей будет угодно. И единственная награда, о которой я буду просить — позволение изнасиловать и убить мою сестрицу.

После этой речи старуха снова улыбнулась.

— Этот, по крайней мере, честен, — заявила она. — Но ты, сир... Я знала дюжину вестеросских рыцарей и тысячу искателей приключений того же рода, но ни один из них не был так безупречен, каким ты себя изображаешь. Мужчины — это звери, эгоистичные и жестокие. Какими бы благородными ни были слова, всегда есть скрытые темные мотивы. Я не верю тебе, сир, — она махнула в их сторону веером, как будто они были не более чем надоедливymi мухами. — Если вы хотите попасть в Миэрин, прыгайте в море и плывите.

Я не стану помогать вам.

И тут семь адов разверзлись одновременно.

Сир Джорах начал подниматься, вдова со щелчком захлопнула веер, ее человек со шрамами выскользнул из тени... а за ними закричала девушка. Тирион обернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как на него бросается карлик.

Это девушка, понял он, девушка в мужской одежде. И она хочет выпотрошить меня своим ножом.

На какое-то мгновение сир Джорах, вдова и человек со шрамами словно окаменели. Зеваки за соседними столиками наблюдали, потягивая эль и вино, но никто не

шелохнулся, чтобы вмешаться. Тириону пришлось одновременно вскинуть обе руки, но с цепями на них он смог только дотянуться до графина на столе. Он обхватил его, перевернул, выплеснул содержимое в лицо нападающей карлицы, а затем метнулся в сторону, отшатнувшись от ее ножа. Графин под ним разбился, когда пол поднялся и ударил его по голове. Девушка вновь кинулась на него. Тирион перекатился на другой бок в тот момент, когда она вогнала лезвие ножа в доски пола, выдернула его, снова занесла...

... и внезапно поднялась над полом, бешено лягаясь ногами, тщетно пытаясь вырваться из хватки

сира Джораха.

— Нет, — вопила она на общем языке Вестероса. — Отпусти!

Тирион услышал, как разорвалась ее туника от попыток высвободиться.

Одной рукой Мормонт схватил её за шиворот, а другой вырвал нож:

— Хватит.

Появился хозяин с дубиной. Обнаружив разбитый кувшин, он выругался и потребовал объяснений.

— Битва карликов, — ответил ему с усмешкой тирошиец с фиолетовой бородой.

Тирион посмотрел вверх на трепыхающуюся в воздухе девушку:

— За что? — возмутился он. —

Что я тебе сделал?

— Они убили его, — вся ярость вырвалась из нее при этих словах, и она вяло повисла в руках Мормонта, а глаза ее наполнились слезами. — Мой брат. Они его забрали и убили.

— Кто его убил? — спросил Мормонт.

— Моряки. Моряки из Семи Королевств. Их было пятеро, пьяных. Они увидели наш «рыцарский поединок» на площади и проследили за нами. Когда поняли, что я девушка, меня отпустили, но моего брата забрали и убили. И они отрезали ему голову.

Тирион потрясенно уставился на нее, узнавая. *Они увидели наш*

«рыцарский поединок» на площади.
Он вспомнил эту девушку.

— Ты скакала на свинье, —
спросил он, — или на собаке?

— На собаке, — прорыдала
она, — Оппо ездил на свинье.

Карлики со свадьбы Джоффри.
Той ночью именно из-за них
начались все неприятности. Как
странно встретить их на другом
конце мира. Хотя это было не так уж
и странно. Будь у них хоть половина
ума их свиньи, они сбежали бы из
Королевской Гавани в ту же ночь,
когда умер Джоффри, прежде чем
Серсея успела бы возложить на них
часть вины за смерть сына.

— Отпусти ее, — сказал он сиру

Джораху Мормонту, — она больше не причинит нам вреда.

Сир Джорах поставил карлицу на пол:

— Мне жаль твоего брата... но мы не имеем отношения к его убийству.

— Он имеет, — девушка упала на колени, прижимая разорванную, залитую вином тунику к маленькой бледной груди. — Они искали *его*. Они думали, что Оппо — это *он*. — Девушка плакала, умоляя о помощи любого, кто готов был слушать. — Он должен умереть. Так же, как умер мой бедный брат. Пожалуйста. Кто-нибудь, помогите мне. Кто-нибудь, убейте его.

Хозяин грубо схватил ее за руку и рывком поставил на ноги, крича по-волантийски, и требуя ответить, кто заплатит за нанесенный ущерб.

Портовая вдова одарила Мормонта неприветливым взглядом:

— А еще говорят, что рыцари оберегают слабых и защищают невинных... Ну, а я тогда самая прекрасная дева во всем Волантисе, — ее смех был полон презрения. — Как тебя зовут, дитя? — обратилась она к девушке.

— Пенни.

Старуха окликнула хозяина на языке Старого Волантиса. Познаний Тириона хватило, чтобы понять — она велела отвести карлицу в свои

комнаты, дать ей вина и найти какую-нибудь одежду.

Когда они ушли, вдова изучающе посмотрела на Тириона блестящими черными глазами:

— Мне кажется, чудовища должны быть покрупнее. В Вестеросе за тебя дают титул лорда, человек. Здесь, боюсь, ты стоишь несколько меньше. Но думаю, что лучше мне все-таки помочь тебе. Похоже, Волантис стал небезопасным местом для карликов.

— Вы слишком добры, — Тирион подарил ей свою сладчайшую улыбку. — Может быть, вы еще и снимете эти очаровательные железные браслеты? У этого

монстрика всего лишь половина носа, и она жутко свербит. А цепи слишком коротки, чтоб я мог почесаться. Они станут моим подарком для вас.

— Какая щедрость! Но я носила железо в свое время и теперь поняла, что предпочитаю золото и серебро. И мне очень жаль, но это Волантис, где оковы и цепи дешевле, чем хлеб насущный, а помогать рабам бежать запрещено.

— Я ведь не раб.

— Каждый человек, схваченный работорговцами, исполняет одну и ту же грустную песню. Я не смею помочь тебе... здесь, — она наклонилась вперед. — Через два

дня когг «Селаэсори Кхоран»
отплывает в Кварт через Новый Гис.
Он повезет груз: олово и железо,
тюки шерсти и кружев, пятьдесят
мирийских ковров, труп в бочке с
морской водой, двадцать кувшинов
драконьего перца, и одного красного
жреца. Будь на корабле, когда он
поднимет якорь.

— Мы будем, — пообещал
Тирион. — И спасибо вам.

Сир Джорах нахмурился:

— Нам нужно не в Кварт.

— Корабль не достигнет Кварта.

Бенерро видел это в своем
пламени, — старуха хитро
улыбнулась.

— Как скажете, — ухмыльнулся

в ответ Тирион. — Если бы я был волантийцем, свободным и благородной крови, я проголосовал бы за вас на выборах триарха, миледи.

— Я не леди, — сказала вдова, — я просто шлюха Вогарро. Вам нужно уходить отсюда, пока не пришли тигры. И если вы доберетесь до своей королевы, передайте ей весточку от рабов Старого Волантиса, — она коснулась старого шрама на сморщенной щеке, там, где были срезаны слезы. — Скажите, что мы ждем. И пусть приходит скорее.

29. ДЖОН

Услышав приказ, сир Аллисер скривил рот в подобие улыбки, но его глаза оставались холодными и непроницаемыми, словно камень.

— Значит, мальчишка-бастард посылает меня на смерть.

— *Смерть*, — прокаркал ворон Мормонта. — *Смерть, смерть, смерть.*

Ты делаешь только хуже. Джон хлопком отогнал птицу прочь.

— Мальчишка-бастард посылает вас на разведку. Найти наших неприятелей и убить их, если придется. Вы искусны с мечом. Вы

были мастером над оружием, здесь и в Восточном Дозоре.

Торне дотронулся до рукояти меча:

— Да. Я потратил треть своей жизни в попытках научить основам фехтования деревенщин, тупиц и жуликов. В тех лесах мне это мало поможет.

— С вами будет Дайвин и еще один опытный разведчик.

— Мы вас всему научим, сир, — хихикнув, уверил Дайвин Торне. — Научим, как подтирать вашу высокородную задницу листьями, прямо как настоящий разведчик.

Кедж Белоглазый засмеялся на этих словах, а Черный Джек Бульвер

сплюнул. Сир Аллисер лишь промолвил:

— Ты бы хотел, чтобы я отказался. Тогда ты бы смог отрубить мне голову, как поступил со Слинтом. Но я не доставлю тебе такого удовольствия, бастард. И лучше молись, чтобы меня сразил меч одичалого. Потому что убитые Иными не остаются мертвыми... и они *помнят*. Я собираюсь вернуться, лорд Сноу.

— Надеюсь, что так.

Джон вряд ли счел бы сира Аллисера Торне своим другом, но он был братом. *Никто и не говорил, что тебе должны нравиться твои братья.*

Нелегко было посылать людей в эти дикие места, зная, как велика вероятность, что они никогда не вернутся. *Все они опытные люди,* говорил себе Джон... но дядя Бенджен и его разведчики тоже были опытными людьми, а Зачарованный лес поглотил их без следа. Когда двое отбившихся от отряда вернулись, наконец, на Стену, они были мертвяками. Не первый и не последний раз Джон Сноу поймал себя на мысли о том, что же случилось с Бендженом Старком. *Может быть, разведчики наткнутся на их следы,* сказал он себе, на самом деле не веря в это.

Дайвин возглавит один отряд

разведчиков, Черный Джек Бульвер и Кедж Белоглазый — остальные два. Они, по крайней мере, готовы были исполнить свой долг.

— Здорово снова быть на коне, — сказал Дайвин у ворот, цыкая своими деревянными зубами. — Прошу прощения, м'лорд, но от просиживания у нас уже задницы раскалываются.

Ни один человек в Черном Замке не знал лес так хорошо, как Дайвин — деревья и ручьи, съедобные растения, повадки хищников и дичи. *Торне попал в лучшие руки, чем того заслуживает.*

Джон наблюдал за отбытием всадников с верха Стены — три

отряда, каждый по три человека, каждый несет с собой двух воронов. Сверху их низкорослые лошадки выглядели не больше муравьев, и Джон не мог отличить одного разведчика от другого. Тем не менее, он знал их. Каждое имя было высечено у него на сердце. *Восемь хороших людей*, подумал он, *и один... ну что ж, посмотрим.*

Когда последний всадник исчез за деревьями, Джон Сноу поехал вниз в подъемной кабине вместе со Скорбным Эддом. Пока они спускались, ветер кружил в танце редкие хлопья снега. Одна снежинка летела прямо за прутьями кабинки. Она падала быстрее, чем они

спускались, и время от времени исчезала внизу. Затем порыв ветра подхватывал ее и снова посылал наверх. Джон мог дотянуться сквозь прутья и поймать снежинку, если бы пожелал.

— Мне приснился страшный сон прошлой ночью, м'лорд, — признался Скорбный Эдд. — Вы были моим стюардом, приносили мне еду и убирали за мной. Я был лордом-командующим, без минуты покоя.

Джон не улыбнулся:

— Твой страшный сон — моя жизнь.

Галеры Коттера Пайка сообщали о возрастающем числе вольного

народа по лесистым берегам к северу и востоку от Стены. Видели лагерь, недостроенные плоты и даже корпус разбитого когга, который кто-то начал ремонтировать. Когда одичалых замечали, они тут же исчезали за деревьями, чтобы, без сомнения, появиться вновь, как только корабли Пайка уйдут. Сир Денис Маллистер, тем временем, все еще видел по ночам костры севернее Глотки. Оба командира просили больше людей.

И где я возьму больше людей?
Джон отослал каждому десятерых одичалых из Кротового Городка: зеленых юнцов и стариков — некоторые были ранены и немощны,

но все сгодились бы для той или иной работы. Ничуть не удовольствовавшись этим, и Пайк, и Маллистер прислали письма с жалобами. «Когда я просил людей, то имел в виду людей Ночного Дозора, обученных и дисциплинированных, в чьей преданности у меня никогда не будет повода усомниться», — писал сир Денис. Коттер Пайк был более резок: «Разве что я мог бы повесить их на Стене в назидание другим одичалым, чтобы держались подальше, потому как не вижу в них никакого другого прока, — писал за него мейстер Хармун. — Я не доверил бы таким, как они, даже вычистить мой ночной горшок. И

десять — этого недостаточно».

Железная кабинка двигалась вниз на длинных цепях, скрипя и дребезжа, пока, наконец, не остановилась резко в футах над землей у основания Стены. Скорбный Эдд толчком открыл дверь и выпрыгнул наружу, его сапоги ломали корку недавно выпавшего, но уже затвердевшего снега. Джон последовал за ним.

У оружейной Железный Эммет все еще гонял своих учеников по двору. Джон понял, как изголодался по бою, услышав песню стали о сталь. Она напомнила ему о других, более теплых и простых временах, когда он был мальчиком в

Винтерфелле и сражался на мечах с Роббом под неусыпным взглядом сира Родрика Касселя. Сир Родрик тоже пал, пораженный Теоном Перевертышем и его железными людьми, когда пытался отбить Винтерфелл. Величавый оплот дома Старков выжжен и разорен. *Все мои воспоминания отравлены.*

Увидев его, Железный Эммет поднял руку, и бой остановился.

— Лорд-командующий, чем можем служить?

— Тремя вашими лучшими людьми.

Эммет ухмыльнулся:

— Аррон. Эмрик. Джейс.

Конь и Хоп-Робин принесли

лорду-командующему кольчугу и толстую стеганку под нее, поножи, латный воротник и полушлем. Черный щит, обитый железом — в левую руку, тупой длинный меч — в правую. Меч, совсем новый, отливал серебристо-серым в рассветных лучах. *Один из последних, что выковал Донал. Жаль, что кузнец умер прежде, чем смог наточить его.* Лезвие было короче, чем у Длинного Когтя, но, выкованный из обычной стали, меч весил больше. Его удары будут чуть медленнее.

— Пойдет, — Джон повернулся к своим противникам. — Нападайте.

— С кем бы вы хотели сразиться первым? — спросил Аррон.

— Со всеми троими. Сразу.

— Трое на одного? —

недоверчиво спросил Джейс. — Это будет нечестно. — Он был одним из последней группы рекрутов Конви, сын сапожника со Светлого острова. Может, этим объяснялись его светлые идеалы.

— Действительно. Иди сюда.

Когда он подошел, меч Джона обрушился ему на голову, сбив Джейса с ног. В мгновение ока парень оказался с ботинком на груди и острием меча у горла.

— Война никогда не бывает честной, — ответил ему Джон. — Теперь двое на одного, а ты — мертвец.

Услышав хруст гравия, он понял, что близнецы приближаются. *Эти двое еще смогут стать разведчиками.* Джон развернулся, блокируя удар Аррона кромкой щита и встречая выпад Эмрика мечом.

— Это не копьё, — выкрикнул он. — Подходите ближе.

Джон пошел в атаку, показывая, как это делается. Сначала Эмрик. Он рубанул по голове и плечам, справа, слева и снова справа. Парень поднял щит вверх и попытался неуклюже контратаковать. Джон хлопнул своим щитом о щит Эмрика, опрокинув того на землю ударом по голени... но не так быстро, потому что сзади по бедру с хрустом ударил Аррон,

отчего Джон упал на одно колено. *Останется синяк.* Следующий выпад он поймал щитом, встал на ноги, покачнувшись назад, и погнал Аррона через двор. *Он быстр,* подумал Джон, когда мечи поцеловались первый, второй и третий раз, *но ему нужно стать сильнее.* Увидев облегчение в глазах Аррона, он понял, что Эмрик у него за спиной. Джон обошел его и полоснул сзади по плечам, что заставило Аррона врезаться в своего брата. В это время Джейс поднялся на ноги, и Джон сбил его опять.

— Ненавижу, когда мертвецы встают. Ты почувствуешь то же самое в день, когда встретишь мертвяка.

Отступив, он опустил свой меч.

— Большая ворона может заклевать маленьких воронят, — проворчал голос позади него, — но хватит ли у нее духу побиться с женщиной?

Гремучая Рубашка стоял, прислонившись к стене. Грубая щетина покрывала его впалые щеки, тонкие каштановые волосы развевались, закрывая маленькие желтые глаза.

— Ты слишком высокого мнения о себе, — сказал Джон.

— Да, и слишком низкого — о тебе.

— Станнис сжег не того человека.

— Нет, — одичалый улыбнулся, показав коричневые поломанные зубы, — Он сжег того, кого должен был сжечь на виду у всего мира. Все мы делаем то, что должны делать, Сноу. Даже короли.

— Эммет, найди какую-нибудь броню для него. Я хочу, чтобы он был в стали, а не в старых костях.

Надев кольчугу и пластинчатый доспех, Костяной Лорд, похоже, начал держаться немного прямее. Казалось, он стал выше, плечи выглядели шире и мощнее, чем ожидал Джон. *Это все броня, а не человек*, подумал он. *Даже Сэм может произвести устрашающее впечатление, если заковать его с*

головы до пят в сталь Донала Нойе. Одичалый отмахнулся от предложенного Конем щита. Вместо этого он попросил двуручный меч.

— Вот сладкий звук, — сказал он, вспоров воздух. — Порхай сюда, Сноу. Сейчас полетят твои перья.

Джон рванулся к нему изо всех сил.

Гремучая Рубашка сделал шаг назад и встретил атаку резким взмахом двуручного меча. Если бы Джон не выставил щит, это могло пробить нагрудник и переломать ему половину ребер. Сила удара на мгновение лишила его равновесия, отдавшись по всей руке. *Он бьет сильнее, чем я думал.* Другой

неприятной неожиданностью оказалась его скорость. Они кружили, обмениваясь ударом на удар. Костяной Лорд парировал не хуже, чем атаковал. Огромный двуручный меч должен бы весить намного больше длинного меча Джона, но одичалый орудовал им с молниеносной скоростью.

Сначала юнцы Железного Эммета поддерживали криками своего лорда-командующего, но неумолимый темп выпадов Костяного Лорда вскоре заставил их замолчать. *Так он долго не продержится,* сказал себе Джон, блокируя очередной удар, заставивший его захрипеть. Даже

затупленный, огромный меч проломил его щит из соснового дерева и смял железный обод. *Он скоро устанет. Должен устать.* Джон полоснул мечом у лица одичалого, и тот откинул назад голову. Он рубанул по икре Гремучей Рубашки, но тот лишь ловко перескочил через лезвие. Огромный меч со звоном врезался в латное оплечье Джона, обездвижив руку. Джон попятился. Посмеиваясь, Костяной Лорд наступал на него. *У него нет щита, напомнил себе Джон, а этот чудовищный меч слишком тяжел, чтобы парировать. На каждый его удар я должен наносить два.*

Но почему-то у него это не получалось, а те удары, что он наносил, не достигали цели. Казалось, одичалый все время уходил и ускользал, и длинный меч Джона лишь слегка задевал плечо или руку. Вскоре Джон обнаружил, что отступает все больше, пытаясь избежать обрушивающихся на него ударов и пропуская половину из них. Щит превратился в щепки. Он сбросил его с руки. Глаза щипало от пота, струящегося по лицу под шлемом. *Он слишком силен и слишком быстр*, осознал Джон, и с этим огромным мечом у него преимущество в весе и расстоянии. Бой сложился бы по-другому, будь

Джон вооружен Длинным Когтем,
но...

Шанс представился на
следующем замахе Гремучей
Рубашки. Джон бросился вперед,
тараня противника, и они оба упали
наземь, спутавшись ногами. Сталь
билась о сталь. Оба потеряли свои
мечи, пока катились по твердому
грунту. Одичный двинул коленом
Джону между ног. Джон со всей силы
ударил кулаком в кольчужной
рукавице. В конце концов, Гремучая
Рубашка каким-то образом оказался
сверху, с головой Джона в руках. Он
ударил ею о землю, а затем дернул
забрало шлема.

— Будь со мной кинжал, у тебя

стало бы на один глаз меньше, — прорычал он, перед тем как Конь и Железный Эммет стащили его с груди лорда-командующего. — *Отпустите* меня, проклятые вороны! — ревел он.

Джон поднялся на одно колено. В голове стоял звон, а рот наполнился кровью. Он сплюнул и сказал:

— Хороший бой.

— Ты слишком высокого о себе мнения, ворона. Я даже не вспотел.

— В следующий раз вспотеешь, — пообещал Джон.

Скорбный Эдд помог ему подняться на ноги и расстегнул шлем. С того момента, как Джон его

надел, на нем появилось немало новых глубоких вмятин.

— Отпустите его, — Джон бросил шлем Хоп-Робину, и тот убрал его.

— Милорд, — произнес Железный Эммет, — он угрожал вашей жизни, мы все слышали. Он сказал, если бы у него был кинжал...

— У него есть кинжал. Справа на поясе.

Всегда есть кто-то быстрее и сильнее тебя, сказал как-то Джону с Роббом сир Родрик. Такого человека лучше сначала встретить на плацу, прежде чем столкнуться с ним на поле битвы.

— Лорд Сноу? — слышался

мягкий голос.

Он повернулся и увидел под разбитой аркой Клидаса с пергаментом в руке.

— От Станниса? — Джон надеялся на весть от короля. Он знал, Ночной Дозор не принимает ничью сторону, и его не должно волновать, какой король восторжествует. Но Джона почему-то волновало. — Это Темнолесье?

— Нет, милорд, — Клидас протянул ему пергамент.

Он был плотно свернут и закреплен печатью из твердого розового воска. *Только Дредфорт использует розовый сургуч.* Джон сдернул перчатку, взял письмо,

сломал печать. Увидев подпись, он тут же забыл о побоях, нанесенных ему Гремучей Рубашкой.

Рамси Болтон, лорд Хорнвуда, было написано крупным острым почерком. Коричневые чернила отслоились, когда Джон потер их большим пальцем. Под подписью Болтона свои знаки и печати поставили лорд Дастин, леди Сервин и четыре Рисвелла. Грубая рука нарисовала великана дома Амберов.

— Можно узнать, о чем там говорится, милорд? — спросил Железный Эммет.

Джон не видел причин скрывать:

— Ров Кейлин взят. Трупы

железных людей с содранной кожей прибиты к столбам вдоль всего Королевского тракта. Русе Болтон созвал всех своих лордов в Город-на-Кургане, чтобы они подтвердили верность Железному Трону и отпраздновали свадьбу его сына с...

Казалось, его сердце замерло на мгновение. *Нет, это невозможно. Она же погибла в Королевской Гавани, вместе с отцом.*

— Лорд Сноу? — Клидас вглядывался в него тусклыми розовыми глазами. — Вам... нехорошо? Вы выглядите...

— Он женится на Арье Старк. Моей младшей сестре.

В тот момент Джон почти

увидел ее: с вытянутым лицом, нелюдимую, с узловатыми коленками и острыми локтями, перепачканную и со спутанными волосами. Конечно, ей вымоют лицо и причешут волосы, он не сомневался, но не мог представить себе Арию ни в свадебном платье, ни в постели Рамси Болтона. *Она не покажет страх, как бы ни была напугана. И она станет сопротивляться, если он попробует коснуться ее.*

— Ваша сестра, — спросил Железный Эммет, — сколько ей лет?

Уже исполнилось бы одиннадцать, подумал Джон. *Все еще ребенок.*

— У меня нет сестры. Только

братья. Только вы.

Он знал, леди Кейтилин возликовала бы, услышав эти слова. Но все равно произнес их с трудом. Его пальцы сжали пергамент. *Если бы можно было так же легко раздавить глотку Рамси Болтона.*

Клидас прочистил горло:

— Будет ли ответ?

Джон покачал головой и вышел.

К ночи синяки, полученные им от Костяной Рубашки, стали фиолетовыми.

— Они пожелтеют, прежде чем исчезнуть, — сказал он ворону Мормонта. — Я стану желтым, как Костяной Лорд.

— *Кости*, — согласилась

птица. — *Кости, кости.*

Он слышал тихий гул голосов снаружи, хотя звук был слишком слабым, чтобы разобрать слова. *Они звучат, словно за тысячу лиг отсюда.* Это говорила леди Мелисандра со своими последователями у ночного костра. Каждый вечер на закате красная женщина направляла их в сумеречной молитве, прося красного бога указать путь сквозь мрак. *Ибо ночь темна и полна ужасов.* После отъезда Станниса и большинства людей королевы ее паства заметно сократилась: полсотни из вольного народа, прибывшие из Кротового городка, несколько стражников,

которых король оставил ей, и примерно дюжина черных братьев, принявших ее веру в красного бога.

Джон ощутил себя шестидесятилетним стариком с жестким, негнущимся телом. *Темные сны, думал он, и чувство вины. Мысли постоянно возвращались к Арье. Я никак не могу ей помочь. Со словами клятвы я отрекся от всей своей семьи. Если бы один из моих людей сказал об опасности, в которой находится его сестра, я бы ответил, что это его не касается. Как только человек произносит клятву, его кровь становится черной. Черной, как сердце бастарда. Он когда-то попросил Миккена сделать*

меч для Арьи: небольшой, с браавоским лезвием, подогнанным под ее руку. *Игла*. Он задался вопросом, был ли меч еще с ней. «Коли их острым концом», — сказал он ей. Но если она попытается проткнуть Бастарда, это может стоить ей жизни.

— *Сноу*, — бурчал ворон Лорда Мормонта. — *Сноу, Сноу*.

Внезапно он понял, что не может больше этого выносить.

За дверью он увидел Призрака, тот грыз бычью кость, пытаясь добраться до костного мозга.

— Когда ты вернулся?

Лютоволк поднялся на ноги и, оставив кость, неслышно затрусил

позади Джона.

Малли и Кегс стояли возле двери, опираясь на копья.

— Там лютый мороз, м'лорд, — предупредил Малли сквозь спутанную оранжевую бороду. — Вас долго не будет?

— Нет. Мне нужно только подышать воздухом.

Джон шагнул в ночь. Под небом, полным звезд, вдоль Стены гулял ветер. Даже луна, казалось, мерзла: мурашки виднелись на ее лице. Затем первый порыв ветра настиг его, пробираясь сквозь слои шерсти и кожи и заставляя зубы выбивать дробь. Джон шагал через двор, прямо в пасть этому ветру. Плащ громко

хлопал на плечах. Призрак шел позади. *Куда я иду? Что я делаю?* Черный Замок был спокоен и тих, его залы и башни — темны. *Мой пост,* размышлял Джон. *Мой зал, мой дом, мои подчиненные. Руины.*

В тени Стены лютоволк ткнулся мордой в его руку. Через мгновение ночь ожила тысячами запахов, и Джон Сноу услышал хруст ломающейся корки снеговых заносов. Кто-то был позади, понял он внезапно. Кто-то, пахнувший теплом, словно летний день.

Обернувшись, он увидел Игритт.

Она стояла под обожженными камнями башни лорда-командующего, скрытая темнотой и

воспоминаниями. Лунный свет падал на волосы, ее рыжие волосы, поцелованные пламенем. Когда он увидел это, сердце Джона чуть не выпрыгнуло из груди.

— Игритт, — сказал он.

— Лорд Сноу, — голос принадлежал Мелисандре.

Он отпрянул от неожиданности.

— Леди Мелисандра, — он сделал шаг назад. — Я принял вас за другую.

Ночью все одежды серы. Но ее почему-то были красными. Он не понимал, как мог принять ее за Игритт. Она была выше, тоньше, старше, хотя лунный свет и смывал прожитые годы с ее лица. Туман

поднимался из ее ноздрей, и от бледных рук, обнаженных перед лицом ночи.

— Вы отморозите пальцы, — предупредил Джон.

— Если на то будет воля Рглора. Силы ночи не могут коснуться того, чье сердце купается в божественном священном огне.

— Ваше сердце меня не беспокоит. Только руки.

— Важно только сердце. Не впадай в отчаяние, лорд Сноу. Отчаяние — оружие врага, чье имя не следует произносить. Твоя сестра не потеряна для тебя.

— У меня нет сестры, — слова ранили, как нож. *Что ты знаешь о*

моем сердце, жрица? Что ты знаешь о моей сестре?

Мелисандру это, казалось, позабавило:

— И как ее зовут? Эту маленькую сестричку, которой у тебя нет?

— Арья, — произнес он хриплым голосом. — На самом деле, она мне сводная сестра...

— ...потому что ты незаконнорожденный. Я не забыла. Я видела твою сестру в пламени, бегущей от замужества, которое для нее уготовили. Скачущей сюда, к тебе. Девочка в сером на умирающей лошади, я видела это ясно как день. Это еще не произошло, но

произойдет, — она пристально посмотрела на Призрака. — Могу я прикоснуться к твоему... волку?

Мысль об этом встревожила Джона.

— Лучше не стоит.

— Он не причинит мне вреда.

Ты зовешь его Призраком, да?

— Да, но...

— *Призрак*, — из уст

Мелисандры слово звучало, как песня.

Лютоволк неслышно пошел к ней. Он настороженно обошел ее, принюхиваясь. Когда она протянула руку, ее он тоже обнюхал, а потом ткнулся носом в пальцы.

Джон выдохнул белым облачком

пара.

— Он не всегда такой...

— ...теплый? Тепло притягивает тепло, Джон Сноу.

Ее глаза сияли во тьме, будто две красные звезды. У горла мерцал рубин — третий глаз, горящий ярче, чем другие. Джон увидел глаза Призрака, так же сверкающие красным, когда на них падал прямой свет.

— Призрак, — позвал он. — Ко мне.

Лютоволк взглянул на него, как на незнакомца.

Джон нахмурился, не веря своим глазам.

— Это... странно.

— Ты так думаешь? — она опустилась на колени и почесала Призрака за ухом. — Твоя стена — странное место, но здесь есть сила, если ты захочешь ее использовать. Сила в тебе и в этом звере. Сопrotивляясь ей, ты совершаешь ошибку. Прими ее. Используй.

Я не волк, подумал он.

— И как мне это сделать?

— Я могу показать тебе, — Мелисандра обхватила тонкой рукой Призрака, и лютоволк лизнул ее лицо. — Владыка Света в своей мудрости сделал нас мужчинами и женщинами, двумя частями великого целого. Сила — в нашем соединении. Сила создать жизнь. Сила создать

свет. Сила отбрасывать тени.

— Тени, — слово показалось более темным, когда он его произнес.

— Каждый ходящий по земле человек отбрасывает тень на мир. Некоторые — тонкие и слабые, другие — длинные и темные. Оглянись, Джон Сноу. Луна поцеловала тебя и выгравировала твою тень на льду в двадцать футов высотой.

Джон посмотрел через плечо. Там была тень, как она и сказала, выгравированная лунным светом на Стене. *Девушка в сером на умирающей лошади*, подумал он. *Скачущая сюда, к тебе. Арья.* Он повернулся к красной жрице. Джон

чувствовал ее тепло. *В ней есть сила.* Непрошенная мысль схватила его железными зубами, но он не желал быть в долгу перед этой женщиной, даже ради своей маленькой сестрички.

— Далла сказала мне кое-что однажды. Сестра Вель, жена Манса-Налетчика. Она сказала, что колдовство — меч без рукояти. Нет безопасного способа держать его.

— Мудрая женщина, — Мелисандра поднялась, ее красное платье колыхалось на ветру. — Меч без рукояти остается мечом, а меч — хорошая вещь, когда вокруг враги. Теперь послушай меня, Джон Сноу. Девять ворон полетели в белый лес,

чтобы найти твоих врагов. Трое из них мертвы. Они еще не умерли, но смерть поджидает их, и они скачут ей навстречу. Ты послал их быть твоими глазами во тьме, но они вернутся к тебе без глаз. Я видела их бледные мертвые лица в своем пламени. Пустые глазницы, плачущие кровью, — она откинула назад красные волосы, и ее красные глаза сверкнули. — Ты не веришь мне. Но ты согласишься. Ценой тому будут три жизни. Небольшая цена за мудрость, можно сказать... но тебе было необязательно ее платить. Помни об этом, когда увидишь слепые и опустошенные лица своих мертвецов. И когда тот день придет,

прими мою помощь.

Над ее бледной кожей клубилась дымка, и на секунду показалось, будто бледное волшебное пламя дрожит вокруг ее пальцев.

— Прими мою помощь, — повторила она. — И позволь мне спасти твою сестру.

30. ДАВОС

Даже во мраке Волчьего Логова Давос Сиворт почувствовал, что этим утром что-то пошло не так.

Он проснулся от звука голосов и подкрался к двери камеры, но древесина была слишком толстой, и ему не удалось разобрать слов. Наступил рассвет, но Гарт не принес пленнику каши, которая составляла его завтрак каждое утро. Это обеспокоило его. Все дни в Волчьем Логове походили друг на друга, и любое изменение обычно вело к худшему. *Может быть, именно сегодня я умру. Гарт, наверное,*

прямо сейчас сидит с точильным камнем и правит Леди Лу.

Луковый Рыцарь не забыл последние слова, сказанные ему Виманом Мандерли. "Киньте этого мерзавца в Волчье Логово и отрубите ему руки и голову, — приказал лорд-толстяк. — Я не смогу есть, пока не увижу голову этого контрабандиста на пике. И засуньте луковицу в его лживый рот". Каждую ночь Давос засыпал с этими словами в голове и каждое утро просыпался с ними же. А если он забывал их, Гарт всегда был рад напомнить. "Покойник" — так он называл Давоса. Заходя по утрам, он всегда говорил: "Вот каша для покойника". А ночью: "Туши

свечку, покойник".

Однажды Гарт принес своих леди, чтобы познакомить их с покойником.

— Шлюха выглядит так себе, — сказал он, лаская рукоять из холодного черного железа, — но когда я ее разгорячу докрасна и дам дотронуться до твоего члена, ты будешь звать мамочку. А вот моя Леди Лу. Это она заберет твои голову и руки, когда прикажет лорд Виман.

Давос никогда не видел такого огромного топора, как Леди Лу, и такого же острого. Другие стражники говорили, что Гарт целыми днями точил ее. *Я не буду молить о пощаде,* решил Давос. Он пойдет на смерть

как рыцарь, попросив лишь отрубить ему вначале голову, а затем руки. Он надеялся, что даже Гарт не будет настолько жесток, чтобы отказать ему в этом.

Звуки, проникающие из-за двери, были слабыми и приглушенными. Давос встал и начал расхаживать по камере. Помещение, ставшее его темницей, оказалось большим и удивительно уютным. Он подозревал, что когда-то оно было спальней какого-нибудь лорденыша. Камера в три раза превышала размеры его капитанской каюты на "Черной Бессе" и была даже больше каюты, которую занимал Салладор Саан на своей "Валирийке". Хотя

единственное окно давным-давно заложили кирпичами, в одной из стен все еще сохранился очаг, достаточно большой для того, чтобы вместить котелок, а в укромном уголке находилась настоящая уборная. Пол выложили кривыми досками, полными щепок, а соломенный тюфяк, на котором спал узник, вонял плесенью, но эти неудобства казались незначительными по сравнению с тем, чего Давос ожидал.

Еда тоже стала сюрпризом. Вместо жидкой кашицы, черствого хлеба и гнилого мяса — обычного рациона темниц — стражники приносили ему свежую рыбу, еще

теплый хлеб прямо из печи, пряную баранину, репу, морковь, даже крабов. Гарт был не слишком доволен этим. "Мертвые не должны есть лучше, чем живые", — не раз сокрушался он. Давосу дали меха, чтобы не замерзать ночами, дрова, чтобы разжигать огонь, чистую одежду и жирную сальную свечу. Он попросил бумагу, перо и чернила, и Терри принес их на следующий же день. Он попросил книгу, чтобы не разучиться читать, и Терри появился с "Семиконечной Звездой".

Но несмотря на все удобства, камера оставалась камерой — со стенами из прочного камня, столь толстыми, что он не мог расслышать

ни звука извне. Дверь из дуба и железа стражники всегда держали запертой. Четыре набора тяжелых железных оков свисали с потолка в ожидании дня, когда лорд Мандерли решит заковать его в цепи и отдать Шлюхе. *Может быть, это случится сегодня. Может быть, в следующий раз Гарт откроет дверь не затем, чтобы принести мне кашу.*

У него сосало под ложечкой — верный признак того, что утро уже заканчивалось — а еду все еще не принесли. *Умирать — не самое страшное, куда хуже — не знать, когда или как.* Он уже побывал в нескольких тюрьмах и темницах во времена, когда промышлял

контрабандой, но тогда он делил камеры с другими заключенными, так что всегда было с кем поговорить, поделиться своими страхами и надеждами. Но не здесь. Если не считать стражников, Давос Сиворт был в Волчьем Логове совсем один.

Он знал, что настоящая тюрьма находилась внизу, в подвалах замка — подземные темницы, пыточные и сырые ямы, где огромные черные крысы скреблись во мраке. Тюремщики утверждали, что сейчас все темницы пусты. "Здесь только мы, Лук", — сказал ему главный тюремщик сир Бартимус — смертельно бледный одноногий

рыцарь с покрытым шрамами лицом и слепой на один глаз. Когда сир Бартимус бывал под хмельком (а сир Бартимус бывал под хмельком почти каждый день), то любил похвастаться, как спас жизнь лорду Виману в Битве на Трезубце. Волчье Логово стало его наградой.

Остальные «мы» включали в себя повара, которого Давос никогда не видел, шестерых стражников в казармах первого этажа, пару прачек и двух тюремщиков, которые приглядывали за заключенным. Молодой стражник, Терри, был сыном одной из прачек, мальчиком лет четырнадцати. Старика звали Гарт — огромный, лысый и

молчаливый, он каждый день носил одну и ту же засаленную кожаную куртку, и к его лицу, казалось, навсегда приклеилось сердитое выражение.

В бытность свою контрабандистом Давос Сиворт научился распознавать опасных людей, а Гарт был опасен. Луковый рыцарь старался держать язык за зубами в его присутствии. С Терри и сиром Бартимусом он был менее сдержан — благодарил за пищу, поощрял в желании рассказать о своей жизни и надеждах, вежливо отвечал на их вопросы и никогда не докучал своими. Если он и просил что-то, то лишь какие-нибудь

мелочи: корыто с водой и немного мыла, книги для чтения, чуть больше свечей. Большинство таких желаний выполнялось, и Давос высказывал должную благодарность.

Никто из них не стал бы говорить о лорде Мандерли, короле Станнисе или Фреях, но они охотно говорили о других вещах. Терри хотел пойти на войну, когда достаточно подрастет, чтобы сражаться и стать рыцарем. Он любил жаловаться на свою мать — по его признанию, она спала с двумя стражниками. Мужчины были из разных дозоров и не знали друг о друге, но в один прекрасный день один или другой догадается, и может пролиться кровь.

Иногда ночью парень даже приносил мех вина в камеру и, пока они пили, расспрашивал Давоса о жизни контрабандистов.

Сира Бартимуса не интересовал окружающий мир, да и вообще все, что случилось с тех пор, как он потерял ногу по вине потерявшей всадника лошади и пилы мейстера. Однако он полюбил Волчье Логово, и больше всего ему нравилось говорить о долгой и кровавой истории этого места. Логово было гораздо древнее, чем Белая Гавань, как рассказал рыцарь Давосу. Его воздвиг король Джон Старк, чтобы защищать устье Белого Ножа от нападений с моря. Многие младшие сыновья короля

Севера жили здесь, многие братья, дяди, кузены. Некоторые оставляли замок в наследство своим сыновьям и внукам — так возникли новые ветви дома Старков; Грейстарки продержались дольше всех, владея Волчьим Логовом на протяжении пяти веков, пока не решили примкнуть к Дредфорту, поднявшему мятеж против Старков из Винтерфелла.

После их падения замок переходил из рук в руки. Дом Флинтов удерживал его на протяжении столетия, дом Локков — почти два столетия. Слейты, Лонги, Хольты и Ашвуды властвовали здесь, охраняя реку по приказу

Винтерфелла. Грабители с Трех Сестер однажды захватили замок, чтобы с его помощью укрепиться на Севере. Во время войны между Винтерфеллом и Долиной замок осадил Осгуд Аррен, Старый Сокол, а потом сжег его сын, которого помнят под именем Тейлон. Когда старый король Эдрик Старк слишком ослаб, чтобы защищать свое королевство, Волчье Логово оказалось во власти работоторговцев со Ступеней. Тогда черные каменные стены стали свидетелями тому, как пленников перед отправкой за море стегали кнутом и клеймили раскаленным железом.

— Потом наступила жестокая

зима, — рассказал сир Бартимус. — Белый Нож замерз, и даже лиман покрылся льдом. С севера, завывая, пришли ветра, загнавшие работорговцев внутрь, к теплу костров, и пока они грелись, новый король напал на них. Это был *Брандон Старк*, правнук *Эдрика Снежной Бороды*, тот самый, которого люди прозвали Ледяные Очи. Он отбил назад Волчье Логово, раздел работорговцев догола и отдал их рабам, которых нашел закованными в подземельях. Говорят, рабы вывесили кишки рабовладельцев на ветвях сердцедерева как подношение богам. *Старым* богам, а не этим новым с

юга. Ваши Семеро не знают зимы, а зима не знает их.

С этим Давос поспорить не мог. После того, что он видел в Восточном Дозоре-у-Моря, знакомиться с зимой поближе ему самому не очень-то хотелось.

— Каким богам вы молитесь? — спросил он одноногого рыцаря.

— Старым, — когда сир Бартимус ухмылялся, он становился похожим на череп. — Я и моя семья были здесь до Мандерли. Очень может быть, что мои предки развешивали на этих деревьях внутренности.

— Я и не знал, что северяне приносили кровавые жертвы своим

сердцедревам.

— Вы, южане, еще многого не знаете о Севере, — ответил сир Бартимус.

Он был прав. Давос подсел к свече и посмотрел на буквы, которые нацарапал, слово за словом, в дни своего заключения. *Контрабандист из меня вышел лучший, чем рыцарь, написал он своей жене, рыцарь — лучший, чем десница короля, а десница короля — лучший, чем муж. Мне так жаль. Мария, я любил тебя. Пожалуйста, прости все обиды, которые я нанес тебе. Если Станнис проиграет войну, мы тоже потеряем наши земли. Отвези мальчиков через Узкое море в*

Браавос и попробуй объяснить им, что их отец был хорошим человеком. Если Станнис взойдет на Железный Трон, дом Сивортов выживет, и Деван останется при дворе. Он поможет вам устроить других мальчиков к благородным лордам, у которых они смогут служить пажами и оруженосцами и получить рыцарское звание. Это был лучший совет, который он когда-либо давал ей, хотя ему хотелось, чтобы он звучал мудрее.

Он написал и каждому из трех еще живых сыновей, чтобы помочь им запомнить отца, заплатившего за знатное имя для них фалангами пальцев. Его записки к Стеффону и

молодому Станнису были краткими, холодными и неловкими; сказать по правде, он знал их гораздо хуже, чем старших мальчиков — тех, кто сгорел или утонул на Черноводной. Девану он написал больше: рассказал, как горд видеть его оруженосцем короля, и напомнил о долге старшего сына — защищать свою леди-мать и младших братьев. *Скажи Его Величеству, что я сделал все от меня зависящее, закончил он. Я сожалею, что подвел его. Я потерял свою удачу вместе с фалангами пальцев в тот день, когда под Королевской Гаванью пылала река.*

Давос медленно просмотрел письма, перечитывая каждое по

несколько раз, раздумывая, не нужно ли изменить или добавить что-нибудь то здесь, то там. Когда жизнь подходит к концу, у человека, наверное, должно быть желание написать больше, подумалось ему, но слова подбирались с трудом. *Я прожил не такую уж плохую жизнь, попытался он сказать самому себе. Я выбился из Блошиного Конца и стал десницей короля, я научился читать и писать.*

Он все еще сидел, сгорбившись над письмами, когда услышал бряцанье связки железных ключей. Через мгновение дверь в камеру широко распахнулась.

Человек, вошедший в камеру, не

был одним из тюремщиков — высокий и тощий, с морщинистым лицом и копной бурых волос. Длинный меч висел у него на бедре, а плащ насыщенного алого цвета закрепляла на плече тяжелая серебряная брошь в форме закованного в бронь кулака.

— Лорд Сиворт, — сказал он, — у нас мало времени. Пожалуйста, идите со мной.

Давос настороженно посмотрел на незнакомца. "Пожалуйста" смутило его. С людьми, которые вот-вот потеряют голову и руки, обычно не так учтивы.

— Кто вы?

— Робетт Гловер к вашим

услугам, милорд.

— Гловер. Вашим владением было Темнолесье.

— Владением моего брата Галбарта. Было и есть, благодаря вашему королю Станнису. Он отбил Темнолесье у железной суки, которая украла его, и предложил вернуть законным владельцам. Многое произошло, пока вы были заточены в этих стенах, лорд Давос. Ров Кейлин пал, а Русе Болтон вернулся на север с младшей дочерью Неда Старка. Войско Фреев пошло с ним. Болтон разослал воронов, чтобы созвать всех лордов севера в Город-на-Кургане. Он требует почестей, заложников... и свидетелей на свадьбе Арьи Старк и

его бастарда Рамси Сноу, с помощью которой Болтон собирается предъявить права на Винтерфелл. Итак, вы пойдете со мной, или нет?

— А какой у меня выбор, милорд? Идти с вами или остаться с Гартом и Леди Лу?

— Кто такая леди Лу? Одна из прачек? — Гловер терял терпение. — Вам все объяснят, если вы пойдете.

Давос поднялся:

— Если мне предстоит умереть, прошу милорда проследить за тем, чтобы мои письма были доставлены.

— Даю вам слово... хотя, если вы и умрете, то не от рук Гловера или лорда Вимана. Теперь пойдёмте побыстрее со мной.

Гловер провел его за собой в темный зал, потом вниз по истертым ступеням и дальше, через замковую богорощу. Сердцедрева в ней выросли такими огромными и спутанными, что задушили все дубы, вязы и березы. Их толстые, бледные ветви тянулись вверх, пробиваясь сквозь стены и окна. Корни были толщиной с человека, а стволы настолько широки, что высеченные на них лики казались толстыми и сердитыми. За чардревом Гловер открыл ржавые железные ворота и остановился, чтобы зажечь факел. Когда тот запылал алым жаром, он повел Давоса вниз по многочисленным ступеням в сводчатый подвал, где

плачущие стены покрывала белая соляная корка, а морская вода шелестела под ногами при каждом шаге. Они прошли через несколько подвалов и рядов маленьких, влажных и дурно пахнущих камер, очень отличавшихся от той темницы, в которой держали Давоса. В конце была глухая каменная стена, которая повернулась, когда Гловер нажал на нее. За ней начинался длинный узкий туннель и еще больше ступеней. Эти вели наверх.

— Где мы? — спросил Давос, пока они поднимались. Его слова отозвались эхом в темноте.

— На лестнице под лестницей. Коридор пролегает под Замковыми

Ступенями и ведет наверх к Новому Замку. Тайный ход. Вас не должны видеть, милорд. Вы считаетесь мертвым.

Каша для покойника. Давос пошел дальше.

Они вышли через другую стену, обитую и оштукатуренную с обратной стороны. Комната за ней была уютной и теплой, с удобной мебелью, мирским ковром на полу и горящими свечами из пчелиного воска на столе. Давос слышал трубы и скрипки, играющие неподалеку. На стене висела овечья шкура, с нарисованной выцветшими красками картой Севера. Под картой сидел Виман Мандерли, громадный лорд

Белой Гавани.

— Прошу вас, садитесь, — на лорде Мандерли был роскошный наряд. Мягкий бархатный сине-зеленый камзол, расшитый золотой нитью на рукавах и воротнике, и горностаевая накидка, застегнутая на плече золотым трезубцем. — Вы голодны?

— Нет, милорд. Ваши тюремщики хорошо кормили меня.

— Есть вино, если хотите пить.

— Я буду вести переговоры с вами, милорд. По приказу моего короля. Я не обязан пить с вами.

Лорд Виман вздохнул:

— Я принял вас отвратительно, я знаю. У меня имелись на то

причины, но... прошу, сядьте и выпейте, умоляю вас. Выпейте за благополучное возвращение моего мальчика. Вилиса, моего старшего сына и наследника. Он дома. Это звуки пира в его честь вы слышите. В Чертоге Водяного едят пироги с миногами и оленину с жареными каштанами. Винафрид танцует с Фреем, за которого выйдет замуж. Остальные Фреи поднимают кубки с вином, провозглашая тосты за нашу дружбу.

За музыкой Давос слышал гул множества голосов, звон кубков и тарелок. Он ничего не сказал.

— Я только что вышел из-за главного стола, — продолжал лорд

Виман. — Как всегда, съел слишком много, а вся Белая Гавань знает о моих проблемах с пищеварением. Будем надеяться, что продолжительный визит в уборную не вызовет вопросов у моих друзей Фреев, — он перевернул кубок. — Вот. Вы выпьете, а я не стану. Садитесь. Времени мало, а нам многое нужно обсудить. Робетт, вина для десницы, будьте добры. Лорд Давос, вы этого не знаете, но вы мертвы.

Робетт Гловер наполнил вином кубок и пододвинул его к Давосу. Тот взял его, вдохнул аромат, выпил.

— Как я умер, могу я узнать?

— От топора. Вашу голову и

руки подняли на Тюленьи Ворота, повернув лицо так, чтобы глаза смотрели в сторону гавани. К настоящему моменту вы уже хорошо подгнили, хотя мы и окунули вашу голову в смолу, прежде чем насадить ее на пику. Говорят, вороны-падальщики и чайки передрались из-за ваших глаз.

Давос поерзал на месте. Странное это чувство — быть мертвым.

— Не соблаговолит ли милорд сказать, кто умер вместо меня?

— Какая разница? У вас довольно обычное лицо, лорд Давос. Надеюсь, что мои слова не оскорбили вас. У этого другого

человека был ваш цвет волос, та же форма носа, два уха, которые не отличались от ваших и длинная борода, которую подстригли, как у вас. Будьте уверены, мы хорошо облили его смолой, а луковица, втиснутая между зубов, помогла исказить черты лица. Сир Бартимус позаботился о том, чтобы пальцы на его левой руке укоротили, как и ваши. Этот человек был преступником, если это вас утешит. Его смерть принесет больше пользы, чем все, что он сделал за свою жизнь. Милорд, я не испытываю к вам неприязни. Злоба, которую я продемонстрировал в Чертоге Водяного — просто фарс,

разыгранный на радость нашим друзьям Фреям.

— Милорду следовало стать лицедеем, — ответил Давос. — Вы и ваши родственники были более чем убедительны. Ваша невестка так искренне желала моей смерти, а малышка...

— Вилла, — лорд Виман улыбнулся. — Видели, какая она у меня храбрая? Даже когда я пригрозил вырвать ей язык, она напомнила мне о долге Белой Гавани перед Старками из Винтерфелла, о долге, который нам никогда не выплатить. Вилла говорила от всего сердца, как и леди Леона. Простите ее, если сможете, милорд. Она

глупая, испуганная женщина, а Вилис — вся ее жизнь. Не каждый мужчина может быть принцем Эйемоном Драконьим Рыцарем или Симеоном Звздооким, не каждая женщина может быть такой же храброй, как моя Вилла и ее сестра Винафрид... которая *знала*, но играла и до сих пор бесстрашно играет свою роль.

Когда имеешь дело с лжецами, даже самым честным приходится лгать. Я так долго не осмеливался бросить вызов Королевской Гавани из-за моего сына, последнего оставшегося у меня и взятого в плен. Лорд Тайвин Ланнистер лично написал мне сообщение о том, что

Вилис у него. Послание гласило, что если я хочу увидеть его целым и невредимым, я должен раскаяться в своей измене, сдать мой город, поклясться в верности мальчику-королю на Железном Троне... и преклонить колено перед Русе Болтоном, Хранителем Севера. Если я откажусь, Вилис умрет смертью предателя, Белая Гавань будет атакована и разграблена, а мои люди разделят судьбу Рейнов из Кастамере.

Я толст, и многие думают, что это делает меня слабым и глупым. Возможно, Тайвин Ланнистер тоже так думал. Я послал к нему ворона, сообщив, что преклоню колено и открою ворота замка только *после*

того, как мой сын вернется домой, но не раньше. Так обстояли дела, когда Тайвин умер. После этого Фрей вернулись с костями Вендела... "Чтобы заключить перемирие и скрепить его узами брака", — объявили они, но я не собирался соглашаться на это, пока мой Вилис, целый и невредимый, не вернется домой, а они не собирались отдавать его до тех пор, пока я не докажу свою верность. Ваше прибытие дало мне возможность ее продемонстрировать. Это стало причиной и моей грубости в Чертоге Водяного, и того, что голова и руки теперь гниют на Тюленьих Воротах.

— Вы сильно рисковали,

милорд, — сказал Давос. — Если бы Фреи разглядели обман...

— Я ничем не рисковал. Если бы кто-нибудь из Фреев взял на себя труд забраться на ворота и поближе взглянуть на голову с луковицей во рту, я бы возложил вину за ошибку на моих тюремщиков и выдал бы вас ко всеобщему удовлетворению.

Мороз прошел по коже Давоса:

— Понимаю.

— Надеюсь. Вы ведь говорили, что у вас тоже есть сыновья.

Трое, подумал Давос. Хотя я был отцом семерых.

— Скоро мне надо будет вернуться на пир и осушить бокал в честь моих друзей Фреев, —

продолжил Мандерли. — Они следят за мной, сир. День и ночь я чувствую, как они наблюдают за мной, как принохиваются, пытаюсь уловить малейший душок измены. Вы их видели: надменного сира Джареда и его племянника Рейегара, этого ухмыляющегося червя, носящего имя дракона. За ними, звеня монетами, стоит Симонд. Этот подкупил несколько моих слуг и двух рыцарей. Одна из горничных его жены пробралась в постель к моему шуту. Если Станнис удивлен, почему мои письма столь кратки, так это потому, что я не осмеливаюсь довериться даже своему мейстеру. Теомор думает только головой, а не сердцем.

Вы слышали его в зале. Считается, что мастера отказываются от всех клятв верности, когда надевают свои цепи, но я не могу забыть, что Теомор родился Ланнистером в Ланниспорте и состоит в отдаленном родстве с Ланнистерами с Утеса Кастерли. Я окружен врагами и лживыми друзьями, лорд Давос. Они наводнили мой город, словно тараканы, и по ночам я чувствую, как они ползают по мне, — пальцы толстяка сжались в кулак, а все его подбородки задрожали. — Мой сын Вендел приехал в Близнецы гостем. Он ел хлеб и соль лорда Уолдера и повесил свой меч на стену, пируя с друзьями.

А они убили его. *Убили*, говорю я, и пусть Фреи подавятся своими баснями. Я пью с Джаредом, острою с Симондом, обещаю Рейегару руку своей любимой внучки... но не думайте, что это означает, что я все забыл. Север помнит, лорд Давос. Север помнит, и мое притворство почти закончено. Мой сын дома.

Что-то в голосе лорда Вимана проняло Давоса холодом до самых костей.

— Если вы ищете правосудия, милорд, посмотрите на лорда Станниса. Нет более справедливого человека.

Роберт Гловер вмешался в разговор:

— Ваша преданность делает вам честь, милорд, но Станнис Баратеон — ваш король, а не наш.

— Но ваш король мертв, — напомнил им Давос, — убит на Красной Свадьбе вместе с сыном лорда Вимана.

— Молодой Волк мертв, — признал Мандерли, — но этот храбрый мальчик не был единственным сыном лорда Эддара. Робетт, приведи парня.

— Сию минуту, милорд, — Гловер выскользнул за дверь.

Парень? Возможно ли, что один из братьев Робба Старка пережил гибель Винтерфелла? Неужели Мандерли спрятал наследника

Старков в своем замке? *Настоящего мальчика или выдаваемого за него?* Он подозревал, что север пойдет за ним в обоих случаях... но Станнис Баратеон никогда не станет иметь дело с самозванцем.

Парнишка, который вошел в дверь вслед за Робеттом Гловером, не был Старком и никогда не мог бы и надеяться сойти за него — старше братьев убитого Молодого Волка, на вид лет четырнадцать или пятнадцать, с глазами, делавшими его еще взрослее. Под копной темно-каштановых волос — почти звериное лицо, с широким ртом, тонким носом и острым подбородком.

— Кто ты? — спросил Давос.

Мальчик взглянул на Робетта Гловера.

— Он немой, но мы учим его грамоте. Он быстро учится, — Гловер вытащил из-за пояса кинжал и дал его мальчику. — Напиши свое имя для лорда Сиворта.

В комнате не было пергамента. Мальчик вырезал буквы на деревянной балке в стене. В...Е...К...С. Он с силой вывел букву С. Когда он закончил, то подбросил кинжал в воздух, поймал его и стал любоваться своей работой.

— Векс — железнорожденный. Он служил оруженосцем у Теона Грейджоя. И он был в Винтерфелле, — Гловер сел. — Что

лорду Станнису известно о произошедшем в Винтерфелле?

Давос припомнил все истории, что доходили до них.

— Винтерфелл захватил Теон Грейджой, бывший когда-то воспитанником лорда Старка. Он убил двух младших сыновей Старка и водрузил их головы над стенами замка. Когда подошли войска северян, он истребил всех в замке вплоть до последнего ребенка, после чего сам был убит бастардом лорда Болтона.

— Не убит, — возразил Гловер. — Его взяли в плен и перевезли в Дредфорт. Бастард сдирает с него кожу.

Лорд Виман кивнул:

— Эту сказку мы тоже слышали, и в ней лжи столько же, сколько изюма в пудинге. Это бастард Болтона истребил всех в замке... Тогда его звали Рамси Сноу, до того как король-мальчик сделал его Болтоном. И Сноу убил не всех. Женщин он связал и отвел в Дредфорт для забавы.

— Для забавы?

— Он большой любитель охоты, — пояснил Виман Мандерли. — А любимая его добыча — женщины. Он раздевает их догола и отпускает в леса, давая фору в полдня, после чего пускается за ними с гончими и горнами. Бывает,

что какой-нибудь девчонке удастся сбежать и рассказать об этом. Но большинство не столь удачливы. Поймав их, Рамси их насилуется, сдирает с них кожу, скармливают трупы своим собакам, а кожу отвозит в Дредфорт в качестве трофеев. Если Рамси доволен охотой, то прежде чем содрать кожу, он перерезает им горло. Если же нет — то в обратном порядке.

Давос побледнел:

— Боги милосердные. Да как человек...

— Дурная кровь, — ответил Робетт Гловер. — Ублюдок, рожденный от насилия. *Сноу*, что бы там ни говорил мальчишка на троне.

— Был ли снег когда-нибудь таким черным? — спросил лорд Виман. — Рамси захватил земли лорда Хорнвуда, насильно женившись на его вдове, а потом запер ее в башне и забыл о ней. Говорят, что она от отчаяния съела собственные пальцы... а королевская справедливость в понимании Ланнистеров — наградить ее убийцу девочкой Неда Старка.

— Болтоны всегда отличались жестокостью, сравнимой только с их хитростью, но этот — чудовище в человеческой шкуре, — признал Гловер.

Лорд Белой Гавани подался вперед:

— Фреи не лучше. Они ведут разговоры о варгах и оборотнях и утверждают, будто это Робб Старк убил моего Вендела. Какая наглость! Они и не надеются, что северяне поверят в эту ложь, но знают, что нам остается лишь притвориться или умереть. Русе Болтон лжет о своем участии в Красной Свадьбе, а его бастард — о падении Винтерфелла. Но пока у них в руках оставался Вилис, у меня не было другого выбора, кроме как глотать это дерьмо и восхищаться вкусом.

— А что теперь, милорд? — спросил Давос.

Он надеялся услышать, как лорд Виман скажет: *"А теперь я признаю"*

королем Станниса", но вместо этого толстяк на мгновение странно улыбнулся и ответил:

— А теперь я должен быть на свадьбе. Я слишком толст, чтобы сесть на лошадь, как может видеть любой, у кого есть глаза. Мальчишкой я любил ездить верхом, в молодости был достаточно хорош, чтобы сорвать немного аплодисментов на ристалище, но эти дни прошли. Мое тело стало тюрьмой более суровой, чем Волчье Логово. Несмотря на это, я должен отправиться в Винтерфелл. Русе Болтон хочет, чтобы я преклонил колено, и под его бархатной любезностью скрывается железная

броня. Так что я поеду на барже и носилках вместе с сотней рыцарей и моими добрыми друзьями из Близнецов. Фреи прибыли сюда морем, у них нет лошадей, так что я предоставляю каждому из них верховую лошадь в качестве подарка. На юге хозяева все еще делают подарки гостям?

— Некоторые, милорд. В день, когда гости уходят.

— Тогда вы, наверное, понимаете, — Виман Мандерли с трудом поднялся на ноги. — Я больше года строил военные корабли. Некоторые вы видели, но еще больше спрятано в верховьях Белого Ножа. Даже учитывая потери, которые я

понес, у меня все еще больше тяжелой кавалерии, чем у любого лорда к северу от Перешейка. Мои стены крепки, а подвалы полны серебра. Старый Замок и Вдовий Дозор пойдут за мной. Мои знаменосцы — дюжина мелких лордов и сотня рыцарей-ленников. Я могу предложить королю Станнису верность всех земель к востоку от Белого Ножа, от Вдовьего Дозора и Таранных Ворот до Холмов Овечьей Головы и верховьев Сломанного Рукава. Я обещаю сделать все это, если вы согласитесь заплатить мою цену.

— Я могу передать ваши условия королю, но...

Лорд Виман прервал его:

— Я сказал: если *вы* согласитесь заплатить мою цену. Не Станнис. Мне нужен не король, а контрабандист.

— Мы можем никогда не узнать, что произошло в Винтерфелле, когда сир Родрик Кассель попытался отбить замок у железнорожденных Теона Грейджоя, — продолжил Робетт Гловер. — Бастард Болтона утверждает, что Грейджой убил сира Родрика во время переговоров. Векс говорит, что нет. Но нам не узнать и половины правды, пока он не выучит побольше букв... Он показывает нам "да" или "нет", но искать правильные вопросы — долго и трудно.

— Это Бастард убил сира Родрика и всех обитателей Винтерфелла, — сказал лорд Виман. — Он и с железнорожденными Грейджоя расправился. Векс видел, как убивали людей, пытавшихся сдаться. Когда мы спросили, как ему удалось сбежать, он взял кусок мела и нарисовал дерево с лицом.

Давос поразмышлял над этим:

— Его спасли древние боги?

— В каком-то смысле. Он забрался на сердцедрево и спрятался среди листьев. Люди Болтона дважды обыскали богорощу и убили тех, кого нашли там, но никто не догадался залезть на деревья. Так все

было, Векс?

Мальчик подбросил кинжал Гловера, поймал его, кивнул.

Гловер продолжил:

— Он много времени провел на дереве. Спал среди веток, не решаясь спуститься. В конце концов, он слышал снизу голоса.

— Голоса мертвых, — добавил Виман Мандерли.

Векс показал пять пальцев, дотронулся до каждого кинжалом, затем загнул четыре и дотронулся до последнего еще раз.

— Шестеро? — спросил Давос. — Их было шестеро?

— Двое из них — убитые сыновья Неда Старка.

— Как немой мог рассказать вам об этом?

— Мелом. Он нарисовал двух мальчиков... и двух волков.

— Парень —
железнорожденный, так что он решил, что лучше не выдавать себя, — сказал Гловер. — Он слушал. Шестеро не задержались надолго среди развалин Винтерфелла. Четверо пошли в одну сторону, двое — в другую. Векс тайком следовал за двоими — женщиной и мальчиком. Ему приходилось оставаться с подветренной стороны, чтобы волк не учуял его запах.

— Он знает, куда они пошли, — сказал лорд Виман.

Давос понял.

— Вам нужен мальчик.

— У Русе Болтона дочь лорда Эддарда. Чтобы сорвать его планы, Белой Гавани нужен сын Неда... и его лютоволк. Волк будет доказательством того, что мальчик — тот, кем мы его считаем, если Дредфорт попробует это оспорить. Такова моя цена, лорд Давос. Верните мне контрабандой моего сюзерена, и я признаю Станниса Баратеона своим королем.

Старая привычка заставила Давоса Сиворта потянуться к своей шее. Костяшки пальцев были его талисманом, а он почему-то чувствовал, что ему понадобится

удача для выполнения просьбы Вимана Мандерли. Но костяшки были потеряны, поэтому он сказал:

— У вас на службе есть люди получше меня. Рыцари, лорды и мастера. Зачем вам нужен контрабандист? У вас есть корабли.

— Корабли, — согласился лорд Виман, — но в их командах либо речники, либо рыбаки, никогда не плававшие за пределы Челюстей. Для этого дела мне нужен человек, который побывал в более темных водах и знает, как проскочить мимо опасностей незаметно и без лишнего риска.

— Где мальчик? — почему-то Давос был уверен, что ответ ему не

понравится. — Куда вы хотите отправить меня, милорд?

— Векс, покажи ему, — попросил Робетт Гловер.

Немой подбросил кинжал и, поймав его, бросил в другой конец комнаты, в карту из овечьей кожи, украшавшей стену Лорда Вимана. Кинжал вонзился в нее и еще некоторое время вибрировал. Парень усмехнулся.

На мгновение Давосу пришла в голову мысль попросить лорда Вимана Мандерли отослать его обратно в Волчье Логово, к сиру Бартимусу с его сказками и Гарту с его смертоносными дамами. В Логове даже заключенные едят по

утрам кашу. Но есть в этом мире
места, где голод утоляют
человеческой плотью.

31. ДЕЙЕНЕРИС

Каждое утро с западного бастиона королева считала паруса в Заливе Работорговцев. Сегодня их двадцать пять, хотя некоторые находились далеко и в движении, поэтому точно сказать было сложно. Иногда она какой-то пропускала, или считала один дважды. *Какое это имеет значение? Душителю нужно только десять пальцев.* Вся торговля остановилась, и ее рыбаки не отваживались выходить в залив. Самые смелые тихо забрасывали несколько удочек в реку, хотя даже это было рискованно; большинство

оставались пришвартованными под разноцветными стенами Миэрина.

В заливе также были миэринские суда: военные корабли и торговые галеры. Капитаны вывели их в море, когда войско Дени первый раз осадило город, а сейчас вернулись усилить флоты из Кварта, Толоса и Нового Гиса.

Совет ее адмирала был совершенно бесполезен:

— Пусть они увидят ваших драконов, — сказал Гролео. — Пусть юнкайцы ощутят вкус огня, и торговля снова потечет.

— Эти корабли душат нас, а мой адмирал говорит только о драконах, — ответила Дени. — Ты

мой адмирал, не так ли?

— Адмирал без кораблей.

— Построй корабли.

— Военные корабли из кирпича не построить. Работоторговцы сожгли весь строевой лес на двадцать лиг отсюда.

— Тогда езжай на двадцать две лиги. Я дам тебе повозки, рабочих, мулов, все что потребуешь.

— Я моряк, а не корабельный плотник. Меня послали, чтобы доставить Ваше Величество обратно в Пентос. Вместо этого вы привели нас сюда и разломали мою "Садудеон" на куски ради гвоздей и щепок. Я никогда не увижу ее снова. Я могу никогда не увидеть свой дом

и свою старую жену. Не я отказался от кораблей, которые предложил Даксос. Я не могу на рыбацких лодках сражаться с квартирными.

Его горечь так потрясла ее, что Дени задумалась, не может ли ворчливый пентошиец быть одним из трех предателей. *Нет, он всего лишь старик — вдали от дома и с тоской в сердце.*

— Должно быть что-то, что мы можем сделать.

— Да, и я сказал вам что. Эти корабли сделаны из канатов, смолы и парусины, из квохорской сосны, и тикового дерева Сотороса, старого дуба Большого Норвоса, тиса, ясеня и ели. Из дерева, Ваше Величество.

Дерево горит. Драконы...

— Я больше ничего не хочу слышать о моих драконах. Оставь меня. Иди помолись своим пентошийским богам, чтобы шторм потопил наших врагов.

— Ни один моряк не молится о штормах, Ваше Величество.

— Я устала слушать о том, чего ты не будешь делать. Уходи.

Сир Барристан остался.

— Наши хранилища сейчас полны, — напомнил он ей, — и Ваше Величество посадили бобы, виноград и пшеницу. Ваши дотракийцы выгнали работорговцев с холмов и сбили кандалы с их рабов. Они также занимаются посадкой и принесут

урожай на рынок Миэрина. У вас будет дружба Лхазара.

Даарио добыл ее для меня, и оно того стоило.

— Ягнятники. Если бы у ягнят были зубы.

— Без сомнения, волки были бы осторожнее.

Это ее рассмешило:

— Как поживают ваши сироты, сир?

Старый рыцарь улыбнулся:

— Отлично, Ваше Величество. Хорошо, что вы спрашиваете, — мальчики были его гордостью. — У четверых или пятерых задатки рыцарей. Возможно, и у целой дюжины.

— И одного хватит, будь он столь же хорош, как вы, — возможно, скоро придет день, когда ей понадобится каждый рыцарь. — Будут ли они сражаться за меня на турнирах? Мне бы это понравилось. — Визерис рассказывал про турниры, на которых он бывал в Семи Королевствах, но сама Дени никогда их не видела.

— Они не готовы, Ваше Величество. Когда будут готовы, то с удовольствием покажут свою доблесть.

— Я надеюсь, этот день настанет быстро.

Она бы поцеловала своего доброго рыцаря в щеку, но тут под

аркой двери показалась Миссандея.

— Миссандея?

— Ваше Величество. Скахаз ждет вашего позволения.

— Впусти его.

Бритоголового сопровождали двое из его Медных Бестий. Один в маске ястреба, другой под личиной шакала. За металлом виднелись только их глаза.

— Ваше Сиятельство, прошлым вечером Хиздара заметили входящим в пирамиду Зхак. Он вышел до темноты.

— Сколько пирамид он посетил? — спросила Дени.

— Одиннадцать.

— И сколько дней прошло с

последнего убийства?

— Двадцать шесть.

Глаза Бритоголового пылали яростью. Это была его идея: отправить Медных Бестий следить за каждым каждым шагом её жениха.

— Пока что Хиздар держит свои обещания.

— Как? Сыны Гарпии отложили ножи, но почему? Потому что благородный Хиздар сладко попросил? Он один из них, говорю я вам. Вот почему они повинуются ему. Он вполне может быть Гарпией.

— Если Гарпия существует.

Скахаз был убежден, что где-то в Миэринe у Сынов Гарпии есть знатный повелитель, тайный

командующий армии теней. Дени не разделяла его уверенность. Медные Бести схватили десятки Сынов Гарпии, и выжившие выдавали имена, когда их допрашивали жестко... слишком много имен, как ей казалось. Было бы приятно думать, что все смерти — дело рук одного врага, которого можно поймать и убить. Но Дени подозревала, что истина в обратном. *Моих врагов — целый легион.*

— Хиздар зо Лорак умеет убеждать, и у него много друзей. И он богат. Возможно, он купил для нас этот мир золотом или убедил остальную знать, что наш брак в их интересах.

— Если он не Гарпия, то знает его. Я довольно легко могу добиться правды. Позвольте мне допросить Хиздара, и я принесу вам признание.

— Нет, — сказала она, — я не верю этим признаниям. Ты принес их слишком много, и все ничего не стоят.

— Ваше Сиятельство...

— Нет, я сказала.

Бритоголовый нахмурился, отчего его уродливое лицо стало еще уродливее:

— Ошибаетесь. Великий Господин Хиздар дурачит Ваше Почтение. Вы хотите змея в своей постели?

Я хочу Даарио в своей постели,

но я отправила его прочь ради вас и ваших близких.

— Вы можете продолжить наблюдение за Хиздаром зо Лораком, но не причиняйте ему никакого вреда. Это понятно?

— Я не глухой, Ваше Великолепие. Я буду повиноваться, — Скахаз достал из рукава пергаментный свиток. — Ваше Почтение должны взглянуть на это. Список всех миэринских судов, участвующих в блокаде, с их капитанами. Все — Великие Господа.

Дени изучила свиток. Все правящие семьи Миэрина были перечислены: Хазкар, Меррек,

Кваззар, Зхак, Рхаздар, Гхазиин, Пал, даже Резнак и Лорак.

— Что я должна сделать с этим списком?

— У каждого из этого списка есть родственники в городе. Сыновья и братья, жены и дочери, матери и отцы. Пусть мои Медные Бестии схватят их. Их жизни вернут вам эти корабли.

— Если я отправлю Медных Бестий в пирамиды, это будет означать войну внутри города. Я должна верить Хиздару. Я должна надеяться на мир.

Дени поднесла пергамент к свече и смотрела, как имена расплывались в пламени, пока

Скаказ сердито глядел на нее.

Позднее сир Барристан говорил ей, что брат Рейегар гордился бы ею. Дени вспомнила слова сира Джораха, сказанные в Астапоре: Рейегар сражался отважно, Рейегар сражался благородно, Рейегар сражался честно. И Рейегар умер.

Когда она спустилась в пурпурный мраморный зал, то нашла его почти пустым.

— Сегодня нет просителей? — спросила Дени у Резнака мо Резнака. — Никто не жаждет справедливости или серебра за овец?

— Нет, Ваше Почтение. Город в страхе.

— Бояться нечего.

Но тем же вечером она узнала, что поводов для страха хватает. Когда ее юные заложники Миклаз и Кезмия накрывали стол для простого ужина из осенних овощей и имбирного супа, вошла Ирри с сообщением, что вернулась Галазза Галар, и с ней — Голубые Грации из храма.

— Серый Червь тоже пришел, Кхалиси. Они просят разрешения немедленно поговорить с вами.

— Приведи их в мой зал. И позови Резнака и Скахаза. Зеленая Грация сказала, в чем дело?

— Астапор, — ответила Ирри.

Первым заговорил Серый Червь:

— Он появился из утреннего тумана — умирающий всадник на

бледной лошади. Его кобыла шаталась, приближаясь к городским воротам. Её бока были розовыми от крови и пены, глаза вращались в ужасе. Всадник закричал: "Он горит, он горит", и выпал из седла. За вашим слугой послали, и он приказал отправить всадника к Голубым Грациям. Когда ваши слуги внесли его в город, он снова закричал: "Он горит". Под токарюм он оказался худым как скелет, одни кости и воспаленная плоть.

Одна из Голубых Граций продолжила рассказ:

— Безупречные привели этого мужчину в храм, где мы раздели его и омыли в прохладной воде. Его одежда

была грязной, а мои сестры обнаружили обломок стрелы в его бедре. Хоть он и отломил древко, наконечник остался внутри. Рана омертвела и отравляла его. Он умер через час, все еще крича, что "он горит".

— Он горит, — повторила Дейенерис. — Кто "он"?

— Астапор, Ваше Сиятельство, — ответила другая Голубая Грация. — Он сказал это один раз. Он сказал: "Астапор горит".

— Должно быть, это говорила его лихорадка.

— Ваше Сиятельство рассуждает мудро, — произнесла Галазза Галар, — но Эззара видела

кое-что еще.

Голубая Грация по имени Эззара сложила руки и пробормотала:

— Моя королева, его лихорадка была не от стрелы. Он обмарался, и не единожды, а много раз. Пятна доходили до колен, а в его экскрементах была высохшая кровь.

— Серый Червь сказал, что это его лошадь истекала кровью.

— Это правда, Ваше Величество, — подтвердил евнух. — Бледная кобыла была в крови из-за его шпор.

— Может, и так, Ваше Сиятельство, — отозвалась Эззара, — но кровь смешалась с его калом. Она испачкала его исподнее.

— Он истекал кровью из кишок, — добавила Галазза Галар.

— Мы не можем быть уверены, — заметила Эзарра, — но, вероятно, Миэрину надо бояться не только копий Юнкая.

— Мы должны молиться, — сказала Зеленая Грация. — Боги послали нам этого человека. Он пришел как предвестник. Он пришел как знак.

— Знак чего? — спросила Дени.

— Знак гнева и гибели.

Она не хотела верить:

— Он был один. Один больной со стрелой в ноге. Это лошадь привезла его сюда, а не бог.

Бледная кобыла. Дени резко

встала.

— Я благодарю вас за советы и за все сделанное для этого бедняги.

Зеленая Грация поцеловала руку Дени, прежде чем уйти.

— Мы будем молиться за Астапор.

И за меня. О, помолитесь за меня, миледи. Если Астапор падет, уже ничто не помешает юнкайцам повернуть на север.

Она обратилась к сиру Барристану:

— Пошлите гонцов в горы за моими кровными всадниками. И еще позовите Бурого Бена с Младшими Сыновьями.

— И Воронов-Буревестников,

Ваше Величество?

Даарио.

— Да, да.

Всего три ночи назад Даарио приснился ей, лежащий мертвым у дороги и незряче смотрящий в небо, где вороны дрались над его трупом. В другие ночи она воображала, что он предал ее, как когда-то предал своих товарищей, капитанов Воронов-Буревестников. *Он принес мне их головы.* Что если он с отрядом вернется в Юнкай, чтобы продать её за горшок с золотом? *Он не способен на это. Или способен?*

— И Воронов-Буревестников.

Отправьте за ними сейчас же.

Младшие Сыновья вернулись

первыми — через восемь дней после вызова королевы. Когда сир Барристан сказал, что её капитан желает говорить с ней, она на мгновение подумала, что это Даарио, и ее сердце вздрогнуло. Но упомянутым капитаном оказался Бурый Бен Пламм.

У Бурого Бена было обветренное лицо в шрамах, кожа цвета старого тикового дерева, седые волосы и морщины в уголках глаз. Дени так обрадовалась, увидев это жесткое коричневое лицо, что обняла капитана. Его глаза весело прищурились.

— Я слышал, Ваше Величество собирается замуж, — сказал он, —

но никто не предупредил, что за меня.

Все засмеялись, даже Резнак фыркнул, но смех прекратился, когда Бурый Бен произнес:

— Мы поймали трёх астапорцев. Вашему Почтению лучше бы послушать, что они говорят.

— Приведите их.

Дейенерис приняла их в самом величественном из своих залов, где высокие свечи горели среди мраморных колонн. Заметив, что астапорцы истощены, она тут же послала за едой. От дюжины людей, выбравшихся вместе из красного города, остались только эти трое: каменщик, ткачиха и сапожник.

— Что случилось с остальными? — спросила королева.

— Убиты, — ответил сапожник. — Юнкайские наемники бродят в холмах к северу от Астапора и охотятся на тех, кто сумел сбежать от огня.

— Значит, город пал? Его стены были толстыми.

— Это верно, — сказал каменщик, человек со сгорбленной спиной и слезящимися глазами, — но еще они были старыми и осыпающимися.

Ткачиха подняла голову:

— Каждый день мы твердили друг другу, что королева драконов вернется, — у женщины были тонкие

губы и мутные мертвые глаза на щуплом и узком лице. — Клеон послал за вами, и говорили, что вы непременно придете.

Он посылал за мной, подумала Дани. По крайней мере, это правда.

— За нашими стенами юнкайцы грабили наши поля и резали скот, — продолжал сапожник. — Внутри города мы голодали. Мы ели кошек, крыс и кожу. Шкура лошади была пиром. Король-Головорез и Королева-Шлюха обвиняли друг друга в людоедстве. Мужчины и женщины собирались тайком и тянули жребий; того, кто вытаскивал черный камень, сжирали. Те, кто винили во всех бедах Кразниса мо

Наклоза, разграбили и сожгли его пирамиду.

— Другие обвиняли Дейенерис, — сказала ткачиха, — но большинство из нас по-прежнему вас любили. "Она в пути, — говорили мы друг другу, — она идет во главе огромного войска, у неё есть пища для всех".

Я с трудом могу прокормить свой собственный народ. Если бы я пошла на Астапор, то потеряла бы Миэрин.

Сапожник рассказал, как отрыли тело Короля-Мясника и одели его в доспехи, потому что у Зеленой Грации Астапора было видение, что он избавит их от юнкайцев.

Облаченный в броню и смердящий, труп Клеона Великого привязали на спину истощенной лошади, чтобы возглавить вылазку остатков его новых Безупречных. Однако они попали прямо в железные зубы легиона из Нового Гиса и были безжалостно истреблены.

— Потом Зеленую Грацию посадили на кол на Площади Наказаний и оставили умирать. В пирамиде Улхора оставшиеся в живых устроили большой пир на полночи, и последнее блюдо запивали отравленным вином, так как никто не хотел проснуться утром. Вскоре пришли болезни: кровавый понос убивал трех из

четырех, пока толпа умирающих не сошла с ума и не убила стражу на главных воротах.

Старый кирпичник перебил:

— Нет. Это сделали здоровые, чтобы убежать от поноса.

— Какая разница? — спросил сапожник. — Растерзали стражу и открыли ворота. Легионы Нового Гиса хлынули в Астапор, за ними — юнкайцы и конные наемники. Королева-Шлюха погибла сражаясь, с проклятьями на устах. Король-Головорез сдался и был брошен в бойцовую яму. Там его растерзала стая голодных собак.

— Даже тогда некоторые говорили, что вы придете, — сказала

ткачиха. — Они клялись, что видели вас летящей над юнкайскими лагерями верхом на драконе. Каждый день мы ждали вас.

Я не могла прийти, подумала королева, я не осмелилась.

— А когда город пал? — настойчиво спросил Скахаз, — Что случилось потом?

— Началась бойня. Храм Граций был переполнен больными, молившими богов об исцелении. Легионы запечатали двери и подожгли храм. Через час пожары горели по всему городу. Они распространялись, соединялись с другими. Толпы на улицах метались, убегая от огня, но выхода не было.

Юнкайцы заперли ворота.

— И все же вы сбежали, — сказал Бритоголовый. — Как?

Ответил старик:

— Я кирпичник, как мой отец и дед. Дед построил наш дом у городской стены. Было нетрудно каждую ночь вытаскивать по несколько кирпичей. Когда я рассказал об этом друзьям, они помогли мне укрепить туннель, чтобы тот не обвалился. Мы все сошлись на том, что было бы неплохо иметь собственный выход про запас.

Я оставила вам совет, подумала Дени, целителя, ученого и священника. Она еще помнила, каким увидела красный город в

первый раз: высохшим и пыльным за красными кирпичными стенами, навевавшим жестокие грезы, но всё-таки полным жизни. Там были закоулки, где целовались влюбленные, но на Площади Наказаний с людей сдирали кожу и оставляли висеть голышом на радость мухам.

— Вы верно сделали, что пришли ко мне, — сказала она астапорцам. — В Миэрине вы в безопасности.

Сапожник поблагодарил ее, а старый каменщик поцеловал ей ногу, но ткачиха смотрела сурово и неприязненно. *Она знает, что я лгу, подумала королева. Она знает, что я*

не могу их защитить. Астапор горит, и Миэрин будет следующим.

— Их будет все больше, — объявил Бурый Бен, когда астапорцев увели. — У этих трех были лошади, большинство же идет пешком.

— Сколько их? — спросил Резнак.

Бурый Бен пожал плечами.

— Сотни. Тысячи. Некоторые больны, некоторые обожжены, некоторые ранены. Коты и Гонимые Ветром рыщут на холмах с пиками и плетками, гонят их на север и убивают отстающих.

— Ходячие рты. И больны, говоришь? — Резнак заломил руки. — Ваше Почтение не должны

пускать их в город.

— Я бы не пустил, — сказал Бурый Бен Пламм. — Я хоть и не мейстер, но знаю, что гнилые яблоки надо отделять от хороших.

— Это не яблоки, Бен, — возразила Дени. — Это мужчины и женщины, больные, голодные и напуганные. — *Mои дети.* — Я должна была пойти на Астапор.

— Ваше Величество не смогли бы их спасти, — сказал сир Барристан. — Вы предостерегали короля Клеона от войны с Юнкаем. Этот человек был глупцом, его руки обогрены кровью.

А мои руки чище? Она вспомнила слова Даарио: все короли

должны быть или мясниками, или мясом.

— Клеон был врагом нашего врага. Если бы я присоединилась к нему на Рогах Хаззата, мы бы раздавили юнкайцев.

Бритоголовый не согласился:

— Если бы вы увели Безупречных на юг к Хаззату, Сыны Гарпии...

— Я знаю, знаю. Это опять Ероих.

Бурый Бен Пламм был озадачен:

— Кто такая Ероих?

— Девочка, которую, как мне казалось, я спасла от насилия и мучений. Но в конце концов я сделала ей только хуже. И в Астапоре

я только создала десять тысяч Ероих.

— Ваше Величество не могли знать...

— Я королева. Я обязана знать.

— Что сделано, то сделано, — промолвил Резнак мо Резнак. — Ваше Почтение, умоляю вас, сделайте наконец своим королем благородного Хиздара. Он договорится с Мудрыми Господами и принесет нам мир.

— На каких условиях?

"Берегись надушенного сенешаля", — говорила Куэйт. Женщина в маске предсказала появление бледной кобылы, неужели она не ошиблась и насчет Резнака?

— Может, я и глупая девчонка,

несведущая в военном деле. Но я не блеющая овца, которая пойдет в пасть Гарпии. У меня все еще есть мои Безупречные. У меня есть Вороны-Буревестники и Младшие Сыновья. У меня три отряда вольноотпущенников.

— И драконы, — с улыбкой сказал Бурый Бенн Пламм.

— В яме, в цепях, — завыл Резнак мо Резнак. — Какая польза от неуправляемых драконов? Даже у Безупречных появляется страх, когда приходится открывать двери и кормить их.

— А что с маленькими питомцами королевы? — глаза Бурого Бена расширились в

изумлении. Седой капитан Младших Сыновей был порождением вольных отрядов, кровь дюжины различных народностей струилась по его венам, но он всегда любил драконов, и они его тоже.

— Питомцы? — вскричал Резнак. — Скорее, чудовища. Чудовища, питающиеся детьми. Мы не можем...

— Тихо, — сказала Дени. — Мы не будем говорить об этом.

Резнак отшатнулся, вздрогнув от ярости в ее голосе:

— Простите меня, Ваше Великолепие, я не...

Бурый Бен Пламм поднялся над ним:

— Ваше Величество, у юнкайцев три вольных отряда против двух наших. Говорят, юнкайские посланники отправились в Волантис за Золотыми Мечами. Этих ублюдков десять тысяч. Еще у юнкайцев четыре гискарских легиона, а может, и больше. И я слышал разговоры, что они послали гонцов через Дотракийское море, чтобы, если получится, привести на нас какой-нибудь большой кхаласар. Как я вижу, мы нуждаемся в драконах.

Дени вздохнула:

— Мне жаль, Бен. Я не осмелюсь выпустить драконов.

Она видела, что не этот ответ он хотел услышать.

Пламм поскреб свои пестрые усы:

— Если на весах нет драконов, что ж... мы должны уйти до того, как юнкайские ублюдки закроют западню... только сначала заставьте работоторговцев заплатить, чтобы увидеть наши спины. Они платят кхалам, и те оставляют их города в покое, а почему не нам? Продайте Миэрин обратно и отправляйтесь на запад с повозками, полными золота, драгоценностей и всего прочего.

— Ты хочешь, чтобы я разграбила Миэрин и сбежала? Нет, я это не сделаю. Серый Червь, мои вольноотпущенники готовы к бою?

Евнух скрестил руки на груди:

— Они не Безупречные, но вас не опозорят. Ваш слуга поклянется в этом копьем и мечом, Ваше Почтение.

— Хорошо. Это хорошо.

Дейенерис взглянула на лица окружавших её людей. Хмурающийся Бритоголовый. Сир Барристан с морщинистым лицом и грустными голубыми глазами. Резнак мо Резнак, бледный и потный. Бурый Бен, седой и жесткий, как старая кожа. Серый Червь, гладкощекий, бесстрастный, невыразительный.

Здесь должны быть Даарио и мои кровные всадники, подумала она. Если будет битва, кровь моей крови должна быть со мной. Ей также не

хватала сира Джораха Мормонта. Он лгал мне, доносил обо мне, но он любил меня и всегда давал хорошие советы.

— Я уже побеждала Юнкай. И снова их одолею. Но где? И как?

— Вы думаете выйти в поле? — голос Бритоголового был полон недоверия. — Это будет глупостью. Наши стены выше и толще, чем у Астапора, и наши защитники отважней. Юнкай не возьмет этот город так просто.

Сир Барристан возразил:

— Не думаю, что мы должны допускать осаду. Их войска — как лоскутное одеяло. Их рабы — не солдаты. Если мы застанем их

врасплох...

— На это мало шансов, — сказал Бритоголовый. — У юнкайцев много друзей в городе. Они узнают.

— Насколько большую армии мы можем собрать? — спросила Дени.

— Не самую большую, прошу вашего королевского прощения, — ответил Бурый Бен Пламм. — Что с Нахарисом? Если мы собираемся биться, нам нужны его Вороны-Буревестники.

— Даарио все еще в походе. — *О боги, что я наделала? Не отправила ли я его на верную смерть?* — Бен, мне понадобятся твои Младшие Сыновья, чтобы узнать всё о наших

врагах. Где они, как быстро продвигаются, сколько их и что они намерены делать.

— Нам потребуется провиант. И свежие лошади.

— Разумеется. Сир Барристан позаботится об этом.

— Может, мы могли бы заполучить кого-то из них. Если Ваше Величество не пожалеет несколько мешков золота и драгоценных камней... просто чтобы дать их капитанам для лучшего понимания, так сказать... ну, кто знает?

— Купить их? Почему бы и нет, — согласилась Дени. Она знала, что такое бывает со всеми вольными

отрядами на Спорных землях. — Да, очень хорошо. Резнак, проследите за этим. Как только Младшие Сыновья уедут, закройте ворота и удвойте стражу на стенах.

— Будет сделано, Ваше Великолепие, — отозвался Резнак мо Резнак. — А что с этими астапорцами?

Мои дети.

— Они пришли сюда за помощью. За утешением и защитой. Мы не можем отвернуться от них.

Сир Барристан нахмурился.

— Ваше Величество, я видел, как кровавый понос истребляет целые армии, если его распространению не препятствуют.

Сенешаль прав. Мы не можем пустить астапорцев в Миэрин.

Дени беспомощно посмотрела на него. *Хорошо, что драконы не плачут.*

— Будь по-вашему. Мы будем держать их за стенами, пока... пока не закончится это проклятие. Устройте для них лагерь около реки, к западу от города. Мы пошлем им продовольствие, какое сможем. Возможно, сумеем отделить больных от здоровых.

Все смотрели на нее.

— Хотите, чтобы я повторила еще раз? Идите и исполняйте приказ.

Дени встала, прошла мимо Бурого Бена и поднялась по

ступенькам навстречу сладкому
уединению своей террасы.

Двести лиг разделяли Миэрин и
Астапор, но ей всё равно казалось,
что небо на юго-западе темное и
дымное от пожаров красного города.
*Астапор — кирпич и кровь, весь
народ — кирпич и кровь.* В голове
вертелся старый стих. *Астапор —
зола и кость, весь народ — зола и
кость.* Она пыталась вспомнить лицо
Ероих, но черты мертвой девочки
расплывались как дым.

Когда Дейенерис, наконец,
обернулась, сир Барристан стоял
возле нее, кутаясь в белый плащ от
вечерней прохлады.

— Мы можем дать бой? —

спросила она.

— Мужчины всегда могут сражаться, Ваше Величество. Лучше спросите, сможем ли мы победить. Умирать легко, а победа достается тяжело. Ваши вольноотпущенники плохо обучены и необстреляны. Ваши наемники прежде служили вашим врагам, а перевертыш, не колеблясь, переметнется снова. У вас два неуправляемых дракона, а третий, возможно, для вас потерян. Вне этих стен ваши единственные друзья — лхазаряне, которые не пробовали вкуса войны.

— Однако мои стены крепки.

— Не крепче, чем если бы мы были снаружи. И с нами внутри этих

стен Сыны Гарпии. И Великие Господа — которых вы не убили, и сыновья убитых.

— Я знаю, — вздохнула королева. — Что вы посоветуете, сир?

— Сражение, — сказал сир Барристан. — Миэрин полон голодных ртов, и у вас слишком много врагов в городе. Я боюсь, мы не выдержим долгую осаду. Дайте мне встретить неприятеля, когда он выступит на север; и там, где я сам выберу.

— Встретить неприятеля, — отозвалась она, — с вольноотпущенниками, которых вы называли необученными и

необстрелянными.

— Все мы когда-то были необстрелянными, Ваше Величество. Безупречные помогут остальным закалиться. Будь у меня пятьсот рыцарей...

— Или пять. Если я дам вам Безупречных, у меня останутся только Медные Бестии, чтобы удержать Миэрин.

Когда сир Барристан не возразил ей, Дени закрыла глаза. *Боги, молилась она, вы забрали Кхала Дрого, мои солнце и звезды. Вы забрали нашего доблестного сына, прежде чем он сделал первый вдох. Вы взяли мою кровь. Помогите мне сейчас, умоляю вас. Дайте мне*

*мудрость увидеть путь и силы
сделать то, что я должна, чтобы
сохранить моих детей в
безопасности.*

Боги не отвечали.

Вновь открыв глаза, Дейенерис
сказала:

— Я не могу сражаться сразу с
двумя врагами, внешним и
внутренним. Если я хочу удержать
Миэрин, я должна привлечь город на
свою сторону. *Весь* город. Мне
нужен... Мне нужен... — она не
могла этого произнести.

— Ваше Величество? — мягко
поинтересовался сир Барристан.

*Королева принадлежит не себе,
а своему народу.*

— Мне нужен Хиздар зо Лорак.

32. МЕЛИСАНДРА

В покоях Мелисандры никогда не бывало по-настоящему темно.

На подоконнике горели три сальных свечи, удерживающие ужасы ночи снаружи. Еще четыре мерцали рядом с кроватью — по две с каждой стороны. В очаге днем и ночью горел огонь. Первый урок для тех, кто прислуживал ей, состоял в том, что пламя никогда не должно угасать.

Красная жрица закрыла глаза и произнесла молитву, затем снова открыла их, чтобы взглянуть в огонь очага. *Еще раз.* Она должна быть уверена. Множество жрецов и жриц

до нее пали жертвами ложных образов — они видели то, что хотели видеть, а не то, что доносил до них Владыка Света. Станнис двигался на юг к гибели. Король, на плечи которого была возложена судьба мира, возрожденный Азор Ахай. Конечно, Рглор удостоил бы ее видением того, что ждет короля. *Покажи мне Станниса, Владыка, взмолилась она. Покажи мне твоего короля, твое оружие.*

Золотые и алые образы танцевали перед ней, они дрожали, принимали различные формы и исчезали — странные, пугающие и чарующие очертания. Она снова видела безглазые лица, уставившиеся

на нее кровоточащими глазницами. Потом — башни у моря, рассыпающиеся от охвативших их темных волн, поднимающихся из пучин. Тени в форме черепов, черепа, обращавшиеся в дымку, тела, слившиеся в похоти, извивающиеся, вращающиеся и царапающиеся. Сквозь завесу огня огромные крылатые тени кружились в бескрайнем синем небе.

Девушка. Я должна снова найти ее: девушку в сером на умирающей лошади. Джон Сноу захочет узнать о ней, и очень скоро. И мало будет сказать, что девушка убегает. Он потребует большего — пожелает услышать, когда и где, а у нее не было

для него ответа. Жрица видела ее только раз. *Девушку, серую как зола. Даже когда я смотрела на нее, она рассыпалась и ее уносило ветром.*

Лицо в очаге обрело форму. *Станнис?* подумала она на мгновение... но нет, это не его черты. *Одереженевшее лицо, мертвенно-белое. Это был враг? Тысячи красных глаз плавали в разгорающемся пламени. Он видит меня.* Рядом с ним мальчик с лицом волка откинул голову назад и завыл.

Красная жрица содрогнулась. Кровь струилась по ее бедру, черная и дымящаяся. Огонь горел внутри нее, страдание, восторг, он наполнял ее, обжигая и преображая. Жаркое

мерцание, настойчивое, как руки любовника, рисовало узоры на ее коже. Станные голоса звали к ней из прошлого. "Мелони", — слышала она женский плач. Мужской голос кричал: "Лот семь!" Она рыдала, ее слезы были пламенем, но все же она жадно пила его.

Снежинки, кружась, падали с темного неба, а навстречу им поднимался пепел — серое и белое переплеталось друг с другом, в то время как огненные стрелы перелетали над деревянной стеной и безмолвные мертвецы шли сквозь холод под огромным серым утесом, где в тысячах пещер горели костры. Затем поднялся ветер и все заволгло

белым, невероятно холодным туманом, один за другим костры погасли. В конце концов остались только черепа.

Смерть, подумала Мелисандра.

Череп — это смерть.

Пламя тихо потрескивало, и в этом треске она услышала сказанное шепотом имя: *Джон Сноу*. Его вытянутое лицо плавало перед ней, выписанное красными и оранжевыми языками, появляясь и исчезая вновь, полупрозрачной тенью позади колышущегося занавеса. Вот он — человек, а теперь — волк, а теперь — снова человек. Но черепа маячили и здесь, черепа были повсюду вокруг него.

Мелисандра и раньше видела подстерегающие его опасности, она пыталась предостеречь о них мальчишку. *Враги окружают его, кинжалы в темноте.* Но он не слушал.

Неверующие никогда не слушают, пока не становится слишком поздно.

— Что вы видите, миледи? — услышала она тихий голос мальчика.

Череп. Тысячи черепов и снова мальчишку-бастарда. Джона Сноу. Когда бы ее ни спрашивали, что она видит в огне, Мелисандра отвечала: "Многое", но видение не было таким же простым, как слово. Это было искусство, и, как любое искусство,

оно требовало мастерства, дисциплины и работы. *И боли. Ее тоже.* Рглор разговаривал со своими избранниками посредством благословенного огня, на языке золы, пепла и танцующего пламени, который мог верно понять только бог. Мелисандра практиковала свое искусство годами, которым потеряла счет, и она заплатила свою цену. Не было никого, даже в ее ордене, кто обладал бы таким умением постигать полуживые и полускрытые секреты священного пламени.

Но сейчас она, похоже, не могла найти даже своего короля. *Я молюсь о том, чтобы мельком взглянуть на Азор Ахая, а Рглор показывает мне*

только Сноу.

— Деван, — позвала она, —
воды.

Ее горло пересохло и першило.

— Да, миледи, — мальчик налил
кружку воды из каменного кувшина у
окна и принес ей.

— Спасибо, — Мелисандра
сделала небольшой глоток и одарила
мальчика улыбкой, чем вогнала его в
краску. Мальчик был почти влюблен
в нее, она это знала. *Он боится меня,
он хочет меня, он поклоняется мне.*

И тем не менее, Деван не
радовался тому, что находится здесь.
Мальчик гордился своей службой в
качестве оруженосца короля, и его
задело, когда Станнис приказал ему

остаться в Черном Замке. Как и у любого ровесника, голова его была полна мечтаний о славе; без сомнения, он представлял себе доблесть, которую проявил бы в Темнолесье. Другие мальчишки его возраста ушли на юг, чтобы служить оруженосцами рыцарям короля и воевать с ними плечом к плечу. То, что Девана исключили из их числа, наверное, казалось ему укором, наказанием за некие ошибки, допущенные им, или, возможно, его отцом.

На самом же деле он остался здесь, потому что об этом попросила Мелисандра. Четверо старших сыновей Давоса Сиворта погибли в

битве на Черноводной, когда королевский флот поглотило зеленое пламя. Деван, пятый, был здесь в большей безопасности, нежели находясь рядом с королем. Лорд Давос не поблагодарит ее, как и сам мальчик, но ей казалось, что Сиворт испытал уже довольно горя. Да, он заблуждался в своих суждениях, но его верность королю была неоспоримой. Она видела это в своем пламени.

Деван отличался проворством, сообразительностью и способностями, чего нельзя было сказать о большинстве ее свиты. Станнис оставил дюжину своих людей служить ей, когда ушел на юг,

но от большинства не было толку. Его Величество нуждался в каждом мече, так что поделиться он мог только стариками и калеками. Один ослеп от удара в голову во время битвы у Стены, другой охромел, когда лошадь упала ему на ногу. Ее сержант потерял руку из-за дубины великана. Трое стражников были евнухами — Станнис кастрировал их за изнасилование женщин из одичалых. Еще на службе у нее состояли двое пьяниц и трус. Последнего следовало бы повесить, сам король с этим соглашался, но тот происходил из знатного рода, а его отец и братья с самого начала были верными последователями Станниса.

Красная жрица знала, что наличие охраны, без сомнения, помогало поддерживать должный уровень уважения со стороны черных братьев, хотя ни один из оставленных Станнисом людей не мог бы принести большой пользы, окажись она в опасности. Все это не имело значения. Мелисандра Асшайская не боялась за свою жизнь. Рглор защитит ее.

Она сделала еще глоток воды, отставила чашку, сморгнула, потянулась и встала с кресла; мышцы затекли и болели. Она так долго всматривалась в языки пламени, что ей потребовалось несколько минут, чтобы привыкнуть к полумраку.

Глаза были сухими и уставшими, но если она потрет их, станет только хуже.

Она заметила, что пламя начало угасать:

— Еще дров, Деван. Который сейчас час?

— Уже почти рассвело, миледи.

Рассвет. Еще один день подарен нам, хвала Рглору. Ужасы ночи отступили. Мелисандра, как часто бывало, провела ночь в кресле у огня. С уходом Станниса в постели не было большой необходимости. У нее не осталось времени на сон, с тех пор как вся тяжесть мира легла ей на плечи. К тому же она боялась снов. Сон — это маленькая смерть, а

сновидения — шепот Иного, жаждущего затянуть нас всех в свою вечную ночь. Уж лучше сидеть, купаясь в алых отсветах пламени, благословленного ее красным владыкой, чтобы струящийся жар ласкал щеки, словно поцелуи любовника. Иногда она дремала, но не больше часа. Мелисандра молилась о том, чтобы когда-нибудь она перестала спать совсем. Чтобы однажды освободилась от сновидений. *Мелони*, подумала она. *Лот семь*.

Деван подбрасывал дрова в камин, пока огонь не взвился вновь, свирепый и неистовый, разгоняющий тени по углам комнаты,

поглощающий все ее незванные сны. Тьма вновь отступила... ненадолго. Но за Стеной враг становится все сильнее, и если он победит, рассвет уже никогда не вернется. Она размышляла, не его ли она видела взирающим на нее из пламени. Нет. Определенно нет. Его лик был бы более пугающим, холодный, черный и слишком ужасный, чтобы человек мог узреть его и выжить. Тем не менее, древесное создание, что привиделось ей, и мальчик с волчьим лицом... это несомненно его слуги... его воины, как и Станнис — ее.

Мелисандра подошла к окну, отворила ставни. Восток только начал освещаться, и утренние звезды

все еще висели в темном как смоль небе. Черный Замок уже просыпался, мужчины в черных плащах проходили через двор, чтобы позавтракать мисками овсянки, прежде чем сменить своих братьев на Стене. Несколько снежинок, поднятых ветром, медленно проплыли мимо открытого окна.

— Миледи желает отведать завтрака? — спросил Деван.

Еда. Да, я должна есть. Иногда она забывала. Рглор давал ей все необходимое для насыщения плоти, но об этом лучше не знать простым смертным.

Ей нужен Джон Сноу, а не поджаренный хлеб с беконом, но

бесполезно посылать Девана за лордом-командующим. Он не ответит на ее призывы. Сноу все еще предпочитал жить за оружейной, в паре скромных комнат, ранее занимаемых последним кузнецом Дозора. Возможно, он не считал себя достойным Королевской Башни, а может, ему просто не было дела. В этом — его ошибка, ложная скромность юности, которая сама по себе один из видов гордыни. Не стоит правителю отвергать атрибуты власти, поскольку сама власть в немалой степени проистекает из этих атрибутов.

Как бы то ни было, мальчик не так уж наивен. Он понимал, что

лучше принять ее как просительницу, если она захочет поговорить с ним, чем просить самому. Довольно часто, впрочем, когда она приходила, он заставлял ее ждать или вовсе отказывался с ней увидеться. Умно с его стороны, надо отдать ему должное.

— Я буду крапивный чай, вареное яйцо и хлеб с маслом. Свежий хлеб, пожалуйста, а не поджаренный. Заодно найди одичалого. Скажи ему, что мне надо поговорить с ним.

— Гремучую Рубашку, миледи?

— И побыстрее.

Когда мальчик ушел, Мелисандра умылась и переоделась.

Ее рукава были полны потайных карманов, и каждое утро она тщательно их проверяла, чтобы убедиться, что все ее порошки на месте. Порошки, делающие пламя зеленым, синим или серебристым, порошки, заставляющие огонь реветь, шипеть и подниматься выше человеческого роста. Порошки, вызывающие дым. Дым правды, дым похоти, дым страха и плотный черный дым, что мог убить человека в мгновение ока. Красная жрица вооружилась щепоткой каждого из них.

Резной ларец, привезённый ею из-за Узкого моря, был уже на три четверти пуст. И хотя Мелисандра

знала, как приготовить ещё порошков, ей не хватало многих редких ингредиентов. *Мне хватит и заклинаний.* Она стала сильнее у Стены, сильнее даже, чем в Асшае. Каждое ее слово и жест обрели мощь, она могла делать такое, чего никогда не делала раньше. *Тени, которые я смогу породить здесь, будут ужасны, и ни одно создание тьмы не выстоит против них.* Если она сумеет распорядиться такой колдовской силой, скоро ей больше не понадобятся жалкие трюки алхимиков и пиромантов.

Она захлопнула ларец, заперла замок и спрятала ключ в другой потайной кармашек, укрытый в юбке.

Раздался стук в дверь. Ее однорукий охранник, поняла она по неровному звуку.

— Леди Мелисандра, пришел Костяной Лорд.

— Пусть войдет, — Мелисандра расположилась на стуле напротив очага.

Под поношенным плащом, покрытым зеленоватыми и коричневатыми пятнами, на одичалом была безрукавка из вареной кожи, усеянная бронзовыми заклепками. *Костей нет.* А еще его окутывали тени, почти незаметные обрывки серого тумана, скользящие по лицу и телу при каждом шаге. *Уродливые. Такие же уродливые, как*

его кости. "Вдовый пик", близко посаженные темные глаза, впалые щеки, усы, извивающиеся, словно червяк, надо ртом, полным гнилых сломанных зубов.

Мелисандра почувствовала тепло во впадинке на горле, когда ее рубин разгорелся от близости своего раба.

— Ты снял костяные доспехи, — отметила она.

— Их треск сводил меня с ума.

— Кости оберегают тебя, — напомнила она ему. — Черные братья тебя не любят. Деван рассказал мне, что только вчера за ужином у тебя была стычка с несколькими из них.

— Небольшая. Я ел бобовый суп с беконом, пока Боуэн Марш распинался о каких-то важных вещах. Старый Гранат подумал, я за ним шпионю, и заявил, что не потерпит убийц на своем совете. Я сказал ему, что раз так, то может, не стоит держать советы у огня. Боуэн задохнулся и покраснел, но дальше дело не пошло, — одичалый сел на край окна и вытащил кинжал из ножен. — Если какая-нибудь ворона захочет сунуть нож мне меж ребер, пока я супчик хлебаю, то пусть попробует. Размазня, приготовленная Хоббом будет только вкуснее, если приправить ее капелькой крови.

Мелисандра не обратила

никакого внимания на обнаженную сталь. Если бы одичалый хотел причинить ей вред, она увидела бы это в пламени. Опасность для самой себя стало первым, что она научилась распознавать, еще когда была почти ребенком, рабыней, на всю жизнь связанной с великим красным храмом. И до сих пор именно это она в первую очередь искала каждый раз, когда смотрела в огонь.

— Тебя должны заботить их глаза, а не их ножи, — предупредила она.

— Чары, да, — охваченный черным железом рубин на его запястье, казалось, пульсировал. Он постучал по нему острием ножа.

Сталь слабо щелкала от прикосновения камня. — Я чувствую его во сне. Он греет мне кожу даже через железо. Нежно, как поцелуй женщины. *Ваш* поцелуй. Но иногда во сне он начинает гореть, и губы становятся зубами. Каждый день я думаю, как легко было бы сорвать его, и каждый день я этого не делаю. Неужели мне надо носить еще и чертовы кости?

— Заклинание соткано из теней и внушения. Люди видят то, что ожидают увидеть. Кости — его часть, — *не ошиблась ли я, сохранив его?* — Если чары спадут, тебя убьют.

Одичалый принялся чистить ногти лезвием кинжала.

— Я пел песни, бился в сражениях, пил летнее вино, познал жену дорнийца. Мужчина должен умереть так же, как жил. Для меня это означает — с оружием в руках.

Он мечтает о смерти? Мог ли враг коснуться его? Смерть — его вотчина, мертвецы — его солдаты.

— Скоро у твоей стали будет много работы. Враг приближается, истинный враг. Разведчики лорда Сноу вернутся до конца дня, со слепыми окровавленными глазами.

Глаза одичалого прищурились. Серые глаза, карие глаза; Мелисандра видела, как меняется цвет с каждой вспышкой рубина.

— Вырезать глаза — это работа

Плакальщика. Хорошая ворона — слепая ворона, так он любит повторять. Иногда мне кажется, что он был бы не прочь вырезать и собственные глаза — так они у него вечно зудят и слезятся. Сноу рассчитывает, что свободный народ пойдет за Тормундом, потому что он сам поступил бы так. Ему нравился Тормунд, да и Сноу пришлось по душе старому плуту. Но если это будет Плакальщик... ничего хорошего не выйдет. Ни для него, ни для нас.

Мелисандра мрачно кивнула, как будто приняла его слова близко к сердцу, но этот Плакальщик не имел значения. Никто из вольного народа не имел значения. Все они —

пропащие люди, обреченные люди, которым суждено исчезнуть с лица земли, как исчезли Дети Леса. Но это — не те слова, которые он хотел бы услышать, а она не могла рисковать и потерять его сейчас.

— Насколько хорошо ты знаешь Север?

Он убрал свой клинок.

— Не хуже любого налетчика. Где-то лучше, где-то хуже. Север большой. А что?

— Девочка, — ответила она. — Девочка в сером на умирающей лошади. Сестра Джона Сноу. — Кто еще это мог быть? Она скакала к нему за защитой, уж это Мелисандра видела ясно. — Я видела ее в

пламени, но лишь однажды. Мы должны завоевать доверие лорда-командующего, и единственный путь — спасти ее.

— Мне спасти ее, вы имеете в виду? Костяному Лорду? — он рассмеялся. — Никто кроме дураков никогда не доверял Гремучей Рубашке. А Сноу не дурак. Если его сестру нужно спасти, он пошлет ворон. Я бы послал.

— Он не ты. Он принял обет и собирается следовать ему. Ночной Дозор не встает на чью-либо сторону. Но ты не брат Ночного Дозора. Ты можешь делать то, что он не может.

— Только если ваш упрямый

лорд-командующий позволит. Ваши огни показали, где искать эту девочку?

— Я видела воду. Глубокую, синюю и неподвижную, с тонкой коркой льда, которая только-только образовалась. Она казалась бесконечной.

— Длинное Озеро. Что еще вы видели возле той девочки?

— Холмы. Поля. Деревья. Один раз — оленей. Камни. Она держится вдали от поселений. Когда возможно, она скачет вдоль русел маленьких ручейков, чтобы сбить преследователей со следа.

Он нахмурился:

— Это будет трудно. Вы

говорили, она двигалась на север. Озеро было от нее на востоке или на западе?

Мелисандра закрыла глаза, припоминая.

— На западе.

— Что ж, она двигается не по Королевскому Тракту. Умная девочка. С другой стороны меньше наблюдателей и больше укрытий. А несколько убежищ я и сам использовал время от... — он умолк от звука боевого рога и поспешно поднялся на ноги. Во всем Черном Замке, Мелисандра знала, резко наступило молчание, и каждый мужчина и мальчик повернулся к Стене, вслушиваясь и ожидая. Один

длинный сигнал рога означает, что вернулись разведчики, но два...

День настал, подумала красная жрица. На этот раз Джону Сноу придется меня выслушать.

Когда долгий унылый вопль рога затих вдали, молчание, казалось, тянулось целый час. Одиичалый наконец разрушил чары тишины.

— Ну, только один. Разведчики.

— Мертвые разведчики, — Мелисандра тоже поднялась на ноги. — Иди, надень свои кости и жди. Я вернусь.

— Я пойду с вами.

— Не глупи. Как только они обнаружат то, что обнаружат, один лишь вид любого одиичалого приведет

их в ярость. Оставайся здесь, пока они не остынут.

Деван поднимался по ступеням Королевской Башни, когда Мелисандра начала спускаться, сопровождаемая двумя оставленными Станнисом стражами. Мальчик нес поднос с ее уже почти забытым завтраком.

— Я ждал, пока Хобб вытащит из печи свежие буханки, миледи. Хлеб еще горячий.

— Оставь его в моих комнатах, — скорее всего, одичалый съест его. — Я нужна лорду Сноу там, за Стеной. — *Он пока не знает об этом, но скоро...*

Снаружи шел легкий снег. К

тому времени, когда Мелисандра и ее сопровождающие подошли, толпа ворон уже сгрудилась вокруг ворот, однако перед красной жрицей они расступились. Лорд-командующий опередил ее и был уже по другую сторону льда в компании Боуэна Марша и двадцати копейщиков. Сноу также отправил дюжину лучников на Стену на случай, если неприятель затаился неподалеку в лесу. Ворота охраняли не люди королевы, но они все равно пропустили ее.

Подо льдом, в узком туннеле, что, изгибаясь, тянулся сквозь Стену, было темно и холодно. Морган шел впереди с факелом, а Меррел позади с топором. Оба — безнадёжные

пьяницы, но пока еще трезвые в этот утренний час. Люди королевы, и оба, по крайней мере, на словах, испытывали здоровый страх перед ней, а Меррел к тому же имел устрашающий вид, когда не был пьян. Сегодня Мелисандра не нуждалась в них, но она завела привычку брать двух охранников, куда бы ни отправлялась. Это служило своего рода напоминанием. *Атрибутом власти.*

К тому времени, когда они оказались к северу от Стены, снег валил непрерывно. Рваное белое одеяло укрыло изрытую и израненную землю, протянувшуюся от Стены до края Зачарованного

леса. Джон Сноу и его черные братья столпились вокруг трех копий в двадцати ярдах от ворот.

Копья, сделанные из ясеня, достигали восьми футов в длину. То, что слева, казалось слегка искривленным, а два других были гладкими и ровными. На каждом из них красовалась отрубленная голова. Бороды на них обледенели, а снег накрыл покойников белыми капюшонами. На месте глаз остались только пустые глазницы, черные кровавые дыры, вззирающие сверху в молчаливом осуждении.

— Кто они? — спросила Мелисандра ворон.

— Черный Джек Бульвер,

Волосатый Хал и Гарт Серое Перо, — мрачно ответил Боуэн Марш. — Земля почти совсем промерзла. Должно быть, одичалые полночи потратили на то, чтобы зарыть копья так глубоко. Они все еще могут быть поблизости. Наблюдают за нами, — лорд-стюард, прищурившись, взглянул на ряд деревьев.

— Их там может быть сотня, — добавил черный брат с угрюмым лицом. — А может, и тысяча.

— Нет, — возразил Джон Сноу. — Они оставили свои дары под покровом ночи и сбежали.

Его огромный белый лютоволк покругил вокруг копий,

принюхиваясь, затем поднял лапу и помочился на копье с головой Черного Джека Бульвера.

— Призрак почувствовал бы их запах, будь они до сих пор здесь.

— Надеюсь, Плакальщик сжег их тела, — добавил угрюмый человек, которого прозвали Скорбным Эддом. — Иначе они могут прийти сюда в поисках своих голов.

Джон Сноу схватился за копье с головой Гарта Серое Перо и с силой выдернул его из земли.

— Снимите оставшиеся две, — приказал он, и четверо ворон поспешили выполнять приказ.

Щеки Боуэна Марша покраснели

от холода.

— Не стоило нам посылать разведчиков.

— Не время и не место ковыряться в этой ране. Не здесь, милорд. Не сейчас, — людям, борющимся с копьями, Сноу приказал: — Снимите головы и сожгите их. Не оставляйте ничего кроме костей.

Лишь затем он, казалось, заметил Мелисандру.

— Миледи. Пройдитесь со мной, если вы не против.

Наконец-то.

— Как будет угодно лорду-командующему.

Когда они проходили под

Стеной, она взяла его под руку. Морган и Меррел шли перед ними, Призрак следовал по пятам. Жрица молчала, однако нарочно замедляла шаг, и там, где она ступала, лед начинал таять. *Ему не удастся не заметить этого.*

Под железной решеткой бойницы Сноу, как она и ожидала, нарушил молчание:

— Что с остальными шестью?

— Я не видела их, — ответила Мелисандра.

— Вы посмотрите?

— Конечно, милорд.

— Прилетел ворон от сира Денниса Маллистера из Сумеречной Башни, — сказал ей Джон Сноу. —

Его люди видели огни в горах на противоположной стороне Глотки. Одичалые собираются вместе, считает сир Деннис. Он думает, что они попытаются снова преодолеть Мост Черепов.

— Некоторые — вероятно, — может быть, черепа в ее видении означали этот мост? Почему-то Мелисандра так не думала. — Если это случится, то атака будет не более чем отвлекающим маневром. Я видела башни у моря, поглощенные кроваво-черным приливом. Вот где последует основной удар.

— Восточный Дозор?

Он ли? Мелисандра видела Восточный Дозор-у-Моря вместе с

Королем Станнисом. Там Его Величество оставил королеву Селису и их дочь Ширен, когда собрал своих рыцарей для похода в Черный Замок. Башни в ее огне выглядели по-другому, но такое часто случалось в видениях.

— Да, Восточный Дозор, милорд.

— Когда?

Она развела руками:

— Завтра. Или после оборота луны. Или через год. А, может, если примешь меры, ты сможешь совсем предотвратить то, что я видела, — *иначе, в чем смысл видений?*

— Хорошо, — ответил Сноу.

Когда они выбрались из-под

Стены, толпа ворон у ворот увеличилась до нескольких десятков. Люди столпились вокруг них. Мелисандра знала некоторых по именам: повар Трехпалый Хобб, Малли с сальными рыжими волосами, туповатый мальчик, прозванный Оуэн-Олух, пьяница септон Селладар.

— Это правда, м'лорд? — задал вопрос Трехпалый Хобб.

— Кто это? — спросил Оуэн-Олух. — Это ведь не Дайвин, нет?

— И не Гарт, — добавил один из людей королевы, она знала его как Альфа из Раннимадда, он одним из первых сменил семерых ложных богов на истину Рглора. — Гарт

слишком умен для этих одичалых.

— Сколько? — спросил Малли.

— Трое, — ответил им Джон. — Черный Джек, Волосатый Хал и Гарт.

Альф из Раннимадда застонал так громко, что мог разбудить спящих в Сумеречной Башне.

— Уложите его в постель и дайте подогретого вина, — приказал Джон Трехпалому Хоббу.

— Лорд Сноу, — тихо проговорила Мелисандра, — не пройдешь ли со мной в Королевскую Башню? Мне есть чем поделиться с тобой.

Он долго глядел на нее своими серыми холодными глазами. Его

правая рука сжалась, разжалась и сжалась снова.

— Как вам угодно. Эдд, отведи Призрака в мои покои.

Решив, что это знак, Мелисандра отпустила и свою охрану. Они вместе прошли через двор, лишь они вдвоем. Вокруг падал снег. Она держалась рядом с Джоном настолько близко, насколько могла осмелиться. Достаточно близко, чтобы почувствовать недоверие, окутывающее его, словно черный туман. *Он не любит меня и никогда не полюбит, но он воспользуется моей помощью. Ну и прекрасно.* Мелисандра и прежде танцевала этот танец со Станнисом Баратеоном, еще

в самом начале. В действительности юный лорд-командующий и ее король походили друг на друга гораздо больше, чем кто-либо из них готов был признать. Станнис — младший брат, живущий в тени старшего, а Джон Сноу — бастард, затмеваемый законорожденным братом, павшим героем, которого называли Молодым Волком. Оба они по природе неверующие, недоверчивые и подозрительные. Единственные боги, которым они действительно поклоняются — долг и честь.

— Ты не спросил о сестре, — сказала Мелисандра, когда они поднимались по спиральной

лестнице Королевской Башни.

— Я говорил вам: у меня нет сестры. Мы отрекаемся от родства, когда произносим клятвы. Я не могу помочь Арье, как бы я...

Он прервался, как только они вошли в ее покои. Внутри был одичалый, он сидел за ее столом и размазывал кинжалом масло по отломленному куску теплого подрумяненного хлеба. Он снова облачился в костяные доспехи, как она с удовлетворением отметила. Сломанный череп великана, служивший ему шлемом, лежал на подоконнике за его спиной.

Джон Сноу напрягся:

— Ты.

— Лорд Сноу, — одичалый ухмыльнулся им ртом, полным потемневших и сломанных зубов. Рубин на его запястье мерцал в утреннем свете, как тусклая красная звезда.

— Что ты здесь делаешь?

— Завтракаю. Милости прошу к столу.

— Я не стану делить хлеб с тобой.

— Тебе же хуже. Буханка еще теплая. Уж с этим Хобб справляется по крайней мере, — одичалый оторвал зубами кусок. — Я бы с легкостью мог наведаться и к тебе, милорд. Охрана у твоих дверей — просто насмешка. Для человека,

который взбирался на Стену не меньше сотни раз, забраться в окно не представляет труда. Но какой прок тебя убивать? Вороны просто выберут кого-нибудь похуже, — он прожевал и проглотил еду. — Слышал про твоих разведчиков. Надо было меня с ними послать.

— Чтобы ты предал их и сдал Плакальщику?

— Так мы говорим о предательствах? Как звали ту девушку из одичалых, что была твоей женой, Сноу? Игритт, верно? — одичалый повернулся к Мелисandre. — Мне понадобятся лошади, с полдюжины добрых коней. И один я не справлюсь. Сгодятся

копьеносицы, из тех, что застряли в Кротовом Городке. Тут больше подойдут женщины. Девчонке будет проще поверить им, и они помогут мне провернуть хитрость, которую я задумал.

— О чем он? — спросил ее лорд Сноу.

— О твоей сестре, — Мелисандра положила ладонь ему на руку. — Ты не можешь помочь ей, но он может.

Сноу отдернул руку.

— Не думаю. Вы не знаете это создание. Гремучая Рубашка мог бы мыть свои руки по сто раз на дню, и у него все равно осталась бы кровь под ногтями. Он скорее изнасилует и

убьет Арию, чем спасет ее. Нет. Если это было тем, что вы видели в огне, миледи, пепел должно быть застлал вам глаза. Если он попытается покинуть Черный Замок без моего разрешения, я сам отрублю ему голову.

*Он не оставляет мне выбора.
Да будет так.*

— Деван, оставь нас, — сказала она. Оруженосец выскользнул из комнаты и закрыл за собой дверь.

Мелисандра коснулась рубина на шее и произнесла слово.

Звук странно отразился от углов комнаты и прополз в их уши как червь. Одичалый слышал одно слово, ворона — другое. Но ни то, ни другое

не было тем словом, что слетело с ее губ. Рубин на запястье одичалого потемнел, дымка света и тени вокруг него возникла и растаяла.

Кости остались — дребезжащие ребра, когти и зубы вдоль его рук и плеч, огромная пожелтевшая ключица поперек надплечья. Сломанный череп великана по-прежнему был сломанным черепом великана, пожелтевшим и треснувшим, ухмылявшимся своим грязным и диким оскалом.

Но "вдовый пик" исчез. Темные усы, выпуклый подбородок, болезненная пожелтевшая плоть и маленькие черные глаза — все растаяло. Серые пальцы поглаживали

длинные каштановые волосы. В уголках рта проявились морщинки от смеха. Внезапно он стал больше, чем прежде, шире в груди и плечах, длинноногим и стройным, с чисто выбритым и обветренным лицом.

Серые глаза Джона Сноу расширились:

— Манс?

— Лорд Сноу, — Манс-Налетчик не улыбался.

— *Она сожгла тебя.*

— Она сожгла Костяного Лорда.

Джон Сноу повернулся к Мелисандре:

— Что это за колдовство?

— Называй, как хочешь. Чары, притворство, иллюзия. Рглор —

Владыка Света, Джон Сноу, и его слугам дано ткать из света так же, как другие ткут из нитей.

Манс-Налетчик усмехнулся:

— Я тоже сомневался, Сноу, но почему бы не дать ей попробовать? Выбор был — либо это, либо позволить Станнису поджарить меня.

— Кости помогают, — объяснила Мелисандра. — Кости помнят. Сильнейшие чары строятся на таких вещах. Ботинки мертвого человека, прядь волос, мешочек с костяшками пальцев. С помощью шепота и молитвы из них можно вызвать тень человека и надеть ее на другого, как плащ. Сущность носящего не меняется, только то,

каким его видят.

Она говорила об этом, как о простой и легкой вещи. Им не нужно знать, каких трудов или чего еще ей это стоило. Этот урок Мелисандра выучила задолго до Асшая; чем меньше сил, как казалось, затрачено на колдовство, тем больше люди боялись мага. Когда пламя лизало Гремучую Рубашку, рубин на ее шее стал таким горячим, что она испугалась, как бы ее собственная плоть не начала дымиться и чернеть. К счастью, лорд Сноу избавил ее от агонии своими стрелами. В то время как Станнис кипел от проявленного неповиновения, она содрогнулась от облегчения.

— У нашего поддельного короля непростой характер, — сказала Мелисандра Джону Сноу, — но он тебя не предаст. У нас его сын, не забывай. И к тому же он обязан тебе жизнью.

— Мне? — Сноу выглядел изумленным.

— Кому же еще, милорд? По вашим законам за свои преступления он должен был заплатить кровью, а Станнис Баратеон не из тех людей, что пойдут против закона... но как ты мудро заметил, людские законы за Стеной не действуют. Я говорила тебе, что Владыка Света услышит твои молитвы. Тебе нужен способ спасти сестру и при этом не уронить

чести, которая так много для тебя
значит, сдержать клятвы,
произнесенные перед лицом твоего
деревянного бога, — она подняла
бледный палец. — И вот он, лорд
Сноу. Тот, кто спасет Арию. Дар
Владыки Света... и мой.

33. ВОНЮЧКА

Сначала он услышал лай девочек, мчавшихся домой. Дробный цокот лошадиных копыт, эхом отдававшийся от мощеных каменных плит, заставил его вскочить на ноги, громыхая оковами. Цепь, что сковывала его лодыжки, была не более фута длиной и превращала его шаги в шарканье. Он не мог быстро двигаться, но старался изо всех сил, с лязгом вскочив с соломенного тюфяка. Рамси Болтон вернулся и захочет, чтобы его Вонючка был под рукой, готовый служить ему.

Снаружи, под холодным

осенним небом, в ворота въезжали охотники. Впереди — Костлявый Бен, рядом с которым с лаем бежали девочки. За ними — Скорняк, Кислый Алин и Деймон А-ну-ка-потанцуй со своим длинным засаленным кнутом. Затем — Уолдеры, каждый верхом на сером жеребенке, полученном от леди Дастин. Сам его светлость возвышался в седле Кровавого, рыжего жеребца с нравом под стать хозяину. Он смеялся. Вонючка знал, что это могло быть и очень хорошим знаком, и очень плохим.

Почуяв знакомый запах, собаки налетели на него раньше, чем он смог найти ответ на этот вопрос.

Собаки любили Вонючку — чаще всего он спал среди них, а иногда Костлявый Бен позволял ему разделить с ними ужин. С лаем промчавшись по брусчатке, свора окружила его. Собаки подпрыгивали, пытаясь лизнуть его немытое лицо, и покусывали за ноги. Хелисент схватила его зубами за левую руку и начала трепать ее так яростно, что Вонючка испугался, как бы не лишиться еще пары пальцев. Рыжая Джейне прыгнула ему на грудь и сбила с ног. Она была поджарой и мускулистой, тогда как Вонючка — слабым, поседевшим заморышем с серой кожей и хрупкими костями.

Когда ему удалось спихнуть с

себя Рыжую Джейне и встать на колени, охотники уже спешили. Две дюжины всадников уехали, и две дюжины вернулись — это означало, что поиски обернулись неудачей. Плохо. Рамси не любил вкус неудачи. *Он захочет сделать кому-нибудь больно.*

С недавних пор его лорду приходилось сдерживать себя, так как Город-на-Кургане был полон нужных дому Болтонов людей, и Рамси знал, что должен быть осторожнее рядом с Дастинами, Рисвеллами и сопровождавшими их лордиками. С ними рядом он всегда улыбался и демонстрировал учтивость. За закрытыми дверями он

становился совсем другим.

Наряд Рамси Болтона соответствовал титулу лорда Хорнвуда и наследника Дредфорта. На нем была накидка из волчьего меха, защищающая от осенней прохлады и скрепленная на правом плече желтоватыми клыками вольчей головы. На одном бедре висел короткий меч, толстый и тяжелый, как мясницкий тесак, на другом — длинный кинжал и маленький кривой нож для свежевания с крюком на конце и острым как бритва лезвием. У всех трех клинков были одинаковые рукоятки из желтой кости.

— Вонючка, — окликнул его

светлость с высокого седла Кровавого, — ты смердишь. Твоя вонь чувствуется на другом конце двора.

— Я знаю, милорд, — ответил, как и положено, Вонючка. — Прошу прощения.

— Я принес тебе подарок, — Рамси повернулся, протянул руку за спину, вытащил что-то из седельной сумки и швырнул. — Лови!

В цепях, ножных кандалах и с отсутствующими пальцами, Вонючка стал более неуклюжим, чем был до того, как выучил свое имя. Голова ударилась о его искалеченные руки, отскочила от обрубков пальцев и приземлилась у ног. Из нее

посыпались опарыши. Лицо под коркой засохшей крови изменилось до неузнаваемости.

— Я приказал тебе поймать ее, — сказал Рамси. — Подними.

Вонючка попытался поднять голову за ухо. Не удалось. Плоть была зеленая и разложившаяся, ухо оторвалось и осталось между его пальцами. Уолдер Малый засмеялся, и через секунду уже смеялись все остальные.

— Оставь его, — приказал Рамси. — Займись Кровавым. Я совсем загнал этого ублюдка.

— Да, милорд. Я займусь, — Вонючка поспешил к лошади, бросив отрубленную голову собакам.

— Сегодня ты воняешь, как поросычье дерьмо, Вонючка, — отметил Рамси.

— В его случае это улучшение, — добавил Деймон А-нука-потанцуй, с улыбкой сматывая кнут.

Уолдер Малый соскочил с седла:

— Вонючка, ты можешь заняться и моей лошадью тоже. И лошадью моего маленького кузена.

— Я сам могу присмотреть за своей лошадью, — ответил Большой Уолдер.

Уолдер Малый превратился в любимчика лорда Рамси и с каждым днем становился все более похожим на него, но младший Фрей был из

другого теста и редко принимал участие в забавах и зверствах своего кузена.

Вонючка не обращал внимания на оруженосцев. Он повел Кровавого в конюшни, отпрыгивая в сторону, когда жеребец пытался лягнуть его. Охотники направились в зал, все, кроме Костлявого Бена, который осыпал проклятьями собак, пытаясь разнять их драку за отрубленную голову.

Большой Уолдер пошел следом за ним в конюшни, ведя свою лошадку. Вонючка украдкой взглянул на него, снимая с Кровавого уздечку.

— Кем он был? — спросил он тихо, чтобы другие конюхи не

услышали.

— Никем, — Большой Уолдер снял седло с серого коня. — Старик, которого мы встретили на дороге, вот и все. Он вел старую козу и четверых козлят.

— Его светлость убил его из-за коз?

— Его светлость убил старика, потому что тот назвал его "лорд Сноу". Но козы были хороши. Мы подоили мать и поджарили козлят.

Лорд Сноу. Вонючка кивнул, позвякивая цепями и борясь с подпругой на седле Кровавого. Как его ни назови, Рамси — не тот человек, с которым стоит быть рядом, когда он в гневе. Или когда он

не в гневе.

— Вы нашли своих родственников, милорд?

— Нет. Я и не думал, что мы их найдем. Они мертвы. Лорд Виман приказал убить их. Я бы тоже так поступил на его месте.

Вонючка ничего не ответил. Некоторые вещи произносить небезопасно, даже в конюшнях, когда его светлость в замке. Каждое неверное слово могло стоить ему еще одного пальца на ноге, или даже на руке. *Но не языка. Он никогда не лишит меня языка. Ему нравится слышать, как я молю избавить меня от боли. Ему нравится заставлять меня говорить это.*

Наездники были на охоте шестнадцать дней, питаюсь только черствым хлебом и засоленной говядиной, если не считать случайно захваченного козленка, поэтому в ту ночь лорд Рамси приказал устроить пир в честь их возвращения в Город-на-Кургане. Хозяин замка, седой и однорукий мелкий лорд по имени Харвуд Стаут, понимал, что лучше не отказывать, хотя его кладовые, должно быть, уже сильно истощились. Вонючка слышал ворчание прислуги Стаута о том, что Бастард и его люди уничтожали их запасы на зиму.

— Говорят, он разделит постель с маленькой девочкой лорда

Эддарда, — жаловалась кухарка, не зная, что Вонючка слушает, — но когда выпадет снег, мы окажемся теми, кого поймали, попомните мои слова.

Но раз лорд Рамси велел устроить пир, значит, будет пир. В зале Стаута поставили длинные столы на козлах, забили быка, и в ту ночь после захода солнца вернувшиеся с пустыми руками охотники ели жаркое и ребрышки, ячменный хлеб и пюре из моркови с горошком, запивая это чудовищным количеством эля.

Малому Уолдеру выпало следить за тем, чтобы кубок лорда Рамси был полон, в то время как Большой

Уолдер разливал напитки другим гостям за главным столом. Вонючку приковали у дверей, чтобы его благоухание не перебило пирующим аппетит. Он сможет поесть позже, любые объедки, которые лорд Рамси сочтет нужным прислать ему. Собаки же резвились в зале и устроили лучшее развлечение вечера, когда Мод и Серая Джейне сцепились с одной из гончих лорда Стаута из-за особо мясистой кости, брошенной Коротышкой Уиллом. Вонючка был единственным в зале, кто не следил за боем трех собак — он не сводил глаз с Рамси Болтона.

Драка прекратилась, только когда собака хозяина замка сдохла. У

старой гончей Стаута не было ни единого шанса — она дралась одна против двух, а суки Рамси отличались молодостью, силой и свирепостью. Костлявый Бен, любивший собак больше, чем хозяин, рассказал Вонючке, что все они названы в честь крестьянских девушек, которых Рамси загнал, изнасиловал и убил, еще будучи бастардом, в компании первого Вонючки: "В честь тех, кто каким-либо образом его позабавил. Те, кто плакал, умолял и не бежал, не удостоились чести продолжить жизнь в именах сук". Вонючка не сомневался, что в следующем помете, который принесет

дредфортская псарня, будет Кира. "Они натасканы и на волков", — сообщил по секрету Костлявый Бен.

Вонючка ничего не сказал. Он знал, каких волков должны убивать девочки, но у него не было желания смотреть, как они будут драться из-за отрезанного с его ноги пальца.

Двое слуг унесли тело мертвой собаки, а старуха принесла швабру, скребок и ведро, чтобы убрать с пола пропитанную кровью солому. В этот момент двери зала распахнулись, впустив порыв ветра, и дюжина мужчин в серых кольчугах и железных полушлемах прошли внутрь, растолкав побледневших молодых охранников Стаута в их

кожаных латах и красно-коричневых с золотом плащах. Внезапная тишина охватила пирующих... всех, кроме лорда Рамси, который отшвырнул в сторону обглоданную кость, вытер рот о рукав, улыбнулся сальными, влажными губами и произнес:

— Отец.

Лорд Дредфорта обвел
скучающим взглядом остатки
пиршества, мертвую собаку,
портьеры на стенах, Вонючку в его
цепях и кандалах.

— Вон, — приказал он
присутствующим голосом тихим, как
шелест. — Сейчас же. Все вы.

Люди Лорда Рамси вылезли из-
за столов, бросив свои кубки и

подносы. Костлявый Бен позвал девочек, и они побежали за ним, некоторые все еще с костями в зубах. Харвуд Стаут сухо поклонился и покинул свой зал без единого слова.

— Отцепи Вонючку и заberi с собой, — прорычал Рамси Кислomu Алину, но его отец взмахнул бледной рукой и сказал:

— Нет, оставь его.

Даже личная охрана лорда Русе удалилась, закрыв за собой двери. Когда эхо шагов затихло, Вонючка понял, что он остался в зале один с двумя Болтонами, отцом и сыном.

— Ты не нашел наших исчезнувших Фреев, — из уст Русе Болтона это прозвучало не вопросом,

а, скорее, утверждением.

— Мы вернулись к тому месту, где, по словам лорда Миноги, они разделились, но девочки не смогли взять след.

— Вы справлялись о них в селениях и крепостях.

— Пустая трата слов. Непонятно, зачем этим крестьянам вообще глаза — они все равно ничего не замечают, — пожал плечами Рамси. — Да какая разница? Мир не обеднеет, потеряв парочку Фреев. Если они нам вдруг понадобятся, их полно на юге, в Близнецах.

Лорд Русе оторвал небольшой кусочек хлебной корки и съел его.

— Хостин и Эйнис подавлены.

— Пусть сами съездят и поищут, если хотят.

— Лорд Виман винит себя. Послушать его, так он особенно привязался к Рейегару.

Лорда Рамси начал охватывать гнев. Вонючка видел это по искривившемуся толстым губам, по вздувшимся на шее венам.

— Дураки, им надо было оставаться с Мандерли.

Русе Болтон пожал плечами.

— Носилки лорда Вимана движутся со скоростью улитки... и, конечно, здоровье и объемы его светлости не позволяют ему путешествовать больше нескольких часов в день. С обязательными

частыми остановками для приема пищи. Фреям не терпелось добраться до Города-на-Кургане и воссоединиться с родственниками. Можно ли упрекнуть их за то, что они ускакали вперед?

— Если именно это они сделали. Ты веришь Мандерли?

Бледные глаза его отца сверкнули:

— У тебя создалось такое впечатление? Тем не менее. Его светлость убит горем.

— Не настолько убит, чтобы отказаться от еды. Лорд Боров, должно быть, привез с собой половину запасов Белой Гавани.

— Сорок повозок, полных

съестного. Бочки с обычным и пряным вином, бочонки со свежевывловленными миногами, стадо коз, сотня свиней, ящики с крабами и устрицами, огромная треска... Лорд Виман любит поесть. Возможно, ты успел заметить.

— Что я заметил, так это то, что он не привез заложников.

— Это заметил и я.

— Что ты собираешься делать по этому поводу?

— Пока затрудняюсь сказать, — лорд Русе нашел пустую кружку, протер ее скатертью и наполнил из кувшина. — Похоже, не только Мандерли закатывают пиры.

— Это ты должен был устроить

пир в честь моего возвращения, — посетовал Рамси. — И в Замке-на-Кургане, а не в этой вонючей дыре.

— Я не могу распоряжаться Замком-на-Кургане и его кухнями, — мягко ответил отец. — Я там всего лишь гость. Замок и город принадлежат леди Дастин, а она тебя не выносит.

Лицо Рамси потемнело:

— А если я отрежу ей сиськи и скормлю моим девочкам, она по-прежнему не будет меня выносить? Или если сдеру с нее кожу и сделаю себе пару сапог — тогда будет выносить?

— Вряд ли. И эти сапоги тебе дорого обойдутся. Они будут стоять

нам Города-на-Кургане, домов Дастинов и Рисвеллов, — Русе Болтон сел за стол напротив сына. — Барбри Дастин — младшая сестра моей второй жены, дочь Родрика Рисвелла, сестра Роджера, Рикарда и моего тезки Русе, кузина остальных Рисвеллов. Она любила моего покойного сына и подозревает, что ты приложил руку к его кончине. Леди Барбри — женщина, которая знает, как лелеять обиды. Радуйся этому. Город-на-Кургане верен Болтонам, в основном потому, что она до сих пор винит Неда Старка в смерти своего мужа.

— Верен? — вскипел Рамси. — Да она только и делает, что плюет на

меня. Придет день, и я предам огню ее драгоценный деревянный город. Пусть и на него поплюет, посмотрим, затушит ли это пламя.

Русе скривился, будто эль, который он потягивал, внезапно прокис:

— Временами я начинаю сомневаться, действительно ли ты от моего семени. О моих предках можно сказать многое, но они не были дураками. Нет, теперь помолчи, я слышал достаточно. На данный момент мы кажемся сильными, да. У нас есть могущественные друзья в лице Ланнистеров и Фреев и неохотная поддержка большей части Севера... но представь, что случится,

если объявится один из сыновей Неда Старка?

Все сыновья Неда Старка мертвы, подумал Вонючка. Робба убили в Близнецах, а Бран и Рикон... мы окунали их головы в смолу... Его собственная голова раскалывалась. Он не хотел думать о том, что произошло до того, как он выучил свое имя. Есть вещи, помнить о которых было слишком мучительно — они причиняли почти такую же боль, как и скорняцкий нож Рамси.

— Маленькие волчата Старка мертвы, — сказал Рамси и плеснул в кружку еще эля, — мертвыми они и останутся. Пусть только попробуют высунуть свои уродливые лица, и мои

девочки порвут этих волков в клочья. Чем скорее они объявятся, тем скорее я убью их снова.

Старший Болтон вздохнул:

— Снова? Ты, конечно, оговорился. Ты никогда не убивал сыновей лорда Эддарда, этих двух милых мальчиков, которых мы так любили. Это дело рук Теона Перевертыша, помнишь? Скольких из наших невольных друзей, по твоему представлению, мы удержим, если правда выйдет наружу? Только леди Барбри, которую ты превратил бы в пару сапог... плохих сапог. Человеческая кожа не такая плотная, как воловья, и не так хорошо носится. По королевскому указу ты

теперь Болтон. Так что веди себя соответственно. О тебе ходят слухи, Рамси. Я слышу их повсюду. Люди боятся тебя.

— Хорошо.

— Ты ошибаешься. Это нехорошо. Обо мне никогда не ходили слухи. Думаешь, я сидел бы здесь, если бы было по-другому? Твои развлечения — твое личное дело, я не буду тебя ими попрекать, но ты должен быть осмотрительнее. Спокойные земли, смирный народ. Таков мой принцип. Сделай его и своим.

— Ты ради этого оставил леди Дастин и свою жирную свинюшку жену? Чтобы приехать сюда и

приказать мне быть смиренным?

— Вовсе нет. Есть новости, которые тебе нужно услышать. Лорд Станнис наконец-то покинул Стену.

От этой вести Рамси привстал, улыбка заиграла на его широких влажных губах.

— Он идет на Дредфорт?

— Увы, нет. Арнольф не понимает, почему. Он клянется, что сделал все, чтобы заманить его в ловушку.

— Удивительное дело. Поскреби Кастарка — обнаружишь Старка.

— После того, как Молодой Волк хорошенько поскреб лорда Рикарда, эти слова уже не так правдивы, как раньше. Но как бы то

ни было. Лорд Станнис отбил Темнолесье у железных людей и вернул его Гловерам. Что еще хуже, к нему присоединились горные кланы — Вуллы, Норри, Лиддлы и остальные. Его силы растут.

— Наши силы больше.

— Сейчас — да.

— Значит, сейчас — самое время сокрушить их. Позволь мне выступить на Темнолесье.

— После того, как женишься.

Рамси с грохотом опустил чашу на стол, выплеснув остатки эля на скатерть:

— Мне надоело ждать. У нас есть девчонка, у нас есть дерево, и у нас достаточно лордов, которые

выступят свидетелями. Я женюсь на ней завтра, сделаю ей сына и отправлюсь в путь раньше, чем успеет высохнуть девичья кровь между ее ног.

Она будет молиться, чтобы ты отправился в путь, подумал Вонючка, и никогда больше не вернулся в ее постель.

— Ты сделаешь ей сына, — сказал Русе Болтон, — но не здесь. Я решил, что ты женишься на девочке в Винтерфелле.

Этот план не обрадовал лорда Рамси:

— Я разорил Винтерфелл, ты что, забыл?

— Нет, а вот ты, похоже, не

помнишь... железные люди разорили Винтерфелл и разделались со всеми его обитателями. Теон Перевертыш.

Рамси с сомнением взглянул на Вонючку:

— Ну да, он это сделал, но все же... играть свадьбу в этих развалинах?

— Винтерфелл, даже в руинах и разрушенный, остается родным домом леди Арьи. Разве есть место, более подходящее для того, чтобы взять ее в жены, лечь с ней в постель и заявить о своих правах? Но это не все. С нашей стороны будет глупо пойти на Станниса. Пусть Станнис идет на нас. Он слишком осторожен, чтобы атаковать Город-на-Кургане...

но ему придется пойти на Винтерфелл. Горные кланы не допустят, чтобы дочь их драгоценного Неда досталась такому, как ты. Станнису будет вынужден выступить, или он потеряет их... а будучи осторожным военачальником, он призовет всех своих друзей и союзников. Призовет Арнольфа Карстарка.

Рамси облизал потрескавшиеся губы:

— И окажется у нас в руках.

— Если на то будет воля богов, — Русе поднялся. — Ты сыграешь свадьбу в Винтерфелле. Я уведомя лордов, что мы отправляемся туда через три дня и

приглашаем их сопровождать нас.

— Ты Хранитель Севера.
Прикажи им.

— Приглашение будет иметь такую же силу. Вкус власти чувствуется лучше, если он подслащен учтивостью. Тебе надо бы научиться этому, если ты надеешься однажды стать правителем, — лорд Дредфорта взглянул на Вонючку. — Да, и сними цепи со своего любимца. Я забираю его.

— Забираешь его? Куда? Он мой. Ты не можешь его забрать.

Эти слова, похоже, позабавили Русе:

— Все, что у тебя есть, дал тебе я. И хорошо бы тебе помнить об

этом, бастард. Что же до этого... Вонючки... если ты не загубил его окончательно, он еще может нам пригодиться. Достань ключи и сними с него цепи, пока я не начал сожалеть о том дне, когда изнасиловал твою мать.

Вонючка увидел, как скривился рот Рамси и слюна блеснула между его губ. Он испугался, что Рамси сейчас прыгнет через стол с кинжалом в руке. Вместо этого тот вспыхнул, отвел свои бледные глаза от еще более бледных глаз отца и отправился за ключами. Но опустившись на колени, чтобы снять оковы с запястий и лодыжек Вонючки, он склонился поближе и

прошептал:

— Ничего не говори ему, и запомни каждое его слово. Я заполучу тебя обратно, что бы тебе ни сказала эта сука Дастин. Кто ты?

— Вонючка, милорд. Ваш человек. Я Вонючка — доносчик-трясучка.

— Так и есть. Когда мой отец вернет тебя назад, я отрежу тебе еще один палец. Ты сам сможешь выбрать, какой именно.

Непрощенные слезы потекли по его щекам:

— За что? — выкрикнул он срывающимся голосом. — Я не просил забирать меня у вас. Я сделаю все, что вы скажете, буду

служить, повиноваться, я... Не надо, прошу...

Рамси отвесил ему оплеуху.

— Забирай, — сказал он отцу. —

Он даже не человек. И меня тошнит от его вони.

Когда они вышли наружу, над деревянными стенами Города-на-Кургане уже поднималась луна. Вонючка слышал, как гуляет ветер по холмистым равнинам за городом. От восточных ворот скромной крепости Харвуда Стаута до Замка-на-Кургане было не больше мили. Лорд Болтон предложил ему лошадь:

— Ты сможешь ехать верхом?

— Я... милорд, я... думаю, да.

— Валтон, помоги ему сесть в

седло.

Даже без оков Вонючка передвигался, как старик. Плоть болталась у него на костях, а Кислый Алин и Костлявый Бен говорили, что иногда его трясет. А запах... даже лошадь, которую привели для него, шарахнулась в сторону, когда он попытался на нее взобраться.

Впрочем, лошадка была покладистой и знала дорогу к Замку-на-Кургане. Когда они проехали через ворота, лорд Болтон оказался рядом с ним. Стража держалась позади на почтительном расстоянии.

— Как хочешь, чтобы я к тебе обращался? — спросил лорд, пока они ехали рысцой по широким

прямым улицам Города-на-Кургане.

Я Вонючка, Вонючка — кого-то ждет взбучка.

— Вонючка, — произнес он, — с вашего позволения, милорд.

— М'лорд, — губы Болтона раздвинулись, немного обнажив зубы. Возможно, это была улыбка.

Вонючка не понял:

— Милорд? Я сказал...

— ... "милорд", а надо говорить "м'лорд". Твоя речь, каждое твое слово выдает происхождение. Если хочешь, чтобы тебя принимали за крестьянина, произноси это так, будто рот забит грязью, или будто ты слишком туп и не можешь понять, что в этом слове два слога, а не один.

— Как вам угодно, ми... м'лорд.

— Уже лучше. Ты ужасно
воняешь.

— Да, м'лорд. Прошу простить
меня, м'лорд.

— За что? То, как ты пахнешь —
заслуга моего сына, а не твоя. Я знаю
об этом, — они миновали конюшню
и постоялый двор с закрытыми
ставнями, с нарисованным на
вывеске пучком пшеницы. Вонючка
слышал музыку, доносящуюся из
окон. — Я знал первого Вонючку. Он
вонял не из-за нежелания мыться. По
правде говоря, я не встречал более
чистоплотного существа. Он мылся
по три раза в день и вплетал в
волосы цветы, словно девушка.

Однажды, когда еще была жива моя вторая жена, он украл благовония из ее спальни. Я наказал его за это дюжиной плетей. Но даже его кровь пахла дурно. Через год он предпринял еще одну попытку. На этот раз он выпил духи и чуть не умер. Но ничего не помогало. Он родился с этой вонью. В народе говорили, что он проклят. Боги сделали его таким вонючим, чтобы люди знали о его гнилой душе. Мой старый мейстер настаивал, что это признак болезни, но в остальном мальчик был здоров как бык. Никто не мог находиться рядом с ним, так что он спал со свиньями... до тех пор, пока мать Рамси не появилась у

моих ворот и не потребовала предоставить слугу моему бастарду, который рос диким и непокорным. Я решил, что будет забавно отдать ей Вонючку, но они с Рамси стали неразлучны. Я все думаю... это Рамси испортил Вонючку или Вонючка — Рамси? — его светлость взглянул на нового Вонючку бледными и холодными, как две белые луны, глазами. — Что он шептал, когда снимал с тебя цепи?

— Он... он сказал... — *Сказал ни о чем вам не рассказывать.* Слова застряли в горле, он начал кашлять и задыхаться.

— Дыши глубже. Я знаю, что он сказал. Шпионить за мной и не

выдавать его тайны, — Болтон усмехнулся. — Как будто у него есть тайны. Кислый Алин, Лутон, Скорняк и остальные — откуда, по его мнению, они взялись? Он действительно верит, что они — его люди?

— Его люди, — эхом отозвался Вонючка. По-видимому, от него ожидали какого-то ответа, но он не знал что сказать.

— Мой бастард когда-нибудь рассказывал тебе, как он появился на свет?

Это он, к своему облегчению, знал.

— Да, ми... м'лорд. Вы встретили его мать на верховой

прогулке и были сражены ее красотой.

— Сражен? — Болтон рассмеялся. — Он так и сказал? Да у парня душа поэта... хотя если ты поверил этой песне, ты еще тупее первого Вонючки. Даже часть о верховой прогулке неверна. Я гнался за лисой по берегу Рыдающей, когда наткнулся на мельницу и увидел молодую женщину, стирающую одежду в ручье. Старый мельник обзавелся новой женой, девушкой вполовину его моложе. Высокое, стройное создание, пышущее здоровьем. Длинные ноги и небольшие крепкие груди, словно две спелые сливы. Хорошенькая, в

общепринятом смысле слова. Я ее захотел, как только увидел. И таково было мое право. Мейстеры скажут тебе, что король Джейехерис отменил право лорда на первую ночь, чтобы ублажить свою сварливую королеву, но там, где правят старые боги, живы и старые традиции. Амберы тоже соблюдают право первой ночи, хотя и пытаются отрицать это. И некоторые горные кланы тоже, а на Скагосе... что ж, только сердцедревам доводилось видеть хотя бы половину того, что делают на Скагосе.

Этот мельник женился без моего ведома и не спросив разрешения. Он обманул меня. Так что я приказал

повесить его и взял свое по праву прямо под деревом, на котором он болтался. Честно говоря, девчонка и веревки не стоила. И лиса тоже сбежала, а на обратном пути в Дредфорт мой любимый скакун захромал, так что в целом день оказался скверным.

Годом позже та же девица имела дерзость появиться в Дредфорте с вопящим краснолицым чудовищем, которое, по ее утверждению, было моим отпрыском. Мне бы приказать выпороть мать и бросить ребенка в колодец... но я увидел, что у младенца мои глаза. Она сказала мне, что когда брат ее умершего мужа увидел эти глаза, он избил ее в кровь

и выгнал с мельницы. Это раздосадовало меня, так что мельницу я отдал ей, а брату вырвал язык, чтобы он уж наверняка не побежал в Винтерфелл с историями, которые могли бы побеспокоить лорда Рикарда. Каждый год я посылал женщине поросят, кур и мешочек со звездами на том условии, что она никогда не расскажет мальчику, кто его отец. Спокойные земли, смирный народ — это всегда было моим принципом.

— Прекрасный принцип, милорд.

— Но женщина ослушалась меня. Видишь, каков Рамси? Это она сделала его таким, она и Вонючка.

Они постоянно нашептывали ему в уши о его правах. Ему бы молотить зерно и довольствоваться этим. Неужели он действительно считает, что сможет править Севером?

— Он сражается за вас, — выпалил Вонючка. — Он сильный.

— Быки тоже сильные. Медведи сильные. Я видел, как сражается мой бастард. Хотя нельзя винить только его. Вонючка был его наставником — первый Вонючка, а того никогда не обучали военному искусству. Рамси свиреп, не отрицаю, но он машет мечом как мясник, разделывающий тушу.

— Он никого не боится, м'лорд.

— А следовало бы. Страх — то,

что сохраняет человеку жизнь в нашем мире вероломства и обмана. Даже здесь, в Городе-на-Кургане, кружатся вороны в ожидании пира на нашей плоти. На Сервинов и Толхартов нельзя полагаться, мой толстый друг лорд Виман плетет заговор, а Смерть Шлюхам... Амберы кажутся простаками, но и у них не отнять определенной изворотливости. Рамси должен бояться их всех, как это делаю я. Когда увидишь его в следующий раз, так ему и передай.

— Передать ему... передать ему, чтобы он боялся? — Вонючке стало дурно от одной мысли об этом. — М'лорд, я... если я это сделаю, он...

— Знаю, — вздохнул лорд Болтон. — Дурная кровь. Ему нужны пиявки. Пиявки высасывают дурную кровь, весь гнев и боль. Невозможно рассуждать здраво, когда ты в ярости. Но Рамси... боюсь, его порченная кровь отравит даже пиявок.

— Он ваш единственный сын.

— Теперь — да. У меня когда-то был и другой. Домерик. Тихий мальчик, но очень воспитанный. Он четыре года служил пажом у леди Дастин, и три года — оруженосцем у лорда Редфорта в Долине. Он играл на арфе, увлекался историей и скакал на лошади, словно ветер. Лошади... мальчишка был помешан на лошадях. Леди Дастин расскажет тебе. Даже

дочь лорда Рикарда не могла его обогнать, а ведь та сама была наполовину лошадь. Редфорт говорил, что мальчика ждет большое будущее на турнирах. Великий рыцарь сначала должен стать искусным наездником.

— Да, м'лорд. Домерик... Я... Я слышал о нем...

— Рамси убил его. Кишечное недомогание — так сказал мейстер Утор, но я говорю — яд. В Долине Домерик много времени проводил в компании сыновей Редфорта. Он захотел, чтобы и брат был рядом, и поэтому поскакал вверх по Рыдающей за моим бастардом. Я запретил ему, но Домерик стал уже

взрослым человеком и считал себя умнее отца. Сейчас его кости лежат под Дредфортом вместе с костями его братьев, умерших еще в колыбели, а я остался с Рамси. Скажи мне, милорд... если пролившего родную кровь проклинают, что делать отцу, когда один сын убивает другого?

Вопрос напугал его. Однажды он слышал, как Скорняк говорил, будто Бастард убил своего законнорожденного брата, но он никогда не осмеливался поверить в это. *Может, он ошибается. Братья иногда умирают, и это не означает, что их убили. Мои братья умерли, но я не убивал их.*

— У милорда теперь новая

жена, которая подарит ему сыновей.

— И разве не обрадует это моего сынка-бастарда? Леди Уолда из Фреев, так что наверняка плодовита. Удивительно, но я привязался к своей толстой маленькой женушке. Две другие, что были до нее, в постели не издавали ни звука, а эта визжит и содрогается. Я нахожу это очаровательным. Если сыновья будут выскакивать из нее с такой же скоростью, с какой в ней исчезают сладости, Дредфорт скоро будет переполнен Болтонами. Рамси, конечно, их всех убьет. И это к лучшему. Я не проживу достаточно долго, чтобы увидеть моих новых сыновей взрослыми, а мальчики-

лорды во главе любого дома приносят ему только беды... Хотя, конечно, Уолда будет убиваться, когда их не станет.

В горле у Вонючки пересохло. Он слышал, как ветер шумит в голых ветвях вязов, тянущихся по обеим сторонам улицы.

— Милорд, я...

— М'лорд, помнишь?

— М'лорд. Могу ли я спросить... зачем я вам? От меня нет никакого толка, я даже не человек, я калека, и... этот запах...

— Примешь ванну, сменишь одежду, и от тебя станет пахнуть гораздо приятнее.

— Ванну? — В животе у

Вонючки все сжалось. — Я... Лучше не надо, м'лорд. Пожалуйста, у меня... раны, я... и эта одежда, ее мне дал лорд Рамси, он... он сказал, чтобы я никогда не снимал ее без его разрешения...

— На тебе лохмотья, — терпеливо отметил лорд Болтон. — Грязные, разодранные вещи, покрытые пятнами и пахнущие кровью и мочой. И тонкие. Тебе, наверное, холодно. Мы оденем тебя в овечью шерсть, мягкую и теплую. Может быть, в подбитый мехом плащ. Как тебе это?

— Нет, — он не мог позволить им забрать вещи, которые ему дал лорд Рамси. Он не мог позволить им

увидеть себя.

— Ты бы предпочел одеться в шелка и бархат? Помню, были времена, когда тебе такое нравилось.

— Нет, — пронзительно возразил он. — Нет, я хочу только эту одежду. Одежду Вонючки. Я Вонючка, Вонючка — писклявая сучка, — его сердце стучало, как барабан, а голос повысился до испуганного визга. — Я не хочу ванну. Пожалуйста, м'лорд, не забирайте мою одежду.

— Ты хотя бы позволишь нам постирать ее?

— Нет. Нет, м'лорд. Пожалуйста, — он обеими руками прижал к груди рубаху и сгорбился в

седле, немного опасаясь, что Русе Болтон может приказать своей страже сорвать с него одежду прямо там, на улице.

— Как хочешь, — бледные глаза Болтона казались пустыми в лунном свете, как будто за ними совсем ничего не было. — Знаешь, я не хочу причинить тебе вреда. Я ведь очень многим тебе обязан.

— Обязаны? — какая-то часть его кричала: "Это ловушка, он играет с тобой, сын — всего лишь слабое подобие отца". Лорд Рамси постоянно играл с его надеждами. — Чем... чем вы обязаны мне, м'лорд?

— Севером. Со Старками было покончено в ту ночь, когда ты взял

Винтерфелл, — он пренебрежительно махнул рукой. — Все это — просто грызня за добычу.

Их короткая поездка подошла к концу у деревянных стен Замка-на-Кургане. Над его квадратными башнями колыхались, хлопая на ветру, знамена: человек Дредфорта с содранной кожей, боевой топор Сервинов, сосны Толхарта, водяной Мандерли, перекрещенные ключи старого лорда Лока, великан Амберов и каменная рука Флинтов, лось Хорнвудов. От Стаутов — красно-коричневый с золотом шеврон, от Слейтов — серое поле внутри двойной белой ленты. Четыре лошадиных головы возвещали о

четырёх Рисвеллах из Источников — одна серая, одна белая, одна золотая, одна бурая. Шутили, что Рисвеллы не могли даже сойтись на цвете своего герба. Над ними развевался стяг с оленем и львом — знамя мальчика, сидевшего на Железном Троне в тысяче лиг отсюда.

Вонючка слышал, как вращаются крылья старой мельницы, когда они проехали под городскими воротами в покрытый травой внутренний двор, куда выбежали конюхи, чтобы забрать их лошадей.

— Сюда, будь любезен, — лорд Болтон провел его к главной башне, над которой реяли знамена погибшего лорда Дастина и его

вдовы. На его знамени была изображена корона с зубцами над скрещенными топорами; на ее — с тем же самым гербом соседствовала золотая лошадиная голова Родрика Рисвелла.

От подъема в зал по широкому пролету деревянной лестницы ноги Вонючки начали трястись. Чтобы успокоить их, ему пришлось остановиться, пристально всматриваясь в покрытый травой склон Великого Кургана. Одни утверждали, что это — могила Первого Короля, приведшего Первых Людей в Вестерос. Другие доказывали, что там, учитывая размер, должно быть, похоронен

Король Великанов. Некоторые даже говорили, что это не курган, а просто холм, но если и так, то холм этот оставался в одиночестве, потому что большая часть Курганов была плоской и продуваемой ветрами.

В зале рядом с очагом стояла женщина, согревая тонкие руки над тлеющими угольками умирающего огня. Одета в черное с головы до пят, она не носила ни золота, ни драгоценностей, но ее знатное происхождение было заметно сразу. Хотя в уголках рта, а еще больше вокруг глаз, уже появились морщины, она все еще была высокой, прямой и красивой. Свои каштановые с проседью волосы она туго стягивала

за головой во вдовый пучок.

— Кто это? — спросила она. — Где мальчик? Неужели ваш бастард отказался отдать его? А этот старик, он его... о, боги милосердные, что это за запах? Это существо что, обделалось?

— Он был с Рамси. Леди Барбри, позвольте представить вам законного лорда Железных Островов, Теона из дома Грейджоев.

Нет, думал он, нет, не произносите это имя, Рамси услышит вас, он узнает, он узнает, он сделает мне больно.

Она поджала губы:

— Он — не то, чего я ожидала.

— Он — то, что у нас есть.

— Что ваш бастард с ним сделал?

— Думаю, снял немного кожи. Отрезал кое-что. Ничего ценного.

— Он что, безумен?

— Может быть. Это имеет значение?

— Пожалуйста, м'лорд, м'леди, здесь какая-то ошибка, — он упал на колени, дрожа, как лист в зимнюю бурю, слезы лились по его изуродованным щекам. — Я не он, я не Перевертыш, он умер в Винтерфелле. Меня зовут Вонючка, — он должен был помнить свое *имя*. — Вонючка, Вонючка — нелепая штука.

34. ТИРИОН

"Селаэсори Кхоран" был уже в семи днях пути от Волантиса, когда Пенни наконец показалась из своей каюты, крадясь по палубе словно какое-то робкое лесное создание, проснувшееся после долгой зимней спячки.

Смеркалось, и красный жрец зажег свой ночной огонь в большой железной жаровне посреди палубы; команда собралась вокруг него на молитву. Голос Мокорро был низким как барабан, казалось, он грохотал откуда-то из глубин его массивного торса.

— Мы благодарим Тебя за Твое Солнце, которое согревает нас, — молился он. — Мы благодарим Тебя за Твои Звезды, которые указывают нам путь, пока мы плывем по этому холодному темному морю.

Он был огромен: выше сира Джораха и вдвое крупнее его. Священник носил алые одеяния с расшитыми огненно-оранжевым атласом манжетами, воротником и кромкой. Его кожа была черной как смоль, а волосы — белыми как снег; щеки и лоб покрывала татуировка — желтые и оранжевые языки пламени. Железный посох с него ростом венчала голова дракона; когда он ударял им о палубу, из ее пасти

вырывалось потрескивающее зеленое пламя.

Его телохранители, пять воинов-рабов Огненной Руки, вторили ему. Они пели на языке Старого Волантиса, но Тирион слышал достаточно молитв, чтобы ухватить суть. *Зажги наш огонь и защити нас от тьмы, и от чего-то там еще, освети наш путь и согрей нас как следует, ночь темна и полна ужасов, спаси нас от всяких ужасных тварей, и прочая подобная чепуха.*

Он знал, что лучше держать такие мысли при себе. Тирион Ланнистер не верил ни в каких богов, но на этом корабле благоразумнее было выказывать определенное

уважение красному Рглору. Как только они благополучно отошли от берега, Джорах Мормонт снял с Тириона оковы, и карлик не хотел давать ему повод защелкнуть их вновь.

"Селаэсори Кхоран" была валким корытом, вмещающим до пятисот тонн груза, с глубоким трюмом, высокими надстройками на носу и на корме, и единственной мачтой между ними. На баке стояла гротескная деревянная фигура — какой-то изъеденный червями важный господин со взглядом страдающего запором и зажатым свитком подмышкой. Тирион никогда еще не видел столь уродливого

корабля. Ничуть не симпатичнее оказался и его экипаж. Капитан, суровый мужик с сердито поджатыми губами, выпяченным бочонком-животом и жадными, близко расположенными глазами, был плохим игроком в кайвассу, и при этом не умел достойно проигрывать. Под его командой состояли четверо помощников-вольноотпущенников и пятьдесят прикованных рабов; каждый из них носил на щеке татуировку, грубо повторяющую силуэт носовой фигуры. Тириона моряки звали Безносым, сколько бы он ни повторял, что его имя Хугор Хилл.

Трое из помощников капитана и

более чем три четверти команды оказались ревностными почитателями Владыки Света. Насчет капитана Тирион сомневался: тот всегда появлялся на вечерних молитвах, но не принимал в них никакого участия. Истинным хозяином "Селаэсори Кхоран" был Мокорро, по крайней мере, в этом плавании.

— Владыка Света, благослови своего раба Мокорро и освети его путь по темным углам мира, — гудел красный жрец. — И защити своего праведного раба Бенерро. Даруй ему смелость. Даруй ему мудрость. Наполни его сердце огнем.

Именно тогда Тирион и заметил

Пенни, наблюдающую за этим действием с крутой деревянной лестницы, ведущей вниз с кормовой надстройки. Она стояла на одной из нижних ступеней, поэтому виднелась лишь ее голова. Ее глаза сияли под капюшоном, большие и прозрачные в свете ночных огней. Рядом сидела собака, большая серая гончая, на которой она ездила во время "рыцарского поединка".

— Миледи, — тихо позвал Тирион. По правде говоря, она не была леди, но он не мог заставить себя выговорить это ее дурацкое имя и не собирался обращаться к ней "девушка" или "карлица".

Она отпрянула назад:

— Я... я не видела вас.

— Ну, я ведь небольшой.

— Я... Я болела. — Ее собака гавкнула.

Больна от горя, ты имеешь в виду.

— Если я могу вам чем-то помочь...

— Нет, — быстро ответила она и так же быстро исчезла, спустившись в каюту, которую делила со своими собакой и свиньей. Тирион не мог винить ее за это. Экипаж "Селаэсори Кхоран" был весьма доволен, когда он впервые поднялся на борт — в конце концов, карлик приносит удачу. Его голову терли так часто и так решительно, что он просто чудом

не облысел. Но Пенни встретили не столь радушно. Пусть она и карлик, но все-таки женщина, а женщины на борту корабля считались плохой приметой. На каждого человека, пытавшегося потерять ее голову, приходилось трое, бормотавших под нос проклятия, когда она проходила мимо.

Даже одним своим видом я сыплю ей соль на раны. Они отрубили ее брату голову в надежде, что она окажется моей. А я сижу здесь, словно проклятая горгулья, со своими пустыми словами утешения. На ее месте я бы хотел одного — толкнуть меня в море.

Он не чувствовал к девушке

ничего кроме жалости. Она не заслужила того ужаса, что ей довелось испытать в Волантисе. Не больше, чем ее брат. Когда в последний раз он видел ее, как раз перед тем, как они покинули порт, глаза девушки воспалились от слез — два страшных красных провала на изможденном, бледном лице. Когда подняли парус, она уже заперлась в своей каюте вместе с собакой и свиньей, но ночью до них доносился ее плач. А вчера он услышал как один из помощников капитана предложил выбросить ее за борт, пока она своими слезами не затопила судно. Тирион не был вполне уверен, что тот пошутил.

Вечерняя молитва закончилась, и команда корабля разошлась по своим делам: некоторые на вахту, остальные — есть, пить ром или спать, но Мокорро остался у ночного огня, как и каждую ночь до этого. Днем красный жрец отдыхал, а в темное время бодрствовал, оберегая священное пламя, чтобы солнце могло возвратиться к ним на заре.

Тирион присел напротив него на корточки, отогревая замерзшие руки. Некоторое время Мокорро его не замечал. Он глядел на мерцающие языки пламени, находясь во власти какого-то видения.

Действительно ли он смотрит в будущее, как утверждает? Если так,

то это страшный дар. Вскоре жрец поднял глаза и встретился взглядом с карликом.

— Хугор Хилл, — произнес он, склонив голову в торжественном приветствии. — Ты пришел помолиться со мной?

— Кто-то говорил мне, что ночь темна и полна ужасов. Что ты видишь в этом пламени?

— Драконов, — ответил Мокорро на общем языке Вестероса. Он говорил на нем очень хорошо, с едва заметным акцентом. Несомненно, это стало одной из причин, почему Верховный Жрец Бенерро избрал его нести свет Рглора Дейенерис Таргариен. — Драконов

старых и юных, истинных и ложных, светлых и темных. И тебя. Маленького человека с большой тенью, оскалившегося среди них всех.

— Оскалившийся? Такой добродушный парень, как я? — Тирион был почти польщен. *И, конечно, жрец добивается именно этого. Любому дураку приятно слышать, что он значимая фигура.* — Может быть, ты видел Пенни? Мы с ней почти одного размера.

— Нет, друг мой.

Друг? С каких это пор мы с ним друзья?

— А ты не разглядел, как скоро

мы достигнем Миэрина?

— Тебе не терпится увидеть
освободительницу мира?

*И да, и нет. Эта
освободительница мира может
отрубить мне голову или скормить
меня своим драконам на десерт.*

— Не мне, — сказал Тирион. —
Я лично еду за оливками. Хотя уже
начинаю беспокоиться, что
состарюсь и умру до того, как мне
доведется их попробовать. Я мог бы
быстрее доплыть туда по-собачьи,
чем на этом корабле. Скажи,
Селаэсори Кхоран был триархом или
черепархой?

Красный жрец усмехнулся:

— Ни тем, ни другим.

"Кхоран"... означает не правителя, но одного из тех, кто служит ему, дает советы и помогает вести его дела. У вас в Вестеросе это называется "стюард" или "магистр".

Десница короля? Это его позабавило.

— А "Селаэсори"?

Мокорро дотронулся до своего носа:

— Наделенный приятным ароматом. У вас говорят "благоухающий"? "Пахнущий цветами"?

— Значит, "Селаэсори Кхоран" приблизительно означает "Вонючий стюард"?

— Скорее, "Благоухающий

стюард".

Тирион криво ухмыльнулся:

— Пожалуй, я предпочту называть его "Вонючий". Но благодарю за разъяснение.

— Рад был просветить тебя. Возможно, когда-нибудь ты позволишь мне открыть тебе истину Рглора.

— Когда-нибудь.

Когда мою голову насадят на пику.

Каморка, которую он делил с сиром Джорахом, именовалась каютой только из вежливости: в этом сыром, темном и плохо пахнущем чулане едва хватало места для двух гамаков, висевших один над другим.

Тирион обнаружил Мормонта растянувшимся на нижнем из них и мерно покачивающимся в такт движению судна.

— Девчонка наконец высунула нос на палубу, — сообщил ему карлик. — Один взгляд на меня — и она тут же ускакала обратно вниз.

— На тебя не очень-то приятно смотреть.

— Не все у нас такие хорошенькие, как ты. Она потеряна. Не удивлюсь, если это бедное создание украдкой пробиралось к борту, чтобы прыгнуть вниз и утопиться.

— Это бедное создание зовут Пенни.

— Я знаю, как ее зовут, — он ненавидел это имя. Грош, так называли ее брата, хотя его настоящее имя было Оппо. *Грош и Пенни. Самые мелкие монеты, самые дешевые, и что еще хуже, они сами себе выбрали такие прозвища.* От этих мыслей остался неприятный осадок. — Каким бы ни было ее имя, ей нужен друг.

Сир Джорах сел в гамаке:

— Ну тогда стань ее другом. Или женись на ней, мне все равно.

И от этих слов тоже остался неприятный осадок:

— Подобное к подобному, ты об этом? А для себя вы найдете медведицу, сир?

— Это ты настоял, чтоб мы ее
взяли с собой.

— Я сказал, что мы не можем
бросить ее в Волантисе. Это не
значит, что я хочу ее трахнуть. Она
желает мне смерти, ты забыл? Я
последний человек, с которым она
хотела бы подружиться.

— Вы оба карлики.

— Да, как и ее брат, убитый
пьяными дураками, принявшими его
за меня.

— Чувство вины, да?

— Нет, — ошетинился
Тирион, — у меня достаточно грехов,
за которые придется ответить, но к
этому я отношения не имею.
Возможно, я испытывал некоторую

неприязнь к ней и ее брату за роль, которую они сыграли в ночь свадьбы Джоффри, но я никогда не желал им зла.

— Разумеется, ты безобидное создание. Невинен, как ягненок, — сир Джорах поднялся на ноги. — Карлица — твоя забота. Целуй ее, убей ее или избегай ее, как пожелаешь. Мне плевать, — он оттолкнул Тириона и вышел из каюты.

*Дважды изгнанник, и
неудивительно, подумал Тирион. Я
бы тоже его изгнал, если бы мог. Он
неприветлив, погружен в себя, угрюм
и не понимает юмор. И это еще его
хорошие качества. Сир Джорах*

проводил свои часы бодрствования, меряя шагами полубак или облокотившись на бортик и пристально вглядываясь в море. *В ожидании своей серебряной королевы. В ожидании Дейенерис, желая, чтобы корабль плыл быстрее. Что ж, наверное, я бы делал то же самое, если бы в Миэртине меня ждала Тиша.*

Может ли Залив Работорговцев быть тем самым местом, куда отправляются шлюхи? Это казалось маловероятным. Судя по тому, что он читал, города работорговцев были местом, порождающим шлюх. *Мормонту следовало бы купить себе одну. Миленькая рабыня могла бы*

свершить чудо, изменив его нрав в лучшую сторону... особенно будь у нее серебристые волосы, как у той шлюхи, сидевшей на его члене в Селхорисе.

На реке Тириону приходилось терпеть Грифа, но там, по крайней мере, была занимавшая его загадка насчет настоящей личности капитана, и более приятное общение с остальными членами команды. На этом же когге, увы, каждый был лишь тем, кем являлся на самом деле, никто не казался приятным собеседником и только красный жрец мог заинтересовать карлика. *Он и, возможно, Пенни. Но девчонка ненавидит меня, и у нее есть на это*

право.

Тирион обнаружил, что жизнь на "Селазори Кхоран" текла размеренно, если не утомительно. Самой увлекательной частью его дня было прокалывание ножом пальцев на ногах и руках. На реке ему повстречалось немало удивительного: гигантские черепахи, разрушенные города, каменные люди, обнаженные септы. Никто не смог бы предсказать, что скрывается за следующим поворотом. В море же все дни и ночи казались одинаковыми. Покинув Волантис, судно сначала шло вдоль побережья, поэтому Тирион мог рассматривать мысы с разрушенными сторожевыми

башнями, наблюдать за тучами морских птиц, взлетающих с каменных скал, пересчитывать голые коричневые островки, которые они проходили. Он видел множество других кораблей: рыболовные суда, громоздкие торговые корабли, величавые галеры, которые вздымали веслами пену. Но когда они направились в открытое море, вокруг остались только небо и волны, воздух и вода. Вода выглядела как вода. Небо — как небо. Иногда попадалось облако. *Слишком много синевы.*

А по ночам становилось еще хуже. Тирион плохо спал даже в лучшие свои времена, а сейчас были явно не они. Сон мог не принести

сновидений, но мог и принести, а там его дожидались Печали и каменный король с лицом отца. У него оставался небогатый выбор — залезть в гамак и слушать раздающийся снизу храп Джораха Мормонта или просиживать на верхних палубах и созерцать море. В безлунные ночи вода от горизонта до горизонта казалась чернильно-черной. Темной и глубокой, и угрожающей, и прекрасной в своей прохладе... но если Тирион слишком долго глядел на воду, он невольно начинал задумываться, как легко было бы скользнуть через фальшборт и опуститься в эту темноту. Всего лишь один маленький всплеск, и

короткая жалостливая история его жизни могла бы завершиться. *Но что, если ад все-таки существует, и в нем меня ждет отец?*

Лучшей частью вечера был ужин. Кормили не особенно вкусно, но обильно, так что карлик проводил на камбузе немало времени. Камбуз был тесным и неудобным, с таким низким потолком, что люди повыше постоянно рисковали расшибить себе голову; главным образом опасности подвергались рослые воины-рабы из Огненной Руки. Хотя Тириону и нравилось хихикать над этим, но со временем он предпочел есть в одиночестве: ему быстро наскучило сидеть за переполненным столом с

людьми, не говорящими с ним на одном языке, и слушать разговоры и шутки, не понимая их. Особенно когда он начинал задумываться, не над ним ли они шутят и смеются.

Там же на камбузе хранились корабельные книги. Капитан оказался весьма ученым человеком, и книг на судне имелось целых три: собрание морской поэзии, в котором каждое стихотворение было ужаснее предыдущего; замусоленный томик об эротических приключениях юной рабыни в лиссенийском публичном доме; и четвертый, он же последний, том "Жизни триарха Беличо", знаменитого волантийского патриота, чья непрерывная череда

завоеваний и триумфов довольно резко оборвалась, когда его съели великаны.

На третий день плавания Тирион прикончил их все, и, за неимением других, принялся перечитывать с начала. История рабыни была написана хуже всех, но все же весьма захватывающе, и этим вечером он взял ее с собой вниз — скрасить ужин из свеклы в масле, холодного рыбного рагу и галет, более подходящих для забивания гвоздей.

Он читал рассказ девушки о дне, когда их с сестрой схватили работоторговцы, и в этот момент на камбуз вошла Пенни.

— Ой, — воскликнула она, — я думала... я не хотела тревожить м'лорда, я...

— Ты меня не беспокоишь. Надеюсь, ты не попытаешься снова убить меня?

— Нет, — она отвела взгляд и покраснела.

— В таком случае, я буду рад, если ты составишь мне компанию. На этом корабле почти не с кем пообщаться, — Тирион закрыл книгу. — Иди сюда. Садись. Поешь. — Обычно девушка почти не притрагивалась к еде, оставляя ее перед дверью в свою каюту. Сейчас она, должно быть, умирала с голоду. — Рагу почти съедобно. По

крайней мере, рыба в нем свежая.

— Нет, я... Однажды я подавилась рыбьей костью, и теперь не могу есть рыбу.

— Тогда выпей вина, — он наполнил чашу и протянул ей. — Подарок нашего капитана. По правде говоря, скорее напоминает мочу, нежели борское золотое, но даже моча вкуснее, чем тот черный ром, который пьют моряки. Это поможет тебе уснуть.

Девушка не притронулась к чаше:

— Спасибо, милорд, но нет. — Она попятилась к выходу. — Мне не стоило вас беспокоить.

— Так и будешь бегать? Всю

свою жизнь? — спросил ее Тирион, прежде чем она успела выскользнуть в дверь.

Это остановило девушку. Ее щеки порозовели и он испугался, что та снова начнет плакать. Но она решительно поджала губы и сказала:

— Ты ведь сам убегаешь.

— Убегаю, — признался он, — но я бегу *к чему-то*, а ты *от чего-то*. И между этим огромная разница.

— Нам бы вообще не пришлось убежать, если бы не ты.

Сказать такое мне в лицо — для этого нужно мужество.

— Ты о том, что произошло в Королевской Гавани или в Волантисе?

— Обо всем, — в ее глазах блеснули слезы. — И почему ты просто не присоединился к нашему турниру, как хотел король? С тобой бы ничего не случилось. Чего тебе стоило, милорд, сесть на собаку и сразиться на потеху мальчику? Это же была просто шутка. Они бы просто посмеялись над тобой, вот и все.

— Они бы просто посмеялись надо мной, — повторил Тирион. *А я заставил их посмеяться над Джоффри. Ну не здорово ли я придумал?!*

— Мой брат говорит, что смешить людей — хорошее дело. *Благородное и почетное ремесло.*

Брат говорит... он... — и по лицу ее побежали слезы.

— Мне жаль, что твой брат умер, — Тирион уже говорил ей об этом в Волантисе, но тогда она была так поглощена горем, что едва ли слышала его слова.

Теперь она слышала:

— Жаль. Тебе жаль, — ее губы дрожали, щеки были мокрыми, а глаза стали красными от слез. — Мы покинули Королевскую Гавань в ту же ночь. Мой брат говорил, что это лучший выход, пока кто-нибудь не заподозрил, что мы причастны к смерти короля и не решил выпытать из нас правду. Сперва мы отправились в Тирош. Брат думал,

что это достаточно далеко, но оказалось, что нет. Мы знали там одного жонглера. Долгие годы он каждый день давал представление у фонтана Пьяного Бога. Он был уже стар, и его руки стали не такими ловкими, как когда-то — иногда он ронял шарики и гонялся за ними по всей площади, но тирошийцы все равно смеялись и бросали монетки. Однажды утром мы услышали, что его труп нашли у храма Триоса. У Триоса три головы, если верить огромной статуе у храмовых ворот. Старика разрубили на три части и затолкали в три пасти статуи. Но когда части сложили вместе, оказалось, что голова исчезла.

— В подарок для моей милой сестрицы. Еще один карлик...

— Да, маленький человек. Как ты, как Оппо. Грош. Этого жонглера тебе тоже жаль?

— Я даже не знал о его существовании... но да, мне жаль, что он умер.

— Он умер из-за тебя. Это на твоих руках его кровь.

Обвинение ударило Тириона по больному месту, туда, где еще чувствовались слова Джораха Мормонта.

— Его кровь на руках моей сестры и на руках тех зверей, которые убили его! Мои руки... — Тирион перевернул их, осмотрел и

сжал в кулаки, — мои руки по локоть в запекшейся крови, согласен. Назови меня убийцей родной крови, и это будет правдой. Цареубийцей — я и за это готов ответить. Я убивал матерей, отцов, племянников, любовниц, мужчин и женщин, королей и шлюх. Один певец как-то действовал мне на нервы, и я сделал похлебку из этого ублюдка. Но я никогда не убивал ни жонглера, ни карлика, и не меня нужно винить в том, что случилось с твоим проклятым братом.

Пенни взяла чашу с вином, которую он налил для нее, и выплеснула ему в лицо. *В точности, как моя милая сестрица.* Он услышал, как грохнула дверь камбуза,

но не видел, как она ушла. Глаза щипало и все вокруг расплывалось. *Ну вот и подружился.*

У Тириона Ланнистера был весьма скудный опыт общения с другими карликами. Его лорд-отец не любил напоминаний об уродстве сына, и те труппы актеров, в которых присутствовали карлики, быстро научились держаться подальше от Ланниспорта и Утеса Кастерли, не рискуя вызвать недовольство милорда. Взрослея, Тириону доводилось слышать о карлике-шуте дорнийского лорда Фоулера, о карлике-мейстере, служащем в Перстах, и о женщине-карлике из Молчаливых Сестер, но желания

встретиться с ними у него не возникало. Он слышал менее достоверные байки — о карлице-ведьме, живущей на холме в Речных Землях, и о карлице-шлюхе в Королевской Гавани, известной тем, что трахалась с псами. Про последнюю ему рассказала сестра, и даже предложила найти ему суку в течке, на случай, если он захочет попробовать. Когда он вежливо осведомился, не себя ли она предлагает, Серсея бросила ему в лицо чашу с вином. *Красным, насколько я помню, а это золотое.* Тирион вытер лицо рукавом. Глаза до сих пор болели.

Больше он не видел Пенни до

дня шторма.

Тем утром соленый воздух был тяжел и неподвижен, но небо на западе окрасилось в огненно-красный, с прожилками мрачных грозовых облаков, ярко пылавших багряным цветом Ланнистеров. Моряки торопливо задраивали люки, крепили такелаж, очищали палубы, привязывая все, что еще не было привязано.

— Идет дурной ветер, — предупредил Тириона один из матросов. — Безносый должен остаться внизу.

Тирион вспомнил шторм, который он перенес, пересекая Узкое море: выпрыгивающую из-под ног

палубу, жуткий скрип корабля, вкус вина и блевотины.

— Безносый останется здесь, — если боги хотели принять его, то он скорее предпочел бы утонуть в море, чем подавиться собственной рвотой. В этот момент верхушка корабельного паруса медленно вздыбилась, словно мех огромного зверя, потягивающегося после долгого сна, а затем раздался внезапный треск, заставивший всех на корабле вскинуть голову.

Ветры гнали перед собой когг, все дальше от выбранного ими курса. За спиной в кроваво-красном небе громоздились одна на другую черные тучи. В полдень они увидели

молнию, сверкнувшую на западе, за ней последовал далекий раскат грома. Море забурлило, а темные волны поднимались, обрушиваясь на корпус "Вонючего Стюарда". Команда начала сворачивать паруса. Чтобы не путаться под ногами, Тирион забрался на бак и опустился на корточки, наслаждаясь холодными струями дождя, хлеставшего его по щекам. Судно бросалось вверх и вниз, вставая на дыбы почище любой лошади, на которой карлик когда-либо ездил. Оно поднималось на каждой волне, потом соскальзывало во впадину, сотрясая Тириона до самых костей. Тем не менее, он мог видеть происходящее, и это было

лучше, чем сидеть запертым внизу в какой-нибудь душной каюте.

Уже настал вечер, когда шторм наконец утих. Тирион Ланнистер промок до подштаников, однако почему-то был в приподнятом настроении... которое стало еще лучше, когда он обнаружил пьяного Джораха Мормонта лежащим в луже блевотины в их каморке.

После ужина карлик задержался на камбузе — отпраздновать свое спасение, разделив несколько глотков черного моряцкого рома с корабельным коком, огромным, жирным и неотесанным волантийцем, знавшим только одно слово на общем языке — "трахаться",

но яростно сражавшимся в кайвассу, особенно будучи пьяным. В тот вечер они сыграли три партии: первую Тирион выиграл, а две последующие проиграл. После он решил, что этого достаточно и поковылял назад на палубу — прочистить голову от рома и потерянных слонов.

Он обнаружил Пенни на полубаке, где так часто видел сира Джораха. Она стояла у бортика возле отвратительной полусгнившей носовой фигуры и вглядывалась в чернильное море. Со спины она выглядела как маленький и беззащитный ребенок.

Тирион подумал, что лучше оставить ее в покое, но было

слишком поздно. Она его слышала:

— Хугор Хилл.

— Если угодно. — *Мы оба знаем мое настоящее имя.* — Я сожалею о своем вторжении и удаляюсь.

— Нет, — ее лицо было бледным и грустным, но не заплаканным. — Я тоже сожалею. О той чаше вина. Не ты убил моего брата и того бедного старика в Тироше.

— Я сыграл в этом свою роль, хотя все произошло не по моей воле.

— Я так скучаю по нему. По моему брату. Я...

— Понимаю, — он подумал о Джейме. *Тебе повезло. Твой брат умер прежде, чем смог предать тебя.*

— Я думала, что хочу умереть, — сказала она. — Но сегодня, когда случился шторм и я решила, что корабль утонет, я... я...

— Ты поняла, что все-таки хочешь жить. — *Я тоже через это прошел. Еще что-то общее между нами.*

У нее были кривые зубы, и она стеснялась своей улыбки. Но сейчас улыбнулась:

— Ты и вправду приготовил из певца похлебку?

— Кто? Я? Нет. Я не умею готовить.

Когда Пенни хихикнула, она стала похожа на милую юную девушку, какой на самом деле и

была... семнадцать, восемнадцать, не больше чем девятнадцать лет.

— А что он сделал, этот певец?

— Он написал обо мне песню.

Там жила она, его тайный клад, наслаждение его и позор, И он отдал бы замок и цепь свою за улыбку и нежный взор. Странно, как быстро эти слова вспомнились ему. Возможно, они никогда и не покидали его. Золотые руки всегда холодны, а женские горячи.

— Должно быть, это была очень плохая песня.

— Не совсем. Конечно, не "Дожди в Кастамере", знаешь ли, но некоторые отрывки вроде... ничего.

— Как она звучала?

Он рассмеялся:

— Нет. Ты *не хочешь* услышать, как я пою.

— Моя мать обычно пела нам, когда мы были детьми. Моему брату и мне. Она всегда говорила, что неважно, на что похож твой голос, если ты любишь песню.

— Она была..?

— ...маленькой? Нет,

маленьким был отец. В три года собственный отец продал его в рабство, но он стал таким знаменитым, что выкупил свою свободу. Он путешествовал по всем Вольным городам, и по Вестеросу тоже. В Староместе его называли Прыгающей Монеткой.

Конечно же, называли. Тирион постарался не вздрогнуть.

— Он умер, — продолжала Пенни, — и мама тоже. Оппо... был последним, кто остался из моей семьи, а теперь и он мертв.

Она отвернулась и посмотрела вдаль, на море:

— Как мне теперь быть? Куда я пойду? У меня нет своего дела, только моя пародия на рыцарский поединок, но для этого нужны двое.

Ну нет, подумал Тирион. Сюда тебе точно не стоит идти. Не проси меня о таком. Даже и не думай об этом.

— Найди себе какого-нибудь сиротку, — посоветовал Тирион.

Пенни пропустила его слова мимо ушей:

— Это отец придумал проводить поединки. Он даже сам выдрессировал первую свинью, но на тот момент был уже слишком слаб, чтобы ездить верхом, и Оппо занял его место. Я всегда ездила на собаке. Однажды мы выступали перед Морским Лордом Браавоса, и он так смеялся, что потом преподнес каждому из нас... большой подарок.

— Моя сестра нашла вас там? В Браавосе?

— Ваша сестра? — девушка выглядела растерянной.

— Королева Серсея.

Пенни покачала головой:

— Она никогда... К нам пришел мужчина, в Пентосе. Осмунд. Нет, Освальд. Что-то вроде того. С ним встречался Оппо, без меня. Это он занимался всеми нашими соглашениями. Мой брат всегда знал, что нам делать и куда идти дальше.

— Миэрин, вот куда мы идем.

Она бросила на него озадаченный взгляд:

— Кварт, вы имеете в виду. Мы следуем в Кварт, через Новый Гис.

— Миэрин. Ты проскачешь на своей собаке для королевы драконов и уйдешь с мешком золота, равным твоему весу. Тебе стоит есть побольше, и тогда станешь хорошенькой и пухленькой, когда

будешь выступать перед Ее Величеством.

Пенни не улыбнулась в ответ:

— Когда я одна, мне только и остается, что бесцельно ездить по кругу. Пусть даже королева засмеется, куда я пойду потом? Мы никогда не задерживаемся на одном месте. Увидев нас впервые, зрители смеются до слез, но на четвертый или пятый раз они уже знают все, что мы хотим показать прежде, чем мы это сделаем. Тогда они перестают смеяться, и нам приходится уезжать в другое место. Лучшая выручка в крупных городах, но мне всегда были больше по душе маленькие городки. В таких местах у людей нет серебра,

чтобы заплатить за представление, но зато они угощают нас за своим столом, а их детишки повсюду бегают за нами.

Потому что они никогда раньше не видели карликов в своих жалких вонючих городишках, подумал Тирион. Эти проклятые отродья будут таскаться за двухголовым козлом, если он им подвернется. До тех пор, пока им не наскучит его блеянье, и они не прирежут его на ужин. Но он не хотел снова вызвать у нее слезы и вместо этого произнес:

— У Дейенерис доброе сердце и великодушная натура, — именно это ей было необходимо услышать. — Она несомненно найдет для тебя

место при дворе. Безопасное место, подалше от моей сестры.

Пенни повернулась к нему:

— И ты тоже будешь там.

Если только Дейенерис не решит, что ей нужно немного крови Ланнистера — отплатить за пролитую моим братом кровь Таргариенов.

— Буду.

После их разговора карлица стала чаще показываться на палубе. На следующий день Тирион столкнулся с ней и ее пятнистой свиньей посередине корабля в полдень, когда воздух был теплым, а море спокойным.

— Ее зовут Милашка, —

застенчиво сказала ему девушка.

Свинка Милашка и девушка Пенни, подумал он. *Кому-то придется за многое ответить.* Пенни дала Тириону несколько желудей, и он позволил Милашке съесть их у него из рук. *Не думай, что я не понимаю, к чему ты ведешь, девочка,* размышлял он, пока крупная свинья сопела и повизгивала.

Вскоре они стали ужинать вместе: иногда только вдвоем, а иной раз зажатые между стражниками Мокорро. *Пальцы,* называл их Тирион; они ведь люди Огненной Руки, и их — пятеро. Это вызывало у Пенни смех, приятный звук, хотя ему не часто доводилось его слышать. Ее

рана была слишком свежей, а горе — слишком глубоким.

Вскоре вслед за ним она стала называть корабль "Вонючим Стюардом", однако весьма разозлилась, когда он назвал Милашку "Беконом". Чтобы загладить свою вину, он попытался научить ее кайвассе, но вскоре понял, что это гиблое дело.

— Нет, — повторил он ей не меньше дюжины раз, — это драконы летают, а не слоны.

Той же ночью она вышла к нему и предложила с ней побороться. "Нет", — ответил он и только потом сообразил, что, возможно, речь шла вовсе не о "шуточном поединке". Он

все равно отказал бы ей, но сделал бы это не столь бесцеремонно.

Вернувшись в каюту, которую он делил с Джорахом Мормонтом, Тирион свернулся в своем гамаке на целые часы, соскальзывая в сон и выходя из него снова. Его видения наполняли серые безжалостные руки, тянущиеся к нему из тумана, и лестница, ведущая к отцу. В конце концов он сдался и поднялся наверх подышать вечерним воздухом. "Селаэсори Кхоран" свернула на ночь свой большой полосатый парус, а палубы были почти пусты. Только на мостике оставался один из помощников капитана, и посередине корабля сидел Мокорро со своей

жаровней, где несколько маленьких язычков пламени все еще танцевали среди углей.

Видны были лишь самые яркие звезды, и все — на западе. Небо на северо-востоке окрасилось тускло-красным заревом, напоминавшим кровоподтек. Тирион никогда не видел такой большой луны. Чудовищная, раздутая, она выглядела так, словно проглотила солнце и пробудилась в горячке. Ее близнец, плывущий по морю за судном, мерцал красными бликами на каждой волне.

— Который уже час? — спросил он Мокорро. — Это не может быть восход, разве что восток переехал.

Почему небо красное?

— Небо над Валирией всегда красное, Хутор Хилл.

По спине карлика пробежала холодная дрожь:

— Мы уже близко?

— Ближе, чем хотелось бы команде, — низким голосом ответил Мокорро. — Ты слышал истории о ней в своих Закатных Королевствах?

— Я слышал от некоторых моряков, что любой человек, чей взор падал на это побережье, обречен.

Он не верил в эти байки, равно как и его дядя. Герион Ланнистер отправился в Валирию когда Тириону было восемнадцать, намереваясь

вернуть утерянный родовой клинок дома Ланнистеров и другие сокровища, которые могли пережить Рок. Тирион отчаянно хотел отправиться вместе с ним, но его лорд-отец окрестил это путешествие "поисками болвана" и запретил ему принимать в них участие.

Возможно, он был не так уж и неправ. Прошло почти десятилетие с тех пор, как "Смеющийся Лев" покинул Ланниспорт, а Герион так и не вернулся. Люди, которых лорд Тайвин послал на его поиски, смогли отследить его путь до Волантиса, где половина команды покинула его, и ему пришлось купить рабов на замену. Ни один свободный человек

не остался бы добровольно на корабле, чей капитан открыто говорил о намерении плыть в Дымное море.

— Так мы видим пламя Четырнадцати Огней, отраженное в облаках?

— Четырнадцати или четырнадцать тысяч. Кто же осмелится их сосчитать? Неразумно смертным так пристально смотреть на эти огни, друг мой. Это огни Божьей ярости, и никакое человеческое пламя не сравнится с ними. Мы, люди, — маленькие создания.

— А некоторые еще меньше других.

Валирия. В книгах говорилось, что в день Рока каждый холм на пятьсот миль вокруг раскололся, наполнив воздух пеплом, дымом и пламенем, столь жарким и неуголимым, что даже драконы в небе были охвачены им и уничтожены. Земля разверзлась огромными трещинами, поглотившими дворцы, храмы, целые города. Озера выкипали или превращались в кислоту, горы взрывались, огненные фонтаны изрыгали расплавленные камни на тысячи футов в воздух, красные тучи рассыпали драконово стекло и черную кровь демонов, на севере земля треснула, разрушилась и

поглотила сама себя, а на ее место ворвалось разгневанное море. Самый гордый город мира пропал в мгновение ока, легендарная империя исчезла за один день, земли Долгого Лета были выжжены, затоплены и погублены.

Империя, построенная на крови и огне. Валирийцы пожали плоды, которые сами же и посеяли.

— Наш капитан решил проверить на себе проклятье?

— Наш капитан предпочел бы находиться в пятидесяти лигах отсюда, подальше от этого проклятого берега, но я приказал ему плыть кратчайшим курсом. Другие тоже ищут Дейенерис.

Гриф, со своим юным принцем.

Неужели все эти разговоры о Золотых Мечах, плывущих на запад, были отвлекающим маневром? Тирион собрался что-то сказать, но передумал. Ему казалось, что в пророчестве красных жрецов есть место лишь для одного героя. Второй Таргариен может только сбить их с толку.

— Ты видел этих других в своем огне? — осторожно спросил он.

— Только их тени, — ответил Мокорро. — Чаше всего одну. Высокую и искривленную, с одним черным глазом и десятью длинными руками, плывущую в море крови.

35. БРАН

Лунный серп был тонким и острым, как лезвие ножа. Бледное солнце всходило и заходило снова. Красные листья шептались на ветру. Темные тучи заполняли небеса, порождая грозы. Вспыхивали молнии, гремел гром, а мертвецы с черными руками и яркими синими глазами слонялись возле расщелины в холме, но не могли войти. Под холмом на троне из чардрева сидел сломанный мальчик и слушал шепоты в темноте, а вверх и вниз по его рукам ходили вороны.

"Ты никогда больше не будешь

ходить снова, — пообещала трехглазая ворона, — но ты будешь летать". Иногда откуда-то издали, снизу, доносилось пение. "Дети леса", так бы назвала певцов Старая Нэн, сами же они именовали себя "поющие песнь земли", на Истинном Языке, непонятном ни одному человеку. Но вороны знали этот язык. Их маленькие черные глаза были полны тайн, и они каркали на Брана и клевали его кожу, когда слышали песни.

Луна была большой и полной. По черному небу катились звезды. Дождь падал и замерзал, и ветви деревьев ломались под весом льда. Бран и Мира придумали прозвища

для тех, кто пел песню земли: Ясень и Листва, Весы и Черный нож, Снежные Локоны и Уголь. Листва сказала, что их настоящие имена слишком длинные для человеческого языка. На общем языке говорила только она, и Бран так и не узнал, что думают другие о своих новых прозвищах.

После пробирающего до костей мороза Застенья в пещерах было блаженно тепло, а когда из камней выползал холод, певцы разжигали огонь, чтобы снова его прогнать. Здесь внизу не было ни ветра, ни снега, ни льда, ни мертвых созданий, пытающихся схватить тебя, — только сны, слабый свет и поцелуи воронов.

И шепчущий в темноте.

Последний зеленый провидец — так называли его певцы, но в снах Брана он оставался трехглазой вороной. Когда Мира Рид спросила его о настоящем имени, он издал жутковатый звук, который, возможно, был смешком.

— При жизни я носил много имен, но даже у меня когда-то была мать, и имя, которым она меня нарекла, держа у груди, было Бринден.

— У меня есть дядя Бринден, — сказал Бран. — На самом деле он дядя моей матери. Его называют Бринден Черная Рыба.

— Твоего дядю, возможно,

назвали в честь меня. Некоторых все еще называют. Не так часто, как раньше. Люди забывают. Только деревья помнят.

Его голос был так слаб, что Брану приходилось напрягаться, чтобы расслышать.

— Большая часть его стала деревом, — объяснила певица, которую Мира называла Листвой. — Он прожил отведенный ему срок, и все же задержался. Ради нас, ради тебя, ради человечества. В его плоти осталось совсем немного силы. У него тысяча глаз и один, но за многим еще нужно уследить. Однажды ты узнаешь.

— Что я узнаю? — спросил

Бран у Ридов позднее, когда они пришли с ярко горящими факелами в руках, чтобы забрать его из большой пещеры в каморку, где певцы соорудили им кровати для сна. — Что помнят деревья?

— Тайны старых богов, — сказал Жойен Рид. Еда, огонь и отдых помогли ему восстановиться после тяжелых испытаний их путешествия, но теперь он казался более печальным и угрюмым, а взгляд его был усталым и обеспокоенным. — Истины, которые знали Первые Люди и которые ныне забыты в Винтерфелле... но не в наших сырых дебрях. Мы живем ближе к природена своих болотах и

островках, и мы помним. Суша и вода, земля и камни, дубы, вязы и ивы — они были здесь до нас и останутся, когда мы уйдем.

— И ты останешься, — сказала Мира.

Это опечалило Брана. *А если я не хочу оставаться, когда вы уйдете?* чуть не спросил он, но проглотил невысказанные слова. Он ведь был почти взрослым мужчиной и не хотел показаться Мирае плаксивым младенцем.

— Может, вы тоже могли бы стать зелеными провидцами, — сказал он вместо этого.

— Нет, Бран, — теперь голос Мира был печален.

— Немногим дано испытать из зеленого источника еще в смертной плоти, услышать шепот листвы и видеть так, как видят деревья, как видят боги, — сказал Жойен. — Большинство не столь благословенно. Боги дали мне только зеленые сны. Моей задачей было доставить тебя сюда. На этом мое дело сделано.

Луна была черной дырой в небе. В лесу были волки, принюхиваясь к следам мертвых существ на снегу. Из склона горы с пронзительными криками вырывалась воронья стая, черные крылья бились над белым миром. Красное солнце вошло, и село, и вошло вновь, окрашивая

снега в оттенки багрового и розового. Под горой Жойен размышлял, Мира волновалась, а Ходор блуждал по темным туннелям с мечом в правой руке и факелом в левой. Или это блуждал Бран?

Никто не должен узнать.

Большая пещера скрывала бездну, что была черна, как смола, черна, как деготь, чернее перьев вороны. Украдкой проникающий в нее свет казался лишним и чужеродным — и вскоре исчезал вновь; факелы, свечи, лучины ненадолго вспыхивали и затем угасали — их краткая жизнь кончалась.

Певцы сделали Брану

собственный трон, подобный тому, на котором сидел лорд Бринден — белое чардрово в красную крапинку, мертвые ветви переплетались с живыми корнями. Они поместили трон в большой пещере у пропасти, где во тьме разносилось эхо от текущей далеко внизу воды. Из мягкого серого мха они сделали сиденье. Его усадили на место и сразу же укрыли теплыми мехами.

Там он и сидел, слушая хриплый шепот своего учителя.

— Не бойся темноты, Бран, — слова лорда сопровождались слабым шелестом дерева и листвы, от которых чуть кружилась голова. — Самые сильные деревья пустили

корни в темных местах земли. Темнота станет твоим плащом, твоим щитом, станет материнским молоком для тебя. Темнота сделает тебя сильным.

Лунный серп был тонким и острым, как лезвие ножа. Бесшумно опускались снежинки, укрывая гвардейские сосны и страж-деревья белым плащом. Сугробы выросли так, что закрыли вход в пещеру и создали белую стену, через которую Лето приходилось прокапываться всякий раз, когда он отправлялся наружу поохотиться со своей стаей. Бран нечасто рыскал с ними в такие дни, но иногда, по ночам, он наблюдал за ними сверху.

Летать было даже лучше, чем лазать.

Скользнуть в шкуру Лето у него получалось столь же легко, как когда-то натянуть штаны — прежде чем его позвоночник был сломан. Сменить свою кожу на черные как ночь перья ворона было труднее, но не так трудно, как он боялся, не с *этими* воронами. “Дикий жеребец будет лягаться и брыкаться, когда человек станет объезжать его, и попытается укусить руку, которая пропускает удила между его зубами, — сказал лорд Бринден, — но лошадь, знавшая одного наездника, примет и другого. Молодые или старые, эти птицы

носили многих. Выбирай же любую, и лети”.

Он выбрал одну птицу, а затем другую, и все безуспешно, но третий ворон посмотрел на него пронизательными черными глазами, наклонил голову и каркнул — и вот он уже не мальчик, глядящий на ворона, а ворон, глядящий на мальчика. Песнь реки внезапно стала громче, факелы вспыхнули чуть ярче, и воздух наполнился странными запахами. Когда он попытался заговорить, у него вышел крик, и свой первый полет он закончил, врезавшись в стену и опять оказавшись в своем изувеченном теле. Ворон был невредим. Он

подлетел и сел ему на руку, Бран погладил эти перья и скользнул в них снова. Поначалу он облетел пещеру, уклоняясь от длинных каменных зубов, свисающих с потолка, без колебаний пролетел над пропастью — и бросился в ее холодные черные глубины.

Затем он осознал, что не один.

— В вороне был кто-то еще, — сказал он лорду Бриндену, когда вернулся в свое тело. — Какая-то девочка. Я почувствовал ее.

— Женщина, из тех, кто поёт песнь Земли, — ответил его учитель. — Давно мертвая, но часть ее осталась, как часть тебя останется в Лете сразу после смерти твоей

человеческой плоти. Тень души. Она тебе не навредит.

— Во всех птицах есть певцы?

— Во всех. Были певцы, которые научили Первых Людей посылать вести с воронами... но в те дни птицы разговаривали. Деревья помнят, а люди забыли, и потому сейчас они пишут сообщения на пергаменте и привязывают его к лапкам птиц, которые никогда не делили свою шкуру с людьми.

Бран вспомнил, что Старая Нэн как-то рассказала ему такую же историю. Но когда он спросил Робба, правда ли это, его брат рассмеялся и спросил в ответ, верит ли он также и в грамкинов. Жаль, что Робба нет

сейчас здесь, с ними. Я рассказал бы ему, что могу летать, но он бы не поверил, и мне пришлось бы ему показать. Могу поспорить, он тоже мог бы научиться летать. Он, и Арья, и Санса, даже маленький Рикон и Джон Сноу. Мы все могли бы стать воронами и жить в воронятнике у мейстера Лювина.

Хотя это просто еще одна глупая мечта. Иногда Бран сомневался, а не сон ли всё это. Может, он заснул в снегах и снится себе в безопасном, теплом месте. Проснись, говорил он себе, проснись сейчас же, или сон перейдет в смерть. Пару раз он ущипнул себя, сильно, но добился лишь того, что заболела рука.

Вначале он пытался считать дни, отмечая, когда он бодрствует и спит, но в этом месте сон и явь лишь перетекали друг в друга. Сны стали уроками, уроки стали снами, переходы случались внезапно или совсем незаметно. Действительно ли он делал что-то или ему только снилось?

— Только один из тысячи рождается оборотнем, — поведал однажды лорд Бринден, когда Бран научился летать, — и лишь один оборотень из тысячи может быть зеленым провидцем.

— Я думал, зеленые провидцы — это колдуны из Детей, — сказал Бран. — То есть, из певцов.

— В каком-то смысле. У тех, кого ты зовешь Детьми Леса, золотые как солнце глаза, но изредка среди них рождается один с глазами красными как кровь, или зелеными как мох на дереве в сердце леса. Этими знаками боги отмечают тех, кто избран, чтобы получить дар. Избранные слабы, их годы на земле недолги, потому что у каждого дара должна быть обратная сторона. Но внутри леса они, конечно, остаются надолго. Тысяча глаз, сотня шкур, мудрость, глубокая, как корни древних деревьев. *Зеленые провидцы.*

Бран не понял, поэтому обратился к Ридам.

— Ты любишь читать книги,

Бран? — спросил его Жойен.

— Некоторые. Мне нравятся истории о сражениях. Моя сестра Санса любила книги о поцелуях, но они глупые.

— Читатель проживает тысячу жизней, прежде чем умрет, — сказал Жойен. — А кто никогда не читает, проживает только одну. У певцов леса не было книг. Ни чернил, ни пергамента, ни письменного языка. Вместо этого у них были деревья, и прежде всего чардрева. Когда они умирали, они переходили в лес, в листья, ветви и корни, и деревья запоминали. Все их песни и заклинания, их истории и молитвы — все, что они знали об этом мире.

Мейстеры скажут тебе, что чардрева посвящены старым богам. Певцы верят, что это и есть старые боги. Когда певцы умирают, то становятся частью этих богов.

Глаза Брана расширились:

— Они собираются *убить* меня?

— Нет, — сказала Мира. —

Жойен, ты его пугаешь.

— Это не ему надо бояться.

Луна была большой и полной.

Лето крался сквозь молчаливый лес — длинная серая тень, худевшая с каждой охотой, потому что живую добычу невозможно было найти. Защита у входа в пещеру все еще оставалась; мертвые не могли войти. Снег снова похоронил большинство

из них, но они все еще были там — скрытые, замерзшие и ждущие. К ним присоединились другие мертвые существа — те, что когда-то были мужчинами и женщинами, даже детьми. Мертвые вороны с покрытыми льдом крыльями сидели на голых бурых ветвях. Белая медведица продралась через кусты — огромная и скелетоподобная, половина её головы прогнила и открыла череп под плотью. Лето и его стая напали на нее и разорвали на куски. Потом они жадно глотали плоть, хотя она была разложившейся и полузамороженной и шевелилась, даже когда ее поедали.

Под холмом у них по-прежнему

была пища. Здесь росли сотни видов грибов. В черной реке водилась слепая белая рыба, которая, будучи приготовленной, на вкус была так же хороша, как и рыба с глазами. Благодаря козам, жившим в пещерах с певцами, у них имелись молоко и сыр; еще было немного овса, ячменя и сушеных фруктов, заготовленных долгим летом. И почти каждый день они ели сочное рагу из ячменя, лука и кусочков мяса. Жойен думал, что это могло быть мясом белки, а Мира говорила — крысы. Для Брана это не имело значения. Это было мясо, что само по себе прекрасно, тушение же и вовсе превращало его в деликатес.

Пещеры казались вечными,

огромными и безмолвными. Они были домом для более чем трех десятков живых певцов и для костей тысяч умерших и простирались далеко вглубь полого холма.

— Люди не должны блуждать в этом месте, — предупредила их Листва. — Река, которую вы слышите, стремительна и черна, и течет все ниже и ниже к темному морю. Есть проходы, которые идут еще глубже, бездонные колодцы и неожиданные провалы, забытые пути, которые ведут к самому центру земли. Даже мой народ не исследовал их все, а мы жили здесь тысячи тысяч ваших человеческих лет.

Хотя люди Семи Королевств и назвали бы их "Детьми Леса", Листва и её народ не слишком походили на детей. Скорее, *маленькие мудрецы леса*. Они были меньше людей, но ведь и волки тоже меньше лютоволков, что не делает их щенками. У них была смуглая кожа, пестрившая бледными пятнами, как у оленя; и большие уши, которые могли слышать то, что не услышал бы никто из людей. Их глаза тоже были большими — огромные золотистые кошачьи глаза, которые могли рассмотреть проходы там, где глаза мальчика видели только черноту. На их руках было только по четыре пальца с острыми черными когтями

вместо ногтей.

И они действительно *пели*. Пели на Истинном Языке, так что Бран не мог понять слов, но их голоса были чисты, как зимний воздух.

— А где остальные певцы? — как-то спросил Бран у Листвы.

— Ушли вниз, в землю, — ответила она. — В камни, в деревья. До прихода Первых Людей все эти земли, которые вы называете Вестерос, были для нас домом, хотя даже в те дни нас было мало. Боги дали нашему роду долгую жизнь, но малую численность, чтобы мы не переполнили мир, как олени переполняют лес, где нет волков, которые бы охотились на них. То

было на заре дней, когда восходило наше солнце. Теперь оно заходит, а наше число давно сокращается. Великаны тоже почти исчезли, те, что были нашей гибелью и нашими братьями. Больших львов на западных холмах перебили, все единороги исчезли, мамонтов осталось несколько сотен. Лютоволки пережили нас всех, но и их время придет. Ни для них, ни для нас нет места в мире, который построили люди.

Говоря это, она казалась печальной, поэтому Бран тоже расстроился. Только позднее он подумал: *Люди бы не опечалились. Они бы рассердились. Люди*

ненавидели бы и клялись кроваво
отомстить. Певцы поют грустные
песни, а люди бы сражались и
убивали.

Однажды, вопреки предостережениям Листвы, Мира и Жойен решили посмотреть на реку.

— Я тоже хочу пойти, — сказал Бран.

Мира с грустью посмотрела на него. Река была шестьюстами футами ниже, вниз по крутым склонам и извилистым проходам, объяснила она, и в конце еще необходимо спуститься вниз по канату.

— Ходор никогда не
выкарабкается с тобой на спине. Мне
очень жаль, Бран.

Бран помнил время, когда никто не мог лазать так же хорошо, как и он, даже Робб или Джон. Часть его хотела кричать на них за то, что оставляли его, а другая часть хотела плакать. Он ведь был почти взрослым мужчиной, поэтому ничего не сказал. Но после того, как они ушли, он скользнул внутрь Ходора и последовал за ними.

Огромный конюх больше не бился с ним как в первый раз — в башне у озера во время грозы. Как собака, из которой выбили весь задор, Ходор сворачивался клубком и прятался всякий раз, когда Бран за него брался. Его тайное убежище было где-то глубоко внутри него —

яма, где даже Бран не мог его достать."Никто не хочет тебе навредить, Ходор, — обращался он к большому ребенку, у которого забрал плоть. — Я только хочу снова ненадолго стать сильным. Я верну твое тело, как всегда возвращаю".

Когда он надевал шкуру Ходора, никто ни о чем не догадывался. Брану нужно было только улыбаться, делать, что ему говорили, время от времени бормотать “Ходор” — и он мог со счастливой ухмылкой следовать за Мирой и Жойеном, не вызывая подозрений. Он часто увязывался за ними, звали его или нет.

В конце концов, Риды были

рады, что он пошел. Жойену довольно легко удалось спуститься вниз на веревке, но когда Мира с помощью лягушачьего копья поймала слепую белую рыбу и пришло время взбираться обратно, его руки начали дрожать, и он не смог бы залезть наверх. Так что им пришлось обвязать Жойена веревкой и позволить Ходору тащить его. "Ходор, — ворчал он при каждом усилии. — Ходор, ходор, ходор".

Лунный серп был тонким и острым, как лезвие ножа. Лето откопал отрезанную руку, почерневшую и покрытую инеем — она ползла по насту, сжимая и разжимая пальцы. На ней оставалось

еще достаточно мяса, чтобы наполнить его пустой желудок. Потом он разгрыз кости и добрался до костного мозга. Только тогда рука вспомнила, что она мертва.

В теле волка Бран ел вместе с Лето и его стаей. В теле ворона он кружил с птицами над холмом, высматривая врагов и ощущая прикосновения ледяного воздуха. В теле Ходора — исследовал пещеры. Он нашел комнаты, полные костей, уходившие глубоко в землю шахты, места, где скелеты гигантских летучих мышей свисали с потолка вниз головой. Он даже пересек узкий мост, каменной аркой перекинутый над бездной, и на дальнем конце

открыл ещё больше ходов и пещер. Одна была полна певцов, сидящих, как Бринден на престоле, в своих гнездах из корней чардрев, сплетённых вокруг их тел и проросших сквозь них. Многие показались ему мертвыми, но стоило пройти перед ними, как их глаза распахнулись и стали следить за светом его факела, а один открывал и закрывал морщинистый рот, будто пытаясь заговорить. "Ходор", — сказал ему Бран и почувствовал, как настоящий Ходор пошевелился внизу, в своём убежище.

Восседавший на троне из корней в огромной пещере, полутруп-полудерево, лорд Бринден походил

скорее не на человека, а на какую-то жуткую статую из перекрученной древесины, старых костей и сгнившей шерсти. В этих бледных останках живым казалось только лицо с единственным огненным глазом, горящим, как последний уголек в потухшем костре, и окруженным извивающимися корнями и клочками жесткой беловатой кожи, свисающей с пожелтевшего черепа.

Его вид всё еще пугал Брана — корни чардрева, змеями пронзающие иссохшую плоть, грибы, проросшие на щеках, белый древесный червь в пустой глазнице. Лучше, когда факелы не горели. В темноте он мог

представить, что ему шепчет трехглазая ворона, а не какой-то омерзительный говорящий труп.

Однажды я стану таким же, как он. Эта мысль наполнила Брана ужасом. Хватит и того, что сам он сломан, а ноги стали бесполезными. Неужели он обречен утратить и остальное, провести все оставшиеся ему годы с чардревом, прорастающим из него и сквозь него? По словам Листвы, лорд Бринден черпал жизненные силы из дерева. Он не нуждался в пище и воде. Он спал, видел сны, наблюдал. *Я собирался стать рыцарем, вспомнил Бран. Я мог бегать, лазать, сражаться.* Казалось, это было

тысячу лет назад.

Что он теперь? Всего лишь сломанный мальчик Бран, Брандон из дома Старков, принц потерянного королевства, лорд сожженного замка, наследник руин. Он думал, что трехглазая ворона будет волшебником, мудрым старым волшебником, который смог бы поставить его на ноги, но это было мечтой глупого ребенка, понял он теперь. *Я слишком большой для таких фантазий*, сказал он себе. *Тысяча глаз, сотня шкур, мудрость, глубокая как корни древних деревьев.* Это так же хорошо, как быть рыцарем. *Ну, почти так же.*

Луна была черной дырой в небе.

За пределами пещеры все шло своим чередом. Там вставало и садилось солнце, прибывала и убывала луна, дули холодные ветра. Под холмом Жойен Рид становился все более мрачным и отчужденным, к огорчению его сестры. Она часто сидела с Браном у их маленького костра, разговаривая обо всем и ни о чем, поглаживая спящего между ними Лето, пока ее брат в одиночестве бродил по пещерам. У Жойена вошло в привычку пробираться к выходу из пещеры, если день был солнечным. Он мог стоять там часами, глядя на лес; закутанный в меха, но все равно дрожащий.

— Он хочет вернуться домой, — говорила Мира Брану. — Он даже не будет сопротивляться своей участи. Он говорит, что зеленые сны не лгут.

— Он ведет себя храбро, — сказал Бран.

"Человек бывает храбрым, только когда боится", — однажды, давным-давно, сказал ему отец. В тот день они нашли щенков лютоволчицы в летних снегах. Он все еще помнил.

— Он ведет себя глупо, — сказала Мира. — Я надеялась, что когда мы найдем твою трехглазую ворону... сейчас я удивляюсь, ради чего мы вообще пришли.

Ради меня, подумал Бран.

— Из-за его зеленых снов, —
ответил он.

— Из-за его зеленых снов, — в
голосе Миры слышалась горечь.

— Ходор, — произнес Ходор.

Мира заплакала.

В такие минуты Бран ненавидел
свое увечье.

— Не плачь, — сказал он.

Он хотел обнять ее, держать ее
крепко, как мать держала его в
Винтерфелле, когда он расшибся.
Мира была тут, всего в нескольких
футах, но такой же недосыгаемой,
словно в сотне лиг от него. Чтобы
прикоснуться к ней, ему придется
тащить себя по земле на руках,
волоча ноги за спиной. Пол был

грубым и неровным, двигаться пришлось бы медленно, и дополз бы он в синяках и царапинах. *Я мог бы надеть шкуру Ходора*, думал он. *Ходор мог бы обнять ее и похлопать по спине.* От этой мысли Бран почувствовал себя странно, но он все еще думал над ней, когда Мира убежала от огня, скрывшись в темноте тоннелей. Он слышал ее удаляющиеся шаги, пока не осталось ничего, кроме голосов певцов.

Лунный серп был тонким и острым, как лезвие ножа. Дни проходили один за другим, следующий короче предыдущего. Ночи становились длиннее. Солнечный свет никогда не достигал

пещер под холмом. Лунный свет никогда не касался этих каменных залов. Даже звезды были здесь чужими. Луна, солнце, звезды принадлежали верхнему миру, где время бежало по железным кругам: день-ночь-день-ночь.

— Время пришло, — сказал лорд Бринден.

Его слова холодными пальцами пробежали по спине Брана.

— Время для чего?

— Для следующего шага. Чтобы ты пошел дальше смены шкур и узнал, что значит быть зеленым провидцем.

— Деревья научат его, — сказала Листва. Она подала знак, и

вперед вышла другая певица, седовласая, которую Мира называла Снежные Локоны. В руках она держала чашу из чардрева с дюжиной вырезанных лиц, как на сердцедревах. В чаше была белая паста, вязкая и густая, с бегущими по ней темно-красными прожилками.

— Ты должен это съесть, — сказала Листва. Она протянула Брану деревянную ложку.

Мальчик смотрел на чашу в неуверенности.

— Что это?

— Паста из семян чардрева.

При виде этого Брану стало плохо. Красные прожилки всего лишь сок чардрева, подумал он, но в

свете факелов они очень походили на кровь. Он запустил ложку в пасту, затем засомневался.

— Это сделает меня зеленым провидцем?

— Твоя кровь сделает тебя зеленым провидцем, — сказал лорд Бринден. — А это поможет разбудить твой дар и обручит тебя с деревьями.

Бран не хотел жениться на дереве... но кто бы еще обручился со сломанным мальчиком? *Тысяча глаз, сотня шкур, мудрость, глубокая как корни древних деревьев. Зеленый провидец.*

Он съел.

Она была горькой, хотя и не горше пасты из желудей. Труднее

всего шла первая ложка. Его чуть не вырвало. Вторая на вкуспоказалась лучше. Третья стала почти сладкой. Остальное он доел с жадностью. С чего он взял, что она горькая? Она была как мед, как вновь выпавший снег, вкуса перца и корицы, и как последний поцелуй матери. Пустая чаша выскользнула из его пальцев и с шумом упала на пол пещеры.

— Ничего не изменилось. Что случится дальше?

Листва коснулась его руки:

— Деревья научат тебя. Деревья помнят.

Он поднял руку, и другие певцы задвигались по пещере, гася факелы один за другим. Тьма сгустилась и

поползла к ним.

— Закрой глаза, — сказала трехглазая ворона. — Сбрось свою шкуру, как ты делал, когда входил в Лето. Но на этот раз войди в корни. Следуй за ними сквозь землю, к деревьям на холме, и скажи мне, что ты видишь.

Бран закрыл глаза и выскользнул из тела. *В корни*, думал он. *В чардрево. Стань деревом.* На мгновение он видел пещеру в ее черном покрове, слышал текущую внизу реку.

Затем внезапно он снова очутился дома.

Лорд Эддард Старк сидел на камне у глубокого черного пруда в

богороще, вокруг него извивались бледные корни сердцедрева, как корявые руки старика. Великий меч Лед лежал поперек колен лорда Эддарда, и он чистил лезвие промасленной тканью.

— *Винтерфелл*, — прошептал Бран.

Отец взглянул вверх.

— Кто там? — спросил он, оборачиваясь... и Бран, испугавшись, отпрянул. Его отец, и черный пруд, и богороща померкли и исчезли, и он снова оказался в пещере. Бледные толстые корни престола из чардрева опутали его конечности, как мать — ребенка. Перед ним вспыхнул факел.

— Расскажи нам, что ты увидел.

Издали Листва выглядела почти девочкой, не старше Брана или одной из его сестёр, но вблизи казалась намного старше. Сама она утверждала, что прожила две сотни лет.

В горле у Брана пересохло. Он сглотнул.

— Винтерфелл. Я вернулся в Винтерфелл. Я видел отца. Он не мертв, *не мертв*, я видел его, он вернулся в Винтерфелл, он все еще жив.

— Нет, — сказала Листва. — Он ушёл, мальчик. Не пытайся забрать его у смерти.

— Я видел его, — Бран чувствовал, как к щеке прижимается

шершавое дерево. — Он чистил Лед.

— Ты видел то, что желал увидеть. Твое сердце тоскует по отцу и дому, вот их ты и видел.

— Прежде чем надеяться увидеть, нужно научиться смотреть, — сказал лорд Бринден. — Ты видел тени давно минувших дней, Бран. Ты смотрел глазами сердцедрева в вашей богороще. Время для дерева и для человека течёт по-разному. Солнце, земля, вода — вот что понимает чардрово, а не дни, года и века. Для человека же время как река. Мы, увлеченные её потоком, несёмся из прошлого в настоящее, всегда в одном направлении. А жизнь деревьев

другая. Они пускают корни, растут и умирают в одном месте, и эта река их не движет. Дуб — это жёлудь, а жёлудь — это дуб. А чардреву... для чардрева тысячелетие — всего лишь миг, и из этих врат ты и я можем взглянуть на прошлое.

— Но он *слышал* меня, — возразил Бран.

— Он слышал шепот на ветру, шорох среди листьев. Ты не сможешь разговаривать с ним, как ни пытайся. Я знаю. У меня свои призраки, Бран. Брат, которого я любил, брат, которого я ненавидел, женщина, которую я желал. Я все еще вижу их сквозь деревья, но ни одно мое слово никогда не достигало их. Прошное

остаётся прошлым. Мы можем у него учиться, но не можем поменять его.

— Я увижу отца снова?

— Когда ты освоишь свой дар, ты сможешь смотреть, куда захочешь, и увидеть, что видели деревья, было ли это вчера, или в прошлом году, или тысячи лет назад. Люди живут своей жизнью в ловушке вечного настоящего, между дымкой воспоминаний и морем теней — это все, что нам известно о грядущих днях. Некоторые мотыльки проживают всю свою жизнь за один день, для них этот маленький промежуток времени должен казаться таким же долгим, как годы и десятилетия для нас. Дуб может

жить триста лет, красное дерево — три тысячи. Чардреву будет жить вечно, если его не тревожить. Для них времена года проходят, как взмах крыльев мотылька: и прошлое, и настоящее, и будущее — все едино. И твой взор не будет ограничен только твоей богорощей. Певцы вырезали глаза на священных деревьях, чтобы пробудить их, и этими глазами новые зеленые провидцы учатся пользоваться в первую очередь... но со временем ты будешь сам хорошо видеть сквозь деревья.

— Когда? — Бран хотел знать.

— Через год, или три, или десять. Что я умею, не пришло внезапно. Оно придет в свое время, я

тебе обещаю. Но сейчас я устал и деревья зовут меня. Мы продолжим завтра.

Ходор понес Брана обратно в его комнату, бормоча "Ходор" тихим голосом, пока Листва шла перед ними с факелом. Он надеялся, что Мира и Жойен будут там и он сможет рассказать, что видел, но их уютная ниша в скале была холодна и пуста. Ходор спустил Брана на его ложе, накрыл мехами и развел для них костер. *Тысяча глаз, сотня шкур, мудрость, глубокая как корни древних деревьев.*

Глядя на пламя, Бран решил бодрствовать, пока не вернется Мира. Жойен будет недоволен, он знал, но

Мира ему обрадуется. Он не помнил, как закрыл глаза...

... но затем каким-то образом снова очутился в Винтерфелле, в богороще, глядящей на отца. В этот раз лорд Эддард казался намного моложе. Волосы на его опущенной голове были каштановыми, без намека на седину.

— Пусть они растут как братья и знают только любовь, — молился он, — и пусть моя леди-жена найдет в своем сердце силы простить...

— Отец, — голос Брана был подобен шепоту на ветру, шороху в листьях. — Отец, это я. Бран. Брандон.

Эддард Старк поднял голову и

окинул чардреву долгим взглядом, хмурясь, но не произнес ни слова. *Он меня не видит*, в отчаянии понял Бран. Ему хотелось протянуть руку и дотронуться до отца, но он мог лишь наблюдать и слушать. *Я в дереве. Я внутри сердцедрева, гляжу из его красных глаз, но чардреву не может говорить, не могу и я.*

Эддард Старк возобновил молитву. Бран почувствовал, как глаза наполнились слезами. Но его ли это слезы, или же чардрева? *Если я заплачу, выступят ли слезы на дереве?*

Остальные слова отца были заглушены внезапным стуком дерева по дереву. Эддард Старк растворился,

как туман на утреннем солнце. Теперь в богороще плясали двое детей, ухая друг на друга, пока бились сломанными ветками. Девочка была постарше и повыше. *Арья!* с жаром подумал Бран, наблюдая, как она вскочила на камень и наносила удары по мальчику. Но этого не могло быть. Если девочка — это Арья, то мальчик — сам Бран, но у него никогда не было таких длинных волос. *И Арья никогда не била меня так, сражаясь на мечах, как эта девочка дубасила его.* Она ударила мальчика по бедру так сильно, что нога ушла из-под него, он упал в пруд и стал барахтаться и кричать.

— Молчи, дурак, — сказала девочка, отбросив свою ветку в сторону. — Это просто вода. Хочешь, чтобы Старая Нэн услышала и пошла к отцу?

Она опустилась на колени и потянула брата из воды, но прежде чем успела его вытащить, оба они исчезли.

После этого видения мелькали все быстрее и быстрее, пока Бран не почувствовал себя разбитым и у него не закружилась голова. Он больше не видел ни своего отца, ни девочки, похожей на Арию. Но из черного пруда появилась беременная женщина, голая и мокрая, она опустилась на колени перед деревом

и просила старых богов о сыне, который отомстит за нее. Затем возникла стройная как копье русоволосая девушка, которая встала на цыпочки, чтобы поцеловать в губы молодого рыцаря, такого же высокого, как Ходор. Темноглазый юнец, бледный и злой, сломал три ветви с чардрева и обстругал их в стрелы. Само дерево сжималось, с каждым видением становясь все меньше и меньше, в то время как маленькие деревья превратились в саженцы и исчезли, только чтобы на смену им пришли другие деревьями, которые уменьшились и исчезли в свою очередь. И теперь Бран смотрел на высоких и суровых лордов,

строгих мужчин в мехах и кольчугах. Лица некоторых он помнил по статуям в склепах, но они исчезли раньше, чем он смог их опознать.

Затем, как он видел, бородатый мужчина заставил пленника стать на колени перед сердцевидным деревом. Женщина с белыми волосами вышла к ним через груды темно-красных листьев с бронзовым серпом в руке

"Нет, — сказал Бран. — *Нет, не надо*", но, как и отец, они его не слышали. Женщина схватила пленника за волосы, приставила серп к горлу и полоснула. Сквозь мглу веков сломанный мальчик увидел только, как ноги человека били по земле... и когда жизнь хлынула из

него красным потоком, Брандон
Старк ощутил вкус крови.

36. ДЖОН

Солнце выглянуло около полудня после семи дней пасмурного неба и снежной метели. Местами сугробы выросли выше человеческого роста, но стюарды работали лопатами весь день, и дороги расчистили, насколько это было возможным. Стена мерцала отблесками, все ее трещины и неровности переливались бледно-голубым цветом.

Джон смотрел на Зачарованный лес с высоты семисот футов. Северный ветер кружился меж деревьями внизу и срывал с самых

высоких ветвей длинные белые языки снега, слетавшие вниз словно ледяные флаги. Больше ничего не двигалось. *Никаких признаков жизни.* Это не очень успокаивало: не живых существ он боялся. Но тем не менее...

Вышло солнце, и снегопад прекратился. Возможно, другой такой хороший шанс нам представится не раньше, чем сменится луна. Или пройдет зима.

— Пусть Эммет соберет своих рекрутов, — сказал он Скорбному Эдду. — Нам понадобится сопровождение. Десять разведчиков, вооруженных драконовым стеклом. Выступаем через час.

— Слушаюсь, м'лорд. Кто их возглавит?

— Я сам.

Рот Эдда скривился даже сильнее обычного:

— Кое-кто мог бы подумать, что лорду-командующему лучше остаться в тепле и безопасности к югу от Стены. Конечно, я сам так не думаю, но кое-кто мог бы.

Джон улыбнулся:

— Кое-кому лучше не говорить этого в моем присутствии.

Плащ Эдда шумно захлопал от внезапного порыва ветра.

— Лучше спуститься, милорд. Этот ветер того и гляди спихнет нас со Стены, а я так и не обучился

искусству полета.

Они вернулись обратно на землю на подъемнике. Дул порывистый ветер, холодный, словно дыхание ледяного дракона из сказки Старой Нэн, которую Джон слышал еще мальчиком. Тяжелая клеть раскачивалась. Время от времени она царапала Стену, выбивая из нее небольшие фонтанчики кристаллов льда, которые, падая, сверкали в солнечном свете, как осколки битого стекла.

Стекло, подумал Джон, было бы здесь кстати. Черному Замку нужны свои оранжереи, такие же, как в Винтерфелле. Мы могли бы выращивать овощи даже глубокой

зимой. Лучшее стекло привозили из Мира, но хорошие прозрачные листы шли на вес специй, а зеленое или желтое стекло было менее пригодным. Золото — вот что нам нужно. При достаточном количестве денег мы могли бы купить в Мира учеников стеклодувов и стекольщиков, привезти их на север и предложить им свободу в обмен на обучение своему искусству наших новобранцев. Это могло бы стать выходом. Будь у нас золото. Которого у нас нет.

У основания Стены он увидел Призрака, кувыркавшегося в сугробе. Большому белому лютоволку, похоже, нравился свежавыпавший снег.

Увидев Джона, он вскочил на лапы и отряхнулся. Скорбный Эдд спросил:

— Вы берете его с собой?

— Да.

— Умница волк. А меня?

— А тебя — нет.

— Умница лорд. Призрак — правильный выбор. У меня больше нет зубов, чтобы кусать одичалых.

— Если богам будет угодно, одичалые нам не встретятся. Я поеду на сером мерине.

Новость быстро распространилась по Черному Замку. Не успел Эдд оседлать серого, а Боуэн Марш уже топал через двор, чтобы застать Джона в конюшнях.

— Милорд, я хочу, чтобы вы

подумали еще раз. Новички легко могут принять свои обеты и в септе.

— Септа — дом новых богов. Старые живут в лесу, и те, кто почитает их, произносят свои слова среди чардрев. Вы знаете это не хуже меня.

— Атлас — из Староместа, а Аррон и Эмрик — из западных земель. Старые боги — не их боги.

— Я не приказываю людям, какому богу поклоняться. Они были свободны выбрать Семерых или Владыку Света красной женщины. Но они выбрали деревья, вместе с опасностью, которая с ними связана.

— Плакальщик, может быть, все еще там. Наблюдает за нами.

— Роща не более чем в двух часах езды, даже по снегу. Мы должны вернуться к полуночи.

— Слишком долго. Это неразумно.

— Неразумно, — согласился Джон, — но необходимо. Эти люди вот-вот отдадут свои жизни Ночному Дозору, присоединившись к братству, служба которого непрерывно длится уже тысячи лет. Клятвы важны, как и традиции. Они связывают нас всех вместе — знатных и простых, молодых и старых, низких и благородных. Они делают нас братьями, — он хлопнул Марша по плечу. — Обещаю, мы вернемся.

— Да, милорд, — сказал лорд-

стюард, — но вернетесь ли вы живыми людьми или головами на копьях и с вырезанными глазами? Вы будете возвращаться через тьму ночи. Кое-где снегу намело по пояс. Я вижу, что вы берете с собой испытанных братьев, это хорошо, но Черный Джек Бульвер тоже знал здешние леса. Даже Бенджен Старк, ваш дядя, он...

— У меня есть то, чего не было у них, — Джон повернул голову и свистнул. — *Призрак*. Ко мне! — лютоволк стряхнул снег со спины и понесся к Джону. Разведчики расступились, чтобы пропустить его, хотя одна кобыла заржала и шарахнулась, но Рори осадил ее

резким рывком. — Стена ваша, лорд Боуэн, — он взял своего коня под уздцы и повел к воротам и ледяному туннелю, тянущемуся под Стеной.

За Стеной высокие молчаливые деревья кутались в толстые белые плащи. Как только разведчики и новобранцы выстроились, Призрак потрусил рядом с лошадейю Джона, но вдруг остановился и принялся, его дыхание застывало в воздухе.

— Что такое? — спросил Джон. — Там кто-то есть? — Леса были пусты, насколько он видел, но видеть он мог не очень далеко.

Призрак направился к деревьям, проскользнул между двумя укрытыми белым соснами и растворился в

снежном облаке. Он хочет поохотиться, но на кого? Джон волновался не столько за лютоволка, сколько за одичалых, которые могли оказаться на его пути. Белый волк в белом лесу, бесшумный, как тень. Они даже не заметят его приближения. Но гнаться за ним бессмысленно. Призрак вернется сам, когда захочет, не раньше. Джон пришпорил коня. Его люди сомкнулись вокруг, копыта их лошадок разбивали ледяную корку, под которой скрывался более мягкий снег. Они уходили в леса, двигаясь в размеренном ритме. Стена осталась позади.

Гвардейские сосны и страж-

деревья надели толстые белые шубы, с голых коричневых ветвей широколистов свешивались сосульки. Джон послал Тома Ячменное Зерно вперед на разведку, хотя путь до белой рощи часто использовался и был им хорошо знаком. Большой Лиддл и Люк из Лонгтауна скользнули параллельно на восток и запад — они поскачут по бокам колонны и предупредят в случае опасности. Все они — опытные разведчики, вооруженные не только сталью, но и обсидианом. Через седла они перекинули сигнальные рога, чтобы позвать помощь при необходимости.

Другие люди — не хуже. *По*

*крайней мере, хороши в сражении и
преданы своим братьям.* Джон не
мог сказать, кем они были, прежде
чем попали на Стену, но не
сомневался, что у большинства
прошлое такое же черное, как их
плащи. Здесь же они стали именно
теми людьми, кого он хотел видеть у
себя за спиной. Они подняли
капюшоны, чтобы защититься от
пронизывающего ветра, некоторые
закутались в шарфы, закрывающие
лица и скрывающие черты. Но Джон
их знал. Каждое имя высечено у него
на сердце. Это его люди, его братья.

С ними было ещё шестеро —
молодых и старых, крупных и
невысоких, опытных и новичков.

Шестеро, готовых произнести слова. Конь родился и вырос в Кротовом Городке, Аррон и Эмрик прибыли со Светлого Острова, Атлас — из борделей Староместа на другом конце Вестероса. Все они — мальчишки. Кожаный и Джакс — постарше, далеко за сорок, сыновья Зачарованного леса, у которых есть уже собственные дети и внуки. Они были из тех шестидесяти трех одичалых, что последовали за Джоном Сноу к Стене в ответ на его призыв, но пока только эти двое решили надеть черные плащи. Железный Эммет сказал, что они готовы, во всяком случае, настолько, насколько возможно. Он, Джон и

Боуэн Марш вместе обсудили каждого по очереди и выдали им назначения: Кожаного, Джакса и Эмрика — в разведчики, Коня — в строители, Аррона и Атласа — в стюарды. И теперь настало время их клятвы.

Железный Эммет ехал во главе колонны, на самой уродливой лошади, какую Джон когда-либо видел: лохматая скотина, казалось, состояла только из шерсти и копыт.

— Говорят, прошлой ночью были проблемы в Башне Шлюх? — спросил мастер над оружием.

— В Башне Хардина.

Из шестидесяти трех одичалых, пришедших с ним из Кротового

Городка, девятнадцатью оказались женщины и девушки. Джон разместил их в той же заброшенной башне, где сам спал, когда был новичком на Стене. Двенадцать из них — копьеносицы, вполне способные защитить как себя, так и младших девочек от нежелательного внимания черных братьев. Некоторые из тех, кого они выпроводили, дали Башне Хардина ее новое вызывающее название. Джон не собирался мириться с насмешкой.

— Три пьяных дурака приняли Башню Хардина за бордель, вот и все. Сейчас они обдумывают свою ошибку в ледяных камерах.

Железный Эммет скривился:

— Мужчины есть мужчины. Клятвы — это слова, а слова — ветер. Вам следовало бы приставить к женщинам стражу.

— А кто будет сторожить стражу?

Ничего ты не знаешь, Джон Сноу. Но он научился, и Игритт была его учителем. Если он сам не сдержал собственную клятву, как мог он требовать большего от своих братьев? Но шутить с женщинами одичалых небезопасно. "Мужчина может владеть женщиной, и мужчина может владеть ножом, — однажды говорила ему Игритт, — но ни один мужчина не может владеть обоими". Кое в чем Боуэн Марш не ошибался:

Башня Хардина была похожа на сухое дерево, ждущее искры.

— Я намереваюсь заселить еще три замка, — сказал Джон. — Глубокое Озеро, Темный Чертог и Длинный Курган. Во всех обоснуются отряды вольного народа, возглавляемые нашими собственными командирами. В Длинном Кургане, помимо командующего и старшего стюарда, будут жить только женщины.

Он не сомневался, что полностью прекратить связи не получится даже на расстоянии, но это, по крайней мере, усложнит их возникновение.

— И какому же несчастному

болвану выпадет участь быть там командиром?

— Я еду рядом с ним.

Смешанное выражение ужаса и восторга, пробежавшее по лицу Железного Эммета, стоило дорожке мешка с золотом.

— Что я натворил, что вы так ненавидите меня, милорд?

Джон рассмеялся:

— Не бойся, ты будешь там не один. Я собираюсь отправить с тобой Скорбного Эдда. Он станет твоим заместителем и стюардом.

— Копьеносицы будут так счастливы. Правильнее было бы отдать замок магнару.

Улыбка Джона исчезла:

— Возможно, но я не могу ему доверять. Боюсь, Сигорн считает меня виновным в смерти его отца. Что еще хуже, его воспитывали и обучали отдавать приказы, а не выполнять их. Не путай теннов с вольным народом. Мне сказали, что "магнар" означает "лорд" на старом языке, но Сир был для своего народа скорее богом, и его сын сделан из того же теста. Мне не нужно, чтобы люди преклоняли колена, но мне важно, чтобы они умели подчиняться.

— Да, м'лорд, но вам лучше сделать что-нибудь с магнаром. Тенны доставят вам неприятности, если вы не займетесь ими.

Неприятности — это удел лорда-командующего, мог бы ответить ему Джон. Как оказалось, визит в Кротовый Городок принес ему много неприятностей, и женщины — наименьшая из них. Халлек, как Джон и опасался, продемонстрировал свою агрессивность, а среди черных братьев было достаточно тех, кто глубоко ненавидел вольный народ. Один из последовавших за Халлеком уже отрезал ухо строителю во дворе, и, возможно, это всего лишь предвестие грядущего кровопролития. Ему надо поскорее открыть старые крепости, чтобы отослать брата Хармы заселять

Глубокое Озеро или Темный Чертог. Однако сейчас ни один из замков не был пригоден для человеческого обитания, и Отелл Ярвик со своими строителями все еще пытался восстановить Твердыню Ночи. Порой по вечерам Джон Сноу размышлял, не совершил ли он страшную ошибку, отговорив Станниса увести всех одичалых со Стены на бойню. *Я ничего не знаю, Игритт*, подумал он, *и, наверное, никогда не узнаю.*

В полумиле от рощи длинные красные лучи осеннего солнца косо пробивались между ветвями голых деревьев, окрашивая сугробы в розовый цвет. Всадники пересекли замерзший ручей между двумя

неровными глыбами, вросшими в лед, а затем последовали по извилистой охотничьей тропе на северо-восток. Всякий раз, когда налетал ветер, тучи рыхлого снега вздымались в воздух и щипали глаза. Джон прикрыл шарфом рот и нос и поднял капюшон плаща.

— Уже недалеко, — сказал он всадникам. Никто не ответил.

Джон учуял Тома Ячменное Зерно, прежде чем увидел. Или его почуял Призрак? В последнее время, даже бодрствуя, Джон Сноу иногда ощущал, будто он и лютоволк были единым целым. Первым, стряхивая с себя снег, появился огромный белый волк, а несколькими мгновениями

спустя — Том.

— Одичалые, — тихо сообщил он Джону. — В роще.

Джон велел всадникам остановиться.

— Сколько?

— Я насчитал девятерых. Стражи нет. Некоторые, возможно, мертвы или спят. Большинство, кажется, женщины. Один ребенок. Но есть еще и великан. Я видел только одного. Они разожгли костер, дым тянется между деревьями. Дураки.

Девять, а у меня — семнадцать. Хотя четверо из них — зеленые юнцы, и нет ни одного великана.

Как бы то ни было, Джон не

собирался отступить к Стене. *Если одичалые все еще живы, возможно, мы могли бы забрать их с собой. Если же они мертвы, что ж... парочка трупов тоже пригодится.*

— Дальше пойдем пешком, — сказал он, мягко спрыгнув на обледенелую землю. Снега было по щиколотку. — Рори, Пейт, останьтесь с лошадьми.

Он мог бы поручить животных новобранцам, но им вскоре надо будет в первый раз пролить кровь. И нынешний момент ничуть не хуже, чем любой другой.

— Рассредоточьтесь и постройтесь полукругом. Я хочу подойти к роще с трех сторон. Не

теряйте из виду людей справа и слева от себя, чтобы расстояние между вами не увеличивалось. Снег заглушит наши шаги. Меньше шансов на кровопролитие, если застанем их врасплох.

Ночь надвигалась быстро. Лучи света исчезли вместе с последним тонким кусочком солнца, тающим в западных лесах. Розовый снег опять побелел, цвет вымывался из него, пока на мир опускалась тьма. Вечернее небо стало выцветше-серым, как старый плащ, который слишком часто стирали. Появились первые робкие звезды.

Джон Сноу увидел впереди бледный белый ствол, увенчанный

кроной темно-красных листьев. Это могло быть только чардревко. Джон потянулся за спину и достал из ножен Длинный Коготь. Он посмотрел по сторонам, кивнул Атласу и Коню и убедился, что они передают сигнал соседям. Все бросились в рощу одновременно, пробиваясь через сугробы старого снега, не издавая ни звука кроме дыхания. Призрак бежал с ними — белая тень возле Джона.

Чардревка возвышались по краям поляны, образуя круг — девять, все примерно одного возраста и размера. На каждом — высеченное лицо, и не было среди них двух одинаковых. Некоторые лица улыбались,

некоторые ревели, некоторые кричали на него. В темноте леса их глаза казались черными, но Джон знал, что на свету они — кроваво-красные. *Как глаза Призрака.*

Посреди рощи горел маленький и жалкий костер: пепел, угли и несколько сломанных слабо чадающих веток. И все же в нем было больше жизни, чем в одичалых, сгрудившихся рядом. Только один из них отреагировал на появление Джона из чащи — ребенок расплакался, цепляясь за лохмотья материнского плаща. Женщина подняла глаза и ахнула. К тому времени рощу уже окружили кольцом разведчики, скользящие среди белых, как кости,

деревьев. Блестящая сталь в их руках, одетых в черные перчатки, была готова к резне.

Великан заметил их последним. Он спал, свернувшись у огня, но что-то его разбудило — детский плач, хруст снега под черными сапогами или внезапный подавленный вздох. Когда он зашевелился, казалось, будто ожил огромный валун. Он, всхрапнув, принял сидячее положение и, пытаясь стряхнуть остатки сна, потер глаза руками, напоминающими два окорока... но вдруг увидел Железного Эммета со сверкающим мечом в руке. С ревом он вскочил на ноги, сжал в одной из своих гигантских рук подхваченный с

земли молот и поднял его над головой.

Призрак в ответ оскалил зубы. Джон схватил волка за загривок.

— Мы не хотим сражаться здесь, — он знал, что его люди смогут победить великана, но не без потерь. Как только прольется кровь, одичалые присоединятся к драке. Большинство или даже все умрут здесь, как и некоторые из его братьев. — Это святое место. Сдавайтесь, и мы...

Великан снова взревел так, что затрепетала листва на деревьях, и стукнул молотом по земле. На конце его сделанной из дуба шишковатой рукояти длиной в шесть футов был

закреплен камень величиной с буханку хлеба. От удара задрожала земля. Некоторые из одичалых тоже потянулись за своим оружием.

Джон Сноу собирался уже обнажить Длинный Коготь, когда из глубины рощи заговорил Кожаный. Слова прозвучали гортанно и грубо, но Джон почувствовал их мелодичность и распознал старый язык. Кожаный говорил долго. Когда он умолк, великан отозвался. Его речь была похожа на рычание, перемежаемое хрюканьем, и Джон не смог понять ни слова. Но Кожаный указал на деревья и добавил что-то еще, и великан тоже указал на деревья, заскрежетал

зубами и бросил молот.

— Готово, — объявил
Кожаный. — Они не хотят драться.

— Хорошая работа. Что ты ему
сказал?

— Что это и наши боги тоже.
Что мы пришли помолиться.

— Мы помолимся. Уберите
оружие, все вы. Сегодня мы не будем
проливать кровь.

Том Ячменное Зерно говорил,
что их девять. Да, девять, но двое
были мертвы, а один так слаб, что
мог не дотянуть до утра. Оставшиеся
шестеро включали мать и ребенка,
двух стариков, раненого тенна в
разбитой бронзе и одного из
Рогоногих, босые ступни которого

так сильно обморозились, что Джон с первого взгляда понял — он никогда больше не сможет ходить. Как он узнал впоследствии, большинство не были знакомы друг с другом до прихода в рощу. Когда Станнис разбил отряд Манса Налетчика, они бежали в лес, чтобы спрятаться от резни. Некоторое время они скитались, потеряли друзей и близких из-за холода и голода, и, наконец, собрались здесь, слишком слабые и усталые, чтобы идти дальше.

— Боги здесь, — пояснил один из стариков. — По сравнению с другими, это неплохое место, чтобы умереть.

— Стена всего в нескольких часах к югу отсюда, — сказал Джон. — Почему бы не поискать убежища там? Другие сдались. Даже Манс.

Одичалые обменялись взглядами. Наконец один ответил:

— До нас доходили слухи. Вороны сожгли всех, кто сдался.

— Даже Манса, — добавила женщина.

Мелисандра, подумал Джон, тебе и твоему красному богу за многое придется держать ответ.

— Мы будем рады всем, кто захочет вернуться с нами. В Черном Замке есть еда и кров, а Стена защитит вас от того, что обитает в

здешних лесах. Даю слово, что никого не сожгут.

— Слово вороны, — сказала женщина, крепче прижимая к себе ребенка. — Но кто подтвердит, что ты сдержишь его? Кто ты?

— Лорд-командующий Ночного Дозора и сын Эддарда Старка из Винтерфелла, — Джон повернулся к Тому Ячменное Зерно. — Вели Рори и Пейту седлать лошадей. Я не собираюсь задерживаться здесь дольше, чем необходимо.

— Как скажете, м'лорд.

Оставалось завершить еще одно дело, прежде чем отправиться в путь: то, за чем они пришли. Железный Эммет созвал своих подопечных, и

пока остальные наблюдали с почтительного расстояния, те преклонили колени перед чардревами. Последние лучи дня уже догорели, и теперь единственным источником света стали звезды над головой и слабый красный отблеск догорающего костра в центре рощи.

В черных капюшонах и плотных черных плащах, эти шестеро были будто вырезаны из тени. Их голоса звучали в унисон, ничтожные против бесконечности ночи.

— Ночь собирается и начинается мой дозор, — сказали они, как говорили это тысячи людей до них. Голос Атласа звучал сладко, как песня, голос Коня хрипел и

дрожал, голос Аррона был как нервный писк. — Он не окончится до самой моей смерти.

Пусть эти смерти придут нескоро. Джон Сноу опустился на одно колено в снег. Боги моих отцов, сохраните этих людей. И Арью, мою маленькую сестренку, где бы она ни была. Я молю вас, пусть Манс разыщет ее и приведет ко мне невредимой.

— Я не возьму себе ни жены, ни земель, не буду отцом детям, — поклялись новобранцы голосами, которые эхом отдавались сквозь годы и века. — Я не надену корону и не буду добиваться славы. Я буду жить и умру на своем посту.

*Боги леса, дайте мне силу
сделать так же, беззвучно молил
Джон Сноу. Наделите меня
мудростью, чтобы понять, как
необходимо поступить, и
мужеством, чтобы следовать
этому.*

— Я — меч во тьме, — сказали
шестеро, и Джону казалось, будто их
голоса менялись, становясь сильнее
и увереннее. — Я — дозорный на
Стене; я — огонь, который разгоняет
холод; я — свет, который приносит
рассвет; я — рог, который будит
спящих; я — щит, который охраняет
царство людей.

*Щит, который охраняет
царство людей. Призрак ткнулся*

носом в его плечо, и Джон обнял его. Он чувствовал запах нестиранных штанов Коня, сладкий аромат Атласа, исходивший от его бороды, острый запах страха и забивающий все мускус великана. Он слышал, как бьется его собственное сердце. Когда он посмотрел через рошу на женщину с ребенком, на двух седобородых, на Рогоногого с его искалеченными ступнями, они видел только людей.

— Я отдаю свою жизнь и честь Ночному Дозору среди этой ночи и всех, которые грядут после нее.

Джон Сноу первым оказался на ногах.

— Встаньте же теперь как мужи

Ночного Дозора, — он протянул руку Коню и помог ему подняться.

Ветер усиливался. Пришло время уходить.

Дорога назад заняла гораздо больше времени, чем поход в рощу. Великан шел медленно, несмотря на длину и размер своих ног, и постоянно останавливался, чтобы сбить молотом снег с низко висящих ветвей. Женщина ехала верхом вместе с Рори, ее сын — с Томом Ячменное Зерно, старики — с Конем и Атласом. Тенн боялся лошадей и предпочел хромать в одиночестве, несмотря на раны. Рогоногий не мог сидеть в седле, и его пришлось привязать к спине лошади, как

мешок с зерном, так же поступили и с бледнолицей старухой с тонкими, как палки, конечностями, которые она была не в состоянии поднять.

К удивлению Железного Эммета, оба трупа тоже взвалили на спины лошадей.

— Они только замедлят нас, милорд, — сказал он Джону. — Нам следует разрубить их на части и сжечь.

— Нет, — ответил Джон. — Заберите их. Они мне понадобятся.

В небе не было луны, чтобы указать путь домой, лишь изредка появляющиеся клочки звездного неба. Черно-белый безмолвный мир. Долгий, медленный, бесконечный

путь. Снег лип на ботинки и штаны, сосны трещали от порывов ветра, а плащи взметались и хлопали. В вышине Джон увидел Красного Странника, наблюдающего за ними сквозь голые ветви огромных деревьев, пока они прокладывали путь между ними. "Вор" — так называл его вольный народ. "Лучшее время для кражи женщины — когда Вор приходит в Лунную Деву", — утверждала Игритт. Она никогда не упоминала, какое время лучше всего подходит для кражи великана. *Или двух мертвецов.*

Почти рассвело, когда они снова увидели Стену.

При их подходе с высоты

раздался приветственный звук рога часового, похожий на резкий крик огромной птицы. Один долгий сигнал, означающий возвращение разведчиков. Большой Лиддл снял с плеча свой боевой рог и ответил на приветствие. У ворот им пришлось подождать несколько минут, прежде чем Скорбный Эдд Толлетт появился, чтобы отодвинуть засовы и распахнуть железные решетки. Когда Эдд увидел группку оборванных одичалых, он поджал губы и одарил великана долгим взглядом.

— Возможно, кое-кому потребуется немного масла, чтобы протиснуться через туннель, м'лорд. Послать кого-нибудь в кладовую?

— Думаю, он пролезет и без масла.

И он пролез... на четвереньках, ползком. *Большой мальчик. Четырнадцать футов, не меньше. Даже больше чем Маг Могучий.* Маг умер под этой самой льдиной, сцепившись в смертельной схватке с Доналом Нойе. *Хороший человек. Дозор потерял слишком много хороших людей.* Джон отозвал в сторону Кожаного.

— Займись им. Ты говоришь на его языке. Проследи, чтобы его накормили, и подыщи ему теплое место у огня. Остайся с ним. Смотри, чтобы никто его не провоцировал.

— Ага, — Кожаный
заколебался. — М'лорд.

Джон приказал, чтобы о ранах и обморожениях выживших одичалых позаботились. Он надеялся, что горячая еда и теплая одежда помогут восстановить силы большинства из них, хотя Рогоногий, вероятно, потеряет обе ступни. Трупы он отправил в ледяные камеры.

Приходил Клидас, отметил Джон, вешая плащ на крючок рядом с дверью. На столе возле лампы лежало письмо. *Из Восточного Дозора или Сумеречной Башни*, подумал он сначала. Но воск был золотым, а не черным. На печати красовалась голова оленя в

пылающем сердце. Станнис. Джон
взломал затвердевший воск,
расправил свиток и начал читать.
Рука мастера, но слова короля.

Станнис захватил Темнолесье, и
горные кланы присоединились к
нему. Флинты, Норри, Вуллы,
Лиддлы — все.

*К нам пришла и неожиданная,
но очень желанная помощь — от
дочери Медвежьего Острова.
Алисана Мормонт, люди которой
называют ее "Медведица", укрывала
воинов среди рыбачьих шлюпок и
застала железнорожденных
врасплох, когда они были на
мелководье. Корабли Грейджоя
сожжены или захвачены, а их*

экипажи убиты или сдались. За капитанов, рыцарей, знатных воинов и других высокорожденных мы возьмем выкуп или найдем им другое применение, а остальных я намереваюсь повесить...

Ночной Дозор поклялся не принимать ничью сторону в спорах и конфликтах королевства. Однако Джон Сноу не мог не чувствовать определенного удовлетворения. Он продолжил читать.

...еще больше северян присоединились к нам, когда разошлась весть о нашей победе. Рыбаки, вольнонаемные, горные жители и мелкие землевладельцы из глубины Волчьего леса; крестьяне,

покинувшие дома на каменном побережье, чтобы спастись от железных людей; выжившие в битве у ворот Винтерфелла; присягнувшие Хорнвудам, Сервинам и Таллхартам. Теперь, когда я пишу эти строки, у нас пять тысяч войска, и наше число увеличивается с каждым днем. Нам сообщили, что Русе Болтон движется к Винтерфеллу со всей своей армией, чтобы женить там своего бастарда на твоей сводной сестре. Ему нельзя позволить восстановить замок до прежней мощи. Мы выступаем против него. Арнольф Карстарк и Морс Амбер присоединятся к нам. Я спасу твою сестру, если смогу, и найду ей

лучшую партию, чем Рамси Сноу. Ты и твои братья должны удерживать Стену, пока я не вернусь.

Письмо было подписано другой рукой:

Совершено под Светом Владыки, подписано и запечатано Станнисом из дома Баратеонов, Первым этого имени, Королем Андалов, Ройнаров и Первых Людей, Лордом Семи Королевств и Защитником Королевства.

Едва Джон отложил письмо, как свиток снова свернулся, будто пытаясь защитить свои секреты. Он не мог решить, как относиться к тому, что только что прочел. В Винтерфелле и прежде проходили

сражения, но ни одно из них не обходилось без Старков с какой-нибудь из сторон.

— Замок превратился в развалины, — сказал он. — Не Винтерфелл, а призрак Винтерфелла.

Даже воспоминание об этом ранило, не говоря уж о словах, произнесенных вслух. И все же...

Он пытался предположить, сколько людей поведет за собой на битву старик Воронье Мясо, и сколько мечей сумеет снарядить Арнольф Карстарк. Половина войска Амберов будет сражаться вместе с Хозером по прозвищу Смерть Шлюхам под знаменами с ободренным человеком Дредфорта, а

большая часть людей обоих домов ушла с Роббом Старком на юг и не вернулась. Даже разрушенный, Винтерфелл дает преимущество тем, кто его занимает. Роберт Баратеон сразу бы понял это и без промедлений попытался бы закрепиться в замке. Он прославился своими мощными марш-бросками и полуночными вылазками. Будет ли его брат так же бесстрашен?

Вряд ли. Станнис был осмотрительным военачальником, а войско его представляло собой сборную солянку из северных кланов, южных рыцарей, приближенных короля и королевы, слегка приправленную несколькими

северными лордами. Станнису следует выступить на Винтерфелл быстро или не выступить вовсе, думал Джон. Не ему учить короля, но...

Он снова взглянул на письмо. "Я спасу твою сестру, если смогу". Неожиданно трогательное замечание для Станниса, хоть и перечеркнутое этим резким "если смогу", и продолженное словами про "лучшую партию, чем Рамси Сноу". А что если Арья надо искать вовсе не там? Что если пламя леди Мелисандры не обмануло? Могла ли его сестра и вправду вырваться из плена? *Как бы она сумела это сделать? Арья всегда была шустрой и умной, но в конце*

концов всего лишь девочкой, а Русе Болтон — не тот человек, чтобы выпустить из рук столь ценную добычу.

Что если Болтон никогда и не захватывал его сестру? А свадьба — всего лишь уловка, чтобы заманить Станниса в ловушку. У Эддарда Старка не было причин жаловаться на лорда Дредфорта, но, насколько знал Джон, он никогда не доверял этому человеку с тихим голосом и светлыми-светлыми глазами.

Девочка в сером на умирающей лошади, бегущая от замужества. На основании этих слов он отпустил Манса Налетчика и шестерых копыеносиц на север. "Молодых и

хорошеньких", — потребовал Манс. Неопалимый король назвал несколько имен, а Скорбный Эдд сделал все остальное, переправив их из Кротового Городка. Теперь это казалось безумием. Возможно, следовало убить Манса сразу же, как тот открыл себя. Недавний Король-за-Стеной вызывал в нем восхищение, смешанное с завистью, но этот человек был клятвопреступником и перебежчиком. Мелисандре Джон доверял еще меньше. И все же получилось так, что он возложил на них свои надежды. *Все ради спасения сестры. Но у воинов Ночного Дозора не бывает сестер.*

Когда Джон жил в Винтерфелле, еще мальчишкой, его героем был Юный Дракон, мальчик-король, победивший Дорн в четырнадцать лет. Несмотря на свое бастардово происхождение, а может и благодаря ему, Джон Сноу мечтал, как он поведет людей к славе, совсем как король Дейерон, как станет победителем. Теперь он вырос, Стена — его, но, тем не менее, все что у него было — одни лишь сомнения. Похоже, он не мог победить даже их.

37. ДЕЙЕНЕРИС

Зловоние в лагере было настолько ужасным, что Дени чуть не стошнило.

Сир Барристан сморщил нос и сказал:

— Ваше Величество не должны быть здесь, вдыхая эти отвратительные миазмы.

— Я — от крови дракона, — напомнила ему Дени. — Вы когда-нибудь видели дракона с поносом?

Визерис часто утверждал, что Таргариены не были подвержены болезням, от которых страдали простые люди, и ее опыт

подтверждал это. Она помнила холод, голод и страх, но никогда не болела.

— Пусть так, — ответил старый рыцарь, — но мне будет спокойнее, если Ваше Величество вернется в город. — Разноцветные кирпичные стены Миэрина остались в полумиле позади. — Кровавый понос был бичом каждой армии еще с Века Рассвета. Предоставьте нам заняться распределением еды, Ваше Величество.

— Завтра. Я уже здесь. И я хочу это увидеть.

Она пришпорила Серебрянку. Остальные последовали за ней, пустив лошадей рысью. Чхого поехал

впереди нее, Агго и Ракхаро —
немного позади, сжимая в руках
длинные дотракийские кнуты, чтобы
не подпускать больных и
умирающих. Сир Барристан, верхом
на серой в яблоках лошади, держался
справа. Слева скакал Симон
Полосатая Спина из Свободных
Братьев и Марселен из Воинов
Матери. Шестьдесят солдат
следовали за командирами, охраняя
повозки с едой. Всех этих всадников:
дотракийцев, Медных Зверей,
вольноотпущенников, объединяло
только одно — отвращение к этой
обязанности.

Астапорцы плелись за ними
пугающей процессией,

увеличивающейся с каждым преодолеваемым ими ярдом. Некоторые из них говорили на неизвестных ей наречиях. Другим было не до разговоров. Многие протягивали руки к Дени или падали на колени, когда Серебрянка проходила рядом с ними.

— Мать, — звали они на языках Астапора, Лисса и Старого Волантиса, на гортанном дотракийском и на мелодичном языке Кварта, даже на общем языке Вестероса. — Мать, пожалуйста... Мать, помоги моей сестре, она больна... дай мне еды для моих малышей... пожалуйста, мой старый отец... помоги ему... помоги ей...

ПОМОГИ МНЕ...

Мне больше нечем вам помочь, в отчаянии думала Дени. Астапорцам некуда было идти. Тысячи их оставались за пределами толстых стен Меерина: мужчины и женщины, дети и старики, маленькие девочки и новорожденные младенцы. Многие из них заболели, еще больше умирало от голода, и все они были обречены умереть. Дейенерис не осмеливалась открыть перед ними городские ворота. Она старалась сделать для них все возможное — посылала им лекарей, Голубых Граций, заклинателей и цирюльников, но некоторые из них тоже заболели, и ни одно из их знаний не замедлило

стремительное распространение кровавого поноса, пришедшего с бледной кобылой. Отделение больных от здоровых тоже оказалось бесполезным. Стойкие Щиты пытались сделать это, оттаскивая мужей от жен, а детей от матерей, даже когда астапорцы рыдали, дрались и забрасывали их камнями. Через несколько дней больные умирали, а здоровые все равно заболели. Все старания ее людей не принесли никакого результата.

Даже просто кормить их становилось все сложнее. Каждый день она посылала им, что могла, но каждый день их было все больше, а еды — все меньше. И все реже

находились желающие доставлять им еду. Слишком многие из тех, кого они отправили в лагерь, тоже заразились поносом. На других нападали на обратном пути в город.

Вчера перевернули одну повозку и убили двух солдат, поэтому сегодня королева приняла решение привезти еду самой. Каждый из ее советников яростно высказался против этой идеи, от Резнака и Бритоголового до сира Барристана, но Дейенерис не отступила.

— Я не отвернусь от них, — упрямо сказала она. — Королева должна знать о страданиях своего народа.

Страдание — единственное,

чего у них в избытке.

— У них не осталось ни лошадей, ни мулов, хотя многие приехали из Астапора верхом, — доложил ей Марселен. — Они съели всех, Ваше Величество, вместе с крысами и дикими собаками, которых им удалось поймать. Теперь они принялись за своих мертвецов.

— Человек не должен есть плоть человека, — заявил Агго.

— Это все знают, — подтвердил Ракхаро. — Они будут прокляты.

— Им это уже не страшно, — сказал Симон Полосатая Спина.

Маленькие дети с раздутыми животами плелись за ними, слишком больные или напуганные, чтобы

просить. Костлявые люди с запавшими глазами сидели на корточках посреди песка и камней, испражняясь собственными жизнями, извергая вонючие потоки коричневого и красного цвета. Многие опорожнялись там же, где и спали, слишком ослабевшие, чтобы подползти к канавам, которые она приказала им вырыть. Две женщины дрались за обугленную кость. Рядом мальчик лет десяти пожирал крысу. Он держал ее одной рукой, схватив другой заостренную палку, чтобы не дать никому вырвать у него добычу. Всюду лежали непогребенные мертвецы. Дени увидела мужчину в черном плаще, растянувшегося в

грязи, но когда она проехала мимо него — плащ растворился в воздухе, оказавшись роем из тысячи мух. Похожая на скелет женщина сидела на земле, сжимая умирающих младенцев. Ее глаза не отрывались от Дени. Те, у кого оставались силы, выкрикивали:

— Мать... пожалуйста, Мать...
будь благословенна, Мать...

Будь благословенна, горько подумала Дени. Ваш город обратился в пепел и прах, ваши люди умирают вокруг. А у меня нет для вас ни пристанища, ни лекарств, ни надежды. Только черствый хлеб и червивое мясо, жесткий сыр и немного молока. Будь благословенна,

будь благословенна...

Что это за мать, у которой нет молока для собственных детей?

— Слишком много мертвых, — сказал Агго. — Их надо сжечь.

— Кто будет их сжигать? — спросил сир Барристан. — Повсюду кровавый понос. Каждую ночь умирает сотня человек.

— Нехорошо трогать мертвых, — заметил Чхого.

— Это всем известно, — сказали хором Агго и Ракхаро.

— Может, и так, — согласилась Дени, — но тем не менее, это должно быть сделано. — Она задумалась на миг. — Безупречные не боятся трупов. Я поговорю с

Серым Червем.

— Ваше Величество, —
возразил сир Барристан, —
Безупречные — ваши лучшие воины.
Мы не можем пренебрегать
опасностью распространить этот
мор среди них. Пусть астапорцы
предают земле своих мертвецов.

— Они слишком слабы, —
сообщил Симон Полосатая Спина.

— Больше еды может сделать их
сильнее, — предположила Дени.

Симон покачал головой:

— Нельзя растрачивать еду на
умирающих, Ваша Милость. У нас не
хватает еды, чтобы накормить живых.

Она знала, что он прав, но
слышать это все равно было нелегко.

— Мы уже достаточно далеко, — решила королева, — накормим их здесь.

Она подняла руку. Телеги позади остановились, и ее всадники рассредоточились вокруг них, чтобы не дать астапорцам накинуться на еду. Стоило им встать, как толпа окружила их, становясь все плотнее: хромая и волоча ноги, к телегам прибывали и прибывали больные люди. Всадники сдерживали толпу.

— Дождитесь своей очереди! — кричали они. — Не толкаться! Назад! Отойдите назад! Каждый получит хлеб! Ждите своей очереди!

Дени могла только сидеть и наблюдать.

— Сир, — обратилась она к Барристану Селми, — мы больше ничего не можем сделать? У вас есть провизия.

— Провизия для солдат Вашего Величества. Возможно, нам придется выдерживать длительную осаду. Вороны-Буревестники и Младшие Сыновья могут совершать набеги на юнкайцев, но не стоит надеяться, что они заставят их отступить. Если Ваше Величество позволит мне собрать армию...

— Если бой неминуем, то я лучше буду сражаться под защитой стен Миэрина, и пусть юнкайцы попытаются штурмовать их. — Королева обвела взглядом

происходящее. — Если мы разделим нашу еду поровну...

— ...то в считанные дни астапорцы полностью съедят свою часть, а у нас останется гораздо меньше для осады.

Дени пристально посмотрела через лагерь на разноцветные кирпичные стены города. Воздух был наполнен жужжаньем мух и рыданиями.

— Боги послали этот мор, чтобы смирить меня. Так много мертвых... Они у меня *не будут* поедать трупы. — Она поманила Агго поближе. — Скачи к воротам и приведи мне Серого Червя и пятьдесят Безупречных.

— Кхалиси. Кровь твоей крови подчиняется, — Агго легко ударил лошадь пятками и ускакал.

Сир Барристан взирал на все с плохо скрываемой тревогой.

— Вы не должны задерживаться здесь слишком долго, Ваше Величество. Астапорцев кормят, как вы и приказали. Мы ничего больше не можем сделать для этих бедняг. Нам нужно возвращаться в город.

— Идите, если хотите, сир. Я не буду вас задерживать. Я не буду задерживать никого из вас, — Дени прыгнула с лошади. — Я не могу их исцелить, но я могу показать, что Мать заботится о них.

Чхого с шумом втянул в себя

воздух:

— Кхалиси, нет! — Колокольчик в его косе тихо звякнул, когда он спешился. — Вы не должны подходить ближе. Не позволяйте им прикоснуться к вам! Не делайте этого!

Дени обошла его. В нескольких шагах от них на земле лежал старик, он стонал, уставившись в серое чрево облаков. Она встала рядом с ним на колени, сморщив нос от вони, и прикоснулась к его лбу, откинув грязные седые волосы.

— Он весь горит. Мне нужна вода, чтобы выкупать его. Морская вода подойдет. Марселен, принеси мне немного. Еще нужно масло для

погребального костра. Кто поможет мне сжечь мертвецов?

К тому времени, как Агго вернулся с Серым Червем и пятьюдесятью Безупречными, быстро идущими за его лошадей, Дени уже всех пристыдила и заставила ей помогать. Симон Полосатая Спина и его люди оттаскивали мертвых от живых и складывали тела в кучу, пока Чхого, Ракхаро и их дотракийцы помогали тем, кто еще мог ходить, дойти до берега, чтобы выкупаться и постирать одежду. Агго уставился на них, как на безумцев, но Серый Червь встал на колени перед королевой и сказал:

— Ваш слуга будет помогать.

Еще до полудня запылало множество костров. Столбы жирного черного дыма нарушили чистоту равнодушного синего неба. Когда Дени вернулась после сожжения умерших, ее верховая одежда испачкалась и закоптилась.

— Почтеннейшая, — обратился к ней Серый Червь, — ваш слуга и его братья просят разрешения искупаться в соленом море, когда наша работа будет закончена. Так мы очистимся согласно законам нашей великой богини.

Королева не знала, что у евнухов есть своя собственная богиня.

— Кто она, эта богиня? Одна из богов Гиса?

Серый Червь посмотрел на нее с беспокойством:

— Богиню называют множеством имен. Она — Леди Копий, Невеста Боя, Мать Войска, но ее истинное имя принадлежит только тем несчастным, кто сжег свою мужественность на ее алтаре. Мы не можем говорить о ней с другими. Ваш слуга просит вашего прощения.

— Как пожелаешь. Да, вы можете искупаться, если хотите. Благодарю за помощь.

— Безупречные живут, чтобы служить вам.

Когда Дейнерис вернулась в свою пирамиду, измученная телом и

душой, она увидела Миссандею, читавшую старый свиток, в то время как Ирри и Чхику спорили о Ракхаро.

— Ты слишком худа для него, — говорила Ирри. — Ты почти как мальчик. Ракхаро не спит с мальчиками, это известно.

Ирри ощетинилась в ответ:

— Известно, что ты — почти корова. Ракхаро не спит с коровами.

— Ракхаро — кровь моей крови. Его жизнь принадлежит мне, а не вам, — сказала Дени обеим. Ракхаро вырос почти на полфута, пока был вдали от Миэрина, и вернулся с плотными мускулами на руках и ногах и четырьмя колокольчиками в волосах. Теперь он стал выше Агто и

Чхого, как отметили ее служанки. —
Теперь успокойтесь. Мне нужно
принять ванну. — Она еще никогда
не чувствовала себя более грязной. —
Чхику, помоги мне снять эти одежды,
потом унеси и сожги их. Ирри, скажи
Кеззе подыскать мне из одежды что-
нибудь легкое и прохладное. День
был очень жарким.

На террасе дул прохладный
ветер. Дени вздохнула от
удовольствия, скользя в воды
бассейна. По ее приказу Миссандея
сбросила одежды и спустилась за
ней.

— Ваша слуга слышала, как
астапорцы скреблись у стен прошлой
ночью, — сообщила маленькая

переписчица, пока терла Дени спину.

Ирри и Чхику обменялись взглядами.

— Никто не скребся, — возразила Чхику. — Скрестись... как они могли скрестись?

— Руками, — ответила Миссандея. — Кирпичи старые и крошащиеся. Они пытаются прорыть путь в город.

— Это займет у них много лет, — сказала Ирри. — Стены очень толстые. Это известно.

— Это известно, — согласилась Чхику.

— Мне они тоже снятся, — Дени взяла Миссандею за руку. — Лагерь находится в доброй полумиле

от города, милая. Никто не скребся у стен.

— Вашей Милости лучше знать, — ответила Миссандея. — Мне помыть ваши волосы? Уже пора. Резнак мо Резнак и Зеленая Грация пришли поговорить о...

— ...приготовлениях к свадьбе, — Дени с плеском села. — Я совсем забыла. — *Возможно, я хотела забыть.* — А после них я обедаю с Хиздаром, — она вздохнула. — Ирри, принеси зеленый токар, шелковый с мирийским кружевом.

— Его зашивают, кхалиси. Кружева порвались. Голубой токар почистили.

— Тогда голубой. Им понравится.

Она ошиблась только наполовину. Жрица и сенешаль были рады увидеть ее в токаре, как истинную миэринскую госпожу на сей раз, но на самом деле им хотелось раздеть ее донага. Дейенерис выслушала их с недоверием. Когда они высказались, она ответила:

— Не хочу никого оскорбить, но я *не предстану* обнаженной перед матерью и сестрами Хиздара.

— Но, — возразил Резнак мо Резнак, моргая, — но вы обязаны, Ваша Милость. Перед свадьбой женщины из дома жениха

традиционно осматривают лоно невесты и эээ... ее женские органы. Чтобы убедиться, что они хорошо сформированы и эээ...

— ...способны к деторождению, — закончила Галазза Галаре. — Древний ритуал, Ваше Сиятельство. Три Грации будут присутствовать при осмотре свидетелями и вознесут должные молитвы.

— Да, — сказал Резнак. — А затем печется особый пирог. Женский пирог, специально для обручения. Мужчинам не позволено попробовать его. Мне говорили, что вкус его чудесен. Невообразимо чудесен.

А если мое лоно иссохло, а женские органы отвратительны, есть ли у них особый пирог и на этот случай?

— Хиздар зо Лорак сможет внимательно изучить мои женские органы после того, как мы поженимся. — *Кхал Дрого не нашел в них изъянов, так почему их отыщет кто-нибудь другой?* — Пусть его мать вместе с сестрами изучают друг друга и наслаждаются особым пирогом. Я не стану его есть. Как не стану и омывать благородные ступни благородного Хиздара.

— Великолепнейшая, вы не понимаете, — возразил Резнак. — Омывание стоп — священная

традиция. Она символизирует ваше будущее служение супругу. Свадебный наряд также исполнен этого значения. Невеста надевает темно-красную вуаль поверх токара из белого шелка, окаймленного крошечными жемчужинами.

Королева кроликов не должна быть на свадьбе без своих длинных ушей.

— При ходьбе все эти жемчужины будут трещать.

— Жемчуг — символ плодовитости. Чем больше жемчужин украсит токар Вашей Милости, тем больше она родит здоровых детей.

— Зачем мне желать сотни

детей? — повернулась Дени к Зеленой Грации. — Если бы мы женились по вестеросскому обычаю...

— То боги Гиса не сочли бы этот союз истинным, — лицо Галаззы Галаре скрывала вуаль зеленого шелка. Видны были лишь ее глаза — зеленые, мудрые и печальные. — В глазах горожан вы бы стали царственной наложницей Хиздара, а не его законной женой. Ваши дети считались бы бастардами. Ваша Милость, вы должны выйти замуж за Хиздара в Храме Граций, где вся знать Миэрина будет свидетелями вашего союза.

Даарио предлагал ей выманить

глав знатных семейств из пирамид под каким-нибудь предлогом. *Девиз дракона — пламя и кровь.* Дени отбросила эту мысль, как недостойную.

— Как пожелаете, — вздохнула она. — Я выйду замуж за Хиздара в Храме Граций, обернутая в белый токар с бахромой из крошечных жемчужин. Это все?

— Еще одна мелочь, Ваша Милость, — сказал Резнак. — Чтобы отпраздновать вашу свадьбу, было бы наиболее подобающе, если бы вы позволили открыть бойцовские ямы еще раз. Это будет ваш свадебный подарок Хиздару и любящему вас народу, знак того, что вы приняли

древние обычаи и образ жизни Миэрина.

— И что самое приятное, богов тоже, — добавила Зеленая Грация своим мягким и ласковым голосом.

Мое приданое — чужая кровь.
Дени устала сражаться в этой битве. Даже сир Барристан не думал, что ей удастся победить.

"Ни один правитель не в силах сделать людей хорошими, — говорил ей Селми. — Бейелор Благословенный молился, постился и построил Семерым самый роскошный храм, какой только могут пожелать боги, но не сумел положить конец войне и нищете".

Королева должна слушать свой

народ, напомнила себе Дени.

— После свадьбы Хиздар станет королем. Пусть он открывает бойцовые ямы, если пожелает. Я не хочу иметь к этому отношения.

Пусть кровь будет на его руках, не на моих. Она встала.

— Если мой муж желает, чтобы я омыла ему ноги, пусть сначала омоет мои. Я скажу ему об этом вечером. — Дени стало интересно, как ее суженый воспримет это.

Ей не стоило беспокоиться. Хиздар за Лорак прибыл через час после захода солнца. Его собственный токар был бордовым, с золотистой полосой и бахромой из золотых бусин. Наливая ему вино,

Дени рассказала о своей встрече с Резнаком и Зеленой Грацией.

— Эти ритуалы бессмысленны, — заявил Хиздар, — всего лишь одна из вещей, на которые мы не должны обращать внимания. Миэрин слишком долго был погружен в глупые старые традиции, — он поцеловал ее руку и продолжил. — Дейенерис, моя королева, я с радостью омою вас с головы до пят, если должен это сделать, чтобы стать вашим королем и супругом.

— Чтобы стать моим королем и супругом, тебе нужно всего лишь обеспечить мир. Скахаз сообщил мне, что у тебя есть свежие новости.

— Есть, — Хиздар скрестил длинные ноги. Он выглядел весьма довольным собой. — Юнкай даст нам мир, но у него есть цена. Разрушение рынка работоторговли причинило огромные убытки всему цивилизованному миру. Юнкай и его союзники потребуют от нас их возмещения золотом и драгоценными камнями.

Золото и драгоценности — это легко.

— Что еще?

— Юнкайцы восстановят рабство, как прежде. Астапор будет возрожден как город рабов. Вы не будете вмешиваться.

— Юнкайцы восстановили у

себя рабство, не успела я отойти от их города и на пару лиг. Разве я повернула обратно? Король Клеон умолял меня примкнуть к нему в войне против них, но я осталась глуха к его просьбам. Я не хочу воевать с Юнкаем. Сколько еще раз я должна это повторить? Каких еще обещаний они требуют?

— Ах, есть одна загвоздка, моя королева. Печально об этом говорить, но у Юнкая нет веры в ваши обещания. Они продолжают петь старую песню о некоем посланнике, которого ваши драконы опалили своим огнем.

— Обгорел только его токар, — с насмешкой сказала Дени.

— Как бы то ни было, они вам не верят. И люди из Нового Гиса тоже. Слова — это ветер, вы сами часто так говорите. Никакие ваши слова не обеспечат Миэрину мир. Вашим противникам нужны дела. Они хотели бы видеть нас супругами, а меня — коронованным правителем, сидящим на троне рядом с вами.

Дени снова наполнила вином его чашу, ничего так не желая, как вылить весь кувшин ему на голову и смыть с лица его самодовольную ухмылку.

— Брак или бойня. Свадьба или война. Это и есть мой выбор?

— Я вижу только один выбор, Ваше Сиятельство. Давайте

произнесем наши обеты перед богами Гиса и создадим новый Миэрин вместе.

Королева обдумывала свой ответ, когда услышала шаги за спиной. *Принесли еду*, подумала она. Ее повара обещали подать любимое блюдо Хиздара, собаку в меду, фаршированную черносливом и перцами. Но, обернувшись, она увидела сира Барристана, принявшего ванну и облаченного в белое, с длинным мечом на боку.

— Ваше Величество, — сказал он, поклонившись, — простите, что беспокою вас, но я подумал, что вы захотите это узнать. Вороны-Буревестники вернулись в город с

известиями о неприятеле. Люди Юнкая направляются к Миэрину, как мы и опасались.

Досада промелькнула на благородном лице Хиздара зо Лорака:

— Королева ужинает. Наемники могут подождать.

Сир Барристан не обратил на него внимания:

— Я просил лорда Даарио дать отчет мне, как приказали Ваше Величество. Он рассмеялся и сказал, что напишет его собственной кровью, если Ваше Величество пришлет к нему свою маленькую переписчицу научить его писать буквы.

— Кровью? — ужаснулась Дени. — Это шутка? Нет. Нет, не говорите мне, я должна увидеть его сама. — Она была одинокой юной девушкой, а юные девушки могут и передумать. — Сзовите моих капитанов и командующих. Хиздар, я знаю, ты простишь меня.

— Миэрин важнее всего, — Хиздар сердечно улыбнулся. — У нас будут другие ночи. Тысяча ночей.

— Сир Барристан проводит тебя. Выставив его, Дени позвала служанок. Она не станет приветствовать своего капитана в токаре. В конце концов, она примерила дюжину нарядов, прежде чем найти тот, что ей понравился, но

от короны, предложенной Чхику, отказалась.

Когда Даарио Нахарис преклонил перед ней колени, сердце Дени на мгновение замерло. Его волосы слиплись от засохшей крови, а на виске краснел глубокий кровоточащий порез. Правый рукав был испачкан кровью почти до самого локтя.

— Ты ранен, — ахнула она.

— Это? — Даарио дотронулся до виска. — Арбалетчик пытался пустить стрелу мне в глаз, но я увернулся. Я торопился домой к моей королеве, чтобы согреться теплом ее улыбки, — он потрянул рукавом, забрызганным красными каплями. —

Это не моя кровь. Один из наших сержантов утверждал, что мы должны перейти на сторону юнкайцев, так что я взял его за горло и вырвал ему сердце. Я собирался принести свой трофей сюда, как подарок для моей серебряной королевы, но четверо Котов отрезали меня от остальных и погнались следом, рыча и шипя. Один из них почти поймал меня, так что я бросил сердце ему в лицо.

— Весьма галантно, — сказал сир Барристан тоном, подразумевающим обратное, — но есть ли у тебя известия для Ее Величества?

— Тяжелые вести, сир Дедушка.

Астапор пал, и силы работорговцев направляются на север в большом количестве.

— Эти новости старые и протухшие, — прорычал Бритоголовый.

— Твоя мать говорила то же самое о поцелуях твоего отца, — ответил Даарио. — Милая королева, я бы был здесь гораздо раньше, но холмы кишат юнкайскими наемниками. Четыре вольных отряда. Вашим Воронам-Буревестникам пришлось прорубать себе дорогу сквозь их ряды. Есть еще кое-что похуже. Войско юнкайцев идет по прибрежной дороге, объединившись с четырьмя легионами из Нового

Гиса. У них сотня слонов в доспехах и с башнями на спинах. А так же толошийские пращники и квартийские верблюжьи отряды. Еще два гискарских легиона плывут к Астапору. Если наши пленные говорят правду, они высадутся за Скахазадханом, чтобы отрезать нас от Дотракийского моря.

Пока он вел свой рассказ, капли ярко-красной крови время от времени падали на мраморный пол, заставляя Дени вздрагивать.

— Сколько людей было убито? — спросила она, когда он закончил.

— Наших? Я не задержался, чтобы посчитать. Но мы приобрели

больше, чем потеряли.

— Много перебежчиков?

— Много храбрых мужчин присоединилось к вашему благородному делу. Моей королеве они понравятся. Один воин с боевым топором с Островов Василиска, зверь, больше Бельваса. Вы должны увидеть его. Несколько вестеросцев, десятка два или больше. Дезертиры из Гонимых Ветром, недовольные юнкайцами. Из них выйдут отличные Вороны-Буревестники.

— Как скажешь, — Дени не хотелось придирааться. Возможно, Миэрину скоро понадобится каждый меч.

Сир Барристан, нахмурившись,

посмотрел на Даарио:

— Капитан, вы упомянули о четырех вольных отрядах. Мы знаем лишь о трех. Гонимых Ветром, Длинных Копьях и Братстве Кота.

— Сир Дедушка умеет считать. Младшие Сыновья примкнули к юнкайцам, — Даарио повернул голову и сплюнул. — Это для Бурого Бена Пламма. Увидев его уродливое лицо в следующий раз, я раскрою его от горла до чресел и вырву его черное сердце.

Дени попыталась что-нибудь сказать, но не нашла слов. Она вспомнила лицо Бена, когда видела его в последний раз. *Это было приятное лицо, лицо человека,*

которому я доверяла. Темная кожа и белые волосы, сломанный нос, морщины в уголках глаз. Даже драконам нравился старый Бурый Бен, который любил похвастаться, что и в нем есть капля драконьей крови. Три измены должна ты испытать. Одну из-за крови, одну из-за золота и одну из-за любви. Был ли Пламм третьей изменой или второй? И какой тогда изменой был сир Джорах, ее грубый старый медведь? Неужели у нее никогда не будет друга, которому она сможет доверять? Какая польза от пророчества, если ты не понимаешь, что оно значит? Если я выйду замуж за Хиздара до того, как взойдет

солнце, растают ли все эти армии, будто утренняя роса, и смогу ли я править в мире и спокойствии?

От слов Даарио поднялся гвалт. Резнак причитал, Бритоголовый что-то мрачно бормотал, кровные всадники клялись отомстить. Силач Бельвас ударил себя по покрытому шрамами животу и поклялся съесть сердце Бурого Бена со сливами и луком.

— Пожалуйста, — попросила Дени, но, казалось, лишь Миссандея услышала ее. Королева встала. — *Замолчите!* Я услышала достаточно.

— Ваше Величество, — сир Барристан встал на одно колено. — Приказывайте нам. Что мы должны

сделать?

— Продолжайте то, что мы планировали. Соберите еды столько, сколько сможете. — *Если я оглянусь, я пропала.* — Мы должны закрыть ворота и поставить на стены всех мужчин, способных сражаться. Никто не должен входить, никто не должен выходить.

На мгновение в зале воцарилась тишина. Мужчины переглянулись. Затем Резнак спросил:

— А что с астапорцами?

Ей хотелось вопить, скрежетать зубами, рвать на себе одежду и биться об пол. Вместо этого она сказала:

— Закройте ворота. Мне нужно

повторить трижды?

Они были ее детьми, но она не могла помочь им сейчас.

— Вы можете идти. Даарио, останься. Эту рану нужно промыть, и у меня еще остались к тебе вопросы.

Остальные поклонились и ушли. Дени повела Даарио Нахариса наверх в свою спальню, где Ирри промыла порез уксусом, а Чхику забинтовала его белым льном. Когда с этим было покончено, она отослала и служанок.

— Твоя одежда испачкана кровью, — сказала она Даарио. — Сними ее.

— Только если ты сделаешь то же самое. — Он поцеловал ее.

Его волосы пахли кровью,

дымом и лошадьми, а рот был твердым и горячим. Дени затрепетала в его руках. Когда их губы разъединились, она сказала:

— Я думала, ты будешь тем, кто предаст меня. Одна измена из-за крови, одна из-за золота и одна из-за любви — так предсказали колдуны. Я думала... я никогда не думала, что это Бурый Бен. Казалось, даже мои драконы доверяют ему, — она схватила своего капитана за плечи. — Обещай мне, что никогда не обратишься против меня. Я не вынесу этого. Обещай мне.

— Никогда, любовь моя.

Она поверила ему:

— Я поклялась, что выйду

замуж за Хиздара зо Лорака, если он подарит мне девяносто дней мира, но сейчас... Я хотела тебя с тех пор, как впервые увидела, но ты наемник, непостоянный и ненадежный. Ты хвастался, что был с сотней женщин.

— С сотней? — Даарио тихо засмеялся в пурпурную бороду. — Я лгал, милая королева. С тысячью. Но ни одна из них не была драконом.

Она приблизила губы к его губам.

— Так чего же ты ждешь?

38. ПРИНЦ ВИНТЕРФЕЛЛА

Холодный камин был покрыт черной спекшейся золой, и лишь горящие свечи едва согревали комнату. Их пламя начинало дрожать каждый раз, как открывалась дверь. Невеста тоже дрожала. Ее обрядили в белое, расшитое кружевами и речным жемчугом платье из тонкой шерсти. На ногах были белые мягкие туфли из замши — красивые, но холодные. Ее лицо казалось бледным и безжизненным.

Лицо, вырезанное из льда,
подумал Теон Грейджой, накидывая

меховой плащ ей на плечи. *Мертвец, погребенный под снегом.*

— Миледи. Пора.

За дверью звучала музыка — играли лютни, трубы и барабаны.

Невеста подняла глаза, карие глаза, блестящие в тусклом свете свечей.

— Я буду ему хорошей женой, о-очень. Я... Я во всем буду ему угождать, рожу ему сыновей. Арья никогда бы не смогла стать такой хорошей женой, как я. Он еще увидит.

За подобные разговоры тебя могут убить, или того хуже. Он хорошо усвоил этот урок, пока был Вонючкой.

— Вы — настоящая Арья, миледи. Арья из дома Старков, дочь лорда Эддарда, наследница Винтерфелла.

Имя, ей надо выучить свое *имя*.

— Арья Что-Под-Ногами. Ваша сестра называла вас Арья-лошадка.

— Это я придумала ей такое прозвище. У нее и вправду длинное лицо, как у лошади. А у меня — нет. Я была хорошенькой. — Слезы полились у нее из глаз. — Я никогда не считалась такой красавицей, как Санса, но все всегда говорили, что я хорошенькая. А что говорит лорд Рамси? Я ему нравлюсь?

— Да, — солгал он ей. — Он так сказал.

— Но он знает, кто я. Кто я на самом деле. Когда он смотрит на меня, я это вижу. Даже когда он улыбается, он выглядит таким злым. Но в этом нет моей вины. Я слышала, что ему нравится издеваться над людьми.

— Миледи не стоит слушать эту... ложь.

— Говорят, он пытал вас... ваши руки и...

У него пересохло во рту.

— Я... Я заслужил это. Я рассердил его. Вы не должны его сердить. Лорд Рамси — милый, душевный человек. Будьте покладистой, и он будет добр к вам. Постарайтесь быть хорошей женой.

— Помоги мне, — она вцепилась в него. — Пожалуйста. Я не раз видела, как ты упражнялся с мечами во дворе. Ты был такой красивый. — Она сжала его руку. — Если мы убежим, я стану тебе женой... шлюхой... кем захочешь. Ты мог бы стать мне мужем, моим мужчиной.

Теон отдернул от нее руку.

— Я не... Никакой я не мужчина. — *Мужчина бы ей помог.* — Просто... просто будь Арьей, будь ему женой. Угождай ему во всем или... Просто угождай и прекрати эти разговоры, будто бы ты не Арья. — *Джсейни, Джсейни — боль и мученье.* Музыка звала их все

настойчивее.

— Пора. Вытри слёзы.

Карие глаза. А должны быть серые. Кто-нибудь заметит, кто-нибудь вспомнит.

— Вот так лучше. А теперь улыбайся.

Девушка сделала над собой усилие. Дрожащие губы сложились в застывшую улыбку, обнажившую зубы. *Красивые белые зубы, подумал он, но стоит ей его разозлить, и они уже не будут такими красивыми.* Когда дверь открылась, три из четырех свечей погасли. Он повел невесту сквозь туман, за которым ждали приглашенные на свадьбу гости.

"Почему я?" — спросил Теон, когда леди Дастин сообщила, что ему придется выдавать невесту замуж.

"Отец у неё умер, братья — тоже. Мать погибла в Близнецах. Её дядья либо пропали, либо мертвы, либо в плену".

"У неё есть еще один брат". — *У нее еще три брата*, мог бы сказать он. — "Джон Сноу служит в Ночном Дозоре".

"Брат лишь наполовину, незаконнорожденный, к тому же связанный клятвой со Стеной. Ты же был воспитанником её отца, самый близкий ей человек из тех, кто остался в живых. Будет вполне уместно, если именно ты будешь

выдавать её замуж".

Самый близкий ей человек из оставшихся в живых. Теон Грейджой вырос вместе с Арьей Старк. Теон распознал бы самозванку. Если он у всех на глазах признает в подставной девчонке Болтонов Арию, то у северных лордов, собравшихся засвидетельствовать брак, не будет причин ставить под сомнение законность ее прав. Стауту, Слейту, Амберу Смерть Шлюхам, вздорным Рисвеллам, людям Хорнвуда, кузенам Сервина, жирному лорду Виману Мандерли... никому из них не довелось знать дочь Неда Старка так близко, как ему. А даже если кто и

засомневается, то, безусловно, у него хватит ума держать эти опасные мысли при себе. *Я нужен им, чтобы скрыть этот обман, чтобы моим именем покрывать их ложь.* Вот отчего Русе Болтон одел его как лорда — чтобы он мог сыграть в этом шутовском фарсе отведенную ему роль. А едва лже-Арья окажется замужем и на брачном ложе — в Теоне Перевертыше больше не будет нужды.

"Послужишь нам в этом деле, и, после победы над Станнисом, поговорим, как вернуть тебе трон отца", — сказал его светлость мягким голосом. Голосом, созданным для лжи и интриг. Теон не

поверил ни единому слову. Придется станцевать этот танец, потому что выбора нет. Но после... *После он отдаст меня Рамси*, подумал он, *Рамси отрежет мне еще какие-нибудь пальцы и опять превратит в Вонючку*. Если только богам не будет угодно, чтобы Станнис Баратеон взял Винтерфелл и предал всех мечу, включая и его самого. Лучшее из того, на что он смел надеяться.

Как ни странно, в богороще было теплее. За её пределами мороз сковал Винтерфелл жесткой ледяной коркой. Дорожки покрылись обманчиво-черной наледью. В лунном свете сверкал иней, покрывавший разбитые панели

Стеклянного Сада. Каждый уголок и закоулок был замечен грязным снегом, целые кучи которого лежали вдоль стен. Некоторые из них оказались настолько высоки, что скрывали двери. Под снегом лежал серый пепел и зола. Повсюду валялись почерневшие балки или кости с остатками кожи и волос. Сосульки длиной с копье окаймляли зубчатые стены и башни, словно жесткие белые усы старика. Но в богороще земля еще не замерзла, и от горячих водоемов поднимался пар, теплый, как дыхание младенца.

Невесту облачили в белое с серым — такие цвета носила бы Арья, доживи она до свадьбы. Теон

надел черное с золотом; плащ крепился на плече грубым железным кракеном, который для него выковал кузнец в Городе-на-Кургане. Однако волосы под капюшоном были седые и редкие, а кожа выглядела серой, как у древнего старца. *Наконец-то Старк*, подумал он. Рука об руку с невестой они прошли под каменным сводом, вокруг их ног стелился туман. Звук барабанной дробы дрожал, словно сердце девицы, трубы звучали высоко и нежно, будто манили за собой. Над верхушками деревьев плыл едва различимый в тумане полумесяц, похожий на глаз, глядящий сквозь шелковую вуаль.

Теон Грейджой не раз бывал в

этой богороще. Еще мальчиком он играл здесь, прыгал по камням через холодный чёрный омут под чардревом, прятал свои сокровища в стволе древнего дуба, охотился на белок, вооружившись самодельным луком. Став старше, залечивал свои синяки в горячих источниках после многочисленных тренировок во дворе с Роббом, Джори и Джоном Сноу. Среди этих каштанов, вязов и высоких сосен он находил укромные уголки, где мог спрятаться, если ему хотелось побыть одному. Именно здесь он впервые поцеловал девушку. Позднее, другая девушка сделала его мужчиной на истрепанном одеяле в тени этих высоких серо-зеленых

страж-деревьев.

Однако никогда прежде ему не доводилось видеть богорощу такой — серой и призрачной, наполненной теплым туманом, блуждающими огоньками и щепчущими голосами, которые, казалось, звучали и отовсюду, и ниоткуда. От горячих источников шел пар. Теплый воздух струился от земли, укутывая влажным дыханием деревья, поднимаясь по стенам и скрывая бойницы серой завесой.

Через богорощу вилась дорожка, вернее, ее подобие: петляющая тропка из расколотых камней, поросшая мхом и наполовину занесенная грязью, опавшими

листьями и коварно торчащими из земли толстыми темными корнями. По ней он и вел невесту. *Джейни, Джейни — боль и мученье.* Однако ему нельзя так думать. Соскользни это имя с его губ, и он в миг лишится пальца или уха. Теон ступал очень осторожно: из-за отсутствующих пальцев на ногах он начинал прихрамывать, если торопился. А спотыкаться ему сейчас не стоило. Испортишь свадьбу лорда Рамси неверным шагом, и лорд Рамси может исправить подобную неуклюжесть, содрав кожу с провинившейся ноги.

Вокруг сгустился такой плотный туман, что видны были лишь

ближайшие деревья. За ними маячили высокие тени, и тускло блестели огни. Вдоль петляющей между деревьями тропинки мерцали зажженные свечи, словно светлячки, плавающие в теплом сером супе. Казалось, будто это был чуждый иной мир, место вне времени и пространства, где скорбно блуждают проклятые, пока не найдут путь к той преисподней, которую заслужили своими грехами. *Выходит, мы все мертвы? Станнис пришел и убил нас во сне? Битва еще только предстоит, или она уже состоялась и была проиграна?*

Тут и там жадно пылали факелы, отбрасывая красные тени на лица

гостей. Приглушенный туманом свет искажал их черты, придавая им пугающий, нечеловеческий, почти звериный облик. Лорд Стаут напоминал мастифа, старый лорд Лок стал похож на грифа, Амбер Смерть Шлюхам — на горгулью, а Большой Уолдер Фрей — на красного быка, только кольца в носу не доставало. Лицо самого Русе Болтона превратилось в бледную серую маску с двумя осколками грязного льда вместо глаз.

На деревьях над их головами было полным-полно воронов, которые устроились на голых коричневых ветвях. Птицы, нахохлившись, распушили перья и

пристально наблюдали за церемонией внизу. *Вороны мастера Лювина.* Лювин умер, а его мастерскую башню предали огню, однако вороны уцелели. *Это их дом.* Теону хотелось бы узнать, каково это — иметь дом.

Затем туман рассеялся, словно занавес, открывающий взгляду шутовское представление. Перед ними появилось сердце-дерево, широко раскинувшее свои костлявые ветви. Опавшая листва лежала вокруг широкого белого ствола красно-бурыми волнами. Здесь собралось больше всего воронов, они тихо переговаривались друг с другом на тайном языке стаи. Под деревом

стоял Рамси Болтон, обутый в высокие сапоги из мягкой серой кожи, в черном бархатном дублете со вставками из розового шелка, вышитом сверкающими каплями граната. На его лице играла улыбка.

— Кто пришел? — его губы влажно блестели, шея над воротником покраснела. — Кто пришел предстать перед богом?

Теон ответил:

— Арья из дома Старков пришла сюда вступить в брак. Женщина, что повзрослела и расцвела, законнорожденная и благородных кровей. Она пришла просить благословения богов. Кто пришел потребовать себе эту женщину?

— Я, — откликнулся Рамси. — Рамси из дома Болтонов, лорд Хорнвуда, наследник Дредфорта. Я требую себе эту женщину. Кто отдаёт ее?

— Теон из дома Грейджоев, воспитанник ее отца. — Он повернулся к невесте. — Леди Арья, берете ли вы этого мужчину?

Она подняла глаза. *Карие глаза, не серые. Неужели они все ослепли?* Ее молчание затянулось на долгое мгновение, но глаза умоляли. *Это твой шанс, подумал он. Скажи им. Скажи им сейчас. Громко произнеси свое имя перед всеми, скажи им, что ты не Арья Старк, пусть весь Север услышит, как тебя заставили*

сыграть эту роль. Конечно, для нее это будет означать смерть, как и для него самого, но, возможно, разгневанный Рамси разделается с ними быстро, если старые боги Севера даруют им такую небольшую милость.

— Я беру этого мужчину, — сказала невеста шепотом.

Сквозь туман брезжили окружавшие их огни. Сотня свечей давала тусклый свет, словно скрытые пеленой звезды. Теон отступил назад. Рамси и его невеста взялись за руки и преклонили колена перед чардревом, склонив головы в знак повиновения. Красные глаза чардрева, вырезанные на стволе,

пристально глядели на них, большой красный рот, казалось, был готов растянуться в улыбке. В ветвях над их головами прокаркал ворон.

После короткой беззвучной молитвы мужчина и женщина снова встали. Рамси расстегнул плащ, который Теон накинул на плечи невесте незадолго до церемонии — тяжелый белый плащ из шерсти, окаймленный серым мехом, с лютоволком дома Старков. Вместо него он набросил на нее розовый плащ, расшитый красными гранатами, как и его собственный дублет. На спине красовался сшитый из жесткой красной кожи ободранный человек Дредфорта,

зловещий и ужасный.

На этом дело было сделано. Свадебные обряды на севере проходили быстро. Наверное, из-за отсутствия священников, предположил Теон. Но что бы ни являлось причиной, ему это показалось милосердным. Рамси Болтон сгреб свою жену в охапку и шагнул в туман. За ним последовали лорд Болтон с леди Уолдой и остальные. Музыканты снова принялись играть, а бард Абель запел "Два сердца бьются как одно". Две его женщины подхватили песню, и их голоса слились в нежной гармонии.

Теон задумался, не помолиться ли ему. *Если я сделаю это, услышат*

ли меня старые боги? Они не были его богами, никогда не были. Он — железнорожденный, сын Пайка, его бог — Утонувший Бог с островов... но Винтерфелл стоял за много лиг от моря. Прошла целая жизнь с тех пор, как какой-либо бог слышал от него слова молитвы. Он не знал, кто он или что он, и почему все еще жив, или зачем вообще рожден на свет.

— Теон, — раздался чей-то шепот.

Он резко повернул голову.

— Кто это сказал? — вокруг были видны только лишь деревья да туман, скрывавший их. Голос звучал слабо, как шелест листьев, и от него веяло холодом, словно ненавистью.

Голос богов или призраков. Сколько людей погибло в тот день, когда он взял Винтерфелл? И сколько еще — в день, когда он потерял его? В тот день, когда Теон Грейджой умер, чтобы вернуться к жизни Вонючкой. Вонючка, Вонючка, визжащая сучка.

Внезапно ему захотелось уйти отсюда.

Стоило выйти из богорощи, как холод накинулся на него голодным волком и вцепился зубами. Он опустил голову и пошел навстречу ветру, к Великому Чертогу, спеша за длинной процессией из свечей и факелов. Под ногами у него потрескивала наледь, а внезапные порывы ветра скидывали капюшон,

словно какой-то призрак хватал его ледяными пальцами, жаждавшая заглянуть ему в лицо.

Для Теона Грейджоя весь Винтерфелл был полон призраков.

Не этот замок он сохранил в памяти из летней поры своей юности. Это израненное и разрушенное место больше походило на руины, чем на крепость, став пристанищем для ворон и мертвецов. Большая двойная крепостная стена уцелела — гранит огнем не разрушить, но большинство башен и укреплений стояли без кровли. Некоторые строения обвалились. Огонь поглотил солому и балки, где-то полностью, где-то частично. Под

осколками панелей Стеклянного Сада виднелись почерневшие, замерзшие фрукты и овощи, которыми можно было бы кормить замок в течение всей зимы. Шатры, наполовину погребенные под снегом, заполнили двор. Русе Болтон разместил свое войско внутри крепостных стен, как и его друзья Фрей; тысячи людей теснились посреди руин, толпились в каждом закоулке, ночуя под сводами подвалов, в башнях без крыш, в постройках, прежде заброшенных веками.

Струйки серого дыма поднимались вверх от перестроенных кухонь и заново

покрытых кровлей крепостных казарм. Зубцы стен и башен венчали короны из снега и сосулек. Все цвета в Винтерфелле поблекли, остались лишь серый и белый. *Цвета Старков.* Теон сомневался, к добру ли это. Даже небо было серым. *Серое на сером, и еще серее. Весь мир окрасился в серое, куда ни глянь — все серое, но только не глаза невесты.* Глаза невесты были карими. *Большие, карие, полные страха.* Она ошибалась, пытаясь найти в нем спасение. Неужели она думала, что по его первому зову явится крылатый конь, и на нем Теон унесет ее прочь, словно герой сказок, которые она и Санса любили слушать

в детстве? Он и себе помочь не мог.
Вонючка, Вонючка, жалкая кучка.

По всему двору на пеньковых веревках висели замерзшие мертвецы, их распухшие лица были покрыты белым инеем. Когда авангард Болтона достиг Винтерфелла, замок кишел поселенцами, самовольно устроившими себе жилища посреди полуразрушенных строений и башен. Их согнали с насиженных гнездышек — набралось больше двух дюжин человек. Самых бесстрашных и отчаянных повесили, оставшихся привлекли к работе. "Служите хорошо, — пообещал им лорд Болтон, — и я буду милостив".

Недостатка в камнях и древесине строители не испытывали: до Волчьего леса рукой подать. Сперва возвели новые крепкие ворота, взамен тех, что сожгли. Затем разобрали обвалившуюся крышу Великого Чертога, и в спешке соорудили новую. Когда работа была завершена, лорд Болтон повесил рабочих. Верный своему слову, он проявил милосердие и не стал сдирать с них кожу.

К тому времени прибыла оставшаяся часть армии Болтона. Под завывания северного ветра они подняли над стенами Винтерфелла оленя и льва короля Томмена, а чуть ниже — ободранного человека

Дредфорта. Теон приехал в свадебном обозе Барбри Дастин вместе с ее светлостью собственной персоной, ополчением из Города-на-Кургане и будущей невестой. Леди Дастин настояла на том, что она сама будет опекать леди Арию вплоть до замужества, и теперь это время истекло. *Теперь она принадлежит Рамси. Она произнесла слова клятвы.* Этот брак сделал Рамси лордом Винтерфелла. У него не будет оснований причинять ей вред, пока Джейни не разозлит его. *Ария, ее зовут Ария.*

Даже в подбитых мехом перчатках руки Теона начали пульсировать от боли. Чаще именно

руки болели сильнее всего, особенно отсутствующие пальцы. Неужели действительно было время, когда женщины жаждали его прикосновений? *Я сам сделал себя принцем Винтерфелла*, подумал он, и с этого все началось. Он рассчитывал, что о нем будут слагать песни и сотню лет спустя рассказывать истории о его отваге. Но если кто-то и вспоминал о нем сейчас, то как о Теоне Перевертыше, если и рассказывали истории — то лишь о предательстве. *Никогда это место не было моим домом. Я жил здесь заложником.* Лорд Старк никогда не обращался с ним жестоко, но длинная тень его двуручного меча

всегда пролежала между ними. Он был добр ко мне, но никогда не любил. Он знал, что может прийти тот день, когда ему придется меня убить.

Теон не поднимал глаз, пока пересекал двор, лавируя между палатками. Я научился драться в этом дворе, думал он, вспоминая теплые летние дни, проведенные в состязаниях с Роббом и Джоном Сноу под присмотром старого сира Родрика. В то время, когда он еще был цел и невредим, когда мог сжимать рукоять меча не хуже любого другого. Но этот двор вызывал у него и мрачные воспоминания. Именно здесь он

собрал людей Старка в ночь, когда Бран и Рикон сбежали из замка. Тогда Вонючкой был Рамси. Стоя рядом с Теоном, он нашептывал ему, что нужно содрать кожу с нескольких пленников, чтобы заставить их рассказать, куда убежали мальчики.

"Не будет никаких сдираний кожи, пока я принц Винтерфелла", — ответил Теон, не предполагая, насколько коротким будет его правление. *Никто из них и не подумал помочь мне. Я знал их большую часть своей жизни, и никто из них мне не помог.* Тем не менее, он сделал все возможное, чтобы защитить их, но Рамси сбросил личину Вонючки и перебил

всех мужчин, включая
железнорожденных. *Он сжег моего
жеребца.* Это было последнее, что
Теон увидел в день, когда пал замок:
Улыбчивый с объятый пламенем
гривой и побелевшими от ужаса
глазами, кричащий и встающий на
дыбы. *Здесь, в этом самом дворе.*

Перед ним показались двери
Великого Чертога, новые, сделанные
взамен сгоревших. Они выглядели
грубо и уродливо — впопыхах
сколоченные необработанные доски.
Их охраняла пара копьеносцев с
бородами, покрытыми ледяной
коркой. Ратники съежились и
дрожали под толстыми меховыми
плащами. Они смерили его недобрым

перебирал струны лютни и пел “Непорочных дев лета”. *Он называет себя бардом. На самом деле, он скорее сводник.* Лорд Мандерли привез музыкантов из Белой Гавани, но ни один из них не пел. Поэтому, когда Абель появился у ворот с лютней и шестью женщинами, его приняли с радостью. “Две сестры, две дочери, одна жена и моя старая мать”, — заявил певец, хотя они не выглядели похожими. — “Кто-то танцует, кто-то поет, одна играет на трубе, а одна — на барабане. Ну и они неплохие прачки, кстати”.

Бардом он был или сводником, но пел и играл Абель весьма неплохо. Здесь, посреди развалин, лучшего

ожидать не приходилось.

Вдоль стен развесили знамена: лошадиные головы Рисвеллов в золотых, коричневых, серых и черных цветах; ревуший великан дома Амберов; каменная рука дома Флинтов из Кремневых Пальцев; лось Хорнвуда и водяной Мандерли; черный боевой топор Сервина и сосны Толхарта. Но яркие цвета полотнищ не могли скрыть ни почерневших стен, ни досок, которыми были забиты оконные проемы. Даже крыша выглядела иначе — из неструганных, еще светлых новеньких балок. Прежние стропила потемнели от оседавшей на них столетиями копоти.

Самые большие знамена находились за помостом: лютоволк Винтерфелла и ободранный человек Дредфорта висели за новобрачными. Вид знамени Старков задел Теона сильнее, чем он ожидал. *Все не так, не так, как и ее глаза.* Эмблемой для дома Пуль служил круглый голубой щит на белом поле, обрамленном серой каймой. Этот герб они должны были вывесить.

“Теон Перевертыш”, — кто-то сказал ему вслед. Другие мужчины, заметив его, отворачивались. Один из них сплюнул в его сторону. *Почему бы и нет?* Он был предателем, который обманом захватил Винтерфелл, убил своих названных

братьев, обрек собственных людей во Рву Кейлин на истязания и уложил названную сестру в постель лорда Рамси. Русе Болтону он, может, и пригодится, но настоящие северяне должны его презирать.

Из-за отсутствия пальцев на левой ноге он неуклюже ковылял, что со стороны выглядело довольно комично. Он услышал женский смех за спиной. Даже в этом промерзшем склепе, в который превратился замок, окруженный снегом, льдом и смертью, — даже здесь были женщины. *Прачки*. Так, соблюдая приличия, величали *лагерную* *обслужу*, под чем, в свою очередь, подразумевали *шлюх*.

Откуда они взялись, Теон не знал. Они будто возникали из ниоткуда, как личинки на трупе или вороны после сражения, и тянулись следом за каждой армией. Были среди них и закаленные шлюхи, которые могли перетрахаться с двадцатью мужчинами за ночь и пить с ними наравне. Другие выглядели невинными, словно юные девицы, но это была всего лишь уловка, к которой прибегали в их ремесле. Лагерными невестами называли тех, кто связал себя с солдатами клятвами, шепотом произнесенными разным богам. Как только война закончится, о них и не вспомнят. Эти женщины согревали мужчине

постель по ночам, чинили дырки в его ботинках по утрам, готовили ему ужин после захода солнца и обирали его труп после сражения. Некоторые даже иногда занимались стиркой. Порой подле них крутились маленькие бастарды, жалкие, чумазные существа, родившиеся в одном из лагерей. И даже такие, как они, смеялись над Теоном Перевертышем. *Пусть смеются.* Его гордость погибла здесь, в Винтерфелле; в подземельях Дредфорта не было места подобному чувству. Если тебе знаком поцелуй снимающего кожу ножа, то смех не в силах ранить по-настоящему.

По праву рождения его усадили

на помосте в конце стола около стены. Слева от него сидела леди Дастин, как всегда в черной шерстяной одежде, со строго убранными волосами и без украшений. Место справа пустовало. *Все они боятся, что на них падет тень моего позора.* Он рассмеялся бы, если бы осмелился.

Невесте отвели самое почетное место, между Рамси и его отцом. Она не подняла глаз, когда Русе Болтон предложил выпить за леди Арию.

— Два наших древних дома объединятся в ее детях, — сказал он, — и с длительной неприязнью между Старками и Болтонами будет покончено.

Его голос звучал так тихо, что гостям пришлось вслушиваться и шум в зале постепенно затих.

— Жаль, что наш добрый друг Станнис не смог присоединиться к нам, — продолжил он, вызвав вокруг смешки. — Насколько мне известно, Рамси надеялся преподнести его голову леди Арье в качестве свадебного подарка. — Смех стал громче. — Мы окажем ему роскошный прием, когда он прибудет. Прием, достойный истинного северянина. А пока давайте есть, пить и веселиться... ибо зима близко, друзья мои, и многие из присутствующих здесь не доживут до весны.

Лорд Белой Гавани привез еду и выпивку — черный стаут, светлое пиво, красные, золотистые и рубиновые вина, выдержанные в глубоких погребах и доставленные с теплых южных берегов на борту круглобоких кораблей. Гости набросились на рыбные пироги и запеченную тыкву, горы брюквы и огромные круги сыра, куски копченой баранины и зажаренные до темной корочки говяжьи ребрышки. В завершение подали три огромных свадебных пирога размером с колесо телеги, их слоеные края грозили лопнуть от обилия начинки из моркови, лука, репы, пастернака, грибов и пряной свинины в остром

темном соусе. Рамси нарезал пироги своим коротким мечом, а Виман Мандерли собственноручно раздавал еще дымящиеся порции, преподнеся первые Русе Болтону и его толстухе-жене из Фреев, а затем — сиру Хостину и сиру Эйенису, сыновьям лорда Фрея.

— Лучший пирог из всех, что вам доводилось пробовать в своей жизни, милорды, — гремел толстый лорд. — Запейте его борским золотым и насладитесь каждым кусочком. Я вот непременно так и сделаю.

Верный своему слову, Мандерли проглотил шесть кусков, по два от каждого из трех пирогов. Он

причмокивал губами, хлопал себя по животу и уплетал угощение за обе щеки, пока передняя часть его туники не потемнела от соуса, а борода не покрылась крошками. Даже Толстой Уолде Фрей было не угнаться за ним в прожорливости, хоть она сама управлялась с тремя кусками. Рамси тоже усердно налегал на еду, а вот его бледная невеста лишь глядела на тарелку, поставленную перед ней. Когда она подняла голову и взглянула на Теона, в ее больших карих глазах он увидел страх.

В зал не позволялось входить с мечами, но у каждого мужчины был кинжал, даже у Теона Грейджоя. Чем

же еще резать мясо? Каждый раз бросая взгляд на девушку, которую прежде звали Джейни Пуль, он ощущал холод стали на боку. *Я не могу спасти ее, подумал Теон, но убить ее было бы просто. Никто такого не ожидает. Я мог бы попросить ее подарить мне танец, и тогда перерезать ей горло. Я оказал бы ей услугу, разве нет? И если древние боги услышат мои молитвы, то Рамси в гневе прикончит и меня тоже.* Теон не боялся умереть. В подземельях Дредфорта он узнал, что существуют вещи гораздо хуже смерти. Рамси преподал ему этот урок, палец за пальцем, на руках и ногах, и забыть его уже не получится

никогда.

— Ты не ешь, — заметила леди Дастин.

— Нет. — Еда превращалась в пытку. Стараниями Рамси у него осталось так мало целых зубов, что жевать было настоящей мукой. Пить — немного легче, хотя ему приходилось придерживать кубок с вином двумя руками, чтобы не уронить.

— Не любишь пироги со свининой, *милорд*? Наш толстый друг заверяет, что это самые вкусные пироги, которые нам довелось пробовать в жизни, — она указала в сторону лорда Мандерли своим кубком. — Ты когда-нибудь видел

толстяка таким счастливым? Он того и гляди запляшет. Подает еду собственными руками.

И в самом деле. Лорд Белой Гавани был воплощением веселого толстяка: он смеялся и улыбался, шутил с другими лордами, хлопал их по спинам, заказывал музыкантам то одну, то другую мелодию.

— Сыграй нам "Ночь, что закончилась", певец, — ревел он. — Я уверен, невесте понравится. Или спой нам о храбром юном Денни Флинте и заставь нас рыдать. — Глядя на него, можно было подумать, что это он только что женился.

— Он пьян, — сказал Теон.

— Топит свои страхи. Он трус,

трус до мозга костей.

Трус ли? Теон не знал наверняка. Сыновья Вимана были такими же толстяками, но ни разу не посрамили себя в сражениях.

— Железнорожденные тоже пируют перед битвой. Последний глоток жизни, когда впереди маячит смерть. Если Станнис придет...

— Придет. Должен прийти, — усмехнулась леди Дастин. — А когда он явится, толстяк обмочит штаны. Его сын погиб на Красной Свадьбе, и все же он разделил хлеб и соль с Фреями, пригласил их под свою крышу и пообещал одному из них свою внучку. Он даже подает им пирог. Мандерли уже однажды

сбежали с юга, изгнанные из своих земель и крепостей врагами. Кровь не обманешь. Толстяку хотелось бы прикончить нас всех, не сомневаюсь, но у него кишка тонка, даже при таком пузе. Внутри этой взмокшей туши бьется сердце труса, которое трепещет от страха, как... как... твое.

Ее последние слова ударили его, словно плетью, но Теон не осмелился ответить тем же. Любая дерзость может стоить ему кожи.

— Если миледи полагает, что лорд Мандерли хочет предать нас, то надо сказать об этом лорду Болтону.

— Ты думаешь, Русе не знает? Глупый мальчишка. Посмотри на

него. Приглядись, как он наблюдает за Мандерли. Ни одно блюдо не касается губ Русе прежде, чем он увидит, как лорд Виман первым пробует его. Он не сделает и глотка из кубка, пока не убедится, что Мандерли пьет из того же кувшина. Я думаю, он был бы рад, попытайся толстяк предать нас. Его бы это позабавило. Знаешь, у Русе нет эмоций. Эти обожаемые им пиявки высосали из него все чувства уже много лет назад. Он не ведает ни любви, ни ненависти, ни скорби. Для него все это — просто игра, легкое развлечение. Кто-то загоняет добычу, кто-то охотится с ястребом, кто-то бросает кости. Русе играет с людьми.

Ты и я, эти Фрей и лорд Мандерли, пухлая новая жена и даже его бастард — мы всего лишь игрушки для него.

Мимо прошел слуга. Леди Дастин протянула свой кубок и велела наполнить его, затем жестом распорядилась сделать то же самое для Теона.

— Честно говоря, — сказала она, — лорд Болтон стремится к большему, чем просто быть лордом. Почему бы не стать Королем Севера? Тайвин Ланнистер мертв, Цареубийца искалечен, Бес сбежал. Ланнистеры уже не те, что прежде, а ты был так любезен, что избавил его от Старков. Старый Уолдер Фрей не будет возражать, если его толстая

малышка Уолда станет королевой. С Белой Гаванью могут возникнуть затруднения, если лорд Виман переживет надвигающееся сражение... но я совершенно уверена, что не переживет. И Станнис тоже. Русе избавится от них обоих так же, как он избавился от Молодого Волка. Кто еще остается?

— Вы, — ответил Теон. — Остаетесь вы. Леди Города-на-Кургане, Дастин по мужу, Рисвелл по рождению.

Эти слова пришлись ей по душе. Сверкнув темными глазами, она сделала глоток вина и произнесла:

— *Вдова* Города-на-Кургане... и да, если бы я захотела, я могла бы

причинить ему неудобства. Конечно, Русе тоже это понимает и старается задобрить меня.

Она собиралась сказать еще что-то, но увидела мастеров. Трое мужчин вошли через главную дверь за помостом — один высокий, один пухлый и один совсем юный, но в серых одеждах и с мастерскими цепями они казались похожими друг на друга, как три горошины из одного стручка. До войны Медрик служил лорду Хорнвуду, Родри — лорду Сервину, а молодой Хенли — лорду Слейту. Русе Болтон привез их в Винтерфелл, чтобы они занялись воронами Лювина и можно было вновь отправлять и получать

послания.

Когда мейстер Медрик встал на одно колено и зашептал на ухо Болтону, леди Дастин в отвращении скривила губы:

— Стань я королевой, то первое, что сделала бы — приказала убить всех этих серых крыс. Они повсюду снуют, подбирая объедки со столов лордов, стрекочут друг с другом, наушничают своим хозяевам. Но кто в действительности хозяин, а кто слуга? У каждого великого лорда есть мейстер, а лорды поменьше стремятся заполучить своего. Человек без мейстера считается мелкой сошкой. Эти серые крысы пишут и читают наши письма, даже

тем лордам, которые не знают грамоты. И кто может с уверенностью сказать, что они не искажают наши слова ради собственной выгоды? Что в них хорошего, я тебя спрашиваю?

— Они исцеляют, — ответил Теон.

Похоже, такого ответа она и ожидала.

— Да, исцеляют. Я и не говорила, что они глупы. Они ухаживают за нами, когда мы больны, ранены или убиты горем из-за страданий ребенка или родителя. Когда мы наиболее слабы и уязвимы — они тут как тут. Иногда им удастся нас вылечить, и тогда мы весьма

благодарны. Если им не удастся нам помочь, они утешают нас в печали, и за это мы их тоже благодарим. Из благодарности мы даем им кров, посвящаем в наши грехи и тайны, допускаем на все советы. И в скором времени правящий сам становится управляемым.

Именно так произошло с лордом Рикардом Старком. Его серую крысу звали мейстер Валис. Разве не ловко они придумали — называть себя только одним именем, даже те, у кого их было два, когда они впервые переступили порог Цитадели? Потому мы никогда не знаем, откуда они или кем являются на самом деле... но если хорошенько

покопаться, то кое-что все же можно разузнать. Прежде чем выковать себе цепь, мейстер Валис звался Валисом Флауэрсом. Флауэрсы, Хиллы, Риверсы, Сноу... эти имена дают бастардам, чтобы обозначить то, чем они являются, но они всегда быстро избавляются от них. Матерью Валиса Флауэrsa была девица из дома Хайтауэров... а отцом, по слухам, — архимейстер Цитадели. Эти серые крысы не так уж целомудренны, как пытаются нас убедить. А мейстеры из Староместа — хуже всех. Когда он выковал цепь, его тайный отец со своими дружками не теряли времени даром и отправили Валиса в Винтерфелл, нашептывать лорду

Рикарду ядовитые речи, сладкие как мед. Свадьба Талли была его идеей, в этом нет никаких сомнений, и он...

Она замолчала, увидев поднявшегося Русе Болтона. Его блеклые глаза блестели в свете факелов.

— Друзья мои, — начал он, и в зале воцарилась тишина, такая глубокая, что Теон слышал завывания ветра за заколоченными окнами. — Станнис и его рыцари выступили из Темнолесья, размахивая флагами своего нового красного бога. К нему примкнули кланы северных холмов на своих конях-недомерках. Если погода не изменится, они доберутся до нас за две недели. Амбер Воронье

Мясо идет вниз по Королевскому тракту, в то время как Карстарки подступают с востока. Они собираются соединиться здесь с лордом Станнисом и отбить у нас этот замок.

Сир Хостин Фрей вскочил на ноги:

— Мы сейчас же должны выступить навстречу ему. Зачем позволять им объединять силы?

Затем, что Арнольф Кастарк только и ждет знака от лорда Болтона, чтобы переметнуться, подумал Теон. Между тем, другие лорды начали выкрикивать свои советы и предложения. Лорд Болтон поднял руки, требуя тишины.

— Зал — не место для таких обсуждений, милорды. Давайте перейдем в верхние покои, а мой сын тем временем завершит брачный обряд. Остальные могут дальше наслаждаться едой и напитками.

Когда лорд Дредфорта удалился в сопровождении трех мейстеров, другие лорды и капитаны встали из-за стола и направились за ним. Хозер Амбер, сухопарый старик по прозвищу Смерть Шлюхам, вышел следом, мрачно нахмурившись. Лорд Мандерли был настолько пьян, что четверем сильным мужчинам пришлось поддерживать его по дороге из зала. Повиснув на своих рыцарях, он прошел мимо Теона

шатающейся походкой, невнятно бормоча:

— Нужно нам было спеть песню про Повара-крысу. Певец, а ну спой нам про Повара-крысу.

Леди Дастин поднялась одной из последних. Она ушла, и зал вдруг показался Теону душным. Он понял, насколько пьян, только когда с трудом встал на ноги. Вылезая из-за стола, он споткнулся и выбил кувшин с вином из рук прислуживавшей за столом девушки. Вино выплеснулось на его сапоги и штаны темно-красной волной.

Чья-то рука схватила его за плечо, пять стальных пальцев глубоко впились в плоть.

— Ты нужен, Вонючка, — сказал Кислый Алин, его дыхание разило гнилью от испорченных зубов. Рядом стояли Желтый Дик и Дэймон А-ну-ка-потанцуй. — Рамси говорит, что ты должен проводить его невесту в постель.

Его пронзил страх. *Я отыграл свою роль*, подумал он. *Почему я?* Но ему было хорошо известно, что лучше не возражать.

Лорд Рамси уже вышел из зала. Его невеста, несчастная и как будто всеми забытая, молча сидела, съежившись под знаменем дома Старков, сжимая обеими руками серебряный кубок. Судя по тому, как она посмотрела на подошедшего

Теона, девушка осушила уже не один. Может быть, она надеялась, что если будет достаточно пьяна, тяжелое испытание минует ее. Но Теон знал, что это напрасные надежды.

— Леди Арья, — обратился он к ней. — Идемте. Пришло время исполнить свой долг.

Шестеро Мальчиков Бастарда сопровождали их, пока Теон вел девушку через зал и холодный двор к Большому Замку. Им нужно было подняться на три пролета каменной лестницы, чтобы попасть в спальню лорда Рамси, одну из комнат, почти не тронутых пожаром. Пока они шли, Дэймон А-ну-ка-потанцуй насвистывал, а Скорняк хвастался,

что лорд Рамси пообещал ему кусочек окровавленной простыни в знак особого расположения.

Спальню тщательно подготовили для первой брачной ночи. Вся мебель была новой, привезенной из Города-на-Кургане багажным обозом. На кровати под складками балдахина из кроваво-красного бархата лежала пуховая перина. Каменный пол покрывали волчьи шкуры. В очаге горел огонь, а на прикроватном столике — свеча. На комоде была приготовлена бутылка с вином, два кубка и полкруга белого сыра с прожилками плесени.

Там же стояло кресло, вырезанное из черного дуба с

красным кожаным сиденьем. На нем восседал лорд Рамси. На губах его блестела слюна.

— А вот и моя сладенькая невеста. Хорошие мальчики... А теперь можете идти. Не ты, Вонючка. Ты останься.

Вонючка, Вонючка, визжащая сучка.

Он ощутил как свело судорогой отсутствующие пальцы: два на левой руке, один на правой. А на бедре покоился кинжал, спящий в своих кожаных ножнах, но каким же крепким был его сон. *На правой руке недостает только мизинца,* напомнил себе Теон. *Я еще могу держать нож.*

— Милорд, чем я могу служить вам?

— Ты отдал мне девчонку. Кому же еще разворачивать подарок, как не тебе? Давай взглянем на младшую дочь Неда Старка.

Она не родня лорду Эддарду, чуть не вырвалось у Теона. Рамси это знает, не может не знать. Что за новые жестокие игры? Девушка стояла у края кровати, дрожа, как олененок.

— Леди Арья, не могли бы вы повернуться спиной, мне надо расшнуровать ваше платье.

— Нет, — лорд Рамси налил себе кубок вина. — Со шнурками много возни. Просто разрежь его.

Теон достал кинжал. *Все, что мне нужно — просто повернуться и заколоть его. Нож уже в моей руке.* Но он выучил правила игры. *Новая ловушка,* сказал он себе, вспомнив Киру с ключами. *Он хочет, чтобы я попытался его убить. А когда ничего не выйдет, сдерет кожу с той руки, в которой я держу клинок.* Он схватил юбку невесты.

— Стойте и не шевелитесь, миледи. — Ее платье свободно висело ниже талии, и оттуда он начал осторожно, снизу вверх, разрезать кинжалом ткань, стараясь не задеть девушку. Лезвие с мягким звуком прошло сквозь шерсть и шелк.

Девушку трясло. Теону

пришлось сжать ее локоть, чтобы она стояла спокойно. *Джейни, Джейни, боль и мученье.* Он сдавил еще сильнее, насколько позволяла искалеченная левая рука:

— Не двигайтесь.

Наконец, платье упало к ее ногам блеклым комком.

— Нижнее белье тоже, — приказал Рамси, и Вонючка подчинился.

Когда он закончил, невеста стояла обнаженная, весь свадебный наряд лежал вокруг ее ног ворохом белых и серых тряпок. Грудь у нее были маленькими и острыми, бедра узкими и девическими, ноги тонкими, как у птички. *Ребенок.*

Теон забыл, насколько она юна. *Ровесница Сансы. Арья была бы еще младше.* Несмотря на разведенный в очаге огонь, в спальне веяло холодом. Бледная кожа Джейни покрылась мурашками. В какой-то момент девушка начала поднимать руки, будто хотела прикрыть грудь, но Теон беззвучно прошептал губами "нет", и она, заметив это, вовремя остановилась.

— Как она тебе, Вонючка? — спросил лорд Рамси.

— Она...

Какой ответ он хочет услышать? Что она сказала ему тогда, перед богорощей? "Все говорили, что я хорошенькая".

Сейчас хорошенькой она не была. Он увидел паутину бледных тонких линий на спине там, где кто-то высек ее.

— ...она прекрасна, так... так прекрасна.

Рамси улыбнулся своими влажными губами.

— У тебя на нее встает, Вонючка? В штанах не жмет? Хочешь трахнуть ее первым? — он засмеялся. — Принцу Винтерфелла полагалась бы такая привилегия, как и всем лордам в старину. Право первой ночи. Но ты-то не лорд, верно? Всего лишь Вонючка. Даже не мужик, по правде говоря. — Он сделал еще один глоток вина, затем

бросил кубок через всю комнату, разбив вдребезги о стену. По камню расплылись красные подтеки. — *Леди Арья*, ложись на кровать. Да, на подушки, вот хорошая жена. Теперь раздвинь ноги. Дай нам взглянуть на твою щель.

Девушка повиновалась, не проронив ни слова. Теон сделал шаг назад к двери. Лорд Рамси сел подле своей невесты и провел рукой по внутренней стороне её бедра, затем всунул два пальца внутрь нее. Джейни ахнула от боли.

— Ты сухая, как старая кость. — Рамси высвободил руку и ударил девушку по лицу. — Мне сказали, ты знаешь, как доставить удовольствие

мужчине. Мне солгали?

— Н-нет, милорд. Меня об-
бучали.

Рамси поднялся. Свет от камина
играл на его лице.

— Вонючка, поди сюда.
Подготовь ее для меня.

Он на мгновение растерялся.

— Я... вы имеете в виду...
м'лорд, у меня нет... я...

— Ртом, — сказал лорд
Рамси. — И пошустрей давай. Если
она не потечет, пока я раздеваюсь, я
вырежу тебе язык и прибью его к
стене.

Где-то в богороще громко
закаркал ворон. Кинжал все еще
оставался в руке.

Он вернул его в ножны.

Вонючка, Вонючка — покорная
сучка. Вонючка склонился и
приступил к делу.

39. СТРАЖ

— Давайте взглянем на эту голову, — приказал его принц.

Арео Хотак пробежался рукой по гладкому древку секиры, своей жены из ясеня и железа, не прекращая наблюдать. Он наблюдал за белым рыцарем, сиром Бейлоном Сванном, и теми, кто с ним пришел. Он наблюдал за Песчаными Змейками, сидевшими за разными столами. Он наблюдал за лордами и леди, за слугами, за старым слепым сенешалем и за юным мастером Майлсом с шелковой бородой и услужливой улыбкой. Стоя на

границе света и тени, он видел их всех. *Служить. Защищать. Повиноваться.* Такова его задача.

Все остальные смотрели только на ларец. Он был из черного дерева, с серебряными защелками и петлями. Несомненно, приятный на вид ящик, но многие из собравшихся здесь, в Старом дворце Солнечного Копья, могут вскоре умереть — в зависимости от того, что в этом ларце.

Мейстер Калеотт, шурша туфлями по полу, перешел через зал к сиру Бейлону Сванну. Круглый маленький человечек выглядел ослепительно в своих новых одеждах с широкими коричневыми лентами и

узкими красными полосками. Поклонившись, он принял ларец из рук белого рыцаря и понес к возвышению, где на кресле-каталке сидел Доран Мартелл между своей дочерью Арианной и Элларией, возлюбленной его покойного брата. В воздухе висел аромат сотни свечей. На пальцах лордов, поясах и сетках для волос леди сверкали драгоценные камни. Арео Хотах отполировал свою медную кольчугу до зеркального блеска, и она тоже сияла в свете свечей.

В зале воцарилась тишина. *Дорн затаил дыхание.* Мейстер Калеотт поставил ларец на пол перед креслом принца Дорана. Пальцы

мейстера, обычно уверенные и ловкие, стали неуклюжими, пока он возился с замком и откидывал крышку. Под ней оказался череп. Хотах услышал, как кто-то прочистил горло. Одна близняшка Фаулер шепнула что-то на ухо другой. Эллария Сэнд закрыла глаза и пробормотала слова молитвы.

Сир Бейлон Сванн напряжен, как натянутый лук, отметил капитан гвардии. Этот новый белый рыцарь не так высок и миловиден, как прежний, но крепче и шире в груди, а руки — сплошные мускулы. Белоснежный плащ застегнут у горла серебряной брошью с двумя лебедями: один из слоновой кости,

другой ониксовый. Арео Хотаху показалось, что они сражаются друг с другом. Их обладатель тоже выглядел бойцом. *Этот не умрет так легко, как предыдущий. Он не пойдет под мой топор, как сир Арис. Он будет стоять за щитом, чтобы я к нему шел.* Если до этого дойдет, Хотах будет начеку. Его секира остра, хоть брейся.

Он позволил себе мельком взглянуть на ларец. Череп покоился на черной фетровой подкладке и ухмылялся. Все черепа ухмыляются, но этот казался счастливей всех. И больше. Капитан гвардии никогда не видел черепа крупнее. Надбровный выступ был толстым и тяжелым, а

челюсть — массивной. Кость сияла при свете свечей, белая, как плащ сира Бейлона.

— Положите на пьедестал, — приказал принц.

В его глазах блеснули слезы.

Пьедесталом служила колонна из черного мрамора, на три фута выше мастера Калеотта. Толстый маленький мастер пытался дотянуться до нее, подпрыгивая на носочках, но ему это так и не удалось. Арео Хотак собрался было подойти и помочь, но Обара Сэнд шагнула первой. Даже без хлыста и щита она казалась суровой и мужеподобной. Вместо платья девушка носила мужские брюки и

длинную льняную тунику, затянутую на талии поясом из медных солнц. Темные волосы она завязала в узел на затылке. Обара вырвала череп из мягких розовых рук мастера и положила на мраморную колонну.

— Гора больше не поскачет, — мрачно сказал принц.

— Была ли его смерть долгой и тяжелой, сир Бейлон? — Тиена Сэнд задала вопрос тоном девушки, спрашивающей, красиво ли её платье.

— Он вопил несколько дней, — неохотно ответил белый рыцарь. — Его было слышно по всему Красному Замку.

— Вам неприятно говорить об

этом, сир? — спросила леди Ним. Она надела платье из жёлтого шёлка, столь прозрачное и тонкое, что оно просвечивало насквозь, не скрывая золотых нитей и драгоценностей. Наряд был таким нескромным, что белому рыцарю, казалось, неловко смотреть на нее. Но Хотах это одобрял. Нимерия наименее опасна, когда почти голая. Иначе она бы непременно припрятала на себе дюжину лезвий. — Сир Грегор был кровавым зверем, все это знают. Если кто и заслуживал страданий, то это он.

— Может, и так, миледи, — сказал Бейлон Сванн, — но сир Грегор был рыцарем, а рыцарю

пристало умирать с мечом в руке. Яд — нечестный и грязный способ убийства.

Леди Тиена улыбнулась. Её платье с длинными кружевными рукавами было кремовым с зелёным — такое скромное и невинное, что любой смотревший на неё мог бы подумать, что перед ним непорочнейшая из дев. Но Арео Хотак знал: эти мягкие слабые ручки столь же смертоносны, как мозолистые руки Обары, если не хуже. Он внимательно наблюдал за ней, бдительно следя за каждым движением её пальцев.

Принц Доран нахмурился:

— Всё так, сир Бейлон, но леди

Ним права. Если кто и заслуживал умереть с воплями, то это Грегор Клиган. Он надругался над моей доброй сестрой, разбил голову её ребёнка о стену. Я лишь молюсь, чтобы сейчас он горел в аду, а Элия и её дети пребывали в покое. Вот та справедливость, которой желал Дорн. Я рад, что дожил до этого момента. Наконец-то Ланнистеры доказали, что похваляются не напрасно, и заплатили свой старый кровавый долг.

Право подняться и провозгласить тост принц оставил своему слепому сенешалю Рикассо.

— Лорды и леди, теперь давайте все выпьем за Томмена, Первого

этого имени, Короля Андалов, Ройнаров и Первых Людей, Повелителя Семи Королевств.

При этих словах слуги засуетились между гостями, разнося кувшины и наполняя кубки. Вино было дорнийское крепкое, темное как кровь и сладкое как месть. Капитан его не пил. Он никогда не пил на пирах. Принц тоже не притронулся. У него было собственное вино, приготовленное мастером Майлсом и хорошо сдобренное маковым соком, чтобы облегчить мучительную боль в воспаленных суставах.

Белый рыцарь выпил, казалось, только из вежливости, как и его

спутники. Принцесса Арианна, леди Джордейн, лорд Божьей Милости, рыцарь Лимонной Рощи, леди Призрачного Холма — все они пригубили из своих кубков... даже Эллария Сэнд, возлюбленная принца Оберина, бывшая в Королевской Гавани при его смерти. Но Хотак уделял больше внимания тем, кто не пил: сир Дейемон Сэнд, лорд Тремонд Гаргален, двойняшки Фаулер, Дагос Менвуди, Улеры из Дьявольской рощи, Виллы из Костяного Пути. *Если и будут неприятности, то ждать их стоит от кого-нибудь из них.* Дорн рассержен и раздроблен, и власть принца Дорана не так тверда, как

могла бы быть. Многие из его лордов считали его слабым, и были бы рады открытой войне с Ланнистерами и королем-мальчишкой на Железном Троне.

Их вождями были Песчаные Змейки, незаконорожденные дочери Оберина Красного Змея, покойного брата принца. Три из них присутствовали на пиру. Доран Мартелл был мудрейшим из принцев, и не дело капитана стражи оспаривать его решения, но Арео Хотах все же задавался вопросом, зачем было выпускать леди Обару, Нимерию и Тиену из одиночных камер Башни-Копья.

Тиена отвергла тост Рикассо

шепотом, а леди Ним — взмахом руки. Обара позволила наполнить свой кубок до краев, а затем опрокинула его, вылив красное вино на пол. Пока служанка на коленях вытирала пролитое вино, Обара покинула зал. Чуть погодя принцесса Арианна извинилась и пошла за ней. *Обара никогда не обратит свой гнев на маленькую принцессу, подумал Хотах, они двоюродные сестры и очень любят друг друга.*

Пир затянулся до поздней ночи, возглавляемый скалящимся черепом на колонне из черного мрамора. Было семь перемен блюд в честь семи богов и семи братьев Королевской гвардии. Суп

приготовили из яиц и лимонов, длинные зеленые перцы нафаршировали сыром и луком. Подавали пироги с миногой, каплунов в меду, усатую рыбу из глубин Зеленокровки — такую большую, что потребовалось четверо слуг, чтобы донести ее до стола. После пришел черед жаркого из змеи с чабером: куски змей семи разных видов, сваренные на медленном огне с драконьим перцем, красными апельсинами и каплей яда для придания приятной остроты. Жаркое было огненно-острым, Хотах знал это, хотя и не попробовал ни кусочка. Затем последовал щербет, чтобы охладить язык. На сладкое каждому

гостю подали череп из сахарных нитей. Внутри, под корочкой, обнаружился сладкий заварной крем с кусочками сливы и вишни.

Принцесса Арианна вернулась как раз к фаршированным перцам. *Моя маленькая принцесса*, подумал Хотах, но Арианна уже стала взрослой женщиной. Ее одежда из пурпурного шелка не оставляла никаких сомнений на этот счет. В последнее время она изменилась и во многом другом. Ее план короновать Мирцеллу раскрыт и разгромлен, ее белый рыцарь принял страшную смерть от руки Хотаха, а она сама заключена в Копье, осужденная на одиночество и

тишину. Все это её усмирило. Было, конечно, еще что-то, какой-то секрет, который отец доверил ей, прежде чем выпустить из заточения. Какой именно, капитан не знал.

Принц усадил дочь между собой и белым рыцарем, на самом почетном месте. Заняв его, Арианна улыбнулась и прошептала что-то на ухо сиру Бейлону. Рыцарь предпочел не отвечать. Хотях отметил, что ел он мало: ложка супа, кусочек перца, ножка каплуна, немного рыбы. Он не прельстился пирогом с миногой и попробовал только маленькую ложечку жаркого. Даже от этого на его лбу выступил пот. Хотях мог лишь посочувствовать. Когда он сам

впервые приехал в Дорн, острая пища закручивала его внутренности в узлы и жгла язык. Впрочем, это было годы тому назад. Теперь его волосы поседели, и он мог есть все, что мог есть дорниец.

Когда подали сахарные черепа, сир Бейлон поджал губы и пристально посмотрел на принца, чтобы понять, не издеваются ли над ним. Доран Мартелл не обратил на это никакого внимания, в отличие от своей дочери.

— Это маленькая шутка от повара, сир Бейлон, — сказала Арианна. — Даже смерть не священна для дорнийца. Вы ведь не рассердитесь на нас? — она

дотронулась пальцами до руки белого рыцаря. — Надеюсь, вам понравилось в Дорне.

— Все были очень гостеприимны, миледи.

Арианна коснулась ссорящихся лебедей на залке его плаща.

— Я всегда любила лебедей. Самые красивые птицы по эту сторону Летних Островов.

— Ваши павлины могли бы с этим поспорить, — сказал Сир Бэйлон.

— Могли бы, — согласилась Арианна, — но павлины — тщеславные, гордые создания; ходят с напыщенным видом и окрашены в безвкусные цвета. Я предпочту

лебедя, безмятежного в белом или прекрасного в черном.

Сир Бейлон кивнул и пригубил вино. *Этого не так легко соблазнить, как его названного брата,* подумал Хотах. *Сир Арис оставался мальчишкой, несмотря на свои годы. Этот — мужчина, к тому же осторожный.* Капитан с первого взгляда понял, что белому рыцарю не по себе. *Это место непривычно для него и мало ему нравится.* Хотах понимал. И ему Дорн казался подозрительным, когда он впервые приехал сюда со своей принцессой много лет назад. Бородатые жрецы вдолбили в него общий язык Вестероса, прежде чем отослать, но

все дорнийцы говорили слишком быстро, чтобы он мог хоть что-нибудь понять. Дорнийские женщины были похотливыми, дорнийские вина — кислыми, дорнийская еда — полна необычных острых специй. А дорнийское солнце было жарче, чем бледное, тусклое солнце Норвоса, и сияло с голубого неба день за днем.

Капитан знал, что путешествие сира Бейлона было короче, но по-своему беспокойным. Три рыцаря, восемь оруженосцев, двадцать вооруженных всадников, а также конюхи и другие слуги сопровождали его от Королевской Гавани; но, как только они пересекли горы и

вступили в Дорн, движение замедлилось чередой пиров, охот и празднеств в каждом замке на их пути. А сейчас, когда они достигли Солнечного Копья, ни принцесса Мирцелла, ни сир Арис Окхарт не вышли их поприветствовать.

Белый рыцарь чувствует неладное, я уверен, но есть что-то еще.

Возможно, его расстроило присутствие Песчаных Змеек. Если так, возвращение Обары в зал было для него как укусная примочка на свежей ране. Она проскользнула обратно на свое место, не проронив ни слова, и сидела, хмуро бросая сердитые взгляды, не улыбаясь и не

разговаривая.

Приближалась полночь, когда принц Доран повернулся к белому рыцарю и спросил:

— Сир Бейлон, я прочел письмо, которое вы доставили мне от нашей милостивой королевы. Могу я предполагать, что вы знакомы с его содержанием, сир?

Хотая заметить, что рыцарь напрягся.

— Да, милорд. Ее Величество сообщила мне, что я призван сопровождать ее дочь обратно в Королевскую Гавань. Король Томмен тоскует по своей сестре и хотел бы, чтобы принцесса Мирцелла вернулась ко двору с коротким

ВИЗИТОМ.

Лицо принцессы Арианны погрузнело:

— Но мы все так привязались к Мирцелле, сир. Она и мой брат Тристан стали неразлучны.

— Принцу Тристану в Королевской Гавани тоже будут рады, — сказал Бейлон Сванн. — Я уверен, что король Томмен хотел бы с ним познакомиться. У Его Величества так мало товарищей его возраста.

— Привязанности, сформированные в отрочестве, могут остаться на всю жизнь, — сказал принц Доран. — Когда Тристан с Мирцеллой вступят в брак, он и

Томмен будут как братья. Королева Серсея права. Мальчики должны встретиться, стать друзьями. Конечно, Дорну будет не хватать Тристана, но ему давно пора узнать что-то о мире за стенами Солнечного Копья.

— Я знаю, что Королевская Гавань будет приветствовать его от всей души.

Почему он потеет? размышлял капитан, наблюдая за рыцарем. *В зале довольно прохладно, а к жаркому он едва притронулся.*

— Что касается другого вопроса, который поднимает королева Серсея, — продолжил принц Доран, — это правда, место Дорна в

Малом Совете вакантно со смерти моего брата, и давно пора заполнить его снова. Я польщен, что Ее Величество считает мои советы полезными для нее, однако сомневаюсь, хватит ли у меня сил на такое путешествие. Может быть, мы отправимся морем?

— На корабле? — сир Бейлон выглядел ошарашенным. — Это... разве безопасно, мой принц? Осень — сезон штормов, по крайней мере, я так слышал, и... пираты на Ступенях, они...

— Пираты. Конечно. Наверное, вы правы, сир. Безопаснее вернуться тем же путем, которым вы пришли. — Принц Доран любезно

улыбнулся. — Давайте побеседуем об этом завтра утром. Когда мы достигнем Водных Садов, то сможем поговорить с Мирцеллой. Я знаю, как она будет взволнована. Не сомневаюсь, она тоже скучает по брату.

— Я бы очень хотел снова её увидеть, — сказал сир Бейлон. — И посетить ваши Водные Сады. Я слышал, они прекрасны.

— Прекрасны и спокойны, — согласился принц. — Прохладные бризы, сверкающая вода и смех детей. Водные Сады — мое любимое место в этом мире, сир. Их построил один из моих предков, чтобы порадовать свою невесту Таргариен и

избавить ее от пыли и жары Солнечного Копья. Ее звали *Дейенерис*. Она была сестрой короля Дейерона Доброго, и ее брак сделал Дорн частью Семи Королевств. Все королевство знало, что девушка любила брата Дейерона — бастарда Дейемона Черное Пламя, и что он тоже её любил. Но король был достаточно мудр, чтобы понимать: благо тысяч должно быть важнее желаний двоих, даже если эти двое ему дороги. Это Дейенерис наполнила сады детским смехом. Сначала там плескались ее собственные дети, но потом туда привели сыновей и дочерей лордов и ленных рыцарей, чтобы составить

компанию мальчикам и девочкам королевской крови. И в один летний день, когда было обжигающе жарко, она сжалилась над детьми конюхов, поваров и слуг и предложила им тоже пользоваться озерами и фонтанами. Эта традиция сохранилась и по сей день. — Принц схватился за колеса кресла и вытолкнул себя из-за стола. — Но теперь извините меня, сир. Все эти разговоры меня утомили, и мы расстаемся до рассвета. Обара, будь так любезна, помоги мне добраться до кровати. Нимерия, Тиена, пойдете с нами, пожелаете вашему старому дяде спокойной ночи.

Обара Сэнд покатила кресло

принца из праздничного зала Солнечного Копья по длинной галерее в его верхние комнаты. Арео Хотак шел вместе с её сестрами, принцессой Арианной и Элларией Сэнд. Мейстер Калеотт спешил позади, шлепая туфлями и бережно, словно ребенка, прижимая к себе череп Горы.

— Вы правда хотите отправить Тристана и Мирцеллу в Королевскую Гавань? — спросила Обара, толкая кресло. Ее шаги были длинными, раздражёнными и слишком быстрыми — большие деревянные колеса громко стучали по каменном полу. — В таком случае, мы больше никогда не увидим девочку, а ваш сын

до конца жизни останется заложником Железного Трона.

— Ты принимаешь меня за дурака, Обара? — принц вздохнул. — Ты многого не знаешь. И лучше обсуждать это не здесь, где любой может услышать. Если придержишь язык, может быть, я просвещу тебя. — Он поморщился. — *Помедленнее*, ради твоей любви ко мне. Последний толчок был как удар ножа в колено.

Обара замедлила шаг:

— И что вы намерены делать?

Ответила ее сестра Тиена.

— Что всегда делает, — промурлыкала она. — Медлить, темнить, увиливать. О, в этом никто

не сравнится с нашим отважным дядей.

— Ты несправедлива к нему, — сказала принцесса Арианна.

— Помолчите, все вы, — приказал принц.

Он повернул кресло к женщинам только после того, как двери верхней комнаты благополучно закрылись за ними. Даже от этого усилия у него сбилось дыхание. Покрывавшее его мирийское одеяло застряло между спицами, и Дорану пришлось схватиться за него, чтобы оно не порвалось. Ноги под одеялом оказались бледными, рыхлыми, ужасными. Оба колена были красными и раздутыми, пальцы на

ногах — почти фиолетовыми и вдвое больше нормального размера. Арео Хотах видал их тысячу раз, но ему до сих пор было тяжело на это смотреть.

Принцесса Арианна вышла вперед:

— Давай я помогу тебе, отец.

Принц вытянул застрявшую ткань:

— Я все еще могу управиться со своим одеялом. Хотя бы с ним.

Немного. Ноги Дорана отказали стали бесполезными три года назад, но в руках и плечах сила еще оставалась.

— Принести ли моему принцу чашечку макового молока? —

спросил мейстер Калеотт.

— С такой болью мне понадобится ведро. Спасибо, нет. Я хочу сохранить остроту ума. Сегодня вечером вы больше не понадобятся.

— Очень хорошо, мой принц, — мейстер Калеотт поклонился, все еще сжимая в мягких розовых руках голову сира Грегора.

— Я это заберу, — Обара Сэнд выхватила у мейстера череп и вытянула руку. — Как выглядел Гора? Откуда нам знать, что это он? Они могли бы засмолить голову. Зачем обдирать до костей?

— Смола разрушила бы ларец, — предположила леди Ним, когда мейстер Калеотт удалился. —

Никто не видел, как Гора умер; и никто не видел, как ему отсекли голову. Признаюсь, это меня беспокоит. Но что от этого обмана могла бы получить королева-сука? Если Грегор Клиган жив, рано или поздно правда обнаружится. Этот человек был восьми футов росту, никого похожего нет во всем Вестеросе. Если такой же появится снова, Серсея Ланнистер выставит себя лгуньей перед всеми Семью Королевствами. Она должна быть полной дурой, чтобы так рисковать. Чего она могла бы этим добиться?

— Череп, несомненно, велик, — сказал принц, — и мы знаем, что Оберин тяжело ранил Грегора. По

всем донесениям, Клиган умирал медленно в жутких мучениях.

— Как отец и хотел, — заявила Тиена. — Право же, сестры, я знаю яд, которым воспользовался отец. Если его копьё хоть немного продырявило шкуру Горы, то Клиган — мертв, и мне все равно, какой он был огромный. Сомневайтесь в вашей сестренке, если вам так нравится, но никогда не сомневайтесь в нашем родителе.

Обара ошетинулась.

— Никогда не сомневалась и не буду, — она насмешливо поцеловала череп. — Это — начало, уверяю.

— *Начало?* — недоверчиво переспросила Эллария Сэнд. —

Храни нас Боги. По мне, так это — конец. Тайвин Ланнистер мертв. Как и Роберт Баратеон, Амори Лорх, а теперь и Грегор Клиган — все, кто приложили руку к убийству Элии и ее детей. Даже Джоффри, который еще не родился, когда Элия умерла. Я видела собственными глазами, как мальчик погиб, цепляясь за горло и пытаясь вдохнуть. Кого еще надо убить? Мирцелла и Томмен должны умереть, чтобы тени Рейенис и Эйегона успокоились? Где и когда это закончится?

— Это закончится кровью, так же, как и началось, — произнесла леди Ним. — Это закончится, когда Утес Кастерли развалится, и солнце

осветит личинок и червей в его внутренностях. Это закончится полным крахом Тайвина Ланнистера и всех его делишек.

— Он умер от руки собственного сына, — ответила Эллария. — Чего же еще вы хотите?

— Я бы хотела, чтобы он умер от *моей* руки, — леди Ним устроилась в кресле; ее длинная черная коса змеилась по плечу и ниспадала на колени. От отца ей достался "вдовый пик". Под ним блестели большие глаза, а винно-красные губы изогнулись во вкрадчивой улыбке. — Тогда его смерть не была бы такой легкой.

— Сир Грегор выглядит таким

одиноким, — сказала Тиена своим сладким голосом септы, — уверена, он хотел бы найти себе компанию.

Щеки Элларии были мокрыми от слез, ее темные глаза сверкали. *Даже когда она плачет, в ней есть сила,* подумал капитан.

— Оберин хотел отомстить за Элию. Теперь вы хотите отомстить за него. Я вам напомню, у меня четыре дочери. Ваши сестры. Моей Элии четырнадцать, почти женщина. Обелле двенадцать, её девичество вот-вот закончится. Они боготворят вас, так же, как Дореа и Лореза боготворят их самих. Если вы погибнете, должны ли Эл и Обелла мстить за вас, а потом Дореа и Лори

— за них? Должно ли всё вечно идти по кругу? Еще раз спрашиваю, *где это закончится?* — Эллария Сэнд положила руку на череп Горы. — Я видела, как умер ваш отец. Вот его убийца. Если я возьму этот череп в свою кровать, утешит ли он меня ночью? Заставит ли меня смеяться, напишет ли для меня песни, станет ли он обо мне заботиться, когда я состарюсь и заболею?

— Чего вы хотите от нас, миледи? — спросила леди Ним. — Должны ли мы отложить копья, начать улыбаться и забыть обо всем причиненном нам зле?

— Война начнется, хотим мы того или нет, — сказала Обара. —

Король-мальчишка сидит на Железном троне. Лорд Станнис удерживает Стену и собирает северян под свои знамена. Две королевы грызутся за Томмена, как суки за сочную косточку. Железные люди захватили Щиты и движутся вверх по Мандеру вглубь Простора, а значит, Хайгарден тоже погрязнет в проблемах. Наши враги в смятении. Время созрело.

— Для чего? Для нового урожая черепов? — Эллария Сэнд повернулась к принцу. — Они не понимают. Я больше не могу выслушивать это.

— Возвращайся к своим девочкам, Эллария, — сказал ей

принц, — клянусь, им ничего не грозит.

— Мой принц, — Эллария поцеловала его в лоб и покинула комнату.

Арео Хотах с грустью смотрел, как она уходит. *Добрая женщина.*

После её ухода леди Ним сказала:

— Я знаю, она любила нашего отца, но ясно, что никогда не понимала его.

Принц пытливо взглянул на нее:

— Она понимала больше, чем ты когда-либо будешь способна понять, Нимерия. И благодаря ей он был счастлив. В конце концов, нежное сердце порой значит больше,

чем гордость или доблесть. Как бы то ни было, есть вещи, которых Эллария не знает и не должна знать. Эта война уже началась.

Обара рассмеялась:

— Да, наша милая Арианна позаботилась об этом.

Принцесса покраснела, и Хотах увидел гримасу гнева на лице ее отца.

— В том, что она сделала, ты замешана не меньше. Я бы не торопился с насмешками.

— Это была похвала, — возразила Обара Сэнд. — Медлить, темнить, увиливать, лицемерить и тянуть время — вот все, что вам нравится, дядя. Сиру Бейлону еще

придется встретиться с Мирцеллой в Водных Садах, и он, пожалуй, заметит, что девочка лишилась уха. А когда она расскажет ему, как ваш капитан разрубил Ариса Окхарта от шеи до паха своей стальной женой...

— Нет.

Принцесса Арианна поднялась с подушки, на которой сидела, и положила руку на плечо Хотеха.

— Все было не так, кузина. Сир Арис был убит Герольдом Дейном.

Песчаные Змейки
переглянулись.

— Темной Звездой?

— Да, это сделал он, — сказала его маленькая принцесса, — он пытался убить и принцессу

Мирцеллу. Так она скажет сиру Бейлону.

Ним улыбнулась:

— Хотя бы отчасти правда.

— Это всё правда, — сказал принц, поморщившись от боли. *Его мучает подагра мучает или ложь?*

— Сир Герольд убежал обратно в Высокую Обитель и сейчас находится вне нашей досягаемости.

— Темная Звезда, — пробормотала со смешком Тиена.

— Почему бы и нет? Во всем виноват он. Но поверит ли в это сир Бейлон?

— Поверит, если услышит это от Мирцеллы, — настаивала Арианна.

Обара недоверчиво фыркнула:

— Она может солгать сегодня и солгать завтра, но рано или поздно расскажет правду. Если позволить сиру Бейлону донести вести до Королевской Гавани, загремят барабаны, и потечет кровь. Его нельзя отпускать.

— Мы, конечно, могли бы убить его, — сказала Тиена. — Но тогда нам нужно будет убить и всю свиту, даже тех милых молодых оруженосцев. Это было бы... *о, так неприятно.*

Принц Доран закрыл глаза и снова открыл их. Хотел видеть, как его нога дрожит под покрывалом.

— Не будь вы дочерьми моего брата, я бы отправил вас обратно в

темницу и держал там, пока ваши кости не посереют. Вместо этого я собираюсь взять вас с собой в Водные Сады. Там есть чему поучиться, если у вас хватит для этого ума.

— Учиться? — переспросила Обара. — Все, что я там видела, — это голые дети.

— Да, — ответил принц, — я рассказал эту историю сиру Бейлону, но не до конца. Пока дети плескались в бассейне, Дейенерис смотрела на них из-за апельсиновых деревьев и кое-что поняла. Она не могла отличить высокородных от простолюдинов. Обнаженные, все они становились просто детьми.

Одинаково невинными, незащищенными, заслуживающими долгой жизни, любви, опеки. "Это твое королевство, — сказала она своему сыну и наследнику, — помни их, что бы ты ни делал". Моя мать сказала мне то же самое, когда я стал достаточно взрослым и уже не плавал в бассейнах. Принцу очень легко созвать знамена, но в конце концов расплачиваться за это будут дети. Ради них мудрый принц не станет развязывать войну без веской причины, тем более такую, в которой нет надежды на победу.

Я не слеп и не глух. Я знаю, что все вы считаете меня слабым, испуганным, ничтожным. Ваш отец

знал меня лучше. Оберин всегда был змеем. Смертельным, опасным, непредсказуемым. На него никто не осмеливался наступать. Я был травой. Приятным, обходительным, сладко пахнущим, колеблющимся при малейшем ветерке. Кто боится ходить по траве? Но именно трава скрывает змея от врагов и укрывает его перед броском. Мы с вашим отцом работали гораздо более плотно, чем вы можете себе представить... но теперь его нет. Вопрос в том, могу ли я доверять его дочерям; будут ли они служить мне, заняв его место?

Хотая изучающе посмотрел на каждую из них по очереди. Обара —

ржавые гвозди и вареная кожа, сердитые, близко посаженные глаза и бурые, крысиного цвета, волосы. Нимерия — томная, изящная, с оливковой кожей, длинная черная коса переплетена красно-золотыми нитями. Тиена — голубоглазая блондинка, женщина-ребенок с нежными руками и легким смехом.

Тиена ответила за всех:

— Труднее всего ничего не делать, дядя. Дайте нам поручение, какое угодно, и вы увидите, что наши верность и послушание оправдают надежды любого принца.

— Это приятно слышать, — сказал принц, — но слова — ветер. Вы дочери моего брата, и я люблю

вас, но я уже знаю, что вам нельзя доверять. Мне нужна ваша клятва. Поклянетесь ли вы служить мне и повиноваться моим приказам?

— Если это необходимо, — сказала леди Ним.

— Тогда клянитесь сейчас, могилой своего отца.

Лицо Обары потемнело:

— Если бы вы не были моим дядей...

— *Я* твой дядя. И твой принц. Клянитесь или уходите.

— Я клянусь, — сказала Тиена, — могилой моего отца.

— Я клянусь, — сказала леди Ним, — именем Оберина Мартелла, Красного Змея Дорна, лучшего

человека, чем ты.

— Да, — сказала Обара, — и я тоже. Именем отца. Я клянусь.

Напряжение оставило принца. Хотах увидел, как он откинулся на спинку своего кресла. Он протянул руку, и принцесса Арианна сжала ее, встав рядом с ним.

— Скажи им, отец.

Принц Доран прерывисто вздохнул.

— У Дорна все еще есть друзья при дворе. Друзья, которые рассказывают нам о том, что мы не должны знать. Это приглашение, что послала Серсея — уловка. Никогда не предполагалось, что Тристан доберется до Королевской Гавани.

Где-нибудь на проселочной дороге в Королевском лесу на отряд сира Бейлона нападут разбойники, и мой сын умрет. Я приглашен ко двору лишь для того, чтобы собственными глазами увидеть это нападение и тем самым отвести от королевы любые подозрения. Да, и эти разбойники будут кричать "Полумуж, Полумуж" во время нападения. Сир Бейлон даже мельком увидит Беса, хотя никто другой не успеет.

Арео Хотак думал, что невозможно поразить Песчаных Змеек. Он ошибался.

— Семеро, спасите нас, — прошептала Тиена. — *Тристан?* За что?

— Эта женщина, должно быть, безумна, — сказала Обара. — Он совсем ребенок.

— Это чудовищно, — произнесла леди Ним. — Рыцарь Королевской гвардии, не могу в это поверить.

— Они поклялись подчиняться, так же, как мой капитан, — сказал принц. — У меня тоже были сомнения, но вы все сами видели, как заартачился сир Бейлон, когда я предложил, чтобы мы отправились морем. Корабль разрушит все планы королевы.

Лицо Обары вспыхнуло:

— Верни мне мое копье, дядя. Серсея прислала нам голову. Нам

следует отправить ей назад мешок голов.

Принц Доран поднял руку. Суставы его пальцев были темными как вишни, и почти такими же большими.

— Сир Бейлон — гость под моей крышей. Он ел мой хлеб с солью. Я не причиню ему вреда. Нет. Мы отправимся в Водные Сады, где он услышит рассказ Мирцеллы и пошлет ворона своей королеве. Девочка попросит его найти человека, который её ранил. Если рыцарь таков, как я думаю, он не сможет отказаться. Обара, ты покажешь ему путь в Высокую Обитель, где он сможет залезть в

логово Темной Звезды. Еще не время Дорну открыто бросать вызов Железному Трону, так что мы должны вернуть Мирцеллу ее матери, но я не стану сопровождать принцессу. Это будет твоей задачей, Нимерия. Ланнистерам это не понравится, как не понравилось, когда я послал к ним Оберина, но они не посмеют отказаться. Нам нужен голос в Совете и уши при дворе. Но будь осторожна. Королевская Гавань — это яма со змеями.

Леди Ним улыбнулась:

— Да ну, дядя, я люблю змей.

— А что делать мне? —

спросила Тиена.

— Твоей матерью была септа, и Оберин однажды сказал мне, что в колыбели она читала тебе "Семиконечную Звезду". Я хочу, чтобы и ты была в Королевской Гавани, но на другом холме. Мечи и Звезды воссозданы, а этот новый Великий Септон отнюдь не марионетка, какими были предыдущие. Попробуй сблизиться с ним.

— Почему бы и нет? Белое мне к лицу. В нем я выгляжу такой... непорочной.

— Хорошо, — сказал принц, — хорошо. — Он колебался. — Если... если произойдут определенные события, я извещу каждую из вас. В

игре престолов обстоятельства могут быстро меняться.

— Я знаю, вы не подведете нас, кузины, — Арианна подходила к каждой по очереди, брала за руки и легонько целовала в губы. — Обара, свирепая моя. Нимерия, сестричка. Тиена, милая. Я люблю вас всех. Пусть сияет над вами Солнце Дорна.

— *Непокоренное, несгибаемое, несломленное,* — одновременно произнесли Песчаные Змейки.

Принцесса Арианна задержалась, когда ее кузины ушли. Арео Хотах тоже остался, так как его место было здесь.

— Они дочери своего отца, — сказал принц.

Маленькая принцесса
улыбнулась:

— Трое Оберинов с сиськами.

Принц Доран засмеялся. Хотел так давно не слышал его смех, что почти забыл его звучание.

— Я до сих пор считаю, что именно я должна ехать в Королевскую Гавань, а не леди Ним, — сказала Арианна.

— Это слишком опасно. Ты — моя наследница, будущее Дорна. Твое место рядом со мной. Достаточно скоро у тебя будет другая задача.

— И последнее, о сообщении. Если ли новости?

Принц Доран загадочно ей улыбнулся:

— Из Лисса. Там спущен на воду большой флот. В основном волантийские корабли, и они везут войска. Ни слова о том, что за войска и куда они стремятся. Говорилось о слонах.

— Не драконах?

— Слонах. Хотя довольно легко спрятать молодого дракона в трюме большого когга. Дейенерис наиболее уязвима в море. На её месте я бы скрывал себя и свои намерения как можно дольше, чтобы застать Королевскую Гавань врасплох.

— Думаешь, Квентин будет с ними?

— Может быть. Или нет. Мы узнаем, когда они высадятся, если их

цель — действительно Вестерос. Квентин поведет её вверх по Зеленокровке, если сможет. Но ни к чему говорить об этом сейчас. Поцелуй меня. С первыми лучами солнца мы отправимся в Водные Сады.

Значит, выедем не раньше полудня, подумал Хотах.

Позднее, когда Арианна ушла, он отложил свою секиру и перенес принца Дорана в постель.

— Пока Гора не разбил череп моему брату, ни один дорниец не погиб в этой войне Пяти Королей, — тихо пробормотал принц, когда Хотах накрывал его одеялом. — Скажи мне, капитан, это мой позор

или моя слава?

— Не мне судить, мой принц.

Служить.

Защищать.

*Повиноваться. Простые клятвы для
простых людей. Вот все, что он знал.*

40. ДЖОН

Вель ждала у ворот в предрассветном холоде, завернутая в плащ из медвежьей шкуры, такой большой, что он пришелся бы впору Сэму. Около нее топтался пони, оседланный и навьюченный, косматый, серый и с бельмом на глазу. Малли и Скорбный Эдд стояли вместе с ней парочкой странноватых охранников. Их дыхание застывало в холодном ночном воздухе.

— Вы дали ей слепую лошадь? — недоверчиво спросил Джон.

— Она только наполовину

слепа, м'лорд, — ответил Малли. — И в остальном еще достаточно крепкая, — он потрепал пони по шее.

— Может быть, лошадка и наполовину слепа, но я нет, — сказала Вель. — Я знаю, куда мне нужно отправиться.

— Миледи, вам необязательно делать это. Риск...

— ... мой, лорд Сноу. Я не какая-то леди с юга, а женщина вольного народа. Я знаю лес лучше, чем все ваши укутанные в черные плащи разведчики. В нем для меня нет призраков.

Надеюсь, что нет. Джон рассчитывал на это, полагая, что

Вель могла бы преуспеть там, где Чёрный Джек Бульвер и его спутники потерпели неудачу. Он надеялся, что ей нет нужды опасаться вреда от вольного народа, но они оба слишком хорошо знали: одичалые — не единственные, кого можно встретить в лесах.

— Достаточно ли у вас еды?

— Галеты, твердый сыр, овсяные лепешки, соленая треска, соленая говядина, соленая баранина и мех сладкого вина, чтобы вымыть всю эту соль из моего рта. От голода я не умру.

— Тогда вам пора.

— Я дала вам слово, лорд Сноу. Я вернусь, с Тормундом или без

него. — Вель посмотрела на небо. Луна выросла почти до половины. — Ждите меня в первый день полной луны.

— Буду ждать.

Не подведи меня, подумал он, иначе Станнис заполучит мою голову. "Могу я взять с тебя слово, что ты будешь тщательно охранять нашу принцессу?" — спросил король, и Джон пообещал. Но Вель никакая не принцесса, я полсотни раз ему говорил. Это было слабой отговоркой, жалкими лохмотьями, обернутыми вокруг его израненного слова. Отец никогда бы такого не одобрил. Я меч, который охраняет царство людей, напомнил он себе, и,

в конце концов, это должно значить гораздо больше, чем честь одного человека.

Дорога под Стеной была темна и холодна, как брюхо ледяного дракона, и извилиста, как змея. Скорбный Эдд вел их по ней с факелом в руке. У Малли были ключи от трех дверей, закрывавших проход и представлявших собой решетки из черных железных прутьев толщиной в человеческую руку. Копейщики возле каждой двери преклоняли головы перед Джоном Сноу, но открыто глазели на Вель и её пони.

Когда они вышли с северной стороны Стены через массивную дверь, сделанную из совсем недавно

срубленного дерева, принцесса одичалых на мгновение задержалась, пристально вглядываясь по ту сторону заснеженного поля, где король Станнис выиграл свою битву. Вдали её ждал Зачарованный лес, темный и безмолвный. Лунный свет окрасил медовые волосы Вель в бледно-серебристый цвет и выбелил щёки. Она сделала глубокий вдох:

— Воздух сладок на вкус.

— Мой язык онемел. Всё, что я могу ощутить на вкус — это холод.

— Холод? — Вель слегка улыбнулась. — Нет. Когда холодно — тяжело дышать. Когда появляются Иные...

Мысль была тревожной.

Шестеро разведчиков, посланных Джоном на север, все ещё отсутствовали. *Прошло не так много времени. Они еще могут вернуться.* Но другая часть его настаивала: *Они мертвы, каждый из них. Ты послал их на смерть, и то же самое ты делаешь с Вель.*

— Передайте Тормунду то, что я сказал.

— Может, он и не прислушается к вашим словам, но он услышит их, — Вель легонько поцеловала его в щеку. — Примите мою благодарность, лорд Сноу. За полуслепую лошадь, за соленую треску, за свежий воздух. За надежду.

Их дыхание смешалось в белое

облачко в воздухе. Джон Сноу отступил от нее и произнес:

— Единственная благодарность, которую я хотел бы получить...

— ...это Тормунд Великанья Смерть. Конечно.

Вель накинула капюшон своей медвежьей шкуры. Коричневая кожа была хорошо просоленной и казалась серой.

— Прежде чем я уйду, один вопрос. Это вы убили Ярла, милорд?

— Ярла убила Стена.

— Так я и слышала. Но я должна была убедиться.

— Даю слово, я не убивал его. — *Хотя мог бы, если бы все пошло по-другому.*

— Что ж, тогда простимся, — сказала она почти игриво.

Джон Сноу был не в настроении поддерживать её тон. *Слишком холодно и темно для подобных игр, и час слишком поздний.*

— Только на время. Вы вернетесь. Ради мальчика, если не по другой причине.

— Сына Крастера? — Вель пожала плечами. — Он мне не родня.

— Я слышал, как вы для него пели.

— Я пела для себя. Разве я виновата, что он слушает? — легкая улыбка коснулась ее губ. — Это его смешит. Что ж, хорошо. Он милое маленькое чудовище.

— Чудовище?

— Его молочное имя. Мне же надо было его как-то называть. Проследите, чтобы он оставался в безопасности и тепле. Ради его матери и ради меня. И держите его подальше от красной женщины. Она знает, кто он такой. Она видит *вещи* в своем пламени.

Арья, подумал он, надеясь, что это правда.

— Пепел и золу.

— Королей и драконов.

Опять драконы. На мгновение Джон тоже как будто увидел их, кружащих в ночи, темные крылья вырисовывались в море пламени.

— Если бы она знала, то забрала

бы мальчика у нас. Мальчика Даллы, а не ваше чудовище. Одно слово на ухо королю, и настал бы конец всему. — *И мне. Станнис воспринял бы это как измену.* — Почему же она позволила такому случиться, если все знала?

— Потому что ее это устраивало. Огонь — вещь непостоянная. Никто не знает, какой путь выберет пламя. — Вель просунула ногу в стремя, перекинула другую через спину лошади, и уже из седла посмотрела вниз. — Вы помните, что моя сестра сказала вам?

— Да. — *Нет безопасного способа удержат меч без рукояти.*

Но Мелисандра была права: даже меч без рукояти лучше, чем пустые руки, когда кругом враги.

— Хорошо, — Вель развернула пони в сторону севера. — Тогда до встречи в следующее полнолуние.

Джон смотрел, как она уезжает и размышлял, увидит ли он когда-нибудь снова ее лицо. "Я не какая-то леди с юга, — он снова услышал ее слова, — а женщина вольного народа".

— Мне все равно, что она говорит, — пробормотал Скорбный Эдд, когда Вель исчезла за полосой прямых сосен. — Воздух такой холодный, что дышать больно. Я бы перестал, но тогда станет еще

больнее. — Он потер руки. — Это плохо кончится.

— Ты обо всем так говоришь.

— Ага, м'лорд. И обычно я прав.

Малли прочистил горло:

— М'лорд? Принцесса

одичалых... позволить ей уйти, люди могут подумать...

— ... что я сам наполовину одичалый, перевертыш, который намерен продать наше королевство налетчикам, людоедам и великанам. — Джон мог и не вглядываться в пламя, чтобы знать, что о нем говорят. Хуже всего то, что они в чем-то были правы. — Слова — это ветер, а ветер всегда дует на Стене. Идём.

Было все еще темно, когда Джон вернулся в свою комнату позади оружейной. Призрак не вернулся. *До сих пор охотится.* В последнее время большой белый лютоволк все чаще отсутствовал, убегая с каждым разом дальше и дальше в поисках добычи. Земли между людьми Дозора и одичалыми в Кротовом Городке, холмы и поля около Черного Замка, и в прежние времена не славившиеся изобилием дичи, были начисто опустошены. *Зима близко,* подумал Джон. *Близко, слишком близко.* Интересно, увидят ли они когда-нибудь весну?

Скорбный Эдд совершил вылазку на кухню и вернулся с

кружкой темного эля и накрытым деревянным блюдом. Под крышкой Джон обнаружил три утиных яйца, зажаренных в жире, полоску бекона, две сосиски, кровяную колбасу и половину каравай хлеба, теплого, только что из печи. Он съел хлеб и половину яиц. Он съел бы и бекон, но ворон стащил его быстрее, чем Джон успел ему помешать.

— Вор, — возмутился Джон, когда птица вспорхнула на дверной косяк, чтобы отведать своей добычи.

— *Вор*, — согласился ворон.

Джон попробовал кусочек сосиски. Он запивал ее глотком эля, когда Эдд вернулся сообщить ему, что Боуэн Марш ждет снаружи.

— С ним Отелл и септон Селладор.

Быстро. Интересно, кто разносит сплетни и в одиночку ли?

— Пусть войдут.

— Да, м'лорд. Но вы приглядывайте за сосисками в этой компании. У них голодный вид.

"Голодный" было не тем словом, которое использовал бы Джон. Септон Селладор казался смущенным, нетвердо держался на ногах и, как говорится, крепко нуждался в "чешуйке дракона, который его поджарил" накануне; первый строитель Отелл Ярвик выглядел так, будто что-то проглотил и не мог это переварить. Боуэн Марш

злился. Джон видел гнев в его глазах, складке у рта и покрасневших круглых щеках. *И румянец этот не от холода.*

— Пожалуйста, садитесь, — пригласил он, — могу я предложить вам еды или чего-нибудь выпить?

— Мы поели в общей комнате, — сказал Марш.

— А я не прочь поесть и еще раз, — Ярвик устроился в кресле. — Спасибо за предложение.

— Ну разве что немного вина, — согласился септон Селладор.

— *Зерно*, — закричал ворон сверху. — *Зерно, зерно.*

— Вина септону и тарелку для нашего первого строителя, — сказал

Джон Скорбному Эдду. — И ничего для птицы. — Он повернулся к посетителям. — Вы здесь из-за Вель.

— Не только, — ответил Боуэн Марш. — Люди беспокоятся, милорд.

И кто уполномочил тебя говорить от их имени?

— Как и я. Отелл, как продвигаются работы в Твердыне Ночи? Я получил письмо от сира Акселя Флорента, который называет себя Десницей королевы. Он пишет, что королева Селиса недовольна своими покоями в Восточном Дозоре и желает немедленно переехать в новые владения своего мужа. Это возможно?

Ярвик пожал плечами:

— Мы восстановили большую часть крепости и настелили крышу над кухнями. Ей понадобятся пища, мебель и дрова, но она сможет там жить. Хотя там уж точно меньше удобств, чем в Восточном Дозоре. Да и до кораблей далековато, если Ее Величество вздумает нас покинуть, но... да, жить там она может, хотя пройдут годы, прежде чем это место станет похоже на нормальный замок. Или быстрее, если у меня появится больше строителей.

— Могу предложить вам великана.

Отелл вздрогнул:

— То чудище во дворе?

— Кожаный сказал, его зовут

Вун Вег Вун Дар Вун. Многовато
нужно вертеть языком, я знаю.
Кожаный зовет его Вун Вун, и,
кажется, это всех устраивает. — Вун
Вун очень мало походил на
великанов из сказок Старой Нэн —
огромных диких существ,
сдабривающих утреннюю кашу
кровью и пожирающих быков
целиком со шкурой и рогами. Этот
великан вообще не ел мяса, хотя и
производил ужасающее впечатление,
когда ему приносили корзину овощей
и он перемалывал лук, турнепс и
даже сырую твердую репу своими
огромными квадратными зубами. —
Он готов работать, хотя порой бывает
трудно объяснить ему, что именно ты

от него хочешь. Говорит на искаженном древнем языке, но не знает ни слова на общем. Зато он неутомим и чудовищно силен: один может работать за дюжину людей.

— Я... милорд, люди никогда... кажется, великаны едят человечину... нет, милорд. Благодарю, но у меня нет людей, чтобы сторожить это создание, он...

Джон не удивился.

— Как пожелаете. Мы оставим великана здесь. — По правде говоря, ему до смерти не хотелось расставаться с Вун Вуном. *Ты ничего не знаешь, Джон Сноу*, могла бы сказать Игритт, но Джон беседовал с великаном при любой возможности,

с помощью Кожаного или одного из других вольных, приведенных из рощи, и узнавал все больше и больше о его народе и их истории. Было бы здорово, если бы Сэм находился здесь и записывал это.

Не то, чтобы он не видел опасности, которую представлял собой Вун Вун. Великан мог яростно наброситься, если чувствовал угрозу, а его огромные руки были способны разорвать человека надвое. Он напоминал Джону Ходора. *Только вдвое выше Ходора, вдвое сильнее и лишь наполовину столь же умен.* От такой мысли даже септон Селладор протрезвел бы. *Но если у Тормунда есть великаны, Вун Вег Вун Дар Вун*

может помочь нам с ними договориться.

Ворон Мормонта что-то недовольно забормотал, когда дверь под ним открылась, возвещая о возвращении Скорбного Эдда с бутылью вина и тарелкой яиц и сосисок. Боуэн Марш с явным нетерпением ждал, пока Эдд разливал вино, и продолжил, лишь когда тот снова вышел.

— Толлетт — хороший человек, его любят, и Железный Эммет — хороший мастер над оружием, — наконец сказал он, — но ходят слухи, что вы собираетесь отослать их.

— Нам нужны хорошие люди в Длинном Кургане.

— Люди стали называть это место "Шлюхиной Дырой", — сказал Марш, — но так тому и быть. А правда ли, что вы собираетесь назначить этого дикаря Кожаного мастером над оружием вместо Эммета? Как правило, такой пост занимает один из рыцарей, или, на худой конец, разведчиков.

— Кожаный *действительно* дикарь, — мягко согласился Джон, — я могу это подтвердить. Я проверял его на тренировочной площадке. С каменным топором он так же опасен, как рыцарь со сталью из замковой кузницы. Согласен, он не настолько терпелив, как мне хотелось бы, и некоторые мальчишки

в ужасе от него... но это не так уж и плохо. Однажды они окажутся посреди настоящей схватки, и некоторое знакомство с ужасом сослужит им хорошую службу.

— Он *одичалый*.

— Был им. Пока не принес клятву. Теперь он наш брат. Тот, кто может научить мальчишек большему, чем просто умению обращаться с мечом. Им не помешает выучить пару слов на древнем языке и перенять некоторые умения вольного народа.

— *Вольный*, — прокаркал ворон. — *Зерно. Король.*

— Люди не доверяют ему.

Какие люди? мог бы спросить

Джон. *Сколько их?* Но такие вопросы не привели бы ни к чему путному.

— Мне очень жаль слышать это. Еще что-нибудь?

Слово взял септон Селладор:

— Этот мальчик, Атлас. Говорят, вы хотите сделать его своим стюардом и оруженосцем вместо Толлетта. Милорд, этот мальчик — шлюха... осмелюсь сказать... он нарумяненный *содомит* из борделей Староместа!

А ты — пьяница.

— Кем он был в Староместе, нас не касается. Он быстро учится и очень умен. Остальные рекруты поначалу презирали его, но он сумел преодолеть это и стал им другом. Он

бесстрашен в битве и даже способен читать и писать. Как вы думаете, справится ли он с тем, чтобы приносить мне еду и седлать моего коня?

— Скорее всего, — ответил Боуэн Марш с каменным лицом, — но людям это не нравится. Как правило, оруженосцами лорда-командующего становятся парни из хороших семей, которых обучают командовать. Верит ли милорд, что люди из Ночного Дозора когда-либо пойдут в бой вслед за шлюхой?

Джон взорвался:

— Бывало, они шли и кое за кем похуже. Старый Медведь оставил несколько предостерегающих

записей о некоторых людях для своего преемника. Повар в Сумеречной Башне увлекался тем, что насиловал септ. После каждой он выжигал на своем теле семиконечную звезду. Вся его левая рука покрыта звездами от запястья до локтя, и голени заодно. В Восточном Дозоре есть человек, который поджег дом своего отца и подпер дверь. Вся его семья сгорела, все девять человек. Что бы Атлас ни делал в Староместе, теперь он наш брат, и он *будет* моим оруженосцем.

Септон Селладор выпил немного вина. Отелл Ярвик проткнул сосиску кинжалом. Боуэн Марш сидел с красным лицом. Ворон

захлопал крыльями и произнес:

— *Зерно. Зерно. Убить.*

Наконец лорд-стюард прочистил горло:

— Вашей светлости виднее, я уверен. Могу ли я спросить о тех трупах в ледяных подвалах? Люди нервничают из-за них. И зачем их *охранять*? Это пустая трата сил двух человек, если, конечно, вы не боитесь, что они...

— ...поднимутся? Я молюсь, чтобы это произошло.

Септон Селладор побледнел:

— Семеро, спасите нас, — вино полилось по его подбородку красной струйкой. — Лорд-командующий, это чудовищные, *противоестественные*

существа. Мерзость в глазах богов. Вы... вы же не собираетесь пытаться *беседовать* с ними?

— А разве они *могут* разговаривать? — спросил Джон Сноу. — Думаю, вряд ли, хотя не могу сказать, что знаю наверняка. Они действительно чудовища, но, прежде чем умереть, были людьми. Что осталось от этого? Тот, которого мне удалось сразить, явно намеревался убить лорда-командующего Мормонта. Очевидно, это существо помнило, кто он такой и где его найти. — Джон не сомневался, что мейстер Эйемон уловил бы его мысль. И Сэм Тарли, хоть и был бы испуган до смерти,

тоже понял бы его. — Мой лорд-отец говорил мне, что врагов нужно знать в лицо. Мы ничего не знаем об этих мертвяках, еще меньше об Иных. Но мы должны разузнать.

Ответ им не понравился. Септон Селладор коснулся пальцем кристалла, что свисал у него с шеи, и сказал:

— Думаю, это крайне неразумно, лорд Сноу. Я буду молиться Старице, чтобы она осветила вам путь к мудрости.

Терпение Джона Сноу истощилось:

— Не сомневаюсь, нам всем бы не помешало быть немного мудрее. — *Ты ничего не знаешь,*

Джон Сноу. — А сейчас давайте о поговорим о Вель.

— Так это правда? — сказал Марш. — Вы отпустили ее.

— За Стену.

Септон Селладор с шумом вдохнул.

— Королевский подарок. Его Величество будет очень разгневан, когда обнаружит, что она исчезла.

— Вель вернется. — *Раньше Станниса, если боги будут милостивы.*

— Откуда вам знать? — поинтересовался Боуэн Марш.

— Она обещала.

— А если солгала? Или попала в беду?

— Что ж, тогда вы получите шанс выбрать лорда-командующего, который вам будет больше по нраву. До тех пор, я боюсь, вам придется терпеть меня, — Джон глотнул эля. — Я послал ее найти Тормунда Великанью Смерть и передать ему мое предложение.

— Дозволено ли нам будет узнать, что это за предложение?

— То же, что я сделал в Кротовом Городке. Еда, кров и мир, если он соединит свои силы с нашими, выступит против нашего общего врага и поможет нам удержать Стену.

Боуэн Марш, похоже, не был удивлен.

— Вы имеете в виду позволить им пройти, — судя по его голосу, он знал об этом с самого начала. — Открыть врата для него и для тех, кто следует за ним. Сотен, тысяч.

— Если у него осталось столько.

Септон Селладор осенил себя знаком звезды, Отелл Ярвик заворчал, а Боуэн Марш произнес:

— Некоторые сочли бы это изменой. Они одичалые. Дикари, налетчики, насильники, скорее звери, чем люди.

— Тормунд не таков, — сказал Джон, — как и Манс Налетчик. И даже если бы то, что вы говорите о них, было правдой, они все еще люди, Боуэн. Не мертвяки, а живые

люди, как и мы с вами. Зима близко, милорды, а когда она наступит, всем живым надо будет объединиться против мертвецов.

— *Сноу*, — прокричал ворон лорда Мормонта. — *Сноу, Сноу*.

Джон не обратил на него внимания.

— Мы допросили одичалых, которых привели с собой из рощи. Некоторые из них рассказали кое-что интересное: о лесной ведьме, которую они зовут Матушка Кротиха.

— Матушка *Кротиха*? — переспросил Боуэн Марш. — Странное имечко.

— Говорят, она поселилась в норе под полым деревом. Правда это

или нет, у нее было видение кораблей, явившихся, чтобы унести вольный народ в безопасное место, перевезя их через Узкое море. Тысячи бежавших из боя уже достаточно отчаялись, чтобы поверить ей. Матушка Кротиха отвела их в Суровый Дом молиться и ждать спасения с моря.

Отелл Ярвик нахмурился:

— Я не разведчик, но... говорят, что Суровый Дом — нечистое место. Проклятое. Даже ваш дядя всегда это повторял, лорд Сноу. Зачем им идти *туда*?

Перед Джоном на столе лежала карта. Он повернул ее так, чтобы им было видно.

— Суровый Дом расположен в защищенном заливе с естественной бухтой, достаточно глубокой для самых больших кораблей. Поблизости в избытке дерева и камня. Вода кишит рыбой, неподалеку — колонии котиков и морских коров.

— Я не сомневаюсь, что все это правда, — ответил Ярвик, — но Дом не то место, где я хотел бы остаться на ночь. Вы знаете легенду.

Он знал. Суровый Дом был на полпути к тому, чтобы стать городом, единственным настоящим городом к северу от Стены. До той ночи шесть сотен лет назад, когда ад поглотил его. Его жителей взяли в рабство или

забили на мясо, в зависимости от версии легенды, которой придерживался рассказчик. Их дома и залы горели так ярко и горячо, что дозорные на Стене думали, это солнце встает на севере страны. После пожара пепел осыпался на Зачарованный лес и Дрожащее море еще полгода. Торговцы рассказывали о кошмарных разрушениях на том месте, где стоял Суровый Дом. Местность была усеяна обугленными деревьями и сожженными костями, вода задыхалась от разбухших трупов. Леденящие кровь крики доносились из пещер, которые пронизывали утес, маячащий над поселением.

Шесть веков минуло с той ночи,

но Суровый Дом по-прежнему избегали. Природа отвоевала пространство, как говорили Джону, однако разведчиков, посещавших заросшие руины, преследовали мертвяки, демоны и призраки с нездоровой тягой к крови.

— Это не то убежище, которое я бы выбрал сам, — сказал Джон, — но Матушка Кротиха проповедовала, что вольный народ найдет спасение там, где когда-то нашел проклятье.

Септон Селладор поджал губы:

— Спасение можно найти только с помощью Семерых. А эта ведьма обрекла их всех на гибель.

— И, возможно, спасла Стену, — сказал Боуэн Марш. — Мы

говорим о врагах. Пусть молятся среди развалин, а если их боги пришлют корабли, чтобы увезти одичалых в лучший мир, тем лучше. В этом мире у меня нет еды, чтобы кормить их.

Джон сжал пальцы правой руки в кулак:

— Галеры Коттера Пайка, случается, плавают рядом с Суровым Домом. Он говорил мне, что там нет жилья, кроме пещер. "Кричащих пещер", как называют их его люди. Матушка Кротиха и те, кто последуют за ней, погибнут там от холода и голода. Сотни из них. Тысячи.

— Тысячи врагов. Тысячи

одичалых.

Тысячи людей, подумал Джон. Мужчин, женщин, детей. В нем закипала ярость, но когда он заговорил, его голос был спокоен и холоден:

— Вы настолько слепы или просто не хотите видеть? Что, вы думаете, произойдет, когда все эти враги будут мертвы?

Ворон над дверью пробормотал:

— *Мертвы, мертвы, мертвы.*

— Давайте я расскажу вам, что произойдет, — сказал Джон. — Мертвые снова восстанут, сотнями и тысячами. Они восстанут мертвяками с черными руками и бледными голубыми глазами, и *они*

придут за нами. — Он вскочил на ноги, пальцы правой руки сжимались и разжимались. — Вы свободны.

Они поднялись: септон Селладор с посеревшим и влажным от выступившего пота лицом, Отелл Ярвик — сохраняя чопорный вид, Боуэн Марш — побледнев и поджав губы.

— Спасибо, что уделите нам время, лорд Сноу.

И они вышли, не произнеся больше ни единого слова.

41. ТИРИОН

Нрав у свиньи был мягче, чем у некоторых лошадей, на которых он ездил. Терпеливая и устойчивая, она даже не взвизгнула, когда Тирион карабкался ей на спину; и оставалась неподвижной, пока он тянулся за щитом и копьем. Но стоило ему натянуть вожжи и сжать ногами ее бока, как она сразу тронулась. Ее звали Милашка, сокращенное от Милая Хрюшка, и ее приучили к седлу и узде еще в поросячьем возрасте.

Расписные деревянные доспехи загрохотали, когда Милашка

пустилась рысью через палубу. Тирион взмок, в подмышках защипало, струйка пота стекла на шрам из-под слишком большого и плохо подогнанного шлема. И все же на один нелепый миг он почти ощутил себя Джейме, скачущим по турнирному полю в сияющих на солнце доспехах с копьем в руке.

Грезы развеялись, когда раздался смех. Никакой он не боец, а всего лишь карлик на свинье, сжимающий палку и дурачащийся на потеху нескольким нетерпеливым, пропитанным ромом матросам в надежде поднять им настроение. Где-то в аду его отец кипел от ярости, а Джоффри хихикал. Тирион

чувствовал их холодные мертвые глаза, следящие за шутовским поединком так же жадно, как и экипаж "Селаэсори Кхоран".

И вот появился его противник. Пенни ехала на большой серой собаке; полосатое копье пьяно дергалось, когда животное несло через палубу. Ее щит и броню когда-то выкрасили в алый цвет, но краска уже облупилась и выцвела. Его собственные доспехи были синими. *Не мои. Гроша. Пусть они никогда не станут моими, ну пожалуйста.*

Тирион пришпорил бока Милашки, заставив ее бежать быстрее, когда моряки принялись подбадривать его криком и

улюлюканьем. Он не мог бы сказать наверняка, поощрением или насмешкой были эти крики, хотя определенные предположения у него имелись. *Зачем я вообще позволил вовлечь себя в этот фарс?*

Однако он знал ответ. Прошло уже двенадцать дней, как корабль заштилел в Заливе Скорби. Настроение команды было отвратительным и, похоже, только ухудшалось, когда ежедневная порция рома подходила к концу. Все, что им оставалось, — посвящать многие часы ремонту парусов, законопачиванию щелей и рыбалке. Джорах Мормонт слышал ворчание о том, что удача карлика от них

отвернулась. Корабельный кок иногда еще потирал голову Тириона в надежде, что это принесет ветер, но остальные лишь бросали на него злобные взгляды всякий раз, когда он попадался у них на пути. Участь Пенни была еще хуже, ибо кок распространил идею, что тисканье грудей карлицы может оказаться тем самым средством, которое снова обратит удачу в их сторону. Он тоже принялся звать Милашку "Беконом", но из уст Тириона эта шутка звучала куда забавнее.

"Мы должны заставить их смеяться, — умоляла его Пенни, — мы должны заставить их полюбить нас. Если мы покажем

представление, это поможет им забыться. Пожалуйста, м'лорд". И как-то, зачем-то, почему-то он согласился. *Должно быть, из-за рома.* Вино капитана закончилось в первую очередь. Ромом можно напиться гораздо быстрее, чем вином — совершил открытие Тирион Ланнистер.

Вот так он и очутился в раскрашенных деревянных доспехах Гроша верхом на свинье Гроша, пока сестра Гроша наставляла его в тонкостях шутовского турнира, который стал бы их хлебом и солью. Определенно, в этом была некая очаровательная ирония, учитывая, что однажды Тирион чуть не

лишился головы, отказавшись сесть верхом на собаку по извращенной прихоти своего племянника. Однако ему все же оказалось непросто оценить весь юмор этой ситуации, сидя на спине у свиньи.

Копье Пенни опустилось как раз вовремя, чтобы затупленный конец чиркнул его по плечу; копье же Тириона вильнуло, когда он направил его вниз и с шумом ударил в угол ее щита. Она усидела. Он — нет. Впрочем, так и предполагалось.

Легко, как свалиться со свиньи... хотя падать с этой конкретной свиньи оказалось тяжелее, чем представлялось. Падая, Тирион свернулся клубком, вспоминая свои

уроки, но все же крепко ударился о палубу и прикусил язык так сильно, что ощутил вкус крови. Он снова почувствовал себя

двенадцатилетним, кувыркающимся по обеденному столу в большом зале Утеса Кастерли. В те времена рядом был поощрявший его труды дядя Герион, а не угрюмые моряки. Их смешки звучали редко и казались натянутыми, по сравнению со взрывами хохота, которые приветствовали выходки Гроша и Пенни на свадебном пиру Джоффри, а некоторые его злобно освистывали.

— Безносый, ты сидишь в седле так же мерзко, как выглядишь, — выкрикнул один тип с бака. —

Видать, и яиц у тебя тоже нет, если позволил девчонке побить себя.

Поставил на меня монету,
решил Тирион, пропустив
оскорбление мимо ушей. В свое
время он слышал вещи и похуже.

Подняться в деревянном доспехе
оказалось непросто. Он барахтался
на спине, как черепаха. Но это хотя
бы рассмешило нескольких моряков.
Какая жалость, что я не сломал
ногу, уж тут они бы завывали от
восторга. А окажись они в сортире,
когда я прострелил отцу кишки, то,
наверное, гоготали бы так, что и
сами обосрались бы вместе с ним.
Но чего только не сделаешь, лишь бы
умаслить этих проклятых ублюдков.

В конце концов Джорах Мормонт сжалился над Тирионом и поднял его на ноги:

— Ты выглядел дураком.

Так и задумывалось.

— Трудно выглядеть героем, сидя верхом на свинье.

— Должно быть, потому я и держусь подальше от свиней.

Тирион расстегнул застежку шлема, стянул его с головы и сплюнул комком кровавой розовой слизи:

— Такое ощущение, что я себе пол-языка прокусил.

— В другой раз кусай сильнее, — сир Джорах пожал плечами. — Сказать по правде, я

видал турнирных бойцов и похуже.

Это что, похвала?

— Я упал с проклятой свиньи и прикусил язык. Что может быть хуже?

— Получить в глаз обломок копья и сдохнуть от этого.

Пенни спрыгнула с собаки — большой серой зверюги, которую она называла Хруст.

— Суть не в том, чтобы хорошо сражаться, Хугор, — она всегда была осторожна и звала его Хугором, если кто-нибудь мог слышать. — Суть в том, чтобы заставить их смеяться и бросать монеты.

Жалкая награда за кровь и синяки, подумал Тирион, но оставил

мысль при себе.

— Это нам тоже не удалось.
Никто не швырял монет.

Ни пенни, ни гроша.

— Они начнут, когда у нас станет получаться лучше, — Пенни сняла шлем. Коричнево-серые волосы накрыли ее уши. Глаза тоже были карими, спрятанными под тяжелыми надбровными дугами, а щеки — гладкими и румяными. Она достала из кожаной сумки немного желудей для Милашки. Радостно повизгивая, свинья принялась есть у нее с рук. — Вот увидишь, когда мы будем выступать перед королевой Дейенерис, серебро польется дождем.

Несколько матросов кричали им и стучали каблуками по палубе, требуя еще одной схватки. Как всегда, громче всех орал корабельный кок. Тирион презирал этого человека, хотя он был единственным более-менее сносным игроком в кайвассу на судне.

— Видишь, мы им понравились, — сказала Пенни с легкой улыбкой, полной надежды. — Попробуем еще раз, Хугор?

Он как раз собирался отказаться, когда окрик одного из членов экипажа избавил его от этой необходимости. Была середина утра, и капитан хотел снова спустить на воду шлюпки. Огромный полосатый

парус когда безжизненно свисал с мачты уже не первый день, но капитан надеялся найти ветер где-нибудь севернее. А это означало, что нужно грести. Однако лодки были маленькими, а судно — большим; буксирование превращалось в тяжелейшую работу, от которой покрывались волдырями руки и затекали спины, потную и изматывающую, но почти не приносящую результата. Команда ее ненавидела. И Тирион не мог их в этом упрекать.

— Лучше бы вдова посадила нас на галеру, — кисло пробормотал он. — Буду весьма признателен, если кто-нибудь поможет мне выбраться

из этих проклятых деревьяшек. Кажется, у меня заноза в промежности.

Помог ему Мормонт, хоть и без особой охоты. Пенни взяла пса и свинью и увела их вниз.

— Возможно, тебе стоит сказать своей леди, чтобы она запирала дверь на засов, когда находится в каюте, — произнес сир Джорах, расстегивая пряжки на ремнях, соединявших нагрудную и наспинную часть кирасы. — Я слышу чересчур много разговоров о ребрышках, ветчине и беконе.

— Эта свинья — половина ее средств к существованию.

— Гискарская команда съела бы

и собаку, — Мормонт отделил друг от друга переднюю и заднюю пластины. — Просто передай ей.

— Как скажешь.

Его туника пропиталась потом и липла к груди. Тирион сорвал ее, мечтая о дуновении ветерка. Деревянные доспехи были жаркими и тяжелыми, и столь же неудобными. На половине из них осталась старая краска — слой на слое, и еще на слое — следы сотни перекрашиваний. На свадебном пиру Джоффри, припомнил Тирион, один наездник демонстрировал лютоволка Робба Старка, а другой — доспехи и цвета Станниса Баратеона.

— Нам нужны оба животных,

если мы собираемся выступить перед королевой Дейенерис, — сказал он. Если матросам придет в голову забить Милую Хрюшку, ни он, ни Пенни не смогут их остановить... но меч сира Джораха хотя бы заставит их призадуматься.

— Значит, таким способом ты надеешься сохранить голову, Бес?

— Сир Бес, если позволите. И да. Когда Ее Величество узнает мою истинную цену, она будет меня холить и лелеять. Ведь я все-таки приятный малый и знаю очень много полезного о своей родне. Но до этого момента я приложу все усилия, чтобы развлечь ее.

— Скажи, как хочешь, но это не

очистит тебя от совершенных злодеяний. Дейенерис Таргариен — не какой-нибудь глупый ребенок, чье внимание можно отвлечь глупыми шутками и кувырками. Она поступит с тобой по справедливости.

Ох, надеюсь, что нет.

Тирион внимательно посмотрел на Мормонта разноцветными глазами:

— А как она встретит тебя, эта справедливая королева? Теплыми объятиями, девичьим хихиканьем, топором палача? — он ухмыльнулся, заметив очевидное замешательство рыцаря. — Ты и вправду решил, будто я поверю, что ты был в том борделе по делам королевы? Защищал ее,

находясь за полмира? Или все же ты бежал, потому что королева драконов послала тебя подальше? Но с чего бы это? Ах да, ты ведь *шпионил* за ней. — Тирион хохотнул. — А теперь надеешься купить ее прощение, подарив ей меня. Плохо продуманный план. Можно даже сказать, поступок, продиктованный пьяным отчаянием. Будь на моем месте Джейме... Ведь это Джейме убил ее отца, а я убил лишь своего. Ты думаешь, что Дейенерис казнит меня и простит тебя? Но обратное так же вероятно. Может быть, тебе стоит залезть на эту свинью, сир Джорах. Надеть шутовской костюм из железа, как Флориан...

От удара большого рыцаря в черепе будто что-то треснуло, его отбросило в сторону, да с такой силой, что он стукнулся головой о палубу. Рот наполнился кровью, когда Тирион, шатаясь, встал на одно колено. Он выплюнул сломанный зуб. *Хорошею с каждым днем, но тут я уверен, что разбередил его рану.*

— Карлик сказал что-то оскорбительное, сир? — невинно поинтересовался Тирион, вытирая кровавые пузыри с разбитой губы тыльной стороной руки.

— Меня тошнит от твоей болтовни, карлик, — сказал Мормонт. — У тебя еще осталось

несколько зубов. Если хочешь сохранить их, держись от меня подальше до конца плавания.

— Это будет непросто. Мы ведь живем в одной каюте.

— Найди себе другое место для сна. В трюме, на палубе, где угодно. Просто не попадайся мне на глаза.

Тирион поднялся на ноги.

— Как пожелаешь, — процедил он с полным ртом крови, но большой рыцарь уже ушел, грохоча сапогами по палубе.

Пенни нашла его на камбузе, где Тирион, морщась от жжения, полоскал рот ромом с водой.

— Я слышала, что случилось. Ой, тебе больно?

Он пожал плечами:

— Капля крови и сломанный зуб. — *Но уверен, ему от моих слов гораздо больнее.* — И это рыцарь. Печально, но я бы не стал рассчитывать на сира Джораха, если нам понадобится защита.

— Что ты натворил? Ой, у тебя кровь идет из губы, — она оторвала полоску от своего рукава, и аккуратно промокнула ранку. — Что ты ему сказал?

— Немножко правды, которую сиру Безоару не хотелось выслушивать.

— Ты не должен дразнить его. Ты что, *вообще* ничего не понимаешь? Нельзя так

разговаривать с большими людьми. Они могут сделать тебе *больно*. Сир Джорах мог бы просто выкинуть тебя в море, а матросы только посмеялись бы, глядя, как ты тонешь. С большими людьми надо быть осторожнее. "Будь с ними приветливой и веселой, смейся их", — вот как всегда учил мой отец. Неужели твой отец никогда не объяснял тебе, как нужно вести себя с большими людьми?

— Мой отец называл их мелким народцем, — ответил Тирион, — и он был не из тех, кого можно назвать веселым. — Он отхлебнул еще разбавленного рома, прополоскал им рот и выплюнул. — И все же ты

права. Мне нужно поучиться быть карликом. Возможно, ты бы стала бы мне хорошим наставником — в перерывах между ездой на свинье и потешными турнирами.

— Я сделаю это, м'лорд. С радостью. Но... что это была за правда? Почему сир Джорах так сильно тебя ударил?

— Из-за любви, конечно. По той же причине, по которой я приготовил из того певца похлебку, — он подумал о Шае и о выражении ее глаз, когда он затягивал цепь, закручивая вокруг кулака. Цепь из золотых рук. *Ведь золотые руки всегда холодны, а женские — горячи.* — Ты девица, Пенни?

Она вспыхнула:

— Да. Разумеется. Кто стал бы...

— И оставайся ею. Любовь это безумие, а похоть — яд. Храни свою непорочность. Так ты будешь счастливее и с меньшей вероятностью обнаружишь себя в сомнительном борделе на Ройне, со шлюхой, чем-то похожей на твою потерянную любовь. — *Или отправишься через полмира в надежде отыскать место, куда отправляются шлюхи.*

— Сир Джорах мечтает спасти свою королеву драконов и насладиться ее благодарностью, но я знаю кое-что о благодарности

королей, и, скорее, предпочел бы дворец в Валирии. — Внезапно он замолчал. — Ты почувствовала это? Корабль поплыл.

— Да, — лицо Пенни засветилось от радости, — мы снова движемся. Ветер...

Она бросилась к двери:

— Я хочу посмотреть. Давай наперегонки, — и она умчалась.

Она еще совсем юная, напомнил себе Тирион, когда Пенни выскочила из камбуза и вскарабкалась по крутым деревянным ступенькам так быстро, насколько позволяли ее короткие ножки. *Почти ребенок*. И все же ему было приятно видеть девушку такой оживленной. Он

поднялся вслед за ней.

Парус ожил: он раздувался и провисал, и снова раздувался. Красные полосы на полотне извивались, словно змеи. Матросы носились по палубам и тянули канаты, а помощники капитана выкрикивали приказы на языке Старого Волантиса. Гребцы на лодках отвязали тросы и поплыли к коггу, с силой ударяя веслами. Порывистый ветер дул с запада, хватая и закручивая веревки и плащи, словно озорной ребенок. "Селаэсори Кхоран" полным ходом шел по курсу.

В конце концов, может, нам и удастся добраться до Миэрина, решил Тирион.

Но когда он вскарабкался по лестнице на кормовую пристройку и выглянул оттуда, его улыбка увяла. *Здесь-то небо голубое и море синее, но на западе... Никогда еще не видел небо такого цвета.* С горизонта надвигалась широкая полоса туч.

— Черная полоса, как на гербе, — сказал он Пенни, указывая на нее.

— О чем ты? — спросила она.

— О том, что сзади к нам подкрадывается какой-то огромный бастард.

Он весьма удивился, обнаружив, что Мокорро и два его Огненных Пальца поднялись к ним на кормовую надстройку. Был только

полдень, а красный жрец и его люди обычно не появлялись на людях до сумерек. Жрец торжественно кивнул ему:

— Ты видишь его, Хугор Хилл. Божий гнев. Владыка Света не будет осмеян.

Тириона охватило дурное предчувствие:

— Вдова говорила, что этот корабль никогда не доберется до своего места назначения. Я так понял, что когда мы выйдем в море и окажемся вне досягаемости триархов, капитан изменит курс на Миэрин. Или, возможно, вы со своей Огненной Рукой захватите корабль и отвезете нас к Дейенерис. Но ведь

совсем не это твой верховный жрец увидел в огне, верно?

— Нет, — низкий голос Мокорро звучал торжественно, как похоронный колокол. — Вот, что он видел. — Красный жрец поднял посох и указал им в сторону запада.

Пенни растерялась:

— Не понимаю. Что это значит?

— Это значит, что нам лучше спуститься вниз. Сир Джорах изгнал меня из нашей каюты. Могу ли я спрятаться в твоей, когда придет время?

— Конечно, — ответила она. — Ты был бы... ой...

Почти три часа они шли с попутным ветром, а шторм все

приближался. Небо на западе стало зеленым, потом серым, потом черным. Стена темных облаков надвигалась сзади, пенясь, как котелок с молоком, забытый на огне. Тирион и Пенни наблюдали с бака, прижавшись к корабельной фигуре и держась за руки, остерегаясь попадаться на пути капитана и команды.

Прошлый шторм был волнующим, опьяняющим — внезапный шквал, очистивший и освеживший Тириона. Но этот с самого начала казался другим. Капитан тоже это чувствовал. Он изменил курс с северо-востока на север, пытаясь сойти с пути шторма.

Напрасные усилия — шторм был слишком силен. Море вокруг волновалось все больше. Начал завывать ветер. Волны разбивались о корпус "Вонючего Стюарда", когда вздымался и падал. Позади небеса пронзали молнии, в сплетениях света над морем танцевали ослепительные фиолетовые стрелы. Их сопровождал гром.

— Пора прятаться. — Тирион взял Пенни за руку и повел в каюту.

Милашка и Хруст почти обезумели от страха. Пес лаял, лаял, лаял. Едва они зашли, как он сбил Тириона с ног. Свинья все вокруг обделала. Тирион, насколько мог, убрал за ней, пока Пенни пыталась

успокоить животных. Затем они привязали или убрали все, что могло сдвинуться с места.

— Мне страшно, — призналась Пенни. Каюта начала крениться и подпрыгивать, повторяя движение волн, бьющихся о корпус судна.

Есть куда более ужасные способы умереть, чем просто утонуть. Твой брат это узнал, как и мой лорд-отец. И Шая, эта лживая дырка. Золотые руки всегда холодны, а женские — горячи.

— Надо сыграть в игру, — предложил Тирион. — Возможно, это отвлечет нас от шторма.

— Только не в кайвассу, — сразу же сказала она.

— Не в кайвассу, — согласился Тирион, когда под ним вздыбилась палуба. Это приведет лишь к тому, что фигуры начнут бешено летать по каюте и сыпаться на свинью и собаку. — Когда ты была маленькой, ты играла в "приди-в-мой-замок"?

— Нет. Можешь научить меня?

Мог ли он? Тирион заколебался. *Я карлик-тупица. Конечно же, она никогда не играла в "приди-в-мой-замок."* У нее никогда не было замка. Ведь "приди-в-мой-замок" — игра для высокорожденных детей, благодаря которой они учились правилам этикета, геральдике и кое-чему о друзьях и врагах своего лорда-отца.

— Она не... — начал он. Палуба вздыбилась еще раз, и их швырнуло друг к другу. Пенни испуганно пискнула. — Эта игра не подходит, — продолжил Тирион, сжав зубы. — Извини, я не знаю, в какую игру...

— Я знаю, — и Пенни поцеловала его.

Это был неуклюжий поцелуй, стремительный и грубый. Но он застал Тириона врасплох. Его руки дернулись вверх и схватили ее за плечи, чтобы оттолкнуть. Но вместо этого он заколебался, а потом притянул к себе и обнял. Ее губы были сухими, твердыми и сжатыми туже, чем кошелек скряги. *Немного милосердия*, подумал Тирион. Он не

хотел ничего такого. Ему нравилась Пенни, он сочувствовал ей и отчасти даже восхищался, но совсем ее не желал. Однако ему не хотелось ранить девушку — боги и его милая сестрица принесли ей достаточно боли. Поэтому он продолжал целоваться, мягко обнимая ее за плечи. Но его губы были крепко сжаты. Вокруг них крутился и содрогался "Селаэсори Кхоран".

Наконец, она отстранилась от него на пару дюймов. Тирион мог видеть свое отражение в ее глазах. *Красивые глаза*, подумал он, но там было и кое-что еще. *Много страха, мало надежды... но ни капли похоти. Она хочет меня не больше, чем я ее.*

Когда она опустила голову, он взял ее за подбородок и приподнял его:

— Мы не можем играть в такую игру, миледи.

Раскат грома прозвучал совсем рядом.

— Я совсем не имела в виду... Я никогда раньше не целовалась с мальчиком, но... Я просто подумала, а вдруг мы утонем, и я... и я...

— Все было замечательно, — соврал Тирион, — но я женат. Она сидела рядом со мной на том пиру, возможно, ты помнишь ее. Леди Санса.

— Это твоя жена? Она... она была прекрасна...

И фальшива. Санса, Шая, все мои женщины... Только Тиша, только она одна любила меня. И куда отправляются шлюхи?

— Чудесная девушка, — сказал Тирион, — и мы соединились перед глазами богов и людей. Возможно, она для меня потеряна, но пока я не буду совершенно убежден в этом — я должен быть ей верен.

— Понимаю... — Пенни отвернулась.

Моя идеальная женщина, — горько подумал Тирион. — Достаточно юна, чтобы верить такой наглой лжи.

Корпус скрипел, палуба шаталась, а Милашка в ужасе

визжала. Пенни на четвереньках подползла к ней, обхватила руками ее голову и забормотала что-то успокаивающее. Глядя на них обеих, было трудно понять, кто кого утешал. Гротескное зрелище, смешнее не бывает, но Тирион даже не улыбнулся. *Девочка заслуживает лучшего, чем свинья, подумал он. Честный поцелуй, немного доброты, каждый человек достоин такой мелочи, не важно, большой он или маленький. Он стал искать свой кубок, но когда нашел, оказалось, что весь ром из него вылился. Утонуть — само по себе уже довольно паршиво, подумал он кисло, но утонуть грустным и трезвым —*

это слишком жестоко.

В конце концов они не утонули... Хотя были моменты, когда перспектива славно и мирно пойти ко дну казалась весьма привлекательной. Шторм неистовствовал до конца дня и добрую часть ночи. Вокруг них завывали мокрые ветра, а поднимающиеся волны обрушивались на палубу, словно кулаки утонувшего гиганта. Наверху, как они узнали позже, помощника капитана и двух матросов смыло за борт, корабельный кок ослеп, когда котелок кипящего жира угодил ему в лицо, а капитана швырнуло с мостика на главную палубу с такой

силой, что он сломал обе ноги. Внизу же Хруст выл, лаял и норовил укусить Пенни, а Милашка снова начала гадить, превращая тесную, сырую каюту в хлев. Тириону удалось пройти через все это, ни разу не блеванув — главным образом из-за отсутствия вина. Пенни оказалась не столь удачлива, но он кое-как придерживал ее, пока корпус судна угрожающе скрипел и стонал вокруг них, подобно бочке, готовой вот-вот лопнуть.

Около полуночи ветер наконец стих, а море достаточно успокоилось, чтобы Тирион сумел выбраться обратно на палубу. Его глазам открылось неутешительное зрелище.

Корабль дрейфовал по морю из драконова стекла под звездным куполом, но вокруг бушевал шторм. На востоке и западе, на севере и юге, куда бы он ни глянул, везде поднимались тучи, похожие на черные горы, их крутые склоны и колоссальные утесы кишели голубыми и багряными молниями. Дождь прекратился, но палуба под ногами была влажной и скользкой.

Снизу до Тириона донесся чей-то крик — тонкий, высокий голос, обезумевший от страха. Мокорро он тоже слышал. Красный жрец стоял на баке лицом к шторму, подняв над головой посох, и молился своим низким голосом. Посередине корабля

дюжина матросов и два Огненных Пальца боролись со спутанными веревками и промокшей парусиной, но он так и не понял, пытались ли они поднять парус или же спустить его. Чем бы они ни занимались, карлику это показалось очень плохой идеей. Так оно и вышло.

Ветер вернулся, как угрожающий шепот, холодный и влажный, коснулся его щек, захлопал мокрым парусом, закружил и натянул алые одежды Мокорро. Какой-то инстинкт заставил Тирион вцепиться в ближайшие перила. За три мгновения легкий бриз превратился в завывающую бурю. Мокорро что-то прокричал, и зеленое пламя

вырвалось из пасти дракона на его посохе, чтобы раствориться в ночи. Затем пошел ливень, черный и ослепляющий; бак и корма исчезли за стеной воды. Что-то огромное хлопнуло над головой и, подняв глаза, Тирион увидел, как улетает парус с двумя матросами, все еще висящими на веревках. Затем он услышал треск. *Проклятье*, успел подумать он, *должно быть, это мачта.*

Он нашел веревку и потянул ее, продираясь к люку, чтобы спуститься вниз, подальше от шторма, но порыв ветра сбил его с ног, а следующий швырнул на перила, и там он смог удержаться. Дождь, ослепляя,

хлестал его по лицу. Рот снова был полон крови. Корабль под ним стонал и рычал, словно страдающий запором толстяк на горшке.

Потом лопнула мачта.

Тирион этого не видел, но слышал. Вновь прозвучал громкий треск, за ним крик истерзанного дерева, и внезапно воздух оказался наполнен осколками и обломками. Один из них на полдюйма разминулсЯ с глазом Тириона, второй — нашел его шею, третий — насквозь прошел через икру, ботинки, штаны. Тирион закричал. Но он крепко держал веревку, держал с такой силой, какой в себе и не подозревал. *Вдова говорила, что*

этот корабль никогда не доберется до своего места назначения, вспомнил он и рассмеялся. И продолжал смеяться, дико и истерично, пока вокруг него грохотал гром, стонали деревянные шпангоуты и разбивались волны.

К тому времени, как буря утихла, а выжившие пассажиры и члены экипажа выползли обратно на палубу, похожие на бледно-розовых червей, извивающихся на поверхности после дождя, "Селаэсори Кхоран" превратился в сломанную посудину. Он осел в воду и накренился на десять градусов на левый борт; его корпус треснул в полусотне мест, в трюме плескалась

морская вода, а от мачты остался расколотый кусочек не выше карлика. Даже носовая фигура не уцелела: отломилась рука, что держала свитки. Они потеряли девять человек, включая помощника капитана, двух Огненных Пальцев и самого Мокорро.

Видел ли это в своем огне Бенерро? задумался Тирион, когда понял, что огромный красный жрец исчез. *Или сам Мокорро?*

— Пророчества похожи на недоученных мулов, — пожаловался он Джораху Мормонту. — Они кажутся полезными, но как только ты поверишь в них, тут же лягут тебя по голове. Эта проклятая вдова

знала, что корабль никогда не достигнет порта назначения. Она предупреждала нас об этом, мол, Беннеро видел это в огне, и только я решил, что это значит... Хотя какая теперь разница? — Он скривил рот. — Ведь на самом деле это означало, что какой-то проклятый свирепый шторм разнесет в щепки нашу мачту, и мы будем бесцельно болтаться в Заливе Скорби, пока не закончится еда и мы не примемся пожирать друг друга. Как думаешь, кого они разделают первым... свинью, собаку или меня?

— Я думаю, самого шумного.

Капитан скончался на следующий день, а корабельный кок

— три ночи спустя. Все, что оставшийся экипаж мог делать, — это поддерживать развалину на плаву. Принявший на себя командование помощник капитана полагал, что они были где-то возле южной части Острова Кедров. Когда он спустил шлюпки для буксировки судна к ближайшему берегу, то одна из них затонула, а в другой люди обрезали канаты и погребли на север, бросив когг и всех своих товарищей по несчастью.

— Рабы, — с презрением сказал Джорах Мормонт.

Большой рыцарь, по его словам, проспал весь шторм. У Тириона имелись сомнения на этот счет, но

он держал их при себе. Возможно, когда-нибудь ему захочется укусить кого-нибудь за ногу, а для этого нужны зубы. Похоже, Мормонт согласился забыть об их разногласиях, так что Тирион тоже решил сделать вид, что ничего не произошло.

В течение девятнадцати дней они дрейфовали, тогда как пища и вода подходили к концу. Солнце палило неустанно и беспощадно. Пенни забила в свою каюту с собакой и свиньей, и Тирион носил ей еду, прихрамывая на перевязанную ногу, а по ночам прилягивал к ране. Когда ему больше нечем было заняться, он

колол себе пальцы на руках и ногах. Сир Джорах целыми днями точил свой меч, доводя острие до блеска. Три оставшихся Огненных Пальца зажигали ночной огонь, как только садилось солнце, но собирая команду на молитву, они надевали свои раскрашенные доспехи и держали копья под рукой. И никто из моряков больше не пытался потерять голову ни одному из карликов.

— Может, нам вновь устроить для них поединок? — спросила Пенни однажды ночью.

— Думаю, не стоит, — сказал Тирион. — Этим мы лишь напомним им, что у нас есть хорошая пухлая свинья.

Хотя Милашка с каждым днем становилась все менее пухлой, а от Хруста остались только кожа да кости.

Той ночью ему приснилось, что он снова в Королевской Гавани, с арбалетом в руках. “Куда шлюхи отправляются”, — сказал лорд Тайвин, но когда палец Тириона согнулся и тренькнула тетива, на месте отца с пронзенным стрелой животом оказалась Пенни.

Он проснулся от крика.

Палуба под ним покачивалась, и на мгновение он растерялся и подумал, что вернулся на "Робкую Деву". Вонь свинячьего дерьма привела его в чувство. Печали

остались позади, чуть ли не за полмира от него, вместе с радостями того времени. Он вспомнил, как милая Лемора выглядела после своего утреннего купания, с каплями воды, блестящими на обнаженном теле, но здесь единственной девой была его бедная Пенни, маленькая чахлая девушка-карлик.

Все же что-то происходило. Тирион выскользнул из гамака, зевнул и огляделся, высматривая сапоги. И хотя это было чистым безумием, но он поискал взглядом арбалет, и, конечно же, поблизости ни одного не нашлось. *Жаль, подумал он, эта штука могла бы пригодиться, когда большие люди*

придут меня сожрать. Он натянул сапоги и поднялся на палубу — узнать, почему кричали.

Перед ним возникла Пенни, с широко раскрытыми от удивления глазами:

— Парус, — закричала она, — там, там, ты видишь? Парус, и они заметили нас, они заметили. *Парус!*

Теперь уже он поцеловал ее... один раз в каждую щеку, один — в лоб, и последний — в губы. Она залилась румянцем и рассмеялась при последнем поцелуе, потом вдруг застеснялась, но это не имело никакого значения. Корабль приближался — большая галера. Ее весла оставляли позади длинный

след.

— Что за корабль? — спросил он Джораха Мормонта. — Можешь прочитать его название?

— Мне не нужно читать название. Мы с подветренной стороны. Я чую его запах. — Мормонт обнажил меч. — Это работоторговец.

42. ПЕРЕВЕРТЫШ

Первые снежинки закружились в воздухе, падая вниз в свете заката. С наступлением ночи снег валил уже так сильно, что взошедшую луну было не видно за белоснежным занавесом.

— Боги севера обрушили свой гнев на лорда Станниса, — объявил Русе Болтон своим людям утром, когда те собрались на завтрак в Великом Чертоге Винтерфелла. — Он здесь чужак, и старые боги не оставят его в живых.

Люди одобрительно заревели, стуча кулаками по длинным дощатым

столам. Хоть Винтерфелл и разрушили, его гранитные стены все еще оберегали их от порывов ветра и непогоды. Они были хорошо снабжены едой и питьем; огонь помогал им согреться, когда они не дежурили, внутри доставало места, чтобы высушить одежду, и удобных углов, чтобы лечь и поспать. Лорд Болтон заготовил достаточное количество дерева, чтобы поддерживать огонь в течение полугода, поэтому Великий Чертог всегда оставался теплым и уютным. У Станиса же не было ничего подобного.

Теон Грейджой не присоединился к общим крикам.

Равно как и мужчины из дома Фреев, что не укрылось от его взгляда. *Они здесь тоже чужаки*, подумал он, наблюдая за сиром Эйенисом Фреем и его сводным братом сиром Хостином. Рожденные и выросшие в речных землях, Фреи никогда не видели такого снега. *Север уже унес жизни троих из их рода*, думал Теон, вспоминая пропавших между Белой Гаванью и Городом-на-Кургане — тех, кого безуспешно разыскивал Рамси.

Лорд Виман Мандерли сидел на помосте между парой рыцарей из Белой Гавани, уплетая кашу за обе толстые щеки. Не похоже, чтобы он наслаждался ей так же, как пирогами

из свинины на свадьбе. Неподалеку
однорукий Харвуд Стаут тихо
разговаривал с мертвенно-бледным
Амбером Смерть Шлюхам.

Теон стоял вместе с остальными
в очереди за кашей, которую
разливали по деревянным мискам из
ряда медных котлов. Он видел, что
лордам и рыцарям подали молоко и
мед, и даже немного масла, чтобы
улучшить вкус еды, но ему ничего из
этого не предложили. Его правление
в качестве принца Винтерфелла было
недолгим. Он сыграл свою роль в
этом балагане, выдав лже-Арью
замуж, и теперь Русе Болтон больше
в нем не нуждался.

— В первую зиму, которую я

могу вспомнить, сугробы были выше моей головы, — заметил человек из Хорнвудов в очереди перед ним.

— Ага, но в тебе тогда было росту три фута, — ответил ему верховой из Источников.

Прошлой ночью, мучаясь бессонницей, Теон поймал себя на мыслях о побеге: как бы ему незаметно ускользнуть, когда Рамси и его лорд-отец на что-нибудь отвлекутся. Однако все ворота были закрыты, заперты на засовы и хорошо охранялись; никому не разрешалось входить или покидать замок без позволения лорда Болтона. Даже если бы Теон нашел какой-то тайный проход, он не решился бы им

воспользоваться. Он не забыл Киру и ее ключи. Но даже если он выберется, куда ему идти? Отец мертв, дяде он не нужен. Пайк был для него потерян. Все, что у него осталось, все, что он хоть как-то мог назвать домом — находилось здесь, среди костей Винтерфелла.

Человек-развалина в развалинах замка. Да, тут мне самое место.

Он все еще ждал порцию каши, когда в зал с гордым видом вошел Рамси в сопровождении своих Мальчигов, кричащих и требующих музыки. Абель протер глаза ото сна, взял лютню и запел "Дорнийскую жену", а одна из его прачек отбивала ритм на барабане. Однако певец

изменил слова песни: вместо "коль дорнийка любила меня", он спел про "дочь северянина".

Он может лишиться языка за такую дерзость, думал Теон, пока наполняли его миску. Он всего-навсего певец. Лорд Рамси сдерет кожу с обеих его рук, и никто не скажет ни слова. Но лорд Болтон улыбнулся новым строкам, а Рамси захохотал. После этого остальные поняли, что и им можно безопасно посмеяться. А Желтого Дика песня рассмешила настолько, что вино брызнуло у него из носа.

Леди Арья не появилась, чтобы разделить общее веселье. Она не покидала своих комнат после

брачной ночи. Кислый Алин болтал, что Рамси держит свою жену обнаженной и прикованной цепью к кровати, но Теон знал, что это просто сплетни. Нет там никакой цепи, по крайней мере, видимой человеческому глазу. Просто пара охранников возле спальни, не пускающих ее бродить по замку. *И голая она, только когда принимает ванну.*

А мылась она каждый вечер. Лорд Рамси хотел, чтобы его жена была чистой. "У бедняжки нет горничных, — сказал он Теону. — Остаешься только ты, Вонючка. Одеть тебя в платье? — он расхохотался. — Может быть одену,

если ты меня хорошенько попросишь. А пока тебе достаточно просто быть ее банщицей. Я не хочу, чтобы от нее несло, как от тебя". И теперь всякий раз, когда Рамси желал разделить супружеское ложе со своей женой, Теону приходилось таскать из кухни горячую воду и выпрашивать на время у леди Уолды или леди Дастин их служанок. Хотя Арья никогда не разговаривала с ними, от них не укрывались ее синяки. *Она сама виновата. Она не доставила ему удовольствия.* "Просто будь Арьей, — однажды посоветовал он ей, помогая принять ванну. — Лорд Рамси не хочет причинять тебе боль. Он это делает только когда... когда

мы забываемся. Он никогда не резал меня без причины".

"Теон...", — рыдая прошептала она. "Вонючка, — он схватил ее за руку и встряхнул. — Здесь я Вонючка. Ты должна *запомнить* это, Арья". Но она была не урожденной Старк, а всего лишь дочерью управляющего. *Джейни, ее имя Джейни. Она не должна ждать, что я спасу ее.* Теон Грейджой, возможно, попытался бы помочь, но Теон был железнорожденным, и гораздо храбрее Вонючки. *Вонючка, Вонючка — жалкая кучка.*

У Рамси есть новая игрушка для развлечений, с сиськами и киской... но скоро слезы Джейни потеряют

для него остроту, и Рамси снова захочет своего Вонючку. Он будет свежевать меня дюйм за дюймом. Когда у меня не останется пальцев на руках, он лишит меня рук. После пальцев на ногах — отрубит ноги. Но только когда я сам буду умолять об этом, только когда боль от сдирания кожи станет невыносимой, и я начну просить его даровать мне облегчение. Больше не будет горячих ванн для Вонючки. Он опять будет валяться в дерьме, и ему запретят мыться. Одежда на нем превратится в лохмотья, грязные и смердящие, и его заставят носить их, пока они не сгниют. Лучшее, на что он мог надеяться — возвращение в

псарню, к девочкам Рамси. *Кира*, вспомнил он. *Его новую суку зовут Кира.*

Он отнес свою миску в конец зала и нашел место на пустой скамье, в нескольких ярдах от ближайшего факела. И днем, и ночью нижние скамьи всегда были хотя бы наполовину заполнены мужчинами, которые пили, играли в кости, разговаривали или спали, не раздеваясь, в тихих уголках. Они просыпались от пинков командиров, когда подходила их очередь укутываться в плащи и уходить на стены. Но никому из них не нравилась компания Теона Перевертыша, да и его их общество

не прельщало.

Каша была серой и водянистой, и он оттолкнул ее после третьей ложки, оставив застывать в миске. За соседним столом мужчины спорили о буре и вслух гадали, как долго будет идти снег.

— Весь день и всю ночь, может быть, даже дольше, — настаивал здоровый чернобородый лучник с топором Сервинов, вышитым на груди.

Те, кто постарше, говорили о других снежных бурях и утверждали, что эта — всего лишь легкая пыль по сравнению с зимними бурями во времена их молодости. Речные жители были в ужасе. *Эти южные*

лорды не любят снег и холод.
Мужчины входили в зал, толпились у огня или грели руки над раскаленными жаровнями, пока их плащи сушились на колышках возле дверей.

Воздух был густой и дымный, и его каша уже успела покрыться корочкой, когда женский голос позади него сказал:

— Теон Грейджой.

Мое имя Вонючка, чуть не сказал он.

— Что вам нужно?

Она села рядом с ним, оседлав скамейку, и убрала с глаз непослушную прядь рыже-каштановых волос.

— Почему вы едите в одиночестве, м'лорд? Давайте, поднимайтесь, пойдёте танцевать.

Он вернулся к своей каше.

— Я не танцую, — принц Винтерфелла был прекрасным танцором, но Вонючка со своими отсутствующими пальцами выглядел бы нелепо. — Оставьте меня. У меня нет ни монеты.

Женщина криво усмехнулась.

— Вы принимаете меня за шлюху? — она была одной из прачек певца, высокая и тощая, слишком худая и жесткая, чтобы быть симпатичной... хотя были времена, когда Теон все равно покувыркался бы с ней, чтобы узнать, каково это —

быть обхваченным такими длинными ногами. — Какая мне здесь польза от монет? Что я на них куплю, немного снега? — Она засмеялась. — Вы можете отплатить мне улыбкой. Я никогда не видела вас улыбающимся, даже во время пира в честь свадьбы вашей сестры.

— Леди Арья мне не сестра. — *И я больше не улыбаюсь, мог бы сказать он ей. Рамси ненавидел мою улыбку и выбил мне зубы молотком. Я даже ем с трудом.* — Она никогда не была моей сестрой.

— Тем не менее, хорошенькая девочка.

"Я никогда не считалась такой красавицей, как Санса, но все всегда

говорили, что я хорошенькая". Слова Джейни эхом отдавались в его голове под ритм барабанов, в которые стучали две другие девки Абея. Еще одна вытянула Малого Уолдера Фрея из-за стола, чтобы научить его танцевать. Все смеялись.

— Оставьте меня в покое, — сказал Теон.

— Я не во вкусе м'лорда? Я могу послать к вам Мирту, если хотите. Или Ягодку, может, она понравится вам больше. Всем мужчинам нравится Ягодка. Они мне тоже не сестры, но такие милашки, — женщина придвинулась ближе. От нее пахло вином. — Если у вас не найдется для меня улыбки,

расскажите, как вы взяли Винтерфелл. Абель сложит об этом песню, и вы будете жить вечно.

— Как предатель. Теон Перевертыш.

— Почему же не Теон Умный? По слухам, это был бесстрашный подвиг. Сколько людей у вас было? Сто? Пятьдесят?

Меньше.

— Это было безумием.

— Славным безумием. Говорят, у Станниса — пять тысяч, но Абель утверждает, что и вдесятеро большим числом не одолеть эти стены. Так как же вы проникли внутрь, м'лорд? Вы знали какой-то тайный ход?

У меня были веревки, подумал

Теон. *С крюками. И темнота была на моей стороне, а еще неожиданность. Замок едва оборонялся, и я застал их врасплох.* Но он не сказал ничего из этого. Если Абель сложит о нем песню, то, скорее всего, Рамси проколет ему перепонки — чтобы его Вонючка уж точно ее не услышал.

— Можете поверить мне, м'лорд, Абель напишет, — прачка положила свою руку поверх его. На нем были перчатки из шерсти и кожи. Ее же руки — обнажены: грубые, с длинными пальцами и обкусанными под корень ногтями. — Вы так и не спросили моего имени. Меня зовут Рябина.

Теон отшатнулся. Это была ловушка, он знал. *Ее послал Рамси. Одна из его шуток, как Кира с ключами. Веселая шутка и все. Он хочет, чтобы я сбежал, чтобы дал ему повод наказать меня.*

Он хотел ударить ее, сбить эту издевательскую улыбку с ее лица. Он хотел поцеловать ее, трахнуть прямо здесь, на столе, заставляя кричать его имя. Но он знал, что не осмелится коснуться ее, ни в ярости, ни в вожделении. *Вонючка, Вонючка, мое имя Вонючка. Я не должен забывать свое имя.* Он резко поднялся и без слов направился к дверям, прихрамывая на своих искалеченных ногах.

Снаружи все еще шел снег. Мокрый, тяжелый, безмолвный, он уже начал скрывать следы людей, входящих и выходящих из зала. Снега нанесло уже почти до верха его ботинок. *В Волчьем лесу он будет еще глубже... и на Королевском Тракте, где дует ветер — там от него не скрыться.* Во дворе разворачивалась битва; Рисвеллы бросались снежками в мальчишек из Города-на-Кургане. Над ними он увидел нескольких оруженосцев, лепивших снеговиков вдоль крепостных стен. Они вооружали их копьями и щитами, надевали железные полушлемы на головы и выстраивали вдоль внутренней стены

— целый ряд снежных часовых.

— Лорд Зима пришел к нам со своими рекрутами, — пошутил один из часовых, охраняющих Великий Чертог... но потом разглядел лицо Теона и понял, с кем говорит. Тогда он отвернулся и сплюнул.

За шатрами дрожали в стойлах боевые кони рыцарей из Белой Гавани и Близнецов. Рамси сжег конюшни, когда разграбил Винтерфелл, поэтому его отец выстроил новые, вдвое больше старых, чтобы вместить боевых и верховых лошадей знаменосцев и рыцарей своих лордов. Остальных лошадей привязали во дворе. Конюхи в капюшонах ходили среди них и

накрывали животных попонами, пытаясь уберечь от холода.

Теон направился дальше, в разрушенные части замка. Он пробирался сквозь обломки камней, бывших когда-то башней мастера Лювина, а вороны глядели на него сверху из пробоин в стенах, что-то бормоча друг другу. Иногда один из них хрипло каркал. Он постоял в дверях спальни, однажды принадлежавшей ему (по щиколотку в снегу, налетевшем через разрушенное окно), сходил на развалины кузницы Миккена и септы леди Кейтилин. Под Сгоревшей Башней он прошел мимо Рикарда Рисвелла, уткнувшегося носом в шею

одной из прачек Абея, толстушки с щечками, как яблоки, и вздернутым носиком. Девушка стояла в снегу босиком, закутанная в меховой плащ. Он подумал, что под ним она, возможно, голая. Увидев его, она сказала Рисвеллу что-то, заставившее того рассмеяться.

Теон поковылял от них прочь. За стойлами находилась редко используемая лестница — ноги сами привели его сюда. Ступеньки были крутыми и ненадежными. Он осторожно поднимался и вскоре оказался на внутренней крепостной стене, в одиночестве, вдали от оруженосцев и их снеговиков. Никто не давал ему свободы перемещения

по замку, но никто и не отнимал ее у него. Внутри стен он мог ходить, куда хотел.

Внутренняя стена Винтерфелла была более старой и высокой из двух. Ее древние серые зубцы возвышались на сотню футов, по углам стояли квадратные башни. Наружная стена, возведенная многими столетиями позже, была футов на двадцать ниже, но толще и в лучшем состоянии, с восьмиугольными башнями вместо квадратных. Между стенами — ров с водой, глубокий, широкий... и замерзший. На его ледяной поверхности уже росли сугробы. Снег начал ложиться и вдоль стен, заполняя бреши между зубцами и

надевая бледные, мягкие шапки на верхушку каждой башни.

За стенами, куда бы он ни посмотрел, мир становился белым. Деревья, поля, Королевский Тракт — снег покрывал все бледной мягкой мантией, хороня остатки зимнего городка и пряча почерневшие стены, оставшиеся после того, как люди Рамси предали дома огню. *Раны, которые нанес Сноу, спрятал снег.* Но это было неправильно. Рамси теперь Болтон, а не Сноу, ни в коем случае не Сноу.

Далеко впереди изрытый колеями Королевский Тракт исчезал, терялся среди полей и холмов, превращаясь в безграничную белую

гладь. А снег все еще шел, падая в тишине с безветренного неба. *Где-то там мерзнет Станнис Баратеон.* Попытается ли лорд Станнис взять Винтерфелл приступом? *Если так, то дело его обречено.* Замок был хорошо укреплен. Даже с замерзшим ровом оборонительные сооружения Винтерфелла оставались непреодолимыми. Теон захватил замок хитростью, послав своих лучших людей взобраться по стене и переплыть ров с водой под покровом тьмы. Защитники даже не знали, что их атакуют, пока не стало слишком поздно. Но Станнис не мог воспользоваться той же уловкой.

Он может попробовать отрезать

замок от внешнего мира и взять измором его защитников. Кладовые и погреба Винтерфелла были пусты. Длинный обоз пришел с Болтоном и его друзьями Фреями из-за Перешейка, леди Дастин привезла припасы и фураж из Города-на-Кургане, а лорд Мандерли прибыл хорошо подготовленным из Белой Гавани... но войско было большим. С таким количеством ртов их запасов надолго не хватит. *Хотя лорд Станнис и его люди будут так же голодны. К тому же замерзшими и со стертыми ногами, неспособными драться... но буря заставит их отчаянно пытаться попасть внутрь замка.*

Снег шел и в богороще. Он таял, касаясь земли. Под деревьями, укутанными белыми одеждами, земля превратилась в грязь. Щупальца тумана висели в воздухе призрачными лентами. *Зачем я сюда пришел? Это не мои боги. Это не мое место.* Сердце-дерево стояло перед ним, бледный великан с вырезанным лицом и листьями, похожими на окровавленные ладони.

Тонкая пленка льда покрывала пруд под чардревом. Теон опустился рядом с ним на колени.

— Пожалуйста, — пробормотал он сквозь сломанные зубы. — Я никогда не хотел... — слова застряли в горле. — Спасите меня, — наконец

сказал он. — Дайте мне... — *Что? Силу? Мужество? Прощение?* Снег падал рядом с ним, бледный и молчаливый, хранящий свои секреты. Единственными звуками были тихие рыдания. *Джейни*, подумал он. *Это она рыдает на супружеском ложе. Кто же еще это может быть?* Боги не плачут. *Или плачут?*

Звук был слишком мучительным, он не мог выносить его. Теон схватил ветку и поднялся на ноги, сбил снег с сапог и захромал обратно к огням. *В Винтерфелле есть призраки*, подумал он, *и я — один из них.*

К моменту возвращения Теона Грейджоя во дворе появилось еще больше снеговиков. Для

командования снежными стражами на стенах оруженосцы соорудили дюжину снежных лордов. Один явно изображал лорда Мандерли — это был самый толстый снеговик из всех когда-либо виденных Теоном. Однорукий лорд мог быть только Харвудом Стаутом, снежная леди — Барбри Дастин. А самый ближний к двери, с бородой, сделанной из сосулук, похоже, был старым Амбером Смерть Шлюхам.

Внутри повара раздавали рагу из говядины с ячменем, морковью и луком в горшочках, выдолбленных из вчерашних буханок. Обьедки бросали на пол, где их поглощали девочки Рамси и другие собаки.

Девочки были рады видеть его. Они узнали его по запаху. Рыжая Джейне подбежала облизать ему руку, а Хелисент проскользнула под стол и свернулась у его ног, грызя кость. Они были хорошими собаками — легко забыть, что все они названы именами девушек, которых Рамси загнал и убил.

Чувствуя усталость, Теон все же нашел в себе силы съесть немного тушеного мяса и запить его элем. Тем временем зал наполнился шумом. Два разведчика Русе Болтона вернулись обратно через Охотничьи Ворота с сообщением о том, что передовые отряды лорда Станниса замедлились в своем продвижении.

Его рыцари ехали на боевых конях, и лошади вязли в снегу. Небольшие устойчивые лошадки горных кланов справлялись лучше, доложили разведчики, но при этом горцы не решались слишком вырываться вперед, иначе их войско распалось бы на части. Лорд Рамси приказал Абелю сыграть походную песню в честь продирающегося сквозь снега Станниса, так что бард снова взялся за лютню, а одна из прачек выпросила меч у Кислого Алины и теперь изображала Станниса, сражающегося со снежинками.

Теон вглядывался в осадок на дне третьей по счету кружки, когда леди Барбри Дастин стремительно

вошла в зал и послала двух своих присяжных рыцарей привести его к ней. Он остановился у помоста, где она смерила его взглядом и принюхалась.

— На тебе та же одежда, что была на свадьбе.

— Да, миледи. Это одежда, которую мне дали, — один из уроков, усвоенных им в Дредфорте: бери, что тебе дают, и никогда не проси большего.

Как всегда, леди Дастин оделась в черное, хотя рукава ее платья были подбиты беличьим мехом. Лицо обрамлял высокий жесткий воротничок.

— Ты знаешь этот замок.

— Когда-то знал.

— Где-то под нами крипты, в темноте которых сидят древние короли Старки. Мои люди не смогли отыскать проход к ним. Они облазили все подвалы и погреба, даже темницы, но...

— В крипты нельзя попасть из темниц, миледи.

— Ты можешь показать мне путь вниз?

— Там внизу нет ничего кроме...

— ...мертвых Старков? Да. И так получилось, что все мои любимые Старки мертвы. Ты знаешь дорогу или нет?

— Знаю, — ему не нравились

крипты, никогда не нравились, но он знал их.

— Покажи мне. Сержант, принеси фонарь.

— Миледи понадобится теплый плащ, — предупредил Теон. — Нам надо будет выйти наружу.

Когда они покинули зал, снег шел сильнее, чем прежде, и леди Дастин закуталась в соболя. Стражники, съезжившиеся под плащами с капюшонами, почти не отличались от снеговиков. Только их дыхание, затуманивавшее воздух, подтверждало, что они все еще живы. Вдоль зубчатой стены зажгли огни, в тщетной попытке рассеять мрак. Их маленькой компании пришлось

продираться сквозь гладкие
нетронутые белые заносы,
доходившие до середины икр.
Палатки на улице наполовину
замело, они провисали под тяжестью
накопившегося на них снега.

Вход в крипты был самой старой
частью замка, он находился у
основания Первой Твердыни, которая
стояла заброшенной в течение
столетий. Рамси предал ее огню,
когда разграбил Винтерфелл, и
большая часть того, что не сгорело,
обрушилась. Остался только каркас, с
одной стороны открытый непогоде и
заносимый снегом. Все вокруг было
усыпано обломками камня:
большими глыбами разрушенной

кладки, почерневшими балками, сломанными горгульями. Падающий снег укрыл почти все руины, но часть одной горгульи пока еще виднелась над сугробом — ее нелепое лицо слепо щерилось небу.

Здесь нашли Брана, когда он упал. Теон в тот день был на охоте с лордом Эддардом и королем Робертом, не догадываясь о мрачных новостях, что ждали их по возвращении в замок. Он помнил лицо Робба, когда ему сообщили об этом. Никто не ожидал, что сломанный мальчик выживет. Боги не смогли убить Брана, так же, как не смог и я. Это была странная мысль, но еще более странно — помнить,

что Бран, возможно, до сих пор жив.

— Там, — Теон указал на занесенную снегом крепостную стену. — Прямо под стеной, где разбитые камни.

Людам леди Дастин понадобилось почти полчаса, чтобы расчистить вход, раскапывая снег и разбирая завалы. Когда они управились, оказалось, что дверь обледенела. Сержанту пришлось сходить за топором, прежде чем он смог ее открыть; петли заскрипели, открывая взору каменные ступеньки, уходящие спиралью вниз, в темноту.

— Дорога вниз долгая, миледи, — предупредил Теон.

Леди Дастин это не испугало.

— Берон, свет.

Путь был узок и крут, ступени посередине стерлись от прошедших по ним за века ног. Они шли друг за другом: сержант с фонарем, за ним — Теон и леди Дастин, другой ее человек замыкал процессию. Теон всегда думал, что в криптах холодно — так им казалось летом, но сейчас, по мере того как они спускались, воздух становился теплее. Не *теплым*, конечно же, но гораздо теплее, чем снаружи. Глубоко под землей, казалось, холод был постоянным, неизменным.

— Новобрачная плачет, — сказала леди Дастин, пока они шли вниз, осторожно, ступенька за

ступенькой. — Наша маленькая леди Арья.

Теперь осторожнее.
Осторожнее, осторожнее. Он оперся одной рукой о стену. От дрожащего света факелов казалось, что ступени движутся под его ногами.

— Как... как скажете, м'леди.

— Русе недоволен. Передай это своему бастарду.

Он не мой бастард, хотел сказать он, но другой голос внутри него ответил: Твой, твой. Вонючка принадлежит Рамси, а Рамси — Вонючке. Ты не должен забывать свое имя.

— То, что ее облачили в серое с

белым, не поможет, если девчонка будет рыдать. Фреям, возможно, все равно, но северяне... они боятся Дредфорта, но любят Старков.

— Но не вы, — сказал Теон.

— Не я, — призналась леди Города-на-Кургане. — Но остальные — да. Старый Смерть Шлюхам здесь только потому, что Фреи держат в плену Большого Джона. И неужели ты думаешь, что люди Хорнвуда забыли о последнем браке Бастарда, и о том, как его леди-супруга была обречена на голод и грызла собственные пальцы? Какие мысли, ты думаешь, появляются у них в головах, когда они слышат, как плачет новая жена? Драгоценная маленькая

девочка отважного Неда?

Нет, думал он. Она не из рода лорда Эддарда, ее зовут Джейни, она всего лишь дочь стюарда. Он не сомневался, что леди Дастин подозревала, но все же...

— Всхлипы леди Арьи вредят нам больше, чем все мечи и копья лорда Станниса. Если Бастард хочет остаться лордом Винтерфелла, ему лучше бы научить свою жену смеяться.

— Миледи, — перебил Теон. — Мы пришли.

— Лестница идет дальше вниз, — отметила леди Дастин.

— Там нижние уровни. Более древние. Как я слышал, самый

нижний уровень частично обвалился. Я никогда там не был.

Он толкнул дверь и провел их в длинный сводчатый туннель, где могучие гранитные колонны парами уходили в темноту.

Сержант леди Дастин поднял фонарь. Тени скользили и менялись. *Маленький огонек в великом мраке.* Теону всегда было неуютно в криптах. Он будто чувствовал, как каменные короли смотрят на него сверху своими каменными глазами, а их каменные пальцы сжимаются вокруг рукоятей заржавевших мечей. И никто не испытывает любви к железнорожденным. Знакомое ощущение ужаса охватило его.

— Так много, — сказала леди Дастин. — Ты знаешь их имена?

— Знал... но это было давно, — Теон кивнул. — На этой стороне — Короли Севера. Торрхен был последним.

— Король, Преклонивший Колено.

— Да, миледи. После него они были просто лордами.

— До Молодого Волка. Где могила Неда Старка?

— В конце. Сюда, миледи.

Их шаги эхом отражались от сводов, когда они шли между рядами колонн. Каменные глаза мертвых людей, казалось, следили за ними, как и глаза каменных лютоволков.

Лица пробуждали слабые воспоминания. Ему невольно вспомнилось несколько имен, прошептанных призрачным голосом мастера Лювина. Король Эдрик Снежная Борода, правивший севером сотню лет. Брандон Кораблестроитель, уплывший за закат. Теон Старк, Голодный Волк. *Мой тезка.* Лорд Берон Старк, который сообща с Утесом Кастерли вел войну против Дагона Грейджоя, лорда Пайка, в те времена, когда Семь Королевств по сути управлялись бастардом-колдуном, которого называли Кровавый Ворон.

— У этого короля нет меча, — заметила леди Дастин.

Действительно. Теон не помнил, что это был за король, но меч, который тот должен был держать, пропал. Полоски ржавчины отмечали, где он был раньше. Эта картина растревожила его. Ему всегда говорили, что железо меча удерживает духов мертвых в их могилах. Если меча нет...

*В Винтерфелле есть призраки.
И я — один из них.*

Они пошли дальше. Лицо Барбри Дастин, казалось, ожесточалось с каждым шагом. *Ей нравится здесь не больше, чем мне.* Теон услышал свой голос:

— Миледи, почему вы ненавидите Старков?

Она изучающе посмотрела на него:

— По той же причине, по которой ты их любишь.

Теон споткнулся.

— Люблю их? Я никогда... Я отнял у них этот замок, миледи. Я... я приказал убить Брана и Рикона и насадить их головы на пики, я...

— ...пошел на юг с Роббом Старком, сражался рядом с ним в Шепчущем Лесу и Риверране, вернулся на Железные Острова, как его посол, чтобы вести переговоры с собственным отцом. Город-на-Кургане тоже послал людей с Молодым Волком. Я отдала ему настолько мало людей, насколько

осмелилась, но я знала, что должна послать хотя бы немногих или рискнуть и вызвать гнев Винтерфелла. Так что у меня были глаза и уши в армии. Они хорошо меня информировали. Я знаю, кто ты. Я знаю, каков ты. Теперь ответь на мой вопрос. Почему ты любишь Старков?

— Я... — Теон оперся рукой в перчатке на колонну. — ...Я хотел быть одним из них...

— И никогда не стал. У нас больше общего, чем ты думаешь, милорд. Но пойдем.

Чуть дальше три могилы были расположены близко друг к другу. Здесь они остановились.

— Лорд Рикард, — заметила леди Дастин, изучая центральную фигуру. Статуя маячила над ними — длиннолицая, бородастая, торжественная. У него были такие же каменные глаза, как и у остальных, но его казались печальными.

— У него тоже нет меча.

И в самом деле.

— Кто-то был здесь внизу и украл мечи. Меч Брандона тоже пропал.

— Он не потерпел бы этого, — она сняла перчатку и дотронулась до колена статуи — бледная плоть на темном камне. — Брандон любил свой меч. Он любил точить его. "Я

хочу сделать его таким острым, чтобы он мог сбрить волосы с женской промежности", — говорил он. А как он любил пользоваться им. "Окровавленный меч — прекрасная вещь", — сказал он мне однажды.

— Вы знали его, — сказал Теон.

Свет фонаря отражался в ее глазах, и казалось, что они были в огне.

— Брандон воспитывался в Городе-на-Кургане у старого лорда Дастина, отца того, за которого я позже вышла замуж, но большую часть времени он проводил, скача по Источникам. Ему нравилось ездить верхом. Его младшая сестра была в этом на него похожа. Пара кентавров,

эти двое. А моему лорду-отцу всегда нравилось принимать наследника Винтерфелла. Отец строил большие планы для дома Рисвеллов. Он бы подарил мою невинность любому Старку, оказавшемуся поблизости, но в этом не было необходимости. Брандон никогда не стеснялся брать то, что хотел. Сейчас я уже стара, высушенное создание, слишком долго бывшее вдовой, но я все еще помню вид моей девичьей крови на его члене в ту ночь, когда он заявил на меня права. Думаю, Брандону эта картина тоже понравилась. Окровавленный меч — прекрасная вещь, да. Было больно, но то была сладкая боль.

Однако в тот день, когда я узнала, что Брандон женится на Кейтилин Талли... *та* боль уже не казалась сладкой. Он никогда не хотел ее, уверяю тебя. Он сам мне сказал, в нашу последнюю ночь вместе... но и Рикард Старк тоже строил большие планы. *Южные* амбиции, которые не удовлетворились бы женитьбой наследника на дочери одного из его собственных вассалов. Потом отец лелеял надежду выдать меня за брата Брандона, Эддарда, но Кейтилин Талли получила и его. Я же осталась с молодым лордом Дастином, пока Нед Старк не забрал его у меня.

— Восстание Роберта...

— Лорд Дастин и я не были женаты и полгода, когда Роберт восстал, а Нед Старк созвал знамена. Я умоляла мужа не уходить. Он мог послать вместо себя родственников: его дядя славился умением орудовать топором, а двоюродный дед воевал в Войне Девятигрошевых Королей. Но лорд Дастин был мужчиной, и мужчиной гордым — ничто не удовлетворило бы его больше, чем возможность самому повести в бой рекрутов Города-на-Кургане. Я дала ему коня в день, когда он отправился, гнедого жеребца с огненной гривой, гордость стада моего лорда-отца. Мой супруг клялся, что вернется на нем домой, когда война завершится.

Нед Старк вернул мне коня на обратном пути в Винтерфелл. Он рассказал, что мой лорд пал смертью храбрых и что его тело погребено под красными горами Дорна. Но кости своей сестры он привез на север, и она покоится здесь... но я клянусь, что кости лорда Эддарда никогда не будут похоронены рядом с ней. Я собираюсь скормить их своим собакам.

Теон не понял.

— Его... его кости?..

Ее губы скривились. Это была уродливая усмешка, усмешка, которая напомнила ему Рамси.

— Кейтилин Талли отправила кости лорда Эддарда на север перед

Красной Свадьбой, но твой железный дядя захватил Ров Кейлин и закрыл дорогу. С тех пор я наблюдаю. Если эти кости когда-нибудь всплывут из болот, они не пройдут дальше Города-на-Кургане, — она бросила последний долгий взгляд на изображение Эддарда Старка. — Здесь мы закончили.

Метель все еще бушевала, когда они вышли из крипты. Леди Дастин молчала, пока они поднимались, но снова оказавшись над руинами Первой Твердыни, она поежилась и произнесла:

— Ты никогда не повторишь ни слова из сказанного внизу. Это

понятно?

Ему было понятно.

— Придержу язык или потеряю его.

— Русе хорошо тебя выдрессировал, — на этом она оставила Теона одного.

43. КОРОЛЕВСКИЙ ТРОФЕЙ

Королевское войско покидало Темнолесье в золотых лучах рассвета, вытягиваясь из-за бревенчатого частокола, словно длинная стальная змея, выползающая из своего гнезда.

Рыцари-южане выехали в пластинчатых доспехах и кольчугах, покрытых вмятинами и царапинами от пройденных битв, но все еще достаточно ярких, чтобы сверкать в лучах восходящего солнца. Полинявшие и в пятнах, оборванные и заштопанные, их знамена и

накидки все еще поражали богатством красок среди зимнего леса: лазурные и оранжевые, красные и зеленые, фиолетовые, голубые и золотые, проблескивающие среди пустой бурой дороги, серо-зеленых сосен, страж-деревьев и сугробов грязного снега.

Каждого рыцаря сопровождали оруженосцы, слуги и латники. За ними шли оружейники, повара, конюхи; шеренги копейщиков, лучников и воинов с топорами; седые ветераны сотни битв и зеленые мальчишки, готовившиеся к первому сражению. Перед ними маршировали кланы с холмов: вожди и лучшие

воины ехали верхом на лохматых низкорослых горных лошадях, их косматые бойцы рысили рядом с ними, одетые в меха, вареную кожу и старые кольчуги. Некоторые раскрасили лица коричневым и зеленым и привязали вокруг себя пучки кустарника, чтобы не выделяться среди деревьев.

Позади главной колонны следовали обозы: мулы, лошади, быки, растянувшаяся на милю вереница телег и повозок, нагруженных продуктами, кормом для скота, палатками и продовольствием. Замыкала строй тыловая охрана — рыцари в пластинчатой броне и кольчугах под

прикрытием почти невидимых за деревьями всадников, следивших за тем, чтобы неприятель не подкрался незамеченным.

Аша Грейджой ехала с обозом, в крытой повозке на двух огромных, обитых железом колесах; со скованными запястьями и лодыжками, под денным и ночным наблюдением Медведицы, которая храпела хуже любого мужчины. Его Величество король Станнис не оставил своему трофею никаких шансов на побег. Он планировал доставить ее в Винтерфелл, чтобы она предстала перед северными лордами в цепях — связанная и сломленная дочь кракена, доказательство его власти.

Колонну сопровождали звуки труб. Наконечники копий блестели в лучах восходящего солнца, а трава на обочинах сверкала от утреннего инея. Между Темнолесьем и Винтерфеллом лежит сотня лиг лесов. По прямой в ту сторону — триста миль для ворона. "Пятнадцать дней", — говорили рыцари друг другу.

— Роберт справился бы за десять, — слышала Аша горделивые речи лорда Фелла. Его дед погиб от руки Роберта в Летнем Замке, и почему-то это возвысило убийцу до богоподобия в глазах внука. — Роберт был бы в Винтерфелле еще две недели назад и показывал бы

Болтону кукиш с замковых стен.

— Лучше не упоминать об этом при Станнисе, — посоветовал Джастин Масси, — или он заставит нас маршировать не только днем, но и ночью.

Этот король живет в тени своего брата, подумала Аша.

Лодыжку по-прежнему пронзала боль каждый раз, когда она пыталась перенести на нее вес тела. Аша не сомневалась, что это перелом. Отек спал в Темнолесье, но боль осталась. Будь это растяжением, оно бы уже точно зажило. Оковы лязгали при каждом движении. Кандалы ранили ее запястья и ее гордость. Но такова была цена повиновения.

"Никто еще не умер от того, что преклонил колено, — однажды сказал ей отец. — Тот, кто встал на колени, может вновь подняться с мечом в руке. Тот, кто не склонился, так и останется мертвым, с несгибаемыми ногами и всем остальным". Бейлон Грейджой доказал правоту своих слов, когда его первое восстание потерпело поражение: кракен преклонил колено перед оленем и лютоволком, только чтобы опять восстать после смерти Роберта Баратеона и Эддарда Старка.

И вот в Темнолесье дочь кракена поступила точно так же, когда ее швырнули перед королем, связанную

и хромающую (хотя, к счастью, не изнасилованную), с обжигающей болью в лодыжке.

"Я сдаюсь, Ваше Величество. Поступайте со мной, как вам будет угодно. Я прошу лишь пощадить моих людей". Кварл, Трис и остальные выжившие в Волчьем лесу, были единственными, кто ее теперь волновал. Их осталось только девять. "Оборванная девятка", как назвал их Кромм. Его раны были самыми тяжелыми.

Станнис подарил ей их жизни, однако она не чувствовала истинного милосердия в этом человеке. Несомненно, он решителен, и ему нельзя отказать в мужестве. Люди

говорили, что он справедлив... и если его справедливость сурова и безжалостна, что ж, жизнь на Железных Островах приучила Ашу Грейджой к этому. Тем не менее, она не могла проникнуться симпатией к королю. Его глубоко посаженные голубые глаза, казалось, всегда были подозрительно прищурены, и в них кипела ледяная ярость. Ее жизнь мало что для него значила — она всего лишь заложница, трофей, призванный показать северу, что он способен побеждать железнорожденных.

Ну и дурак. Победа над женщиной не внушит северянам благоговейного трепета, если она

что-нибудь понимает в этих людях, а ее ценность как заложника — ничтожна. Теперь Железными Островами правил ее дядя, и Вороньему Глазу неважно, будет она жить или умрет. Может быть, это имело какое-то значение для жалкой развалины, которую Эурон сделал ее супругом, но у Эрика Айронмакера нипочем не хватит денег, чтобы заплатить за нее выкуп. Однако не стоило объяснять все это Станнису Баратеону. Даже то, что она была женщиной, похоже, оскорбляло его. Она знала, мужчины зеленых земель любили нежных и очаровательных дам в шелках, а не женщин, одетых в кольчугу и кожу, с метательным

топором в каждой руке. Но короткое знакомство с королем в Темнолесье убедило ее, что он любил бы ее ничуть не больше, надень она платье. Даже с женой Галберта Гловера, набожной леди Сибеллой, он был корректен и обходителен, но явно чувствовал себя не в своей тарелке. Этот южный король казался одним из тех мужчин, для которых женщины — существа другой породы, такие же странные и непостижимые, как великаны, грамкины или Дети Леса. От Медведицы он тоже скрипел зубами.

Только к одной женщине Станнис прислушивался, но ее он оставил на Стене.

— Хотя я бы предпочел, чтобы она была с нами, — признался сир Джастин Масси, белокурый рыцарь, командовавший обозами. — В последний раз, когда мы шли в бой без леди Мелисандры, на Черноводной, тень лорда Ренли сошла на нас и загнала половину нашего войска в бухту.

— В последний раз? — спросила Аша. — Разве колдунья была в Темнолесье? Я ее не видела.

— Вряд ли это можно назвать боем, — улыбнулся сир Джастин. — Железнорожденные сражались отважно, миледи, но наши силы намного превышали ваши, и мы застигли вас врасплох. В

Винтерфелле будут знать, что мы приближаемся. И людей у Русе Болтона столько же, сколько у нас.

Или больше, подумала Аша.

Даже у пленников есть уши, и она слышала разговор в Темнолесье, во время которого король Станнис обсуждал со своими капитанами этот поход. Сир Джастин возражал с самого начала, вместе со многими рыцарями и лордами, прибывшими со Станнисом с юга. Но волки настаивали — нельзя допустить, чтобы Русе Болтон удерживал Винтерфелл, а дочку Неда нужно спасти из когтей его бастарда. Так говорили Морган Лиддл, Брандон Норрей, Вулл Большое Ведро,

Флинты и даже Медведица.

— От Темнолесья до Винтерфелла — сто лиг, — сказал Артос Флинт в тот вечер, когда в парадном зале Галбарта Гловера кипел яростный спор. — По прямой в ту сторону — триста миль для ворона.

— Долгий поход, — отметил рыцарь по имени Корлисс Пенни.

— Не такой уж и долгий, — настаивал сир Годри, крупный рыцарь, которого называли Убийцей Великанов. — Мы столько уже прошли. Владыка Света озарит нам путь.

— И что будет, когда мы придем к Винтерфеллу? — спросил Джастин

Масси. — Две стены со рвом между ними, внутренняя — в сто футов высотой. Болтон никогда не выйдет, чтобы сразиться с нами на поле боя, а у нас нет провизии для осады.

— Арнольф Карстарк присоединится к нам со своими силами, не забывайте, — отметил Харвуд Фелл. — Морс Амбер тоже. У нас будет столько же северян, сколько у лорда Болтона. А лес к северу от замка густой. Мы построим осадные башни, сделаем тараны...

И будете умирать тысячами, подумала Аша.

— Возможно, лучше будет перезимовать здесь, — предложил лорд Пизбери.

— *Перезимовать* здесь? —
взревел Большое Ведро. — Сколько,
по-вашему, продовольствия и фуража
успел запасти Галбарт Гловер?

Тогда сир Ричард Хорп, рыцарь с
изрытым оспинами лицом и
бабочками "мертвая голова" на
плаще, повернулся к Станнису и
сказал:

— Ваше Величество, ваш брат...

Король оборвал его:

— Мы все знаем, что сделал бы
мой брат. Роберт примчался бы к
воротам Винтерфелла один, разбил
бы их своим боевым молотом и
проехал бы через обломки, чтобы
убить Русе Болтона левой рукой, а
Бастарда — правой. — Станнис

поднялся на ноги. — Я не Роберт. Но мы выйдем в поход и освободим Винтерфелл... или погибнем, пытаясь сделать это.

Какие бы сомнения ни терзали его лордов, простой народ, казалось, верил в своего короля. Станнис разбил у Стены одичалых Манса-Налетчика и освободил Темнолесье от Аши и ее железнорожденных; он был братом Роберта, победителем знаменитого морского сражения у Светлого Острова, человеком, который удерживал Штормовой Предел на протяжении всего восстания Роберта. И он владел мечом героя, магическим Светозарным, сияние которого

освещало ночь.

— Наши враги не такие грозные, какими кажутся, — уверял Ашу сир Джастин в первый день похода. — Русе Болтона боятся, но не слишком любят. А его друзья Фрей... на севере не забыли Красную Свадьбу. Каждый лорд в Винтерфелле потерял там кого-нибудь из родных. Станнису нужно только пустить Болтону кровь, и северяне бросят его.

Вы надеетесь на это, думала Аша, но сначала королю все-таки надо пустить ему кровь. Лишь дурак переметнется с побеждающей стороны.

Сир Джастин подъезжал к ее повозке полдюжины раз в тот первый

день, принося поестъ или попить и рассказывая походные новости. Делящийся улыбками и бесконечными шутками, крупный и мясистый, розовощекий и голубоглазый, с копной спутанных, светлых как лен волос, он был внимательным тюремщиком, неизменно чутким к нуждам своей пленницы.

— Он хочет тебя, — сказала Медведица после его третьего посещения.

На самом деле, ее звали Алисана из дома Мормонтов, но она носила другое имя так же легко, как свою кольчугу. Низкая, плотная, мускулистая, наследница

Медвежьего острова была обладательницей широких бедер, пышной груди и больших мозолистых рук. Даже во сне, лежа под мехами, она надевала кольчугу, под которой была вареная кожа, а под кожей — старая овчина, вывернутая наизнанку для тепла. Из-за всех этих слоев она казалась почти столь же объемной, сколь и высокой. *И свирепой.* Иногда Аша Грейджой забывала, что они с Медведицей почти ровесницы.

— Он хочет мои земли, — ответила Аша. — Он хочет Железные Острова. — Она узнавала верные признаки. Она видела то же самое раньше, в других женихах. Собственные наследственные земли

Масси, находившиеся далеко на юге, были потеряны, и у него оставался выбор между выгодным браком или судьбой рыцаря при дворе короля. Станнис разбил надежды сира Джастина на брак с принцессой одичалых, о которой Аша так много слышала, и теперь рыцарь нацелился на нее. Без сомнения, он мечтал усадить дочь кракена на Морской Трон на Пайке и править, как ее господин и хозяин. Конечно, для этого нужно было избавиться от нынешнего господина и хозяина... не говоря уже о дяде, который и устроил это замужество. *Куда уж, подумала Аша. Вороний Глаз мог бы съесть сира Джастина на завтрак, даже не*

рыгнув.

Это не имело значения. Земли ее отца никогда не стали бы принадлежать ей, за кого бы она ни вышла замуж. Железнорожденные не отличались снисходительностью, а Аша потерпела поражение дважды. Один раз — на королевском вече от своего дяди Эуруна, и снова — в Темнолесье от Станниса. Более чем достаточно, чтобы заклеить ее неспособной править. Брак с Джастином Масси или с любым из лордиков Станниса Баратеона принес бы больше вреда, чем пользы. “Дочь кракена оказалась, в конечном счете, обычной женщиной, — сказали бы капитаны и короли. —

Посмотрите, как она раздвигает ноги для этого нежного зеленого сухопутного лорда”.

И все же, если сир Джастин хотел снискать ее расположения с помощью еды, вина и разговоров, Аша не собиралась препятствовать ему. Он был лучшей компанией, чем неразговорчивая Медведица, и в ином случае она оставалась бы одна среди пяти тысяч врагов. Трис Ботли, Кварл-Девница, Кромм, Роггон и остальные из ее окровавленного отряда остались позади, в Темнолесье, в темницах Галбарта Гловера.

В первый день армия прошла двадцать две мили по подсчетам

проводников, которых им дала леди Сибелла, а также следопытов и охотников из присягнувших Темнолесью кланов с именами вроде Форрестер-Лесник и Вудс-Дубрава, Бранч-Ветка и Боул-Кряж. Во второй день войско одолело двадцать четыре мили, и их авангард покинул земли Гловеров и углубился в гущу Волчьего леса. "Рглор, ниспошли свой свет, чтобы провести нас сквозь этот мрак", — молились верующие, собравшись той ночью вокруг ревущего пламени за королевским шатром. В основном, рыцари и солдаты с юга. Аша назвала бы их людьми короля, но другие, пришедшие из штормовых и

коронных земель, называли их людьми королевы... хотя следовали они за красной королевой из Черного Замка, а не за женой, оставленной Станнисом Баратеоном в Восточном Дозоре-у-Моря. “О, Владыка Света, мы умоляем тебя обратить на нас свой пламенный взгляд, уберечь нас и обогреть, — пели они огню, — ведь ночь темна и полна ужасов”.

Предводительствовал крупный рыцарь по имени сир Годри Фарринг. *Годри Убийца Великанов. Большое имя для мелкого человека.* Широкую грудь и развитую мускулатуру Фарринга закрывали панцирь и кольчуга. Аше казалось, что он высокомерен и тщеславен, жаден до

славы и глух к осторожности, ненасытен к похвале и полон презрения к простому народу, волкам и женщинам. В последнем он не отличался от своего короля.

— Позвольте мне ехать на лошади, — попросила Аша сира Джастина, когда он приблизился к повозке с половиной окорока. — Я схожу с ума в этих цепях. Я не буду пытаться сбежать. Даю слово.

— Я бы позволил, если бы мог, миледи. Вы пленница короля, а не моя.

— Ваш король не поверит слову женщины.

Медведица проворчала:

— Почему мы должны верить

слову любого из железных людей после того, что твой брат сделал в Винтерфелле?

— Я не Теон, — настаивала Аша... но осталась в цепях.

Когда сир Джастин ускакал в конец колонны, она стала вспоминать свою последнюю встречу с матерью. Это было на острове Харлоу, в Десяти Башнях. Дрожащий огонь свечи освещал покои матери, но ее большая резная кровать под пыльным балдахином была пуста. Леди Аланнис сидела у окна, пристально всматриваясь в море. "Ты привезла моего малыша?" — спросила она дрожащими губами. "Теон не смог приехать", — ответила

ей Аша, глядя на развалину, в которую превратилась женщина, давшая ей жизнь, мать, потерявшая двух своих сыновей. А третий...

Посылаю вам кусочек принца.

Что бы ни произошло во время боя в Винтерфелле, ее брат выжил, а этого Аша Грейджой никак не ожидала. *Теон Перевертыш. Даже Медведица хочет увидеть его голову на пике.*

— У тебя есть братья? — спросила Аша свою тюремщицу.

— Сестры, — как обычно резко ответила Алисана. — Нас было пятеро. Все девочки. Лианна вернулась на Медвежий остров. Лира и Джори — с нашей матерью. Дейси

убили.

— Красная Свадьба.

— Да, — Алисана на мгновение взглянула на Ашу. — У меня есть сын. Ему всего два года. Моей дочери девять.

— Ты рано начала.

— Слишком рано. Но лучше так, чем ждать, пока не будет слишком поздно.

Камень в мой огород, подумала Аша, ну и ладно.

— Так ты замужем.

— Нет. Мои дети родились от медведя, — Алисана улыбнулась. — У нее были кривые зубы, но что-то в ее улыбке располагало к себе. — Женщины Мормонтов — оборотни.

Мы превращаемся в медведиц и ищем пару в лесу. Все это знают.

Аша улыбнулась в ответ:

— Все женщины Мормонтов еще и воины.

Улыбка другой женщины угасла:

— Мы такие, какими вы нас сделали. На Медвежьем острове каждый ребенок учится бояться кракенов, выходящих из моря.

Старый *Закон.* Аша
отвернулась, ее цепи слабо
завенели.

На третий день вокруг них сомкнулся лес, и разбитые дороги сузились до звериных троп, которые очень скоро стали тесными для их больших фургонов. Кое-где

встречались знакомые ориентиры: каменистый холм, немного похожий на голову волка, если смотреть под определенным углом, наполовину замерзший водопад, природная каменная арка с бородой из серо-зеленого мха. Аша знала их все. Она проезжала здесь прежде, направляясь в Винтерфелл, чтобы убедить своего брата Теона отказаться от завоеваний и вернуться с ней в безопасность Темнолесья. *И в этом я тоже потерпела неудачу.*

В тот день они проехали четырнадцать миль и были рады этому.

Когда стемнело, возница загнал повозку под дерево. Пока он

распрягал лошадей, подъехал сир Джастин и снял кандалы с лодыжек Аши. Он и Медведица провели ее через лагерь к королевскому шатру. Хотя она и пленница, но все же — Грейджой из Пайка, и Станнису Баратеону доставляло удовольствие кормить ее обедами с собственного стола, за которым он ужинал с капитанами и командирами.

В королевском шатре, почти таком же просторном, как главный зал Темнолесья, кроме размеров, не было никакого величия. Прочные стены из желтого полотна сильно полиняли, запачкались грязью и водой и покрылись пятнами плесени. На вершине центрального шеста

развевался золотой королевский штандарт с головой оленя в пылающем сердце. С трех сторон его окружали палатки лордигов-южан, следовавших на север со Станнисом. С четвертой стороны ревел молитвенный костер, набрасываясь на темнеющее небо сполохами пламени.

Дюжина мужчин раскалывала бревна, чтобы скормить их огню, когда Аша, хромая, пришла со своими охранниками. *Люди королевы.* Красный Рглор был их богом, и богом ревнивым. Ее собственный бог, Утонувший Бог Железных Островов, считался в их глазах демоном, и если она не

приняла этого Владыку Света, то была проклята и обречена. *Они с удовольствием сожгли бы меня, как эти бревна и сломанные ветви.* Она слышала, как после сражения в лесу некоторые призывали так и поступить. Станнис отказался.

Король стоял возле своего шатра, вглядываясь в молитвенный костер. *Что он там видит? Победу? Гибель? Лицо своего красного голодного бога?* Его глаза глубоко запали, коротко подстриженная борода казалась тенью, падающей на впалые щеки и костлявую челюсть. Но во взгляде все же была властность, железная свирепость, которая говорила Аше, что этот человек

никогда не свернет со своего курса.

Она преклонила перед ним колено:

— Сир. — *Достаточно ли я унижена, Ваше Величество? Достаточно ли я разбита, подчинена и сокрушена на ваш вкус?* — Прошу вас, освободите мои запястья от этих цепей. Позвольте мне ехать верхом. Я не буду пытаться сбежать.

Станнис посмотрел на нее так, как мог бы посмотреть на собаку, которая осмелилась вскочить на его ногу:

— Ты заслужила эти оковы.

— Так и есть. Теперь я предлагаю вам моих людей, мои корабли, мой ум.

— Твои корабли или стали моими, или сожжены. Твои люди... сколько их осталось? Десять? Двенадцать?

Девять. Шесть, если считать тех, кто достаточно силен для сражения.

— Дагмер Щербатый удерживает Торрхенов Удел. Свирепый воин и верный слуга дома Грейджоев. Я могу передать вам замок вместе с гарнизоном. — *Возможно, могла бы добавить она, но перед этим королем не стоило показывать свои сомнения.*

— Торрхенов Удел не стоит и грязи под моими каблуками. Винтерфелл — вот что важно.

— Снимите с меня кандалы и позвольте мне помочь вам захватить его, государь. Король, брат Вашего Величества был известен умением превращать поверженных врагов в друзей. Сделайте меня своим воином.

— Боги не сделали тебя мужчиной. Как я могу это сделать? — Станнис повернулся к молитвенному костру и к тому, что он видел в танце оранжевого пламени.

Сир Джастин Масси схватил Ашу за руку и потянул ее в королевский шатер.

— Это было неразумно, миледи, — сказал он ей. — Никогда

не говорите ему о Роберте.

Мне стоило вести себя осмотрительнее. Аша знала, как это бывает с младшими братьями. Она помнила Теона мальчиком, застенчивым ребенком, который жил в благоговении и страхе перед Родриком и Мароном. Они никогда не перерастают этот страх, решила она. Младший брат может дожить до ста лет, но он всегда будет младшим братом. Она гремела своими железными украшениями и представляла себе, как приятно было бы подойти сзади к Станнису и задушить его цепью, сковывавшей ее запястья.

Тем вечером они ужинали

тушеным мясом тощего оленя, которого добыл разведчик по имени Бенджикот Бранч. Но только в королевском шатре. За пределами полотняных стен каждый получил по горбушке хлеба и куску кровяной колбасы не длиннее пальца, а также остатки эля Галбарта Гловера.

Сотня лиг от Темнолесья до Винтерфелла. По прямой в ту сторону — триста миль для ворона. "Если бы только мы были воронами", — сказал Джастин Масси на четвертый день похода — день, когда пошел снег. Сначала лишь несколько коротких снегопадов. Холодных и мокрых, но ничего такого, что они не смогли бы с

легкостью преодолеть.

Снег снова пошел на следующий день, и на следующий, и на следующий после него. Густые бороды северных волков быстро покрылись коркой льда там, где замерзало дыхание, а все чисто выбритые южные мальчишки отпускали бороды, чтобы согреть лицо. Вскоре белое одеяло накрыло землю перед колонной, скрывая камни, кривые корни и валежник, что делало каждый шаг рискованным. Поднялся ветер, неся перед собой снег. Королевское войско превратилось в колонну снеговиков, бредущих по колено в сугробах.

На третий день снегопада войско короля начало распадаться на части. В то время как южным рыцарям и лордам приходилось несладко, люди с северных холмов справлялись лучше. Их низкорослые кони твердо стояли на ногах и ели меньше, чем обычные верховые лошади, и гораздо меньше, чем огромные боевые скакуны, а люди, которые на них сидели, уверенно чувствовали себя в снегах. Многие волки надели необычную обувь. Эти странные предметы, которые они называли "медвежьи лапы", были сделаны из гнутой древесины и полосок кожи. Они крепились к подошвам их сапог и позволяли им

ходить им по снегу, не ломая корку и не проваливаясь по бедро.

Некоторые сделали медвежьи лапы и для лошадей, и небольшие косматые животные носили их с той же легкостью, с какой другие кони ходили в железных подковах... но верховые и боевые кони не желали в них ходить. Когда некоторые рыцари короля все же привязывали медвежьи лапы им на ноги, большие южные лошади артачились и отказывались двигаться или пытались стряхнуть их. Один из боевых коней сломал ногу, попробовав идти в них.

На пятый день бури обоз пересек открытое пространство с сугробами высотой по пояс,

спрятавшими замерзший пруд. Когда скрытый лед проломился под весом фургонов, ледяная вода поглотила трех возниц и четырех лошадей вместе с двумя мужчинами, которые попытались их спасти. Одним из них был Харвуд Фелл. Рыцари вытащили его до того, как он утонул, однако не раньше, чем его губы посинели, а кожа побледнела, словно молоко. После этого уже ничто не могло его согреть. Он часами сотрясался от яростной дрожи, даже после того, как с него сняли промокшую одежду, завернули в теплые меха и усадили рядом с огнем. В ту же ночь он забылся лихорадочным сном. И больше не проснулся.

Той ночью Аша впервые услышала, как люди королевы шепчутся о жертвоприношении — подношении их красному богу, чтобы он прекратил бурю.

— Боги севера наслали на нас эту бурю, — объявил сир Корлисс Пенни.

— Ложные боги, — уточнил сир Годри Убийца Великанов.

— Рглор с нами, — сказал сир Клейтон Саггс.

— А Мелисандра — нет, — добавил Джастин Масси.

Король ничего не сказал. Но он услышал. Аша была в этом уверена. Он сидел во главе стола, и тарелка с луковым супом, к которому он едва

притронулся, остывала перед ним. Он смотрел на ближайшую свечу из-под тяжелых век, не обращая внимания на разговоры вокруг. Заместитель командующего, высокий подтянутый рыцарь по имени Ричард Хорп, заговорил вместо него.

— Буря должна скоро закончиться, — объявил он.

Но буря только усилилась. Ветер хлестал жестоко, как кнут работоторговца. Аша думала, что знала холод на Пайке, где ветер, завывая, дул с моря, но с этим он не шел ни в какое сравнение. *Здешний холод сводит людей с ума.*

Даже когда по колонне проходил приказ остановиться и сделать

привал на ночь, быстро согреться не удавалось. Палатки стали сырыми и тяжелыми, их было трудно поставить, еще тяжелее сложить, и они грозили внезапно завалиться, если на них скапливалось слишком много снега. Королевское войско пробиралось по гуще самого большого леса Семи Королевств, однако найти сухие дрова было нелегко. С каждой ночью в лагере горело все меньше костров, а те, что все-таки разжигали, больше дымили, чем грели. Часто приходилось есть холодную пищу, иногда даже сырую.

Молитвенный костер тоже уменьшался и слабел, к смятению людей королевы.

— Владыка Света, сохрани нас от этого зла, — молились они, направляемые низким голосом сира Годри Убийцы Великанов. — Яви нам снова свое яркое солнце, успокой эти ветра и растопи снег, чтобы мы достигли твоих врагов и повергли их. Ночь темна, холодна и полна ужасов, но с тобой сила, слава и свет. Рглор, наполни нас твоим огнем.

Позже, когда сир Корлис Пенни вслух поинтересовался, случилось ли раньше целой армии насмерть замерзнуть в зимнюю бурю, волки рассмеялись:

— Это еще не зима, — заявил Вулл Большое Ведро. — У нас в горах

мы говорим, что осень целует тебя, а зима жестоко трахает. Это — только осенний поцелуй.

Если так, надеюсь, я никогда не узнаю настоящей зимы. Аше приходилось не слишком тяжело, ведь она была трофеем короля. Пока другие голодали, ее кормили. Пока другие замерзали, она находилась в тепле. Пока другие пробивались через снега на усталых лошадях, она ехала на покрытом мехами ложе в повозке с прочной холщовой крышей, защищавшей от снега, удобно устроившись в своих оковах.

Коням и простым людям приходилось тяжелее всего. Два оруженосца из штормовых земель

закололи латника, поссорившись из-за места поближе к огню. Следующей ночью какие-то лучники, в отчаянной попытке согреться, умудрились поджечь свою палатку, что, по крайней мере, обогрело соседей. Боевые скакуны гибли от истощения и холода. "Что такое рыцарь без коня? — невесело шутили солдаты. — Снеговик с мечом". Каждую павшую лошадь сразу же разделявали на мясо. Запасы продовольствия тоже начали истощаться.

Пизбери, Кобб, Фоксглов и другие южные лорды убеждали короля разбить лагерь и переждать бурю. Станнис не желал их слушать.

Не послушал он и людей королевы, советовавших ему принести жертву их голодному красному богу.

Это она узнала от Джастина Масси, менее набожного, чем большинство.

— Жертвоприношение докажет, что огонь веры все еще горит в нас, государь, — убеждал короля Клейтон Саггс.

А Годри Убийца Великанов добавил:

— Старые боги Севера наслали на нас эту бурю. Только Рглор может прекратить ее. Мы должны отдать ему неверующего.

— Половина моей армии — неверующие, — ответил Станнис. —

Я не допущу сожжений. Молитесь усерднее.

Сегодня никаких сожжений, и завтра тоже... но если снегопад продолжится, как скоро решимость короля начнет слабеть? Аша никогда не разделяла веру своего дяди Эйрона в Утонувшего Бога, но той ночью она молилась Тому, Кто Пребывает Под Волнами, так же усердно, как Мокроголовый. Буря не стихала. Поход продолжился, постепенно замедляясь: сначала они еще кое-как брели, а затем и вовсе едва ползли. Пять миль в день в лучшем случае. Затем три. Затем две.

Начиная с девятого дня бури, каждую ночь в лагере видели, как

капитаны и командиры входят в королевский шатер мокрыми и усталыми, чтобы опуститься на одно колено и доложить о новых потерях.

— Один мертв, трое пропали.

— Шесть лошадей пали, одна из них — моя собственная.

— Два мертвых, один из них рыцарь. Четыре лошади упали. Одну мы подняли. Остальные погибли. Боевые скакуны и одна верховая.

"Холодный счет", услышала Аша название этому. Обоз пострадал больше всех: мертвые кони, пропавшие люди, опрокинутые и поломанные телеги.

— Лошади хромают в снегу, — сообщал Джастин Масси королю, —

люди теряются или просто садятся умирать.

— Пусть, — резко ответил Король Станнис. — Мы спешим.

У северян, с их пони и медвежьими лапами, дела обстояли значительно лучше. Черный Доннел Флинт и его сводный брат Артос не досчитались только одного из своих людей. Лиддлы, Вуллы и Норреи не потеряли вообще никого. Морган Лиддл не досчитался одного из своих мулов, но склонялся к мысли, что его стащили люди Флинта.

Сотня лиг от Темнолесья до Винтерфелла. По прямой в ту сторону — триста миль для ворона. Пятнадцать дней. Пятнадцатый день

похода наступил и прошел, но они одолели меньше половины пути. За ними тянулся след из поломанных телег и замерзших трупов, заметаемый кружащимся снегом. Солнце, луна и звезды скрылись так надолго, что Аша начала думать, не приснились ли они ей.

Наступил двадцатый день похода, и она наконец освободилась от своих кандалов. Ближе к вечеру одна из лошадей, тянувших ее повозку, пала на дороге. Замену ей найти было невозможно: оставшиеся тягловые лошади требовались для фургонов, груженных пищей и фуражом. Подъехавший сир Джастин Масси велел им разделать павшее

животное на мясо и разломать фургон на дрова для костра. Затем он снял оковы с лодыжек Аши, растирая ее онемевшие голени.

— У меня нет лошади для вас, миледи, — сказал он, — а если мы попытаемся ехать вдвоем, это прикончит и моего коня тоже. Вам придется идти пешком.

Лодыжка Аши пульсировала под ее весом на каждом шагу. *Довольно скоро она окоченеет от холода,* сказала она себе. *Через час я вообще не буду чувствовать ног.* Она не слишком ошиблась — это произошло еще раньше. Когда темнота остановила колонну, Аша едва ковыляла, мечтая об удобствах своей

передвижной тюрьмы. *Оковы* ослабили меня. К ужину она была так измучена, что уснула прямо за столом.

На двадцать шестой день пятнадцатидневного марша они съели последние овощи. На тридцать второй — остатки зерна и фуража. Аша задумалась, как долго человек может протянуть на сырой, полузамороженной конине.

— Бранч уверяет, что мы всего в трех днях пути от Винтерфелла, — сказал той ночью королю сир Ричард Хорп, после "холодного счета".

— *Если* мы оставим самых слабых позади, — отметил Корлисс Пенни.

— Слабейших уже не спасти, — настаивал Хорп. — Те, в ком еще достаёт сил, должны достичь Винтерфелла, или они тоже погибнут.

— Владыка Света вручит нам замок, — сказал сир Горди Фарринг. — Если бы леди Мелисандра была с нами...

Наконец, после кошмарного дня, в течение которого колонна продвинулась всего на милю и потеряла дюжину лошадей и четырех человек, лорд Пизбери обратился против северян.

— Этот поход был сумасшествием. Все больше людей умирает каждый день, и ради чего?

Ради какой-то девчонки?

— Ради девочки Неда, — сказал Морган Лиддл.

Он был вторым из трех сыновей, поэтому другие волки называли его Средним Лиддлом, хоть и старались не делать этого в его присутствии. Именно Морган чуть не прикончил Ашу в бою у Темнолесья. Позже, во время похода, он пришел попросить у нее прощения... за то, что в пылу сражения обозвал ее сукой, а не за то, что при этом пытался раскроить ей череп топором.

— Девочки Неда, — вторил ему Вулл Большое Ведро. — И у нас была бы и она, и замок, если бы вы, надутые южные щеголи, не обмочили

свои атласные штаны при виде небольшого снегопада.

— *Небольшого* снегопада? — нежный девичий рот Пизбери исказился от ярости. — Твой дурной совет заставил нас выступить в этот поход, Вулл. Я начинаю подозревать, что все это время ты был человеком Болтона. Это и есть твой план? Тебя послали к нам нашептывать ядовитые речи в ухо короля?

Большое Ведро рассмеялся ему в лицо:

— Лорд Гороховый Стручок. Будь ты мужчиной, я бы убил тебя за эти слова, но мой меч сделан из слишком хорошей стали, чтобы пачкать его кровью труса, — он

глотнул эля и вытер рот. — Да, люди умирают. Многие умрут прежде, чем мы увидим Винтерфелл. Что из того? Это война. Люди на войне умирают. Так и должно быть. И так было всегда.

Сир Корлисс Пенни недоверчиво посмотрел на вождя клана:

— Ты *хочешь* умереть, Вулл?

Это, похоже, развеселило северянина:

— Я хочу жить вечно в землях, где лето длится тысячу лет. Я хочу замок в облаках, откуда виден весь мир. Я хочу опять стать двадцатишестилетним. Когда мне было двадцать шесть, я мог сражаться весь день и трахаться всю

ночь. То, чего люди хотят, не имеет значения.

Зима почти пришла, мальчик. А зима — это смерть. Я предпочту, чтобы мои люди умирали, сражаясь за девочку Неда, а не одинокими и голодными в снегу, со слезами, замерзающими на щеках. Никто не слагает песен о людях, которые умирают таким образом. Что касается меня, я стар. Это будет моя последняя зима. Дайте мне искупаться в крови Болтона перед смертью. Я хочу почувствовать ее брызги на лице, когда мой топор вгрызется в череп Болтона. Я хочу слизать ее с губ и умереть с этим вкусом на языке.

— Да! — прокричал Морган Лиддл. — *Кровь и сражение!*

Потом все горцы закричали, стуча по столу кубками и винными рогами, заполняя королевскую палатку звоном.

Аша Грейджой и сама была не прочь сразиться. *Одна битва, чтобы положить конец этим страданиям. Сталь против стали, розовый снег, разбитые щиты и отрезанные конечности, и все закончилось бы.*

На следующий день разведчики короля случайно наткнулись на покинутую деревню между двух озер — небольшое захудалое поселение, всего лишь несколько хижин, зал собраний и сторожевая башня.

Ричард Хорп приказал остановиться, хотя армия продвинулась не более чем на полмили в тот день и до темноты оставалось еще несколько часов. Луна уже давно поднялась, прежде чем прибыли отставшие обоз и арьергард. Среди них была и Аша.

— В этих озерах есть рыба, — сказал королю Хорп. — Мы проделаем проруби во льду. Северяне знают, как это делается.

Даже в своем огромном шерстяном плаще и тяжелой броне Станнис выглядел как человек, стоящий одной ногой в могиле. Тот небольшой запас плоти, что оставался на его высоком худом теле в Темнолесье, растаял за время

похода. Форма черепа отчетливо проглядывала сквозь кожу, а его челюсти были так плотно сжаты, что Аша боялась, как бы не раскрошились зубы.

— Значит, рыба, — сказал он, отрывисто произнося каждое слово. — Но мы выступим, как только рассветет.

Но на рассвете лагерь проснулся в снегу и молчании. Небо из черного стало белым, однако света особенно не прибавилось. Аша Грейджой проснулась от холода, окоченевшая под грудой меховых шкур, прислушиваясь к храпу Медведицы. Ей никогда не встречалась женщина, которая храпела бы так громко, но за

время похода Аша привыкла и даже находила некоторое успокоение в этом. Тишина, вот что ее тревожило. Трубы не звали никого садиться в седло, строиться в колонны, готовиться к походу. Военный рог не призывал северян двигаться вперед. *Что-то не так.*

Аша выползла из-под шкур, которыми укрывалась, и с трудом проложила путь наружу из палатки, пробившись сквозь стену снега, запечатавшую их внутри за ночь. Ее оковы забренчали, когда она наконец поднялась на ноги и вдохнула морозный утренний воздух. Снег все еще падал, даже гуще, чем когда она забиралась в палатку. Озера исчезли,

как и лес вокруг. Она видела очертания других палаток и навесов, нечеткое оранжевое пятно сигнального костра на вышке, но не саму вышку. Буря поглотила остальное.

Где-то впереди, за стенами Винтерфелла их ждал Русе Болтон, но войско Станниса Баратеона стояло заснеженное и неподвижное, запертое во льду и снегу, умирающее от голода.

44. ДЕЙЕНЕРИС

Свеча почти догорела. Она превратилась в крошечный, менее дюйма, выступ посреди озерца теплого расплавленного воска, освещавший ложе королевы. Пламя становилось все меньше.

Совсем скоро она погаснет, осознала Дени, и значит, еще одна ночь подойдет к концу.

Рассвет всегда приходит слишком рано.

Она не спала — не могла и не желала. Дени не осмеливалась даже прикрыть глаза из страха, что когда она их снова откроет, уже настанет

утро. Будь это в ее власти, она заставила бы их ночи длиться вечно, но все, что ей оставалось — это бодрствовать, пробуя и смакуя каждый сладкий миг, пока рассвет не превращал ночь в исчезающее воспоминание.

Рядом с ней спокойным сном младенца спал Даарио Нахарис. У него был настоящий талант ко сну, хвастался он ей, улыбаясь в своей обычной самоуверенной манере. По его словам, в походах он часто спал прямо в седле, чтобы хорошенько отдохнуть, когда дело дойдет до битвы. Ни буря, ни солнце ему не мешали. "У воина, не умеющего спать, скоро не останется сил

сражаться", — говорил он. Кошмары тоже никогда его не мучали. Когда Дени рассказала ему о Сервине Зеркальном Щите, которого преследовали призраки всех убитых им рыцарей, Даарио только посмеялся. "Если кто-нибудь из тех, кого я убил, явится мне докучать, я просто убью его еще раз". *У него совесть наемника, поняла она тогда. Другими словами, ее просто нет вообще.*

Даарио лежал на животе, зарывшись лицом в подушки; легкое льняное покрывало сбилось в кучу у него в ногах.

Дени провела ладонью по его спине, вдоль линии позвоночника.

Кожа под ее рукой была гладкой и почти безволосой. *Шелк и атлас, а не кожа.* Она любила ощущать его своими пальцами: ерошить ему волосы, растирать мышцы, прогоняя боль и усталость после долгого дня в седле, ласкать член и чувствовать, как он твердеет в ее ладони.

Будь она обычной женщиной, то с радостью провела бы всю свою жизнь, прикасаясь к Даарио, поглаживая его шрамы и допытываясь, как ему достался каждый из них. *Если бы он попросил, я отреклась бы от своей короны,* думала Дени... но он не просил, и никогда не попросит. Даарио мог шептать ей слова любви, когда два

тела сливались в одно, но она знала, что его настоящая любовь — королева драконов. *Если я откажусь от короны, он меня не захочет.* Кроме того, вместе с короной короли частенько теряли и голову, и она не видела причин, чтобы с королевой произошло по-другому.

Свеча вспыхнула в последний раз и умерла, утонув в собственном воске. Темнота поглотила мягкую постель вместе с двумя ее обитателями, затопила каждый уголок комнаты. Дени обвила руками своего капитана и прижалась к его спине. Она упивалась его запахом, наслаждалась теплом его плоти, прикосновением его кожи к своей.

Запомни, сказала она себе, *запомни*, *каково это — ощущать его*. Она поцеловала капитана в плечо.

Даарио повернулся к ней, раскрыв глаза и улыбнувшись своей ленивой улыбкой:

— Дейенерис, — это был еще один из его талантов: он просыпался мгновенно, словно кошка. — Уже рассвело?

— Пока нет. У нас есть еще немного времени.

— Лгунья. Я вижу твои глаза. Мог бы я их видеть в темноте ночи? — Даарио отбросил покрывала и сел. — Светает. Скоро наступит день.

— Не хочу, чтобы эта ночь

кончалась.

— Не хочешь? Отчего же, моя королева?

— Ты сам знаешь.

— Из-за свадьбы? — он рассмеялся. — Выходи лучше за меня.

— Ты же понимаешь, что я не могу.

— Ты королева. Ты можешь делать все, что захочешь, — его рука скользнула по ее ноге. — Сколько ночей у нас осталось?

Две. Всего лишь две.

— Ты знаешь не хуже меня — эта и следующая, а потом мы должны всё прекратить.

— Выходи за меня, и все ночи

станут нашими, навсегда.

Если бы я могла, я бы так и сделала. Кхал Дрого был ее солнцем и звездами, но он умер так давно, что Дейенерис почти уже забыла, каково это — любить и быть любимой. Даарио помог ей вспомнить. *Я была словно мертвая, а он вернул меня к жизни. Я спала, а он разбудил меня. Мой отважный капитан.* И все же в последнее время он стал слишком дерзким. В день своего возвращения с последней вылазки он бросил к ее ногам голову юнкайского лорда и начал целовать Дени прямо в зале, на глазах у всего мира, пока Барристан Селми не оттащил его. Сир Дедушка был в такой ярости, что она

испугалась, как бы не пролилась кровь.

— Мы не можем пожениться, любовь моя, и ты знаешь, почему.

Он выбрался из постели.

— Ну что ж, тогда выходи за Хиздара. А я преподнесу ему ко дню свадьбы прекрасные рога. Гискарцы ведь любят хвастаться своими рогами. Они делают их из собственных волос, с помощью воска, шпилек и гребней. — Даарио отыскал свои штаны и натянул их. Бельем он себя не утруждал.

— Когда я выйду замуж, желать меня будет самой настоящей изменой, — Дени натянула покрывало, прикрыв грудь.

— Значит, стану изменником, — он просунул голову в голубую шелковую тунику и распрямил пальцами зубцы на бороде. Он заново выкрасил ее из пурпурного в синий, чтобы порадовать Дени, ведь именно такого цвета бороду он носил, когда они впервые встретились. — Я пахну тобой, — сказал он, обнюхивая свои пальцы и усмехаясь.

Дени любила сверкание его золотого зуба, когда он усмехался. Любила его мягкие волосы на груди. Любила мощь его рук, звучание его смеха и его манеру всегда смотреть ей в глаза и произносить ее имя, когда он плавно входил в нее.

— Ты прекрасен, — выпалила она, глядя как он обувает и зашнуровывает сапоги для верховой езды. Иногда он позволял ей помочь себе в этом, но, как видно, не сегодня. *Теперь и с этим покончено.*

— Не настолько прекрасен, чтобы ты вышла за меня, — Даарио снял свою перевязь с вешалки, где он ее оставил.

— Куда ты собрался?

— На улицы твоего города, — ответил он, — выпить кувшин-другой и устроить заварушку. Я уже слишком давно никого не убивал. Может, я поищу твоего суженого.

Дени швырнула в него подушкой:

— Ты не тронешь Хиздара!

— Как прикажет моя королева.

Ты будешь сегодня принимать просителей?

— Нет. Завтра я буду замужней женщиной, а Хиздар станет королем. Пусть *он* и принимает. Это его люди.

— Некоторые его, некоторые твои. Те, которых ты освободила.

— Ты упрекаешь меня?

— Ты зовешь этих людей своими детьми. Им нужна их мать.

— Ты... Ты *упрекаешь* меня.

— Лишь самую малость, сердце мое. Так ты спустишься к просителям?

— Может, после свадьбы. Когда настанет мир.

— Он никогда не настанет. Ты должна пойти к народу. Мои новые воины даже не верят, что ты существуешь — те, кто перешел ко мне от Гонимых Ветром. Большая часть из них родились и выросли в Вестеросе, где они наслушались историй о Таргариенах. Они хотят увидеть одну из них собственными глазами. А Лягушка даже припас для тебя подарок.

— Лягушка? — хихикнула она. — Кто это такой?

Он пожал плечами:

— Какой-то дорнийский парень. Он оруженосец большого рыцаря, которого они зовут Зеленой Кишкой. Я предложил ему отдать подарок

мне, чтобы я передал его, но он не согласился.

— О-о, умная лягушка. "Отдать подарок мне". — Она швырнула в него еще одной подушкой. — Увидела бы я его в таком случае когда-нибудь?

Даарио погладил позолоченный ус:

— Стал бы я красть у своей милой королевы? Если бы этот подарок был достоин тебя, я бы сам вложил его в твои нежные ручки.

— Как символ твоей любви?

— Как символ не скажу чего, но я обещал ему, что он сам сможет отдать его тебе. Ты же не выставишь Даарио Нахариса лжецом?

Дени не смогла ему отказать:

— Как скажешь. Приводи свою лягушку завтра на прием. И остальных тоже. Вестеросцев. — Было бы приятно услышать общий язык от кого-то, кроме сира Барристана.

— Как прикажет моя королева, — Даарио отвесил глубокий поклон, ухмыльнулся и ушел, взмахнув плащом.

Дени осталась сидеть на разобранной постели, обняв руками колени; ее охватило такое одиночество, что она даже не услышала, как появилась Миссандея с хлебом, молоком и фигами.

— Ваше Величество? Вам нехорошо? Ваша слуга слышала, как

вы кричите во мраке ночи.

Дени взяла фигу, темную и зрелую, все еще влажную от росы. *Закричу ли я когда-нибудь от ласк Хиздара?*

— Ты приняла за крики шум ветра, — она надкусила фигу, но с уходом Даарио фрукт утратил свою сладость. Вздохнув, она встала и велела Ирри принести ей одежду, а затем побрела на свою террасу.

Ее окружали враги. Не менее дюжины кораблей постоянно находились у побережья. В отдельные дни бывала и сотня — когда на берег высаживались воины. Юнкайцы даже подвозили по морю лес. За своими рвами они строили

катапульти, скорпионы, высокие требушеты. В безмолвные ночи она слышала стук молотков, разносящийся в сухом горячем воздухе. *Однако никаких осадных башен. Никаких таранов.* Они не собираются брать Миэрин штурмом. Они будут выжидать за своими укреплениями, бросая на город камни, пока голод и болезни не поставят ее людей на колени.

Хиздар принесет мне мир. Он должен.

В тот вечер повара зажарили для нее козленка с морковью и финиками, но Дени смогла съесть только небольшой кусочек. Перспектива еще одной схватки с

Миэрином изнуряла ее. Она спала беспокойно даже когда вернулся Даарио — такой пьяный, что едва мог держаться на ногах. Она крутилась и ворочалась под покрывалами, и во сне ее целовал Хиздар... но его губы были синими и разбитыми, а когда он вошел в нее, его мужское естество оказалось холодным, как лед. Дени села на постели, со спутанными волосами, в разбросанных простынях. Рядом с ней спал ее капитан, но она все равно чувствовала себя одинокой. Ей хотелось встряхнуть его, разбудить, заставить себя обнять и трахнуть, помогая ей забыться, но Дени знала, что он только зевнул бы и улыбнулся,

сказав: "Это просто сон, моя королева. Засыпай".

Вместо этого она накинула халат с капюшоном и вышла на свою террасу. Подошла к перилам и посмотрела вниз на город, как сотни раз до этого. *Он никогда не будет моим городом. И никогда не будет моим домом.*

Бледно-розовый луч рассвета застал ее на террасе, спящей на траве под тонким одеялом росы.

— Я обещала Даарио, что буду сегодня принимать людей, — сказала Дейенерис служанкам, когда те разбудили ее. — Помогите найти мою корону. Да, и какую-нибудь одежду, что-нибудь легкое и

прохладное.

Она совершила свой выход час спустя.

— *На колени перед Дейенерис Бурерожденной, Неопалимой, Королевой Миэрина, Королевой Андалов, Ройнаров и Первых Людей, Кхалиси Великого Травяного Моря, Разрушительницей Оков и Матерью Драконов,* — провозгласила Миссандея.

Резнак мо Резнак поклонился и лучезарно улыбнулся:

— Великолепная, каждый день вы становитесь все прекраснее. Я думаю, что ожидание свадьбы придает вам этот румянец. О, моя сияющая королева!

Дени вздохнула:

— Вызовите первого просителя.

В последний раз она принимала народ так давно, что количество дел, которые следовало разрешить, было неисчислимым. В дальнем конце зала толпились люди, и уже вспыхивали драки за места в очереди. Разумеется, первой вышла вперед Галазза Галар с гордо поднятой головой и лицом, скрытым за мерцающим зеленым покрывалом.

— Ваше Великолепие, было бы лучше, если бы мы могли поговорить наедине.

— Было бы, но, боюсь, у меня совсем нет времени, — сладким голосом ответила Дени, — ведь

завтра я выхожу замуж. — Последняя ее встреча с Зеленой Грацией прошла не совсем гладко. — Что за дело у вас ко мне?

— Я хочу поговорить с вами о нахальстве некоего капитана наемников.

Как она смеет говорить об этом на открытом суде? Дени почувствовала вспышку ярости. Это смело, надо отдать ей должное, но если она считает, что я стерплю еще один выговор, то жестоко ошибается.

— Предательство Бурого Бена Пламма потрясло нас всех, — ответила она. — Но ваше предостережение запоздало. Теперь,

полагаю, вы хотите вернуться в храм и помолиться о наступлении мира.

Зеленая Грация поклонилась:

— Заодно я помолюсь и о вас.

Еще одна пощечина, подумала

Дени, и лицо ее налилось краской.

Дальше началась хорошо знакомая королеве скука. Она сидела на подушках и слушала, покачивая ногой от нетерпения. В полдень Чхику принесла блюдо с фигами и ветчиной. Казалось, потоку просителей не будет конца. На каждых двоих, покидавших зал с улыбкой, приходился один, уходящий в слезах или с ворчанием.

Ближе к закату появился Даарио Нахарис со своими новыми

Воронами-Буревестниками —
вестероссами, переметнувшимися к
нему от Гонимых Ветром. Дени
разглядывала их, пока предыдущий
проситель продолжал что-то
монотонно бубнить. *Это мои люди.*
Я их законная королева. Они были
неряшливой компанией, но чего еще
ожидать от наемников. Самый
молодой выглядел не более чем на
год старше нее; самый старый,
должно быть, встретил не менее
шестидесяти именин. Некоторые
носили дорогие вещи: золотые
браслеты, шелковые туники,
отделанные серебром перевязи.
Трофеи. У большинства остальных
одежда была простой и сильно

изношенной.

Когда Даарио вывел их вперед, она заметила среди них женщину, крупную, светловолосую, одетую в кольчугу. "Красотка Мерис", — представил капитан, но "красотка" стало бы последним словом, которым бы Дени ее назвала. Шести футов ростом и без ушей, с перебитым носом и глубокими шрамами на обеих щеках, и с самыми ледяными глазами, которые королеве доводилось когда-либо видеть. Что же до остальных...

Хью Хангерфорд был худым и длинноногим, с мрачным вытянутым лицом и одетым в полинявший наряд. Веббер — низким и

мускулистым, с пауками, вытатуированными на голове, груди и руках. Краснолицый Орсон Стоун считался рыцарем, как и долговязый Люцифер Лонг. Уилл из Лесов хитро косился на нее даже когда преклонял колено. У Соломенного Дика были васильково-голубые глаза, белые как лен волосы и беспокойная улыбка. Лицо Джека-Имбиря скрывалось за колючей оранжевой бородой, а речь звучала неразборчиво.

— Он откусил половину языка в своем первом сражении, — объяснил ей Хангерфорд.

Дорнийцы выглядели иначе.

— Если изволит Ваше Величество, — сказал Даарио, —

имена этих троих Зеленая Кишка, Геррольд и Лягушка.

Зеленая Кишка был огромен и лыс, как камень, с такими толстыми руками, что смог бы соперничать даже с Бельвасом-Силачом. Геррольд — высокий тощий юноша с выгоревшими на солнце прядями в волосах и смеющимися сине-зелеными глазами. *Держу пари, эта улыбка сразила немало девичьих сердец.* Он носил плащ из мягкой коричневой шерсти, подбитый песочного цвета шелком — весьма красивая вещь.

Лягушка, оруженосец, был самым молодым из троих, и наименее интересным — серьезный

коренастый парень с карими глазами и каштановыми волосами, с квадратным лицом, высоким лбом, тяжелой челюстью и широким носом. Поросль на щеках и подбородке делала его похожим на мальчишку, пытающегося отрастить свою первую бороду. Дени не нашла в его внешности ничего, указывающего на его прозвище. *Может, он прыгает дальше, чем остальные?*

— Можете встать, — сказала она. — Даарио говорил мне, что вы прибыли к нам из Дорна. Дорнийцам будут всегда рады в моем дворце. Солнечное Копье осталось преданным моему отцу, когда Узурпатор украл его трон. Вам,

должно быть, пришлось преодолеть много опасностей, прежде чем вы добрались до меня.

— Слишком много, — ответил Герольд, красавец с выгоревшими волосами. — Нас было шестеро, когда мы покинули Дорн, Ваше Величество.

— Сожалею о ваших потерях. — Королева повернулась к его огромному спутнику. — Зеленая Кишка — довольно необычное имя.

— Это шутка, Ваше Величество. Пошла еще с корабля. Всю дорогу от Волантиса я был зелен, как трава. Меня тошнило и... стыдно сказать...

Дени хихикнула:

— Я думаю, что могу

догадаться, сир. *Сир*, не так ли? Даарио говорил мне, что вы рыцарь.

— Мы все рыцари, если угодно Вашему Величеству.

Дени взглянула на Даарио и увидела вспышку гнева на его лице.

Он не знал.

— Мне нужны рыцари, — сказала она.

У сира Барристана проснулись подозрения:

— Легко притязать на рыцарский титул здесь, вдали от Вестероса. Вы готовы отстоять этот предмет гордости с копьем или мечом?

— Если понадобится, — ответил Герольд, — хотя не берусь

утверждать, что кто-либо из нас сравнится с Барристаном Смелым. Ваше Величество, прошу прощения, но мы предстали перед вами под ненастоящими именами.

— Я знаю кое-кого, кто однажды поступил точно так же, — заметила Дени. — Человек, назвавшийся Арстаном Белобородым. Что ж, назовите свои настоящие имена.

— С радостью... но, если мы можем просить королеву о снисхождении, не найдется ли здесь места, где поменьше глаз и ушей?

Игры внутри игр.

— Как пожелаете. Скахаз, освободи зал.

Бритоголовый прорычал приказ.

Его Медные Бестии довершили остальное, уведя из зала других вестероссцев и всех прочих сегодняшних просителей. Остались только ее советники.

— Итак, — сказала Дени, — Ваши имена.

Миловидный юный Геррольд поклонился:

— Сир Геррис Дринкуотер. Мой меч к вашим услугам.

Зеленая Кишка скрестил руки на груди:

— И мой боевой молот. Я сир Арчибальд Айронвуд.

— А ваше, сир? — спросила королева парня, прозванного Лягушкой.

— Если Вашему Величеству будет угодно, могу ли я сначала преподнести свой подарок?

— Как пожелаете, — Дейенерис стало любопытно, но когда Лягушка двинулся вперед, перед ним вырос Даарио Нахарис, и протянул руку в перчатке:

— Дай этот подарок мне.

Коренастый парень с каменным лицом наклонился, расшнуровал ботинок, и вытащил из-под стельки пожелтевший пергамент.

— Это и есть твой подарок? Исписанный клочок? — Даарио вырвал пергамент из рук дорнийца, развернул и, прищурившись, принялся рассматривать печати и

подписи. — Миленький, весь такой в позолоте и ленточках, но я не могу прочесть ваши вестеросские каракули.

— Поддай его королеве, — приказал сир Барристан. — Немедленно.

Дени почувствовала нарастающий гнев в зале.

— Я всего лишь юная девушка, а девушкам должны дарить подарки, — шутливо сказала она. — Даарио, пожалуйста, не дразни меня. Давай его сюда.

Пергамент был написан на общем языке. Королева медленно развернула его, изучая печати и подписи. Когда она увидела имя сира

Виллема Дарри, ее сердце забилося чуть быстрее. Она прочитала свиток один раз, а затем снова перечитала его.

— Можем ли мы узнать, что там, Ваше Величество? — спросил сир Барристан.

— Это секретный договор, — ответила Дени, — составлен в Браавосе, когда я еще была маленькой. Сир Виллем Дарри подписал его от нашего имени, человек, который тайно вывез меня и моего брата с Драконьего Камня, прежде чем люди Узурпатора могли нас схватить. Принц Оберин Мартелл подписал его от имени Дорна, а Морской Лорд Браавоса

засвидетельствовал, — она протянула пергамент сиру Барристану, чтобы тот мог прочесть сам. — Там говорится, что союз должен быть скреплен браком. В обмен на помощь Дорна в свержении Узурпатора, мой брат Визерис берет дочь принца Дорана Арианну в жены, своей королевой.

Старый рыцарь медленно читал договор:

— Если бы Роберт узнал об этом, то уничтожил бы Солнечное Копье, как когда-то уничтожил Пайк, и потребовал бы головы принца Дорана и Красного Змея... и, скорее всего, голову дорнийской принцессы тоже.

— Несомненно поэтому принц Доран решил сохранить договор в тайне, — заметила Дейенерис. — Если бы мой брат Визерис узнал, что где-то его ждет дорнийская принцесса, то приплыл бы в Солнечное Копье сразу же, как только достиг брачного возраста.

— И тем самым подставил бы и себя, и Дорн под боевой молот Роберта, — сказал Лягушка. — Мой отец примирился с ожиданием дня, когда принц Визерис найдет себе армию.

— Твой отец?

— Принц Доран, — он преклонил колено. — Ваше Величество, я имею честь быть

Квентином Мартеллом, принцем Дорна и самым верным вашим подданным.

Дени рассмеялась.

Дорнийский принц вспыхнул, а ее советники и приближенные озадаченно глядели на нее.

— Ваше Великолепие? — спросил Скахаз Бритоголовый на гискарском. — Почему вы смеетесь?

— Они называют его *лягушкой*, — сказала она, — и мы только что узнали, почему. В Семи Королевствах детям рассказывают сказки о лягушках, которые оказываются заколдованными принцами, когда их поцелует их истинная любовь.

Улыбнувшись дорнийским рыцарям, она снова перешла на общий язык:

— Скажите мне, принц Квентин, вы заколдованы?

— Нет, Ваше Величество.

— Так я и думала. — *Увы, ни заколдованный, ни околдовывающий. Жаль, что принц — он, а не тот, с широкими плечами и песочными волосами.* — Однако, вы прибыли за поцелуем. Вы хотите жениться на мне. Так все обстоит? Подарок, что вы принесли мне, — это вы сами, милый принц. Вместо Визериса и вашей сестры, этот договор должны закрепить мы с вами, если я хочу получить Дорн.

— Мой отец надеялся, что вы сочтете меня достойным вас.

Даарио презрительно засмеялся:

— Ты щенок. Королеве нужен рядом настоящий мужчина, а не хныкающий мальчишка. Ты не подходишь на роль мужа для такой женщины, как она. Ты еще чувствуешь вкус материнского молока, когда облизываешь губы?

Сир Геррис Дринкуотер потемнел при этих словах:

— Следи за языком, наемник. Ты говоришь с принцем Дорна.

— И с его кормилицей, думается мне, — Даарио прикоснулся к рукоятке меча и опасно улыбнулся.

Скахаз нахмурился так, как он

один умел:

— Этот парень подошел бы для Дорна, но Миэрину нужен король гискарской крови.

— Я слышал об этом Дорне, — добавил Резнак мо Резнак. — Дорн — это пески и скорпионы, и унылые красные горы под палящим солнцем.

Ему ответил принц Квентин:

— Дорн — это пятьдесят тысяч копий и мечей, поклявшихся служить нашей королеве.

— Пятьдесят тысяч? — насмешливо сказал Даарио. — Я насчитал троих.

— Довольно, — произнесла Дейенерис. — Принц Квентин пересек полмира, чтобы предложить

мне свой дар, и я не позволю обращаться с ним неучтиво.

Она повернулась к дорнийцам:

— Вам стоило приехать год назад. Я связана обещанием выйти замуж за благородного Хиздара зо Лорака.

— Еще не слишком поздно... — сказал сир Геррис.

— Об этом я буду судить, — ответила Дейенерис. — Резнак, убедись, чтобы принцу и его компаньонам предоставили покои, соответствующие их высокому положению, и чтобы все их желания были удовлетворены.

— Как пожелаете, Ваше Великолепие.

Королева встала:

— На сегодня — все.

Даарио и сир Барристан последовали за ней по лестнице к ее покоям.

— Это все меняет, — произнес старый рыцарь.

— Это ничего не меняет, — ответила Дени, пока Ирри снимала с нее корону. — Что толку от трех людей?

— Трех рыцарей, — возразил Селми.

— Трех лжецов, — мрачно сказал Даарио. — Они обманули меня.

— И подкупили тебя, я не сомневаюсь.

Он не стал отрицать этого. Дени раскрыла свиток и снова внимательно его прочитала. *Браавос. Это было написано в Браавосе, когда мы жили в доме с красной дверью.* Почему из-за этого она чувствует себя так странно?

Она вспомнила свой кошмар. *Иногда в снах есть доля истины.* Мог ли Хиздар зо Лорак быть заодно с колдунами, не это ли означал ее сон? Мог ли тот сон быть посланием? Возможно ли, что боги велят ей оставить Хиздара и вместо этого сочетаться браком с дорнийским принцем? Что-то зашевелилось в ее памяти.

— Сир Барристан, что за герб у

дома Мартеллов?

— Сверкающее солнце,
пронзенное копьем.

Сын солнца. Она вздрогнула.
"Тени и шепот". Что еще сказала
Куэйта? *Бледная кобыла и сын
солнца. Там было еще что-то про
льва и дракона. Или дракон это я?*
"Остерегайся надушенного
сенешаля". Это она запомнила.

— Сны и пророчества. Почему в
них всегда говорят загадками? Я
ненавижу это. О-о, оставьте меня,
сир. Завтра у меня свадьба.

Этой ночью Даарио обладал ею
всеми способами, какими только
мужчина может обладать женщиной,
и она с радостью отдавалась ему. В

последний раз, на восходе солнца, она привела его в готовность ртом, как когда-то научила ее Дореа. А потом скакала на нем так яростно, что у него снова открылась рана, и на один сладкий миг она не смогла бы определить, был ли это он внутри нее, или же она внутри него.

Но когда поднялось солнце дня ее свадьбы, поднялся и Даарио Нахарис, надел свои вещи и застегнул портупею со своими сияющими золотыми распутницами.

— Куда ты уходишь? — спросила Дени. — Сегодня я запрещаю тебе отправляться на вылазку.

— Моя королева жестока, —

ответил ее капитан. — Если я не могу убивать твоих врагов, чем я буду развлекаться, пока ты выходишь замуж?

— С наступлением ночи у меня не останется врагов.

— Сейчас только рассвет, милая королева. А день такой долгий. Вполне хватит времени еще для одной вылазки. Я принесу тебе голову Бурого Бена Пламма, в качестве свадебного подарка.

— Никаких голов, — отрезала Дени. — Однажды ты принес мне цветы.

— Пускай Хиздар носит тебе цветы. Правда, он не из тех, кто наклонится, чтобы сорвать

одуванчик, но у него полно слуг, которые с удовольствием сделают это за него. Могу ли я уйти?

— Нет, — она хотела, чтобы он остался и обнимал ее. *Однажды он уйдет и не вернется*, подумала она. *Однажды какой-нибудь лучник пронзит стрелой его грудь, или десять человек нападут на него с копьями, мечами и топорами, десяток мечтающих о геройстве. Пятеро из них умрут, но это не поможет ей легче перенести горе. Однажды я потеряю его, как потеряла мое солнце и звезды. Но, пожалуйста, о боги, не сегодня.*

— Вернись в постель и поцелуй меня. — Никто никогда не целовал

ее так, как Даарио Нахарис. — Я твоя королева, и я приказываю тебе трахнуть меня.

— Трахать королев — дело короля. Твой благородный Хиздар позаботится об этом, когда вы поженитесь. И если он окажется слишком высокорожденным для такого утомительного дела, то его слуги и эту работу с радостью возьмут на себя. Или можешь пригласить в свою постель дорнийского принца и его милых друзей, почему бы и нет? — И он твердым шагом вышел из спальни.

Он все же собирается на вылазку, поняла Дени, и если он добудет голову Бена Пламма, то

придет на свадебный пир и бросит ее к моим ногам. Семеро, спасите меня. Ну почему он не родился в более знатной семье?

Когда он ушел, Миссандея принесла королеве простой завтрак из козьего сыра, оливок и изюма на сладкое.

— Вашему Величеству нужно подкрепиться не только вином. Вы такая хрупкая, а сегодня вам уж точно понадобятся силы.

Услышав эти слова от такой маленькой девочки, Дейенерис рассмеялась. Она настолько полагалась на свою маленькую переписчицу, что часто забывала — Миссандее едва исполнилось

одиннадцать. Они позавтракали на террасе вместе. Дени откусила кусочек от оливки, когда девочка пристально посмотрела на нее своими глазами цвета расплавленного золота, и произнесла:

— Еще не поздно сказать им, что вы передумали выходить замуж.

И все же слишком поздно, с грустью подумала королева.

— Хиздар благородной и древней крови. Наш союз объединит моих вольноотпущенников с его народом. И когда мы станем единым целым, то же самое произойдет и с нашим городом.

— Ваше Величество не любит

благородного Хиздара. Ваша слуга думает, что вы предпочли бы себе другого мужа.

Сегодня я не должна думать о Даарио.

— Королева любит того, кого должна любить, а не того, кого ей хочется. — Она потеряла аппетит. — Унеси эту еду, — сказала она Миссандее. — Мне пора принимать ванну.

Позже, когда Чхику уже вытирала Дейенерис, пришла Ирри и принесла токар. Дени завидовала дотракийским девушкам, которые носили просторные шелковые штаны и расписные безрукавки. Им будет куда прохладнее, чем ей, в этом

токаре с тяжелой жемчужной бахромой.

— Помогите мне в него завернуться, пожалуйста. Я сама не справлюсь со всем этим жемчугом.

Она знала, что ей полагалось бы сгорать от нетерпения в ожидании свадьбы и брачной ночи. Она помнила ночь своей первой свадьбы, когда кхал Дрого взял ее девственность под незнакомыми звездами. Она помнила, какой испуганной и взволнованной была тогда. Будет ли так же и с Хиздаром? *Нет. Я уже не та девочка, а он — не мое солнце и звезды.*

Миссандеи вернулась из глубин пирамиды:

— Резнак и Скахаз просят чести сопровождать Ваше Величество до Храма Граций. Резнак приказал приготовить ваш паланкин.

Миэринцы редко ездили верхом в стенах города. Они предпочитали паланкины, носилки и портшезы, которые рабы носили на плечах. "Лошади пачкают улицы, — объяснил ей один из рода Зака, — а рабы — нет." Дени освободила рабов, но паланкины, носилки и портшезы все равно заполняли город, и ни один из них не парил в воздухе по волшебству.

— Сегодня слишком жарко, чтобы прятаться в паланкине, — сказала Дени. — Оседлайте мою

Серебрянку. Я не отправлюсь к моему лорду-супругу на спинах носильщиков.

— Ваше Величество, — заметила Миссандея, — ваша слуга очень сожалеет, но вы не сможете ехать верхом в токаре.

Маленькая переводчица снова оказалась права, как это нередко случалось. Токар был неподходящим одеянием для верховой езды.

Дени скорчила гримаску:

— Как скажешь. Но не паланкин. Я задохнусь за этими занавесками. Вели приготовить портшез. — Если она должна надеть свои длинные уши, то пусть все кролики видят ее.

Когда Дени спустилась, Резнак и Скахаз упали на колени:

— Ваша Милость сияет так ярко, что вы ослепите любого, кто посмеет посмотреть на вас, — воскликнул Резнак. На сенешале был токар из темно-бордовой парчи с золотой бахромой. — Хиздару зор Лораку повезло с вами... а вам — с ним, осмелюсь сказать. Вот увидите, этот союз спасет наш город.

— Мы молимся об этом. Я хочу посадить свои оливы и увидеть, как они приносят плоды.

Какая разница, радуют ли меня поцелуи Хиздара или нет? Мир — вот что принесет мне радость. Я королева или простая женщина?

— Толпа сегодня будет как мушиный рой, — Бритоголовый обрядился в черную юбку в складку и рельефную кирасу, а подмышкой зажал медный шлем в виде змеиной головы.

— Стоит ли мне бояться мух? Твои Медные Бестиі уберегут меня от любой беды.

В основании Великой Пирамиды всегда царил полумрак. Стены толщиной в тридцать футов приглушали уличный шум и защищали от жары, так что внутри было сумеречно и прохладно. Ее эскорт построился у ворот. Лошади, мулы и ослы стояли у западных стен, слоны — у восточных. Дени

получила трех этих огромных и странных животных вместе с пирамидой. Они напоминали ей безволосых серых мамонтов, хотя их бивни были подпилены и позолочены, а глаза печальны.

Она увидела Бельваса-Силача, поедавшего виноград, и сира Барристана Селми, наблюдавшего за конюхом, который подтягивал подпругу его серого в яблоках коня. Рядом с ним беседовали три дорнийца, но стоило королеве появиться, как они тут же умолкли. Их принц опустился на одно колено:

— Ваше Величество, умоляю вас. Силы моего отца слабеют, но его преданность вашему делу сильна, как

и раньше. Если я или мои манеры не угодили вам — горе мне, но...

— Вы угодите мне, сир, если порадуетесь за меня, — прервала его Дени. — Сегодня моя свадьба. Все в Желтом Городе будут танцевать, я не сомневаюсь, — она вздохнула. — Встаньте, мой принц, и улыбнитесь. Однажды я вернусь в Вестерос, чтобы заявить о своих правах на отцовский трон, и буду рассчитывать на помощь Дорна. Но сейчас юнкайцы окружили мой город со сталью в руках. Я могу умереть прежде, чем увижу мои Семь Королевств. Хиздар может умереть. А Вестерос может поглотить море. — Дени поцеловала его в

щеку. — Идемте. Пришло время мне выйти замуж.

Сир Барристан помог ей подняться в портшез. Квентин вернулся к своим друзьям-дорнийцам. Бельвас-Силач проревел, чтобы открыли ворота, и Дейенерис Таргариен вынесли на солнце. Селми поехал рядом с ней на своем сером в яблоках коне.

— Скажите мне, — обратилась к нему Дени, когда процессия направилась к Храму Граций, — если бы мой отец и моя мать были свободны следовать зову своих сердец, с кем бы они обручились?

— Это было так давно. Ваше Величество не знает этих людей.

— Но вы-то знаете. Расскажите мне.

— Ваша королева-мать всегда была предана своему долгу.

Он выглядел весьма внушительно в своей серебристо-золотой броне с белым плащом, ниспадающим с плеч, но в его голосе звучала боль, каждое слово было словно камнем, который ему приходилось обходить.

— Но в девичестве... однажды она была сражена юным рыцарем из Штормовых Земель, который стал ее фаворитом на турнире и провозгласил ее королевой любви и красоты. Мимолетное увлечение.

— Что же случилось потом с

этим рыцарем?

— Он отказался от своего копья в тот день, когда ваша леди-мать вышла за вашего отца. После этого он стал очень набожным, люди слышали, как он говорил, что лишь сама Дева может заменить королеву Рейеллу в его сердце. Его страсть, конечно, была безнадежна. Ленный рыцарь — неподходящий супруг для принцессы королевской крови.

А Даарио Нахарис всего лишь наемник, недостойный быть даже пряжкой на золотых шпорах ленного рыцаря.

— А мой отец? Была ли такая женщина, которую он любил больше, чем свою королеву?

Сир Барристан поерзал в седле:

— Нет... не любил. Возможно, слово "желал" подошло бы лучше, но... все это лишь кухонные сплетни, перешептывания посудомоек и конюхов...

— Я хочу знать. Я никогда не знала моего отца. Я хочу знать о нем все. Хорошее и... остальное.

— Как прикажете, — белый рыцарь тщательно подбирал слова. — Принц Эйерис... в юности он был очарован некоей леди из Утеса Кастерли, кузиной Тайвина Ланнистера. Когда она и Тайвин играли свадьбу, ваш отец выпил слишком много вина на пиру и, как слышали многие, высказал большое

сожаление по поводу отмены права лорда на первую ночь. Пьяная шутка, не более того, но Тайвин Ланнистер не из тех людей, кто забывает подобные слова или... вольности, которые ваш отец позволил себе во время проводов невесты. — Он покраснел. — Я сказал слишком много, Ваше Величество. Я...

— Прекрасная королева, рад нашей встрече! — приблизилась другая процессия, и Хиздар зо Лорак улыбался ей из своего паланкина.

Мой король. Дени задавалась вопросом, где сейчас Даарио Нахарис и чем он занят. *Будь это сказкой, он прискакал бы, как раз когда мы достигнем храма, и бросил*

бы Хиздару вызов, предложив сразиться за мою руку.

Бок о бок эскорты королевы и Хиздара со Лорака медленно продвигались по улицам Миэрина, пока наконец перед ними не предстал Храм Граций, сверкая на солнце своими золотыми куполами.

Как красиво, попыталась убедить себя королева, но где-то в глубине ее души сидела глупая маленькая девчонка, которая не могла не высматривать Даарио. Если бы он любил тебя, то появился и захватил бы тебя силой, как Рейегар захватил свою северную деву, упорствовала в ней девчонка, но королева знала, что это

безрассудство. Даже если бы ее капитану хватило безумия попытаться, то Медные Бестии изрубили бы его прежде, чем он оказался в ста ярдах от нее.

Галазза Галар ожидала их перед дверьми храма, окруженная своими сестрами в белом и розовом, красном и синем, золотом и фиолетовом. *Их меньше, чем было.* Дани поискала глазами Эззару и не нашла. *Неужели бледная кобыла забрала даже ее?* Хоть королева и оставила астапорцев умирать от голода за стенами Миэрина, стараясь предотвратить распространение кровавого поноса, тем не менее, оно все равно продолжилось. Болезнь

поразила многих:
вольноотпущенников, наемников,
Медных Бестий, даже дотракийцев,
однако мор пока еще не коснулся ни
одного Безупречного. Дени молилась,
чтобы худшее осталось позади.

Грации вынесли кресло из
слоновой кости и золотую чашу.
Изящно придерживая токар, чтобы
не наступить на бахрому, Дейенерис
Таргариен опустилась на роскошное
бархатное сиденье, а Хиздар зо
Лорак встал на колени, расшнуровал
ее сандалии и омыл ей ноги, пока
пятьдесят евнухов пели, а десять
тысяч глаз наблюдали. У *него*
нежные руки, подумала она, пока
теплые ароматические масла текли

между пальцами ног. *Если у него такое же нежное сердце, возможно, со временем я смогу полюбить его.*

Когда ее ступни были чисты, Хиздар осушил их мягким полотенцем, вновь зашнуровал сандалии и помог ей встать. Рука об руку, они проследовали за Зеленой Грацией в храм, где воздух был наполнен благовониями, а боги Гиса стояли, укрытые тенями, в своих альковах.

Четыре часа спустя они вышли обратно, уже как муж и жена, связанные друг с другом на запястьях и лодыжках цепями из желтого золота.

45. ДЖОН

Королева Селиса нагринула в Черный Замок со своей дочерью и шутом дочери, со своими служанками и компаньонками, а также со свитой из рыцарей, присяжных рыцарей и полусотни конных латников. *Все до одного — люди королевы, знал Джон Сноу. Хоть и состоят при Селисе, а служат все же Мелисандре.* Красная жрица предупредила его об их появлении почти за день до того, как ту же весть принес ворон из Восточного Дозора.

Он встретил компанию

королевы у конюшен, сопровождаемый Атласом, Боуэном Маршем и полдюжиной стражников в длинных черных плащах. Если рассказы о ней правдивы хотя бы наполовину, перед королевой ни в коем случае нельзя предстать без собственной свиты. Она могла бы спутать его с конюхом и вручить ему поводья своей лошади.

Снегопады наконец-то переместились на юг и дали им передышку. В воздухе витал даже некий намек на тепло, когда Джон Сноу преклонил колено перед этой южной королевой.

— Ваше Величество. Черный Замок приветствует вас и ваших

людей.

Королева Селиса посмотрела на него сверху вниз:

— Благодарю. Пожалуйста, сопроводите меня к вашему лорду-командующему.

— Мои братья выбрали меня на этот высокий пост. Я — Джон Сноу.

— Вы? Мне говорили, что вы молоды, но... — лицо королевы Селисы было узким и бледным. Она носила корону из красного золота с зубцами в форме языков пламени — копию той, в которой ходил Станнис. — ...можете подняться, лорд Сноу. Это моя дочь, Ширен.

— Принцесса, — Джон склонил голову. Ширен была некрасивым

ребенком, ставшим еще уродливее от серой хвори, которая сделала ее шею и часть щеки жесткими, серыми и потрескавшимися. — Мои братья и я к вашим услугам, — сказал он девочке.

Ширен покраснела:

— Спасибо, милорд.

— Я полагаю, вы знакомы с моим родственником, сиром Акселлом Флорентом? — осведомилась королева.

— Только через воронов. — *И по донесениям.* В письмах, которые он получал из Восточного Дозора-у-Моря, было что почитать об Акселле Флоренте, и хорошего в них содержалось очень мало. — Сир

Акселл.

— Лорд Сноу. — Флорент оказался толстым и коротконогим, с мощной грудью. Грубые волосы покрывали его щеки и двойной подбородок, торчали из ноздрей и ушей.

— Мои верные рыцари, — продолжала королева Селиса, — Сир Нарберт, сир Бентон, сир Брюс, сир Патрек, сир Дорден, сир Малегорн, сир Ламберт, сир Перкин.

Каждый названный поклонился в свой черед. Она не потрудилась представить шута, но благодаря бубенцам на рогатой шляпе и пестрым татуировкам на отечных щеках, его трудно было не заметить.

Пестряк. О нем тоже упоминалось в письмах Коттера Пайка. Тот утверждал, что шут слабоумен.

Затем королева подозвала еще одного любопытного персонажа из своего окружения: высокого, тощего, как палка, человека, чей рост подчеркивала диковинная трехъярусная шляпа из фиолетового фетра.

— А это наш благородный Тайхо Несторис, посланник Железного Банка Браавоса, прибывший вести переговоры с Его Величеством королем Станнисом.

Банкир снял шляпу и сделал глубокий поклон.

— Лорд-командующий. Я

благодарю вас и ваших братьев за гостеприимство, — он говорил на общем языке безупречно, лишь с малейшим намеком на акцент. На полфута выше Джона, браавосец носил бороду, тонкую как веревка, растущую от подбородка и почти достигавшую талии. Его одежды темного пурпурного цвета были отделаны горностаем. Высокий жесткий воротник окаймлял узкое лицо. — Я надеюсь, что мы не причиним вам слишком много беспокойства.

— Ничуть, милорд. От всей души вам рады. — *Сказать по правде, рады больше, чем этой королеве.* Коттер Пайк отправил

вперед ворона, предупредив их о прибытии банкира. С тех пор Джон Сноу не мог выкинуть из головы одну мысль.

Джон снова повернулся к королеве:

— Монархии покои в Королевской башне в распоряжении Вашего Величества на все время, что вы захотите оставаться с нами. Это наш лорд-стюард Боуэн Марш. Он обеспечит жильем ваших людей.

— Как любезно с вашей стороны подготовить для нас покои, — королева была весьма учтива, хотя ее тон говорил: *это не более, чем ваша обязанность, и вам же лучше, чтобы покои мне понравились.* — Мы не

пробудем с вами долго. Несколько дней, не больше. Мы намерены поторопиться на наше новое место в Твердыне Ночи сразу после отдыха. Путешествие из Восточного Дозора было утомительным.

— Как скажете, Ваше Величество, — ответил Джон. — Я уверен, вы замерзли и проголодались. Горячая еда уже ждет вас в нашем общем зале.

— Очень хорошо, — королева окинула взглядом двор. — Но сначала мы желаем переговорить с леди Мелисандрой.

— Конечно, Ваше Величество. Ее апартаменты тоже в Королевской Башне. Позвольте вас проводить?

Королева Селиса кивнула, взяла дочь за руку и позволила увести их от конюшни. Сир Акселл, браавосский банкир и остальная свита последовали за ними как утиный выводок, разодетый в шерсть и меха.

— Ваше Величество, — сказал Джон Сноу, — мои строители делают все возможное, чтобы подготовить Твердыню Ночи к вашему прибытию... и все же, многое остается в руинах. Это большой замок, самый большой на Стене, и мы смогли восстановить только часть его. Вам, наверное, будет удобнее вернуться в Восточный Дозор-у-Моря.

Королева Селиса фыркнула:

— Хватит с нас Восточного Дозора. Нам там не понравилось. Королева должна быть хозяйкой в собственном доме. Ваш Коттер Пайк показался нам неотесанным и неприятным человеком, к тому же сварливым и скупым.

Слышали бы вы, что Коттер говорит о вас.

— Я сожалею, но, боюсь, условия в Твердыне Ночи понравятся Вашему Величеству еще меньше. Это крепость, не дворец. Мрачное и холодное место. Тогда как Восточный Дозор...

— В Восточном Дозоре *небезопасно*, — королева положила руку на плечо дочери. — Вот

истинная наследница короля. Ширен однажды сядет на Железный Трон и будет править Семью Королевствами. Ее нужно беречь, а на Восточный Дозор будет совершено нападение. Твердыня Ночи — место, которое мой муж выбрал для нашего пребывания, и там мы обоснуемся. Мы... *оох!*

Из-за остова башни лорда-командующего возникла огромная тень. Принцесса Ширен пронзительно закричала, а три рыцаря ахнули хором. Еще один выдохнул:

— *Семеро, спасите нас,* — произнес он, с перепугу совсем позабыв своего нового красного бога.

— Не бойтесь, — сказал им Джон, — он безобиден, Ваше Величество. Это Вун Вун.

— Вун Вег Вун Дар Вун, — голос великана грохотал подобно рухнувшему с горы валуну. Он опустился перед ними на колени. Даже в таком положении он был выше всех. — Преклоняю колени перед королевой. Маленькая королева, — без сомнения, этим словам его научил Кожаный.

Глаза принцессы Ширин стали словно блюдца.

— Это *великан*! Самый настоящий великан, как в сказках! Но почему он так смешно разговаривает?

— Он пока знает всего несколько слов на общем языке, — ответил Джон. — В своих землях великаны говорят на древнем языке.

— А можно я его потрогаю?

— Лучше не стоит, — предостерегла ее мать. — Посмотри на него. Мерзкое создание. — Она сердито повернулась в сторону Джона. — Лорд Сноу, что это чудовище делает по нашу сторону Стены?

— Вун Вун такой же гость Ночного Дозора, как и вы.

Королеве не понравился такой ответ. Как и ее рыцарям. Сир Акселл скривился от отвращения, сир Брюс издал нервный смешок, а сир

Нарберт произнес:

— Мне говорили, что все великаны мертвы.

— Почти все. — *Игритт оплакивала их.*

— В темноте мертвяк танцует. — Пестряк зашаркал ногами в нелепой пляске. — Уж я-то знаю, я-то знаю.

В Восточном Дозоре кто-то сшил ему разноцветную мантию из бобровых шкур, овчины и кроличьего меха. Со смешных рогов на его шляпе свисали бубенцы и длинные бурые уши из беличьей шкурки, прикрывающие его собственные. Каждый его шаг сопровождался звоном.

Вун Вун в восторге глазел на него, но едва великан протянул к нему руку, шут с позвякиванием отскочил в сторону.

— Ой нет, ой нет, ой нет.

Тогда Вун Вун неуклюже поднялся на ноги. Королева схватила принцессу Ширен и оттащила ее в сторону, рыцари потянулись за мечами, а Пестряк в панике метнулся прочь, потерял равновесие и шлепнулся задом в сугроб.

Вун Вун расхохотался. Смеху великана мог позавидовать драконий рев. Пестряк заткнул уши, принцесса Ширен уткнулась лицом в меха матери, а самый отважный из рыцарей королевы выступил вперед с

мечом в руке. Джон поднял руку, преграждая ему путь.

— Вы же *не хотите* его разозлить. Уберите оружие, сир. Кожаный, отведи Вун Вуна назад в башню Хардина.

— Поесть теперь, Вун Вун? — спросил великан.

— Поесть теперь, — согласился Джон. А Кожаному приказал: — Я пришлю для него бушель овощей и мяса для тебя. Разжигай огонь.

Кожаный осклабился:

— Я-то разожгу, м'лорд, но в башне Хардина промерзаешь до костей. Может, м'лорд пришлет нам немного вина, чтобы согреться?

— Для тебя. Но не для него. —

Вун Вун никогда не пробовал вина, пока не попал в Черный Замок; но однажды отведав, проникся к нему всей своей великаньей любовью. *Слишком большой любовью.* У Джона было и так достаточно проблем, не хватало только пьяного великана. Он повернулся к рыцарям королевы: — Мой лорд-отец часто говорил, что мужчина никогда не должен обнажать свой меч, если не собирается им воспользоваться.

— Я собирался им воспользоваться. — Лицо рыцаря было гладко выбритым и обветренным, под плащом из белого меха он носил накидку из серебряной парчи, украшенную

голубой пятиконечной звездой. — Мне дали понять, что Ночной Дозор охраняет королевство от подобных чудовищ. Никто не упомянул о том, что вы держите их в качестве питомцев.

Еще один чертов дурак-южанин.

— Вы...?

— Сир Патрек с Королевской Горы, если будет угодно милорду.

— Я не знаю, насколько вы соблюдаете законы гостеприимства на вашей горе, сир. Но у нас на севере они священны. И Вун Вун здесь гость.

Сир Патрек улыбнулся.

— Скажите, лорд-

командующий, если придут Иные, вы тоже собираетесь проявить гостеприимство? — рыцарь повернулся к своей королеве. — Ваше Величество, вот там Королевская Башня, если я не ошибаюсь. Окажете мне честь?

— Как вам угодно. — Королева приняла его руку и прошла мимо бойцов Ночного Дозора, больше не взглянув на них.

Эти языки пламени на ее короне — самое теплое, что в ней есть.

— Лорд Тайхо, — позвал Джон. — Минутку, пожалуйста.

Браавосец остановился.

— Я не лорд. Только простой слуга Железного Банка Браавоса.

— Коттер Пайк сообщил мне, что вы прибыли в Восточный Дозор с тремя кораблями. Галеас, галера и когг.

— Именно так, милорд. Пересекать море — довольно рискованная затея в это время года. Один корабль может пойти ко дну, в то время как все три помогут друг другу. Железный Банк всегда предусмотрителен в подобных вопросах.

— Возможно, прежде чем вы уйдете, мы могли бы поговорить наедине?

— Я к вашим услугам, лорд-командующий. И на Браавосе говорят: "нет лучше момента, чем

нынешний". Вас это устроит?

— Вполне. Отправимся в мои покои, или вы предпочли бы побывать на самом верху, на Стене?

Банкир взглянул вверх, туда, где на фоне неба неясно вырисовывалась огромная бледная ледяная громада.

— Боюсь, там наверху лютый холод.

— Точно, и еще ветрено. Привыкаешь держаться подальше от края. И тем не менее. В мире нет ничего подобного Стене. Вам, возможно, не выпадет другого случая ее увидеть.

— Несомненно, на смертном одре я буду раскаиваться в своей чрезмерной осторожности, но после

долгого дня в седле я бы предпочел теплую комнату.

— Тогда мои покои. Атлас, немного подогретого вина, будь любезен.

В комнатах Джона, располагавшихся за оружейной, было довольно тихо, хотя и не особенно тепло. Очаг погас некоторое время назад: Атлас поддерживал его не так старательно, как Скорбный Эдд. Ворон Мормонта встретил их криком: "*Зерно!*". Джон повесил плащ.

— Вы прибыли повидаться со Станнисом, правильно?

— Да, это так, милорд. Королева Селиса предложила отправить в

Темнолесье сообщение с вороном и уведомить Его Величество, что я буду ждать его в Твердыне Ночи. Мое дело к нему слишком деликатное, чтобы довериться письму.

— Долги. — *А что же еще?* —

Его собственные? Или его брата?

Банкир сложил ладони домиком:

— С моей стороны было бы неправильным обсуждать долги лорда Станниса или отсутствие таковых. Что касается короля Роберта... мы действительно с удовольствием помогали Его Величеству в его нуждах. Пока Роберт был жив, все шло отлично. Однако теперь Железный Трон прекратил все выплаты.

Неужели Ланнистеры и вправду такие дураки?

— Вы ведь не собираетесь сделать Станниса ответственным за долги его брата?

— Долги принадлежат Железному Трону, — объявил Тайхо, — и любой, кто на нем сидит, должен по ним платить. Поскольку юный король Томмен и его советники стали так непреклонны, мы собираемся обсудить этот вопрос с королем Станнисом. Если он окажется более достойным нашего доверия, мы, разумеется, с огромным удовольствием предложим ему любую помощь.

— Помощь, — крикнул

ворон. — *Помощь, помощь, помощь.*

Примерно это Джон и подозревал с того момента, когда узнал, что Железный Банк направил посланника к Стене.

— По последним сведениям, Его Величество двигался к Винтерфеллу, чтобы сразиться с лордом Болтоном и его союзниками. Попробуйте поискать его там, если желаете, однако это рискованно. Вы можете оказаться втянутым в его войну.

Тайхо склонил голову:

— Мы, слуги Железного Банка, смотрим в лицо смерти так же часто, как и вы, слуги Железного Трона.

Так вот кому я служу? Джон Сноу уже не был в этом уверен.

— Я могу снабдить вас лошадьми, провиантом, проводниками — всем, чем потребуется, чтобы вы попали в Темнолесье. Оттуда вам придется добираться до Станниса самостоятельно. — *И вы вполне можете найти его голову на пике.* — Но у этого будет цена.

— *Цена,* — прокричал ворон Мормонта. — *Цена, цена.*

— Всегда есть цена, не так ли? — браавосец улыбнулся. — Что нужно Дозору?

— Для начала, ваши корабли. С их командами.

— Все три? Как же я вернусь в Браавос?

— Мне они нужны только для одного путешествия.

— Для рискованного путешествия, могу предположить. Но вы сказали "для начала"?

— Нам также нужна ссуда. Достаточно золота, чтобы прокормить нас до весны. Чтобы купить продовольствие и нанять корабли, которые смогут доставить его к нам.

— До весны? — Тайхо вздохнул. — Это невозможно, милорд.

Как там говорил ему Станнис? "Ты торгуешься как старая карга с треской, лорд Сноу. Что, лорд Эддард прижил тебя от какой-нибудь

торговки рыбой?" Может, так и было.

Потребовался почти час, чтобы невозможное стало возможным, и еще час, чтобы договориться об условиях. Принесенная Атласом бутылка подогретого вина помогла урегулировать самые колючие вопросы. Когда Джон подписал составленный браавосцем пергамент, они оба были полупьяными и весьма недовольными. Джон посчитал это добрым знаком.

С тремя браавосскими судами флот в Восточном Дозоре возрастал до одиннадцати кораблей. В их число входили иббенийский китобой, реквизированный Коттером Пайком по приказу Джона; торговая галера из

Пентоса, доставшаяся таким же образом, и три потрепанных лиссенийских военных корабля — остатки бывшего флота Салладора Саана, которые занесло на север осенними штормами. Все три корабля Саана остро нуждались в ремонте, но теперь работы должны были уже завершиться.

Отправляться с одиннадцатью кораблями — это не слишком благоразумно, но если он и дальше будет медлить, то вольный народ в Суровом Доме не выживет до прибытия спасательного флота. *Плыть нужно или сейчас, или никогда.* Вот только дойдут ли Матушка Кротиха и ее люди до

такого отчаяния, чтобы доверить свои жизни Ночному Дозору...

Когда они с Тайхо Несторисом вышли из комнаты, уже стемнело. Пошел снег.

— Похоже, передышка оказалась недолгой, — Джон потуже запахнул плащ.

— Зима уже рядом. В день моего отбытия из Браавоса на каналах был лед.

— Трое моих людей не так давно проезжали через Браавос, — сказал ему Джон. — Старый мейстер, певец и молодой стюард. Они сопровождали одичалую и ее ребенка в Старомест. Не довелось ли вам повстречаться с ними?

— Боюсь, что нет, милорд. Вестеросцы проезжают через Браавос каждый день, но большинство из них прибывают и отбывают через Мусорную Заводь. А корабли Железного Банка швартуются в Пурпурной гавани. Если хотите, я могу навести о них справки, когда вернусь домой.

— Нет нужды. Сейчас они уже должны быть в безопасности в Староместе.

— Будем надеяться, что так и есть. Узкое море становится опасным в это время года, а в последнее время появились тревожные сообщения о странных кораблях, которые видели на Ступенях.

— Салладор Саан?

— Лиссенийский пират?

Поговаривают, что он вернулся к своему старому ремеслу, да. И еще военный флот лорда Редвина пробирается через Сломанную Руку. Без сомнений, на пути домой. Но эти люди и их корабли хорошо нам известны. Нет, то были другие паруса... возможно, с дальнего востока... слышны странные толки о драконах.

— Вот бы нам одного дракона.

Чуток согреться.

— Милорд шутит. Простите, если я не буду смеяться. Мы, браавосцы — потомки тех, кто бежал из Валирии от гнева драконьих

лордов. Мы не шутим о драконах.

Да уж.

— Мои извинения, лорд Тайхо.

— Не стоит, лорд-командующий.

И я уже проголодался. Передача займы такой огромной суммы золота нагоняет аппетит. Не будете ли вы столь любезны показать мне, где обеденный зал.

— Я сам вас отведу, — Джон махнул рукой. — Сюда.

Оказавшись на месте, он послал Атласа за едой — не преломить хлеба с банкиром выглядело бы невежливым. Интерес к вновь прибывшим собрал в подвале почти всех, кто не стоял на посту и не спал, поэтому там было тесно и душно.

Сама королева отсутствовала, как и ее дочь. Видимо, они обустроивались в Королевской Башне. Но сир Брюс и сир Малегорн находились здесь, развлекая собравшихся братьев последними новостями из Восточного Дозора и более дальних краев. Три леди королевы сидели вместе, в окружении служанок и дюжины восхищенных мужчин Ночного Дозора.

Ближе к двери Десница королевы разделялся с парой каплунов, обгладывая мясо с костей и запивая каждый кусок элем. Заприметив Джона Сноу, Акселл Флорент отбросил кость в сторону,

вытер рот тыльной стороной руки и неторопливо направился к нему. С кривыми ногами, грудью колесом и оттопыренными ушами он выглядел курьезно, но Джон знал, что лучше над ним не смеяться. Он был дядей королевы Селисы и одним из первых последовал за ней, приняв красного бога Мелисандры. *Может, он и не убийца родной крови, но недалеко ушел.* Мейстер Эйемон рассказывал, что Мелисандра сожгла брата Акселла Флорента, а сир Акселл ничего не сделал, чтобы это остановить. *Кем надо быть, чтобы стоять в стороне и наблюдать, как твой собственный брат горит заживо?*

— Несторис, — сказал сир Акселл, — и лорд-командующий. Можно к вам присоединиться? — Он опустился на скамью, прежде чем они успели ответить. — Лорд Сноу, могу я спросить... эта принцесса одичалых, о которой писал Его Величество король Станнис... где бы она могла быть, милорд?

За много лиг отсюда, подумал Джон. Если боги милостивы, то она уже нашла Тормунда Великанью Смерть.

— Вель — младшая сестра Даллы, которая была женой Манса Налетчика и матерью его сына. Король Станнис взял в плен Вель и ребенка, после того как Далла

умерла при родах, но Вель не принцесса, не в том смысле, как вы думаете.

Сир Акселл пожал плечами.

— Кем бы она ни была, в Восточном Дозоре утверждали, что девка хороша собой. Я бы хотел увидеть собственными глазами. Некоторые женщины у этих одичалых... ну, мужчине пришлось бы развернуть их, чтобы исполнить свои супружеские обязанности. Если лорд-командующий будет так любезен, приведите ее и давайте посмотрим.

— Она не лошадь, чтобы выставлять ее на показ, сир.

— Обещаю не пересчитывать ей

зубы, — ухмыльнулся Флорент. — О, не беспокойтесь, я буду относиться к ней со всей любезностью, которой она заслуживает.

Он знает, что у меня ее нет. В деревне нет секретов, а в Черном Замке их еще меньше. Об отсутствии Вель не говорилось открыто, но некоторые знали, а вечером в общем зале братья разговаривали. *Что он услышал?* гадал Джон. *Многому ли он верит?*

— Простите меня, сир, но Вель не присоединится к нам.

— Я пойду к ней. Где вы содержите девку?

Подальше от вас.

— В безопасном месте. Хватит,

сир.

Лицо рыцаря покраснело.

— Милорд, вы забыли, кто я такой? — от него несло элем и луком. — Мне поговорить с королевой? Одно слово Ее Величества, и вашу одичалую девчонку доставят в зал голой для осмотра.

Это был бы ловкий трюк, даже для королевы.

— Королева никогда не злоупотребит нашим гостеприимством, — сказал Джон, надеясь, что это правда. — Сейчас же, боюсь, мне лучше уйти, пока я не забыл о законах гостеприимства. Лорд Тайхо, прошу меня извинить.

— Да, конечно, — ответил банкир. — Был рад.

Снаружи тяжелыми хлопьями шел снег. Королевская Башня на другой стороне двора превратилась в нескладную тень, свет из ее окон приглушался белой пеленой.

Вернувшись в покои, Джон увидел, что ворон Старого Медведя примостился у стола, на дубовой спинке стула с кожаным сиденьем. Стоило ему войти, как птица закричала, требуя еды. Джон набрал горсть высушенных зерен из мешка у двери и рассыпал их по полу, а затем сам занял стул.

Тайхо Несторис оставил копию их соглашения. Джон трижды его

перечитал. Это было просто, подумал он. Проще, чем я смел надеяться. Проще, чем должно бы быть.

Ему стало не по себе. Браавосские деньги позволят Ночному Дозору закупить провизию на юге, когда их собственные припасы оскудеют. Еды хватит, чтобы продержаться всю зиму, сколько бы она ни продлилась. Долгая суровая зима оставит Ночной Дозор с огромными долгами, из которых ему никогда не выбраться, напомнил себе Джон. Но если выбор стоит между долгами и смертью, то лучше занять.

Однако и это решение ему не

очень нравилось. А весной, когда придет время возвращать золото, будет нравиться еще меньше. Тайхо Несторис показался ему воспитанным и любезным человеком, но репутация Железного Банка в том, что касалось выбивания долгов, была устрашающей. В каждом из девяти вольных городов имелся свой банк, а в некоторых и не один. За каждую монету они дрались, словно собаки за кость. Но Железный Банк был могущественнее и богаче всех остальных вместе взятых. Когда правители не могли расплатиться с мелкими банками — разоренные банкиры продавали своих жен и детей в рабство и

вскрывали вены. Когда правители не возвращали деньги Железному Банку — из ниоткуда появлялись новые принцы и занимали их престолы.

Может, бедняге Томмену еще доведется узнать об этом. Несомненно, у Ланнистеров имелись веские причины отказать в уплате долгов короля Роберта, и все же они поступили глупо. Если Станнис не будет слишком упертым и согласится на их условия, браавосцы дадут ему столько серебра и золота, сколько потребуется. Хватит на то, чтобы купить дюжину наемных отрядов, подкупить сотню лордов и накормить, одеть и вооружить собственных людей. Если Станнис не

лежит сейчас убитый под стенами Винтерфелла, то, возможно, он только что выиграл Железный Трон. Интересно, видела ли Мелисандра *это* в своем огне.

Джон откинулся назад, зевнул и потянулся. Утром он набросает приказы для Коттера Пайка. *Одиннадцать кораблей в Суровый Дом. Привезти столько людей, сколько получится, в первую очередь женщин и детей.* Пора им поднимать паруса. Но стоит ли мне отправляться самому или все же предоставить это дело Коттеру? Старый Медведь сам возглавил вылазку. Да. И он не вернулся.

Джон закрыл глаза. Только на

миг... и проснулся совсем одеревеневшим. Ворон Старого Медведя ворчал "*Сноу, Сноу*", а Малли тряс его.

— М'лорд, вас ищут. Прошу прощения, м'лорд. Девушку нашли.

— Девушку? — Джон сел, со сна потирая глаза тыльной стороной ладоней. — Вель? Вель вернулась?

— Не Вель, м'лорд. С нашей стороны Стены.

Арья. Джон выпрямился. Должно быть, это она.

— Девушка, — кричал ворон. — *Девушка, девушка.*

— Тай и Даннел наткнулись на нее в двух лигах к югу от Кротового Городка. Они гнались за

несколькими одичалыми, сбежавшими вниз по Королевскому тракту. Их тоже привели назад, но потом наткнулись на девушку. Она знатного происхождения, м'лорд, и она спрашивает о вас.

— Сколько с ней человек? — Джон прошел к тазу, плеснул воды в лицо. Боги, как же он устал.

— Никого, м'лорд. Она приехала одна. Лошадь под ней умирала. Кожа да кости, хромая и взмыленная. Они ее бросили и забрали девушку на допрос.

Девушка в сером на умирающей лошади. Похоже, пламя Мелисандры не солгало. Но что же случилось с Мансом Налетчиком и его

копьеносицами?

— Где сейчас девушка?

— В покоях мастера Эйемона, м'лорд, — в Черном Замке их все еще называли так, хотя теперь старый мастер наверняка уже в тепле и безопасности в Староместе. — Девчонка вся посинела от холода и тряслась на чем свет стоит, поэтому Тай попросил Клидаса взглянуть на нее.

— Хорошо. — Джон вновь почувствовал себя пятнадцатилетним. *Младшая сестра.* Он встал и накинул плащ.

Снег все еще шел, когда они с Малли проходили через двор. На востоке брезжил золотой рассвет, но

за окном леди Мелисандры в Королевской Башне все еще мерцал красноватый свет. *Она что, никогда не спит? В какую игру ты играешь, жрица? У тебя было для Манса какое-то другое задание?*

Он хотел верить, что это Арья. Хотел вновь увидеть ее лицо, взъерошить ей волосы, улыбнуться и сказать, что она в безопасности. *Но она не будет в безопасности. Винтерфелл сожжен и разрушен, и безопасных мест больше нет.*

Он не мог оставить ее здесь, рядом с собой, как бы он этого ни желал. Стена — не место для женщины, а тем более для девушки благородного происхождения. Но он

и не собирався выдавать ее Станнису или Мелисandre. Король захотел бы лишь выдать ее замуж за одного из своих людей, Хорпа, Масси или Годри Убийцу Великанов, и одни лишь боги знали, как решила бы поступить с ней красная женщина.

Лучшим выходом будет отправить ее в Восточный Дозор и попросить Коттера Пайка посадить сестру на корабль, отплывающий куда-нибудь за море, где ее не достанут все эти склочные короли. Конечно, прежде придется дожидаться возвращения кораблей из Сурового Дома. *Она могла бы отправиться с Тайхо Несторисом в Браавос. Может, Железный Банк сможет*

найти знатную семью, в которую отдаст ее на воспитание. Браавос — ближайший из вольных городов, хотя... у такого выбора есть и сильные, и слабые стороны. В Лорате или Порт-Иббене будет безопаснее. Хотя куда бы он ни отправил Арию, ей понадобится серебро, крыша над головой и кто-нибудь, способный защитить ее. Она всего лишь ребенок.

В старых покоях мастера Эймона было так тепло, что облако пара, поднявшееся, едва Малли открыл дверь, ослепило обоих. В очаге пылал недавно зажженный огонь, поленья потрескивали и сыпали искрами. Джон перешагнул

через брошенную на пол мокрую одежду. "Сноу, Сноу, Сноу", — окликали сверху вороны. Девушка свернулась клубочком у огня, укутанная в черный шерстяной плащ в три раза больше нее, и крепко спала.

Она выглядела достаточно похожей на Арию, чтобы привести его в замешательство, но лишь на мгновение. Высокая, худая, угловатая девушка, одни ноги да локти. Ее каштановые волосы были заплетены в густую косу и связаны полоской кожи. Вытянутое лицо, острый подбородок, маленькие уши.

Но она старше, гораздо старше. *Эта девушка почти одного со мной*

возраста.

— Она поела? — Джон спросил Малли.

— Только хлеб и бульон, милорд, — Клидас поднялся со стула. — Не стоит спешить, всегда говорил мейстер Эйемон. Еще немного, и она не смогла бы это переварить.

Малли кивнул.

— У Даннела была одна из сосисок Хобба, и он предложил ей кусочек, но она даже не притронулась.

Джон не мог винить ее за это. Сосиски Хобба готовились из сала, соли и того, о чем лучше даже не думать.

— Возможно, нам надо просто дать ей отдохнуть.

В этот момент девушка приподнялась и села, прижимая плащ к своим маленьким бледным грудям. Она выглядела растерянной.

— Где...?

— В Черном Замке, миледи.

— Стена, — ее глаза наполнились слезами. — Я дошла.

Клидас придвинулся ближе.

— Бедное дитя. Сколько тебе лет?

— В следующие именины исполнится шестнадцать. И я не дитя, я взрослая женщина и уже расцвела. — Она зевнула, прикрыв рот плащом. В его складках

мелькнула голая коленка. — Вы не носите цепь. Вы мейстер?

— Нет, — ответил Клидас, — но я служил у мейстера.

Она немного похожа на Арию, подумал Джон. *Голодная и исхудавшая, но волосы того же цвета, и глаза.*

— Мне сказали, что вы спрашивали обо мне. Я...

— Джон Сноу, — девушка отбросила косу за спину. — Наши с вами дома связаны кровью и честью. Выслушайте меня, родич. Мой дядя Креган преследует меня. Вы не должны позволить ему вернуть меня в Кархолд.

Джон взгляделся в нее. *Я знаю*

эту девушку. Было что-то в ее глазах, в том, как она держала себя, в манере говорить. На мгновение воспоминание ускользнуло. Затем он сообразил.

— Алис Карстарк.

Призрачная улыбка тронула ее губы.

— Не думала, что вы вспомните. Мне было шесть, когда вы видели меня в последний раз.

— Вы приезжали в Винтерфелл вместе со своим отцом. — *Которого Робб обезглавил.* — Не могу припомнить, зачем.

Она покраснела.

— Чтобы встретиться с вашим братом. О, нашелся какой-то другой

предлог, но настоящая причина состояла в этом. Я с Роббом почти одного возраста, и мой отец думал, что мы можем заключить союз. Был пир. Я танцевала с вами и с вашим братом. *Он* вел себя очень учтиво и сказал, что я прекрасно танцую. Вы выглядели угрюмым. Мой отец сказал, что для бастардов такое в порядке вещей.

— Я помню, — это было ложью лишь отчасти.

— И вы по-прежнему немного угрюмы, — заметила девушка, — но я прощу вас, если вы спасете меня от моего дяди.

— Ваш дядя... должно быть, лорд Арнольф?

— Он не лорд, — с презрением сказала Алис. — Мой брат Гарри — вот кто настоящий лорд, и по закону я его наследница. Дочь наследует раньше дяди. Дядя Арнольф — всего лишь кастелян. На самом деле он мне двоюродный дед, дядя моего *отца*. Креган — его сын. Я полагаю, это делает его кузенком, но мы всегда звали его дядей. Теперь они намереваются заставить меня назвать его мужем, — она сжала кулак. — До войны я была помолвлена с Дарином Хорнвудом. Мы лишь ждали моего расцвета, чтобы пожениться, но Цареубийца убил Дарина в Шепчущем Лесу. Мой отец написал, что найдет какого-нибудь южного

лорда, который женится на мне, но так этого и не сделал. Ваш брат Робб отрубил ему голову за то, что он убил Ланнистеров, — ее рот дернулся. — Я думала, они за тем и отправились на юг, чтобы убивать Ланнистеров?

— Все было... не так просто. Лорд Карстарк убил двух пленников, миледи. Безоружных мальчишек, оруженосцев, сидевших в камере.

Девушка не казалась удивленной.

— Мой отец никогда не рычал как Большой Джон, но в гневе был не менее опасен. Впрочем, теперь он тоже мертв. Как и ваш брат. Но мы с вами живы. Так есть между нами кровная вражда, лорд Сноу?

— Когда человек надевает черное, он оставляет кровную вражду позади. Ночной Дозор не ссорился ни с Кархолдом, ни с вами.

— Хорошо. Я боялась... я умоляла отца оставить кастеляном одного из моих братьев, но никто из них не захотел упустить славу и трофеи, ждавшие на юге. Теперь Торр и Эдд мертвы. Последнее, что мы слышали о Гарри — что он пленник в Девичьем Пруду, но это было почти год назад. Возможно, он тоже мертв. Я не знала, к кому еще обратиться, кроме как к последнему сыну Эддарда Старка.

— Почему не к королю? Кархолд признал Станниса.

— Мой дядя признал Станниса в надежде, что Ланнистеры разозлятся и отрубят голову бедному Гарри. Если мой брат умрет, Кархолд перейдет ко мне, но мои дядья хотят прибрать себе принадлежащее мне по праву рождения. Как только Креган получит от меня ребенка, я стану им больше не нужна. Он уже похоронил двух жен. — Она сердито вытерла слезы, совсем как Арья. — Вы мне поможете?

— Браки и наследование — дело короля, миледи. Я напишу Станнису о вашей просьбе, но...

Алис Карстарк засмеялась, но в ее смехе сквозило отчаяние.

— Пишите, но не ждите ответа.

Станнис умрет прежде, чем получит ваше послание. Мой дядя позаботится об этом.

— Что вы имеете в виду?

— Арнольф спешит к Винтерфеллу, это правда, но только чтобы вонзить кинжал в спину вашего короля. Он уже давно сделал ставку на Русе Болтона... ради золота, обещания помилования и головы бедного Гарри. Лорд Станнис идет на бойню. Так что он не сможет мне помочь, даже если бы захотел. — Алис встала перед ним на колени, сжимая черный плащ. — Вы моя единственная надежда, лорд Сноу. Именем вашего отца, умоляю вас. Защитите меня.

46. СЛЕПАЯ ДЕВОЧКА

Ее ночи были освещены далекими звездами и отблеском лунного света на снегу, но с каждым рассветом она просыпалась в темноте.

Она открыла глаза и слепо уставилась в окутывающую ее черную пелену. Сон уже почти растаял. *Такой прекрасный.* Она облизнула губы, вспоминая его: блеяние овцы, ужас в глазах пастуха, визг псов, когда их убивали одного за другим, рычание ее стаи. С тех пор как пошел снег, добычи становилось

все меньше, но прошлой ночью они пировали. Ягнятина и баранина, собачье мясо и человеческая плоть. Некоторые из ее маленьких серых братьев и сестер боялись людей, даже мертвых, но не она. Мясо есть мясо, а люди — всего лишь добыча. Она была ночной волчицей.

Но только во сне.

Слепая девочка перекатилась на бок, села, вскочила на ноги и потянулась. Постелью ей служил набитый тряпками тюфяк, брошенный поверх холодного камня, поэтому просыпаясь, она чувствовала, как затекло и одеревенело ее тело. Девочка прошла к своему тазу, мягко ступая

маленькими босыми натертыми ногами, тихая как тень. Плеснула холодной водой на лицо и смахнула ладонями капли. *Сир Грегор*, думала она. *Дансен, Рафф-Красавчик. Сир Илин, сир Меррин, королева Серсея.* Ее утренняя молитва. Хотя ее ли? *Нет*, решила она, *не моя. Я никто. А это молитва ночной волчицы. Когда-нибудь та выследит и загонит их, ощутит запах их страха и вкус их крови. Когда-нибудь.*

Она нашла свое нижнее белье в куче на полу, понюхала его, чтобы убедиться, вполне ли оно свежее, наощупь надела во мраке. Наряд прислужницы висел там, где девочка его оставила — длинная туника из

некрашеной шерсти, грубая и колючая. Сорвав с крючка, она натянула ее через голову ловким, заученным движением. Настал черед носков. Один черный, один белый. У черного по краю шли стежки, у белого — нет. Так она определяла где какой, чтобы надеть каждый носок на правильную ногу. Хоть и худенькие, ее ноги были сильными и пружинистыми и с каждым днем становились все длиннее.

Это ее радовало. Водяному плясуну нужны хорошие ноги. Конечно, Слепая Бет — не водяной плясун, но она ведь не собиралась оставаться Бет вечно.

Слепая девочка знала дорогу на

кухни, но собственный нос привел бы ее туда в любом случае. *Острый перец и жареная рыба*, определила она, принюхиваясь в коридоре, *и свежий хлеб из печи Уммы*. От запахов у нее заурчало в животе. Ночная волчица славно попировала, но это не наполнило желудок слепой девочки. Мясом из сновидений не насытишься, как она уже давно поняла.

На завтрак были сардины, поджаренные до хрустящей корочки в перченом масле, — такие горячие, что обжигали пальцы. Остатки масла она подобрала ломтиком хлеба, оторвав от края утренней буханки Уммы, и запила все это чашей

разбавленного водой вина. Девочка смаковала вкусы и запахи, ощущала грубую хлебную корочку под пальцами, скользкое масло, жжение острого перца, попавшего в незажившую царапину на тыльной стороне ладони. *Слушай, нюхай, пробуй, осязай*, напомнила она себе. *Есть много способов познавать мир для тех, кто не способен видеть.*

За ее спиной кто-то вошел в комнату, двигаясь в туфлях на мягкой подошве тихо, как мышь. Ее ноздри раздулись. *Добрый человек*. Мужчины пахли иначе, чем женщины, и в воздухе появился едва уловимый запах апельсина. При любой возможности жрец жевал

апельсиновые корки, чтобы освежить дыхание.

— И кто же ты этим утром? — поинтересовался он, занимая свое место во главе стола. *Тук, тук*, услышала она, затем раздался слабый треск. *Разбивает первое яйцо.*

— Никто, — ответила она.

— Ложь. Я тебя знаю. Ты та слепая девчонка-попрошайка.

— Бет. — Она знала как-то одну Бет, давно в Винтерфелле, пока еще была Арьей Старк. Может, поэтому и выбрала себе такое имя. А, может, просто потому, что оно так хорошо сочеталось со словом "слепая".

— Бедное дитя, — сказал добрый человек, — хочешь получить

назад свои глаза? Попроси, и ты будешь видеть.

Каждое утро он задавал один и тот же вопрос.

— Может, я захочу их назад завтра. Не сегодня, — ее лицо было водной гладью, что скрывает все и не выдает ничего.

— Как пожелаешь. — Она слышала, как он чистит яйцо, затем раздалось легкое серебристое *дзинь* — он взял ложечку для соли. Ему нравилось крепко солить яйца. — И куда же моя бедная слепая девочка ходила просить милостыню прошлой ночью?

— В трактир "Зеленый угорь".

— А какие три новые вещи ты

узнала с нашей последней встречи?

— Морской Лорд все еще болен.

— Это не ново. Морской Лорд был болен вчера, и будет болеть завтра.

— Или же умрет.

— Вот когда он умрет — это и станет новым знанием.

Когда он умрет, наступит пора выборов, и в дело пойдут ножи. Так это решалось в Браавосе. В Вестеросе умершему королю наследовал его старший сын, но у браавосцев не было королей.

— Тормо Фрегар будет новым Морским Лордом.

— Так говорят в "Зеленом угре"?

— Да.

Добрый человек надкусил яйцо. Девочка слышала, как двигались его челюсти. Жрец никогда не говорил с набитым ртом. Проглотив, он сказал:

— Некоторые говорят, что мудрость — в вине. Глупцы. В других трактирах люди судачат о других именах, не сомневайся, — он снова откусил, прожевал, проглотил. — Какие три вещи ты *узнала*, что не знала прежде?

— Я *узнала*, что люди *поговаривают*, будто Тормо Фрегар непременно станет новым Морским Лордом, — ответила она. — Пьяные люди.

— Уже лучше. И что еще ты узнала?

В речных землях Вестероса идет снег, едва не вырвалось у нее. Но он спросит, как она это узнала, а ответ ему вряд ли понравится. Она кусала губы, вспоминая прошедшую ночь.

— Шлюха Сфрона брюхата. Она не уверена насчет отца, но думает на того тирошийского наемника, которого убила.

— Это полезно знать. Что еще?

— Сардинья Королева выбрала новую Русалку вместо той, что утонула. Дочь служанки Престайна, ей тринадцать и ни гроша за душой, но очень хорошенькая.

— Как и все они, поначалу, — сказал жрец, — однако ты не можешь

знать, что она хорошенькая, пока не увидишь ее собственными глазами, а их у тебя как раз и нет. Кто ты, дитя?

— Никто.

— Слепая Бет-Попрошайка — вот кого я вижу. И эта девчонка никудышная лгунья. Возвращайся к своим обязанностям. *Валар моргулис.*

— *Валар дохаэрис.*

Она собрала миску, чашку и нож с ложкой и быстро встала. В последнюю очередь схватила свою трость. Длинной в пять футов, тонкая и гибкая, с обернутой кожей рукояткой, трость была не толще большого пальца девочки. "Лучше, чем глаза, когда научишься с ней обращаться", — сказала ей женщина-

призрак.

Ложь. Они часто лгали, чтобы проверить ее. Никакая палка не сравнится с парой глаз. Хотя некоторая польза от нее все же была, поэтому она всегда держала ее под рукой. Умма стала называть ее Тросточкой, но в именах нет смысла. *Она — это я. Никто. Я — никто. Просто слепая девочка, просто одна из слуг Многоликого.*

Каждый вечер за ужином женщина-призрак приносила ей чашку молока и велела пить до дна. У него был странный горьковатый вкус, и слепая девочка его вскоре возненавидела. Ее тошнило даже от легкого запаха, который она чувствовала,

прежде чем ощутить вкус на языке. Но девочка все равно осушала чашку.

"Сколько еще мне нужно быть слепой?" — часто спрашивала она.

"Пока тьма не станет для тебя так же сладка, как и свет, — отвечала женщина, — или пока ты не попросишь у нас свои глаза обратно. Попроси, и сможешь видеть".

И тогда вы меня прогоните. Лучше уж оставаться слепой. Они не заставят ее сдаться.

В тот день, когда она проснулась слепой, призрак взяла ее за руку и провела через склепы и тоннели в скале под Черно-Белым Домом, а затем вверх по крутым каменным лестницам в сам храм. "Считай

ступеньки, когда поднимаешься, — учила она. — Проведи по стене пальцами. Здесь есть отметины, невидимые глазу, но явные при прикосновении".

Таким был ее первый урок. За ним последовали другие.

Ядами и снадобьями занимались после полудня. У нее оставалось обоняние, осязание и вкус, но трогать и пробовать что-либо, если готовишь яд, — довольно рискованно, а некоторые из смесей призрака было небезопасно даже нюхать. Сожженные подушечки пальцев и волдыри на губах стали для нее привычным делом, а однажды она так отравилась, что

несколько дней ее выворачивало наизнанку от любой пищи.

За ужином они изучали языки. Слепая девочка понимала браавосский и могла сносно говорить на нем. Она даже почти сумела избавиться от режущего слух акцента, но доброму человеку этого было недостаточно. Он настаивал, что ей необходимо совершенствоваться в валирийском и выучить языки Лисса и Пентоса.

По вечерам она играла с призраком в "правду-ложь", но без помощи зрения игра стала совсем другой. Иногда все, чем она располагала, был тон говорящего или выбор слов; в другие дни ей

разрешалось положить руки на лицо женщины-призрака. Поначалу игра казалась сложнее, гораздо сложнее, почти невозможной... но когда ей уже хотелось кричать от досады — все пошло намного легче. Она научилась *слышать* ложь, улавливать ее по игре мускулов вокруг рта и глаз.

Почти все ее обязанности остались прежними, но выполняя их, она ударялась о мебель, натыкалась на стены, роняла подносы, могла совершенно безнадежно заблудиться внутри храма. Однажды едва не свалилась вниз головой со ступенек, но в той, другой жизни Сирио Форель научил девочку по имени

Арья Старк сохранять равновесие, и она сумела вовремя удержаться от падения.

Если бы она по-прежнему оставалась Арри, Лаской, или Кошкой-Кет, или даже Арьей из дома Старков, то засыпала бы порой в слезах... но она никто, а никто не может плакать. Без глаз даже самые простые задания грозили опасностями. Она дюжину раз обжигалась, когда работала с Уммой на кухнях. Однажды, измельчая лук, до кости порезала палец. Пару раз даже не смогла отыскать собственную комнату в подвале, и ей пришлось заночевать на полу возле лестницы. Многочисленные закоулки

и укромные уголки делали помещение храма предательски обманчивым, даже когда слепая девочка научилась использовать слух — эхо ее шагов отражалось от потолков и ног тридцати высоких каменных богов, отчего казалось, что сами стены приходят в движение, и бассейн со спокойной черной водой тоже странным образом искажал звуки.

"У тебя есть пять чувств, — сказал ей добрый человек. — Научись использовать оставшиеся четыре, и порезов, царапин и болячек станет меньше".

Теперь она научилась чувствовать кожей каждое движение

воздуха. Могла найти кухни по исходящим оттуда ароматам, различать мужчин и женщин по запаху. Она узнавала Умму, слуг и послушников по особенностям походки и могла отличить одного от другого прежде, чем они подходили ближе и ей удавалось учуять их (но не призрака или доброго человека, которые вообще не издавали звуков, если только не хотели этого). У свечей, горевших в храме, тоже были запахи, и даже над не имеющими аромата свечами поднимался слабый дымок от тлеющего фитилька, который она с легкостью распознавала, научившись пользоваться своим носом.

И у мертвецов был свой особенный запах. Среди прочего, в ее обязанности входило каждое утро отыскивать их в храме, где бы они ни решили прилечь и закрыть глаза после того, как выпьют из бассейна.

Этим утром она нашла двоих.

Один из них умер у ног Неведомого. Она ясно ощущала тепло, исходящее от трепещущей над ним одинокой свечи, и ее аромат, щекочущий ноздри. Она знала, что свеча горела темно-красным пламенем, и что тем, у кого есть глаза, труп показался бы омытым красноватым свечением. Прежде чем позвать слуг унести тело, она встала на колени и исследовала лицо:

провела пальцами по линии подбородка, дотронулась до щек и носа, прикоснулась к волосам. *Густые кудрявые волосы. Красивое лицо, без морщин. Он был молод.* Она гадала, что привело его сюда, в поисках дара смерти. Умиравшие брави часто приходили в Черно-Белый Дом, чтобы ускорить конец, но у этого человека она не обнаружила никаких ран.

Второе тело принадлежало старухе. Та отошла, уснув на "ложе грез" в одном из скрытых альковов, где специальные свечи вызывали у людей видения того, что они некогда любили и потеряли. Ласковая и нежная смерть, как называл ее

добрый человек. Пальцы сказали ей, что старуха умерла с улыбкой на лице. И умерла недавно — тело еще не остыло. *А кожа мягкая, словно старая тонкая замша, которую тысячи раз мяли и складывали.*

Когда прислужники уносили труп, слепая девочка последовала за ними. Она полагалась на звук их шагов, но во время спуска все же вела про себя счет — она наизусть знала число ступеней на каждой лестнице. Под замком находился целый лабиринт из подвалов и тоннелей, где не раз умудрялись заблудиться даже люди с парой верных глаз. Но слепая девочка изучила их все дюйм за дюймом, и к тому же у нее была

трость, помогавшая находить дорогу, если подводила память.

Трупы складывали в склепе. В темноте слепая девочка приступила к работе: она снимала с мертвых обувь, одежду и другие вещи, опустошала их кошельки и пересчитывала деньги. После того, как у нее забрали глаза, женщина-призрак в первую очередь научила ее наощупь различать монеты. Браавосские деньги она узнавала с легкостью, как старых добрых друзей, — достаточно было просто провести по ним кончиками пальцев. С монетами других стран и городов, особенно дальних, приходилось сложнее. Самыми распространенными были

волантийские: маленькие, не больше пенни, монеты с короной на одной стороне и черепом — на другой. На лиссенийских овальных красовалась обнаженная женщина. На других монетах изображались корабли, или слоны, или козы. В Вестеросе чеканили монеты с профилем короля и драконом на оборотной стороне.

У старухи не было ни кошелька, ни вообще чего-либо ценного, за исключением кольца на исхудавшем пальце. У красивого мужчины нашлись четыре золотых вестеросских дракона. Она водила большим пальцем по самому потертому из них, пытаясь разобрать, что за король на нем изображен,

когда услышала, как позади нее тихо открывается дверь.

— Кто там? — спросила она.

— Никто, — голос был глубоким, резким и холодным.

И он приближался. Она шагнула в сторону, схватила свою трость и вскинула ее, защищая лицо. Стук дерева о дерево. Сильный удар едва не выбил трость из руки. Она все же удержала ее и хлестнула в ответ... но лишь рассекла воздух там, где он должен был стоять.

— Промах, — сказал голос. — Ты ослепла?

Она не ответила. Слова только заглушили бы звуки, которые он мог произвести. Девочка понимала, что

человек будет двигаться. *Влево или вправо?* Она прыгнула влево, качнулась вправо, снова поразила пустоту. И тут же получила сзади болезненный удар по ногам.

— Ты оглохла?

Она резко обернулась, размахивая тростью в левой руке, и снова промахнулась. Слева слышался смех. Сделала выпад вправо.

На этот раз она попала. Ее трость стукнулась о его палку, удар отозвался по всей руке.

— Хорошо, — произнес голос.

Слепая девочка не знала, кому он принадлежит. Возможно, одному из послушников. Она не помнила,

чтобы когда-либо слышала его раньше, но кто сказал, что слуги Многоликого не могут менять свои голоса так же легко, как и лица? Кроме нее в Черно-Белом Доме жили двое слуг, три послушника, кухарка Умма и два жреца, которых она называла призрак и добрый человек. Другие приходили и уходили, порой тайными путями, но жили здесь только они. Ее противником мог оказаться любой из них.

Девочка бросилась в сторону, вращая тростью, услышала звук позади себя, развернулась, и вновь ударила по воздуху. Неожиданно его палка оказалась у нее между ног, не давая развернуться и царапая ей

голень. Она споткнулась и рухнула на одно колено, ударившись так сильно, что прикусила язык.

Она не шевелилась.
Неподвижная, словно камень. Где он?

Он рассмеялся у нее за спиной. И резко ударил по уху. Потом хлестнул по пальцам, когда она попыталась подняться на ноги. Ее трость загремела по каменному полу. Она зашипела от ярости.

— Давай. Подбери ее. Сегодня я больше не стану бить тебя.

— Никто меня не бил, — девочка ползала на четвереньках, пока не нашла свою трость, потом вскочила, вся в синяках и грязи.

В склепе было тихо. Ушел. Или нет? Он мог стоять рядом с ней, а она бы даже не заметила. *Слушай его дыхание*, сказала она себе, но ничего не было слышно. Она подождала еще немного, затем отложила трость и продолжила работу. *Будь у меня глаза, я бы в кровь его избила*. Когда-нибудь добрый человек вернет их, и она всем еще покажет.

Труп старухи к этому времени уже остыл, а тело браво окоченело. Девочка к такому привыкла. С мертвыми она зачастую проводила больше времени, чем с живыми. Она скучала по друзьям Кошки-Кет: по старому Бруско со своей больной спиной, по его дочерям Талее и Брее,

по лицедеям из "Корабля", по Морячке с ее шлюхами из "Счастливого порта", и по другим портовым жуликам и прощелыгам. Но сильнее всего она скучала по самой Кет, сильнее даже, чем по своим глазам. Ей нравилось быть Кет больше, чем когда-либо нравилось быть Солинкой, Голубенком, Лаской или Арри. *Я убила Кет, когда убила невра.* Добрый человек сказал, они все равно забрали бы у нее глаза — чтобы помочь ей научиться использовать другие чувства — но не на полгода. Слепые послушники были обычным делом в Черно-Белом Доме, но не такие юные, как она. И все-таки девочка ни о чем не жалела.

Дареон дезертировал из Ночного Дозора, и он заслужил смерть.

Так она и сказала доброму человеку. "Разве ты бог, чтобы решать, кому жить, а кому умереть? — спросил он у нее. — Мы приносим дар тем, кто отмечен Многоликим, после молитв и жертвоприношений. И так было всегда, с самого начала. Я тебе рассказывал про основание нашего ордена, про то, как первый из нас ответил на мольбы рабов, искавших смерти. Сначала дар получал лишь тот, кто жаждал его для себя... но однажды первый из нас услышал, как раб просит не собственной смерти, а смерти хозяина. И таким сильным

было его желание — он отдал бы все, что имел, лишь бы молитва не осталась безответной. Наш первый брат посчитал эту жертву угодной Многоликому и той же ночью удовлетворил мольбу. А затем пришел к рабу и сказал: "Ты предложил все, что имеешь, за смерть того человека, но у раба нет ничего, кроме собственной жизни. Этого и хочет от тебя бог. Ты будешь служить ему до конца своих дней". И с того момента нас стало двое, — он сжал ее запястье нежно, но твердо. — Все люди умирают. Мы лишь инструменты в руках смерти, но не сама смерть. Убив певца, ты присвоила себе власть бога. Мы

убиваем людей, но не беремся их судить. Ты поняла?"

Нет, подумала она и ответила:

— Да.

— Ты лжешь. И поэтому должна пребывать в темноте, пока не увидишь путь. Если только не хочешь покинуть нас. Тебе нужно лишь попросить, и ты получишь свои глаза обратно.

Нет, подумала она и сказала:

— Нет.

Этим вечером, после ужина и короткой игры в "правду-ложь", слепая девочка повязала голову полоской ткани, прикрыв бесполезные глаза, нашла чашу для подаяний и попросила женщину-

призрака помочь ей превратиться в Бет. После того как у нее отобрали зрение, женщина обрила ей голову. Она назвала это лицедейской стрижкой, потому что многие бродячие актеры брились наголо — так удобнее носить парики. Но подобная "стрижка" подходила и для нищих, спасая их от блох и вшей. Однако ей требовалось нечто большее, чем просто парик.

— Я могла бы покрыть тебя гноящимися язвами, — сказала призрак, — но тогда владельцы гостиниц и таверн тебя и на порог не пустят.

Вместо этого слепая девочка получила шрамы от оспы, а на одной

щеке — родимое пятно, поросшее темными волосками.

— Выглядит уродливо? —
поинтересовалась она.

— Красоткой не назвать.

— Хорошо.

Ее никогда не заботил внешний вид, даже когда она была бестолковой Арьей Старк. Только отец называл ее красивой. *Он и иногда Джон Сноу.* Мать обычно говорила, что она *могла бы* стать красивой, если бы только взяла пример со своей сестры и почаще мылась, причесывалась и содержала свою одежду в порядке. Для сестры с ее подружками, как и для всех остальных, она всегда оставалась

просто Арьей-Лошадкой. Но теперь они мертвы, и даже Арья, — все они, кроме ее сводного брата Джона. Иногда по ночам она слышала разговоры о нем в тавернах и борделях Мусорной Заводи. Кто-то однажды назвал его Черным Бастардом на Стене. *Даже Джон никогда не узнал бы Слепую Бет, это уж точно.* От таких мыслей ей становилось грустно.

Одеждой слепой девочке служили лохмотья — истрепавшиеся и выцветшие, но чистые и теплые. Под ними она прятала три ножа — в сапоге, в рукаве и в ножнах на поясице. В общем и целом, браавосцы были дружелюбным

народом: они скорее помогут маленькой слепой попрошайке, чем причинят ей вред; но всегда найдется парочка негодяев, которые могут посчитать ее легкой добычей и попытаться ограбить или изнасиловать. Для таких и предназначались ножи, хотя до сих пор у слепой девочки не возникало в этом необходимости. Ее наряд дополняли треснувшая деревянная плوشка для подаяний и пояс из пеньковой веревки.

Она вышла, когда рев Титана возвестил о закате. Посчитала ступеньки вниз от храмовой двери и, постукивая тростью, пересекла канал по мосту к Острову Богов. Она

чувствовала, что стоит густой туман — по тому, как липла к ней одежда и по влажным прикосновениям воздуха к ее голым рукам. Она уже знала, что туманы в Браавосе тоже творят странные вещи со звуками. Половина жителей города сегодня вечером будут словно слепые.

Проходя мимо храмов, она слышала, как служители культа Звездной Мудрости с высоты хрустальной башни поют для вечерних звезд. Тонкий сладкий аромат дыма, разлитый в воздухе, вел ее извилистым путем туда, где красные жрецы разжигали огромные железные жаровни перед храмом Владыки Света. Вскоре она даже

смогла ощутить исходящее от них тепло, в то время как верующие в красного Рглора возвысили голоса, произнося молитвы. *"Ибо ночь темна и полна ужасов"*, — молились они.

Не для меня. Ее ночи были наполнены лунным светом и песнями волчьей стаи, вкусом свежего мяса, содранного с костей и теплыми знакомыми запахами ее серых родичей. Только днем она оставалась одинокой и слепой.

Слепая девочка не чувствовала себя чужой в портовой части города. Раньше Кет бродила по здешним переулкам и причалам Мусорной Заводи, торгуя для Бруско мидиями,

устрицами и моллюсками. С повязкой на глазах, бритой головой и фальшивым родимым пятном узнать ее было трудно, но на всякий случай она держалась подальше от "Корабля", "Счастливого порта" и других мест, где Кет часто бывала.

Она различала каждую гостиницу и таверну по запаху. "Черный лодочник" пах солью и морем. В заведении Пинто разлило прокисшим вином, вонючим сыром и самим Пинто, который никогда не мыл голову и не менял одежду. В "Парусном мастере" пропитанный дымом воздух всегда был приправлен ароматом жарящегося мяса. "Семь лампад" благоухали ладаном,

"Атласный дворец" — духами хорошеньких молодых девушек, мечтающих стать куртизанками.

В каждом из этих мест были и свои собственные звуки. "У Морогго" и в "Зеленом утре" по вечерам часто выступали певцы. В "Изгоях" пели сами завсегдатаи — пьяными голосами и на полусотне разных наречий. "Дом тумана" всегда был битком набит гребцами с местных длинных узких лодок, спорившими о богах, куртизанках и том, дурак ли этот Морской Лорд. Гораздо тише было в "Атласном дворце", где слышались только произносимые шепотом нежности, мягкий шелест шелковых платьев и хихиканье

девушек.

Кет не попрошайничала в одном и том же месте два вечера подряд. Девочка быстро смекнула, что хозяева гостиниц и таверн относятся к ней с большей терпимостью, если она появляется не слишком часто. Прошлый вечер Кет провела возле "Зеленого угря", поэтому сегодня за Кровавым Мостом свернула не налево, а направо, направившись к таверне Пинто на другом конце Мусорной Заводи, у самом края Затопленного Города. Хоть Пинто и отличался невероятно раскатистым голосом и к тому же невыносимо вонял, под его нестиранной одеждой и показным бахвальством

скрывалось доброе сердце. Он чаще других позволял ей зайти погреться, если заведение не было переполнено, и порой даже угощал кружкой эля и чем-нибудь съестным, пока она слушала его байки. Если им верить, то в молодые годы Пинто считался самым лихим пиратом на Ступенях. Больше всего на свете он обожал рассказывать бесконечные истории о своих подвигах.

Сегодня ей повезло. Таверна была почти пуста, и ей удалось занять тихий уголок недалеко от огня. Как только она уселась и скрестила ноги, что-то прикоснулось к ее бедру.

— Опять ты? — спросила

слепая девочка. Она почесала его за ухом, и кот прыгнул ей на колени и заурчал. В Браавосе водилось много котов, но у Пинто — больше всего. Старый пират считал, что они приносят удачу и избавляют таверну от крыс и мышей. — Ты ведь узнал меня, верно? — прошептала она. Котов не обманешь фальшивым родимым пятном. Они помнили Кошку-Кет.

Этот вечер оказался удачным для слепой девочки. Пинто был в отличном настроении и дал ей чашку разбавленного водой вина, кусок пахучего сыра и полпирога с угрем.

— Пинто — очень хороший человек, — провозгласил он, после

чего уселся рядом, чтобы в очередной раз поведать слышанную ею дюжину раз историю о том, как однажды он захватил корабль с пряностями.

Время шло, таверна заполнялась людьми. Пинто вскоре оказался слишком занят и перестал обращать на нее внимание, но несколько его завсегдатаев бросили монеты в ее плошку для подаяний. За другими столами сидели случайные посетители: иббенийские китоловы, от которых несло кровью и китовым жиром, парочка брави с ароматным маслом в волосах, и толстяк из Лората, который жаловался на слишком тесные для его живота кабинки у Пинто. Потом зашли три

лиссенийца — моряки с разбитой штормом галеры "Доброе сердце", что едва добралась до Браавоса прошлой ночью, а утром была немедленно захвачена стражами Морского Лорда.

Лиссенийцы заняли ближайший к очагу стол и тихо переговаривались за кружками черного моряцкого рома. Они понизили голоса, и попытайся кто подслушать, у него бы ничего не вышло. Но она была никто и слышала почти каждое слово. А какое-то время она вроде бы даже могла видеть их сквозь прищуренные желтые глаза кота, урчащего у нее на коленях: пожилой, молодой и безухий, но все трое с очень

светлыми волосами и гладкой белой кожей, характерной для жителей Лисса, в жилах которых все еще текла кровь Валирийской империи.

На следующее утро, когда добрый человек спросил, какие три новые вещи она узнала, что не знала прежде, девочка была готова.

— Я знаю, почему Морской Лорд задержал "Доброе Сердце". На нем везли сотни рабов. Женщин и детей, которых держали связанными в трюме. — Браавос основали беглые рабы, и работорговля здесь была запрещена. — И я знаю, откуда эти рабы: одичалые из Вестероса, из места под названием Суровый Дом. Древние развалины, и к тому же

проклятые. — Старая Нэн рассказывала ей сказки о Суровом Доме, давным-давно в Винтерфелле, когда она еще была Арьей Старк. — После большой битвы, в которой убили Короля-За-Стеной, одичалые бежали. А лесная ведьма пообещала, что если они отправятся в Суровый Дом, то за ними придут корабли и увезут их в теплые земли. Но корабли так и не пришли, только два этих лиссенийских пиратских судна, "Доброе Сердце" и "Слон" — их на север штормом принесло. Они бросили якорь в Суровом Доме, чтобы починить корабли, и увидели одичалых. Но тех было несколько тысяч, и всем бы места не хватило, и

тогда лиссенийцы сказали, что возьмут только женщин и детей. Одичалые голодали, поэтому мужчины отпустили своих жен и дочерей, но как только корабли вышли в море, лиссенийцы согнали всех вниз и связали. Они собирались продать их в Лиссе, да только потом попали в еще один шторм, и корабли потеряли друг друга. "Доброе Сердце" так потрепало, что капитану ничего не оставалось, кроме как плыть сюда, но "Слон" мог и добраться до Лисса. Лиссенийцы в таверне "У Пинто" думают, что "Слон" вернется к одичалым с другими судами. Они говорили, что цена на рабов растет, а в Суровом

Доме еще остались тысячи женщин и детей.

— Это полезно знать. Уже две. Будет ли третья?

— Да. Я знаю, что меня били вы. — Ее трость мелькнула в воздухе и ударила его по пальцам. Он выронил посох, и тот с грохотом покатился по полу.

Жрец вздрогнул от боли, отдернув руку назад.

— И как же слепой девочке удалось узнать об этом?

Я видела тебя.

— Я рассказала вам три вещи. Четвертую выкладывать я не обязана.

Может быть, завтра она расскажет ему про кота, который

последовал за ней от Пинто прошлым вечером. Про кота, который спрятался на потолочных балках и наблюдал за ними. *А может, и нет.* Если у него есть тайны, то почему бы ей не завести собственные?

В тот вечер Умма приготовила на ужин запеченных в соли крабов. Когда ей поднесли чашку, слепая девочка сморщила нос и в три глотка ее опустошила. И тут же выронила чашу из рук, едва не задохнувшись. Язык был словно объят огнем, а когда она хлебнула вина, пламя распространилось по всей глотке и носу.

— Вино не поможет, а от воды только будет сильнее жечь, —

сказала ей женщина-призрак. — Съешь это, — и сунула ей в руку корку хлеба.

Слепая девочка запихнула ее в рот, прожевала и проглотила. Стало легче. После второго куска она почувствовала себя еще лучше.

Пришло утро. Ночная волчица оставила ее, и она открыла глаза. И увидела горящую сальную свечу — там, где прошлой ночью никакой свечи не было. Ее неровное пламя раскачивалось из стороны в сторону, как шлюха в "Счастливом порту". Она никогда не видела ничего прекраснее.

47. ПРИЗРАК ВИНТЕРФЕЛЛА

Мертвеца со сломанной шеей нашли под внутренней стеной. Выпавший за ночь снег скрыл его почти полностью, из-под сугроба виднелась только левая нога.

Если бы суки Рамси не вырыли его, он мог оставаться погребенным вплоть до весны. К моменту, когда Костлявый Бен оттащил их, Серая Джейне уже настолько обглодала лицо мертвеца, что прошла половина дня, прежде чем выяснили, кто он такой: латник сорока четырех лет, прибывший на север с Роджером

Рисвеллом. "Спьяну, — объявил Рисвелл, — держу пари, мочился со стены, поскользнулся и упал". Никто с ним не спорил. Но Теон Грейджой задался вопросом: зачем кому-то подниматься ночью по скользким от снега ступеням к зубцам стены только для того, чтобы отлить?

Наутро, когда гарнизон завтракал черствым хлебом, обжаренном в жиру от бекона (сам бекон ели лорды и рыцари), за всеми столами говорили только о трупе.

— У Станниса друзья внутри замка, — услышал Теон ворчание какого-то сержанта. Это был старик, один из людей Толхарта, с тремя деревьями, вышитыми на его

потрепанной накидке. Только что прошла смена стражи. Люди заходили с холода, топали ногами, сбивая снег с обуви и штанов, пока подавался полдник — кровавая колбаса, лук-порей и теплый коричневый хлеб, недавно из печи.

— Станнис? — засмеялся один из всадников Русе Рисвелла. — Станниса уже насмерть занесло снегом. Или он убежал обратно к Стене, поджав обмороженный хвост.

— Он мог бы разбить лагерь в пяти футах от наших стен со стотысячным войском, — возразил лучник, носивший цвета Сервина. — Мы бы ни за что не углядели их в этой метели.

Бесконечный, непрерывный, безжалостный снег падал день и ночь: под его тяжестью провисли палатки, кровли словно укрылись белыми одеялами, а вдоль стен поднялись сугробы и заполнили амбразуры между зубцами. Между зданиями натянули канаты, чтобы люди не потерялись, пересекая двор. Часовые теснились в сторожевых башнях, согревая полуобмороженные руки над пылающими жаровнями, оставив проходы на стенах снежным стражам, вылепленным оруженосцами. Эти охранники каждую ночь становились все больше и выглядели все страннее, по мере того, как ветер и погода работали над

ними по своему усмотрению. На их копьях, зажатых в снежных кулаках, выросли косматые ледяные бороды. Не кто иной, как сам Хостин Фрей, недавно ворчавший, что не боится небольшого снегопада, лишился уха, отморозив его.

Больше всего страдали лошади во дворе. Наброшенные на них для тепла попоны намокали и замерзали, если их часто не меняли. А когда разводили костры, чтобы отогнать холод, то это приносило больше вреда, чем пользы. Боевые кони пугались огня, принимались биться, стараясь убежать от опасности, и тем самым ранили себя и других лошадей, метаясь в своих рядах.

Только в конюшнях лошадям было безопасно и тепло, но в тех уже не осталось места.

— Боги обернулись против нас, — в Великом Чертоге раздался голос старого лорда Локе. — Это их гнев. Ветер, холодный, как сам ад, и снега, которым нет конца. Мы прокляты.

— Проклят *Станнис*, — настаивал человек из Дредфорта. — Ведь это он там снаружи в такую-то метель.

— Может быть, лорду Станнису теплее, чем мы думаем, — возразил один глупый вольный всадник. — Его колдунья умеет призывать огонь. Возможно, ее красный бог способен

растопить снег.

Это было неразумно, сразу понял Теон. Человек говорил слишком громко, да еще в присутствии Желтого Дика, Кислого Алины и Костлявого Бена. Когда разговор достиг ушей лорда Рамси, он отправил своих Мальчиков схватить человека и вытащить его наружу, на снег.

— Кажется, ты любишь Станниса, поэтому мы отправим тебя к нему, — произнес он. Деймон Ану-ка-потанцуй несколько раз стеганул вольного всадника своим длинным засаленным кнутом. И пока Скорняк и Желтый Дик делали ставки на то, как быстро замерзнет

его кровь, Рамси выволок человека к Зубчатым Воротам.

Большие главные ворота Винтерфелла были закрыты, а опущенная решетка настолько забита льдом и снегом, что ее пришлось бы долго очищать, прежде чем поднять. Почти так же дело обстояло и с Охотничьими воротами, хотя там лед не представлял собой проблему, потому что ими недавно пользовались. Ворота Королевского Тракта не открывали уже давно, и лед намертво сковал цепи подъемного моста. Так что оставались только Зубчатые ворота — небольшая задняя дверь в форме арки во внутренней стене. По сути,

она не могла считаться настоящими воротами: от нее через замерзший ров перекидывался подъемный мост, который вел лишь ко внешним укреплениям — прямого прохода за наружную стену там не было.

Истекающего кровью вольного всадника перенесли через мост и подняли по лестнице; он все еще пытался сопротивляться. Затем Скорняк и Кислый Алин схватили его за руки и за ноги и бросили вниз с восьмидесятифутовой стены. Сугробы поднимались так высоко, что целиком поглотили тело человека... но лучники на стенах утверждали, что видели его некоторое время спустя — он

пробирался через сугробы, волоча сломанную ногу. Один из них подстрелил его стрелой в зад.

— Он сдохнет в течение часа, — пообещал лорд Рамси.

— Или будет сосать член лорда Станниса еще до заката, — возразил Амбер Смерть Шлюхам.

— Пусть будет аккуратнее, чтобы не отломить его, — засмеялся Рикард Рисвелл. — Член каждого мужика снаружи превратился в ледышку.

— Лорд Станнис заблудился в буре, — промолвила леди Дастин. — Он в лигах отсюда, мертв или умирает. Пусть зима себя покажет. Еще несколько дней и снега

похоронят и его, и его армию.

Равно как и нас, подумал Теон, поражаясь ее глупости. Леди Барбри сама была с севера, и ей стоило бы вести себя осмотрительнее. Возможно, старые боги слушают их.

Ужин состоял из гороховой каши и вчерашнего хлеба, что вызвало недовольное ворчание среди простого люда; высокородные же лорды и рыцари питались ветчиной.

Теон, склонившись над деревянной миской, доедал остатки своей порции каши, когда легкое прикосновение к плечу заставило его уронить ложку.

— *Никогда не трогай меня*, — сказал он, сползая вниз, чтобы

успеть подобрать упавший прибор раньше, чем им завладеет одна из девочек Рамси. — *Никогда* не трогай меня.

Она присела рядом, слишком близко — еще одна из прачек Абеля. Эта была молода, лет пятнадцати или, может быть, шестнадцати, с копной светлых волос, нуждающихся в хорошем мытье, и парой надутых губок, напрашивающихся на крепкий поцелуй.

— Некоторым девушкам нравится трогать, — ответила она с легкой полуулыбкой. — Если угодно милорду — меня зовут Ягодка.

Ягодка-шлюшка, подумал он, однако она была хорошенькой.

Прежде он рассмеялся бы и усадил ее себе на колени, но те времена прошли.

— Что тебе надо?

— Поглядеть на крипты. Где они, м'лорд? Вы мне покажете? — Ягодка играла с прядью волос, наматывая ее на маленький пальчик. — Говорят, они темны и глубоки. Хорошее местечко, как раз, чтобы трогать. А мертвые короли пусть смотрят.

— Тебя подослал Абель?

— Может, и так. А может, я сама себя подослала. Но если вам нужен Абель, могу его привести. Он споет м'лорду сладкую песню.

Каждое ее слово убеждало

Теона, что все это было какой-то ловушкой. *Но чья она, и с какой целью?* Зачем он мог понадобиться Абелю? Этот человек — всего-навсего певец, сводник с лютней и фальшивой улыбкой. *Он хочет узнать, как мне удалось взять замок, но не для того, чтобы сложить песню.* Вот и нашелся ответ. *Он хочет знать, как нам удалось пробраться сюда, чтобы самому выбраться отсюда.* Лорд Болтон взял Винтерфелл в тиски, тугие, словно пеленки младенца. Без его позволения никто не мог ни войти, ни выйти. *Он хочет сбежать вместе со своими прачками.* Теон не мог его в этом винить, однако ответил:

— Я не хочу иметь дел ни с Абелем, ни с тобой, ни с кем из твоих сестер. Оставь меня в покое.

Снаружи снег кружился и танцевал. Он наощупь дошел до стены и двинулся вдоль нее к Зубчатым Воротам. Он мог бы принять стражников за пару снеговиков Уолдера Малого, если бы не видел белый пар их дыхания.

— Я хочу пройтись по стене, — обратился он к ним; его собственное дыхание замерзало в воздухе.

— Там наверху жутко холодно, — предупредил один.

— Это здесь жутко холодно, — ответил другой, — но делай, что хочешь, перевертыш. — Он махнул

Теону, разрешая пройти.

Ступени в темноте были заснеженными, скользкими и ненадежными. Когда он поднялся наверх, ему не пришлось долго искать место, откуда сбросили вольного всадника. Теон выбил стену свежего снега, заполнившего амбразуру, и высунулся между зубцов. *Я мог бы прыгнуть*, подумал он. *Он ведь выжил, почему же я не смогу?* Он мог бы прыгнуть, и... *И что? Сломать ногу и умереть под снегом? Уползти, чтобы замерзнуть до смерти?*

Это было безумием. Рамси пустит вслед за ним своих девочек. Рыжая Джейне, Джек и Хелисент

разорвут его на куски, если богам будет угодно. Или, что еще хуже, его вернут назад живым.

— Я должен помнить свое имя, — прошептал он.

Наутро седого оруженосца Эйениса Фрея нашли мертвым и нагим, выставленным на обозрение в кладбищенском дворике старого замка; его лицо настолько покрылось инеем, что казалось маской. Сир Эйенис высказал предположение, что тот просто слишком много выпил и заблудился в буре, но это не объясняло, почему он вышел наружу голым. *Еще один пьяница*, подумал Теон. На вино можно многое списать.

Затем, еще до конца дня,

присягнувшего Флинтам арбалетчика обнаружили в конюшнях с разбитым черепом. "Лошадь лягнула копытом", — заключил лорд Рамси. *Больше похоже на дубину, решил Теон.*

Все это казалось ему знакомым, как уже виденное выступление скоморохов. Только сами скоморохи стали другими. Теперь бывшую роль Теона играл Русе Болтон, а умершие выступали вместо Аггара, Гинира Красноносого и Угрюмого Гелмарра. *Там был и Вонючка, припомнил он, но другой Вонючка, с руками, залитыми кровью, и ложью, капающей с губ и сладкой, как мед. Вонючка, Вонючка — подлая сучка.*

Смерти привели к тому, что лорды Русе Болтона открыто поссорились в Великом Чертоге. У некоторых кончалось терпение.

— Сколько мы должны тут сидеть в ожидании короля, который никогда не придет? — потребовал ответа сир Хостин Фрей. — Нам следует сразиться со Станнисом и покончить с ним.

— Покинуть замок? — прохрипел однорукий Харвуд Стаут. Судя по его тону, он скорее предпочел бы отрубить себе оставшуюся руку. — Хочешь, чтобы мы атаковали вслепую в такой метели?

— Чтобы сразиться со

Станнисом, его надо сначала найти, — заметил Русе Рисвелл. — Наши разведчики выходят за Охотничьи ворота, но пока что еще ни один не вернулся.

Лорд Виман хлопнул по своему большому животу:

— Белая Гавань не боится ехать с вами, сир Хостин. Выведите нас наружу, и мои рыцари поскачут следом за вами.

Сир Хостин повернулся к толстяку:

— Достаточно близко, чтобы пронзить копьем мою спину, да? Где мои родственники, Мандерли? Скажите мне. Те ваши гости, которые привезли вам обратно вашего сына.

— Его кости, вы хотите сказать, — Мандерли подцепил кинжалом кусок ветчины. — Я хорошо помню ваших родичей. Сутулого Рейегара с его бойким языком. Дерзкого сира Джареда, столь быстро обнажавшего свою сталь. Симонда-шпиона, всегда звенящего монетами. Они привезли домой кости Вендела. А Тайвин Ланнистер вернул мне Вилиса в целости и сохранности, как и обещал. Человек слова, лорд Тайвин, спасите Семеро его душу.

Лорд Виман сунул в рот кусок мяса, с шумом разжевал, чмокнул губами и продолжил:

— В дороге много опасностей,

сир. Я преподнес вашим братьям подарки, когда мы покинули Белую Гавань. Мы поклялись, что встретимся на свадьбе. Многие другие были свидетелями нашего расставания.

— Многие другие? — передразнил его Эйнис Фрей. — Или вы и вы сами?

— На что вы намекаете, Фрей? — лорд Белой Гавани вытер рот рукавом. — Мне не нравится ваш тон, сир. Нет, черт побери, он мне совершенно не по нутру.

— Выйди во двор, ты, мешок сала, и я тебя так угощу, что твое чертово нутро лопнет от радости.

Виман Мандерли рассмеялся,

однако полдюжины его рыцарей уже были на ногах. Роджеру Рисвеллу и леди Барбри Дастин пришлось их успокаивать. Русе Болтон вообще ничего не сказал. Но Теон Грейджой увидел в его глазах выражение, которого ему никогда не доводилось видеть раньше — тревогу, даже намек на страх.

В ту же ночь под тяжестью снега рухнула новая конюшня: двадцать шесть коней и два конюха погибли, раздавленные упавшей крышей, или задохнувшись в снегу. Большую часть утра потратили на выкапывание тел. Лорд Болтон ненадолго вышел наружу, чтобы осмотреть место происшествия, а затем приказал

перевести оставшихся коней внутрь, вместе с теми, что стояли привязанными на улице. И не успели солдаты извлечь мертвых и разделать лошадей, как нашли еще один труп.

Эту смерть уже нельзя было списать на пьяное падение или удар лошади. Убитым оказался одним из любимчиков Рамси: приземистый, уродливый, развращенный латник Желтый Дик, по прозвищу Желтый Член. Определить, действительно ли желтый у него член, не представлялось возможным, потому как кто-то отрезал его и засунул ему в рот с такой силой, что выломал три зуба. Когда повара обнаружили его за кухней, закопанного по шею в сугроб,

оба — член и человек — уже посинели от холода.

— Сжечь тело, — приказал Русе Болтон. — И смотрите, не проговоритесь. Я не потерплю, чтобы слухи распространились.

Тем не менее, они распространились. К полудню большая часть Винтерфелла уже все знала, многие из уст самого Рамси Болтона, чьим "мальчиком" был Желтый Дик. "Когда мы найдем того, кто это сделал, — пообещал лорд Рамси, — я сдеру с него шкуру, поджарю ее до хрустящей корочки и заставлю его сожрать все, до последнего кусочка". Пошел слух, что за имя убийцы обещан золотой

дракон.

К вечеру в Великом Чертоге начало ощутимо вонять. А среди переполненных скамеек было невозможно расположиться с удобством: сотни лошадей, собак и людей оказались стиснутыми под одной крышей; полы стали скользкими от грязи, растаявшего снега, лошадиного навоза, собачьего дерьма и даже человеческих фекалий; воздух наполнился запахами псины, сырой одежды и промокших лошадиных попон. Зато здесь давали еду. Повара накладывали большие куски свежей конины, прожаренные снаружи и кровавые внутри, с луком и репой...

и на этот раз простые солдаты ели то же, что лорды и рыцари.

Кониная оказалось слишком жесткой для разрушенных зубов Теона. Попытки жевать причиняли ему невыносимую боль. Поэтому он давил в кашицу репу и лук тупой стороной кинжала, затем разрезал мясо на мелкие кусочки, обсасывал каждый и глотал. Так, по крайней мере, он чувствовал вкус и насыщение от жира и крови. Кость была явно не для него, он бросил ее собакам и наблюдал, как Серая Джейне с ней удидала, а Сара и Ива кусали ее за лапы.

Лорд Болтон приказал Абелю играть им, пока они ели. Бард спел

"Железные Копья", потом "Зимнюю Деву". Когда Барбри Дастин попросила чего-нибудь более жизнерадостного, он выдал "Снял король корону, королева — башмачок" и "Медведь и прекрасная дева". Вместе с ним запели Фрей, и даже несколько северян застучали кулаками по столу в такт хору, подывая "Медведь! Медведь!". Но шум пугал лошадей, так что певцы вскоре замолчали, а музыка затихла.

Мальчики Бастарда собрались у настенного канделябра, в котором горел коптящий факел. Лутон и Скорняк играли в кости. Ворчун тискал грудь женщины, сидевшей у него на коленях. Деймон А-ну-ка-

потанцуй смазывал свой кнут.

— Вонючка, — позвал он, постукивая кнутом по ноге, таким жестом человек обычно подзывает свою собаку. — Ты снова начинаешь смердеть, Вонючка.

Теону нечего было ответить на это и он тихо произнес:

— Да.

— Лорд Рамси подумывает отрезать тебе губы, когда все закончится, — сообщил Деймон, натирая кнут смоченной в жиру тряпкой.

Мои губы были между ног его леди. Такая дерзость не может остаться безнаказанной.

— Как скажете.

Лутон захохотал:

— Думаю, он хочет этого.

— Убирайся, Вонючка, —
сказал Скорняк. — Меня тошнит от
твоей вони. — Другие засмеялись.

Он рванул, пока они не
передумали. Его мучители не пойдут
за ним на улицу, пока тут остается
еда и выпивка, доступные женщины
и тепло очага. Когда он выходил из
зала, Абель пел "Девы, что
расцветают по весне".

Снаружи снег падал так плотно,
что Теон мог видеть не более чем на
три фута перед собой. Он оказался в
одиночестве среди белой пустыни,
по обе стороны от него маячили
стены снега высотой по грудь. Когда

он поднимал голову, снежинки касались его щек холодными легкими поцелуями. Из зала позади него доносились звуки музыки, нежные и грустные. На мгновение он почувствовал себя почти умиротворенным.

А затем он наткнулся на человека, шагавшего навстречу. Плащ с капюшоном хлопал у него за плечами. Они оказались лицом к лицу, и на миг их глаза встретились. Человек положил руку на кинжал:

— Теон Перевертыш. Теон Братоубийца.

— Я не братоубийца. Я никогда... я был железнорожденным.

— Лжецом, вот кем ты был. Как

так вышло, что ты еще дышишь?

— Боги еще не закончили со мной, — ответил Теон, задавшись вопросом, а не тот ли это убийца — ночной бродяга, заткнувший рот Желтому Дику его же членом и столкнувший грума Роджера Рисвелла со стены. Как ни странно, ему не было страшно. Он стянул перчатку с левой руки. — И лорд Рамси не закончил.

Человек взглянул на руку и рассмеялся:

— Тогда я оставляю тебя ему.

Теон устало тащился сквозь бурю, пока его руки и ноги не покрылись снежной коркой, а ладони и ступни не онемели от холода, и

затем опять поднялся на зубцы внутренней стены. Здесь наверху, на высоте ста футов, дул лишь небольшой ветерок, круживший снежинки. Все амбразуры были залеплены. Теону пришлось пробить окошко в снежной стене... только для того, чтобы обнаружить: дальше рва ничего не видно. От внешней стены не осталось ничего, кроме размытой тени и нескольких тусклых огоньков, плывущих в темноте.

Мир исчез. Королевская гавань, Риверран, Пайк и Железные Острова — все Семь Королевств. Каждый уголок, который он когда-либо знал, каждый уголок, о котором он когда-либо читал или грезил, — все это

исчезло. Остался только Винтерфелл.

Он замурован здесь, с призраками. Старыми призраками крипты и новыми, которых создал сам. Миккен и Фарлен, Гинир Красноносый, Аггар, Угрюмый Гелмарр, мельничиха с Желудевой, два ее маленьких сына и все остальные. *Моя работа. Мои призраки. Все они тут, и они в гневе.* Он подумал о крипте и тех пропавших мечях.

Теон вернулся в свою комнату. Он снимал промокшую одежду, когда Уолтон Железные Икры нашел его:

— Идем со мной, перевертыш. Его светлость хочет поговорить с тобой.

Чистых и сухих вещей у него не было, так что он снова натянул те же сырые тряпки и последовал за гонцом. Железные Икры привел его в Большой замок, в комнату наверху, некогда принадлежавшую Эддарду Старку. Лорд Болтон был не один. Подле него сидела леди Дастин, бледная и суровая; железная лошадиная голова скрепляла плащ Роджера Рисвелла; у огня стоял Эйенис Фрей, с покрасневшими от мороза впалыми щеками.

— Мне сказали, ты бродишь по замку, — начал лорд Болтон. — Люди сообщили, что видели тебя в конюшнях, на кухнях, в казармах и на стенах. Также тебя замечали у

развалин разрушенных башен, возле старой септы леди Кейтилин и в богороще. Будешь отрицать?

— Нет, м'лорд, — Теон специально "проглотил" одну букву. Он знал, что лорду Болтону это понравится. — Я не могу спать, м'лорд, вот и брожу, — он стоял с опущенной головой, уставившись на старую солому, разбросанную по полу. Смотреть прямо в лицо его светлости было неразумно.

— Я жил здесь ребенком, до войны. Воспитанником Эддарда Старка.

— Заложником, — поправил Болтон.

— Да, м'лорд. Заложником. —

Но это был мой дом. Не совсем дом, но лучшее, что я когда-либо знал.

— Кто-то продолжает убивать моих людей.

— Да, м'лорд.

— Не ты, я надеюсь? — голос Болтона сделался даже мягче. — Ты ведь не отплатил бы за всю мою доброту подобным предательством.

— Нет, м'лорд, не я. Я бы не стал. Я... просто гулял, вот и все.

— Сними перчатки, — вмешалась леди Дастин.

Теон поднял голову и бросил на нее настороженный взгляд:

— Пожалуйста, не надо. Я... Я...

— Делай, как она велела, —

приказал сир Эйенис. — Покажи нам свои руки.

Теон стянул перчатки и поднял руки вверх, чтобы они их видели. *Это не то же самое, как если бы я стоял перед ними голым. Нет, совсем не так плохо.* На его левой кисти было три пальца, на правой — четыре. Рамси лишил его только мизинца на одной руке и безымянного с указательным на другой.

— Это с тобой сделал Бастард, — сказала леди Дастин.

— Если миледи угодно, я... Я сам его попросил. — Рамси всегда делал так, чтобы его просили. *Рамси всегда заставлял меня умолять его.*

— Зачем бы тебе просить его?

— Я... Мне не нужно так много пальцев.

— Четырех вполне хватит, — сир Эйенис Фрей погладил пальцами росшую на его безвольном подбородке тонкую коричневую бородку, похожую на крысиный хвост. — Четыре на правой руке. Он все еще может держать меч. Кинжал.

Леди Дастин рассмеялась:

— И все Фреи такие дураки? Посмотрите на него. Держать кинжал? У него едва хватает сил, чтобы держать ложку. Вы действительно думаете, что он смог бы одолеть это мерзкое создание Бастарда и протолкнуть его мужское

достоинство ему в глотку?

— Все умершие были сильными людьми, — сказал Роджер Рисвелл. — И ни один не был заколот. Наш убийца — не Перевертыш.

Бледные глаза Русе Болтона впились в Теона, такие же острые, как нож для свежевания у Скорняка.

— Я склонен согласиться. Даже если не брать в расчет силы, он не в состоянии предать моего сына.

— Если не он, то кто? У Станниса есть какой-то человек внутри замка, это очевидно, — проворчал Роджер Рисвелл.

Вонючка — не человек. Не Вонючка. Не я. Он задался вопросом,

рассказала ли им леди Дастин о криптах и отсутствующих мечах.

— Мы должны присмотреться к Мандерли, — пробормотал сир Эйенис Фрей. — Лорд Виман нас не любит.

Рисвелл так не считал:

— Он любит свои бифштексы, котлеты и пирожки с мясом. Чтобы рыскать ночью по замку, ему нужно хотя бы выйти из-за стола. А он делает это, только когда ищет нужник для своих часовых восседаний.

— Я не говорю, что лорд Виман убивает собственноручно. Он привел с собой триста человек. Сто рыцарей. Любой из них, возможно...

— Действовать под покровом ночи — занятие не для рыцаря, — возразила леди Дастин. — И лорд Виман — не единственный, кто потерял близких на вашей Красной Свадьбе, Фрей. Вы думаете Смерть Шлюхам любит вас сильнее? Если бы вы не удерживали Большого Джона, он вытащил бы ваши внутренности и заставил бы вас съесть их, как леди Хорнвуд съела свои пальцы. Флинты, Сервины, Толхарты, Слейты... у них у всех были люди на стороне Молодого Волка.

— Из дома Рисвеллов тоже, — произнес Роджер Рисвелл. — И даже люди Дастина из Города-на-Кургане.

Леди Дастин раздвинула губы в тонкой, жестокой улыбке:

— Север помнит, Фрей.

Губы Эйениса Фрея задрожали от возмущения.

— Старк нас опозорил. Именно это вы, северяне, должны помнить лучше всего.

Русе Болтон потер потрескавшиеся губы:

— Пререкания нам не помогут, — он щелкнул пальцами в сторону Теона. — Ты свободен. Будь осторожен на своих прогулках. Иначе мы можем найти завтра утром тебя, улыбающимся красной улыбкой.

— Как прикажете, м'лорд, — Теон натянул перчатки на

изувеченные руки и поковылял прочь на изувеченных ногах.

В час волка он все еще бодрствовал: укутавшись в засаленные шкуры поверх тяжелой шерстяной одежды, брел уже который круг по внутренней стене в надежде измотать себя и уснуть. Ноги по колено заледенели от снега, голову и плечи окутал белый саван. На этом участке стены ветер дул ему прямо в лицо, и тающий снег стекал по его щекам ледяными слезами.

Затем он услышал рог.

Протяжный тихий стон, казалось, повис над зубцами, задерживаясь в темном воздухе и глубоко проникая в кости каждого,

кто его слышал. На всех замковых стенах часовые повернулись на звук, покрепче сжав древки своих копий. В разрушенных залах и башнях Винтерфелла лорды зашикали на других лордов, лошади заржали, а спящие зашевелились в своих темных уголках. Не успел звук боевого рога стихнуть, как начал бить барабан: *БУМ дум БУМ дум БУМ дум*. А из уст в уста полетело имя, написанное маленькими белыми клубами морозного воздуха. *Станнис*, шептали люди, *Станнис* здесь, *Станнис* пришел, *Станнис*, *Станнис*, *Станнис*.

Теон вздрогнул. Баратеон или Болтон, для него это не имело

значения. На Стене Станнис действовал сообща с Джоном Сноу, а Джон снимет с него голову в одно мгновение. *Вырвавшись из лап одного бастарда, умереть от руки другого, что за шутка.* Теон бы громко рассмеялся, вспомни он, как это делается.

Барабан, казалось, звучал из Волчьего леса за Охотничьими воротами. *Они прямо за стенами.* Теон вместе с парой десятков человек поспешил вдоль прохода, но даже добравшись до примыкавших к воротам башен, они все равно ничего не смогли увидеть за белой пеленой.

— Они что, хотят этим воем разрушить наши стены? — пошутил

Флинт, когда боевой рог прозвучал снова. — Может, он думает, что нашел Рог Джорамуна?

— Разве Станнис настолько глуп, чтобы штурмовать замок? — спросил часовой.

— Он не Роберт, — заявил человек из Города-на-Кургане. — Он будет держать осаду, помяните мое слово. Попробует взять нас измором.

— Он первым отморозит свои яйца, — сказал другой часовой.

— Мы должны сразиться с ним, — объявил Фрей.

Вперед, подумал Теон. Отправляйтесь в эти снега и умрите там. Оставьте Винтерфелл мне и призракам. Он чувствовал, что Русе

Болтон одобрил бы такую битву. *Ему нужно положить этому конец.* Замок был слишком переполнен, чтобы выдержать длительную осаду, а лояльность слишком многих лордов вызывала сомнения. Толстый Виман Мандерли, Амбер Смерть Шлюхам, люди домов Хорнвудов и Толхартов, Локи, Флинты, Рисвеллы — все они были *северянами*, и присягали дому Старков на протяжении бесчисленных поколений. Их держала здесь девочка, кровь лорда Эддарда, но она просто фальшивка, ягненок в шкуре лютovolка. Так почему бы не отправить северян в бой со Станнисом до того, как фарс раскроется? *Резня на снегу. И с*

каждым павшим — на одного врага меньше у Дредфорта.

Теон задумался, позволят ли ему тоже сражаться. Так, по крайней мере, он мог бы умереть как мужчина, с мечом в руке. Рамси никогда бы не преподнес ему такого подарка, но лорд Русе — вполне возможно. *Если я буду его умолять. Я сделал все, что он от меня хотел, сыграл отведенную мне роль, выдал девушку замуж.*

Смерть была лучшим избавлением, на которое он мог надеяться.

В богороще все так же таял снег, едва коснувшись земли. Над горячими прудами поднимался пар,

наполненный запахами мха, тины и гнили. Теплый туман висел в воздухе, превращая деревья в часовых — высоких солдат в плащах из сумрака. В светлое время суток насыщенная парами богороща часто была полна северян, пришедших помолиться старым богам, но в этот час она вся принадлежала только Теону Грейджою.

И в середине рощи его ждало чардерево со своими понимающими красными глазами. Теон остановился у пруда и склонил голову перед вырезанным красным ликом. Даже здесь он слышал барабанный бой — бум ДУМ бум ДУМ бум ДУМ бум ДУМ. Как раскат далекого грома,

звук, казалось, доносился со всех сторон.

Ночь была безветренная, снег тихо опускался с холодного черного неба, пока листья сердце-дерева шелестели его имя. *Теон*, словно шептали они, *Теон*.

Старые боги, подумал он. Они меня знают. Они знают мое имя. Я был Теоном из дома Грейджоев, воспитанником Эддарда Старка, другом и братом его детям.

— Пожалуйста, — он упал на колени, — меч, вот и все, о чем я прошу. Позвольте мне умереть Теоном, а не Вонючкой. — Слезы текли по его щекам, невозможно теплые. — Я был

железнорожденным. Сыном... сыном
Пайка, островов.

Сверху слетел лист, легко
коснулся его лба и упал в пруд. Он
плавал на воде, красный пятипалый
лист, похожий на кровавую руку.
Бран, прошептало дерево.

*Они знают. Боги знают. Они
видели, что я сделал.* И на один
странный миг ему показалось, как
будто на бледном стволе чардрева
вырезано лицо Брана, и что оно
смотрит на него красными, мудрыми
и печальными глазами. *Призрак
Брана*, подумал он, но это было
безумием. Зачем Брану преследовать
его? Он любил мальчика и никогда не
причинял ему вреда. *Мы убили не*

Брана. Не Рикона. Всего лишь сыновей мельника с Желудевой.

— Мне нужно было достать две головы, иначе меня осмеяли бы... хохотали бы надо мной... они...

— С кем ты говоришь? — произнес голос.

Теон резко обернулся, ужаснувшись, что Рамси нашел его, но это оказались всего лишь прачки: Ягодка, Рябина и еще одна, чье имя он не знал.

— С призраками, — выпалил он. — Они шепчут мне. Они... они знают мое имя.

— Теон Перевертыш, — Рябина схватила его ухо и начала выкручивать. — Тебе нужно было две

головы, да?

— Иначе люди смеялись бы над ним, — добавила Ягодка.

Они не понимают. Теон вырвался.

— Что вам надо? — спросил он.

— Нам нужен ты, — ответила третья прачка, самая старшая, с глубоким голосом и седыми прядями в волосах.

— Я тебе уже говорила. Потрогать тебя, Перевертыш, — улыбнулась Ягодка. В ее руке появился клинок.

Я бы мог закричать, подумал Теон. *Кто-нибудь услышит. Замок набит вооруженными людьми.* Безусловно, он умрет до прихода

помощи, а его кровь впитается в землю и накормит сердце-дерево. *И разве это будет неправильно?*

— Потрогайте меня, — сказал он. — Убейте, — в его голосе звучало больше отчаяния, чем вызова. — Давайте. Прикончите меня, как и других. Как Желтого Дика и остальных. Это была ваша работа.

Ягодка рассмеялась:

— Как это могло быть нашей работой? Мы ведь женщины. Сиськи и дырки. Мы здесь, чтобы нас трахали, а не боялись.

— Бастард делал тебе больно? — спросила Рябина. — Отрубил пальчики на руках, да? Ободрал пальчики на ногах?

Повыбивал зубки? Бедный мальчик, — она потрепала его по щеке. — Обещаю, больше такого не будет. Ты молился, и боги послали тебе нас. Хочешь умереть Теоном? Мы это устроим. Хорошую, быструю смерть, больно почти не будет, — она улыбнулась. — Но только после того, как ты споешь для Абея. Он тебя ждет.

48. ТИРИОН

— Лот девяносто семь, — щелкнул плетью ведущий аукциона. — Пара карликов, обученных забавлять вас.

Помост для аукциона возвели там, где широкие бурые воды Скахазадхана впадали в Залив Работоторговцев. Тирион Ланнистер чуял в воздухе запах соли, смешанный с вонью выгребных ям позади загонов для рабов. Влажность угнетала его гораздо больше, чем жара. Этот воздух, казалось, давил на него, как лежащее на голове и плечах теплое влажное одеяло.

— В состав лота включены собака и свинья, — объявил ведущий. — Карлики ездят на них верхом. Развлеките гостей на своем следующем пиру или просто используйте их по своей прихоти.

Участники торгов сидели на деревянных скамьях, потягивая фруктовые соки. Некоторых рабы обмахивали опахалами. Многие были в токарах — необычных одеяниях, излюбленных господами древней крови из Залива Работоторговцев, столь же элегантных, сколь и неудобных. Другие носили наряды попроще: мужчины — туники и плащи с капюшонами, женщины — цветные шелка. Вероятно, шлюхи или жрицы;

здесь, на востоке, было непросто отличить одних от других.

За скамьями расположилась небольшая группа людей с запада, отпускающая остроты и высмеивая происходящее. *Наемники*, понял Тирион. Он разглядел мечи, кинжалы и метательные топоры, а под плащами — кольчуги. Их бороды, прически и лица говорили о том, что в большинстве своем они происходили из Вольных Городов, но кое-где стояло несколько человек, которые вполне могли оказаться вестеросцами.

Они покупают или просто пришли поглазеть?

— Кто откроет торги за эту

пару?

— Три сотни, — сделала ставку матрона из старого паланкина.

— Четыре, — объявил чудовищно толстый юнкаец, громоздящийся на носилках. Он выглядел словно кит, разодетый в желтый шелк с золотой бахромой, и был вчетверо толще Иллирио. Тирион посочувствовал рабам, которым приходилось носить его. *По крайней мере, нас от этой обязанности избавят. Как прекрасно быть карликом.*

— И одну монету сверху, — сказала старуха в фиолетовом токаре. Ведущий бросил на нее недовольный взгляд, но ставку не отменил.

Матросов-рабов с "Селазсори Кхоран" продавали по одному, и они ушли по цене от пяти до девяти сотен серебряных монет. Бывалые моряки считались ценным товаром. Никто даже не попытался сопротивляться, когда работорговцы взяли на abordаж их поврежденный когг. Для них это стало всего лишь сменой хозяина. Трое помощников капитана были свободными людьми, но портовая вдова предоставила им бумагу, обещавшую за них выкуп, как раз для подобного случая. Трех выживших Огненных Пальцев еще не продали, но они считались имуществом Владыки Света и могли рассчитывать на то, что их выкупят

для какого-нибудь красного храма. Их страховкой служили вытатуированные языки пламени на лицах.

В своей участи Тирион и Пенни не были столь уверены.

— Четыреста пятьдесят, — озвучили новую ставку.

— Четыреста восемьдесят.

— Пять сотен.

Одни суммы оглашались на высоком валирийском, другие — на искаженном гискарском наречии. Некоторые покупатели повышали ставки поднятием пальца, поворотом запястья, взмахом раскрашенного веера.

— Я рада, что они не разделили

нас, — прошептала Пенни.

Работорговец бросил на них быстрый взгляд:

— Не болтать.

Тирион сжал плечо Пенни. Пряди его почти белых и черных волос прилипли ко лбу, а лохмотья туники — к спине. Часть из-за пота, часть из-за высохшей крови. Он был не настолько глуп, чтобы драться с работорговцами, как Джорах Мормонт, но это не значило, что он избежал наказания. В его случае плетей ему заслужил собственный язык.

— Восемь сотен.

— И пятьдесят.

— И одну монету сверху.

Мы стоим столько же, сколько матрос, подумал Тирион. Хотя, возможно, им приглянулась Милая Хрюшка. *Хорошо выдрессированную свинью не так-то просто найти.* Они определенно давали цену не за вес.

На девятистах серебряных монетах торги начали замедляться. На девятистах пятидесяти одной (от старухи) они остановились. Но ведущий хорошо знал свое дело и почувствовал, что толпе пора вкусить представление карликов. На помост вывели Хруста и Милую Хрюшку. Без седла и уздечек взобраться на них оказалось довольно сложно. Стоило свинье тронуться, как Тирион

соскользнул с ее задницы и грохнулся на свою, вызвав бурю смеха среди участников торгов.

— Тысяча, — предложил цену чудовищно толстый мужчина.

— И одна монета сверху, — не унималась старуха.

На лице Пенни оскалом застыла широкая улыбка. *Обученных забавлять вас.* Ее отец ответит за это, в своем маленьком специальном аду для карликов.

— Двенадцать сотен, — кит в желтом. Раб рядом с ним наливал ему питье. *Лимонное, не иначе.* От взгляда этих желтых глаз, устремленных на помост, Тириону стало не по себе.

— Тринадцать сотен.

— И еще одна монета сверху, — старуха.

Мой отец всегда говорил, что Ланнистер стоит в десять раз больше обычного человека.

На тысяча шестистах темп торгов снова замедлился, и работорговец пригласил некоторых покупателей подойти и взглянуть на карликов поближе.

— Женская особь молода, вы можете разводить их и получить хорошие деньги за потомство, — пообещал он.

— У него нет половины носа, — пожаловалась старуха, приглядевшись внимательнее.

Морщинистое лицо скривилось от неудовольствия. Кожа у нее была белого цвета, как у личинки мухи; завернутая в фиолетовый токар, она напоминала заплесневелую черносливину. — И глаза разного цвета. Неприятное существо.

— Миледи еще не видела мою лучшую часть тела, — Тирион ухватился за промежность, на случай если она не догадалась, что он имел в виду.

Карга возмущенно зашипела, и бич лизнул спину Тириона — жгучий удар, отбросивший его на колени. Во рту появился привкус крови. Он ухмыльнулся и сплюнул.

— Две тысячи, — выкрикнул

новый голос, позади скамей.

На кой наемнику сдался карлик?

Тирион поднялся на ноги, чтобы разглядеть получше. Новый покупатель оказался пожилым человеком, седым, высоким и крупным, с выдубленной смуглой кожей и коротко остриженной бородой с сильной проседью. Под выцветшим пурпурным плащом виднелись длинный меч и перевязь с кинжалом.

— Двадцать пять сотен, — прозвучал женский голос. Невысокая девушка, полноватая и с большой грудью, была одета в красиво украшенные доспехи. На ее черном нагруднике, инкрустированном

золотом, красовалась взлетающая гарпия, с цепями, свисающими с когтей. Пара солдат-рабов подняли ее на щите до уровня плеч.

— Три тысячи, — смуглый человек проталкивался сквозь толпу, его друзья-наемники распихивали покупателей в стороны, расчищая ему путь.

Да. Подходи ближе. Тирион знал, как иметь дело с наемниками. Он ни на мгновение не подумал, что этот покупатель хочет приобрести его для развлечений на банкетах. *Он меня знает. И собирается отвезти меня обратно в Вестерос, чтобы продать моей сестрице.* Карлик потер губы, чтобы скрыть улыбку.

Серсея и Семь Королевств находились за полмира отсюда. Очень и очень многое могло произойти прежде, чем он там окажется. *Я склонил на свою сторону Бронна. Дайте мне хоть полианса, и, возможно, я смогу склонить и этого.*

Старуха и девушка на щите перестали торговаться при цене в три тысячи, но не толстяк в желтом. Он оценивающе взглянул на наемников своими желтыми глазами, поцокал языком сквозь желтые зубы и объявил:

— Пять тысяч серебра за лот.

Наемник нахмурился, пожал плечами и отвернулся.

Семь кругов ада. Тирион был

абсолютно уверен, что не хочет стать собственностью огромного Лорда-Желтопуза. Один лишь его вид — свисающая с носилок гора желтоватой плоти с желтыми свинячьими глазками и сиськами, величиной с Милашку каждая, выпирающими через шелковый токар — вызывал у карлика мурашки по коже. А уж запах, исходящий от него, чувствовался даже на помосте.

— Если ставок больше не будет...

— Семь тысяч! — крикнул Тирион.

Хохот прокатился по скамьям.

— Карлик хочет купить сам себя, — заметила девушка на щите.

Тирион одарил ее похотливой улыбкой:

— Умный раб заслуживает умного хозяина, а большинство из вас выглядят, как придурки.

Смех участников торгов стал еще громче, а ведущий бросил на него сердитый взгляд, нерешительно поигрывая кнутом, будто пытаюсь понять, пойдут ли насмешки Тириона ему на пользу.

— Пять тысяч это оскорбление! — выкрикнул Тирион. — Я участвую в рыцарском турнире, пою и говорю забавные вещи. Я могу трахать вашу жену и заставлять ее кричать от удовольствия. Или даже жену вашего

врага, а разве найдется лучший способ опозорить его сильнее? Я убийца-с-арбалетом, и мужчины втрое больше меня ужасаются и трепещут, когда мы встречаемся за столом для кайвассы! Я даже известен своим кулинарным талантом, проявляющимся время от времени. Я предлагаю ставку в десять тысяч серебряных за себя! Я стою этой цены, стою. Мой отец говорил, что я всегда должен платить свои долги.

Наемник в пурпурном плаще обернулся. Его глаза встретились с глазами Тириона через ряды других участников торгов, и он улыбнулся. *Какая теплая улыбка,* задумался

карлик. Дружелюбная. Но глаза-то у него холодные. Кажется, я все-таки не хочу, чтобы он нас купил.

Желтая громадина заерзала на носилках, и на лице, похожем на огромный пирог, появилось раздражение. Он что-то кисло пробормотал на гискарском, слов Тирион не понял, но тон высказывания был достаточно ясен.

— Следующая ставка? — карлик задрал голову. — Я предлагаю все золото Утеса Кастерли.

Он услышал кнут прежде, чем почувствовал его — тонкий и резкий свист воздуха. От удара Тирион хрюкнул, но на сей раз ему удалось остаться на ногах. Его мысли на

мгновение вернулись в прошлое, к началу путешествия, когда самой насущной проблемой был выбор вина к утренним улиткам. *Вот чем кончаются погони за драконами.* Взрыв смеха, сорвавшийся с его губ, забрызгал первый ряд покупателей кровавой слюной.

— Вы проданы, — объявил ведущий. Затем он хлестнул карлика еще раз, просто так, потому что захотел. В этот раз Тирион рухнул на пол.

Один из стражников стащил его за ногу. Другой подталкивал Пенни с помоста тупой стороной копья. На их место уже вывели следующий лот — девушку лет пятнадцати или

шестнадцать, не с "Селазсори Кхоран". Тирион её не знал. *Такого же возраста, что и Дейенерис Таргариен, или около того.* Чуть позже работорговец раздел её. *По крайней мере, нас от этого унижения они избавили.*

Тирион пристально смотрел сквозь юнкайский лагерь на стены Миэрина. Ворота казались такими близкими... и если верить слухам в загонах для рабов, в настоящее время Миэрин оставался свободным городом. За этими старыми, потрескавшимися стенами рабство и работорговля были под запретом. Все, что от него требовалось — добраться до ворот, пройти их, и он

снова стал бы свободным человеком.

Но это казалось маловероятным — в таком случае ему пришлось бы бросить Пенни. *Она бы захотела взять с собой собаку и свинью.*

— Все будет не так уж и плохо, правда? — прошептала Пенни. — Он так много заплатил за нас. Он ведь будет добрым?

До тех пор, пока мы будем его веселить.

— Мы слишком дорогие, чтобы с нами стали плохо обращаться, — успокоил он девушку. По его спине все еще стекала кровь от двух последних ударов. *Но когда наше представление им надоест... а оно надоест, обязательно надоест.*

Надсмотрщик нового хозяина ожидал их, стоя рядом с двумя солдатами и повозкой. У него было узкое, вытянутое лицо и бородка, обмотанная золотой проволокой, а у висков торчали жесткие красно-черные волосы в форме пары когтистых рук.

— Что за приятные милашки, — сказал он. — Вы напоминаете мне собственных детей... или напоминали бы, если бы они не умерли. Я буду хорошо заботиться о вас. Назовите-ка ваши имена.

— Пенни, — испуганно прошептала девушка.

Тирион из дома Ланнистеров, законный лорд Утеса Кастерли, ты,

лицемерный червяк.

— Йолло.

— Дерзкий Йолло.

Великолепная Пенни. Вы являетесь собственностью благородного и доблестного Еззана зо Каггаза, ученого и воина, высоко почитаемого среди Мудрых Господ Юнкая. Считайте, что вам повезло — Еззан добрый и великодушный господин. Относитесь к нему, как к собственному отцу.

С удовольствием, подумал Тирион, но в этот раз придержал язык. Он не сомневался, что очень скоро им придется выступить перед их новым хозяином, и получить еще одну плеть ему никак не улыбалось.

— Ваш отец любит свои особенные сокровища больше всего на свете, и он будет вас холить и лелеять, — продолжал надсмотрщик. — И я тоже, поэтому относитесь ко мне как к няньке, которая заботилась о вас в младенчестве. "Нянька" — так называют меня все мои дети.

— Лот девяносто девять, — выкрикнул ведущий аукциона. — Воин.

Девушку быстро продали и спровадили к новому хозяину; она ушла, прижимая одежду к маленькой груди с розовыми сосками. На ее место два работорговца вытащили Джораха Мормонта. На нем была

лишь набедренная повязка, спина кровоточила от ударов кнутом, а лицо так опухло, что изменилось почти до неузнаваемости. Его запястья и щиколотки сковывали цепи. *Вот тебе ложечка угощения, которое ты готовил для меня,* подумал Тирион, однако понял, что не получает удовольствия от страданий большого рыцаря.

Даже в цепях Мормонт выглядел опасным — громадный бык с крепкими ручищами и покатыми плечами. Из-за грубой черной поросли на груди он больше походил на зверя, чем на человека. Под обоими глазами были синяки — две темных дыры на чудовищно опухшем

лице. На одной щеке ему выжгли клеймо: маску демона.

Когда работоторговцы взяли на abordаж "Селаэсори Кхоран", сир Джорах встретил их с мечом в руке и успел убить троих, прежде чем с ним справились. Друзья убитых с удовольствием бы его прикончили, но капитан запретил: боец всегда стоил хороших денег. Поэтому Мормонта приковали к веслу, избивали до полусмерти, заставили голодать и заклеямили.

— Большой и сильный, — объявил ведущий. — В нем много ярости, и он отлично покажет себя в бойцовой яме. Начальная ставка — триста серебра. Кто даст триста?

Никто не дал.

Мормонт не обращал никакого внимания на пеструю толпу — он устремил свой взор поверх осадных сооружений, к городу в отдалении, на его древние стены, возведенные из разноцветного кирпича. Тирион читал этот взгляд как открытую книгу: *так близко и все же так далеко*. Бедняга вернулся слишком поздно. Дейенерис Таргариен вышла замуж, насмешливо сообщили им охранники загонов для рабов. Она выбрала своим королем миэринского работорговца, столь богатого, сколь и знатного, а когда мир будет подписан и закреплён, бойцовые ямы Миэрина откроются вновь. Однако рабы

утверждали, что охранники лгут, а Дейенерис Таргариен никогда бы не заключила мира с работоторговцами. "Миса", звали они ее. Кто-то сказал Тириону, что это значит "Мать". Скоро серебряная королева выйдет из города, сокрушит юнкайцев и разобьет цепи, шептали рабы друг другу.

А потом она испечет для всех лимонный пирог, поцелует наши ранки, и нам тут же полегчает, подумал карлик. Он не верил в королевское спасение. Если понадобится, он сам займется их освобождением. Грибов, спрятанных в носке сапога, хватит и ему, и Пенни. А вот Хрусту и Милой

Хрюшке придется позаботиться о себе самим.

Нянька все еще давал наставления новым сокровищам своего господина.

— Делайте все, что вам прикажут и ничего более, и тогда будете жить как маленькие лорды, избалованные и обожаемые, — пообещал он. — Ослушаетесь и... но вы же никогда этого не сделаете, правда? Только не мои милашки, — он наклонился и ущипнул Пенни за щеку.

— Тогда две сотни, — предложил ведущий аукциона. — Такой большой зверь стоит в три раза больше. А каким телохранителем он

будет! Ни один враг не осмелится потревожить вас!

— Пойдемте, мои маленькие друзья, — сказал Нянька. — Я покажу вам ваш новый дом. В Юнкае вы будете жить в золотой пирамиде Каггаза и обедать с серебряных блюд, но здесь мы живем просто, в скромных солдатских палатках.

— Кто даст мне сотню? — выкрикнул ведущий.

Эта ставка вызвала интерес, хотя поднялась всего на пятьдесят серебряных монет. Покупателем был худой мужчина в кожаном фартуке.

— И еще одну сверху, — снова старуха в фиолетовом токаре.

Один из солдат поднял Пенни и

усадил внутрь повозки.

— Кто эта старуха? — спросил его карлик.

— Зарина, — ответил мужчина. — Дешевые бойцы. Мясо для героев. Ваш друг скоро умрет.

Он мне не друг.

Но, неожиданно для себя, Тирион Ланнистер повернулся к Няньке и произнес:

— Вы не можете позволить ей забрать его.

Нянька прищурившись, посмотрел на него:

— Что ты там пролепетал?

Тирион указал пальцем на Мормонта:

— Он часть нашего

представления. Медведь и прекрасная дева. Джорах — медведь, Пенни — дева, а я — храбрый рыцарь, который ее спасает. Я пляшу и колочу его по яйцам. Очень весело.

Надзиратель покосился на аукционный помост:

— Этого?

Ставки за Джораха Мормонта достигли двухсот серебряных.

— И один сверху, — добавила старуха в фиолетовом токаре.

— Ваш медведь. Понятно.

Нянька быстро пошел сквозь толпу, склонился над огромным желтым юнкайцем в носилках и что-то пошептал ему на ухо. Хозяин кивнул, потрясая подбородками,

затем поднял веер.

— Три сотни, — выкрикнул он хриплым голосом.

Старая карга презрительно фыркнула и отвернулась.

— Зачем ты это сделал? — спросила Пенни на общем языке.

Хороший вопрос, подумал Тирион. *Действительно, зачем?*

— Твое представление становилось унылым. А каждому актеру нужен танцующий медведь.

Она бросила на него укоризненный взгляд, затем отошла в конец повозки и села, крепко обняв Хруста, как будто собака оставалась ее последним верным другом на всем белом свете. *Может, так оно и*

есть.

Нянька вернулся с Джорахом Мормонтом. Два хозяйских солдата-раба бросили рыцаря между карликами в конец повозки. Он не сопротивлялся. *Весь бойцовский дух из него улетучился, когда он узнал, что его королева вышла замуж,* понял Тирион. Одно произнесенное шепотом слово сделало то, что не могли кулаки, кнуты и дубины: оно сломало его. *Надо было позволить этой старой карге забрать Мормонта. От него будет столько же проку, как от сосков на нагруднике.*

Нянька взобрался на повозку, взял вожжи, и они отправились через

осадный лагерь к палаткам их нового хозяина, благородного Еззана зо Каггаза. Рядом с ними шли четверо солдат-рабов, по двое с каждой стороны телеги.

Пенни не плакала, но глаза ее были красными и несчастными, и она не отводила их от Хруста. *Может, она думает, что если не смотреть, то все исчезнет?* Сир Джорах Мормонт тоже ни на кого и ни на что не обращал внимания. Он съежился в своих цепях, погрузившись в раздумья.

Тирион же разглядывал всё и всех.

Юнкайский лагерь представлял собой не один, а сотню лагерей,

полумесяцем возведенных бок о бок у стен Миэрина; город шелка и холста, со своими проспектами и переулками, тавернами и борделями, добропорядочными и дурными кварталами. Палатки выросли между линией осады и бухтой словно желтые грибы. Некоторые из них были маленькими и жалкими, не более чем лоскутами старой грязной парусины, защищающей от дождя и солнца, но рядом стояли шатры-казармы, в которых бы хватило места для сотни человек, и шелковые павильоны, большие, как дворцы, с гарпиями, поблёскивающими на верхушках их крыш. В одних лагерях соблюдался порядок: шатры

располагались вокруг костровой ямы правильными кругами, оружие и доспехи держали внутри круга, лошадей — снаружи. В других местах, казалось, царил настоящий хаос.

Сухая, выжженная равнина на много лиг вокруг Миэрина была плоской, голой и без единого дерева, но юнкайские суда привезли с юга достаточно леса и кожи, чтобы возвести шесть огромных требушетов. Их расположили с каждой стороны города, кроме реки; они стояли там в окружении груд битого камня и бочек со смолой и дегтем, только и ждущих факела. Один из идущих рядом с телегой

солдат заметил, куда смотрит Тирион, и с гордостью сообщил ему, что каждому из требушетов дали имя: Гроза Драконов, Ведьма, Дочь Гарпий, Злая Сестра, Призрак Астапора, Кулак Маздхана. Возвышаясь над шатрами на высоту сорок футов, требушеты стали главными ориентирами осадного лагеря.

— Один их вид поставит королеву драконов на колени, — хвастал солдат. — И в такой позе она и останется, отсасывая благородный член Хиздара, иначе мы превратим ее стены в кучу камней.

Тирион видел, как били кнутом раба: удар за ударом, пока спина не

стала куском сырого мяса, залитого кровью. Колонна закованных в кандалы людей прошла мимо, звеня при каждом шаге. Они несли копья и короткие мечи, но между собой их связывали цепи, от запястья к запястью и от лодыжке к лодыжке. В воздухе пахло жареным мясом, и Тирион заметил мужчину, свежавшего собаку для рагу.

И еще он видел мертвых и слышал умирающих. Сквозь плывущий дым, вонь лошадей и резкий соленый запах залива пробивался смрад дерьма и крови. *Понос*, понял он, увидев, как двое наемников вытащили труп третьего из одной из палаток. У Тириона

дернулись пальцы. "Болезнь может истребить армию быстрее, чем любая битва", — как сказал однажды его отец.

Тем больше причин бежать, и поскорее.

Через четверть мили ему представилась хорошая возможность пересмотреть свои взгляды. Там собралась толпа вокруг трех рабов, схваченных при попытке побега.

— Я уверен, мои маленькие сокровища будут милыми и послушными, — сказал Нянька. — Посмотрите, что случается с теми, кто пытается бежать.

Пойманные были привязаны к ряду перекладин, и пара пращников

использовала их для проверки своих умений.

— Толосийцы, — объяснил им один из охранников. — Лучшие пращники в мире. Они кидают шары из мягкого свинца вместо камней.

Тирион никогда не видел смысла в пращах, так как дальнобойность лука значительно выше... но он никогда прежде и не видел работу толосийцев. Их свинцовые шары наносили гораздо больший урон, чем гладкие камни, используемые другими пращниками, и больший, чем любой лук. В колено одного из пленников врезался шар, и оно взорвалось сгустками крови и костей, а голень повисла на темно-

красном сухожилии. *Да, теперь он точно не сбежит*, признал Тирион, когда мужчина закричал. Его крик разносился в утреннем воздухе вместе со смехом лагерных шлюх и бранью тех, кто поставил неплохие деньги на то, что прашник промахнется. Пенни отвернулась, но Нянька схватил ее за подбородок и силой повернул голову обратно:

— Смотри, — приказал он. — И ты тоже, медведь.

Джорах Мормонт поднял голову и уставился на Няньку. Тирион увидел, как напряглись его руки. *Вот сейчас он его задушит, и нам всем придет конец*. Но рыцарь только поморщился, а затем повернулся и

стал смотреть на кровавое представление.

На востоке в утреннем жарком воздухе мерцали толстые кирпичные стены Миэрина. За ними находилось убежище, что надеялись найти эти несчастные глупцы. *Но вот долго ли оно будет оставаться убежищем?*

Все три несостоявшихся беглеца уже умерли, когда Нянька снова взялся за поводья. Повозка загрохотала дальше.

Лагерь их хозяина находился к югу-востоку от Ведьмы, почти в ее тени, и раскинулся на нескольких акрах. "Скромная палатка" Еззана зо Каггаза оказалась дворцом из шелка лимонного цвета. Позолоченные

гарпии стояли на центральных шестах каждой из его девяти остроконечных крыш, блистая на солнце. Со всех сторон это сооружение окружали палатки поменьше.

— Там жилье поваров нашего благородного хозяина, наложниц, воинов, и нескольких менее знатных родственников, — сказал им Нянька, — но у вас, мои маленькие прелестники, будет редкостная привилегия — спать в собственном шатре Еззана. Ему угодно держать свои сокровища поближе. — Он взглянул на Мормонта и нахмурился. — Но не тебя, медведь. Ты огромный и уродливый, и будешь

посажен на цепь снаружи. — Рыцарь не ответил. — В первую очередь надо подобрать всем вам ошейники.

Ошейники были из железа, слегка позолоченные, чтобы блестели на солнце. На металле выгравировали имя Еззана валирийскими рунами, а снизу подвесили пару маленьких колокольчиков, поэтому каждый шаг носившего сопровождался веселым позвякиванием. Джорах Мормонт принял свой ошейник в угрюмом молчании, а Пенни начала плакать, когда оружейник закрепил на шее её собственный.

— Он такой тяжелый, — пожаловалась она.

Тирион сжал ее руку:

— Это чистое золото, — солгал он. — В Вестеросе высокородные леди мечтают о таких ожерельях.

Лучше ошейник, чем клеймо. Ошейник можно снять. Он вспомнил Шаю, и сверкание золотой цепи, когда он все туже и туже затягивал ее на горле девушки.

После этого Нянька пристегнул цепи сира Джораха к столбу у походного костра, а карликов проводил внутрь павильона хозяина и показал место, где они будут спать — нишу, устланную коврами и отделенную от главной части шатра стеной из желтого шелка. Им предстояло делить ее делить с

другими сокровищами Еzzана: мальчиком с кривыми волосатыми "козлиными" ногами, двухголовой девочкой из Мантариса, бородатой женщиной и стройным созданием в мирийских кружевах и в украшениях из лунного камня по имени Конфетка.

— Вы пытаетесь понять, кто я, женщина или мужчина, — заявила Конфетка, когда ее привели к карликам. А следом подняла юбки и показала то, что находилось под ними. — Я и то, и другое, а хозяин любит меня больше всех.

Вот это нелепость, подумал Тирион. Где-то там какой-нибудь бог наверняка смеется.

— Отлично, — сказал он Конфетке, у которой были пурпурного цвета волосы и фиолетовые глаза. — А мы-то надеялись хоть раз быть красивее всех.

Конфетка хихикнула, но Няньку это замечание не позабавило:

— Прибереги свои шуточки до вечера, когда будешь давать представление нашему благородному хозяину. Если порадуете его, вас вознаградят. Если же нет...

И он влепил Тириону пощечину.

— Вам нужно быть осторожнее с Нянькой, — посоветовала Конфетка, когда надсмотрщик удалился. — Единственное

настоящее чудовище здесь — это он.

Бородатая женщина говорила на невразумительном диалекте гискарского, козлоногий мальчик — на каком-то гортанном смешанном моряцком жаргоне, называемом "торговым языком". Двухголовая девочка оказалась слабоумной; одна голова была не больше апельсина и вообще не разговаривала, у другой были острозаточенные зубы, и она рычала на каждого, кто подходил слишком близко к ее клетке. Но Конфетка бегло говорила на четырех языках, включая высокий валирийский.

— Какой он, наш хозяин? — с тревогой спросила Пенни.

— У него желтые глаза, и он воняет, — ответила Конфетка. — Десять лет назад он съездил в Соторос, и с тех пор гниет изнутри. Заставьте его хотя бы ненадолго позабыть, что он умирает, и его щедрость не будет знать границ. Ни в чем ему не отказывайте.

У них оставалось всего полдня на то, чтобы научиться быть невольниками. Банщики-рабы Еззана наполнили ванну горячей водой, и карликам позволили помыться — сначала Пенни, потом Тириону. После другой раб намазал жгучей мазью раны на его спине, чтобы предотвратить отмирание кожи, а затем покрыл ее прохладной

припаркой. Пенни подстригли волосы, а Тириону привели в порядок бороду. Потом выдали мягкие тапочки и новую одежду, простую, но чистую.

Когда наступил вечер, вернулся Нянька и сообщил, что пришло время облачаться в их шутовские доспехи. Еззан будет принимать верховного главнокомандующего Юнкая, благородного Юркхаза зо Юнзака, и от карликов ожидают представления.

— Освободить вашего медведя?

— Не сегодня, — ответил Тирион. — Давайте сначала мы устроим для нашего хозяина рыцарский турнир, а медведя пощадим до следующего раза.

— Пусть так/ Как скажешь.
После того, как ваши скачки закончатся, будете помогать прислуживать и подавать напитки. Смотрите не пролейте на гостей, или вам не поздоровится.

Вечерние развлечения начал жонглер. Потом трио энергичных акробатов. После них вышел козлоногий мальчик и сплясал гротескную джигу, ему подыгрывал на костяной флейте один из рабов Юркхаза. У Тириона возникло искушение спросить того, не знает ли он песню "Рейны из Кастамере". Пока они ждали свой очереди выступить, карлик наблюдал за Еззаном и его гостями. Сморщенный

чернослив на почетном месте несомненно был юнкайским верховным главнокомандующим, и выглядел он почти так же грозно, как понос. Рядом присутствовала дюжина других юнкайских лордов. Также поблизости расположились два капитана наемников, каждый в сопровождении десятка человек из их отрядов. Один — элегантный пентошиец, седой и одетый в шелка, но в изодранном плаще, сшитом из десятков рваных полос окровавленной ткани. Другим оказался тот самый мужчина, что пытался купить их этим утром — смуглый человек с бородой с проседью. "Бурый Бен Пламм, —

назвала его Конфетка. — Капитан Вторых Сыновей".

Вестероссец, да к тому же еще и Пламм. Все лучше и лучше.

— Вы следующие, — сообщил Нянька. — И будьте забавными, мои маленькие прелестники, а не то пожалеете.

Тирион не освоил и половины трюков Гроша, но уже вполне научился ездить на свинье, падать, когда нужно, перекатываться и снова вскакивать на ноги. Всё это удостоилось хорошего приёма. Вид маленьких людей, бегающих словно пьяные и колотящих друг друга деревянными копьями, позабавил людей в осадном лагере Залива

Работоторговцев ничуть не меньше, чем на пиру в честь свадьбы Джоффри в Королевской Гавани.

Насмешки — вот язык,
понятный всем, подумал Тирион.

Когда кто-то из карликов падал или получал удар, громче и дольше всех смеялся их хозяин, все его огромное жирное тело колыхалось, как от землетрясения; гости же сперва ждали реакции Юркхаза зо Юнзака, и лишь потом разделяли ее. Верховный командующий казался таким чахлым, что Тирион запереживал, как бы смех его не прикончил. Когда с плеч Пенни слетел "отрубленный" шлем и упал на колени юнкайскому лорду с

кислым лицом в полосатом золотисто-зеленом токаре, Юркхаз закудахтал, словно курица. А когда вышеупомянутый лорд заглянул внутрь шлема и достал из него большую пурпурную расколотую дыню, он хрипел, пока лицо его цветом не сравнялось с самим овощем. Он повернулся к хозяину и прошептал ему нечто, заставившее того фыркнуть и облизнуть губы... но Тириону показалось, что в его заплывших желтых глазах промелькнула злость.

После этого карлики, освобожденные от своих деревянных доспехов и мокрой от пота одежды, переоделись в новенькие желтые

туники, чтобы прислуживать за столом. Тириону выдали кувшин пурпурного вина, Пенни — кувшин с водой. Они ходили по шатру и наполняли чаши, еле слышно шурша тапочками по толстым коврам. Работа оказалась тяжелее, чем можно было подумать. Вскоре у него сильно разболелись ноги, а один из порезов на спине снова начал кровоточить, красные пятна просачивались через желтую ткань туники. Тирион прикусил язык и продолжил разливать вино.

Большинство гостей обращали на них внимания не больше, чем на других рабов... но один юнканец, напившись, объявил, что Еззану надо

заставить карликов трахаться, а другой гость потребовал объяснений как Тирион потерял свой нос. *Я сунул его в дырку твоей жены и она откусила его*, едва не выпалил он... но во время шторма карлик убедился, что умирать ему пока не хочется, и вместо этого ответил:

— Его отрезали в наказание за мою дерзость, господин.

Лорд в синем токаре с вышитыми тигровыми глазами припомнил, как Тирион хвастался на аукционном помосте своим умением играть в кайвассу.

— Давайте испытаем его, — предложил он.

Принесли столик для игры и

набор фигур. Всего через несколько минут побагровевший от ярости лорд опрокинул столик, разбросав по ковру фигуры под громкий смех юнкайцев.

— Ты должен был позволить ему победить, — прошептала Пенни.

Бурый Бен Пламм, ухмыляясь, поднял упавший столик:

— Попробуй со мной, карлик. Когда я был помоложе, Младшие Сыновья служили Волантису. Там я научился играть.

— Я всего лишь раб. Когда и с кем я играю, решает мой благородный хозяин, — Тирион повернулся к Еззану. — Господин?

Желтого лорда идея, казалось,

позабавила:

— Какие ставки ты предлагаешь, капитан?

— Если я выиграю, вы отдаете мне этого раба, — ответил Пламм.

— Нет, — возразил Еззан зо Каггаз. — Но если ты сможешь победить моего карлика, то получишь сумму, которую я за него заплатил. Золотом.

— Договорились, — согласился наемник.

Разбросанные фигуры собрали с ковра и они уселись за стол.

Первую игру выиграл Тирион. Во второй, с удвоенной ставкой, победил Пламм. Когда они взялись за третью партию, карлик уже хорошо

изучил своего противника. Смуглый, с щеками и челюстью, покрытыми коротко остриженной колючей бородой с проседью; с лицом, испещренным тысячью морщин и несколькими старыми шрамами, Пламм выглядел довольно дружелюбным, особенно когда улыбался. *Верный слуга*, решил Тирион. *Может быть любимым дядюшкой кому угодно, полный шуток, старых поговорок и житейской мудрости.* Вот только все это было обманом. Улыбки никогда не касались его глаз, где пряталась жадность под покровом осторожности. *Алчный, но недоверчивый тип.*

Наемник оказался почти таким же плохим игроком, как и юнкайский лорд, но играл он скорее бесстрастно и настойчиво, чем дерзко. Его исходные построения хоть и различались в каждой партии, но все равно оставались теми же — консервативными, оборонительными, пассивными. *Он играет, не чтобы победить, понял Тирион. А чтобы не проиграть.* Это сработало в их второй игре, когда маленький человек перехитрил сам себя с ошибочной атакой. Но не сработало ни в третьей игре, ни в четвертой, ни в пятой, которая, как выяснилось, стала их последней.

Под конец этого

заключительного противоборства, когда его крепость была в руинах, дракон мертв, а слоны противника стояли перед ним и тяжелая конница окружила его тыл, Пламм выдавил улыбку и произнес:

— Йолло снова побеждает. Смерть в четыре хода.

— В три, — Тирион толкнул его дракона. — Мне повезло. Возможно, вам следует хорошенько потерять мою голову перед нашей следующей игрой, Капитан. Часть этой удачи могла бы осесть на ваших пальцах.

Ты все равно проиграешь, но, быть может, покажешь мне игру поинтереснее.

Ухмыляясь, он отодвинулся от стола с кайвассой, поднял свой кувшин с вином, и и вернулся к наполнению бокалов, в то время, как Еззан зо Каггаз стал значительно богаче, а Бурый Бен Пламм значительно беднее. Их гигантский хозяин впал в пьяный сон еще во время третьей игры, выронив кубок из пожелтевших пальцев и пролив его содержимое на ковер. Но когда он проснется, то, возможно, порадуетя выигрышу.

Верховный главнокомандующий Юркхаз зо Юнзак отбыл, поддерживаемый парой рослых рабов — казалось, для остальных гостей это послужило общим

сигналом, что им тоже пора уходить. После того как шатер опустел, вновь появился Нянька — сообщить слугам, что они могут устроить свой собственный пир из объедков.

— И ешьте быстрее. До того, как вы пойдете спать, здесь все должно быть убрано.

Тирион стоял на коленях, с ноющими ногами и вопящей от боли окровавленной спиной, пытаюсь отскрести пятно, оставленное пролитым вином благородного Еззана на ковре благородного Еззана, когда надзиратель мягко ткнул его щеку концом своего кнута.

— Йолло. Вы неплохо справились. Ты и твоя жена.

— Она не моя жена.

— Значит, твоя шлюха. Встать, вы оба.

Тирион пошатываясь поднялся, одна нога задрожала. Его бедра так скрутило и свело судорогой, что Пенни пришлось подать ему руку и подтянуть наверх.

— Что мы сделали?

— Очень, очень многое, — ответил надсмотрщик. — Нянька ведь говорил, что вас наградят, если порадуете своего отца? Хоть благородный Еззан, как вы могли заметить, неохотно расстаётся со своими маленькими сокровищами, но Юркхаз зо Юнзак убедил его, что было бы эгоистичным держать таких

забавных шутов лишь для себя
одного. Радуйтесь! Чтобы
отпраздновать заключение мира, вы
будете удостоены чести показать
свой поединок в Великой Яме
Дазнака. Тысячи придут, чтобы
увидеть вас! Десятки тысяч! И как же
мы будем смеяться.

49. ДЖЕЙМЕ

Замок Древо Ворона был старым. Между древними камнями разросся густой мох, нарисовав на стенах паутину, напоминающую вены на старушечьих ногах. Две огромные башни примыкали к главным воротам замка, а башни поменьше защищали каждый угол его стен. Все они были квадратными. Полукруглая или круглая форма значительно лучше помогла бы выстоять против катапульт, ведь брошенные камни гораздо легче отскакивают от изогнутых стен, но Древо Ворона строился раньше, чем начали

учитывать такие тонкости строительной мудрости.

Замок возвышался над широкой плодородной долиной, которая и на картах, и в обиходе звалась долиной Черного леса. Долина тут, без сомнения, имелась, но уже не одну тысячу лет никакого леса на ней не было — ни черного, ни коричневого, ни зеленого. Когда-то он здесь все-таки рос, но топоры давно расправились со всеми деревьями. Там, где раньше стояли высокие дубы, появились дома, мельницы и крепости. Землю, голую и грязную, усеивали многочисленные островки тающего снега.

Внутри замковых стен, однако,

немного леса все еще оставалось. Блэквуды хранили верность старым богам и поклонялись им, как это делали Первые Люди до прихода Андалов в Вестерос. Поговаривали, что некоторые деревья в их богороще такие же старые, как и квадратные башни самого замка, особенно сердце-дерево: громадное чардреву, верхние ветви которого можно было увидеть за много лиг — костлявые пальцы, скребущие небо.

К тому времени, когда Джейме Ланнистер и его спутники пробрались через холмы в долину, мало что осталось от полей, ферм и фруктовых садов, окружавших раньше Древо Ворона — только грязь

и пепел, да изредка встречавшиеся черные остовы домов и мельниц. На этой пустоши росли лишь сорняки, крапива и колючки, но ничего похожего на урожай. Куда бы Джейме ни посмотрел, повсюду он видел следы деятельности отца: даже в костях, которые иногда мелькали рядом с дорогой. В основном, это были кости овец, иногда попадались останки лошадей и коров, но время от времени взгляд натыкался на человеческий череп или безголовый скелет с проросшими через грудную клетку сорняками.

Древо Ворона окружала не такая большая армия, как та, что держала в кольце Риверран. Эта осада была,

скорее, личным делом, последним движением в танце, тянувшемся многие столетия. Вблизи от замка Джонос Бракен располагал, в лучшем случае, пятью сотнями людей. Джейме не увидел ни осадных башен, ни таранов, ни катапульт — разрушать ворота Древа Ворона или штурмовать его высокие толстые стены Бракен не собирался. Без всякой надежды на подкрепление он довольствовался тем, что морил противника голодом. Несомненно, в начале осады случались вылазки и столкновения, туда-сюда летали стрелы, но через полгода обе стороны слишком устали от подобной бессмыслицы. Здесь

царили скука и рутина — главные враги дисциплины.

Давно пора было с этим покончить, подумал Джейме Ланнистер. Теперь, когда Риверран благополучно перешел в руки Ланнистеров, *Древо Ворона* оставалось последним напоминанием о недолго просуществовавшем королевстве Молодого Волка. Как только замок сдастся, работа Джейме на Трезубце будет завершена, и он сможет вернуться в Королевскую Гавань. *К королю,* говорил он себе, но другая часть его шептала: *к Серсее.*

Ему придется встретиться с ней лицом к лицу. Если только

Верховный Септон не приговорит ее к смерти еще до того, как он возвратится в город. *"Приезжай немедленно, — писала она в письме, которое Пек по его приказу сжег в Риверране. — Помоги мне. Спаси меня. Ты нужен мне, как никогда прежде. Я люблю тебя. Люблю. Люблю. Приезжай"*. Джейме не сомневался, что он ей действительно нужен. А что касается остального... *она спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком, а может, и с Лунатиком, почему мне знать...* Даже если бы он отправился сразу, то все равно не мог бы надеяться спасти ее. Она была виновна во всех преступлениях, в которых ее

обвиняли, а ему не хватало правой руки.

Когда колонна рысью скакала через поля, часовые смотрели на них скорее с любопытством, нежели со страхом. Никто не поднял тревогу, что вполне устраивало Джейме. Найти палатку лорда Бракена не составило труда. Самая большая в лагере, она располагалась удобнее всего: с невысокого холма около ручья открывался прямой обзор обоих ворот Древа Ворона.

Палатка была коричневой, как и развевающийся на центральном шесте штандарт с красным жеребцом дома Бракенов, поднимающимся на дыбы на золотом щите. Джейме

отдал приказ спешиться и разрешил своим людям отдыхать, если пожелают.

— Кроме вас двоих. Держитесь поблизости, — велел он знаменосцам. — Это ненадолго, — Джейме стреножил Славного и, гремя мечом в ножнах, широким шагом направился в палатку Бракена.

Охранники у входа обменялись тревожными взглядами при его приближении.

— Милорд, — спросил один из них, — объявить о вашем приходе?

— Я сам объявлю о себе, — Джейме отодвинул полог золотой рукой и нырнул внутрь палатки.

Когда он вошел, они были

весьма увлечены своим занятием и так поглощены похотью, что совершенно не заметили его появления. Закрыв глаза, женщина вцепилась в грубые темные волосы на спине Бракена. Каждый раз, когда он входил в нее, она шумно выдыхала воздух. Его светлость уткнулся лицом в ее груди, а руками крепко сжимал за бедра. Джейме прочистил горло:

— Лорд Джонос?

Глаза женщины распахнулись, она испуганно вскрикнула. Джонос Бракен скатился с нее, схватил ножны и вскочил с обнаженной сталью в руке и с проклятьями на устах:

— *Семь проклятых*

преисподних, — начал он, — *кто посмел...* — и тут увидел белый плащ Джейме и золотые доспехи. Меч в его руке дрогнул. — Ланнистер?

— Мне жаль портить вам удовольствие, милорд, — сказал Джейме с едва уловимой улыбкой, — но я несколько тороплюсь. Мы можем поговорить?

— Поговорить. Ага, — лорд Джонос убрал меч обратно в ножны. Он был не так высок, как Джейме, но тяжелее и с мощными плечами и руками, которым позавидовал бы любой кузнец. Темная щетина покрывала его щеки и подбородок. Глаза тоже были темные, карие, и смотрели с плохо скрываемой

злостью. — Вы застали меня врасплох, милорд. Меня не предупредили, что вы на пути ко мне.

— А я, судя по всему, помешал вам закончить ваш путь, — Джейме улыбнулся женщине в постели. Одной рукой она прикрывала левую грудь, а другую положила между ног, оставив правую грудь открытой. Соски у нее оказались темнее, чем у Серсеи, и втрое больше. Почувствовав взгляд Джейме, она закрыла и правый сосок, обнажив при этом лобок. — Неужели все походные девки такие скромницы? — удивился Джейме. — Если хочешь продать товар, надо бы

выставлять его на обозрение.

— Вы глазеете на мой товар с тех пор, как зашли, сир, — женщина нашла одеяло, натянула его, закрывшись до талии, и подняла руку, чтобы откинуть волосы с глаз. — Кроме того, он не продается.

Джейме пожал плечами:

— Простите, если принял вас не за ту, кто вы есть. Мой младший брат был знаком с сотней шлюх, вне всякого сомнения, но я спал лишь с одной.

— Она военный трофей, — Бракен поднял с пола штаны и отряхнул их. — Принадлежала одному из присяжных рыцарей Блэквуда, пока я ему голову не

расколол. Убери руки, женщина. Милорд Ланнистер желает как следует рассмотреть твои сиськи.

Джейме пропустил это мимо ушей:

— Вы надеваете штаны задом наперед, милорд, — сказал он Бракену. Джонос выругался, а женщина выскользнула из постели, чтобы собрать свою раскиданную одежду, и пока она наклонялась, выпрямлялась и хватала вещи, ее руки нервно метались от груди к лобку. Как ни странно, ее попытки прикрыться казались более возбуждающими, чем если бы она просто выполняла все эти действия обнаженной. — Как тебя зовут,

женщина? — спросил он.

— Мать назвала меня Хилди, сир, — она натянула через голову испачканную сорочку и вытащила из-под ворота волосы. Лицо у нее было почти таким же грязным, как пятки, а волосы между ног росли так густо, что она могла бы сойти за сестру Бракена. Но все же что-то в ней привлекало: курносый носик, пушистая грива волос... а может, то, как она сделала небольшой реверанс, надев юбку. — Вы не видели мой второй башмак, милорд?

Вопрос, похоже, рассердил лорда Бракена:

— Я тебе что — служанка, чтобы таскать твою проклятую

обувь? Иди босиком, если нужно. Только убирайся.

— Это означает, что м'лорд не увезет меня к себе домой, чтобы я могла помолиться вместе с его женой? — смеясь, Хилди нахально взглянула на Джейме. — У вас есть жена, сир?

Нет, у меня есть сестра.

— Какого цвета мой плащ?

— Белого, — ответила она, — но ваша рука — чистое золото. Мне это нравится в мужчине. А что вам нравится в женщине, м'лорд?

— Невинность.

— Я сказала "в женщине". Не в дочери.

Он подумал о Мирцелле. *Ей*

тоже придется рассказать.
Дорнийцам это может не понравится. Доран Мартелл обручил ее со своим сыном, полагая, что она от крови Роберта. *Сплошные узлы и путаница,* подумал Джейме, мечтая разрубить их одним взмахом меча.

— Я принес клятву, — сказал он Хилде устало.

— Тогда мой товар не для вас, — дерзко парировала девушка.

— *Убирайся,* — прорычал лорд Джонос.

Она повиновалась. Но, проскальзывая мимо Джейме и прижимая к себе один башмак и охапку одежды, она потянулась вниз и сжала его член через бриджи.

— *Хилди*, — напредила она ему, прежде чем выскочить полуодетой из палатки.

Хилди, задумался Джейме.

— И как поживает ваша леди-супруга? — спросил он лорда Джоноса, когда девушка ушла.

— Откуда мне знать? Спросите ее септона. Когда ваш отец сжег наш замок, она сочла это божьей карой. И теперь только и делает, что молится. — Джонос наконец-то справился со штанами: перевернул их и зашнуровал спереди. — А что привело сюда вас, милорд? Черная Рыба? Мы слышали, как он сбежал.

— Правда? — Джейме устроился на походном стуле. —

Случайно, не от него самого?

— Сир Бринден не настолько глуп, чтобы бежать ко мне. Он мне нравится, не стану отрицать. Но это не помешает мне заковать его в цепи, если он покажется поблизости. Он знает, что я преклонил колено. Ему стоило бы сделать то же самое, но он всегда был упрямым. Его брат мог бы рассказать вам об этом.

— Титос Блэквуд не преклонил колено, — заметил Джейме. — Может, Черная Рыба ищет убежища в Древе Ворона?

— Может и так, но чтобы найти его, ему пришлось бы пересечь мою линию осады, а по последним сведениям, крылья у него еще не

отросли. Титосу самому скоро понадобится убежище. Они там уже перешли на крыс и корни. Он сдастся еще до следующего полнолуния.

— Он сдастся до заката. Я собираюсь предложить ему условия и принять обратно под покровительство короля.

— Понятно, — лорд Джонос натянул коричневую шерстяную рубаху с красным жеребцом Бракенов, вышитым на груди. — Не угодно ли милорду выпить рог эля?

— Нет, но пусть вас это не останавливает.

Бракен наполнил рог для себя, отпил половину и вытер рот:

— Вы говорили об условиях.

Какого рода условия?

— Обычные. Лорд Блэквуд должен признаться в измене и отречься от верности Старкам и Талли. Он должен торжественно поклясться перед богами и людьми впредь оставаться верным вассалом Харренхоллу и Железному Трону, и я дарую ему прощение от имени короля. Конечно, мы прихватим горшочек-другой золота. Плата за мятеж. Я также потребую заложника, чтобы быть уверенным, что Древо Ворона не восстанет вновь.

— Берите дочь, — посоветовал Бракен. — У Блэквуда шесть сыновей, но лишь одна дочь. Он любит ее до безумия. Сопливое

маленькое создание, не старше семи.

— Маловата, но содится.

Лорд Джонос осушил остатки эля и отбросил рог в сторону:

— А что насчет земель и замков, которые нам обещали?

— Что это за земли?

— Восточный берег Вдовьего ручья, от Арбалетных горок до Изрытого луга, и все острова по течению. Молотилку и Лордову мельницу, развалины Грязного Замка, Упоение, Долину Сражений, Старую Кузницу, деревни Пряжка, Черная Пряжка, Каменные Пирамиды и Илистый Омут, и ярмарочный город на Могильном холме. Осиную рощу, лес Лоргена, Зеленый холм и Сиськи

Барбы. Сиськи Мисси, как зовут их Блэквуды, но изначально они все же принадлежали Барбе. Медовое Дерево со всеми его ульями. Вот, я все отметил, если милорд хочет взглянуть.

Он порылся на столе и нашел пергаментный свиток.

Джейме взял карту здоровой рукой, но чтобы развернуть ее и разложить на столе, ему пришлось помочь себе золотой.

— Да это просто уйма земли, — заметил он. — Вы же на четверть увеличите свои владения.

Рот Бракена упрямо сжался:

— Все эти земли когда-то принадлежали Стонхеджу. Блэквуды

их у нас украли.

— А как насчет этой деревни, между Сиськами? — Джейме постучал по карте золотыми пальцами.

— Грошовое Дерево. Тоже когда-то была нашей, но это королевские владения уже сотню лет. Ее не считайте. Мы просим только те земли, которые украли Блэквуды. Ваш лорд-отец обещал вернуть нам права на них, если мы усмирим лорда Титоса.

— Тем не менее, подъезжая, я видел знамена Талли и лютоволка Старков над стенами замка. И у меня закралась мысль, что, похоже, лорд Титос так и не был усмирён.

— Мы загнали Титоса и его воинов с поля боя в Древо Ворона и заперли их там. Дайте мне достаточно людей для штурма, милорд, и я их всех так усмирю, что до самой могилы помнить будут.

— Если я дам вам достаточно людей, то займутся усмирением они, а не вы. В таком случае мне надо будет награждать самого себя, — Джейме отпустил карту, и она снова свернулась. — Оставлю себе, если позволите.

— Карта ваша. Земли наши. Говорят, Ланнистеры всегда платят свои долги. Мы сражались за вас.

— Но не так долго, как против нас.

— Король даровал нам свое прощение. Я потерял племянника и побочного сына от ваших мечей. Ваш Гора украл мой урожай и сжег все, что не смог унести. Мой замок он предал огню, а одну из дочерей — изнасиловал. Я хочу получить компенсацию.

— Гора мертв, как и мой отец, — ответил Джейме, — и кое-кто посчитал бы, что ваша голова — вполне достаточная компенсация. Вы *признали* Старка и хранили ему верность, пока лорд Уолдер его не убил.

— Убил его и дюжину хороших людей моей собственной крови, — лорд Джонос повернул голову и

сплюнул. — Да, я оставался верен Молодому Волку. Так же, как останусь верен вам до тех пор, пока вы будете поступать со мной справедливо. Я преклонил колено, потому что не видел смысла умирать за покойника или проливать кровь Бракенов ради гиблого дела.

— Вы благоразумный человек. — *Зато лорда Блэквуда кое-кто назвал бы более благородным.* — Вы получите свои земли. Часть из них, по крайней мере. Так как вы лишь частично усмирили Блэквудов.

Казалось, это удовлетворило лорда Джоноса:

— Нас устроит любая часть, какую милорд сочтет справедливой.

Но если мне будет позволено дать вам совет, то не стоит церемониться с этими Блэквудами. Предательство у них в крови. До прихода Андалов в Вестерос дом Бракенов правил этой рекой. Мы были королями, а Блэквуды — нашими вассалами, но они предали нас и узурпировали корону. Каждый Блэквуд рождается перевертышем. Когда милорд будет ставить им условия, ему не мешало бы помнить об этом.

— О, я не забуду, — пообещал Джейме.

Пек с мирным знаменем поехал впереди, когда они отправились из осадного лагеря Бракена к воротам Древа Ворона. К тому моменту, как

они достигли замка, двадцать пар глаз уже следили за ними с ворот на крепостном валу. Он остановил Славного у края рва — глубокой канавы, выложенной камнями и заполненной грязной зеленой водой. Он уже собирался приказать сиру Кенносу протрубить в рог Геррока, когда подъемный мост начал опускаться.

Лорд Титос Блэквуд встретил его во внешнем дворе, сидя на боевом коне, таком же костлявом, как и он сам. Очень высокий и худой, лорд Древа Ворона был обладателем крючковатого носа, длинных волос и косматой бороды, большая часть которой уже поседела. На нагруднике

его отполированной алой брони серебряная инкрустация изображала белое дерево, голое и мертвое, окруженное стайей взлетающих воронов из оникса. На плечах развевался плащ из вороньих перьев.

— Лорд Титос, — произнес Джейме.

— Сир.

— Благодарю, что впустили меня.

— Не скажу, что вам здесь рады. Но и не буду утверждать, что не надеялся на ваше прибытие. Вы пришли за моим мечом.

— Я пришел, чтобы положить этому конец. Ваши люди доблестно сражались, но ваша война проиграна.

Вы готовы сдаться?

— Королю. Не Джоносу Бракену.

— Я понимаю.

Блэквуд замешкался на мгновение:

— Вы желаете, чтобы я спешился и преклонил колено перед вами здесь и сейчас?

Сотни глаз смотрели на них.

— Ветер холодный, да и двор грязный, — ответил Джейме. — Вы можете преклонить колено на ковре в ваших покоях, когда мы обговорим условия.

— Это благородно с вашей стороны, — сказал лорд Титос. — Пойдемте, сир. У нас в замке, возможно, не хватает еды, но

учтивости — всегда в избытке.

Покои Блэквуда располагались на втором этаже высокой бревенчатой башни. Когда они вошли, в очаге горел огонь. Комната была большой и просторной, с мощными балками из темного дуба, поддерживающими потолок. Шерстяные гобелены покрывали стены, а за парой широких решетчатых дверей открывался вид на богорощу. Через толстые ромбовидные пластины из желтого стекла Джейме увидел искривленные ветви дерева, давшего название замку. Это было древнее, огромное чардрово, в десять раз больше того, что росло в Каменном саду Утеса

Кастерли. Однако здешнее дерево стояло голым и мертвым.

— Бракены отравили его, — пояснил хозяин. — За тысячу лет на нем не выросло ни листочка. Мейстеры говорят, что еще через тысячу лет оно превратится в камень. Чардрева не гниют.

— А вороны? — спросил Джейме. — Где они?

— Они прилетают на закате и сидят на дереве всю ночь. Сотнями. Они облепляют дерево, как черные листья, каждый сучок и каждую ветку. Они прилетали тысячелетиями. Как и почему — никто не знает, но дерево притягивает их каждую ночь, —

Блэквуд уселся в кресло с высокой спинкой. — Для меня вопросом чести будет спросить о моем сеньоре.

— Сир Эдмар на пути в Утес Кастерли в качестве моего пленника. Его жена останется в Близнецах, пока не родится ребенок. После этого она вместе с младенцем присоединится к мужу. Если Эдмар не будет пытаться сбежать или поднять восстание, его ждет долгая жизнь.

— Долгая и горькая. Жизнь без чести. До последнего его вздоха люди будут говорить, что он испугался битвы.

Несправедливо, подумал

Джейме. Он боялся за своего ребенка. Он знал, чей я сын, лучше, чем моя собственная тетка.

— Это был его выбор. Его дядя заставил бы нас истекать кровью.

— В этом наши мнения совпадают, — голос Блэквуда не выдал его чувств. — Что вы сделали с сиром Бринденом, могу я спросить?

— Я предложил ему надеть черное. Вместо этого он сбежал, — улыбнулся Джейме. — Он случайно не у вас?

— Нет.

— Вы сказали бы мне, будь это так?

Пришел черед Титосу Блэквуду улыбнуться.

Джейме сложил руки, накрыв золотую ладонь пальцами из плоти.

— Возможно, пришло время обговорить условия.

— Сейчас я должен преклонить колени?

— Как вам будет угодно. Или мы можем сказать, что вы это сделали.

Лорд Блэквуд остался сидеть. Скоро они достигли соглашения по основным вопросам: признание, присяга, прощение, выплата определенной суммы золотом и серебром.

— Какие земли вы требуете? — спросил лорд Титос. Когда Джейме протянул ему карту, он взглянул на нее и усмехнулся. — Разумеется,

перевертыш должен получить свою награду.

— Да, но меньшую, чем он рассчитывает. С какими из этих земель вы готовы расстаться?

Лорд Титос задумался на мгновение:

— Вудхедж, Арбалетные горки и Пряжка.

— Руины, горный кряж и несколько лачуг? Перестаньте, милорд. Вы должны пострадать за свое предательство. Он захочет по меньшей мере одну из мельниц. — Мельницы были ценным источником дохода. Лорд получал десятую часть перемолотого на них зерна.

— Тогда Лордову мельницу.

Молотилка принадлежит нам.

— А другая деревня? Каменные Пирамиды?

— Мои предки похоронены под камнями Пирамид, — он посмотрел на карту. — Отдайте ему Медовое Дерево с его ульями. От сладкого он станет жирным и испортит зубы.

— Тогда решено. Но есть еще один последний вопрос.

— Заложник.

— Да, милорд. Если не ошибаюсь, у вас есть дочь.

— Бетани, — лорд Титос выглядел пораженным. — У меня также есть два брата и сестра. Пара овдовевших тетушек. Племянницы, племянники, кузены. Я думал, вы

могли бы согласиться...

— Это должен быть ребенок вашей крови.

— Бетани только восемь. Ласковая девочка, веселая. Она никогда не уезжала далеко от замка.

— Так почему бы не показать ей Королевскую Гавань? Его Величество почти одного с ней возраста. Он обрадуется еще одному другу.

— Которого можно повесить, если отец друга чем-нибудь ему не угодит? — спросил лорд Титос. — У меня четыре сына. Может быть, вы возьмете взамен одного из них? Бену двенадцать, и он жаждет приключений. Он мог бы стать

вашим оруженосцем, милорд, если вам будет угодно.

— У меня столько оруженосцев, я уже не знаю, что с ними делать. Каждый раз, как я мочусь, они сражаются за право держать мой член. И у вас шесть сыновей, милорд, а не четыре.

— Было шесть. Самый младший, Роберт, никогда не отличался крепким здоровьем. Он умер девять дней назад от поноса. Лукаса убили на Красной Свадьбе. Четвертая жена Уолдера Фрея происходила из рода Блэквудов, но с родством в Близнецах считаются не больше, чем с законами гостеприимства. Я хотел бы похоронить Лукаса под деревом, но

Фрей пока не сочли нужным вернуть мне его кости.

— Я прослежу, чтобы они это сделали. Лукас был вашим старшим сыном?

— Вторым. Бринден — старший, он мой наследник. Затем идет Хостер. Боюсь, он книжный червь.

— В Королевской Гавани тоже есть книги. Я помню, как мой младший брат читал их иногда. Возможно, вашему сыну захочется взглянуть на них. Я приму Хостера в качестве заложника.

Облегчение Блэквуда было почти осязаемым.

— Благодарю, милорд, — он

мгновение поколебался. — Если позволите мне такую дерзость, я бы посоветовал вам потребовать заложника и от лорда Джоноса. Одну из его дочерей. Со всей своей похотливостью он оказался не настолько мужчиной, чтобы зачать сыновей.

— Но он зачал бастарда, которого убили на войне.

— Неужто? Гарри был бастардом, это правда, но Джонос ли его отец — вопрос спорный. Он был светловолосым мальчиком и привлекательным, а о Джоносе не скажешь ни того, ни другого, — лорд Титос поднялся. — Не окажете ли честь поужинать со мной?

— В другой раз, милорд, — замок голодал, и Джейме не хотел посягать на их пищу. — Я не могу медлить, Риверран ждет.

— Риверран? Или Королевская Гавань?

— Оба.

Лорд Титос не пытался отговорить его:

— Хостер будет готов к отъезду в течение часа.

И он был готов. Мальчишка ждал Джейме у конюшен. С его плеча свисало скатанное походное одеяло, а в руке он держал связку из свитков. Он выглядел не старше шестнадцати, но ростом был уже выше отца, почти семь футов. Долговязый вихрастый

парень, одни коленки да локти.

— Лорд-командующий, я ваш заложник, Хостер. Все зовут меня Хос, — ухмыльнулся он.

Он думает, что это забава?

— И кто же эти все, позволь спросить?

— Мои друзья. Мои братья.

— Я не твой друг и не твой брат, — это стерло усмешку с лица мальчика. Джейме повернулся к лорду Титосу. — Милорд, здесь не должно быть недопонимания. Лорд Берик Дондаррион, Торос из Мира, Сандор Клиган, эта женщина, Бессердечная... все они преступники и бунтовщики, враги короля и его верноподданных. Если я узнаю, что

вы или ваши люди прячете их, защищаете или помогаете любым другим способом, я не буду колебаться и пришлю вам голову вашего сына. Надеюсь, вы понимаете это. Поймите также и другое: я не Риман Фрей.

— Нет, — из голоса лорда Блэквуда исчезли все следы тепла. — Я знаю, с кем имею дело. С Цареубийцей.

— Хорошо, — Джейме сел на коня и направил Славного к воротам. — Желаю обильного урожая и радостей от покровительства короля.

Далеко он не уехал. За воротами Древа Ворона его поджидал лорд

Джонос Бракен, аккуратно за пределами арбалетного выстрела. Верхом на закованном в броню боевом коне, он был облачен в кольчугу, доспех и шлем серой стали с гребнем из конского волоса.

— Я вижу, они спустили знамя с лютоволком, — сказал он, когда Джейме поравнялся с ним. — Дело сделано?

— Сделано. Возвращайтесь домой и засеивайте поля.

Лорд Бракен поднял забрало:

— Надеюсь, у меня уже больше полей для сева, чем до того, как вы отправились в замок?

— Пряжка, Вудхедж, Медовое Дерево со всеми ульями, — он

вспомнил еще об одном. — Ах да, и Арбалетные горки.

— Мельница, — сказал лорд Бракен. — У меня должна быть мельница.

— Лордова Мельница.

Лорд Джонос фыркнул:

— Да, сойдет. Пока что, — он указал на Хостера Блэквуда, скакавшего назад с Пеком. — Этого он дал вам в заложники? Вас надули, сир. Он слабак. Вода вместо крови. Неважно сколько в нем роста, любая из моих девчонок переломит его, как гнилую хворостину.

— Сколько у вас дочерей, милорд? — спросил его Джейме.

— Пять. Две от первой жены и

три от третьей, — слишком поздно он понял, что, должно быть, сболтнул лишнего.

— Пришлите одну из них ко двору. Она удостоится чести прислуживать королеве-регентше.

Лицо Бракена потемнело, когда он осознал смысл сказанного:

— Вот как вы вознаграждаете Стонхедж за дружбу?

— Прислуживать королеве — большая честь, — напомнил Джейме его светлости. — Думаю, вы сможете убедить в этом свою дочь. Мы надеемся на ее прибытие до истечения года, — он не стал дожидаться ответа лорда Бракена, а легонько коснулся Славного

золотыми шпорами и поскакал прочь. Его люди построились и отправились следом с развевающимися на ветру знаменами. Замок и лагерь вскоре остались позади, скрытые пылью, поднимавшейся из-под копыт их лошадей.

Ни преступники, ни волки не беспокоили их на пути к Древу Ворона, поэтому Джейме решил возвращаться другой дорогой. Если богам будет угодно, он наткнется на Черную Рыбу или спровоцирует Берика Дондарриона на опрометчивую атаку.

Они ехали вдоль Вдовьего ручья, когда опустился закат. Джейме

подозвал своего заложника и спросил его, где ближайший брод. Мальчик их отвел, и пока колонна шлепала по мелководью, солнце медленно садилось за пару поросших травой холмов.

— Сиськи, — указал Хостер Блэквуд.

Джейме вспомнил карту лорда Бракена.

— Между теми холмами есть деревня.

— Грошовое Дерево, — подтвердил паренек.

— Мы остановимся на ночь там. — Если в деревне найдутся жители, может, они расскажут что-нибудь о сире Бриндене или

разбойниках. — Лорд Джонос что-то говорил о том, чьи эти сиськи, — припомнил он, обращаясь к мальчишке Блэквуду, пока они ехали к темнеющим холмам и последним дневным лучам. — Бракены называют их одним именем, а Блэквуды — другим.

— Да, милорд. Уже сотню лет или около того. Раньше это были Материнские Сиськи или просто Сиськи. Там два холма, и считалось, что они напоминают...

— Я вижу, что они напоминают, — Джейме вдруг понял, что снова думает о женщине из палатки, и о том, как она пыталась закрыть свои крупные, темные

соски. — И что же изменилось сотню лет назад?

— Эйегон Недостойный выбрал Барбу Бракен своей любовницей, — ответил книжный мальчик. — Поговаривали, что она была очень полногрудой девкой, и однажды, когда король посещал Стонхедж, он отправился на охоту, увидел Сиськи и...

— ...назвал их в честь своей любовницы. — Эйегон Четвертый умер задолго до рождения Джейме, но он достаточно знал об истории его правления и мог догадаться, что случилось дальше. — Только потом он забыл о девице Бракен и взял себе другую, из Блэквудов, так?

— Леди Мелиссу, — подтвердил Хостер. — Ее обычно называли Мисси. У нас в богороще есть ее изваяние. Она была *намного* красивее Барбы Бракен, но стройнее, и говорят, что Барба называла Мисси плоской, как мальчишка. Когда король Эйегон прознал об этом, он...

— ...подарил ей сиськи Барбы, — рассмеялся Джейме. — Как началась вся эта вражда между Блэквудами и Бракенами? Сохранились об этом записи?

— Да, милорд, — ответил мальчик. — Но некоторые из них писались нашими мастерами, а другие — их, и притом спустя столетия после самих событий,

которые они заносили в хроники. Все восходит к Веку Героев. Блэквуды тогда были королями. А Бракены — мелкими лордами, славившимися разведением лошадей. Вместо того, чтобы заплатить королю дань, они на золото, вырученное за лошадей, купили наемников и попытались свергнуть его.

— Когда это все произошло?

— За пять сотен лет до появления Андалов. А если верить "Истинной Истории", то и за тысячу. Только вот никто не знает, когда Андалы пересекли Узкое море. В "Истинной Истории" говорится, что с тех пор минуло четыре тысячи лет, а

кто-то из мейстеров считает — только две. Вплоть до определенного времени в прошлом все летоисчисление весьма неясно и запутанно, а точные исторические факты похожи на туманные легенды.

Тириону бы он понравился. Они могли бы болтать от заката до рассвета, споря о прочитанных книгах. На секунду он забыл всю свою злость на брата, пока не вспомнил о том, что натворил Бес.

— Итак, вы спорите из-за короны, которую одни отобрали у других, когда в Утесе Кастерли еще сидели Кастерли, правильно я понял? Из-за короны королевства, которое не существует уже тысячи

лет? — он усмехнулся. — Столько лет, столько войн, столько королей... лучше б кому-то из вас пришло в голову заключить мир.

— Кто-то так и делал, милорд. Многие делали. Мы сотню раз заключали с Бракенами мир, часто он закреплялся браком. В каждом Бракене есть кровь Блэквудов, и в каждом Блэквуде — кровь Бракенов. Мир Старого Короля продлился полвека. Но потом произошла новая ссора, старые раны открылись и снова закровоточили. Так оно всегда и бывает, как говорит мой отец. Пока люди помнят обиды своих предков, мир не будет вечным. Так и продолжается век за веком: мы

ненавидим Бракенов, а они — нас. Мой отец говорит, что конца этому не будет.

— Может, конец и наступит.

— Как, милорд? Отец говорит, что старые раны никогда не лечатся.

— У моего отца тоже была поговорка. Никогда не рань врага, если можешь убить его. Мертвые не требуют отмщения.

— Их сыновья требуют, — извиняющимся тоном произнес Хостер.

— Нет, если их тоже убить. Спроси об этом Кастерли, если не веришь мне. Спроси лорда и леди Тарбек или Рейнов из Кастамере. Спроси принца Драконьего камня. —

На мгновение густые красные облака, венчающие западные холмы, напомнили ему о детях Рейегара, завернутых в кровавые плащи.

— Поэтому вы убили всех Старков?

— Не всех, — возразил Джейме. — Дочери лорда Эддарда живы. Одна недавно вышла замуж. Другая... — *Бриенна, где ты? Нашла ли ты ее?* — ...если боги будут добры, она забудет, что была из Старков. Выйдет замуж за какого-нибудь дородного кузнеца или круглолицего трактирщика, наполнит дом детьми, и ей никогда не придется бояться, что явится какой-нибудь рыцарь и разобьет их головы

о стену.

— Боги милосердны, —
неуверенно сказал его заложник.

Продолжай в это верить.
Джейме пришпорил Славного.

Грошовое Дерево оказалось куда
большей деревней, чем он ожидал.
Война побывала и здесь,
свидетельством тому были
почерневшие фруктовые сады и
опаленные остовы разрушенных
домов. Но на каждый дом, лежащий в
руинах, приходилось три
отстроенных заново. Сквозь
сгущающиеся синие сумерки
Джейме заметил свежую солому на
двух десятках крыш и двери из
необработанной молодой древесины.

Между прудом для уток и кузницей
росло дерево, давшее месту его
название, — высокий древний дуб.
Его сучковатые корни переплетались,
ныряли в землю и вновь появлялись
из нее, словно клубок ленивых
коричневых змей, а к огромному
стволу были пригвождены сотни
старых медяков.

Пек уставился на дерево, затем
на пустые дома.

— Где люди?

— Прячутся, — ответил ему
Джейме.

Внутри домов были погашены
все огни, но некоторые очаги все еще
дымились, и ни один не успел
остыть. Коза, которую Горячий Гарри

Меррелл обнаружил бредущей через огород, оказалась единственным живым существом в поле зрения... но в деревне стояла крепость, такая же надежная, как и любая в речных землях, с толстыми каменными стенами двенадцати футов высотой, и Джейме догадался, что жителей он найдет там. *Во время набегов они прятались за этими стенами, вот почему здесь все еще есть деревня. И они снова прячутся за ними, теперь от меня.*

Он подъехал на Славном к воротам крепости.

— Вы, в укреплении, мы не причиним вам вреда. Мы люди короля.

На стене над воротами
показались лица.

— Люди короля сожгли нашу
деревню, — выкрикнул один из
мужчин. — До этого люди короля
забрали наших овец. Они служили
другому королю, но для наших овец
это не имело значения. Люди короля
убили Харсли и сира Ормонда и
насиловали Лейси, пока она не
умерла.

— Это были не мои люди, —
ответил Джейме. — Так вы откроете
ворота?

— Только когда вы уберетесь
отсюда.

Сир Кеннос подъехал к нему
поближе.

— Мы могли бы достаточно легко разрушить ворота, или подпалить их.

— А они будут швырять камни нам на головы и осыпать нас стрелами, — Джейме покачал головой. — Кровавая затея, и ради чего? Эти люди не сделали нам ничего дурного. Мы остановимся в их домах, но я не допущу воровства. У нас есть собственные припасы.

Когда половинка луны выползла на небо, они привязали своих лошадей на общинном выгоне и поужинали соленой бараниной, сушеными яблоками и твердым сыром. Джейме ел немного и разделил мех вина с Пеком и

заложником Хосом. Он попытался сосчитать монетки, прибитые к старому дубу, но их было так много, что он постоянно сбивался со счета. *Что они означают?* Мальчик Блэквудов мог бы рассказать ему, но это испортило бы тайну.

Он выставил часовых охранять границы деревни. Еще он послал разведчиков, чтобы враг не застал их врасплох. Было около полуночи, когда двое вернулись назад со взятой в плен женщиной.

— Если позволите, м'лорд, она сама к нам подъехала, требуя встречи с вами.

Джейме поднялся на ноги:

— Миледи. Я не ожидал вновь

увидеть вас так скоро. — *О боги, она выглядит лет на десять старше, чем при нашей последней встрече. И что стало с ее лицом?* — Повязка... вы были ранены?

— Это укус, — она прикоснулась к рукояти своего меча — меча, подаренного им. *Верный Клятве.* — Милорд, вы послали меня на поиски.

— Девочка. Вы нашли ее?

— Нашла, — ответила Бриенна, Тартская Дева.

— Где она?

— В дне езды отсюда. Я могу отвести вас к ней, сир... но вам придется поехать одному. Иначе Пес убьет ее.

50. ДЖОН

— Рглор, — пропела Мелисандра, воздев руки навстречу падающему снегу, — ты свет в наших глазах, огонь в наших сердцах, жар в наших чреслах. Твое солнце согревает нас днем, твои звезды оберегают нас в ночной тьме.

— *Хвала Рглору, Владыке Света,* — откликнулись свадебные гости нестройным хором, прежде чем ледяное дыхание ветра унесло их слова. Джон Сноу поднял капюшон плаща.

Сегодня снегопад был слабым, лишь тонкая россыпь снежинок

танцевала в воздухе, но вдоль Стены с востока дул ветер, холодный, как дыхание ледяного дракона из сказок Старой Нэн. Даже огонь Мелисандры дрожал; пламя прижималось к дну рва, мягко потрескивая под пение красной жрицы. Казалось, только Призрак не чувствует мороза.

Алис Карстарк наклонилась поближе к Джону:

— Снег во время свадьбы означает холодный брак. Моя леди-мать всегда так говорила.

Он взглянул на королеву Селису. *Должно быть, в день ее свадьбы со Станнисом бушевала метель.* Кутаясь в мантию из горноста, окруженная придворными дамами,

служанками и рыцарями, южная королева казалась хрупким, бледным, съезжившимся существом. Натянута улыбка словно примерзла к ее тонким губам, но глаза сверкали благоговением. *Она ненавидит холод, но любит пламя.* Джону достаточно было взглянуть на нее, чтобы понять это. *Одно слово Мелисандры — и королева охотно шагнет в огонь, обнимая его как любовника.*

Но, похоже, не все люди королевы разделяли ее пыл. Сир Брюс выглядел полупьяным, рука сира Малегорна покоилась на заднице впереди стоящей дамы, сир Нарберт зевал, а сир Патрек с Королевской Горы казался

разгневанным. Джон Сноу начал понимать, почему Станнис оставил этих людей с королевой.

— Ночь темна и полна ужасов, — пропела Мелисандра. — В одиночестве мы рождаемся и в одиночестве умираем, но пока мы идем по темной долине, мы черпаем силу друг от друга и от тебя, наш господин, — ее одежды из алого шелка и атласа кружились от каждого порыва ветра. — Двое пришли сюда сегодня, чтобы соединить свои жизни, чтобы вместе противостоять тьме мира. Наполни их сердца огнем, мой господин, и пусть они вечно следуют по твоему сияющему пути рука об руку.

— *Владыка Света, защити нас*, — выкрикнула королева Селиса.

Ей вторили эхом другие голоса — паства Мелисандры: бледные дамы, дрожащие служанки, сир Акселл, сир Нарберт и сир Ламберт, воины в железной броне и тенны в бронзе, даже несколько черных братьев Джона.

— *Владыка Света, благослови своих детей*.

Мелисандра стояла спиной к Стене у глубокого рва, в котором горел огонь. Напротив нее, на другой стороне находились будущие супруги. За ними — королева с дочерью и ее татуированным шутом. Принцесса Ширен была так закутана в меха, что

казалась круглой; она выдыхала клубы пара через шарф, закрывающий большую часть лица. Люди королевы во главе с сиром Акселлом Флорентом окружали королевских особ.

Хотя лишь некоторые братья Ночного Дозора собрались вокруг горящего рва, многие наблюдали с крыш, из окон и со ступеней огромной извилистой лестницы. Джон внимательно примечал, кто присутствовал, а кто нет. Некоторые люди были на посту, многие же просто спали после дежурства. Но остальные намеренно решили отсутствовать, выражая этим свое недовольство. Среди них — Отелл

Ярвик и Боуэн Марш. Септон Селладор ненадолго появился из септы, теребя пальцами семигранный кристалл на шнурке вокруг шеи, но сразу же вернулся обратно, когда начались молитвы.

Мелисандра подняла руки, и огонь из рта взвился вверх навстречу ее пальцам, подобно огромному красному псу, прыгающему за лакомством. Вихрь искр поднялся навстречу падающим снежинкам.

— О, Владыка Света, мы благодарим тебя, — пела Мелисандра жадным языком пламени. — Мы благодарим тебя за храброго Станниса, ставшего нашим королем

по твоей милости. Веди его и храни его, Рглор! Защити его от предательства и от злых людей, дай ему силы, чтобы сокрушить служителей тьмы.

— *Дай ему силы,* — вторили королева Селиса, ее рыцари и придворные дамы. — *Дай ему мужества. Дай ему мудрости.*

Алис Карстарк взяла Джона под руку:

— Долго еще, лорд Сноу? Если мне суждено быть погребенной под снегом, я хотела бы умереть замужней женщиной.

— Скоро, миледи, — заверил ее Джон. — Скоро.

— *Мы благодарим тебя за*

*солнце, что согревает нас, —
напевала королева. — Мы
благодарим тебя за звезды, что
оберегают нас в ночной тьме. Мы
благодарим тебя за наши очаги и
факелы, удерживающие в страхе
беспощадную темноту. Мы
благодарим тебя за наши
освященные души, за огни, горящие в
наши чреслах и в наших сердцах.*

Мелисандра произнесла:

— Пусть выйдут те, кто должен
соединиться, — огни отбросили ее
тень на Стену позади, а рубин
замерцал на бледной коже горла.

Джон повернулся к Алис
Карстарк:

— Миледи. Вы готовы?

— Да. О, да.

— Вы не боитесь?

Девушка улыбнулась, так сильно напомнив Джону его маленькую сестренку, что это едва не разбило ему сердце.

— Пусть он меня боится, — на лице у нее таяли снежинки, но волосы были укрыты кружевом, найденным где-то Атласом, и снег начал скапливаться на нем, даря ей морозную корону. Ее щеки пылали и алели, глаза сияли.

— Леди зимы, — Джон сжал ее руку.

Магнар теннов стоял у огня в ожидании, одетый словно для битвы: в меха, кожу и бронзовые латы с

бронзовым же мечом на бедре. Из-за редящих волос он выглядел старше своих лет, но когда он обернулся посмотреть на приближение своей невесты, Джон разглядел в нем мальчишку. Глаза его стали размером с орех, но Джон не мог сказать, что вызывало в нем страх: огонь, жрица или невеста. *Кажется, в словах Алис больше правды, чем она думает.*

— Кто пришел отдать замуж эту женщину? — спросила Мелисандра.

— Я пришел, — ответил Джон. — Отдать Алис из дома Карстарков, женщину, что повзрослела и расцвела, законнорожденную и благородных кровей, — он в последний раз пожал

ей руку и отступил назад, чтобы присоединиться к остальным.

— Кто пришел потребовать себе эту женщину? — спросила Мелисандра.

— Я, — Сигорн хлопнул себя по груди. — Магнар теннов.

— Сигорн, — обратилась к нему Мелисандра, — будешь ли ты делить свой огонь с Алис, когда ночь темна и полна ужасов?

— Клянусь, — обещание магнара плыло белым облачком в воздухе. Его плечи пестрели от снега, уши покраснели. — Благодаря пламени красного бога я буду согревать ее всю жизнь.

— Алис, клянешься ли ты

делить свой огонь с Сигорном и согревать его, когда ночь темна и полна ужасов?

— Пока у него кровь не закипит, — девичьим покровом ей служил шерстяной плащ Ночного Дозора, на который пришили солнце Карстарков, сделанное из такого же белого меха, каким был подбит и сам плащ.

Глаза Мелисандры горели так же ярко, как и рубин на ее горле.

— Так подойдите ко мне и будьте единым целым, — она кивнула им, и огонь взметнулся стеной, слизывая снежинки горячими языками. Алис Карстарк взяла своего магнара за руку.

Бок о бок они перепрыгнули ров.

— Двое вошли в пламя, — порыв ветра взметнул юбки красной женщины, и ей пришлось прижать их, — и вышли одним целым, — ее медные волосы развевались. — Что соединит огонь, никто не может разделить.

— *Что соединит огонь, никто не может разделить,* — ЭХОМ отозвались люди королевы, тенны и даже несколько черных братьев.

За исключением королей и дядьев, подумал Джон Сноу.

Креган Карстарк объявился днем позже своей племянницы. С ним прибыли четверо вооруженных всадников, егерь и свора собак,

идущих по следу леди Алис, будто та была оленем. Джон Сноу встретил их на Королевском тракте в полулиге к югу от Кротового Городка, чтобы они не успели появиться в Черном Замке и воспользоваться правами гостя или потребовать переговоров. Во время спора один из людей Карстарка разрядил свой арбалет в Тая и умер за это. Так их осталось четверо, не считая самого Крегана. К счастью, у них есть дюжина ледяных камер. *Всем хватит места.*

Как и все остальное, геральдика заканчивалась у Стены. В отличие от высокородных Семи Королевств, у теннов не было фамильных гербов, так что Джон велел стюардам что-

нибудь придумать. На его взгляд, с задачей они справились. Плащ невесты, который Сигорн завязал на плечах леди Алис, украсили бронзовым диском на белом шерстяном поле, окруженном пламенем из ярко-красного шелка. Те, кто потрудился бы присмотреться, могли бы увидеть и отголоски солнца Карстарков, но в герб были внесены изменения, чтобы сделать его более подходящим для дома Теннов.

Магнар чуть ли не сорвал девичий плащ с плеч Алис, но почти нежно надел на нее плащ невесты. Он наклонился поцеловать ее в щеку, и их дыхания смешались. Огонь

взревел еще раз. Люди королевы запели хвалебный гимн.

— Это все? — услышал Джон шепот Атласа.

— Считай, что сделано, — пробурчал Малли, — оно и к лучшему. Они поженились, а я чуть не окочурился, — он закутался в свою лучшую черную одежду из новой шерсти, у которой пока не было шансов истончиться, но ветер сделал его щеки красными под цвет волос. — Горячее вино Хобба с корицей и гвоздикой. Вот, что нас согреет.

— Что такое гвоздика? — спросил Оуэн Олух.

Снег повалил сильнее, и костер

стал затухать. Толпа начала распадаться и расходиться со двора. Люди королевы, люди короля, вольный народ — все одинаково спешили спрятаться от ветра и холода.

— Присоединится ли милорд к нам на пиру? — спросил Малли Джона Сноу.

— Чуть позже, — если он не появится, Сигорн может принять это за неуважение. *В конце концов, их свадьба — моя затея.* — У меня еще есть несколько дел, не терпящих отлагательства.

Джон направился к королеве Селисе, Призрак шел рядом. Горки старого снега хрустели под сапогами.

Все больше времени требовалось на то, чтобы расчистить лопатами дорожки от одного здания к другому; все больше и больше людей пользовались подземными ходами, называемыми червоточинами.

— Такой красивый обряд, — рассказывала королева. — Я почувствовала, как огненный взор нашего господина обратился на нас. О, вы не представляете, сколько раз я умоляла Станниса снова провести нашу свадьбу — воистину соединиться телом и душой с благословения Владыки Света. Я уверена, что могла бы подарить Его Величеству еще детей, если бы огонь связал нас.

Чтобы подарить ему еще детей, для начала тебе нужно затащить его в свою постель. Даже на Стене все знали, что Станнис Баратеон годами избегает своей супруги. Можно было представить, как бы отреагировал Его Величество на идею провести вторую свадьбу посреди войны.

Джон поклонился:

— Если Вашему Величеству угодно, пир ждет.

Королева с подозрением взглянула на Призрака, затем подняла лицо к Джону:

— Несомненно. Леди Мелисандра знает дорогу.

Красная жрица заговорила:

— Я должна уделить внимание своим огням, Ваше Величество. Возможно, Рглор соизволит показать мне Его Величество. Беглый взгляд на великую победу, может быть.

— О, — королева Селиса выглядела пораженной. — Конечно... давайте помолимся о видении от нашего господина...

— Атлас, проводи Ее Величество до места, — велел Джон.

Сир Малегорн выступил вперед:

— Я провожу Ее Величество на пир. Мы не нуждаемся в вашем... стюарде, — то, как он помедлил с последним словом, показало Джону, что тот подумывал сказать по-

другому. Мальчике? Любимце?
Шлюхе?

Джон снова поклонился:

— Как пожелаете. Скоро я
присоединюсь к вам.

Сир Малегорн предложил руку, и
королева Селиса чопорно приняла ее.
Другую руку она положила на плечо
дочери. Вслед за ними, словно утята
за уткой, через внутренний двор
потянулись приближенные королевы.
Их процессию сопровождал звон
колокольчиков на шутовском колпаке.

— На дне морском водяные
угощаются супом из морских звезд, а
прислуживают им крабы, — объявил
Пестряк, пока они шли. — Уж я-то
знаю, я-то знаю.

Лицо Мелисандры потемнело:

— Это существо опасно. Много раз я видела его в моем пламени. Иногда рядом с ним кружат черепа, а его губы красны от крови.

Удивительно, что ты еще не сожгла беднягу. Одно слово в ушко королевы — и Пестряк был бы скормлен огню. — Вы видите в своем огне шутов, но ни намека на Станниса?

— Когда я ищу его, я вижу только снег.

Все тот же бесполезный ответ. Клидас отправил ворона в Темнолесье, чтобы предупредить короля о предательстве Арнольфа Карстарка, но долетела ли птица до

Его Величества, Джон не знал. Браавосский банкир тоже отбыл на поиски Станниса в сопровождении людей, которых Джон ему предоставил, но, учитывая войну и погоду, будет чудом, если он отыщет короля.

— Вы бы узнали, будь король мертв? — спросил Джон красную жрицу.

— Он не мертв. Станнис — божий избраннык, его предназначение — возглавить битву с силами тьмы. Я видела это в пламени, читала в древнем пророчестве. Когда воссияет красная звезда и опустится тьма, Азор Ахай возродится вновь среди дыма и соли

и пробудит драконов из камня. Драконий Камень — место дыма и соли.

Все это Джон слышал и раньше.

— Станнис Баратеон был лордом Драконьего Камня, но родился он не там, а в Штормовом Пределе, как и его братья, — он нахмурился. — А что с Мансом? Он тоже потерялся? Что показывают ваши огни?

— Боюсь, то же самое. Только снег.

Снег. Джон знал, что к югу от Стены снегопад не прекращался. Всего в двух днях пути отсюда по Королевскому тракту уже нельзя было проехать. *Мелисандра тоже*

это знает. На востоке в Тюленьем заливе бушевал шторм. По последним донесениям, разномастный флот, собранный для спасения вольного народа из Сурового Дома, все еще стоял в Восточном Дозоре-у-Моря из-за непогоды.

— Вы видите танцующий в огне пепел.

— Я вижу черепа. И тебя. Я вижу твое лицо каждый раз, когда смотрю в огонь. Опасность, о которой я тебя предупреждала, уже очень близко.

— Кинжалы во тьме. Я знаю. Простите мне мои сомнения, миледи. *Девушка в сером на*

умирающей лошади, спасающаяся от замужества, вот что вы говорили.

— Я оказалась права.

— Вы ошиблись. Алис — не Арья.

— Видение было правдивым. Это мое толкование оказалось ложным. Я такая же смертная, как и ты, Джон Сноу. Все смертные ошибаются.

— Даже лорды-командующие.

Манс Налетчик и его копыеносицы не вернулись, и Джон не мог не думать о том, не солгала ли красная женщина о своем замысле. *Она ведет собственную игру?*

— Вам стоит держать вашего волка поближе, милорд.

— Призрак редко вдали от меня, — при звуке своего имени лютоволк поднял голову. Джон почесал его за ушами. — Но теперь вы должны меня извинить. Призрак, за мной.

Вырезанные в основании Стены и закрытые тяжелыми деревянными дверьми, ледяные камеры варьировались от небольших до совсем маленьких. Некоторые были достаточно просторными, чтобы человек мог в них ходить, другие — так малы, что в них заключенные могли только сидеть, а теснота самых маленьких не предполагала и этой роскоши.

Своему главному пленнику

Джон предоставил самую большую камеру, ведро для дерьма, достаточно шкур, чтобы согреться, и бурдюк с вином. Стражникам пришлось повозиться с обледеневшим замком, прежде чем они смогли открыть камеру. Ржавые петли завизжали, словно проклятые души, когда Вик Виттлстик рывком открыл дверь ровно настолько, чтобы Джон смог проскользнуть в нее. Его встретил слабый запах испражнений, оказавшийся не таким невыносимым, как он ожидал. В жутком холоде замерзло даже дерьмо. Джон Сноу видел собственное смутное отражение на ледяных стенах.

В углу камеры была накидана груда шкур почти в человеческий рост.

— Карстарк, — окликнул Джон Сноу, — просыпайся.

Шкуры пошевелились. Некоторые смерзлись друг с другом, и покрывавший их иней блестел и переливался при движении. Появилась рука, потом лицо — каштановые волосы, спутанные и тронутые сединой, свирепые глаза, нос, рот, борода. К усам заключенного прилипли заледеневшие сопли.

— Сноу, — дыхание превращалось в пар, затуманивая лед за головой пленника. — У тебя нет

права удерживать меня. Законы гостеприимства...

— Ты здесь не гость. Ты пришел вооруженным к Стене без моего позволения, чтобы забрать племянницу против ее воли. Леди Алис предложили хлеб и соль. Она гость. Ты же — узник, — Джон позволил словам на мгновение повиснуть в воздухе, затем добавил:

— Твоя племянница вышла замуж.

Губы Крегана Карстарка раздвинулись, обнажив зубы.

— Алис обещана мне, — хотя ему было уже за пятьдесят, он казался сильным человеком, когда вошел в камеру. Холод лишил его

этой силы и оставил слабым и окоченевшим. — Мой лорд-отец...

— Твой отец — кастелян, а не лорд. У кастеляна нет права заключать брачные договоры.

— Мой отец, Арнольф — лорд Кархолда.

— Сын наследует раньше дяди по всем известным мне законам.

Креган вскочил на ноги и отшвырнул в сторону меха, зацепившиеся за лодыжку.

— Харрион мертв.

Или скоро умрет.

— Дочь также наследует раньше дяди. Если ее брат мертв, Кархолд принадлежит леди Алис. А она отдала свою руку Сигорну, магнару

теннов.

— Одичалому. Грязному убийце одичалому, — Креган сжал кулаки. На нем были кожаные перчатки, отороченные мехом в тон спутанному, отвердевшему плащу, висящему на широких плечах. Черную накидку украшали белые солнечные лучи его дома. — Я вижу, каков ты, Сноу. Наполовину волк, наполовину одичалый, ублюдок предателя и шлюхи. Ты отдал высокородную девицу в постель какого-то вонючего дикаря. Ты сначала сам ее опробовал? — он усмехнулся. — Если хочешь убить меня, сделай это и будь проклят за убийство родни. Старки и Карстарки

— одной крови.

— Меня зовут Сноу.

— *Бастард*.

— Виновен. В этом, по крайней мере.

— Пусть твой магнар придет в Кархолд. Мы отрубим ему голову и заткнем ею уборную, чтобы отливать ему в рот.

— Сигорн командует двумя сотнями теннов, — заметил Джон, — и леди Алис полагает, что ворота Кархолда откроются перед ней. Двое твоих людей уже присягнули ей в верности и подтвердили все, что она сказала относительно планов, задуманных твоим отцом и Рамси Сноу. Мне сказали, у тебя в Кархолде

есть близкие родственники. Твое слово могло бы спасти их жизни. Уступи замок. Леди Алис простит женщин, предавших ее, и позволит мужчинам надеть черное.

Креган потряс головой. Кусочки льда в его запутанных волосах тихо позвякивали, ударяясь друг о друга при движении.

— Никогда, — сказал он. — Никогда, никогда, никогда.

Мне следовало бы сделать из его головы свадебный подарок для леди Алис и ее магнара, подумал Джон, но решил не рисковать. Ночной Дозор не принимает участия в междоусобицах внутри королевства; некоторые могли бы

сказать, что он и так слишком сильно помог Станнису. *Отрублю голову этому дураку — начнут говорить, будто я убиваю северян, и раздаю их земли одичалым. Отпущу его — и он из кожи вон вылезет, чтобы разрушить все, сделанное мной для леди Алис и магнара. Джон задумался, как бы на его месте поступили отец или дядя. Но Эддард Старк был мертв, а Бенджен Старк пропал в ледяных лесах за Стеной. Ничего ты не знаешь, Джон Сноу.*

— Никогда — долгий срок, — сказал Джон. — Завтра твое мнение может измениться, или через год. И король Станнис рано или поздно вернется на Стену. Как только это

произойдет, он приговорит тебя к смерти... если только ты не будешь носить черный плащ. Когда человек надевает черное, ему прощаются все преступления. — *Даже такому человеку, как ты.* — А сейчас прошу меня извинить. Я должен быть на пиру.

После пронизывающего холода ледяных камер в переполненном погребе было так жарко, что спустившись по ступеням, Джон едва не задохнулся. В воздухе пахло дымом, жареным мясом и подогретым вином. Акселл Флорент провозглашал тост, когда Джон занял свое место на помосте.

— За короля Станниса и его

жену, королеву Селису, Свет Севера! — проревел сир Акселл. — За Рглора, Владыку Света, да защитит он нас всех! Одна земля, один бог, один король!

— *Одна земля, один бог, один король!* — отозвались люди королевы.

Джон выпил с остальными. Он не мог сказать, обретет ли Алис Карстарк радость в своем браке, но хотя бы эта ночь должна быть праздничной.

Стюарды начали разносить первое блюдо — луковый суп, сдобренный кусочками козлятины и моркови. Не совсем королевская еда, зато питательная, довольно вкусная и

согревающая желудок. Оуэн Олух достал скрипку, некоторые из вольного народа присоединились к нему с дудками и барабанами. *На тех же самых дудках и барабанах они играли, возвещая о нападении Манса Налетчика на Стену.* Джону показалась, что сейчас инструменты звучат мелодичнее. С супом принесли теплые, только из печи, буханки темного зернистого хлеба. Увидев на столах соль и масло, Джон помрачнел. Боуэн Марш говорил ему, что они хорошо обеспечены солью, но масло закончится еще до смены луны.

Старый Флинт и Норри восседали на почетных местах чуть

ниже помоста. Оба мужчины были слишком стары для похода со Станнисом, поэтому отправили вместо себя сыновей и внуков. Однако они достаточно быстро добрались до Черного Замка на свадьбу. И каждый привез к Стене кормилицу. Женщина Норри, уже под сорок, обладала самой большой грудью, какую когда-либо доводилось видеть Джону Сноу. Девушка Флинта лет четырнадцати оказалась плоскогрудой, словно мальчишка, но и у нее молока хватало. С ними обеими ребенок, которого Вель прозвала Чудовищем, похоже, расцвел.

За помощь Джон был им

благодарен... но он ни на минуту не поверил, что старые седые воины спустились со своих вершин вниз только для этого. Каждый привел свиту воинов: пять у Старого Флинта, двенадцать у Норри, все в поношенных шкурах и коже в заклепках, грозные, как лик зимы. У некоторых были длинные бороды, у некоторых — шрамы, у некоторых — и то, и другое; все поклонялись старым богам Севера, тем же богам, которым поклоняется вольный народ за Стеной. И все же они сидели здесь и пили за брак, освященный каким-то странным заморским красным богом.

Лучше так, чем если бы они

отказались пить. Ни Флинт, ни Норри не перевернули чаши, чтоб вылить вино на пол. Это можно толковать, как определенное одобрение. Хотя, возможно, им просто жалко было проливать по чем зря хорошее южное вино. Они еще не скоро снова попробуют его в своих каменистых холмах.

Между сменой блюд сир Акселл Флорент вывел королеву Селису танцевать. За ними последовали другие — сначала рыцари королевы с ее дамами. Сир Брюс подарил принцессе Ширен первый танец, затем станцевал с ее матерью. Сир Нарберт танцевал с каждой дамой Селисы по очереди.

Рыцарей королевы было втрое больше, чем придворных дам, так что даже самые скромные служанки оказались вовлечены в танец. После пары песен некоторые черные братья вспомнили навыки, что они обрели при дворах и в замках, когда были молоды и грехи еще не отправили их на Стену, и тоже вышли танцевать. Старый плут Ульмер из Королевского Леса танцевал так же хорошо, как стрелял из лука, при этом, без сомнения, радуя своих партнерш байками о Братстве Королевского Леса, и о том, как он скакал с Саймоном Тойном и Пузатым Беном и помогал Венде Белой Лани клеймить задницы высокородных

пленников. Атлас был само изящество, танцуя с тремя служанками по очереди, но ни разу не рискнул подойти к знатым дамам. Джон счел мудрым такое поведение. Ему не нравились взгляды некоторых рыцарей королевы на стюарда, в особенности сира Патрека с Королевской Горы. *Уж этот-то хочет пустить немного крови,* думал Джон. *Так и ищет повод.*

Смех разнесся под сводчатым потолком, когда Оуэн Олух начал танцевать с Пестряком. Зрелище заставило леди Алис улыбнуться.

— Вы часто танцуете здесь, в Черном Замке?

— Каждый раз, когда играем свадьбу, миледи.

— Знаете, а вы ведь могли бы потанцевать со мной. Это будет всего лишь учтивостью. Мы ведь танцевали как-то.

— Как-то? — поддразнил Джон.

— Когда были детьми, — она отломилла кусочек хлеба и бросила в него. — Вы и сами знаете.

— Миледи должна танцевать со своим мужем.

— Боюсь, мой магнар не мастер танцевать. Если вы не пригласите меня, то хотя бы налейте мне немного горячего вина.

— Как прикажете, — он дал знак подать кувшин.

— Итак, — сказала Алис после того, как Джон наполнил чашу. — Теперь я замужняя женщина. У меня есть одичалый муж со своей маленькой одичалой армией.

— "Вольный народ", так они себя называют. Большинство, по крайней мере. Хотя тенны — особый род. Очень древний, — про них ему рассказала Игритт. *Ничего ты не знаешь, Джон Сноу.* — Они пришли из хорошо укрытой долины, окруженной высокими пиками, на севере Клыков Мороза, и на протяжении тысяч лет чаще имели дело с великанами, чем с другими людьми. Это сделало их другими.

— Другими, — согласилась

она, — но больше похожими на нас.

— Да, миледи. У теннов есть лорды и законы. — *Они знают, как преклонять колена.* — Они добывают олово и медь для бронзы и сами куят доспехи и оружие, вместо того чтобы красть их. Это гордый народ, и смелый. Манс Налетчик трижды побеждал старого магнара, прежде чем Сир согласился признать его Королем-за-Стеной.

— А теперь они здесь, на нашей стороне Стены. Изгнанные из своих горных твердынь, прямиком в мою опочивальню, — она криво усмехнулась. — Сама виновата. Мой лорд-отец говорил мне, что я должна очаровать вашего брата Робба, но мне

было всего шесть лет, и я не знала как.

Да, но сейчас тебе уже шестнадцать, и будем молиться о том, что ты знаешь, как очаровать своего молодого мужа.

— Миледи, как обстоят дела с запасами еды в Кархолде?

— Не очень хорошо, — вздохнула Алис. — Отец увел с собой на юг почти всех мужчин, и урожай пришлось убирать женщинам и мальчишкам. Им, да еще старикам и калекам, которых не взяли на войну. Вначале урожаи засыхали прямо на полях, потом осенние дожди превратили их в грязь, а сейчас начались снегопады. Зима будет

суровой. Лишь немногие старики переживут ее, и много детей погибнет.

На севере всем знакома эта история.

— Бабушка моего отца, по материнской линии, была одной из Флинтов с гор, — сказал ей Джон. — "Первые Флинты", так они себя называли. Они говорили, что прочие Флинты — отпрыски младших сыновей, которым пришлось спуститься с гор в поисках еды, земли и жен. Наверху жизнь всегда была несладкой. Когда ложится снег и еды не хватает, младшие в семье вынуждены отправляться в города на зимовку или же на службу в какой-

нибуть из замков. А старики собираются с последними силами, что еще теплятся в них, и объявляют, что уходят на охоту. Некоторых находят весной. Но большинство из них пропадает бесследно.

— Почти как в Кархолде.

Он не удивился.

— Когда ваши запасы начнут убывать, вспомните о нас, миледи. Отправьте стариков на Стену, пусть они произнесут наши клятвы. Здесь, во всяком случае, им не придется умирать в одиночестве, посреди снегов, согреваясь лишь воспоминаниями. Мальчиков тоже присылайте, если станут лишними.

— Как скажете, — она

дотронулась до его руки. — Кархолд помнит.

Подали лосятину. Пахло намного лучше, чем мог ожидать Джон. Он отослал порцию Кожаному в Башню Хардина и три больших блюда запеченных овощей для Вун Вуна, затем отрезал ломоть себе. *Трехпалый Хобб хорошо справился со всем этим.* Уговорить его было нелегко. Хобб пришел к нему позапрошлым вечером, жалуясь, что он вступил в Ночной Дозор, чтобы убивать одичалых, а не готовить для них. "Кроме того, я никогда не готовил для свадебного пира, м'лорд. Черные братья не берут себе жен. Готов поклясться, так говорится в

проклятых обетах".

Джон запивал жареное мясо глотком горячего вина, когда рядом с ним появился Клидас.

— Птица, — объявил он и сунул пергамент в руку Джона. Письмо запечатывал застывший черный воск. *Восточный Дозор*, понял Джон еще до того, как сломал печать. Письмо было написано мейстером Хармуном: Коттер Пайк не умел ни читать, ни писать. Но слова принадлежали Пайку, их записали так, как он говорил — прямо и по делу.

Сегодня на море спокойно. С утренним приливом одиннадцать кораблей отправятся к Суровому

Дому. Три браавосских, четыре лиссенийских, четыре наших. Два лиссенийских вряд ли пригодны для плавания. Мы можем утопить больше одичалых, чем спасти. По вашему приказу. Мейстер Хармун и двадцать воронов на борту. Будем отправлять сообщения. Я командую "Когтем", Сизарь — мой заместитель на "Черном Дрозде", сир Глендон защищает Восточный Дозор.

— Черные крылья, черные вести? — спросила Алис Карстарк.

— Нет, миледи. Эти новости долгожданные.

Хотя последняя часть меня беспокоит. Глендон Хьюитт был

опытным и сильным человеком, разумным выбором для командования в отсутствие Коттера Пайка. Но при этом — большим другом Аллисера Торна и, в каком-то смысле, приближенным Яноса Слинта, хоть и недолго. Джон все еще помнил, как Хьюитт вытащил его из постели, и ощущения от удара сапога по ребрам. *Не тот человек, кого бы я выбрал.* Джон свернул пергамент и положил за пояс.

Потом подали рыбу, но как только от щуки остались одни кости, леди Алис вытащила магнара в круг. Судя по тому, как он двигался, Сигорн не танцевал никогда в жизни, но он выпил достаточно горячего

вина, чтобы не придавать этому значения.

— Северная дева и одичалый воин, соединенные вместе Владыкой Света, — сир Акселл Флорент проскользнул на освободившееся место леди Алис. — Ее Величество одобряет их брак. Я близок к ней, милорд, поэтому знаю, что она думает. Король Станнис тоже одобрит.

Только если Русе Болтон не насадит его голову на пик.

— Увы, не все с этим согласны, — борода сира Акселла была неряшливой порослью под обвисшим подбородком; жесткие волосы торчали из ушей и

ноздрей. — Сир Патрек считает, что он подошел бы лучше для леди Алис. Он потерял свои земли, когда прибыл на Север.

— Здесь, в этом зале, достаточно тех, кто потерял намного больше, — сказал Джон, — и еще больше тех, кто отдал свои жизни, служа королевству. Сир Патрек должен считать себя счастливым.

Акселл Флорент улыбнулся:

— Король, наверное, сказал бы то же самое, будь он сейчас здесь. Тем не менее, рыцарям Его Величества должны быть предоставлены некоторые условия, верно? Они последовали за ним в такую даль и такой ценой. И нам

нужно привязать одичалых к королю и королевству. Этот брак — хорошее начало, но я знаю, что королева была бы довольна, увидев и принцессу одичалых замужем.

Джон вздохнул. Он устал объяснять, что Вель — ненастоящая принцесса. Не важно, как часто он говорил им, они, казалось, никогда не слушали.

— Вы настойчивы, сир Акселл, отдаю вам должное.

— Можно ли винить меня, милорд? Такую награду нелегко заслужить. Созревшая девица, и, как я слышал, недурно выглядит. Хорошие бедра, хорошая грудь, прямо создана для деторождения.

— Кто хотел бы быть отцом этих детей? Сир Патрек? Вы?

— А кто лучше? У нас, Флорентов, в жилах течет кровь старых королей Хайгардена. Леди Мелисандра могла бы совершить обряды, как она сделала это для леди Элис и магнара.

— Вам не хватает только невесты.

— Легко исправить, — улыбка Флорента была такой фальшивой, что это выглядело мучительно. — Где она, лорд Сноу? Вы увезли ее в один из ваших замков? В Серого Стража или Сумеречную Башню? В Нору Шлюх, к другим девкам? — он наклонился ближе. — Некоторые

говорят, что вы спрятали ее ото всех для собственного удовольствия. Мне все равно, если только она не понесет ребенка. Я наделаю с ней собственных сыновей. А если вы уже объездили эту кобылку, что ж... мы оба — бывалые люди, так ведь?

Джон услышал достаточно.

— Сир Акселл, если вы и правда Десница королевы, то мне жаль Ее Величество.

Лицо Флорента покраснело от злости.

— Так это *правда*. Вы собираетесь придержать ее для себя, как я вижу. Бастард хочет занять место своего отца.

Бастард отказался от места

своего отца. Если бы бастард хотел получить Вель, он мог всего лишь попросить о ней.

— Вы должны простить меня, сир, — сказал он. — Я хочу подышать свежим воздухом. — *Здесь воняет.* Он повернул голову. — Звук рога?

Другие тоже его слышали. Музыка и смех смолкли в одно мгновение. Танцоры замерли на месте. Даже призрак наострил уши.

— Вы слышали это? — спросила своих рыцарей королева Селиса.

— Боевой рог, Ваше Величество, — ответил сир Нарберт.

Королева прижала руку к горлу:

— Нас атакуют?

— Нет, Ваше Величество, — объяснил Ульмер из Королевского леса, — это всего лишь дозорные на Стене.

Один сигнал, подумал Джон Сноу. Возвращаются разведчики.

Потом он повторился. Звук, казалось, заполнил погреб.

— Второй сигнал, — сказал Малли.

Черные братья, северяне, вольный народ, тенны, свита королевы — все они затихли, прислушиваясь. Прошло пять мгновений. Десять. Двадцать. Затем Оуэн Олух захихикал, и Джон Сноу снова смог дышать.

— Два сигнала, — объявил

он. — Одичалые.

Вель.

Тормунд Великанья Смерть
наконец-то пришел.

51. ДЕЙЕНЕРИС

Зал звенел от юнкайского смеха, юнкайских песен, юнкайских молитв. Танцоры плясали; музыканты играли странные мелодии, состоящие из колокольного перезвона, писков и бульканья; певцы исполняли древние любовные песни на непонятном языке Старого Гиса. Вино текло рекой — не бледное пошло из Залива Работоторговцев, а насыщенное, сладкое, выдержанное борское и сонное вино из Кварта, приправленное необычными специями. Король Хиздар пригласил юнкайцев — подписать мир и

засвидетельствовать возрождение знаменитых бойцовских ям Миэрина. Для празднования ее благородный супруг открыл Великую Пирамиду.

Я ненавижу это, подумала Дейенерис Таргариен. Как так вышло, что я улыбаюсь и пью с людьми, с которых предпочла бы содрать кожу?

Подавали дюжину различных блюд из мяса и рыбы: верблюжатину, мясо крокодила, поющего кальмара, утку в глазури и колючих личинок; а также козлятину, ветчину и конину для тех, чьи вкусы были менее диковинными. И мясо собак. Ни один гискарский праздник не обходился без блюда из собачатины. Повара

Хиздара приготовили собак по четырем различным рецептам. «Гискарец съест все, что плавает, летает или ползает, кроме человека и дракона, — предупреждал ее Даарио, — и, держу пари, они бы съели и дракона, выпади им такой шанс». Однако мясо само по себе — еще не пир, поэтому к нему предлагались овощи, фрукты и выпечка. В воздухе витали ароматы шафрана, корицы, гвоздики, перца и других дорогих специй.

Дени едва прикоснулась к еде. *Это мир, сказала она себе. Это то, чего я хотела, для чего старалась, ради чего вышла замуж за Хиздара. Так почему же я ощущаю вкус*

поражения?

— Осталось совсем недолго, любовь моя, — уверял ее Хиздар. — Юнкайцы скоро уйдут, а с ними и их союзники и наемники. Мы получим все, что хотели: мир, еду, торговлю. Наш порт вновь открыт, а кораблям разрешено приходить и уходить.

— Они *разрешают*, да, — ответила она, — но их военные корабли остаются. Они могут снова сжать пальцы вокруг нашего горла, в любой момент, когда пожелают. *Они открыли невольничий рынок чуть ли не у меня под стенами!*

— Но за нашими стенами, милая королева. Одно из условий мира — то, что Юнкай будет

свободно и беспрепятственно торговать рабами, как и прежде.

— В своем родном городе. А не там, где я вынуждена на это смотреть. — Мудрые Господа соорудили свои загоны для рабов и аукционный помост к югу от Скахазадхана, где широкая бурая река впадала в Залив Работоторговцев. — Они смеются мне в лицо, устраивая спектакль и выставляя напоказ мое бессилие остановить их.

— Позерство и кривлянье, — ответил ее благородный супруг. — Спектакль, как ты его назвала. Пускай и дальше лицедействуют. Но когда они уйдут, мы построим на том месте фруктовый рынок.

— Когда они уйдут, — повторила Дени. — И когда же они это сделают? Всадников видели за Скахазадханом. Дотракийские разведчики, сказал Ракхаро, а за ними и кхаласар. У них будут пленники. Мужчины, женщины и дети, подарки для работорговцев. — Дотракийцы не покупали и не продавали, а делали подарки и получали их. — Вот почему юнкайцы раскинули свой рынок. Они уйдут домой с тысячами новых рабов.

Хиздар зо Лорак пожал плечами:

— Но они уйдут. Это самое главное, любовь моя. Юнкай будет торговать рабами, Миэрин — нет, мы ведь договорились об этом. Потерпи

немного, и все закончится.

Так что во время еды Дейенерис молчала, облаченная в красный токар и погруженная в черные мысли. Она отвечала, только если к ней обращались, и раздумывала обо всех мужчинах и женщинах, которых продавали и покупали за стенами Миэрина, даже сейчас, когда внутри города шел пир. Пусть ее благородный супруг произносит речи и улыбается жалким юнкайским остротам. Таково его королевское право и королевский долг.

Почти все разговоры за столом крутились вокруг завтрашних боев. Черноволосая Барсена сойдется в схватке с кабаном — его клыки

против ее кинжала. И Кразз, и Пятнистый Кот тоже будут сражаться. А в финальном поединке дня Гогор-Великан выйдет против Белакво Костолома. Один из них умрет еще до захода солнца.

У королев не бывает чистых рук, сказала себе Дени. Она подумала о Дореа, о Куаро, о Ероих... о маленькой девочке по имени Хаззеа, которую она никогда не встречала. *Лучше пусть несколько умрет в яме, чем тысячи у ворот. Такова цена мира, и я плачу ее по своей воле. Если я оглянусь, я пропала.*

Верховный главнокомандующий Юнкая Юркхаз зо Юнзак, судя по его внешности, застал еще Эйегона

Завоевателя. Этого согбенного, морщинистого и беззубого старика принесли к столу два крепких раба. Прочие юнкайские вельможи тоже не производили особого впечатления. Один — маленький и чахлый, хотя сопровождавшие его рабы-солдаты были удивительно высокими и худыми. Другой — молод, подтянут и энергичен, но так пьян, что Дени с трудом разбирала его речь. *Как меня смогли сломить подобные существа?*

Наемники же весьма от них отличались. Каждый из четырех вольных отрядов на службе у Юнкая прислал своего командира. Гонимых Ветром представлял благородный

пентошиец, известный как Оборванный Принц; Длинные Копья — Гило Реган, больше похожий на сапожника, чем на солдата, и разговаривавший шепотом. Кровавая Борода из Братства Кота шумел за него и за дюжину других. Огромный мужчина с густой бородой, оказавшийся чрезвычайно падким на вино и женщин, ревел, рыгал, громоподобно пускал газы и щипал каждую служанку, до которой мог дотянуться. Время от времени он затаскивал одну из них себе на колени, чтобы потискать груди и погладить ее между ног.

Командир Младших Сыновей здесь тоже присутствовал. *Будь тут*

Даарио, этот пир закончился бы кровью. Никакие обещания мира никогда бы не убедили ее капитана позволить Бурому Бену Пламму вернуться обратно в Миэрин и уйти из него живым. Дени поклялась, что не причинит вреда семи посланникам и командирам, но юнкайцам этого было мало. Они потребовали от нее еще и заложников. Чтобы уравновесить трех юнкайских вельмож и четырех капитанов наемников, Миэрин послал в осадный лагерь семерых: сестру Хиздара, двух его родственников, кровного всадника Дени Чхого, ее адмирала Гролео, капитана Безупречных Хиро и

Даарио Нахариса.

— Я оставляю моих девочек с тобой, — сказал ее капитан, вручая свою портупею с золотыми распутницами. — Сбереги их для меня, любимая. Мы ведь не хотим, чтобы они посеяли кровавые раздоры в юнкайском лагере?

Не было и Бритоголового. Первое, что сделал Хиздар после коронации, — отстранил его от командования Медными Бестиями, заменив своим кузенком, пухлым и одутловатым Мархазом зо Лораком. Это к лучшему. Зеленая Грация говорит, что между Лораками и Кандаками пролита кровь. Бритоголовый никогда не скрывал

своего презрения к моему лорду-супругу. А Даарио...

После ее свадьбы Даарио стал еще более необузданным: заключенный мир его не устраивал, ее брак — еще меньше, а обман дорнийцев вообще повергал в ярость. Когда принц Квентин рассказал, что другие вестероссы присоединились к Воронам-Буревестникам по приказу Оборванного Принца, только вмешательство Серого Червя и его Безупречных не позволило Даарио их всех убить. Фальшивых дезертиров заключили под стражу в недрах пирамиды... но Даарио по-прежнему мучился от гнева.

Ему безопаснее быть

заложником. Мой капитан рожден не для мира. Дени не могла пойти на риск и допустить, чтобы он убил Бурого Бена Пламма, сделал из Хиздара посмешище перед двором, спровоцировал юнкайцев или еще каким-либо способом разрушил соглашение, ради которого она от столь многого отказалась. Даарио — это война и неприятности. Впредь она должна держать его подальше от своей постели, от своего сердца и от себя самой. Если он не предаст ее, то подчинит своей воле. И она не знала, чего боялась больше.

Когда с чревоугодием было покончено, а всю несъеденную пищу унесли — отдать по настоянию

королевы бедным, собравшимся внизу — высокие стеклянные бокалы наполнили пряным ликером из Кварта, темным, как янтарь. И начались развлечения.

Труппа юнкайских кастратов, принадлежащая Юркхазу зо Юнзаку, исполняла для них песни на древнем языке Старой Империи высокими, приятными и невероятно чистыми голосами.

— Ты когда-нибудь слышала такое пение, любовь моя? — спросил ее Хиздар. — У них голоса богов, правда?

— Да, — ответила она, — тем не менее, мне интересно, не предпочли бы они обзавестись

потомством, как обычные люди?

Все артисты были рабами. По условиям заключенного мира рабовладельцы имели право приводить своих невольников в Миэрин без страха, что тех освободят. В ответ юнкайцы пообещали уважать права вольноотпущенников Дени. Справедливая сделка, утверждал Хиздар, но она оставила во рту королевы мерзкий привкус. Дени выпила еще один бокал вина, чтобы смыть его.

— Если тебе будет угодно, Юркхаз с удовольствием подарит нам этих певцов, не сомневаюсь, — сказал ее благородный супруг. —

Такой подарок мог бы стать украшением нашего двора и закрепить наш мир.

Он подарит нам этих кастратов, подумала Дени, а затем отправится домой и наделает новых. В мире полно мальчиков.

Акробаты, появившиеся следующими, не произвели на нее впечатления даже когда выстроили человеческую пирамиду в девять уровней с маленькой обнаженной девочкой наверху. *Не мою ли пирамиду они изображают?* гадала королева. *Девочка наверху — это я?*

Позднее ее лорд-супруг повел своих гостей на нижнюю террасу, чтобы приглашенные из Желтого

Города полюбовались ночным Миэрином. С бокалами в руках юнкайцы маленькими группами прохаживались по саду, под лимонными деревьями и распустившимися цветами, а Дени неожиданно оказалась лицом к лицу с Бурым Беном Пламмом.

Он низко поклонился:

— Ваша Милость. Прекрасно выглядите. Впрочем, как и всегда. Ни один из этих юнкайцев и вполовину не так очарователен. Я думал преподнести вам свадебный подарок, но ставки оказались слишком высоки для старого Бурого Бена.

— Я не хочу твоих подарков.

— Этот захотели бы. Голова

старого врага.

— Твоя собственная? — ласково спросила она. — Ты предал меня.

— И все же, если позволите, вы слишком суровы, — Бурый Бен поскреб свои тронутые сединой усы. — Мы просто перешли на сторону победителей, вот и все. Как в прошлый раз. И это не только мое решение. Я позволил моим людям выбирать.

— Значит, ты хочешь сказать, что *они* предали меня? И почему же? Разве я плохо относилась к Младшим Сыновьям? Разве я обманула вас с оплатой?

— Ничего подобного, — возразил Бурый Бен, — но дело не

только в монете, Ваше Высочайшее Величество. Я понял это еще много лет назад, во время моего первого сражения. Утром после боя я ходил между мертвыми, так сказать, разыскивая трофеи. Наткнулся на один труп: какому-то воину с топором отрубили руку по самое плечо. На нем сидели мухи, и он весь был в корке запекшейся крови, может, оттого на него никто и не позарился, но под всем этим скрывался шипованный камзол из хорошей кожи. Я подумал, что он мне подойдет, поэтому согнал мух и срезал его с трупа. Но проклятая штукавина оказалась тяжелее, чем должна бы быть. Под подкладку он

зашил целое состояние. *Золото*, ваша милость, прекрасное желтое золото. Любой мог бы до конца дней жить как лорд. Но разве ему это помогло? Он лежал там со всем своим золотом и со своей проклятой отрубленной рукой, весь в крови и грязи. И для меня это стало уроком, понимаете? Серебро сладко, а золото — наша мать, но как только ты умер, они стоят меньше, чем то дерьмо, в котором ты лежал, обделавшись перед смертью. Однажды я говорил вам, что есть старые наемники и есть храбрые наемники, но не бывает старых храбрых наемников. Мои парни не собирались умирать, вот и все, и когда я сказал им, что вы не

выпустите против юнкайцев драконов...

Ты счел меня побежденной, подумала Дени, и мне ли говорить, что ты ошибался?

— Я понимаю. — Здесь можно было бы закончить разговор, но ей стало любопытно. — Ты сказал, достаточно золота, чтобы жить как лорд. Что ты сделал со всем этим богатством?

Бурый Бен рассмеялся:

— Я был молодым глупцом. Похвастался одному человеку, которого считал другом, а он сообщил нашему сержанту, и мои братья по оружию пришли и освободили меня от бремени.

Сержант сказал, что я слишком молод и только растрачу все на шлюх или что-нибудь вроде того. Но он разрешил мне оставить камзол, — он сплюнул. — Миледи, никогда не доверяйте наемникам.

— Это я уже усвоила. И однажды обязательно отблагодарю тебя за урок.

Глаза Бурого Бена прищурились:

— Не стоит. Я знаю, какого рода благодарность вы имеете в виду, — он снова поклонился и пошел прочь.

Дени обернулась и посмотрела на свой город. За ее стенами у моря стройными рядами выросли желтые шатры юнкайцев, защищенные рвами, которые выкопали их рабы.

Два железных легиона из Нового Гиса, обученных и вооруженных по подобию Безупречных, расположились к северу вдоль реки. Еще два гискарских легиона разбили лагерь на востоке, перекрыв дорогу на Кхизайский перевал. Коновязи и полевые костры вольных отрядов располагались на юге. Днем в небе висели тонкие струйки дыма, похожие на рваные серые ленточки. Ночью были видны далекие огни. Рядом с бухтой творилась мерзость — рынок рабов у ее порога. Она не могла видеть его сейчас, после заката, но знала, что он там. От этого Дени еще сильнее разозлилась.

— Сир Барристан? — сказала

она тихо.

Белый рыцарь сразу же появился.

— Ваше Величество.

— Как много вы слышали?

— Достаточно. Он прав.

Никогда не доверяйте наемникам.

Или королевам, подумала Дени.

— Есть ли среди Младших Сыновей люди, которых можно убедить... избавиться... от Бурого Бена?

— Так же, как Даарио Нахарис однажды избавился от других капитанов Воронов-Буревестников? — старому рыцарю, казалось, было не по себе. — Возможно. Я не знаю, Ваше

Величество.

Нет, подумала она, ты слишком честен и слишком благороден.

— Если нет, у юнкайцев есть еще три отряда.

— Разбойников и головорезов, отбросов сотен сражений, — предупредил сир Барристан, — с капитанами, такими же коварными, как Пламм.

— Я всего лишь юная девушка и мало знаю о таких вещах, но разве мы не *хотим*, чтобы они были коварными? Однажды, как вы помните, я убедила Младших Сыновей и Воронов-Буревестников присоединиться к нам.

— Если Ваше Величество

желает тайно поговорить с Гило Реганом или Оборванным Принцем, я бы мог привести их в ваши покои.

— Сейчас не самое подходящее время. Слишком много глаз, слишком много ушей. Их отсутствие заметят, даже если вам удастся осторожно отозвать их от юнкайцев. Нам нужен более скрытый способ связаться с ними... не сегодня, но скоро.

— Как прикажете. Но боюсь, я не очень гожусь для такого задания. В Королевской Гавани дела подобного рода поручали лорду Мизинцу или Пауку. Мы, старые рыцари — простые люди и хороши только в битве, — он погладил рукоять своего меча.

— Наши пленники, — предложила Дени. — Вестероссы, перешедшие от Гонимых Ветром с тремя дорнийцами. Они все еще в камерах, ведь так? Используйте их.

— Вы имеете в виду освободить наемников? Разве это разумно? Их послали сюда втереться в ваше доверие, и эти люди предадут Ваше Величество при первой же возможности.

— Со своей задачей они не справились. Я им не доверяю. И никогда не буду доверять. — По правде говоря, Дени уже забыла, каково это — доверять людям. — Но все же мы можем их использовать. Одна из них женщина. Мерис.

Отошлите ее назад... как жест моего расположения. Если их капитан — умный человек, то он поймет.

— Женщина — худшая из них.

— Тем лучше, — Дени на мгновение задумалась. — Длинные Копья тоже стоит прощупать. И Братство Кота.

— Кровавая Борода, — сир Барристан насупился еще больше. — Если Ваше Величество позволит, мы не будем иметь с ним дела. Ваше Величество слишком молода, чтобы помнить войну Девятигрошовых Королей, но этот дикарь Кровавая Борода сделан из того же теста — в нем нет чести, а только жажда... золота, славы, крови.

— Вы лучше разбираетесь в таких людях, сир. — Если Кровавая Борода действительно самый бесчестный и жадный из наемников, то его легче всего склонить на свою сторону, но она не хотела идти против советов сира Барристана в подобных вопросах. — Делайте, как считаете нужным. Но быстро. Если миру Хиздара суждено рухнуть, я хочу быть готова. Я не верю работоторговцам. — *Я не верю моему супругу.* — Они набросятся на нас при первых признаках слабости.

— Юнкайцы тоже слабеют. Говорят, кровавый понос охватил лагерь толосийцев, а затем перекинулся через реку на третий

гискарский легион.

Бледная кобыла. Дейенерис вздохнула. Куэйта предупреждала меня о приближении бледной кобылы. О дорнийском принце, сыне солнца, тоже говорила. И много о чем еще, но все загадками.

— Я не могу рассчитывать на мор, который спасет меня от врагов. Освободите Красотку Мерис. Немедленно.

— Как прикажете... Однако... Ваше Величество, могу ли я осмелиться сказать, что есть еще одна дорога...

— Дорнийская дорога? — устало спросила Дени. Три дорнийца присутствовали на празднике, как и

подобало положению принца Квентина, хотя Резнак позаботился, чтобы их посадили как можно дальше от ее супруга. Хиздар не казался ревнивцем, но ни одному мужчине не понравилось бы присутствие соперника рядом с его невестой. — Мальчик кажется приятным и учтивым, но...

— Дом Мартеллов — древний и благородный, и он более ста лет оставался верным другом дому Таргариенов, Ваше Величество. Я имел честь служить с двоюродным дядей принца Квентина среди семерых вашего отца. Принц Ливен показал себя доблестным соратником, о каком любой рыцарь

может только мечтать. Квентин Мартелл той же крови, если угодно Вашему Величеству.

— Мне было бы угодно, если бы он появился с пятьюдесятью тысячами мечей, о которых говорит. Вместо этого он приходит с двумя рыцарями и пергаментом. Пергамент может защитить моих людей от юнкайцев? Вот если бы принц привел флот...

— Солнечное Копье никогда не обладало морской мощью, Ваше Величество.

— Да, — Дени достаточно изучила историю Вестероса, чтобы знать об этом. Нимерия причалила к песчаным берегам Дорна с десятью

тысячами кораблей, но выйдя замуж за своего дорнийского принца, она их все сожгла и навсегда отвернулась от моря. — Дорн слишком далеко. Чтобы угодить этому принцу, я должна отказаться от своего народа. Вы должны отправить его домой.

— Дорнийцы — отъявленные упрямы, Ваше Величество. Предки принца Квентина сражались за вас большую часть последних двухсот лет. Он не уедет без вас.

Тогда он здесь умрет, подумала Дейенерис, разве что в нем есть что-то, чего я пока не разглядела.

— Он все еще на пиру?

— Пьет со своими рыцарями.

— Приведите его ко мне. Пора

ему познакомиться с моими детьми.

Тень сомнения пробежала по
длинному серьезному лицу
Барристана Селми:

— Как прикажете.

Король смеялся с Юркхазом зо
Юнзаком и другими юнкайскими
вельможами. Дени не думала, что он
заметит ее отсутствие, но на всякий
случай предупредила своих служанок
говорить, будто она отвечает на зов
природы, если супруг все-таки будет
спрашивать.

Сир Барристан с дорнийским
принцем ждали ее на лестнице.
Квадратное лицо Мартелла
разрумянилось и покраснело.
Слишком много вина, заключила

королева, хотя он из всех сил пытался это скрыть. Дорниец был одет просто, если не считать медные солнца, украшавшие его пояс. *Они называют его Лягушка*, вспомнила Дени. Она понимала почему. Не самый привлекательный мужчина.

Она улыбнулась:

— Мой принц. Вниз идти долго.

Вы уверены, что хотите этого?

— Если будет угодно Вашему Величеству.

— Тогда пойдете.

Двое Безупречных шли перед ними по лестнице, неся факелы; позади следовали двое Медных Бестий: один в маске рыбы, другой — ястреба. Даже здесь, в ее

собственной пирамиде, в эту счастливую ночь мира и торжества, сир Барристан настоял на присутствии стражи рядом с ней. Небольшая компания совершила длинный спуск в молчании, трижды останавливаясь передохнуть.

— У дракона три головы, — сказала Дени, когда они были на последнем пролете. — Мой брак не должен быть концом всех ваших надежд. Я знаю, почему вы здесь.

— Ради вас, — ответил Квентин, воплощение неуклюжей галантности.

— Нет, — возразила Дени. — Ради огня и крови.

Один из слонов протрубил им из загона. В ответ снизу раздался рев, и

ее лицо внезапно запылало. Принц Квентин в страхе посмотрел наверх.

— Драконы знают, когда она рядом, — сказал ему сир Барристан.

Каждый ребенок знает свою мать, подумала Дени. *Когда высохнут моря и ветер унесет горы, как листья...*

— Они зовут меня. Идемте, — она взяла принца Квентина за руку и повела к яме, где томились в заключении два ее дракона. — Оставайтесь снаружи, — приказала королева сир Барристану, пока Безупречные открывали массивные железные двери. — Принц Квентин защитит меня. — Дени потянула дорнийца внутрь, и они оказались

над ямой.

Драконы вытянули шеи, пристально вглядываясь в них горящими глазами. Визерион раздробил одну цепь и оплавил остальные. Он прицепился к потолку ямы, как огромная белая летучая мышь, крепко вцепившись когтями в обгоревшие крошащиеся кирпичи. Рейегаль, все еще прикованный, грыз тушу быка. Костей на полу пещеры было гораздо больше, чем когда она в последний раз спускалась вниз, а стены и пол стали черно-серыми, состоящими больше из пепла, чем из кирпичей. Они недолго продержатся... но дальше только земля и камень. *Могут ли драконы*

*пройти сквозь скалу, подобно
огненным змеям древней Валирии?*
Дени надеялась, что нет.

Дорнийский принц побелел, как
молоко.

— Я... я слышал, что их было
трое.

— Дрогон охотится. — Ему не
нужно слышать остального. — Белый
— это Визерион, зеленый —
Рейегаль. Я назвала их в честь моих
братьев, — ее голос отразился эхом
от обожженных каменных стен. Он
звучал слабо — голос девочки, а не
королевы и завоевательницы, и не
радостный голос новоиспеченной
невесты.

Рейегаль взревел, и пламя

пронзило яму красно-желтым копьем. Визерион ответил ему своим оранжево-золотым огнем. Когда он взмахнул крыльями, воздух наполнило облако серого пепла. Сломанные цепи лязгнули и загремели на его лапах. Квентин Мартелл отпрыгнул на фут назад.

Более жестокая женщина могла бы посмеяться над ним, но Дени сжала его руку и сказала:

— Меня они тоже пугают. В этом нет ничего постыдного. Мои дети выросли дикими и злыми в темноте.

— Вы...вы намереваетесь летать на них?

— На одном из них. Все, что я

знаю о драконах, — или услышано от брата, когда я была еще ребенком, или прочитано в книгах, но говорят, что даже Эйегон Завоеватель не осмеливался оседлать Вагара или Мераксеса, а его сестры — Балериона Черного Ужаса. Драконы живут дольше людей, некоторые — сотни лет, поэтому у Балериона были другие наездники после смерти Эйегона... но ни один наездник никогда не летал на двух драконах.

Визерион зашипел. Между его зубов сочился дым, а глубоко в горле виднелось бурлящее золотое пламя.

— Они... они страшные создания.

— Они драконы, Квентин, —

Дени приподнялась на цыпочках и легонько поцеловала его в обе щеки. — Так же, как и я.

Юный принц сглотнул:

— Я... Во мне тоже течет кровь дракона, Ваше Величество. Я могу проследить свою родословную до первой Дейенерис, принцессы Таргариенов, которая была сестрой короля Дейерона Доброго и женой принца Дорна. Он построил для нее Водные Сады.

— Водные Сады? — по правде сказать, она очень мало знала о Дорне и его истории.

— Любимое место моего отца. Я бы с удовольствием как-нибудь показал их вам. Там все из розового

мрамора, с бассейнами и фонтанами, и прекрасный вид на море.

— Звучит красиво, — она увлекла его прочь от ямы. *Ему не место здесь. Ему не следовало вообще приезжать.* — Вы должны вернуться туда. Боюсь, мой двор небезопасен для вас. У вас больше врагов, чем вы думаете. Вы заставили Даарио выглядеть глупцом, а он человек не того склада, чтобы забыть такое неуважение.

— У меня есть рыцари. Мои присягнувшие защитники.

— Два рыцаря. У Даарио пять сотен Воронов-Буревестников. И вам стоит также остерегаться моего лорда-супруга. Я знаю, он выглядит

мягким и приятным человеком, но не нужно обманываться. Хиздар получил корону благодаря мне, и ему преданно служат несколько самых грозных бойцов мира. Если кому-нибудь из них придет в голову снискать его расположение, уничтожив соперника...

— Я принц Дорна, Ваше Величество. Я не побегу от рабов и наемников.

Тогда ты и впрямь глупец, Принц-Лягушка. Дени окинула своих диких детей последним долгим взглядом. Она слышала, как они ревели, когда она повела мальчишку к дверям, и видела игру света на камнях — отражение их пламени.

Если я оглянусь, я пропала.

— Сир Барристан вызовет пару портшезов, чтобы отвезти нас обратно на пир, но подъем все равно может оказаться изнурительным, — огромная железная дверь позади них закрылась с гулким лязганьем. — Расскажите мне об этой другой Дейенерис. Историю королевства моего отца я знаю меньше, чем следовало бы. Ведь в детстве у меня никогда не было мейстера. — *Только брат.*

— С удовольствием, Ваше Величество, — сказал Квентин.

Далеко за полночь, когда ушли их последние гости, Дени удалилась в покои, чтобы присоединиться к

своему господину и королю. Хиздар, по крайней мере, выглядел счастливым, хотя и несколько пьяным.

— Я держу свои обещания, — заявил он ей, пока Ирри и Чхику переодевали их для сна. — Ты желала мира, и он твой.

А ты жаждал крови, и очень скоро я должна буду дать тебе ее, подумала Дени, но вслух ответила лишь:

— Я признательна.

Волнения дня воспламенили в ее супруге страсть. Едва служанки удалились спать, как он сорвал с нее одежду и повалил на кровать. Дени обвила его руками и позволила

продолжать. Она знала, что в столь пьяном состоянии он не пробудет в ней долго.

И оказалась права. После он уткнулся носом ей в ухо и прошептал:

— Да будет угодно богам, чтобы сегодня ночью мы сделали сына.

Слова Мирри Маз Дуур зазвенели у нее в ушах. *Когда солнце встанет на западе и опустится на востоке. Когда высохнут моря, и ветер унесет горы, как листья. Когда чрево твое вновь зачнет и ты родишь живое дитя. Тогда он вернется — но прежде не жди!* Смысл этих слов был прост: скорее кхал Дрого вернется из мертвых, чем

она родит ребенка. Но некоторыми секретами она не могла поделиться даже с мужем, поэтому позволила Хиздару зо Лораку тешить себя надеждами.

Ее благородный супруг вскоре заснул. Дейенерис могла только ворочаться рядом. Ей хотелось встряхнуть его, разбудить, заставить себя обнять, поцеловать и снова трахнуть, но даже если бы он это сделал, то после снова бы провалился в сон, оставив ее одну в темноте. Она гадала, что сейчас делает Даарио. Тоже не может заснуть? Думает о ней? Действительно ли он любит ее? Или же ненавидит за брак с Хиздаром?

Мне не следовало пускать его к себе в постель. Он просто наемник, неподходящая партия для королевы, но тем не менее...

Я всегда знала это, но все равно сделала.

— Моя королева? — произнес мягкий голос в темноте.

Дени вздрогнула:

— Кто здесь?

— Всего лишь Миссандея, — переписчица из Наата подошла к кровати. — Ваша слуга слышала, как вы плачете.

— Плачу? Я не плакала. Отчего мне плакать? У меня есть мир, у меня есть мой король, у меня есть все, что королева может пожелать.

Тебе приснился плохой сон, вот и все.

— Как скажете, Ваше Величество, — девочка поклонилась и собралась уйти.

— Останься, — сказала Дени. — Я не желаю быть в одиночестве.

— Его Величество с вами, — отметила Миссандея.

— Его Величество видит сны, а я не могу заснуть. Утром мне придется искупаться в крови. Цена мира, — она грустно улыбнулась и похлопала по кровати. — Подойди. Присядь. Поговори со мной.

— Как вам будет угодно, — Миссандея присела рядом с ней. — О чем мы поговорим?

— О доме, — предложила Дени. — О Наате. О бабочках и братьях. Расскажи о том, что делает тебя счастливой, что заставляет тебя смеяться, обо всех твоих самых приятных воспоминаниях. Напомни мне о том, что в этом мире все еще есть добро.

Миссандея сделала все возможное. Она все еще говорила, когда Дени наконец-то уснула, погрузившись в смутные, странные сны, полные дыма и огня.

Утро наступило слишком быстро.

52. ТЕОН

День подкрался к ним так же, как Станнис — незаметно.

Винтерфелл не спал всю ночь, его стены и башни наводнили люди в шерсти, кольчугах и коже, ожидающие нападения, которое так и не произошло. К тому времени, как небо начало светлеть, бой барабанов затих, хотя сигналы боевого рога донеслись до них еще трижды, каждый раз все ближе и ближе. И по-прежнему шел снег.

— Буря закончится сегодня, — громко настаивал один из выживших помощников конюха. — Ведь еще

даже не зима.

Теон засмеялся бы, если бы осмелился. Он помнил истории Старой Нэн, рассказывавшие о бурях, бушевавших сорок дней и сорок ночей, год, десять лет... бурях, которые хоронили замки, города и целые королевства под сотнями футов снега.

Он сидел в глубине Великого Чертога, недалеко от лошадей, глядя как Абель, Рябина и прачка с мышиного цвета волосами по прозвищу Белка поедают куски черствого черного хлеба, обжаренного на свином жире. Сам Теон завтракал большой кружкой темного эля, мутного от дрожжей и

такого густого, что его можно было жевать. Еще пара кружек, и возможно, план Абея не будет казаться ему настолько безумным.

В Великий Чертог, зевая, вошел Русе Болтон с пухлой и беременной женой, Толстой Уолдой. Его сопровождали несколько лордов и капитанов, в том числе Амбер Смерть Шлюхам, Эйенис Фрей и Роджер Рисвелл. За дальним столом сидел Виман Мандерли, пожирая колбаски и вареные яйца, а рядом с ним беззубый лорд Локе хлебал ложкой кашу.

Вскоре явился и лорд Рамси — застегивая на ходу портупею, он направился в переднюю часть зала.

Он сегодня в дурном настроении. Уж Теон-то мог определить. Барабаны всю ночь не давали ему заснуть, предположил он, или же кто-то вызвал его недовольство. Одно неверное слово, необдуманый взгляд, несвоевременная улыбка могли разгневать его светлость и стоить провинившемуся полосы кожи. Пожалуйста, м'лорд, не смотрите сюда. Одного взгляда может хватить, чтобы Рамси обо всем догадался. Он прочитает это на моем лице. Он узнает. Он всегда знает.

Теон повернулся к Абелю.

— Ничего не выйдет, — его голос прозвучал так тихо, что даже

лошади не смогли бы подслушать. — Нас поймают прежде, чем мы покинем замок. Даже если мы действительно сможем убежать, лорд Рамси выследит нас, он и Костлявый Бен с девочками.

— Лорд Станнис за стенами и, судя по звукам, довольно близко. Все, что нам нужно сделать, — просто добраться до него. — Пальцы Абея танцевали по струнам лютни. Борода певца была каштановой, хотя большая часть его длинных волос уже поседела. — Если Бастард пойдет за нами, то, возможно, проживет достаточно долго, чтобы пожалеть о таком решении.

Рассчитывай на это, подумал

Теон. *Верь в это. Говори себе, что так и будет.*

— Твои женщины станут добычей для Рамси, — сказал он певцу. — Он загонит их, изнасилует, а потом скормит тела своим псам. Если девки заставят его хорошенько погоняться за собой, возможно, следующий выводок сук назовут в их честь. А с тебя Рамси сдерет кожу. Они со Скорняком и Деймоном Ану-ка-потанцуй превратят это в игру. Ты будешь умолять их убить тебя. — Теон схватил руку певца своей искалеченной кистью. — Ты ведь поклялся, что не позволишь мне снова очутиться в его лапах. Ты дал мне слово. — Ему нужно было

услышать это еще раз.

— Слово Абея, — ответила Белка. — Крепкое, как дуб.

Сам Абель только пожал плечами:

— Что бы ни случилось, мой принц.

На помосте Рамси спорил со своим отцом. Они были слишком далеко от Теона, чтобы он мог разобрать хоть слово, но страх на круглом розовом лице Толстой Уолды говорил сам за себя. Он слышал, как Виман Мандерли требует еще колбасы, и как смеется Роджер Рисвелл над шуткой однорукого Харвуда Стаута.

Теон размышлял, увидит ли он

когда-нибудь подводные чертоги
Утонувшего Бога, или его призрак
будет скитаться здесь, в
Винтерфелле. *Мертвец есть
мертвец. Лучшие быть мертвым, чем
Вонючкой.* Если план Абеля сорвется,
Рамси обеспечит им долгую и
мучительную смерть. *На сей раз он
сдерет с меня кожу с головы до пят,
и никакие мольбы не прекратят это
истязание.* Не было такой боли,
которая могла бы сравниться с
агонией, какую умел вызывать
Скорняк своим маленьким ножом
для свежевания. Абель довольно
скоро получит этот урок. И ради
чего? *Джсейни, ее зовут Джсейни, и у
нее глаза не того цвета.* Актриса,

играющая роль. Лорд Болтон знает правду, и Рамси, но остальные — слепцы, даже проклятый бард со своей хитрой усмешкой. Тебя разыграли, Абель, тебя и твоих шлюх-убийц. Вы все умрете из-за фальшивой девчонки.

Он был близок к тому, чтобы рассказать им правду, когда Рябина притащила его к Абелю в развалины Сгоревшей Башни, но в самый последний момент прикусил язык. Певец явно намеревался улизнуть с девчонкой Эддарда Старка. Если бы он узнал, что жена лорда Рамси — всего лишь дочь стюарда...

Двери Великого Чертога с грохотом распахнулись.

Внутри ворвался холодный ветер, и в воздухе засверкало облако бело-голубых льдинок. Сквозь него шагнул сир Хостин Фрей. Он был по пояс облеплен снегом и держал на руках тело. Люди на скамьях опустили кружки и ложки и уставились на ужасное зрелище. Зал притих.

Очередное убийство.

Снег сыпался с плаща сира Хостина пока он шел к главному столу, шаги отдавались гулким эхом. Дюжина рыцарей и воинов Фреев следовали за ним. Одного из мальчиков Теон знал — Большого Уолдера, маленького, с лисьим лицом и худого, как палка. Его грудь,

руки и плащ были забрызганы кровью.

Ее запах привел лошадей в неистовство. Принюхиваясь, выползли из под столов собаки. Со скамей поднялись мужчины. Тело в руках сира Хостина искрилось в свете факелов, одетое в розово-снежную броню. Кровь жертвы заledenела от холода.

— Сын моего брата Меррета, — Хостин Фрей опустил тело перед помостом. — Прирезали как свинью и спрятали в сугроб. *Мальчишку.*

Уолдер Малый, понял Теон. Тот, который больше. Он взглянул на Рябину. Их шесть, помнил он. Любая из них могла сделать это. Но прачка

почувствовала его взгляд.

— Это не наша работа, — сказала она.

— Тихо, — предупредил Абель.

Лорд Рамси спустился с помоста к мертвому мальчику, а его отец медленно поднялся из-за стола — мрачная фигура с бесцветными глазами и неподвижным лицом.

— Грязная работа, — в этот раз голос Русе Болтона звучал достаточно громко, чтобы его слышали все. — Где нашли тело?

— Под разрушенной башней, милорд, — ответил Большой Уолдер. — Той, что со старыми горгульями. — На его перчатках замерзла кровь кузена. — Я говорил

ему не выходить одному, но он ответил, что нужно найти человека, который задолжал ему серебро.

— Какого человека? — требовательно спросил Рамси. — Скажи мне имя. Покажи мне его, парень, и я сделаю тебе плащ из его кожи.

— Он никогда не называл его, милорд. Говорил только, что выиграл деньги в кости, — мальчик Фреев заколебался. — Несколько людей из Белой Гавани учили нас играть в кости. Я не могу сказать, кто именно, но это были они.

— Милорд, — проревел Хостин Фрей. — Мы знаем того, кто убил парня и всех остальных. Не своей

рукой, конечно. Он слишком толст и труслив, чтобы убивать самому. Но он отдал приказ.

Он повернулся к Виману Мандерли:

— Будете отрицать?

Лорд Белой Гавани откусил половину колбаски:

— Признаюсь... — Он вытер рукавом жирные губы. — ... Признаюсь, я слышал об этом мальчике. Оруженосец лорда Рамси, верно? Сколько ему было лет?

— Девять, на последних именинах.

— Так юн, — посетовал Виман Мандерли. — Хотя, может статься, это было благословением. Останься

он жив, мог бы вырасти Фреем.

Сир Хостин пинком сбил столешницу с козел прямо на раздутый живот лорда Вимана. Полетели кружки и блюда, во все стороны посыпались колбаски. Дюжина людей Мандерли с проклятьями вскочила на ноги, хватаясь за ножи, тарелки, бутылки — все, что могло служить оружием.

Сир Хостин Фрей выдернул меч из ножен и прыгнул в сторону Вимана Мандерли. Лорд Белой Гавани попытался уклониться, но столешница придавила его к стулу. Лезвие полоснуло по трем из четырех его подбородков. Во все стороны брызнула кровь. Леди Уолда

завопила и вцепилась в руку своего лорда-супруга.

— Хватит, — крикнул Русе Болтон. — *Прекратите это безумие!*

Его собственные люди бросились вперед, когда рыцари Мандерли, прыгая через скамьи, накинулись на Фреев. Один замахнулся на сира Хостина кинжалом, но здоровенный рыцарь развернулся и отсек ему руку по самое плечо. Лорд Виман вскочил на ноги, но тут же плюхнулся на пол, словно морж, огретый дубиной. Старый лорд Локе призывал мастера, пока Мандерли валялся на полу в расплывающейся луже крови. Собаки вокруг него дрались за

колбасу.

Потребовалось четыре десятка
копейщиков Дредфорта, чтобы
развести сражающихся и положить
конец резне. К этому времени шесть
вассалов Белой Гавани и двое людей
Фреев лежали мертвыми на полу.
Еще дюжина была ранена, а один из
Мальчиков Бастарда, Лутон, шумно
умирал, зовя свою мать и пытаясь
запихнуть горсть скользких
внутренностей обратно через
зияющую в животе рану. Лорд Рамси
утихомирил его, вырвав копье у
одного из людей Уолтона Железные
Икры и всадив его Лутону в грудь.
Даже после этого зал был наполнен
криками, молитвами и проклятиями,

ржанием испуганных лошадей и рычанием сук Рамси. Уолтону пришлось добрую дюжину раз ударить копьём о пол, прежде чем в зале стало достаточно тихо, чтобы Русе Болтон мог быть услышан.

— Я вижу, вы все жаждете крови, — сказал лорд Дредфорта. Подле него стоял мейстер Родри, с вороном на руке. В свете факелов черное оперение птицы блестело, как смола. *Он мокрый*, понял Теон. *И пергамент в руке его светлости тоже, наверное, мокрый. Черные крылья — черные вести.* — Чем поднимать оружие друг против друга, приберегите его для лорда Станниса, — лорд Болтон развернул

пергамент. — Его армия — меньше, чем в трех днях пути, они занесены снегом и голодают, а лично я устал ждать, когда они к нам пожалуют. Сир Хостин, собирайте своих рыцарей и воинов у главных ворот. Раз вы так хотите битвы, то нанесете первый удар. Лорд Виман, собирайте людей из Белой Гавани у восточных ворот. Они выступят тоже.

Меч Хостина Фрея стал красным почти по рукоять, а брызги крови усеяли лицо, словно веснушки. Он опустил свой клинок со словами:

— Как прикажет милорд. Но после того, как я доставлю вам голову Станниса Баратеона, я намерен закончить с разделыванием

туши лорда Сало.

Четыре рыцаря из Белой Гавани сомкнули кольцо вокруг лорда Вимана, пока мейстер Медрик пытался остановить кровотечение.

— Сперва вы должны справиться с нами, сир, — сказал самый старший из них, суровый старик, на чьем окровавленном плаще виднелись три серебряные русалки на лиловом поле.

— С радостью. По одному или со всеми сразу — мне плевать.

— *Довольно*, — проревел лорд Рамси, размахивая своим окровавленным копьем. — Еще одна угроза, и я сам вас всех выпотрошу. Вы слышали, что сказал мой лорд-

отец! Приберегите свой гнев для самозванца Станниса!

Русе Болтон одобряюще кивнул:

— Верно. У вас еще будет время для стычек друг с другом после того, как мы покончим со Станнисом, — он повернул голову, его бледные, холодные глаза шарили по залу, пока не остановились на барде Абеле рядом с Теоном. — Певец, — позвал он, — спой нам что-нибудь успокаивающее.

Абель поклонился:

— Как пожелает ваша милость.

С лютней в руке он не спеша направился к помосту, ловко перепрыгнув через пару трупов, и уселся, скрестив ноги, на главном

столе. Как только он начал играть — грустную, мелодичную песню, которую Теон Грейджой не узнавал — сир Хостин, сир Эйенис и их люди направились к выходу, ведя за собой лошадей.

Рябина схватила Теона за руку:
— Ванна. Прямо сейчас.

Он вырвал руку:

— Днем? Нас заметят.

— Снег укроет нас. Ты оглох?

Болтон отправляет свои отряды. Мы должны попасть к королю Станнису раньше, чем это сделают они.

— Но... Абель...

— Абель может сам о себе позаботиться, — шепнула Белка.

Это безумие. Бездна надежное,

глупое, обреченное. Теон допил остатки эля и неохотно встал:

— Найди своих сестер. Нужна уйма воды, чтобы наполнить ванну для миледи.

Белка ускользнула, бесшумно, как всегда. Рябина вышла за Теоном из зала. С тех пор, как она и сестры нашли его в богороще, одна из них постоянно следовала за Теоном, не спуская с него глаз. Они не доверяли ему. *Да и с чего бы? Я был Вонючкой прежде и могу снова им стать. Вонючка, Вонючка, доносчик-трясучка.*

Снаружи все еще падал снег. Слепленные оруженосцами снеговики превратились в

чудовищных великанов, ростом с десяток футов и отвратительно бесформенных. Теон с Рябиной шли в богорощу между выросших по обеим сторонам белых стен; дорожки, соединяющие друг с другом замок, башню и чертог, превратились в ледяной лабиринт, который приходилось все время расчищать. В этой путанице из замерзших проходов было легко заблудиться, но Теон Грейджой знал каждый изгиб и поворот.

Даже богороща становилась белой. На пруду под сердце-древом образовалась корка льда, а у вырезанного на бледном стволе лика выросли усы из маленьких сосулеч. В

Этот час они не могли надеяться остаться со старыми богами наедине. Рябина потянула Теона подальше от северян, молившихся перед деревом, в укромное место около казарменной стены неподалеку от пруда с теплой грязью, вонявшей тухлыми яйцами. Даже эта грязь начала покрываться льдом по краям, заметил Теон.

— Зима близко...

Рябина бросила на него суровый взгляд:

— Ты не имеешь права произносить девиз лорда Эддарда. Не ты. И никогда. После того, что ты сделал...

— Вы тоже убили мальчишку.

— Не мы! Я же тебе сказала.

— Слова — это ветер. — *Они не лучше меня. Мы одинаковые.* — Вы убили других, почему бы и не его? Желтый Дик...

— ...вонял так же, как и ты. Не человек, а свинья.

— А Уолдер Малый — поросенок. Его убийство заставило Фреев и Мандерли ополчиться друг против друга, это было ловко, вы...

— *Не мы,* — Рябина схватила его за горло и прижала к стене казармы. Их лица почти соприкоснулись. — Скажешь такое снова, и я вырву твой лживый язык, братоубийца.

Он улыбнулся, показав сломанные зубы:

— Не вырвешь. Тебе нужен мой язык, чтобы миновать стражу. Тебе нужна моя ложь.

Рябина плюнула ему в лицо. Потом отпустила его и вытерла руки в перчатках о бедра, как будто одно прикосновение к нему могло ее испачкать.

Теон понимал, что лучше ее не злить. По-своему эта женщина была не менее опасна, чем Скорняк или Деймон А-ну-ка-потанцуй. Но он замерз и устал, в голове шумело, и он уже несколько дней не спал.

— Я совершил ужасные вещи... стал предателем и перевертышем, обрек на смерть доверившихся мне людей... но я не братоубийца.

— Мальчики Старка не были тебе братьями, ага. Мы знаем.

Что ж, это правда, но Теон имел в виду другое. *Мы не родня по крови, и все же я никогда не причинял им зла. Мы убили всего лишь сыновей мельника.* Теону не хотелось думать об их матери. Он знал жену мельника много лет, даже спал с ней. *Большие тяжелые груди с широкими темными сосками, сладкие губы, веселый смех. Радости, которых мне больше не вкусить.*

Но какой смысл говорить об этом Рябине? Она никогда не поверит ему, впрочем, как и он ей.

— На моих руках кровь, но не кровь братьев, — сказал он

устало. — И я понес свое наказание.

— Этого мало, — ответила Рябина и отвернулась.

Глупая женщина. Он, может, сломлен и разбит, но все еще носит кинжал. Было бы несложно незаметно достать его и вонзить ей между лопаток. Пусть у него выбиты зубы и изувечено тело, но такое ему еще под силу. В своем роде даже добрый поступок — быстрая и чистая смерть по сравнению с тем, что ждет ее с сестрами, если Рамси их схватит.

Вонючка мог так поступить. И *поступил бы* в надежде угодить лорду Рамси. Эти шлюхи хотели похитить невесту Рамси, и Вонючка не мог

такого позволить. Но древние боги узнали его и назвали Теоном. Железнорожденный, я был железнорожденным, сыном Бейлона Грейджоя и законным наследником Пайка. Обрубки пальцев болели и подергивались, но он оставил кинжал в ножнах.

Вернулась Белка и привела за собой остальных четырех: худощавую седую Мирту, Иву Ведьмин Глаз с длинной черной косой, Френию с необъятной талией и огромными грудями, Ягодку с ее ножом. Поверх грубых тускло-серых платьев служанок они надели коричневые шерстяные плащи, подбитые белым кроличьим мехом. *Никаких мечей,*

заметил Теон. *Никаких топоров или молотов, никакого оружия кроме ножей.* Ягодка застегнула плащ серебряной пряжкой, а Френия подпоясалась пеньковой веревкой, обмотавшись ею от бедер и до груди. Так она выглядела еще грузнее, чем была на самом деле.

Мирта принесла для Рябины платье служанки.

— Все дворы заполнены этими идиотами, — предупредила она. — Они собираются выезжать.

— Коленопреклоненные, — сказала Ива, презрительно фыркнув. — Что их драгоценный лорд прикажет, то и делают.

— Они умрут, — радостно

прощебетала Ягодка.

— Как и мы, — произнес Теон. — Даже если у нас получится пройти мимо стражников, как вы думаете вызволить леди Арью?

Ягодка улыбнулась:

— Шесть женщин войдет, шесть женщин выйдет. Кто смотрит на служанок? Мы нарядим девочку Старков в одежду Белки.

Теон взглянул на Белку. *Они сложены почти одинаково. Может сработать.*

— А как выйдет Белка?

Белка ответила сама:

— Через окно, прямо в богорощу. Мне было двенадцать, когда брат впервые взял меня в набег

на вашу сторону Стены. Там я и получила свое прозвище. Брат сказал, что я была похожа на белку, прыгающую по деревьям. С тех пор я перебиралась через Стену и обратно шесть раз. Так что спуститься с каменной башни я уж как-нибудь сумею.

— Доволен, перевертыш? — спросила Рябина. — Тогда приступим.

Просторная кухня Винтерфелла занимала целое здание: ее построили довольно далеко от основных помещений замка — на случай, если вдруг случится пожар. Внутри запахи сменялись час за часом — то неизменный аромат жареного мяса,

то лука, то свежее испеченного хлеба. Русе Болтон выставил возле дверей охрану: с таким количеством едоков каждый кусочек был на вес золота. Даже за поварами и поварятами постоянно следили. Но охрана знала Вонючку. Им нравилось насмехаться над ним, когда он приходил за горячей водой для ванны леди Арьи. Никто, однако, не осмеливался на большее. Вонючка был питомцем лорда Рамси.

— Принц Смрада пришел за горячей водой, — объявил один из стражников, когда перед ним появились Теон со служанками. Он толчком открыл им дверь. — Поживей, пока весь этот сладкий

теплый воздух не сбежал.

Внутри Теон схватил за руку проходящего мимо поваренка.

— Горячей воды для м'леди, парень, — приказал он. — Шесть полных ведер, да смотри, чтоб вода была без мути и горячей. Лорд Рамси хочет, чтобы его жена стала розовой и чистой.

— Да, м'лорд, — ответил мальчик. — Сию минуту, м'лорд.

«Сию минуту» длилось дольше, чем хотелось бы Теону. Все большие котлы оказались грязными, и поваренку пришлось чистить один из них, прежде чем наполнить водой. А потом понадобилась целая вечность, чтобы вскипятить воду, и две

вечности, чтобы наполнить шесть деревянных ведер. Все это время женщины Абея ждали, скрывая лица под широкими капюшонами. *Они все делают неправильно.* Настоящие служанки всегда поддразнивают служек, флиртуют с поварами, выманивая кусочки того или иного блюда. Рябина и ее сестры-заговорщицы не желали привлекать внимания, однако их угрюмое молчание вскоре показалось охранникам подозрительным.

— Где Мейси и Джек, и те, другие девчонки? — спросил один Теона. — Те, которые всегда приходят?

— Леди Арья недовольна

ими, — соврал тот. — В прошлый раз вода остыла еще до того, как попала в ванну.

От ведер поднимались клубы пара, в которых таяли падающие снежинки. Процессия отправилась обратно через лабиринт проходов с ледяными стенами. С каждым шагом плещущая о края вода становилась все прохладнее. Проходы были запружены отрядами: одетыми в броню рыцарями в шерстяных накидках и меховых плащах, латниками с копьями на плечах, лучниками с пучками стрел и луками с ненатянутой тетивой, вольными всадниками и конюхами, ведущими боевых коней. Люди Фреев носили

одежду с символом двух башен, вассалы Белой Гавани — водяного с трезубцем. Они пробирались сквозь бурю в противоположных направлениях и настороженно смотрели друг на друга, но мечи оставались в ножнах. Здесь. *В лесу все может измениться.*

Полдюжины крепких людей Дредфорта охраняли вход в Большой замок.

— Еще одна проклятая ванна? — спросил сержант, увидев ведра с кипятком. От холода он прятал руки подмышками. — Она же принимала ее прошлым вечером. Как женщина может стать грязной, не вылезая из собственной постели?

Еще как может, если делит эту постель с Рамси, подумал Теон, вспоминая брачную ночь и все то, чем его и Джейни заставили заниматься.

— Приказ лорда Рамси.

— Тогда заходите, пока вода не замерзла, — разрешил сержант.

Двое стражников распахнули двустворчатые двери.

У входа было так же холодно, как и снаружи. Ягодка отряхнула снег с сапог и опустила капюшон плаща.

— Я думала, будет труднее, — она выдохнула облачко пара.

— Наверху, у спальни м'лорда, есть еще охранники, — предупредил ее Теон. — Люди Рамси, — он не

отваживался назвать их Мальчиками Бастарда, не здесь. Никогда не знаешь, кто тебя может услышать. — Не поднимайте головы и не снимайте капюшоны.

— Делай, как он говорит, Ягодка, — сказала Рябина. — Вдруг тебя здесь кто-нибудь узнает? А нам не нужны проблемы.

Теон повел их вверх по лестнице. *Я поднимался по этим ступенькам тысячу раз.* В детстве он взбегал наверх; спускаясь, перескакивал через три ступеньки. Однажды он прыгнул прямо на Старую Нэн и сбил ее с ног. Он получил тогда самую большую трепку за все время в Винтерфелле,

хотя это можно было назвать щекоткой, по сравнению с тем, как его лупили братья на Пайке. Они с Роббом часто героически сражались на этих ступенях, круша друг друга деревянными мечами. Хорошая тренировка, которая давала понять, как тяжело пробиваться вверх по спиральной лестнице, встречая решительное сопротивление. Сир Родрик не раз повторял, что один хороший воин может удерживать внизу целую сотню.

Но это было очень давно. Теперь все они мертвы: Джори, старый сир Родрик, лорд Эддард, Харвин и Халлен, Кейн и Десмонд, Толстый Том, Алин со своими мечтами о

рыцарстве, Миккен, который подарил ему его первый настоящий меч. И даже Старая Нэн, скорее всего, тоже умерла.

И Робб. Робб, которого Теон считал братом больше, чем любого из сыновей, рожденных от чресел Бейлона Грейджоя. *Жестоко убит на Красной Свадьбе, зарезан Фреями. Я должен был быть с ним. Где я был? Я должен был умереть вместе с ним.*

Теон остановился так резко, что Ива чуть не врезалась ему в спину. Они пришли. Двери в покои Рамси охраняли двое Мальчиков Бастарда — Кислый Алин и Ворчун.

Старые боги, должно быть,

благоволят нам. У Ворчуна нет языка, а у Кислого Алина нет мозгов, как говаривал лорд Рамси. Один был грубым, а другой злобным, но оба провели большую часть жизни на службе в Дредфорте. Они делали то, что им говорили.

— Я принес горячей воды для леди Арьи, — сказал им Теон.

— Попробуй как-нибудь и сам помыться, Вонючка, — посоветовал Кислый Алин. — От тебя несет лошадиной мочой. — Ворчун хрюкнул в знак согласия. Или, возможно, такой звук у него считался смехом. Тем не менее, Алин открыл дверь в спальню, и Теон взмахом руки велел женщинам заходить.

В эту комнату не проникал ни один луч света. Повсюду царили тени. Единственное бревно тихо потрескивало среди догорающих углей очага, и одинокая свеча мерцала на столике рядом с пустой измятой постелью. *Девчонка исчезла*, подумал Теон. *В отчаянии выбросилась из окна*. Но из-за бури те были закрыты ставнями и запечатаны коркой замерзшего снега.

— Где она? — спросила Ягодка. Ее сестры вылили воду в большую круглую деревянную ванну. Френия закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. — *Где она?* — повторила Ягодка. Снаружи ревел рог. *Труба. Это Фреи, готовятся к битве.*

Отсутствующие пальцы Теона
принялись немилосердно зудеть.

И тут он увидел ее. Она забилась
в самый темный угол спальни,
свернувшись в клубочек на полу под
грудой волчьих шкур. Теон мог бы ее
вовсе не заметить, если бы девушку
не била дрожь. Джейни накрылась
мехами, чтобы спрятаться. *От нас?*
Или она ожидала прихода своего
лорда-супруга? От мысли, что сюда
мог явиться Рамси, ему захотелось
кричать.

— Миледи, — Теон не мог
заставить себя обратиться к ней
«Арья» и не осмеливался называть
«Джейни». — Не нужно прятаться.
Это друзья.

Меха зашевелились. Он увидел глаз, блестящий от слез. *Темный, слишком темный. Карий глаз.*

— Теон?

— Леди Арья, — Рябина подошла ближе. — Вы должны пойти с нами, и быстро. Мы пришли, чтобы отвести вас к вашему брату.

— К брату? — лицо девушки показалось из-под волчьей шкуры. — Я... У меня нет никаких братьев.

Она забыла, кто она. Она забыла свое имя.

— Это так, — сказал Теон, — но когда-то у вас были братья. Трое. Робб, Бран и Рикон.

— Они мертвы. Теперь у меня нет братьев.

— У вас есть сводный брат, — возразила Рябина. — Лорд Ворона.

— Джон Сноу?

— Мы отведем вас к нему, но уходить нужно немедленно.

Джейни подтянула волчьи шкуры до подбородка:

— Нет. Здесь какой-то подвох. Это он, мой... господин, мой милый лорд, он послал вас, это просто какая-то проверка, чтобы убедиться, что я люблю его. Я люблю, люблю, я люблю его больше всего на свете, — по ее щеке сбежала слеза. — Скажите ему, скажите. Я сделаю все, что он захочет... что бы он ни захотел... с ним или... или с собакой, или... пожалуйста... ему не придется

отрезать мне ноги, я никогда не буду пытаться убежать, я подарю ему сыновей, я клянусь, клянусь...

Рябина тихо присвистнула:

— Прокляните боги этого человека.

— Я *хорошая* девочка, — захныкала Джейн. — Меня *обучали*.

Ива нахмурилась:

— Кто-нибудь, утихомирьте ее. Тот охранник немой, а не глухой. Они услышат.

— *Подними* ее, перевертыш, — Ягодка держала в руке нож. — *Подними* ее, или это сделаю я. *Нам надо идти*. *Подними* эту мелкую дырку на ноги и встряхни, чтобы придать ей смелости.

— А если она закричит? —
вмешалась Рябина.

Мы все покойники, думал Теон. Я говорил им, что это глупость, но никто не слушал. Абель обрек их на смерть. Все певцы — немного безумные. В песнях герой всегда спасает девицу из замка чудовища, но жизнь — не песня, как и Джейн — не Арья Старк. Ее глаза не того цвета. И никаких героев вокруг, только шлюхи. Тем не менее, он наклонился, откинул меха и прикоснулся к ее щеке:

— Ты знаешь меня. Я — Теон, помнишь? Я тебя тоже знаю. Я знаю твое имя.

— Мое имя? — она затрясла

головой. — Мое имя... я...

Он прижал палец к ее губам:

— Мы можем поговорить об этом позже. А сейчас тебе надо вести себя тихо. Пойдем с нами. Со мной. Мы вытащим тебя отсюда. Заберем от него.

Ее глаза расширились:

— Пожалуйста, — прошептала она, — о, пожалуйста.

Теон взял ее под руки. Обрубки его пальцев покалывало, когда он поднимал девочку на ноги. Волчья шкура соскользнула, и под ней она оказалась голой. Маленькую бледную грудь покрывали следы зубов. Он услышал, как одна из женщин шумно выдохнула.

Рябина сунула ему в руки сверток одежды:

— Одень ее. На улице холодно.

Белка разделась до белья и начала рыться в резном сундуке из кедра в поисках чего-нибудь потеплее. В конце концов, она остановилась на одном из стеганых камзолов лорда Рамси и поношенной паре бриджей, которые топорщились на ее ногах, как паруса корабля во время шторма.

С помощью Рябины Теон помог Джейни Пуль облачиться в одежду Белки. *Если боги будут добры, а стражники слепы, ей удастся пройти.*

— Сейчас мы выйдем и

спустимся вниз, — сказал Теон девушке. — Опусть голову вниз и подними капюшон. Иди за Ягодкой. Не беги, не плачь, не разговаривай и никому не смотри в глаза.

— Будь рядом, — попросила его Джейни. — Не оставляй меня.

— Я все время буду рядом, — пообещал ей Теон, а Белка скользнула в постель леди Арьи и с головой накрылась одеялом.

Френия открыла дверь спальни.

— Ты хорошенько ее искупал, Вонючка? — поинтересовался Кислый Алин, когда они вышли. Ворчун успел схватить за грудь проходящую мимо него Иву. Хорошо, что он выбрал ее — если бы мужчина

тронул Джейни, она могла бы вскрикнуть. Тогда Ягодка перерезала бы ему глотку ножом, спрятанным в рукаве. Ива же просто уклонилась и пошла дальше.

На какой-то миг успех почти опьянил Теона. *Они даже не взглянули. Они ничего не увидели. Мы провели девчонку прямо у них под носом!*

Но на лестнице страх вернулся. А вдруг им встретятся Скорняк, или Деймон А-ну-ка-потанцуй, или Уолтон Железные Икры? Или Рамси собственной персоной? *Храните меня боги, только не Рамси. Кто угодно, только не он.* Что толку было вытаскивать ее из спальни? Они ведь

по-прежнему в замке, где все ворота заперты, решетки опущены, а на стенах полно часовых. От Ягодки и ее ножа мало немного пользы против шестерых мужчин в доспехах, с мечами и копьями.

Но стражники внизу съежились у дверей, повернувшись спинами к ледяному ветру и метели. Даже сержант бросил на них лишь мимолетный взгляд. Теон почувствовал укол жалости к нему и его людям. Рамси с них всех сдерет шкуры, узнав об исчезновении своей молодой жены. А что он сделает с Ворчуном и Кислым Алином — даже представить страшно.

Пройдя не дальше десяти ярдов

от дверей, Рябина выпустила из рук пустое ведро, сестры последовали ее примеру. Большой замок позади уже скрылся из виду. Двор казался белой пустыней, полной отголосков, странно звучащих посреди бури. Сначала снежные стены доходили им до колен, потом до пояса и, наконец, стали выше их голов. Они находились в самом сердце Винтерфелла, но в это трудно было поверить. Точно так же они могли бы сейчас блуждать и в Стране Вечной Зимы, в тысяче лиг за Стеной.

— Холодно, — хныкала Джейни Пуль, ковыляя рядом с Теоном.

А скоро станет еще холоднее. За стенами замка их поджидает зима,

оскалившись ледяными зубами. *Если мы сможем забраться так далеко.*

— Сюда, — сказал он, когда они оказались на пересечении трех ледяных проходов.

— Френия, Ягодка, идите с ними, — велела Рябина. — Мы придем с Абелем. Не ждите нас.

С этими словами она повернулась и ушла в метель в сторону Великого Чертога. Ива и Мирта поспешили за ней, их плащи хлопали на ветру.

Все безумнее и безумнее, подумал Теон Грейджой. Побег казался маловероятным и со всеми шестью женщинами Абеля; с двумя же — совершенно невозможным. Но

они уже слишком далеко зашли, чтобы просто вернуть девушку в ее спальню и сделать вид, что ничего не случилось. Вместо этого он взял Джейни под руку и потянул в проход, ведущий к Зубчатым воротам. *Лишь наполовину ворота*, напомнил себе он. *Даже если нас пропустят, за пределы внешней стены все равно не попасть.* По ночам стража разрешала Теону пройти, но он всегда приходил один. С тремя же служанками на буксире его так просто не выпустят, а если охранники заглянут под капюшон Джейни и узнают жену лорда Рамси...

Проход повернул налево. Впереди за пеленой падающего снега

зияли Зубчатые ворота. Их охраняли два стражника — огромные, словно медведи, в своих мехах, шерсти и коже. Они держали в руках копья восьми футов длиной.

— Кто идет? — окликнул один. Теон не узнал этот голос. Почти все лицо мужчины было укутано шарфом, виднелись только глаза. — Вонючка, ты?

Да, хотел сказать он. Но вдруг услышал свой ответ:

— Теон Грейджой. Я... Я привел для вас женщин.

— Вы, бедняжки, должно быть совсем замерзли, — сказала Ягодка. — Иди сюда, дай-ка я тебя согрею, — она скользнула мимо

копья стражника, потянулась к его лицу и, сдвинув к подбородку полузамерзший шарф, поцеловала. Как только их губы соприкоснулись, ее кинжал чиркнул по его горлу, чуть пониже уха. Теон увидел, как расширились глаза мужчины. На губах Ягодки была кровь, когда она отступила, и та же кровь лилась изо рта стражника, когда он упал.

Второй стражник все еще стоял с открытым от изумления ртом, когда Френия схватила его копье. Они мгновение боролись, дергая его туда-сюда, пока женщина рывком не вырвала оружие из его пальцев и не ударила тупым концом копья в висок. Когда он отшатнулся, она

перехватила копье и с ворчанием вогнала острый конец прямо ему в живот.

Джейни Пуль пронзительно закричала.

— Проклятое дерьмо, — выругалась Ягодка. — Сейчас сюда точно сбегутся все коленопреклоненные. *Бегите!*

Теон одной рукой зажал рот Джейни, другой обхватил ее за талию и потащил мимо мертвого и умирающего стражников через ворота на замерзший ров. Возможно, старые боги все еще хранили их: подъемный мост был опущен, чтобы защитники Винтерфелла могли быстрее добираться до внешних

зубчатых стен. Позади них звучали сигналы тревоги и топот ног, потом с укреплений на внутренней стене донесся звук трубы.

На подъемном мосту Френия остановилась и повернулась к ним:

— Идите. Я задержу коленопреклоненных здесь, — она все еще сжимала в своих больших руках окровавленное копье.

Теон с трудом стоял на ногах, когда они достигли основания лестницы. Он перекинул девушку через плечо и начал подниматься. Джейни перестала сопротивляться, и, кроме того, была довольно легкой... но ступени оказались скользкими — их покрывал лед,

припорошенный снегом. На полпути он оступился и сильно ударился коленом. От боли Теон чуть не выронил девушку и на какое-то мгновение испугался, что дальше идти уже не сможет. Но Ягодка помогла ему подняться на ноги, и им вдвоем наконец удалось подтащить Джейни к краю стены.

Тяжело дыша, Теон прислонился к зубцу. Откуда-то снизу, где в снегу дралась Френия с полудюжиной стражников, доносились вопли.

— Куда теперь? — прокричал он Ягодке. — Куда теперь идти? *Как нам отсюда выбраться?*

Ярость на лице Ягодки сменилась ужасом.

— О-о, чтоб меня! Веревка! —
она истерично засмеялась. —
Веревка у Френиш! — и вдруг ахнула,
схватившись за живот — из него
торчала арбалетная стрела. Девушка
вцепилась в нее рукой, с пальцев
потекла кровь. —

Коленопреклоненные на внутренней
стене... — выдохнула она перед тем,
как еще одна стрела пробила ей
грудь. Ягодка попыталась ухватиться
за ближайший зубец и упала вниз.
Снег, в который она рухнула, с тихим
звуком поглотил ее тело.

Слева раздавались крики.
Джейни Пуль, не отрываясь,
смотрела вниз, на то, как снежное
покрывало над Ягодкой становилось

из белого красным. Теон знал, что на внутренней стене арбалетчик сейчас перезаряжает свое оружие. Он повернул направо, но и оттуда к ним бежали люди с мечами в руках. Далеко на севере он услышал рев боевого рога. *Станнис*, в отчаянии подумал он. *Станнис — наша единственная надежда, если мы сможем добраться до него.* Завывал ветер, а они с Джейни оказались в западне.

Щелкнул арбалет. Стрела пролетела в футах от него, разбив корку замершего снега на ближайшей к ним бойнице. Ни Абея, ни Рябины, ни других прачек нигде не было видно. Они остались совсем

одни. *Если нас возьмут живьем, то отправят к Рамси.*

Теон обхватил Джейни за талию и прыгнул.

53. ДЕЙЕНЕРИС

Небо было безжалостно синим, без единого облачка. *Скоро кирпичи раскалятся на солнце*, подумала Дени. *Внизу на песке бойцы будут чувствовать жар даже через подошвы сандалий.*

Чхику сняла шелковое одеяние с плеч королевы, а Ирри помогла ей забраться в купальню. На воде мерцал свет восходящего солнца, дробясь на части в тени от ветвей хурмы.

— Даже если ямы нужно вновь открыть, обязательно ли Вашему Величеству присутствовать? —

спросила Миссандея, пока мыла королеве волосы.

— Половина Миэрина явится туда, чтобы посмотреть на меня, моя милая.

— Ваше Величество, — сказала Миссандея, — ваша слуга просит позволения заметить, что половина Миэрина явится туда, чтобы посмотреть на истекающих кровью и умирающих людей.

Она права, знала королева, но это не имеет значения.

Вскоре Дени уже была чистой, как никогда. С мягким всплеском она встала на ноги. Вода стекала по ее ногам и украсила бусинками грудь. В небе поднималось солнце — скоро ее

люди начнут собираться. Она предпочла бы весь день оставаться в ароматной купальне, вкушая охлажденные льдом фрукты с серебряных подносов и мечтая о доме с красной дверью, но королева принадлежит народу, а не себе.

Чхику принесла мягкое полотенце, чтобы вытереть ее.

— Кхалиси, какой токарь вы сегодня выберете? — спросила Ирри.

— Из желтого шелка. — Королева кроликов не может появляться на людях без кроличьих ушей. Желтый шелк был легким и прохладным, а внизу, в ямах, жара будет невыносимой. *Красный песок обожжет подошвы тех, кто умрет*

сегодня. — И длинную красную вуаль сверху. — Вуаль не даст песку лететь ей в рот. И брызги крови на красном будут не так заметны.

Пока Чхику расчесывала волосы королевы, а Ирри красила ей ногти, служанки весело болтали о предстоящих состязаниях. Вернулась Миссандея.

— Ваше Величество, когда оденетесь, король просит вас присоединиться к нему. А еще пришел принц Квентин со своими дорнийцами. Они умоляют вас о встрече, если вам будет угодно.

Из всего, предстоящего сегодня, мало что будет мне угодным.

— В другой раз.

У подножия Великой Пирамиды их ожидал сир Барристан, стоя возле украшенного открытого паланкина, окруженного Медными Бестиями. *Сир Дедушка*, подумала Дени. Несмотря на возраст, в подаренной ею броне он выглядел высоким и красивым.

— Мне было бы гораздо спокойнее, будь с вами сегодня охрана из числа Безупречных, Ваше Величество, — сказал старый рыцарь, пока Хиздар отошел поприветствовать своего кузена. — Половина Медных Бестий — неиспытанные вольноотпущенники. — *А другая половина — миэринцы сомнительной*

верности, но эти слова остались непроизнесенными. Селми не доверял никому из миэринцев, даже бритоголовым.

— Они так и останутся неиспытанными, если мы их не испытаем.

— Под маской можно многое утаить, Ваше Величество. Человек в маске совы — та ли это сова, что охраняла вас вчера и позавчера? Откуда нам знать?

— Как Миэрин научится доверять Медным Бестиям, если я сама не буду им доверять? За этими масками — хорошие смелые люди, и я вверяю им свою жизнь, — Дени улыбнулась ему. — Сир, вы слишком

переживаете. Ведь со мной будете вы, какая же еще мне нужна защита?

— Я всего лишь старик, и я один, Ваше Величество.

— Бельвас-Силач тоже будет со мной.

— Как скажете. — Сир Барристан понизил голос: — Ваше Величество, мы освободили ту женщину, Мерис, как вы и приказывали. Перед уходом она хотела поговорить с вами. Я встретился с ней вместо вас. Она утверждает, что этот Оборванный Принц с самого начала собирался привести Гонимых Ветром сражаться на вашей стороне. И что он послал ее сюда тайно встретиться с вами, но

дорнийцы выдали их и предали раньше, чем ей удалось к вам приблизиться.

Предательство на *предательстве*, устало подумала королева. *Неужели это никогда не закончится?*

— Чему из сказанного вы верите, сир?

— Немногому, Ваше Величество, но таковы были ее слова.

— Перейдут ли они на нашу сторону, если понадобится?

— Она говорит, что перейдут. Но за плату.

— Заплати. — Миэрину нужно железо, а не золото.

— Оборванный Принц попросит не деньги, Ваше Величество. Мерис говорит, что он хочет получить Пентос.

— Пентос? — ее глаза сузились. — Как я могу дать ему Пентос? Он находится за полмира отсюда.

— Эта женщина, Мерис, предположила, что он согласится подождать. Пока мы не выступим на Вестерос.

А если я никогда не выступлю на Вестерос?

— Пентос принадлежит пентошійцам. И в Пентосе — магистр Иллирио. Это он устроил мою свадьбу с кхалом Дрого и

подарил драконьи яйца. И он же послал ко мне тебя, Бельваса и Гролео. Я очень многим ему обязана. Я *не стану* выплачивать долг, отдавая его город какому-то наемнику. Нет.

Сир Барристан склонил голову:

— Ваше Величество говорит мудро.

— Видела ли ты когда-нибудь столь благоприятный день, любовь моя? — заметил Хиздар зо Лорак, когда она присоединилась к нему. Он помог Дени подняться на паланкин, где бок о бок стояли два высоких трона.

— Для тебя он, возможно, и благоприятный. А для тех, кому суждено умереть до заката, он может

оказаться совсем не таким.

— Все люди умирают, — сказал Хиздар, — но не всем удастся сделать это в лучах славы, под приветственные крики горожан. — Он махнул рукой солдатам, охраняющим двери. — Открывайте.

Площадь перед ее пирамидой была вымощена разноцветными кирпичами, от них волнами поднимался жар. Повсюду толпились люди. Одни перемещались на носилках или в паланкинах, другие — верхом на ослах, а многие же просто шли пешком. Девять из десяти двигались на запад, по широкой кирпичной дороге, ведущей к Яме Дазнака. Увидев появившийся

из пирамиды паланкин, ближайшие к нему люди принялись радостно приветствовать его, и волна возгласов распространилась по всей площади. *Как странно, подумала королева. Они чувствуют меня на той же площади, где я когда-то посадила на кол сто шестьдесят трех Великих Господ.*

Чтобы расчистить путь по улицам, перед королевской процессией несли большой барабан. После каждого удара бритоголовый глашатай в рубахе из полированных медных пластин кричал, приказывая толпе разойтись.

БУМ.

— Они идут!

БУМ.

— Дорогу!

БУМ.

— Королева!

БУМ.

— Король!

БУМ.

За барабанщиком шеренгами по
четыре шли Медные Бестии. Одни с
дубинками, другие с посохами; все в
складчатых юбках, кожаных
сандалиях и лоскутных плащах из
разноцветных кусочков,
напоминавших оттенками
разноцветные миэринские кирпичи.
Их маски сверкали на солнце: быки и
кабаны, ястребы и цапли, львы,
тигры и медведи, змеи с

раздвоенными языками и жуткие василиски.

Бельвас-Силач, который недолюбливал лошадей, шел пешком перед паланкином в своем шипованном жилете, его коричневый, покрытый шрамами живот, покачивался на каждом шагу. Ирри и Чхику вместе с Агто и Ракхаро ехали верхом, за ними следовал Резнак в украшенном портшезе с навесом, защищавшим от солнца. Сир Барристан Селми держался рядом с Дени — его броня сияла на солнце, а с плеч спадал длинный плащ, белый, как кость. В левой руке у него был большой белый щит. Дорнийский принц Квентин

Мартелл с двумя своими спутниками ехал чуть позади.

Колонна медленно ползла по длинной улице, вымощенной кирпичом.

БУМ.

— Они идут!

БУМ.

— Наша королева! Наш король!

БУМ.

— Освободите дорогу!

Дени слышала, как у нее за спиной спорили служанки, обсуждая, кто победит в финальной схватке дня. Чхику благоволила Гогору-Великану, больше похожему на быка, чем на человека — вплоть до бронзового кольца в носу. Ирри

настаивала, что цеп Белакво Костолома докажет уязвимость Великана. *Мои служанки — дотракийки*, сказала она себе. *Смерть скачет рядом с каждым кхаласаром*. В день, когда она вышла замуж за кхала Дрого, на ее свадебном пиру сверкали аракхи, и пока одни люди умирали, другие пили и совокуплялись. У коневодов жизнь и смерть шли рука об руку, и брызги крови считались благословением для брака. Ее новый брак также вскоре оросит кровь. Станет ли он от этого благословенным?

БУМ, БУМ, БУМ, БУМ, БУМ, БУМ, зазвучали удары барабана,

быстрее, чем раньше, неожиданно зло и нетерпеливо. Колонна внезапно остановилась между розово-белой пирамидой Палей и черно-зеленой Накканов, и сир Барристан обнажил свой меч.

Дени повернулась к супругу:

— Почему мы стоим?

Хиздар встал:

— Путь закрыт.

Поперек дороги лежал перевернутый паланкин. Один из его носильщиков, не выдержавший жары, растянулся на кирпичах.

— Помогите ему, — приказала Дени. — Унесите этого человека с улицы, пока его не затоптали, и дайте еды и воды. Он выглядит так, будто

не ел две недели.

Сир Барристан настороженно озирался по сторонам. На террасах виднелись гискарские лица, смотревшие вниз холодными и недружелюбными глазами.

— Ваше Величество, мне не нравится эта задержка. Она может оказаться ловушкой. Сыны Гарпии...

— ...укрощены, — объявил Хиздар зо Лорак. — Зачем им вредить моей супруге, если она признала меня своим королем и консортом? А теперь помогите тому человеку, как приказала вам моя милая королева. — Он взял Дени за руку и улыбнулся.

Дени наблюдала, как Медные

Бестии выполняют приказ.

— Эти носильщики до моего прихода были рабами. Я их освободила. Но тот паланкин легче не стал.

— Верно, — согласился Хиздар, — но теперь людям платят за то, что они его носят. До твоего прихода над упавшим человеком стоял бы надсмотрщик и снимал бы кнутом кожу с его спины. А сейчас ему помогают.

Это было правдой. Медная Бестия в маске кабана предложил носильщику бурдюк с водой.

— Я думаю, мне стоит быть благодарной за маленькие победы, — сказала королева.

— Один шаг, затем еще один, и скоро мы побежим. Вместе мы создадим новый Миэрин. — Улица перед ними наконец очистилась. — Можем ли мы ехать дальше?

Что ей оставалось, кроме как кивнуть? *Один шаг, затем еще один, но куда я иду?*

У ворот Ямы Дазнака возвышались два бронзовых воина, застывших в смертельном поединке. Один был вооружен мечом, второй — топором; скульптор изобразил их убивающими друг друга, лезвия и тела образовывали арку.

Смертельное искусство,
подумала Дени.

Она много раз видела бойцовые

ямы со своей террасы. Самые маленькие усеивали лицо Миэрина, как оспины, большие же были незаживающими ранами, красными и кровоточащими. Но ни одна не могла сравниться с этой. Бельвас-Силач и сир Барристан встали по обе стороны от Дени и ее лорда-супруга, когда те проходили под бронзовыми статуями к краю огромной кирпичной чаши, опоясанной уходящими вниз рядами разноцветных скамеек.

Хиздар зо Лорак провел ее ниже, через черный, фиолетовый, синий, зеленый, белый, желтый и оранжевый ряды к красному, туда, где алый кирпич принял цвет песка

под ним. Вокруг них уличные торговцы продавали колбаски из собачатины, жареный лук и нерожденных щенков на палочках, но Дени не нужно было ничего из этого — Хиздар снабдил их ложу бутылками охлажденного вина и воды, инжиром, финиками, дынями и гранатами, орехами пекан, перцем и большой чашей медовой саранчи. Бельвас-Силач проревел: "Саранча!", схватил чашу и принялся поедать лакомство горстями.

— Саранча очень вкусная, — посоветовал Хиздар. — Ты должна сама попробовать, любовь моя. Ее сначала обваляли в специях, а потом уже в меду, поэтому она и сладкая, и

острая.

— Тогда понятно, почему Бельвас начал потеть, — ответила Дени. — Думаю, я обойдусь фигами и финиками.

С другой стороны ямы в струящихся одеяниях разных цветов сидели Грации, окружив строгую фигуру Галаззы Галаре. Она единственная среди них была в зеленом. Великие Господа Миэрина занимали красные и оранжевые скамьи. Женщины надели вуали, а мужчины покрыли свои волосы лаком и начесали их в виде рогов, рук и шипов. Родня Хиздара из древнего рода Лораков, похоже, предпочитала токары цвета индиго, лиловые и

пурпурные, а Пали носили
полосатые бело-розовые одеяния.
Юнкайские посланники в желтых
токарах сидели в ложе подле
королевской, каждый со своими
рабами и слугами. Миэринцы менее
знатного происхождения заполняли
верхние ярусы, дальше от арены
сражений. Черные и фиолетовые
скамьи, самые высокие и дальние,
были забиты вольноотпущенниками
и другими простолюдинами.
Дейенерис видела, что наемников
тоже усадили наверху, причем
капитаны сидели рядом с простыми
солдатами. Она заметила
обветренное лицо Бурого Бена,
длинные огненно-рыжие косы и усы

Кровавой Бороды.

Ее лорд-супруг встал и поднял руки:

— *Великие Господа!* Сегодня сюда прибыла моя королева, чтобы показать, как она любит вас, ее народ. Ее милостью и с ее позволения я дарю вам ваше смертельное искусство. *Миэрин!* Пусть королева Дейенерис услышит твою любовь!

Десять тысяч глоток проревели слова благодарности, потом двадцать тысяч, потом все. Они не выкрикивали ее имя, которое лишь немногие могли произнести. "*Мать!*" — вместо этого кричали они; на старом мертвом диалекте

Гиса — "*Миса!*". Они топали ногами, хлопали себя по животам и вопили: "*Миса, Миса, Миса*", пока вся яма, казалось, не начала дрожать. Дени позволила звуку окутать себя. *Я не ваша мать*, могла бы закричать она в ответ, *я мать вашим рабам, каждому мальчику, который когда-либо умер на этом песке, пока вы объедались медовой саранчой*. Резник наклонился к ней сзади и прошептал на ухо:

— Великолепная, слышите, как они любят вас!

Нет, подумала она, *они любят свое смертельное искусство*. Когда приветствия начали стихать, она позволила себе сесть. Хотя их ложа и

находилась в тени, в голове у нее стучало.

— Чхику, — позвала она, — воды, пожалуйста. В горле пересохло.

— Сегодня честь первого убийства будет принадлежать Краззу, — сказал ей Хиздар. — Этому бойцу нет равных.

— Бельвас-Силач был лучше, — возразил Бельвас-Силач.

Кразз был миэринцем низкого происхождения — высокий мужчина с щеткой жестких красно-черных волос, собранных на макушке. Его соперником стал чернокожий копейщик с Летних Островов, чьи быстрые атаки на некоторое время удерживали Кразза на расстоянии, но

потом тот поднырнул под копье со своим коротким мечом — и дальнейший бой превратился в резню. Покончив с соперником, Кразз вырезал сердце чернокожего, поднял его, красное и истекающее кровью, над головой, и откусил кусок.

— Кразз считает, что сердца храбрых людей сделают его сильнее, — объяснил Хиздар.

Чхику пробормотала что-то одобрителное. Однажды и Дени пришлось съесть сердце жеребца, чтобы дать силу своему нерожденному сыну... но это не спасло Рейего, когда мейега убила ребенка в ее чреве. *Три измены*

должна ты испытать. Мейега была первой, Джорах вторым, Бурый Бен Пламм третьим. Значит ли это, что с предательствами покончено?

— Ах, — с радостью сказал Хиздар. — Сейчас выйдет Пятнистый Кот. Посмотри, как он двигается, моя королева. Ходячая поэма.

Противник, которого Хиздар нашел для "ходячей поэмы", был высок, как Гогор, и широк, как Бельвас, но гораздо медлительнее. Они сражались в шести футах от ложи Дени, когда Пятнистый Кот полоснул противника по сухожилию. Тот упал на колени, Кот наступил ему на спину, схватил за голову и

перерезал горло от уха до уха. Красный песок впитал кровь, а ветер унес последние слова. Толпа одобрительно вопила.

— Плохая битва, хорошая смерть, — отметил Бельвас-Силач. — Бельвас-Силач ненавидит, когда они кричат. — Он доел медовую саранчу, рыгнул и отхлебнул добрый глоток вина.

Бледные квартирцы, чернокожие жители Летних Островов, меднокожие дотракийцы, тирошийцы с синими бородами, ягнятники, выходцы из Йогос Нхаи, хмурые браавосцы, пятнистые низкорослые жители джунглей Сотороса — они прибыли со всех

концов света, чтобы умереть в Яме Дазнака.

— Вот этот очень многообещающий, моя милая, — сказал Хиздар о юноше-лиссенийце с длинными светлыми волосами, развевающимися на ветру... но противник схватил его за эти волосы, дернул, лишая мальчика равновесия, и выпустил ему кишки. Мертвым он выглядел еще моложе, чем с клинком в руке.

— Мальчик, — произнесла Дени, — он ведь был совсем еще мальчиком.

— Шестнадцатилетним, — возразил Хиздар. — Взрослым мужчиной, добровольно решившим

рискнуть своей жизнью ради золота и славы. Сегодня в Дазнаке не умрет ни один ребенок, как и распорядилась моя добрая мудрая королева.

Еще одна маленькая победа. Может быть, я не смогу сделать своих людей хорошими, говорила она себе, но, по крайней мере, я могу попытаться сделать их менее плохими. Дейенерис запретила бы и бои между женщинами, но Черноволосая Барсена возразила, что у нее есть такое же право рисковать своей жизнью, как и у любого мужчины. Королева также пожелала запретить скоморошьи бои и потешные сражения, в которых

калеки, карлики и старухи бились друг с другом на тесаках, факелах и молотках (чем более неумелыми были бойцы, тем смешнее битвы), но Хиздар сказал, что народ полюбит ее больше, если она будет смеяться вместе с ним, и объяснил, что без таких потех все эти калеки, карлики, старухи будут голодать. И Дени сдалась.

Другим обычаем было отправлять в ямы преступников; она согласилась возобновить такую практику, но только за определенные преступления: «Можно отправлять драться убийц и насильников, и всех тех, кто помогает работорговцам, но не воров и должников».

Однако участие животных все еще допускалось. Дени посмотрела, как слон с легкостью расправился со стаей из шести рыжих волков. За ним бык и медведь сошлись в кровавом бою, оказавшемся смертельным для обоих.

— Их мясо не пропадет, — пояснил Хиздар. — Мясники приготовят из туш сытное рагу для голодных. Любой, кто появится перед Воротами Судьбы, может получить миску.

— Прекрасный закон, — сказала Дени. *У вас их так мало.* — Мы должны проследить, чтобы эта традиция сохранилась.

После сражения зверей

последовал скомороший бой, в котором шесть пеших рыцарей сражались против шестерых всадников. Первые вооружились щитами и двуручными мечами, а вторые — дотракийскими аракхами. На скоморохов-рыцарей надели бронированные кольчуги, а мнимых дотракийцев оставили без брони. Сначала всадники, казалось, имели преимущество, затоптав двух своих врагов и отрезав ухо третьему, но потом выжившие рыцари начали атаковать лошадей, и один за другим всадники были повержены и убиты, к большому возмущению Чхику.

— Это ненастоящий кхаласар, — надулась она.

— Надеюсь, их тела не предназначены для твоего сытного рагу, — уточнила Дени, когда убитых оттаскивали прочь.

— Тела лошадей предназначены, — ответил Хиздар. — Людей — нет.

— Кониная и лук добавляют сил, — заметил Бельвас.

За битвой последовало первое потешное сражение дня: состязание между двумя рыцарями-карликами, представленное одним из юнкайских лордов, которого Хиздар пригласил на игры. Один сидел верхом на собаке, другой — на свинье. Их деревянная броня была покрыта свежей краской, на одной —

изображение оленя Узурпатора Роберта Баратеона, на другой — золотого льва дома Ланнистеров. Это явно сделали для нее. Их ужимки скоро заставили Бельваса фыркать от смеха, но улыбка Дени оставалась слабой и вымученной. Когда карлик в красном выпал из седла и начал преследовать свою свинью по песку, а карлик на собаке скакал за ним, нанося ему удары по ягодицам деревянным мечом, она произнесла:

— Это мило и глупо, но...

— Будь терпелива, милая, — сказал Хиздар. — Скоро выпустят львов.

Дейенерис удивленно взглянула на него:

— Львов?

— Троих. Карлики этого не ожидают.

Она нахмурилась:

— У карликов деревянные мечи. Деревянная броня. Как, по-твоему, они будут сражаться со львами?

— Скверно, — ответил Хиздар. — Хотя, возможно, они удивят нас. Скорее всего, будут вопить, бегать и пытаться выкарабкаться из ямы. Вот что превращает это в потешное сражение.

Дени рассердилась:

— Я запрещаю.

— Благородная королева, ты же не хочешь разочаровать своих людей?

— Ты поклялся, что бойцы будут взрослыми людьми, добровольно согласившимися рискнуть жизнью ради золота и славы. А карлики не соглашались биться с львами деревянными мечами. Прекрати это. Немедленно.

Губы короля сжались. На мгновение Дени показалось, что она увидела вспышку гнева в его спокойных глазах.

— Как прикажешь, — Хиздар подозвал распорядителя. — Никаких львов, — велел он, когда тот подошел, сжимая в руке кнут.

— Ни одного, Великолепие? В чем же будет потеха?

— Так сказала моя королева.

Карликам не причинят вреда.

— Толпе такое не понравится.

— Тогда выводы Барсену. Это должно их успокоить.

— Вашей Милости виднее, — распорядитель щелкнул кнутом и выкрикнул команды. Карликов увели, вместе с собакой и свиньей; зрители свистели от разочарования, кидаясь в них камнями и гнилыми фруктами.

Черноволосая Барсена ступила на песок, в одной набедренной повязке и сандалиях, и по скамьям прокатился рев. Высокая, смуглая женщина около тридцати, она двигалась с дикой грацией пантеры.

— Барсену очень любят, — рассказывал Хиздар, пока шум

нарастал, заполняя яму. — Она самая смелая из известных мне женщин.

Бельвас-Силадч заметил:

— Сражаться с девчонками — не храбрость. Сражаться с Бельвасом-Силадчом — вот храбрость.

— Сегодня она сражается с кабаном, — сказал Хиздар.

Да, подумала Дени, потому что даже твой тугой кошелек не помог найти женщину, которая вышла бы против нее.

— И, похоже, не деревянным мечом.

Кабан был огромным, с клыками размером с человеческое предплечье и маленькими глазками,

наполненными яростью. Она задумалась, выглядел ли кабан, убивший Роберта Баратеона, так же свирепо. *Ужасное существо и ужасная смерть.* На мгновение она почувствовала к Узурпатору почти жалость.

— Барсена очень быстра, — сообщил Резнак. — Она будет танцевать с кабаном, Ваше Великолепие, и ранить его, когда он будет проноситься мимо. Он будет весь в крови, прежде чем упадет, вы увидите.

Сначала все шло, как он и предсказывал. Кабан напал, Барсена отпрыгнула в сторону, ее клинок вспыхнул на солнце серебром.

— Ей нужно копье, — сказал сир Барристан, когда Барсена перепрыгнула через животное после его второй атаки. — Так кабана не победить. — Сейчас он был похож на старого суетливого дедушку, как его всегда называл Даарио.

Клинок Барсены покрывался кровью, но вскоре кабан остановился. *Он умнее быка*, поняла Дени. *Он больше не будет нападать.* Барсена пришла к тому же заключению. Крича, она начала приближаться к кабану, перекидывая нож из одной руки в другую. Когда животное попятилось, она выругалась и резанула его по морде, пытаясь спровоцировать... и ей это

удалось. Но на сей раз она отпрыгнула слишком поздно, и клык зверя разодрал ей ногу от колена до промежности.

Из тридцати тысяч глоток вырвался стон. Зажимая раненую ногу, Барсена бросила нож и попыталась уйти, отчаянно хромая, но не прошла и двух футов, как кабан снова ее настиг. Дени отвернулась.

— Это было достаточно храбро? — спросила она Бельваса-Силача, когда над песком пронесся крик.

— Сражаться со свиньями — храбрость, но кричать так громко — не храбрость. Вопли бьют Бельвасу-Силачу по ушам. — Бельвас потер

свое раздутое брюхо, покрытое старыми белыми шрамами. — А еще от них у Бельваса-Силача болит живот.

Кабан опустил морду в тело Барсены и начал вытаскивать ее внутренности. От невыносимого запаха королеве стало дурно. Жара, мухи, крики толпы... *Я не могу дышать.* Она подняла вуаль и дала ей улететь. Затем сняла и свой токар. Жемчужины мягко постукивали друг о друга, пока она разматывала шелк.

— Кхалиси? — спросила Ирри. — Что вы делаете?

— Снимаю кроличьи уши. — На песок арены спустилась дюжина копейщиков, чтобы отвлечь кабана от

трупа и загнать обратно в клетку. С ними был распорядитель боев, державший в руке длинный шипованный кнут. Когда он ударил им кабана, королева встала. — Сир Барристан, не проводите ли меня обратно в мой сад?

Хиздар выглядел растерянным.

— Но ведь еще не все. Потешное сражение, шесть старух, три поединка. Белакво и Гогор!

— Белакво победит, — объявила Ирри. — Это известно.

— Это неизвестно, — возразила Чкиху. — Белакво умрет.

— Умрет либо один, либо другой, — сказала Дени. — А тот, кто выживет, умрет в другой день.

Это было ошибкой.

— Бельвас-Силач съел слишком много саранчи, — на его широком коричневом лице застыло мучительное выражение. Казалось, Бельваса сейчас стошнит. — Бельвасу-Силачу нужно молоко.

Хиздар не обратил на евнуха внимания:

— Великолепная, народ Миэрина пришел, чтобы отпраздновать наш союз. Вы слышали, как люди приветствовали вас. Не отвергайте их любовь.

— Они приветствовали мои кроличьи уши, а не меня. Уведи меня с этой скотобойни, муж мой. — Она слышала фыркание кабана, крики

копейщиков, треск кнута
распорядителя.

— Моя милая леди, нет.
Останься хоть ненадолго. На
потешное сражение и еще один
поединок. Закрой глаза, все равно
никто не заметит. Они будут
смотреть на Белаково и Гогора.
Сейчас не время для...

На его лицо упала тень.

Шум и крики стихли. Десять
тысяч голосов смолкли. Все глаза
обратились к небу. Теплый ветер
коснулся щек Дени, и за стуком
своего сердца она слышала шелест
крыльев. Два копейщика бросились в
укрытие. Распорядитель ямы застыл
на месте. Кабан с сопением кинулся

обратно к Барсене. Бельвас-Силач издал стон, попытался встать со своего сиденья и упал на колени.

Над всеми ними, темным силуэтом на фоне солнца, кружил дракон. Его чешуя была черной, глаза, рога и спинные пластины — кроваво-красными. Дрогон, самый крупный из трех, на воле вырос еще больше. Его крылья, черные, как гагат, простирались на двадцать футов от кончика до кончика. Он взмахнул ими, проносясь над песком, и звук этот был подобен раскату грома. Кабан, похрюкивая, поднял голову... и его поглотило пламя, черное пламя с красным отливом. Даже находясь в тридцати футах от

него, Дени почувствовала волну жара. Крик умирающего зверя прозвучал почти по-человечески. Дрогон приземлился на тушу и вонзил когти в дымящуюся плоть. Он с одинаковой жадностью поглощал и кабана, и Барсену.

— О боги, — простонал Резнак, — он *пожирает* ее! — Сенешаль прикрыл рот.

Бельваса-Силача шумно рвало. По длинному бледному лицу Хиздара зо Лорака прошло странное выражение — смесь страха, похоти и восторга. Он облизнул губы. Дени видела, как Пали устремились вверх по лестнице, подобрав токары и путаясь в бахrome, спеша убраться

прочь. За ними последовали другие: некоторые из них бежали, толкая друг друга. Но многие остались на своих местах.

Один человек решил стать героем — копейщик, посланный загнать кабана обратно в загон.

Может быть, он был пьян или безумен. Может быть, он издали любил Черноволосую Барсену или слышал перешептывания о девочке по имени Хаззеа. Может быть, он был обычным человеком, который хотел, чтобы барды сложили о нем песни. Он бросился вперед с копьем в руках, поднимая ногами красный песок. С трибуны донеслись крики. Дрогон поднял голову, с его зубов

капала кровь. Герой прыгнул ему на спину и вонзил железный наконечник копья в основание длинной чешуйчатой шеи.

Дени и Дрогон закричали одновременно.

Герой всем телом навалился на копье, стараясь вонзить его поглубже. Дрогон изогнулся, шипя от боли и хлеща хвостом из стороны в сторону. Дени видела, как вытянулась на длинной змеиной шее его голова, видела, как он расправил черные крылья. Убийца дракона потерял равновесие и, кувыркаясь, упал на песок. Он пытался подняться, когда зубы дракона сомкнулись на его предплечье. «Нет!» — только и успел

он воскликнуть. Дрогон вырвал из плеча его руку и отбросил в сторону, как собака отбрасывает грызуна в крысиной яме.

— Убейте его, — закричал Хиздар зо Лорак остальным копейщикам. — *Убейте это чудовище!*

Сир Барристан крепко прижал к себе Дени:

— Не смотрите, Ваше Величество.

— *Отпустите* меня! — Дени вывернулась из его хватки. Все вокруг словно замедлилось, когда она перелезла через парапет и прыгнула в яму, потеряв при этом одну сандалию. Она бежала и

чувствовала между пальцами горячий жесткий песок. Сир Барристан все еще выкрикивал ее имя. Бельваса-Силача все еще рвало. Она побежала быстрее.

Копейщики тоже бежали: некоторые — к дракону, сжимая в руках копья, другие — от него, бросая на ходу свое оружие. На песке вздрагивал герой, из неровного обрубка его плеча лилась яркая кровь. Его копье все еще оставалось у Дрогона в спине, покачиваясь, когда дракон взмахивал крыльями. Из раны шел дым. Когда копейщики приблизились, дракон выплюнул огонь, окутав двух мужчин черным пламенем. Его хвост лупил из

стороны в сторону и, задев подползавшего сзади распорядителя ямы, разрубил того надвое. Другой нападавший размахивал копьем возле глаз дракона, пока тот не схватил его челюстями и не вырвал живот. Миэринцы кричали, сыпали проклятьями, выли. Дени услышала, как кто-то тяжело бежит за ней.

— Дрогон, — крикнула она. —

Дрогон.

Он повернул голову. Из пасти шел дым. Кровь его тоже дымилась, каплями падая на землю. Он снова взмахнул крыльями, подняв удушливый вихрь алого песка. Дени закашлялась, оказавшись в горячем красном облаке. Он клацнул зубами.

— Нет, — только и успела она сказать. *Нет, не меня, разве ты не узнаешь меня?*

Черные зубы сомкнулись в нескольких дюймах от ее лица. *Он собирался оторвать мне голову.* В глаза ей попал песок. Она споткнулась о труп распорядителя ямы и упала на спину.

Дрогон взревел. Звук заполнил яму. Дени окутал раскаленный воздух. Длинная чешуйчатая шея вытянулась в ее сторону. Он открыл пасть, и Дени увидела кусочки костей и обуглившуюся плоть между черных зубов. Его глаза будто плавились. *Я смотрю прямо в ад, но не отведу взгляда.* Никогда прежде

она не была ни в чем так уверена. *Если я побегу от него, он сожжет меня и съест.* В Вестеросе септоны говорили о семи преисподних и семи небесах, но Семь Королевств со своими богами находились далеко отсюда. Если она умрет здесь, подумала Дени, расступится ли трава лошадиного бога дотракийцев и примет ли он ее в свой небесный кхаласар, чтобы она могла ездить по ночным землям вместе со своим солнцем и звездами? Или рассерженные боги Гиса пошлют своих гарпий отнять ее душу и утащить вниз к вечным мукам?

Дрогон заревел прямо ей в лицо. Его дыхание было таким горячим,

что могло сжечь кожу. Справа от себя Дени услышала крик Барристана Селми:

— *Меня!* Испытай меня. Сюда. *Меня!*

Дени видела свое отражение в тлеющих красных безднах глаз Дрогона. Какой маленькой она казалась, какой слабой, хрупкой и испуганной. *Нельзя показывать ему мой страх.* Она пошарила в песке и, оттолкнув труп распорядителя ямы, сомкнула пальцы на рукояти его кнута. Прикосновение к нему добавило ей смелости. Кожа была теплой, живой. Дрогон снова взревел, да так громко, что она чуть не бросила кнут. Он кляцнул на нее

зубами.

Дени ударила его.

— Нет! — закричала она, стегнув кнутом изо всей силы. Дракон отдернул голову назад. — Нет! — снова закричала она. — *НЕТ!*

На его морде торчали шипы. Дрогон поднялся, накрыв ее тенью своих крыльев. Дени хлестала его чешуйчатый живот, пока не заболела рука. Длинная змеиная шея изогнулась, как лук. Он зашипел и плюнул в нее черным пламенем. Дени бросилась под огонь, стегнула кнутом и закричала:

— *Нет, нет, нет. ЛЕЖАТЬ!*

Его ответный рев был полон страха и ярости, полон боли. Он

взмахнул крыльями раз, второй...

... и сложил их. Дракон зашипел в последний раз и вытянулся на животе. Черная кровь текла из раны, нанесенной копьем, и дымилась, капая на выжженный песок. *Он огонь во плоти*, подумала она, *как и я сама*.

Дейенерис	Таргариен		
запрыгнула	дракону	на	спину,
схватила	и	выдернула	копье.
Наконечник	наполовину		
расплавился, а раскаленное докрасна			
железо пылало. Она отбросила его в			
сторону. Дрогон под ней изогнулся,			
собираясь с силами, по мускулам			
пробежала дрожь. Воздух был полон			
песка. Дени не могла видеть, не			

могла дышать, не могла думать. Громоподобный звук черных крыльев — и алый песок внезапно начал удаляться от нее.

Чувствуя головокружение, Дени закрыла глаза. Открыв их вновь, сквозь пелену слез и пыли она мельком заметила внизу толпы миэринцев, бегущих вверх по лестницам на улицы города.

В руке у нее все еще был зажат кнут. Она ударила им Дрогона по шее и прокричала:

— Выше! — Другой рукой она хваталась за чешую, ища пальцами, за что бы уцепиться. Дрогон взмахивал своими широкими черными крыльями. Дени

чувствовала между бедрами жар его тела. Ее сердце, казалось, готово было разорваться.

Да, думала она, да, скорее, скорее, давай, давай, поднимай меня, поднимай меня, ЛЕТИ!

54. ДЖОН

Тормунд Великанья Смерть был невысок, но получил от богов широкую грудь и внушительное брюхо. За мощные легкие Манс Налетчик называл его Тормундом Трубящим в Рог и говаривал, что таким хохотом можно снег согнать с гор. Когда он злился, то своим ревом напоминал Джону мамонта.

В тот день Тормунд ревел часто и громко. Он рычал, он орал, он так лупил кулаком по столу, что кувшин с водой перевернулся и расплескался. Он не расставался с рогом медовухи, и, выкрикивая угрозы, брызгал на

Джона сладкой слюной. Он называл Джона Сноу трусом, лжецом и перевертышем; поносил вором, злобным ублюдком-поклонщиком и вороной-падальщицей; обвинял в желании оттрахать в зад весь вольный народ. Он дважды кидал в голову Джону свой питьевой рог, не забывая перед этим его опорожнить. Тормунд был не из тех, кто льет хорошую медовуху понапрасну. Джон терпеливо сносил этот поток грязи. Он ни разу не повысил голос и не ответил угрозой на угрозу. Но уступил ровно столько, сколько решил заранее.

Наконец, когда за стенами шатра легли длинные вечерние тени,

Тормунд Великанья Смерть —
Краснобай, Трубящий в Рог, Ледолом,
Тормунд Громовой Кулак, Медвежий
Муж, Медовый Король Красных
Палат, Говорящий с Богами и Отец
Тысяч — подал Джону руку.

— Ну, решено, и да простят
меня боги. Знаю ведь — сто матерей
ни за что не простят.

Джон пожал протянутую руку. В
голове звучали слова клятвы. *Я —
меч во тьме; я — Дозорный на
Стене; я — огонь, который
разгоняет холод; я — свет, который
приносит рассвет; Я — рог,
который будит спящих; я — щит,
который охраняет царство людей. И
вот его новая строчка: Я — страж,*

который открыл ворота и впустил врага. Он бы многое отдал, лишь бы знать, что поступил правильно. Но Джон зашел уже слишком далеко, чтобы поворачивать назад.

— Решено так решено, — ответил он.

У Тормунда была хватка костолома. В этом он совсем не изменился. И борода та же, но под зарослями белоснежных волос проступало исхудавшее лицо, а на румяных щеках пролегли глубокие морщины.

— Зря Манс тебя не убил, когда была возможность, — сказал он, стараясь перемолоть руку Джона в месиво из мяса и костей. — Золото

за кашу, и еще мальчишки... Жестокая цена. Что случилось с тем славным пареньком, которого я знал когда-то?

Его сделали лордом-командующим.

— Говорят, при честной сделке недовольны обе стороны. Через три дня?

— Если доживу. Некоторые из моих меня заплюют, когда услышат такие условия, — Тормунд выпустил руку Джона. — Твои вороны тоже разворчатся, насколько я их знаю. А уж я-то должен знать. Сколько я вас, черных ублюдков, поубивал — не сосчитать.

— Будет лучше, если ты не

станешь так громко упоминать об этом к югу от Стены.

— Хар-р! — осклабился Тормунд. В этом он тоже не изменился: смеялся легко и часто, как раньше. — Мудрые слова. Не хотел бы я, чтобы вы, вороны, заклевали меня до смерти, — он хлопнул Джона по спине. — Когда весь мой народ окажется в безопасности у тебя за Стеной, мы еще разделим мясо и мед. А пока... — одичалый сорвал с левой руки браслет и швырнул Джону, следом полетел такой же браслет с правой. — Вот тебе первый платеж. Я получил их от отца, а он — от своего. Теперь они твои, загребуший

черный ублюдок.

Браслеты были из чистого золота, старые и тяжелые, исписанные древними рунами Первых Людей. Тормунд Великанья Смерть носил их, сколько Джон его знал; они казались такой же его частью, как борода.

— Браавосцы переплавят их в слитки. Жаль. Может, все-таки оставишь себе?

— Нет. Не хочу разговоров, что Тормунд Громовой Кулак заставил вольный народ отдать сокровища, а свои оставил при себе, — он ухмыльнулся. — Но я оставляю кольцо, которое ношу на члене. Намного больше этих малюток. Тебе

оно как ожерелье.

Джон не выдержал и засмеялся:

— Ты совсем не меняешься.

— Ох, меняюсь, — ухмылка растаяла, как снег летом. — Я уже не тот, что был в Красных Палатах. Много смертей повидал и кое-что похуже. Мои сыновья... — лицо Тормунда искривилось от горя. — Дормунда зарубили в битве у Стены, а он ведь был почти еще мальчиком. Один из рыцарей твоего короля, какой-то ублюдок в серой броне, с мошками на щите. Я видел удар, но когда добрался до моего мальчика, он уже помер. А Торвинд... его забрал холод. Все время болел, а как-то ночью взял и умер. И ведь что хуже

всего: мы еще даже не поняли, что он умер, а он встал, белый и с такими синими глазами. Пришлось самому о нем позаботиться. Тяжело это, Джон, — в его глазах заблестели слезы. — По правде сказать, мало в нем было от мужчины, но он был моим мальчонкой, и я любил его.

Джон положил руку ему на плечо:

— Мне очень жаль.

— Почему? Это же не ты сделал. Да, на твоих руках кровь, как и на моих. Но ведь не его кровь, — Тормунд покачал головой. — У меня есть еще два сильных сына.

— А твоя дочь..?

— Мунда, — к Тормунду

вернулась улыбка. — Представь себе, взяла в мужья этого Рика Длинное Копье. По мне, у парнишки член весит больше мозгов, но обращается он с ней хорошо. Я ему сказал: если обидишь ее, оторву тебе хер и забью им насмерть, — он еще раз хлопнул Джона по спине. — Пора тебе возвращаться. А то еще подумают, что мы тебя тут съели.

— Значит, на рассвете. Ровно через три дня. Сначала мальчики.

— Ты уже десять раз повторил, ворона. Можно подумать, мы не доверяем друг другу, — он сплюнул. — Сначала мальчики, да. Мамонты идут в обход, длинным путем. Позаботься, чтобы их ждали в

Восточном Дозоре. А я позабочусь, чтобы не было драки и давки в твоих проклятых воротах. Мы будем милыми и послушными, как утята в выводке. А я мама-утка. Хар-р! — Джон вышел из шатра вслед за Тормундом.

Снаружи стоял яркий, безоблачный день. После двухнедельного отсутствия на небо вернулось солнце, и к югу от них высилась сверкающая бело-голубая Стена. Джон вспомнил, как старики в Черном Замке говорили: «У Стены настроение меняется чаще, чем у Безумного Короля Эйериса», а иногда: «Чаще, чем у женщины». В пасмурные дни она походила на

белую скалу. В безлунные ночи была черна, как уголь. В метель казалась высеченной из снега. Но в такие дни, как сегодня, ни за что не ошибешься: это именно лед. В такие дни она сияла, как кристалл септона; все выбоины и трещины преображались в солнечном свете, а морозные радуги вспыхивали и умирали на ее полупрозрачных гранях. В такие дни Стена была прекрасна.

Старший сын Тормунда стоял возле лошадей и разговаривал с Кожаным. Торегг Высокий — так называл его вольный народ. Он был чуть выше Кожаного, но отца перерос на фут. Повернувшись к ним спиной, жался у костра Гарет по прозвищу

Конь — рослый парнишка из Кротового городка. Джон взял на переговоры только его да Кожаного — иначе одичалые могли бы подумать, что он боится. И от двадцати бойцов толку не больше, чем от двух, если бы Тормунд захотел крови. Призрак — вот самый нужный защитник: лютоволк мог чужь врагов, даже тех, кто скрывал свою враждебность за улыбками.

Однако Призрак куда-то подевался. Джон снял черную перчатку, вложил два пальца в рот и свистнул:

— *Призрак*, ко мне!

Сверху раздалось хлопанье крыльев. Ворон старого Мормонта

опустился на луку седла Джона.

— *Зерно*, — закричал он, — *зерно, зерно!*

— Ты тоже меня преследуешь? — Джон протянул было руку, чтобы шугануть птицу, но в итоге погладил перья.

Ворон сверлил его взглядом.

— *Сноу*, — бормотал он, понимающе кивая головой.

Потом между двух деревьев возник Призрак и рядом с ним Вель.

Как будто созданы друг для друга. Вель была одета во все белое: белая туника с костяными застежками, белые шерстяные штаны, заправленные в высокие сапоги из беленой кожи, плащ из

шкуры белого медведя, скрепленный на плече вырезанным из чардрева ликом. И дыхание тоже белое... но глаза синие, и длинная коса цвета темного меда, и красные от мороза щеки. Джон Сноу давно не видел ничего столь прекрасного.

— Пытаешься украсть моего волка? — спросил он ее.

— Почему бы и нет? Будь у каждой женщины лютоволк, мужчины были бы намного нежнее. Даже вороны.

— Хар-р! — захохотал Тормунд Великанья Смерть. — Не болтай с этой, лорд Сноу, она слишком умна для таких, как мы. Лучше укради ее поскорее, а не то Торегг очухается и

возьмет ее первым.

Как там сказал о Вель этот болван Акселл Флорент? «Созревшая девица и недурно выглядит. Хорошие бедра, хорошая грудь, прямо создана для деторождения». Все верно, только она способна на большее. Вель доказала это, найдя Тормунда, в чем потерпели неудачу даже опытные разведчики Дозора. *Может, и не принцесса, но стала бы достойной женой любому лорду.*

Но этот мост уже давно сожжен, и факел поднес сам Джон.

— Торрег волен попытаться, — объявил он. — Я принес обет.

— А ей все равно. Правда, девочка?

Вель погладила длинный
костяной нож на бедре:

— Лорд Ворона тоже волен
попытаться проникнуть ко мне в
постель в любую ночь, если
осмелится. Когда я его оскоплю, ему
будет проще хранить обеты.

— Хар-р! — Тормунд снова
фыркнул. — Слыхал, Торегг?
Держись от нее подальше. У меня
есть одна дочь, и другой не надо, —
вождь одичалых покачал головой и
нырнул обратно в свой шатер.

Джон почесал Призрака за ухом,
а Торегг подвел к Вель ее лошадь. Тот
же серый пони, полученный от
Малли в день отъезда, — косматое,
малорослое, слепое на один глаз

создание. Развернув его к Стене, она спросила:

— Как поживает маленькое чудовище?

— Стало в два раза больше и в три раза громче, с тех пор как ты уехала. Когда требует молока, его вопли слышны в Восточном Дозоре.

Джон забрался на свою лошадь. Вель поехала рядом.

— Итак... Я привела тебе Тормунда, как и договаривались. Что теперь? Меня вернут в старую камеру?

— Твоя старая камера занята. Королева Селиса потребовала Королевскую башню себе. Помнишь башню Хардина?

— Которая выглядит так, будто вот-вот рухнет?

— Она выглядит так уже сотню лет. Я отвел тебе верхний этаж. Там будет просторнее, чем в Королевской башне, хотя не так удобно. Никто и не называл ее «дворцом Хардина».

— Я всегда предпочту удобствам свободу.

— В пределах замка у тебя будет свобода, но, боюсь, ты должна оставаться пленницей. Могу обещать, что незваные гости тебя не побеспокоят. Башню Хардина охраняют мои люди, а не стража королевы. И у входа спит Вун Вун.

— Великан-защитник? Даже Далла не могла таким похвастаться.

Одичалые Тормунда наблюдали за их отъездом, выглядывая из шатров и навесов под голыми деревьями. Джон видел, что на каждого способного сражаться мужчину приходится три женщины и столько же детей — существ с тощими лицами, впалыми щеками и вытаращенными глазами. Когда Манс Налетчик вел вольный народ на юг к Стене, его последователи гнали перед собой огромные стада овец, коз и свиней, но теперь он заметил только мамонтов. Несомненно, их не убили только из-за свирепости великанов — на костях мамонта ведь много мяса.

Еще Джон видел признаки

болезней. Это беспокоило его больше всего. Раз уж люди Тормунда голодны и больны, то что говорить о тысячах, ушедших за Матушкой Кротихой в Суровый Дом? *Коттер Пайк должен скоро до них добраться. Если ветры были добры, его флот, вполне возможно, уже возвращается в Восточный Дозор и несет столько вольного народа, сколько он сумел захватить на борт.*

— Как прошло с Тормундом? — спросила Вель.

— Спроси меня через год. Самое трудное еще впереди — нужно убедить моих людей съесть приготовленное для них блюдо. Боюсь, оно никому не придется по

вкусу.

— Позволь мне помочь.

— Ты уже помогла. Привела ко мне Тормунда.

— Я могу сделать больше.

Почему бы и нет? подумал Джон. *Все считают ее принцессой. Вель и выглядит, как принцесса, и верхом ездит, будто родилась в седле. Принцесса-воительница, решил он. Не какое-нибудь нежное создание, которое сидит в башне, расчесывает волосы и ждет, когда ее спасет рыцарь.*

— Я должен сообщить королеве об этом соглашении, — сказал он. — Ты тоже вольна с ней встретиться, если найдешь в себе силы

преклонить колено. — Иначе Ее Величество рассердится еще до того, как он откроет рот.

— А мне можно будет смеяться, когда я преклоню колено?

— Лучше не стоит. Это не игра. Наши народы разделяет река крови — старая, глубокая и красная. Станнис Баратеон — один из немногих, кто одобряет присоединение одичалых к королевству. Мне нужна поддержка его королевы в том, что я сделал.

Игривая улыбка Вель угасла:

— Я обещаю тебе, лорд Сноу. Для твоей королевы я буду настоящей принцессой одичалых.

Это не моя королева, мог бы

ответить он. *По правде говоря, я жду не дождусь, когда она уедет. И, если боги будут добры, она прихватит и Мелисандру.*

Остаток пути они провели в молчании; позади, не отставая, бежал Призрак. Ворон Мормонта сопровождал их до самых ворот; там он взмыл вверх, а люди спешили. Конь пошел вперед, освещая факелом ледяной туннель.

Когда Джон со спутниками оказались к югу от Стены, у ворот их поджидала группа черных братьев. Среди них был Ульмер из Королевского леса — именно старый лучник вышел вперед и спросил за остальных:

— Если м'лорду будет угодно, ребята интересуются. Будет ли мир, м'лорд? Или железо и кровь?

— Мир, — ответил Джон Сноу. — Через три дня Тормунд Великанья Смерть проведет свой народ через Стену. Как друзей, а не врагов. Некоторые могут даже вступить в наши ряды, как братья. Что до нас, то мы должны их радушно встретить. Теперь возвращайтесь к вашим обязанностям. — Джон передал поводья своей лошади Атласу. — Я должен увидеть королеву Селису. — Ее Величество сочтет за неуважение, если он не явится к ней сразу. — Затем мне надо будет написать

письма. Принеси в мои покои пергамент, перья, и мастерскую чернильницу. Потом найди Марша, Ярвика, септона Селладора и Клидаса. — Селладор, должно быть, полупьян, а Клидас — плохая замена настоящему мастеру, но других у него нет. *Пока Сэм не вернется.* — И северян. Флинта и Норри. Кожаный, ты мне тоже понадобишься.

— Хобб печет луковые пироги, — сказал Атлас. — Мне передать всем, чтобы присоединились к вам за ужином?

Джон подумал.

— Нет. Попроси их присоединиться ко мне на вершине Стены на закате, — он повернулся к

Вель. — Миледи. Пойдемте со мной, если вы не против.

— Ворона приказывает, пленница должна повиноваться, — ее тон был игривым. — Эта ваша королева, должно быть, свирепа, раз ноги взрослых мужчин подкашиваются в ее присутствии. Может, мне надеть кольчугу вместо шерсти и меха? Эту одежду мне подарила Далла, не хотелось бы залить ее кровью.

— Если бы слова ранили, то были бы причины бояться. Думаю, вашей одежде ничего не грозит, миледи.

Они направились к Королевской башне по недавно расчищенным

тропинкам между холмами грязного снега.

— Я слыхала, у вашей королевы большая черная борода.

Джон знал, что не должен улыбаться, но не сдержался.

— Только усы. Очень тонкие. Ты даже сможешь сосчитать волоски.

— Какое разочарование.

При всех разговорах о том, чтобы быть хозяйкой под собственной крышей, Селиса Баратеон, казалось, не слишком спешила отказаться от удобств Черного Замка ради теней Твердыни Ночи. Она, конечно же, держала стражу: четверо на посту у двери, двое снаружи на ступенях, еще двое

внутри у жаровни. Командовавший ими сир Патрек с Королевский Горы был облачен в рыцарское одеяние белого, голубого и серебристого цветов; его плащ скрепляла пятиконечная звезда. Когда ему представили Вель, рыцарь опустился на одно колено и поцеловал ее перчатку.

— Вы еще прекраснее, чем мне говорили, принцесса, — объявил он. — Королева много рассказывала о вашей красоте.

— Как странно, ведь она никогда меня не видела, — Вель погладила сира Патрека по голове. — Поднимитесь, сир поклонщик. Встаньте, встаньте. — Она как будто

обращалась к собаке.

Джон с трудом сдерживал смех. С каменным лицом он сообщил рыцарю, что им требуется аудиенция у королевы. Сир Патрек отправил одного из своих латников наверх — спросить, примет ли их Ее Величество.

— Но волк останется здесь, — настоял сир Патрек.

Джон этого ожидал. Лютоволк раздражал королеву Селису почти как Вун Вег Вун Дар Вун.

— Призрак, останься.

Они застали Ее Величество за вышиванием у огня, а ее шута — пляшущим под только ему слышимую музыку колокольчиков, висевших на

рожках.

— Ворона, ворона, — занял Пестряк, увидев Джона. — На дне морском вороны белые, как снег, я знаю, уж я-то знаю, ой-ой-ой.

Принцесса Ширен свернулась калачиком в кресле у окна; натянутый капюшон скрывал страшные следы серой хвори, уродовавшей ее лицо.

Мелисандры не было видно. Джон этому очень обрадовался. Рано или поздно ему понадобится встретиться с красной жрицей, но лучше бы не в присутствии королевы.

— Ваше Величество, — он преклонил колено. Вель последовала его примеру.

Королева Селиса отложила шитье.

— Можете встать.

— Если Вашему Величеству будет угодно, могу я представить леди Вель? Ее сестра Далла была...

— ...матерью визгливого младенца, который не дает нам спать. Я знаю, кто она, лорд Сноу, — королева фыркнула. — Вам повезло, что она вернулась раньше моего супруга-короля, иначе вам бы не поздоровилось. Весьма не поздоровилось.

— Вы принцесса одичалых? — спросила Ширен.

— Некоторые меня так называют, — ответила Вель. — Моя

сестра была женой Манса Налетчика, Короля-за-Стеной. Она умерла, рожая ему сына.

— Я тоже принцесса, — заявила Ширен, — но у меня нет сестер. Когда-то был кузен, а потом он уплыл. Он был всего лишь бастардом, но мне нравился.

— Честно говоря, Ширен, — обратилась к ней мать, — я уверена, что лорд-командующий пришел сюда не за тем, чтобы слушать про внебрачных детей Роберта. Пестряк, будь хорошим шутком, отведи принцессу в ее комнату.

Колокольчики на его шляпе зазвенели.

— Прочь, прочь, — запел

дурак. — Пойдем со мною на дно морское, прочь, прочь, прочь, — он взял маленькую принцессу за руку и, подпрыгивая, потащил ее из комнаты.

Джон сообщил:

— Ваше Величество, предводитель вольного народа согласился на мои условия.

Королева Селиса слегка кивнула:

— Мой лорд-супруг всегда хотел даровать убежище этим дикарям. Пока они сохраняют мир и подчиняются королевским законам, в нашем королевстве им рады, — она поджала губы. — Мне сказали, с ними еще великаны.

— Почти две сотни, Ваше Величество. И более восьмидесяти мамонтов, — ответила Вель.

Королева вздрогнула.

— Ужасные существа. — Джон не понял, о великанах она говорит или о мамонтах. — Хотя мой лорд-супруг мог бы использовать этих зверей в сражениях.

— Может быть, Ваше Величество, — согласился Джон, — но мамонты слишком велики, чтобы пройти через наши ворота.

— Нельзя ли расширить ворота?

— Это... это было бы неразумно, я полагаю.

Селиса фыркнула:

— Раз вы так говорите. Не

сомневаюсь, вы разбираетесь в таких вещах. Где вы собираетесь разместить этих одичалых? Конечно, Кротовый городок маловат для... сколько их?

— Четыре тысячи, Ваше Величество. Они помогут нам заполнить покинутые крепости, чтобы лучше защищать Стену.

— Мне дали понять, что эти крепости разрушены. Унылые места, суровые и холодные, чуть ли не кучи щебня. В Восточном Дозоре мы слышали разговоры о крысах и пауках.

Пауков уже убил холод, подумал Джон, а крысиное мясо зимой пригодится.

— Все верно, Ваше Величество... но даже развалины дают какое-то убежище. И между ними и Иными будет Стена.

— Я вижу, вы все тщательно продумали, лорд Сноу. Уверена, король Станнис будет доволен, когда с триумфом вернется с битвы.

Если он вообще вернется.

— Естественно, — продолжала королева, — одичалые должны сначала признать Станниса королем, а Рглора — своим богом.

Вот мы и столкнулись на узкой дорожке.

— Ваше Величество, простите меня. Об этих условиях мы с ними не договаривались.

Лицо королевы стало ожесточенным.

— Досадное упущение, — слабый намек на тепло в ее голосе мгновенно улетучился.

— Вольный народ не преклоняет колена, — сказала Вель.

— Значит, их заставят, — отрезала королева.

— Сделайте так, Ваше Величество, и мы снова поднимемся при первой же возможности, — пообещала Вель. — Поднимемся с клинками в руках.

Губы королевы сжались, подбородок чуть дрогнул:

— Вы дерзите. Впрочем, другого от одичалой я и не ждала. Нам

следует найти вам мужа, который научит вас любезности, — королева повернулась к Джону. — Я этого не одобряю, лорд-командующий. И мой лорд-супруг тоже не одобрит. Как мы оба знаем, я не могу помешать вам открыть ворота, но обещаю: когда король вернется с битвы, вам придется за это ответить. Возможно, вы еще передумаете.

— Ваше Величество, — Джон снова преклонил колено. На сей раз Вель к нему не присоединилась. — Мне очень жаль, что мои действия вызвали ваше недовольство. Я сделал, как счел лучшим. Вы позволите мне уйти?

— Уходите. Сейчас же.

Оказавшись на улице и вдали от людей королевы, Вель дала волю своему гневу.

— Ты соврал про бороду. У нее на подбородке больше волос, чем у меня между ног. И ее дочь... это лицо...

— Серая хворь.

— Мы называем ее серой смертью.

— Она не всегда смертельна для детей.

— К северу от Стены — всегда. Яд болиголова — верное средство, впрочем, подушка или нож ничуть не хуже. Будь я ее матерью, давно бы оказала ребенку милосердие.

Такую Вель Джон еще не видел.

— Принцесса Ширен —
единственный ребенок королевы.

— Мне жаль их обеих. Ребенок
нечист.

— Если Станнис выиграет
войну, Ширен станет наследницей
Железного Трона.

— Тогда мне жаль ваши Семь
Королевств.

— Мейстеры говорят, что серая
хворь не...

— Мейстеры могут верить, во
что пожелают. Спроси лесную
ведьму, если хочешь узнать правду.
Серая смерть засыпает, но только
чтобы снова проснуться. *Ребенок
нечист!*

— Она кажется милой девочкой.

Ты не можешь знать наверняка...

— Могу. Это ты ничего не знаешь, Джон Сноу, — Вель сжала его руку. — Я хочу, чтобы Чудовища здесь не было. Его и кормилиц. Их нельзя оставлять в одной башне с мертвой девчонкой.

Джон стряхнул ее руку.

— *Она не мертва.*

— Мертва. Ее мать просто не видит. И ты, кажется, тоже. Однако это смерть, — она пошла от него прочь, остановилась, обернулась. — Я привела тебе Тормунда Великанью Смерть. Верни мне мое чудовище.

— Верну, если смогу.

— Верни. Ты у меня в долгу, Джон Сноу.

Джон смотрел ей вслед. Она ошибается. Она определенно ошибается. Что бы она ни говорила, у детей серая хворь не смертельна.

Призрак снова убежал. На западе садилось солнце. Чаша горячего вина с пряностями будет как раз кстати. Две чаши — совсем хорошо. Но это может подождать. Ему надо встретиться с противниками. С самыми худшими из них — собственными братьями.

Кожаный ждал его у подъемной клетки. Они поднимались вместе, и чем выше, тем сильнее дул ветер. Через пятьдесят футов тяжелая клеть начала качаться при каждом порыве. Она то и дело царапалась о Стену,

вызывая дождь из маленьких кристалликов льда, который падал и сверкал в лучах солнца. Они поднялись над самыми высокими башнями замка. На четырехстах футах ветер отрастил зубы и стал рвать его черный плащ, который шумно хлопал по железным прутьям. На семистах ветер пронзал Джона насквозь. *Стена моя*, напомнил себе Джон, пока лебедочки раскачивались в клетки, *по крайней мере, еще на два дня.*

Джон спрыгнул на лед, поблагодарил подъемщиков и кивнул несшим стражу копейщикам. У обоих шерстяные шапки были натянуты так низко, что виднелись

только глаза, но он узнал Тая по спутанной косе жирных черных волос, спускавшейся на спину, а Оуэна — по колбаске, засунутой в ножны у бедра. Он бы и так их узнал, просто по тому, как они стояли. «Хороший лорд должен знать своих людей», — когда-то давно, в Винтерфелле, сказал отец им с Роббом.

Джон подошел к краю Стены и окинул взглядом поле, где полегло воинство Манса Налетчика. Он задумался, где сейчас Манс. *Нашел ли он тебя, сестренка? Или ты была лишь уловкой, чтобы я его освободил?*

Он так давно не видел Арью.

Как она сейчас выглядит? Узнал бы он ее вообще? *Арья Надоеда. С вечно чумазым лицом.* При ней ли тот маленький меч, который по его приказу выковал для нее Миккен? «Коли острым концом», — сказал он ей тогда. Мудрый совет для первой брачной ночи, если истории о Рамси Болтоне правдивы хотя бы наполовину. *Привези ее домой, Манс. Я спас от Мелисандры твоего сына и вот-вот спасу четыре тысячи из твоего вольного народа. Ты мне должен эту маленькую девочку.*

На севере, в Зачарованном лесу, меж деревьев крались дневные тени. На западе небо пылало красным, а на востоке выглядывали первые звезды.

Джон Сноу сжал правую руку в кулак, вспоминая все, что потерял. Сэм, *толстый ты дурачок, ты сыграл со мной жестокую шутку, когда сделал меня лордом-командующим. У лорда-командующего не бывает друзей.*

— Лорд Сноу? — окликнул Кожаный. — Клеть поднимается.

— Я слышу, — Джон отошел от края.

Первыми появились вожди кланов Флинт и Норри, одетые в меха и железо. Норри чем-то походил на старого лиса: морщинистый, худощавый, с живыми и хитрыми глазами. Торрхен Флинт был на полголовы ниже, но весил, похоже, вдвое больше: полный грубый

мужчина с узловатыми руками-окороками с красными костяшками. Он хромал по льду, тяжело опираясь на терновую трость. Следующим пришел Боуэн Марш, укутанный в медвежью шкуру. После него — Отелл Ярвик. Затем — полупьяный септон Селладор.

— Пойдемте со мной, — позвал их Джон. Они пошли вдоль Стены на запад, по усыпанной гравием дорожке лицом к заходящему солнцу. Отойдя на пятьдесят ярдов от теплой будки, он сказал: — Вы знаете, почему я вас вызвал. Через три дня, на рассвете, ворота откроются, чтобы пропустить за Стену Тормунда и его народ. Нам многое нужно

ПОДГОТОВИТЬ.

Объявление было встречено молчанием. Затем Отелл Ярвик произнес:

— Лорд-командующий, это *тысячи...*

— ...исхудавших одичалых, ужасно уставших, голодных и бездомных, — Джон указал на огни костров. — Вон они там. Четыре тысячи, как утверждает Тормунд.

— Три тысячи, судя по кострам. — Боуэн Марш жил расчетами и измерениями. — Говорят, в Суровом Доме у лесной ведьмы вдвое больше. И сир Денис пишет о больших лагерях в горах за Сумеречной Башней...

Джон не стал отрицать.

— Тормунд говорит, что Плакальщик хочет снова перейти Мост Черепов.

Старый Гранат коснулся шрама, полученного при прошлой защите Моста Черепов. Плакальщик тогда пытался прорваться через Теснину.

— Конечно, лорд-командующий не собирается впустить и этого... этого демона?

— Без особой радости, — Джон не забыл оставшиеся ему после Плакальщика головы с кровавыми дырами на месте глаз. *Черный Джек Бульвер, Волосатый Хал, Гарт Серое Перо. Я не могу за них отомстить, но не забуду их имен.* — Но да,

милорд, и его тоже. Мы не можем выбирать, кто нам подойдет из вольного народа, а кто нет. Мир означает мир для всех.

Норри отхаркнулся:

— С тем же успехом можно заключать мир с волками и воронами-падальщицами.

— В моих темницах мирно, — проворчал Старый Флинт. — Отдай Плакальщика мне.

— Сколько разведчиков убил Плакальщик? — спросил Отелл Ярвик. — Сколько женщин изнасиловал, убил или похитил?

— Трех из моего рода, — сказал Старый Флинт. — А тех девушек, что не крадет — ослепляет.

— Когда мужчина надевает черное, его преступления прощаются, — напомнил им Джон. — Если мы хотим, чтобы вольный народ сражался с нами бок о бок, мы должны простить им их прошлые преступления, как простили бы себе.

— Плакальщик не произнесет клятву, — настаивал Ярвик. — Он не наденет плащ. Даже другие налетчики ему не доверяют.

— Необязательно доверять человеку, которого используешь. — *Иначе как бы я мог использовать всех вас?* — Нам нужен Плакальщик и такие, как он. Кто знает дикие земли лучше одичалых? Кто знает

наших врагов лучше человека, который с ними сражался?

— Все, что знает Плакальщик — это изнасилования и убийства, — возразил Ярвик.

— Когда одичалые перейдут за Стену, их станет втрое больше нас, — заметил Боуэн Марш. — И это только толпа Тормунда. Прибавьте к ним людей Плакальщика и тех, кто в Суровом Доме, и у них хватит сил, чтобы прикончить весь Ночной Дозор за одну ночь.

— Только числом войны не выигрывают. Вы их не видели. Там половина — ходячие мертвецы.

— Пусть лучше гниют в земле, — сказал Ярвик. — Если

угодно милорду.

— Мне *не* угодно. — Голос Джона был холоден, как ветер в складках их плащей. — В этом лагере дети, сотни детей, тысячи. И женщины.

— Копьеносицы.

— Не только. Есть еще матери, бабушки, вдовы и девицы... вы бы всех обрекли на смерть, милорд?

— Братьям не пристало ссориться, — произнес септон Селладор. — Преклоним колени перед Старицей и помолимся, дабы осветила она путь наш мудростью.

— Лорд Сноу, — спросил Норри, — где вы собираетесь разместить этих ваших одичалых?

Надеюсь, не на *моих* землях?

— Ага, — провозгласил Старый Флинт. — Хотите поселить их в Даре — глупо, конечно, но дело ваше. Только смотрите, чтоб они не сорвались с места, а то я пришлю назад их головы. Зима на носу, а мне не нужны лишние рты.

— Одичалые останутся у Стены, — заверил их Джон. — Большинство разместится в наших заброшенных замках. — У Дозора теперь были гарнизоны в Ледовом Пороге, Длинном Кургане, Собольем Зале, Сером Страже и Глубоком Озере; все плохо укомплектованы, но десять замков все еще стояли пустыми и заброшенными. —

Мужчины с женами и детьми, все девочки-сироты и любой мальчик-сирота младше десяти, старухи, вдовы с детьми, любая женщина, которая не хочет воевать. Копьеносицы отправим в Длинный Курган к их сестрам, одиноких мужчин — во вновь открытые крепости. Те, кто наденет черное, останутся здесь, или отправим их в Восточный Дозор или Сумеречную Башню. Тормунд займет Дубовый Щит как свою ставку и всегда будет у нас под рукой.

Боуэн Марш вздохнул.

— Если они не убьют нас мечами, то сделают это своими голодными ртами. Помилуйте, как же лорд-командующий предлагает

накормить Тормунда и его тысячи?

Джон ожидал подобного вопроса.

— Через Восточный Дозор. Мы доставим пищу кораблями — столько, сколько потребуется. Из речных и штормовых земель, из Долины Аррен, из Дорна и Простора, через Узкое море из Вольных Городов.

— И заплатим за эту пищу... чем, могу я спросить?

Золотом Железного Банка Браавоса, мог бы ответить Джон. Вместо этого он сказал:

— Я договорился, что вольный народ может оставить себе меха и шкуры. Они им понадобятся, когда

наступит зима. Все прочие богатства они должны сдать. Золото и серебро, янтарь, драгоценные камни, резные фигурки, любые ценности. Мы отправим все это через Узкое море, чтобы продать в Вольных Городах.

— Все богатства одичалых, — хмыкнул Норри. — На них вы купите бушель ячменя. Может, два бушеля.

— Лорд-командующий, почему бы не потребовать, чтобы одичалые сдали и свое оружие? — спросил Клидас.

Кожаный рассмеялся:

— Вы хотите, чтобы вольный народ сражался рядом с вами против общего врага. И как нам это делать без оружия? Желаете, чтобы мы

забросали мертвяков снежками? Или нам побить их палками?

Оружие у большинства одичалых ненамного лучше палок, подумал Джон. Деревянные булавы, каменные топоры, молоты, копья с обожженными наконечниками, ножи из кости, камня и драконова стекла, плетеные щиты, косяные доспехи, дубленая кожа. Тенны работали с бронзой, да налетчики вроде Плакальщика носили стальные и железные мечи, снятые с какого-нибудь трупа... но даже это зачастую было древними реликвиями, помятыми от многолетнего пользования и покрытыми ржавчиной.

— Тормунд Великанья Смерть никогда не разоружит своих людей добровольно, — сказал Джон. — Он не Плакальщик, но и не трус. Если бы я попросил его о таком — пролилась бы кровь.

Норри потерябил бороду:

— Вы можете поместить своих одичалых в эти разрушенные крепости, лорд Сноу, но как вы их там удержите? Что помешает их двинуться на юг, к лучшим и более теплым землям?

— *Нашим* землям, — вставил Старый Флинт.

— Тормунд дал мне клятву. Он будет служить с нами до весны. Плакальщик и другие их командиры

дадут такую же клятву, или мы не позволим им пройти.

Старый Флинт покачал головой:

— Они предадут нас.

— Слово Плакальщика ничего не стоит, — подтвердил Отелл Ярвик.

— Они безбожные дикари, — заявил септон Селладор. — Даже на юге известно вероломство одичалых.

Кожаный скрестил руки на груди:

— А сражение внизу, под Стеной? Я был на другой стороне, помните? Теперь я ношу ваше черное и обучаю ваших мальчиков убивать. Некоторые могли бы назвать меня перевертышем. Может быть и так...

но я дикарь не более, чем ваши вороны. У нас тоже есть боги. Те же самые боги, которых признают в Винтерфелле.

— Боги Севера, которые старше Стены, — произнес Джон. — Именно перед этими богами поклялся Тормунд. Он сдержит свое слово. Я знаю его, как знал Манса Налетчика. Я ходил с ними какое-то время, как вы, наверное, помните.

— Я не забыл, — сказал лорд-стюард.

Да уж, подумал Джон, еще бы ты забыл.

— Манс Налетчик тоже давал клятву, — продолжил Марш. — Он поклялся не носить короны, не брать

жену, не быть отцом сыну. Затем он переметнулся, сделал все, чего клялся не делать, и повел грозное войско против королевства. Остатки именно того войска ждут сейчас за Стеной.

— Разбитые остатки.

— Сломанный меч можно перековать. Сломанным мечом можно убить.

— У вольного народа нет ни законов, ни лордов, — сказал Джон, — но они любят своих детей. Это вы хоть признаете?

— Не их дети нас беспокоят. Мы боимся отцов, а не сыновей.

— Как и я. Поэтому и настоял на заложниках. — *Я не доверчивый*

дурак, за которого вы меня принимаете... и не наполовину одичалый, что бы вы ни думали. — Сто мальчиков от восьми до шестнадцати лет. Сын от каждого их вождя и командира, остальные выбраны по жребию. Мальчики будут служить пажами и оруженосцами, освободив наших собственных воинов для других обязанностей. Некоторые, возможно, однажды захотят надеть черное. И более странные вещи случались. Остальные останутся заложниками, обеспечивая верность своих родителей.

Северяне переглянулись.

— Заложники, — задумчиво произнес Норри. — И Тормунд

согласился?

Или соглашайся, или смотри, как твои люди умирают.

— Моя цена кровью, так он это назвал, — ответил Джон Сноу, — но он заплатит.

— Ладно, почему бы и нет? — Старый Флинт стукнул по льду тростью. — Воспитанники, так мы их всегда называли, когда Винтерфелл требовал от нас мальчиков, хотя на деле они были заложниками. Но ведь жили себе и ничего.

— Да, ничего. Только вот те, чьи отцы досаждали Королям Зимы, — сказал Норри, — те возвращались домой короче на голову. Так скажи

мне, мальчик... если твои одичалые друзья окажутся ложными, хватит ли у тебя духу сделать то, что нужно?

Спроси Яноса Слинта.

— Тормунд Великанья Смерть не так глуп, чтобы испытывать меня. Может, я и кажусь вам зеленым юнцом, лорд Норри, но я остаюсь сыном Эддарда Старка.

Но даже это не успокоило лорда-стюарда:

— Вы говорите, что мальчики будут служить оруженосцами. Конечно же, лорд-командующий не подразумевает, что они будут упражняться *с оружием*?

Джон разозлился:

— Нет, милорд, я намерен

отправить их шить кружевное исподнее. Разумеется, они будут упражняться с оружием. А также взбивать масло, колоть дрова, чистить конюшни, выносить ночные горшки и бегать с поручениями... а в промежутках их будут обучать копью, мечу и луку.

Марш густо покраснел:

— Да простит мне лорд-командующий мою прямоту, но помягче не выйдет. То, что вы предлагаете, зовется изменой. Восемь тысяч лет воины Ночного Дозора стояли на Стене и бились с одичалыми. А теперь вы собираетесь впустить их, укрыть в наших замках, накормить, одеть и научить

сражаться. Лорд Сноу, надо ли вам напоминать? *Вы принесли клятву.*

— Я помню, в чем клялся. — Джон произнес: — *Я — меч во тьме; я — дозорный на Стене; я — огонь, который разгоняет холод; я — свет, который приносит рассвет; я — рог, который будит спящих; я — щит, который охраняет царство людей.* Вы теми же словами клялись?

— Теми же. И лорду-командующему это известно.

— Вы уверены? Я точно ничего не забыл? Там что-нибудь говорилось о короле и его законах, и как мы должны защищать каждую пядь его земли и цепляться за каждый его разрушенный замок? Что там на этот

счет? — Джон ждал ответа. Все молчали. — *Я — щит, который охраняет царство людей.* Такие там слова. Так скажите мне, милорд, разве одичалые не люди?

Боуэн Марш открыл рот. Но не проронил ни слова. Его шея пошла пятнами.

Джон Сноу отвернулся. Последние лучи солнца угасали. Он наблюдал, как трещины на Стене из красных становились серыми, из серых — угольными, превращаясь из полосок огня в реки черного льда. Внизу леди Мелисандра, должно быть, зажигает свой молитвенный костер и распевает: «Владыка Света, защити нас, ибо ночь темна и полна

ужасов».

— Зима близко, — наконец произнес Джон, нарушая неловкую тишину, — а с ней и белые ходоки. Стена — вот где мы их остановим. Она была *создана*, чтобы их остановить... но на Стене должны быть люди. Разговор окончен. Нужно сделать еще очень многое, прежде чем мы откроем ворота. Тормунду и его народу понадобится еда, одежда и укрытие. Некоторые больны, и им нужен уход. Это на вас, Клидас. Спасите, сколько сможете.

Клидас моргнул тусклыми розовыми глазками.

— Сделаю все, что смогу, Джон. То есть, милорд.

— Нам понадобится каждая тележка и каждый фургон для перевозки вольного народа в их новые дома. Отелл, проследите за этим.

Ярвика перекосило.

— Слушаюсь, лорд-командующий.

— Лорд Боуэн, вы будете собирать ценности. Золото и серебро, янтарь, ожерелья и браслеты. Рассортируйте их, посчитайте, проследите, чтобы они благополучно достигли Восточного Дозора.

— Да, лорд Сноу, — сказал Боуэн Марш.

А Джон подумал: «Лед, —

говорила она. — и кинжалы в темноте. Замерзшая кровь и обнаженная сталь». Правая ладонь сжалась в кулак. Ветер усиливался.

55. СЕРСЕЯ

Казалось, что с каждой ночью становится все холоднее.

В келье не было ни камина, ни жаровни. Единственное окно находилось слишком высоко, чтобы она могла в него выглянуть, и оказалось слишком маленьким, чтобы через него пролезть, хотя для проникающего внутрь холода его размеров вполне хватало. Первую выданную сорочку Серсея разорвала, требуя вернуть ей собственную одежду, но это привело лишь к тому, что она осталась голой и дрожащей от холода. Когда принесли другую

сорочку, она натянула ее через голову и, давясь словами, поблагодарила сестер.

Через окно внутрь проникали еще и звуки. Для королевы они стали единственной возможностью узнать, что происходит в городе. Септы, приносявшие еду, не рассказывали ничего.

Она ненавидела это. Джейме приедет за ней, но как она узнает о его прибытии? Серсея лишь надеялась, что он окажется не настолько глуп и не примчится раньше своей армии. Ему потребуется каждый меч, чтобы справиться с одетыми в лохмотья полчищами Честных Бедняков,

окружавших Великую Септу. Она часто спрашивала о брате, но надзирательницы ей не отвечали. Спрашивала и о сире Лорасе. По последним сообщениям, Рыцарь Цветов умирал на Драконьем Камне от ран, полученных при штурме замка. *Пусть он умрет, думала Серсея, и побыстрее.* Смерть мальчишки освободит место в Королевской Гвардии, и это может стать ее спасением. Но септы оставались такими же неразговорчивыми относительно Лораса Тирелла, как и относительно Джейме.

Ее последним и единственным посетителем был лорд Квиберн. Мир

Серсеи состоял теперь из четырех человек: ее самой и трех надзирательниц, благочестивых и непреклонных. Септа Юнелла, хмурая, ширококостная и мужеподобная, с невзрачными чертами и мозолистыми ладонями. Септа Моэлла, с жесткими седыми волосами и подозрительно прищуренными злобными глазками на остром, как лезвие топора, морщинистом лице. Септа Сколера, широкая в талии и приземистая, с тяжелой грудью, оливковой кожей и резким запахом, напоминавшим прокисшее молоко. Они приносили еду и воду, выносили ночной горшок и каждые несколько дней забирали в

стирку сорочку. Пока одежду не возвращали, Серсее приходилось голый ежиться под одеялом. Иногда Сколера читала ей «Семиконечную Звезду» или «Книгу Святых Молитв», но кроме этого никто из них не разговаривал с ней и не отвечал ни на один из ее вопросов.

Она ненавидела и презирала всех трех почти так же сильно, как ненавидела и презирала мужчин, предавших ее.

Лживые друзья, вероломные слуги, поклонники, заявлявшие ей о вечной любви, и даже родственники... все оставили ее в трудную минуту. Осни Кеттлблэк, этот слабак, сломавшийся под

плетью, выдал его воробейству секреты, которые должен был унести в могилу. Его братья — уличные отбросы, вознесенные ею столь высоко — не пошевелили и пальцем. Аурин Уотерс, ее адмирал, скрылся в море с построенными для него галерами. Ортон Мерривезер сбежал в Длинный Стол, забрав с собой Таэну — единственную верную подругу королевы в эти ужасные времена. Харис Свифт и великий мейстер Пицель бросили ее в неволе и предложили отдать королевство тем самым людям, которые плели против нее заговор. О Меррине Транте и Боросе Блаунте, присягнувших защитникам короля,

ничего не было слышно. Даже ее кузен Лансель, когда-то клявшийся в любви, теперь стал одним из ее обвинителей. Дядя отказался помочь ей править, а ведь она могла сделать его Десницей короля.

А Джейме...

Нет, в это она не могла поверить и не поверила бы. Джейме будет здесь, как только узнает о ее положении. *«Приезжай немедленно, — написала она ему. — Помоги мне. Спаси меня. Ты нужен мне, как никогда прежде. Я люблю тебя. Люблю. Люблю. Приезжай»*. Квиберн поклялся проследить, что письмо дойдет до ее брата, который находился сейчас где-то в речных

землях со своей армией. Однако Квиберн так и не вернулся. Как знать, может быть, он уже мертв, а его голова насажена на пику над городскими Замковыми воротами. Или же он томится в одной из черных темниц под Красным Замком, так и не отослав ее письмо. Королева спрашивала о нем сотню раз, но ее тюремщицы ничего не отвечали. Одно она знала наверняка — Джейме не приехал.

Пока, говорила она себе. Но скоро придет. И когда это случится, его воробейство и его сучки запоют по-другому.

Она ненавидела ощущение беспомощности.

Она угрожала, но ее угрозы встречались каменными лицами и глухими ушами. Она приказывала, но ее приказы оставались без внимания. Она взывала к милосердию Матери, рассчитывая на естественное сочувствие одной женщины к другой, но три сморщенные септы, должно быть, выбросили свое женское естество, когда приняли обет. Она пыталась расположить их к себе, кротко разговаривая с ними и со смирением принимая каждое новое оскорбление. Это их не поколебало. Она предлагала им вознаграждение, обещала снисхождение, почести, золото, положение при дворе. С ее обещаниями они обошлись так же,

как и с ее угрозами.

И она молилась. О, как она молилась. Они хотели ее молитв, и она обеспечила им это — на коленях, будто уличная потаскушка, а не дочь Утеса. Она молилась о помощи, об избавлении, о Джейме. Вслух она просила у богов защиты в своей невинности, но про себя молила послать внезапную, мучительную смерть ее обвинителям. Она молилась, пока не раздирала в кровь колени, пока ее язык не становился таким непослушным и тяжелым, что она, казалось, могла бы им подавиться. Все молитвы, которые она выучила в детстве, вспомнились Серсее в ее келье, и она придумала

новые, взывая к Матери и Деве, к Отцу и Воину, к Старице и Кузнецу. Она молилась даже Неведомому. *В шторм любой бог подойдет.* Но Семеро оказались так же глухи, как и их земные слуги. Серсея отдала им все слова, какие у нее были, отдала все, кроме слез. *Этого они не получают никогда,* сказала она себе.

Она ненавидела ощущение слабости.

Если бы боги дали ей силу, какую они дали Джейме или этому надутому болвану Роберту, она сама смогла бы устроить побег. *О, мне бы меч, да умение владеть им.* В груди Серсеи билось сердце воина, но боги в своей слепой злобе дали ей слабое

женское тело. В самом начале королева попыталась вырваться силой, но септы справились с ней. Их было слишком много, и они оказались сильнее, чем выглядели. Уродливые старухи, все до одной, но ежедневные молитвы, чистка полов и порка послушниц прутьями сделали септ крепкими словно корни.

И они не давали ей спать. Ночью или днем, стоило королеве закрыть глаза в попытке уснуть, тут же появлялась одна из тюремщиц, будила ее и требовала, чтобы та созналась в своих грехах. Ее обвиняли в прелюбодеянии, блуде, государственной измене и даже убийстве — ведь Осни Кеттлблэк

признался, что задушил предыдущего Верховного Септона по ее приказу. «Я пришла услышать обо всех убийствах и прелюбодеяниях», — рычала септа Юнелла, растрясая королеву ото сна. А септа Моэлла говорила, что это ее грехи не дают ей заснуть. «Только невинным ведом покой тихого сна. Сознайтесь в своих грехах, и будете спать, как младенец».

Она просыпалась, засыпала и просыпалась снова. Каждая ночь разбивалась на кусочки грубыми руками ее мучительниц, и каждая ночь была холоднее и ужаснее предыдущей. Час совы, час волка, час соловья, восход и заход луны, закат и

рассвет — они проходили мимо нее, пошатываясь, словно пьяные. Какой час? Какой день? Где она? Сон это или явь? Маленькие осколки сна, которые ей дозволялись, превращались в бритвы, измельчающие ее разум. С каждым днем она становилась все более вялой, измученной и нездоровой. Потеряв счет времени, королева уже не могла сказать, давно ли была заключена в этой келье, на вершине одной из семи башен Великой Септы Бейелора. *Я состарюсь и умру здесь*, думала она в отчаянии.

Серсея не могла допустить такого. Она нужна своему сыну. Она нужна королевству. Она должна

выйти на свободу, чего бы это ни стоило. Ее мир сжался до кельи в шесть квадратных футов, ночного горшка, бугристого тюфяка и тонкого — даже надежда согревает лучше — коричневого шерстяного одеяла, от которого зудела кожа. Но она все еще была наследницей лорда Тайвина, дочерью Утеса.

Измученная недостатком сна, дрожащая от холода, заползавшего в келью башни каждую ночь, страдающая то от голода, то от жара, в конце концов, Серсея поняла, что должна признаться.

Ночью, когда септа Юнелла пришла, чтобы выдернуть ее из сна, королева ожидала ее

коленопреклоненной.

— Я согрешила, — произнесла Серсея. Язык еле ворочался во рту, губы потрескались и саднили. — Я ужасно согрешила. Теперь я осознаю это. Как я могла быть слепой так долго? Старица явилась ко мне, высоко подняв лампаду, и в ее благословенном свете я увидела дорогу, по которой должна идти. Я хочу снова стать чистой. Я хочу лишь отпущения грехов. Пожалуйста, добрая септа, молю тебя, отведи меня к Верховному Септону, чтобы я могла исповедаться в преступлениях и блуде.

— Я передам ему, Ваше Величество, — сказала септа

Юнелла. — Его Святейшество будет очень рад. Только через исповедь и искреннее раскаяние наши бессмертные души могут быть спасены.

И ей позволили поспать весь остаток этой долгой ночи. Благословенный сон, час за часом. Сова, волк и соловей скользили мимо, неслышные и незаметные, пока Серсея наслаждалась долгим сладким сном, в котором Джейме был ее мужем, а их сын — все еще жив.

Наутро королева почувствовала себя почти прежней. Когда надзирательницы пришли за ней, она вновь завела с ними благочестивые

разговоры и рассказала, как полна решимости исповедаться в своих грехах и получить прощение за все, что сделала.

— Мы ликуем, слыша подобные речи, — ответила септа Моэлла.

— С вашей души упадет тяжкое бремя, — добавила септа Сколера. — Потом вам будет гораздо легче, Ваше Величество.

Ваше Величество. Два этих простых слова вызвали в ней трепет. За время долгого заключения тюремщицы нечасто утруждали себя даже столь малой вежливостью.

— Его Святейшество ожидает, — произнесла септа Юнелла.

Серсея склонила голову, смиренная и покорная.

— Могу ли я сперва принять ванну, чтобы предстать перед ним в подобающем виде?

— Вы сможете вымыться позже, если позволит Его Святейшество, — ответила септа Юнелла. — Сейчас вас должна волновать чистота вашей бессмертной души, а не плотская суета.

Три септы повели ее вниз по лестнице башни — септа Юнелла шла перед королевой, а септа Моэлла и септа Сколера следовали за ней по пятам, будто опасаясь, что она попытается сбежать.

— У меня так давно не было

посетителей, — тихо пробормотала Серсея, пока они спускались. — Король здоров? Я спрашиваю просто как мать, беспокоящаяся о своем ребенке.

— Его Величество в добром здравии, — ответила септа Сколера, — он под хорошей охраной днем и ночью. Королева всегда рядом с ним.

Я королева! Она сглотнула, улыбнулась и произнесла:

— Приятно слышать. Томмен так ее любит. Я никогда не верила тем ужасным вещам, что говорили о ней. — Неужели Маргери Тирелл как-то умудрилась ускользнуть от обвинений в блуде, прелюбодеянии и

государственной измене? — Суд уже состоялся?

— Скоро состоится, — поделилась септа Сколера, — но ее брат...

— *Замолчи*, — септа Юнелла обернулась и бросила на Сколеру взгляд через плечо. — Ты много болтаешь, глупая старуха. Не нам говорить о подобных вещах.

Сколера опустила голову:

— Прошу меня простить.

Остаток пути они прошли в тишине.

Его воробейство принял ее в своем кабинете — аскетичной семиугольной комнате, где высеченные лики Семерых смотрели

с каменных стен с почти такими же кислыми и осуждающими выражениями, как и у Его Святейшества. Когда Серсея вошла, он сидел за грубо обтесанным столом и писал. Верховный Септон не изменился с того дня, как приказал схватить и заточить ее. Он по-прежнему был щуплым, седовласым человеком с постным, суровым, полуголодным взглядом, заострившимися чертами изрытого морщинами лица и глазами, смотрящими с подозрением. В отличие от своих предшественников, вместо пышных одежд он носил бесформенную тунику из некрашеной шерсти, доходившую ему

до щиколоток.

— Ваше Величество, — произнес он в качестве приветствия, — как я понял, вы желаете исповедаться.

Серсея бросилась на колени:

— Да, Ваше Святейшество. Старица явилась ко мне во сне, высоко подняв лампаду...

— Разумеется. Юнелла, останься и запиши слова Ее Величества. Сколера, Моэлла, вы можете идти, — он сложил ладони домиком, жестом, какой она тысячу раз видела у своего отца.

Септа Юнелла села рядом с ней, развернула пергамент и обмакнула перо в мастерские чернила. Серсея

почувствовала укол страха.

— После того, как я исповедаюсь, будет ли мне позволено...

— С Вашем Величеством поступят согласно вашим грехам.

Этот человек безжалостен,
вновь осознала она. Ей понадобилось мгновение, чтобы собраться с силами.

— Тогда пусть Мать помилует меня. Я спала с мужчинами, не будучи связанной с ними узами брака. Признаю.

— С кем? — Верховный Септон смотрел ей прямо в глаза.

Серсея слышала, как за ее спиной записывает Юнелла. Ее перо

издавало легкий, слабый,
царапающий звук.

— С Ланселем Ланнистером,
моим кузеном. И с Осни
Кеттлблэком. — Оба признались в
связи с ней, и отрицать это не пошло
бы ей на пользу. — И с его братьями.
Обоими братьями. — Она не знала,
что могли сказать Осфрид и Осмунд.
Будет безопаснее признать слишком
много, чем слишком мало. — Это не
оправдывает мои прегрешения, Ваше
Святейшество, но я была одинока и
напугана. Боги забрали у меня короля
Роберта, мою любовь, моего
защитника. Я осталась одна в
окружении интриганов, лживых
друзей и изменников, которые тайно

замышляли смерть моих детей. Я не знала, кому верить, поэтому я... Я использовала единственный имевшийся у меня способ, чтобы привязать к себе Кеттлблэков.

— Вы имеете в виду свои женские органы?

— Мою плоть, — она прижала ладонь к лицу и задрожала. Когда она отвела руку, глаза ее увлажнились от слез. — Да. Да простит меня Дева. Но все было ради детей, ради королевства. Я не получала от этого удовольствия. Кеттлблэки... суровые мужчины, жестокие, и они грубо обращались со мной, но что еще мне оставалось? Рядом с Томменом должны быть люди, которым я могла

бы доверять.

— Его Величество охраняла Королевская Гвардия.

— От Королевской Гвардии не было никакой пользы, когда умирал его брат Джоффри, убитый на собственном свадебном пиру. На моих глазах умер один сын, и я не смогла бы перенести потерю второго. Я согрешила, я распутничала и прелюбодействовала, но только ради Томмена. Простите меня, Ваше Святейшество, но я раздвинула бы ноги перед любым мужчиной в Королевской Гавани, если бы это помогло уберечь моих детей.

— Только боги могут даровать прощение. А что насчет сира

Лансея, вашего кузена и оруженосца вашего лорда-супруга? Его вы тоже позвали в свою постель, чтобы снискать его преданность?

— Лансель, — Серсея помедлила. *Осторожнее*, напомнила она себе, *Лансель наверняка все ему рассказал*. — Лансель любил меня. Он был еще мальчишкой, но я никогда не сомневалась в его преданности мне или моему сыну.

— И все же вы развратили его.

— Я была одинока, — она подавила рыдание. — Я потеряла мужа, сына, лорда-отца. Хотя и регентша, но королева остается женщиной, а женщины — слабые существа, легко поддающиеся

соблазну... Ваше Святейшество знает, что это правда. Даже святые септы, бывало, грешили. Лансель утешил меня. Он был добр и нежен, а я нуждалась в ком-нибудь. Это неправильно, я знаю, но у меня никого больше не оставалось... женщине *необходимо* быть любимой, ей нужен рядом мужчина, ей... ей... — Серсея неудержимо зарыдала.

Верховный Септон даже не шевельнулся, чтобы успокоить ее. Он сидел, не сводя с нее тяжелого взгляда, смотрел, как она рыдает, каменный, как статуи Семерых в септе у них над головами. Прошло некоторое время, но наконец, слезы

ее высохли. К тому моменту ее глаза покраснели и зудели от рыданий, и ей казалось, что она близка к обмороку.

Однако его воробейство с ней еще не закончил.

— Это обычные грехи, — сказал он. — Безнравственность вдов известна, и все женщины в душе распутницы, использующие уловки и красоту, чтобы добиться от мужчин своего. Здесь нет измены, если только вы не изменяли брачному ложу, пока Его Величество король Роберт был еще жив.

— Никогда, — прошептала она, вздрагивая. — *Никогда*, клянусь.

Он не обратил на это внимания.

— Против Вашего Величества выдвинуты и другие обвинения, в преступлениях куда более тяжких, чем обычный блуд. Вы признаете, что сир Осни Кеттлблэк был вашим любовником, а сир Осни настаивает, что он удушил моего предшественника по вашему приказу. Он также утверждает, что лжесвидетельствовал против королевы Маргери и ее кузин, рассказывал лживые истории об их блуде, прелюбодеянии и государственной измене, опять же, по вашему приказу.

— Нет, — возразила Серсея. — Это неправда. Я люблю Маргери, как родную дочь. А в остальном... Я

выражала недовольство Верховным Септоном, признаю. Он был человеком Тириона, слабовольным и испорченным, пятном на нашей святой вере. Ваше Святейшество знает это не хуже меня. Возможно, Осни решил, что я буду рада его смерти. Если так, на мне есть часть вины... но убийство? Нет. В убийстве я невиновна. Отведите меня в септу, и пред ликом Отца, нашего судьи, я поклянусь в том, что это правда.

— Всему свое время, — ответил Верховный Септон. — Вы также обвиняетесь в заговоре с целью убийства вашего лорда-супруга, нашего покойного возлюбленного короля Роберта, Первого этого

имени.

Лансель, подумала Серсея.

— Роберта убил кабан. Неужели меня считают еще и оборотнем? Варгом? Не обвиняют ли меня и в убийстве Джоффри, моего милого сына, моего первенца?

— Нет. Только вашего мужа. Вы отрицаете это?

— Я отрицаю. Да. Перед богами и людьми, я отрицаю это.

Он кивнул.

— И наконец, самое худшее. Некоторые утверждают, что ваши дети рождены не от короля Роберта, что они бастарды, плод кровосмешения и прелюбодеяния.

— Так утверждает Станнис, —

тут же ответила Серсея. — Ложь, ложь, очевидная ложь. Станнис хочет забрать себе Железный Трон, но у него на пути стоят племянники, поэтому ему нужно заявить, что они — не дети его брата. Это мерзкое письмо... В нем нет ни капли правды. Я отрицаю.

Верховный Септон положил обе ладони на стол и, оттолкнувшись, встал на ноги.

— Хорошо. Лорд Станнис отвернулся от истины Семерых, чтобы поклоняться красному демону, и его ложной вере нет места в наших Семи Королевствах.

Это звучало почти ободряюще. Серсея кивнула.

— Тем не менее, — продолжил Верховный Септон, — обвинения тяжкие, и королевство должно узнать истину. Если Ваше Величество сказали правду, несомненно, суд докажет вашу невиновность.

Все-таки суд.

— Я исповедалась...

— ...в некоторых грехах, да. Остальные вы отрицаете. Суд над вами отделит истину от лжи. Я буду просить Семерых простить вам грехи, в которых вы признались, и буду молиться, чтобы вас признали невиновной в остальных обвинениях.

Серсея медленно поднялась с колен.

— Я склоняюсь перед

мудростью Вашего Святейшества, — сказала она, — но если я могу молить о капле милосердия Матери, я... я так давно не видела сына, пожалуйста...

Глаза старика казались обломками кремня.

— Негоже допускать вас к королю, пока вы не очиститесь от своих грехов. Однако вы сделали первый шаг на пути назад, к добродетели, и в свете этого я разрешу вам принимать других посетителей. По одному в день.

Королева снова заплакала. На сей раз слезы были искренними.

— Вы слишком добры. Благодарю вас.

— Мать милосердна. Это ее вам нужно благодарить.

Моэлла и Сколера дожидались королеву, чтобы отвести обратно в келью башни. Следом за ними шла Юнелла.

— Мы все молимся за Ваше Величество, — сказала септа Моэлла по пути вверх.

— Да, — эхом отозвалась Сколера, — вам сейчас, наверное, стало гораздо легче, и вы чувствуете себя чистой и невинной, как девушка в утро своей свадьбы.

Я трахалась с Джейме в утро своей свадьбы, вспомнила королева.

— Да, — произнесла она, — я чувствую себя заново рожденной,

будто вскрыли гнойный нарыв, и я, наконец, могу начать исцеляться. Мне кажется, я могла бы взлететь. — Она представила, как приятно было бы двинуть локтем в лицо септе Сколере, чтобы та кубарем скатилась вниз по винтовой лестнице. А если боги будут благосклонны, старая морщинистая сучка врежется в септу Юнеллу и утянет ее за собой.

— Так хорошо снова видеть вашу улыбку, — заметила Сколера.

— Его Святейшество сказал, что теперь я могу принимать посетителей?

— Да, — ответила септа Юнелла. — Если Ваше Величество сообщит нам, кого она хотела бы

видеть, мы известим этих людей.

Джейме, мне нужен Джейме.

Но если ее брат уже в городе, почему он еще не пришел к ней? Пожалуй, будет разумно повременить с Джейме, пока она не разузнает получше, что происходит за стенами Великой Септы Бейелора.

— Моего дядю, — решила Серсея. — Сира Кивана Ланнистера, брата моего отца. Он в городе?

— Да, — подтвердила септа Юнелла. — Лорд-регент расположился в Красном Замке. Мы немедленно пошлем за ним.

— Благодарю, — задумчиво произнесла Серсея. *Лорд-регент, вот значит как?* Ее это не удивило.

Как оказалось, смирение и раскаяние не только очищали душу от греха, но и приносили пользу. В тот вечер королеву перевели в большую келью двумя этажами ниже, с окном, в которое она действительно могла смотреть, и теплыми мягкими одеялами на постели. А когда пришло время ужина, вместо черствого хлеба и овсяной каши ей подали жареного каплуна, миску хрустящей зелени, приправленной толчеными орехами, и горку пюре из репы, политую сливочным маслом. Той ночью, впервые за время заключения, она забралась в постель с полным желудком, и спокойно проспала всю

НОЧЬ.

На рассвете следующего утра к ней пришел дядя.

Серсея еще завтракала, когда дверь кельи распахнулась и внутрь вошел сир Киван Ланнистер.

— Оставьте нас, — сказал он надзирательницам.

Септа Юнелла вывела Сколеру и Моэллу и закрыла за собой дверь. Королева поднялась на ноги.

Ей показалось, что сир Киван постарел с их прошлой встречи. Крупный мужчина, грузный и широкоплечий, с коротко стриженной светлой бородой, обрамляющей тяжелую челюсть, и короткими светлыми волосами, уже

полностью отступившими со лба. Тяжелый шерстяной алый плащ был заколот на плече золотой брошью в форме львиной головы.

— Спасибо, что пришел, — произнесла королева.

Дядя нахмурился:

— Лучше присядь. Мне нужно кое-что тебе рассказать...

Она не хотела садиться.

— Ты все еще зол на меня. Я слышу это по твоему голосу. Прости меня, дядя. С моей стороны было неправильно плеснуть в тебя вином, но...

— Ты думаешь, меня заботит бокал вина? Лансель — мой *сын*, Серсея. И твой кузен. Если я зол на

тебя, то по этой причине. Тебе полагалось присматривать за ним, направлять его, найти ему подходящую девушку из хорошей семьи. А вместо этого ты...

— Я знаю, знаю. — *Лансель хотел меня сильнее, чем я его. И, готова поспорить, хочет до сих пор.* — Я была одинока и так ослаблена. Пожалуйста. Дядя. О, дядя. Так приятно видеть твое лицо, твое милое, милое лицо. Я делала ужасные вещи, я знаю, но мне невыносимо думать, что ты ненавидишь меня, — она обняла его, поцеловала в щеку. — Прости меня, прости меня.

Несколько мгновений сир Киван

терпел ее объятия, прежде чем поднял руки и обнял ее в ответ, коротко и неловко.

— Хватит, — произнес он, все еще ровным и холодным голосом. — Ты прощена. Теперь сядь. У меня тяжелые вести, Серсея.

Эти слова напугали ее.

— Что-то случилось с Томменом? Нет, только не с ним. Я так боялась за своего сына. Никто мне ничего не рассказывает. Пожалуйста, скажи мне, что с Томменом все хорошо.

— С Его Величеством все хорошо. Он часто спрашивает о тебе, — сир Киван положил руки ей на плечи, удерживая ее на

расстоянии вытянутой руки.

— Тогда Джейме? Что-то с Джейме?

— Нет. Джейме по-прежнему где-то в речных землях.

— Где-то? — ей не понравилось, как это прозвучало.

— Он взял Древо Ворона и принял сдачу лорда Блэквуда, — сказал дядя, — но на обратном пути в Риверран оставил свиту и уехал с какой-то женщиной.

— С женщиной? — Серсея уставилась на него в недоумении. — Какой женщиной? Почему? Куда они поехали?

— Никто не знает. Больше от него не было вестей. Эта женщина,

возможно, — дочь Вечерней Звезды, леди Бриенна.

Она. Королева помнила Тартскую Деву — огромное, уродливое, неуклюжее существо в мужских доспехах. Джейме никогда не оставил бы меня ради такого создания. Мой ворон так и не долетел до него, иначе бы он приехал.

— Мы получили донесения, что по всему южному побережью высаживаются наемники, — продолжал сир Киван. — В Тарте, на Ступенях, на мысе Гнева... хотел бы я знать, где Станнис нашел деньги, чтобы нанять вольный отряд. Здесь у меня не найдется столько людей,

чтобы отправить их разобраться с ними. У Мейса Тирелла есть армия, но он отказывается что-либо предпринимать, пока не будет решен вопрос с его дочерью.

Палач решил бы вопрос с Маргери довольно быстро. Серсея плевать хотела на Станниса или его наемников. Пусть Иные заберут его вместе с Тиреллами. Пусть перережут друг друга, королевству от этого будет только лучше.

— Пожалуйста, дядя, вытащи меня отсюда.

— Как? Отбить тебя силой? — сир Киван подошел к окну и хмуро уставился в него. — Мне пришлось бы превратить это святое место в

бойню. И у меня нет людей. Наши лучшие силы в Риверране с твоим братом. У меня не было времени собрать новую армию, — он снова повернулся к ней. — Я говорил с Его Святейшеством. Он не отпустит тебя, пока ты не искупишь свои грехи.

— Я исповедалась.

— Я сказал «искупишь». Перед всем городом. Пройдешь...

— Нет, — она знала, что собирался сказать ее дядя, и не желала этого слышать. — Никогда. Передай ему, если снова будешь говорить с ним. Я королева, а не портовая шлюха.

— Тебе ничего не грозит. Никто не тронет...

— *Нет*, — ответила она еще более резко. — Я скорее умру.

Сир Киван был непреклонен.

— Если ты хочешь этого, то вскоре твоё желание может исполниться. Его Святейшество твердо решил судить тебя за цареубийство, богоубийство, кровосмешение и государственную измену.

— Богоубийство? — она чуть не рассмеялась. — Когда же я успела убить бога?

— Здесь, на земле, Верховный Септон говорит от имени Семерых. Нанося удар ему, ты наносишь удар самим богам, — дядя поднял руку, прежде чем она смогла возразить. —

Не стоит говорить о подобных вещах. Не здесь. Для этого будет суд, — он обвел глазами келью. Выражение его лица говорило красноречивее слов.

Кто-то подслушивает. Даже здесь, даже теперь она не могла говорить открыто. Она перевела дух.

— Кто будет судить меня?

— Вера, — ответил дядя. — Если только ты не будешь настаивать на испытании поединком. В таком случае за тебя выступит рыцарь Королевской Гвардии. Но каков бы ни был исход, твое правление закончено. Я буду регентом Томмена до его совершеннолетия. Мейс Тирелл провозглашен Десницей короля. Великий мейстер Пицель и

сир Харис Свифт сохранили свои должности, лордом-адмиралом стал Пакстер Редвин, а Рендилл Тарли назначен верховным судьей.

Оба — знаменосцы Тирелла. Вся власть в королевстве сосредоточились в руках ее врагов — родственников и друзей королевы Маргери.

— Маргери тоже предъявлены обвинения. Ей, и этим ее кузинам. Как вышло, что ее воробьи отпустили, а меня — нет?

— Рендилл Тарли настоял. Когда разразилась буря, он самым первым прибыл в Королевскую Гавань, и привел с собой армию. Девчонки Тирелла предстанут перед судом, но

дело против них неубедительно, как считает Его Святейшество. Мужчины, которых называли любовниками королевы, либо сразу отвергли обвинения, либо позже отреклись от своих признаний, за исключением твоего изувеченного певца, который, похоже, почти безумен. Поэтому Верховный Септон передал девочек на попечение Тарли, а лорд Рендилл принес священную клятву доставить их на суд, когда придет время.

— А ее обвинители? — спросила королева. — Где их содержат?

— Осни Кеттлблэк и Лазурный Бард здесь, под септой. Близнецов

Редвин признали невиновными, а Хэмиш-Арфист умер. Остальные — в подземельях Красного Замка, под надзором твоего Квиберна.

Квиберн, подумала Серсея. Это хорошо. У нее есть, по крайней мере, одна соломинка, за которую можно ухватиться. Они у лорда Квиберна, а лорд Квиберн может творить чудеса. *И злодеяния. Злодеяния он тоже может творить.*

— Это еще не все, дальше — хуже. *Сядешь* ты, наконец?

— Сяду? — Серсея покачала головой. Что может быть хуже? Она предстанет перед судом по обвинению в государственной измене, а маленькая королева и ее

кузины выпорхнули, свободные, как птички. — Говори. Что еще?

— Мирцелла. У нас печальные новости из Дорна.

— *Тирион*, — тут же сказала она. Тирион отослал девочку в Дорн, а Серсея отправила сира Бейлона Сванна вернуть ее домой. Все дорнийцы — змеи, и Мартеллы — хуже всех. Красный Змей даже пытался защитить Беса и был на волосок от победы, которая позволила бы карлику избежать наказания за убийство Джоффри. — Это он, он все время находился в Дорне, а теперь захватил мою дочь.

Сир Киван бросил на нее еще один угрюмый взгляд:

— На Мирцеллу напал дорнийский рыцарь по имени Герольд Дейн. Она жива, но ранена. Он порезал ей лицо, она... Мне очень жаль... Она осталась без уха.

— Без уха, — Серсея в ужасе смотрела на него. *Она всего лишь ребенок, моя драгоценная принцесса. Она была такой красавицей.* — Он отсек ей ухо. А где же был принц Доран со своими дорнийскими рыцарями? Они не смогли защитить одну маленькую девочку? Где был Арис Окхарт?

— Погиб, защищая ее. Говорят, Дейн зарубил его.

Королева вспомнила, что Дейном был Меч Зари, но он давно

уже мертв. Кто такой этот сир Герольд, и почему он хотел причинить вред ее дочери? Она не могла понять, разве что...

— Тирион лишился половины носа в битве при Черноводной. Рассечь ей лицо, отрезать ухо... Бес приложил к этому свою мерзкую ручонку.

— Принц Доран не упоминал твоего брата. А Мирцелла винит во всем Герольда Дейна, как пишет Бейлон Сванн. Темную Звезду — так его называют.

Она горько ухмыльнулась:

— Как бы они его ни называли, он орудие в руках моего брата. У Тириона есть друзья среди

дорнийцев. Все это придумал Бес. Он помолвил Мирцеллу и принца Тристана. Теперь я понимаю, зачем.

— Ты видишь Тириона в каждой тени.

— Он и есть создание теней. Он убил Джоффри. Он убил отца. И ты думал, он остановится? Я боялась, что Бес все еще в Королевской Гавани, замышляет что-то против Томмена, но он, должно быть, отправился вместо этого в Дорн, чтобы сначала убить Мирцеллу, — Серсея мерила келью шагами. — Я должна быть с Томменом. Королевская Гвардия бесполезна, как соски на доспехах. — Она обернулась к дяде. — Ты сказал, сир

Арис убит?

— Его убил этот Темная Звезда, да.

— Мертв, он *мертв*. Ты уверен?

— Так нам сообщили.

— Значит, в Королевской Гвардии освободилось место. И его немедленно надо занять. Томмен нуждается в защите.

— Лорд Тарли готовит список достойных рыцарей, чтобы представить его на рассмотрение твоего брата, но пока Джейме не появится...

— Король сам может пожаловать белый плащ. Томмен — хороший мальчик. Скажи ему, кого выбрать, и он его выберет.

— И кого ты бы хотела, чтобы он выбрал?

Готового ответа у нее не было. *Моему защитнику потребуется новое имя и новое лицо.*

— Квиберн знает имя. Доверься ему в этом. У нас с тобой были разногласия, дядя, но во имя крови, что объединяет нас, и любви, которую ты испытывал к моему отцу, ради Томмена и ради его несчастной изуродованной сестры, сделай, как я прошу. Встреться с лордом Квиберном от моего имени, передай ему белый плащ и скажи, что время пришло.

56. КОРОЛЕВСКИЙ ГВАРДЕЕЦ

— Вы были человеком королевы, — сказал Резнак мо Резнак, — а король желает иметь рядом своих собственных людей, когда собирает двор.

Я по-прежнему человек королевы. Сегодня, завтра, всегда — до моего или ее последнего вздоха. Барристан Селми отказывался верить, что Дейенерис Таргариен мертва.

Возможно, потому его и отодвигали в сторону. *Хиздар убирает нас всех, одного за другим.*

Бельвас-Силач медленно умирал в храме под присмотром Голубых Граций... хотя Селми был почти уверен, что они завершают работу, начатую медовой саранчой. Скахаза Бритоголового отстранили от командования. Безупречные удалились в свои казармы. Чхого, Даарио Нахарис, адмирал Гролео и капитан Безупречных Хиро оставались в заложниках у юнкайцев. Агго, Ракхаро и остальных из кхаласара королевы отправили за реку искать их пропавшую госпожу. Даже Миссандею заменили. Король посчитал, что не подобает ребенку быть глашатаем, а тем более — бывшей рабыне-наатийке. *А теперь*

пришел мой черед.

В прежние времена он воспринял бы отставку как оскорбление своей чести. Но то было в Вестеросе. В этой же змеиной яме, именуемой Миэрином, на честь смотрели, как на шутовской наряд. Хотя сир Барристан им тоже не доверял. Хиздар зо Лорак может быть супругом его королевы, но никогда не станет его королем.

— Если Его Величество желает, чтобы я оставил двор...

— Его Сиятельство, — поправил сенешаль. — Нет-нет-нет, вы меня неправильно поняли. Его Милость должен принять юнкайскую делегацию, чтобы обсудить уход их

армий. Они могут попросить о... э-э... возмещении за жизни тех, кто погиб от разгневанного дракона. Деликатная ситуация. Королю кажется, что лучше будет, если они увидят на троне миэринского короля под защитой миэринских же воинов. Конечно, вы это понимаете, сир.

Я понимаю больше, чем ты думаешь.

— Могу я узнать, кого Его Величество избрал своими защитниками?

Резнак мо Резнак улыбнулся своей скользкой улыбкой.

— Грозных бойцов, которые очень любят Его Милость. Гогора-Великана. Кразза. Пятнистого Кота.

Белакво Костолома. Все они герои.

Все они бойцы из ям. Сир Барристан не удивился. Хиздару зо Лораку неуютно сидеть на своем новом троне. В Миэрине тысячи лет не было короля, и некоторые из древних семейств вполне могли счесть себя более достойными претендентами на это место. За стенами города расположились юнкайцы со своими наемниками и союзниками, а внутри находились Сыны Гарпии.

И защитников у короля с каждым днем становилось все меньше. Хиздар допустил промах с Серым Червем, и это стоило ему Безупречных. Его Величество

попытался передать их под командование своего родственника, как прежде поступил с Медными Бестиями. Тогда Серый Червь сообщил королю, что они свободные люди и подчиняются только приказам Матери. Что до Медных Бестий, то половина была вольноотпущенниками, а остальные — бритоголовыми, сохранявшими верность Скахазу мо Кандаку. Бойцы из ям остались единственной поддержкой короля Хиздара против множества врагов.

— Да защитят они Его Величество от всех угроз, — тон сира Барристана скрывал его истинные чувства. Он научился их

прятать очень давно, еще в Королевской Гавани.

— *Его Великолепие*, — подчеркнул Резнак. — Ваши прочие обязанности останутся неизменными, сир. Если мир нарушится, Его Сиятельство по-прежнему желает, чтобы вы вели его силы против врагов нашего города.

По крайней мере, это он понимает. Белакво Костолом и Гогор-Великан могут служить Хиздару охранниками, но сама идея, что кто-нибудь из них поведет за собой армию в бой, была просто смехотворной, и старый рыцарь чуть не улыбнулся.

— Я в распоряжении Его

Величества.

— Не *Величества*, — посетовал сенешаль. — Это по-вестеросски. Его Великолепия, Его Сиятельства, Его Милости.

Его Тщеславия подошло бы лучше.

— Как скажете.

Резнак облизнул губы:

— Тогда мы закончили.

На этот раз его масляная улыбка предвещала освобождение. Сир Барристан уходил, довольный тем, что оставил позади зловоние духов сенешаля. *Мужчина должен пахнуть потом, а не цветами.*

Высота Великой Пирамиды Миэрина от основания до вершины

составляла восемь сотен футов. Покои сенешаля располагались на втором уровне. Покои королевы и его собственные находились на самой вершине. *Нелегкий подъем для человека моего возраста*, думал сир Барристан, начав восхождение. Ему приходилось подниматься по пять-шесть раз на дню по разным делам королевы, и боли в коленях и спине служили подтверждением его мыслям. *Настанет день, когда я не смогу одолеть эти ступени*, думал он, *и день этот придет раньше, чем мне хочется*. Но прежде чем он наступил, необходимо убедиться, что по крайней мере некоторые из его ребят будут готовы занять его место

возле королевы. *Когда они будут достойны, я сам посвящу их в рыцари и дам каждому коня и золотые шпоры.*

В королевских покоях было тихо и пусто. Хиздар не стал жить здесь, предпочтя обустроить для себя несколько комнат в самом сердце Великой Пирамиды, где его со всех сторон окружали массивные каменные стены. Меззара, Миклаз, Кезза и остальные юные королевские виночерпии, а на деле заложники — хотя и Селми и королева так полюбили этих детей, что ему было сложно считать их таковыми, — ушли с королем, когда Ирри и Чхику уехали с остальными дотракийцами.

Осталась только Миссандея, слонявшаяся по комнатам королевы на вершине пирамиды, словно одинокий маленький призрак.

Сир Барристан вышел на террасу. Небо над Миэрином было цвета мертвой плоти, тусклое, белое и тяжелое, затянутое облаками до самого горизонта. За стеной облаков пряталось солнце. Оно зайдет так же незаметно, как и взошло этим утром. Ночь будет жаркой и тяжелой, одной из тех тягучих и удушающих ночей без малейшего дуновения ветерка. Три дня грозил разразиться дождь, но ни одной капли не упало на землю. *Дождь принесет облегчение и поможет очистить город.*

Со своего места он видел четыре меньшие пирамиды, западные стены города и лагеря юнкайцев на берегу Залива Работоторговцев. Там, подобно огромной змее, извивался густой столб жирного дыма. *Юнкайцы сжигают своих мертвецов,* догадался он. *Бледная кобыла галопом мчится через их осадный лагерь.* Несмотря на все, сделанное королевой, болезнь распространилась и в самом городе, и за его пределами. Рынки Миэрина закрылись, а улицы, казалось, вымерли. Король Хиздар позволил снова открыть бойцовые ямы, но толпы стали редкостью. По слухам, миэринцы даже перестали посещать

Храм Граций.

Работорговцы придумают, как обвинить Дейенерис и в этом, горько подумал сир Барристан. Он почти слышал их перешептывания — Великих Господ, Сынов Гарпии, юнкайцев, обсуждающих друг с другом, что его королева мертва. Половина города верила в ее смерть, хотя у них пока еще не хватало смелости объявить об этом вслух. Но, думаю, скоро хватит.

Сир Барристан чувствовал себя очень усталым и очень старым. *Куда ушли мои годы?* В последнее время, всякий раз, становясь на колени чтобы напиться из неподвижного пруда, он видел лицо незнакомца,

смотрящего на него из глубины. Когда впервые появились эти морщинки вокруг его бледно-голубых глаз? Давно ли его волосы превратились из золотистых в седые? *Давным-давно, старик. Десятки лет назад.*

Ему казалось, что только вчера его посвятили в рыцари после турнира в Королевской Гавани. Он все еще помнил прикосновение меча короля Эйегона к своим плечам, легкое, как поцелуй девушки. Слова застревали у него в горле, когда он произносил свои клятвы. Той ночью на пиру он ел ребра дикого кабана, приготовленные по дорнийскому рецепту с драконьим перцем, такие

острые, что обжигали рот. Сорок семь лет прошло, а их вкус все еще хранился в его памяти, хотя он не смог бы сказать, чем ужинал десять дней назад, даже если бы от этого зависела судьба всех Семи Королевств. *Вареной собачатиной, скорее всего. Или любой другой мерзостью, не лучшей на вкус.*

Не в первый раз Селми удивлялся причудам судьбы, которые привели его сюда. Он был рыцарем Вестероса, человеком штормовых земель и Дорнийских Марок, его место — в Семи Королевствах, а не здесь, на изнемогающих от зноя берегах залива Работорговцев. *Я пришел, чтобы доставить*

Дейенерис домой. И все же он потерял ее, так же, как потерял ее отца и брата. Даже Роберта. Его я тоже подвел.

Возможно, Хиздар мудрее, чем думал сир Барристан. Десять лет назад я бы почувствовал, что собирается сделать Дейенерис. И десять лет назад я был бы достаточно быстрым, чтобы остановить ее. Вместо этого, когда она прыгнула в яму, он остолбенел, выкрикивая ее имя, а затем тщетно пытался догнать ее по красному песку.

Я стал старым и медлительным.

Неудивительно, что Нахарис

насмехался над ним, называя «сир Дедушка». *Был бы Даарио быстрее меня, находишь он в тот день рядом с королевой?* Селми подумал, что знает ответ на этот вопрос, но он ему не нравился.

Вчера ночью ему снова приснился тот же сон: Бельвас, стоящий на коленях и блюющий кровью и желчью, Хиздар, призывающий убить дракона, бегущие в ужасе мужчины и женщины, дерущиеся на лестнице и давящие друг друга, крики и вопли. А Дейенерис...

Ее волосы горели. Она держала в руке кнут и кричала, а потом улетела, сидя на спине дракона.

Поднимаясь, Дрогон взметнул песчаную пыль, засыпавшую сиру Барристану глаза. Но сквозь пелену слез он видел, как зверь вылетает из ямы, как его огромные крылья хлопают по плечам бронзовых бойцов на воротах.

Что было потом, он узнал позже. За воротами кишела толпа. Обезумев от драконьего запаха, лошади бросились в нее, вставая на дыбы и лягаясь железными подковами. Столы с едой и паланкины перевернулись, а упавших людей затоптали. Полетели копья и арбалетные стрелы. Некоторые попали в цель. Дракон яростно крутился в воздухе, его раны

дымились, а девушка цеплялась за спину. И тут он выдохнул пламя.

Сбор трупов занял у Медных Бестий весь день и большую часть ночи. В конечном счете получилось двести четырнадцать убитых и в три раза больше обожженных и раненых. К тому времени Дрогон пропал из города, в последний раз его заметили высоко над Скахазадханом, направляющимся на север. Никаких следов Дейенерис Таргариен найдено не было. Некоторые клялись, что видели, как она упала. Другие настаивали, что дракон унес ее, чтобы сожрать. *Они ошибаются.*

Сир Барристан знал о драконах не больше, чем говорилось в сказках,

которые слышал в детстве каждый ребенок, но он знал Таргариенов. Дейенерис *оседлала* дракона, как когда-то в старину Эйегон оседлал Балериона.

— Она могла полететь домой, — сказал он вслух сам себе.

— Нет, — прошептал мягкий голос позади него. — Она бы так не сделала. Она бы не отправилась домой без нас.

Сир Барристан обернулся:

— Миссандея. Дитя. Как давно ты здесь стоишь?

— Недолго. Ваша слуга сожалеет, если помешала вам, — она запнулась. — С вами хочет поговорить Скахаз мо Кандак.

— Бритоголовый? Ты говорила с ним?

Какая неосторожность. Девочка была достаточно умна, чтобы знать о вражде между Скахазом и королем. Скахаз открыто возражал против брака королевы, и Хиздар этого не забудет.

— Он здесь? В пирамиде?

— Когда пожелает. Он приходит и уходит, сир.

Да. Когда пожелает.

— Кто тебе сказал, что он хочет поговорить со мной?

— Медная Бестия. В маске совы.

Он носил маску совы, когда говорил с тобой. А сейчас он уже может быть шакалом, тигром или

ленивцем. Сир Барристан
возненавидел эти маски с самого
начала, и никогда его ненависть не
была сильнее, чем сейчас. Честным
людям не нужно прятать свои лица.
А Бритоголовый...

О чем он только думает? После
того, как Хиздар передал
командование Медными Бестиями
своему кузену Мархазу зо Лораку,
Скахаз был назначен Смотрителем
Реки, ответственным за паромы,
речные работы и оросительные
каналы на пятьдесят лиг вдоль
Скахазадхана. Но Бритоголовый
отказался от этой «древней и
почетной службы», как назвал ее
Хиздар, и предпочел удалиться в

скромную пирамиду Кандаков. *Ему опасно появляться здесь без защиты королевы.* И если бы сира Барристана увидели говорящим с ним, на рыцаря тоже могло бы пасть подозрение.

Ему не нравилось, как это пахло. Это был запах хитрости, наущничества и лжи, заговоров, которые плелись во тьме — всего того, что так хотелось оставить в прошлом, с Пауком, Мизинцем и им подобными.

Барристан Селми никогда не увлекался чтением, но он часто перелистывал страницы Белой Книги, куда записывались деяния его предшественников. Некоторые были героями, некоторые — слабаками,

мошенниками и трусами. Большинство же — просто людьми, пусть более быстрыми и сильными, чем остальные, более умелыми в обращении с мечом и щитом, но все же подверженными гордыне, тщеславию, похоти, любви, гневу, зависти, жадности до золота, жажде власти, и всем прочим страстям, к которым всегда склонны простые смертные. Лучшие из них сумели преодолеть свои пороки, выполнили свой долг и умерли с мечами в руках. Худшие...

Худшие играли в игру престолов.

— Сможешь найти ту сову? — спросил он у Миссандеи.

— Ваша слуга попытается, сир.

— Скажи ему, что я поговорю с... с нашим другом. Когда стемнеет. Около конюшни.

Главные ворота пирамиды закрывались на закате. В этот час в конюшнях должно быть тихо.

— Убедись, что это та же самая сова. — Будет плохо, если ее услышит другая Медная Бестия.

— Ваша слуга понимает.

Миссандея повернулась, чтобы уйти, но задержалась на мгновение и добавила:

— Говорят, юнкайцы окружили город «скорпионами». Они выпустят в небо железные стрелы, если Дрогон вернется.

Сир Барристан тоже слышал об

ЭТОМ:

— Не так-то просто убить дракона в небе. В Вестеросе многие пытались сбить Эйегона и его сестер. Ни один не преуспел.

Миссандея кивнула. Трудно было сказать, поверила ли она.

— Вы думаете, они найдут ее, сир? Степи бескрайни, а драконы не оставляют в небе следов.

— Агго и Ракхаро кровь ее крови... а кто знает Дотракийское море лучше, чем сами дотракийцы? — он сжал ее плечо. — Если ее можно найти, они найдут ее.

Если она все еще жива. Были и другие кхалы, рыщущие в траве, лошадиные лорды с кхаласаром из

десятков тысяч всадников. Но девочке не нужно об этом слышать.

— Я знаю, что ты очень любишь ее. И я клянусь, что сделаю все для ее безопасности.

Его слова, казалось, немного успокоили девочку. *Слова — это ветер*, подумал сир Барристан. *Как я могу защищать королеву, когда меня нет рядом с ней?*

Барристан Селми знал многих королей. Он родился в беспокойные времена Эйегона Невероятного, обожаемого простым людом, и от него же получил рыцарский титул. Сын Эйегона Джейехерис даровал ему белый плащ, когда рыцарю было двадцать три — после того как он

убил Мейелиса-Чудище во время войны Девятигрошовых Королей. В том же белом плаще он стоял рядом с Железным Троном, когда Эйериса, сына Джейехериса, поглощало безумие. *Стоял, смотрел, слушал... и ничего не делал.*

Хотя нет. Не совсем так. Он просто выполнял свой долг. Иногда по ночам сир Барристан задумывался, не слишком ли он в этом усердствовал. Он принес свои клятвы перед глазами богов и людей, и честь не давала ему их нарушить... но в последние годы правления короля Эйериса сдерживать эти клятвы становилось все сложнее. Ему довелось увидеть такие вещи, о

которых было больно вспоминать, и он не раз задавался вопросом, сколько крови осталось и на его собственных руках. Если бы он не поехал тогда в Синий Дол спасти Эйериса из темниц лорда Дарклина, то король, скорее всего, и умер бы там, пока Тайвин Ланнистер грабил город. Тогда на Железный Трон сел бы принц Рейегар, и возможно, ему удалось бы исцелить королевство. События в Синем Доле стали его звездным часом, но эти воспоминания оставляли у него во рту горький привкус.

И все же ночью его преследовали именно неудачи. *Джейехерис, Эйерис, Роберт. Три*

мертвых короля. Рейегар, который стал бы лучшим королем, чем любой из них. Принцесса Элия и дети. Маленький Эйегон, Рейенис с своим котенком. Все они мертвы, а он по-прежнему жив, он, поклявшийся защищать их. И теперь Дейенерис, его сияющая юная королева. Она не умерла. Я не поверю в это.

Полдень принес сиру Барристану небольшую передышку от собственных сомнений. Он провел его в зале для тренировок на третьем уровне пирамиды, работая со своими мальчиками, обучая их искусству меча и щита, верховой езды и копья... и рыцарству, этому своду правил, который отличает рыцаря от

бойцов из ям. После его смерти Дейенерис понадобятся защитники ее возраста, и сир Барристан твердо решил предоставить ей таковых.

Ребята, с которыми он занимался, были в возрасте от восьми до двадцати лет. Начинал он более чем с шестьюдесятью, но для большинства обучение оказалось слишком суровым. Сейчас оставалось менее половины из этого числа, но некоторые подавали большие надежды. *Без короля, которого мне следует охранять, у меня остается гораздо больше времени для их подготовки,* обнаружил он, переходя от одной пары к другой и наблюдая, как они

сражаются затупленными мечами и копьями с закругленными наконечниками. *Славные парни. Правда, не самого высокого рода, но некоторые станут прекрасными рыцарями, и они любят свою королеву. Если бы не она, их жизни закончились бы в ямах. Пусть король Хиздар держит своих бойцов, но у Дейенерис будут рыцари.*

— Поднимите щиты, — требовал он. — Покажите мне удары. А теперь все вместе. Снизу, сверху, снизу, снизу, сверху, снизу...

В этот вечер Селми вынес свою простую пищу на террасу королевы и поужинал там, пока садилось солнце. Он наблюдал, как зажигались в

фиолетовых сумерках один за одним огоньки на огромных ступенчатых пирамидах; как разноцветные кирпичи Миэрина становились сначала серыми, а затем черными. Внизу на улицах и аллеях собирались тени, превращаясь в озера и реки. На закате город казался тихим и безмятежным, даже прекрасным. *Это из-за мора*, сказал он себе, делая последний глоток вина, *а не потому что настал мир.*

Он не хотел привлекать внимания и, покончив с ужином, снял придворные одежды, сменив свой белый плащ королевского гвардейца на простой коричневый плащ с капюшоном, подобный тем,

что носят обычные люди. Меч и кинжал он оставил при себе. *Это все еще может оказаться ловушкой.* Он не слишком доверял Хиздару, и еще меньше — Резнаку мо Резнаку. Надушенный сенешаль вполне мог все подстроить — заманить его на тайную встречу и схватить их вместе со Скахазом, обвинив обоих в заговоре против короля. *Если Бритоголовый будет вести мятежные речи, у меня не останется иного выхода, кроме как арестовать его.* Хиздар все же супруг моей королевы, пусть даже мне это мало нравится. *И я служу ему, а не Скахазу.*

Или уже нет?

Первым долгом королевского гвардейца было защищать короля от неприятности или опасности. Белые плащи также клялись повиноваться приказам короля, хранить его секреты, советовать ему, когда требовался совет, и молчать, когда таковой не требовался, исполнять его волю и защищать его имя и честь. Строго говоря, это был исключительно выбор короля — распространять ли защиту Королевской Гвардии на других людей, даже если те — королевской крови. Некоторые короли считали, что так правильно, и что надлежит отправлять королевских гвардейцев служить и защищать их жен и детей,

братьев и сестер, тетушек и дядюшек, кузенов различной степени родства, а изредка даже своих возлюбленных, любовниц и бастардов. Другие же предпочитали использовать для таких целей придворных рыцарей и солдат, держа свою семерку в качестве личных телохранителей и никогда от себя не отпуская.

Если бы королева приказала мне защищать Хиздара, у меня бы не осталось иного выбора, кроме как повиноваться. Но Дейенерис Таргариен никогда не определяла четких функций для Королевской Гвардии даже в отношении себя, и не отдавала никаких распоряжений касательно своего супруга. Мир был

*проще, когда за меня такие вопросы
решал лорд-командующий,
размышлял Селми. Теперь я сам
лорд-командующий, и как же сложно
выбрать правильный путь.*

Когда, наконец, он спустился по
последнему лестничному пролету, то
оказался едва ли не единственным
человеком среди освещенных
факелами коридоров внутри
массивных кирпичных стен.
Огромные ворота были закрыты и
ограждены решеткой, как он и
ожидал. Четыре Медных Бестии
охраняли их с внешней стороны, еще
четыре — с внутренней. Старый
рыцарь подошел к тем, что стояли
внутри — крупным мужчинам в

масках кабана, медведя, мыши и мантикоры.

— Все спокойно, сир, — сказал ему медведь.

— Так держать.

В том, что сир Барристан ходил ночью по пирамиде, удостоверяясь в ее безопасности, не было ничего необычного.

Еще четверо Медных Бестий стояли на страже в глубине пирамиды, у железных дверей ямы, в которой содержались Рейегаль и Визерион. В свете факелов мерцали маски обезьяны, барана, крокодила и волка.

— Их покормили? — спросил сир Барристан.

— Да, сир, — ответила обезьяна. — Каждому по овце.

Интересно, как долго этого будет хватать? Драконы росли, рос и их аппетит.

Пора было найти Бритоголового. Сир Барристан прошел мимо слонов и Серебрянки в дальний конец конюшен. Заревел какой-то осел, да несколько лошадей зашевелились в свете его фонаря. В остальном везде было темно и тихо.

Затем от пустого стойла отделилась тень, оказавшись еще одной Медной Бестией, одетой в черную юбку в складку, поножи и рельефный нагрудник.

— Кот? — произнес Барристан

Селми, увидев медь под капюшоном. Когда Бритоголовый командовал Медными Бестиями, он предпочитал маску змеи, властную и устрашающую.

— Кошки ходят везде, — ответил знакомый голос Скахаза мо Кандака. — Никто не обращает на них внимания.

— Если Хиздар узнает, что вы здесь...

— А кто ему сообщит? Мархаз? Мархаз знает только то, что я позволяю ему знать. Бестии все еще мои. Не забывайте об этом, — голос Бритоголового приглушался маской, но Селми услышал в нем гнев. — Я нашел отравителя.

— И кто же это?

— Кондитер Хиздара. Его имя ничего вам не скажет. Он всего лишь исполнитель. Сыны Гарпии схватили его дочь и поклялись, что вернут ее в целости после смерти королевы. Бельвас и дракон спасли Дейенерис. Девочку никто не спас. Ее вернули отцу ночью, разделанной на девять частей. По одной за каждый прожитый ею год.

— Почему? — рыцаря грызли сомнения. — Ведь Сыны Гарпии прекратили убивать. Мир Хиздара...

— ...фальшивый мир. Нет, поначалу он таким не был. Юнкайцы боялись нашу королеву и ее Безупречных с драконами. Наша

земля знает, что такое драконы. Юркхаз зо Юзнак читал историю здешних мест, поэтому и он знал. Равно как и Хиздар. Так почему бы не установить мир? Они видели, что Дейенерис хотела этого. Слишком сильно хотела. Ей стоило пойти на Астапор. — Скахаз придвинулся ближе. — Таков был их план, но яма все изменила. Дейенерис исчезла, Юркхаз мертв. И теперь вместо одного старого льва — стая шакалов. Кровавая Борода... ему мир совершенно не по вкусу. Есть и новости похуже. Волантис отправил против нас свой флот.

— Волантис, — Селми сжал рукоять меча. *Мы заключили мир с*

Юнкаем. Но не с Волантисом. — Вы уверены?

— Уверен. Мудрые Господа знают об этом. Как и их друзья. Гарпии, Резнак, Хиздар. Когда волантийцы появятся, этот король откроет им городские ворота. Все, кого освободила Дейенерис, снова станут рабами. И даже те, кто никогда не был рабом, получают цепи. Вы можете закончить свои дни на дне бойцовой ямы, старик. А Кразз съест ваше сердце.

В голове у него стучало.

— Дейенерис должна узнать об этом.

— Сперва найдите ее, — Скахаз схватил его за руку. Его пальцы

напоминали сталь. — Мы не можем ждать. Я говорил со Свободными Братьями, Воинами Матери, Стойкими Щитами. Они не доверяют Лораку. Мы должны разбить юнкайцев. Но нам нужны Безупречные. Вас Серый Червь послушает, поговорите с ним.

— И какова цель?

Его слова — измена. Заговор.

— Жизнь, — глаза

Бритоголового чернели провалами, скрытые медной кошачьей маской. — Мы должны нанести удар до прихода волантийцев. Снять осаду, убить старшин работорговцев, привлечь на свою сторону их наемников. Юнкайцы не ждут нападения. У

меня есть шпионы в их лагерях. Там мор, говорят они, и с каждым днем все хуже. Дисциплина падает. Лорды чаще пьяны, чем трезвы, обжираются на пирах и хвалятся друг перед другом богатствами, которые будут делить, когда Миэрин падет, заранее грызясь за первенство. Кровавая Борода и Оборванный Принц презируют друг друга. Никто не ожидает сражения, по крайней мере сейчас. Они полагают, что заключенный Хиздаром мир усыпил нашу бдительность.

— Дейенерис подписала это перемирие, — сказал сир Барристан — И мы не нарушим его без ее позволения.

— А если она мертва? —
потребовал ответа Скахаз. — Что
тогда, сир? Она бы хотела, чтобы мы
защищали город. Ее детей.

Ее детьми были освобожденные.
*«Миса», звали они ее. Все те, чьи
цепи она разбила. «Мать».*
Бритоголовый не ошибался.
Дейенерис хотела бы, чтобы ее детей
защитили.

— А как же Хиздар? Он все еще
ее консорт. Ее король. Ее супруг.

— Ее отравитель.

Отравитель ли?

— У вас есть доказательства?

— Корона, которую он носит —
достаточное доказательство. Трон, на
котором он сидит. Откройте глаза,

старик. Это все, что ему было нужно от Дейенерис, то, о чем он мечтал всю жизнь. Теперь, когда он получил желаемое, зачем делиться властью?

Действительно, зачем?

Там было так жарко, внизу, в той яме. Перед его глазами все еще стоял мерцающий над красными песками воздух, и он чувствовал запах крови, крови людей, умерших для их развлечения. И в ушах у него звучал голос Хиздара, настоятельно советуемый его королеве попробовать медовой саранчи: «Это очень вкусно... она и сладкая, и острая»... *Но сам не попробовал ни одной...* Селми потер висок. *Я не давал клятв Хиздару за Лораку. В*

любом случае он сам отверг меня, как Джоффри.

— Этот... этот кондитер, я хочу допросить его сам. Наедине.

— Значит, так? — Бритоголовый скрестил руки на груди. — Хорошо. Допрашивайте его, как вам нравится.

— Если... если то, что он скажет, убедит меня... если я присоединюсь к вам в этом, этом... Я потребую от вас слова, что вы не причините никакого вреда Хиздару зо Лораку пока... разве что... можно будет доказать, что он как-то замешан в этом.

— Почему вы так заботитесь о Хиздаре, старик? Если он сам и не Гарпия, то ее первенец.

— Все, что я знаю наверняка — он является супругом королевы. Я хочу, чтобы вы дали мне слово, или, клянусь, я выступлю против вас.

Улыбка Скахаза была беспощадной.

— Тогда вот вам мое слово. Никто не тронет Хиздара, пока его вина не доказана. Но когда у нас будут доказательства, я намерен убить его своими руками. Я вытащу из него кишки и заставлю смотреть на них, прежде чем позволю ему сдохнуть.

Нет, подумал старый рыцарь. Если Хиздар замышлял убить мою королеву, я сам позабочусь о нем, но смерть его будет быстрой и легкой.

Боги Вестероса были далеко, но сир Барристан Селми на мгновение замолчал, произнося про себя молитву, прося Старицу осветить ему путь к мудрости. *Ради детей*, сказал он себе. *Ради города. Ради моей королевы.*

— Я поговорю с Серым Червем, — произнес он.

57. ЖЕЛЕЗНЫЙ ЖЕНИХ

Одинокое идущее «Горе» появилось на рассвете; его черные паруса резко выделялись на бледно-розовом утреннем небе.

Пятьдесят четвертый, кисло подумал Виктарион, когда его разбудили, *и плывет один*. Про себя он проклинал Штормового Бога за его злобу; ярость черным камнем лежала в животе. *Где мои корабли?*

С Щитов он отплыл с девяноста тремя из той сотни, что некогда составляла Железный Флот, принадлежащий не какому-то лорду,

а самому Морскому Трону. На них служили капитаны и матросы со всех островов. Пусть эти корабли меньше огромных дромонов с материка, зато втрое длиннее, чем обычные ладьи, с глубокой осадкой и крепкими таранами — такие достойны сражаться даже против королевского флота.

После долгого плаванья вдоль мрачного и бесплодного побережья Дорна с его мелями и водоворотами они остановились на Каменных Ступенях для пополнения запасов зерна, мяса и свежей воды. Там «Железная победа» захватила «Благородную даму» — богатое торговое судно, которое шло в

Старомест через Чаячий Город, Синий Дол и Королевскую Гавань с трюмом, набитым соленой треской, китовым жиром и маринованной селедкой. Добытая еда приятно разнообразила их собственные запасы. Пять других жертв, попавшихся им в Винном проливе и вдоль дорнийского побережья, — три когга, одна галея и галера — увеличили их флот до девяноста девяти.

Со Ступеней отправились девяносто девять кораблей, разделившись на три славных флота, чтобы потом воссоединиться у южной оконечности Кедрового острова. И сейчас лишь сорок пять из

них добрались до этой далекой части света. Прибыли двадцать два виктарионовых, по трое и по четверо, а порой и в одиночку; четырнадцать ведомых Хромым Ральфом; и лишь девять из тех, что были под началом Рыжего Ральфа Стонхауза. Сам Рыжий Ральф пропал. К этому числу добавились еще девять захваченных в морях кораблей, и всего их стало пятьдесят четыре... но трофейные суда были торговыми и рыбацкими, купеческими и работорговческими, а никак не военными. В бою они станут жалкой заменой утраченным кораблям Железного Флота.

Последний корабль, «Девичья гибель», прибыл три дня назад. На

день раньше нее с юга пришли «Вороний корм», «Железный поцелуй» и плетущаяся между ними «Благородная дама». А до того — только «Безголовая Джейн» и «Ужас», затем два дня безоблачного неба и пустого горизонта, после которых прибыл Хромой Ральф с остатками своей эскадры. «Лорд Квеллон», «Белая вдова», «Горестный плач», «Несчастье», «Громадина», «Железная леди», «Ветер-жнец» и «Боевой молот», а за ними еще шесть кораблей, два из них изрядно потрепало штормом, и они шли на буксире.

— Шторма, — пробормотал Хромой Ральф, с трудом доковыляв

до Виктариона. — Три страшных шторма, и гнусные ветра между ними. Красные ветра Валирии, смердящие пеплом и золой, и черные ветра, отбросившие нас к дурным берегам. Это плавание проклято с самого начала. Вороний Глаз боится вас, милорд, иначе зачем он отправил вас в такую даль? Он хочет, чтобы мы не вернулись.

Виктарион и сам подумал об этом, когда в дне пути от Старого Волантиса разразился первый шторм. *Боги проклинаяют братоубийц, вертелось у него в голове, не то я бы дюжину раз убил Эурана Вороньего Глаза собственными руками.* Вокруг бушевало море, палуба уходила из-

под ног, и он увидел, как «Дагонов пир» и «Красный прилив» столкнулись с такой силой, что обоих разнесло в щепки. *Братцева работа*, подумал он. Тогда Виктарион потерял первые два корабля из своей трети флота. Но то было только начало.

Так что он вlepил Хромому две пощечины и сказал:

— Одна — за потерянные корабли, вторая — за болтовню о проклятиях. Скажешь это еще раз — и я прибью твой язык к мачте. Вороний Глаз умеет заставить людей замолчать, и я не хуже.

Из-за пульсирующей боли в руке слова прозвучали грубее, чем могли

бы, но их смысл бы не изменился.

— Придут и другие корабли. Шторма уже закончились. У меня будет мой флот.

Вверху на мачте насмешливо визжала обезьяна, словно чувствуя его досаду. *Мерзкая, шумная тварь.* Он послал бы поймать ее, но обезьянам, похоже, нравилась такая игра, и к тому же они были куда проворнее матросов. Их вопли звенели у него в ушах, и пульсация в руке становилась еще сильнее.

— Пятьдесят четыре, — прорычал он. Надеяться сохранить всю мощь Железного Флота после такого длинного плавания было бы глупо... но семьдесят кораблей, даже

восемьдесят — уж столько-то
Утонувший Бог мог бы ему оставить.
*Может, если бы мы взяли с собой
Мокроголового или другого жреца...*

Виктарион совершил
жертвоприношение перед
отправлением, и еще одно — на
Ступенях, когда решил разделить
флот натрое, но, наверно, он
произносил не те молитвы. *Или
поэтому, или над этими местами у
Утонувшего Бога нет власти.* Он все
больше боялся, что они заплыли
слишком далеко, в чужие моря, где
даже боги были странными... но
сомнениями он делился лишь со
своей немой смуглянкой,
неспособной кому-то о них

рассказать.

Когда приплыло «Горе», Виктарион вызвал Одноухого Вульфа.

— Я хочу поговорить с Полевкой. Сообщи Хромому Ральфу, Бледному Тому и Черному Пастуху. Пускай отзовут все охотничьи отряды и сворачивают лагерь с первым лучом солнца. Загрузите столько фруктов, сколько сможете собрать, и загоните поросят на борт кораблей. Мы сможем забивать их по необходимости. «Акула» остается здесь, чтобы сообщить отставшим, куда мы направляемся.

Ей понадобится много времени на ремонт — после шторма от нее остался один корпус. Их численность

уменьшится до пятидесяти трех, но тут уже ничего не поделаешь.

— Флот отправляется завтра с вечерним приливом.

— Как прикажете, — ответил Вульф, — Но еще один день может принести нам еще один корабль, лорд-капитан.

— Да. А десять дней — еще десять кораблей или ни одного. Мы потеряли слишком много времени, надеясь увидеть паруса. А победа наша станет даже слаще, если мы завоюем ее с меньшим флотом.

А еще мне нужно добраться до драконьей королевы раньше волантийцев.

В Волантисе он видел, как

боевые галеры запасаются провизией. Весь город казался пьяным. Моряки, солдаты и ремесленники танцевали на улицах вместе со знатью и жирными торговцами; в каждой таверне и в каждом кабаке поднимались кубки в честь новых триархов. Все разговоры крутились вокруг золота, драгоценностей и рабов, которые рекой потекут в Волантис, как только умрет драконья королева. Виктариону Грейджою хватило одного дня подобных рассказней, и хоть для него это было позором — он расплатился за еду золотом, после чего увел корабли обратно в море.

Шторма должны были рассеять

и задержать волантийский флот так же, как и его собственный. Если удача ему улыбнулась, то многие их боевые корабли потонули или сели на мель. Но не все. Настолько добрых богов не бывает, так что уцелевшие зеленые галеры уже могли обогнуть Валирию. *Они спешат на север, к Миэрину и Юнкаю — огромные дромоны, полные солдат-рабов. Если же Штормовой Бог пощадил их, сейчас они уже могут быть в Заливе Скорби.* Три сотни кораблей, а может, и все пять сотен. Их союзники уже под Миэрином: из Юнкая и Астапора, Нового Гиса, Кварта и Толоса, а с ними бог знает кто еще, может, даже миэринский флот, что

сбежал из города до его падения. И против всего этого у Виктариона было пятьдесят четыре корабля. Даже пятьдесят три, если не считать «Акулы».

Вороний Глаз проплыл полмира, грабя и разоряя все от Кварта до Города Высоких Древ, и останавливаясь в таких портах, куда решился бы зайти только безумец. Эурон осмелился заплывать даже в Дымное Море и выжил, чтобы поведать об этом. *И все с одним лишь кораблем. Если он сумел посмеяться над богами, смогу и я.*

— Да, капитан, — сказал Одноухий Вульф. Он и в подметки не годился Нуту-Цирюльнику, но Нута

украл Вороний Глаз. Возвысив его до лорда Дубового Щита, он перетянул к себе лучшего из людей Виктариона. — Мы все-таки идем на Миэрин?

— А куда же еще? Драконья королева ждет меня в Миэрине.

Самая прекрасная женщина на свете, если верить моему брату. Ее волосы — серебро с золотом, а глаза — аметисты.

Есть ли надежда, что Эурон хоть на этот раз сказал правду? *Возможно.* Впрочем, скорее всего девица окажется рябой неряхой с отвисшими до колен сиськами, а ее драконы — раскрашенными ящерами с болот Соториса. *Но если все и*

впрямь так, как говорит Эурон...
Они слышали молву о красоте Дейенерис Таргариен из уст пиратов на Ступенях и жирных купцов в Старом Волантисе. Может, это и правда. Но Эурон не дарил ее Виктариону, а собирался забрать себе. *Послал меня за ней, как слугу. Как же он взвоет, когда я сделаю ее своей.* Пусть команда ворчит. Они уже заплыли слишком далеко и лишились слишком многого, чтобы Виктарион повернул назад без своей награды.

Железный капитан сжал здоровую руку в кулак:

— Пойди, проследи, чтобы мои приказы были выполнены. Потом

узнай, где прячется этот мейстер, и пришли его в мою каюту.

— Слушаюсь, — и Вульф ушел.

Виктарион Грейджой обернулся к носу корабля, окидывая взглядом свой флот. Море заполонили ладьи со спущенными парусами и поднятыми веслами, они стояли на якоре или уткнулись в бледный прибрежный песок. *Кедровый Остров*. Ну и где эти кедры? Как видно, утонули четыре сотни лет тому назад. Виктарион дюжину раз сходил на берег, чтобы поохотиться и добыть свежего мяса, но ни одного кедра так и не увидел.

Женоподобный мейстер, которого Эурон подсунул ему еще в

Вестеросе, утверждал, что когда-то местность звалась Островом Сотни Сражений, однако те, кто бился в этих сражениях, уже сотни лет как превратились в прах. *Обезьяний остров, вот как его следовало бы назвать.* В его зарослях водились и свиньи — самые огромные и самые черные кабаны из всех, каких железнорожденным доводилось видеть, и множество визжащих поросят — наглых тварей, которые ничуть не боялись человека. *Но они учатся.* Запасы Железного Флота пополнились копчеными окороками, соленой свининой и беконом.

А вот обезьяны... они были просто чумой. Виктарион запретил

своим людям брать этих адских тварей на борт, и тем не менее, ими кишел весь флот, не исключая и его «Железную победу». Он и сейчас видел нескольких, прыгающих с перекладины на перекладину, с корабля на корабль. *Будь у меня арбалет...*

Виктариону не нравилось ни это море, ни бесконечное безоблачное небо, ни палящее солнце, которое так раскаляло палубы, что по ним нельзя было ходить босиком. Ему не нравились здешние шторма, которые возникали из ниоткуда. Вокруг Пайка море часто бушевало, но там люди могли хотя бы предугадать приближение бури. А эти южные

шторма коварны, как женщины. Даже вода здесь не того цвета: у берега — мерцающе-бирюзовая, а подальше от него — такой глубокой синевы, что кажется почти черной. Виктарион тосковал по серо-зеленым водам родины, по белым гребням пены и яростным волнам.

И сам Кедровый Остров ему тоже не нравился. Может, охота здесь и хороша, но леса уж слишком зеленые и тихие, с переплетенными ветвями и странными яркими цветами, каких никто из них раньше не видывал. А в полулиге на север от мыса, где они встали на якорь, меж разрушенных дворцов и поваленных статуй затонувшего Велоса таился

ужас. В последний раз, когда Виктарион ночевал на берегу, сны его были темны и страшны, а проснулся он со ртом, полным крови. Мейстер сказал, что капитан просто прикусил во сне язык, но Виктарион принял это за знак, предупреждение Утонувшего Бога — если флот задержится тут надолго, он захлебнется собственной кровью.

Говорят, в тот день, когда Рок постиг Валирию, на остров обрушилась стена воды высотой в триста футов и утопила сотни тысяч мужчин, женщин и детей, не оставив никого, кто мог бы рассказать о случившемся, кроме нескольких рыбаков, оказавшихся тогда в море,

да горстки велоссийских
копейщиков, которые несли службу в
крепкой каменной башне на самом
высоком холме. На глазах у этих
людей холмы и долины обратились в
бушующее море. Прекрасный Велос
со всеми своими дворцами из кедра и
розового мрамора в мгновение ока
исчез с лица земли. Та же судьба
постигла древние кирпичные стены
и ступенчатые пирамиды
рабовладельческого порта Гозай на
северной оконечности острова.

*Столько утопленников. Должно
быть, здесь Утонувший Бог весьма
силен,* подумал Виктарион, когда
выбрал этот остров местом для
воссоединения трех частей своего

флота. Но он не жрец. Что, если все наоборот? Может, Утонувший Бог уничтожил остров в гневе. Его брат Эйерон знал бы ответ на этот вопрос, но Мокроголовый остался на Железных Островах, — проповедовать против Вороньего Глаза и его власти. *Безбожник не должен сидеть на Морском Троне.* Но капитаны и лорды выбрали на вече Эуруна, предпочтя его Виктариону и другим набожным людям.

Вспышки света от отраженного в воде утреннего солнца слепили глаза. В голове у Виктариона начало стучать, но он не смог бы сказать отчего — из-за солнца, из-за руки

или из-за одолевавших его сомнений. Он спустился вниз в свою каюту, где царила прохлада и полутьма. Смуглянка без слов поняла, чего хочет капитан. Когда он опустился в кресло, женщина взяла мягкую влажную ткань из таза и положила ему на лоб.

— Хорошо, — сказал он. — Хорошо. А теперь руку.

Смуглянка не ответила. Эурон отрезал ей язык перед тем, как отдал ему. Виктарион не сомневался, что Вороний Глаз еще и трахался с ней. Это было в стиле брата. *Подарки Эурана отравлены*, напомнил себе капитан в тот день, когда она взошла на борт. *Мне не нужны его объедки.*

Он решил тогда, что перережет ей горло и бросит в море — кровавая жертва Утонувшему Богу. Однако почему-то он так и не сделал этого.

С тех пор они проделали долгий путь. С ней Виктарион мог разговаривать. Она никогда не пыталась отвечать.

— «Горе» — последнее, — сказал он, пока смуглянка стягивала его перчатку. — Остальные потерялись, опоздали или затонули.

Он поморщился, когда женщина скользнула ножом под грязную льняную повязку, прикрывающую больную руку.

— Некоторые скажут, что мне не следовало разделять флот. Дураки. У

нас было девяносто девять кораблей... громоздкий флот для похода через моря на край света. Если бы я держал их вместе, быстрые корабли стали бы заложниками медленных. И где найти провизию для такого количества ртов? Ни один порт не потерпел бы в своих водах столько военных кораблей. И в любом случае нас рассеяли бы шторма — как листву по всему Летнему Морю.

Именно поэтому он разбил огромный флот на три эскадры и послал их в Залив Работоторговцев разными путями. Самые быстрые корабли он поручил Рыжему Ральфу Стонхаузу, и они отправились по

пиратскому курсу к северным берегам Соториса. На этих жгучих, знойных берегах гнили мертвые города; любой моряк знал, что туда лучше не заплывать, но в грязи и крови поселений на Островах Василиска кишели беглые рабы и работоторговцы, головорезы и шлюхи, полосатые туземцы, а то еще и кто похуже, так что провизии для людей, не боящихся заплатить железную цену, там всегда было вдосталь.

Корабли покрупнее, потяжелее и помедленнее отправились в Лисс, чтобы продать там пленников с Щитов, женщин и детей из города лорда Хьюэтта и с других островов, а заодно и мужчин, которые предпочли

плен смерти. Таких слабаков Виктарион презирал. И все же работоторговля оставила у него во рту мерзкий привкус. Превращать мужчин в рабов, а женщин в морских жен — дело правильное и достойное, но люди ведь не козы и не дичь, чтобы продавать и покупать их за золото. Он с радостью препоручил эту задачу Хромому Ральфу, который на вырученные деньги нагрузил бы свои большие суда провизией для медленного и долгого перехода на восток.

Его же собственные корабли пробирались вдоль берегов Спорных Земель, чтобы в Волантисе запастись пищей, вином и свежей водой,

прежде чем повернуть на юг, огибая Валирию. Это был самый привычный морской путь на восток и самый часто используемый, с возможными трофеями и маленькими островками, где они бы могли переждать шторм, отремонтировать повреждения и пополнить запасы.

— Пятьдесят четыре корабля, конечно, слишком мало, — сказал он смуглянке, — но я не могу больше ждать. Единственный способ...

Он зарычал, когда она сняла перевязку, сдернув заодно и корочку раны. На месте пореза, нанесенного мечом, плоть стала черно-зеленой.

— Единственный способ — застать работорговцев врасплох, как я

сделал когда-то в Ланниспорте. Налететь на них с моря, сокрушить, забрать девчонку и рвануть домой, пока в город не нагрянули волантийцы.

Виктарион не считал себя трусом, но и дураком не был — он не смог бы одолеть три сотни кораблей с пятьюдесятью четырьмя.

— Она станет моей женой, а ты будешь при ней служанкой.

Служанка без языка никому не сможет разболтать секреты.

Возможно, он сказал бы и больше, но его прервало появление мастера; тот постучал в дверь каюты робко, как мышь.

— Заходи, — позвал

Виктарион, — и закрой дверь. Ты знаешь, зачем ты здесь.

— Лорд-капитан.

Мейстер и выглядел, как мышь, в своих серых одеждах и с темными усиками. *Неужели он думает, что они делают его мужественнее?* Звали его Кервин. Он был очень молод, может, лет двадцати двух.

— Позвольте осмотреть вашу руку? — спросил он.

Дурацкий вопрос. Мейстеры — люди полезные, но Кервина Виктарион мог только презирать. Со своими гладкими розовыми щечками, мягкими ручками и каштановыми локонами он больше походил на девчонку, чем сами девчонки.

Впервые взойдя на борт «Железной победы», мейстер мог похвастаться еще и глупой улыбочкой, но однажды вечером на Ступенях он улыбнулся не тому человеку, и Бартон Скромный выбил ему четыре зуба.

Вскоре Кервин приполз к капитану жаловаться, что четверо матросов затащили его в трюм и поймали, словно девку. Виктарион тогда воткнул в столешницу кинжал и сказал: «Вот как ты можешь покончить с этим». Клинок Кервин взял — побоялся отказаться, как решил капитан — но так им и не воспользовался.

— Вот моя рука, — сказал Виктарион, — Смотри, сколько

хочешь.

Мейстер Кервин опустился на колени, чтобы лучше рассмотреть рану. Он даже обнюхал ее, совсем как собака.

— Нужно еще раз выпустить гной. Он такого цвета... лорд-капитан, порез совсем не заживает. Возможно, мне придется отнять вашу руку.

Об этом они уже говорили.

— Отнимешь руку — я тебя убью. Но сначала привяжу к поручням и преподнесу твою задницу в подарок всей команде. Делай, что нужно, и живее.

— Будет больно.

— Как обычно. — *Жизнь и есть*

боль, дурак ты этакий. Нет иной радости, кроме ожидающей нас в подводных чертогах Утонувшего Бога. — Давай уже.

Мальчик — считать такое розовенькое и мягонькое существо мужчиной было сложно — приложил лезвие кинжала к ладони капитана и нажал. Брызнул гной, густой и желтый, как прокисшее молоко. От запаха смуглянка сморщила нос, мейстер подавился, и даже самого Виктариона замутило.

— Глубже режь. Чтобы весь вышел. Пусть пойдет кровь.

Мейстер Кервин нажал на кинжал сильнее. Теперь было больно, но вместе с гноем потекла и

кровь — такая темная, что в свете фонаря казалась черной.

Кровь — это хорошо. Виктарион одобрительно хмыкнул. Он спокойно сидел, пока мейстер колол, резал и вычищал гной мягкой тканью, прокипяченной в уксусе. Когда тот закончил, чистая вода в тазу превратилась в пенистый суп. От одного взгляда на него затошнило бы любого.

— Забирай эту дрянь и проваливай. — Виктарион кивнул в сторону смуглянки: — Она меня перевяжет.

Вонь осталась даже после ухода мальчика. В последнее время от нее не было спасу. Мейстер

предположил, что рана лучше затянется на палубе под солнцем и на свежем воздухе, но Виктарион отказался. Не стоило показывать ее команде. Они находились через полмира от дома, слишком далеко, чтобы позволить им увидеть, как их капитан ослаб.

Его левая рука все еще пульсировала тупой, но непрекращающейся болью. Когда он сжимал ладонь в кулак, боль обострялась, будто его руку пронзал нож. *Даже не нож, а меч. Длинный меч в руке призрака.* Серри, так его звали. Тот рыцарь, наследник Южного Щита. *Я убил его, но он режет меня из могилы. Из самого*

некла преисподней, куда я отправил его, он пронзает мне руку и проворачивает свой клинок.

Виктарион помнил бой, словно он был вчера. Его щит раскололся, став бесполезным, поэтому, когда Серри ударил его своим длинным мечом, он выставил руку и схватил его за острие. Юноша оказался сильнее, чем выглядел, его клинок пробил закаленную сталь латной перчатки капитана, и прорезал мягкую кожаную перчатку вместе с ладонью до самого мяса. *Царапина маленького котенка*, сказал себе позже Виктарион. Он промыл рану, обдал ее кипящим уксусом, перевязал, и думать о ней забыл,

решив, что со временем боль пройдет, а рука заживет сама.

Вместо этого рана загноилась, а Виктарион стал задумываться — не отравил ли Серри свой клинок? Иначе почему она не заживала? Эта мысль приводила его в ярость. Честные люди не убивают ядом. На Рву Кейлин болотные черти выпускали отравленные стрелы в его людей, но этого и стоило ожидать от таких мерзких тварей. Серри же был рыцарем, высокорожденным. А яд — оружие трусов, женщин и дорнийцев.

— Если не Серри, то кто? — вопрошал он у смуглянки. — Может, это дело рук мастера-мыши? Мастеры знают заговоры и прочие

трюки. Он мог использовать один из них... отравить меня, надеясь, что я позволю отсечь мою руку. — Чем больше он размышлял, тем более вероятным казалось ему такое предположение. — Вороний Глаз дал мне это жалкое создание. — Эурон забрал Кервина из Зеленого Щита, где тот служил лорду Честеру: ухаживал за воронами и обучал его детей, а, может, и наоборот. Как же визжала эта мышь, когда один из немых слуг Эурона притащил его на борт Железной Победы, волоча за цепь, висевшую у парня на шее и словно для этого предназначенную. — Если он так мстит, то ведь не тому человеку. Это

же Эурон потребовал увезти мастера, пока тот не напакостил с птицами. — Его братец также всучил Кервину три клетки с воронами, чтобы он мог посылать сообщения об их путешествии, но Виктарион запретил отправлять их. *Пускай Вороний Глаз помучается неизвестностью.*

Смуглянка накладывала на его руку свежую повязку, оборачивая ткань шесть раз вокруг его ладони, когда в дверь каюты постучал Лонгуотер Пайк и сообщил, что капитан «Горя» привез на борт пленника.

— Говорит, привез нам колдуна, капитан. Говорит, выловил его прямо

из моря.

— Колдуна?

Мог ли Утонувший бог послать ему подарок здесь, на другом конце света? Его брат Эйерон знал бы ответ, ведь Эйерон видел величественные подводные чертоги Утонувшего Бога, прежде чем вернулся к жизни. Виктарион испытывал здравый страх перед своим богом, как и положено всем людям, но продолжал верить в сталь. Он согнул раненную руку, поморщился, натянул перчатку и встал.

— Посмотрим, что там за колдун.

Капитан «Горя» ждал их на

палубе — волосатый и невзрачный коротышка. Он был из Спарров, но команда звала его «Полевкой».

— Лорд-капитан, — сказал он, когда подошел Виктарион, — это Мокорро. Дар Утонувшего Бога.

Колдун оказался настоящим чудовищем: такой же высокий, как и Виктарион, но в два раза шире, с животом размером с бочку и со спутанными белыми, словно кость, волосами, напоминавшими львиную гриву. Его кожа была черной. Не орехового цвета, как у жителей Летних Островов, не медной, как у дотракийских всадников, и не земляного цвета, как у смуглянки, а *черной*. Чернее угля, чернее агата,

чернее воронова крыла. *Сгоревший*, подумал Виктарион, *словно его поджаривали на огне так долго, что плоть обуглилась, покрылась коркой и, дымясь, сошла с его костей.* Языки того пламени все еще плясали на его щеках и лбу; из этой маски застывшего огня пристально смотрели глаза.

— Мы нашли его цепляющимся за сломанную балку, — сказал Полевка. — Он пробыл в воде десять дней после того, как его корабль затонул.

— Если бы он пробыл в воде десять дней, он бы умер или сошел с ума, напившись соленой воды.

Соленая вода священна —

Эйерон Мокроголовый и прочие жрецы благословляли ею людей и выпивали время от времени глоток или два для укрепления своей веры. Но ни один смертный человек не мог бы столько дней пить морскую воду и надеяться выжить.

— Ты утверждаешь, что ты колдун? — спросил Виктарион пленного.

— Нет, капитан, — ответил черный человек на общем языке. Его голос был так глубокий, что, казалось, исходил из морских глубин. — Я всего лишь скромный слуга Рглора, Владыки Света.

Рглор. Красный жрец, значит. В далеких городах Виктарион видал

таких людей, хранящих свое священное пламя. Они носили роскошные красные одежды из шелка, бархата и овечьей шерсти. Этот же стоял в вылинявших тряпках с разводами соли, которые липли к его ногам и лохмотьями свисали с тела... но когда капитан присмотрелся к отрепьям повнимательней, стало очевидным, что когда-то они были красными.

— Розовый жрец, — заявил Виктарион.

— Жрец демона, — сказал Одноухий Вульф и сплюнул.

— Может, его одежда загорелась, и он выпрыгнул за борт потушить ее? — предположил Лонгуотер Пайк

к всеобщему веселью. Даже обезьянам стало смешно. Они загомонили на своих мачтах, а одна метнула вниз пригоршню дерьма, разбрызгавшегося по доскам.

Виктарион Грейджой с подозрением относился к смеху. От его звуков у капитана всегда оставалось неприятное чувство, что он стал мишенью для шутки, которую не понял. Эурон Вороний Глаз часто выставлял его на посмешище, когда они еще были детьми. И Эйерон тоже — до того, как стал Мокроголовым. Их издевки не раз скрывались под видом похвалы, и иногда Виктарион даже не подозревал, что над ним

издевались. А потом слышал смех. И тогда приходила ярость, клокотавшая в горле до тех пор, пока он не начинал задыхаться. Поэтому обезьяны его тоже раздражали. Их проделки никогда не вызывали даже улыбки на лице капитана, хотя вся команда приветствовала их ревом, улюлюканьем и свистом.

— Отправьте его к Утонувшему Богу, прежде чем он проклянет нас, — настойчиво произнес Бартон Скромный.

— Корабль тонет, и лишь он цепляется за обломки, — сказал Одноухий Вульф. — А где остальная команда? Может, это он вызвал демонов, чтоб те ее сожрали? Что

случилось с его кораблем?

— Шторм, — Мокорро скрестил руки на груди. Он не выказывал страха, хотя все вокруг призывали к его смерти. Даже обезьянам, казалось, не нравился этот колдун. Они верещали и прыгали по канатам.

Виктарион не был уверен. *Он явился из моря. Зачем Утонувшему Богу отвергать жреца, если не для того, чтобы мы его нашли?* Эурон ведь держал домашних колдунов. Возможно, Утонувший бог желал, чтобы и у Виктариона был свой.

— Почему вы называете его колдуном? — спросил он Полевку. — Я вижу всего лишь оборванного красного жреца.

— Я тоже так подумал, лорд-капитан... но он кое-что *знает*. Он знал, что мы делали в Заливе Работоторговцев, хотя ему никто не рассказывал, и знал, что вы будете здесь, у этого острова. — Коротышка замешкался. — Лорд-капитан, он сказал мне... он сказал мне, что вы точно умрете, если мы не приведем его к вам.

— Что я умру? — фыркнул Виктарион. *Перережьте ему глотку и выбросите в море*, почти произнес он, как вдруг пульсирующая боль поднялась по больной руке почти до самого локтя — столь сильная, что слова в его горле превратились в желчь. Он оступился и ухватился за

поручень, чтобы не упасть.

— Колдун проклял капитана, —
послышался голос.

Остальные закричали:

— *Перерезать ему глотку!*
Убить его прежде, чем он призовет
на нас своих демонов!

Лонгуотер Пайк первым
обнажил кинжал.

— *НЕТ!* — взревел
Виктарион. — Стоять! Все назад!
Пайк, спрячь сталь. Полевка,
возвращайся на свой корабль.
Скромный, отведи колдуна в мою
каюту. Остальным вернуться к своим
обязанностям.

На миг ему показалось, что они
откажутся повиноваться. Мужчины

продолжали ворчать, половина с клинками в руках, выжидающе поглядывая друг на друга. На палубу сыпалось обезьянье дерьмо. Никто не сдвинулся с места, пока Виктарион не схватил колдуна за руку и не потащил к люку.

Как только он распахнул дверь в капитанскую каюту, смуглянка обернулась, безмолвно улыбаясь... но заметив рядом с ним красного жреца, оскалила зубы и зашипела от внезапной ярости, словно змея. Виктарион ударил ее здоровой рукой и вытолкнул на палубу.

— Молчать, женщина. Вина для нас двоих. — Он повернулся к черному человеку. — Полевка

говорил правду? Ты видел мою смерть?

— Да, и не только это.

— Где? Когда? Я погибну в бою? — его здоровая рука сжималась и разжималась. — Если солжешь мне, я разобью твою голову, как дыню, и скормлю обезьянам мозги.

— Ваша смерть сейчас с нами, милорд. Дайте мне вашу руку.

— Мою руку. Что ты знаешь о моей руке?

— Я видел вас в молитвенном огне, Виктарион Грейджой. Вы широко шагали сквозь пламя, суровый и жестокий, с вашего огромного топора капала кровь. И вы не замечали щупалец, обвивавших

ваши запястья, шею и лодыжки — черных нитей, заставлявших вас плясать.

— *Плясать?* — ошетинился Виктарион. — Твой огонь лжет. Я не создан для танцев, и я не марионетка.

Он сорвал перчатку и сунул в лицо жрецу болезную руку.

— Вот. Ты этого хотел? — новая повязка уже пропиталась кровью и гноем. — У него была роза на щите, у человека, ранившего меня. Я поцарапался о шип.

— Даже малейшая царапина может стать смертельной, лорд-капитан. Но если вы позволите, я вылечу ее. Мне понадобится нож.

Лучше всего серебряный, но железный тоже подойдет. И жаровня. Мне нужно разжечь огонь. Будет больно. Ужасная боль, такой вы никогда еще не испытывали. Но когда мы закончим, рука будет здорова.

Все эти маги одинаковы — мышь-мейстер тоже предупреждал меня о боли.

— Я — железнорожденный, жрец. Я смеюсь над болью. Ты получишь все, что просишь... но если ты не справишься, и моя рука не исцелится, я сам перережу тебе глотку и отдам морю.

Мокорро поклонился, его темные глаза блестели:

— Да будет так.

Больше в тот день капитана железнорожденных не видели, но несколько часов спустя команда «Железной Победы» услышала дикий хохот, доносящийся из каюты капитана; смех был низким, мрачным и безумным, а когда Лонгуотер Пайк и Одноухий Вульф попытались войти к нему, дверь оказалась заперта. Позже люди слышали истошные завывания на странном языке, который мейстер назвал «высоким валирийским». Тогда сбежали с корабля обезьяны, с визгом бросаясь в воду.

На закате, когда море стало черным, как чернила, и заходящее солнце окрасило небеса в глубокий

кроваво-красный цвет, Виктарион вернулся на палубу. Он был голым по пояс, а его левая рука по локоть залита кровью. Как только команда собралась, перешептываясь и оценивая разглядывая его, он поднял вверх обугленную, почерневшую ладонь. С его пальцев поднялась струйка темного дыма, когда он указал на мастера:

— Взять его! Перерезать глотку и выкинуть в море. Тогда у нас будет попутный ветер до самого Миэрина.

Мокорро видел это в своих огнях. Он также видел, что девка вышла замуж, ну да что с того? Она будет не первой, кого Виктарион Грейджой сделал вдовой.

58. ТИРИОН

Лекарь зашел в палатку, бормоча любезности, но одного вдоха мерзкого воздуха и взгляда на Еззана зо Каггаза ему хватило, чтобы замолчать.

— Бледная кобыла, — сказал он Конфетке.

Какой сюрприз, подумал Тирион. Кто бы догадался? Помимо каждого, у кого есть нос, и меня с его половинкой.

Еззан горел в лихорадке, судорожно извиваясь в луже собственных экскрементов. Его дерьмо превратилось в коричневую

слизь с прожилками крови... и вытирать ему желтую задницу выпало Йолло и Пенни. Даже с их помощью хозяин не мог подняться — все его угасающие силы уходили на перекачивание на бок.

— Мое искусство здесь не поможет, — изрек лекарь. — Жизнь благородного Еззана в руках богов. Держите его в прохладе, если сможете. Говорят, это помогает. Приносите ему воду. — Больные кровавым поносом постоянно страдали от жажды, выпивая галлоны между опорожнениями. — Чистую воду и столько, сколько он сможет выпить.

— Только не из реки, —

вставила Конфетка.

— Ни в коем случае, — и на этом лекарь испарился.

Нам тоже надо спасаться бегством, подумал Тирион. Он был рабом в золотом ошейнике с маленькими колокольчиками, весело звеневшими при каждом его шаге. *Одно из особенных сокровищ Еззана. Честь, неотличимая от смертного приговора.* Еззану зо Каггазу нравилось держать своих любимцев поближе к себе, и поэтому, когда он заболел, заботиться о нем пришлось Йолло, Пенни, Конфетке и остальным его сокровищам.

Бедный старина Еззан. Лорд жиров оказался не так уж плох по

сравнению с другими хозяевами. В этом Конфетка была права. Прислуживая на его ночных пирушках, Тирион вскоре узнал, что именно Еззан стоял во главе тех юнкайских лордов, которые поддерживали сохранение мира с Миэрином. Большинство других только прожигали время, ожидая прихода армий из Волантиса. Некоторые хотели взять город штурмом немедленно, чтобы волантийцы не лишили их триумфа и лучших трофеев. Еззан же всего этого не одобрял. Равно как и не давал согласия на возвращение заложников Миэрина с помощью требушета, как предлагал наемник Кровавая Борода.

Но за два дня многое может измениться. Два дня назад Нянька был крепким и здоровым. Два дня назад Еззан не слышал топота призрачных копыт. Два дня назад флот Старого Волантиса находился на два дня дальше от них. А сейчас...

— Еззан умрет? — спросила Пенни своим особенным «пожалуйста-скажите-что-это-не-так» голоском.

— Все мы умрем.

— Я имела в виду — от поноса.

Конфетка ответила им взглядом, полным отчаяния:

— Еззан *не должен* умереть.

Гермафродит погладил лоб их огромного хозяина, убирая назад его

вспотевшие волосы. Юнкаец застонал, и еще один поток коричневой воды хлынул по его ногам. Его постель испачкалась и смердела, но они никак не могли передвинуть его.

— Некоторые хозяева освобождают своих рабов, когда умирают, — сказала Пенни.

Конфетка захихикала. Это был ужасный звук.

— Только любимчиков. И они освобождают их от мирских невзгод, чтобы те сопровождали своих обожаемых хозяев в могилу и служили им в загробном мире.

Уж Конфетка-то знала. Ей первой перережут глотку.

Заговорил козлоногий мальчик:

— Серебряная королева...

— ...мертва, — закончила

Конфетка. — Забудь о ней! Дракон унес ее за реку. Она утонула в Дотракийском море.

— Нельзя утонуть в *траве*, — возразил козлоногий мальчик.

— Если бы мы были свободными, — сказала Пенни, — мы могли бы найти королеву. Или, по крайней мере, отправиться на ее поиски.

Ты на собаке, а я на свинье, в погоне за драконом по Дотракийскому морю. Тирион поскреб шрам, чтобы удержаться от смеха.

— Именно этот дракон уже выказал свою любовь к жареной свинине. А ведь жареный карлик вдвое вкуснее.

— Я просто мечтаю, — грустно произнесла Пенни. — Мы могли бы отсюда уплыть. Снова появились корабли, война ведь закончилась.

Разве? Тирион был склонен в этом сомневаться. Пергамент подписан, но войны идут не на пергаменте.

— Мы могли бы уплыть в Кварт, — продолжала Пенни, — Улицы там вымощены нефритом, так всегда говорил мой брат. А городские стены — одно из чудес света. Когда мы выступим в Кварте, на нас

польется дождь из золота и серебра, вот увидишь.

— Некоторые из тех кораблей в заливе — партийские, — напомнил ей Тирион. — Ломас Длинный Шаг видел стены Кварта. Мне вполне хватает его книг. Я и так уже достаточно далеко зашел на восток.

Конфетка слегка прикоснулась влажной тряпкой к лихорадочно пылающему лицу Еззана:

— Еззан должен жить. Не то мы все умрем вместе с ним. Бледная кобыла уносит не каждого всадника. Хозяин поправится.

Явная ложь. Было бы чудом, если бы Еззан прожил еще один день. Как казалось Тириону, лорд жиров и

так уже умирал от какой-то отвратительной болезни, которую он принес из Сотороса. А кровавый понос просто ускорит его конец. *На самом деле, это даже милосердно.* Но себе карлик такой участи не пожелал бы.

— Лекарь сказал, что ему нужна свежая вода. Мы ее поищем.

— Ты так добр, — безжизненным голосом ответила Конфетка. Но не только страх перехватывал ей горло — среди всех сокровищ Еззана, казалось, она одна по-настоящему любила их огромного хозяина.

— Пенни, пойдем со мной.

Тирион откинул полог палатки и

вывел ее на жару миэринского утра. Воздух был удушливым и гнетущим, но все же принес долгожданное облегчение после миазмов пота, дерьма и болезни, наполнявших роскошный шатер Еззана.

— Вода поможет хозяину, — заявила Пенни. — Так ведь сказал лекарь, она должна помочь. Свежая вода.

— Няньке свежая вода не помогла.

Бедный старина Нянька.
Солдаты Еззана швырнули его в повозку с трупами прошлым вечером на закате, как еще одну жертву бледной кобылы. Когда люди умирают каждый час, никто не

присматривается к очередному мертвецу, особенно к такому презренному как Нянька. Другие рабы Еззана отказались и близко подойти к надсмотрщику, когда у того начались судороги, поэтому согреть его и поить выпало Тириону. *Разбавленное вино, сладкий лимонад и немного чудесной горячей похлебки из собачьих хвостов с небольшими ломтиками грибов. Выпей, Нянька, ведь нужно чем-то заменить эту дерьмовую водицу, брызгающую из твоей задницы.* Последнее, что произнес Нянька: «Нет». А последнее, что он услышал: «Ланнистер всегда платит свои долги».

Тирион скрыл правду об этом от Пенни, но ей нужно понимать, как обстоят дела с их хозяином:

— Я сильно удивлюсь, если Еззан дотянет до рассвета.

Она схватила его за руку:

— А что же тогда будет с нами?

— У него есть наследники.

Племянники. — Эти четверо прибыли из Юнкая с Еззаном, чтобы командовать его солдатами-рабами. Один был убит наемниками Дейенерис Таргариен во время вылазки. Остальные трое, скорее всего, поделят рабов желтого чудовища между собой. То, что хоть кто-нибудь из племянников разделяет любовь Еззана к калекам,

уродам и чудовищам, казалось маловероятным. — Возможно, один из них получит нас. Или мы закончим на аукционе.

— Нет, — ее глаза расширились. — Только не это. Пожалуйста.

— Меня такая перспектива тоже не прельщает.

В нескольких ярдах поодаль, сидя на корточках в пыли, бросая кости и передавая друг другу бурдюк с вином, расположились шестеро солдат-рабов Еззана. Одним из них был сержант по прозвищу Шрам — жестокий тип с дурным характером, лысой, как колено, головой и огромными плечами быка. *И мозгов*

ровно столько же, вспомнил Тирион.

Он поковылял к ним:

— Эй, Шрам, — окликнул карлик повелительным тоном, — благородному Еззану нужна свежая чистая вода. Возьми двух человек, и принесите столько ведер, сколько сможете. Да поживее.

Солдаты оторвались от игры. Нахмурившись, Шрам поднялся на ноги:

— Что ты сказал, карлик? Ты кем себя возомнил?

— Ты знаешь кто я. Йолло. Одно из сокровищ нашего господина. А теперь выполняй мой приказ.

Солдаты заржали:

— Давай, Шрам, — передразнил

один, — да поживее. Обезьянка Еззана дала тебе приказ.

— Ты *не приказываешь* солдатам, что им делать, — потемнел лицом Шрам.

— Солдатам? — Тирион притворно озадачился. — Я вижу рабов. Ты носишь ошейник, как и я.

От яростного удара наотмашь, отпущенного ему Шрамом, карлик повалился на землю, разбив губу.

— Ошейник Еззана. Не твой.

Тирион вытер рассеченную губу тыльной стороной ладони. Он попробовал встать, но у него подкосились ноги и карлик снова упал на колени. Ему понадобилась помощь Пенни, чтобы подняться.

— Конфетка сказала, что хозяину нужно как можно больше воды, — произнес он, старательно хныкая.

— Пусть Конфетка сам себя трахнет. Он для этого создан. Проклятому уроду мы тоже не подчиняемся.

Само собой, подумал Тирион. Даже среди рабов были свои лорды и простолюдины, как он довольно быстро понял. Гермафродит долго ходил в любимчиках у их хозяина, обласканный и избалованный, за что другие рабы благородного Еззана его просто ненавидели.

Солдаты привыкли получать приказы от хозяев или

надсмотрщиков. Однако Нянька умер, а Еззан слишком болен, чтобы назначить ему преемника. Что касается трех племянников, то эти храбрые свободные мужчины вспомнили о неотложных делах где-то в других местах при первом же звуке копыт бледной кобылы.

— В-вода, — раболепно произнес Тирион. — Лекарь сказал, не речную, а чистую и свежую колодезную воду.

— *Вы сами* за ней пойдете. Да поживее, — рявкнул Шрам.

— Мы? — Тирион обменялся отчаянным взглядом с Пенни. — Вода тяжелая. А мы не такие сильные, как вы. Можно нам...

можно нам взять повозку?

— Своими ногами.

— Но нам придется ходить дюжину раз.

— Да хоть сто. Мне на это насрать.

— Но нас только двое... Мы не сможем принести столько воды, сколько нужно хозяину.

— Возьмите медведя, — предложил Шрам. — Он только и годен, что воду таскать.

Тирион пошел на попятный:

— Как скажете, хозяин.

Шрам усмехнулся.

Хозяин. Да уж, такое ему нравится.

— Морго, тащи ключи. А ты,

карлик, быстро наполняешь ведра и возвращаешься назад. Ты ведь знаешь, что случается с рабами, которые пытаются сбежать?

— Принеси ведра, — велел Тирион Пенни, а сам пошел вместе с Морго выпускать из клетки сира Джораха Мормонта.

Рыцарь так и не смог свыкнуться с к рабством. Когда ему приходилось играть медведя, крадущего прекрасную деву, он безжизненно волочил ноги по сцене, угрюмый и отстраненный — и это если вообще соглашался участвовать в их представлении. Мормонт не пытался сбежать и не проявлял агрессию, но приказы

надсмотрщиков предпочитал игнорировать или отвечал, бормоча проклятия. Все это весьма не нравилось Няньке, который выражал свое неудовольствие, запирая Джораха в железной клетке и избивая его каждый вечер, как только солнце садилось в Залив Работоторговцев. Рыцарь сносил побои молча: слышны были только проклятия лупивших его рабов и монотонные звуки ударов дубинками по черному от синяков телу сира Джораха.

Он весь ушел в себя, подумал Тирион, когда в первый раз увидел избиение рыцаря. Мне стоило придержать язык и позволить

Зарине купить его. Бойцовые ямы, возможно, оказались бы лучшей судьбой, нежели эта.

Мормонт вышел из тесной клетки, сгорбившись и щурясь. Оба его глаза заплыли, а на спине коркой засохла кровь. Покрытое синяками лицо опухло настолько, что он мало походил на человека. Он был голым, если не считать набедренной повязки — грязного желтого лоскута ткани.

— Поможешь им носить воду, — приказал Морго.

В ответ Мормонт уставился на него мрачным взглядом. *Некоторые люди скорее умрут свободными, чем согласятся жить рабами. Сам*

Тирион, к счастью, не страдал подобным недугом, но если Мормонт убьет Морго, то другие рабы могут не обратить внимания на это различие в их взглядах.

— Идем, — поторопился сказать он, прежде чем рыцарь не совершил что-нибудь храброе и тупое. Он поковылял вперед, надеясь, что Мормонт все же пойдет за ними.

Хоть в этот раз боги были добры. Мормонт пошел.

Два ведра Пенни, два Тириону и четыре сиру Джораху — по два в каждую руку. Ближайший колодец находился к юго-западу от Ведьмы, поэтому они двинулись в том направлении. При каждом шаге

колокольчики на ошейниках весело позвякивали. Никто не обращал на них внимания. Просто рабы идут за водой для своего хозяина. Ошейник все же давал некоторые преимущества, особенно позолоченный с именем Еззана зо Каггаза, да еще и со звенящими колокольчиками, сообщающими всем об их ценности. Значительность раба зависит от влиятельности его хозяина, а Еззан, хоть и был похож на огромного желтого червяка и пах мочой, все же оставался богатым человеком Желтого Города, приведшим на войну шестьсот солдат-рабов. В этих ошейниках они могли бродить, где им вздумается, в

пределах лагеря.

Пока Еззан не умрет.

На ближайшем поле тренировались солдаты-рабы Лязгающих Лордов. Связывающие их цепи издавали резкую металлическую музыку, пока они маршировали по песку и строились в ряды, держа в руках свои длинные копья. В других местах рабы возводили из камня и песка насыпи под мангонелями и скорпионами, направляя их в небо — для защиты лагеря от черного дракона, надумай тот вернуться. Карлик улыбнулся, глядя, как они потеют и ругаются, упорно пытаясь затащить тяжелые машины вверх по склону. И арбалеты.

Казалось, они были повсюду, у каждого мужчины, вместе с полными колчанами стрел, свисающими с бедер.

Если бы кто-нибудь догадался спросить его мнения, Тирион посоветовал бы им не утруждаться почем зря. Чудовищного питомца королевы не сбить подобными игрушками, разве что длинная стрела скорпиона, по воле случая, попадет ему в глаз. *Дракона не так-то просто убить. Такая щекотка только разозлит его.*

Глаза — вот самое уязвимое место дракона. Глаза и мозг за ними. Вовсе не брюхо, как рассказывается в некоторых старых легендах — там

чешуя была такой же крепкой, как и на спине и боках дракона. И не глотка. Глупости. С таким же успехом эти якобы охотники на драконов могли пытаться погасить огонь ударом копья. «Смерть выходит из пасти дракона, — написал септон Барт в своей «Неестественной Истории», — но смерть не входит таким путем».

Еще чуть дальше два легиона Нового Гиса бились стенка на стенку, пока их сержанты в железных полушлемах с гребнями из конского волоса выкрикивали команды на своем невразумительном диалекте. На первый взгляд казалось, что армия гискарцев сильнее, чем

отряды юнкайских солдат-рабов, но Тирион все же в этом сомневался. Возможно, легионеры вооружены и организованы подобно Безупречным... вот только евнухи не знали другой жизни, а гискарские воины были свободными гражданами, служившими всего три года.

Очередь у колодца растянулась на четверть мили.

В пределах дневного перехода от Миэрина насчитывалась всего лишь горстка колодцев, поэтому ждать всегда приходилось долго. Большая часть юнкайского войска брала воду из Скахазадхана, что Тирион считал весьма скверной идеей еще до того,

как услышал предостережение
лекаря. Те, кто поумнее, старались
ставить свои лагеря выше отхожих
мест по течению реки, но и они все
равно располагались ниже города.

Тот факт, что в пределах
дневного перехода от города вообще
остались чистые колодцы, лишь
подтверждал невинность Дейенерис
Таргариен в вопросах, касающихся
осадного искусства. *Ей следовало
отравить каждый колодец. В таком
случае всем юнкайцам пришлось бы
пить из реки. И тогда бы мы
посмотрели, сколько бы
продержалась эта осада.* Тирион не
сомневался, что его лорд-отец
поступил бы именно так.

Каждый их шаг сопровождался веселым звоном колокольчиков на ошейниках. *Какой сладкий звук, сразу хочется выдавить кому-нибудь ложкой глазные яблоки.* Сейчас Утка, Халдон и Гриф со своим молодым принцем, вероятно, уже добрались до Вестероса. *Я должен быть с ними... но нет, мне понадобилась иллуха.* Мало мне было убийств родной крови, захотелось же еще дырки и вина, чтоб залить свое горе, и вот те раз — я не на том конце мира, в рабском ошейнике с золотыми колокольчиками, извещающими о моем прибытии. Если я правильно станцую, возможно, смогу прозвенеть «Рейнов из Кастамере».

Не было лучшего места для сбора новостей и слухов, чем в очереди у колодца.

— Я знаю, что я видел, — рассказывал старый раб в ржавом железном ошейнике, пока Тирион и Пенни топтались в очереди, — а видел я, как дракон отрывал руки и ноги, разрывал людей надвое, сжигал их дотла — только пепел да кости оставались. Люди побежали, пытаюсь выбраться из той ямы, но я пришел посмотреть зрелище и, хвала всем богам Гиса, я его увидел. Я сидел на фиолетовой скамье и не переживал, что дракон может на меня напасть.

— Королева забралась на спину дракона и улетела, — настаивала

высокая смуглая женщина.

— Она попыталась, — возразил старик, — но не смогла там удержаться. Я слышал, что арбалеты ранили дракона, да и королеве тоже попали аккурат между ее сладкими розовыми сиськами. Вот тогда-то она и упала. Она умерла в канаве, раздавленная колесами фургона. Я знаю девчонку, которая знает человека, который видел ее смерть.

В этой компании мудрее всего было бы просто молчать, но Тирион не смог не вытерпеть:

— Тела-то не нашли, — сказал он.

Старик нахмурился:

— Да что ты вообще можешь

знать?

— Они там были, — вмешалась смуглая женщина. — Это они, карлики-рыцари, которые сражались на турнире перед королевой.

Старик покосился вниз, как будто впервые их увидел:

— Вы те, кто ездили верхом на свиньях.

Наша дурная слава нас опережает. Тирион изобразил учтивый поклон, воздержавшись от упоминания о том, что одна из свиней вообще-то была собакой.

— Эта свинья, на которой я езжу, на самом деле моя сестра. У нас похожие носы, вы не заметили? Волшебник заколдовал ее, но если вы

подарите ей крепкий влажный поцелуй, она превратится в прекрасную женщину. Жаль только, что едва познакомившись с ней, вам сразу же захочется поцеловать ее еще разок — чтоб превратилась обратно.

Вокруг раздался взрыв смеха. Даже старик, и тот не смог удержаться.

— Значит, ты ее видел, — сказал рыжеволосый мальчик позади них. — Видел королеву. Она правда настолько прекрасна, как говорят?

Я видел стройную девушку с серебристыми волосами, завернутую в токар, наверное, следовало ответить ему. Ее лицо закрывала вуаль, а я так и не подошел

достаточно близко, чтобы рассмотреть. Я скакал верхом на свинье.

Дейенерис Таргариен сидела в ложе хозяина ямы возле своего гискарского короля, но глаза Тириона были прикованы к рыцарю позади нее, облаченному в бело-золотые доспехи. Несмотря на то, что черты его лица скрывались в тени, карлик узнал бы Барристана Селми где угодно. *Иллирио оказался прав хотя бы насчет этого*, подумал он тогда. *Однако узнает ли меня Селми? И что он сделает, если узнает?*

В тот самый момент он почти решил открыться, но что-то его остановило — осторожность ли,

трусость или инстинкт, можно называть это как угодно. Он не мог представить себе, что Барристан Смелый встретит его иначе кроме как с враждебностью. Селми никогда не одобрял присутствия Джейме в своей драгоценной Королевской Гвардии. Перед восстанием старый рыцарь считал его слишком молодым и неопытным, после — часто говорил, что Цареубийце следует снять свой белый плащ и надеть вместо него черный. Собственные же грехи Тириона были еще хуже. Джейме убил безумца. Тирион всадил арбалетную стрелу в пах собственному отцу — человеку, которого сир Барристан знал и

которому долгие годы служил. Несмотря на это, он, наверное, все-таки рискнул бы открыться, но тут Пенни нанесла удар по его щиту, и момент оказался упущен навсегда.

— Королева наблюдала за нашим поединком, — рассказывала Пенни рабам в очереди, — но то был единственный раз, когда мы ее видели.

— Должно быть, вы и дракона видали, — заметил старик.

Если бы... Боги не удостоили его даже этим. Когда Дейенерис Таргариен упорхнула, Нянька заковывал их лодыжки в кандалы, чтобы на обратном пути к хозяину они не попытались сбежать. Если бы

только их надсмотрщик ушел после того, как привел их на бойню, или смылся с остальными рабовладельцами, когда с неба спустился дракон, — два карлика могли бы уже гулять на свободе. *А точнее, бежать, позвякивая нашими маленькими колокольчиками.*

— Там был дракон? — Тирион пожал плечами. — Я знаю только, что никаких мертвых королев не находили.

Старика это не убедило:

— Ну, они насчитали сотни трупов. Их стащили в яму и сожгли, хотя половина уже была обуглена. Может быть, они не узнали ее, разбившуюся, обожженную и в

крови. А может, и узнали, но решили ничего не рассказывать, чтобы вы, рабы, не подняли шум.

— А *сам-то* не раб? — возмутилась смуглая женщина. — Ты тоже носишь ошейник.

— Ошейник *Газдора*, — похвастался старик. — Мы с ним знакомы с рождения. Я хозяину почти что брат. Рабы вроде вас, отребье из Астапора и Юнкая, скулят о свободе, но лично я не отдал бы драконьей королеве свой ошейник, даже если бы она предложила взамен отсосать мой член. Иметь хорошего хозяина все же лучше.

Тирион не стал с ним спорить. Самая коварная вещь в рабстве — то,

как легко к нему привыкаешь. На его взгляд, жизнь большинства рабов не особенно отличалась от жизни слуг в Утесе Кастерли. Это правда, что иногда встречались грубые и жестокие рабовладельцы и надсмотрщики, но то же самое можно было сказать и о некоторых вестеросских лордах, их стюардах и управляющих. Большая же часть юнкайцев обращалась с рабами достаточно терпимо, пока те выполняли свою работу и не создавали проблем... и этот старик в ржавом ошейнике, с его яростной верностью своему хозяину, лорду Трясущиеся Щеки, вовсе не являлся исключением из правил.

— Газдор Великодушный? — елейным голосом спросил Тирион. — Наш хозяин Еззан частенько говорил о его уме.

На самом деле Еззан говорил о нем примерно следующее: «Да у меня в левой ягодице больше ума, чем у Газдора и его братьев вместе взятых». Но Тирион подумал, что такие подробности благоразумнее опустить.

Только после полудня они с Пенни достигли самого колодца, из которого черпал воду костлявый одноногий раб. Он подозрительно покосился на них:

— За водой для Еззана всегда приходит Нянька, с четырьмя

людьми и повозкой. — Он опустил ведро в колодец. Раздался тихий всплеск. Одноногий дождался, пока оно наполнится, и начал поднимать его своими загорелыми шелушащимися руками, на вид тощими, однако мускулистыми.

— Мул сдох, — ответил Тирион. — И Нянька тоже, бедняга. А теперь и сам Еззан оседлал бледную кобылу, и вдобавок у шести его солдат понос. Можно мне два ведра?

— Конечно.

Слова Тириона положили конец пустой болтовне. *Ты слышишь звук копыт?* Ложь о солдатах заставила одноногого старика работать

быстрее.

Они пошли обратно: карлики несли по два полных до краев ведра воды, а сир Джорах — по два ведра в каждой руке. День становился все жарче, воздух был густым и влажным, а ноша с каждым шагом казалась все тяжелее. *Длинная прогулка на коротких ножках.* Вода выплескивалась из ведер, окатывая им ноги, а колокольчики играли походную песню. *Знай я, что докачусь до такого, отец, и может, оставил бы тебя в живых.* В полумиле к востоку поднимался столб черного дыма — там подожгли шатер. *Сжигают умерших прошлой ночью.*

— Сюда, — сказал Тирион, кивнув головой вправо.

Пенни взглянула на него с недоумением:

— Но мы шли другой дорогой.

— Ну мы ведь не хотим дышать тем дымом. Он полон скверных миазмов.

Это не было ложью. *Не совсем.*

— Мне нужно отдохнуть, — вскоре пропыхтела Пенни, борясь с тяжестью ведер.

— Как пожелаешь, — Тирион поставил свои на землю, благодарный за короткую остановку. Ноги сильно сводило судорогой, поэтому он нашел подходящий камень и уселся на него, растирая

бедра.

— Я могу помочь тебе, — предложила Пенни. — Я знаю особые точки на теле.

Как бы девушка ни нравилась карлику, но он все же смущался от ее прикосновений. Тирион повернулся к сиру Джораху.

— Еще немного избиений, и ты будешь уродливей меня, Мормонт. А скажи-ка, остался ли в тебе боевой дух?

Огромный рыцарь поднял свои заплывшие глаза и посмотрел на него, как на клопа:

— Его хватит, чтоб свернуть тебе шею, Бес.

— Отлично, — Тирион взял

ведра. — Тогда идем сюда.

Пенни нахмурилась:

— Нет, нам налево. Ведьма там, — она ткнула пальцем.

— А там — Злая Сестра, — кивнул Тирион в другом направлении. — Поверь мне. Мой путь короче.

И он пошел, позванивая своими колокольчиками. Он был уверен, что Пенни пойдет следом.

Иногда он завидовал девушке и ее милым маленьким мечтам. Она напоминала ему Сансу Старк, невесту-ребенка, которую он взял в жены и потерял. Несмотря на те ужасы, что Пенни пережила, она почему-то осталась доверчивой. *Но*

она ведь должна понимать. Она старше Сансы. И вдобавок — карлица. А ведет себя так, будто позабыла об этом, будто она красавица из знатного рода, а не рабыня в коллекции уродов. Тирион часто слышал ее молитвы по ночам. Пустая трата слов. Если даже боги существуют и внимают молитвам, то они чудовищные божества, мучающие нас для забавы. Кто же еще мог создать мир, полный рабства, крови и боли? Кто мог сотворить нас такими? Иногда ему хотелось дать ей пощечину, встряхнуть ее, наорать на нее — все, что угодно, лишь бы пробудить ее от мечтаний. Никто нас не спасет!

хотелось ему крикнуть ей в лицо. *Все худшее еще впереди.* Но почему-то он не мог произнести этих слов. Вместо того, чтобы отвесить ей хорошую оплеуху по уродливому лицу и стряхнуть пелену с глаз, он сжимал ее плечи или обнимал. *Каждое прикосновение — ложь. Я заплатил ей столькими фальшивыми монетами, что она почти поверила в свое богатство.*

Он даже не рассказал ей правду о Яме Дазнака.

Львы. Они собирались спустить на нас львов. Это была бы тонкая ирония. Возможно, он даже успел бы издать горький смешок, прежде чем его разорвали бы на части.

Никто и никогда не рассказывал ему об уготовленном им конце, напрямую — нет, но он сам обо всем догадался, находясь там внизу, за кирпичами Ямы Дазнака. Под зрительскими трибунами существовал целый мир, скрытый от всех. Темные владения бойцов и людей, что обслуживали их, живых и мертвых — поваров, стряпающих им; торговцев сталью, вооружавших воинов; цирюльников-лекарей, которые пускали им кровь, брили и перевязывали раны; шлюх, что обслуживали их перед боем и после него; и уборщиков трупов, которые при помощи цепей и крюков уволакивали с песка тела

проигравших.

Первым намеком для Тириона послужило выражение лица Няньки. После выступления они с Пенни вернулись в освещенный факелами подвал, где собирались бойцы до и после схваток. Одни точили оружие, другие приносили жертвы своим странным богам, третьи успокаивали нервы маковым молоком, прежде чем пойти на смерть. Те, кто уже дрался и победил, играли в углу в кости, смеясь так, как могут смеяться лишь мужчины, только что заглянувшие смерти в лицо и выжившие.

Нянька отсчитывал немного серебра по проигранной ставке служащему ямы, когда заметил

Пенни, ведущую Хруста. Замешательство, возникшее в его глазах, исчезло уже через мгновение... но все же после того, как Тирион понял, откуда оно взялось. *Нянька не ждал нашего возвращения.* Он посмотрел на лица остальных. *Никто не ожидал нашего возвращения. Мы должны были там умереть.* А последний кусочек головоломки/мозаики встал на место, когда он случайно услышал громкие жалобы дрессировщика управляющему ямы: «Львы голодны. С их последней кормежки прошло два дня. Мне приказали не кормить их, я и не кормил. Королева должна заплатить за их мясо». «Обсудишь

это с ней на ее следующем приеме», — бросил ему в ответ управляющий.

Даже сейчас Пенни ни о чем не подозревала. Когда она вспоминала яму, все ее переживания сводились к тому, что большинство зрителей не смеялись. *Они обоссались бы со смеху, если бы на нас выпустили львов*, однажды чуть не сказал ей Тирион. Но вместо этого сжал ее плечи.

Пенни резко остановилась:

— Мы идем не туда.

— Туда, — Тирион опустил ведра на землю. Их ручки оставили глубокие вмятины на его пальцах. — Вот там палатки, которые нам

нужны.

— Младшие Сыновья? — странная улыбка появилась на лице сира Джораха. — Если ты думаешь найти там помощь, то ты не знаешь Бурого Бена Пламма.

— О, нет. Я его знаю. Я пять раз играл с Пламмом в кайвассу. Бурый Бен проницателен, настойчив, отнюдь не туп... но весьма осторожен. Он предпочитает позволить противнику идти на риск, пока сам сидит и выбирает возможные варианты, вступая в битву, только когда позиции становятся очевидными.

— Битва? Какая еще битва? — Пенни отодвинулась от него. — Нам

нужно идти *обратно*. Хозяину нужна чистая вода. Если мы задержимся, нас высекут. И Милашка с Хрустом тоже там.

— Конфетка проследит, чтобы о них позаботились, — солгал Тирион. Скорее всего, Шрам и его друзья в ближайшем времени будут пировать ветчиной с беконом и вкусной тушеной собачатиной, но Пенни не нужно об этом думать. — Кормилица мертв, а Еззан умирает. Нас не хватятся до темноты. Лучшего шанса нам не выпадет.

— *Нет!* Ты знаешь, что они делают, когда им удастся поймать сбежавшего раба. Ты же *знаешь*. Ну, пожалуйста. Они никогда не дадут

нам уйти из лагеря.

— Мы не ушли из лагеря, — Тирион подхватил ведра и проворно заковылял вперед, ни разу не оглянувшись. Мормонт последовал за ним. Через мгновение, спускаясь вниз по песчаному склону в круг оборванных палаток, он услышал за спиной торопливые шаги Пенни.

Первый стражник появился, когда они приблизились к коновязи, — тощий копейщик, чья малиновая борода выдавала в нем тирошийца.

— И кто это тут к нам пожаловал? И что у вас в ведрах?

— Вода, — ответил Тирион. — Если вам угодно.

— Пиво мне больше по душе, — кончик копья уколол его спину — позади них появился второй стражник. Тирион услышал в его голосе акцент Королевской Гавани. *Отродье с Блошиного Конца.*

— Вы что, потерялись, карлики? — требовательно спросил стражник.

— Мы здесь, чтобы присоединится к вашему отряду.

Ведро выскользнуло из рук Пенни и перевернулось. Половина воды вылилась, прежде чем она смогла поднять его.

— У нас в отряде и так дураков хватает. На кой нам еще трое? — тирошиец ткнул кончиком копья в

ошейник Тириона, маленькие золотые колокольчики весело зазвенели. — Я вижу сбежавшего раба. Точнее, трех сбежавших рабов. Чей ошейник?

— Желтого Кита. — Их голоса привлекли третьего — худого, щетинистого типа с красными от кислотолиста зубами. *Сержант*, понял Тирион по тому, как остальные двое отреагировали на его появление. На месте правой руки у него красовался крюк.

Посредственная ублюдочная копия Бронна, или я — Бейелор Возлюбленный.

— Это карлики, которых Бен пытался купить, — прищурившись,

сказал сержант копейщикам, — но здоровый... его тоже лучше взять. Всех троих.

Тирошиец махнул копьем. Тирион двинулся вперед. Другой наемник — подросток, еще совсем мальчишка, с пушком на щеках и волосами цвета грязной соломы, — сгреб Пенни под руку.

— О-о, кажется, у моего карлика есть сиськи, — засмеялся он и сунул руку под тунику Пенни, чтобы убедиться в этом.

— Просто донеси ее, — рявкнул сержант.

Подросток закинул Пенни на плечо. Тирион пошел вперед так быстро, насколько ему позволяли его

хилые ноги. Он знал, куда они идут — в большой шатер на дальней стороне костровой ямы, с раскрашенными парусиновыми стенами, потрескавшимися и поблекшими за проведенные под дождем и солнцем годы. Несколько наемников обернулись посмотреть, да какая-то из лагерных шлюх захихикала, когда они проходили мимо, но никто не вмешался.

В палатке обнаружилось четыре складных стула, стол на козлах, стойка с копьями и алебардами, пол, покрытый разномастными потертыми коврами, и три офицера. Один был худым и изящным, с тонкой бородкой, клинком брави и в

розовом дублете с прорезями. Второй — пухлым и лысеющим, со следами чернил на пальцах и пером, зажатым в руке.

Третим оказался именно тот, кого Тирион и искал. Он поклонился: — Капитан.

— Мы взяли их, когда они прокрались в лагерь, — подросток швырнул Пенни на ковер и объявил: — Беглецы. С ведрами.

— С ведрами? — переспросил Бурый Бен Пламм. А когда ни один из них не рискнул объяснить, приказал: — Назад на свои посты, ребята. И никому ни слова об этом.

Когда они удалились, он улыбнулся Тириону:

— Пришел сыграть еще одну партию в кайвассу, Йолло?

— Если хочешь. Я прям наслаждаюсь, когда тебя обыгрываю. Слышал, ты дважды перевертыш, Пламм. Такой человек мне по душе.

Улыбка Бурого Бена никогда не касалась его глаз. Он изучал Тириона, как если бы перед ним возникла говорящая змея.

— Зачем ты пришел?

— Чтобы воплотить твои мечты в реальность. Ты же пытался купить нас на аукционе. Потом попробовал выиграть в кайвассу. Даже с носом я не был таким уж красавчиком, чтобы вызвать подобную страсть... разве что у того, кому посчастливилось

узнать мою настоящую цену. Ну, вот он я, можно свободно меня брать. А сейчас, будь другом, пошли за кузнецом, пусть он снимет с нас эти ошейники. Меня тошнит от собственного звенящего звона.

— Мне не нужны неприятности с твоим благородным хозяином.

— Еззана волнуют более неотложные дела, чем три пропавших раба. Он скачет на бледной кобыле. И с чего бы кому-то пришло в голову искать нас здесь? У тебя достаточно мечей, чтобы лишить мужества любого, кто надумает прийти и сунуть нос в твой лагерь. Небольшой риск ради огромной прибыли.

— Они принесли нам хворь. В

наши собственные шатры, — прошипел щеголь в розовом дублете с прорезями. Он повернулся к Бену Пламму: — Отрубить им головы, Капитан? А остальное можем бросить в отхожую яму, — он обнажил меч, тонкий клинок брави с драгоценными камнями на эфесе.

— Поосторожнее с моей головой, — сказал Тирион. — Ты же не хочешь, чтобы на тебя попала моя кровь? Кровь переносит болезни. К тому же потом тебе придется кипятить нашу одежду или сжечь ее.

— Я думаю сжечь ее вместе с тобой, Йолло.

— Это не мое имя. Но ты ведь знаешь. Ты знал с тех пор, как

впервые посмотрел на меня.

— Может быть.

— Я тоже тебя знаю, милорд, — продолжил Тирион. — Ты более бурый и менее фиолетовый, чем Пламмы на родине, однако если твое имя не лжет, ты — вестероссец, может, не по рождению, но по крови точно. Дом Пламмов присягнул на верность Утесу Кастерли, и как это случилось, я немного знаю из истории. Без сомнения, твоя ветвь дала побег из каменной косы через Узкое море. Держу пари, ты младший сын Визериса Пламма. Ты ведь понравился драконам королевы, правда?

Казалось, его слова позабавили

наемника:

— Кто тебе об этом рассказал?

— Никто. Большинство историй, которые рассказывают о драконах, — корм для дурачков. Говорящие драконы; драконы, охраняющие золото и драгоценные камни; драконы с четырьмя ногами и брюхом размером со слона; драконы, играющие в загадки со сфинксами... все это полная чушь. Но в старых книгах есть и немного истины. Я не только знаю, что драконы королевы привязались к тебе, но еще и знаю почему.

— Мать говорила, что в моем отце была капля драконьей крови.

— Две капли. Или они, или член

шести футов в длину. Слышал эту байку? Могу рассказать. Так вот, ты ведь не дурак, Пламм, и понимаешь, что хоть моя голова и стоит титула лорда... но в Вестеросе, через полмира отсюда. К тому времени, когда ты туда попадешь, от нее останутся только кости с личинками мух. Моя милая сестрица будет отрицать, что это я, и обманет тебя с обещанной наградой. Ты знаешь, как оно бывает у королев. Ненадежные дырки, в большинстве своем, а Серсея — худшая из них.

Бурый Бен почесал бороду:

— Можно доставить тебя живым и извивающимся. Или сунуть твою голову в банку и засолить.

— Или принять меня к себе. Вот самое мудрое решение, — усмехнулся карлик. — Я родился младшим сыном. Твой отряд — мой удел.

— У Младших Сыновей нет места для шутов, — презрительно сказал брави в розовом. — Нам нужны бойцы.

— Одного я вам доставил, — Тирион ткнул пальцем на Мормонта.

— Это существо? — рассмеялся щеголь. — Уродливый зверь, но чтобы стать Младшим Сыном, одних только шрамов недостаточно.

Тирион закатил свои разноцветные глаза:

— Лорд Пламм, кто эти два

твоих друга? Розовый действует на нервы.

Браво презрительно скривил губы, в то время как парень с пером в руке ухмыльнулся его дерзости. Но имена их назвал Джорах Мормонт:

— Чернильница — казначей отряда. А тот павлин изволит именовать себя Каспорио Хитроумный, хотя Каспорио Хитрожопый, как по мне, подошло бы лучше.

Хоть разбитое лицо Мормонта и изменилось до неузнаваемости, но голос остался прежним. Каспорио пораженно вытаращился на него, а глаза Пламма заискрились весельем:

— Джорах Мормонт? Неужто

это ты? Однако, смотрю, спеси-то в тебе поубавилось с тех пор, как ты так спешно нас покинул. Нам продолжать называть тебя *сиром*?

Опухшие губы сира Джораха скривились в подобии ухмылки:

— Дай мне меч и можешь называть меня, как хочешь, Бен.

Каспорио попятился назад:

— Ты... она ведь вышвырнула тебя...

— Я вернулся. Можешь назвать меня дураком.

Влюбленным дураком. Тирион прочистил горло:

— Вы можете поговорить о старых добрых временах потом... после того, как я объясню, почему от

моей головы больше пользы, пока она у меня на плечах. Ты обнаружишь, лорд Пламм, что я могу быть очень щедр с моими друзьями. Сомневаешься — спроси Бронна. Спроси Шаггу, сына Дольфа. Спроси Тиметта, сына Тиметта.

— И кто же это такие? — спросил человек по прозвищу Чернильница.

— Хорошие люди, пообещавшие мне свои мечи и отлично вознагражденные за службу. — Он пожал плечами: — Ну ладно, насчет «хороших» я соврал. Они кровожадные ублюдки, во многом похожие на вас.

— Может быть, — сказал Бурый

Бен. — А может, ты только что придумал эти имена. *Шагга*, говоришь... Не женское ли имя?

— У него довольно большие сиськи. Когда мы встретимся в следующий раз, я загляну ему в штаны для полной уверенности. Там что, набор для кайвассы? Давай его сюда, сыграем. Но сначала подай-ка мне чашу вина. Моя глотка суха, как старая кость, а я вижу, что мне много о чем предстоит рассказать.

59. ДЖОН

Этой ночью ему снились одичалые, их вой в лесу, переходящий в рев боевых рогов и грохот барабанов. Слышался звук « *Бум ДУМ бум ДУМ бум ДУМ* » — тысяча сердец, бьющихся, как одно. Некоторые одичалые были вооружены копьями, другие — луками, третьи — топорами. Некоторые ехали на костяных колесницах, запряженных собачьими упряжками, в которых каждая собака была размером с пони. Между ними тяжело ступали великаны сорока футов ростом, с молотами величиной

с дубы.

— Держать строй! — кричал Джон Сноу. — Отбросьте их назад! — Он стоял на Стене в полном одиночестве. — Огонь! — кричал он, — Накормите их огнем! — но не было никого, кто мог бы его услышать.

Они все ушли. Они бросили меня.

Горящие стрелы с шипением взвились в воздух, оставляя за собой огненный след. Чучела братьев падали вниз в пылающих черных плащах. «Сноу», — закричал орел, когда враги полезли по льду, словно пауки. На Джоне были доспехи из черного льда, но меч в его руке полыхал красным. Лишь только

мертвецы добрались до вершины Стены, он отправил их вниз — умирать заново. Он поразил старика, безбородого мальчишку, великана, костлявого мужчину с заостренными зубами и девушку с густыми рыжими волосами. Слишком поздно он узнал в ней Игритт. Она пропала так же быстро, как появилась.

Мир растворился в красном тумане. Джон рубил, колол и резал. Он зарубил Донала Нойе и распотрошил Глухого Дика Фолларда. Куорен Полурукий упал на колени, тщетно пытаясь остановить поток крови из шеи. « *Я* лорд Винтерфелла», — кричал Джон. Теперь перед ним оказался Робб с

мокрыми от тающего снега волосами. Длинный Коготь лишил его головы. Потом скрюченная рука грубо схватила Джона за плечо. Он вывернулся...

...и проснулся оттого, что ворон клевал его в грудь. « *Сноу* » , — крикнула птица. Джон отогнал ее. Ворон выразил свое недовольство пронзительным воплем и перепорхнул на столбик кровати, чтобы злобно взглянуть оттуда сквозь предрассветный мрак.

Наступил новый день. Пришел час волка. Скоро начнет светать, и четыре тысячи одичалых пройдут через Стену. *Безумие*. Джон Сноу прошелся обожженной рукой по

волосам и в который раз задался вопросом: что же он делает? Когда откроются ворота, обратного пути не будет. *Это Старый Медведь должен был вести переговоры с Тормундом. Или Джереми Риккер, или Куорен Полурукий, или Денис Маллистер, или другие, более опытные люди. Это должен был быть мой дядя. Но для опасений уже слишком поздно. У каждого выбора свои риски и последствия. Он доведет игру до конца.*

Джон встал и оделся в темноте, пока ворон Мормонта бормотал в противоположном конце комнаты. «*Зерно* , — сказала птица. — *Король. Сноу, Джон Сноу, Джон Сноу*» .

Странно. Насколько Джон помнил, ворон никогда раньше не произносил его имя целиком.

Он позавтракал в подвале со своими командирами. Трапеза состояла из поджаренного хлеба, яичницы, кровяной колбасы и ячменной каши, запивали все жидким желтым пивом. Во время еды они еще раз обсудили приготовления.

— Все готово, — заверил его Боуэн Марш. — Если одичалые будут придерживаться условий договоренности, все пройдет, как вы приказали.

А если нет, нас ждут кровь и резня.

— Помните, — сказал Джон, — люди Тормунда оголодали, замерзли и напуганы. Кое-кто из них ненавидит нас так же, как кое-кто из вас ненавидит их. Мы ходим по тонкому льду — и мы, и они. Одна трещина — и все пойдём на дно. Если сегодня суждено пролиться крови, то пусть лучше первый удар нанесёт не кто-то из нас, иначе, клянусь старыми и новыми богами, голова зачинщика слетит с плеч.

Ему ответили согласием, кивками и бормотанием: «Как прикажете», «Будет сделано» и «Да, милорд». Один за другим они вставляли, пристегивали мечи, надевали теплые черные плащи и

выходили наружу, в холод.

Последним из-за стола поднялся Скорбный Эдд Толлетт, вернувшийся ночью с шестью повозками из Длинного Кургана. Правда, теперь черные братья называли крепость Курганом Шлюх. Эдда послали собрать столько копьеносиц, сколько могло вместиться в фургоны, и отвезти их обратно для воссоединения с сестрами.

Джон смотрел, как он собирает остатки жидкого желтка куском хлеба. Странно, но вид угрюмого лица Эдда действовал на него успокаивающе.

— Как продвигаются
восстановительные работы? —

спросил он своего бывшего стюарда.

— Лет через десять должны закончить, — ответил Толлетт в своем обычном мрачном тоне. — Когда мы въехали, все там кишело крысами. Копьеносицы перебили противных тварей. Только вот теперь место кишит копьеносицами. Иногда мне хочется, чтобы опять вернулись крысы.

— И как тебе служится под Железным Эмметом? — спросил Джон.

— Под Железным Эмметом, в основном, служит Черная Мерис, м'лорд. А у меня — мулы. Крапива утверждает, что мы с ними родня. У нас действительно похожие

вытянутые морды, но я вовсе не так упрям. В любом случае я никогда не был знаком с их матерями, честное слово, — он расправился с последним яйцом и вздохнул. — Люблю я хорошую глазуню. Пожалуйста, м'лорд, не дайте одичалым подъесть всех наших кур.

Снаружи, во дворе, небо на востоке начало светлеть. Нигде не было видно ни облачка.

— Кажется, для этого дела нас ждет хороший день, — сказал Джон. — Погожий денек, теплый и солнечный.

— Стена будет плакать. А зима почти уже наступила. Это неестественно, м'лорд. Плохая

примета, я считаю.

Джон улыбнулся:

— А если бы собирался снег?

— Эта примета еще хуже.

— Какую же погоду ты бы предпочел?

— Ту, при которой они остались бы дома, — ответил Скорбный Эдд.
— Если м'лорду угодно, я должен вернуться к мулам. Они скучают по мне, когда я ухожу. Не могу сказать того же о копыеносицах.

Они разделились: Толлетт отправился к восточной дороге, где его ожидали повозки, а Джон Сноу — к конюшням. Атлас уже ждал его, оседлав и взнуздав коня, норовистого серого жеребца с гривой блестящей и

черной, словно чернила мастера. Для разведки Джон бы его не выбрал, но сегодняшним утром главное — произвести впечатление, и для этой цели жеребец подходил идеально.

Его свита тоже ждала. Джону никогда не нравилось окружать себя охраной, но сегодня ему казалось благоразумным держать рядом нескольких хороших бойцов. Они представляли грозное зрелище: в кольчугах, железных полушлемах и черных плащах, с длинными копьями в руках и мечами и кинжалами на поясе. Ради такого случая Джон отказался от новичков и стариков, находящихся под его командованием, и отобрал восьмерых лучших: Тая и

Малли, Левшу Лью, Большого Лиддла, Рори, Фалка Блоху, Гаррета Зеленое Копье. И Кожаного, нового мастера над оружием Черного Замка, — чтобы показать вольному народу, что даже тот, кто сражался за Манса в битве у Стены, может занять достойное место в Ночном Дозоре.

К тому времени, когда все они собрались у ворот, на востоке появился густой красный румянец. *Звезды гаснут*, подумал Джон. Когда они вновь появятся, мир под ними уже изменится навсегда. Несколько людей королевы наблюдали за происходящим, стоя возле тлеющих угольков молитвенного костра леди Мелисандры. Бросив взгляд на

Королевскую Башню, Джон заметил в окне красную вспышку. Королевы Селисы нигде не было видно.

Время пришло.

— Открыть ворота, — тихо сказал Джон.

— ОТКРЫТЬ ВОРОТА! — прорычал Большой Лиддл голосом, подобным грому. Услышав это, семьюстами футами выше часовые поднесли к губам свои боевые рога. Раздался звук, эхом отразившийся от Стены и разнесшийся по всему миру. Ахоооооооооооуууууууу. Один долгий звук. Более тысячи лет этот звук означал, что разведчики возвращаются домой. Сегодня же он значил нечто другое. Сегодня он

созывал вольный народ в их новые дома.

На обоих концах длинного туннеля распахнулись ворота и открылись железные решетки. Утренний свет мерцал высоко на льду — розовый, золотой, фиолетовый. Скорбный Эдд не ошибся — Стена скоро заплачет. *Если боги будут милосердны, заплачет только она.*

Атлас вел их подо льдом, освещая дорогу сквозь мрачный туннель железным фонарем. За ним следовал Джон со своим конем, затем — его стража. Следом прошли Боуэн Марш и его стюарды — два десятка, каждому из которых было

дано свое задание. Наверху Ульмер из Королевского Леса удерживал Стену. Сорок лучших лучников Черного Замка стояли вместе с ним, готовые ответить дождем стрел на любые неприятности внизу.

Тормунд Великанья Смерть ждал к северу от Стены, верхом на своей маленькой лошадке, которая казалась слишком хилой для его веса. С ним были два оставшихся сына — высокий Торегг и юный Дрин — и шесть десятков воинов.

— Хар-р! — крикнул Тормунд. — Это охрана, да? И где же тут доверие, ворона?!

— Ты привел больше людей, чем я.

— Так и есть. Иди сюда ко мне, парень. Я хочу, чтобы мой народ видел тебя. У меня тут тысячи тех, кто никогда не видел лорда-командующего — взрослые мужчины, которым в детстве говорили, что если они не будут паиньками, то твои разведчики сожрут их. Надо, чтобы они хорошенько рассмотрели тебя, паренька с вытянутым лицом в старом черном плаще. Они должны усвоить, что им нечего бояться Ночного Дозора.

Я бы предпочел, чтобы этот урок они никогда не усвоили. Джон стянул перчатку с обожженной руки, сунул в рот два пальца и свистнул. От

ворот тут же примчался Призрак. Лошадь Тормунда так резко отпрянула, что одичалый чуть не выпал из седла.

— «Нечего бояться», говоришь? — переспросил Джон. — Призрак, останься.

— Ты злобный ублюдок, лорд Ворона. — Тормунд Трубящий в Рог поднес свой боевой рог к губам. Звук эхом отразился ото льда подобно громовому раскату, и первые из вольного народа устремились к воротам.

От рассвета до заката Джон наблюдал за проходом одичалых.

Заложники шли первыми — сотня мальчишек от восьми до

шестнадцать лет.

— Твоя кровавая цена, лорд Ворона, — объявил Тормунд. — Надеюсь, вопли их несчастных матерей не будут преследовать тебя по ночам.

Некоторых мальчиков вели к воротам матери или отцы, других — старшие братья и сестры. Многие шли одни. Подростки четырнадцати-пятнадцати лет считались почти взрослыми и не хотели, чтобы их видели цепляющимися за женские юбки.

Два стюарда пересчитывали мальчиков по мере их прохождения, записывая каждое имя на длинных свитках из овчины. Третий собирал

ценные вещи в качестве платы и также все переписывал. Мальчики шли туда, где никто из них ни разу не был, — выполнять приказы тех, кто считался врагом их родных и близких на протяжении тысяч лет, но Джон не видел слез и не слышал плача матерей. *Это люди зимы, напомнил он себе. Там, откуда они пришли, слезы замерзают на щеках.* Ни один заложник не пытался отказаться или сбежать, когда приходила его очередь войти в мрачный туннель.

Почти все мальчики были худыми, некоторые — на грани изможденности, с хилыми ногами и руками-веточками. Джон именно этого и ожидал. В остальном же они

различались сложением, ростом, цветом. Он видел высоких мальчиков и низких, мальчиков с каштановыми волосами и с черными, медовых блондинов и пшеничных блондинов, и рыжих, поцелованных огнем, как Игритт. Он видел мальчиков со шрамами, мальчиков хромых и рябых. Щеки многих мальчиков постарше покрывал пух, у некоторых росли тонкие маленькие усы, но был один с бородой, такой же густой, как у Тормунда. Некоторые носили теплые мягкие меха, некоторые — вареную кожу и остатки брони, большинство — шерсть и шкуры тюленей, немногие — лохмотья. Один был голый. Многие пришли с оружием:

заостренными копьями, каменными молотами, ножами из кости, камня или драконьего стекла, дубинами с шипами, сетями и порой даже изъеденными ржавчиной старыми мечами. Мальчики из клана Рогоногих беспечно ходили по сугробам босиком. Некоторые парни надели на сапоги медвежьи лапы и ходили по тем же самым сугробам, не проваливаясь. Шестеро мальчиков прибыли на лошадях, двое — на мулах. Пара братьев пришла с козой. Самый высокий заложник оказался шести с половиной футов ростом, но с детским личиком; самым маленьким был низкорослый мальчик, говоривший, что ему девять,

но выглядевший не старше шести.

Особого внимания удостоились сыновья известных людей — Тормунд потрудился выделить их из проходивших мимо детей.

— Тот мальчишка — сын Сорена Щитолома, — сказал он про высокого паренька. — Этот рыжий — отродье Геррика Королевской Крови. Послушать Геррика, так они происходят от Раймуна Рыжебородого. От младшего брата Рыжебородого, если хочешь знать правду.

Два других мальчика были похожи, словно близнецы, но Тормунд настаивал, что они родились с разницей в год.

— Один от Харла Охотника, другой от Харла Красавца, но оба от одной женщины. Отцы друг друга ненавидят. На твоём месте, я бы отправил одного в Восточный Дозор, а второго в Сумеречную Башню.

Другие заложники оказались сыновьями Хауда Скитальца, Брогга, Девина Тюленьей Шкуры, Килега из Деревянного Уха, Морны Белой Маски, Большого Моржа...

— Большого Моржа? Seriously?

— У них на Стылом берегу странные имена.

Трое заложников были сыновьями Альфина Убийцы Ворон, печально известного налетчика, убитого Куореном Полуруким. Так,

по крайней мере, утверждал Тормунд.

— Они не похожи на братьев, — заметил Джон.

— Сводные, от разных матерей. У Альфина был крошечный член, даже меньше твоего, но он никогда не стеснялся им пользоваться. У него в каждой деревне по сыну.

Показав на малорослого паренька с крысиным лицом, Тормунд сказал:

— Этот — щенок Варамира Шестишкурого. Ты помнишь Варамира, лорд Ворона?

Он помнил.

— Оборотень.

— Он самый. Злобный мелкий

коротышка, к тому же. Не исключено, что уже мертв. Никто не видел его с той битвы.

Двое из мальчиков оказались переодетыми девочками. Увидев их, Джон отправил Рори и Большого Лиддла привести их к нему. Одна пришла достаточно смирно, другая пиналась и кусалась. *Это могло плохо кончиться.*

— У них тоже знаменитые отцы?

— Хар-р! У этих худышек? Вряд ли. Выбраны по жребию.

— Они девочки.

— Правда? — Тормунд покосился на парочку со своего седла. — Мы с лордом Вороной

поспорили, у кого из вас член больше. Снимайте штаны, мы взглянем.

Одна из девочек покраснела. Другая посмотрела вызывающе.

— Отстань от нас, Тормунд Великанья Вонь. Оставь нас в покое.

— *Хар-р!* Ты выиграл, ворона. Нет члена ни у одной. Хотя у той, что поменьше, есть яйца. Из нее выйдет копыеносица, — он позвал своих людей. — Найдите этим двоим девчачью одежду, пока лорд Сноу не обмочил штаны.

— Мне нужно, чтобы их заменили двое мальчиков.

— С чего бы это? — Тормунд почесал бороду. — Заложник есть

заложник, как по мне. Твой большой острый меч отрубит девочке голову так же легко, как и мальчику. Отцы дочерей тоже любят. Ну, большинство.

Меня волнуют не их отцы.

— Манс когда-нибудь пел о храбром Дэнни Флинте?

— Не припоминаю. И кем же он был?

— Девушкой, переодевшейся мужчиной, чтобы надеть черное. Песня грустная и красивая. А вот то, что с ней случилось — не очень. — В некоторых вариантах песни ее призрак все еще гуляет по Твердыне Ночи. — Я отправлю девочек в Длинный Курган. — Единственными

мужчинами там были Железный Эммет и Скорбный Эдд, обоим он доверял. Не о всех своих братьях он мог сказать то же.

Одичалый понял.

— Мерзкие вы птицы, вороны,
— он сплюнул. — Тогда еще два мальчика. Ты их получишь.

Когда мимо них проплелись девяносто девять заложников, готовых пройти под Стеной, Тормунд Великанья Смерть вызвал последнего.

— Мой сын Дрин. Лучше присматривай за ним, ворона, не то я зажарю твою черную печень и сожру ее.

Джон внимательно рассмотрел

мальчика. *Возраста Брана, или чуть старше — таким бы стал Бран, если бы Теон не убил его.* Но в отличие от Брана, Дрин не был милым — небольшого роста, с короткими ногами, толстыми руками и широким красным лицом, маленькая копия своего отца с копной темно-каштановых волос.

— Он будет моим личным пажом, — пообещал Джон Тормунду.

— Слышал, Дрин? Смотри, не задирай нос. — Он обратился к Джону: — Ему не мешает хорошая выволочка время от времени. Но поосторожнее с зубами — кусается, — он вновь потянулся к своему рогу, поднял его и протрубил еще раз.

В этот раз вперед двинулись воины. Больше, чем всего лишь сотня. *Пять сотен*, прикинул Джон, когда они вышли из-за деревьев. *Может быть, целая тысяча*. Верхом ехал только каждый десятый, но все были вооружены. За спинами у них висели круглые, сплетенные из прутьев щиты, обтянутые шкурами и вареной кожей. На щитах красовались змеи, пауки, отрубленные головы, кровавые молоты, разбитые черепа и демоны. Некоторые воины были одеты в украденные стальные доспехи — помятые разрозненные элементы, сорванные с тел погибших разведчиков. Другие нацепили

броню из костей, как у Гремучей Рубашки. Все носили меха и кожу.

С ними шли и копыеносицы с длинными развевающимися волосами. Глядя на них, Джон не мог не вспомнить Игритт: вспышку огня в ее волосах, ее взгляд, когда она раздевалась для него в пещере, звук ее голоса. «Ты ничего не знаешь, Джон Сноу», — говорила она ему сотню раз.

Сейчас это так же верно, как и тогда.

— Ты мог бы сначала послать женщин, — сказал он Тормунду. — Матерей и девушек.

Одичалый пристально на него посмотрел.

— Ага, мог бы. А вы, вороны, могли бы взять и закрыть ворота. А так, немного бойцов по ту сторону, и ворота останутся открытыми, правда? — он ухмыльнулся. — То, что я купил твоего клятого коня, Джон Сноу, не значит, что мы не можем пересчитать его зубы. И только не думай теперь, что я или мои люди не доверяем вам. Мы доверяем вам настолько же, насколько вы доверяете нам, — он фыркнул. — Ты ведь хотел воинов? Что ж, вот они. Каждый из них стоит шестерых твоих черных ворон.

Джону пришлось улыбнуться.

— Пока они берегут свое оружие для нашего общего врага, я

доволен.

— Я дал тебе слово, так? Слово Тормунда Великаньей Смерти. Твердое, как железо, — он отвернулся и сплюнул.

Среди вереницы воинов были отцы многих из заложников Джона. Некоторые, проходя мимо, пристально смотрели холодными тусклыми взглядами и прикасались к рукоятям мечей. Другие улыбались ему, как давно пропавшему родственнику, хотя порой такие улыбки приводили Джона Сноу в большее замешательство, чем любой свирепый взгляд. Никто не преклонял колена, но многие принесли клятву.

— В чем поклялся Тормунд, в том поклянусь и я, — объявил черноволосый Брогг, человек немногословный.

Сорен Щитолом склонил голову на дюйм и прорычал:

— Топор Сорена — твой, Джон Сноу, если он тебе когда-нибудь понадобится.

Рыжебородый Геррик Королевская Кровь привел трех дочерей:

— Из них выйдут прекрасные жены, и они подарят своим мужьям сильных сыновей королевской крови, — похвалился он. — Как и их отец, они происходят от Раймуна Рыжебородого, который был когда-то

Королем-За-Стеной.

Джон знал, как мало значит кровное родство среди вольного народа. Игритт ему рассказывала. У дочерей Геррика были такие же огненно-рыжие волосы, только у Игритт они вились непослушными кудрями, а у этих — спадали длинными прямыми прядями.

Поцелованные огнем.

— Три принцессы, одна прекраснее другой, — сказал он отцу девушек. — Я прослежу, чтобы их представили королеве. — Он подозревал, что с этими тремя девицами Селиса Баратеон поладит лучше, чем с Вель: они моложе и гораздо более запуганные. *Очень*

милы с виду, хотя отец у них, кажется, полный болван.

Хауд Скиталец принес клятву на своем мече, таком зазубренном и изъеденном ржавчиной куске железа, какого Джон никогда не видел. Девин Тюленья Шкура подарил ему шапку из тюленьей шкуры, Харл Охотник — ожерелье из медвежьих когтей. Воин-ведьма Морна ненадолго сняла свою маску из чардрева — только чтобы поцеловать его руку в перчатке — и поклялась быть его человеком, или его женщиной, смотря, что он предпочитает. И еще, и еще, и еще.

По мере того как они проходили, каждый воин расставался со своими сокровищами и бросал их в одну из

повозок, которые стюарды поставили перед воротами. Янтарные подвески, золотые ожерелья, украшенные драгоценными камнями кинжалы, усыпанные самоцветами серебряные броши, браслеты, кольца, чаши из черненого серебра и золотые кубки, боевые рога и рога для питья, зеленый нефритовый гребень, ожерелье из пресноводного жемчуга... все сдавалось и затем описывалось Боуэном Маршем. Один человек отдал рубаху из серебряных чешуек, изготовленную, несомненно, для какого-то знатного лорда. Другой принес сломанный меч с тремя сапфирами в рукояти.

Встречались и более странные

вещи: игрушечный мамонт, сделанный из настоящей мамонтовой шерсти, фаллос из слоновой кости, шлем из головы единорога в комплекте с рогом. Джон Сноу не брался сказать, сколько еды дадут за такие вещи в Вольных Городах.

После всадников пошли люди со Стылого берега. Джон смотрел, как дюжина их больших костяных повозок проехала мимо него одна за другой, треща, словно Гремучая Рубашка. Половина все еще катилась на колесах, у остальных же их заменили полозьями. Они гладко скользили по сугробам, там, где колесные повозки проваливались и тонули.

Тянули повозки собаки — жуткие твари размером с лютоволков. Женщины носили тюленью кожу, некоторые прижимали к груди младенцев. Дети постарше тащились позади матерей и бросали на Джона взгляды темные и жесткие, как камни, которые они сжимали. Некоторые из мужчин носили на головных уборах оленьи рога, а некоторые — моржовые клыки. Джон быстро сообразил, что эти две группы не любили друг друга. Замыкали шествие несколько тощих оленей и сопровождающие их огромные собаки, хватающие за пятки отстающих.

— Остерегайся этих, Джон Сноу,

— предупредил Тормунд. — Дикий народ. Мужчины плохие, женщины еще хуже, — он снял с седла винный мех и предложил Джону. — Держи. Возможно, так они покажутся тебе менее страшными. Заодно и разогреешься к вечеру. Нет, оставь себе. Пей побольше.

Это была медовуха такой крепости, что у Джона заслезились глаза, а в груди разлилось тепло. Он сделал большой глоток.

— Ты хороший человек, Тормунд Великанья Смерть. Для одичалого.

— Получше многих, возможно. Но не такой хороший, как некоторые.

Одичалые шли и шли, а солнце все ползло по ярко-синему небу.

Около полудня движение застопорилось — воловья повозка застряла в повороте туннеля. Джон Сноу сам пошел посмотреть. Повозку напрочь заклинило. Напиравшие сзади грозились разрубить ее, а вола зарезать на месте, а возница и его родич клялись убить тех, если попробуют. При помощи Тормунда и его сына Торегга Джон сумел удержать одичалых от кровопролития, но потребовался почти час, чтобы снова освободить дорогу.

— Вам бы ворота побольше, — пожаловался Тормунд Джону, кисло глядя на небо, на котором появилось несколько облачков. — Так

получается жутко медленно. Все равно что пытаться выпить Молочную реку через тростинку. *Хар-р.* Был бы у меня Рог Джорамуна. Я бы дунул хорошенько, и мы перебрались бы через развалины.

— Мелисандра сожгла Рог Джорамуна.

— Неужели? — Тормунд хлопнул себя по бедру и захохотал. — Она сожгла этот большой прекрасный рог, ага. Большая ошибка, вот что я тебе скажу. Ему была тысяча лет. Мы нашли его в могиле великана, и ни один из нас ни разу не видел такого большого рога. Наверное, поэтому Манс решил сказать тебе, что он принадлежал

Джорамуну. Он хотел, чтобы вы, вороны, поверили, что он может сровнять вашу клятую Стену с землей. Но мы так и не нашли настоящий рог, сколько ни искали. Если бы он у нас был, каждому поклонщику в ваших Семи Королевствах хватило бы льда, чтобы все лето охлаждать вино.

Джон, хмурясь, поерзал в седле. *И Джорамун подул в Рог Зимы и разбудил великанов ото сна. Этот огромный рог, окованный старым золотом, исписанным древними рунами... Манс-Налетчик обманул его, или Тормунд сейчас лжет? Если рог Манса был всего лишь обманом, то где же тогда настоящий рог?*

К полудню солнце скрылось за облаками, стало пасмурно и ветрено.

— Снег пойдет, — мрачно объявил Тормунд.

Остальные разглядели то же предзнаменование в ровных белых облаках. Казалось, это их подстегнуло. Страсти начали накаляться. Одного человека пырнули ножом, когда он попытался пролезть вперед других, тех, что стояли в колонне часами. Торегг вырвал нож из рук напавшего, выдернул обоих мужчин из толчеи и послал их в лагерь одичалых — стоять заново.

— Тормунд, — сказал Джон, наблюдая, как четыре старухи

тащили воз с детьми к воротам, — расскажи мне о наших врагах. Я хотел бы знать об Иных все, что можно.

Одичалый потер рот.

— Не здесь, — пробормотал он, — не по эту сторону от вашей Стены, — старик тревожно взглянул в сторону деревьев, укутанных в белые мантии. — Понимаешь, они всегда близко. Они не показываются днем, когда на небе светит солнце, но не думай — это не значит, что они ушли. Тени никогда не уходят. Может, ты их и не видишь, но они всегда идут за тобой по пятам.

— Вы сталкивались с ними по пути на юг?

— Они никогда не нападали, если ты это имеешь в виду, но все же они были с нами, отгрызая по кусочку с краев. Мы потеряли больше передовых, чем мне хотелось бы думать, а отстать или сбиться с пути означало расстаться с жизнью. Каждый раз с наступлением сумерек мы окружали наши лагеря кострами. Они не особо любят огонь, это уж точно. Но когда пошел снег... снег, град и ледяной дождь, то нелегко стало найти сухое дерево или разжечь щепки, и *холод* ... иногда по ночам огонь как будто съеживался и умирал. Наутро после такой ночи всегда найдешь нескольких мертвецов. Если они не найдут тебя

первыми. В ночь, когда Торвинд... мой мальчик, он... — Тормунд отвернулся.

— Я знаю, — сказал Джон Сноу.

Тормунд снова повернулся к нему:

— Ты ничего не знаешь. Да, ты убил мертвеца, я слышал. Манс убил сотню. Человек может сражаться с мертвецами, но когда приходят их создатели, когда поднимается белый туман... как бороться с *туманом* , ворона? Тени с зубами... воздух такой холодный, что больно дышать, как будто нож в груди... ты не знаешь, ты не можешь знать... может ли твой меч резать *холод* ?

Посмотрим, подумал Джон,

вспоминая о том, что Сэм нашел в старых книгах. Длинный Коготь выковали в огнях Старой Валирии, закалили в пламени дракона и оправили заклинаниями. *Драконья сталь, так называл ее Сэм. Прочнее любой обычной стали, легче, крепче, острее...* Но одно дело — слова в книге. Настоящая проверка состоится во время сражения.

— Ты прав, — сказал Джон, — я не знаю. И если боги будут добры, я никогда не узнаю.

— Боги редко бывают добры, Джон Сноу, — Тормунд кивнул на небо. — Тучи сгущаются. Уже темнеет и становится холодней. Ваша Стена больше не плачет, посмотри.

— Он повернулся и крикнул сыну Торреггу: — Езжай в лагерь и скажи, чтобы поторапливались. Больные и слабые, лентяи и трусы, пусть пошевеливаются. Если понадобится, подожги их проклятые палатки. С приходом темноты ворота должны закрыть. Любой, кто к тому моменту не пройдет за Стену, пусть начинает молиться, чтобы Иные добрались до него раньше меня. Понял?

— Понял, — Торрег пришпорил коня и галопом помчался в конец колонны.

А одичалые все шли и шли. Как и сказал Тормунд, начало темнеть. Облака затянули все небо, и тепло ушло. В воротах поднялась суeta —

люди, козлы и волы отпихивали друг друга с дороги. *Это не нетерпение, понял Джон. Они напуганы. Воины, копьеносицы, налетчики — все они боятся лесов и теней, движущихся меж деревьев. Они хотят отгородиться от них Стеной до наступления ночи.*

В воздухе закружилась снежинка. Потом другая. *Потанцуй со мной, Джон Сноу, подумал он. Как-нибудь ты потанцуешь со мной.*

Одичалые все шли, шли и шли. Некоторые двигались быстрее, торопясь пройти через поле сражения. Другие — старые, молодые, слабые — едва передвигали ноги. Этим утром поле было покрыто

толстым одеялом старого снега, белая корка которого сияла на солнце. Теперь поле стало коричневым, черным и склизким. Прохождение вольного народа превратило землю в грязь и жижу: деревянные колеса и лошадиные копыта, полозья из рогов, костей и железа, тяжелые сапоги, раздвоенные копыта коров, волов и свиней, голые черные ступни Рогоногих — все оставляло следы. Рыхлая почва еще сильнее замедляла колонну.

— Вам нужны ворота побольше,
— снова пожаловался Тормунд.

К концу дня снег уже шел не переставая, но поток одичалых

уменьшился до ручейка. Столбы дыма поднимались из-за деревьев, оттуда, где располагался лагерь.

— Торегг, — объяснил Тормунд. — Сжигают мертвых. Всегда есть те, кто ложатся спать и уже не просыпаются. Их находят в палатках, скрюченными и замерзшими. Торегг знает, что делать.

Когда из леса появился Торегг, ручеек одичалых превратился в небольшую струйку. С ним ехала дюжина конных воинов, вооруженных копьями и мечами.

— Мой арьергард, — сказал Тормунд с щербатой улыбкой. — У вас, ворон, есть разведчики, у нас тоже. Я оставил их в лагере на

случай, если нас атакуют до того, как все уйдут.

— Твои лучшие люди.

— Или худшие. Каждый из них убил ворону.

Среди всадников был один пеший, за ним по пятам трусил какой-то большой зверь. *Кабан*, увидел Джон. *Чудовищный кабан*. В два раза больше Призрака и покрыт грубой черной щетиной, а клыки размером с руку человека. Джон никогда не видел столь огромного и безобразного кабана. Человек рядом также не был красавцем: громадный, чернобровый, с плоским носом, тяжелой челюстью, покрытой темной щетиной, и маленькими

черными, близко посаженными глазками.

— Боррок, — Тормунд отвернулся и сплюнул.

— Оборотень, — это не было вопросом. Каким-то образом он знал.

Призрак повернул голову. Падающий снег скрывал запах кабана, но сейчас белый волк почуял его. Он выбежал перед Джоном, оскалив зубы в тихом рычании.

— *Нет!* — рявкнул Джон. — Призрак, лежать. Стой. *Стой!*

— Кабаны и волки, — сказал Тормунд. — Лучше держи под замком свою зверюгу этой ночью. Я прослежу, чтобы Боррок поступил

так же со своей свиньей, — он взглянул на темнеющее небо. — Они последние, и очень вовремя. Чую, снегопад зарядит на всю ночь. Самое время и мне взглянуть, что по ту сторону этой ледышки.

— Иди вперед, — сказал ему Джон. — Я собираюсь пройти подо льдом последним. Я присоединюсь к тебе на пиру.

— Пир? *Хар-р!* Вот слово, которое я хотел услышать, — одичалый развернул свою лошадку к Стене и шлепнул ее по задку. Торегг и всадники последовали за ним и спешили у ворот, чтобы провести лошадей. Боуэн Марш задержался посмотреть, как его стюарды

затаскивают последние повозки в тоннель. Остался только Джон Сноу с охраной.

Оборотень остановился в десяти ярдах. Его монстр, сопя, рылся в грязи. Тонкий слой снежной пыли покрыл горбатую черную спину кабана. Он фыркнул и опустил голову — на мгновение Джону показалось, что тот собирается атаковать. По обе стороны от него его люди опустили копья.

— Брат, — произнес Боррок.

— Тебе лучше идти. Мы сейчас закроем ворота.

— Уж сделайте это, — сказал Боррок. — Закройте, и покрепче. Они близко, ворона, — он улыбнулся

такой отвратительной улыбкой, какой Джон еще никогда не видел, и пошел в сторону ворот. Кабан последовал за ним. Падающий снег скрывал их следы.

— Мы закончили, — доложил Рори, когда они прошли.

Нет, подумал Джон Сноу, все только начинается.

Боуэн Марш ждал его на южной стороне стены с дощечкой, полной цифр.

— Три тысячи сто девятнадцать одичалых прошли через ворота сегодня, — сказал ему лорд-стюард. — Шестьдесят ваших заложников были отправлены в Восточный Дозор и Сумеречную Башню после того, как

их накормили. Эдд Толлетт забрал шесть повозок с женщинами в Длинный Курган. Остальные — с нами.

— Ненадолго, — пообещал Джон. — Тормунд собирается повести свой народ в Дубовый Щит через день или два. Остальные тоже уйдут, как только мы решим, где их разместить.

— Как прикажете, лорд Сноу, — слова прозвучали жестко. Тон Боуэна Марша ясно давал понять, где бы *он* их разместил.

Замок, в который вернулся Джон, не был похож на тот, который он покинул утром. Все время, что Джон жил здесь, Черный Замок

казался местом тишины и теней, где горстка людей в черном сновала, словно привидения, среди развалин крепости, в которой когда-то жило в десять раз больше обитателей. Теперь все изменилось. Из окон, в которых Джон Сноу никогда не видел огня, лился свет. Незнакомые голоса раздавались во дворе, вольный народ сновал взад-вперед по ледяным дорожкам, по которым годами ступали только черные сапоги ворон. Снаружи, за старыми Кремневыми казармами, он наткнулся на дюжину мужчин, забрасывающих друг друга снежками. *Играют*, в изумлении подумал Джон, *взрослые мужчины играют, как дети, кидаются*

снежками, как Бран и Арья когда-то, как Робб и я до них.

Однако старая оружейная Донала Нойе по-прежнему оставалась темной и безлюдной, а комнаты Джона позади холодной кузницы — еще темнее. Не успел он снять плащ, как Даннел просунул голову в дверь и доложил, что Клидас принес сообщение.

— Пусть войдет, — Джон зажег свечу от тлеющих в очаге углей, а от нее — еще три.

Клидас вошел, порозовевший и часто моргающий, сжимая в мягкой руке пергамент.

— Прошу прощения, лорд-командующий. Я знаю, вы, должно

быть, утомились, но я подумал, что вы сразу же захотите это увидеть.

— Вы правильно подумали.

Джон прочитал:

В Суровом Доме, с шестью кораблями. Море бушует. «Черный дрозд» затонул со всем экипажем, два лиссенийских судна сели на мель возле Скейна, у «Острого клюва» пробоина. Здесь очень плохо. Одичалые едят своих мертвецов. Мертвые твари в лесах. Браавосские капитаны возьмут на свои корабли только женищин и детей. Ведьма называет нас работоторговцами. Отразили попытку захватить нашу «Ворону-буревестницу», шестеро из команды мертвы, и много одичалых.

Осталось восемь воронов. Мертвые твари в воде. Пришлите подмогу по суше, на море шторм. С «Острого клюва», рукой мастера Хармуна.

Внизу — сердитый росчерк Коттера Пайка.

— Плохие вести, милорд? — спросил Клидас.

— Довольно неприятные.

Мертвые твари в лесу. Мертвые твари в воде. Осталось шесть кораблей из отпльвших одиннадцати. Нахмурившись, Джон Сноу свернул пергамент. Ночь собирается , подумал он, и начинается моя война .

60. ПОКИНУТЫЙ РЫЦАРЬ

— Все на колени перед Его Великолепием Хиздаром зо Лораком, четырнадцатым этого благородного имени, королем Миэрина, отпрыском Гиса, Октархом Старой Империи, Хозяином Скахазадхана, Супругом Драконов и Кровью Гарнии , — взревел глашатай. Его голос эхом отразился от мраморного пола и зазвенел среди колонн.

Сир Барристан Селми скользнул рукой под складку плаща и чуть ослабил меч в ножнах. Никому не позволялось носить оружие в

присутствии короля, за исключением его защитников. Кажется, рыцаря по-прежнему причисляли к их числу, несмотря на отставку. По крайней мере, никто не пытался отобрать его меч.

Во время приемов Дейенерис Таргариен предпочитала сидеть на простой и гладкой скамье из полированного черного дерева, для удобства покрытой подушками, которые нашел для нее сир Барристан. Король Хиздар заменил скамью на два внушительных трона из позолоченного дерева с высокими спинками, вырезанными в виде драконов. Король восседал на правом троне с золотой короной на голове и

с украшенным драгоценными камнями скипетром в бледной руке. Второй трон оставался незанятым.

Напыщенный трон , подумал сир Барристан. *Но никакой драконий стул не заменит настоящего дракона, как бы искусно он ни был вырезан.*

Справа от двух тронов стоял Гогор-Великан, громадная туша с жестким, покрытым шрамами лицом. Слева — Пятнистый Кот с переброшенной через плечо шкурой леопарда. Позади держались хладнокровный Кразз и Белакво Костолом. *Все они опытные бойцы* , подумал Селми, *но одно дело — противостоять врагу в яме, когда о*

появлении противника возвещают рога и барабаны, и совсем другое — обнаружить затаившегося убийцу до того, как он сможет нанести удар.

День только начинался, но он чувствовал себя измотанным, будто сражался всю ночь. Чем старше становился сир Барристан, тем меньше он, казалось, нуждался во сне. Будучи оруженосцем, он мог спать по десять часов за ночь и все равно зевать, ковыляя на тренировочный двор. В шестьдесят три же рыцарь обнаружил, что пяти часов ему хватает с лихвой. А прошлой ночью он почти совсем не спал. Опочивальней ему служила

маленькая келья рядом с покоями королевы, в прошлом — жилище рабов; меблировка состояла из кровати, ночного горшка, шкафа для одежды, и даже стула, на который бы он мог присесть. На прикроватном столике стояла восковая свеча и маленькая резная фигурка Воина. Хоть он и не был набожным человеком, но фигурка помогала ему чувствовать себя менее одиноким в этом странном чужом городе. Именно к Воину он обратился той бессонной ночью. *Защити от сомнений, что гложут меня,* молился он, *и дай мне сил делать то, что правильно.* Но ни молитвы, ни рассвет не принесли ему

уверенности.

Никогда на памяти старого рыцаря в зале не было таклюдно. Но в первую очередь в глаза Барристану Селми бросилось отсутствие нескольких лиц: Миссандеи, Бельваса, Серого Червя, Агго, Чхого и Ракхаро, Ирри и Чхику, Даарио Нахариса. На месте Бритоголового стоял толстяк в рельефной кирасе и маске льва — Мархаз зо Лорак, кузен короля, новый командующий Медными Бестиями. Из-под кожаной юбки нелепо торчали его крупные ноги. У Селми уже созрело стойкое презрение к этому человеку. В Королевской Гавани он знавал людей подобного сорта: раболепные перед

вышестоящими, грубые с
нижестоящими, слепые, хвастливые
и неимоверно заносчивые.

*Скахаз тоже может быть в
зале* , осознал Селми, *скрыв свое
уродливое лицо под маской* . Четыре
десятка Медных Бестий стояли
между колоннами, отблески света
факелов играли на полированной
меди их масок. Любой из них мог
оказаться Бритоголовым.

Зал гудел тысячью
приглушенных голосов,
отражавшихся от колонн и
мраморного пола — зловещий,
гневный гул. Селми он напоминал
шум осиного гнезда за мгновение до
того, как из него вылетят все осы. И

на лицах в толпе он видел ярость, скорбь, подозрительность и страх.

Едва новый глашатай короля призвал двор к порядку, как началось безобразие. Одна женщина вопила о брате, умершем в Яме Дазнака, другая — об ущербе, нанесенному ее паланкину. Какой-то толстяк срывал с себя повязки, чтобы показать всем обожженную руку; кровь все еще сочилась из раны. А когда человек в сине-золотом токаре заговорил о Харгазе Герое, какой-то вольноотпущенник, стоящий позади, повалил его на пол. Понадобилось шесть Медных Бестий, чтобы растащить их и выдворить из зала. *Лиса, ястреб, тюлень, саранча, лев,*

жаба. Селми раздумывал, значат ли эти маски что-нибудь для носящих их людей. Надевают ли они все время одну и ту же, или каждое утро выбирают себе новое лицо?

— Тише! — призывал Резнак мо Резнак. — Пожалуйста! Я отвечу, если вы только...

— Это правда? — выкрикнула одна вольноотпущенница. — Что наша мать мертва?

— Нет, нет, нет, — заверещал Резнак. — В свое время королева Дейенерис вернется в Миэрин во всем своем могуществе и величии. А пока что Его Милость король Хиздар будет...

— Он мне не король, —

выкрикнул другой
вольнотпущенник.

Люди начали толкаться.

— *Королева не умерла* , —
провозгласил сенешаль. — Ее
кровные всадники отправились за
Скажадхан, чтобы найти Ее
Величество и вернуть любящему
господину и ее верноподданным. У
каждого из них — по десять
отборных всадников, а у каждого
всадника — по три резвых лошади,
так что они могут передвигаться
быстро и далеко. Королеву
Дейенерис найдут.

Следующим заговорил высокий
гискарец в парчовых одеяниях, голос
его был столь же звучен, сколь и

холоден. Король Хиздар с каменным лицом откинулся на спинку своего драконьего трона, изо всех сил стараясь казаться внимательным, но непоколебимым. За него снова ответил сенешаль.

Сир Барристан пропускал масляные слова Резнака мимо ушей. Годы службы в королевской гвардии научили его умению слушать, не слыша, особенно полезному, когда говорящий был полон решимости доказать, что слова — действительно ветер. В дальней части зала он заметил дорнийского принца и двух его спутников. *Не стоило им приходить. Мартелл просто не понимает, в какой он опасности. При*

этом дворе единственным его другом была Дейенерис, а теперь ее нет. Он гадал, много ли из сказанного они понимают. Он и сам-то не всегда разбирал гискарское наречие работорговцев, особенно когда они говорили быстро.

Во всяком случае, принц Квентин внимательно слушал. *Истинный сын своего отца.* Невысокий и приземистый, с некрасивым лицом, он казался хорошим парнем, благоразумным, здравомыслящим и ответственным... но явно не из тех, кто заставляет девичьи сердца биться быстрее. А Дейенерис Таргариен, где бы она теперь ни была, все же оставалась

юной девушкой — так она сама говорила, когда хотела изобразить невинность. Как и все хорошие правители, на первое место она ставила свой народ — иначе бы никогда не вышла за Хиздара зо Лорака — но женщина в ней жаждала поэзии, страсти и смеха. *Ей нужен огонь, а Дорн прислал ей землю.*

Из земли можно сделать припарку, чтоб облегчить жар. Можно бросить в нее семена и вырастить зерно, чтобы накормить детей. Земля питает, а огонь — лишь поглощает, но дети, глупцы и юные девицы всегда выбирают огонь.

Подле принца сир Геррис

Дринкуотер что-то шептал Айронвуду. У сира Герриса было все, чего недоставало принцу: высокий, стройный и красивый, он обладал грацией мечника и остроумием придворного. Селми не сомневался, что немало дорнийских дев гладили эти выгоревшие на солнце волосы и целовали эту дразнящую улыбку на его губах. *Будь принцем он, все могло бы пойти по-другому* , невольно думал Селми... но на его вкус, Дринкуотер был уж слишком милый. *Фальшивая монета* , решил старый рыцарь. Ему доводилось знать таких людей.

Должно быть, он шептал нечто забавное, так как лысый здоровяк

внезапно издал смешок, достаточно громкий, чтобы сам король повернул голову к дорнийцам. Увидев принца, Хиздар зо Лорак нахмурился.

Сиру Барристану это не понравилось. И еще меньше ему понравилось, когда король подозревал своего кузена Мархаза, наклонился к нему и что-то прошептал на ухо.

Я не приносил клятв Дорну , убеждал себя сир Барристан. И все же Левин Мартелл был его братом по присяге еще в те времена, когда королевских гвардейцев связывали крепкие узы. Я не сумел помочь на Трезубце принцу Левину, но сейчас могу помочь его племяннику. Мартелл танцевал в змеином гнезде, не

замечая самих гадюк. Его затянувшееся пребывание в Миэринe, уже после того как Дейенерис отдала себя другому перед лицом богов и людей, не пришлось бы по вкусу ни одному мужу, а в отсутствие королевы ничто больше не могло защитить Квентина от гнева Хиздара. *Хотя...*

Мысль поразила его, как пощечина. Квентин вырос при дорнийском дворе. Заговоры и яды для него не в новинку. Принц Левин — не единственный его дядя. *Он родственник и Красного Змея.* Пусть Дейенерис взяла в супруги другого, но если Хиздар умрет, она сможет снова выйти замуж. *Мог ли*

Бритоголовый ошибиться? Кто сказал, что саранча предназначалась Дейенерис? Она была из собственной корзины короля. А что, если жертвой должен был стать именно он? Сыны Гарпии продолжили бы свои убийства, а юнкайцы — свою войну. Тогда лучшим выбором для Дейенерис стал бы Квентин с его брачным союзом.

Сир Барристан все еще боролся с подозрениями, когда услышал звук тяжелых шагов по крутым каменным ступенькам в дальней части зала. Пришли юнкайцы. Трое Мудрых Господ возглавляли процессию из Желтого города, каждый со своим вооруженным эскортом. Один

рабовладелец был в бордовом шелковом токаре с золотой бахромой, другой — в полосатом бирюзово-оранжевом, третий — в кирасе, украшенной изображениями любовных сцен, выполненными из гагата, нефрита и перламутра. Их сопровождал Кровавая Борода, капитан наемников, с кожаным мешком, переброшенным через массивное плечо, и с кровожадной ухмылкой на лице.

Нет Оборванного Принца, отметил Селми. Нет Бурого Бена Пламма. Сир Барристан холодно смотрел на Кровавую Бороду. Дай мне хоть малейший повод станцевать с тобой, и посмотрим,

кто будет смеяться последним.

Резнак мо Резнак протиснулся вперед.

— Мудрые Господа, вы делаете нам честь. Его Сиятельство король Хиздар приветствует друзей из Юнкая. Мы понимаем...

— Поймите это, — Кровавая Борода вытащил из мешка отсеченную голову и бросил сенешалю.

Резнак издал вопль ужаса и отскочил. Голова покатилаь мимо него, оставляя пятна крови на розовом мраморном полу, пока не остановилась у подножия драконьего трона короля Хиздара. По всей длине зала Медные Бестии оцетинились

копьями. Гогор-Великан бросился к королевскому трону, заслонив короля, рядом с ним стеной встали Пятнистый Кот и Кразз.

Кровавая Борода расхохотался:

— Он мертвый. Не укусит.

Робко, очень робко сенешаль приблизился к голове и осторожно поднял ее за волосы:

— Адмирал Гролео.

Сир Барристан взглянул на трон. Старый рыцарь служил стольким королям, что не мог не представлять, как бы они отреагировали на такую провокацию. Эйерис в ужасе отшатнулся бы, наверняка порезавшись о лезвия Железного Трона, а потом завизжал бы,

призывая своих мечников разрубить юнкайцев на кусочки. Роберт потребовал бы свой боевой молот, чтобы отплатить Кровавой Бороде той же монетой. Даже Джейехерис, которого многие считали слабым, приказал бы арестовать Кровавую Бороду и рабовладельцев.

Хиздар оцепенел, будто пригвожденный к трону. Резнак отнес голову на атласную подушку у ног короля и поспешил отойти, скривив рот в гримасе отвращения. Даже с нескольких ярдов сир Барристан унюхал тяжелый цветочный запах его духов.

Мертвец смотрел укоризненно. Его борода потемнела от запекшейся

крови, но из шеи все еще сочились красные капли. Судя по всему, голову ему срубили не с одного удара. Просители начали выскальзывать из зала. Один из Медных Бестий сорвал маску ястреба и принялся извергать свой завтрак.

Не то чтобы Барристан Селми раньше не видел отрубленных голов. Но эта... он пересек полмира со старым мореплавателем, от Пентоса до Кварта, и обратно в Астапор. *Гролео был хорошим человеком. Он не заслужил такой участи. Все, чего он хотел — просто вернуться домой.* Рыцарь напрягся в ожидании.

— Это... — наконец проговорил король Хиздар, — Это не... нам это

не нравится... что это значит... это...

Рабовладелец в бордовом токаре достал пергамент:

— Я имею честь доставить послание от Совета Господ, — он развернул свиток. — Здесь сказано так: «Семеро прибыли в Миэрин, чтобы заключить мир и стать свидетелями праздничных игр в Яме Дазнака. В качестве залога их безопасности нам передали семерых заложников. Желтый Город скорбит о своем благородном сыне, Юркхазе зо Юзнаке, который умер жестокой смертью, будучи гостем Миэрина. Кровь за кровь».

У Гролео осталась жена в Пентосе. Дети, внуки. *Почему из всех*

заложников именно он? Чхого, Хиро и Даарио — все они руководили войсками, но Гролео был адмиралом без флота. Они тянули соломинку или же думали, что Гролео наименее ценен для нас и с наименьшей вероятностью спровоцирует ответную казнь? Однако легче задать этот вопрос, чем ответить на него. Я не мастер распутывать такие узлы.

— Ваше Величество, — обратился сир Барристан. — Позвольте напомнить вам, что благородный Юркхаз погиб случайно. Он оступился на лестнице, когда пытался спастись бегством от дракона, и его затоптали

собственные спутники и рабы. Или это убило его, или же у него от страха разорвалось сердце. Он был стар.

— Кто это там говорит без королевского позволения? — спросил юнкайский лорд в полосатом токаре, человек с безвольным подбородком и слишком крупными для его рта зубами. Он напоминал Селми кролика. — Неужели юнкайские господа должны слушать болтовню стражников? — Жемчужины на его токаре затряслись.

Хиздар зо Лорак, казалось, не мог отвести взгляда от головы. Лишь когда Резнак прошептал что-то ему

на ухо, он наконец-то взял себя в руки.

— Юркхаз зо Юзнак был вашим главнокомандующим, — сказал он. — Кто из вас теперь говорит от имени Юнкая?

— Все мы, — ответил кролик. — Совет Господ.

Король Хиздар проявил немного твердости:

— Тогда ответственность за нарушение перемирия лежит на каждом из вас.

На это ответил юнкаец в кирасе: — Перемирие не было нарушено. Кровь за кровь, жизнь за жизнь. В знак доброй воли мы возвращаем вам троих заложников.

Железные ряды за его спиной разомкнулись. Вперед вытолкнули трех миэринцев, вцепившихся в свои токары — мужчину и двух женщин.

— Сестра, — натянуто вымолвил Хиздар зо Лорак. — Кузен и кузина.

Он указал на окровавленную голову:

— Уберите это с наших глаз.

— Адмирал был человеком моря, — напомнил ему сир Барристан. — Может быть, Ваше Великолепие попросит юнкайцев вернуть нам его тело, чтобы бы могли упокоить его в волнах?

Лорд с кроличьими зубами махнул рукой:

— Если это угодно Вашему Сиятельству, да будет так. В знак нашего уважения.

Резнак мо Резнак шумно прочистил горло.

— Не считите за оскорбление, но, насколько я помню, Ее Милость королева Дейенерис передала вам... э... семь заложников. Остальные трое...

— Остальные останутся нашими гостями, — объявил юнкаец в кирасе, — до тех пор, пока драконов не уничтожат.

На зал опустилась тишина. А затем — ропот и бормотание, еле слышные проклятия и тихие молитвы — осы, копошащиеся в гнезде.

— Драконы... — начал король Хиздар.

— ...это чудовища, как могли убедиться люди в Яме Дазнака. Пока они живы, истинный мир невозможен.

Ответил Резнак:

— Ее Великолепие королева Дейенерис — Мать Драконов. Только она может...

Кровавая Борода презрительно оборвал его:

— Ее нет. Сожжена и сожрана. А из разбитого черепа растут сорняки.

Эти слова были встречены ревом. Одни кричали и ругались. Другие топали ногами и свистели, выражая одобрение. Медным

Бестиям пришлось стучать древками копий по полу, прежде чем зал снова успокоился.

Сир Барристан не сводил глаз с Кровавой Бороды. Он пришел разграбить город, а мир Хиздара лишил его трофеев. Он пойдет на что угодно, лишь бы начать кровопролитие.

Хиздар зо Лорак медленно поднялся со своего драконьего трона:

— Я должен обсудить это со своим советом. Прием окончен.

— Все на колени перед Его Великолепием Хиздаром зо Лораком, четырнадцатым этого благородного имени, королем Миэрина, отпрыском Гиса, Октархом Старой Империи,

Хозяином Скахазадхана, Супругом Драконов и Кровью Гарнии, — прокричал глашатай. Из-за колонн появились Медные Бести и, выстроившись в ряд плечом к плечу, начали постепенно вытеснять просителей из зала.

Дорнийцам, в отличие от многих, не нужно было далеко идти. Согласно его статусу и положению, Квентину Мартеллу выделили покои внутри Великой Пирамиды двумя уровнями ниже — в красивых комнатах со своей собственной уборной и огороженной террасой. Возможно, поэтому он и его спутники не спешили идти к лестнице, ожидая пока уменьшится

толчая.

Сир Барристан задумчиво наблюдал за ними. *Чего бы хотела Дейенерис?* спрашивал он себя. И решил, что знает. Старый рыцарь прошел через зал, длинный белый плащ развевался у него за спиной. Он нагнал дорнийцев наверху лестницы:

— На приемах у твоего отца никогда не было такого веселья, — услышал он шутку Дринкуотера.

— Принц Квентин, — обратился Селми. — Могу ли я переговорить с вами?

Квентин Мартелл обернулся:

— Сир Барристан. Конечно. Мои покои уровнем ниже.

Нет.

— Не мое дело советовать вам, принц Квентин.... но будь я на вашем месте, я бы не возвращался в свои комнаты. Вам и вашим спутникам следует спуститься по лестнице и бежать.

Принц Квентин пристально
посмотрел на него:

— Бежать из пирамиды?

— Бежать из города. Вернуться в Дорн.

Дорнийцы обменялись
взглядами:

— В покаях наше оружие и доспехи, — сказал Геррис Дринкуотер. — Не говоря уже о деньгах, которые там остались.

— Мечи можно заменить, —

ответил сир Барристан. — Я могу дать вам достаточно денег на обратную дорогу в Дорн. Принц Квентин, король вас сегодня заметил. И нахмурился.

Геррис Дринкуотер рассмеялся:

— Нам нужно бояться Хиздара зо Лорака? Вы же его только что видели. Он дрожал от страха перед юнкайцами. Они прислали ему *голову*, а он ничего не сделал.

Квентин Мартелл кивнул в знак согласия:

— Принцу не следует совершать опрометчивые поступки. А этот король... Я не знаю, что и думать о нем. Правда, королева тоже предупреждала меня на его счет, но...

— Она вас предупреждала? —
нахмурился Селми. — Так почему вы
все еще здесь?

Принц Квентин вспыхнул:

— Брачный договор...

— ...был составлен двумя
мертвецами и в нем нет ни слова ни
о королеве, ни о вас. В нем
обещалось отдать руку вашей сестры
брату королевы, еще одному
мертвецу. Он не имеет силы. Пока вы
не появились здесь, Ее Величество
даже не ведала о его существовании.
Ваш отец хорошо хранит свои
секреты, принц Квентин. Боюсь,
слишком хорошо. Если бы королева
знала об этом соглашении в Кварте,
она, возможно, никогда бы не

отправилась в Залив Работоторговцев, но вы прибыли слишком поздно. Мне не хочется сыпать соль на ваши раны, но у Ее Величества есть новый муж и старый возлюбленный, и похоже, что она предпочитает вам их обоих.

В темных глазах принца промелькнул гнев:

— Этот гискарский лордик — неподходящий супруг для королевы Семи Королевств.

— Не вам судить, — сир Барристан сделал паузу, задумавшись, не слишком ли много он уже сказал. *Нет. Расскажи ему и об остальном.* — В тот день в Яме Дазнака еда в королевской ложе была отравлена. Это лишь дело случая, что

всю ее съел Бельвас-Силач. Голубые Грации говорят, что только размеры и необычайная сила спасли его, но смерть прошла совсем рядом. Даже сейчас он все еще может умереть.

На лице принца Квентина отразилось явное потрясение:

— Яд... для Дейенерис?

— Для нее или Хиздара. Или для обоих. Хотя, это была его ложа. Его Величество сам занимался приготовлениями. Если яд — его рук дело... что ж, тогда ему понадобится козел отпущения. Кто подойдет лучше, чем соперник из заморских земель, у которого нет друзей при этом дворе? Кто подойдет лучше, чем отвергнутый королевой жених?

Квентин Мартелл побледнел:

— Я ? Я бы никогда... вы же не думаете, что я имею какое-либо отношение...

Это правда, или он отличный актер.

— Другие могут так подумать, — заметил сир Барристан. — Красный Змей был вашим дядей. И у вас есть веские причины желать смерти короля Хиздара.

— Как и у других, — заявил Геррис Дринкуотер. — У Нахариса, например. Этот...

— ...возлюбленный королевы, — закончил сир Барристан, прежде чем дорнийский рыцарь сказал что-нибудь, способное запятнать честь

Дейенерис. — Ведь так вы их называете у себя в Дорне, верно? — он не стал дожидаться ответа. — Принц Левин был моим братом по присяге. В те дни рыцари королевской гвардии мало что держали в секрете друг от друга. Я знаю, у него была возлюбленная. И он не считал это чем-то постыдным.

— Да, — сказал покрасневший Квентин, — но...

— Даарио убил бы Хиздара в одно мгновение, если бы осмелился, — продолжил сир Барристан, — но не с помощью яда. Никогда. И в любом случае Даарио там не было. Тем не менее, Хиздар и сам бы с удовольствием возложил вину за

саранчу на него... но королю могут еще понадобиться Вороны-Буревестники, а он потеряет их, если окажется замешанным в смерти их капитана. Нет, мой принц. Если Его Величеству потребуется отравитель, он укажет на вас. — Старый рыцарь сказал все, что мог сказать без риска. Еще несколько дней, и, если боги улыбнутся им, Хиздар зо Лорак больше не будет правителем Миэрина... но не стоит вовлекать принца Квентина в грядущую кровавую баню. — Если вам все же необходимо остаться в Миэрине, вам следует держаться подальше от двора и надеяться, что Хиздар забудет о вас, — закончил сир Барристан. —

Но отплыть в Волантис было бы мудрее, мой принц. Какой бы путь вы не выбрали, я желаю вам всего хорошего.

Не успел он отойти и на три шага, как Квентин Мартелл окликнул его:

— Барристан Смелый, так вас называют.

— Некоторые люди. — Селми заслужил это имя в десять лет, только-только став оруженосцем, когда у него еще было достаточно тщеславия, гордости и глупости, чтобы вбить себе в голову, что он может соревноваться с опытными рыцарями. Так что он одолжил боевого коня и кое-какую броню из

оружейной лорда Дондарриона и
заявился на турнир в Черном Приюте
под видом таинственного рыцаря.
*Даже глашатай смеялся. Мои руки
были такими тонкими, что, опустив
копье, я мог только стараться не
пропахать им землю.* Лорд
Дондаррион имел полное право
стянуть его с коня и отшлепать, но
Принц Стрекоз сжалился над
пустоголовым мальчишкой в
слишком больших доспехах и,
проявив уважение, принял его вызов.
Одного круга оказалось достаточно.
После принц Дункан помог ему
подняться и снял с него шлем.
«Мальчик, — объявил он толпе. —
Смелый мальчик». *Пятьдесят три*

года назад. Сколько же из тех, что присутствовали тогда Черном Приюте, все еще живы?

— Как вы думаете, какое имя дадут мне, если я вернусь в Дорн без Дейенерис? — спросил принц Квентин. — Квентин Осторожный? Квентин Трусливый? Квентин Робкий?

Опоздавший Принц , подумал старый рыцарь... но если он чему и научился в королевской гвардии, так это следить за своим языком.

— Квентин Мудрый, — предположил он. И понадеялся, что это окажется правдой.

61. ОТВЕРГНУТЫЙ ЖЕНИХ

Час призрака почти наступил, когда сир Геррис Дринкуотер вернулся в пирамиду. Он доложил, что нашел Боба, Книжника и Билла Старую Кость в одном из самых неприятных подвалов Миэрина: наемники пили желтое вино и наблюдали, как обнаженные рабы раздирают друг друга голыми руками и заточенными зубами.

— Боб выхватил нож и предложил пари, желтого ли цвета кишки у дезертиров, — сообщил сир Геррис, — так что я кинул ему

дракона и спросил, сойдет ли желтое золото. Он попробовал монету на зуб и осведомился, что именно я желаю купить. После моих объяснений он спрятал нож и поинтересовался, пьяный я или сумасшедший.

— Он может думать что угодно, главное — пусть доставит сообщение, — ответил Квентин.

— Это он сделает. Могу поспорить, ты и встречу свою получишь, ведь только так Оборванец сможет дать Красотке Мерис возможность вырезать твою печень и поджарить ее с луком. Мы должны прислушаться к Селми. Когда Барристан Смелый говорит, что надо бежать, мудрый человек

берет руки в ноги и бежит. Пока порт открыт, следует найти корабль до Волантиса.

От одного только упоминания о морском путешествии лицо сира Арчибальда позеленело.

— Больше никаких кораблей. Я скорее буду прыгать весь путь до Волантиса на одной ноге.

Волантис , думал Квентин. Дальше Лисс, а затем дом. Вернусь домой с пустыми руками. Три храбрых человека погибли и ради чего?

Было бы так хорошо вновь увидеть Зеленокровку, Солнечное Копье и Водные сады, вдохнуть полной грудью чистый и сладкий

горный воздух Айронвуда вместо жаркой, влажной и липкой вони Залива Работоторговцев. Квентин знал, отец не скажет ни слова упрека, но в глазах у него будет разочарование. Сестра станет презирать его, Песчаные Змейки с острыми, как мечи, улыбками начнут над ним подшучивать, а лорд Айронвуд, которого он считал вторым отцом, отправивший собственного сына охранять его...

— Я не стану удерживать вас здесь, — заявил Квентин своим друзьям. — Отец поручил это мне, а не вам. Возвращайтесь домой, если хотите. Любым способом, какой вам нравится. Я остаюсь.

Здоровяк пожал плечами:

— Тогда мы с Дринком тоже остаемся.

Следующей ночью у дверей принца Квентина появился Дензо Д'Хан, обговорить условия.

— Он встретится с вами завтра около рынка пряностей. Ищите дверь, помеченную лиловым лотосом. Постучите дважды и скажите «свобода».

— Договорились, — ответил Квентин. — Арч и Геррис будут со мной. Он тоже может взять с собой двоих спутников. Не больше.

— Как угодно моему принцу, — весьма вежливые слова, но тон Дензо источал злобу, а в глазах воина-барда

явно мелькнула насмешка. — Приходите на закате. И позаботьтесь, чтобы за вами не следили.

Дорнийцы покинули Великую Пирамиду за час до заката на тот случай, если заблудятся или возникнут трудности с поиском двери с лиловым лотосом. Квентин и Геррис надели пояса с мечами. Здоровяк закинул боевой молот за широкую спину.

— Еще не поздно отказаться от это безумия, — заявил Геррис, пока они шли по зловонному переулку к старому рынку пряностей. В воздухе разило мочой, а впереди раздавался грохот железных колес повозки с трупами. — Билл Старая Кость

говаривал, что Красотка Мерис может растянуть смерть человека на целый оборот луны. Мы солгали им, Квентин. Использовали их, чтоб добраться сюда, а потом переметнулись к Воронам-Буревестникам.

— Как нам и приказали.

— Вот только Лоскут не хотел, чтобы мы сделали это по-настоящему, — вмешался Здоровяк. — Другие его ребята, сир Орсон и Соломенный Дик, Хангерфорд и Уилл из Лесов — все они по-прежнему внизу в темницах благодаря нам. Старым Тряпкам вряд ли это могло сильно понравиться.

— Верно, — согласился принц

Квентин, — но ему нравится золото.

Геррис рассмеялся:

— Какая жалость, что у нас его нет. Ты доверяешь этому мирному договору, Квент? Я — нет. Полгорода считают убийцу дракона героем, а другая половина плюется кровью при упоминании его имени.

— Харзу, — сказал здоровяк.

Квентин нахмурился:

— Его звали Харгхаз.

— Хиздар, Хумзум, Хагнаг, какая разница? Я их всех называю Харзу. Он не был убийцей дракона. Все, что он сделал — это дал поджарить свою задницу до черной хрустящей корочки.

— Он был храбрым.

*Хватило бы у меня мужества
противостоять тому чудовищу с
одним лишь копьем?*

— Ты имеешь в виду, он умер
храбрым.

— Он умер, вопя от боли, —
сказал Арч.

Геррис положил руку на плечо
Квентина:

— Даже если королева вернется,
она все еще будет замужем.

— Не будет, если я угощу короля
Харзу своим молотом, — предложил
здоровяк.

— Хиздар, — поправил
Квентин. — Его зовут Хиздар.

— Один легкий поцелуй моего
молота, и никто даже вспомнит, как

там его звали, — ответил Арч.

Они не понимают . Его друзья упустили суть причины, по которой он здесь. Путь ведет через нее, а не к ней. Дейенерис — средство, а не цель .

— «У дракона три головы, — говорила она мне. — Мое замужество не означает конец твоих надежд. Я знаю, почему ты здесь. Ради крови и огня». Вы знаете, во мне есть кровь Таргариенов. Я могу проследить свою родословную до...

— Да плевать на твою родословную, — ответил Геррис. — Дракона не волнует твоя кровь, разве что ее вкус. Его не приручить уроком истории. Они монстры, не мастера.

Квент, ты действительно хочешь это сделать?

— Я должен это сделать. Для Дорна. Для моего отца. Для Клетуса, Уилла и мастера Кедри.

— Они мертвы, — сказал Геррис. — Им все равно.

— Они все мертвы, — согласился Квентин. — И ради чего? Чтобы я мог добраться сюда и жениться на королеве драконов. Величайшее приключение, как назвал это Клетус. Дороги демонов и штормовые моря, а в конце пути — самая прекрасная женщина в мире. Достойная история, чтобы рассказать нашим внукам. Но Клетус никогда не будет отцом, если только

он не оставил бастарда в животе у той трактирной девки, которая ему нравилась. Уилл никогда не сыграет свою свадьбу. В их смертях должен быть смысл.

Геррис указал рукой на валяющегося у кирпичной стены мертвеца, окруженного облаком блестящих зеленых мух:

— В его смерти тоже есть смысл?

Квентин посмотрел на тело с отвращением.

— Он умер от поноса. Держитесь от него подальше. — Бледная кобыла уже была внутри городских стен. Неудивительно, что улицы выглядели такими

пустынными. — Безупречные отправят за ним повозку для трупов.

— Не сомневаюсь. Но я спрашивал о другом. Смысл есть в жизни людей, а не в их смерти. Я тоже любил Уилла и Клетуса, но это не вернет их назад. Ты совершаешь ошибку, Квентин. Нельзя верить наемникам.

— Они такие же люди, как все остальные. Они жаждут золота, славы и власти. Вот и все, во что я верю.

В это и мою судьбу. Я принц Дорнийский, и в моих венах течет кровь драконов.

Солнце уже зашло за городскую стену, когда они нашли наконец

лиловый лотос: на выдавшей виды деревянной двери низкой лачуги из кирпича, среди таких же лачуг в тени громадной желто-зеленой пирамиды Рхаздаров. Квентин постучал дважды, как было условлено. Сиплый голос проворчал через дверь что-то невнятное на смешанном диалекте Залива Работоторговцев — уродливом сочетании языка Старого Гиса и Высокого Валирийского. Принц ответил на том же наречии:

— Свобода.

Дверь открылась. Из предосторожности первым вошел Геррис, Квентин — сразу же за ним, последним был здоровяк. Внутри воздух заволокло голубоватым

дымом, сладкий запах которого не мог полностью перебить застарелую вонь мочи, кислого вина и гниющего мяса. Места здесь было гораздо больше, чем представлялось снаружи, слева и справа примыкали другие лачуги. То, что с улицы выглядело дюжиной зданий, на деле оказалось одним длинным залом.

В этот час дом был почти пуст. Несколько завсегдатаев удостоили дорнийцев скучающими, враждебными или любопытными взглядами. Остальные же, столпившись вокруг ямы в дальнем конце зала, активно подбадривали двух голых мужчин, дерущихся на ножах.

Квентин не видел ни одного из тех, с кем они пришли встретиться. Но затем распахнулась незаметная до этого дверь, и показалась сморщенная старуха, одетая в темно-красный токар с бахромой из маленьких золотых черепов. У нее была белая, как молоко кобылы, кожа, просвечивающая на голове сквозь редкие волосы.

— Дорн, — сказала старуха. — Я есть Зарина. Лиловый Лотос. Вы находить их там, внизу. — Она указала жестом, придерживая дверь.

За дверью уходила вниз витая лестница, деревянная и крутая. На этот раз здоровяк спускался первым, тыл охранял Геррис, а принц шел

между ними. *Подвал в подвале.* Спуск был очень долгим и темным, и Квентину приходилось нащупывать дорогу, чтобы не поскользнуться. Ближе к концу лестницы сир Арчибальд обнажил кинжал.

Они вышли в кирпичное подземелье, втрое большее, чем трактир наверху. Ряды огромных деревянных бочек тянулись вдоль стен, насколько хватало глаз. Красный фонарь висел на крюке сразу за дверью, и черная сальная свеча мигала на перевернутой бочке, служившей столом. Другого освещения не было.

Кагго Трупоубийца
прохаживался вдоль бочек с вином, у

его бедра висел черный арах. Красотка Мерис стояла, покачивая арбалетом, с каменным взглядом, холодным и мертвым. Дензо Д'Хан запер дверь, как только дорнийцы оказались внутри, и встал перед ней, скрестив руки на груди.

На одного больше , подумал Квентин.

Сам Оборванный Принц сидел за столом, попивая вино из чаши. Желтый свет свечей превращал его серебристо-седые волосы почти в золотые, но мешки под глазами казались большими, как седельные сумки. На нем был коричневый шерстяной походный плащ, под которым проблескивала кольчуга.

Означало ли это предательство или же просто предусмотрительность? *Старый наемник — это осторожный наемник.* Квентин подошел к его столу.

— Милорд. Вы выглядите иначе без вашего плаща.

— Мой оборванный наряд? — пентошиец пожал плечами. — Убогая вещь... однако эти лохмотья нагоняют страх на моих врагов, а на поле боя развеваемые ветром тряпки воодушевляют моих людей лучше любого знамени. Когда же я не хочу привлекать внимания, мне нужно только скинуть его и стать заурядным и неприметным. — Он указал на скамейку напротив него. — Садись.

Как я понял, ты принц. Если бы я знал... Не выпьешь? Зарина может и поесть принести. Хлеб у нее черствый, а тушеное мясо — отвратительно. Жир да соль, с парой кусочков мяса. Она говорит, это собачатина, но я думаю, что крысятина вероятнее. Однако оно вас не убьет. Я заметил, что пищи надо остерегаться, только когда она соблазнительна. Отраватели неизменно выбирают наилучшие блюда.

— С тобой три спутника, — отметил сир Геррис резким голосом. — Мы договаривались о двух с каждой стороны.

— Мерис — не спутник. Мерис,

милая, сними рубашку, покажи ему.

— В этом нет необходимости, — сказал Квентин. Если ходившие слухи правдивы, под рубашкой у Красотки Мерис остались только шрамы на месте отрезанных мужчинами грудей. — Я согласен, Мерис — спутница. Тем не менее, вы извратили условия.

— Оборванный и изворотливый разбойник — да, я таков. Надо признать, трое против двух — не такое уж и большое преимущество, но и это позволяет на что-то рассчитывать. В нашем мире человек должен научиться брать любые дары, посланные ему богами. Мне пришлось заплатить за этот урок.

Вам же я предлагаю его бесплатно, как знак моей доброй воли. — Он снова указал на скамейку. — Сядь и скажи то, что пришел сказать. Обещаю не убивать тебя, пока не выслушаю. Самое меньшее, что я могу сделать для своего приятеля-принца. Квентин, так ведь?

— Квентин из дома Мартеллов.

— «Лягушка» подходит тебе больше. Не в моих обычаях пить с лжецами и дезертирами, но ты разбудил во мне любопытство.

Квентин сел. *Одно неосторожное слово, и за мгновение все вокруг превратится в кровавую бойню.*

— Я прошу прощения за наш

обман. Единственными кораблями, идущими в Залив Работоторговцев, были те, что доставляли ваших рекрутов на войну.

Оборванный Принц пожал плечами:

— У каждого перебежчика своя история. Ты не первый, кто пообещал мне свой меч, взял мои деньги и бежал. И у всех них были *причины*. «Мой маленький сынок болен», или «Моя жена наставила мне рога», или «Все мужчины заставляют меня сосать их члены». Такой очаровательный мальчик, этот последний, но я не простил ему дезертирство. Другой парень сказал, что наша пища оказалась

отвратительной, и ему пришлось бежать, пока он не отравился. Я отрезал его ступню, поджарил и скормил ему. Затем я сделал его лагерным поваром. Наша пища заметно улучшилась, и, когда истек его контракт, он подписал новый. Что до тебя... Несколько моих лучших людей заперты в королевских подземельях благодаря твоему лживому языку, и я сомневаюсь, что ты умеешь готовить.

— Я принц Дорнийский, — напомнил Квентин, — на меня возложен долг перед моим отцом и моим народом. Существовал тайный брачный договор.

— Да, слышал о таком. И что,

увидев клочок пергамента, серебряная королева бросилась в твои объятия?

— Нет, — вставила Красотка Мерис.

— Нет? Ах да, припоминаю. Твоя невеста улетела на драконе. Ну, когда она вернется, не забудьте пригласить нас на вашу свадьбу. Люди отряда с удовольствием выпьют за ваше счастье, а я люблю вестеросские свадебные традиции. Особенно ту часть с провожанием в спальню, хотя... ой, постойте-ка... — он повернулся к Дензо Д'Хану. — Дензо, ты вроде говорил, что драконья королева вышла за какого-то гискарца.

— Знатного миэринца. Богатого.

Оборванный принц повернулся обратно к Квентину:

— Неужели это правда? Конечно, нет. Как же ваш брачный договор?

— Она посмеялась над ним, — сказала Красотка Мерис.

Дейенерис не смеялась . Весь Миэрин мог считать его забавной диковинкой, каким считали изгнанника с Летних Островов, которого король Роберт держал в Королевской Гавани, но королева всегда говорила с ним учтиво.

— Мы приехали слишком поздно, — признал Квентин.

— Жаль, что вы не

дезертировали раньше, —
Оборванный Принц пригубил вина.
— Значит... никакой свадьбы для
принца Лягушки. Поэтому ты
припрыгал обратно ко мне? Неужели
три моих бравых дорнийских парня
решили выполнить свои контракты?

— Нет.

— Какая досада.

— Юркхаз зо Юнзак мертв.

— Старая новость. Я видел, как
он умер. Бедняга узрел дракона и
споткнулся, когда пытался убежать.
Затем тысяча его ближайших друзей
прошла по нему. Несомненно,
Желтый Город тонет в слезах. Ты
пригласил меня выпить и почтить его
память?

— Нет. Юнкайцы уже выбрали нового командира?

— Совет Господ не смог прийти к соглашению. Большинство поддерживало Еззана зо Каггаза, но теперь он тоже мертв. Мудрые Господа сменяют друг друга по очереди в верховном руководстве. Сегодня наш командир тот, кого твои друзья-рядовые прозвали Пьяным Завоевателем. Завтра им будет Лорд Дрожащие Щеки.

— Кролик, — поправила его Мерис. — Дрожащие Щеки был вчера.

— Признаю свою ошибку, дорогая. Наши юнкайские друзья любезно предоставили нам список. Я

постараюсь внимательнее с ним сверяться.

— Вас нанял Юркхаз зо Юнзак.

— Он подписал контракт от лица своего города, только и всего.

— Миэрин и Юнкай заключили мир. Осаду снимут, армии распустят. Здесь не будет ни битвы, ни бойни, ни города для разграбления.

— Жизнь полна разочарований.

— Как долго, по-вашему, люди Юнкая захотят и дальше платить жалование четырем вольным отрядам?

Оборванный Принц глотнул вина и сказал:

— Неприятный вопрос. Но такова жизнь всех вольных отрядов.

Одна война заканчивается, другая начинается. К счастью, всегда где-нибудь кто-нибудь с кем-нибудь воюет. Возможно, здесь. Даже пока мы тут сидим и пьем, Кровавая Борода убеждает наших юнкайских друзей преподнести королю Хиздару еще одну голову. Вольноотпущенники и рабовладельцы не спускают глаз с шей друг друга и точат ножи, Сыны Гарпии плетут интриги в своих пирамидах, бледная кобыла топчет рабов и лордов без разбора, наши друзья из Желтого Города вглядываются в море, и где-то в степи дракон поедает нежную плоть Дейенерис Таргариен. Кто правит Миэрином сегодня ночью? Кто будет

править им завтра? — пентошиец пожал плечами. — В одном я уверен: кому-нибудь понадобятся наши мечи.

— Мне нужны эти мечи. Дорн наймет вас.

Оборванный Принц взглянул на Красотку Мерис:

— Наглости этой Лягушке не занимать. Может, мне ему напомнить? Мой дорогой принц, последний заключенный между нами контракт вы использовали, чтобы подтереть свой прелестный розовый зад.

— Я заплачу вдвое больше, чем платят вам юнкайцы.

— И заплатишь золотом при подписании соглашения, да?

— Я заплачу вам часть, когда мы доберемся до Волантиса, остальное — по возвращении в Солнечное Копье. Отплывая, мы взяли с собой золото, но его было бы сложно прятать, присоединившись к вашему отряду, так что мы вверили его банкам. Я могу показать вам бумаги.

— А. Бумаги. Но нам заплатят в *двойном* размере.

— Вдвое больше бумаг, — сказала Красотка Мерис.

— Остальное вы получите в Дорне, — настаивал Квентин. — Мой отец — человек чести. Если я поставлю печать на соглашении, он выполнит его условия. Даю слово.

Оборванный Принц прикончил

вино, перевернул кубок и поставил его между ними.

— Итак. Посмотрим, правильно ли я понял. Известный лжец и клятвопреступник желает нанять нас и заплатить обещаниями. И за какую службу? Мне интересно. Должны ли мои Гонимые Ветром сокрушить юнкайцев и разграбить Желтый Город? Разгромить в поле дотракийский кхаласар? Сопроводить тебя домой к отцу? Или ты удовольствуешься тем, что мы доставим к тебе в постель королеву Дейенерис, мокрую и на все готовую? Скажи мне правду, Принц-Лягушка. Что тебе нужно от меня и моих людей?

— Вы нужны мне, чтобы помочь украсть дракона.

Кагго Трупобийца тихо засмеялся. Красотка Мерис изогнула рот в полуулыбке. Дензо Д'Хан присвистнул.

Оборванный Принц лишь откинулся на спинку стула и сказал:

— За драконов не платят двойную цену, принцессочка. Даже лягушкам следует это знать. Драконы стоят дороже. И человек, который платит обещаниями, мог хотя бы додуматься пообещать *больше*.

— Если вы хотите, чтобы я заплатил втрое...

— Что я хочу, — произнес Оборванный Принц, — так это

Пентос.

62.

ВОЗРОДИВШИЙСЯ ГРИФОН

Он послал лучников первыми.

Черный Балак командовал тысячей стрелков. В юности Джон Коннингтон разделял обычное для большинства рыцарей презрение к лучникам, но в изгнании он поумнел. По-своему стрела столь же смертоносна, как и меч, так что, готовясь к долгому путешествию, он настоял, чтобы Бездомный Гарри Стрикленд разделил команду Балака на десять отрядов по сотне человек и

разместил их на разных кораблях.

Шести кораблям удалось держаться вместе и доставить своих пассажиров к берегам мыса Гнева. Остальные четыре отстали, но со временем придут, как уверяли их волантийцы, хотя Гриф думал, что с тем же успехом они могли потеряться или причалить в другом месте. Таким образом, у отряда осталось шестьсот лучников. Для этого же дела хватило бы и двух сотен.

— Они будут пытаться отправлять воронов, — сказал он Черному Балаку. — Следите за башней мастера. Вот здесь, — Гриф указал место на карте, нарисованной

на земле их лагеря. — Сбивайте каждую птицу, покидающую стены замка.

— Так и сделаем, — ответил выходец с Летних Островов.

Треть людей Балака пользовались арбалетами, еще треть — луками, сделанными на восточный манер из дважды согнутых рогов и сухожилий. Длинные тисовые луки стрелков-вестероссцев были получше этих, но самыми лучшими считались бесценные луки из золотого дерева, принадлежавшие Черному Балаку и его пятидесяти землякам с Летних Островов. В дальноточности их могли превзойти только луки из

драконьей кости. Но каким бы оружием они ни владели, все люди Балака обладали острым зрением опытных испытанных воинов, проявивших себя в сотне сражений, битв и стычек. И возле Грифоньего Насеста они вновь доказали свою ценность.

Замок возвышался над побережьем мыса Гнева, на высокой темно-красной скале, окруженной с трех сторон бушующими водами залива Губительные Валы. Единственный подход к нему охраняла сторожевая башня, за которой протянулось длинное, узкое плато, прозванное Коннингтонами «грифоньей глоткой». Штурм глотки

грозил обернуться кровавым делом — на голом плато нападающие оказывались беззащитными перед копьями, камнями и стрелами, посланными защитниками замка из двух круглых башен у главных ворот. И даже доберись атакующие до самих ворот — оттуда им на головы могло политься кипящее масло. Гриф предполагал, что потеряет сотню человек, если не больше.

Они потеряли четверых.

За прошедшие годы лес мало-помалу вторгся на поле за сторожевой башней, поэтому Франклину Флауэрсу удалось использовать кусты для маскировки, провести своих людей и оказаться от

ворот в двадцати ярдах, прежде чем выскочить из веток с тараном, сооруженным еще в лагере. Треск дерева о дерево заставил двух охранников на стене броситься к зубцам, но лучники Черного Балака сняли их до того, как те успели протереть заспанные глаза. Ворота оказались запертыми, но без решетки; они поддались со второго удара, и люди сира Франклина успели пройти глотку наполовину, когда раздался сигнал тревоги из самого замка.

Первый ворон взлетел, когда их крюки описали дугу над наружной стеной, второй — несколько мгновений спустя. Ни одна птица не

пролетела и сотни ярдов — обеих настигли стрелы. Стражник со стены сбросил ведро с маслом на первого человека, достигшего ворот, но нагреть он его не успел, и поэтому основной урон нанесло само ведро, а не его содержимое. Вскоре звон мечей раздавался уже в полудюжине мест по всей стене. Золотые Мечи взбирались наверх и устремлялись в бой с криком: «Грифон! Грифон!» — древним боевым кличем дома Коннингтонов, который, должно быть, еще больше сбивал с толку защитников.

Все закончилось за считанные минуты. Гриф проехал по глотке на белом боевом коне рядом с

Бездомным Гарри Стриклендом. Когда они приблизились к замку, он увидел третьего ворона, вспорхнувшего с мастерской башни только для того, чтобы оказаться сбитым лично Черным Балаком.

— Больше никаких сообщений, — приказал он во дворе сиру Франклину Флауэрсу. Следующим, что вылетело с мастерской башни, был сам мастер. Он так размахивал руками, что казался еще одной птицей.

На этом все сопротивление прекратилось. Оставшиеся стражники сложили оружие. Вот так, быстро и просто, Джон Коннингтон снова стал лордом Грифоньего

Насеста.

— Сир Франклин, — сказал он, — пройдите по залам и кухням и вытащите всех, кого найдете. Мейло, сделайте то же самое в мастерской башне и оружейной. Сир Брендел, — конюшни, септа и казармы. Выведите их во двор и постарайтесь не убивать тех, кто не настаивает на своем желании умереть. Мы хотим завоевать штормовые земли, но резню устраивать не станем. Обязательно загляните за алтарь Матери, там есть скрытая лестница, ведущая в тайное подземное убежище. И еще одна находится под северо-восточной башней, она спускается прямо к морю. Никто не

должен сбежать.

— Никто не сбежит, м'лорд, — пообещал Франклин Флауерс.

Они кинулись выполнять приказ. Коннингтон проследил за ними взглядом, а затем подозвал Полумейстера:

— Халдон, ты берешь на себя воронятню. Я отправлю сегодня несколько посланий.

— Будем надеяться, что они оставили нам несколько птиц.

Даже Бездомный Гарри был впечатлен стремительностью их победы:

— Никогда бы не подумал, что все будет так легко, — сказал генерал-капитан, когда они вошли в

большой зал посмотреть на резной и позолоченный Грифоний Трон, на котором восседали и правили пятьдесят поколений Коннингтонов.

— Дальше будет сложнее. Сейчас мы их застали врасплох. Но вечно это не продлится, даже если Черный Балак собьет каждого ворона в королевстве.

Стрикленд изучал выцветшие гобелены на стенах, арочные окна с бессчетными ромбиками из красного и белого стекла, стойки с копьями, мечами и боевыми молотами:

— Пусть приходят. Это место может выстоять против армии в двадцать раз больше нашей, пока у нас будут съестные припасы. И ты

говоришь, тут есть выход к морю?

— Внизу. Тайная пещера под скалой, которая появляется только во время отлива.

Но Коннингтон не собирался позволить им «прийти». Грифоний Насест был крепок, но мал, и все то время, пока они будут здесь сидеть, они тоже будут казаться незначительными. Однако

неподалеку стоял еще один замок, гораздо больше и неприступнее. *Возьмешь его, и королевство пошатнется.*

— Прошу меня извинить, генерал-капитан. Мой лорд-отец похоронен под септой, и слишком много лет прошло с тех пор, как я

молился за него.

— Конечно, милорд.

Однако когда они разошлись, Джон Коннингтон в септу не пошел. Вместо этого он направился на крышу восточной башни, самой высокой в Грифоньем Насесте. Поднимаясь, он вспоминал все прошлые восхождения — сотни раз со своим лордом-отцом, который любил стоять там и смотреть на леса, скалы и море, зная, что все вокруг принадлежит дому Коннингтонов; и один раз (только раз!) с Рейегаром Таргариеном. Принц Рейегар возвращался из Дорна и на две недели задержался здесь вместе со своей свитой. *Он был так*

молод тогда, а я еще моложе. Оба — совсем мальчишки. Во время пира в честь его прибытия принц взял свою арфу с серебряными струнами и играл для них. *Песнь о любви и судьбе*, вспомнил Джон Коннингтон, и каждая женщина в зале рыдала, когда он отложил арфу. Мужчин, конечно, это мало тронуло. Особенно его отца, единственной любовью которого были принадлежащие ему земли. Лорд Армонд Коннингтон провел весь вечер в попытках переманить принца на свою сторону в споре с лордом Морригеном.

Дверь на крышу башни заело так крепко, что стало ясно — ее годами никто не открывал. Ему пришлось

приналечь на нее плечом. Но когда он вышел на высокую зубчатую стену, перед ним открылся вид, столь же опьяняющий, каким он его запомнил: изъеденные ветром скалы и зубчатые шпили; грохочущее и волнующееся у подножия замка море, подобное беспокойному зверю; по-осеннему красочный лес; бескрайние лиги неба и облаков. «Земли твоего отца прекрасны», — сказал тогда принц Рейегар, который стоял на том же месте, где сейчас стоял Джон. А он, мальчишка, ответил: «Когда-нибудь все они будут моими». *Как будто это могло произвести впечатление на принца, наследника целого королевства от*

Бора до Стены.

В конце концов Грифоний Насест действительно *стал* его, но лишь на несколько жалких лет. Отсюда Джон Коннингтон правил землей, простирающейся на многие лиги на запад, север и юг, как правил и его отец, а до этого — отец его отца. Но отец, как и отец его отца, никогда не теряли своих земель. А он потерял. *Я поднялся слишком высоко, любил слишком сильно и осмелился на слишком многое. Я попытался дотянуться до звезды, но взлетел слишком высоко и пал.*

После Колокольной Битвы Эйерис Таргариен в безумном приступе неблагодарности и

подозрительности лишил его титулов и отправил в изгнание, но земли и власть остались у дома Коннингтонов. Они перешли к сиру Рональду, кузену Джона, которого тот назначил своим кастеляном перед отъездом в Королевскую Гавань на службу принцу Рейегару. После войны Роберт Баратеон завершил разрушение дома Грифонов. Кузену Рональду разрешили сохранить замок и голову, но он потерял власть, став с тех пор всего-навсего Рыцарем Грифоньего Насеста, а девять десятых земель отобрали и распределили между соседствующими лордами, поддерживавшими притязания Роберта

на престол.

Рональд Коннингтон умер много лет назад. Его сын Роннет, нынешний Рыцарь Грифоньего Насеста, по слухам, отправился на войну в речные земли. Оно и к лучшему. Джон Коннингтон знал по опыту, что люди будут драться за собственность, которую они считали своей, даже если она была ими украдена. Ему не доставляла удовольствия мысль отпраздновать собственное возвращение убийством одного из родственников. Отец Рыжего Роннета быстро воспользовался падением своего кузена, это правда, но его сын в то время был еще ребенком. Даже к покойному сиру Рональду Джон

Коннингтон не испытывал такой ненависти, какую мог бы. Вина лежала на нем самом. Он все потерял в Каменной Септе только из-за своей самонадеянности.

Где-то в том городе прятался Роберт Баратеон, раненый и одинокий. Джон Коннингтон это знал, как знал и то, что голова Роберта на пике раз и навсегда положила бы конец восстанию. Но он был молод и полон гордыни. А почему нет? Король Эйерис назначил его Десницей и поставил во главе армии, и ему хотелось доказать, что он достоин доверия короля и любви Рейегара. Он собирался сам убить мятежного лорда и вписать свое имя

в историю Семи Королевств.

И поэтому он устремился в Каменную Септу, перекрыл все выходы и начал поиски. Его рыцари обыскивали дом за домом, врывались в каждую дверь, заглядывали в каждый подвал. Он даже послал людей в городскую канализацию, но каким-то образом Роберт ускользал. Его *прятали* горожане. Они переводили его из одного тайного убежища в другое, все время на шаг опережая людей короля. Весь город оказался гнездом изменников. В конце концов узурпатора спрятали в публичном доме. Какой король позволил бы себе прятаться за женскими юбками? И пока тянулись

поиски, к стенам города подошли Эддард Старк и Хостер Талли с армией мятежников. Последовала битва и колокольный звон, а Роберт вышел из борделя с клинком в руке и чуть не убил Джона на ступенях старой септы, давшей городу его название.

Годы спустя Джон Коннингтон говорил себе, что он ни в чем не виноват, что он сделал все возможное, и никто на его месте не смог бы сделать больше. Его солдаты обыскивали каждый закоулок и каждую лачугу, он обещал помилования и вознаграждения, он брал заложников, подвешивал их в вороньих клетках и клялся, что не даст им ни еды, ни

воды, пока ему не приведут Роберта. И все безрезультатно. «Даже Тайвин Ланнистер не смог бы сделать большего», — спорил он однажды ночью с Черным Сердцем, в свой первый год в изгнании. «А вот тут ты ошибаешься, — ответил ему тогда Майлз Тойн. — Лорд Тайвин не утруждал бы себя поисками. Он сжег бы весь этот город и все в нем живущее. Мужчин, мальчиков, грудных младенцев, благородных рыцарей и пресвятых септонов, свиней и шлюх, крыс и мятежников — он сжег бы их всех. А когда огонь бы затих и остались лишь пепел и зола, он послал бы своих людей принести ему кости Роберта

Баратеона. А потом, когда появились бы Старки и Талли со своей армией, он предложил бы им помилования, и они охотно согласились бы и отправились по домам, поджав хвосты».

Он был не так уж и далек от истины, размышлял Джон Коннингтон, опираясь на зубцы замка своих предков. Я хотел прославиться, убив Роберта в поединке, а не получить прозвище мясника. А Роберт ушел от меня и убил Рейегара на Трезубце.

— Я подвел отца, — произнес он вслух, — но не подведу сына.

Когда Коннингтон спустился, его люди уже собрали во дворе

гарнизон замка и выживших людей. Хотя сир Роннет и вправду отбыл куда-то на север с Джейме Ланнистером, но несколько грифонов в Грифоньем Насесте все еще оставалось. Среди пленных оказались младший брат Роннета Раймунд, его сестра Алинн и его бастард, злобный мальчишка с ярко-красной шевелюрой по имени Рональд Шторм. Все отлично подойдут на роль заложников, вздумай Рыжий Роннет по возвращению попытаться отбить замок, украденный его отцом. Коннингтон отдал приказ заточить пленников в западной башне и выставить стражу. Девчонка в ответ

на это разрыдалась, а бастард попытался укусить ближайшего копейщика.

— Прекратить! Оба! — прикрикнул на них Джон. — Вам не причинят вреда, если только Рыжий Роннет не окажется полным дураком.

Из пленных только несколько человек служили в замке при Джоне Коннингтоне: седой сержант, слепой на один глаз; пара прачек; конюх, бывший конюшонком во время Восстания Роберта; невероятно растолстевший повар; замковый оружейник. Во время плаванья Гриф отпустил бороду, впервые за много лет, и, к его удивлению, он выросла рыжей, хотя кое-где среди огня

проглядывал пепел. Одетый в длинную красно-белую тунику с вышитыми гербом его дома — грифонами-близнецами, сражающимися друг с другом, — он выглядел постаревшей и посуровевшей версией молодого лорда, друга и спутника принца Рейегара... но мужчины и женщины Грифоньего Насеста все же не узнавали его.

— Некоторые из вас вспомнят меня, — сказал он. — Остальные познакомятся. Я ваш законный лорд, вернувшийся из изгнания. Мои враги сообщили вам, что я мертв. Но, как видите, эти слухи оказались ложными. Служите мне так же

преданно, как моему кузену, и вам не причинят зла.

Он приказал им по одному выходить вперед и называть свое имя, а затем преклонять колени и приносить клятву верности. Все прошло быстро. После нападения из всего гарнизона в живых осталось лишь четверо солдат: старый сержант и три мальчишки. Они положили свои мечи к его ногам. Никто не воспротивился. Никто и не умер.

В тот вечер в Большом зале победители пировали жареным мясом и свежевывловленной рыбой, запивая все великолепным красным вином, принесенным из подвалов

замка. Джон Коннингтон восседал на Грифоньем троне, деля главный стол с Бездомным Гарри Стриклендом, Черным Балаком, Франклином Флауэрсом и тремя пленными молодыми грифонами. Эти дети были одной с ним крови, и он чувствовал, что ему стоит узнать их поближе. Но когда бастард заявил: «Мой отец убьет тебя», Джон счел, что узнал достаточно, отправил их обратно в башню и освободил себя от этой обязанности.

Халдона Полумейстера на празднике не было. Лорд Джон нашел его в мастерской башне, склонившимся над кучей пергаментов в окружении вороха

карт.

— Надеешься выяснить местонахождение остальной части отряда? — спросил Коннингтон.

— Если б я мог, милорд.

Десять тысяч человек отплыли из Волон Териса, в полном вооружении, с лошадьми и слонами. Даже половина еще не объявилась на берегах Вестероса на запланированном месте высадки или хотя бы недалеко от него — на пустынном участке побережья у края Дождливого леса... в землях, которые Джон Коннингтон хорошо знал, потому что когда-то они принадлежали ему.

Еще несколько лет назад он ни

за что не посмел бы высадиться на
мысе Гнева — штормовые лорды
были слишком преданы дому
Баратеонов и королю Роберту. Но
после убийств обоих братьев,
Роберта и Ренли, все изменилось.
Станнис, даже будь он не за полмира
отсюда, слыл чересчур суровым и
холодным человеком, чтобы
вдохновлять людей на подобную
преданность, да и к дому
Ланнистеров штормовые лорды
отнюдь не питали любви. А у Джона
Коннингтона остались здесь друзья.
*Некоторые из старых лордов
вспомнят меня, а их сыновья
услышат истории. И все они узнают
о Рейегаре и его сыне, чью голову*

разбили о холодную каменную стену.

К счастью, его судно достигло берегов одним из первых. Дальше оставалось просто разбить лагерь, а после собирать прибывающих людей и быстро двигаться вперед, пока здешние мелкие лорды не заподозрили неладное. И вот тогда Золотые Мечи показали, чего они стоят. Хаос, который непременно задержал бы на марше второпях собранное войско из домашних рыцарей и местных рекрутов, Золотых Мечей не коснулся. Их отцом был Злой Клинок, а матерью — дисциплина.

— Завтра к этому же часу у нас будет три замка, — сказал

Коннингтон. Силы, с которыми они захватили Грифоний Насест, представляли собой четверть доступной им мощи: одновременно с Джоном сир Тристан Риверс устремился в Воронье Гнездо, поместье дома Морриген, а Лосвелл Пик — к Дому Дождя, крепости семьи Уайлд. Численность всех этих отрядов была примерно одинаковой. Четвертая же часть людей осталась в лагере под началом казначея, волантийца Гориса Эдориэна, — охранять место высадки и принца. Коннингтон надеялся, что их силы будут расти и дальше: ведь каждый день приплывали новые корабли. — У нас по-прежнему не хватает

лошадей.

— И нет слонов, — напомнил ему Полумейстер. Ни один из больших коггов со слонами еще не прибыл. Последний раз их видели в Лиссе, до того как шторм разбросал половину флота. — Лошадей можно найти в Вестеросе. Слоны же...

— ... не имеют значения. — Огромные животные, без сомнения, будут полезны в решающем сражении, но пройдет некоторое время, прежде чем у Золотых Мечей будет достаточно сил для встречи с врагом на поле боя. — Ты нашел что-нибудь полезное в тех бумагах?

— О, больше, чем нужно, милорд, — Халдон тонко улыбнулся.

— Ланнистеры с легкостью наживают себе врагов, но, похоже, с трудом удерживают друзей. Их союз с Тиреллами распадается, судя по тому, что я тут прочел. Королева Серсея и королева Маргери дерутся за маленького короля, как две сучки за куриную кость, и обеих обвиняют в государственной измене и блуде. Мейс Тирелл забросил осаду Штормового Предела и отправился в Королевскую Гавань спасти свою дочь, оставив внутри замка чисто символические силы для удержания людей Станниса.

Коннингтон сел:

— Что еще?

— На севере Ланнистеры

полагаются на Болтонов, в речных землях — на Фреев. Оба дома давно известны своим вероломством и жестокостью. Лорд Станнис Баратеон продолжает открытое восстание, а железнорожденные на островах тоже выбрали своего короля. Никто ни разу не упомянул о Долине, и это наводит меня на мысль, что Аррены ни в чем не принимают участия.

— А Дорн? — Долина далеко, Дорн близко.

— Младший сын принца Дорана обручился с Мирцеллой Баратеон, из чего можно предположить, что дорнийцы связались с домом Ланнистеров, но при этом у них есть

армия на Костяном Пути, и еще одна — на Принцевом перевале, которые только и ждут...

— Ждут, — Коннингтон нахмурился. — Ждут чего? — без Дейенерис и ее драконов их главной надеждой был Дорн. — Напиши в Солнечное Копье. Доран Мартелл должен знать, что сын его сестры все еще жив и вернулся домой потребовать трон своего отца.

— Как скажете, милорд. — Полумейстер поглядел на другой пергамент: — Мы не могли бы найти лучшее время для высадки — со всех сторон потенциальные друзья и союзники.

— Но нет драконов, — возразил

Джон Коннингтон. — Чтобы все эти союзники присоединились к нашему делу, мы должны им что-то предложить.

— Традиционная плата — золото и земли.

— Если бы они у нас были. Возможно, для некоторых и хватило бы обещания золота с землями, но Стрикленд и его люди рассчитывают оказаться первыми в очереди на лучшие поля и замки, отобранные у их предков, когда те бежали в изгнание. Нет.

— У милорда есть еще одна награда, — отметил Халдон Полумейстер. — Рука принца Эйегона. Брачный союз, который

приведет под наши знамена один из великих домов.

Невеста для нашего славного принца. Джон Коннингтон помнил свадьбу принца Рейегара слишком хорошо. Элия была недостойна его. И так-то хилая и болезненная, она еще более ослабла после рождения детей. Элия полгода оставалась прикованной к постели после рождения принцессы Рейенис, и чуть не умерла, рожая принца Эйегона. Тогда мейстер сказал принцу Рейегару, что она больше не сможет иметь детей.

— Дейенерис Таргариен когда-нибудь все же может вернуться домой, — ответил Коннингтон

Полумейстеру. — Эйегон должен быть свободен, чтобы обручиться с ней.

— Милорду лучше знать, — сказал Халдон. — В таком случае нашим потенциальным друзьям придется предложить более скромную награду.

— Что ты предлагаешь?

— Вас. Вы неженаты. Великий лорд, все еще крепкий мужчина, без наследников, не считая этих кузенов, которых мы только что лишили владений; отпрыск древнего дома с прекрасным крепким замком и богатыми землями, которые, без сомнения, будут возвращены и, скорее всего, расширены

благодарным королем после нашего триумфа. У вас есть имя, имя воина, а в качестве Десницы короля Эйегона вы будете говорить его голосом и, по сути, править королевством. Полагаю, любой амбициозный лорд захочет сосватать дочь за такого человека. Возможно, даже принц Дорнийский.

Ответом Джона Коннингтона был долгий и холодный взгляд. Временами Полумейстер раздражал его так же сильно, как и карлик.

— Не думаю. — *По моей руке ползет смерть. И ни один человек, в том числе и жена, не должен этого узнать.* Он поднялся. — Подготовь письмо принцу Дорнийскому.

— Как прикажете, милорд.

Этой ночью Джон Коннингтон спал в покоях лорда, в кровати, некогда принадлежащей его отцу, под пыльным красно-белым бархатным балдахином. На рассвете его разбудил дождь и робкий стук слуги, желающего знать, чем милорд будет завтракать.

— Вареные яйца, поджаренный хлеб и бобы. И кувшин вина. Худшего вина из подвала.

— ... *худшего* , милорд?

— Ты меня слышал.

Когда принесли еду и вино, он запер дверь, перелил содержимое кувшина в чашу и опустил туда руку. Леди Лемора прописала карлику

уксусные примочки и ванны, когда опасалась, что тот мог подхватить серую хворь, но ежеутреннее требование кувшина уксуса выдавало бы Коннингтона с головой. Должно было подойти и вино, но он не видел смысла в том, чтобы зря тратить хорошо выдержанное.

Ногти почернели на всех пальцах, кроме большого. На среднем пальце серый цвет уже миновал вторую фалангу. *Нужно их отрубить*, подумал он, *но как я объясню нехватку двух пальцев?* Он не отваживался объявлять о своем недуге. Как ни странно, но люди, с радостью рискующие своей жизнью в битве за спасение товарища,

бросили бы этого товарища в тот же миг, как узнали бы о его серой хвори. *Надо было дать проклятому карлику утонуть.*

Чуть позже, одевшись и снова натянув перчатки, Коннингтон совершил осмотр замка и послал за Бездомным Гарри Стриклендом и его капитанами, чтобы провести военный совет. В верхних покоях собралось девять человек: Коннингтон и Стрикленд, Халдон Полумейстер, Черный Балак, сир Франклин Флауэрс, Мейло Джайн, сир Брендел Бирн, Дик Коул и Лаймонд Пис. Полумейстер принес хорошие новости.

— В лагерь пришло известие от

Марка Мандрейка. Волантийцы высадили его на каком-то берегу, который оказался Эстермонтом. У него почти пять сотен человек. Он захватил Зеленую Скалу.

Этот островок у мыса Гнева никогда не был их целью.

— Проклятые волантийцы так спешат от нас избавиться, что высаживают наших людей на любом клочке земли, который увидят, — возмутился Франклин Флауэрс. — Держу пари, наши парни разбросаны по половине треклятых Ступеней.

— С моими слонами, — добавил Гарри Стрикленд скорбным тоном. Да, Бездомный Гарри скучал по своим слонам.

— У Мандрейка не было лучников, — заметил Лаймонд Пис. — Откуда нам знать, не отправила ли Зеленая Скала воронов, прежде чем пала?

— Полагаю, что отправила, — ответил Джон Коннингтон, — но какие послания они несут? В лучшем случае, искаженные донесения о морских пиратах. — Еще до того, как они отплыли из Волон Териса, он дал указания своим капитанам не показывать стяги во время первых атак — ни трехглавого дракона принца Эйегона, ни его собственных грифонов, ни черепов и золотых штандартов отряда. Пускай Ланнистеры подозревают Станниса

Баратеона, пиратов со Ступеней, преступников в лесах, или еще кого. Если донесения в Королевскую Гавань будут запутанными и противоречивыми, оно и к лучшему. Чем позже Железный Трон предпримет ответные действия, тем больше у них будет времени собрать свои войска и привлечь союзников. На Эстермонте должны быть суда. Это же *остров* . — Халдон, пошли Мандрейку сообщение: оставить в замке гарнизон, а остальных своих людей привести на мыс Гнева, взяв с собой любых благородных пленников.

— Как прикажете, милорд. Так уж вышло, что Эстермонты связаны

узами крови с обоим королям.
Хорошие заложники.

— И хорошие выкупы, —
радостно вставил Бездомный Гарри.

— Также пришло время послать
за принцем Эйегоном, — объявил
лорд Джон. — Здесь, за стенами
Грифоньего Насеста, он будет в
большей безопасности, чем в лагере.

— Я пошлю всадника, — сказал
Франклин Флауэрс, — но парню не
очень понравится идея сидеть в
укрытии, скажу я вам. Он хочет быть
в гуще событий.

*Мы все себя так вели в его
возрасте,* подумал лорд Джон,
вспомнив свою юность.

— Пора поднять его флаг? —

спросил Пис.

— Еще нет. Пусть Королевская Гавань думает, что просто какой-то изгнанный лорд с несколькими наемниками возвращается домой — вернуть себе принадлежащее ему по праву рождения. Старая, давно знакомая история. Я даже напишу об этом королю Томмену, с просьбой о помиловании и возврате моих земель и титулов, что на какое-то время обеспечит их пищей для размышлений. А пока они будут колебаться, мы отправим секретные послания возможным друзьям в Штормовые земли и Простор. И в Дорн. — Это был жизненно важный шаг. Мелкие лорды могут

присоединиться к ним, опасаясь ущерба или надеясь на прибыль, но только могущественный принц Дорна может бросить вызов дому Ланнистеров и их союзникам. — Самое главное — мы должны склонить на нашу сторону Дорана Мартелла.

— Шансы невелики, — сказал Стрикленд. — Дорниец боится собственной тени. Отважным его никак не назовешь.

Равно как и тебя.

— Принц Доран — осторожный человек, это правда. Он присоединится к нам, только если будет уверен в нашей победе. Поэтому нужно показать силу, чтобы

убедить его.

— Если у Пика и Риверса все пройдет успешно, мы будем контролировать большую часть мыса Гнева, — возразил Стрикленд. — Четыре замка за такой срок — великолепное начало, но у нас все еще только половина армии. Нужно дождаться остальных моих людей. К тому же нам не хватает лошадей и слонов. Послушайте, надо обождать. Накопить сил, склонить на свою сторону мелких лордов и разослать шпионов Лайсоно Маара выяснить все возможное о наших врагах.

Коннингтон одарил пухлого генерал-капитана холодным взглядом. *Этот человек — ни Черное*

Сердце, ни Злой Клинок, ни Мейелис. Скорее дождется пока замерзнут все семь адов, чем рискнет натереть себе еще одну мозоль. — Мы пересекли полмира не для того, чтобы ждать. Наш шанс — ударить сильно и быстро, прежде чем Королевская Гавань поймет, кто мы такие. Я намерен занять Штормовой Предел. Это почти неприступная цитадель и последний оплот Станниса Баратеона на юге. Взяв ее, мы получим безопасную крепость, в которую сможем при необходимости отступить, а сам ее захват докажет нашу силу.

Капитаны Золотых Мечей
переглянулись.

— Если Штормовой Предел удерживают люди Станниса, получится, что мы заберем замок у него, а не у Ланнистеров, — возразил Бриндел Бирн. — Почему не договорится с ним о союзе против Ланнистеров?

— Станнис — брат Роберта, отродье семьи, свергнувшей дом Таргариенов, — напомнил ему Джон Коннингтон. — Кроме того, он в тысяче лиг отсюда с той жалкой армией, что все еще при нем осталась. Между нами целое королевство. Чтобы просто добраться до него, понадобится полгода, и ему совершенно нечего нам предложить.

— Если Штормовой Предел так

неприступен, как вы собираетесь
взять его? — спросил Мейло.

— Хитростью.

— Нам надо подождать, — не
согласился Бездомный Гарри
Стрикленд.

— Мы подождем, — Джон
Коннингтон встал. — Десять дней.
Не дольше. Столько времени уйдет
на подготовку. Утром одиннадцатого
дня мы отправимся к Штормовому
Пределу.

Принц присоединился к ним
четыре дня спустя. Он прибыл во
главе колонны из сотни лошадей и с
тремя слонами, шагающими в хвосте
войска. С ним была леди Лемора,
вновь облаченная в белые одежды

септы. Впереди в струящемся белоснежном плаще ехал сир Ролли Дакфилд.

Крепкий человек, и верный , подумал Коннингтон, глядя, как Утка спешивается, *но не достоин звания королевского гвардейца*. Он изо всех сил старался отговорить принца жаловать Дакфилду белый плащ, объясняя ему, что эту честь лучше приберечь для более знаменитых воинов, чья верность придаст блеска их делу, или для младших сыновей великих лордов, чья поддержка понадобится им в грядущей битве, но мальчишка остался непреклонен. «Утка умрет за меня, если потребуется, — ответил он. — Вот и

все, что мне нужно от королевского гвардейца. Цареубийца тоже был знаменитым воином, и сыном великого лорда».

По крайней мере, я убедил его оставить свободными остальные шесть мест, иначе за Уткой тащился бы целый выводок утят, каждый из которых подходил бы на эту должность еще меньше, чем предыдущий.

— Приведи Его Величество ко мне в верхние комнаты, — приказал он. — Немедленно.

Однако принц Эйегон Таргариен оказался не столь послушен, каким был Юный Гриф. Прошел добрый час, прежде чем он в сопровождении

Утки появился в покоях.

— Лорд Коннингтон, — заявил он, — мне нравится ваш замок.

«Земли вашего отца прекрасны», — сказал он тогда. И его серебристые волосы развевались на ветру, а глаза были темно-фиолетовыми, темнее, чем у этого мальчишки.

— Как и мне, Ваше Величество. Прошу, садитесь. Сир Ролли, вы нам больше не нужны.

— Нет, я хочу, чтобы Утка остался, — принц сел. — Мы разговаривали со Стриклендом и Флауэрсом. Они рассказали мне о штурме Штормового Предела, который вы планируете.

Джон Коннингтон скрыл свою ярость.

— Попытался ли Бездомный Гарри убедить вас отложить его?

— Вообще-то да, — признал принц, — но я не стану. Гарри — как старая дева, верно? Вы правы, предлагая штурм, милорд. И я хочу, чтобы он состоялся... но с одной поправкой. Атаку возглавлю я.

63. ЖЕРТВА

Люди королевы сооружали погребальный костер главной деревенской площади.

Или правильнее было бы назвать ее главным деревенским сугробом? Снег повсюду доходил до колена, но кое-где мужчины раскидали его лопатами, чтобы с помощью топоров и ледорубов проделать отверстия в твердой земле. Дул западный ветер, принося с собой еще больше снега с замерзшей поверхности озер.

— Ты же не хочешь на это смотреть? — спросила Али

Мормонт.

— Не хочу, но буду. — Аша Грейджой была дочерью кракена, а не какой-нибудь избалованной девой, отворачивающейся при виде мерзости.

День выдался темным, холодным и голодным — таким же, как и накануне, и за день до этого. Большую его часть они провели на льду, дрожа рядом с парой маленьких отверстий в замерзшем озере и сжимая леску неуклюжими руками в рукавицах. Еще недавно каждому удавалось поймать по одной или по две рыбы за день, а люди из Волчьего леса, более опытные в подледном лове, вытаскивали по четыре или

пять. Сегодня же единственной добычей Аши стал холод, пробирающий до костей. Али повезло не больше. Уже три дня никому из них не удавалось поймать рыбу.

Медведица сделала еще одну попытку:

— *Мне* не нужно смотреть на это.

Ведь не тебя люди королевы хотят сжечь.

— Тогда иди. Даю слово, я не убегу. Куда мне идти? В Винтерфелл? — Аша рассмеялась. — Говорят, до него всего три дня верхом.

Шестеро людей королевы устанавливали огромные сосновые

шесты в отверстия, которые выкопали другие шестеро. Аше не нужно было спрашивать об их предназначении. Она знала. *Столбы для сожжения*. Скоро опустится ночь, и красного бога надо будет накормить. «Подношение крови и огня, — называли его люди королевы. — Чтобы Владыка Света обратил на нас свой пламенный взор и растопил треклятые снега».

— Даже в этой обители страха и тьмы Владыка Света защитит нас, — сказал сир Годри Фарринг людям, собравшимся поглазеть на то, как столбы забивают в отверстия.

— Что твой южный бог знает о *снеге* ? — спросил Артос Флинт,

северянин с черной бородой, покрытой коркой льда. — На нас обрушился гнев старых богов. Это их нам надо ублажать.

— Да, — согласился Вулл Большое Ведро. — Ваше Красное Рыгло тут ничего не значит. А старых богов вы только разозлите. Они наблюдают со своего острова.

Деревня располагалась между двух озер. Более крупное было испещрено точками небольших лесистых островков, которые торчали из льда, как замерзшие кулаки утонувшего великана. На одном из таких островков росло чардрово, кривое и древнее, со стволом и ветвями белыми, как снег,

лежащий вокруг. Восемь дней назад Аша ходила сюда с Али Мормонт, чтоб разглядеть поближе узкие красные глаза и кровавый рот. «Всего лишь сок, — говорила она себе, — красный сок, что течет внутри чардрев». Но ее глаза это не убеждало: они верили в то, что видели, а видели они замерзшую кровь.

— Вы, северяне, призвали на нас снега, — настаивал Корлисс Пенни. — Вы и ваши колдовские деревья. Да хранит нас Рглор.

— Рглор погубит нас, — возразил Артос Флинт.

Чума на обоих ваших богов, подумала Аша Грейджой.

Осматривая столбы, сир Годри Убийца Великанов толкнул один из них и убедился, что тот прочно установлен.

— Хорошо. Хорошо. Сгодятся. Сир Клейтон, ведите жертв.

Сир Клейтон Саггс был крепкой правой рукой Годри. *Или его сухой рукой?* Аше сир Клейтон не нравился. Если Фарринг казался свирепым в своей преданности красному богу, то Саггс был жесток сам по себе. Она видела его у молитвенных костров, наблюдающего за пламенем с приоткрытыми губами и жадным взглядом. *Не бога он любит, а огонь*, заключила она. Когда она

поинтересовалась у сира Джастина, всегда ли Саггс был таким, тот скривился:

— На Драконьем Камне он водился с палачами и помогал им допрашивать пленников, особенно если пленниками оказывались молодые женщины.

Аша не удивилась. Саггс наверняка получит особое удовольствие, сжигая ее. *Если только буря не прекратится.*

В трех днях от Винтерфелла они провели девятнадцать дней. *Сто лиг от Темнолесья до Винтерфелла. По прямой в ту сторону — триста миль для ворона.* Но никто из них не был вороном, а буря казалась

неумолимой. Каждое утро Аша просыпалась с надеждой увидеть солнце, но весь день видела только снег. Буря похоронила каждую хижину и лачугу под насыпью грязного снега, а сугробы вскоре стали такими глубокими, что поглотили и зал собраний.

И не было никакой еды, кроме павших лошадей, выловленной из озер рыбы (которой с каждым днем становилось все меньше) и тех скудных припасов, которые их фуражиры смогли найти в этих холодных, мертвых лесах. Рыцари короля и лорды забирали львиную долю конины, и лишь крохи ее доставались простым людям.

Неудивительно, что они начали есть собственных мертвецов.

Как и остальные, Аша пришла в ужас, когда Медведица сказала ей, что четырех людей Пизбери поймали за разделкой одного из покойников лорда Фелла — они срезали куски мяса с его бедер и ягодиц, тогда как одно из предплечий уже насадили на вертел. Но Аша не удивилась, она готова была поспорить, что эти четверо — не первые, вкусившие человеческой плоти во время их мрачного похода. Просто они первыми попались.

По приказу короля четверка Пизбери заплатит за свое пиршество жизнями... и через сожжение

положит конец шторму, заявили люди королевы. Аша Грейджой не верила в их красного бога, но все равно молилась, чтобы они оказались правы. Ведь если нет — будут и другие костры, и сокровенное желание сира Клейтона может осуществиться.

Сир Клейтон притащил четверых обнаженных людоедов, их руки связали за спиной кожаными шнурами. Младший из них плакал, бредя по снегу и спотыкаясь. Двое других шли, словно уже простились с жизнью, опустив глаза. Ашу удивило, как обыденно они выглядели. *Не чудовища* , поняла она. *Всего лишь люди.*

Самым старшим из четверых был сержант. Он один оставался дерзким и поносил людей королевы, подталкивающих его копьями.

— Имел я вас всех, имел я вашего красного бога, — орал он. — Ты слышишь меня, Фарринг? *Убийца Великанов?* Я смеялся, когда твой гребаный кузен умер, Годри. Я бы и его съел, от него так хорошо пахло, когда его поджарили. Бьюсь об заклад, мальчик был вкусным и нежным. Сочным. — Удар тупым концом копья свалил сержанта на колени, но не заставил замолчать. Поднявшись, он выплюнул полный рот крови вперемишку с выбитыми зубами и продолжил: — Член —

самый лучший кусочек, так и хрустит на вертеле. Жирная маленькая колбаска. — Даже когда его обматывали цепями, он продолжал орать. — Корлисс Пенни, поди сюда! Что за имя — Пенни? Столько платили твоей матери? А ты, Саггс, ты, проклятый ублюдок, ты...

Сир Клейтон не произнес ни слова. Один резкий удар вспорол горло сержанта, и струя крови хлынула по его груди.

Плачущий человек принялся рыдать еще сильнее, вздрагивая всем телом при каждом всхлипе. Он был таким тощим, что Аша могла сосчитать его ребра.

— Нет, — молил он. —

Пожалуйста. Он умер. Он умер, а мы голодали, *пожалуйста* ...

— Сержант поступил умно, — сказала Аша Алисанне Мормонт. — Вынудил Саггса убить его, — она задумалась, сработает ли этот трюк снова, если очередь дойдет до нее.

Четырех жертв привязали спиной к спине, по двое на столб. Так они и висели — три живых человека и один мертвец — пока служитель Владыки Света складывал под их ногами колотые поленья и ветки, а затем поливал все ламповым маслом. Стоило бы поторопиться — как обычно, валил снег, и древесина начинала отсыревать очень быстро.

— Где король? — спросил сир

Корлисс Пенни.

Четыре дня назад один из оруженосцев короля пал жертвой холода и голода. Мальчик по имени Брайен Фарринг, родственник сира Годри. Станнис Баратеон с мрачным лицом стоял у погребального костра, когда тело парня предавали огню. После этого король удалился в свою сторожевую башню и с тех пор не появлялся... Хотя время от времени Его Величество замечали на крыше башни на фоне сигнального костра, который горел днем и ночью. «Разговаривает с красным богом», — утверждали некоторые. «Зовет леди Мелисандру», — настаивали другие. В любом случае Аше Грейджой

казалось, что король растерян и вызывает о помощи.

— Канти, найди короля и скажи ему, что все готово, — поручил сир Годри стоявшему рядом оруженосцу.

— Король здесь, — прозвучал голос Ричарда Хорпа.

Поверх пластинчатой кольчуги сир Ричард надел стеганный дублет, украшенный гербом с тремя бабочками “мертвая голова” на поле цвета пепла и костей. Король Станнис шел рядом. За ними, опираясь на терновую трость и пытаясь не отставать, ковылял Арнольф Карстарк. Лорд Арнольф нашел их восемь дней назад. Северянин привел с собой сына, трех

внуков, четыре сотни копий, четыре десятка лучников, дюжину верховых копейщиков, мастера и клетку с воронами... привез он и провизию, которой, однако, хватало только на удовлетворение их собственных нужд.

Как Аше дали понять, Карстарк — не настоящий лорд, а лишь кастелян Кархолда до тех пор, пока законный лорд остается в плену у Ланнистеров. Лорд Арнольф был сухопарым, согбенным и кривым, с левым плечом на полфута выше правого, тощей шеей, серыми прищуренными глазами и желтыми зубами. Лишь немного седых волос отделяли его от облысения, а

раздвоенная борода, поровну белая и серая, всегда выглядела растрепанной. Аше показалось, что в его улыбках есть что-то кислое. Ходили слухи, что именно Карстарк будет тем, кому отдадут Винтерфелл, если захватят. Когда-то в далеком прошлом дом Карстарков отделился от дома Старков, и к тому же лорд Арнольф стал первым знаменосцем Эддарда Старка, присягнувшим на верность Станнису.

Насколько знала Аша, Карстарки поклонялись старым богам Севера, богам Вуллов, Норри, Флинтов и других горных кланов. Она гадала, пришел ли лорд Арнольф посмотреть на сожжение по велению короля, или

же сам захотел стать свидетелем власти красного бога.

При виде Станниса двое привязанных к столбам принялись молить о милосердии. Король слушал молча, сжав челюсти. Затем сказал Годри Фаррингу:

— Можете начинать.

Убийца Великанов воздел руки:

— *Владыка Света, услышь нас!*

— *Владыка Света, защити нас!*

— запели люди королевы. — *Ибо ночь темна и полна ужасов.*

Сир Годри поднял голову к темнеющему небу:

— *Мы благодарим тебя за солнце, что согревает нас, и молим тебя вернуть его нам, о Владыка,*

чтобы оно осветило нам путь к твоим врагам. — У него на лице таяли снежинки. — Мы благодарим тебя за звезды, что присматривают за нами ночью, и молим тебя разорвать скрывающую их завесу, чтобы мы еще раз восторжествовали при виде звездного неба.

— Владыка Света, защити нас , — молились люди королевы, — и не подпускай к нам эту дикую тьму .

Сир Корлисс Пенни шагнул вперед с факелом в руках. Он описал им круг над головой, раздувая пламя. Один из пленников начал хныкать.

— Рглор , — запел сир Годри, — мы отдаем тебе четырех злодеев. С

*преданными и радостными
сердцами, мы дарим их твоему
очищающему огню, чтобы рассеять
тьму в их душах. Пусть их грязная
плоть опалится и почернеет, дабы
их души могли восстать свободными
и чистыми и прийти к свету. Прими
их кровь, о Владыка, и растопи
ледяные пути, что сковали твоих
слуг. Услышь их боль и придай силы
нашим мечам, чтобы мы могли
пролить кровь твоих врагов. Прими
эту жертву и укажи нам путь в
Винтерфелл, чтобы мы смогли
победить неверующих.*

*— Владыка Света, прими эту
жертву, — эхом отозвалась сотня
голосов. Сир Корлисс зажег первый*

костер факелом, а потом засунул его в поленья у основания второго. Появились струйки дыма. Пленники начали кашлять. Первые языки пламени, застенчивые, как девицы, устремились, танцуя, от дров к ногам. В считанные мгновения пламя охватило оба столба.

— *Он умер* , — закричал плачущий мальчик, когда огонь начал лизать его ноги. — Мы нашли его мертвым... пожалуйста... мы *голодали* ... — Огонь добрался до яиц. Когда начали гореть волосы вокруг члена, мольбы его превратились в сплошной бессловесный крик.

Аша Грейджой почувствовала в горле вкус желчи. На Железных

Островах она видела, как жрецы ее собственного народа перерезали глотки рабам и отдавали их тела морю во имя Утонувшего Бога. Жестоко, но происходящее — еще хуже.

Закрой глаза , говорила она себе. *Закрой уши. Отвернись. Тебе не нужно смотреть на это* . Люди королевы возносили хвалебную песнь красному Рглору, но она не слышала слов за криками. Жар пламени бил ей в лицо, но она все равно дрожала. Воздух наполнялся густым дымом и вонью горелой плоти, а одно из тел по-прежнему дергалось на раскаленной докрасна цепи, которая приковывала его к

столбу.

Через некоторое время крики прекратились.

Не сказав ни слова, король Станнис ушел обратно — к одиночеству своей сторожевой башни. *К своему сигнальному огню*, знала Аша, *искать ответы в пламени*. Арнольф Карстарк заковылял было вслед, но сир Ричард Хорп взял его под руку и повернул в сторону зала собраний. Зрители начали расходиться, каждый к своему костру и своему скудному ужину.

К ней подошел Клейтон Саггс:

— Железной дырке понравилось зрелище? — его дыхание воняло пивом и луком. *У него свиные глазки*

, подумала Аша. Они очень подходили ему: его щит и плащ украшала крылатая свинья. Саггс встал к ней вплотную, и лицо его оказалось так близко, что она могла сосчитать угри у него на носу. Он сказал: — Толпа будет еще больше, когда на столбе будешь извиваться ты.

Он был прав. Волки ее не любили; она железнорожденная и должна отвечать за преступления своего народа: за Ров Кейлин, Темнолесье и Торрхенов Удел, за века грабежей вдоль каменного берега и за все, что Теон натворил в Винтерфелле.

— Уберите руку, сир. — Каждый

раз, когда Саггс заговаривал с ней, она тосковала по своим топорикам. На островах Аша не уступала ни одному мужчине в боевом танце — подтверждением тому являлись десять ее пальцев. *Вот бы с этим потанцевать.* У некоторых мужчин борода так и просится на лицо. А вот лицу сира Клейтона явно недоставало топорика промеж глаз. Однако топорика у нее здесь не было, поэтому ей оставалось только попробовать вырваться. Но сир Клейтон только схватил ее еще крепче — пальцы в перчатке впились ей в руку, как железные когти.

— Миледи просила отпустить ее, — напомнила Али Мормонт. — И

лучше бы вам прислушаться, сир. Леди Аша здесь не для сжигания.

— Скоро будет, — настаивал Саггс. — Мы и так слишком долго терпим среди нас эту демонопоклонницу. — Однако он все же отпустил руку Аши: не стоит понапрасну злить Медведицу.

В этот момент явился Джастин Масси:

— У короля другие планы на его трофей, — сказал он, непринужденно улыбаясь. Щеки его покраснелись от холода.

— У короля? Или у тебя? — презрительно фыркнул Саггс. — Планируй, что хочешь, Масси. Ее все равно предадут огню, вместе с ее

королевской кровью. Как говорила красная женщина, в королевской крови есть особая сила. Сила, приятная нашему владыке.

— Пусть Рглор довольствуется четырьмя, которых мы только что отдали ему.

— Четырьмя низкорожденными деревенщинами. Жалкое подношение. Отбросы, подобные им, никогда не прекратят снегопад. А вот она сможет.

Заговорила Медведица:

— Ну а если вы сожжете ее, и снег все равно не прекратится, что тогда? Кого вы сожжете следующим? Меня?

Аша не могла больше

сдерживаться:

— Почему бы не сира Клейтона? Возможно, Рглору понравится один из его последователей. Истово верующий, распеваящий хвалебные песни, пока пламя лижет его член?

Сир Джастин засмеялся. Саггс же не счел ее слова забавными:

— Смейся, смейся, Масси. Если снег будет валить и дальше, мы еще посмотрим, кто тогда посмеется, — он взглянул на мертвых людей на столбах, улыбнулся и ушел, чтобы присоединиться к сиру Годри и другим людям королевы.

— Мой защитник, — обратилась Аша к Джастину Масси. Он это заслужил независимо от своих

мотивов. — Благодарю вас за спасение, сир.

— Так вы не прибавите себе друзей среди людей королевы, — заметила Медведица. — Неужели вы потеряли веру в Красного Рглора?

— Я потерял веру во многое и помимо этого, — ответил Масси, выдыхая бледный туман. — Но я все еще верю в ужин. Вы присоединитесь ко мне, миледи?

Али Мормонт покачала головой:

— У меня нет аппетита.

— У меня тоже. Но лучше вам все-таки поесть немного конины, иначе вскоре будете жалеть, что не сделали этого. У нас было восемьсот лошадей, когда мы вышли из

Темнолесья, а прошлой ночью мы насчитали шестьдесят четыре.

Ее это не потрясло. Почти все их боевые кони пали, включая и жеребца Масси. Большая часть верховых лошадей тоже сдохла. Даже низкорослые лошадки северян отощали из-за недостатка корма. Но зачем им лошади? Станнис больше никуда не двигался. Солнце, луна и звезды спрятались так надолго, что Аша уже начала подозревать, не пригрезились ли они ей.

— Я поем.

Алисанна покачала головой:

— Я не буду.

— Тогда разрешите мне присмотреть за леди Ашей, —

предложил сир Джастин. — Даю вам слово: я не допущу, чтобы она сбежала.

Медведица неохотно согласилась, оставшись глухой к сарказму в его голосе. Они расстались: Али направилась в палатку, а Аша и Джастин Масси — в зал собраний. Он находился недалеко, но сугробы были глубокими, ветер резким, а ноги Аши превратились в ледяные глыбы. Ее лодыжка отзывалась болью при каждом шаге.

Небольшой и весьма скромный зал собраний, тем не менее, был самым просторным строением в деревне, поэтому лорды и капитаны

забрали его себе, в то время как Станнис обустроился в каменной сторожевой башне на берегу озера. Двое стражников охраняли двери зала, опираясь на длинные копья. Один из них открыл створку двери для Масси, и сир Джастин провел Ашу внутрь, в благословенное тепло.

Скамейки и деревянные столы располагались вдоль каждой стены, вмещая пятьдесят человек... но сейчас внутрь втиснулось в два раза больше. Длинная канава для огня была вырыта посередине земляного пола, под рядами отверстий для дыма, проделанных в крыше. Волки-северяне сидели по одну сторону канавы, рыцари и южные лорды —

по другую.

Аша решила, что южане выглядят жалко: исхудавшие, с ввалившимися щеками, одни — бледные и больные, другие — с красными обветренными лицами. По сравнению с ними северяне казались крепкими и здоровыми: крупные румяные мужчины с густыми кустистыми бородами, одетые в меха и железо. Возможно, они тоже мерзли и голодали, но им с их низкорослыми лошадками и медвежьими лапами поход давался легче.

Аша стянула с себя меховые рукавицы и поморщилась, разминая пальцы. Боль пронзила ей ноги, когда

замерзшие ступни начали оттаивать в тепле. Воздух был полон копоти и сильного земляного запаха горящего торфа, хороший запас которого оставили сбежавшие из деревни крестьяне. Стряхнув налипший снег, она повесила плащ на колышек у двери.

Сир Джастин нашел свободные места на скамье и принес им ужин — эль и куски конины, обугленные дочерна снаружи и красные внутри. Аша отхлебнула эля и налегла на мясо. Порция была меньше, чем в прошлый раз, но живот урчал от запаха пищи.

— Благодарю вас, сир, — сказала она, пока кровь и жир

стекали по ее подбородку.

— Джастин. Я настаиваю, — Масси порезал свою порцию на кусочки и наколот один из них на кинжал.

Ниже по столу Уилл Фоксглоув рассказывал мужчинам вокруг него, что Станнис возобновит поход на Винтерфелл через три дня. Он узнал об этом из уст одного из конюхов, ухаживавших за конями короля.

— Его Величество видел победу в своих огнях, — сообщил Фоксглоув. — Победу, которую будут воспевать тысячелетиями и в замках лордов, и в крестьянских хижинах.

Джастин Масси оторвался от своей конины:

— Холодный счет прошлой ночью достиг восьмидесяти, — он достал кусочек хряща из зубов и кинул его ближайшей собаке. — Если мы отправимся в поход, мы будем умирать сотнями.

— Мы будем умирать тысячами, если останемся здесь, — возразил сир Хамфри Клифтон. — Наступление или смерть — вот что я скажу.

— Наступление *и* смерть — вот что я тебе отвечу. И если мы доберемся до Винтерфелла, что дальше? Как мы его захватим? Половина наших людей настолько слабы, что еле переставляют ноги. Вы отправите их забираться на

стены? Строить осадные башни?

— Нам надо остаться здесь, пока не изменится погода, — произнес сир Ормунд Уайлд, бледный старый рыцарь, чей робкий нрав явно противоречил грозному имени его предков. До Аши доходили слухи о некоторых латниках, делавших ставки, кто из великих рыцарей и лордов умрет следующим. Сир Ормунд был явным фаворитом. *Интересно, сколько монет поставили на меня?* подумала Аша. *Может быть, еще есть время, чтобы сделать ставку.* — Здесь, по крайней мере, у нас есть какое-никакое укрытие, — настаивал Уайлд, — а в озерах водится рыба.

— Слишком мало рыбы и слишком много рыбаков, — мрачно заметил лорд Пизбери, имевший все основания для мрачного настроения, ведь именно его людей сир Годри только что сжег. Находились в этом зале и такие, кто поговаривал, что сам Пизбери был в курсе действий своих людей, а возможно, и разделял с ними трапезу.

— Он прав, — проворчал Нед Вудс, один из разведчиков из Темнолесья. Его называли Безносым Недом с тех пор, как мороз забрал кончик его носа две зимы назад. Вудс знал Волчий лес, как никто другой. Даже самые гордые лорды короля научились слушать, когда он говорил.

— Я знаю эти озера. Вы набросились на них сотнями, как личинки на труп, и проделали кучу дыр во льду. Просто чудо, что так мало людей провалилось под него. Ближе к острову есть места, больше похожие на сыр, над которым потрудились крысы, — он покачал головой. — Озера себя исчерпали. Вы выловили всю рыбу, какая там была.

— Тем больше причин продолжить поход, — настаивал Хамфри Клифтон. — Если наша участь — смерть, давайте умрем с мечами в руках.

Все тот же спор, что и прошлой ночью, и за ночь до того. *Наступать и умереть, остаться здесь и*

умереть, отступить и умереть.

— Погибайте, как вам заблагорассудится, Хамфри, — сказал Джастин Масси. — Что касается меня, я бы предпочел увидеть еще одну весну.

— Кто-то мог бы счесть это трусостью, — ответил лорд Пизбери.

— Лучше трусость, чем людоедство.

Лицо Пизбери тут же исказилось от ярости:

— Ты...

— Смерть — часть войны, Джастин, — в дверях стоял сир Ричард Хорп, его темные волосы были мокрыми от таящего снега. — Те, кто пойдут в поход, разделят с

нами всю добычу, которую мы заберем у Болтона и его бастарда, а лучшие разделят и бессмертную славу. Те, кто слишком слаб для перехода, должны будут сами о себе позаботиться. Но даю слово, мы пришем провизию, как только захватим Винтерфелл.

— *Вы не сможете взять Винтерфелл!*

— Нет, мы сможем, — донеслось кудахтанье с главного стола, за которым сидел Арнольф Карстарк со своим сыном Артором и тремя внуками. Лорд Арнольф поднялся, словно стервятник, оторвавшийся от своей добычи. Одной рукой, покрытой пятнами, он

ухватился за плечо сына в поисках опоры. — Мы возьмем замок за Неда и за его дочь. Да, и за Молодого Волка, столь жестоко умерщвленного. Я и мои люди, мы покажем путь, если потребуется. То же самое я говорил и Его Величеству королю. *Вперед*, сказал я, и прежде чем сменится луна, все мы искупаемся в крови Фреев и Болтонов.

Мужчины принялись стучать ногами и молотить кулаками по столу. Почти все они были северянами, заметила Аша. По другую сторону канавы с костром южные лорды сидели на скамьях в молчании.

Джастин Масси подождал, пока стихнет гвалт, и произнес:

— Ваша отвага достойна восхищения, лорд Карстарк, но она не сломит стены Винтерфелла. Прошу вас, расскажите, как вы собираетесь захватить замок? Закидать снежками?

Ответил один из внуков лорда Арнольфа:

— Мы срубим деревья и сделаем тараны, чтобы выломать ворота.

— И умрете.

Вступил другой внук:

— Мы соорудим лестницы, заберемся на стены.

— И умрете.

Заговорил Артор Карстарк,

младший сын лорда Арнольфа:

— Мы возведем осадные башни.

— И умрете, умрете, умрете, — сир Джастин закатил глаза. — Боги милосердные, неужели все Карстарки безумны?

— *Боги?* — переспросил Ричард Хорп. — Ты забываешься, Джастин. У нас есть лишь один бог. Не упоминай демонов в нашем обществе. Сейчас только Владыка Света может спасти нас. Или ты не согласен? — чтобы подчеркнуть свои слова, он положил руку на рукоять меча, но глаза его не отрывались от лица Джастина Масси.

Сир Джастин поник под этим взглядом:

— Владыка Света, да. Моя вера столь же сильна, сколь и твоя, Ричард, ты же знаешь.

— Я подвергаю сомнению твое мужество, Джастин, а не веру. Ты твердишь о поражении на каждом шагу с тех пор, как мы выехали из Темнолесья. Это заставляет меня задуматься, на чьей ты стороне.

Шея Масси покраснела:

— Я не намерен оставаться здесь и слушать оскорбления, — он рванул со стены свой влажный плащ с такой силой, что Аша услышала треск ткани, а затем вышел наружу, пройдя мимо Хорпа. Порыв холодного ветра пронесся через зал, поднимая пепел из костра и раздувая

пламя немного ярче.

Как быстро сломался , подумала Аша. *Мой защитник сделан из сала* . Тем не менее, сир Джастин был одним из немногих, кто стал бы возражать, попытайся люди королевы ее сжечь. Поэтому она встала на ноги, надела плащ и последовала за рыцарем в буран.

Она заблудилась, не успев пройти и десяти ярдов. Аша видела сигнальный огонь, горящий на вершине сторожевой башни — бледно-оранжевый свет, плывущий в воздухе. Всей остальной деревни не было видно. Аша осталась одна в белом мире снега и тишины, пробирающаяся через сугробы

высотой почти по пояс.

— *Джастин?* — позвала она.

Ответа не последовало. Где-то слева она услышала ржание лошади. *Бедняжка кажется напуганной. Возможно, она знает, что станет завтрашним ужином.* Аша поплотнее завернулась в плащ.

Двигаясь на ощупь, она, сама не зная как, вновь оказалась на главной площади деревни. На ней по-прежнему торчали сосновые столбы, обожженные и обуглившиеся, но не сгоревшие дотла. Она видела, что цепи, сковывавшие мертвецов, уже остыли, но все еще удерживали трупы в своих железных объятьях. На одном из тел сидел ворон, отрывая

клочки сожженной плоти, свисавшей с почерневшего черепа. Снег укрыл пепел и кострище и добрался почти до щиколоток мертвеца. *Старые боги хотят похоронить его*, подумала Аша. *Это была не их работа.*

— Присмотрись повнимательней, дырка, — зазвучал позади нее низкий голос Клейтона Саггса. — Ты будешь выглядеть так же очаровательно, когда тебя поджарят. Скажи мне, кальмары умеют кричать?

Бог моих отцов, если ты слышишь меня под волнами, в своих водных чертогах, даруй мне всего лишь один маленький метательный

топорик. Утонувший Бог не ответил. Он редко отвечал. Вот в чем проблема в общении с богами.

— Вы видели сира Джастина?

— Этого надутого дурня? Что тебе от него нужно, дырка? Если хочешь потрахаться, я куда больше мужик, чем Масси.

Опять дырка? Странно, как часто мужчины вроде Саггса использовали это слово, чтобы унижить женщин, хотя оно означало единственную женскую часть, которую они ценили. И Саггс был хуже, чем Средний Лиддл. *Когда он произносит подобные слова, он говорит их намеренно.*

— Ваш король оскотляет за

изнасилование, — напомнила она ему.

Сир Клейтон усмехнулся:

— Король наполовину ослеп, всматриваясь в пламя. Но не бойся, дырка, я не собираюсь тебя насиловать. После этого мне пришлось бы тебя убить, а я бы предпочел посмотреть, как тебя сожгут.

Снова лошадь.

— Вы слышали?

— Слышал что?

— Лошадь. Нет, лошади. Больше одной, — она повернула голову, прислушиваясь. Снег творит странные вещи со звуком. Тяжело было понять, откуда он доносится.

— Это что, какие-то кальмаровые штучки? Я не слышу..
— Саггс нахмурился. — Проклятье. Всадники. — Он нащупал перевязь своими неповоротливыми руками в перчатках из меха и кожи, и наконец смог вытащить меч из ножен.

К тому времени всадники уже приблизились.

Они появились из бури, как отряд призраков — крупные мужчины на маленьких лошадках, одетые в объемные меха, делавшие их еще больше. Мечи у их бедер гремели в ножнах, распевая негромкую песню стали. Аша увидела боевой топор, притороченный к седлу одного из всадников, и боевой молот за спиной

у другого. Видела она и щиты, но столь заледеневшие и занесенные снегом, что гербы на них невозможно было разглядеть. Несмотря на многочисленные слои шерсти, меха и вареной кожи, Аша чувствовала себя голой, стоя там. *Рог* , подумала она. *Мне нужен рог, чтобы поднять лагерь* .

— Беги, ты, глупая дырка! — закричал сир Клейтон. — Беги предупредить короля. Лорд Болтон наступает на нас. — Возможно, он и скотина, но мужества Саггсу было не занимать. С мечом в руке он двинулся через снег, встав между всадниками и королевской башней; ее сигнальный огонь мерцал позади

него, как оранжевый глаз какого-то неведомого бога.

— Кто идет? Стоять! *Стоять!*

Первый всадник остановился прямо перед ним. Позади него ехали и другие, возможно, пара десятков. У Аши не было времени сосчитать. Может быть, там, в метели, по пятам за ними шли сотни. Может быть, вся армия Русе Болтона надвигалась на них, скрытая темнотой и сильным снегопадом. Хотя эти...

Их слишком много, чтобы быть разведчиками, и слишком мало для авангарда. Двое — в черном. Ночной Дозор, внезапно поняла она.

— Кто вы? — окликнула Аша.

— Друзья, — ответил голос,

показавшийся ей знакомым. — Мы искали вас в Винтерфелле, но нашли только Амбера Воронье Мясо, бьющего в барабаны и гудящего в рога. Потребовалось некоторое время, чтобы найти вас.

Всадник спрыгнул с седла, откинул капюшон и поклонился. Его борода была такой густой и так сильно покрыта льдом, что сначала Аша его не узнала. Потом до нее дошло:

— *Трис?* — спросила она.

— Миледи, — Тристифер Ботли преклонил колено. — Кварл-Девница тоже здесь. Роггон, Злоязыкий, Пальцы, Грач... нас шестеро — все, кто способны были ехать верхом.

Кромм умер от ран.

— Что это такое? — потребовал ответа сир Клейтон Саггс. — Ты один из ее людей? Как тебе удалось освободиться из темниц Темнолесья?

Трис поднялся и стряхнул снег с колен.

— Сибелле Гловер предложили прекрасный выкуп за нашу свободу, и она приняла его от имени короля.

— Что за выкуп? Кто бы заплатил доброй монетой за морскую мразь?

— Я, сир, — говорящий выехал вперед на своей низкорослой лошадке. Он был очень высоким и очень худым, с такими длинными ногами, что они чуть ли не

волочились по земле. — Я нуждался в хорошей охране, чтобы в безопасности добраться до короля, а леди Сибелла хотела кормить поменьше ртов. — Шарф скрывал лицо высокого человека, но на его голове возвышалась самая странная шляпа, которую Аша видела с тех пор, как последний раз плавала в Тирош — сделанная из какой-то мягкой ткани башня без полей, похожая на три цилиндра, водруженных друг на друга. — Мне дали понять, что здесь я смогу найти короля Станниса. Очень важно, чтобы я немедленно поговорил с ним.

— И кто, семь проклятых адов,

ты такой?

Высокий человек грациозно слез с лошади, снял свой странный головной убор и поклонился:

— Имею честь представиться — Тайхо Несторис, покорный слуга Железного банка Браавоса.

Из всех странных созданий, которые могли появиться верхом на коне в ночи, в последнюю очередь Аша Грейджой ожидала бы увидеть браавосского банкира. *Слишком нелепо.* Она не удержалась от смеха.

— Ставка короля Станниса — в сторожевой башне. Я уверена, сир Клейтон с удовольствием проводит вас к нему.

— Это было бы весьма любезно.

Время имеет существенное значение,
— банкир изучил ее
проницательными темными глазами.
— Вы, если не ошибаюсь, леди Аша
из дома Грейджой.

— Да, я Аша из дома Грейджой.
По поводу того, леди ли я, мнения
разнятся.

Браавосец улыбнулся:

— Мы привезли вам подарок, —
он подозревал стоящего позади
человека. — Мы ожидали найти
короля в Винтерфелле. Увы, та же
снежная буря поглотила и замок. Под
его стенами мы встретили Морса
Амбера с отрядом зеленых
мальчишек, ждущих прихода короля.
Он дал нам это.

Девушка и старик , подумала Аша, когда их обоих грубо бросили в снег перед ней. Девушка сильно дрожала, несмотря на меха. Если бы она не была столь напугана, то могла бы даже показаться симпатичной, хотя кончик ее носа почернел от обморожения. Старик... никто бы никогда не посчитал его привлекательным. Даже на некоторых пугалах она видела больше плоти. Его лицо казалось черепом, обтянутым кожей, а волосы — белыми, как кость, и грязными. И он *вонял* . Один его вид вызвал у Аши отвращение.

Он поднял взгляд:

— Сестра. Видишь, на этот раз я

тебя узнал.

Сердце Аши екнуло:

— *Теон?*

Его губы расплылись в том, что, возможно, было усмешкой. Половину зубов он потерял, а добрая часть оставшихся сломалась и раскрошилась.

— Теон, — повторил он. — Меня зовут Теон. Нужно знать свое *имя* .

64. ВИКТАРИОН

Море было черным, а луна — серебряной, когда Железный Флот ринулся на добычу.

Они заметили ее в проливе между Кедровым островом и неровными холмами астапорского побережья — в точности, как предсказывал черный жрец Мокорро.

— Гискарец, — крикнул с «вороньего гнезда» Лонгуотер Пайк. Виктарион Грейджой с полубака наблюдал за тем, как увеличивается парус преследуемого корабля. Вскоре он уже мог разглядеть, как поднимаются и опускаются его

весла, рассмотреть сияющий в лунном свете белый след за его кормой, рассекающий море, словно шрам.

Не военный корабль , понял Виктарион. *Торговая галера, и большая* . Из нее выйдет отличный трофей. Он скомандовал своим капитанам начать погоню. Они возьмут судно на абордаж и захватят его.

Капитан галеры уже осознал грозящую ему опасность. Он сменил курс на западный, забирая к Кедровому острову, — возможно, в надежде укрыться в какой-нибудь незаметной бухте или заманить преследователей на зубчатые скалы у

северо-восточного берега. Но его галера была сильно загружена, а ветер оказался на стороне железнорожденных. «Горе» и «Железная победа» перерезали гискарцу путь, а стремительный «Ястреб-перепелятник» вместе с проворным «Боевым танцем» уже догоняли его. Но даже после этого гискарский капитан не опустил флаг. Когда к добыче подошел «Горестный плач», почти прижимаясь к ее левому борту и круша весла, оба корабля уже подплыли так близко к заколдованным развалинам Гозая, что слышался галдеж обезьян. Тем временем первые лучи рассвета омывали разрушенные городские

пирамиды.

Их трофей назывался «Рассвет Гискара», по словам капитана галеры, доставленного к Виктариону в цепях. Корабль был из Нового Гиса и как раз возвращался туда после торговли в Миэрин. Ни на одном пристойном языке капитан не говорил, только на гортанном гискарском — одно рычание да шипение. Виктариону Грейджою не доводилось слышать более мерзкого языка. Мокорро перевел слова капитана на общий язык Вестероса. Война за Миэрин выиграна, утверждал капитан; драконья королева мертва, и теперь городом правит гискарец по имени Хиздак.

Виктарион приказал вырвать его лживый язык. Дейенерис Таргариен *не* умерла, уверял его Мокорро; Рглор, его красный бог, явил ему лицо королевы в священном огне. Лжи Виктарион не переносил, так что гискарскому капитану связали руки и ноги и выкинули его за борт, как подношение Утонувшему Богу.

— Твой красный бог тоже получит должное, — пообещал лорд-капитан Мокорро. — Но морями правит Утонувший Бог.

— Нет богов кроме Рглора и Иного, чье имя нельзя называть.

Жрец-колдун носил одеяния мрачного черного цвета со следами золотого шитья по вороту, рукавам и

подолу. На борту «Железной победы» для него не нашлось красных одежд, но нельзя же было оставлять его в просоленном тряпье, в котором люди Полевки выловили его из моря. Так что Виктарион приказал Тому Тайдвуду сшить жрецу новую одежду из того, что нашлось под рукой. Он даже пожертвовал для этого несколько собственных туник, черно-золотых, ведь символ дома Греджоев — золотой кракен на черном поле. Тех же цветов были и паруса, и знамена. Пурпурно-алые одеяния красных жрецов казались железнорожденным чуждыми, но Виктарион надеялся, что если Мокорро наденет цвета Грейджоев,

то, возможно, людям будет легче принять его.

Эти надежды оказались напрасными. В черном с головы до пят и с маской из красно-оранжевого пламени, вытатуированной на лице, жрец выглядел зловеще как никогда. Матросы шарахались от него, если он шел по палубе, и плевались, когда на них падала его тень. Даже Полевка, выловивший красного жреца из моря, теперь убеждал Виктариона отдать его Утонувшему Богу.

Но Мокорро знал здешние берега куда лучше железнорожденных, и тайны драконов он тоже знал. *Вороний Глаз держит при себе колдунов, почему*

бы и мне не поступить так же? Его черный колдун могущественнее троих эуроновых, даже если бросить их в котел и превратить в единое варево. Мокроголовому такое бы не понравилось, но Эйерон далеко, а вместе с ним и его недовольство.

Так что Виктарион сжал обожженную руку в могучий кулак и сказал:

— «Рассвет Гискара» — неподходящее имя для корабля Железного Флота. Для тебя, колдун, я переименую его в «Гнев красного бога».

Маг склонил голову:

— Как скажет капитан.

И кораблей в Железном Флоте

снова стало пятьдесят четыре.

На следующий день на них обрушился неожиданный шквал. Его Мокорро тоже предсказывал. Когда дожди прошли, обнаружилось, что исчезли три корабля. Виктариону не знал, что с ними случилось — они могли затонуть, разбиться о берег или сбиться с курса.

— Им известно, куда мы направляемся, — объявил он команде. — Если они еще на плаву, то мы снова встретимся с ними.

Железный капитан не мог тратить время на ожидание отстающих, когда его невеста окружена врагами. *Прекраснейшей женщине мира срочно нужен мой*

топор.

Кроме того, Мокорро уверял, что эти три корабля не потеряны. Каждую ночь колдун разводил огонь на носу «Железной победы» и бродил вокруг него, распевая молитвы. В свете пламени его черная кожа блестела, как полированный оникс, а порой Виктарион готов был поклясться, что языки пламени, вытатуированные на лице жреца, тоже танцуют, крутятся и изгибаются, сливаясь друг с другом и меняя цвет с каждым поворотом его головы.

«Черный жрец призывает демонов на наши головы», — так во всеуслышание сказал один из

гребцов. Когда его слова донесли до Виктариона, он приказал всыпать этому человеку столько плетей, что спина его от плеч до ягодиц превратилась в кровавое месиво. И когда Мокорро объявил: «Твои заблудшие ягнята вернутся в стадо у острова под названием Ярос», капитан ответил: «Молись, чтобы так и случилось, жрец. Или ты будешь следующим, кто отведаёт кнута».

Море было синим и зеленым, а солнце ярко светило с чистого синего неба, когда в водах к северо-западу от Астапора Железному Флоту достался второй трофей.

На сей раз им попался мирийский когг под названием

«Голубка», несущий груз ковров, сладких зеленых вин и мирийских кружев через Новый Гис в Юнкай. У капитана нашелся «мирийский глаз», благодаря которому далекие вещи казались близкими — пара стеклянных линз в нескольких латунных трубках, сработанных так, что каждый кусок трубки можно было задвинуть в следующий, пока «глаз» не становился размером с кинжал. Это сокровище Виктарион забрал себе. Кораблю он дал новое имя — «Сорокопут». Капитан приказал оставить команду в живых, чтобы получить выкуп. Они были не рабами и не работоторговцами, а свободными мирийцами и опытными

морьяками. Такие люди стоили хороших денег. «Голубка» плыла из Мира, так что не принесла им свежих новостей о Миэрине или Дейенерис — лишь старые известия о дотракийских всадниках вдоль Ройны, о походе Золотых Мечей и прочих уже известных Виктариону вещах.

— Что ты видишь? — спросил капитан своего черного жреца той ночью, когда Мокорро стоял над молитвенным огнем. — Что ждет нас завтра? Новые дожди? — ему казалось, что пахнет дождем.

— Серое небо и сильный ветер, — ответил Мокорро. — Без дождей. Позади тигры, а впереди ждет твой

дракон.

Твой дракон . Виктариону понравилось, как это звучит.

— Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю, жрец.

— Капитан приказывает, и я повинуюсь, — произнес Мокорро. Команда прозвала его Черным Пламенем, это пошло со Стеффара-Заики, который не мог выговорить «Мокорро». Но каким именем его ни зови, жрец обладал могуществом. — Здесь линия берега уходит с запада на восток, — сказал он Виктариону. — Там, где она повернет на север, вы найдете еще двух зайцев, быстрых и многоногих.

Так оно и вышло. Теперь их

добычей стали две длинных, быстрых, гладких галеры. Первым их увидел Хромой Ральф, но вскоре эти галеры обогнали «Печаль» и «Напрасную надежду», так что Виктариону пришлось послать за ними три своих самых быстрых корабля — «Железное Крыло», «Ястреба-Перепелятника» и «Поцелуй Кракена». Погоня длилась почти весь день, и в конце концов, после короткого, но жестокого боя, обе галеры были захвачены. Они шли порожними, как выяснил Виктарион, и направлялись в Новый Гис за припасами и оружием для гискарских легионов, стоявших под Миэрином... и за новыми

легионерами на замену умершим.

— Убитым в бою? — уточнил Виктарион.

Команды галер опровергли это: речь шла об умерших от кровавого поноса. «Бледная кобыла», так они называли болезнь. Как и капитан с «Рассвета Гискара», капитаны галер повторили ложь о смерти Дейенерис Таргариен.

— Поцелуйте ее от меня, в каком бы аду вы ее ни встретили, — произнес Виктарион. Он приказал принести топор и отрубил им головы на том же самом месте. После этого он казнил и их команды, сохранив жизнь только рабам, прикованным к веслам. Он собственноручно

освободил их от цепей и объявил, что теперь они свободные люди и удостоились привилегии грести за Железный Флот — чести, о которой с детства мечтает любой мальчик с Железных Островов. — Королева драконов освобождает рабов, и я тоже, — провозгласил он.

Галерам он дал новые имена — «Призрак» и «Тень».

— Ибо они вернутся к юнкайцам и настигнут их, — сказал он смуглянке той ночью, утолив с ней свое желание. Они уже были близки к цели, и становились все ближе с каждым днем. — Мы поразим их, как молния, — пообещал он, сжимая груди женщины. Он

гадал, так ли чувствовал себя его брат Эйерон, когда с ним говорил Утонувший Бог. Он и сам почти слышал голос бога, звучащий из морских глубин. *Ты хорошо послужишь мне, мой капитан*, казалось, говорили волны. *Для этого ты и рожден.*

Но он накормит и красного бога, огненного бога Мокорро. Рука, которую вылечил жрец, выглядела отвратительно — хрустящая корочка, как на жареной свинине, покрывала ее от локтя до кончиков пальцев. Иногда, когда Виктарион сжимал кулак, кожа трескалась и дымилась, но, тем не менее, рука стала сильнее, чем когда-либо.

— Два бога сейчас со мной, — сказал он смуглянке. — Ни один враг не устоит перед двумя богами. — После этого он перевернул ее на спину и взял снова.

Когда по левому борту показались скалы Яроса, он увидел три своих потерянных корабля, дожидавшихся его, как и предсказывал Мокорро. В качестве награды Виктарион подарил жрецу золотое ожерелье.

Теперь перед ним стоял выбор: рискнуть и поплыть через пролив, или же отправить Железный Флот вокруг острова. Воспоминания о Светлом острове все еще терзали память железного капитана.

Железный Флот тогда оказался запертым в проливе между островом и материком, и Станнис Баратеон обрушился на него с севера и с юга, нанеся Виктариону самое сокрушительное в его жизни поражение. Но плавание вокруг Яроса стоило бы ему драгоценных дней. В такой близости от Юнкая путь через пролив обещал быть тяжелым, но он не ожидал столкновений с юнкайскими военными кораблями до тех пор, пока они не окажутся неподалеку от Миэрина.

Как бы поступил Вороний Глаз?

Он поразмышлял над этим и приказал своим капитанам:

— Идем через пролив.

К тому времени, как Ярослав остался за кормой, они захватили еще три трофея. Богатый галеас покорился «Горю» и Полевке, а торговая галера — Манфриду Мерлину и «Коршуну». Их трюмы были полны товаров, нагружены винами, шелками и специями, дорогой древесиной и редкими благовониями, да и сами корабли стали настоящей наградой. Позднее в тот же день «Семь черепов» и «Проклятие рабов» захватили рыболовецкое суденышко, маленькое, медлительное и грязное — едва ли вообще стоило за ним охотиться. Виктарион остался недоволен,

услышав, что для захвата рыбаков понадобилось два его судна. Но именно от этих пленников он услышал о возвращении черного дракона.

— Серебряная королева исчезла, — сообщил ему хозяин посудыны. — Она улетела на своем драконе к Дотракийскому морю.

— Где это Дотракийское море? — требовательно спросил он. — Я переплыву его с Железным Флотом и найду королеву, где бы она ни была.

Рыбак громко расхохотался:

— Хотелось бы мне на это посмотреть. Дотракийское море — это море травы, болван!

Не стоило так говорить.

Виктарион схватил его за горло обожженной рукой и поднял в воздух. С силой прижав рыбака к мачте, он сжимал руку, пока лицо юнкаяца не сделалось черным, как пальцы, впивавшиеся в его плоть. Некоторое время мужчина пинался и корчился, безуспешно пытаясь вырваться из хватки капитана.

— Никто не смеет называть Виктариона Грейджоя болваном и жить дальше, хвастаясь этим.

Когда он разжал пальцы, безвольное тело рыбака рухнуло на палубу. Лонгуотер Пайк и Том Тайдвуд вышвырнули его за борт — еще одно подношение Утонувшему Богу.

— Твой Утонувший Бог — демон, — сказал позже черный жрец Мокорро. — Он всего лишь раб Иного, темного бога, чье имя нельзя называть.

— Осторожнее, жрец, — предостерег его Виктарион. — Здесь, на корабле, есть набожные люди, которые могут вырвать тебе язык за подобное богохульство. Твой красный бог получит причитающееся ему, клянусь. Мое слово — железо. Спроси любого.

Жрец склонил голову:

— В этом нет необходимости. Владыка Света показал мне твою ценность, лорд-капитан. Каждую ночь в пламени передо мной

проносятся видения о славе, которая тебя ожидает.

Такие слова весьма понравились Виктариону Грейджою, о чем он сообщил ночью смуглянке:

— Мой брат Бейлон был великим человеком, — сказал он. — Но я должен совершить то, чего он не смог. Железные Острова снова станут свободными, а Старый Закон опять вступит в силу. Даже Дагону не удалось добиться этого. — Почти сто лет прошло с тех пор, как Дагон Грейджой восседал на Морском Троне, но железнорожденные все еще рассказывали истории о его налетах и сражениях. В дни Дагона Железный Трон занимал слабый

король, устремлявший взор своих слезящихся глаз за Узкое море — туда, где бастарды и изгнанники замыслили мятеж. А тем временем с Пайка отплыл лорд Дагон, чтобы сделать Закатное море своим. — Он бросил вызов льву в его логове и завязал хвост лютоволка узлом, но даже Дагон не смог победить драконов. А я заполучу драконью королеву. Она разделит со мной постель и принесет мне много могучих сыновей.

В ту ночь в Железном Флоте насчитывалось шестьдесят кораблей.

К северу от Яроса чужие паруса встречались все чаще. Железнорожденные подошли очень

близко к Юнкаю, и побережье между Желтым Городом и Миэрином кишело торговыми судами и кораблями с провизией, снующими туда и обратно, поэтому Виктарион увел Железный Флот подальше в открытое море, чтобы его не было видно с суши. Но даже там они могли столкнуться с другими судами.

— Не позволяйте никому уйти и предупредить наших врагов, — приказал железный капитан. И никто не ушел.

Море было зеленым, а небо — серым в то утро, когда «Несчастье», «Бой-баба» и собственный корабль Виктариона «Железная победа» захватили галеру работорговцев из

Юнкая в водах к северу от Желтого Города. В ее трюмах они нашли двадцать надушенных мальчиков и восемьдесят девочек, предназначенных для домов удовольствий Лисса. Команда галеры не была готова встретить опасность так близко к своим внутренним водам, и железнорожденным не составило труда захватить судно, которое называлось «Усердная девица».

Виктарион предал работорговцев мечу, а затем послал своих людей вниз освободить гребцов:

— Теперь вы гребете для меня. Делайте это старательно, и будете

процветать.

Девушек он распределил среди капитанов:

— Лиссенийцы собирались сделать из вас шлюх, — сказал он им, — но мы вас спасли. Теперь вместо многих мужчин вам нужно обслуживать всего одного. Те, кто доставят удовольствие своим капитанам, смогут стать морскими женами, а это весьма почетно.

Надушенных мальчиков он обмотал цепями и выбросил в море. Они были противоестественными созданиями, и корабль стал пахнуть лучше, когда его очистили от их присутствия.

Для себя Виктарион отобрал

семь девушек. Одну — с золотисторыжими волосами и веснушками на сиськах. Другую — с полностью выбритым телом. Еще одну — кареглазую шатенку, робкую, словно мышка. Следующая обладала самой большой грудью, какую он когда-либо видел. Пятая была маленькой, с прямыми черными волосами и золотой кожей. Шестая — белая, словно молоко, с золотыми кольцами в сосках и нижних губах. Седьмая — черная, как чернила кальмара. Работоторговцы из Юнкая обучили их пути семи вздохов, но Виктарион выбрал их не поэтому. Для удовлетворения аппетита ему хватало и смуглянки — до тех пор, конечно,

пока он не достигнет Миэрина и не потребует свою королеву. Кому нужны свечи, когда его ждет само солнце?

Галеру переименовали в «Вопль работоторговца». С ней Железный Флот увеличился до шестидесяти одного корабля.

— Каждое захваченное судно делает нас сильнее, — сказал Виктарион своим железнорожденным, — но теперь будет сложнее. Завтра или послезавтра мы встретимся с боевыми кораблями. Мы входим в воды Миэрина, где нас ждут флотилии наших врагов. Нам предстоит столкнуться с судами всех

трех Городов Работорговцев, с кораблями из Толоса, Элирии и Нового Гиса, даже из Кварта. — Он старался не упоминать в своих речах о зеленых галерах Старого Волантиса, которые наверняка плыли через залив Печали, даже когда он произносил эти слова. — Работорговцы — слабые создания. Вы видели, как они убегают от нас, вы слышали, как они вопят, когда мы предаем их мечу. Каждый из вас стоит двадцати таких, как они, ведь только мы сделаны из железа. Помните это, когда мы заметим их корабли. Никого не щадите и не ожидайте пощады. Пощада, зачем она нам? Мы железнорожденные, и два

бога присматривают за нами. Мы захватим корабли работорговцев, сокрушим их надежды и превратим в кровь воду их залива.

Его слова встретили бурными возгласами. С мрачным выражением лица капитан кивнул в ответ, а затем велел привести на палубу семь отобранных им девушек, самых красивых из всех, что были на борту «Усердной девицы». Он поцеловал каждую в щеку и рассказал им об ожидающей их чести, хотя они и не понимали его слов. Потом он отвел их на борт суденышка, что они захватили ранее, отвязал его и поджег.

— Этим даром невинности и

красоты мы почтим обоих богов, — провозгласил он, когда боевые корабли Железного Флота проплывали мимо горящего рыболовецкого судна. — Пусть же девицы переродятся в свете, не испорченными земной похотью, или пусть спустятся в подводные чертоги Утонувшего Бога, чтобы пировать, танцевать и смеяться, пока не высохнут моря.

Ближе к концу, перед тем как море поглотило дымящееся судно, крики семи красоток превратились в радостную песню, как показалось Виктариону Грейджою. Затем поднялся сильный ветер, ветер, что наполнял паруса и гнал их корабли

на север, на восток и снова на север, к Миэрину с его пирамидами из разноцветных кирпичей. *На крыльях песни я лечу к тебе, Дейенерис*, думал железный капитан.

Той ночью он впервые принес драконий рог, найденный Вороньим Глазом среди дымящихся пустошей великой Валирии. Рог был витым, шести футов в длину, блестящий, черный, скрепленный кольцами из красного золота и темной валирийской стали. *Рог Эурана из самой преисподней*. Виктарион провел по нему рукой — теплый и гладкий, словно бедра смуглянки, и такой блестящий, что в его глубине можно было узнать собственное

искаженное отражение. Странные колдовские письма виднелись на кольцах, опоясывающих рог.

— Валирийские глифы, — назвал их Мокорро.

Это Виктарион знал.

— Что они означают?

— Многое, — черный жрец указал на одно из золотых колец. — Здесь написано имя рога. «Я — привязь дракона». Ты слышал, как он звучит?

— Однажды. — Один из прихвостней его брата протрубил в адский рог во время вече на Старом Вике. Чудовище, а не человек — громадный, с бритой головой, с золотыми, нефритовыми и

гагатовыми браслетами на мощных мускулистых руках, с огромным ястребом, вытатуированном на груди. — Звук, что он издал... он как будто жег. Будто мои кости горели, сжигая плоть изнутри. А письмена светились ярко-красным, а затем раскаленно-белым, на них было больно смотреть. Казалось, тот звук никогда не прекратится. Он походил на долгий протяжный вопль. На тысячу воплей, слившихся воедино.

— А что случилось с человеком, который в него трубил?

— Он умер. У него на губах появились кровавые пузыри. Его птица тоже сочилась кровью, — капитан ударил себя в грудь. —

Ястреб, вот здесь. С каждого пера капала кровь. Я слышал, что человек сгорел изнутри, но это, должно быть, уже просто рассказы.

— Правдивые рассказы, — Мокорро перевернул дьявольский рог, изучая причудливые буквы, ползущие по второму золотому кольцу. — Тут написано: *« Ни один смертный не сможет извлечь из меня звук и остаться живым »*.

Виктарион мрачно размышлял о предательстве брата. *Подарки Эурана всегда отравлены* .

— Вороний Глаз поклялся, что рог подчинит драконов моей воле. Но как же они будут служить мне, если цена — смерть?

— Твой брат не сам дул в рог. И ты не обязан, — Мокорро указал на кольцо из стали. — Вот здесь. «*Кровь за пламя, пламя за кровь* ». Не важно, кто протрубит в рог из преисподней. Драконы придут к его владельцу. Ты должен *стать* хозяином рога. При помощи крови.

65. МАЛЕНЬКАЯ УРОДЛИВАЯ ДЕВОЧКА

Одиннадцать слуг Многоликого собрались той ночью под храмом — больше, чем она когда-либо видела в одно время и в одном месте. Только молодой лорд и толстяк пришли через входную дверь, остальные проникли тайными путями, через туннели и скрытые проходы. Они носили закрытые черно-белые мантии, но усевшись, каждый скинул капюшон и показал лицо, которое решил надеть сегодня. Высокие

стулья были вырезаны из черного эбенового дерева и белого чардрева, как двери храма наверху. Со спинок черных стульев смотрели лики из белого дерева, а со спинок белых — черные.

Она держала графин с водой. Второй прислужник стоял на другой стороне комнаты с темно-красным вином. Когда кто-нибудь из слуг Многоликого желал пить, он поднимал глаза или манил их пальцем, и один из них либо оба подходили и наполняли его чашу. Но большую часть времени они стояли, ожидая взглядов, которых так и не было. *Я высечена из камня, напомнила она себе. Я статуя, как*

те Морские Лорды вдоль Канала Героев. Графин весил немало, но ее руки были сильными.

Жрецы говорили на языке Браавоса, но один раз трое из них несколько минут возбужденно обсуждали что-то на высоком валирийском. По большей части девочка понимала слова, но они беседовали приглушенными голосами, и она не всегда могла расслышать.

— Я знаю этого человека, — услышала она голос жреца с лицом, обезображенным болезнью.

— Я знаю этого человека, — эхом отозвался толстяк, как раз когда она наливала ему воды.

Но красивый мужчина произнес:
— Я вручу ему дар, я его не
знаю.

Позже косоглазый сказал то же
самое о ком-то еще.

После трех часов вина и слов,
жрецы разошлись... все, кроме
доброго человека, призрака и того, с
отметинами после болезни. Его щеки
были покрыты мокнущими язвами, а
волосы выпали. Кровь капала у него
из одной ноздри и запеклась
корочкой в уголках глаз.

— Наш брат хотел бы
поговорить с тобой, дитя, — сообщил
ей добрый человек. — Присядь, если
хочешь.

Она села на стул из чардрева, с

ликом из черного дерева на спинке. Кровавые язвы ее не пугали. Она слишком долго пробыла в Черно-Белом Доме, чтобы бояться фальшивого лица.

— Кто ты? — спросило безобразное лицо, когда они остались одни.

— Никто.

— Неправда. Ты Арья из дома Старков, которая кусает губы и не умеет лгать.

— Я была ею. А теперь — нет.

— Зачем ты здесь, лгунья?

— Чтобы служить. Учиться.

Изменить мое лицо.

— Сначала измени свое сердце.

Дар Многоликого — не детская

забава. Ты бы убивала ради собственных целей, для собственного удовольствия. Ты отрицаешь это?

Она прикусила губу:

— Я...

Он влепил ей пощечину.

Из-за удара щека горела, но она знала, что заслужила его.

— Спасибо. — Несколько пощечин, и, возможно, она перестанет жевать губы. Так делала *Арья*, а не ночной волк. — Я отрицаю это.

— Ты лжешь. Я вижу правду в твоих глазах. У тебя глаза волка и тяга к крови.

Сир Грегор, не могла не подумать она. *Дансен, Рафф-*

красавчик, сир Илин, сир Меррин, королева Серсея . Если она заговорит, то придется лгать, а он это поймет. Она промолчала.

— Мне сказали, ты была кошкой. Сновать по пахнущим рыбой переулкам, продавать устрицы и мидии за монеты... Маленькая жизнь, которая хорошо подходит такому маленькому существу, как ты. Попроси, и все вернется. Толкай свою тележку, кричи про своих моллюсков и довольствуйся этим. У тебя слишком мягкое сердце, чтобы быть одной из нас.

Он хочет отослать меня.

— У меня нет сердца. Только пустота. Я убила много людей. Я

могла бы убить вас, если бы хотела.

— И было бы это сладким на вкус?

Она не знала правильный ответ:

— Может быть.

— Тогда тебе здесь не место. В этом доме у смерти нет сладости. Мы не воины, не солдаты, не чванливые бравы, лопающиеся от собственной гордыни. Мы не убиваем, чтобы послужить некому лорду, чтобы набить наши кошельки, чтобы польстить нашему тщеславию. Мы никогда не приносим дар в угоду себе. И мы не выбираем тех, кого убиваем. Мы всего лишь слуги Многоликого Бога.

— *Валар дохаэрис* .

Все люди должны служить.

— Ты знаешь слова, но слишком горда, чтобы служить. Слуге полагается быть смиренным и покорным.

— Я покорна. И могу быть смиреннее, чем кто-либо.

Это вызвало у него смешок:

— Уверен, ты будешь самой богиней смирения. Но можешь ли ты заплатить?

— Какую цену?

— Цена — ты. Цена — это все, что у тебя есть, и все, что ты когда-либо можешь надеяться получить. Мы взяли твои глаза и вернули их обратно. Потом мы заберем твои уши, и ты будешь ходить в тишине.

Ты отдашь нам свои ноги и будешь ползать. Ты не будешь ничьей дочерью, ничьей женой, ничьей матерью. Твое имя будет ложью, а само лицо, которое ты носишь, перестанет быть твоим.

Она чуть было снова не прикусила губу, но на сей раз поймала себя на этом и сумела остановиться. *Мое лицо — темная водная гладь, что скрывает все и не выдает ничего.* Она подумала обо всех именах, которые носила: Арри, Ласка, Кошка-Кет. Она подумала о той глупой девчонке из Винтерфела, прозванной Арьей-Лошадкой. Имена не имели значения.

— Я могу заплатить цену. Дайте

мне лицо.

— Лица надо заслужить.

— Скажите мне, как.

— Принести определенному

человеку определенный дар.

Сумеешь?

— Какому человеку?

— Тому, кого ты не знаешь.

— Я не знаю многих людей.

— Он один из них. Незнакомец.

Не тот, кого ты любишь, не тот, кого ненавидишь, не тот, кого ты когда-либо знала. Ты убьешь его?

— Да.

— Тогда завтра ты снова будешь

Кошкой-Кет. Носи ее лицо,

наблюдай, повинуйся. И мы

посмотрим, действительно ли ты

достойна служить Тому, у кого
Множество Лиц.

На следующий день она
вернулась к Бруско и его дочерям в
дом на канале. Увидев ее, Бруско
округлил глаза, а Брея тихо
выдохнула.

— *Валар моргулис*, — сказала
Кет вместо приветствия.

— *Валар дохаэрис* , — ответил
Бруско.

Потом все стало так, как будто
она никогда не уходила.

Она впервые увидела человека,
которого должна была убить, тем же
утром — когда катила свою тележку
через мощенные улицы, выходящие на
Пурпурную гавань. Он оказался

стариком, далеко за пятьдесят. *Он прожил слишком долго* , попыталась сказать она себе. *Почему он должен жить так долго, а мой отец — так мало?* Но Кошка-Кет никогда не знала отца, поэтому оставила непрошенную мысль.

— *Устрицы, мидии и моллюски* ,
— выкрикивала Кет, пока он проходил мимо, — *устрицы, креветки и жирные зеленые мидии!*

Она даже улыбнулась ему. Иногда одной улыбки достаточно, чтобы люди остановились и купили. Старик не улыбнулся в ответ. Он посмотрел на нее сердито и пошел дальше, шлепая по грязной луже. Брызги намочили ей ноги.

Он совсем не вежливый , думала она, глядя ему вслед. *У него жесткое и злое лицо.* У старика был узкий острый нос, тонкие губы, маленькие, близко посаженные глаза. Волосы поседели, но маленькая заостренная бородка все еще оставалась черной. Кет решила, что она, должно быть, крашенная, и задумалась, почему он тогда не покрасил и волосы. Одно плечо у него было выше другого, искривляя осанку.

— Он плохой человек, — объявила она тем вечером, вернувшись в Черно-Белый Дом. — У него жестокие губы, подлые глаза и борода как у злодея.

Добрый человек усмехнулся:

— Он такой же, как любой другой, в нем есть и свет, и тьма. Не тебе его судить.

Это заставило ее призадуматься.

— Боги осудили его?

— Некоторые, может быть. Зачем тогда боги, если не для того, чтобы вершить суд над людьми? Однако Многоликий не оценивает человеческие души. Он одаривает лучших вместе с худшими. Иначе хорошие люди жили бы вечно.

Хуже всего были руки старика, решила Кет на следующий день, когда следила за ним из-за своей тележки. Его длинные костлявые пальцы всегда находились в движении: скребли бороду, теребили

уши, барабанили по столу, дергались, дергались, дергались. *Его руки как два белых паука.* Чем дольше она смотрела на эти руки, тем сильнее начинала их ненавидеть.

— Он слишком много шевелит руками, — сказала она в храме. — Наверное, он полон страха. Дар принесет ему покой.

— Дар всем приносит покой.

— Он заглянет мне в глаза и поблагодарит, когда я буду его убивать.

— Это будет означать, что ты провалилась. Лучше всего, если он тебя вообще не заметит.

Старик был кем-то вроде купца, заключила Кет после нескольких

дней наблюдения. Его торговля имела отношение к морю, хотя он ни разу за все это время не ступил на корабль. Он проводил дни, сидя в суповой лавке неподалеку от Пурпурной гавани. Чашка с луковым бульоном остывала у его локтя, пока он перетасовывал бумаги, ставил печати и резким тоном разговаривал с капитанами, судовладельцами и другими купцами. Казалось, он не нравится никому из них.

И все же они приносили ему деньги: кожаные кошельки, набитые золотом, серебром и железными квадратными монетами Браавоса. Старик тщательно пересчитывал их, сортировал и аккуратно раскладывал,

подобные к подобным. Он никогда не смотрел на монеты. Вместо этого он прикусывал каждую, всегда левой стороной рта, где еще оставались все зубы. Время от времени он закручивал одну из них и прислушивался к звуку, который издавала монета, звонко ударяясь о стол.

Когда все монеты были подсчитаны и попробованы на вкус, старик небрежно писал что-то на пергаменте, ставил свою печать и отдавал капитану. Или же качал головой и швырял деньги обратно через стол. В таких случаях его собеседник краснел и сердился или бледнел и выглядел испуганным.

Кет не понимала:

— Они платят золотом и серебром, а он только дает им писанину. Они что, дураки?

— Кто-то, возможно. Большинство же просто осторожны. Некоторые надеются смошенничать. Однако он не из тех, кого легко обвести вокруг пальца.

— Но что он им *продает* ?

— Он дает каждому расписку. Если их корабли захватят пираты или пустит на дно шторм, он обещает выплатить стоимость судна с грузом.

— Что-то вроде пари?

— В каком-то смысле. Пари, которое каждый капитан надеется проиграть.

— Да, но если они выиграют...

— ...то проиграют свои корабли, часто даже собственные жизни. Моря опасны, особенно осенью. Без сомнения, не один тонущий капитан нашел маленькое утешение в этой браавосской расписке, зная, что его вдова и дети не будут нуждаться, — грустная улыбка мелькнула на его губах. — Хотя одно дело подписать такие обязательства, и другое — их соблюдать.

Кет поняла. *Один из них ненавидит его. Один из них пришел в Черно-Белый Дом, умоляя бога забрать его.* Ей было интересно, кто, но добрый человек не собирался

рассказывать.

— Не стоит тебе совать нос в такие дела, — заметил он. — Кто ты?

— Никто.

— Никто не задает вопросов, — он взял ее за руки. — Если ты не можешь это сделать, просто скажи. Здесь нет ничего постыдного. Кто-то способен служить Многоликому, а кто-то нет. Одно твое слово, и я освобожу тебя от задания.

— Я сделаю это. Я же сказала. Я сделаю.

Только вот *как* ? Тут начинались трудности.

У него была охрана, двое мужчин: один — высокий и худой, другой — низкий и толстый. Они

всюду следовали за ним: с момента, как он выходил из своего дома, и до той поры, когда он возвращался ночью. Они следили, чтобы никто не подходил к старику без его разрешения. Как-то раз по дороге домой из суповой лавки в него чуть не врезался шатающийся пьяница, но высокий встал между ними и так резко отпихнул пьянчугу, что тот упал на землю. В суповой лавке низкий всегда пробовал луковый бульон первым. Прежде чем сделать глоток, старик всегда ждал, пока бульон остынет, — достаточно долго, чтобы заметить, если охранник почувствует недомогание.

— Он опасается, — осознала

она, — или же знает, что кто-то хочет его убить.

— Он не знает, — ответил добрый человек, — но догадывается.

— Охранники следуют за ним, даже когда он выходит помочиться, — сказала она. — Но он-то за ними в уборную не идет. Высокий быстрее. Я подожду, пока его не припрет, зайду в суповую лавку и воткну нож старику в глаз.

— А другой охранник?

— Он медлительный и глупый. Его я тоже смогу убить.

— Разве ты какой-то отчаянный рубака на поле битвы, кромсающий каждого на своем пути?

— Нет.

— Надеюсь, что так. Ты слуга Многоликого Бога, а мы, его служители, вручаем дар только отмеченным и выбранным.

Она поняла. *Убей старика. Убей только его.*

Ей потребовалось еще три дня наблюдений, чтобы придумать способ, и один день — для практики с карманным ножиком. Красный Рогго научил ее с ним обращаться, но она не срезала кошельки с тех пор, как у нее забрали глаза. Она хотела убедиться, что по-прежнему знает, как это делается. *Плавно и быстро, вот так, не мешкать*, говорила она себе, и маленькое лезвие выскальзывало из ее рукава: снова, и

снова, и снова. Удостоверившись, что все еще умеет им пользоваться, она точила бруском сталь, пока острие не замерцало серебристо-голубым в свете свечи. Другая часть была каверзней, но женщина-призрак ей поможет.

— Завтра я принесу дар тому человеку, — заявила она во время завтрака.

— Многоликий будет доволен, — добрый человек встал. — Кошку-Кет знают многие. Если ее заметят, это может навлечь неприятности на Бруско и его дочерей. Настало время для другого лица.

Девочка не улыбнулась, но про себя порадовалась. Потеряв однажды

Кет, она скорбела по ней. Она не хотела терять ее снова.

— Как я буду выглядеть?

— Уродливо. Женщины будут отворачиваться при виде тебя. Дети будут таращиться и показывать пальцем. Сильные мужчины будут жалеть тебя, а кто-нибудь, возможно, прольет слезу. Увидевший тебя, забудет не скоро. Пойдем.

Добрый человек снял с крючка железный фонарь и повел ее мимо тихого черного бассейна и ряда темных молчаливых богов к лестнице в задней части храма. Призрак присоединилась к ним во время спуска. Никто не разговаривал. Единственным звуком было мягкое

шуршание туфель по ступенькам. Восемнадцать ступеней привели их в склеп, откуда расходились пять арочных коридоров, как пальцы на руке. Здесь внизу ступеньки сужались и становились круче, но девочка тысячу раз пробегала по ним вверх и вниз и не боялась их. Еще двадцать две ступеньки, и они пришли в подземелье. Туннели здесь были тесными и кривыми: черные кротовины, извивающиеся в самом сердце огромной скалы. Один проход закрыт тяжелой железной дверью. Жрец повесил фонарь на крюк, скользнул рукой внутрь своей мантии и вытащил узорчатый ключ.

По ее рукам поползли мурашки.

Святилище . Они собирались спуститься еще ниже, на третий уровень, к тайным комнатам, куда допускались только жрецы.

Три раза очень тихо щелкнул ключ, пока добрый человек проворачивал его в замке. Дверь беззвучно распахнулась на смазанных маслом железных петлях. За ней оказались еще ступеньки, высеченные в скале. Жрец вновь снял фонарь и прошел вперед. Девочка следовала за светом, считая на ходу. *Четыре, пять, шесть, семь.* Она пожалела, что не взяла с собой свою палку. *Десять, одиннадцать, двенадцать.* Она знала, сколько ступенек от храма до подвала и от

подвала до подземелья, она даже посчитала ступени на тесной винтовой лестнице, которая закручивалась на чердак, и перекладины крутой деревянной лесенки, ведущей к двери на крышу и продуваемому ветром выступу снаружи.

Однако эта лестница была ей незнакома и потому могла быть опасной. *Двадцать один, двадцать два, двадцать три.* С каждым шагом воздух, казалось, становился немного холоднее. Досчитав до тридцати, она поняла, что они уже где-то под каналами. *Тридцать три, тридцать четыре.* Как долго им еще спускаться?

Она досчитала до пятидесяти четырех, когда ступеньки наконец-то закончились у другой железной двери. Эта была не заперта. Добрый человек толкнул ее и шагнул внутрь. Девочка последовала за ним, женщина-призрак шла позади. Их шаги эхом отзывались в темноте. Добрый человек поднял свой фонарь и щелкнул, открыв настежь шторы. Свет хлынул на стены.

Тысячи лиц уставились на нее.

Они висели на стенах, перед ней и позади, сверху и снизу, везде, куда бы она ни посмотрела, в какую бы сторону ни повернулась. Она видела молодые лица и старые, бледные и темные, гладкие и морщинистые,

веснушчатые и покрытые рубцами, симпатичные и неприглядные, мужские и женские, лица мальчиков, девочек и даже младенцев, лица улыбающиеся и нахмуренные, лица, полные алчности, гнева и похоти, гладкие лица и лица, покрытые щетиной. *Маски* , сказала она себе, *просто маски* , но даже в тот самый момент она знала, что это не так. Они были из кожи.

— Они пугают тебя, дитя? — спросил добрый человек. — Еще не поздно покинуть нас. Ты, правда, этого хочешь?

Арья прикусила губу. Она не знала, чего хочет. *Если я уйду, то куда?* Она раздела и перемыла сотни

трупов, мертвые не страшили ее. *Они переносят их сюда и срезают с них лица, что с того?* Она была ночным волком, лоскуты кожи не могли ее напугать. *Просто кожаные маски, они не могут мне навредить.*

— Сделайте это, — выпалила она.

Он провел ее через всю комнату, мимо ряда туннелей, идущих к боковым проходам. Свет его фонаря освещал каждый по очереди. Стены одного прохода были отделаны человеческим костями, а его потолок подпирали колонны из черепов. Другой вел к винтовой лестнице, спускающейся еще ниже. *Сколько же там подвалов?* удивилась она. *Они*

что, продолжают до
бесконечности?

— Сядь, — скомандовал жрец.

Она села.

— Теперь закрой глаза, дитя.

Она закрыла глаза.

— Будет больно, — предупредил он ее. — Но такова плата за могущество. Не шевелись.

Неподвижная, словно камень , думала она. Она сидела, не шевелясь. Надрез был быстрым, лезвие — острым. Прикосновение металла к плоти должно холодить, но вместо этого она ощущала тепло. Она чувствовала, как кровь заливает ей лицо, мягко ниспадая красной завесой по лбу, щекам и подбородку.

Она поняла, почему жрец заставил ее закрыть глаза. Кровь дошла до губ и оставила на них соленый медный привкус. Девочка слизнула ее и вздрогнула.

— Принеси лицо, — произнес добрый человек. Призрак не ответила, но слышался шорох ее тапок по каменному полу. Девочке же он сказал: — Выпей это, — и сунул в руку чашку.

Она выпила залпом. Кисло, будто кусаешь лимон. Тысячу лет назад она знавала девочку, любившую лимонные пироги. *Нет, то была не я, это была Арья.*

— Лицедеи меняют внешность с помощью уловок, — говорил добрый

человек. — Колдуны используют чары, сплетая свет с тенями и желанием, создавая иллюзии, обманывающие глаза. Ты научишься этим искусствам, но то, что делаем мы здесь, — гораздо глубже. Мудрец может видеть сквозь грим, чары развеиваются под проницательным взглядом, но лицо, что ты наденешь, будет таким же истинным и прочным, как то, с которым ты родилась. Не открывай глаза. — Она почувствовала, как его пальцы приглаживают ее волосы. — Спокойно. Будет странное ощущение. Может закружиться голова, но ты не должна шевелиться.

Небольшое усилие — и с тихим

шелестом новое лицо было надвинуто на старое. Сухая и жесткая кожа царапала лоб, но пропитываясь кровью, она становилась мягче и эластичней. Ее щеки потеплели и вспыхнули. Сердце затрепетало в груди, и на одно долгое мгновение у нее перехватило дыхание. Руки, твердые как камень, сомкнулись на горле и начали ее душить. Ее собственные ладони взметнулись вверх, чтобы схватить напавшего за руки, но никого не нашли. Ужас переполнил ее. Послышался шум, жуткий трескающий звук, сопровождаемый вспышкой ослепляющей боли. Лицо плавало перед ней — мясистое,

бородатое, жестокое, с искаженным от ярости ртом. Она услышала, как жрец сказал:

— Дыши, дитя. Выдохни страх. Стряхни с себя тени. Он мертв. Она мертва. Ее боль ушла. *Дыши.*

Девочка сделала глубокий судорожный вдох и поняла, что это правда. Никто не душил ее, никто не бил. Но ее ладони все же дрожали, когда она поднесла их к лицу. На кончиках пальцев запеклась кровь, казавшаяся черной в свете фонаря. Она ощупала свои щеки, коснулась глаз, пробежалась пальцами по линии подбородка.

— Мое лицо осталось таким же.

— Разве? Ты уверена?

Была ли она уверена? Она не ощутила перемен, но, может быть, это нельзя почувствовать. Она махнула перед лицом рукой — сверху вниз, как однажды в Харренхолле при ней сделал Якен Хгар. Тогда все его лицо зарябило и изменилось. Когда так же сделала она, ничего не произошло.

— По ощущениям оно не изменилось.

— Для тебя, — сказал жрец. — Но оно не выглядит таким же.

— Для чужих глаз твой нос и челюсть сломаны, — подала голос призрак. — Там, где раздроблена скула, одна сторона лица впала, и у тебя нет половины зубов.

Она пощупала языком во рту, но не обнаружила ни дырок, ни сломанных зубов. *Колдовство*, подумала она. *У меня новое лицо. Уродливое, сломанное лицо*.

— Какое-то время тебе могут сниться плохие сны, — предостерег добрый человек. — Отец бил ее так часто и так жестоко, что она не могла освободиться от боли и страха, пока не пришла к нам.

— Вы убили его?

— Она просила дар для себя, а не для отца.

Надо было убить его.

Наверное, он прочитал ее мысли:

— Смерть пришла за ним, как

приходит за всеми. Как завтра она должна прийти за одним человеком, — он поднял фонарь. — Мы закончили здесь.

На сей раз . Когда они возвращались к ступенькам, казалось, что лица на стенах следили за ней пустыми глазницами. На мгновение ей почти привиделось, как они шевелят губами, делясь друг с другом темными сладкими тайнами, слишком тихо, чтобы разобрать слова.

Сон не шел к ней той ночью. Лежа в холодной темной комнате, путаясь в одеялах, она вертелась и так, и этак, но куда бы ни поворачивалась, перед ней

оказывались лица. *У них нет глаз, но они видят меня.* Она заметила на стене лицо отца. Рядом висело лицо ее леди-матери, а под ними в ряд — трех ее братьев. *Нет. Это жизнь какой-то другой девочки. Я никто, и мои единственные братья носят черно-белые мантии.* Но там был и черный певец, и конюшонок, которого она убила Иглой, и прыщавый оруженосец из трактира на перекрестке, и стражник, чье горло она перерезала при побеге из Харренхолла. Щекотун тоже висел на стене, в черных дырах на месте его глаз бурлила злоба. Она опять почувствовала, как вонзает ему в спину кинжал — снова, и снова, и

снова.

Когда в Браавосе наконец наступил день, он оказался пасмурным, серым и темным. Девочка надеялась на туман, но боги, как это часто бывает, остались глухи к ее мольбам. Воздух был прозрачным и холодным, ветер неприятно кусался. *Хороший день для смерти*, подумала она. Непроизвольно вырвалась ее молитва. *Сир Грегор, Дансен, Рафф-Красавчик, сир Илин, сир Меррин, королева Серсея*. Она беззвучно двигала губами. Никогда не знаешь, кто может подслушивать в Черно-Белом Доме.

В подвалах было полно старой

одежды, снятой с тех, кто приходил в Черно-Белый Дом испытать успокоения из храмового бассейна. Там отыскалось бы что угодно: от нищенских лохмотьев до роскошных одеяний из шелка и бархата. *Уродливые девочки должны носить уродливую одежду* , решила она и выбрала запачканный коричневый плащ с растрепанным подолом, зеленую тунику, воняющую рыбой и плесенью, и пару тяжелых ботинок. В последнюю очередь она спрятала в руке карманный ножик.

Спешить было некуда, поэтому она решила пойти к Пурпурной гавани окольной дорогой. Она перешла по мосту на Остров Богов.

Кошка-Кет торговала устрицами и мидиями между здешними храмами всякий раз, когда Талея, дочь Бруско, оставалась в постели с лунным кровотечением. Она почти надеялась встретить здесь Талею сегодня — может, около Крольчатника, где возле каждого забытого божка стоял свой жалкий маленький алтарь. Но это глупо — день был слишком холодный, и Талея никогда не просыпалась так рано. Статуя у святилища Плачущей Девы Лисса роняла серебряные слезы, когда уродливая девочка проходила мимо. В Садах Геленеи росло позолоченное дерево, ста футов в высоту, с листьями из чеканного серебра. В

деревянном зале Повелителя Гармонии, за окнами из стекла в свинцовой оправе, мерцал свет факелов, освещавший полсотни видов бабочек, окрашенных в яркие цвета.

Девочке вспомнилась прогулка с Морячкой, рассказывающей про чужих богов города. «Это дом Великого Пастуха. Трехголовому Триосу посвящена та башня с тремя маленькими башенками. Первая голова Триоса пожирает умирающих, а возрожденные появляются из третьей. Не знаю, что должна делать средняя голова. Это Глыбы Молчаливого Бога, а там — вход в Лабиринт Творца Узоров. Жрецы

Узоров говорят, что только те, кто научился проходить его должным образом, обретут свой путь к мудрости. За ним, у канала, стоит храм Аквана Красного Быка. Каждый тринадцатый день его жрецы перерезают горло белоснежному теленку и отдают миски с кровью беднякам».

Сегодня, по-видимому, не был тринадцатый день: ступени Красного Быка пустовали. Боги-братья Семош и Селоссо дремали в храмах-близнецах по обе стороны Черного Канала, соединенные резным каменным мостом. Девочка пересекла его и направилась вниз к пристани, а затем — через Мусорную

Заводь, мимо наполовину погруженных в воду шпилей и куполов Затонувшего Города.

Когда она проходила «Веселый Порт», из него, пошатываясь, вышла компания лиссенийских моряков, но девочка не заметила ни одной шлюхи. Закрытый «Корабль» выглядел покинутым, его труппа лицедеев наверняка еще спала. Но дальше на пристани, за китобойным иббенийским судном, она высмотрела старого друга Кошки-Кет — Тагганаро, перебрасывающегося мячом с Кассо, тюленьим королем, в то время, как его новый карманник обрабатывал толпу зевак. Когда она остановилась на минуту посмотреть

и послушать, Тагганаро взглянул на нее, не узнавая, но Кассо затыкал и хлопнул ластами. *Он узнает меня* , подумала девочка, *или же просто унюхал рыбу* . Она поспешила дальше.

Когда она добралась до Пурпурной гавани, старик уже устроился поудобней за своим обычным столом в суповой лавке и торговался с корабельным капитаном, пересчитывая монеты из кошелька. Над ним нависал высокий худой охранник, а низкий толстяк сидел у двери, откуда было хорошо видно каждого входящего. Это не имело значения. Она не собиралась входить. Вместе этого она забралась

на деревянные сваи в двадцати ярдах от лавки. Неугомонный ветер тянул ее плащ призрачными пальцами.

Даже в такой холодный серый день гавань была забита. Она видела моряков, рыскающих в поисках шлюх, и шлюх, рыскающих в поисках моряков. Вдоль пристани, пьяно шатаясь, прошла пара помятых брави, опиравшихся друг на друга и бряцавших висевшими на боках мечами. Мимо пронесся красный жрец, его алые и карминовые одеяния хлопали на ветру.

Только ближе к полудню она увидела нужного ей человека — зажиточного судовладельца, уже трижды заключавшего сделки со

стариком. Большой, грузный и лысый, он носил тяжелый, подбитый мехом плащ из роскошного коричневого бархата и коричневый кожаный ремень, украшенный серебряными звездами и лунами. После какого-то несчастья его левая нога не сгибалась. Он шел медленно, опираясь на трость.

Он будет не хуже других и лучше многих, решила уродливая девочка. Она спрыгнула со свай и двинулась вслед. Дюжина широких шагов — и она уже прямо за ним, с карманным ножом наготове. Его кошель висел с правого бока, на ремне, но его закрывал плащ. Сверкнуло лезвие, плавно и быстро, — один глубокий

разрез на бархате, а он ничего не почувствовал. Красный Рогго улыбнулся бы, увидев это. Ее рука скользнула в брешь, резанула ножиком кошель, золото наполнило кулак...

Здоровяк повернулся.

— Что за...

Из-за этого разворота ее рука запуталась в складках плаща, когда она пыталась ее вынуть. Монеты сыпались у их ног.

— *Воришка!* — Здоровяк замахнулся на нее тростью.

Она пнула его в больную ногу, отскочила и, пока он падал, бросилась наутек, проносясь мимо матери с ребенком. Еще больше

монет посыпалось сквозь ее пальцы и запрыгало по земле. Позади раздавались крики: «Воришка! Воришка!» . Проходящий мимо пузатый трактирщик сделал неуклюжую попытку схватить ее за руку, но она увернулась, пролетела мимо смеющейся шлюхи и устремилась к ближайшему переулку.

Кошка-Кет знала эти переулки, вспомнила их и уродливая девочка. Она метнулась влево, перескочила низкое ограждение, перепрыгнула через небольшой канал и проскользнула сквозь незапертую дверь в какую-то пыльную кладовку. К тому времени звуки погони уже исчезли, но лучше убедиться

наверняка. Она затаилась за ящиками и ждала, обхватив руками колени. Она просидела почти час, прежде чем решила, что опасность миновала и можно уходить, затем вскарабкалась наверх по стене здания и дошла по крышам почти до Канала Героев. Судовладелец, должно быть, уже подобрал монеты с тростью и захромал к суповой лавке. Наверное, попивает горячий бульон из чашки и жалуется старику на уродливую девочку, пытавшуюся стянуть у него кошелек.

Добрый человек ожидал ее в Черно-Белом Доме, присев на краешек храмового бассейна. Уродливая девочка села рядом и

положила на бортик между ними монету — золотую, с драконом на одной стороне и королем на другой.

— Золотой дракон Вестероса, — сказал добрый человек. — И как ты дошла до такого? Мы не воры.

— Кражи не было. Я взяла одну у него, но оставила одну свою.

Добрый человек понял.

— Этой и остальными монетами из кошелька он заплатил определенному человеку. Вскоре после чего у этого человека остановилось сердце. Так все произошло? Очень печально, — жрец взял монетку и бросил в бассейн. — Тебе еще учиться и учиться, но, может статься, ты не безнадежна.

Той ночью ей вернули лицо Арьи Старк.

Они также принесли мантию, мягкую плотную мантию служителя, черную с одной стороны и белую с другой.

— Когда ты здесь, носи ее, — сказал жрец, — но знай, она не особо понадобится тебе в ближайшее время. Завтра ты отправишься к Изембаро, чтобы начать первое обучение. Возьми любую одежду из подземелий внизу. Городская стража ищет одну уродливую девочку, которую часто видели в Пурпурной гавани, поэтому лучше, если у тебя будет и новое лицо, — он взял ее за подбородок, повернул голову так и

этак, кивнул. — И хорошенькое на этот раз, я полагаю. Хорошенькое, как твое собственное. Кто ты, дитя?

— Никто, — ответила она.

66. СЕРСЕЯ

В последнюю ночь заключения королеве не спалось. Стоило ей закрыть глаза, как голову наполняли дурные предчувствия, а воображение рисовало картины грядущего дня. *Со мной будут стражники*, говорила она себе. *Они не подпустят толпу. Никто меня и пальцем не тронет.* Хотя бы это было обещано его воробейством.

И все равно она боялась. В день, когда Мирцелла отплыла в Дорн — день хлебного бунта — вдоль всего пути следования процессии стояли золотые плащи, но толпа смогла

пробиться сквозь их ряды: старого толстого Верховного Септона разорвали в клочья, а Лоллис Стокворт изнасиловали полсотни раз. И если уж бледное, глупое, мягкотелое создание смогло возбудить этих животных, будучи полностью одетой, то какую же похоть вызовет у них королева?

Серсея неустанно мерила шагами келью, подобно львам, сидевшим в клетке в недрах Утеса Кастерли, когда она была еще ребенком — наследие времен ее деда. Они с Джейме подбивали друг друга залезть к ним, и однажды она набралась храбрости, просунула руку между прутьями клетки и

дотронулась до одного из огромных, песочного цвета зверей. Она всегда была храбрее брата. Лев повернул голову и пристально посмотрел на нее огромными золотыми глазами. А потом лизнул ей пальцы. Его язык оказался шершавым, как терка, но она все равно не отдернула руку до тех пор, пока Джейме не схватил ее за плечи и не оттащил от клетки.

«Теперь ты, — сказала она ему после. — Дерни его за гриву, если осмелишься». *Он так и не сделал этого. Я была рождена для меча, а не он.*

Босая и дрожащая, Серсея металась взад-вперед, накинув на плечи тонкое одеяло. Она с

нетерпением ждала наступающего дня. Завтра к вечеру все будет кончено. *Небольшая прогулка, и я буду дома, я снова буду с Томменом, в своих покоях в крепости Мейегора.* Дядя объяснил ей, что иного способа спастись нет. Но так ли все на самом деле? Она доверяла своему дяде не больше, чем Верховному Септону. *Я по-прежнему могу отказаться. Я могу настоять на своей невиновности и отдать все в руки суда.*

Однако она не могла рискнуть и позволить святой вере судить ее, как собиралась сделать Маргери Тирелл. Для юной розы это, может, и обернется к лучшему, но у Серсеи

было мало друзей среди септ и воробьев, приближенных к новому Верховному Септону. Ее единственной надеждой оставалось испытание поединком, а для этого она нуждалась в защитнике.

Если бы Джейме не лишился руки...

Но такие мысли вели в никуда. У Джейме больше не было правой руки, да и его самого не было — он исчез где-то в речных землях с этой женщиной, Бриенной. Королеве придется найти другого защитника, иначе сегодняшнее тяжкое испытание станет наименьшим из ее мук. Враги обвиняли ее в измене. Ей нужно любой ценой добраться до

Томмена. Он любит меня. Он не откажет собственной матери. Джофф вырос упрямым и непредсказуемым, но Томмен — хороший маленький мальчик, хороший маленький король. Он сделает, что ему скажут. Если она останется здесь, она обречена, а вернуться в Красный Замок она могла, лишь пройдя к нему пешком. Его воробейство был непреклонен, а сир Киван отказался и пальцем пошевелить, чтобы воспрепятствовать этому.

— Сегодня мне не причинят вреда, — сказала Серсея, когда за окном забрезжил рассвет. — Пострадает только моя гордость.

Слова глухо звенели в ушах. *Джейме еще может приехать.* Она представила себе, как он скачет сквозь утренний туман, в золотых доспехах, сверкающих в лучах восходящего солнца. *Джейме, если ты когда-нибудь любил меня...*

Процессию пришедших за ней тюремщиц возглавляли септа Юнелла, септа Моэлла и септа Сколера. С ними были четыре послушницы и две молчаливые сестры в серых одеяниях. Их вид неожиданно привел королеву в ужас. *Зачем они здесь? Мне предстоит умереть?* Молчаливые сестры заботились об усопших.

— Верховный Септон обещал,

что мне не причинят вреда.

— Так и будет, — септа Юнелла подозвала послушниц. Те принесли мыло, бадью с теплой водой, ножницы и длинную бритву. От вида стали она содрогнулась. *Они собираются побрить меня. Еще немного унижения, изюминка для моей овсянки.* Она не доставит им удовольствия услышать ее мольбы. *Я Серсея из дома Ланнистеров, лев Утеса, законная королева всех Семи Королевств, законнорожденная дочь Тайвина Ланнистера. А волосы отрастут.*

— Начинайте, — произнесла она.

Старшая из молчаливых сестер

взяла ножницы. Несомненно, опытный цирюльник: члены ее ордена нередко омывали тела убитых из знатных семей, прежде чем вернуть их родным, и стрижка бороды и волос была частью ухода. Женщина начала с головы королевы. Пока щелкали ножницы, Серсея сидела неподвижно, словно каменная статуя. На пол падали золотые пряди. В заключении ей не позволяли должным образом ухаживать за волосами, но даже немытые и спутанные, они блестели, когда на них падал солнечный свет. *Моя корона* , подумала королева. *Они забрали у меня ту корону, а теперь отнимают и эту.* Когда все локоны и

кудри грудой легли у ее ног, одна из послушниц намылила ей голову, и безмолвная сестра соскоблила оставшуюся щетину бритвой.

Серсея надеялась, что этим все кончится, но нет.

— Снимите сорочку, Ваше Величество, — приказала септа Юнелла.

— Здесь? — спросила королева.
— Зачем?

— Вас должны остричь.

Остричь, подумала она. *Как овцу*. Она рывком стянула сорочку через голову и бросила ее на пол.

— Делайте, что хотите.

Снова мыло, теплая вода и бритва. Сначала она лишилась волос

под мышками, потом — на ногах, и, наконец, мягкого золотого пуха на лобке. Когда молчаливая сестра ползала с бритвой между ее ног, королева вспомнила, сколько раз Джейме стоял перед ней на коленях, как теперь стояла эта женщина, и покрывал поцелуями внутреннюю поверхность бедер, отчего Серсея становилась мокрой. Его поцелуи всегда были теплыми, а бритва — холодной, словно лед.

Когда все закончилось, она оказалась настолько нага и беззащитна, насколько вообще может быть женщина. *Ни волоска, чтобы спрятаться.* С ее губ сорвался смешок, безрадостный и горький.

— Ваше Величество находит это забавным? — спросила септа Сколера.

— Нет, септа, — ответила Серсея. *Но когда-нибудь я прикажу вырвать тебе язык раскаленными щипцами, и это будет уморительно.*

Одна из послушниц принесла ей рясу, мягкое белое одеяние септы, которое укроет ее во время спуска по ступеням башенной лестницы и прохода через септу, чтобы оградить встреченных по пути прихожан от вида обнаженной плоти. *Семеро, спасите нас, какие же они лицемеры.*

— Будет ли мне позволено надеть сандалии? — спросила она. — На улицах грязно.

— Ваши грехи гораздо грязнее,
— ответила септа Моэлла. — Его
Святейшество распорядился, чтобы
вы предстали такой, какой вас
создали боги. На вас были сандалии,
когда вы появились из утробы вашей
леди-матери?

— Нет, септа, — пришлось
произнести королеве.

— Вот и ответ на ваш вопрос.

Зазвонил колокол. Долгое
заключение королевы подходило к
концу. Серсея поплотнее закуталась в
рясу, наслаждаясь ее теплом, и
сказала:

— Пойдемте. — На другом
конце города ее ждал сын. Чем
раньше она выйдет, тем скорее его

увидит.

Спускаясь, Серсея Ланнистер чувствовала, как грубый камень царапает ступни. Она прибыла в Септу Бейелора королевой, сидя в паланкине. А покидала ее безволосой и босой. *Но все-таки я покидаю ее. Только это имеет значение.*

Башенные колокола звонили, призывая горожан стать свидетелями ее позора. Великую Септу Бейелора заполонили собравшиеся на утреннюю службу прихожане, и молитвы эхом отражались от купола над их головами. Но когда появилась королевская процессия, внезапно наступила тишина, и тысячи лиц

обернулись, чтобы проводить ее взглядом, пока она шла по приделу, мимо места, где однажды было выставлено для торжественного прощания тело ее убитого отца. Серсея величаво проходила мимо людей, не глядя по сторонам. Ее босые ступни шлепали по холодному мраморному полу. Она чувствовала на себе взгляды. И ей казалось, что Семеро тоже взирают на нее из-за своих алтарей.

В Чертоге Лампад ее ожидала дюжина Сынов Воина. Их спины покрывали радужные плащи, а венчающие шлемы кристаллы переливались в свете лампад. На них были доспехи из серебряных

пластин, отполированных до зеркального блеска, но она знала, что под ними каждый из воинов носит власяницу. Их треугольные щиты украшала одна и та же эмблема: хрустальный меч, сияющий в темноте — древний символ тех, кого в простонародье называли Мечами.

Капитан преклонил перед ней колено:

— Возможно, Ваше Величество помнит меня. Я сир Теодан Правоверный, и Его Святейшество поручил мне командование вашим эскортом. Я и мои братья проведем вас по городу в безопасности.

Взгляд Серсеи скользил по лицам мужчин за его спиной. Он был

там: Лансель, ее кузен, сын сира Кивана, который когда-то клялся ей в любви, пока не решил, что богов любит больше. *Родная кровь и предатель.* Она его не забудет.

— Можете подняться, сир Теодан. Я готова.

Рыцарь встал, развернулся и поднял руку. Двое его людей шагнули к высоким дверям и распахнули их. Серсея вышла из них на улицу, моргая от солнечного света, словно крот, вылезший из норы.

Дул порывистый ветер, подол ее рясы развевался и хлопал по ногам. В утреннем воздухе стоял знакомый смрад Королевской Гавани. Она вдыхала запахи кислого вина,

свежего хлеба, гниющей рыбы, нечистот, дыма, пота и лошадиной мочи. Ни один цветок не пах так сладко. Кутаясь в рясу, Серсея остановилась на вершине мраморной лестницы, а Сыны Воина выстроились вокруг нее.

Неожиданно она поняла, что уже стояла здесь раньше, в день, когда лорд Эддард Старк лишился головы. *Этого не должно было случиться. Джофф должен был даровать ему жизнь и отослать на Стену.* Старший сын Старка стал бы лордом Винтерфелла, но Санса осталась при дворе в качестве заложницы. Варис и Мизинец составили условия, а Нед Старк

проглотил свою драгоценную честь и признался в измене, чтобы спасти маленькую пустую голову своей дочери. Я бы устроила Сансе хороший брак. Выдала бы ее за Ланнистера. Не за Джоффа, конечно, но Лансель мог бы подойти, или кто-то из его младших братьев. Она вспомнила, что Петир Бейлиш предложил в супруги себя, но это, разумеется, было невозможно, с его-то низким происхождением. Если бы только Джофф сделал так, как ему велели, Винтерфелл никогда не начал бы войну, а отец разобрался бы с братьями Роберта.

Но Джофф приказал обезглавить Старка, а лорд Слонт и сир Илин

Пейн поспешили подчиниться. *Все произошло на этом самом месте*, вспомнила королева. Янос Слинг поднял голову Неда Старка за волосы, и его жизнь вместе с кровью стекла по ступеням, а потом пути назад уже не было.

Воспоминания казались такими далекими. Джофф мертв, как и все сыновья Старка. Даже ее отец умер. А она снова стоит на ступенях Великой Септы, только в этот раз толпа глазеет на нее, а не на Эддарда Старка.

Широкую, вымощенную мрамором площадь внизу заполнили люди, как и в день смерти Старка. Куда бы она ни посмотрела, королева

видела глаза. В толпе мужчин и женщин было примерно поровну. У некоторых на плечах сидели дети. Попрошайки и воры, кабатчики и торгошники, кожевники, конюхи и лицедеи, шлюхи самого низкого пошиба — весь этот сброд явился, чтобы посмотреть на унижение королевы. Вперемежку с ними стояли Честные Бедняки — грязные, небритые существа, вооруженные копьями и топорами, облаченные в мятые щитки, ржавые кольчуги и потрескавшуюся кожу под грубыми выбеленными плащами с семиконечной звездой святой веры. Армия оборванцев его воробейства.

В глубине души она все еще

жаждала появления Джейме, который спас бы ее от этого унижения, но брата нигде не было видно. Как и дяди. Серсея не удивилась. Во время своего последнего посещения сир Киван ясно дал понять, что не позволит ее позору запятнать честь Утеса Кастерли. Сегодня львы рядом с ней не пойдут. Испытание предназначалось ей и только ей одной.

Септа Юнелла стояла справа от королевы, септа Моэлла — слева, септа Сколера — позади. Попытайся королева убежать или заартачиться, три карги затащат ее обратно и на этот раз проследят, чтобы она

никогда не вышла из своей кельи.

Серсея подняла голову. За площадью, за морем жадных глаз, раскрытых в изумлении ртов и грязных лиц, вдалеке, на другом конце города возвышался высокий холм Эйегона; башни и зубчатые стены Красного Замка розовели в лучах восходящего солнца. *Не так уж и далеко.* Как только она дойдет до ворот, самые страшные муки останутся позади. С ней снова будет сын. С ней будет ее защитник. Дядя пообещал ей. *Меня ждет Томмен. Мой маленький король. Я смогу сделать это. Я должна.*

Вперед шагнула септа Юнелла:

— Перед вами грешница, —

объявила она. — Серсея из дома Ланнистеров, вдовствующая королева, мать Его Величества короля Томмена, вдова Его Величества короля Роберта. Она совершила тяжкие грехи лжи и прелюбодеяния.

Септа Моэлла встала справа от королевы:

— Эта грешница созналась в своих грехах, она молила об их отпущении и о прощении. Его Святейшество велел ей показать свое раскаяние, отбросить обман с гордыней и предстать перед добрыми людьми города такой, какой ее создали боги.

Последней говорила септа

Сколера:

— И теперь перед вами грешница со смирением в сердце, лишенная секретов и тайн, нагая перед глазами богов и людей, готовая пройти путь искупления.

Серсее был год, когда умер ее дед. Первое, что сделал отец, вступив в свои права, — изгнал из земель Утеса Кастерли любовницу деда, хваткую простолюдинку. С нее сорвали шелка и бархат, щедро дарованные лордом Титосом, и драгоценности, которые она присвоила, и прогнали нагишом по улицам Ланниспорта, чтобы народ западных земель увидел, какова она на самом деле.

Хотя Серсея была еще слишком мала, чтобы видеть все своими глазами, но она слышала пересуды прачек и стражников, ставших свидетелями этого зрелища. Они рассказывали, как женщина рыдала и умоляла; как отчаянно цеплялась за одежду, когда ей приказали раздеться; как тщетно пыталась прикрыть руками груди и промежность; как брела, голая и босая, по улицам, прочь из города. «Раньше она была такой тщеславной и гордой, — сказал тогда один из стражников, — такой надменной, словно забыла, что вышла из грязи. Но стоило снять с нее одежду, как она стала обычной шлюхой».

Если сир Киван и его воробейство думают, что с ней произойдет то же самое, они очень сильно ошибаются. В ней течет кровь лорда Тайвина. *Я львица. Я не стану пресмыкаться перед ними.*

Королева сбросила с себя рясу.

Она обнажилась одним плавным, неторопливым движением, будто снова была в своих покоях, раздеваясь, чтобы принять ванну, и ее не видел никто, кроме служанок. Холодный ветер коснулся кожи, и она сильно задрожала. Ей понадобилась вся сила воли, чтобы не пытаться прикрыть себя руками, как делала шлюха ее деда. Пальцы сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Они

смотрели на нее, все эти голодные глаза. Но что они видят? *Я прекрасна*, напомнила она себе. Сколько раз ей говорил это Джейме? Даже Роберт отдавал должное ее красоте при помощи своего члена, когда пьяным забирался к ней в постель.

Хотя на Неда Старка они смотрели так же.

Она должна была идти. Нагая, обритая, босая, Серсея медленно спустилась по широкой мраморной лестнице. Ее руки и ноги покрылись мурашками. Она держала голову высоко поднятой, как и подобает королеве, а ее эскорт полукругом двигался впереди. Честные Бедняки прокладывали путь, оттесняя толпу, а

Мечи выстроились от нее по обе стороны. За королевой шли септа Юнелла, септа Сколера и септа Моэлла, а за ними следовали послушницы в белом.

— *Шлюха!* — крикнул кто-то из толпы.

Женский голос. Женщины всегда более жестоки, когда дело касается других женщин.

Серсея не отреагировала. *Дальше будет еще хуже. У этих существ главная радость в жизни — поиздеваться над тем, кто лучше них.* Она не могла заставить их замолчать, так что придется делать вид, будто она их не слышит. Смотреть на них она тоже не станет.

Она не отведет взгляда от высокого холма Эйегона, от башен Красного Замка, переливающихся на свету. И найдет там спасение, если ее дядя выполнит свою часть уговора.

Он ведь хотел этого. Он и его воробейство. И юная роза тоже, не сомневаюсь. Я согрешила и должна искупить свою вину, должна выставить свой позор напоказ для каждого нищего в городе. Они думают, что это сломит мою гордость, уничтожит меня, но они ошибаются.

Септа Юнелла и септа Моэлла держались рядом с ней, а септа Сколера семенила позади, звеня колокольчиком.

— *Позор* , — выкрикивала старая карга, — *позор грешнице, позор, позор!*

Откуда-то справа в противовес ей вступил другой голос — кричал мальчишка-разносчик:

— Пирожки с мясом, три пенни, горячие пирожки с мясом!

Мрамор под ногами был холодным и скользким, и чтобы не упасть, Серсее приходилось ступать очень осторожно. Их путь проходил мимо статуи Бейелора Благословенного — он стоял на постаменте, высокий и безмятежный, его лицо — образец доброжелательности. Глядя на него, никогда не догадаешься, каким

дураком он был при жизни. Династия Таргариенов породила и плохих, и хороших королей, но ни одного не обожали так сильно, как Бейелора — этого благочестивого, кроткого короля-септона, который одинаково любил и простой народ, и богов, но держал в заточении собственных сестер. Удивительно, что статуя Бейелора не рассыпалась при виде ее обнаженной груди. Как говаривал Тирион, король Бейелор боялся собственного члена. А однажды даже выгнал из Королевской Гавани всех шлюх, вспомнила она. Если верить историям, король молился о спасении женщин, когда тех увозили

прочь от городских ворот, но взглянуть на них все же не решился.

— Потаскуха , — прокричал голос. Другая женщина.

Из толпы что-то вылетело. Гнилой овощ. Коричневый, сочащийся, он пролетел у нее над головой и шлепнулся у ноги одного из Честных Бедняков. *Я не боюсь. Я львица.* Она продолжала идти.

— Горячие пирожки, — кричал мальчишка-разносчик. — Покупайте горячие пирожки!

Септа Сколера звонила в свой колокольчик, распевая:

— *Позор, позор, позор грешнице, позор, позор.*

Честные бедняки шли впереди

и, отталкивая людей щитами, расчищали узкий проход. Серсея следовала за ними, высоко подняв голову и устремив взгляд вдаль. Каждый шаг приближал ее к Красному Замку. Каждый шаг приближал ее к сыну и к спасению.

Казалось, она шла через площадь сотню лет, но в конце концов мраморные плиты под ее ногами сменились булыжниками. Со всех сторон их обступили лавки, конюшни и дома, и процессия начала спуск с холма Висеньи.

Здесь шествие замедлилось. Улица стала крутой и узкой, всюду тесно толпились люди. Честные Бедняки отталкивали тех, кто

загораживал проход, но отходить им было некуда, и задние ряды выталкивали их обратно. Серсея пыталась высоко держать голову, и поскользнулась, наступив на что-то скользкое и влажное. Она бы упала, но септа Юнелла ухватила ее за руку и удержала на ногах:

— Вашему Величеству следовало бы смотреть под ноги.

Серсея вырвала руку.

— Да, септа, — кротко ответила она, хотя ей хотелось выругаться от злости.

Королева продолжила путь, облаченная лишь в гусиную кожу и собственную гордость. Она поискала глазами Красный Замок, но теперь

он скрылся от ее взгляда за высокими деревянными зданиями по обеим сторонам улицы.

— *Позор, позор,* — пела септа Сколера, звеня колокольчиком.

Серсея попыталась идти быстрее, но вскоре уперлась в спины Мечей, идущих впереди, и ей пришлось вновь замедлить шаг. Прямо перед ними мужчина продавал с тележки кусочки жареного мяса на палочках, и процессия остановилась, ожидая, пока Честные Бедняки уберут его с дороги. Серсее казалось, что мясо подозрительно напоминало крысятину, но его запах заполнил улицу, так что к моменту, когда путь

освободили и можно было продолжать движение, половина толпы уже обгладывала палочки.

— Не хотите кусочек, Ваше Величество? — выкрикнул какой-то мужчина — здоровая дородная скотина с поросячьими глазками, внушительным брюхом и нечесаной черной бородой, напомнившей ей о Роберте. Когда она с отвращением отвернулась, он швырнул в нее палочкой. Та попала ей в ногу и упала на мостовую, запачкав ее бедро жиром и кровью из полусырого мяса.

Казалось, здесь крики стали громче, чем на площади перед Септой Бейелора, может быть, из-за того, что толпа стояла совсем близко.

«Шлюха» и «грешница» кричали чаще всего, но порой слышались и другие выкрики: «дырка», «кровосмесительница», «изменница», и то тут, то там раздавались возгласы «Да здравствует Станнис!» или «Да здравствует Маргери!». Мостовая под ногами была грязной, а проход — таким узким, что королева не могла даже обойти попадавшие на пути лужи. *Ничего, от мокрых ног еще никто не умирал*, говорила она себе. Ей хотелось верить, что эти лужи — всего лишь дождевая вода, но они вполне могли оказаться и лошадиной мочой.

Из окон и балконов

выплескивали помои, швыряли полусгнившие фрукты и яйца, разбивавшиеся о мостовую и источавшие серный смрад. Кто-то кинулдохлую кошку, пролетевшую над головами Честных Бедняков и Сынов Воина — она ударилась о булыжники с такой силой, что брюхо разорвалось, забрызгав голени королевы внутренностями и опарышами.

Серсея продолжала идти. *Я слепа и глуха, а они все — черви,* говорила она себе .

— *Позор, позор* , — распевали септы.

— Каштаны, горячие жареные каштаны, — кричал уличный

торговец.

— Королева Шлюха! —

торжественно провозгласил какой-то пьянчуга с балкона, поднимая кружку в насмешливом тосте. — Да здравствуют королевские сиськи!

Слова — это ветер , убеждала себя Серсея. Слова не причинят мне вреда.

На полпути вниз с холма Висеньи королева упала в первый раз, поскользнувшись на чем-то, похожем на дерьмо. Когда септа Юнелла подняла ее на ноги, одно колено было ободрано и кровоточило. В толпе раздались смешки, а какой-то мужчина выкрикнул, что он готов поцеловать

рану, чтобы исцелить ее. Серсея обернулась. Она все еще видела на вершине холма величественный купол и семь хрустальных башен Великой Септы Бейелора. *Неужели я прошла так мало?* Но хуже, в сотни раз хуже было то, что она потеряла из виду Красный Замок.

— Где... где...?

— Ваше Величество, — к ней подошел капитан ее эскорта. Серсея забыла его имя. — Вы должны идти дальше. Толпа становится неуправляемой.

Да, подумала Серсея. *Неуправляемой.*

— Я не боюсь...

— А следовало бы, — он крепко

сжал ее предплечье и повел рядом с собой. Пошатываясь, она продолжила путь с холма — вниз, все время вниз — морщась на каждом шагу и позволяя рыцарю поддерживать себя. *Рядом со мной должен бы идти Джейме.* Он бы вытащил свой золотой меч и прорубил бы им дорогу прямо сквозь толпу, вырезая глаза каждому мужчине, осмелившемуся посмотреть на Серсею.

Камни мостовой были растрескавшимися и неровными, они царапали ее нежные ступни, ноги скользили. Она наступила пяткой на что-то острое — камень или черепок. От боли Серсея вскрикнула.

— Я же просила дать мне сандалии, — со злостью сказала она септе Юнелле. — Могли бы дать мне сандалии, могли бы сделать хоть эту малость.

Рыцарь снова схватил ее за руку, словно какую-то служанку. *Он что, забыл, кто я такая?* Она — королева Вестероса; он не имеет права касаться ее своими грубыми руками.

У подножья холма спуск стал более пологим, и улица начала расширяться. Серсея вновь увидела Красный Замок, сияющий багрянцем в утреннем солнце на вершине высокого холма Эйегона. *Я должна идти.* Она освободилась из хватки сира Теодана:

— Вам не нужно тащить меня, сир. — Королева поковыляла дальше, оставляя за собой кровавые следы на камнях.

Она шла, прихрамывая, по грязи и нечистотам, ноги в крови, кожа покрыта мурашками. Звуки вокруг нее сливались в общий гул.

— У моей жены сиськи красивее, — крикнул какой-то мужчина.

Выругался возница, которому Честные Бедняки приказали убрать телегу с дороги.

— *Позор, позор, позор* грешнице, — пели септы.

— Взгляните сюда, — кричала шлюха из окна борделя, задрав юбки

для мужчин, находившихся внизу, — в моей дырке побывало вполовину меньше членов, чем в ее.

Колокола звонили, звонили, звонили.

— Не может быть, что это королева, — сказал какой-то мальчик, — у нее все обвисшее, как у моей мамы.

Мое наказание, говорила себе Серсея. *Я ужасно грешила, и вот мое искупление. Скорое все закончится. Все останется позади, и я смогу забыть.*

Королеве начинали мерещиться знакомые лица. Лысый мужчина с кустистыми бакенбардами глядел вниз из окна, хмурясь так же, как

хмурился ее отец, и на мгновение он показался ей так похожим на лорда Тайвина, что она оступилась. Девочка сидела у фонтана, мокла под водой и смотрела на нее укоризненным взглядом Мелары Гетерспун. Она видела Неда Старка, а рядом с ним — малышку Сансу с золотисто-каштановыми волосами и косматую серую собаку, наверное, ее волчицу. Каждый протискивающийся сквозь толпу ребенок превращался в ее брата Тириона, насмехавшимся над ней, как насмехался он тогда, когда умер Джоффри. Джофф тоже стоял здесь, сын, первенец, ее прекрасный смышленный мальчик с золотыми кудрями и милой улыбкой,

у него были такие красивые губы, он...

Тогда она упала во второй раз.

Когда ее вновь подняли на ноги, она дрожала, как осиновый лист.

— Пожалуйста, — взмолилась она, — Мать милосердна. Я призналась.

— Верно, — отозвалась септа Моэлла. — И это — ваше искупление.

— Уже недалеко, — добавила септа Юнелла. — Видите? — указала она. — Вверх по холму, и все.

Вверх по холму. И все. Так и есть. Они были у подножья высокого холма Эйегона, и замок возвышался над ними.

— Шлюха! — крикнул кто-то.

— Кровосмесительница, — добавил другой голос. — Мерзость!

— Не хотите пососать его, Ваше Величество? — мужчина в фартуке мясника, ухмыляясь, достал член из штанов. Все это не имело значения. Она была почти дома.

Серсея начала подниматься.

Здесь насмешки и выкрики стали, пожалуй, еще более грубыми. Путь Серсеи не проходил через Блошиный Конец, так что его обитатели столпились у подножья высокого холма Эйегона, чтобы поглазеть на представление. Лица, похотливо смотревшие на нее из-за щитов и копий Честных Бедняков,

казались искаженными, чудовищными, омерзительными. Под ногами путались свиньи и голые дети, толпа кишела, словно тараканами, калеками-попрошайками и карманниками. Она видела мужчин, чьи зубы были обточены так, что превратились в иглы; уродливых старух, с зобами размером с их головы; проститутку, чьи плечи и грудь обвивала огромная полосатая змея; мужчину, щеки и лоб которого покрывали открытые раны, источавшие серый гной. Они ухмылялись, облизывали губы, улюлюкали, когда она брела мимо, ее грудь вздымалась от тяжести подъема. Кто-то выкрикивал

похабные предложения, кто-то — оскорбления. Слова — это ветер , думала она, слова не причинят мне вреда . Я прекрасна, я самая прекрасная женщина во всем Вестеросе. Так говорит Джейме, а он никогда бы не солгал мне. Даже Роберт, Роберт, который никогда не любил меня, видел, как я красива, и желал меня.

Но она не чувствовала себя красивой. Она чувствовала себя старой, потасканной, грязной, уродливой. После рождения детей у нее на животе появились растяжки, а груди перестали быть такими упругими, как в юности. Без платья, которое обычно их поддерживало,

они выглядели обвисшими. Я не должна была этого делать. Я ведь их королева, а теперь они увидели, они увидели, они увидели. Я не должна была позволять им видеть это . В платье, с короной на голове, она выглядела настоящей королевой. Голая, окровавленная, хромающая, она стала обычной женщиной, мало чем отличающейся от их жен, больше похожей на их матерей, а не на прелестных юных невинных дочек. Что я наделала?

Что-то попало ей в глаза, их щипало, все вокруг стало размытым. Ей нельзя плакать, она не будет плакать, черви не должны видеть ее слез. Серсея потерла глаза тыльной

стороной рук. От порыва ледяного ветра ее затрясло.

И вдруг она увидела старую каргу — она стояла в толпе со своими отвисшими грудями и зеленоватой кожей, покрытой бородавками; она глазела на нее вместе со всеми, и в ее мерзких желтых глаза сверкала злоба.

— *Быть тебе королевой, — шипела она, — пока не придет другая, моложе и красивее. Она свергнет тебя и отнимет все, что тебе дорого.*

И после этого слезы уже невозможно было остановить. Они жгли щеки королевы, словно кислота. Серсея пронзительно вскрикнула,

закрыла одной рукой соски, скользнула другой рукой вниз, чтобы прикрыть промежность, и побежала, протискиваясь сквозь строй Честных Бедняков. Пригнувшись к земле, она враскорячку взбиралась вверх по склону. По дороге споткнулась, упала, поднялась... и через десять ярдов упала снова. И вот уже она карабкалась на четвереньках, как собака, а добрые люди Королевской Гавани расступались перед ней, смеясь, издеваясь и аплодируя.

Потом толпа вдруг рассеялась и будто растворилась, перед ней были ворота замка и строй копейщиков в золоченых полушлемах и алых плащах. Серсея услышала знакомый

резкий голос дяди, отдающего приказы, и заметила два белых пятна, мелькнувших справа и слева: к ней спешили сир Борос Блаунт и сир Меррин Трант в своих светлых доспехах и белоснежных плащах.

— Мой сын, — выкрикнула она.
— Где мой сын? Где Томмен?

— Не здесь. Сыновья не должны становиться свидетелями позора своих матерей, — голос сира Кивана был суров. — Прикройте ее.

Потом над ней склонилась Джаселина, укутывая ее в мягкое чистое одеяло из зеленой шерсти, прикрывая ее наготу. Вдруг на них упала тень, закрывшая солнце. Королева почувствовала

прикосновение холодной стали, и две огромные ручки в доспехах подняли ее над землей с той же легкостью, с какой она поднимала Джоффри, когда тот был младенцем. *Великан* , подумала Серсея, и у нее закружилась голова, когда он огромными шагами пошел к сторожевой башне, неся ее на руках. Она слышала, что великаны иногда встречаются в безбожных лесах за Стеной. *Это просто сказки. Я вижу сон?*

Нет. Ее спаситель был настоящим. Ростом в восемь футов, или даже выше, с ногами толщиной со стволы деревьев, его грудная клетка сделала бы честь тягловой

лошади, а плечи не посрамили бы и быка. Он носил броню из стальных пластин, покрытых белой эмалью, яркой, как девичьи мечты, а под ней — позолоченную кольчугу. Лицо скрывал шлем. С гребня шлема ниспадали семь шелковых перьев радужных цветов святой веры, а развевающийся плащ удерживали на плечах две золотые семиконечные звезды.

Белый плащ.

Сир Киван выполнил свою часть сделки. Томмен, ее драгоценный маленький мальчик, пожаловал место в королевской гвардии ее защитнику.

Серсея не заметила, откуда

появился Квиберн, но он вдруг оказался рядом, с трудом поспевая за широким шагом ее рыцаря.

— Ваше Величество, — произнес он, — как хорошо, что вы вернулись. Имею честь представить вам нового члена королевской гвардии, сира Роберта Сильного.

— Сир Роберт, — прошептала Серсея, когда они входили в ворота.

— Если будет угодно Вашему Величеству, сир Роберт принял священный обет молчания, — сказал Квиберн. — Он поклялся, что не произнесет ни слова до тех пор, пока все враги Его Величества не будут истреблены, и зло не будет изгнано из королевства.

Да , подумала Серсея
Ланнистер. *О, да.*

67. ТИРИОН

Кипа пергаментов оказалась весьма внушительной. Тирион посмотрел на нее и вздохнул:

— Как я понял, вы братья по оружию. Неужели это — та самая любовь, которую брат питает к брату? А где же доверие? Где же пресловутая дружба, нежная забота, глубокая связь, которая известна лишь мужчинам, сражавшимся бок о бок и вместе проливавшим кровь?

— Всеу свое время, — ответил Бурый Бен Пламм.

— После того, как подпишешь, — сказал Чернильница, затачивая

перо.

Каспорио Хитроумный
прикоснулся к эфесу своего меча:

— Если ты готов пролить кровь уже сейчас, я буду счастлив оказать тебе эту услугу.

— Как мило с твоей стороны, — ответил карлик. — Но не стоит утруждаться.

Чернильница положил
пергаменты перед Тирионом и
протянул перо:

— А вот чернила. Они из Старого Волантиса. Останутся на бумаге так же долго, как и настоящие мастерские. Все, что от тебя требуется — подписывать и отдавать мне бумаги. С остальным я

справлюсь сам.

Тирион одарил его кривой ухмылкой:

— Может, я их сперва прочитаю?

— Да как хочешь. Но все они, по большому счету, одинаковые. Кроме тех, что внизу, но мы со временем до них доберемся.

О, уверен, что доберемся.

Для большинства присоединение к отряду не стоило ни пенни, но он и не был большинством. Он обмакнул перо в чернильницу, склонился над первым пергаментом, помедлил и поднял глаза:

— Как вы предпочитаете, чтобы

я подписался? Как Йолло или как Хугор Хилл?

Бурый Бен прищурился:

— А как бы ты предпочел: чтоб тебя вернули наследникам Еззана или просто снесли голову?

Карлик рассмеялся и подписал: *«Тирион из дома Ланнистеров»*. Передав его Чернильнице, он пробежался рукой по стопке:

— Сколько здесь? Пятьдесят? Шестьдесят? Я думал, что Младших Сыновей пять сотен.

— Пятьсот тринадцать в настоящий момент, — ответил Чернильница, — а когда ты распишешься в нашей книге, станет пятьсот четырнадцать.

— Получается, только один из десяти получает расписку? Такое лишь с большой натяжкой можно назвать честным. Я-то думал, что вы все делите поровну, в этих своих вольных отрядах, — он подписал еще один лист.

Бурый Бен усмехнулся:

— О, мы делим. Но не поровну. Младшие Сыновья скорее напоминают семью...

— ...а в каждой семье не без уроды, — Тирион поставил очередную подпись. Пергамент громко шуршал, когда он толкал его к казначею. — В недрах Утеса Кастерли есть камеры, где мой лорд-отец держал худших из нас.

Он обмакнул перо в чернильницу. *«Тирион из дома Ланнистеров»*, нацарапал он, обещая заплатить владельцу данной расписки сотню золотых драконов. *Каждый взмах пером делает меня немного беднее... ну, или сделал бы, не будь я сейчас нищим.* Однажды он может раскаяться в этих подписях. *Но не сегодня.* Он дунул на влажные чернила, толкнул пергамент казначею и подписал очередной. И еще раз. И еще. И еще.

— Чтоб вы знали — это глубоко ранит меня, — говорил он в промежутках между подписями. — В Вестеросе слово Ланнистера равносильно золоту.

Чернильница пожал плечами:

— Здесь не Вестерос. По эту сторону Узкого моря мы записываем наши обещания на бумагу, — на каждый пергамент, что попадал к нему, Чернильница насыпал немного песка, впитывающего влагу чернил, стряхивал его и откладывал пергамент в сторону. — Долги, написанные ветром, склонны... забываться, если можно так сказать?

— Только не нами, — Тирион подписал очередной лист. И еще один. Он вошел в ритм. — Ланнистеры всегда платят свои долги.

Пламм усмехнулся:

— Да-да, зато слово наемника

ничего не стоит.

Ну, твое-то — точно, подумал Тирион, и хвала богам за это.

— Верно, но я ведь не наемник, пока не расписался в вашей книге.

— Довольно скоро ты им станешь, — сказал Бурый Бен, — После того, как подпишешь расписки.

— Я стараюсь, как могу, — он хотел засмеяться, но это испортило бы всю игру. Пламму она нравилась, и Тирион не хотел лишать его удовольствия. *Пускай продолжает считать, что он нагнул меня и трахнул в задницу, а я продолжу скупать стальные мечи бумажными драконами. Если он когда-либо*

вернется в Вестерос и заявит о праве на наследство, то у него будет все золото Утеса Кастерли на выполнение своих обещаний. Если же нет, он будет трупом, и его новые братья смогут подтереть задницы этими пергаментами. Возможно, кто-нибудь поедет в Королевскую Гавань со своими клочками в руках в надежде убедить его милую сестрицу расплатиться по ним. *И как бы я хотел быть научком в уголке и насладиться этой сценой.*

Надписи на пергаментах изменились примерно к середине стопки. Стодраконовые расписки были для сержантов. Дальше цены внезапно поползли вверх. Теперь

Тирион обещал заплатить владельцу одну тысячу золотых драконов. Он встряхнул головой, засмеялся и подписал. И еще раз. И еще раз.

— Итак, — произнес он, небрежно расписываясь, — каковы будут мои обязанности в отряде?

— Ты слишком уродлив, чтобы стать мальчиком на побегушках у Боккоко, — встрял Каспорио, — но, может, из тебя получится мишень для стрел.

— Лучшая, чем ты можешь себе представить, — ответил Тирион, отказываясь клюнуть на приманку, — маленький мужчина с большим щитом приведет лучников в ярость. Человек поумнее тебя как-то сказал

мне это.

— Ты будешь работать с Чернильницей, — объявил Бурый Бен Пламм.

— Ты будешь работать *на* Чернильницу, — уточнил Чернильница. — Следить за книгами, считать монеты, составлять контракты и писать письма.

— С удовольствием, — ответил Тирион, — я люблю книги.

— А что тебе еще остается? — усмехнулся Каспорио. — Посмотри на себя. Воин же ты никудышный.

— Однажды я был ответственным за все дренажные канавы в Утесе Кастерли, — мягко сказал Тирион, — некоторые из них

не прочищались годами, но вскоре я заставил их радостно зажурчать. — И снова он обмакнул перо в чернильницу. Еще дюжина расписок, и дело будет сделано. — Возможно, я мог бы прочистить и ваших лагерных шлюх. Все ради удобства мужчин!

Эта шутка пришлась Бурому Бену не по вкусу:

— Держись подальше от шлюх, — предупредил он, — большинство из них дрянные, а кроме того, они болтают. Ты не первый беглый раб, присоединившийся к нам, но это не значит, что мы должны раструбить о твоём присутствии. Я не хочу, чтобы ты разгуливал там, где тебя могут увидеть. Оставайся внутри так долго,

как сможешь, и гадь в ведро. В отхожих местах слишком много глаз. И никогда не уходи за пределы лагеря без моего разрешения. Мы можем нарядить тебя в доспехи оруженосца и сделать мальчиком на побегушках у Джораха, но кто-нибудь все равно тебя узнает. Как только Миэрин будет взят и мы отбудем в Вестерос — можешь сколько хочешь гарцевать в золотом и алом. До тех пор же...

—... я буду тише воды, ниже травы. Даю слово, — *«Тирион из дома Ланнистеров»*, размашисто расписался он на последнем пергаменте. Однако оставалось еще три расписки, отличные от других. Две из них были написаны на тонком

пергаменте отличного качества с указанием имен. Для Каспорио Хитроумного, десять тысяч драконов. Столько же — для Чернильницы, чье настоящее имя оказалось Тиберо Истарион.

— *Тиберо ?* — спросил Тирион.
— Звучит почти по-ланнистерски. Может, ты мой давно пропавший родственник?

— Возможно. Я тоже всегда плачу свои долги. Как и положено казначею. Подписывай.

Он подписал.

Последняя, на пергаменте из овечьей кожи, была для Бурого Бена Пламма. *Сто тысяч золотых драконов, пять тысяч акров*

плодородной земли, замок и титул лорда. Ну и ну. Этот Пламм обойдется недешево. Тирион дотронулся до своего шрама и подумал, стоит ли ему изобразить негодование. Трахая кого-то в зад, ждешь хотя бы парочку криков. Он мог бы проклясть Пламма, выругаться, разразиться тирадой, что его грабят, отказаться подписывать, а потом неохотно согласиться, продолжая возражать. Но ему уже надоел этот спектакль, так что он скорчил гримасу, подписал и вернул свиток Бурому Бену.

— Твой член такой же большой, как и в тех историях, — сказал он. — Считай меня добротнo оттраханным,

лорд Пламм.

Бурый Бен подул на подпись:

— Всегда пожалуйста, Бес. А теперь мы сделаем тебя одним из нас. Чернильница, подай книгу.

Книга была в кожаном переплете с железными петлями и размером с поднос для ужина. Внутри нее на деревянных дощечках стояли имена и даты более чем столетней давности.

— Младшие Сыновья — в числе старейших из вольных отрядов, — говорил Чернильница, перелистывая страницы, — это четвертая книга. В ней имена всех, кто служил с нами. Когда они присоединились, где сражались, сколько прослужили, как

умерли — все тут, в книге. Здесь есть несколько известных имен, некоторые из твоих Семи Королевств. Эйегор Риверс служил с нами один год, прежде чем покинул, чтобы основать Золотые Мечи. Злой Клинок, так вы его зовете. Эйерион Огненный Таргариен — и он был Младшим Сыном. А также Родрик Старк, Странствующий Волк. Нет, не те чернила, используй эти.

Он открыл новую склянку и поставил на стол.

Тирион задрал голову:

— Красные чернила?

— Традиция отряда, — объяснил Чернильница, — было время, когда каждый новоприбывший писал свое

имя собственной кровью, но так уж получилось, что кровь оказалась никудышными чернилами.

— Ланнистеры любят традиции. Одолжи мне свой нож.

Чернильница приподнял бровь, пожал плечами, но достал кинжал из ножен и протянул его рукояткой вперед. *Все еще болит, Полумейстер, большое тебе спасибо*, подумал Тирион, уколол подушечку большого пальца. Он уронил толстую каплю крови в чернильницу, обменял кинжал на новое перо и нацарапал: «*Тирион из дома Ланнистеров, лорд Утеса Кастерли*», крупными жирными буквами, чуть ниже гораздо более скромной подписи

Джораха Мормонта.

Дело сделано. Карлик откинулся назад:

— Это все, что от меня требуется? А мне не нужно принести клятву? Убить младенца? Отсосать член у капитана?

— Отсасывай, что хочешь, — Чернильница повернул книгу к себе и посыпал страницу щепоткой песка. — Для большинства из нас подписи достаточно, но мне бы не хотелось разочаровывать своего нового брата по оружию. Добро пожаловать к Младшим Сыновьям, лорд Тирион.

Лорд Тирион . Карлику понравилось, как это звучит. Младшие Сыновья, может, и не

обладали блестящей репутацией Золотых Мечей, но и они за прошедшие века одержали немало громких побед.

— А другие лорды в отряде служили?

— Только безземельные, — ответил Бурый Бен, — прямо как ты, Бес.

Тирион спрыгнул с табурета:

— Мой предыдущий брат никуда не годился. От моих новых братьев я ожидаю большего. А теперь как насчет положенного мне оружия и доспехов?

— Может, ты хочешь еще и свинью, чтобы ездить верхом? — спросил Каспорио.

— А я и не знал, что твоя жена в отряде, — ответил Тирион. — Конечно, очень любезно с твоей стороны предложить мне ее, но я, пожалуй, предпочту лошадь.

Брави покраснел, но Чернильница громко засмеялся, а Бурый Бен даже позволил себе усмехнуться.

— Чернильница, отведи его к фургонам. Пусть выберет себе что-нибудь из отрядной стали. Девчонка тоже. Наденьте на нее шлем, чуток доспехов, может, и сойдет за паренька.

— Лорд Тирион, за мной, — Чернильница подержал полог палатки, дав ему проковылять

наружу. — Хваткий отведет тебя к телегам. Бери свою женщину и ступай к нему в кухонную палатку.

— Она не моя женщина. Может, тебе ею заняться? Последнее время все, что она делает, — или спит, или злобно на меня пялится.

— Нужно бить ее посильнее и трахать почаще, — любезно посоветовал казначей. — Приводи ее или брось, делай, что хочешь. Хваткому будет все равно. Найди меня, когда подберешь себе броню, и начнем работать с учетными книгами.

— Как скажешь.

Тирион обнаружил Пенни спящей в углу их палатки,

свернувшейся калачиком на тонком соломенном тюфяке в куче грязного постельного белья. Когда он коснулся ее носком сапога, она перевернулась на бок, удивленно на него посмотрела и зевнула.

— Хугор? Что такое?

— О-о, мы снова разговариваем?

— Это было лучше, чем ее обычное угрюмое молчание. *Все из-за брошенных собаки и свиньи. Я спас нас обоих от рабства, и, казалось бы, заслужил немного благодарности.* — Будешь спать дальше, проспишь всю войну.

— Мне грустно, — она снова зевнула, — и я устала. Очень устала.

Устала или больна? Тирион

склонился над тюфяком.

— Ты бледная.

Он потрогал ее лоб. *Здесь жарко или у нее лихорадка?* Он не посмел спросить об этом вслух. Даже такие суровые ребята, как Младшие Сыновья, страшились оседлать бледную кобылу. Реши они, что Пенни больна, в два счета выставили бы ее из лагеря. *Они даже могли бы вернуть нас наследникам Еззана, с расписками или без.*

— Я расписался в их книге. По старой традиции, своей кровью. Теперь я Младший Сын.

Пенни села на постели, протирая глаза ото сна:

— А что насчет меня? Можно

мне тоже подписать?

— Думаю, нет. Известно, что некоторые вольные отряды принимали женщин в свои ряды, но... в конце концов, они не Младшие Дочери.

— *Мы* , — поправила она. — Если ты один из них, нужно говорить *мы* , а не *они* . Кто-нибудь видел Милашку? Чернильница говорил, что спрашивает о ней. А Хруст, о нем что-нибудь слышно?

Только если верить Каспорио.
Не-такой-уж-хитроумный заместитель капитана Пламма заявил, что трое юнкайских ловцов рабов рыщут по лагерям, выпрашивая о паре сбежавших

карликов. По словам Каспо, у одного из них на острие копья была насажена собачья голова. Однако такие известия вряд ли вытащат Пенни из постели.

— Пока что ничего, — соврал он. — Пойдем. Нужно подобрать тебе доспехи.

Она посмотрела на него настороженным взглядом:

— Доспехи? Зачем?

— Мой мастер по оружию как-то сказал: «Никогда не отправляйся на битву голым, парень». Я склонен ему верить. Кроме того, теперь я наемник, продажный клинок, и стало быть, мне нужен клинок, чтоб я мог его продать.

Она все еще не двигалась. Тирион схватил ее за руку, поднял на ноги и бросил охапку одежды ей в лицо:

— Одевайся. Надень плащ с капюшоном и не поднимай головы. Мы должны выглядеть парочкой мальчишек, на случай, если ловцы рабов окажутся поблизости.

Хваткий стоял у кухонной палатки, жуя кислolist, когда показались два карлика, укутанных в плащи с накинутыми капюшонами.

— Я слышал, вы двое собираетесь биться за нас, — сказал сержант. — От такого в Миэринe все обоссутся. Кто-нибудь из вас хоть раз человека-то убивал?

— Я убивал, — ответил Тирион.

— Да я их как мух прихлопывал.

— И чем же?

— Топором, кинжалом, острым словом. Но наиболее смертоносен я со своим арбалетом.

Хваткий почесал щетину кончиком своего крюка:

— Мерзкая штука, этот арбалет. И много человек ты из него убил?

— Девятерых. — Несомненно, его отца нельзя считать одним человеком: лорд Утеса Кастерли, Хранитель Запада, Щит Ланниспорта, Десница короля, муж, брат, отец, отец, отец.

— Девятерых, — Хваткий фыркнул и сплюнул комок красной

слизи. Возможно, он целился в ногу Тириона, но попал в собственное колено. Было очевидно, что именно таково его мнение о «девятерых». Пальцы сержанта покрывали красные пятна от сока кислотилиста. Он сунул два из них в рот и свистнул.

— Кемм! Сюда, проклятый ссыкун! — Прибежал Кемм. — Отведи лорда и леди Бесов к фургонам, пускай Молот снабдит их какой-нибудь сталью.

— Молот, кажись, отрубился пьяный, — предупредил Кемм.

— Поссы ему в рожу — он и проснется. — Хваткий повернулся к Тириону и Пенни: — Среди нас никогда не водилось проклятых

карликов, но мальчишек всегда хватало. Сыновья то одной, то другой шлюхи, маленькие дураки, сбежавшие из дома в поисках приключений, мальчики на побегушках, оруженосцы и прочие. Кое-что из их мелкого дерьма может подойти и бесам. Скорее всего, это дерьмо было надето на них, когда они подышали, но я уверен, что вас, свирепых ублюдков, такое мало волнует. Девятерых, да? — он покачал головой и отошел.

Младшие Сыновья хранили доспехи отряда в шести больших фургонах неподалеку от центра их лагеря. Кемм шел впереди, размахивая копьем, словно палкой.

— Как парнишка из Королевской Гавани оказался в вольном отряде? — спросил его Тирион.

Парень бросил на него подозрительный взгляд:

— Кто тебе сказал, что я из Королевской Гавани?

— Никто. — *Каждое твое слово разит Блошиным Концом.* — Тебя выдала твоя сообразительность. Говорят, никто не превзойдет умом парня из Королевской Гавани.

Казалось, Кемм насторожился:

— Кто говорит?

— Все. — *Я.*

— С каких пор?

С тех пор, как я это придумал.

— Испокон веков, — соврал он.
— Так мой отец часто говорил. Ты знал лорда Тайвина, Кемм?

— Десница. Однажды я видел его, скачущего на холм. У его людей были красные плащи и маленькие львы на шлемах. Мне понравились эти шлемы. — Его губы сжались: — Хотя сам Десница мне никогда не нравился. Он разграбил весь город. А потом разбил нас на Черноводной.

— Ты был там?

— Со Станнисом. Лорд Тайвин появился с призраком Ренли и напал на нас с фланга. Я бросил копье и побежал, но на корабле чертов рыцарь сказал: «Где твое копье, мальчик? У нас нет места для

трусов», и они свалили, бросив меня и тысячи других. Потом я слышал, что твой отец отправлял на Стену тех, кто воевал за Станниса, так что я перебрался через Узкое море и присоединился к Младшим Сыновьям.

— Скучаешь по Королевской Гавани?

— Бывает. Я скучаю по одному парню, он... он был моим другом. И по своему брату, Кеннету, но он погиб на мосту из кораблей.

— Слишком много хороших людей погибло в тот день, — шрам Тириона яростно зачесался. Он поскреб его ногтем.

— И по еде я скучаю, — добавил

Кем, с тоской в голосе.

— Стряпня твоей матушки?

— Крысы б не стали есть стряпню моей матушки. Но там была одна харчевня... Никто не готовил такую похлебку, как они. Такая густая, что ложка в ней стояла, с кусками всякой всячины. Ты ее пробовал когда-нибудь, Полумуж?

— Раз или два. «Похлебка певца», называл я ее.

— Чего это?

— Она была такой вкусной, что мне хотелось петь.

Кемму понравилось:

— «Похлебка певца». В следующий раз я назову ее так, когда буду заказывать на Блошином Конце.

А по чему скучаешь ты, Полумуж?

*По Джейме, подумал Тирион.
По Шae. И Тише. По моей жене, я
скучаю по моей жене, которую едва
знал.*

— По вину, шлюхам и богатству,
— ответил он. — Особенно по
богатству. За деньги можно купить и
вина, и шлюх. — *И мечи, и таких
Кеммов, которые будут ими
сражаться.*

— А правда, что ночные горшки
в Утесе Кастерли сделаны из
цельных кусков золота? — спросил
его Кемм.

— Не стоит верить всему, что
слышишь. Особенно, если это
касается Ланнистеров.

— Говорят, что все Ланнистеры
— лживые змеи.

— Змеи? — Тирион рассмеялся.
— Мой лорд-отец, должно быть,
сейчас извивается в могиле. Мы —
львы , или нам нравится так
говорить. Но разницы особой нет,
Кемм. Наступи на змею или льву на
хвост, и в любом случае умрешь.

Они уже дошли до оружейной,
какой бы она ни была. Кузнецом,
этим легендарным Молотом,
оказался нелепый увалень с левой
рукой вдвое толще правой.

— Он почти всегда пьяный, —
сказал Кемм, — Бурый Бен закрывает
на это глаза, но однажды у нас будет
настоящий оружейник.

Подмастерьем Молота был жилистый рыжий юноша по имени Гвоздь. *Конечно. Как же еще?* подумал Тирион. Молот спал пьяным сном, когда они пришли в кузницу, как и предсказывал Кем, но Гвоздь не возражал, чтобы два карлика полазили по фургонам.

— Дрянное железо, в большинстве своем, — предупредил он их. — Берите все, что сможете использовать.

Под каркасом из деревянных рам и жесткой кожи фургон был доверху набит старым оружием и доспехами. Тирион бросил взгляд на все это и вздохнул, вспоминая мерцающие стойки мечей, копий и

алебард в оружейной Ланнистеров в глубине Утеса Кастерли.

— Это может занять некоторое время, — объявил он.

— Кое-где тут есть крепкая сталь, если хорошенько поискать, — проворчал глубокий голос. — Красивую не найдете, но меч она остановит.

Откуда-то из задней части фургона вышел большой рыцарь, с головы до пят закованный в отрядную сталь. Его левый понож не совпадал с правым, латный воротник был покрыт ржавчиной, а наплечные щитки, богатые и витиеватые, инкрустированы черненными цветами. На правой руке красовалась

рукавица из пластинчатой стали, на левой — ржавая беспалая кольчужная. В соски на рельефной кирасе кто-то вдел пару железных колец, а закрытый шлем щеголял рогами барана, один из которых был сломан.

Когда рыцарь снял его, под ним обнаружилось избитое лицо Джораха Мормонта. *Вылитый наемник, и совсем не похож на то надломленное существо, которое мы забрали из клетки Еззана*, подумал Тирион. Его синяки почти исчезли, а опухоли на лице значительно уменьшились, поэтому Мормонт снова выглядел почти по-человечески... хотя лишь смутно напоминал себя прежнего.

Маска демона, которую выжгли на его правой щеке рабовладельцы, отметив рыцаря как опасного и непокорного раба, останется с ним навсегда. Сира Джораха и так никогда нельзя было назвать симпатичным, но клеймо сделало его лицо просто пугающим.

Тирион ухмыльнулся:

— Пока я красивее тебя, я совершенно счастлив. — Он повернулся к Пенни. — Займись-ка тем фургоном. А я начну с этого.

— Будет быстрее, если мы поищем вместе, — она надела ржавый железный полушлем, хихикнула и стукнула по нему, — я выгляжу устрашающе?

*Ты выглядишь, как лицедейка с
горшком на голове.*

— Это полушлем, тебе же нужен
полностью закрытый.

Он отыскал один и надел на нее
вместо прежнего.

— Он слишком большой, —
голос Пенни эхом отразился внутри
стали, — я ничего не вижу. — Она
сняла шлем и бросила в сторону. —
И что не так с полушлемом?

— Он не закрывает лицо, —
Тирион ущипнул ее за нос. — А я
люблю смотреть на твой нос. И хочу,
чтобы он у тебя остался.

Ее глаза расширились:

— Тебе нравится мой нос?

О, Семеро, спасите меня!

Тирион отвернулся и стал копать в куче старой брони в задней части фургона.

— А есть еще какие-нибудь части меня, которые тебе нравятся? — спросила Пенни. Должно быть, она хотела, чтобы это звучало игриво, но прозвучало грустно.

— Мне очень нравятся все твои части, — сказал Тирион в надежде, что на этом тема будет исчерпана, — а мои собственные — еще больше.

— Зачем нам нужна броня? Мы же только актеры. Мы всего лишь *притворяемся*, что деремся.

— Ты очень хорошо притворяешься, — произнес Тирион, изучая тяжелую кольчужную

рубашку, настолько дырявую, что она казалась изъеденной молью. *Что за моль питается кольчугами?* — Притвориться мертвым — один из способов выжить в битве. Хорошая броня — другой. — *Но боюсь, что хорошей тут почти нет.* На Зеленом Зубце он сражался в разномастной броне из запасов лорда Леффорда, в шипованном глухом шлеме, который выглядел так, будто кто-то опрокинул помойное ведро ему на голову. Но эта отрядная сталь была еще хуже. Не просто старая и плохо подогнанная, но еще и помятая, потрескавшаяся и ломкая. *Тут засохшая кровь или ржавчина?* Он понюхал, но все равно не был уверен.

— Смотри, арбалет, — показала ему Пенни.

Тирион посмотрел на него:

— Я не могу использовать стремя для взвода. У меня чересчур короткие ноги. Ворот подошел бы намного лучше. — Хотя, по правде говоря, он не хотел арбалет. Их слишком долго перезаряжать. Даже если бы он спрятался в сточной канаве, ожидая пока кто-либо из врагов присядет по нужде, шансы успеть выпустить больше одной стрелы были бы не велики.

Вместо этого он взял моргенштерн, взмахнул им и положил обратно. *Слишком тяжело* . Он прошел мимо боевого молота

(слишком длинный), палицы (тоже слишком тяжелая) и полдюжины длинных мечей, прежде чем нашел понравившийся ему кинжал — зловещий кусок стали с трехгранным лезвием.

— Такой сгодится, — сказал он.

Лезвие немного заржавело, но это только делало его еще более зловещим. Он нашел подходящие ножны из дерева и кожи и спрятал кинжал внутри.

— Маленький меч для маленького мужчины? — пошутила Пенни.

— Это кинжал, и сделан он для большого человека. — Тирион показал ей старый длинный меч. —

Вот меч. Подержи его.

Пенни взяла его, взмахнула, нахмурилась:

— Слишком тяжелый.

— Сталь весит больше, чем дерево. Зато рубанешь человека по шее такой штуковиной, и голова его вряд ли превратится в дыню. — Он забрал у нее меч и изучил повнимательнее. — Дешевая сталь. И с зазубринами. Вот, видишь? Беру свои слова обратно. Чтобы рубить головы, тебе нужен клинок получше.

— *Я не хочу рубить головы.*

— Тебе и не надо. Режь ниже колена. Икры, сухожилия, лодыжки... даже великаны упадут, если разрезать им ноги. А когда они упали

— становятся не больше тебя.

Пенни выглядела так, словно собиралась расплакаться:

— Прошлой ночью мне приснилось, что мой брат снова жив. Мы сражались в поединке перед каким-то великим лордом, скакали на Хрусте и Милашке, а люди бросали нам розы. Мы были так счастливы...

Тирион влепил ей пощечину.

Это был мягкий удар, совсем несильный, просто легкое движение запястья. От него не осталось даже следа на щеке. Но ее глаза все равно наполнились слезами.

— Хочешь смотреть сны — отправляйся спать, — сказал он ей.

— А когда проснешься, мы все еще будем беглыми рабами в центре осады. Хруст — мертв. Свинья, скорее всего, тоже. А теперь найди и надень на себя какую-нибудь броню, и неважно, где она тебе жмет. Лицедейство окончено. Дерись, или прячься, или обосрись, как хочешь. Но что бы ты ни решила, делать это ты будешь облаченной в сталь.

Пенни дотронулась до щеки:

— Нам не следовало убегать. Мы не наемники. Мы вообще не воины. У Еззана жилось не так уж плохо. Не так уж. Нянька иногда был жестоким, но Еззан — никогда. Мы были его любимцами, его... его...

— *Рабами* . Слово, которое ты

ищешь, — *рабы* .

— Рабами, — сказала она, вспыхнув. — Но *особенными* рабами. Как Конфетка. Его сокровищами.

Его домашними животными, подумал Тирион. *И он любил нас так сильно, что отправил в яму на растерзание львам.*

Она не так уж и ошибалась. Рабы Еззана ели лучше, чем многие крестьяне в Семи Королевствах и имели меньше шансов умереть с голоду грядущей зимой. Конечно, рабы — это имущество. Их можно продавать и покупать, пороть и клеймить, использовать для плотских утех их хозяев, разводить, как скот, чтобы получить еще больше рабов. В

этом отношении они были не лучше собак или лошадей. Но большинство лордов обращались со своими собаками и лошадьми довольно хорошо. Гордецы могут кричать, что лучше умрут свободными, чем будут жить рабами, но гордость стоит дешево. Когда пахнет жареным, такие люди редки, как зубы дракона: иначе в мире не существовало бы столько рабов. *Не было еще раба, который бы сам не выбрал стать им, задумался карлик. Возможно, выбирать приходится между рабством и смертью, но выбор есть всегда.*

Тирион Ланнистер не считал себя исключением. В самом начале

его язык тоже заработал спине плетей, но потом он научился угождать Няньке и благородному Еззану. Джорах Мормонт боролся дольше и тяжелее, но в конце концов и он бы пришел к тому же.

Ну а Пенни...

Пенни искала себе нового хозяина с тех пор, как ее брат Грош лишился головы.

Ей нужен кто-то, кто бы заботился о ней и говорил, что делать.

Однако сказать так было бы слишком жестоко. И вместо этого Тирион произнес:

— Особенные рабы Еззана не спаслись от бледной кобылы.

Большинство из них мертвы. Конфетка умерла одной из первых.

Их огромный хозяин скончался в день их бегства, как сказал Бурый Бен Пламм. Ни он, ни Каспорио, ни другие наемники не знали о судьбе образчиков коллекции уродов Еззана... но если Милашке Пенни нужна ложь, чтобы прекратить страдать, он будет ей врать.

— Если хочешь снова стать рабыней, я найду тебе доброго хозяина, когда война закончится, и продам тебя за столько золота, сколько мне понадобится, чтобы добраться до дома, — пообещал ей Тирион. — Я найду тебе какого-нибудь хорошего юнкайца, который

даст тебе еще один золотой ошейник с маленькими колокольчиками, звенящими при каждом твоём шаге. Но сначала нужно пережить то, что нам предстоит. Никто не покупает мертвых лицедеёв.

— Или мертвых карликов, — вмешался Джорах Мормонт. — Скорее всего, мы будем кормить червей, когда битва закончится. Юнкайцы проиграли войну, хотя, возможно, им потребуется время, чтобы понять это. У Миэрина есть армия Безупречных, лучшая пехота в мире. И у Миэрина есть драконы. Три дракона, после того, как королева вернется. А она вернется. Она должна. Наши же силы состоят

из четырех десятков юнкайских лордиков, у каждого из которых есть свои недоученные обезьянки. Рабы на ходулях, рабы в цепях... может, у них есть даже отряды слепых воинов и парализованных детей, с них станется.

— О, я знаю, — сказал Тирион.

— Младшие Сыновья на проигрывающей стороне. Им нужно снова переметнуться, и сделать это сейчас, — он усмехнулся. — Предоставьте это мне.

68. ЗАГОВОРЩИК

Две тени, бледная и темная, встретились в тишине оружейной на втором уровне Великой Пирамиды среди стоек с копьями, пучков арбалетных стрел и трофеев забытых сражений, висящих на стенах.

— Сегодня вечером, — сказал Скахаз мо Кандак. Медная морда летучей мыши выглядывала из-под капюшона его лоскутного плаща. — Все мои люди будут на месте. Пароль — «Гролео».

— «Гролео». — *Подходит, на мой взгляд.* — Да. То, что с ним сделали... вы были на приеме?

— Одним из сорока стражников, ожидающих, когда пустая накидка на троне отдаст приказ зарубить Кровавую Бороду и остальных. Как вы считаете, юнкайцы осмелились бы подарить *Дейенерис* голову ее заложника?

Нет, подумал Селми.

— Хиздар, казалось, был в смятении.

— Притворство! Его собственные родственники Лораки вернулись невредимыми. Да вы и сами видели. Юнкайцы разыграли для нас шутовское представление с благородным Хиздаром в главной роли. Дело совсем не в Юркхазе зо Юнзаке. Другие работоторговцы сами

бы охотно растоптали этого старого дурака. Все было задумано, чтобы дать повод Хиздару убить драконов.

Сир Барристан задумался:

— Вы полагаете, он осмелится?

— Он осмелился задумать убийство своей королевы. Почему бы и не ее питомцев? Если мы не начнем действовать, Хиздар некоторое время помедлит, показывая свое несогласие, и тем самым позволит Мудрым Господам избавить себя от капитана Ворон-Буревестников и кровного всадника королевы. И только *тогда* он начнет действовать. Они хотят убить драконов до того, как прибудет волантийский флот.

Да, пожалуй, так оно и есть .

Все вставало на свои места. Но от этого происходящее не стало нравиться ему больше.

— Такого не случится. — Его королева — Матерь Драконов, и он не позволит, чтобы ее детям причинили вред. — В час волка. Темнейший час ночи, когда весь мир спит. — Впервые он услышал эти слова от Тайвина Линнистера у стен Синего Дола. *Он дал мне один день, чтобы найти Эйериса. Если бы я не вернулся вместе с королем до рассвета нового дня, он взял бы город огнем и мечом — так он мне сказал . В час волка я ушел тогда, и в час волка мы вернулись. — На*

рассвете Серый Червь и Безупречные закроют ворота и опустят решетки.

— На рассвете лучше напасть на них, — возразил Скахаз. — Внезапно выскочить из ворот, прорваться через осадную линию и раздавить юнкайцев, пока они, спотыкаясь, будут выползать из своих постелей.

— Нет, — они уже спорили на эту тему. — На соглашении о нынешнем перемирии стоят подпись и печать Ее Величества. И мы не станем нарушать мир первыми. После того как возьмем Хиздара, мы создадим совет, который будет править вместо него, и потребуем от юнкайцев вернуть наших заложников и отозвать свои войска. Они должны

отказаться — тогда и только тогда мы сообщим им, что мир нарушен и выйдем на битву. Ваш способ — бесчестный.

— А ваш — глупый, — ответил Бритоголовый. — Время пришло. Наши вольноотпущенники готовы. И жаждут битвы.

По крайней мере, это было правдой, знал Селми. Симон Полосатая Спина из Свободных Братьев и Молонно Йос Доб из Стойких Щитов жаждали битвы, желая испытать свои силы и смыть потоком юнкайской крови все зло и несправедливость, которые они перенесли. Только Марселен из Воинов Матери разделял сомнения

сира Барристана.

— Мы уже обсуждали это. Вы согласились, что будет по-моему.

— Я согласился, — проворчал Бритоголовый, — но то было до Гролео. До его головы. У работорговцев нет чести.

— Зато у нас есть, — сказал сир Барристан.

Бритоголовый пробурчал что-то на гискарском и ответил:

— Как пожелаете. Хотя, думаю, мы пожалеем о вашей стариковской чести еще до того, как эта игра завершится. Что с охранниками Хиздара?

— Его Величество всегда держит подле себя двоих, пока спит.

Один у двери в спальню, второй внутри, в примыкающей коморке. Сегодня ночью дежурят Кразз и Стальнокожий.

— Кразз, — прорычал Бритоголовый, — мне это не нравится.

— Дело не должно дойти до крови, — ответил сир Барристан. — Я собираюсь поговорить с Хиздаром. Если он поймет, что мы не собираемся убивать его, то, возможно, прикажет охране сдаться.

— А если нет? Хиздар не должен от нас уйти.

— Он не уйдет.

Селми не боялся Кразза, а тем более Стальнокожего. Они просто

бойцы из ям. Из грозного сборища бывших бойцовых рабов Хиздара выходили в лучшем случае посредственные охранники. У них была скорость, сила, свирепость и некоторые навыки обращения с оружием, но кровавые игры — плохая тренировка для защитников королей. В ямах о приближении противника объявляли рогами и барабанами, а после удачной битвы победителям перевязывали раны и давали немного макового молока от боли. Зная, что опасность миновала, они могли спокойно напиваться, пировать и развлекаться со шлюхами до следующего боя. Но для рыцарей королевской гвардии битва никогда

не заканчивалась. Опасность приходила из ниоткуда и отовсюду, в любое время дня и ночи. А о врагах не возвещали никакие трубы: вассалы, слуги, друзья, братья, сыновья, даже жены — кто угодно мог спрятать нож под плащом и затаить убийство в сердце. На каждый час битвы у рыцаря королевской гвардии приходилось по десять тысяч часов наблюдения, выжидания и молчаливого бдения в тени. Бойцовые рабы короля Хиздара уже испытывали скуку и нетерпение, выполняя свои новые обязанности, а скучающие люди расслабляются, и их реакция замедляется.

— Я разберусь с Краззом, —

сказал сир Барристан. — Просто убедитесь, что мне не придется иметь дело еще и с Медными Бестиями.

— Не беспокойтесь. Маргаз будет в цепях до того, как сможет причинить вред. Я же говорил вам, Медные Бестии — мои.

— Вы говорите, у вас есть люди среди юнкайцев?

— Доносчики и шпионы. У Резнака их больше.

Резнаку нельзя верить. Он пахнет слишком сладко и сам слишком мерзкий.

— Кто-то должен освободить наших заложников. Если мы не вернем своих людей, юнкайцы

используют их против нас.

Скаказ фыркнул через прорези на носу маски.

— Легко сказать «освободить». Сделать — сложнее. Пусть работоторговцы угрожают.

— А если они пойдут дальше простых угроз?

— Вы будете очень скучать по ним, старик? По евнуху, дикарю и наемнику?

Хиро, Чхого и Даарио .

— Чхого кровный всадник королевы, кровь от ее крови. Они вместе прошли красную пустыню. Хиро — правая рука Серого Червя. А Даарио... — *Она любит Даарио .* Он видел это в ее глазах, когда она

смотрела на капитана, слышал в ее голосе, когда она говорила о нем. — ...Даарио тщеславен и опрометчив, но он дорог Ее Величеству. Его нужно освободить прежде, чем его Вороны-Буревестники решат взять дело в свои руки. Это можно сделать. Однажды я благополучно вывез отца королевы из Синего Дола, где его держал в плену мятежный лорд, но...

— ...даже не надейтесь пройти незамеченным среди юнкайцев. Там каждый знает вас в лицо.

Я мог бы спрятать свое лицо, как ты , думал Селми, но понимал, что Бритоголовый прав. Он слишком стар для таких подвигов.

— Тогда мы должны найти

другой способ. Других спасителей. Кого-то знакомого юнкайцам, чье присутствие в лагере останется незамеченным.

— Даарио называет вас сир Дедушка, — напомнил ему Скахаз. — Я уж не буду говорить, как он называет меня. Если бы мы с вами были заложниками, стал бы он рисковать ради нас своей шкурой?

Вряд ли, подумал он, но вслух произнес:

— Он мог бы.

— Даарио мог бы разве что помочиться на нас, если бы мы горели. В остальных случаях не стоит ждать его помощи. Пусть Вороны-Буревестники выберут другого

капитана, такого, который знает свое место. Если королева не вернется, в мире станет одним наемником меньше. Кого это волнует?

— А когда она вернется?

— Она будет рыдать, рвать на себе волосы и проклинять юнкайцев. Но не нас. На наших руках нет крови. Вы сможете ее успокоить. Расскажите ей какую-нибудь историю о былом, она их любит. Бедный Даарио, ее храбрый капитан... она никогда не забудет его, нет ... но для всех нас будет лучше, если он умрет, верно? И для Дейенерис тоже.

Лучше для Дейенерис и для Вестероса . Дейенерис Таргариен

любила своего капитана, но то были чувства девушки, а не королевы. Принц Рейегар любил свою леди Лианну и тысячи умерли из-за этого. Дейемон Черное Пламя любил Дейенерис Первую и поднял восстание, когда лишился её. Злой Клинок и Кровавый Ворон любили Ширу Морскую Звезду и Семь Королевств истекли кровью. Принц Стрекоз любил Дженни из Старых Камней так сильно, что отверг корону, а Вестерос заплатил выкуп за его невесту трупами. Все трое сыновей Эйегона Пятого женились по любви, вопреки желанию своего отца. И поскольку этот невероятный монарх сам последовал зову сердца,

выбирая себе королеву, он позволил сыновьям выбрать свой путь, создав заклятых врагов там, где мог бы заполучить лучших друзей. Измены и беспорядки следовали, как ночь следует за днем; все закончилось в Летнем Замке колдовством, огнем и горем.

Ее любовь к Даарио — яд. Не такой быстроедействующий, как в той саранче, но столь же смертельный .

— Там все еще остается Чхого, — сказал сир Барристан. — Он и Хиро. Оба ценны для Ее Величества.

— У нас тоже есть заложники, — напомнил Скахаз Бритоголовый. — Если работоторговцы убьют одного

из наших, мы убьем одного из них.

На мгновение сир Барристан не понял, кого он имеет в виду. Но затем до него дошло.

— Виночерпии королевы?

— *Заложники* , — настаивал Скахаз мо Кандак. — Гразар и Кезза одной крови с Зеленой Грацией. Меззара из рода Меррека, Кезмия — от Паля, Аззак — от Гхазин. Бхаказ от крови Лорака, родня самого Хиздара. Сыновья и дочери пирамид. Зхак, Кваззар, Ухлез, Хазкар, Дхазак, Ихеризан, все дети Великих Господ.

— Невинные девочки и милые мальчики. — Пока они служили королеве, сир Барристан успел хорошо их узнать: Гразара,

мечтающего о славе, скромную Меззару, ленивого Миклаза, тщеславную и симпатичную Кезмию, Кеззу с большими ласковыми глазами и ангельским голосом, танцора Дхаззара и многих других. — Дети.

— Дети Гарпии. За кровь можно заплатить только кровью.

— Так сказал юнкаец, который принес нам голову Гролео.

— Он не ошибся.

— Я не позволю.

— Какой смысл в заложниках, если ими нельзя воспользоваться?

— Мы могли бы предложить троих детей в обмен на Даарио, Хиро и Чхого, — предположил сир Барристан. — Ее Величество...

— ... не здесь. И делать все необходимое придется нам с вами. Вы знаете, что я прав.

— У принца Рейегара было двое детей, — ответил ему сир Барристан.

— Рейенис была маленькой девочкой, а Эйегон — младенцем. Когда Тайвин Ланнистер взял Королевскую Гавань, его люди убили обоих. Он преподнес их окровавленные тела, завернутые в темно-красные плащи, в качестве подарка новому королю. — *И что же сказал Роберт, когда их увидел? Он улыбнулся?* Барристан Селми был тяжело ранен у Трезубца, так что ему не довелось созерцать дары лорда Тайвина, хотя он часто размышлял об

этом. Если бы я увидел короля, улыбающимся над окровавленными останками детей Рейегара, ни одна армия на земле не помешала бы мне убить его. — Я не допущу убийства детей. Или примите мое условие, или я отказываюсь участвовать в этом.

Скахаз усмехнулся:

— Вы упрямый старик. Ваши милые мальчишки вырастут только для того, чтобы стать Сыновьями Гарпии. Убейте их сейчас или убейте потом.

— Убить человека можно лишь за содеянное преступление, а не за то, которое он может когда-нибудь совершить.

Бритоголовый снял топор со

стены, осмотрел его и хмыкнул.

— Да будет так. Никакого вреда Хидзару или заложникам. Довольны, сир Дедушка?

Я никогда не буду доволен подобными вещами.

— Сойдет. В час волка. Помните.

— Вряд ли я забуду, сир, — рот маски летучей мыши не шевелился, но сир Барристан чувствовал за ней ухмылку. — Кандаки долго ждали этой ночи.

Чего я и боюсь . Если король Хиздар невиновен, все их сегодняшние действия будут считаться изменой. Но разве мог он быть невиновным? Селми слышал,

как король уговаривал Дейенерис попробовать отравленную саранчу, как кричал на своих людей, требуя убить дракона. *Если мы не начнем действовать, Хиздар убьет драконов королевы и откроет ворота ее врагам. Тут у нас нет выбора.* И все же, с какой бы стороны старый рыцарь ни смотрел на предстоящее, он не видел в задуманном ни капли чести.

Остаток этого долгого дня промчался со скоростью улитки.

Он знал, где-то там король Хиздар совещался с Резнаком мо Резнаком, Мархазом зо Лораком, Галаззой Галаре и другими своими миэринскими советниками, решая,

как лучше ответить на требования юнкайцев... но Барристан Селми больше не являлся частью его совета. И у него не было короля, которого нужно защищать. Вместо этого он прошелся по пирамиде сверху донизу — удостовериться, что все часовые находятся на своих постах. Это заняло большую часть утра. День он провел со своими сиротами и даже взял в руки щит и меч, чтобы лучше проверить нескольких старших ребят.

Некоторых из них готовили для бойцовских ям, когда Дейенерис Таргариен взяла Миэрин и освободила их от цепей. Эти умели обращаться с мечом, копьем и боевым топором еще до того, как сир

Барристан взял их к себе. *Некоторые, пожалуй, уже готовы. В первую очередь парень с Островов Василиска. Тумко Ло. Черный, как чернила мастера, но быстрый и сильный, прирожденный мечник, лучший, кого Селми видел после Джейме Ланнистера. Еще Ларрак. Плеть* . Сир Барристан не одобрял манеру боя парня, но не сомневался в его способностях. Ларраку предстояли годы тренировок, прежде чем он овладеет настоящим рыцарским оружием — мечом, копьем и булавой, но он был смертоносен со своим кнутом и трезубцем. Старый рыцарь предупреждал его, что кнут будет

бесполезен против закованного в броню противника... пока не увидел, как Ларрак использует его — захватывает ноги противника и сваливает того наземь. *Еще пока не рыцарь, но яростный боец .*

Ларрак и Тумко были лучшими из его парней. Следом шел лхазарянин, прозванный другими мальчишками Рыжим Ягненком, хотя пока что он представлял собой сплошную свирепость и никакой техники. Возможно, еще и братья, три гискарца-простолюдина, обращенных в рабство в уплату долгов отца.

Таким образом, их набиралось шестеро. *Шестеро из двадцати семи*

. Селми мог надеяться на большее, но для начала шестеро тоже неплохо. Остальные мальчишки в большинстве своем были младше и лучше знакомы с ткацкими станками, плугами и ночными горшками, нежели с мечами и щитами, но они усердно работали и быстро учились. Несколько лет в оруженосцах — и у него, быть может, появятся еще шесть рыцарей для его королевы. А те, кто не будет готов никогда... что ж, не каждому мальчишке суждено стать рыцарем. *Королевству нужны и свечники, и хозяева постоянных дворов, и оружейники* . Это одинаково верно и в Миэринe, и в Вестеросе.

Наблюдая за их упражнениями, сир Барристан раздумывал, не посвятить ли Тумко с Ларраком в рыцари здесь и сейчас. Рыжего Ягненка, возможно, тоже. Только рыцарь может сделать рыцарем другого, и если что-то сегодня пойдет неудачно, он может встретить рассвет мертвым или в подземелье. Кто тогда посвятит его оруженосцев? С другой стороны, репутация юного рыцаря в какой-то степени зависит от чести человека, который посвятил его. И если станет известно, что его парни получили свои шпоры от изменника — это не принесет им никакой пользы, более того, они могут последовать за ним в темницу.

Они заслуживают большего , решил сир Барристан. Лучшие прожить долгую жизнь оруженосцем, чем короткую — рыцарем с запятнанным именем.

Когда день растворился в вечере, он приказал им сложить мечи и щиты и собраться в круг. Он говорил с ними о том, что значит быть рыцарем.

— Благородство — вот что отличает истинного рыцаря, не меч, — объяснял он. — Рыцарь без чести — всего лишь рядовой убийца. Лучше умереть с честью, чем жить без нее.

Мальчишки глядели на него с недоумением, но он думал, что однажды они поймут.

Позже, вернувшись на вершину пирамиды, сир Барристан застал Миссандею за чтением среди груды свитков и книг.

— Оставайся сегодня вечером здесь, дитя, — сказал он ей. — Что бы ни случилось, что бы ты ни увидела или ни услышала, не покидай покоев королевы.

— Ваша слуга поняла, — ответила девочка. — Если ей будет дозволено спросить...

— Лучше не надо.

Сир Барристан в одиночестве вышел в сад на террасе. *Я не создан для такого*, размышлял он, глядя на раскинувшийся внизу город. Пирамиды не спали; по мере того,

как внизу на улицах сгущались тени, один за другим вспыхивали факелы и фонари. *Интриги, хитрости, перешептывания, ложь, секреты в секретах, и каким-то образом я стал частью всего этого.*

Возможно, он должен был уже привыкнуть к подобным вещам. В Красном Замке тоже имелись свои секреты. *Даже у Рейегара* . Принц Драконьего Камня никогда не доверял ему так, как Артуру Дейну. Харренхолл стал тому подтверждением. *В год ложной весны* .

Воспоминания все еще горчили. Старый лорд Уэнт объявил о турнире вскоре после визита своего брата,

сира Освелла Уэнта из королевской гвардии. Из-за Вариса, нашептывающего королю в уши, Эйерис начал подозревать, что сын замышляет свергнуть его, и что турнир Уэнта всего лишь уловка, дающая Рейегару предлог встретиться со столькими знатными лордами, скольких удастся собрать вместе. Эйерис и шагу не ступал из Красного Замка со времен Синего Дола, но внезапно объявил, что составит компанию принцу Рейегару в Харренхолле, и с того момента все пошло наперекосяк.

Будь я рыцарем получше... если бы я спешил принца в той последней схватке, как спешил многих других до

него, тогда я бы выбирал королеву любви и красоты...

Рейегар выбрал Лианну Старк из Винтерфелла. Барристан Селми сделал бы иной выбор. Не королеву, она не присутствовала на турнире. Не милую и нежную Элию Дорнийскую — если бы предпочли ее, сколько горя и бед удалось бы избежать. Сир Барристан выбрал бы юную деву, недавно появившуюся при дворе, одну из компаньонок Элии... хотя по сравнению с Эшарой Дейн дорнийская принцесса казалась кухонной замарашкой.

Даже спустя все эти годы сир Барристан помнил улыбку Эшары, ее смех. Стоило ему закрыть глаза, как

он видел ее — с длинными темными волосами, ниспадающими на плечи, и чарующими фиолетовыми глазами. *У Дейенерис такие же*. Порой, когда королева смотрела на него, ему казалось, что он видит дочь Эшары.

Но дочь Эшары родилась мертвой, а его прекрасная леди вскоре бросилась с башни, обезумев от горя после потери ребенка и, возможно, из-за мужчины, обесчестившего ее в Харренхоле. Она умерла, так и не узнав, что сир Барристан любил ее. *Откуда бы она это узнала?* Он был рыцарем королевской гвардии, давшим обет безбрачия. Не вышло бы ничего хорошего, открой он ей свои чувства.

Но и от молчания лучше не стало . Если бы я спешил Рейегара и объявил Эшару королевой любви и красоты, обратила бы она свой взор на меня вместо Старка?

Он уже никогда не узнает. Но из всех его неудач, ни одна не мучала Барристана Селми так сильно, как эта.

Небо затянули облака, и что-то в горячем, тяжелом и влажном воздухе вызывало мурашки на его спине. Дождь , подумал он. *Приближается буря. Если не сегодня ночью, то завтра утром .* Сир Барристан задумался, доживет ли он до нее. *Если у Хиздара есть свой Паук, я не жилец .* Если дойдет до этого, он

собирался умереть так же, как жил — с мечом в руке.

Когда на западе, за парусами болтавшихся в заливе кораблей поблекли последние лучи заката, сир Барристан вернулся внутрь пирамиды, позвал двух слуг и приказал согреть воды для ванны. После дневной тренировки с оруженосцами он чувствовал себя грязным и потным.

Воду принесли чуть теплую, но Селми сидел в ванне, пока она не остыла окончательно, растирая кожу почти до крови. Став чище, чем когда-либо, он поднялся, вытерся и облачился в белое. Чулки, белье, шелковая туника, подбитый камзол

— все свежевystиранное и отбеленное. Поверх он надел доспехи, подаренные королевой в знак уважения. Кольчуга была позолоченной, отлично выкованной, звенья гибкие, словно хорошо выделанная кожа, нагрудная пластина покрыта эмалью, твердая, как лед и яркая, как свежевypавший снег. Кинжал на одном бедре, длинный меч — на другом, закрепленные на белом кожаном ремне с золотой пряжкой. Последним он набросил на плечи свой длинный белый плащ.

Шлем он оставил висеть на крюке. Узкие прорезы для глаз ограничивали видимость, а ему

нужен был хороший обзор происходящего. Залы пирамиды темны по ночам, и враг мог прийти с любой стороны. Кроме того, богато украшенные крылья дракона на шлеме хоть и выглядели роскошно, но в них слишком легко мог попасть меч или топор. Пусть они подождут до следующего турнира, если Семеро даруют ему таковой.

Вооруженный и облаченный в доспехи, старый рыцарь ждал, сидя во мраке маленькой кельи, примыкающей к покоям королевы. Лица королей, которым он служил и которых подвел, плавали перед ним во тьме, как и лица братьев, которые служили под его началом в

королевской гвардии. Селми задумался, многие ли из них сделали бы то, что намеревался совершить он. *Кое-кто — наверняка. Но не все. Некоторые без промедления убили бы Бритоголового как изменника*. За стенами пирамиды начался дождь. Сир Барристан, прислушиваясь, сидел в темноте. *Словно падающие слезы*, подумал он. *Словно плач мертвых королей*.

Настало время идти.

Великую Пирамиду Миэрина построили в подражание Великой Пирамиде Гиса, величественные руины которой однажды посетил Ломас Длинный Шаг. Как и ее древняя предшественница, чьи залы

из красного мрамора служили теперь обителью летучих мышей и пауков, миэринская пирамида могла похвастаться тридцатью тремя уровнями — это число было каким-то образом священо для богов Гиса. Сир Барристан начал долгий спуск в одиночестве; белый плащ струился за его спиной. Он выбрал не главную лестницу из мрамора с прожилками, а лестницу для прислуги, более узкую, крутую и прямую, скрытую среди толстых кирпичных стен.

Бритоголовый поджидал его двенадцатью уровнями ниже, грубые черты его лица все еще скрывались под той же маской летучей мыши, что была на нем утром. Рядом стояли

шесть Медных Бестий. Они надели маски насекомых, неотличимые друг от друга.

Саранча , осознал Селми.

— Гролео, — произнес он.

— Гролео, — ответила одна саранча.

— У меня есть еще саранча, если вам понадобится,— сказал Скахаз.

— Шестерых должно хватить. Что насчет людей у дверей?

— Они мои. У вас не будет проблем.

Сир Барристан сжал Бритоголовому руку.

— Не проливайте крови без нужды. Завтра мы созовем совет и

объявим городу, что мы сделали и почему.

— Как скажете. Удачи вам, старик.

Они разошлись разными путями. Медные Бестии последовали за сиром Барристаном, продолжившим спуск.

Королевские апартаменты скрывались в самом сердце пирамиды, на шестнадцатом и семнадцатом уровнях. Добравшись туда, Селми обнаружил двери в покои закрытыми на цепь, с парой Медных Бестий, стоявших рядом на страже. Под капюшонами их лоскутных плащей скрывались маски крысы и быка.

— Гролео, — сказал сир Барристан.

— Гролео, — ответил бык. — Третий зал направо.

Крыса сняла цепь. Сир Барристан и его эскорт вступили в узкий, освещенный факелами коридор для obsługi, выложенный красным и черным кирпичом. Их шаги отдавались эхом, когда они прошли мимо двух залов и повернули в третий направо.

Перед резными дверями из твердого дерева, ведущими в королевские покои, стоял Стальнокожий, молодой боец из ям, еще не успевший стать первоклассным. Его щеки и лоб были

испещрены замысловатыми черно-зелеными татуировками — древневалирийскими магическими знаками, предположительно делающими его плоть и кожу твердыми, как сталь. Похожие знаки покрывали его грудь и руки, хотя пока оставалось загадкой, удастся ли им действительно остановить меч или топор.

Даже без них Стальнокожий выглядел бы грозно — тощий и жилистый юноша, на полфута возвышающийся на сиром Барристаном.

— Кто идет? — спросил он, преграждая им дорогу длинным топором. Разглядев сира Барристана

с медной саранчой позади, он снова опустил его. — Старый сир.

— Мне необходимо поговорить с королем, если ему будет угодно.

— Время позднее.

— Время позднее, но дело не терпит отлагательств.

— Я могу спросить, — Стальнокожий грохнул концом своего топора в дверь королевских покоев. В двери открылось окошко. Показался детский глаз. Детский голос спросил через дверь. Стальнокожий ответил. Сир Барристан услышал, как откинули тяжелый запор. Дверь приоткрылась.

— Только ты, — сказал Стальнокожий, — Бестии подождут

здесь.

— Как пожелаете, — сир Барристан кивнул саранче. Одна из них кивнула в ответ. Селми в одиночку проскользнул в дверь.

Темные и лишенные окон, окруженные со всех сторон каменными стенами восьмифутовой толщины, покои короля внутри оказались просторными и роскошными. Внушительные балки из черного дуба подпирали высокие потолки. Полы были покрыты шелковыми коврами из Кварта. На стенах висели бесценные гобелены, древние и сильно выцветшие, живописующие величие Старой Империи Гиса. Самый большой из

них изображал последних выживших из разбитой валирийской армии, закованных в цепи. Арку, ведущую к королевскому ложу, охраняла пара любовников, вырезанных из сандалового дерева, отполированных и покрытых маслом. Сир Барристан нашел их безвкусными, хотя не вызывало сомнений, что они должны были бы возбуждать. *Чем раньше мы покинем это место, тем лучше.*

Покои освещались только железной жаровней. Около нее стояли два виночерпия королевы: Драказ и Кезза.

— Миклаз ушел будить короля, — сказала Кезза. — Принести вам вина, сир?

— Нет. Благодарю.

— Можете присесть, — предложил Драказ, указывая на скамью.

— Я предпочитаю стоять, — он слышал голоса, доносящиеся через арку из спальни. Один из них принадлежал королю.

Прошло немало времени, прежде чем появился король Хиздарзо Лорак, четырнадцатый этого благородного имени, зевая и завязывая на ходу пояс халата из зеленого атласа, богато украшенного жемчугом и серебряной нитью. Под халатом на короле ничего не было. Хорошо. Голые люди чувствуют себя уязвимыми и менее склонны к

самоубийственному героизму.

Сир Барристан мельком увидел через арку за тонкой занавеской женщину, тоже обнаженную — лишь легкий шелк прикрывал ее груди и бедра.

— Сир Барристан, — Хидзар снова зевнул, — который час? Неужели появились новости о моей дорогой королеве?

— Ни одной, Ваше Величество.

Хиздар вздохнул:

— Ваше *Великоление*, пожалуйста. Хотя в столь позднее время «Ваша Сонливость» подошло бы больше.

Король подошел к буфету налить себе чашу вина, но обнаружил только

пару капель на дне опустевшего графина. На его лице мелькнуло раздражение:

— Миклаз, вина! Быстро!

— Да, Ваша Милость.

— Возьми с собой Драказа.

Бутыль золотого борского и еще одну того сладкого красного. Никакой нашей желтой мочи, благодарю. И в следующий раз, если я найду свой графин пустым, как бы мне не пришлось отхлестать твои симпатичные розовые щечки.

Мальчишка выбежал, а король обернулся к Селми:

— Мне снилось, что вы нашли Дейнерис.

— Сны могут лгать, Ваше

Величество.

— Лучше «Ваше Великолепие».

Что привело вас ко мне в такой час, сир? Какие-то беспорядки в городе?

— В городе спокойно.

— Правда? — Хиздар выглядел озадаченным. — Тогда зачем вы пришли?

— Чтобы задать вопрос.

Великолепный, это вы — Гарпия?

Чаша для вина выскользнула из рук Хиздара, мягко отскочила от ковра и покатилась.

— Вы приходите в мои покои посреди ночи и спрашиваете о таких вещах? Вы с ума сошли? — Казалось, только теперь король заметил, что сир Барристан стоит перед ним в

доспехах и кольчуге. — Что...
почему... да как вы смеете...

— Яд — ваша работа,
Великолепный?

Король Хиздар отступил на шаг
назад:

— Саранча? Это... это были
дорнийцы. Так называемый принц
Квентин. Спросите у Резнака, если
сомневаетесь в моих словах.

— У вас есть доказательства?
Или у Резнака?

— Нет, иначе я бы уже схватил
их. Возможно, мне следует
поступить так в любом случае.
Уверен, Мархаз выжмет из них
признание. Они все отравители, эти
дорнийцы. Резнак говорит, что они

поклоняются змеям.

— Они едят змей, — сказал сир Барристан. — Это была ваша яма, ваша ложа, ваши места. Сладкое вино, мягкие подушки, фиги, дыни и медовая саранча. Все доставили по вашему приказу. Вы убеждали Ее Величество попробовать саранчу, но сами к ней даже не притронулись.

— Я... от острых специй мне становится плохо. Она была моей женой. Моей королевой. Зачем бы я стал травить ее?

Была, он сказал. Он уверен, что она мертва.

— Только вы можете ответить на этот вопрос, Великолепный. Возможно, потому что вы хотели

привести другую женщину на ее место, — сир Барристан кивнул в сторону девушки, робко выглянувшей из спальни. — Возможно, ее?

Король испуганно обернулся:

— *Ее?! Она никто. Постельная рабыня*, — тут он взмахнул руками. — Я оговорился! Не рабыня! Свободная женщина! Обученная любви. Даже у короля есть потребности, она... она вас не касается, сир. Но я бы никогда не причинил вреда Дейенерис. Никогда!

— Вы убеждали королеву попробовать саранчу. Я сам это слышал.

— Я думал, она ей понравится, — Хиздар отступил еще на шаг. —

Острая, но в то же время и сладкая.

— Острая, сладкая и отравленная. И я собственными ушами слышал, как вы приказывали людям в яме убить Дрогона. Вы кричали на них.

Хиздар облизнул губы:

— Зверь пожирал плоть Барсены. Драконы охотятся на людей. Он убивал, сжигал...

— ... сжигал людей, которые хотели причинить вред вашей королеве. Вполне возможно, Сыновей Гарпии. Ваших друзей.

— Они мне не друзья!

— Это вы так говорите, но когда вы приказали им прекратить убийства — они вас послушались. С

какой стати им это делать, если только вы не один из них?

Хиздар покачал головой. На сей раз он не нашел ответа.

— Скажите мне правду, — продолжил сир Барристан, — вы когда-нибудь любили ее, хоть немного? Или это все было только из-за короны, которую вы так страстно вожделели?

— Вожделение? Вы смеете говорить мне о *вожделении*? — рот короля перекосило от злости. — Да, я вожделел корону, да... но мое желание не сравнится с тем, как она вожделела своего наемника. Возможно, ее драгоценный капитан пытался отравить Дейенерис за то,

что она отвергла его. А если бы я съел ту саранчу, что ж, еще лучше.

— Даарио — убийца, но не отравитель, — сир Барристан шагнул к королю. — Вы — Гарпия? — на сей раз он положил руку на эфес своего меча. — Скажите мне правду, и я обещаю вам легкую, чистую смерть.

— Вы слишком много себе позволяете, сир, — сказал Хиздар. — Я сыт по горло вашими вопросами и вами. Вы освобождаетесь от своих обязанностей. Немедленно убирайтесь из Миэрина, и я сохраню вам жизнь.

— Если вы не Гарпия, то назовите мне его имя, — сир

Барристан обнажил меч. Его острое лезвие, отразив луч света от жаровни, превратилось в полосу оранжевого огня.

Хиздар сломался.

— Кразз! — завизжал он, и, спотыкаясь, попятился в сторону спальни. — Кразз! *Кразз* !

Сир Барристан услышал, как где-то слева от него открылась дверь. Он повернулся в тот момент, когда из-за гобелена возник Кразз. Боец двигался медленно, все еще пошатываясь после сна, но со своим излюбленным оружием в руке: дотракийским аракхом, длинным и изогнутым. Сабля, созданная для глубоких, режущих ударов со спины

коня. Смертельное оружие против полуголых врагов в яме или на поле битвы . Но здесь, в закрытом помещении, длина аракха работала против него, а сир Барристан был в доспехах и кольчуге.

— Я пришел за Хиздаром, — сказал ему рыцарь. — Бросьте оружие и не вмешивайтесь, и вам не причинят вреда.

Кразз засмеялся.

— Старик. Я съем твое сердце!

Оба мужчины были высокими. Но светлокожий Кразз со своими мертвыми глазами и гребнем жестких темно-красных волос, сбегаящими ото лба к основанию шеи, весил на два стоуна больше и

был на сорок лет моложе.

— Тогда подходите, — произнес Барристан Смелый. И Кразз подошел.

Впервые за весь день Селми чувствовал себя уверенно. *Вот для чего я создан*, подумал он. *Танец, сладкая песнь стали, меч в руке и враг передо мной*.

Боец из ям был быстр, молниеносен, стремителен не менее тех, с кем сир Барристан когда-либо сражался. В его больших руках аракх превратился в свистящий размытый круг, стальной шторм, который, казалось, атаковал старого рыцаря сразу с трех сторон. Большинство взмахов направлялись в его голову. Кразз не был дураком. Без шлема

самым уязвимым местом Селми стала голова.

Он спокойно блокировал удары, его меч встречал каждый взмах и отводил его в сторону. Лезвия звенели и звенели. Сир Барристан отступил. Боковым зрением он заметил, что виночерпии глядят на них глазами размером с блюдца. Кразз выругался и сменил верхние удары на нижние, на этот раз скользя вдоль клинка старого рыцаря, но только для того, чтобы просто царапнуть белые стальные поножи. Ответный удар Селми задел левое плечо бойца, разрезав тонкую ткань и вонзившись в плоть под ней. Желтая туника бойца начала

окрашиваться розовым, а затем красным.

— Только трусы одеваются в железо, — заявил Кразз, двигаясь по кругу. В ямах никто не носил доспехов. Толпа приходила туда увидеть кровь: за смертью, расчленениями, воплями агонии и музыкой окровавленного песка.

Сир Барристан оказался рядом с ним:

— Этот трус собирается убить вас, сир.

Противник не был рыцарем, но его храбрость заслуживала по крайней мере вежливости. Кразз не знал, как сражаться с человеком в доспехах. Сир Барристан видел это в

его глазах — сомнение, замешательство, поднимающийся страх. Борец с криком пошел в атаку, словно звук мог поразить его врага там, где не доставала сталь. Арахх бил вниз, вверх и снова вниз.

Селми блокировал выпады, направленные в голову, и позволял броне остановить все остальные, а тем временем его собственный клинок рассек щеку бойца от уха до рта и нанес ему глубокую рану в грудь. Кровь хлынула из тела Кразза. Казалось, это только утроило его ярость. Он схватил жаровню свободной рукой и перевернул ее, разбрасывая золу и горячие угли на ноги Селми. Сир Барристан

перепрыгнул через них. Кразз резанул его по руке и задел ее, но аракх только расколол жесткую эмаль и встретил под ней сталь.

— В яме ты лишился бы руки, старик.

— Мы не в яме.

— *Снимай этот проклятый доспех!*

— Еще не поздно сложить оружие. Сдавайтесь!

— Умри, — выпалил Кразз... но, поднимая аракх, задел его концом один из гобеленов, и тем самым замедлил свое движение. Именно этого и ждал сир Барристан. Он вспорол живот бойца, парировал дернувшийся аракх, а затем

прикончил Кразза быстрым ударом в сердце, пока кишки бойца выползали наружу, будто клубок жирных угрей.

Кровь и внутренности запачкали королевские шелковые ковры. Селми сделал шаг назад. Лезвие меча в его руке стало наполовину красным. Тут и там начинали тлеть ковры, в местах, где на них упали горящие угли. Он услышал рыдания бедной Кеззы.

— Не бойся, — сказал старый рыцарь. — Я не причиню тебе вреда, дитя. Мне нужен только король.

Он вытер меч занавеской и направился в спальню, где обнаружил Хиздара зо Лорака, четырнадцатого этого благородного

имени, прячущегося за гобеленом и скулящего.

— Пощадите, — умолял он. — Я не хочу умирать.

— Мало кто хочет. Но так или иначе все умирают, — сир Барристан вложил меч в ножны и поднял Хиздара на ноги. — Пойдемте. Я провожу вас в темницу. — Медные Бести, должно быть, уже обезоружили Сталекожего. — Вы будете заключены под стражу до тех пор, пока королева не вернется. Если не найдут доказательств вашей вины, вам не причинят вреда. Даю слово рыцаря.

Он взял короля за руку и повел его из спальни, чувствуя в голове

странную легкость, похожую на опьянение. Я был рыцарем королевской гвардии. Кем я стал теперь?

Миклаз и Драказ вернулись с вином для Хиздара. Они стояли в открытых дверях, прижимая бутылки к груди, и смотрели на труп Кразза широко раскрытыми глазами. Кезза все еще плакала, но к ней подошла Джезен, стараясь успокоить. Она обняла младшую девочку и погладила ее по волосам. Остальные виночерпии стояли около них, наблюдая.

— Ваша Милость, — сказал Миклаз, — благородный Резнак мо Резнак просил п-передать вам, чтобы

вы немедленно пришли.

Мальчик обратился к королю так, будто здесь не было ни сира Барристана, ни развалившегося на ковре покойника, чья кровь медленно окрашивала шелка. *Скахаз обещал взять Резнака под стражу до тех пор, пока мы не убедимся в его верности. Неужели что-то пошло не так?*

— Прийти куда? — спросил мальчика сир Барристан. — Куда сенешаль зовет Его Величество?

— Наружу, — Миклаз, казалось, впервые его заметил. — Наружу, сир. На т-террасу. Чтобы увидеть.

— Увидеть что?

— Д-д-драконов. Драконов

выпустили, сир.

Семеро, спасите нас, подумал
старый рыцарь.

69. УКРОТИТЕЛЬ ДРАКОНА

Ночь незаметно подкралась медленной черной поступью. Час летучей мыши уступил место часу угря, час угря — часу призраков. Принц лежал на кровати, уставившись в потолок, грезя наяву, вспоминая, воображая, ворочаясь под льняным покрывалом. Его разум находился в лихорадочном возбуждении от мыслей об огне и крови.

В конце концов, отчаявшись отдохнуть, Квентин Мартелл направился в верхнюю комнату, где

налил себе чашу вина и выпил ее в темноте. Вкус во рту стал сладким облегчением, так что он зажег свечу и налил еще одну. *Вино поможет мне уснуть*, сказал он себе, понимая, что это ложь.

Он долго вглядывался в свечу, затем отставил чашу и поднес руку к пламени. Ему потребовалась вся сила воли, чтобы опускать ладонь, пока огонь не коснулся плоти, а когда это произошло — он тут же отдернул ее с криком боли.

— Квентин, ты спятил?

Нет, просто напуган. Я не хочу сгореть.

— Геррис?

— Я слышал, как ты ходишь.

— Мне не спится.

— И ожоги — лекарство от этого? Немного теплого молока и колыбельная пошли бы тебе на пользу. Или, что еще лучше, я мог бы отвести тебя в Храм Граций и найти тебе девушку.

— Шлюху, ты имеешь в виду.

— Их называют Грациями. Они бывают разного цвета. Трахаются только красные, — Геррис сел за стол напротив. — Если хочешь знать мое мнение, септам у нас дома надо перенять этот обычай. Ты заметил, что старые септы всегда похожи на чернослив? Вот во что превратит тебя жизнь в целомудрии.

Квентин бросил взгляд на

террасу, где между деревьями лежали многочисленные ночные тени. Он услышал тихий звук падающей воды.

— Там что, дождь? Все твои шляхи разойдутся.

— Не все. В садах наслаждения есть небольшие комнатки, где они каждую ночь ждут мужчину, который выберет их. Те, кого не выбрали, должны оставаться там, пока не взойдет солнце, чувствуя себя одинокими и отверженными. Мы могли бы их утешить.

— То есть, они могли бы утешить меня?

— И это тоже.

— Не то утешение, в котором я нуждаюсь.

— Я не согласен. Дейенерис Таргариен — не единственная женщина в мире. Ты что, хочешь умереть девственником?

Квентин вообще не хотел умирать. *Я хочу вернуться обратно в Айронвуд и поцеловать обеих твоих сестер, жениться на Гвинет Айронвуд, дождаться, когда она расцветет, и иметь от нее ребенка. Я хочу сражаться на турнирах, охотиться с соколом и гончими, погостить у матери в Норвосе и прочитать несколько книг из тех, что присылает мне отец. Я хочу, чтобы Клетус, Уилл и мейстер Кедри снова были живы.*

— Думаешь, Дейенерис будет

приятно услышать, что я лег в постель с какой-то шлюхой?

— Вполне вероятно. Мужчины, возможно, любят девственниц, но женщинам больше по вкусу мужчина, который знает, как вести себя в спальне. Это вроде фехтования. Чтобы стать искусным, нужна тренировка.

Насмешка больно уколола его. Никогда прежде Квентин не чувствовал себя настолько мальчишкой, чем когда стоял перед Дейенерис, прося ее руки. Мысль о том, чтобы оказаться с ней на брачном ложе, пугала его не меньше ее драконов. А если бы он не смог доставить ей удовольствие?

— У Дейенерис есть любовник,
— сказал он, защищаясь. — Отец прислал меня сюда не для того, чтобы я развлекал королеву в спальне. Сам знаешь, зачем мы приехали.

— Ты не можешь на ней жениться. У нее уже есть муж.

— Она не любит Хиздара зо Лорака.

— Какое отношение любовь имеет к браку? Уж принц-то должен знать. Говорят, твой отец женился по любви. И много радости ему это принесло?

Совсем мало. Одну половину своей семейной жизни Доран Мартелл и его норвосская жена

провели в разлуке, а вторую — в ссорах. Многие считали, что это был единственный поступок, с которым его отец поторопился; единственный раз, когда он прислушался к голосу сердца, а не разума — и потом провел всю жизнь, сожалея о своем решении.

— Не всякий риск ведет к краху, — продолжал настаивать Квентин. — Это мой долг. Моя судьба. — *Ты считаешься моим другом, Геррис. Зачем же высмеиваешь мои надежды? У меня и так довольно сомнений, а ты еще подливаешь масла в огонь моего страха.* — Это будет мое великое приключение.

— Бывает, в великих

приключениях погибают люди.

Он прав. И об этом тоже было в легендах. Герой с друзьями и спутниками отправляется в путь, сталкивается с опасностью, а потом с триумфом возвращается домой. Да вот только уже без некоторых спутников. *Сам-то герой никогда не погибает. Героем должен быть я.*

— Все, что мне нужно, — это отвага. Хочешь, чтобы Дорн запомнил меня неудачником?

— Дорн, возможно, никого из нас надолго не запомнит.

Квентин пососал ожог на ладони.

— Дорн помнит Эйегона и его сестер. Драконов так просто не

забудешь. Они будут помнить и Дейенерис.

— Нет, если она мертва.

— Она жива. — *Она должна быть жива.* — Она потерялась, но я могу найти ее.

А когда найду, она будет смотреть на меня так, как смотрит на своего наемника. Когда я докажу, что достоин ее.

— Со спины дракона?

— Я езжу на лошади с шести лет.

— И они тебя пару-тройку раз сбрасывали.

— Это никогда не мешало мне вновь забираться в седло.

— Но тебя никогда не

сбрасывали с высоты в тысячу футов, — заметил Геррис. — И лошади редко превращают своих всадников в обуглившиеся кости и пепел.

Я осознаю опасности.

— Я больше не желаю ничего об этом слышать. Можешь идти. Найди корабль и беги домой, Геррис.

Принц встал, задул свечу и поплелся обратно в свою кровать к мокрым от пота льняным простыням. *Надо было поцеловать одну из близняшек Дринкуотер, или, возможно, обеих. Надо было целовать их, пока мог. Надо было съездить в Норвос, навестить мать и увидеть место, где она родилась, чтобы она знала — я не забыл о ней.*

Он слышал, как снаружи по кирпичам барабанил дождь.

К тому времени, когда к ним подкрался час волка, дождь уже лил, не прекращаясь — стремительным, жестким, холодным потоком, который вскоре превратит кирпичные улицы Миэрина в реки. Трое дорнийцев легко позавтракали в предрассветном холоде — фруктами и хлебом с сыром, запивая козьим молоком. Когда Геррис потянулся налить себе чашу вина, Квентин остановил его:

— Никакого вина. После всего у нас будет полно времени, чтобы напиться.

— Будем надеяться, — ответил

Геррис.

Здоровяк посмотрел в сторону террасы.

— Я знал, что будет дождь, — сказал он мрачным тоном. — Вчера вечером у меня кости болели. А они всегда болят перед дождем. Драконам такое не понравится. Огонь и вода несовместимы, это факт. Можно разжечь хороший костер, горящий жарким пламенем, а потом начнется дождь, и все — древесина намокла, огонь погас.

Геррис усмехнулся:

— Драконы сделаны не из дерева, Арч.

— Некоторые — из него. Старый король Эйегон, тот,

распутник, построил деревянных драконов, чтобы победить нас. Но все плохо кончилось.

И это тоже может плохо кончиться, подумал принц. Ему было плевать на глупости и неудачи Эйегона Недостойного, но его одолевали сомнения и дурные предчувствия. От вымученных шуточек друзей у Квентина разболелась голова. *Они не понимают. Пусть они и дорнийцы, но я — весь Дорн. Спустя годы, когда я уже умру, об этом будут петь в песнях про меня.* Он резко встал.

— Время пришло.

Его друзья поднялись на ноги. Сир Арчибальд осушил чашу с

козьим молоком и вытер белую полосу с верхней губы тыльной стороной ладони:

— Пойду принесу наши шутовские наряды.

Он вернулся со свертком, полученным у Оборванного Принца в их вторую встречу. Внутри были три длинных плаща с капюшонами, сшитые из множества мелких квадратиков ткани, три дубины, три коротких меча, три маски из полированной меди. Бык, лев и обезьяна.

Все необходимое, чтобы стать Медной Бестией. «Они могут спросить пароль, — предупредил их Оборванный Принц, отдавая сверток.

— Пароль — « *собака* ». — «Ты в этом уверен?» — спросил его Геррис. — «Настолько уверен, что готов поставить на кон жизнь».

Принц Квентин правильно понял значение его слов: «Мою жизнь». — «Именно ее». — «Как вы узнали их пароль?» — «Нам случайно подвернулась парочка Медных Бестий и Мерис хорошенько их расспросила. Но принцам следовало бы знать, что не стоит задавать такие вопросы, дорниец. У нас в Пентосе есть поговорка: «Не спрашивай у пекаря, что за начинка в пироге. Просто ешь».

Просто ешь. Квентин решил, что в этом есть мудрость.

— Я буду быком, — заявил Арч.

Квентин протянул ему маску быка:

— Лев — для меня.

— Что делает из меня обезьяну, — Геррис приложил маску к лицу. — Как они дышат в этих штуках?

— Просто надень, — принц был не в настроении для шуток.

В свертке нашелся и кнут — грязный кусок старой кожи с рукояткой из меди и кости, настолько толстый, что мог бы снять шкуру с быка.

— А это еще зачем? — спросил Арч.

— Дейенерис пользовалась кнутом, чтобы присмирить черного

зверя, — Квентин свернул кнут и заткнул его за пояс. — Арч, ты тоже прихвати свой молот. Он может нам пригодиться.

Ночью попасть в Великую Пирамиду Миэрина было непросто. Каждый день на закате двери запирались и оставались закрытыми до рассвета. У каждого входа выставлялись стражники, а еще больше их патрулировало нижнюю террасу, откуда они могли осматривать улицу. Раньше двери сторожили Безупречные. Теперь — Медные Бестии. И это все меняло, как надеялся Квентин.

Часовые сменялись на восходе солнца, но до рассвета оставалось

еще полчаса, когда три дорнийца спустились по лестнице для прислуги. Стены вокруг них были сложены из кирпичей полусотни цветов, но в сумраке казались серыми, пока на них не падал свет факела, который нес Геррис. Во время длинного спуска они не встретили ни души. Единственным звуком было шуршание их сапог по старым кирпичам под ногами.

Главные ворота пирамиды выходили на центральную площадь Миэрина, но дорнийцы пошли к боковым дверям, выходящим в переулок. В прошлом этими воротами пользовались рабы, бегая по поручениям хозяев, и туда же

доставляли свои товары
простолюдины и торговцы.

Двери, сделанные из цельной бронзы, были заперты на тяжелый железный засов. Перед ними стояли две Медные Бестии, вооруженные дубинками, копьями и короткими мечами. Свет факелов поблескивал на полированной меди их масок — крысы и лиса. Квентин знаком приказал здоровяку остаться в тени, а сам вместе с Геррисом шагнул вперед.

— Вы пришли раньше, — заявил лис.

Квентин пожал плечами:

— Мы можем уйти, если хотите. Можете отстоять и наши часы, — он

знал, что говор у него совсем не гискарский, но половина Медных Бестий были вольноотпущенниками, говорившими на всевозможных родных языках, поэтому его акцент не привлек внимания.

— А, хрен с ним, — высказалась крыса.

— Говори дневной пароль, — потребовал лис.

— Собака, — ответил дорниец.

Медные Бестии обменялись взглядами. Три долгих мгновения Квентин боялся, что что-то пошло не так, что Красотка Мерис и Оборванный Принц каким-то образом получили неверный пароль. Потом лис хмыкнул.

— Собака, значит, — повторил он. — Дверь ваша.

И они ушли, а принц снова начал дышать.

Но медлить не стоило. Несомненно, скоро наступит настоящее облегчение.

— Арч, — позвал он, и из темноты появился здоровяк в сияющей при свете факелов маске быка. — Засов. Поспешите.

Железный засов был толстым и тяжелым, но хорошо смазанным. Сир Арчибальд с легкостью поднял его. Пока он ставил его рядом с дверью, Квентин открыл ворота, и Геррис шагнул за них, размахивая факелом.

— Заезжайте скорее.

Фургон мясника ожидал снаружи, в переулке. Возница слегка подстегнул мула и обитые железом колеса загрохотали по кирпичу. В фургоне лежала разделенная на четыре части туша быка, рядом с двумя забитыми овцами. Следом вошли полдюжины человек. Пятеро из них были одеты в плащи и маски Медных Бестий, но Красотка Мерис не стала утруждать себя маскировкой.

— Где твой лорд? — спросил он Мерис.

— У меня нет *лорда* , — ответила она. — Если ты о своем приятеле-принце, то он недалеко, с ним пятьдесят человек. Выведи

дракона, а он позаботится, чтобы ты ушел невредимым, как и было обещано. Здесь командует Кагго.

Сир Арчибальд окинул фургон кислым взглядом.

— В этой повозке поместится дракон? — спросил он.

— Должен. В нее влезают два быка.

Трупобийца был одет Медной Бестией. Он скрывал свое морщинистое, покрытое шрамами лицо под маской кобры, но его сразу выдал знакомый черный аракх, висевший у бедра.

— Нам сказали, эти твари меньше чудовища королевы.

— В яме они растут медленнее.

В книгах Квентина утверждалось, что так было и в Семи Королевствах. Ни один дракон, вылупившийся и выросший в Драконьей яме Королевской Гавани, не достиг размеров Вагара или Мераксеса, а тем более Черного Ужаса — чудовища короля Эйегона.

— Вы принесли цепи? Их хватит?

— А сколько у тебя драконов? — спросила в ответ Красотка Мерис. — У нас цепей на десятерых. Мы спрятали их под мясом.

— Очень хорошо, — Квентин почувствовал головокружение. Все происходящее казалось нереальным. В одно мгновение это выглядело

игрой, а в следующее — ночным кошмаром, дурным сном, в котором он открывал темную дверь, зная, что на той стороне выжидают ужас и смерть, но почему-то был не в силах остановиться. Его ладони стали скользкими от пота. Он вытер их о штаны и сказал: — У ямы охраны будет больше.

— Мы знаем, — ответил Геррис.

— Мы должны быть готовы к этому.

— Мы готовы, — отозвался Арч.

Спазм скрутил желудок Квентина. Он почувствовал внезапную необходимость опустошить кишечник, но знал, что отлучиться сейчас не посмеет.

— Тогда сюда.

Он редко чувствовал себя таким мальчишкой. И все же они шли за ним: Геррис и здоровяк, Мерис и Кагго, другие Гонимые Ветром. Двое наемников достали арбалеты из тайников внутри фургона.

За конюшнями первый уровень Великой Пирамиды превращался в лабиринт, но Квентин Мартелл уже проходил его с королевой и помнил дорогу. Они прошли под тремя огромными кирпичными арками, затем вглубь по крутому каменному уклону, через темницы и камеры пыток, мимо пары глубоких каменных резервуаров. Их шаги гулким эхом отражались от стен,

позади грохотала повозка мясника. Здоровяк вытащил факел из крепления на стене, чтобы освещать путь.

Наконец перед ними предстала пара тяжелых железных дверей — изъеденных ржавчиной и неприступных, закрытых длинной цепью, каждое звено которой в объёме было с человеческую руку. Квентину Мартеллу хватило одного взгляда на размер и толщину дверей, чтобы задаться вопросом о разумности их затеи. Хуже того, на дверях отчетливо виднелись вмятины, словно нечто изнутри пыталось вырваться наружу. Массивное железо потрескалось в

трех местах, а верхний угол левой двери выглядел частично оплавленным.

Дверь охраняли четыре Медные Бестии. Трое держали длинные копья, четвертый, сержант, был вооружен коротким мечом и кинжалом. Его маска изображала голову василиска. Остальные стояли в масках насекомых.

Саранча, догадался Квентин.

— Собака, — сказал он.

Сержант напрягся.

И Квентин Мартелл сразу же понял, что что-то пошло наперекосяк.

— Взять их, — прохрипел он, и в то же мгновение рука василиска

метнулась за коротким мечом.

Он был быстр, этот сержант. Но здоровяк оказался быстрее. Он швырнул факел в ближайшую саранчу, отступил и вскинул свой боевой молот. Василиск едва успел вынуть меч из кожаных ножен, как молот врезался в его висок, с хрустом сломав тонкую медь маски с плотью и костями под ней. Пошатнувшись, сержант сделал полшага, после чего его колени подогнулись и он рухнул на пол, нелепо содрогаясь всем телом.

Квентин прирос к месту, к горлу подкатила тошнота. Его собственный клинок все еще покоился в ножнах. Он не успел даже потянуться за ним.

Его взгляд был прикован к вздрагивающему телу сержанта. На полу валялся упавший факел, он угасал и заставлял каждую тень прыгать и извиваться, словно издевательски подражая конвульсиям умирающего человека. Принц даже не заметил приближающегося копья саранчи, пока на него не обрушился Геррис, оттолкнув в сторону. Наконечник копья чиркнул по щеке львиной головы, надетой на Квентина. И все же удар был настолько силен, что едва не сорвал маску. *Копье прошло бы прямо сквозь мое горло* , ошеломленно подумал принц.

Геррис выругался, когда саранча

окружила его. Квентин услышал топот бегущих ног. Затем из тени стремительно бросились наемники. Один из охранников смотрел на них достаточно долго, чтобы Геррис успел поднырнуть под его копье. Он провел концом меча под медной маской, по горлу стражника, и в этот же момент у второй саранчи из груди выросла арбалетная стрела.

Последняя саранча бросила копье.

— Сдаюсь, я сдаюсь!

— Нет. Ты умираешь.

Кагго снес его голову одним взмахом аракха, валирийская сталь прошла сквозь плоть, кости и хрящи, как нож сквозь масло.

— Слишком много шума, — пожаловался он. — Нас услышит любой, у кого есть уши.

— Собака, — произнес Квентин. — Дневной пароль должен был быть «собака». Почему они нас не пропустили? Нам сказали...

— Тебе сказали, что твой план — безумие, забыл? — напомнила Красотка Мерис. — Делай то, зачем пришел.

Драконы , подумал принц Квентин. *Да. Мы пришли за драконами.* Ему показалось, что его сейчас вырвет . *Что я здесь делаю? Отец, почему? За четыре мгновения умерло четыре человека, и ради чего?*

— Огонь и кровь, — прошептал он. — Огонь и кровь. — Кровь собиралась в лужу у его ног, впитываясь в кирпичный пол. Огонь был за этими дверьми. — Цепи... у нас нет ключа...

— У меня есть ключ, — возразил Арч. Он быстро и сильно взмахнул молотом. Когда удар обрушился на замок, полетели искры. Затем еще удар, еще и еще. Пятый удар разрушил замок, а цепи упали с таким грохотом, что Квентин был уверен — его услышала половина пирамиды.

— Везите фургон.

Драконы будут послушнее, если их накормить. *Пусть набьют себе*

*брюхо зажаренной до углей
бараниной.*

Арчибальд Айронвуд схватился за железные двери и потянул. Ржавые петли издали пару громких скрипов для всех тех, кто проспал разрушение замка. Их окатила волна неожиданного жара, насыщенная запахами пепла, серы и горелого мяса.

За дверью царил мрак, угрюмая зловещая темнота казалась живой, угрожающей и голодной. Квентин чувствовал в той темноте что-то свернувшееся и ожидающее. *Воин, дай мне мужества*, молился он. Он не хотел делать этого, но не видел иного пути. *Зачем же тогда*

Дейенерис показала мне драконов? Она хочет испытать меня. Геррис вручил ему факел. Он шагнул в дверь.

Зеленый — Рейегаль, белый — Визерион, напомнил он себе. Назови их по имени, командуй ими, говори с ними спокойно и строго. Подчини их, как Дейенерис подчинила Дрогона в яме. Девушка была одна, одетая в клочки шелка, но бесстрашная. Я не должен бояться. Она сделала это, значит и я смогу. Главное — не показывать страх. Животные чуют запах страха, а драконы... Да что он знал о драконах? Что вообще люди знают о драконах? Они исчезли с лица земли более века назад.

Прямо перед ним показался

край ямы. Квентин медленно шел вперед, водя факелом из стороны в сторону. Стены, пол и потолок впитывали свет. *Выжжены* , понял он. *Кирпичи, сожженные дочерна, рассыпавшиеся в золу.* С каждым его шагом воздух становился все горячее. Он начал потеть.

Внезапно впереди появились два глаза.

Бронзовые, они были ярче полированных щитов, пылающие собственным жаром, горящие за пеленой дыма, поднимавшегося из драконьих ноздрей. Свет от факела Квентина скользнул по темно-зеленой чешуе, зеленой, словно мох в глубине леса на закате, за мгновение

до того, как свет окончательно погаснет. Потом дракон открыл пасть, и оттуда хлынули свет и жар. За частоколом острых черных зубов принц заметил полыхающее жерло, отблеск спящего огня, в сотню раз ярче его факела. Голова у дракона была больше лошадиной, а шея — длинная-предлинная; она разворачивала кольца, подобно огромной зеленой змее, а голова поднималась все выше, пока сияющие бронзой глаза не уставились на него сверху.

Зеленая , подумал принц, *его чешуя зеленая* .

— Рейегаль, — произнес он. Слова застряли в горле, и только

кваканье сорвалось с его губ.

Лягушка , подумал он, *я снова становлюсь Лягушкой* .

— Еду, — квакнул он, вспомнив.
— Несите еду.

Здоровяк услышал его. Арч выдернул из фургона за ноги одну из овец, раскрутил и кинул в яму.

Рейегаль подхватил ее на лету. Его голова резко повернулась, и из челюстей вырвались острые языки пламени, клубящаяся буря желто-оранжевого огня с зелеными прожилками. Овца сгорела прежде, чем начала падать. И до того как обгоревшая туша врезалась в кирпичи, на ней сомкнулись драконьи зубы. Язычки пламени все

еще мерцали на плоти. В воздухе стояла вонь паленой шерсти и серы. *Драконья вонь* .

— Я думал, их двое, — сказал здоровяк.

Визерион. Да. Где Визерион? Принц опустил факел, чтобы свет рассеял мрак внизу. Он разглядел зеленого дракона, разрывающего дымящуюся овечью тушу. Он ел, а его длинный хвост хлестал из стороны в сторону. На шее виднелся толстый железный ошейник со свисающей оборванной цепью трех футов длиной. Обломанные звенья валялись на дне ямы среди обугленных костей — перекрученный, частично расплавленный металл. *В прошлый*

раз Рейегаль был прикован к стене и полу , вспомнил принц, а *Визерион свисал с потолка* . Квентин отступил, поднял факел и задрал голову.

В первое мгновение он видел вверху лишь почерневшие кирпичные своды, выжженные драконьим пламенем. Потом заметил струйку пепла, выдавшую движение. Что-то бледное, наполовину скрытое, шевелящееся. *Он соорудил себе пещеру* , сообразил принц. *Нору в кирпиче.* Основание Великой Пирамиды Миэрина построили массивным и толстым, способным выдержать вес гигантского сооружения над ним; даже внутренние стены были в три раза

толще наружной стены любого замка. Но Визерион пламенем и когтями проделал себе в них углубление, достаточно большое, чтобы спать в нем.

И мы только что разбудили его. Он заметил что-то, похожее на огромную белую змею, распускающую кольца наверху, там, где стена плавно переходила в потолок. Сверху посыпалось еще больше пепла и немного раскрошенного кирпича. Змея оказалась шеей и хвостом дракона, а следом появилась длинная рогатая голова. Глаза засияли в темноте, словно золотые угольки. Дракон с шумом расправил крылья.

Все планы Квентина вылетели из головы. Он услышал, как Кагго Трупоубийца громко закричал своим наемникам. *Цепи, он посылает за цепями*, подумал дорнийский принц. План предусматривал накормить чудовищ и сковать их цепями, пока они будут в апатии — так это сделала королева. Одного дракона, а лучше — обоих.

— Больше мяса, — сказал Квентин. *Когда зверей накормишь, они станут вялыми*. Он видел, как подобное срабатывало со змеями в Дорне, но здесь, с этими чудовищами... — Несите... несите...

Визерион оторвался от потолка, широко разворачивая и расправляя

бледные кожистые крылья.
Разорванная цепь, свисающая с шеи,
бешено раскачивалась. Его огонь
осветил пещеру тусклым золотом с
оттенками красного и оранжевого,
спертый воздух взорвался облаком
горячего пепла и серы, а белые
крылья взмахивали снова и снова.

Чья-то рука схватила Квентина
за плечо. Факел выскользнул у него
из рук, запрыгал по полу и упал в
яму, все еще продолжая гореть. Он
понял, что стоит лицом к лицу с
медной обезьяной. *Геррис.*

— Квент, это не сработает. Они
слишком одичали, они...

Дракон опустился между
дорнийцами и дверью с ревом,

способным обратить в бегство сотню львов. Его голова поворачивалась из стороны в сторону, пока он внимательно осматривал незваных гостей: дорнийцев, Гонимых Ветром, Кагго. Последним и самым долгим взглядом чудовище, приняхиваясь, одарило Красотку Мерис. *Женщина*, понял Квентин. *Он знает, что она женщина. Он высматривает Дейенерис. Он ждет свою мать и не понимает, почему ее нет.*

Квентин вырвался из хватки Герриса:

— Визерион, — позвал он.

Белый — это Визерион. На мгновение он испугался, что перепутал.

— Визерион, — вновь позвал он, нащупывая висевший на поясе кнут. *Она усмирила черного кнутом. Мне нужно сделать то же самое.*

Дракон знал свое имя. Он повернул голову и пристально смотрел на дорнийского принца в течение трех бесконечных мгновений. Бледное пламя горело за сверкающими черными кинжалами зубов. Его глаза казались озерами расплавленного золота, а из ноздрей поднимался дым.

— Лежать, — сказал Квентин. А потом закашлялся и не смог остановиться.

Воздух был густой от дыма и удушливого зловония серы. Визерион

потерял интерес. Дракон снова повернулся к Гонимым Ветром и, качаясь, направился к двери. Может, он учуял запах крови мертвых стражников или мясо в фургоне мясника. А может, только сейчас заметил, что путь свободен.

Квентин слышал вопли наемников. Кагго требовал принести цепи, а Красотка Меррис кричала кому-то отойти в сторону. Дракон неуклюже двигался по земле, как человек, ползущий на коленях и локтях, но гораздо быстрее, чем представлял себе дорнийский принц. Когда Гонимые Ветром не успели уйти с его пути, Визерион взревел еще раз. Квентин услышал грохот

цепей, а затем низкий звук спущенного арбалета.

— Нет, — закричал он, — нет, нет, нет! — Но было слишком поздно.

Дурак, только и успел он подумать, когда стрела отскочила от шеи Визериона и исчезла во мраке. Полоса огня сверкнула на оставленном ею следе: драконья кровь, переливающаяся красным и золотым цветами.

Арбалетчик возился со следующей стрелой, когда зубы дракона сомкнулись вокруг его шеи. Этот мужчина носил маску Медной Бести с тигриной мордой. Он выронил оружие и попытался

раздвинуть челюсти Визериона, но вдруг из пасти тигра вырвалось пламя. Глаза человека с тихим треском взорвались, а медь вокруг них потекла. Дракон вырвал большой кусок мяса из шеи наемника и проглотил его, пока обожженный труп падал на пол.

Остальные Гонимые Ветром попятись. Такое было чересчур даже для Красотки Мерис. Рогатая голова Визериона металась между наемниками и его жертвой, но уже через мгновение он забыл о них и наклонился оторвать от мертвеца еще один кусок. Теперь — из голени.

Квентин размотал кнут.

— Визерион! — снова позвал

он, уже громче.

Он сможет, он сделает, ведь для этого отец послал его в столь дальние края, он не подведет его.

— *ВИЗЕРИОН!*

Он щелкнул кнутом в воздухе с треском, эхом отозвавшимся от почерневших стен.

Бледная голова поднялась. Огромные золотые глаза сузились. Из ноздрей дракона спиралью поднимались струйки дыма.

— Лежать, — приказал принц.
Нельзя дать ему почуять мой страх .
— Лежать, лежать, *лежать* .

Он взмахнул кнутом и хлестнул дракона по морде. Визерион зашипел.

А затем его ударил горячий ветер, и он услышал шум кожистых крыльев. Воздух наполнился пеплом и золой, чудовищный рев эхом отразился от обожженных и почерневших кирпичей, и он услышал дикие вопли своих друзей. Геррис снова и снова выкрикивал его имя, а здоровяк орал:

— Сзади, сзади, *сзади тебя* !

Квентин обернулся и вскинул к лицу левую руку, чтобы защитить глаза от обжигающего ветра. *Рейегаль* , вспомнил он, *зеленый* — *это Рейегаль*.

Он занес кнут и увидел, что тот объят пламенем. И его рука тоже. Он горел, он весь горел.

Ой , подумал он. И закричал.

70. ДЖОН

— Пусть умирают, — сказала королева Селиса.

Такого ответа Джон Сноу и ждал. *Эта королева никогда не перестает разочаровывать.* Но удар все равно был сильным.

— Ваше Величество, — упрямо настаивал он, — там, в Суровом Доме, люди тысячами умирают от голода. Среди них много женщин...

— ...и детей, да. Очень печально, — королева притянула к себе дочь и поцеловала ее в щеку. *В щеку, не тронутую серой хворью*, не преминул отметить Джон. — Нам,

конечно же, очень жаль малышей, но мы должны быть благоразумными. Нам нечем кормить их, и они слишком юны, чтобы помогать моему королю-супругу в его войнах. Пусть лучше они возродятся в свете.

Всего лишь более мягкий способ сказать «пусть умирают».

Зал был переполнен. Принцесса Ширен стояла рядом с креслом матери, у ног ее примостился Пестряк. За спиной королевы маячил сир Акселл Флорент. Ближе к огню расположилась Мелисандра Асшайская, рубин у ее горла мерцал в такт дыханию. У красной женщины тоже имелась своя свита — оруженосец Деван Сиворт и пара

стражей, оставленных ей королем.

Вдоль стен выстроились защитники королевы Селисы, все ее блестящие рыцари: сир Малегорн, сир Бентон, сир Нарберт, сир Патрек, сир Дорден, сир Брюс. Черный Замок наводнили кровожадные одичалые, так что Селиса держала при себе присягнувших рыцарей и днем, и ночью. Тормунд Великанья Смерть во всеуслышание рычал: «Боится, что ее похитят, что ли? Надеюсь, ты не рассказывал ей, какой у меня здоровый член, Джон Сноу? Такой может напугать любую женщину. А я как раз всегда хотел попробовать усатую», — и без остановки смеялся.

Сейчас бы ему было не до смеха.

Джон достаточно потратил здесь времени.

— Простите, что потревожил Ваше Величество. Ночной Дозор уладит это дело.

Ноздри королевы расширились:

— Вы все еще намерены отправиться в Суровый Дом. Я вижу по вашему лицу. Я сказала: «Пусть умирают», однако вы продолжаете упорствовать в своем безумии. Не отрицайте.

— Я должен поступить так, как сочту лучшим. Со всем уважением, Ваше Величество, Стена — моя, и это решение тоже.

— Ваше, — согласилась Селиса, — и вы за него ответите, когда

вернется король. Боюсь, и за другие ваши решения тоже. Но я вижу, что вы глухи к голосу разума. Делайте, что должны.

Заговорил сир Малегорн:

— Лорд Сноу, кто возглавит отряд?

— Вы предлагаете себя, сир?

— Я кажусь таким глупцом?

Вскочил Пестряк:

— Я поведу его! — его колокольчики весело зазвенели. — Мы пойдем в поход, в море и обратно. На дне мы будем скакать на морских коньках, а русалки будут трубить в раковины, возвещая о нашем приходе, ой, ой, ой.

Все засмеялись. Даже королева

Селиса позволила себе тонкую улыбку, но Джону это показалось не таким уж забавным:

— Я не прикажу своим людям делать то, чего бы не сделал сам. Я собираюсь возглавить отряд.

— Какая отвага, — заметила королева. — Мы одобряем. Не сомневаюсь, что позднее какой-нибудь певец сложит о вас трогательную песню, а у нас будет более благоразумный лорд-командующий, — она отпила вина. — Поговорим о других делах. Акселл, будьте добры, приведите короля одичалых.

— Сию минуту, Ваше Величество, — сир Акселл скрылся

за дверью и через мгновение вернулся с Герриком Королевской Кровью. — Геррик из дома Рыжебородых, — объявил он, — король одичалых.

Геррик Королевская Кровь был высоким мужчиной, длинноногим и широкоплечим. Кажется, королева одела его в старую одежду короля. Вскобленный и вычищенный, одетый в зеленый бархат и короткую горностаевую накидку, с вымытыми длинными рыжими волосами и постриженной огненной бородой, одичалый выглядел настоящим южным лордом. *Он может войти в тронный зал Королевской Гавани, и никто даже глазом не моргнет ,*

подумал Джон.

— Геррик — истинный и законный король одичалых, — объявила королева. — По мужской линии он ведет свою родословную от их великого короля Раймуна Рыжебородого, тогда как матерью узурпатора Манса Налетчика была обычная женщина, а отцом — один из ваших черных братьев.

Нет, мог бы сказать Джон, *Геррик ведет родословную от младшего брата Раймуна Рыжебородого*. Для вольного народа это значило примерно столько же, как если бы он был потомком коня Раймуна Рыжебородого. *Они ничего не знают,*

Игритт. И, что хуже, никогда не узнают.

— Геррик любезно согласился отдать руку своей старшей дочери моему дорогому Акселлу, чтобы Владыка Света объединил их в святом браке, — продолжила королева Селиса. — Тогда же выйдут замуж и другие его дочери: вторая — за сира Брюса Баклера, а самая младшая — за сира Малегорна из Редпула.

— Господа, — Джон склонил голову к названным рыцарям, — желаю вам обрести счастье с вашими нареченными.

— Под водой мужчины женятся на рыбах, — Пестряк исполнил

небольшой танец, позвякивая своими колокольчиками. — Я-то знаю, я знаю, я знаю.

Королева Селиса снова
фыркнула:

— Четыре брака можно устроить так же просто, как и три. Лорд Сноу, давно уже пора пристроить эту женщину, Вель. Я решила, что она выйдет замуж за моего доброго и верного рыцаря, сира Патрека с Королевской Горы.

— Вы уже сообщили об этом Вель, Ваше Величество? — спросил Джон. — Среди мужчин вольного народа принято похищать женщину, которую они желают, чтобы доказать свою силу, хитрость и отвагу. Если

жениха поймают, он рискует быть жестоко избитым родственниками женщины, и, хуже того, самой женщиной, если она сочтет его недостойным.

— Дикий обычай, — отметил Акселл Флорент.

Сир Патрек только усмехнулся:

— Ни один мужчина никогда не ставил под сомнение мою храбрость. И ни одна женщина не усомнится.

Королева Селиса скривила губы:

— Лорд Сноу, поскольку леди Вель не знакома с нашими традициями, пожалуйста, пришлите ее ко мне, чтобы я смогла объяснить ей обязанности благородной леди по отношению к своему лорду-супругу.

Уверен, это пройдет просто блестяще. Джон задумался, так же стремилась бы королева выдать Вель за одного из своих рыцарей, знай она, что та думает о принцессе Ширен.

— Как прикажете, — сказал он, — хотя если мне будет позволено говорить открыто...

— Нет, полагаю, не будет. Можете быть свободны.

Джон Сноу преклонил колено, поклонился и вышел.

Спускаясь, он перешагивал через две ступеньки и кивал на ходу стражникам королевы. Ее Величество выставила людей на каждом пролете для охраны от кровожадных одичалых. На полпути

его окликнул голос сверху:

— Джон Сноу.

Джон обернулся:

— Леди Мелисандра.

— Нам нужно поговорить.

— Нужно ли? — *Я так не думаю.* — Миледи, меня ждут мои обязанности.

— О них я и хочу поговорить, — она спускалась вниз, ее красные юбки шелестели по ступеням. Казалось, что она плывет. — Где ваш лютоволк?

— Спит в моих комнатах. Ее Величество запретила приходить к ней с Призраком. Она утверждает, что он пугает принцессу. А пока неподалеку Боррок со своим

кабаном, я не рискую выпускать его. — Оборотень будет сопровождать Сорена Щитолома в Каменную Дверь, после того как вернутся повозки, перевозившие клан Тюленьей Шкуры в Зеленого Стража. А до тех пор Боррок занял одну из древних гробниц за замковым кладбищем. Компания давно умерших людей, казалось, устраивала его больше живых, а кабан выглядел довольным, роясь среди могил, подальше от других животных. — Эта зверюга размером с быка, с острыми, словно мечи, клыками. Призрак гонялся бы за ним, отпусти я его, и кто-нибудь из них, или даже оба, могли бы и не пережить такую

встречу.

— Боррок — наименьшая из твоих проблем. Ваша вылазка...

— Одно ваше слово могло бы повлиять на королеву.

— Здесь Селиса права, лорд Сноу. *Пусть умирают*. Ты не можешь их спасти. Твои корабли потеряны...

— Осталось еще шесть. Больше половины флота.

— Твои корабли потеряны. *Все* корабли. Ни один человек не вернется. Я видела в своем пламени.

— Ваше пламя не всегда говорило правду.

— Я ошибалась, признаю, но...

— Девушка в сером на

умирающей лошади. Кинжалы в темноте. Обещанный принц, рожденный из дыма и соли. Кажется, вы *только* и делаете, что ошибаетесь, миледи. Где Станнис? Что с Гремучей Рубашкой и его копыеносицами? *Где моя сестра?*

— На все твои вопросы будут даны ответы. Смотри на небеса, лорд Сноу. И когда найдешь ответы, пошли за мной. Зима уже почти пришла. И я твоя единственная надежда.

— Напрасная надежда, — Джон отвернулся и покинул ее.

Снаружи по двору шатался Кожаный.

— Торегг вернулся, — сообщил он, когда появился Джон. — Его отец

разместил своих людей в Дубовом Щите и вернется сегодня в обед с восьмьюдесятью воинами. Что сказала бородатая королева?

— Ее Величество не может оказать нам никакой помощи.

— Слишком занята выщипыванием волос на подбородке? — Кожаный сплюнул. — Неважно. Хватит людей Тормунда и наших.

Чтобы добраться туда — возможно, и хватит. Джона Сноу больше беспокоил обратный путь. Возвращение замедлится из-за тысяч людей вольного народа, множество из которых больны и истощены. *Река людей течет медленнее, чем река, скованная льдом.* Они будут

беззащитны. *Мертвые твари в лесах.*
Мертвые твари в воде.

— Сколько человек
потребуется? — спросил он
Кожаного. — Сто? Двести? Пятьсот?
Тысяча? — *Взять побольше людей*
или поменьше? Меньшее число
быстрее доберется до Сурового
Дома... но какой прок от мечей без
еды? Матушка Кротиха и ее люди
уже на грани поедания трупов.
Чтобы накормить их, ему нужно
пригнать повозки и телеги и
привести тягловых животных,
которые все это дотащат: лошадей,
быков, собак. Вместо того чтобы
пролететь сквозь леса, они будут
обречены ползти. — Слишком

многое еще надо решить. Передай приказ. Всем командирам собраться в Щитовом Чертоге к началу вечерней вахты. К тому времени вернется Тормунд. Где мне найти Торегга?

— С маленьким чудовищем, скорее всего. Я слышал, ему пришлась по душе одна из кормилиц.

Ему пришлась по душе Вель. Ее сестра была королевой, почему бы и ей не быть? Тормунд когда-то подумывал стать Королем-за-Стеной, но Манс одержал над ним верх. Торегг Высокий мог мечтать о том же. Лучше он, чем Геррик Королевская Кровь.

— Ладно, — сказал Джон, — я

могу поговорить с Тореггом позже,
— он взглянул в сторону
Королевской башни. Стена была
тусклой и белой, небо над ней — еще
белее. *Снежное небо.* — Будем
молиться, чтобы не началась еще
одна буря.

Рядом с оружейной, дрожа от
холода, стояли на посту Малли и
Блоха.

— Разве вы не должны быть
внутри, подальше от ветра? —
спросил Джон.

— Было бы чудесно, м'лорд, —
ответил Фалк Блоха, — но ваш волк
сегодня не в настроении общаться.

Малли согласился:

— Он попытался откусить от

меня кусочек, правда.

— *Призрак?* — Джон опешил.

— Ага, если только у вашей светлости не завелся еще один белый волк. Я никогда его таким не видел, м'лорд. Таким диким, я имею в виду.

И он оказался прав, как обнаружил Джон, проскользнув за дверь. Большой белый лютоволк не лежал — он метался из одного угла оружейной в другой, мимо холодного кузнечного горна и обратно.

— Тише, Призрак, — окликнул Джон. — Лежать. Спокойно, Призрак. *Лежать*. — Однако, когда он дотронулся до него, волк ощерился и обнажил зубы. *Это все проклятый кабан. Даже здесь*

Призрак чувствует его вонь.

Ворон Мормонта тоже выглядел взбудораженным.

— *Сноу* , — безостановочно кричала птица. — *Сноу, сноу, сноу.*

Джон шикнул на него, приказал Атласу развести огонь, а затем послал его за Боуэном Маршем и Отеллом Ярвиком:

— Заодно принеси бутылъ подогретого вина.

— Три кружки, м'лорд?

— Шесть. Малли и Блохе, похоже, нужно как-нибудь согреться. Да и тебе тоже.

Когда Атлас ушел, Джон сел и еще раз взглянул на карты земель к северу от Стены. Самый быстрый

путь к Суровому Дому проходил вдоль побережья... от Восточного Дозора. Возле моря леса реже, местность в основном равнинная, пологие холмы и солончаки. А когда на море начинают завывать осенние шторма, на побережье идут, скорее, снег с дождем и град, чем просто снег. *В Восточном Дозоре есть великаны, и Кожаный говорит, что некоторые нам помогут.* Путь из Черного Замка был намного труднее — прямо через сердце Зачарованного леса. *Если возле Стены снег такой глубокий, насколько же хуже должно быть там?*

Шмыгая носом, в комнату вошел Марш, следом угрюмый Ярвик.

— Еще одна буря, — изрек первый строитель. — Как нам работать в таких условиях? Мне нужно больше строителей.

— Используйте вольный народ, — предложил Джон.

Ярвик покачал головой:

— От этих больше проблем, чем проку. Небрежные, нерадивые, ленивые... попадаются неплохие плотники, не буду отрицать, но едва ли найдется каменщик, и нет ни одного кузнеца. Может, они и крепкие парни, но ведь не выполняют того, что им говорят. А у нас полно развалин, которые нужно снова превратить в крепости. Это невозможно сделать, милорд. Я

правду говорю, невозможно.

— Это будет сделано, — сказал Джон. — Или им придется жить в руинах.

Рядом с лордом должны быть люди, на чьи честные советы он мог бы положиться. Марш и Ярвик не были подхалимами, оно и к лучшему... но *помощи* от них тоже особо не дождешься. Все чаще и чаще он замечал, что знал их ответы наперед, еще до того, как задавал вопрос.

Особенно если речь шла о вольном народе — тут их неодобрение пустило корни слишком глубоко. Когда Джон отправил людей Сорена Щитолома заселять

Каменную Дверь, Ярвик сетовал, что крепость стоит слишком уединенно. Как знать, что замыслит Сорен вдали, среди холмов? Когда Джон отдал Дубовый Щит Тормунду, а Врата Королевы — Морне Белой Маске, Марш не преминул отметить, что теперь Черный Замок с двух сторон окружен неприятелями, которые с легкостью могут отрезать их от остальных крепостей Стены. Говоря же о Борроке, Отелл Ярвик заявил, что леса к северу от Каменной Двери полны диких кабанов. И кто даст гарантию, что этот оборотень не соберет целую порослячью армию?

В Морозном Холме и Мерзлых

Вратах все еще не хватало гарнизонов, так что Джон поинтересовался мнением братьев о том, кто из оставшихся вождей или военачальников одичалых лучше подойдет для заселения.

— У нас есть Брогг, Гавин Торговец, Большой Морж... Тормунд сказал, что Хауд Скиталец предпочитает одиночество, но есть еще Харл Охотник, Харл Красавец, Слепой Досс... Под командованием Игона Старого Отца есть его сторонники, но большинство из них — его собственные сыновья и внуки. У него восемнадцать жен, половину из которых он похитил во время набегов. Кого из них...

— Никого, — отрезал Боуэн Марш. — Все эти люди известны мне своими делами. Нам бы стоило их вздернуть, а не раздавать им наши замки.

— Ага, — согласился Отелл Ярвик. — Плохой, еще хуже и самый худший — небогатый выбор. Милорд мог бы с таким же успехом показать нам стаю волков и предложить выбрать того, который вырвет наши глотки.

Так же обстояли дела и с Суровым Домом. Пока Атлас разливал напитки, Джон рассказал об аудиенции у королевы. Марш слушал внимательно, не обращая внимания на вино, Ярвик осушил

одну за другой две чаши. Но как только Джон закончил, лорд-стюард объявил:

— Ее Величество мудра. Пусть умирают.

Джон откинулся на спинку стула.

— Это единственный совет, который вы можете дать, милорд? Тормунд поведет восемьдесят человек. Сколько послать нам? Должны ли мы созвать великанов? Копьеносиц из Длинного Кургана? Если мы возьмем с собой женщин, может, их вид успокоит людей Матушки Кротихи.

— Тогда пошлите женщин. Пошлите великанов. Пошлите

грудных младенцев. Это милорд хочет услышать? — Боуэн Марш потер шрам, полученный на Мосту Черепов. — Пошлите их всех. Чем больше мы потеряем, тем меньше ртов нам придется кормить.

От Ярвика тоже не было помощи:

— Если одичалые в Суровом Доме нуждаются в спасении, пусть наши одичалые и идут их спасать. Тормунд знает дорогу в Суровый Дом. Его послушать, так он может сам их всех спасти одним своим огромным членом.

Бессмысленно , подумал Джон.
Бессмысленно, бесплодно, безнадежно .

— Спасибо за советы, милорды.

Атлас помог им надеть плащи. Пока они шли через оружейную, Призрак принюхивался к ним, подняв хвост и ошетилившись. *Мои братья* . Ночному Дозору нужны лидеры с мудростью мастера Эйемона, знаниями Сэмвела Тарли, смелостью Куорена Полурукого, упрямой мощью Старого Медведя, состраданием Донала Нойе. Но вместо них у него были только эти.

Снаружи валил сильный снег.

— Ветер с юга, — заметил Ярвик. — Снег летит прямо на Стену, видите?

Он был прав. Джон видел, что крутую лестницу завалило снегом

почти до первой площадки, а деревянные двери ледяных камер и складов скрылись за белой завесой.

— Сколько у нас людей в камерах? — спросил он Боуэна Марша.

— Четверо живых. Двое мертвых.

Трупы. Джон почти забыл о них. Он надеялся узнать что-нибудь благодаря телам, которые они принесли из рощи чардрев, но мертвецы упрямо оставались мертвыми.

— Надо раскопать камеры.

— Десять стюардов с дестью лопатами справятся, — отозвался Марш.

— Возьмите заодно и Вун Вуна.

— Как прикажете.

Десять стюардов и великан быстро справились с сугробом, но даже когда двери снова освободили от снега, Джон оставался недоволен.

— Эти камеры к утру снова занесет. Лучше бы перевести пленников, пока они не задохнулись.

— И Карстарка, милорд? — спросил Фалк Блоха. — Может, мы оставим его мерзнуть там до весны?

— Если бы мы могли. — В последнее время Креган Карстарк взялся выть и кидаться замороженным дерьмом во всех, кто приходил накормить его, что не добавляло ему любви охранников. —

Отведите его в башню лорд-командующего. Из подвала он не сбежит. — Хотя и частично разрушенная, бывшая резиденция Старого Медведя была теплее, чем ледяные камеры. Ее подвалы по большей части уцелели.

Когда охранники вошли в дверь, Креган встретил их пинками. Он извивался и толкался, когда они схватили его, и даже пытался укусить. Но холод ослабил его, а люди Джона были больше, моложе и сильнее. Они вытащили все еще брыкающегося пленника и потащили через высокий, почти по пояс, снег в его новый дом.

— Что лорд-командующий

желает сделать с трупами? — спросил Марш, когда перевели живых.

— Оставьте их. — Если буря погребет их, тем лучше. В конце концов ему, несомненно, пришлось бы их сжечь, но пока что они в железных цепях в своих камерах. Закованных, запертых, да еще и мертвых, их вряд ли будет кто-то трогать.

Тормунд Великанья Смерть шумно появился со своими воинами как раз вовремя — когда закончили разгребать снег. Похоже, вместе с ним пришло только пятьдесят человек, а не восемьдесят, как Торегг обещал Кожаному, но

Тормунда прозвали Краснобаем не просто так. Одичалый раскраснелся, он громко требовал рог эля и поест чего-нибудь горячего. В его бороде застыл лед, усы тоже покрылись ледяной коркой.

Кто-то уже рассказал Громовому Кулаку о Геррике Королевской Крови и его новом облачении.

— Король одичалых? — ревел Тормунд. — Хар-р! Скорее, король моей волосатой трещины в заднице.

— В нем есть что-то королевское, — заметил Джон.

— У него маленький красный член, очень подходящий к его рыжим волосам, вот что в нем есть. Раймунд Рыжебородый и его сыновья погибли

у Длинного озера не без помощи ваших проклятых Старков и Пьяного Великана. Но не младший брат. Когда-нибудь задумывался, почему его называют «Рыжий Ворон»? — Тормунд ухмыльнулся щербатым ртом. — Первым улепетывал с поля битвы, вот так-то. Потом об этом сочинили песню. Певец искал рифму к словам «трусости полон», ну и ... — он вытер нос. — Если рыцари твоей королевы хотят его девчонок, пусть забирают.

— *Девчонки* , — каркнул ворон Мормонта. — *Девчонки, девчонки* .

От этого Тормунд снова расхохотался.

— Вот птица с мозгами.

Сколько ты хочешь за нее, Сноу? Я отдал тебе сына, уж хотя бы проклятую птицу ты мне мог бы дать.

— Мог бы, — ответил Джон, — но ведь ты его, наверное, съешь.

Тормунд опять заревел во все горло.

— *Съешь*, — зло каркнул ворон, хлопая черными крыльями. — *Зерно? Зерно? Зерно?*

— Нам нужно обсудить вылазку, — сказал Джон. — Я хочу, чтобы в Щитовом Чертоге мы придерживались одного мнения, мы должны... — он замолк, когда в дверь с мрачным выражением лица заглянул Малли и сообщил, что

Клидас принес письмо.

— Скажи, чтобы оставил его у тебя. Я прочитаю позже.

— Как прикажете, милорд, только... Клидас сам на себя не похож... скорее белый, чем розовый, если вы понимаете, о чем я ... и он дрожит.

— Черные крылья, черные вести, — пробормотал Тормунд. — Ведь так вы, поклонщики, говорите?

— Еще мы говорим: «Пускай кровь простуде, но потчуй лихорадку», — ответил Джон. — Мы говорим: «Никогда не пей с дорнийцем при полной луне». Мы много чего говорим.

Малли добавил:

— Моя старая бабка всегда говорила: «Летние друзья растают, как летний снег, а зимние друзья — друзья навсегда».

— Я думаю, на сегодня достаточно мудрости, — решил Джон Сноу. — Будь добр, пригласи сюда Клидаса.

Малли не ошибся: старого стюарда *действительно* била дрожь, лицо его побелело, как снег за окном.

— Звучит глупо, лорд-командующий, но... это письмо меня пугает. Видите, вот здесь?

« *Бастарду* » было единственным словом, написанным снаружи свитка. Не « *Лорду Сноу* »,

или « *Джону Сноу* », или « *Лорду-командующему* ». Просто « *Бастарду* ». Письмо скрепляла печать из твердого розового воска.

— Вы правильно сделали, что сразу же пришли ко мне, — произнес Джон Сноу. *И вы правы, что боитесь*. Он сломал печать, развернул пергамент и прочел:

Твой король-самозванец мертв, бастард. Он и вся его армия разбиты в семидневной битве. У меня его волшебный меч. Так и передай его красной шлюхе.

Друзья твоего короля-самозванца мертвы. Их головы — на стенах Винтерфелла. Приходи посмотреть, бастард. Твой король-

самозванец лгал, как и ты. Ты сказал миру, что сжег Короля-за-Стеной. Вместо этого ты послал его в Винтерфелл украсть мою жену.

Я ее верну. Если хочешь получить Манса Налетчика обратно, приди и забери. Я держу его в клетке перед всем севером, как свидетельство твоего обмана. В клетке холодно, но я сделал ему теплый плащ из кожи шести иллов, что пришли вместе с ним в Винтерфелл.

Я хочу получить назад свою жену. Я хочу королеву короля-самозванца. Я хочу его дочь и его красную ведьму. Я хочу его принцессу одичалых.

Я хочу его маленького принца, одичалого младенца. И я хочу моего Вонючку. Пришли их ко мне, бастард, и я не побеспокою тебя или твоих черных ворон. А не отдашь — я вырежу твое ублюдочное сердце и съем его.

Письмо было подписано:

Рамси Болтон,

Законнорожденный лорд

Винтерфелла.

— Сноу? — окликнул Тормунд Великанья Смерть. — Ты выглядишь так, словно из этой бумажки выкатилась клятая голова твоего отца.

Джон Сноу ответил не сразу.

— Малли, помоги Клидасу

вернуться в его покои. Ночь темна, а дорожки скользкие из-за снега. Атлас, иди с ними, — он передал письмо Тормунду Великаньей Смерти. — На, посмотри сам.

Одичалый с сомнением взглянул на письмо и сразу же вернул его.

— Выглядит скверно... но у Тормунда Громового Кулака были дела поважнее, чем учиться разговаривать с бумагой. Она никогда ничего хорошего не скажет, так ведь?

— Да, нечасто, — признал Джон Сноу. *Черные крылья, черные вести*. Может быть, в мудрых старых пословицах больше правды, чем он думал. — Письмо от Рамси Сноу. Я прочитаю тебе, что он написал.

Когда он закончил, Тормунд присвистнул.

— Хар-р. Проклятье, ничего не скажешь. Что там про Манса? Держит его в клетке, да? Но как, ведь сотни видели, что твоя красная ведьма его сожгла?

Она сожгла Гремучую Рубашку , чуть не ответил Джон. *Это было колдовство. «Чары», как она его называет.*

— Мелисандра... Она сказала: «Смотри на небеса», — он отложил письмо. — Ворон в буре. Она видела. — *Когда получишь свои ответы, пошли за мной.*

— Может, он все врет, — Тормунд почесал подбородок. — Дай

мне хорошее гусиное перо и немного
мейстерских чернил, и я тебе
напишу, что у меня член длинный и
толстый, как рука, но правдой это не
станет.

— У него Светозарный. Он
говорит о головах над стенами
Винтерфелла. Он знает о
копьеносицах и об их количестве. —
Он знает о Мансе Налетчике . —
Нет. Здесь есть правда.

— Не скажу, что ты неправ. Что
будешь делать, ворона?

Джон сжал пальцы правой руки.
*Ночной Дозор не принимает ничью
сторону* . Он сжал кулак и разжал его
снова. *То, что вы предлагаете,
зовется изменой* . Он думал о Роббе и

о снежинках, тающих в его волосах. Убей мальчика и дай родиться мужчине . Он думал о Бране, взбирающемся по стене башни, проворном, как обезьянка. О задыхающемся от смеха Риконе. О Сансе, расчесывающей шерсть Леди и напевающей себе под нос. Ты ничего не знаешь, Джон Сноу . Он думал об Арье с ее спутанными, как птичье гнездо, волосами. Я сделал ему теплый плащ из кожи шести шлюх, что пришли вместе с ним в Винтерфелл... Я хочу получить назад свою жену... Я хочу получить назад свою жену... Я хочу получить назад свою жену... Я хочу получить назад свою жену...

— Я думаю, нам лучше

поменять планы, — объявил Джон Сноу.

Они проговорили почти два часа.

Конь и Рори сменили Фалка и Малли на посту у дверей оружейной.

— За мной, — приказал им Джон, когда время пришло. Призрак пошел было за ними, но когда волк засеменил следом, Джон схватил его за загривок и с усилием затащил обратно. Боррок может быть среди собравшихся в Щитовом Чертоге. Меньше всего ему нужен сейчас волк, нападающий на кабана оборотня.

Щитовой Чертог был одним из старых помещений Черного Замка —

длинный, продуваемый ветрами обеденный зал, выложенный черным камнем. Его дубовые стропила почернели от копоти веков. Раньше, когда Ночной Дозор был намного больше, его стены увешивали ряды ярко окрашенных деревянных щитов. В те времена, как и сейчас, когда рыцарь надевал черное, традиции предписывали оставить всю его прошлую амуницию и взять простой черный щит братства. А оставленные щиты помещались на стены Щитового Чертога.

Сотни рыцарей — сотни щитов. Ястребы и орлы, драконы и грифоны, солнца и олени, волки и виверны, мантикоры, быки, деревья и цветы,

арфы, копья, крабы и кракены, красные львы, золотые львы и клетчатые львы, совы, ягнята, девы и водяные, жеребцы, звезды, ведра и пряжки, ободранные, повешенные и сожженные люди, топоры, мечи, черепахи, единороги, медведи, перья, пауки, змеи, скорпионы, и еще сотня других геральдических символов украшали когда-то стены Щитового Чертога, сверкая столькими цветами, о скольких радуга не могла и мечтать.

Но когда рыцарь умирал, его щит снимали и отправляли вместе с ним в погребальный костер или в могилу, и с течением лет и веков все меньше и меньше рыцарей надевали черное. Настал день, когда рыцарям Черного

Замка уже не имело смысла есть в отдельном помещении. Щитовой Чертог покинули. В последние столет его использовали нечасто. Как обеденному залу, ему многого не доставало — он был темный, грязный, продуваемый сквозняками, с трудом прогревался зимой, в подвалах водились крысы, а массивные деревянные стропила изъели черви и покрыла паутина.

Но он был достаточно большим и длинным, чтобы вместить двести человек, и даже триста, если потесниться. Когда Джон и Тормунд вошли, зал гудел от звуков — будто улей, в котором роятся осы. Одичалые превышали числом ворон

в пять раз, судя по тому, как мало он видел черного. На стенах осталось меньше дюжины щитов — печальных серых предметов с выцветшими красками и глубокими трещинами в древесине. Но в железных канделябрах горели новые факелы, и Джон приказал принести скамьи и столы. Люди, которым удобно сидеть, охотнее будут слушать, как сказал ему однажды мейстер Эйемон; стоящие люди скорее будут кричать.

В дальнем конце зала находился осевший помост. Джон взобрался на него вместе с Тормундом Великаньей Смертью и поднял руки, призывая к тишине. Но осиное гудение стало

громче. Тогда Тормунд приложил к губам свой боевой рог и дунул в него. Звук наполнил зал, отразившись от стропил над головой. Наступила тишина.

— Я собрал вас, чтобы придумать план для спасения Сурового дома, — начал Джон Сноу. — Тысячи из вольного народа собрались там, пойманные в ловушку и голодающие, и мы получили сообщения о мертвых тварях в лесу. — Слева от себя он видел Марша и Ярвика. Отелла окружали его строители, а рядом с Боуэном стояли Вик Виттлстик, Леворукий Лью и Альф из Раннимадда. Справа, скрестив на груди руки, сидел Сорен

Щитолом. Немного дальше Джон заметил перешептывающихся Гавина Торговца и Харла Красавца. Игон Старый Отец расположился в окружении своих жен, Хауд Скиталец — в одиночестве. Боррок прислонился к стене в темном углу. К счастью, его кабана не было видно. — Корабли, которые я послал к Матушке Кротихе и ее людям, разрушил шторм. Должны ли мы послать к ним помощь по земле? Или пусть умирают? — Джон видел, что пришли и два рыцаря королевы Селисы. Сир Нарберт и сир Бентон стояли возле двери в другом конце зала. Но отсутствие остальных людей королевы бросалось в глаза. — Я

надеялся сам возглавить отряд и привести столько вольного народа, сколько пережили бы переход. — Взгляд Джона привлек всполох красного на черном в конце зала. Пришла леди Мелисандра. — Но теперь я выяснил, что не смогу пойти в Суровый Дом. Отряд возглавит Тормунд Великанья Смерть, которого вы все знаете. Я пообещал ему выделить столько людей, сколько понадобится.

— *А где же будешь ты, ворона?*

— загремел Боррок. — Будешь прятаться здесь, в Черном Замке, со своей белой собачкой?

— Нет. Я еду на юг. — Затем Джон прочел им письмо, написанное

Рамси Сноу.

Щитовой Чертог словно
обезумел.

Все начали кричать разом. Они
вскочили на ноги, потрясая
кулаками. *Вот тебе и*
успокаивающая сила удобных
скамеек. Мелькали мечи, топоры
стучали о щиты. Джон Сноу
посмотрел на Тормунда. Великанья
Смерть прогудел в рог еще раз, в два
раза дольше и в два раза громче, чем
до того.

— Ночной Дозор не принимает
участия в войнах Семи Королевств,
— напомнил всем Джон, когда гам
наполовину утих. — Не нам
противостоять бастарду Болтона,

мстить за Станниса Баратеона, защищать его вдову и дочь. Это *существо* , которое делает плащи из кожи женщин, поклялось вырезать мое сердце, и я намерен заставить его ответить за свои слова... но я не попрошу моих братьев отказаться от их клятв. Ночной Дозор поможет Суровому Дому. Я же поеду в Винтерфелл один, если только... — Джон помедлил, — ...есть ли здесь кто-нибудь, кто поддержит меня?

Рев был именно тем, на что он надеялся — шум такой громкий, что со стены слетели два старых щита. Сорен Щитолом вскочил на ноги, Скиталец тоже. Торегг Высокий, Брогг, Харл Охотник и Харл

Красавец, Игон Старый Отец, Слепой Досс, даже Большой Морж. У меня есть мечи , подумал Джон Сноу, и мы идем за тобой, Бастард .

Он видел, как Ярвик и Марш выскользнули наружу, а за ними и все их люди. Это не имело значения. Больше он в них не нуждался. Он не хотел их. Никто не скажет, что я заставил своих братьев нарушить их клятвы. Если это

клятвопреступление, оно мое и только мое. Затем Тормунд хлопнул его по спине, щербатая улыбка от уха до уха.

— Хорошо сказано, ворона. Теперь тащи сюда медовуху! Перетяни их на свою сторону и

напои их, вот как надо делать. Из тебя еще получится одичалый, мальчишка. Хар-р!

— Я пошлю за элем, — рассеянно произнес Джон. Он осознал, что Мелисандра исчезла, как и рыцари королевы. *Надо было сначала пойти к Селесе . Она имеет право знать, что ее лорд мертв .* — Прошу меня простить. Поручаю тебе самому напоить их.

— Хар-р! Задание, для которого я создан, ворона. Уже исполняю!

Конь и Рори заняли свои места за Джоном, как только он покинул Щитовой Чертог. *Я должен поговорить с Мелисандрой после того, как увижусь с королевой ,*

думал он. *Если она смогла увидеть ворона в буре, то сможет найти для меня и Рамси Сноу .*

Вдруг он услышал крики... и рев, такой громкий, что, казалось, Стена задрожала.

— Это из Башни Хардина, м'лорд, — сообщил Конь. Он бы сказал больше, но крик заставил его замолчать.

Вель , первым делом подумал Джон. Но крик не был женским. *Мужчина в предсмертной агонии* . Он бросился бежать. Конь и Рори поспешили за ним.

— Мертвяки? — спросил Рори. Джон и сам думал об этом. Могли ли его трупы вырваться из цепей?

Крик прекратился к тому времени, как они добрались до Башни Хардина, но Вун Вег Вун Дар Вун все еще ревел. Великан размахивал окровавленным телом, держа его за ногу, как когда-то в детстве Арья размахивала куклой, словно дубинкой, когда ее пытались накормить овощами. *Но Арья никогда не разрывала свои куклы на куски.* Правая рука мертвеца валялась за много ярдов от него, и снег под ней становился красным.

— Оставь его, — закричал Джон. — Вун Вун, *оставь его*.

Вун Вун не слышал или не понимал. Великан и сам истекал кровью из порезов на животе и руке.

Он бил мертвого рыцаря головой о серый камень башни, снова и снова, пока голова человека не превратилась в красное месиво, похожее на мякоть арбуза. Плащ рыцаря хлопал на холодном воздухе. Он был из белой шерсти, отороченный серебряной парчой и украшенный голубыми звездами. В стороны разлетались кровь и кости.

Из-за ближайших укреплений и башен выбежали люди. Северяне, вольный народ, люди королевы...

— Стройтесь в линию, — скомандовал им Джон Сноу. — Сдерживайте их. Всех, особенно людей королевы. — Мертвецом оказался сир Патрек с Королевской

Горы; его голова почти полностью исчезла, но по гербу его можно было узнать так же легко, как по лицу. Джон не мог допустить, чтобы сир Малегорн или сир Брюс или любой другой рыцарь попытался отомстить за него.

Вун Вег Вун Дар Вун опять завыл и потянул за вторую руку сира Патрека. Она оторвалась от плеча, разбрызгивая ярко-красную кровь. *Он как ребенок, отрывающий лепестки у маргаритки*, подумал Джон.

— Кожаный, поговори с ним, успокой его. Старый язык, он понимает старый язык. Все остальные — *назад*. Уберите мечи,

мы его пугаем. — Неужели они не видят, что великан ранен? Джон должен был прекратить это, иначе жертв могло стать больше. Они не представляли, насколько силен Вун Вун. *Рог, мне нужен рог* . Он увидел блеск металла, повернулся к нему. — *Уберите оружие!* — закричал он. — Вик, спрячь...

... *нож* , хотел сказать он. Когда Вик Виттлстик полоснул его по горлу, слова превратились в хрип. Джон увернулся от ножа, ровно настолько, что тот слегка царапнул кожу. *Он порезал меня* . Когда он дотронулся рукой до шеи, кровь потекла по его пальцам.

— *За что?*

— За Дозор, — Вик полоснул снова. На сей раз Джон поймал его запястье и начал выворачивать руку, пока тот не выронил кинжал. Долговязый стюард отпрянул назад, подняв руку, как будто говоря: «Не я, это был не я». Люди кричали. Джон потянулся за Длинным Когтем, но его пальцы словно одеревенели и стали неловкими. Почему-то он не мог достать меч из ножен.

Потом перед ним вырос Боуэн Марш, по щекам у него текли слезы.

— За Дозор, — он ударил Джона в живот. А когда убрал руку, кинжал остался там, куда он его воткнул.

Джон упал на колени. Он нащупал рукоятку кинжала и

выдернул его. На морозном ночном воздухе рана словно дымилась.

— Призрак, — прошептал он. Боль накрыла его. *Коли их острым концом* . Когда третий кинжал настиг его между лопаток, он издал хрип и упал лицом в снег. Четвертый нож он уже не почувствовал. Только холод...

71. ДЕСНИЦА КОРОЛЕВЫ

Дорнийский принц умирал три дня.

Он испустил последний судорожный вздох на рассвете, мрачном и черном, когда темное небо извергало холодный ливень, превращая кирпичные улицы старого города в реки. Дождь затушил большинство пожаров, но струи дыма до сих пор поднимались из тлеющих руин бывшей пирамиды Хазкара, а великая черная пирамида Йеризана,

в которой устроил себе логово Рейегаль, громоздилась в темноте, напоминая толстуху, увешанную сверкающими оранжевыми драгоценностями.

Возможно, боги все же не глухи, размышлял сир Барристан Селми, наблюдая за далекими пожарищами. *Если бы не дождь, огонь уже пожрал бы весь Миэрин.*

Он не замечал никаких следов драконов, впрочем, и не ожидал их увидеть — драконам не нравился дождь. Тонкая красная полоса на восточном горизонте отмечала место, откуда вскоре должно было появиться солнце. Зрелище напоминало Селми первую кровь,

проступающую из раны. Зачастую, даже при глубокой ране, кровь появлялась раньше боли.

Он стоял у парапета на вершине Великой Пирамиды, проводя очередное утро в изучении неба, зная, что рассвет должен наступить, и надеясь, что королева придет вместе с ним. *Она не забыла нас, она никогда не бросит свой народ*, говорил он себе, когда услышал из королевских покоев предсмертный хрип принца.

Сир Барристан вошел внутрь. Дождевая вода стекала вниз по его белому плащу, сапоги оставляли мокрые следы на полу и коврах. По его приказу Квентина Мартелла

положили на постель самой королевы. Юноша был рыцарем, и к тому же принцем Дорна. Позволить ему умереть на ложе, ради которого он пересек полмира, было бы милосердным. Постель оказалась безвозвратно испорчена — простыни, одеяла, подушки и матрасы воняли кровью и дымом, но сир Барристан полагал, что Дейенерис простит его.

Миссандея сидела у постели умирающего. Она оставалась с принцем день и ночь: заботилась обо всем, что ему еще требовалось; давала ему воду и маковое молоко, когда у него хватало сил пить; прислушивалась к редким

вымученным словам, которые он выдыхал время от времени; читала ему, когда он утихал; засыпала в кресле рядом с ним. Сир Барристан просил виночерпиев королевы помочь, но зрелище сожженного человека было слишком даже для самых смелых из них. И Голубые Грации не пришли, несмотря на то, что он посылал за ними четыре раза. Возможно, последнюю из них уже унесла бледная кобыла.

Маленькая переписчица с Наата подняла голову при его приближении.

— Почтенный сир. Принцу уже не больно. Дорнийские боги забрали его домой. Видите? Он улыбается.

Откуда ты знаешь? У него больше нет губ . Лучше бы драконы сожрали его, по крайней мере, так милосерднее и быстрее. А это... Огонь — отвратительный способ умереть . Неудивительно, что половина адов создана из пламени .

— Накрой его.

Миссандея натянула покрывало на лицо принца.

— Что с ним сделают, сир? Он так далеко от дома.

— Я позабочусь, чтобы он вернулся в Дорн.

Но как? В виде непла? Тогда потребовалось бы еще больше огня, чего сир Барристан не мог вынести. Мы должны очистить его кости от

плоти. С помощью жуков, а не кипячения . У него дома за этим проследили бы молчаливые сестры, но здесь — Залив Работоторговцев. Ближайшая молчаливая сестра находится в десяти тысячах лиг отсюда.

— Ступай спать, дитя. В свою собственную постель.

— Если ваша слуга не слишком дерзка, сир, вам следует сделать то же самое. Вы не спали всю ночь.

Не спал в течение многих лет. Со времен Трезубца. Великий мейстер Пицель однажды сказал ему, что старикам не нужно спать так долго, как молодым, но правда была в другом. Он достиг такого возраста,

когда ему уже не хотелось закрывать глаза просто из страха, что они больше не откроются. Возможно, другие люди и желали бы умереть в постели, но подобная смерть не для рыцаря королевской гвардии.

— Ночи слишком длинные, — ответил он Миссандее, — и всегда найдется много разных дел. Здесь, как и в Семи Королевствах. Ты же сделала достаточно, дитя. Иди отдыхай. — *И если боги будут милостивы, тебе не приснятся драконы.*

После ухода девочки старый рыцарь откинул покрывало, чтобы в последний раз взглянуть на лицо Квентина Мартелла, или на то, что

от него осталось. Плоть настолько слезла, что он видел под ней череп, а глазницы заполнял гной. *Ему следовало оставаться в Дорне. Ему следовало оставаться лягушкой. Не все люди созданы для танца с драконами.* Натягивая покрывало на мертвого принца, он поймал себя на мыслях о том, накроет ли кто-нибудь его королеву, или же ее тело будет лежать неоплаканным среди высоких трав Дотракийского моря, слепо уставившись в небо, пока плоть не истлеет на ее костях.

— Нет, — произнес он вслух, — Дейенерис не умерла. Она оседлала дракона, я видел собственными глазами.

Он говорил себе так уже сотни раз прежде... но с каждым днем верить становилось все сложнее. *Ее волосы были в огне. Это я тоже видел. Она горела... и если я сам не видел ее падения, то сотни клянутся, что видели его.*

На город надвигался день. Хотя дождь еще шел, но небо на востоке уже залил рассеянный свет. И вместе с солнцем появился Бритоголовый. Скахаз облачился в свою обычную одежду — черную складчатую юбку, поножи и рельефный нагрудник. Медная маска у него подмышкой была новой — голова волка с вывалившимся языком.

— Итак, — сказал он вместо

приветствия, — дурак мертв, верно?

— Принц Квентин умер незадолго до рассвета, — Селми не удивился, что Скахаз уже знал. Слухи быстро разносятся внутри пирамиды. — Совет собрался?

— Они внизу, ждут, когда десница почтит их своим присутствием.

Я не десница , хотела выкрикнуть какая-то его часть. *Я простой рыцарь, защитник королевы. Я никогда не хотел этого* . Но королева пропала, король закован в цепи — кому-то нужно править, а сир Барристан не доверял Бритоголовому.

— Есть вести от Зеленой

Грации?

— Она еще не возвратилась в город.

Скаказ был против того, чтобы послать жрицу. Да и Галазза Галаре не сама выбрала эту миссию. Она допускала, что могла бы отправиться в путь во имя мира, но, по ее мнению, Хиздар зо Лорак лучше подходил для переговоров с Мудрыми Господами. Однако сир Барристан так просто не отступал, и в конце концов Зеленая Грация склонила голову и поклялась сделать все, что в ее силах.

— Как обстоят дела в городе? — обратился Селми к Бритоголовому.

— Все ворота закрыты и

заперты, как вы и приказали. Мы
выискиваем наемников или
юнкайцев, оставшихся в городе, и
тех, кого удастся схватить —
высылаем либо арестовываем.
Уверен, большинство залегли на дно
— прячутся в пирамидах, само
собой. Безупречные заняли стены и
башни, они готовы к любой атаке.
Две сотни высокорожденных
собрались на площади: стоят под
дождем в своих токарах и вопят об
аудиенции. Они хотят, чтобы Хиздара
освободили, меня казнили, и чтобы
вы убили драконов. Кто-то сказал им,
что у рыцарей это хорошо
получается. Люди все еще выносят
трупы из пирамиды Хазкара.

Великие Господа Йеризан и Ухлез покинули свои собственные пирамиды, оставив их драконам.

Сир Барристан все это знал.

— А итог ночной резни? — спросил он, страшась ответа.

— Двадцать девять.

Двадцать девять? Гораздо хуже, чем он даже мог себе представить. Сыны Гарпии возобновили свою теневую войну два дня назад. Три убийства в первую ночь, девять — во вторую. Но с девяти до двадцати девяти лишь за одну ночь...

— Счет пойдет за тридцать еще до полудня. Почему вы так мрачны, старик? Чего вы ожидали? Гарпия хочет, чтобы Хиздара освободили,

поэтому снова посылает своих сынов на улицы с ножами. Как и прежде, все убитые — вольноотпущенники и бритоголовые. Один даже из моих Медных Бестий. Рядом с телами они оставили знак Гарпии, нарисованный мелом на мостовой или выцарапанный на стене. И еще надписи: «Драконы должны умереть» и «Харгаз — герой». «Смерть Дейенерис» тоже встречались, пока дождь не смыл слова.

— Плата за кровь...

— Двадцать девять сотен золотых слитков с каждой пирамиды, да, — проворчал Скахаз. — Их-то соберут... но потеря золота никогда

не угомонит Гарпию. Ее может остановить только кровь.

— Это вы так говорите. —
Снова он о заложниках . Он бы убил каждого из них, позволь я ему такое .
— Я прекрасно слышал вас и первые сто раз. Нет.

— Десница королевы, — с отвращением проворчал Скахаз. — Я бы сказал: морщинистая и немощная рука старухи. Молюсь, чтобы Дейенерис поскорее к нам вернулась, — он снял с лица медную маску волка. — Ваш совет начнет терять терпение.

— Совет королевы, а не мой, — Селми сменил промокший плащ на сухой, застегнул перевязь с мечом и

последовал за Бритоголовым вниз по лестнице.

Этим утром колонный зал был свободен от просителей. Хоть сир Барристан и принял титул десницы, он не осмеливался сам рассматривать жалобы в отсутствие королевы, как и не позволял этого делать Скахазу мо Кандаку. Нелепые драконьи троны Хидзара убрали по приказу Селми, однако он не возвратил и простую скамью с подушками, которую предпочитала королева. Вместо нее в центре зала установили большой круглый стол, а вокруг него — высокие стулья, где люди могли сидеть и беседовать, как равные.

Все поднялись, когда сир Барристан сошел вниз по мраморным ступеням вместе со Скахазом Бритоголовым. От Воинов Матери присутствовал Марселен, от Свободных Братьев — Симон Полосатая Спина. Стойкие Щиты выбрали нового командующего, чернокожего выходца с Летних Островов по имени Тал Торак — их старого капитана, Молонно Йос Доба, унесла бледная кобыла. От Безупречных был Серый Червь, вместе с тремя евнухами-сержантами в остроконечных бронзовых шлемах. Воронов-Буревестников представляли два опытных наемника — лучник по

имени Джокин и угрюмый, покрытый шрамами топорщик, известный просто как Вдовец. Вдвоем они командовали отрядом в отсутствие Даарио Нахариса. Большая часть кхаласара королевы ушла с Агго и Ракхаро искать ее в Дотракийском море, но от имени оставшихся всадников говорил косоглазый и кривоногий джакка рхан Роммо.

Напротив сира Барристана сидели четыре бывших гвардейца Короля Хиздара, бойцы из ям: Гогор Великан, Белакво Костолом, Камаррон Счетовод и Пятнистый Кот. Несмотря на возражения Скахаза Бритоголового, Селми

настоял на их присутствии. Однажды они помогли Дейенерис Таргариен взять Миэрин, и об этом нельзя забывать. Возможно, они — пропитанные кровью убийцы и звери, но по-своему верные... да, королю Хиздару, но и королеве тоже.

Последним, тяжело шагая, в зал вошел Бельвас-Силач.

Евнух видел лицо смерти настолько близко, что мог бы поцеловать ее в губы. И это оставило на нем свой след. Он выглядел похудевшим на два стоуна; темно-коричневая кожа, раньше туго натянутая на массивной груди и животе, покрытом сотней бледных шрамов, сейчас болталась на нем

свободными складками, свисающими и колеблющимися, как халат, что на три размера больше хозяина. Его походка стала медленнее и казалась несколько неуверенной.

Несмотря на это, его вид порадовал сердце старого рыцаря. Когда-то Селми пересек мир вместе с ним, и знал, что может положиться на Бельваса-Силача, если дело дойдет до мечей.

— Бельвас. Как хорошо, что вы смогли присоединиться к нам!

— Белобородый, — улыбнулся Бельвас. — Где печень и лук? Бельвас-Силач не так силен, как прежде, и ему нужно есть, чтобы снова стать большим. Они сделали

Бельваса-Силача больным. Кто-то должен умереть.

Кто-то умрет. Возможно, даже многие .

— Сядьте, друг мой. — Когда Бельвас сел и скрестил руки на груди, сир Баристан продолжил. — Квентин Мартелл умер сегодня утром перед рассветом.

— Драконий наездник, — засмеялся Вдовец.

— Я бы сказал — «дурак», — отметил Симон Полосатая Спина.

Нет, просто мальчишка. Сир Барристан не забыл глупостей своей молодости.

— Не говорите плохо о мертвых. Принц заплатил ужасную цену за

содеянное.

— А другие дорнийцы? — спросил Тал Тарак.

— В данный момент под стражей. — Ни один из них не оказал сопротивления. Когда Медные Бести нашли Арчибальда Айронвуда, тот прижимал к груди обгоревшее и дымящееся тело своего принца, о чем свидетельствовали его обожженные руки. Ими он сбивал пламя, которое охватило Квентина Мартелла. Геррис Дринкуотер стоял над ними с мечом в руке, но бросил клинок при появлении саранчи. — Они делят одну камеру.

— Пускай лучше разделят одну виселицу, — возразил Симон

Полосатая Спина. — Они выпустили в город двух драконов.

— Откройте ямы и дайте им мечи, — настаивал Пятнистый Кот. — Я убью их обоих, пока миэринцы будут выкрикивать мое имя.

— Бойцовские ямы останутся закрытыми, — ответил Селми. — Кровь и шум только привлекут драконов.

— Возможно, всех трех, — предположил Марселен. — Черная тварь однажды уже прилетела, почему бы ей опять не появиться? На сей раз с нашей королевой.

Или без нее . Сир Барристан не сомневался, что если Дрогог вернется в Миэрин без Дейенерис на

своей спине, город погрузится в кровь и пламя. Даже эти люди, сидящие сейчас за одним столом, вскоре передерутся между собой. Возможно, Дейенерис Таргариен и юная девушка, но она была единственной причиной, удерживавшей их всех вместе.

— Ее Величество вернется в свое время, — отрезал сир Барристан. — Мы согнали тысячу овец в Яму Дазнака, наполнили Яму Гразза быками, а Золотую Яму — зверями, которых Хиздар зо Локак собрал для своих игр. — До сих пор оба дракона предпочитали баранину — возвращались к Яме Дазнака, почувствовав голод. Если кто-нибудь

из них и охотился на людей внутри или за пределами города, сир Барристан пока об этом не слышал. После Харгаза Героя единственными миэринцами, которых убили драконы, оказались работоторговцы, достаточно глупые, чтобы пытаться помешать Рейегалю обосноваться на вершине пирамиды Хазкара. — У нас есть более неотложные вопросы для обсуждения. Я послал Зеленую Грацию к юнкайцам — достичь соглашения об освобождении наших заложников. Я рассчитываю, что она вернется с их ответом к полудню.

— Всего лишь со словами, — заметил Вдовец. — Вороны-Буревестники знают юнкайцев. Их

языки — словно черви: могут выворачиваться в любую сторону. Зеленая Грация вернется с лживыми обещаниями, а не с капитаном.

— Если деснице королевы будет угодно припомнить, Мудрые Господа удерживают и нашего Хиро, — добавил Серый Червь. — А также лошадиного лорда Чхого, кровного всадника самой королевы.

— Кровь от ее крови, — согласился дотракиец Роммо. — Он должен быть освобожден. Этого требует честь кхаласара.

— Он будет освобожден, — заверил сир Барристан, — но прежде мы должны подождать и посмотреть, сможет ли Зеленая Грация

добиться...

Скахаз Бритоголовый ударил кулаком по столу:

— Зеленая Грация *ничего* не добьется. Быть может, пока мы сидим здесь, она сговаривается с юнкайцами. *Соглашения*, говорите? *Достичь соглашения* ? Какого рода *соглашения*?

— О выкупе, — отозвался сир Барристан. — За каждого заложника — его вес золотом.

— Мудрым Господам не нужно наше золото, — ответил Марселен. — Каждый из них богаче любого вашего вестеросского лорда.

— Однако их наемники захотят золота. Что для них наши

заложники? Если юнкайцы откажутся, это приведет к разногласиям между ними и их продажными воинами. — *Во всяком случае, я на это надеюсь* . Такую хитрость предложила ему Миссандея. Сам бы он никогда не додумался до подобного. В Королевской Гавани подкуп являлся прерогативой Мизинца, в то время как задача лорда Вариса состояла в провоцировании разногласий среди врагов короны. Его же обязанности были менее замысловатыми. *Одиннадцатилетняя Миссандея умнее половины мужчин за этим столом и мудрее, чем все они вместе взятые* . — Я поручил Зеленой

Грации огласить наше предложение, только когда командиры всех юнкайских наемников соберутся выслушать его.

— И все равно они откажутся, — настаивал Симон Полосатая Спина. — Скажут, что хотят смерти драконов и возвращения трона Хиздару.

— Молюсь, чтобы вы ошибались. — *И боюсь, что вы правы.*

— Ваши боги далеко, сир Дедушка, — заметил Вдовец. — Не думаю, что они слышат ваши молитвы. А когда юнкайцы пришлют старуху обратно с их полным презрения отказом, что тогда?

— *Огонь и кровь* , — тихо-тихо произнес сир Барристан.

Некоторое время все молчали. Затем Бельвас-Силач хлопнул себя по животу и заявил:

— Это лучше, чем печень и лук.

А Скахаз Бритоголовый пристально посмотрел через прорези на своей волчей маске и сказал:

— Вы нарушите мир короля Хиздара, старик?

— Я разрушу его. — Однажды, давным-давно, принц назвал его Барристаном Смелым. Часть того мальчишки все еще жила внутри него. — Мы установили сигнальную вышку на вершине пирамиды, где раньше стояла Гарпия. Внутри —

сухая древесина, пропитанная маслом и закрытая от дождя. Если придет час, а я буду молиться, чтобы этого не случилось, мы зажжем его. Огонь будет для вас знаком к выступлению и атаке. Каждому предназначена своя роль, поэтому все должны быть готовы в любое время дня и ночи. Мы уничтожим наших врагов или будем уничтожены сами. — Он поднял руку, подзывая своих оруженосцев. — Я подготовил несколько карт, чтобы показать расположение наших врагов: их лагеря, осадные линии и требушеты. Если мы сокрушим работорговцев, наемники покинут их. Я знаю, что у вас будут вопросы и сомнения.

Озвучьте их здесь. К моменту, когда мы покинем этот стол, у нас должны быть единая цель и единый план.

— Тогда было бы неплохо послать за едой и напитками, — предложил Симон Полосатая Спина. — Обсуждение займет некоторое время.

Совещание заняло все оставшееся утро и большую часть дня. Капитаны и командиры спорили над картами, как рыбацки над ведром крабов. Слабые и сильные места, где лучше расположить их немногих лучников, использовать ли слонов для прорыва через юнкайцев или оставить их в резерве, кому отдать честь возглавить первое

наступление, развернуть кавалерию на флангах или в авангарде.

Сир Барристан позволил каждому высказать свое мнение. Тал Торак считал, что, прорвав линии противника, им следует идти на Юнкай — Желтый Город будет практически беззащитен, и у юнкайцев не останется иного выбора, кроме как снять осаду и следовать за ними. Пятнистый Кот предложил послать вызов врагу и сразиться с их чемпионом. Бельвасу-Силачу понравилась эта идея, но евнух настаивал, что сражаться должен именно он, а не Кот. Камаррон Счетовод посоветовал захватить суда, стоящие вдоль

побережья, и использовать Скахазадхан, чтобы доставить триста бойцов из ям в тыл юнкайцам. Все согласились, что Безупречные — их лучшие солдаты, но спорили о том, где их разместить. Вдовец хотел использовать евнухов как железный кулак, чтобы пробить центр обороны юнкайцев. По мнению Марселена, их стоило расположить по обеим сторонам линии наступления, где они бы могли отразить любую попытку противника обойти их с флангов. Симон Полосатая Спина хотел разделить их на части между тремя отрядами вольноотпущенников. Его Свободные Братья храбры и рвутся в бой,

утверждал он, но опасался, что без поддержки Безупречных у его новобранцев не хватит дисциплины выстоять против закаленных в боях наемников. Серый Червь сказал лишь, что Безупречные будут повиноваться любым приказам.

А когда все было обсуждено, оговорено и решено, Симон Полосатая Спина задал последний вопрос:

— Будучи рабом в Юнкае, я помогал своему хозяину заключать сделки с вольными отрядами и следил за выплатами их вознаграждения. Я знаю наемников, и я знаю, что Юнкай не сможет предложить им достаточно золота

для вступления в бой с пламенем дракона. Поэтому я спрашиваю... если перемирие будет нарушено, и начнется битва, прилетят ли драконы? Присоединятся ли они к сражению?

Они появятся , мог бы сказать сир Барристан. Их приведут шум, крики, вопли и запах крови. Это привлечет их на поле боя, так же, как рев из Ямы Дазнака привлек Дрогона к алым пескам. Но когда они придут, станут ли они различать противников? Почему-то он так не думал. И произнес лишь:

— Драконы сделают то, что сделают. Если они прилетят, возможно, только одной их тени

будет достаточно, чтобы
работоторговцы испугались и
обратились в бегство.

Затем он поблагодарил всех и
отпустил совет.

Серый Червь задержался после
того, как остальные ушли.

— Ваши слуги будут готовы,
едва загорится сигнальный огонь. Но
десница должен понимать, что как
только мы начнем атаку, юнкайцы
убьют заложников.

— Я сделаю все возможное,
чтобы предотвратить это, мой друг. У
меня есть... идея. Но прошу извинить
меня. Давно пора сообщить
дорнийцам о смерти их принца.

Серый Червь склонил голову.

— Ваш слуга повинуется.

Сир Барристан взял с собой в подземелья двух недавно посвященных рыцарей. Горе и чувство вины способны легко свести людей с ума, а Арчибальд Айронвуд и Геррис Дринкуотер оба оказались причастны к гибели своего друга. Однако перед дверью камеры сир Барристан попросил Тума и Рыжего Ягненка подождать снаружи, а сам вошел внутрь сообщить дорнийцам, что агония принца окончилась.

Сиру Арчибальду — здоровенному и лысому — нечего было сказать. Он сидел на краю соломенного тюфяка, уставившись на свои забинтованные льняной тканью

руки. Сир Геррис ударил кулаком по стене.

— Я говорил ему, что это дурацкая затея. Я умолял его вернуться домой. Ваша сучка-королева презирала его, все это видели. Он пересек мир, чтобы предложить ей свою любовь и верность, а она рассмеялась ему в лицо.

— Она никогда не смеялась, — сказал Селми. — Если бы вы были знакомы с ней, вы бы знали это.

— Она отвергла его. Он предложил ей свое сердце, а она швырнула его обратно и ушла трахаться со своим наемником.

— Следите за своим языком,

сир, — сир Барристану не нравился Геррис Дринкуотер, и он не позволил бы поносить Дейенерис. — Смерть принца Квентина — дело его собственных рук. Впрочем, и ваших тоже.

— *Наших* ? В чем же наша вина? Да, Квентин был нам другом. Немного глуповат, можете сказать вы, но ведь все мечтатели — глупцы. Однако в первую очередь, он был нашим принцем. Подчиняться ему — наш долг.

Барристан Селми не мог оспорить эту истину. Большую часть своей собственной жизни он провел, подчиняясь приказам пьяниц и безумцев.

— Он пришел слишком поздно.

— Он предложил ей свое сердце, — повторил сир Геррис.

— Она нуждалась в мечях, а не сердцах.

— Он бы дал ей и копья Дорна.

— Хотел бы я, чтобы дал. —

Никто сильнее Барристана Селми не желал, чтобы Дейенерис оказала благосклонность дорнийскому принцу. — Но он пришел слишком поздно. И это безрассудство... подкупить наемников, спустить на город двух драконов... безумие, и даже хуже того. Предательство.

— Он сделал все это ради любви королевы Дейенерис, — настаивал Геррис Дринкуотер. — Чтобы

доказать, что он достоин ее руки.

Старый рыцарь услышал достаточно.

— Он сделал все это ради ради Дорна. Вы принимаете меня за слабоумного дедулю? Я провел жизнь рядом с королями, королевами и принцами. Солнечное Копье собирается поднять оружие против Железного Трона. Нет, не пытайтесь отрицать это. Доран Мартелл — не тот человек, кто созывает копья без надежды победить. Сюда принца Квентина привел долг. Долг, честь, жажда славы... но никак не любовь. Квентин был здесь из-за драконов, а не из-за Дейенерис.

— Вы не знали его, сир. Он...

— Он мертв, Дринк, — Айронвуд поднялся. — Слова не вернут его. Клетус и Уилл тоже мертвы. Так что закрой свой поганный рот, пока я не заткнул его кулаком. — Здоровяк повернулся к Селми. — Что вы собираетесь делать с нами?

— Скахаз Бритоголовый хочет вас повесить. Вы убили четырех его людей. Четырех людей *королевы*. Двое были вольноотпущенниками, и они следовали за Ее Величеством от самого Астапора.

Айронвуд, казалось, не удивился:

— Бестий, да. Я убил лишь одного, с головой василиска. Остальных прикончили наемники.

Хотя знаю, это не имеет значения.

— Мы защищали Квентина, — добавил Дринкуотер. — Мы...

— *Помолчи* , Дринк. Он знает.
— Здоровяк обратился к сиру Барристану: — Если бы вы собирались нас повесить, то не стали бы приходить сюда и беседовать с нами. Так что у вас другие намерения, верно?

— Да. — *Возможно, он не такой тугодум, каким кажется* . — Мне больше пользы от вас живых, чем от мертвых. Послужите мне, и после я подготовлю корабль, который доставит вас обратно в Дорн, и отдам вам кости принца Квентина, чтобы вы вернули их его лорду-отцу.

— Квентин заявил Оборванному Принцу, что может контролировать их. Он сказал, это у него в крови. В нем текла кровь Таргариенов.

— Кровь дракона.

— Да. Предполагалось, что наемники помогут нам заковать драконов в цепи и отвезти их в порт.

— Оборванец договорился насчет корабля, — продолжил Айронвуд. — Большого, на случай если нам удастся заполучить обоих драконов. А Квент собирался оседлать одного из них, — он посмотрел на свои забинтованные руки. — Но когда мы туда вошли, стало понятно, что у нас ничего не получится. Драконы слишком

одичали. Цепи... обломки
разорванных цепей валялись
повсюду, *больших* цепей, со звеньями
размером с вашу голову, вперемешку
со сломанными и раздробленными
костями. Квент, спасите его Семеро,
выглядел так, будто вот-вот обмарает
штаны. Кагго и Мерис не ослепли,
они тоже это видели. А потом один
из арбалетчиков выстрелил. Может,
они с самого начала собирались
убить драконов, а нас использовали,
только чтобы добраться до них. С
Лоскутом никогда не знаешь
наверняка. В любом случае, как вы
метко подметили, это было глупо.
Арбалетная стрела лишь разозлила
дракона, а настроение у них и так

было не очень. А затем... затем... все стало действительно плохо.

— И Гонимых Ветром как ветром сдуло, — вставил сир Геррис. — Квент кричал, объятый огнем, а они сбежали. Кагго, Красотка Мерис — все, кроме уже мертвых.

— Ох, а чего ты ожидал, Дринк? Кошка убьет мышь, свинья изваляется в грязи, а наемник сбежит, когда он больше всего нужен. За это нельзя винить — такова природа зверей.

— Он прав, — проговорил сир Барристан. — Что принц Квентин пообещал Оборванному Принцу в обмен на его помощь?

Ответа не последовало. Сир

Геррис взглянул на сира Арчибальда. Сир Арчибальд посмотрел на свои руки, на пол, на дверь.

— Пентос, — понял сир Барристан. — Он пообещал Пентос. Скажите это. Ваши слова уже не смогут ни помочь, ни навредить принцу Квентину.

— Да, — угрюмо подтвердил сир Арчибальд. — Пентос. Они подписали бумаги, оба.

Вот он — шанс .

— У нас в подземельях до сих пор сидят Гонимые Ветром. Те ложные дезертиры.

— Я помню, — сказал Айронвуд. — Хангерфорд, Соломенный, вся эта компания.

Некоторые из них были не так уж плохи для наемников. Другие, ну, может быть, им стоило умереть. А что с ними?

— Я собираюсь отправить их к Оборванному Принцу. И вас вместе с ними. Двое среди тысяч — ваше присутствие в Юнкайском лагере пройдет незамеченным. Я хочу, чтобы вы передали мои слова Оборванному Принцу. Скажите ему, что я послал вас, что я обращаюсь от имени королевы. Скажите, он получит свою цену, если доставит наших заложников целыми и невредимыми.

Сир Арчибальд снова скривился:
— Оборванец скорее отдаст нас

Красотке Мерис. Он не согласится.

— Почему нет? Задание довольно простое. — *По сравнению с воровством драконов*. — Однажды я вызволил отца королевы из Синего Дола.

— То было в Вестеросе, — отметил Геррис Дринкуотер. — А здесь Миэрин. И Арч не сможет даже держать меч такими руками.

— Ему и не придется. С вами будут наемники, если я не ошибаюсь в нашем приятеле.

Геррис Дринкуотер взъерошил свою копну выгоревших на солнце волос.

— Позвольте ли вы нам обсудить ваше предложение?

— Нет, — ответил Селми.

— Я это сделаю, — заявил сир Арчибальд, — при условии, что не придется плавать на проклятых лодках. Дринк тоже согласится, — здоровяк ухмыльнулся. — Пока он этого еще не знает, но согласится.

Дело было сделано.

Самая легкая часть, думал Барристан Селми, совершая долгий подъем на вершину пирамиды. Сложную часть он возложил на плечи дорнийцев. Его дедушка пришел бы в ужас. Но дорнийцы были рыцарями, по крайней мере на словах, хотя только Айронвуд показался ему обладателем истинно рыцарского характера. Дринкуотер

же обладал лишь симпатичной мордашкой, бойким языком и отличной прической.

Когда старый рыцарь вернулся в покои королевы на вершине пирамиды, тело принца Квентина уже унесли. Войдя, он застал шестерых юных виночерпиев играющими в какую-то детскую игру — сидя в кругу на полу, они по очереди вращали кинжал. Как только он, качаясь, останавливался, они срезали локон волос у того, на кого указывало лезвие. Будучи еще мальчиком, сир Барристан играл в похожую игру со своими двоюродными братьями и сестрами в Колосьях... хотя в Вестеросе, как он

помнил, игра также включала поцелуи.

— Бхаказ, — позвал он. — Чашу вина, будь добр. Гразар, Аззак, дверь на вас. Я ожидаю Зеленую Грацию. Приведите ее, как только она прибудет. По другим поводам меня не беспокоить.

Аззак вскочил на ноги:

— Как прикажете, лорд-десница.

Сир Барристан вышел на террасу. Дождь закончился, но стена синевато-серых облаков все же скрывала садившееся за Заливом Работорговцев солнце. Несколько струек дыма по-прежнему поднимались с почерневших камней

Хаздара, кружась на ветру, словно ленты. Где-то на востоке, за городскими стенами, он видел бледные крылья, движущиеся над отдаленной грядой холмов. *Визерион*. Охотится или же летает просто так. Он задался вопросом, где сейчас Рейегаль. Пока зеленый дракон показал себя более опасным, чем белый.

Бхаказ принес вино. Старый рыцарь сделал большой глоток и отправил мальчика за водой. Несколько чаш вина, возможно, помогут ему заснуть, но он должен сохранить ясность мысли к моменту, когда Галазза Галаре вернется от их противника. Поэтому он пил сильно

разбавленное водой вино, пока вокруг него темнел мир. Он очень устал и был полон сомнений. Дорнийцы, Хиздар, Резнак, атака... правильно ли он поступал? Делал ли он то, чего хотела бы Дейенерис? *Я не создан для подобного* . И до него рыцари Королевской Гвардии становились десницами. Не многие, но такие бывали. Он читал о них в Белой Книге. А сейчас задумался, чувствовали ли они себя такими же растерянными и сбитыми с толку, как и он сам.

— Лорд-десница, — Гразар стоял у двери с тонкой свечкой в руках, — прибыла Зеленая Грация. Вы приказывали доложить.

— Пригласи ее. И зажги несколько свечей.

Галаззу Галаре сопровождали четыре Розовые Грации. Казалось, ее окружает аура мудрости и достоинства, что приводило сира Барристана в восхищение. *Сильная женщина, остававшаяся верным другом Дейенерис.*

— Лорд-десница, — произнесла Зеленая Грация. Ее лицо скрывала мерцающая зеленая вуаль. — Вы позволите присесть? Мои старые кости так устали.

— Гразар, стул для Зеленой Грации. — Позади нее выстроились Розовые Грации, опустив глаза и скрестив перед собой руки. — Могу

ли я предложить вам освежиться? — спросил Селми.

— Было бы очень кстати, сир Барристан. От разговоров у меня пересохло в горле. Может быть, сок?

— Как пожелаете, — он подозвал Кезмию и велел ей принести жрице кубок лимонного сока, подслащенного медом. Чтобы выпить его, жрице пришлось снять вуаль, и Селми вновь увидел, насколько она стара. *Старше меня лет на двадцать, не менее.*

— Будь королева здесь, я знаю, что она вместе со мной поблагодарила бы вас за все, что вы для нас сделали.

— Ее Великолепие всегда была в

высшей степени любезна, — Галазза Галаре допила сок и снова закрылась вуалью. — Есть ли какие-то вести от нашей милой королевы?

— Пока нет.

— Я буду молиться за нее. Имею смелость спросить, а что насчет короля Хиздара? Будет ли мне дозволено видеть Его Сиятельство?

— В ближайшее время, надеюсь. Уверяю вас, с ним все в порядке.

— Рада слышать. Мудрые Господа Юнкая спрашивали о нем. Думаю, вы не удивитесь, услышав, что они хотят вернуть благородного Хиздара на его законное место.

— Так и случится, если удастся доказать, что он не пытался убить

нашу королеву. А пока что Миэрином будет управлять совет преданных и справедливых. В этом совете есть место и для вас. Я знаю, вы можете многому научить нас, Великодушная. Нам нужна ваша мудрость.

— Я боюсь, вы мне льстите пустыми любезностями, лорд-десница, — ответила Зеленая Грация. — Если вы действительно считаете меня мудрой, прислушайтесь ко мне — выпустите благородного Хиздара и верните ему трон.

— Сделать это может только королева.

Зеленая Грация вздохнула под своей вуалью:

— Мир, над которым мы так упорно трудились, трепещет, как лист на осеннем ветру. Тяжелые времена. Смерть крадется по нашим улицам, восседая на бледной кобыле из треклятого Астапора. Драконы обжили небеса, пируя плотью детей. Сотни бегут на корабли, идущие в Юнкай, Толос, Кварт, в любое убежище, которое примет их. Пирамида Хазкара обрушилась и превратилась в дымящиеся руины, и многие из этого древнего рода лежат под ее почерневшими камнями. Пирамиды Ухлеза и Йеризана стали логовом монстров, а их хозяева — бездомными нищими. Мои люди потеряли всякую надежду и

обратились против самих богов, проводя ночи в пьянстве и блуде.

— И убийствах. Сыны Гарпии прикончили тридцать человек за ночь.

— Мне горестно слышать это. Тем больше причин освободить благородного Хиздара зо Лорака, который однажды остановил убийства.

И как же он добился подобного, если только он сам не Гарпия?

— Ее Величество отдала свою руку Хиздару зо Лораку, сделала его королем и супругом, возродила смертельное искусство, как он просил ее. И в ответ он предложил ей отравленную саранчу.

— В ответ он дал ей мир. Не забывайте об этом, сир, я умоляю. Мир — бесценная жемчужина. Хиздар из Лораков. Он никогда бы не замарал свои руки ядом. Он невиновен.

— Как вы можете быть так уверены? — *Если только сами не знаете отравителя .*

— Боги Гиса поведали мне.

— Мои боги — Семеро, и они хранили молчание по этому поводу. Ваша мудрость, передали ли вы мое предложение?

— Всем лордам и капитанам Юнкая, как вы мне и приказали... но, боюсь, вам не понравится их ответ.

— Они отказали?

— Верно. Мне сказали, что никакое золото не выкупит ваших людей обратно. Их может освободить только кровь драконов.

Именно такой ответ сир Барристан и ожидал, если не сказать, надеялся получить. Его губы сжались.

— Я знаю, это не те слова, которые вы хотели бы услышать, — произнесла Галазза Галаре, — но все же я понимаю Мудрых Господ. Драконы — свирепые звери. Юнкай боится их... и, признайте, не без оснований. В нашей истории говорится о драконьих лордах ужасной Валирии и опустошении, которое они принесли народу

Старого Гиса. Даже ваша молодая королева, прекрасная Дейенерис, которая называет себя Матерью Драконов... мы видели, как она горела в тот день в яме... даже она не защищена от гнева дракона.

— Ее Величество не... она...

— ...мертва. Да даруют ей боги сладкий сон, — под вуалью заблестели слезы. — Пусть умрут и ее драконы.

Селми размышлял над ответом, когда услышал звук тяжелых шагов. Дверь распахнулась настежь, и внутрь ворвался Скахаз мо Кандак с четырьмя Медными Бестиями позади. Гразар попытался преградить ему путь, но тот оттолкнул

мальчишку в сторону.

Сир Барристан мгновенно
вскочил.

— Что это значит?

— Требушеты, — прорычал
Бритоголовый, — все шесть!

Галазза Галаре встала:

— Так юнкайцы отвечают на
ваши предложения, сир. Я
предупреждала вас, что их ответ вам
не понравится.

*Значит, они выбрали войну. Да
будет так .* Сир Барристан
почувствовал странное облегчение.
Война для него понятна.

— Если они думают, что
разрушат Миэрин, бросая камни...

— Не камни, — голос старой

женщины был полон горя и страха.
— Трупы.

72. ДЕЙЕНЕРИС

Холм был каменным островом посреди моря зелени.

У Дени ушла половина утра, чтобы спуститься с него. Когда она наконец достигла подножия, то уже изрядно запыхалась. Мышцы ныли, ей казалось, что у нее начинается жар. Острые камни в кровь оцарапали руки. *Но сейчас они выглядят лучше, чем раньше,* решила она, скovyрнув лопнувший волдырь. Ее кожа была розовой и нежной, а из треснувших ладоней сочилась бледная молочная жидкость, но ожоги уже заживали.

Отсюда холм выглядел мрачнее. Дени прозвала его Драконьим Камнем — в честь древней крепости, в которой она появилась на свет. У нее не осталось воспоминаний о настоящем Драконьем Камне, но этот она вряд ли скоро забудет. Снизу его склоны покрывала жесткая трава и колючий кустарник, а вершина стремительно и круто пронзала небо зазубренным нагромождением голых скал. Там, в неглубокой пещере среди расколотых валунов, острых, как бритва, гребней и игольчатых вершин, Дрогон устроил себе логово. Впервые увидев тот холм, Дени поняла, что дракон прожил там уже некоторое время — в воздухе

чувствовался запах гари, все камни и деревья вокруг обуглились и почернели, а земля покрылась обожженными и сломанными костями. И все же здесь был его дом.

Дени знала, как это заманчиво — иметь дом.

Два дня назад, взобравшись на вершину скалы, она разглядела воду к югу от холма — тонкую нить, сверкнувшую в лучах заходящего солнца. *Ручей*, решила Дени. Маленький, но он может привести ее к большому потоку, который, в свою очередь, должен впадать в небольшую речку, а все реки в этой части света были подданными Скахазадхана. И как только она

доберется до Скахазадхана, ей останется лишь следовать по его течению до Залива Работорговцев.

Конечно, она предпочла бы вернуться в Миэрин на драконе. Но Дрогон, казалось, этого желания не разделял.

Драконьи лорды Древней Валирии управляли своими драконами с помощью сдерживающих заклинаний и волшебных рогов. Дейенерис сделала это словом и кнутом. Взбираясь на драконью спину, она часто чувствовала, будто заново учится ездить верхом. Когда она хлестала свою Серебрянку по правому боку, кобыла шла налево: для лошади

основной инстинкт — убегать от опасности. Когда же она била кнутом по правому боку Дрогона, он поворачивал направо: основной инстинкт дракона — всегда атаковать. Хотя иногда казалось неважным, куда она его ударила — он летел куда хотел и нес ее с собой. Ни кнут, ни слово не могли заставить Дрогона повернуть, если он этого не желал. Она пришла к выводу, что кнут скорее раздражал его, чем ранил — его чешуя стала тверже рога.

И как бы далеко ни улетал каждый день дракон, с приходом сумерек какой-то инстинкт тянул его обратно к дому, на Драконий Камень. *К его дому, не моему.* Ее дом — в

Миэринe, с мужем и любимым. Несомненно, там было ее место.

Продолжай идти. Если я обернусь — я пропала.

Ее воспоминания шли вместе с ней. Облака, увиденные сверху. Лошади, мчащиеся в траве, маленькие, как муравьи. Серебряная луна, до которой, казалось, можно было дотронуться. Реки, бегущие внизу, ярко-синие, сверкающие на солнце. *Увижу ли я когда-нибудь снова такую красоту?* На спине Дрогона она чувствовала себя *цельной*. В небе горести мира не могли ее коснуться. Как она могла отказаться от этого?

Но время пришло: девочка

может проводить свои дни в играх, но она — взрослая женщина, королева, жена и мать тысяч. Ее дети нуждались в ней. Дрогон покорился кнуту, и ей тоже следует покориться. Она снова должна надеть корону и возвратиться на эбеновую скамью. И в объятия своего благородного супруга.

К холодным поцелуям Хиздара.

Утреннее солнце припекало, а небо было голубым и безоблачным. Это радовало. Одежда Дени превратилась в лохмотья и совсем не грела. Одна из ее сандалий соскользнула с ноги во время того безумного полета из Миэрина, а вторую она оставила наверху, в

пещере Дрогона, предпочтя идти босиком, нежели наполовину обутой. Свой токар и вуаль она сбросила в бойцовой яме, а льняная нижняя туника не подходила для жарких дней и холодных ночей Дотракийского моря. Пот, трава и грязь испачкали ее, и, кроме того, Дени оторвала полосу от подола, чтобы перевязать себе голень. Должно быть, я выгляжу истощенной оборванкой, подумала она, но если дни по-прежнему будут теплыми, то я хотя бы не замерзну.

Ее жизнь в пещере протекала в одиночестве, и большую часть времени она чувствовала боль и голод... но несмотря ни на что, она

была странно счастлива здесь. Немного боли, пустой желудок, озноб по ночам... какая разница, если можно летать? Я бы делала это снова и снова.

Чхику и Ирри, должно быть, ждут ее на вершине пирамиды в Миэрине, сказала она себе. И милая переписчица Миссандея, и все маленькие пажи. Они бы принесли ей еды, и она смогла бы искупаться в бассейне под хурмой. Было бы приятно снова почувствовать себя чистой. Дени не нуждалась в зеркале, чтобы понимать насколько она грязная.

И голодная. Как-то утром, на полпути к подножию южного склона

она обнаружила немного дикого лука, а чуть позже в тот же день — овощ с красноватыми листьями, который, скорее всего, являлся какой-то необычной разновидностью капусты. Чем бы он ни был, плохо ей от него не стало. Помимо овощей и пойманной рыбешки в родниковом озерце возле пещеры Дрогона, она старалась выжить, питаясь драконьими объедками, сожженными костями и кусками дымящегося мяса, полуобугленного и полусырого. Но понимала — ей нужно больше. Однажды она пнула босой ногой треснувший овечий череп, послав его в прыгающий полет по краю холма. И глядя, как он катится вниз по

крутому склону к травяному морю, она решила, что должна пойти следом.

Дени быстрым шагом отправилась через высокую траву. Босыми ногами она чувствовала идущее от земли тепло. Трава выросла с ее собственный рост. *Она не казалась такой высокой, когда я скакала верхом на Серебрянке, рядом с моим солнцем и звездами во главе его кхаласара.* Дени шла, постукивая по бедру кнутом управляющего бойцовской ямы. Кнут и лохмотья на теле — вот и все, с чем она осталась после Миэрина.

Хотя она шла по зеленому королевству, это была не летняя

насыщенная зелень. Даже здесь чувствовалась осень, а вскоре за ней последует зима. Трава казалась бледнее, чем она помнила, тусклого зеленого цвета, почти желтого. Потом она станет бурой. Трава умирала.

Этот огромный океан травы, именуемый Дотракийским морем и простиравшийся от леса Квохора до Матери Гор и Чрева Мира, не был чужим для Дейенерис Таргариен. Она впервые увидела его, будучи еще девочкой, новобрачной кхала Дрого, по пути в Вейес Дотрак, где готовилась предстать перед старухами дош кхалина. У нее тогда перехватило дыхание — от вида всей

этой травы, раскинувшейся перед ней. *Небо было синим, трава — зеленой, а я сама — полной надежд.* В то время ее еще сопровождал сир Джорах, ее грубоватый старый медведь. Ирри, Чхику и Дорея заботились о ней, ее солнце и звезды обнимал ночью, а внутри нее рос ребенок. *Рейего. Я собиралась назвать его Рейего, а старухи дошкхалина говорили, что он станет жеребцом, который покроет весь мир.* Она не чувствовала себя такой счастливой с тех полузабытых дней в Браавосе, когда жила в доме с красной дверью.

Но в красной пустыне все ее счастье превратилось в пепел. Ее

солнце и звезды упал с коня, мейега Мирри Маз Дуур убила Рейего в ее чреве, а Дени задушила пустую оболочку кхала Дрого своими собственными руками. После этого великий кхаласар Дрого распался. Ко Поно назвал себя кхалом Поно и забрал с собой многих всадников и рабов. Еще больше увел с собой ко Чхако, назвавшийся кхалом Чхако. А Маго, его кровный всадник, изнасиловал и убил Ероих, девушку, которую Дейенерис когда-то спасла от него. Только рождение драконов в огне и дыму погребального костра кхала Дрого спасло Дени от участи быть отправленной в Вейес Дотрак, где она жила бы среди старух дош

кхалина до конца своих дней.

Огонь сжег мои волосы, но в остальном не тронул меня. В Яме Дазнака было так же — это Дени помнила, хотя остальное будто затерялось в тумане. *Люди, очень много людей, кричащих, толкающихся.* Она помнила взвившихся лошадей, опрокинутую телегу с рассыпавшимися дынями. Прилетевшее снизу копье, за которым последовали арбалетные стрелы. Одна прошла так близко, что Дени почувствовала ее прикосновение к своей щеке. Другие скользили по чешуе Дрогона, застревали в ней или пробивали перепонки в его крыльях. Она

помнила извивающегося под ней дракона, содрогавшегося от ударов, пока она отчаянно пыталась удержаться на его чешуйчатой спине. Раны дымились. Дени видела, как одна стрела превратилась во вспышку стремительного пламени. Еще несколько упали, отброшенные ветром поднятым биением крыльев. Внизу она видела мечущихся людей, охваченных пламенем, — они вскидывали руки, словно находясь во власти какого-то безумного танца. Женщина в зеленом токаре схватила плачущего ребенка и закрыла его руками, пытаясь заслонить от огня. Дени отчетливо помнила цвет токара, но не лицо женщины. Люди

наступали на них, упавших на кирпичи и вцепившихся друг в друга. Некоторые горели.

Затем все поблекло: звуки затихали, люди уменьшались, копья и стрелы падали где-то под ними — Дрогон вырвался в небо. Он поднимал ее все выше и выше над пирамидами и ямами, раскинув крылья и ловя теплый воздух, поднимающийся от раскаленных на солнце кирпичей. *Даже если я упаду и умру, все равно полет этого стоит,* подумала она.

Они летели на север, за реку; Дрогон скользил на раненых и изорванных крыльях сквозь облака, похожие на знамена какой-то

призрачной армии. Перед глазами Дени промелькнули берега Залива Работоторговцев и старая валирийская дорога, тянувшаяся вдоль побережья через пески и пустоши и исчезающая на западе. *Дорога домой*. Потом она не видела ничего, кроме колышущейся под ними травы на ветру.

Иногда ей казалось, что тот первый полет произошел тысячу лет назад.

Солнце поднималось и пекло все сильнее. Вскоре в голове у нее загудело. Волосы Дени снова отрастали, но медленно.

— Мне нужна шляпа, — сказала она вслух. На Драконьем Камне она

пыталась смастерить себе одну, сплетая стебли травы: так делали дотракийки во время ее жизни в кхаласаре; но то ли использовала неправильные травы, то ли ей просто не хватало сноровки — ее шляпы разваливались в руках. *Попробуй еще раз*, говорила она себе. *В следующий раз получится лучше. Ты — кровь дракона и сумеешь сделать какую-то шляпу.* Она пыталась и пыталась, но ее последняя попытка оказалась не более успешной, чем первая.

Только после полудня Дени нашла ручей, который видела с холма. Это была струйка, родник, речушка, не шире ее руки... а руки Дени становились все тоньше с

каждым днем, проведенным на Драконьем Камне. Она зачерпнула пригоршню воды и побрызгала себе на лицо. Ее пальцы подняли грязь на дне ручья, когда она опустила туда сложенные чашечкой руки. Дени могла бы пожелать более холодной и чистой воды... но нет, если бы желания исполнялись, она, скорее, пожелала бы спастись.

Она все еще цеплялась за мысль, что кто-нибудь придет за ней. Сир Барристан мог бы отправиться на поиски, ведь он главный в ее королевской гвардии и поклялся защищать ее жизнь ценой собственной. Ее кровные всадники тоже не были чужими в

Дотракийском море, и они связали с ней свои жизни. Ее муж, благородный Хиздар зо Лорак мог послать людей найти его жену. И Даарио... Дени представляла его скачущим к ней через высокую траву, с улыбкой на лице и мерцающим в свете закатного солнца золотым зубом.

Вот только Даарио был выдан юнкайцам в качестве заложника, чтобы гарантировать неприкосновенность юнкайских капитанов. *Даарио и Хиро, Чхого и Гролео, и три родственника Хиздара.* К этому времени, конечно, все ее заложники уже должны быть освобождены. Но...

Она задумалась, висят ли еще клинки капитана на стене у ее кровати, ожидая, когда Даарио вернется и заберет их. «Я оставлю моих девочек с тобой, — сказал он тогда, — сбереги их для меня, любимая». И она задумалась, знают ли юнкайцы о том, что ее капитан значит для нее. Она задала этот вопрос сиру Барристану в тот день, когда заложники отправились в лагерь. «Они услышат сплетни, — ответил он. — Нахарис, возможно, даже хвастался... особым... расположением... к нему Вашего Величества. Если вы простите мне эти слова, скромность не является одной из добродетелей капитана. Он

весьма гордится своим... своим искусством владения мечом».

Он хвастается тем, что спит со мной, вы имеете в виду. Но Даарио не такой дурак, чтобы хвастать подобным среди врагов. Это не имеет значения. Сейчас юнкайцы уже маршируют домой. Вот почему она сделала все то, что сделала. Ради мира.

Она повернулась и посмотрела туда, откуда пришла — на Драконий Камень, возвышавшийся над степью и похожий на сжатый кулак. *Он выглядит таким близким. Я шла несколько часов, а все еще кажется, будто я могу протянуть руку и дотронуться до него. Еще не поздно*

вернуться. В родниковом озерце у пещеры Дрогона водилась рыба. Она ведь поймала одну в первый день, значит, смогла бы поймать и другую. И там будут объедки, обугленные кости с кусочками плоти — остатки добычи Дрогона.

Нет , сказала себе Дени. *Если я оглянусь, я пропала* . Она могла бы годами жить среди высушенных солнцем скал Драконьего Камня, днем летать на Дрогоне, а вечером грызть его объедки, пока огромное травяное море становилось бы из золотого оранжевым, но это не та жизнь, для которой она была рождена. Поэтому она отвернулась от далекого холма и заставила себя не

слышать песню полета и свободы, которую пел ветер, когда играл среди каменных гребней. Ручей струился к югу с юго-востока, насколько она могла определить. Дени пошла вдоль него. *Приведи меня к реке, это все, о чем я тебя прошу. Приведи меня к реке, а остальное я сделаю сама.*

Часы проходили медленно. Ручей изгибался то вправо, то влево, а Дени все шла, постукивая по ноге кнутом в такт ходьбе, стараясь не думать ни о том, как далеко ей придется идти, ни о гуле в голове, ни о пустом желудке. *Один шаг. Другой. Еще один шаг. И еще .* А что ей оставалось?

В ее море было тихо. Когда

налетал ветер, трава вздыхала, и стебли терлись друг о друга, шепчась на языке, понятном только богам. Снова и снова маленький ручей журчал, натыкаясь на камень. Грязь хлюпала у Дени между пальцев. Вокруг гудели насекомые: ленивые стрекозы, блестящие зеленые осы и жалящие мошки, почти невидимые. Она рассеяннo отгоняла их, когда они садились ей на руки. Один раз она встретила крысу, пьющую из ручья, однако та при виде нее поспешила скрыться в высокой траве. Иногда она слышала пение птиц. От этих звуков у нее урчало в желудке, но у нее не было сетей, чтобы поймать их, и до сих пор она не наткнулась ни на

одно гнездо. *Когда-то я мечтала о том, чтобы летать*, подумала она, *а теперь полетала и мечтаю украсть яйца*. Это ее рассмешило.

— Люди безумны, а боги еще больше, — сказала она траве, и трава зашуршала, соглашаясь с ней.

В тот день она трижды видела Дрогона. Первый раз он был так далеко, что казался орлом, исчезая и вновь появляясь из-за далеких облаков, но к тому времени Дени научилась узнавать его, даже если он выглядел пятнышком в небе. Во второй раз он пронесся, раскинув крылья и заслонив собой солнце — и весь мир тогда потемнел. В последний раз он пролетел прямо

над ней, да так близко, что она слышала шум его крыльев. На мгновение Дени решила, что дракон охотится на нее, но он улетел, не обратив на девушку никакого внимания, и исчез где-то на востоке. *Тем лучше*, подумала она.

Вечер почти застал ее врасплох. Когда солнце позолотило далекие пики Драконьего Камня, Дени наткнулась на низкую каменную стену, заросшую и разрушенную. Возможно, она была частью храма или усадьбы какого-то местного лорда. Еще больше развалин лежало за ней — старый колодец и несколько кирпичных кругов в траве, отмечающих места, где когда-то

стояли лачуги. Их построили из глины и соломы, решила она, но за долгие годы ветер и дождь разрушили все до основания. Дени нашла восемь до захода солнца, но их могло быть и больше, скрытых в траве.

Каменная стена сохранилась лучше, чем остальное. Хотя она была и не выше трех футов на всем своем протяжении, угол, где она сходилась с другой стеной пониже, все же предлагал какое-никакое укрытие от стихии и быстро надвигающейся ночи. Дени вжалась в этот угол и соорудила что-то вроде гнезда, пригоршнями вырывая траву, росшую вокруг развалин. Она очень устала, а на обеих ногах появились свежие

волдыри, включая два одинаковых возле мизинцев. *Это из-за моей походки*, подумала она и захихикала.

Когда стемнело, Дени устроилась поудобнее и закрыла глаза, но сон отказывался к ней приходить. Ночь была холодной, земля — твердой, а желудок — пустым. Она думала о Миэрине, о Даарио, ее любимом, о Хиздаре, ее муже, об Ирри и Чхику, о милой Миссандее, сире Барристане, Резнаке и Скахазе Бритоголовом. *Считают ли они меня погибшей? Я улетела на спине дракона. Решат ли они, что он меня съел?* Она задумалась, остался ли Хиздар королем. Он ведь получил корону благодаря ей. Удалось ли ему

удержать власть без нее? Он хотел убить Дрогона. Я слышала. «Убейте его, — кричал он, — убейте это чудовище!», а на лице его читалась похоть. Бельвас-Силач стоял на коленях и трясся, его рвало. Яд. Должно быть, то был яд. Медовая саранча. Хиздар настаивал, чтобы я попробовала, но Бельвас съел ее всю. Она сделала Хиздара королем, впустила к себе в постель, открыла по его просьбе бойцовые ямы, — у него не было никаких причин желать ей смерти. Но кто еще это мог быть? Резнак, ее надушенный сенешаль? Юнкайцы? Сыны Гарпии?

Вдалеке завыл волк. От этого звука ей стало грустно и одиноко, но

голод никуда не делся. Когда над травяными просторами взошла луна, Дени наконец погрузилась в беспокойное забытие.

Она видела сон. Все ее заботы ушли, как и вся ее боль, а сама она взмывала в небо. Она снова летала, кувыркаясь, смеясь и танцуя, а вокруг нее кружились звезды и шептали ей на ушко секреты: «Чтобы попасть на север, ты должна отправиться на юг. Чтобы попасть на запад, должна отправиться на восток. Чтобы продвинуться вперед, надо вернуться назад. Чтобы достичь света, надо пройти через тень».

«Куэйти? — позвала Дени. — Где ты, Куэйти?»

Затем она увидела. *Ее маска соткана из звездного света.*

«Помни, кто ты, Дейенерис, — женским голосом шептали звезды. — Драконы знают. А ты?»

Проснувшись на следующее утро, она почувствовала, как затекло и болит ее покрытое ссадинами тело, а по рукам, ногам и лицу ползают муравьи. Когда она поняла, что это такое, то отшвырнула стебли высохшей бурой травы, служившей ей постелью и одеялом, и с трудом поднялась на ноги. По всему телу были укусы — красные бугорки, зудящие и воспаленные. *Откуда взялись эти муравьи?* Дени стряхнула их с рук, ног и живота,

пробежалась рукой по щетине, выросшей на месте сожженных волос, и обнаружила еще больше муравьев на голове, а один полз сзади по шее. Она сбивала их и топтала босыми ногами. Их было так много...

Оказалось, что муравейник находился по ту сторону стены. Она удивилась, как муравьи ухитрились вскарабкаться наверх и отыскать ее. Для них эти ветхие камни должны быть все равно, что Стена в Вестеросе. *Величайшая стена в мире*, говаривал ее брат Визерис с таким гордым видом, как будто сам ее построил.

Визерис рассказывал ей истории

о рыцарях столь бедных, что им приходилось спать под сенью старых живых изгородей, росших вдоль проселочных дорог Семи Королевств. Дени сейчас бы многое отдала за славную густую изгородь. *И желательно без муравейника.*

Солнце только всходило. В темно-синем небе все еще оставалось несколько ярких звезд. *Возможно, одна из них — кхал Дрого: он скачет на своем огненном жеребце посреди ночных земель и улыбается мне сверху.* Дракониий Камень по-прежнему виднелся посреди степи. Он выглядит таким близким. Должно быть, я в лигах пути от него, но кажется, будто я

могу вернуться туда за час. Ей хотелось снова лечь, закрыть глаза и погрузиться в сон. Нет. Я должна идти. Ручей. Просто следовать за ручьем.

Дени потребовалось некоторое время, чтобы определить направление своего пути. Нельзя было уйти в сторону и потерять ручей.

— Мой друг, — сказала она вслух. — Если буду держаться рядом с моим другом, то не заблужусь.

Она уснула бы возле воды, если бы осмелилась, но ночью к ручью на водопой спускались животные. Она видела их следы. Дени стала бы жалкой добычей для волка или льва,

но даже такая добыча лучше, чем ничего.

Определив где юг, она пошла туда, считая шаги. Ручей появился на восьмом. Дени сложила руки чашечкой и напилась. От этой воды у нее свело живот судорогой, но судорогу легче переносить, чем жажду. Другой воды тут не найти, кроме утренней росы, блестевшей на высокой траве. И никакой еды, разве что она решит есть траву. *Можно попробовать есть муравьев.* Маленькие желтые были слишком мелкие, чтобы обеспечить пропитание, но в траве сновали и красные муравьи, покрупнее.

— Я потерялась в море, —

произнесла она, хромая рядом с извилистым ручейком, — так что, возможно, найду каких-нибудь крабов или хорошую жирную рыбу. — Ее кнут мягко стучал по бедру: хлоп, хлоп, хлоп. Шаг за шагом, и ручей приведет ее к дому.

После полудня она наткнулась на куст, растущий у ручья, его изогнутые ветви были покрыты твёрдыми зелёными ягодами. Дени подозрительно покосилась на них, потом сорвала с ветки одну и надкусила. Ее мякоть оказалась тягучей и терпкой, и оставляла после себя горьковатый привкус, показавшийся Дени знакомым.

— В кхаласаре такие ягоды

использовали как приправу к жареному мясу, — решила она. Сказав это вслух, она почувствовала себя увереннее. В животе заурчало, и Дени вдруг обнаружила себя собирающей ягоды обеими руками и набивающей ими рот.

Час спустя ее живот свело судорогой так сильно, что она не могла идти дальше. Остаток дня она провела, извергая зеленую слизь. *Если я останусь здесь, то умру. Может, я умираю прямо сейчас.* Разведет ли лошадиный бог дотракийцев травяное море и призовет ли ее в свой звездный кхаласар, чтобы она могла скакать по ночным землям с кхалом Дрого? В

Вестеросе мертвых из дома Таргариенов предавали огню, но кто разожжет здесь для нее погребальный костер? *Моя плоть накормит волков и стервятников* , подумала она с грустью, *а черви выроют норы в моем чреве* . Ее глаза вновь обратились к Драконьему Камню. Холм выглядел меньше. Она увидела дым, поднимающийся с иссеченной ветром вершины за много миль от нее. *Дрогон вернулся с охоты.*

Закат застал ее корчащейся и стонущей в траве. Каждое ее испражнение было более жидким, чем предыдущее, и пахло все хуже. Когда показалась луна, из Дени

лилась уже коричневая вода. Чем больше она пила, тем больше выходило наружу, но чем больше выходило, тем сильнее становилась ее жажда, а жажда заставляла ее ползти к ручью и снова пить. Когда Дени наконец закрыла глаза, она уже не была уверена, что ей хватит сил открыть их на следующий день.

Ей приснился ее умерший брат.

Визерис выглядел точно так же, как в последний раз, когда она видела его: губы искривлены в муке, волосы сожжены, а лицо почернело и дымилось — там, где струи расплавленного золота сбегали по его лбу и щекам, и заполнили его глаза.

— Ты мертв, — сказала Дени.

Убит . И хотя его губы не шевелились, она почему-то слышала его голос, шепчущий ей на ухо. *Ты так и не оплакала меня, сестра. Трудно умирать неоплаканным.*

— Я любила тебя когда-то.

Когда-то , повторил он, так горько, что она содрогнулась. *Ты должна была стать моей женой, родить мне детей с серебряными волосами и фиолетовыми глазами, сохранить кровь дракона чистой. Я заботился о тебе. Я объяснил тебе, кто ты есть. Я кормил тебя. Я продал корону нашей матери, чтобы накормить тебя.*

— Ты причинял мне боль. Ты

пугал меня.

*Только когда ты будила дракона.
Я любил тебя.*

— Ты продал меня. Ты предал меня.

*Нет, предательница — ты.
Обернулась против меня, против
собственной крови. А они обманули
меня. Твой лошадиный муж и его
вонючие дикари. Они были
обманищиками и лжецами. Они
пообещали мне золотую корону, а
дали мне это. Он коснулся
расплавленного золота, сползающего
по лицу, и его палец задымился.*

— У тебя могла быть своя корона, — сказала ему Дени. — Мое солнце и звезды добыл бы ее для

тебя, если бы ты только подождал.

Я ждал достаточно долго. Я всю жизнь ждал. Я был их королем, законным королем. А они посмеялись надо мной.

— Тебе следовало оставаться в Пентосе с магистром Иллирио. Кхал Дрого должен был показать меня дошкхалину, но тебе не стоило ехать с нами. Ты сам сделал выбор. Это твоя ошибка.

Хочешь разбудить дракона, ты, глупая маленькая илюха? Кхаласар Дрого был моим. Я купил их у него, сто тысяч крикунов. Я заплатил за них твоей девственностью.

— Ты так ничего и не понял. Дотракийцы не продают и не

покупают. Они дарят и получают подарки. Если бы ты только подождал...

Я ждал. Мою корону, мой трон, тебя. Все эти годы. А все, что я получил — горшок расплавленного золота. Почему они отдали драконьи яйца тебе? Они должны были быть моими. Будь у меня дракон, я бы объяснил миру смысл нашего девиза. Визерис начал смеяться. И смеялся, пока его дымящаяся челюсть не отвалилась от лица, а кровь и расплавленное золото не хлынуло изо рта.

Когда она проснулась, задыхаясь, ее бедра стали скользкими от крови.

Она не сразу поняла, что это. Только начало светать; на ветру мягко покачивалась высокая трава. *Нет, пожалуйста, дайте мне еще немного поспать. Я так устала.* Она попыталась зарыться обратно в кучу травы, которую надергала, ложась спать. Некоторые стебли казались влажными. Снова шел дождь? Дени села, боясь обнаружить, что обмаралась во сне. Она поднесла пальцы к лицу и почувствовала запах крови. *Я умираю?* Затем она увидела тусклый серп луны, плывущий над травой, и поняла, что это всего лишь ее лунная кровь.

Не будь она так слаба и испугана, возможно, почувствовала

бы облегчение. Но вместо этого ее неистово затрясло. Она вытерла пальцы о землю и схватила горсть травы, чтобы вытереть между ног. *Драконы не плачут.* У нее текла кровь, но это просто кровь женщины. *Но ведь на небе полумесяц. Как такое может быть?* Она попробовала вспомнить, когда у нее в последний раз шла кровь. В прошлое полнолуние? Или в предпоследнее? Или еще раньше? *Нет, это не могло быть так давно.*

— Я — кровь дракона, — громко сказала она траве.

Была когда-то, шепотом отозвалась трава, *пока не заковала своих драконов во тьме.*

— Дрогон убил маленькую девочку. Ее звали... ее звали... — Дени не смогла вспомнить имя ребенка. Это настолько расстроило ее, что она бы расплакалась, не будь все ее слезы сожжены. — У меня никогда не будет маленькой девочки. Я была Матерью Драконов.

Да , ответила трава, но ты обернулась против своих детей.

В животе было пусто, ноги покрылись ссадинами и волдырями, и ей казалось, что судороги усиливаются. В кишках словно извивались змеи, кусающие ее изнутри. Она дрожащими руками зачерпнула горсть грязи и воды. К полудню вода станет теплой, но в

рассветной прохладе она была освежающей и помогла ей проснуться. Плеснув себе в лицо, она увидела на бедрах свежую кровь. Изодранная подкладка туники тоже испачкалась. Так много красного напугало ее. *Лунная кровь, всего лишь моя лунная кровь*, но она не помнила, чтобы хоть раз ее было так много. *Может, из-за воды?* Если это вода, она обречена. Ей нужно пить или она умрет от жажды.

— Иди, — приказала себе Дени. — Следуй за ручьем, и он приведет тебя к Скахазадхану. А там тебя найдет Даарио.

Но все ее силы ушли просто на то, чтобы подняться, а после этого

она могла только стоять, дрожа от лихорадки и истекая кровью. Она подняла глаза к пустому синему небу, щурясь от солнца. *Прошла уже половина утра* , потрясенно поняла она. Дени заставила себя сделать шаг, потом другой, а затем вновь пошла вдоль ручейка.

День становился теплее, солнце начало припекать голову и обгорелые остатки ее волос. От подошв ее ног разлетались брызги. Она шла по ручью. Сколько она уже так идет? Мягкая коричневая грязь приятно обволакивала пальцы и успокаивала волдыри. *По воде или по берегу, но я должна идти дальше. Вода течет вниз по склону. Ручей выведет меня к*

реке, а река отведет меня домой.

Только вот это ненастоящий дом.

Миэрин не был ее домом, и никогда не будет. Город чужих людей со странными богами и странными прическами; город работоторговцев, кутающихся в токары с бахромой; город, где благосклонность зарабатывают продажностью, где резня считается искусством, а собака — деликатесом. Миэрин всегда будет городом Гарпии, а Дейенерис не сможет стать ею.

Никогда , прошелестела трава грубоватым голосом Джораха Мормонта. *Вас предупреждали, Ваше Величество. Оставьте этот город в*

покое, говорил я вам. Ваша война в Вестеросе.

Голос звучал не громче шепота, но Дени почему-то казалось, что он идет прямо у нее за спиной. *Мой медведь*, подумала она, *мой милый старый медведь, который любил меня и предал.* Она так скучала по нему, так хотела увидеть его некрасивое лицо, обнять и прижаться к груди, но знала, что стоит ей обернуться, как сир Джорах исчезнет.

— Я сплю, — сказала она. — Сон наяву, сон на ходу. Я одинока и потеряна.

Потеряны из-за того, что задержались там, где вас вообще не должно было быть, пробормотал

сир Джорах мягко, как ветер. *А одиноки потому, что отослали меня.*

— Ты предал меня. Ты шпионил за мной ради золота.

Ради дома. Дом — вот все, что я когда-либо хотел.

— И меня. Ты хотел меня, — Дени видела это в его глазах.

Да, я хотел , грустно прошептала трава.

— Ты поцеловал меня. Я не давала тебе разрешения, но ты это сделал. Ты продал меня моим врагам, но, целуя меня, ты был искренним.

Я дал вам хороший совет. Я говорил вам сохранить свои копья и мечи для Семи Королевств. Я говорил вам оставить Миэрин

миэринцам и двигаться на запад. А вы не послушали.

— Я должна была захватить Миэрин или посмотреть, как мои дети умирают от голода во время перехода, — Дени все еще видела вереницу трупов, которые оставила позади, пересекая красную пустыню. Не то зрелище, которое она хотела бы увидеть снова. — Я должна была захватить Миэрин, чтобы накормить свой народ.

Вы захватили Миэрин, сказал он ей, и все же задержались.

— Чтобы стать королевой.

Вы и так королева, произнес ее медведь. В Вестеросе.

— Это такой долгий путь, —

пожаловалась она. — А я тогда устала, Джорах. Устала от войны. Я хотела отдыхать, смеяться, сажать деревья и смотреть, как они растут. Я всего лишь юная девушка.

Нет. Вы — кровь дракона. Шепот слабел, как будто сир Джорах отставал. Драконы не сажают деревьев. Помните об этом. Помните, кто вы есть, и для чего вас создали. Помните свой девиз.

— Огонь и кровь, — ответила Дейенерис колышущейся траве.

Камень провернулся у нее под ногой. Она упала на одно колено и вскрикнула от боли, надеясь, что каким-то чудом ее медведь поможет ей подняться. Но когда Дени

повернула голову, пытаясь отыскать его взглядом, все, что она увидела — текущую тонкой струйкой бурую воду... и едва заметное колыхание травы. *Ветер* , сказала она себе, *это ветер шевелит стебли и заставляет их качаться* . Вот только ветра не было. Солнце стояло прямо над головой, а весь мир, казалось, раскалился и замер. В воздухе висело облако мошкары, да над ручьем парила стрекоза, стрелой перелетая с места на место. И слегка двигалась трава, не имея никакой причины для движения.

Она нащупала в воде камень размером с кулак и вытащила его из грязи. Жалкое оружие, но лучше так,

чем с пустыми руками. Краем глаза Дени заметила, что трава справа от нее вновь зашевелилась. Трава качалась и низко пригибалась, словно перед королем, но король перед ней не появился. Мир был зеленым и пустым. Мир был зеленым и безмолвным. Мир был желтым и умирающим. *Мне нужно встать, подумала она. Я должна идти. Я должна следовать за ручьем.*

Вдруг из травы до нее долетел мягкий серебристый звон.

Колокольчики, поняла Дени и улыбнулась, вспоминая кхала Дрого, ее солнце и звезды, и колокольчики, которые он заплетал себе в волосы. Когда солнце встанет на западе и

опустится на востоке, когда высохнут моря, и ветер унесет горы, как листья. Когда чрево мое вновь зачнет, и я рожу живое дитя. Тогда кхал Дрого вернется.

Но ничего из этого не произошло. *Колокольчики* , снова подумала Дени. Кровные всадники нашли ее.

— Агго, — прошептала она, — Чхого, Ракхаро. — Может, Даарио пришел с ними?

Зеленое море расступилось. Появился всадник. Его черная коса блестела, кожа казалась темной, как полированная медь, а глаза — как миндаль. В его волосах пели колокольчики. На нем был пояс с

медальонами и пестрый жилет, на одном боку висел аракх, на другом — плеть. К седлу он привязал охотничий лук и колчан со стрелами.

Всадник, и он один. Разведчик.

Из тех, что скачут впереди кхаласара в поисках добычи и густой зеленой травы, и разнюхивают, не укрылись ли где враги. Если бы он ее здесь обнаружил, то убил, изнасиловал или захватил бы ее в рабство. В лучшем случае, отослал бы к старухам дош кхалина, куда отправлялись все послушные кхалиси после смерти своего кхала.

Но он ее не заметил. Трава укрыла девушку, а он смотрел в другую сторону. Дени проследила за

его взглядом, и заметила летящую тень с широко расправленными крыльями. Дракон находился на расстоянии целой мили от них, но разведчик замер как вкопанный, пока его конь не начал испуганно ржать. Тогда он будто очнулся ото сна, развернул коня и галопом поскакал прочь по высокой траве.

Дени смотрела, как он удалялся. Звуки копыт постепенно исчезли, и в наступившей тишине она начала кричать. Она звала, пока не охрипла... и Дрогон прилетел, выпуская клубы дыма. Трава склонилась перед ним. Дени взобралась ему на спину. От нее разило кровью, потом и страхом, но

все это не имело значения.

— Чтобы продвинуться вперед, нужно вернуться назад, — произнесла она.

Дени покрепче обхватила голыми ногами шею дракона, ударила его пяткой, и Дрогон взмыл в небо. Она потеряла свой кнут, поэтому направляла его руками и ногами, развернув на северо-восток, в ту сторону, куда ускакал разведчик. Дрогон с готовностью подчинялся: возможно, он учуял исходящий от всадника запах страха.

Несколько мгновений спустя они уже пролетали над дотракийцем, скачущим галопом далеко внизу. Слева и справа Дени заметила

сожженные участки травы. *Дрогон* уже пролетал над этими местами, догадалась она. По зеленому морю были рассыпаны цепочки серых островков, отмечающих его охотничий путь.

Под ними появился большой табун лошадей. И всадники, десятка два или больше, но при виде дракона они тут же развернулись и поскакали в другую сторону. Когда на табун опустилась тень, лошади бешеным галопом бросились врассыпную, они мчались, взрыхляя копытами землю, их бока становились белыми от пены... но как бы стремительно они ни бежали, летать они не умели. Вскоре одна лошадь начала

отставать. Дракон с ревом ринулся вниз, и в один миг бедное животное занялось пламенем, но все же продолжало бежать, пронзительно крича, пока Дрогон не опустился на него и не сломал ему хребет. Дени пришлось изо всех сил вцепиться в шею дракона, чтобы не соскользнуть.

Туша была слишком тяжела, отнести ее в логово Дрогон не мог и потому пожирал добычу прямо на месте. Он разрывал обугленное мясо, а вокруг горела трава, поднимались густые клубы дыма и пахло жженным конским волосом. Изголодавшаяся Дени слезла со спины дракона и принялась есть вместе с ним, отрывая куски

дымящегося мяса от убитой лошади голыми обожженными руками. В Миэрине я была королевой в шелках, лакомилась фаршированными финиками и бараниной в меду, вспомнила она. Что бы обо мне подумал мой благородный супруг, увидев меня такой? Несомненно, Хиздар пришел бы в ужас. А Даарио...

Даарио бы рассмеялся, отрезал себе ломоть конины своим аракхом, и опустился бы на корточки рядом с ней.

Когда небо на западе стало напоминать цветом кровоподтек, она услышала приближающихся лошадей. Дени поднялась, вытерла руки об

изодранную в клочья тунику и встала рядом со своим драконом.

В таком виде она и предстала перед кхалом Чхако, когда полсотни его вооруженных всадников возникли из расстилающегося вокруг дыма.

73. ЭПИЛОГ

— Я не предатель, — заявил рыцарь Грифоньего Насеста. — Я человек короля Томмена, и ваш.

Его слова сопровождал непрерывный капающий звук — снег на плаще рыцаря таял, и на пол натекла лужа. В Королевской Гавани снегопад продолжался почти всю ночь, и сугробы выросли уже по щиколотку.

Сир Киван Ланнистер поплотнее закутался в плащ:

— Это вы так говорите, сир. Но слова — ветер.

— Тогда позвольте мне доказать

правдивость моих слов мечом, — из-за света факелов казалось, что длинные рыжие волосы и борода Роннета Коннингтона пылали. — Отправьте меня против моего дяди, и я принесу вам его голову, вместе с головой его фальшивого дракона.

Вдоль западной стены тронного зала выстроились копейщики Ланнистеров в алых плащах и украшенных львами полушлемах. Напротив них у противоположной стены в зеленых плащах стояли стражники Тиреллов. Холод в тронном зале был почти осязаем. Хотя ни королева Серсея, ни королева Маргери не находились в зале, их присутствие ощущалось —

оно отравляло воздух, словно призраки на пиру.

Позади стола, за которым сидели пять членов королевского Малого Совета, будто огромный черный зверь притаился Железный Трон — его шипы, когти и лезвия частично скрывала тень. Киван Ланнистер чувствовал его за спиной, как зуд между лопатками. Легко можно было представить старого короля Эйериса, сидящего на нем с кровоточащим свежим порезом и сердито глядящего вниз. Но сегодня трон оставался пустым. Киван не видел надобности в присутствии Томмена. Пусть лучше мальчик побудет с матерью. Только Семеро

знали, как долго мать и сын смогут еще пробыть вместе до суда над Серсеей... и ее возможной казни.

Говорил Мейс Тирелл:

— Придет время, и мы разберемся с вашим дядей и его фальшивым мальчишкой, — новый десница короля восседал на дубовом троне в форме руки — движимый нелепым тщеславием, его светлость повелел изготовить трон в тот же день, когда сир Киван согласился назначить его на желанную должность.

— Вы останетесь здесь, пока мы не будем готовы выступить. Тогда вы получите шанс доказать свою преданность.

Сир Киван не стал с этим спорить.

— Проводите сира Роннета назад в его покои, — сказал он. *И проследите, чтобы он их не покидал*. Несмотря на его громкие заверения, рыцарь Грифоньего Насеста оставался под подозрением. По общему мнению, наемники, высадившиеся на юге, находились под командованием одного из его родственников.

Когда эхо шагов Коннингтона стихло, великий мейстер Пицель тяжело покачал головой:

— Однажды его дядя стоял там же, где сегодня стоял мальчишка, и рассказывал королю Эйерису, что

доставит ему голову Роберта Баратеона.

Вот каково дожить до возраста Пицеля. Все, что видишь или слышишь, напоминает тебе о чем-то, что ты видел или слышал, когда был молод.

— Сколько конных латников прибыло в город с сиром Роннетом? — спросил сир Киван.

— Двадцать, — ответил лорд Рендилл Тарли, — и большинство из них раньше сопровождали Грегора Клигана. Ваш племянник Джейме передал их Коннингтону. Готов поспорить — чтобы избавиться от них. Они и дня не пробыли в Девичьем Пруд, как один кого-то

убил, а другого обвинили в изнасиловании. Мне пришлось приказать повесить первого и кастрировать второго. Будь моя воля, я бы их всех отправил в Ночной Дозор, и Коннингтона вместе с ними. Этим отбросам место на Стене.

— Собака похожа на хозяина, — объявил Мейс Тирелл. — Согласен, черные плащи им пойдут. Я не потерплю подобный сброд в городской страже. — К золотым плащам добавилась сотня его собственных людей из Хайгардена, и его светлость собирался сопротивляться любой попытке уравновесить их количество воинами

с Запада.

Сколько бы я ему ни дал, он захочет больше. Киван Ланнистер начинал понимать, почему Серсея прониклась к Тиреллам такой злобой. Но не время было провоцировать открытую ссору. И Рендилл Тарли, и Мейс Тирелл привели свои армии в Королевскую Гавань, в то время как лучшие силы дома Ланнистеров оставались в речных землях и таяли с каждым днем.

— Люди Горы всегда были бойцами, — произнес он примирительным тоном, — а против наемников нам может понадобиться каждый меч. Если это действительно

Золотые Мечи, как настаивают шептуны Квиберна...

— Называйте их, как хотите, — сказал Рендилл Тарли, — они все равно останутся всего лишь проходимцами.

— Возможно, — согласился сир Киван. — Но чем дольше мы не обращаем внимания на этих проходимцев, тем сильнее они становятся. Мы подготовили карту — карту их вторжения. Великий мейстер?

Карта была прекрасна: нарисованная мастером на тончайшем пергаменте и такая огромная, что заняла весь стол.

— Здесь, — указал Пицель

рукой, покрытой старческими пятнами. Там, где рукав его мантии съехал набок, виднелась складка бледной кожи, свисавшей с предплечья. — Здесь и здесь. По всему побережью и на островах. Тарт, Ступени, даже Эстермонт. А теперь мы получаем сообщения, что Коннингтон движется к Штормовому Пределу.

— Если это действительно Джон Коннингтон, — добавил Рендилл Тарли.

— Штормовой Предел, — проворчал лорд Мейс Тирелл. — Он не сможет взять Штормовой Предел. Даже будь он самим Эйегоном Завоевателем. Но даже если и

возьмет, что с того? Сейчас его удерживает Станнис. Пусть замок переходит от одного самозванца к другому, почему мы должны тревожиться? Я снова захвачу его, после того как суд подтвердит невиновность моей дочери.

Интересно, как ты можешь снова захватить его, если никогда раньше не захватывал?

— Я понимаю, милорд, но...

Тирелл не дал ему закончить:

— Обвинения против моей дочери — грязная ложь. Я опять спрашиваю: *почему* мы должны участвовать в этом балагане? Пусть король Томмен объявит мою дочь невиновной, сир, и положим конец

нелепости здесь и сейчас.

Сделаешь так, и слухи будут преследовать Маргери до конца жизни.

— Никто не сомневается в невинности вашей дочери, милорд, — солгал сир Киван, — но Его Святейшество настаивает на суде.

Лорд Рендилл фыркнул:

— Во что же мы превратились, если королям и знатым лордам приходится плясать под чириканье воробьев.

— У нас повсюду враги, лорд Тарли, — напомнил сир Киван. — Станнис на севере, железные люди на западе, наемники на юге. Бросьте вызов верховному септону — и по

сточным канавам Королевской Гавани тоже потечет кровь. Если верующие посчитают, что мы идем против богов, это толкнет их в объятия того или другого потенциального узурпатора.

Мейс Тирелл остался непреклонен:

— Как только Пакстер Редвин очистит моря от железных людей, мои сыновья захватят Щиты. Станниса прикончат снегопады или Болтон. Что касается Коннингтона...

— Если это действительно он, — вставил лорд Рендилл.

— ...что касается Коннингтона, — повторил Тирелл, — какими победами он вообще известен, что

мы должны его бояться? Он мог бы покончить с восстанием Роберта у Каменной Септы — но потерпел неудачу. Так же, как постоянно терпят неудачи Золотые Мечи. Да, некоторые, возможно, поспешат присоединиться к ним. Для королевства будет только лучше, если оно избавится от таких глупцов.

Хотелось бы сиру Кивану разделять его уверенность. Он немного знал Джона Коннингтона — горделивый юноша, самый упрямый из стаи молодых лордов, окружавших принца Рейегара Таргариена и соперничавших за его благосклонность. *Высокомерный, но способный и энергичный.* Именно за

это и за военное мастерство Безумный Король Эйерис назначил его десницей. Бездействие старого лорда Мерривезера позволило восстанию пустить корни и разрастись, и Эйерис искал кого-то молодого и решительного, способного противостоять молодости и решительности Роберта. «Слишком рано, — объявил лорд Тайвин, когда новость о выборе короля достигла Утеса Кастерли. — Коннингтон слишком молод, слишком дерзок, слишком жаждет славы».

Колокольная Битва подтвердила справедливость его слов. Сир Киван ожидал, что после нее у Эйериса не

останется другого выбора, кроме как снова призвать Тайвина... но Безумный Король обратился к лордам Челстеду и Россарту, за что поплатился и жизнью, и короной. *Но все произошло так давно. Если это и впрямь Джон Коннингтон, то он уже другой человек. Старше, жестче, опытнее... опаснее.*

— Возможно, у Коннингтона есть не только Золотые Мечи. Говорят, с ним претендент на трон, из Таргариенов.

— Мальчишка-самозванец, вот кто у него есть, — ответил Рендилл Тарли.

— Может быть. А может, и нет.
— Киван Ланнистер был здесь, в

этом самом зале, когда Тайвин положил к подножию Железного Трона тела детей принца Рейегара, завернутые в алые плащи. В девочке легко узнавалась принцесса Рейенис, но вот мальчик... *вместо лица — кошмарное месиво из костей, мозга и запекшейся крови, да несколько прядей светлых волос. Никто из нас не всматривался. Тайвин сказал, что это принц Эйегон, и мы поверили ему на слово.* — До нас также дошли слухи с востока. Еще Таргариен, и тут происхождение не вызывает ни у кого вопросов. Дейенерис Бурерожденная.

— Такая же безумная, как ее отец, — заявил лорд Мейс Тирелл.

Тот самый отец, которого Хайгарден и дом Тиреллов поддерживали до его печального конца, и даже после.

— Может, она и безумна, — возразил сир Киван, — но когда на запад приносит так много дыма, очевидно, что где-то на востоке пожар.

Великий мейстер Пицель кивнул головой:

— Драконы. Эти же слухи дошли и до Староместа. Их так много, что не считаться с ними уже нельзя. Королева с серебристыми волосами и тремя драконами.

— На краю света, — добавил Мейс Тирелл. — Королева Залива

Работоторговцев, да. Ну и пусть забирает его.

— Здесь я с вами согласен, — сказал сир Киван, — но в жилах девчонки течет кровь Эйегона Завоевателя, и я не думаю, что она довольствуется вечным пребыванием в Миэрине. И если она доберется до наших берегов и объединит силы с лордом Коннингтоном и его принцем, настоящим или нет... Мы должны уничтожить Коннингтона и его претендента на трон *сейчас*, пока Дейенерис Бурерожденная еще не пришла на запад.

Мейс Тирелл скрестил руки:

— Именно этим я и собираюсь заняться, сир. *После* суда.

— Наемники сражаются за деньги, — объявил великий мейстер Пицель. — Имея достаточно денег, мы могли бы убедить Золотых Мечей выдать нам лорда Коннингтона и самозванца.

— О да, будь у нас золото, — согласился сир Харис Свифт. — Увы, милорды, в наших хранилищах в достатке лишь крыс да тараканов. Я снова написал мирийским банкирам. Если они согласятся возместить долг короны браавосцам и, помимо этого, дадут нам новый заем, может, нам не придется поднимать налоги. В противном случае...

— Как известно, магистры Пентоса тоже дают ссуды, —

заметил сир Киван. — Попробуйте и такой вариант. — Вероятность получить помощь от пентошийцев была еще меньше, чем от мирийских менял, но попытаться все равно стоило. Если не удастся найти новый источник денег или убедить Железный Банк повторно выдать ссуду, то у него не останется другого выхода — только выплачивать долги короны золотом Ланнистеров. Он не осмелится прибегнуть к новым налогам, не сейчас, когда Семь Королевств бурлят от восстаний. Половина лордов королевства не отличит взимание налога от тирании, и в мгновение ока переметнется к ближайшему узурпатору, чтобы

сберечь пару медяков. — Если и это не удастся, то, скорее всего, вам придется отправиться в Браавос, чтобы самому вести переговоры с Железным Банком.

Сир Харис пришел в ужас:

— Мне?

— *Вы* же мастер над монетой,
— резко ответил лорд Рендилл.

— Верно, — седой пушок на кончике подбородка Свифта задрожал от ярости. — Но надо ли мне напоминать милорду, что не я создал эту проблему? И не все из нас имели возможность пополнить казну трофеями из Девичьего Пруда или Драконьего Камня.

— Я возмущен вашим намеком,

Свифт, — ошестинился Мейс Тирелл. — На Драконьем Камне не было найдено ничего ценного, уверяю вас. Люди моего сына обыскали каждый дюйм этого сырого мрачного острова и не нашли ни драгоценных камней, ни хоть крупницы золота. Как и никаких следов легендарного тайника с драконьими яйцами.

Киван Ланнистер собственными глазами видел Драконий Камень. Он сильно сомневался, что Лорас Тирелл обыскал каждый дюйм древней твердыни. Ее все-таки возвели валирийцы, а от всего, что они делали, разило магией. Сир Лорас был молод и склонен к скоропалительным выводам юности,

и к тому же серьезно ранен при штурме замка. Но не стоило говорить Тиреллу, что его любимый сын мог ошибаться.

— Будь на Драконьем Камне богатство, его нашел бы Станнис, — заявил он. — Идем дальше, милорды. Как вы, возможно, помните, у нас есть две королевы, которые предстанут перед судом по обвинению в государственной измене. Моя племянница сообщила мне, что избрала испытание поединком. За нее выступит сир Роберт Стронг.

— «Безмолвный Великан», — скривился лорд Рендилл.

— Скажите мне, сир, откуда

взялся этот человек? — спросил Мейс Тирелл. — Почему мы раньше не слышали его имени? Он не разговаривает, он не показывает свое лицо, его никто не видел без доспехов. Можем мы быть уверены, что он вообще рыцарь?

Мы даже не знаем, живой ли он. Меррин Трант уверял, что Стронг не ест и не пьет, а Борос Блаунт пошел еще дальше и сообщил, что ни разу не видел, как тот пользуется уборной. *Зачем ему? Мертвые не срут*. У Кивана Ланнистера были серьезные подозрения относительно того, кем в действительности являлся сир Роберт под своими блистающими белыми доспехами. Подозрения,

которые, несомненно, разделялись Мейсом Тиреллом и Рендиллом Тарли. Однако чье бы лицо ни скрывал шлем Стронга, оно должно пока сохраняться в тайне. Безмолвный Великан оставался единственной надеждой его племянницы. *И будем молиться, что одолеть его действительно так сложно, как кажется.* Но Мейс Тирелл, казалось, не видел ничего, кроме угрозы собственной дочери.

— Его Величество принял сира Роберта в Королевскую Гвардию, — напомнил ему сир Киван, — и Квиберн тоже поручился за этого человека. Как бы то ни было, нам нужно, чтобы сир Роберт выиграл

поединок, милорды. Если мою племянницу признают виновной в изменах, под вопросом окажется законнорожденность ее детей, а если Томмен перестанет быть королем, то и Маргери больше не будет королевой, — он дал Тиреллу возможность переварить сказанное. — Что бы ни натворила Серсея, она все еще дочь Утеса. Она моей крови, и я не допущу, чтобы ее казнили как изменницу. Но я принял меры, чтобы лишить ее клыков. Ее стража распущена, я заменил всех своими людьми. Вместо фрейлин ей теперь будут прислуживать септа и три послушницы, выбранные верховным септоном. У нее больше не будет

права голоса ни в вопросах управления королевством, ни в вопросах воспитания Томмена. После суда я собираюсь отправить ее обратно в Утес Кастерли и проследить, чтобы она оставалась там. Надеюсь, этого будет достаточно.

Остальное он оставил при себе. Серсея теперь была порченным товаром, ее правление подошло к концу. Каждый попрошайка и поваренок в городе видели ее в минуты позора, каждая уличная девка или кожевник, от Блошиного Конца до Вонючей Канавы таращились на ее наготу, ползая жадными взглядами по ее груди,

животу и промежности. Ни одна королева не смогла бы править после такого. В золоте, шелках и изумрудах Серсея была королевой, почти божеством, но голая она стала всего лишь человеком, стареющей женщиной с растяжками на животе и начавшими обвисать грудями... на что с радостью обратили внимание своих мужей и любовников мегеры из толпы. *Лучше жить с позором, чем умереть с достоинством*, сказал себе сир Киван.

— Больше проблем с моей племянницей не будет, — пообещал он Мейсу Тиреллу. — Даю слово, милорд.

Тирелл неохотно кивнул:

— Как скажете. Моя Маргери предпочитает суд святой веры, чтобы все королевство смогло стать свидетелем ее невиновности.

Если твоя дочь и в самом деле так невинна, как ты нас уверяешь, то почему же с тобой должна быть целая армия, когда она предстанет перед обвинителями? мог бы спросить сир Киван.

— Надеюсь, это произойдет скоро, — произнес он вслух и повернулся к великому мейстеру Пицелю. — Осталось еще что-нибудь?

Великий Мейстер заглянул в бумаги:

— Есть еще дело о

наследовании Росби. Шесть наследников заявили свои права...

— Мы можем рассмотреть дело Росби позже. Что-то еще?

— Приготовления к прибытию принцессы Мирцеллы.

— Вот что получается, если иметь дело с дорнийцами, — сказал Мейс Тирелл. — Уверен, что девочке можно подобрать более удачную партию.

Например, твоего сына Вилласа? Она изуродована одним дорнийцем, он искалечен другим.

— Несомненно, — ответил сир Киван, — но у нас полно врагов и без оскорбленных дорнийцев. Если бы Доран Мартелл решил объединить

свои силы с Коннингтоном и поддержать его фальшивого дракона, наше положение стало бы совсем бедственным.

— Может быть, мы сумеем убедить наших дорнийских друзей заняться лордом Коннингтоном? — предложил сир Харис Свифт, раздражающе хихикая. — Это избавило бы нас от проблем и кровопролития.

— Избавило бы, — устало согласился сир Киван. Пора заканчивать. — Благодарю вас, милорды. Предлагаю в следующий раз собраться через пять дней. После суда над Серсеей.

— Как скажете. И пусть Воин

даст сил сиру Роберту, — Мейс Тирелл произнес слова неохотно, а вместо поклона лорду-регенту лишь слегка кивнул подбородком. Но это было хоть что-то, и сир Киван чувствовал признательность.

Рендилл Тарли покинул зал вместе со своим сеньором, их копейщики в зеленых плащах вышли вслед за ними. *Тарли — вот кто по-настоящему опасен*, раздумывал сир Киван, наблюдая за их уходом. *Недалекий, но с железной волей, практичный, и лучший солдат, каким может похвастаться Простор. Но как же перетянуть его на нашу сторону?*

— Лорд Тирелл меня не любит,

— мрачным тоном заявил великий мейстер Пицель, когда десница вышел. — Это дело с лунным чаем... Я ни за что не стал бы говорить о нем, но мне приказала вдовствующая королева! Если будет угодно лордурегенту, мой сон был бы крепче, если бы вы одолжили мне нескольких ваших гвардейцев.

— Лорд Тирелл может это неверно истолковать.

Сир Харис Свифт подергал себя за бородку:

— Мне тоже нужна охрана. Опасные времена.

Да , подумал Киван Ланнистер, и Пицель — не единственный член Совета, которого наш десница хотел

бы поменять . У Мейса Тирелла был свой кандидат на должность лорда-казначея: его дядя, лорд-сенешаль Хайгардена, которого называли Гарт Тучный. *Меньше всего мне нужен еще один Тирелл в Малом Совете.* Перевес и так оставался не на его стороне. Сир Харис — отец его жены, на Пицеля тоже можно положиться. А вот Тарли принес присягу Хайгардену, как и Пакстер Редвин, лорд-адмирал, мастер над кораблями, в настоящее время ведущий свой флот вокруг Дорна, чтобы разобраться с железными людьми Эуруна Грейджоя. Когда Редвин вернется в Королевскую Гавань, силы в совете окажутся

равными: трое Ланнистеров и трое Тиреллов.

Седьмой голос будет у дорнийки, которая сейчас сопровождает домой Мирцеллу. *Леди Ним. Но совсем не леди, если правдива хотя бы половина отчетов Квиберна.* Незаконнорожденная дочь Красного Змея, обладательница почти такой же дурной славы, как у отца, намеревающаяся предъявить права на место в Совете, которое столь недолго занимал принц Оберин. Сир Киван не был пока готов сообщить Мейсу Тиреллу о ее прибытии. Он знал, что десница будет недоволен. *Кто нам нужен, так это Мизинец. Петир Бейлиш*

*обладал даром наколдовывать
золотых драконов из воздуха.*

— Наймите людей Горы, —
предложил сир Киван. — Рыжему
Роннету они больше не понадобятся.
— Он не думал, что Мейс Тирелл
будет действовать столь топорно, что
попытается убить Пицеля или
Свифта, но если с охраной им будет
спокойнее, пусть у них будет охрана.

Трое мужчин вместе вышли из
тронного зала. Во внутреннем дворе
крутился снег, словно запертый в
клетке зверь, воющий и жаждущий
вырваться на волю.

— Вам когда-нибудь было так
же холодно? — спросил сир Харис.

— Не время рассуждать о

холоде, — ответил великий мейстер Пицель, — когда мы стоим на морозе. — Он медленно пошел через двор к своим покоям.

Оставшиеся двое ненадолго задержались на ступенях тронного зала.

— Я не рассчитываю на мирийских банкиров, — сказал сир Киван тестю. — Лучше начинайте готовиться к поездке в Браавос.

Сира Хариса, похоже, эта перспектива не радовала:

— Если так нужно. Но повторяюсь, не я создал проблему.

— Да. Серсея решила, что выплаты Железному Банку могут подождать. Мне отправить в Браавос

ее?

Сир Харис заморгал:

— Ее Величество... она... она...

Сир Киван пришел ему на помощь:

— Это была шутка. Плохая шутка. Идите, найдите, где погреться у огня. Я собираюсь сделать то же самое, — он натянул перчатки и пошел по двору, сильно наклоняясь против ветра, его плащ хлопал и развевался за спиной.

Пересохший ров вокруг крепости Мейегора уже на три фута покрылся снегом, железные пики, выставленные вдоль него, сверкали от инея. Единственным проходом в крепость Мейегора или из нее был

подвесной мост, перекинутый через ров. На дальнем конце моста всегда нес вахту рыцарь Королевской Гвардии. Сегодня на посту стоял сир Меррин Трант. Бейлон Сванн охотился в Дорне на рыцаря-негодяя Темную Звезду, тяжелораненый Лорас Тирелл оставался на Драконьем Камне, Джейме исчез в речных землях. В Королевской Гавани осталось лишь четверо Белых Мечей, но сир Киван приказал бросить Осмунда Кеттлблэка (и его брата Осфрида) в темницу вскоре после того как Серсея призналась, что они оба были ее любовниками. Теперь юного короля и королевскую семью защищали лишь Трант,

никчемный Борос Блаунт и безмолвное чудовище Квиберна — Роберт Стронг.

Надо будет найти новые мечи для Королевской Гвардии . Рядом с Томменом должны быть семь достойных рыцарей. В прошлом королевские гвардейцы служили до самой смерти, что не помешало Джоффри разжаловать сира Барристана Селми, освобождая место для своего пса, Сандора Клигана. Этим прецедентом мог воспользоваться и Киван. Я мог бы надеть белый плащ на Лансея, подумалось ему. Такая служба почетнее того, что он когда-либо сможет достичь с Сынами Воина.

В своих покоех Киван Ланнистер повесил промокший от снега плащ, стянул сапоги и приказал слуге подбросить свежих дров в огонь.

— Кубок подогретого вина мне бы сейчас не помешал, — сказал он, располагаясь у очага. — Займись этим.

У очага сир Киван быстро оттаял, а горячее вино приятно согрело его изнутри. Но от него клонило в сон, так что он не рискнул выпить еще бокал. День пока был далек от завершения. Его ждали отчеты, которые нужно прочитать, и письма, которые нужно написать. *И ужин с Серсеей и королем.*

Благодарение богам, его племянница стала покорной и смиренной после своего искупительного шествия. Прислуживающие ей послушницы сообщали, что треть дня она проводит с сыном, еще треть — в молитве, а оставшееся время — в ванне. Она принимала ванну по четыре или пять раз в день, скоблила себя щетками из конского волоса и мылась едким щелочным мылом, будто хотела соскрести с себя кожу.

Ей теперь не избавиться от позора, как бы сильно она ни терла. Сир Киван вспомнил, какой она была девчонкой — полной жизни и озорства. А когда расцвела, ах... Существовала ли на свете девица,

столь же приятная для глаз? *Согласись Эйерис женить на ней Рейегара, скольких смертей удалось бы избежать?* Серсея родила бы принцу сыновей, о которых он мечтал, — львов с фиолетовыми глазами и серебристыми гривами... И с такой женой Рейегар, может, и не взглянул бы дважды на Лианну Старк. Насколько Киван помнил, северная девушка отличалась своеобразной дикой красотой, но как бы ярко ни горел факел, ему не затмить восходящее солнце.

Но не стоило размышлять о проигранных битвах и непройденных дорогах. Это порок стариков. Рейегар женился на Элии Дорнийской,

Лианна Старк умерла, Серсею взял в жены Роберт Баратеон, и вот к чему все привело. А сегодня вечером его собственная дорога приведет в покои племянницы, и ему придется встретиться лицом к лицу с Серсеей.

Мне не в чем себя винить , сказал себе сир Киван. *Тайвин бы, несомненно, понял это. Ведь его дочь навлекла позор на наше имя, не я. То, что я сделал, я сделал на благо дома Ланнистеров.*

Как будто его брат никогда не поступал так же. В последние годы жизни, после смерти их матери, отец завел любовницу — смазливую дочь свечника. Овдовевшие лорды нередко брали простолюдинок, чтобы согреть

свою постель... Но вскоре лорд Титос начал сажать эту женщину рядом с собой на приемах, осыпать ее подарками и почестями и даже спрашивать ее мнение по государственным вопросам. Уже через год она увольняла слуг, командовала придворными рыцарями и даже выступала от имени лорда, когда тот бывал нездоров. Ее влияние столь возросло, что начали говорить, будто в Ланниспорте любой, кто хотел, чтобы его прошение услышали, должен был встать перед ней на колени и громко сказать свою просьбу ее лону... потому что уши Титоса Ланнистера находились

между ног его дамы. Она даже начала носить драгоценности их покойной матери.

Так продолжалось до дня, когда сердце их лорда-отца разорвалось в груди во время подъема по крутой лестнице к ней в спальню. Все корыстолюбцы, называвшие себя друзьями и обхаживавшие ее в надежде на благосклонность, исчезли в один миг — после того как Тайвин приказал раздеть ее догола и провести по Ланниспорту к докам, будто обычную шлюху. Хотя женщину никто и пальцем не тронул, это шествие означало конец ее власти. Конечно, Тайвин и предполагать не мог, что такая же судьба ожидала его

собственную золотую дочку.

— Так было нужно, — пробормотал сир Киван, допивая вино. Его Святейшество следовало умиротворить. В предстоящих битвах Томмену понадобится поддержка святой веры. А Серсея... Золотой ребенок превратился в тщеславную, глупую, алчную женщину. Оставьте ее управлять государством, и она погубила бы Томмена так же, как и Джоффри.

За окном начавшийся ветер скребся в ставни покоев. Сир Киван заставил себя подняться. Пора встретиться с львицей в ее логове. *Мы вырвали ей когти. Правда, Джейме...* Но нет, он не будет думать

об этом.

Он надел старый, поношенный дублет, на случай если племянница снова решит швырнуть ему в лицо бокал вина, но перевязь оставил на спинке стула. Только рыцарям Королевской Гвардии разрешалось носить оружие в присутствии Томмена.

Войдя в королевские покои, сир Киван увидел, что вместе с мальчиком-королем и его матерью там находится сир Борос Блаунт в чешуйчатой кольчуге, покрытой эмалью, белом плаще и полушлеме. Выглядел он неважно. В последнее время Борос заметно поправился в талии, лицо его оплыло, а цвет кожи

казался нездоровым. Он опирался спиной на стену, как будто стоять для него было слишком сложной задачей.

Ужин подали три послушницы, чистенькие девочки из хороших семей, в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет. В своих белых шерстяных одеяниях каждая казалась еще невиннее и неискушеннее предыдущей. Тем не менее, верховный септон настоял, чтобы ни одна из девушек не прислуживала королеве более недели, чтобы не дать Серсее возможности развратить их. Они следили за гардеробом королевы, готовили ей ванну, наливали вино, меняли постельное белье по утрам. Каждую ночь одна из

послушниц делила с королевой постель, чтобы убедиться, что никто не составляет той компанию, а две других ночевали в смежной комнате вместе с приглядывавшей за ними септой.

Долговязая, словно аист, девочка со следами оспы на лице проводила его к королевским особам. Когда он вошел, Серсея поднялась и легко поцеловала его в щеку.

— Дорогой дядя, как мило, что ты согласился поужинать с нами. — Королева была одета скромно, как добропорядочная мать семейства — в темно-коричневое платье, застегнутое до горла и зеленую накидку с капюшоном,

прикрывавшим обриту голову. *До своего шествия она бы выставила лысый череп напоказ, надев золотую корону прямо на него.*

— Проходи, присаживайся, — сказала она. — Хочешь вина?

— Да, немного, — он присел, все еще настороженно.

Веснушчатая послушница наполнила их чаши горячим вином с пряностями.

— Томмен говорит мне, что лорд Тирелл собирается заново выстроить башню Десницы, — завела разговор Серсея.

Сир Киван утвердительно кивнул:

— Он говорит, что новая башня

будет в два раза выше той, которую ты сожгла.

Серсея хрипло рассмеялась:

— Длинные копья, высокие башни... лорд Тирелл на что-то намекает?

Это заставило его улыбнуться. *Хорошо, что она еще помнит, как смеяться.* Когда он спросил, получает ли она все, что ей необходимо, королева ответила:

— Мне хорошо прислуживают. Девочки милы, а добрые септы следят за тем, чтобы я молилась. Но когда моя невиновность будет доказана, я бы хотела, чтобы мне вернули Таэну Мерривезер. Она могла бы привезти ко двору своего

сына. Томмену надо общаться с другими мальчиками, друзьями благородного происхождения.

Это была скромная просьба. Сир Киван не видел причин не удовлетворить ее. Он мог бы сам взять на воспитание мальчика Мерривезеров, а леди Таэна отправилась бы на Утес Кастерли вместе с Серсеей.

— Я пошлю за ней после суда,
— пообещал он.

Ужин начался с ячменного супа с говядиной, за ним последовала пара перепелов и жареная щука почти в три фута длиной, а также репа, грибы и вдоволь горячего хлеба со сливочным маслом. Каждое

блюдо, которое подносили королю, сначала пробовал сир Борос. Унизительная обязанность для рыцаря Королевской Гвардии, но, возможно, единственная, на которую Блаунт был нынче способен... и разумная, учитывая то, как погиб брат Томмена.

Давно король не казался Кивану Ланнистеру таким счастливым. Все время, от супа до десерта, Томмен болтал о подвигах своих котят, попутно скармливая им кусочки щуки с королевской тарелки.

— Вчера я видел за окном этого злого кота, — в какой-то момент сообщил он сир Кивану, — но сир Попрыгунчик зашипел на него, и тот

убежал прочь по крышам.

— Злой кот? — переспросил заинтересовавшийся беседой сир Киван. *Какой милый мальчик.*

— Старый черный котяра с порванным ухом, — объяснила Серсея. — Грязная тварь с мерзким характером. Он однажды расцарапал Джоффу руку, — она скривилась. — Я знаю, коты нужны, чтобы изводить крыс, но этот... Говорят, он нападает даже на воронов в воронятне.

— Я распоряжусь, чтобы крысоловы изловили его, — сиру Кивану никогда не доводилось видеть свою племянницу такой тихой, смиренной и сдержанной. Он полагал, что это к лучшему, но

испытывал и некоторую печаль. *В ней потух огонь, который горел так ярко.* — Ты не спросила о брате, — сказал он, пока они ожидали пирожные с кремом, любимое угощение короля.

Серсея подняла голову, ее зеленые глаза засияли в свете свечей.

— Джейме? Есть новости о нем?

— Ни слова. Серсея, возможно, тебе надо готовить себя к...

— Если бы он умер, я бы знала. Мы вместе пришли в этот мир, дядя. Он бы не покинул его без меня. — Она пригубила вино. — А вот Тирион может уйти, когда сочтет нужным. Как я понимаю, о нем тоже

ничего не слышно.

— Нет, в последнее время никто не пытался продать нам голову карлика.

Она кивнула.

— Дядя, можно задать тебе вопрос?

— Какой угодно.

— Твоя жена... планируешь ли ты привезти ее ко двору?

— Нет. — Дорна, кроткая душа, хорошо чувствовала себя лишь дома, в окружении друзей и родных. Она ладила с детьми, мечтала о внуках, молилась по семь раз на дню, любила вышивание и цветы. В Королевской Гавани она будет так же счастлива, как один из котят

Томмена в змеиной яме. — Моя леди-супруга не любит путешествовать. Ее место — в Ланниспорте.

— Мудра женщина, знающая свое место.

Ему не понравилось, как это прозвучало.

— Что ты имеешь в виду?

— Именно то, что сказала, — Серсея протянула чашу, и веснушчатая девушка вновь наполнила ее. Подали пирожные с кремом, и разговор перешел в более непринужденное русло. Только после того, как Борос Блаунт сопровождал Томмена с котятками в королевскую опочивальню, речь зашла о суде над

королевой.

— Братья Осни не будут стоять в стороне и смотреть, как того казнят, — предупредила Серсея.

— Я на это и не рассчитывал, потому и приказал взять обоих под стражу.

Она, похоже, была ошеломлена.

— За какие преступления?

— Блуд с королевой. Как сообщил мне Его Святейшество, ты призналась, что спала с обоими. Ты что, забыла?

Она покраснела:

— Нет. Что ты собираешься с ними делать?

— Отправлю на Стену, если они признают свою вину. Если будут

отрицать, у них есть возможность встретиться с сиром Робертом. Подобных людей не стоит возносить так высоко.

Серсея опустила голову.

— Я... Неверно оценила их.

— Похоже, ты неверно оценила многих.

Он бы сказал и больше, но тут вернулась круглощекая темноволосая послушница:

— Милорд, миледи, прошу прощения за вторжение, но внизу ждет мальчик. Великий мейстер Пицель срочно просит лорда-регента о встрече.

Черные крылья, черные вести,
подумал сир Киван. *Может быть,*

нал Штормовой Предел? Или пришли известия от Болтона с Севера?

— Возможно, это новости о Джейме, — произнесла королева.

Был лишь один способ узнать. Сир Киван поднялся:

— Прошу меня извинить, — перед уходом, он опустился на одно колено и поцеловал руку племянницы. Если безмолвный великан не справится, возможно, это последний поцелуй в ее жизни.

Посланником оказался мальчик лет восьми-девяти; он был так сильно укутан в меха, что выглядел похожим на медвежонка. Трант не пустил его в крепость Мейегора, а заставил ждать на подвесном мосту.

— Иди, поищи, где погреться, парень, — посоветовал сир Киван, вкладывая пенни в его руку. — Я хорошо знаю дорогу к воронятне.

Снегопад наконец-то прекратился. Сквозь пелену разорванных облаков проглядывала полная луна, пухлая и белая, словно ком снега. Звезды сияли холодным далеким светом. Сир Киван шел через внутренний двор, и замок казался ему незнакомым местом: башни отрастили ледяные клыки, а знакомые дорожки скрылись под белым одеялом. Одна сосулька, длинная, как копье, упала и разбилась возле его ног. *Осень в Королевской Гавани*, мрачно подумал

он. *Каково же сейчас на Стене?*

Дверь открыла девочка-служанка, тощее существо в подбитом мехом одеянии, слишком большом для нее. Сир Киван потопал ногами, чтобы сбить снег с сапог, снял плащ и бросил его девочке.

— Великий мейстер ожидает меня, — объявил он.

Девочка кивнула, серьезно и безмолвно, и указала на лестницу.

Покои Пицеля находились под воронятней и представляли собой анфиладу просторных комнат, заставленных шкафами с травами, мазями, настойками; загроможденных полками с книгами и свитками. Сиру Кивану эти

комнаты всегда казались слишком душными. Но не сегодня. Стоило войти в дверь, как холод становился осязаемым. В очаге остались лишь черный пепел и тлеющая зола. Кое-где несколько мерцающих свечей отбрасывали пятна тусклого света.

Остальное было окутано тенями... кроме места под открытым окном, там, где ветер кружил россыпь ледяных кристаллов, переливавшихся в лунном свете. На подоконнике топтался ворон — светлый, огромный, взъерошенный. Самый большой ворон, какого доводилось видеть Кивану Ланнистеру. Больше любого охотничьего сокола Утеса Кастерли,

больше самой огромной совы. Вокруг птицы вился снег, луна окрашивала ее перья в серебристый цвет.

Не серебристый. Белый. Птица белая.

Белые вороны Цитадели не доставляли послания, как их темные родичи. Они вылетали из Староместа лишь с одной целью — возвестить о смене времен года.

— Зима, — произнес сир Киван. Слово повисло в воздухе белым облачком. Он отвернулся от окна.

Вдруг что-то ударило его в грудь между ребрами, сокрушительно, будто кулак великана. У него перехватило дыхание, и он, накрываясь, отступил назад. Белый

ворон взмыл в воздух, задев его голову бледными крыльями. Сир Киван осел на подоконник. *Что... Кто...* Стрела вошла в его грудь почти по самое оперение. *Нет. Нет, так умер мой брат.* Вокруг дровяка появилась кровь.

— Пицель, — пробормотал он в смятении. — Помогите мне... Я...

И тут он увидел. Великий мейстер Пицель сидел за столом, его голова покоилась на огромном фолианте в кожаном переплете. *Спит*, подумал Киван... но потом моргнул и заметил глубокую красную рану на покрытом пятнами черепе старика, а под его головой — лужу крови, обогрившей страницы книги.

Повсюду вокруг свечи виднелись кусочки кости и мозга, словно островки в озере расплавленного воска.

Он просил охрану , подумал сир Киван. *Мне следовало послать к нему стражников* . Неужели Серсея с самого начала была права? Неужели это работа его племянника?

— Тирион? — позвал он. — Где...?

— Далеко отсюда, — ответил смутно знакомый голос.

Он стоял в тени около книжного шкафа, пухлый, с бледным лицом, круглыми плечами, сжимая арбалет в мягких напудренных руках. Его ноги стискивали шелковые туфли.

— Варис?

Евнух опустил арбалет.

— Сир Киван. Простите меня, если сможете. Я не испытываю к вам враждебности. Я поступил так не из злого умысла. Это нужно для королевства. Для детей.

У меня есть дети. У меня есть жена. О, Дорна... Его накрыло болью. Он закрыл глаза, вновь открыл их.

— Здесь... здесь, в замке сотни стражников Ланнистеров.

— Но, к счастью, ни одного в этой комнате. Мне больно так поступать, милорд. Вы не заслуживаете смерти в одиночестве, в такую холодную, темную ночь. Вас

много таких, хороших людей на службе дурных идей... но вы угрожали разрушить то хорошее, что сделала королева: примирить Хайгарден и Утес Кастерли, связать святую веру с вашим маленьким королем, объединить Семь Королевств под властью Томмена. Так что...

Налетел порыв ветра, и сира Кивана бросило в дрожь.

— Вам холодно, милорд? — спросил Варис. — Прошу прощения. Умирая, великий мейстер обделался, и вонь была настолько мерзкой, что я боялся умереть от удушья.

Сир Киван попытался встать, но силы покинули его. Он не чувствовал

НОГ.

— Я решил, что арбалет подойдет. У вас было много общего с лордом Тайвином, почему бы и не это тоже? Ваша племянница решит, что убийство организовали Тиреллы, возможно, при содействии Беса. Тиреллы будут подозревать ее. Кто-нибудь где-нибудь найдет способ обвинить дорнийцев. Сомнения, разобщенность и недоверие уничтожат опору под ногами вашего мальчишки-короля, в то время как Эйегон поднимет свое знамя над Штормовым Пределом, и лорды королевства соберутся вокруг него.

— Эйегон? — сначала Киван не понимал, о ком речь. Потом

вспомнил. Младенец, завернутый в алый плащ, запачканный кровью и мозгами. — Мертв. Он мертв.

— Нет, — казалось, голос евнуха стал более звучным. — Он здесь. Эйегона начали готовить к правлению прежде, чем он научился ходить. Он обучен обращению с оружием, как подобает рыцарю, но это не все, чему его учили. Он умеет читать и писать, он говорит на нескольких языках, ему преподавали историю, законы, поэзию. Септа поведала ему о таинствах святой веры, как только он стал достаточно взрослым, чтобы понять их. Он жил среди рыбаков, он работал руками, плавал в реках, чинил сети и учился

сам стирать свою одежду, если нужно. Он умеет ловить рыбу, готовить и перевязывать раны, он знает, что значит голодать, быть преследуемым, бояться. Томмена учили, что королевский титул — его право. Эйегон знает, что это — его долг, что король должен ставить свой народ превыше всего, жить ради него и править на благо ему.

Киван Ланнистер попытался позвать... стражу, жену, брата... но не мог выговорить ни слова. Из его рта вытекла тонкая струйка крови. Тело сотрясали судороги.

— Простите, — Варис заломил руки. — Я знаю, вы страдаете, а я тут стою и продолжаю болтать, словно

глупая старуха. Пора покончить с этим, — евнух поджал губы и тихо свистнул.

Сир Киван был холоден, как лед, и каждый дававшийся с трудом вздох отзывался болью. Он мельком увидел движение, услышал мягкое шарканье обутых в тапочки ног по каменному полу. Из темноты возник ребенок, бледный мальчик в истрепанной одежде, не старше девяти-десяти лет. Еще один поднялся из-за кресла великого мастера. Девочка, открывавшая дверь, тоже была здесь. Они окружили его — полдюжины детей с бледными лицами и темными глазами, мальчики и девочки.

С кинжалами в руках.